

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

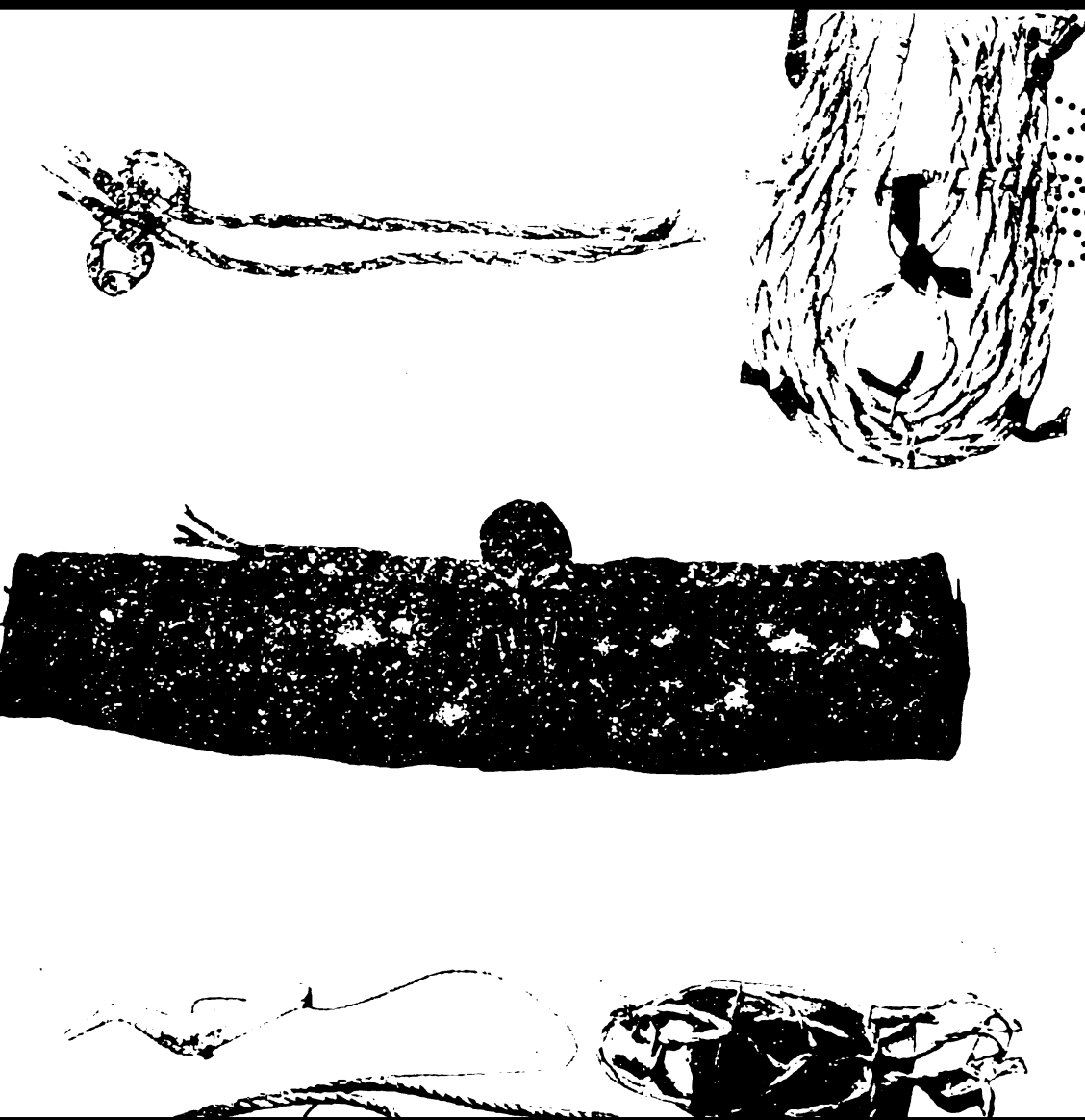
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

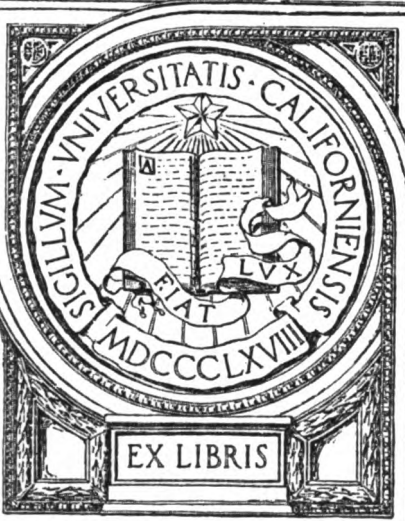

Ezhegodnik Russkago antropologicheskago ...

Imperatorskii santsktpeterburgskii universitet, Russkoe
antropologicheskoe obshchestvo

LIBRARY

EXCHANGE

EX LIBRIS

BE... Y
LI: Y
UNIV. OF
CALIFORNIA

ANTHROPOLOGY LIBRARY

EXCHANGE

EX LIBRIS

ТОМЪ I.

Russkoe ...

1904 г.

*Эжегодникъ Русскаго антропологическаго общества
Императорскаго С.-Петербургскаго университета*

ЕЖЕГОДНИКЪ

Annuaire statistique

РУССКАГО

*1-6-16
1914-16*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

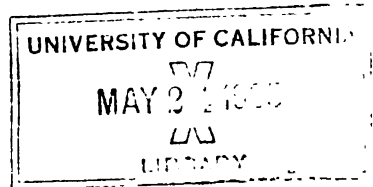
ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

Б. Ф. Адлеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Э. Арнольда, Литейный пр., № 59.

1905.

70
ABU
ABUQULAD

EXCHANGE

Томъ I.

1904 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

St. Petersburg Univ.
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

Б. Ф. Адлеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Э. Аригольда, Литейный пр., № 59.

1905.

GN2
L6
v.1-6

to your
attention

EXCHANGE

Листы 1—16 напечатаны в типографии Акционерного Общества «Слово» (ул. Жуковскаго, 21), остальные—в типографии Э. Аригольда (Литейный просп., № 59).

Содержаніе I тома.

	СТРАН.
Отъ редакціи	I
Значеніе «географическихъ» провинцій въ этногенетическомъ процесѣ. <i>Д. А. Коропчевскій</i>	1—255
Дмитрій Андреевичъ Боропчевскій. (Некрологъ). <i>Д. А. Клеменць</i>	255—258
Научные взгляды Д. А. Коропчевскаго. <i>Н. М. Мозиллинскій</i>	258—270
Къ вопросу о наследованіи и вариации у различныхъ антропологическихъ типовъ. <i>Е. М. Чепурковскій</i>	271— 274
Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей. <i>Проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ</i>	275—288
Культъ внау у племени айну. <i>Л. Я. Штернбергъ</i>	288—308
Фридрихъ Ратцель. (Некрологъ). <i>Б. Ф. Адлеръ</i>	309—312
Головной указатель славянъ, латго-литовцевъ и др. на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ. <i>Д-ръ С. А. Бялинскій-Бирулл.</i>	313—315
Изъ Карпатскихъ долинъ: село Синеводско-Вышне. <i>М. Н. Руссовъ.</i>	316—326
Зырянская и русская свадьба въ Обдорскѣ (Тобольской губ.). <i>М. Ларионова</i>	327—354
Отчетъ Общества	354—357
Списокъ членовъ Общества за 1904 г.	358—362
Отчеты по командировкамъ	363—367
Письма гг. П. Н. Бекетова и В. В. Шкорпилла	267—371
Письма почетныхъ членовъ	371—373
Протоколы засѣданій	374—382

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ засѣданіи Совѣта 12-го марта Русское Антропологическое Общество постановило приступить съ 1904 г. къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ «Ежегодника».

Потребность въ подобномъ органѣ чувствовалась въ Обществѣ давно, и лишь неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ за послѣдніе годы жизни Общества заставляли его отложить исполненіе этого предпріятія до болѣе благоприятнаго момента. Издававшіеся ранѣе и прекратившіе въ 1901 г. свое существованіе «Протоколы» съ сухимъ перечнемъ засѣданій не могли уже удовлетворять потребностямъ Общества, ставящаго себѣ цѣлью *изученіе челоуька въ его жизненныхъ проявленіяхъ на землѣ въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.*

Согласно съ этими задачами, и предлагаемый «Ежегодникъ» не носитъ исключительно характера соматической антропологии. Въ него вошли, какъ работы чисто соматическаго, такъ и этнологическаго и этнографическаго характера, равно и статья по фольклору. Главной работой сборника является магистерская диссертация покойнаго Предсѣдателя Общества приватъ-доцента Спб. Университета Д. А. Коропчевскаго. Начатая покойнымъ работа доведена была до десятаго листа; остальная часть осталась въ рукописи въ первоначальномъ видѣ, въ какомъ Д. А. ее написалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вслѣдствіе этого вторая часть лишена той окончательной отдѣлки и переработки, согласно позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, какую бы имъ, конечно, придалъ Д. А. Этотъ недостатокъ не умаляетъ крупнаго достоинства работы, выпедшей изъ подъ пера челоуька, чутко прислушивавшагося къ научному формированію антропологии въ теченіе 35 лѣтъ и намѣтившаго вѣхи русской научной этнографіи.

Выпуская первый томъ «Ежегодника», Общество надѣется на поддержку и симпатіи своихъ членовъ и всѣхъ интересующихся антропологіей и этнографіей вообще и антропологіей и этнографіей Россіи въ частности. Пожелаемъ изданію успѣха!

Г Л А В А I.

Классификационные термины современной антропологии.

Понятія объ основныхъ систематическихъ дѣленіяхъ человѣчества въ настоящее время проходятъ періодъ кризиса. Понятія эти смѣшались между собой, и каждый антропологъ придаетъ терминамъ, выражающимъ ихъ, то или другое значеніе въ зависимости отъ собственной точки зрѣнія. Этотъ результатъ полторавѣковой систематической работы не можетъ не смущать антропологовъ, но онъ разъясняется намъ исторіей ихъ сложной и многосторонней науки.

Первые шаги научной антропологии совпали съ тѣмъ періодомъ, когда органическій міръ подвергся раздѣленію по системѣ Линнея. Великій авторъ «*Systema naturae*», включившій человѣка въ свою классификацію, смотрѣлъ на установленныя имъ группы съ точки зрѣнія моногениста: его четыре группы, *Americanus*, *Europaeus*, *Asiaticus* и *Afer*—не виды, а разновидности въ естественно-научномъ смыслѣ слова. Моногенистомъ былъ и второй «отецъ антропологии» Блуменбахъ, когда раздѣлялъ человѣчество на кавказскую, монгольскую, эіопскую, американскую и малайскую разновидности, называя ихъ *varietates*. Его знаменитое сочиненіе «*De generis humani varietate nativa*» было посвящено рѣшенію вопроса— состоитъ ли человѣческій родъ изъ видовъ или разновидностей, и онъ высказался въ пользу послѣднихъ, т. е. видового единства человѣчества. Правда, какъ видно уже изъ заглавія его книги, онъ употреблялъ выраженіе «человѣческій родъ», но не придавалъ ему того систематическаго значенія, въ какомъ этотъ терминъ употребляютъ полигенисты. Онъ говорилъ: «незамѣтные отбѣнки, сближающіе между собою человѣческія разновидности, причины и способы вырожденія, сходные съ тѣми, какіе наблюдаются у домаш-

нихъ животныхъ, а также примѣненіе физиологіи и зоологіи къ описанію человѣка, приводятъ къ заключенію, что извѣстныя разновидности человѣка относятся къ одному и тому же виду» (цитир. на Тюрнард «*Elements d'anthropologie générale*», p. 153). Кювье, устанавливая три расы, бѣлую, желтую и черную, оставался на библейской почвѣ, т. е. также принималъ не различное, а общее происхожденіе этихъ расъ. И Причардъ, въ «*De hominum varietatibus*», высказывалъ моногенистическія воззрѣнія и объяснял различія между человѣческими расами вліяніемъ географическихъ условій ихъ мѣстообитанія. Всѣ названные ученые придавали своимъ группамъ или расамъ значеніе разновидностей человѣческаго вида, въ томъ смыслѣ, въ какомъ «разновидность» понималась современными имъ зоологами и ботаниками.

Послѣдующія попытки классификаціи человѣчества, связанныя съ именами Вирея, Бори де С. Венсена и Демулена, принимая во вниманіе неизмѣняемость человѣческихъ расъ съ древне-историческихъ временъ, отказывались допустить единство ихъ происхожденія. Тѣмъ не менѣе, терминъ «раса» продолжалъ держаться въ этихъ классификаціяхъ, превратившись уже въ синонимъ не разновидности, а вида. Въ первой половинѣ XIX столѣтія на сторонѣ моногенизма оставался, однако, рѣшительный перевѣсъ, и «раса» понималась, какъ разновидность въ естественнонаучномъ смыслѣ слова. Впрочемъ, споръ между моногенистами и полигенистами не прекращался, и между тѣмъ, какъ на сторонѣ первыхъ оставались Омалюсъ д'Аллуа и Латамъ, послѣдніе могли выставить такіе авторитеты, какъ Джемсъ Гѣнтъ и Агассисъ.

Съ 1859 г. моногенизмъ получилъ новое подкрѣпленіе въ ученіи Дарвина. Авторъ «*Происхожденія видовъ*» въ этомъ сочиненіи не высказался о видовомъ единствѣ человѣка, но Геккель въ «*Естественной исторіи мірозданія*» и въ «*Антропогеніи*» предусмотрѣлъ такое заключеніе, какъ логически неизбѣжное для эволюціонной теоріи. Въ 1870 г. въ «*Происхожденіи человѣка*» Дарвинъ подтвердилъ это заключеніе и прибавилъ выраженіе увѣренности, что «когда принципы развитія будутъ общепринятыми, какъ этого можно ожидать въ непродолжительномъ времени, споръ между моногенистами и полигенистами найдетъ себѣ молчаливый и пезамѣтный конецъ». Предсказаніе Дарвина, однако, не оправдалось: конецъ спора между моногенистами и полигенистами до сихъ поръ заставляетъ себя ждать. Правда, нѣмецкая школа антропологовъ, въ лицѣ своихъ представителей — Вирхова, Кольмана, Бастіана,

Ранке и др., сочла этотъ вопросъ рѣшеннымъ и окончательно остановилась на видовомъ единствѣ челоувѣчества, но во французской антропологической литературѣ мы еще видимъ раздѣленіе на два лагеря—моногоенистовъ и полигенистовъ.

Представителемъ «классическаго» моногоенизма до самой смерти оставался Катрфажъ, который впродолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ отстаивалъ это ученіе во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ антропологическаго характера, «L'unité de l'espèce humaine» (1861), «Rapports sur les progrès d'anthropologie en France» (1867), «L'espèce humaine» (1876), «Histoire générale des races humaines» (1877). Онъ настойчиво доказывалъ первостепенную научную важность вопроса объ единствѣ или множественности происхожденія извѣстныхъ намъ челоувѣческихъ группъ, важность, сознаваемую, по его наблюденіямъ, далеко не всеми антропологами. По его мнѣнію, пути научнаго изученія челоувѣчества являются существенно различными, смотря по тому—будемъ ли мы считать главнѣйшія группы его видами или разновидностями. Если допустить, что онѣ появились независимо одна отъ другой въ различныхъ географическихъ пунктахъ, если онѣ представляютъ особые виды, — тогда изученіе ихъ не превосходить трудности изученія всѣхъ другихъ видовъ животныхъ и растений: ихъ нужно лишь описать, опредѣлить степень ихъ сродства (affinité) и вліянія на нихъ сосѣднихъ группъ. Иною является задача, когда мы принимаемъ челоувѣчество за одику видъ; тогда различія между его группами обращаются въ различія между разновидностями животныхъ и растений. Въ этомъ случаѣ намъ приходится и распространеніе этихъ группъ по всѣмъ обитаемымъ мѣстностямъ земли, и ихъ приспособленіе сводить къ различнымъ географическимъ условіямъ. При этомъ простое сродство становится уже родствомъ (parenté), и къ вопросамъ объ измѣненіи, переселеніи и акклиматизаціи присоединяется вопросъ о филіаціи («L'espèce humaine», 23). Катрфажъ останавливается и на выясненіи основнаго различія, какое терминъ «раса» имѣетъ въ устахъ моногоениста и полигениста. Признаки челоувѣческихъ расъ для перваго являются признаками разновидностей, а для послѣдняго — признаками видовыми, что въ естественно-научномъ смыслѣ существенно измѣняетъ вопросъ. Кроме того, для полигениста, допускающаго особое происхожденіе челоувѣческихъ расъ, не можетъ быть вопроса ни о древности челоувѣка вообще, ни о мѣстѣ перваго появленія его: эти вопросы должны быть поставлены и разрѣшены отдѣльно для каждой расы. Для

полигениста не имѣютъ значенія ни первичныя миграціи, которыя повели къ расселенію человѣческихъ группъ по всей обитаемой поверхности земли, къ акклиматизаціи ихъ и измѣненіямъ сообразно мѣстамъ обитанія, ни скрещиванія съ другими, уже обособившимися разновидностями, которыя могли оказаться на новой родинѣ переселенцевъ. Для него не имѣетъ значенія и выясненіе первичнаго человѣческаго типа, который онъ принимаетъ не единымъ, а многообразнымъ. Изъ этихъ соображеній легко видѣть, что обращавшійся въ наукѣ терминъ «раса», безразлично употреблявшійся и моногенистами, и полигенистами, представлялъ два понятія существенно различныя, въ зависимости отъ того, какая изъ школъ пользовалась имъ.

Посмотримъ, какъ этотъ терминъ прилагался на дѣлѣ послѣдователями обѣихъ школъ. Самъ Катрфажъ, въ основу своихъ моногеническихъ воззрѣній, кладетъ тѣ опредѣленія вида и расы, какія придавались этимъ подраздѣленіямъ всѣми систематиками отъ Кювье до Ламарка. Катрфажъ формулируетъ свои взгляды слѣдующимъ образомъ: «человѣческія группы составляютъ расы одного и того же вида; эти расы уже достаточно подвинулись на пути дифференцированія, но, при всемъ различіи своихъ морфологическихъ признаковъ, онѣ связаны между собой физиологически и до сихъ поръ не превратились еще въ отдѣльные виды» («Hist. gôn. des races hum.», 62).

Къ сожалѣнію, эти точныя опредѣленія перестаютъ служить Катрфажу, какъ скоро отъ теоріи онъ переходитъ къ дѣйствительности. Онъ не можетъ не сознаться, что «когда рѣчь идетъ о расахъ, самые прочныя и общіе признаки не имѣютъ той цѣнности, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается видовъ» (Op. cit., 191). Вообще, можно замѣтить, что въ практическомъ употребленіи термина «раса» Катрфажъ далеко не такъ точенъ и послѣдователенъ, какъ въ изложеніи своихъ теоретическихъ взглядовъ. Онъ забываетъ устанавливаемыя имъ различія между первичными, вторичными и т. д. расами и употребляетъ этотъ терминъ одинаково, говоря, напр., о желтой расѣ, т. е. о первой разновидности, отдѣлившейся отъ первичной группы человѣчества, или о негрской расѣ въ ея цѣломъ, и о негрскихъ расахъ, т. е. о подраздѣленіяхъ послѣдней, о расѣ микронезійской и т. д. («L'esp. hum.» 130—1, 146). Мало того: раса, въ его глазахъ, имѣетъ весьма различныя степени измѣняемости. Съ одной стороны, по его ученію, всѣ видовзмѣненія человѣчества пронзонили

силою вліяння среды, при чемъ, несмотря на то, что нѣкоторые основные признаки расы остаются неизмѣнными, послѣдующія формы всегда отличаются отъ предыдущихъ. Въ измѣненіяхъ, какія претерпѣваютъ физическіе признаки, признаки краниологическіе, по его мнѣнію, не составляютъ исключенія. Съ другой стороны, Катрфажъ пытается установить, что еще въ четвертичную эпоху, въ нашей части свѣта, было не менѣе пяти и даже шести отдѣльныхъ расъ, отличавшихся другъ отъ друга ростомъ, чертами лица, формой черепа и т. д., и даже нравами и общественнымъ развитіемъ. («Hist. gén. des races hum.» 65). Эти расы (длинноголовыя—канштадская и кроманьонская, короткоголовыя—трюшерская и гренельская и двѣ фюрффоозскія, поддлинноголовая и среднеголовая) появились въ различныя времена, и новыя не смѣшивались со старыми. Эти расы продолжали существовать въ позднѣйшихъ населеніяхъ, и при дальнѣйшемъ смѣшеніи послѣднихъ между собою, отъ времени до времени, продолжали обнаруживаться въ неизмѣненномъ видѣ. Такъ, даже неандертальскій черепъ, представляющій преувеличеніе признаковъ древнѣйшаго канштадскаго типа, по указанію Катрфажа, въ отдѣльныхъ случаяхъ вторялся до новѣйшаго времени. Другими словами, защищая въ теоріи измѣняемость расъ въ этнологіи Европы, Катрфажъ отстаиваетъ въ то же время постоянство ихъ. Отмѣтимъ, что во всѣхъ примѣрахъ, какіе онъ приводитъ для подтвержденія своихъ взглядовъ, онъ останавливается на примѣрахъ частныхъ или мѣстныхъ, т. е. на мелкихъ географическихъ разновидностяхъ, очевидно, только въ нихъ находя конкретныя антропологическія группы.

Къ неизмѣняемости расовыхъ типовъ приходитъ и нѣмецкій моногенистъ Кольманъ, доказывающій, что во всемъ населеніи земнаго шара можно найти пять или шесть типичныхъ формъ черепа, изъ которыхъ двѣ главныхъ и четыре смѣшанныхъ перваго порядка, и что всѣ эти формы существовали въ Европѣ уже во времена дилювія. Съ тѣхъ поръ, говоритъ онъ, «въ смыслѣ дарвиновской измѣняемости, человѣкъ уже не измѣнялся подъ вліяніемъ естественнаго подбора; расовые признаки его съ величайшимъ упорствомъ противустояли внѣшнимъ вліяніямъ и уцѣлѣли въ неизмѣненномъ видѣ»; вслѣдствіе того Кольманъ причисляетъ человѣка къ «устойчивымъ типамъ» (Dauertypen) (J. Kollman, „Die Autochtonen Amerikas“, Zeitschr. f. Ethnol.,» 1883, Н. 1, 2). Нынѣшніе расовые типы, по мнѣнію Кольмана, представляютъ только различныя комбинаціи признаковъ первичныхъ дилювіаль-

ныхъ расъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтверждаетъ, что вполнѣ остается на почвѣ единства человѣческаго рода и видитъ въ немъ различныя подвиды и въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ — разнovidности и подразновидности. Различія между негромъ, индѣйцемъ, кавказцемъ и т. п., не кажутся ему достаточными, чтобы каждой изъ этихъ формъ придавать значеніе особаго вида. Одновременное признаніе единства человѣческаго рода и неизмѣняемости признаковъ заставляетъ его допустить измѣняемость чело-вѣка лишь въ до-ледниковомъ періодѣ (I. с., 9). Онъ не объ-ясняетъ, однако, почему измѣнчивость была возможна для чело-вѣка въ названпомъ періодѣ и стала невозможной въ дальнѣйшихъ эпохахъ его исторіи. Всѣ послѣдующія измѣненія расовыхъ типовъ про-исходили, по его мнѣнію, нутемъ проникновенія (Penetration) или смѣшенія расъ между собою (I. с., 7).

На той же почвѣ стоятъ Ранке и Вирховъ. Привода только что изложенное мнѣніе Кольмана, Ранке прибавляетъ: «I. Кольманъ стоитъ въ этомъ предположеніи на точной научной почвѣ. И результаты, къ которымъ приводятъ его собственныя специальныя изслѣдованія, совпадаютъ до мельчайшихъ подробностей съ тѣми, къ какимъ пришелъ Р. Вирховъ, изучившій самый обширный сравнительно-антропологическій матерьялъ (Ранке, «Человѣкъ», II, 291 русск. изд. т—ства «Просвѣщеніе»). Вирховъ не соглашался съ диллювіальной гипотезой Кольмана, допуская извѣстный трансформизмъ типическихъ формъ и въ послѣдующія эпохи, но при этомъ все таки безусловно высказывался за единство чело-вѣческаго рода (тамъ же, 292—3).

Нѣмецкіе моногенисты также не дали точнаго опредѣленія употреб-лявшихся ими терминовъ «подвидъ», «разновидность», «подразновид-ность», «раса» и т. п. Два первыя изъ этихъ понятій Кольманъ счи-таетъ «вполнѣ достаточными для классификаціи различій чело-вѣческаго рода», признавая при этомъ «подвидъ» (subspecies) поня-тіемъ болѣе широкимъ, «обнимающимъ большую сумму отличи-тельныхъ признаковъ, чѣмъ «разновидность» (varietas) (тамъ же, 291), но нигдѣ не примѣняетъ ихъ практически къ дѣленію чело-вѣчества на группы.

И другіе моногенисты не пришли къ распознанію различныхъ категорій чело-вѣческихъ группъ, встрѣчающихся въ дѣйствитель-ности, къ отличенію между ними группъ различныхъ порядковъ. Они не придали опредѣленнаго значенія термину «раса», употре-бляя его безразлично для группъ перваго, втораго и т. д. поряд-

ковъ, что не могло бы случиться, если бы они соединяли съ нимъ не одно лишь теоретическое понятіе, но и выяснившееся для нихъ практическое представленіе. Болѣе конкретное представленіе, какъ мы видѣли, моногенистамъ удалось связать только съ группами чисто мѣстаго или географическаго характера. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вышшіе расовые типы, въ связи съ доледниковыми типами, они (какъ, напр., Кольманъ) склонны объяснять не измѣненіями послѣднихъ, а разнообразными сочетаніями признаковъ вслѣдствіе смѣшенія.

Ихъ противники полигенисты не были счастливы въ разрѣшеніи затрудненій, оказавшихся непреодолимыми для моногенистовъ. Какъ смотрятъ полигенисты на вопросъ образованія и развитія человѣческихъ расъ и какъ они понимаютъ эти послѣднія, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Овелака и Эрве въ ихъ «Руководствѣ къ антропологии»: «всѣ трудности, на которыя наталкивался трансформизмъ, когда ему приходилось объяснять образованіе человѣческихъ расъ, исчезаютъ при допущеніи, что всѣ великія естественныя дѣленія человѣчества развивались отдѣльно, въ особыхъ географическихъ центрахъ, въ различныя эпохи, и что они исходятъ отъ различныхъ видовъ или родовъ. Условія этихъ мѣстныхъ эволюцій не были тождественными, и типы, явившіеся результатомъ ихъ, не могли быть одинаковыми. Скрещиваніе и подборъ, впослѣдствіи вмѣшавшіеся въ дѣло, оказали свое дѣйствіе на первичные типы, давъ начало подраздѣленіямъ человѣческаго рода или расамъ въ настоящемъ смыслѣ слова» (Hovelacque et Hervé, «Précis d'anthropologie», 202).

Главное обоснованіе взглядовъ настоящихъ полигенистовъ слѣдуетъ искать въ сочиненіяхъ главы французскихъ представителей этого направленія, Поля Брока. Онъ высказался по этому вопросу еще въ 1858 г. въ своихъ статьяхъ «О гибридызмѣ у животныхъ вообще и у человѣка въ частности», вышедшихъ въ 1860 г. подъ заглавіемъ «Recherches sur l'hybridité animale en générale et sur l'hybridation humaine en particulier». Ни появленіе книги Дарвина въ 1859 г., ни перевѣсъ въ пользу моногенизма, какой она давала, ни литература дарвинизма не заставили Брока измѣнить своего мнѣнія, и онъ подробно изложилъ его еще разъ въ 1877 г. въ III томѣ своихъ «Mémoires d'anthropologie». Онъ формулировалъ свое заключеніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Человѣческая группа, очевидно, представляетъ собою родъ... Человѣческія расы различаются между собою болѣе, чѣмъ нѣкоторые виды животныхъ, устанавливаемые въ извѣстныхъ родахъ всѣми натуралистами. Бу-

лучи перенесены въ другіе климаты, въ другія жизненныя условия, эти расы сопротивляются всякимъ измѣняющимъ дѣйствіямъ («Recherches sur l'hybridité», 660). Высокій авторитетъ Брока, основанный на выдающемся научномъ талантѣ, неутомимомъ и плодотворномъ трудолюбіи и вліяніи, оказывавшемся его свѣтлой, обаятельной личностью, запечатлѣлъ полигеническія тенденціи во всемъ обширномъ контингентѣ его непосредственныхъ послѣдователей и учениковъ. Эти тенденціи проникаютъ и преподаваніе парижской Антропологической школы, единственнаго спеціальнаго учрежденія для изученія антропологии, и распространяются систематическими сочиненіями, монографіями и статьями профессоровъ названной школы и другихъ послѣдователей Брока — Топинара, Овелака, Эрве, Дебьера, Бордые, Оржаса и др.

Всѣ они отстаиваютъ видовую независимость человѣческихъ группъ и допускаютъ самостоятельное происхожденіе ихъ въ особыхъ географическихъ центрахъ, послѣ чего эти группы уже не подвергались существеннымъ измѣненіямъ. Доказывая существованіе человѣческихъ видовъ, новѣйшіе полигенисты, подобно своимъ предшественникамъ, не ввели термина «видъ» и замѣняли его терминомъ «раса», несмотря на то, что онъ употреблялся ими въ иномъ смыслѣ, чѣмъ моногенистами. Такое неразборчивое употребленіе послѣдняго термина повело къ смѣшенію научныхъ понятій, оказавшемуся роковымъ для антропологии. Не говоря уже о неясности, вносившейся въ научный языкъ различнымъ пониманіемъ этого термина двумя названными антропологическими школами, онъ утратилъ всякій научный смыслъ, когда его стали прилагать одинаково ко всевозможнымъ группамъ, когда онъ сталъ простымъ синонимомъ слова «группа» въ неопредѣленномъ, произвольномъ значеніи этого слова.

Когда выяснилось вредное и опасное для науки неудобство крайней неясности ея основного понятія, антропологи сочли невозможнымъ пользоваться далѣе герминомъ «раса» и предложили вообще отказаться отъ него, замѣнивъ его терминомъ «типъ». Брока, исходя отъ Бюффона и слѣдуя Нотту и Глидону и Исидору Жофруа С. Илеру, настойчиво совѣтовалъ отдавать предпочтеніе послѣднему термину, какъ болѣе опредѣленному и научному. Но простая замѣна одного слова другимъ не могла придать определенности шаткому и неясному понятію. Антропологи должны были признать, что и типы ихъ въ номенклатурѣ не представляютъ чего либо реальнаго. Какъ признаетъ самъ Брока, это — «абстрактныя,

идеальныя представленія, вытекающія изъ сравненія этническихъ различій и слагающіяся изъ совокупности признаковъ, общихъ извѣстному числу ихъ». (*Mém. d'anthrop.*, I, 8). На практикѣ опредѣленіе расы или типа въ каждомъ данномъ случаѣ сводилось къ личнымъ, субъективнымъ опредѣленіямъ. Такой тонкій наблюдатель, какъ Брока, въ результатѣ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій, могъ развить вѣрность глаза, которая позволяла ему съ достаточнымъ приближеніемъ отличать кельтскій черепъ среди другихъ; но эту личную провицательность ни ему, ни другому изслѣдователю невозможно было бы свести къ систематическимъ приѣмамъ опредѣленія расовыхъ типовъ, какъ это возможно для систематиковъ зоологовъ и ботаниковъ.

Продолжателемъ дѣла Брока, въ качествѣ руководителя антропологическихъ работъ сперва въ Медицинской, а затѣмъ въ Антропологической школѣ, и редактора французскаго «Антропологическаго журнала» былъ Топинаръ. Такъ какъ наука обязана ему нѣсколькими систематическими сочиненіями по антропологии, то вопросы о значеніи классификаціонныхъ терминовъ разработаны имъ особенно подробно. Такъ, исходя отъ опредѣленій Брока, онъ ставитъ вопросъ—къ какому минимальному количеству полезныхъ признаковъ можетъ быть сведенъ типъ, и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: «Въ каждомъ частномъ случаѣ, говоритъ онъ, вопросъ разрѣшается личнымъ сужденіемъ. На практикѣ наличность двухъ или трехъ «хорошихъ» физическихъ признаковъ, есть уже счастливое обстоятельство (*une bonne fortune*), и ими можно удовольствоваться, если они поддерживаются соображеніями и признаками физиологическими, историческими и т. п. Но иногда приходится имѣть дѣло съ однимъ или двумя признаками, и постороннія обстоятельства не приходятъ на помощь; въ такомъ случаѣ нельзя избѣжать гипотезъ. Идея типа окончательно исчезаетъ, когда на лицо имѣется лишь одинъ признакъ, какъ бы онъ ни былъ характеренъ... т. е. другими словами, одинъ какой нибудь признакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ типомъ» или считать его типичнымъ (*Topinard, Elements d'anthropologie générale, 193—4*). Въ другомъ мѣстѣ Топинаръ повторяетъ мысль своего учителя, что терминъ «раса» есть абстракція, пытающаяся установить нѣчто реальное, но въ дѣйствительности неуловимое. Онъ высказываетъ эти мысли въ своемъ обширномъ трудѣ «*Elements d'anthropologie générale*» и къ тѣмъ же заключеніямъ приходитъ въ позднѣйшемъ сочиненіи «*L'homme dans la nature*». «Ни типъ, ни раса,

говорить онъ, въ настоящемъ состояніи челоѣчества не представляютъ объективныхъ реальностей. Типъ есть абстрактный образъ, какой мы составляемъ изъ совокупности признаковъ, выраженныхъ до извѣстной степени въ идеальной группѣ, входящей, въ большей или меньшей пропорціи, въ составъ той или другой изъ сложныхъ группъ, обитающихъ на земномъ шарѣ (*collectivités du globe*). Раса есть понятіе непрерывности этого типа въ прошломъ втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Эта непрерывность не поддается доказательству; она—лишь гипотеза, необходимая для объясненія случайнаго повторенія нѣкоторыхъ формъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Въ дѣйствительности, несмотря на постоянныя причины разложенія и возстановленія, которымъ подвергаются типы, они кажутся происходящими одинъ отъ другого. Я говорю «кажутся», такъ какъ не надо забывать, что въ этой видимой или дѣйствительной преемственности обыкновенно смѣшиваютъ признаки, непрерывность которыхъ во времени никто не отрицаетъ, съ самимъ типомъ». («*L'homme dans la nature*», 44—48). вмѣстѣ съ тѣмъ Топинаръ, утверждаетъ, что «расы, какія мы видимъ у челоѣка вообще и у современнаго челоѣка въ особенности, вовсе не походятъ на расы, какія естественная исторія допускаетъ у дикихъ животныхъ, гдѣ все представляется намъ весьма простымъ, хотя и тамъ они опираются почти исключительно на морфологіи; расы челоѣка не походятъ и на расы домашнихъ животныхъ, какъ ихъ понимаютъ и создаютъ по желанію зоотехники, гдѣ и филіація, и исходныя формы вполне извѣстны. Человѣческія расы являются въ условіяхъ смѣшанности и неустойчивости, какія можно найти въ подобной же степени у собакъ и голубей, предоставленныхъ самимъ себѣ и скрещивающихся вполне свободно. По отношенію къ этимъ послѣднимъ, мы говоримъ уже не о расахъ, а о типахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, которые общностью своихъ признаковъ приводятъ насъ къ другимъ типамъ болѣе древнимъ, соответствующимъ, если не первоначальнымъ постояннымъ разновидностямъ, то первоначальнымъ морфологическимъ дѣленіямъ вида или рода собаки. Такова же исторія челоѣческихъ расъ. Изъ того, что мы видимъ, мы составляемъ типы, которые позволяютъ угадывать другіе типы, уже угасшіе, которыхъ, въ свою очередь, можно привести къ извѣстному числу типовъ болѣе общихъ, соответствовавшихъ первичнымъ расамъ или нѣкоторымъ изъ первичныхъ расъ. Но гдѣ во всемъ этомъ постоянныя разновидности? Только въ нашемъ умѣ». По воззрѣнію Топинара, «при-

знаки, приобретенные индивидуумомъ, повторяются въ потомкахъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ повторяются вызвавшія ихъ условія». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ставитъ вопросъ—не смѣшиваемъ ли мы на самомъ дѣлѣ признаки, несомнѣнно передающіеся въ томъ же видѣ черезъ рядъ вѣковъ и разнообразныхъ комбинацій, съ самими этими комбинаціями или сочетаніями, образующими для насъ расовые типы? Нужно еще доказать, что типы не претерпѣваютъ постояннаго процесса разложенія и возстановленія. Нынѣшніе типы могутъ дѣйствительно существовать въ тотъ моментъ, когда мы ихъ опредѣляемъ, и имѣть большое распространеніе, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы и въ прошломъ они были въ томъ же видѣ, въ какомъ мы ихъ находимъ теперь. Именно эта непрерывность расы и обуславливаетъ ея существованіе, а она то и требуетъ доказательства. Если мы знаемъ о галлахъ, что они были рослы и бѣлокуры, и видимъ тѣ же признаки въ нынѣшнемъ населеніи сѣверной Франціи, то мы еще не имѣемъ права утверждать, что послѣднее прямо происходитъ отъ первыхъ: два признака еще не составляютъ типа. Мы знаемъ, что галлы были длинноголовы, а нынѣшніе французы короткоголовы или среднеголовы. У галловъ лица были длинныя, узкія и рѣзко выступающія; этотъ признакъ встрѣчается и теперь, но въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ съ другими признаками. Такимъ образомъ, слѣдуетъ отличать постоянство признаковъ отъ постоянства или устойчивости типовъ.

Сущность этихъ соображеній сводится къ тому, что мы не имѣемъ возможности доказать постоянства устанавливаемыхъ нами типовъ, что для нашего наблюденія доступна только преимущество отдѣльныхъ признаковъ, вступающихъ въ разнообразныя сочетанія, т. е., другими словами, въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не съ опредѣленными однообразными комбинаціями признаковъ, называемыми расовыми типами, а съ разнообразными и крайне измѣнчивыми сочетаніями ихъ.

Возвратимся еще разъ къ Топинару, который болѣе другихъ антропологовъ занимался вопросомъ о расѣ въ антропологіи. Этотъ вопросъ былъ поднятъ имъ на конгрессѣ доисторической археологіи и антропологіи въ Москвѣ въ 1892 г. въ присланной имъ запискѣ «О расѣ въ антропологіи» (*De la race en anthropologie*). Топинаръ резюмируетъ здѣсь свое мнѣніе о расовомъ типѣ и о томъ, какая роль можетъ остаться за нимъ въ наукѣ. «Есть два способа познавать человѣческія расы, говоритъ онъ. Слѣдуя первому, исходятъ отъ первоначальнаго происхожденія расъ и спускаются

постепенно путем анализа до нынѣшней эпохи. Придерживаясь другого способа, от настоящаго стремятся подняться въ прошлое. Въ каждомъ случаѣ получаются различные результаты. Въ первомъ случаѣ отличаютъ общіе типы, которые называются европейскимъ, азіатскимъ, африканскимъ и проч., или бѣлымъ, желтымъ, чернымъ и т. п., и раздѣляются на короткоголовые или длинноголовые, шерстисто-или курчаво-волосые, свѣтлые или темные типы и т. д. При второмъ приѣмѣ изученія обращаютъ вниманіе лишь на то, что находится передъ глазами, стараются, насколько возможно, выдѣлить нынѣшніе типы изъ среды, въ которой они разсѣяны, связать ихъ съ другими, сохраненными исторіей, и ввести ихъ въ общіе типы, о которыхъ мы только что говорили... Для натуралиста эти общіе типы обоихъ порядковъ суть типы первичныхъ расъ; которые, путемъ дифференцированія и смѣшенія, породили всѣ типы третьяго и четвертаго порядковъ, устанавливаемые нами въ произвольномъ количествѣ. Если оставаться въ отвлеченной сферѣ общихъ типовъ, эпитетъ расы весьма законенъ... Но далѣе почва ускользаетъ изъ подъ нашихъ ногъ. Типы третьяго и четвертаго порядка устанавливаются уже чисто субъективно, и ихъ филиація съ другими типами, составляющая сущность расы, не можетъ быть опредѣлена. Намъ крайне трудно опредѣлить эти типы соединеніемъ двухъ методовъ—сужденіемъ на глазъ и помощью измѣренія и описанія признаковъ. Еще труднѣе связать эти типы съ предшествующими, о которыхъ мы знаемъ лишь по неопредѣленнымъ описаніямъ, опирающимся на два или на три признака... Въ этихъ условіяхъ можно спросить себя—не лучше ли было бы обращаться осторожнѣе со словомъ «раса», сохраняя его для общихъ типовъ, которые анализъ позволяетъ намъ видѣть въ главныхъ развѣтвленіяхъ человѣчества, и отказываясь отъ него для всѣхъ типовъ третьяго и четвертаго порядковъ, которые мы создаемъ сами и считаемъ элементами, образующими народы? (Congrès internat. d'archéologie et d'anthropol. préhist., 11 Session à Moscou du 1—8 août 1892, 163). Свою основную мысль авторъ записки поясняетъ еще въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Есть два приѣма пониманія человѣческихъ расъ. Въ первомъ разсматриваются общіе типы, свойственные распространеннымъ частямъ человѣчества, которыя считаются, правильно или неправильно, выраженіемъ исчезнувшихъ расъ болѣе или менѣе первичныхъ. Во второмъ расы разсматриваются, какъ элементы, изъ которыхъ составляются народы, причемъ отыскиваются ихъ типы, допуская неизмѣняемость ихъ, не

смотря на всѣ перевороты и смѣшенія исторической и доисторической эпохъ. Въ первомъ случаѣ, расы—лишь раздѣленія человѣческаго рода, первичныя или болѣе или менѣе близкія къ намъ. Во второмъ, расы—чисто теоретическія построенія, въ которыхъ первый элементъ понятія расы, типъ, зависитъ отъ личной проницательности наблюдателя, а второй, філіація — лишь гипотеза, удобная при изслѣдованіи, но не поддающаяся доказательству. Въ обоихъ случаяхъ, въ особенности во второмъ, раса—лишь субъективное понятіе; единственная объективная реальность—то, что у насъ передъ глазами: народы и племена». Здѣсь Топинаръ повторяетъ выводъ, къ которому пришелъ еще въ 1879 г. въ своей статьѣ «О расѣ въ антропологіи», напечатанной въ «Revue d'anthropologie». Тамъ онъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующее положеніе: «Антропологическіе матерьялы, надъ которыми мы работаемъ и изъ которыхъ извлекаемъ двойственное понятіе, во первыхъ, типа, и во вторыхъ, непрерывности его во времени,—не что иное, какъ народы». Позднѣе, въ своихъ «Началахъ общей антропологіи», онъ повторилъ это положеніе еще категоричнѣе. Единственными «реальностями», съ которыми долженъ обращаться антропологъ, могутъ быть названы народы т. е. этническіе аггломераты, состоящіе изъ разнообразныхъ, смѣшанныхъ элементовъ, опредѣлить и выдѣлить которые иногда весьма трудно. Онъ вынужденъ сознаться, что слѣдуетъ говорить не о китайской или арабской расѣ, а о китайскомъ и арабскомъ народѣ, не упуская изъ виду, что эти народы всего менѣе представляютъ что-либо однообразное. И исторія, и археологія, и лингвистика даютъ намъ видѣть только народы.

Этотъ выводъ мы считаемъ весьма существеннымъ для нынѣшняго состоянія антропологіи. Мы видимъ науку, пришедшую къ убѣжденію, что опредѣленіе и установленіе расовыхъ признаковъ, чему она такъ много посвящала труда за послѣднее время, оказывается работой, въ сущности, бесплодной: какъ мы слышимъ отъ виднаго представителя этого научнаго направленія, изъ двухъ элементовъ, изъ которыхъ слагается понятіе о расѣ, одинъ чисто субъективенъ, а другой гипотетиченъ. Онъ вынужденъ сознаться, что единственнымъ реальнымъ объектомъ научнаго изслѣдованія являются народы, которые могутъ быть лишь болѣе или менѣе произвольно относимы къ тѣмъ или другимъ группамъ, за которыми мы удерживаемъ обозначеніе расъ. Ужъ изъ того, что такъ называемыя «основныя расы» одинаково признаются и моногени-

стами, и полигенистами, можно заключить, что это—лишь условныя понятія, на которыхъ сходятся современные антропологи ради необходимости раздѣленія объекта своего изученія, ради потребности нашего ума въ систематическихъ группировкахъ. Но мы не должны забывать, что такія группировки существуютъ только въ нашемъ воображеніи и потому не могутъ быть положены въ основу практическихъ изслѣдованій. Если центральные типы нашихъ классификацій кажутся намъ болѣе опредѣленными, то «периферическіе» всегда будутъ занимать среднее положеніе между ними и могутъ быть относимы то къ тѣмъ, то къ другимъ изъ центральныхъ типовъ. Такъ, изъ числа «основныхъ» типовъ, «бѣлый» типъ оказывается менѣе самостоятельнымъ, среднимъ между чернымъ и желтымъ, потому что антропологическіе признаки его крайне разнообразны и не столь характерны, какъ у этихъ послѣднихъ. Тѣмъ менѣе можно говорить съ какой либо научной точностью о расовомъ типѣ производныхъ, подчиненныхъ или «меньшихъ» группъ, группъ низшаго порядка. Топинаръ, дѣйствительно, отказывается отъ дальнѣйшаго опредѣленія расовыхъ признаковъ въ группахъ низшихъ порядковъ и находитъ необходимымъ, чтобы наука посвятила свой трудъ изученію народовъ, какъ единственно конкретныхъ или реальныхъ группъ. Замѣтимъ, что какъ скоро «народъ» противопоставляется «расѣ», въ качествѣ понятія конкретнаго понятію абстрактному, первый логически уже не можетъ находиться въ состояніи подчиненія послѣдней, какъ это до сихъ поръ настойчиво проводилось въ новѣйшихъ руководствахъ антропологии. И Топинаръ, очевидно, разумѣетъ подъ понятіемъ «народъ» нѣчто иное, чѣмъ группы, какія онъ ввелъ въ свою классификацію, такъ какъ нигдѣ не говоритъ о послѣднихъ, считая ихъ, повидимому, группами второго порядка; терминъ «народъ» онъ оставляетъ за группами третьяго и четвертаго порядковъ.

Едва ли нужно доказывать, что мы немного выиграли бы отъ простой замѣны термина «раса» терминомъ «народъ»: на послѣдній мы перенесли бы ту же смутность возрѣній, которая заставила науку отказаться отъ перваго. Мы напрасно стали бы искать въ антропологическихъ сочиненіяхъ яснаго и точнаго опредѣленія термина «народъ». Противоположеніе этнологическому понятію о народѣ антропологическому понятію о расѣ, на которомъ настаиваетъ Фр. Мюллеръ въ своей «Всеобщей Этнографіи», было отвергнуто антропологіей, какъ неосновательное, такъ какъ для нея «народности» не что иное, какъ «меньшія» группы или подраздѣленія расъ.

Прошло уже болѣе десяти лѣтъ со времени московскаго съѣзда археологовъ и антропологовъ, которому былъ представленъ изложенный выше докладъ Топинара, и антропология не сдѣлала ни одного шага къ выходу изъ затрудненій; создаваемыхъ ея классификаціонной терминологіей. Такъ англійскій антропологъ Кинъ, въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи „Man past and present“, говорить: «Проф. Флиндерсъ Петри удачно замѣтилъ, что единственный смыслъ, какой можетъ имѣть терминъ «раса», есть обозначеніе группы человѣческихъ существъ, типъ которыхъ объединился ассимиляціей, превосходившей по своей степени степень измѣчивости, вызваннои посторонними элементами» (Address Meeting British Assoc. Ipswich, 1895). Густавъ Тости напоминаетъ намъ также, что «въ настоящемъ состояніи науки слово «раса»—пустая формула, которой не соответствуетъ ничего опредѣленнаго. Съ одной стороны, о первоначальныхъ расахъ можно сказать только, что онѣ принадлежатъ палеонтологіи, а съ другой, болѣе ограниченныя группы, нынѣ называемыя расами, не что иное, какъ народы, сообщества (societes) народовъ, братьевъ болѣе по цивилизаціи, чѣмъ по крови. Раса при такомъ пониманіи, въ концѣ концовъ, отождествляется съ національностью (Amer. Journ. of Sociology, Jan. 1898, pp. 467—8). Отсюда, продолжаетъ Кинъ, можетъ возникнуть вопросъ—не могло ли бы, основываясь на принципѣ совпаденія (convergence), сліяніе различныхъ расъ, изолированныхъ довольно продолжительное время въ данной области, повести къ новому расовому типу, не оставляя никакого слѣда его множественнаго (manifold) происхожденія (A. Vierkandt, „Globus“, 72, 134). Такіе типы должны считаться нормальными для позднѣйшихъ разновидныхъ (varietas) группъ, такъ же, какъ древніе типы были нормальны для прежнихъ группъ, и можно допустить общее примѣненіе для знаменитаго изреченія Топинара: les peuples seuls sont des réalités, т. е. лишь одни народы (группы, занимающія опредѣленныя географическія области) имѣютъ объективное существованіе. Такимъ образомъ, понятіе о расѣ, какъ зоологическомъ выраженіи въ смыслѣ чистой породы (breed), все болѣе и болѣе отстываетъ на задній планъ, и, какъ удачно замѣчаетъ Вирховъ (Rassenbildung und Erblichkeit, Bast. Festschr., I), «этотъ терминъ, который всегда заключалъ въ себѣ нѣчто туманное, въ новѣйшее время сталъ въ высшей степени неопредѣленнымъ» (A. H. Keane, „Man past and present“, 31—32).

Французскій антропологъ Деникеръ находитъ, что вопросъ о

томъ—составляетъ ли человѣчество одинъ видъ, раздѣленный на разновидности или расы, или представляетъ нѣсколько видовъ,— утратилъ значеніе, какое ему придавалось въ прежнее время. «Давнее пререканіе между моногенистами и полигенистами кажется нѣсколько схоластическимъ и совершенно бесплоднымъ и бессодержательнымъ; одни и тѣ же немногіе и недостаточно установленные факты неизмѣнно повторяются, объясняемые такимъ или инымъ образомъ каждымъ оппонентомъ сообразно потребностямъ его тезиса и часто подъ вліяніемъ соображеній, лежащихъ внѣ предѣловъ науки. Быть можетъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, когда у насъ будетъ больше свѣдѣній о настоящихъ и угасшихъ расахъ человѣка, такъ же, какъ о живыхъ и ископаемыхъ видахъ животныхъ, всего ближе стоящихъ къ человѣку, мы будемъ имѣть возможность обсуждать вопросъ о происхожденіи. Въ настоящее время мы вынуждены довольствоваться гипотезами безъ единого положительнаго факта для рѣшенія задачи» (J. Deniker, *The races of man*, 7). Резюмируя свои взгляды на занимающій насъ вопросъ, онъ говоритъ: «Внимательно изучая различныя «этническія группы», обыкновенно называемыя «народами», «націями», «племенами» и т. д., мы убѣждаемся, что онѣ отличаются другъ отъ друга въ особенности ихъ языкомъ, образомъ жизни и нравами (*manners*); мы убѣждаемся, кромѣ того, что тѣ же черты физическаго типа встрѣчаются въ двухъ, трехъ или многихъ группахъ, иногда значительно удаленныхъ одна отъ другой въ отношеніи ихъ мѣстообитанія. Съ другой стороны, въ этихъ группахъ мы почти всегда видимъ измѣненія типа, настолько бросающіяся въ глаза, что мы вынуждены допустить гипотезу образованія такихъ группъ сліяніемъ различныхъ отдѣльныхъ соматологическихъ единицъ. Именно этимъ единицамъ мы придаемъ названіе «расъ», употребляя это слово въ широкомъ смыслѣ, отличномъ отъ того, какое дается ему въ зоологіи и зоотехникѣ. Это—итогъ соматологическихъ признаковъ, то встрѣчающихся въ реальномъ союзѣ индивидуумовъ, то разбросанныхъ въ видѣ отрывковъ (*fragments*) въ различныхъ пропорціяхъ между нѣсколькими «этническими группами», откуда они уже не могутъ быть выдѣлены иначе, какъ процессомъ тонкаго анализа» (*Op. cit.*, 8).

Мы увидимъ далѣе, что подразумѣваетъ Деникеръ подъ антропологическимъ апализмомъ этническихъ группъ, а пока отмѣтимъ только что онъ понимаетъ подъ этими послѣдними. «Единственные опредѣленные факты, какіе мы видимъ, говоритъ онъ, это—группы

человѣчества, разсѣянные по всей обитаемой поверхности земли, которыхъ обыкновенно называютъ народами, націями, кланами, племенами и проч. Передъ нами находятся арабы, швейцарцы, австралийцы, бушмены, англичане, индѣйцы-сіусы, негры и т. п., при чемъ мы не знаемъ—занимаетъ ли каждая изъ этихъ группъ одинаковое положеніе съ точки зрѣнія классификаціи. Представляютъ ли эти реальныя и осѣзаемыя группировки соединенія индивидуумовъ, которыя, несмотря на нѣкоторыя незначительныя различія, могутъ составить то, что зоологи называютъ «видами», «подвидами» и «разновидностями», говоря о дикихъ животныхъ, или «расами» (породами), когда идетъ рѣчь о домашнихъ животныхъ? Не нужно быть профессиональнымъ антропологомъ, чтобы отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ. Это—этническія группы, образовавшіяся, благодаря общности языка, религіи, социальныхъ учрежденій и проч., имѣющей возможность объединять человѣческія существа одного или нѣсколькихъ видовъ, расъ или разновидностей, вовсе не представляющихъ собою зоологическихъ видовъ; онѣ могутъ заключать въ себѣ человѣческія существа одного или многихъ видовъ, расъ или разновидностей. Такія социальныя группы... состоятъ для насъ изъ соединенія индивидуумовъ, принадлежащихъ обыкновенно двумъ, тремъ или большому числу «соматологическихъ единицъ». Эти единицы—«теоретическіе типы», образуящіеся агрегаціей физическихъ признаковъ, скомбинированныхъ извѣстнымъ образомъ. Отдѣльное существованіе этихъ единицъ можетъ быть установлено тщательнымъ анализомъ физическихъ признаковъ большаго числа индивидуумовъ, взятыхъ на удачу въ любой данной «этнической группѣ». Здѣсь являются, такимъ образомъ, сущности, теоретическія представленія, совершенно такія же, какъ «виды» въ зоологіи, съ тою разницею, однако, что мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи «типовъ» этихъ видовъ, какъ въ зоологическихъ коллекціяхъ, и должны довольствоваться приближеніями къ нимъ; на самомъ дѣлѣ, намъ рѣдко приходится встрѣтить индивидуума, представляющаго типъ соматологической единицы, къ которой онъ принадлежитъ. Чаще всего мы имѣемъ дѣло съ субъектами, формы которыхъ измѣнены смѣшеніемъ и скрещиваніемъ, и въ которыхъ, оставляя въ сторонѣ двѣ или три типическія черты, мы находимъ только неопредѣленное смѣшеніе признаковъ, не представляющее ничего рѣзкаго. Обыкновенно, чѣмъ народы индивидуальнѣе, тѣмъ болѣе они перемѣшаны между собою въ извѣстныхъ территоріальныхъ границахъ. Поэтому число «соматологиче-

скихъ единицъ» тѣмъ болѣе значительно, когда «этническія группы» болѣе цивилизованы, и лишь среди вполне первобытныхъ народовъ мы можемъ надѣяться найти совпаденіе между обоими терминами. Въ дѣйствительности, мы почти не находимъ народовъ, представляющихъ «соматологическія единицы», могущія идти въ сравненіе съ «видами» зоологіи» (2—4).

Изъ приведенныхъ словъ Деникера мы видимъ, что онъ вводитъ подъ названіемъ «соматологической единицы» лишь новый синонимъ «расы» и вполне остается на точкѣ зрѣнія Топинара, признавая дѣйствительно существующими лишь этническія группы или народы и отыскивая въ нихъ признаки болѣе или менѣе абстрактно мыслимыхъ группъ или расъ.

Еще болѣе критическій взглядъ по отношенію къ расамъ высказываетъ Эренрейхъ въ предисловіи къ своимъ «Антропологическимъ этюдамъ о первобытныхъ обитателяхъ Бразиліи» (*Anthropologische Studien über die Urbewohner Brasiliens*), предисловіи, вызвавшемъ много возраженій, по оставшемся въ сущности не поколебленнымъ. Возраженій этихъ мы, впрочемъ, можемъ не касаться здѣсь, такъ какъ они направлены противъ замѣчаній Эренрейха объ увлеченіи краниометріей, чего мы пока не имѣемъ въ виду. Мы приведемъ только мнѣнія автора по поводу вопроса о расахъ, какъ ихъ понимаетъ современная антропологія, и ихъ взаимныхъ отношеній.

Указывая, какъ различно понимается терминъ «раса», Эренрейхъ отмѣчаетъ, что въ литературѣ подъ именемъ «расъ» обращаются: 1) Blumenбаховскія разновидности, 2) группы Кювье, 3) группы по свойству волосъ, 4) по указателямъ черепа, 5) по цвѣту кожи и 6) по языкамъ (*Op. cit.*, 13). Восходя къ источнику различнаго пониманія термина «раса» (моногомического и полигенического), авторъ (согласно съ Вирховомъ) говоритъ: «понятіе объ единствѣ человеческого рода имѣетъ двоякій смыслъ, что часто смѣшивается, а именно единство вида Ното и единство происхожденія расъ, т. е. развитіе ихъ изъ одной и той же основной формы. Видовое единство въ цѣломъ теперь достаточно общепризнано. Но изъ него вовсе нельзя вывести единства происхожденія. Одинъ и тотъ же видъ могъ въ различныхъ мѣстахъ при различныхъ условіяхъ дифференцироваться въ различныя разновидности» (20). Выраженіе «раса», по мнѣнію Эренрейха, должно быть исключительно примѣняемо къ большимъ главнымъ расамъ въ смыслѣ Blumenбаховскихъ дѣленій, которыя называются также

разповидностями, основными типами, подвидами. Первоначальное значеніе ихъ—понятіе чисто зоологическое. Обозначеніе однимъ и тѣмъ же именемъ подрасъ или даже индивидуальныхъ типовъ является злоупотребленіемъ, которому должна быть приписана путаница (*Verwirrung*), существующая въ настоящее время въ антропологіи. Опредѣляющимъ моментомъ расы должно быть кровное родство. Это родство несомнѣнно въ индивидуумахъ главныхъ расъ, такъ какъ свойства эти наследуются, не испытывая видимаго измѣненія дѣйствіемъ внѣшнихъ вліяній. Индивидуумы подрасъ также могутъ состоять въ кровномъ родствѣ между собою, но это родство не выражается физическими признаками; оно должно быть указано другими данными—языкомъ, историческимъ или культурно-историческимъ преданіемъ. Такимъ образомъ, подрасы мыслимы только въ предѣлахъ извѣстной національности, этническаго племени (*Volksstamm*) съ общностью языка, насколько въ этихъ предѣлахъ выработался опредѣленный, зависящій отъ жизненныхъ условій типъ и закрѣпился наследственностью» (38—39). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Если въ настоящее время превращеніе (*Umbildung*) расъ силою внѣшнихъ вліяній отрицается съ замѣчательнымъ упорствомъ, и въ различіяхъ типовъ всюду хотятъ видѣть дѣйствіе смѣшеній, то это исходитъ изъ того, что главныя расы смѣшиваются съ типами и подрасами. Первые оказались на дѣлѣ постоянными формами (*Dauerformen*), первичными разновидностями, необъяснимыми дѣйствіемъ внѣшнихъ условій... Но тѣмъ несомнѣннѣе измѣнчивый характеръ типовъ и вмѣстѣ съ ними подрасъ. Мы видимъ здѣсь передъ собою «хаосъ» измѣненій, хотя измѣненія дѣйствіемъ климата, питанія и образа жизни происходятъ не изо-дня въ день, не «ежеминутно», но обозначаются постепенно» (30).

Эренрейхъ въ упомянутомъ предисловіи рѣзко высказывается противъ крайнихъ притязаній краіологіи въ вопросахъ этнологическихъ. Приводя въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ мнѣнія Велькера, Игеринга и Вирхова, онъ говоритъ: «Если мы только и знаемъ о черепѣ, что онъ принадлежитъ къ длинноголовой, широколицой, прямозубой расѣ, то изъ этого мы ровно ничего не узнаемъ. Раса, не поддающаяся болѣе точному опредѣленію, есть понятіе, лишенное всякой сущности... Непригодность классификаціи по черепнымъ типамъ характернѣе всего выражается тѣмъ, что для цѣлей ориентированія, сравненія и дѣленія всегда возвращаются къ группамъ Блуменбаха или Кювье. Какъ прежде, такъ

и теперь, говорят о неграхъ, монголахъ, кавказцахъ, бѣлыхъ и черныхъ, а не о прогнатичныхъ долихоцефалахъ или ортогнатическихъ мезоцефалахъ» (12). Эренрейхъ считаетъ, впрочемъ, необходимымъ «сообразно нашему расширившемуся знакомству съ экзотическими народами» дополнить Blumenbachовское (первоначальное) дѣленіе еще австралійской и папуасской расами; къ послѣдней онъ находитъ возможнымъ причислить дравидовъ и коларійцевъ. Въ опредѣленіи этихъ расъ «рѣшающее значеніе имѣетъ не одинъ какой либо признакъ, вродѣ черепного указателя или цвѣта кожи, а общій видъ (Gesamterscheinung), который въ предѣлахъ нашего опыта не измѣняется, не зависитъ отъ внѣшнихъ вліяній, а передается по наслѣдству, широко распространяется путемъ наслѣдственности и всегда проявляется вновь своими важнѣйшими признаками даже въ смѣшанныхъ формахъ».

Эренрейхъ отличается большей ясностью воззрѣній, чѣмъ многіе изъ его предшественниковъ, мнѣнія которыхъ мы привели выше, но и онъ приходитъ только къ выводамъ отрицательнымъ. Онъ прямѣ другихъ подходитъ къ сущности указанныхъ вопросовъ, къ происхожденію расовыхъ отличій, и относительно главныхъ расъ отказывается отъ всякой попытки выясненія ихъ первоначального происхожденія и ихъ взаимной связи. Признавая ихъ «постоянными формами», онъ усматриваетъ только типическіе признаки ихъ въ различныхъ комбинаціяхъ и переходахъ. Онъ возстаетъ противъ обычнаго, но далеко не всегда мотивированнаго объясненія «смѣшеніями» этническихъ различій (т. е. группъ 2-го и 3-го порядка). По его мнѣнію, разногласіе между антропологіей и этнологіей, о которомъ мы говорили выше, можетъ быть устранено и связь между ними можетъ быть восстановлена, если мы обратимся къ изученію типа, свойственнаго каждому народу. «Каждый народъ, говоритъ онъ, можетъ быть разсматриваемъ лишь въ рамкахъ своей расы. Вопросъ заключается въ томъ, какъ проявляются въ немъ свойства расы, каковъ его типъ?» (27).

Изъ многихъ попытокъ внести хотя нѣкоторый порядокъ въ запутывающійся все болѣе и болѣе вопросъ о расахъ, какъ естественнонаучныхъ дѣленіяхъ человѣчества, особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка американскаго антрополога Риплея. Мы должны остановиться на немъ и потому, что онъ можетъ служить представителемъ той школы антропологовъ, которая преимущественно задается цѣлью антропологическаго анализа населенія различныхъ

странъ и частей свѣта. Съ такой точки зрѣнія Риплей, какъ и нѣкоторые другіе антропологи, признають въ Европѣ не одну, а три расы—тевтонскую, альпійскую и средиземноморскую. Мы не будемъ говорить здѣсь о нихъ подробно, такъ какъ имѣли уже случай изложить эти взгляды въ нашемъ дополненіи ко II т. «Народовѣдѣнія» Ратцеля. Для нашей настоящей цѣли достаточно привести отношеніе самого Риплея къ устанавливаемымъ имъ европейскимъ расамъ. Подобно тому, какъ геологъ составляетъ себѣ нѣкоторое идеальное представленіе о прошломъ земли, «хорошо зная, что приподнятыя складки, описываемыя имъ, въ какое бы то ни было данное время никогда не существовали во всей полнотѣ», и «мы (антропологи), говоритъ онъ, въ такомъ же смыслѣ понимаемъ наши расы. Мы далеки отъ того, чтобы утверждать, будто три наши расы существовали когда либо въ исторіи человѣчества въ абсолютной чистотѣ или изолированности. Скорѣе отъ дуба могла бы отдѣлиться вѣтвь и начать расти отдѣльно. Едва только вліянія окружающихъ условій, особыхъ жизненныхъ привычекъ и искусственнаго подбора начинали выдѣлять отдѣльныя видоизмѣненія человѣка изъ общей массы, едва только наследственность принималась за закрѣпленіе ихъ, какъ случайное измѣненіе, миграція, смѣшеніе и инныя внѣшнія условія, вмѣстѣ съ множествомъ разъединяющихъ факторовъ меньшаго значенія, начинали уничтожать эту созидательную работу. Расовое образованіе и разрушеніе всегда шли рядомъ другъ съ другомъ. Мы никогда не можемъ искать совершеннаго типа, такъ какъ онъ едва ли возможенъ. «Раса, какъ говоритъ Топинаръ, въ настоящемъ положеніи вещей есть абстрактное представленіе, понятіе о послѣдовательности въ непослѣдовательности, единства въ разнообразіи. Это — возстановленіе реального, но непосредственно недоступнаго». Лишь въ этомъ смыслѣ мы и можемъ утверждать, что въ Европѣ существуютъ три идеальныхъ расовыхъ типа, которые можно отличить одинъ отъ другого» (Will. Ripley, «The races of Europe», 111—112).

Другими словами, даже и расы, не оставшія намъ въ наслѣдіе отъ ранняго, еще мало научнаго періода антропологии, а выдѣленные или установленныя современными антропологами путемъ научнаго анализа, оказываются, по ихъ собственному сознанію, такими же идеальными представленіями, какъ и расы ученыхъ прежняго времени. Итакъ, мы должны согласиться, что какаѣ бы то ни было группировка на основаніи совокупности однихъ сома-

тологических признаков не может быть иной, как только абстрактной, существующей лишь в умѣ антрополога.

Но, быть можетъ, мы найдемъ для человѣчества умственные признаки, которые давали бы возможность паходить въ немъ извѣстныя составныя части, болѣе или менѣе обособленныя, происхождение которыхъ и отношеніе ихъ къ другимъ мы могли бы прослѣдить съ большею или меньшею ясностью?

На ряду съ понятіемъ «народъ» съ давнихъ временъ человѣческой образованности употреблялся, въ качествѣ синонима его, терминъ «языкъ». И въ настоящее время этнографы - лингвисты, какъ, напр., Фр. Мюллеръ, склонны считать языкъ единственнымъ характернымъ признакомъ этническаго типа, но антропологи не могутъ согласиться съ такимъ взглядомъ ¹⁾.

¹⁾ Различіе взглядовъ между этнографами-лингвистами и физическими антропологами выразилось въ обмѣнѣ мнѣній между Фр. Мюллеромъ и Эм. Шмидтомъ. Въ 1 № LXII т. „Globus“ Фр. Мюллеръ въ статьѣ „Антропология и этнологія въ Америкѣ“, посвященной новѣйшимъ сочиненіямъ американскихъ лингвистовъ Бринтона и Горация Гэля, высказывается по поводу „притязаній слишкомъ разрабатываемаго и цѣнимаго физическаго направленія“. Фр. Мюллеръ присоединяется къ направленію, видящему въ человѣкѣ не только *сώμα*, но, согласно Аристотелю, *σώμα καὶ ψυχή* и соглашается съ мнѣніемъ Гэля, что „лингвистическая антропология есть единственная „наука о человѣкѣ“. Эм. Шмидтъ въ № 7 LXIII т. того же журнала отвѣчаетъ ему, заступаясь за „физическихъ антропологовъ“, что „они ясно сознаютъ, что ихъ особая отрасль науки (*besondere Disciplin*) не исчерпываетъ всей области антропологии; они охотно и съ признательностью признаютъ право и заслуги другихъ отраслей антропологии и ихъ представителей... но они должны оказать рѣшительное сопротивление, когда одна изъ отраслей ихъ науки заявляетъ притязаніе быть единственно истинной наукой о человѣкѣ“. Фр. Мюллеръ въ № 12 того же тома высказалъ, что онъ вовсе не принадлежитъ къ непримиримымъ представителямъ лингвистическаго направленія, какимъ его представляетъ Эм. Шмидтъ, и только не примыкаетъ къ тѣмъ антропологамъ, которые все спасеніе (*aller Heil*) для науки о человѣкѣ ожидаютъ исключительно отъ измѣренія череповъ и членовъ тѣла и оставляютъ въ сторонѣ языкъ, какъ нѣчто незначительное или излишнее. „Съ моей точки зрѣнія, говорить онъ, я ничего не имѣю возразить, когда эти господа устанавливаютъ всевозможныя расы и нарекаютъ ихъ тѣми или други ми именами; я требую только, чтобы они оставались при своихъ расахъ и не говорили о народахъ, такъ какъ я никогда не соглашусь, чтобы можно было судить о народѣ безъ точнаго знанія его языка“. Онъ прибавляетъ, что анатому, который считалъ бы языкъ чѣмъ-то не заслуживающимъ большого вниманія, онъ сказалъ бы: „оставайтесь при вашихъ расахъ. но не говорите о народахъ, такъ какъ народъ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ раса“. Въ отвѣтъ Фр. Мюллеру въ 15 № того же журнала. Эм. Шмидтъ находитъ, что „рѣзкое нападеніе Фр. Мюллера на „анатомовъ“ исходитъ изъ недоразумѣнія. Недоразумѣнія легко возникаютъ вслѣдствіе невѣрнаго употребленія слова *εθνος* и его производныхъ“. Физическіе антропологи говорятъ объ этническихъ признакахъ, этническихъ чертахъ, этническомъ родствѣ и подразумеваютъ подъ ними лишь физическія представленія, расовыя отношенія. Тѣ же обозначенія употребляютъ и этнологъ, и лингвистъ для соціальной группы, народа, характернымъ

Языкъ является въ ихъ глазахъ признакомъ слишкомъ неустойчивымъ, чтобы можно было опереться на него въ этнологическихкихъ характеристикахъ. И сами лингвисты, не задающіеся этнографическими задачами, откровенно признаются, какъ это сдѣлалъ Лепсіусъ, «что народности и языки никогда и нигдѣ не соотвѣтствуютъ другъ другу, по своему происхожденію и по своей связи. Распространеніе и смѣшеніе народовъ идетъ своимъ путемъ, распространеніе и смѣшеніе языковъ, хотя всегда обуславливается имъ, идетъ своимъ, зачастую совершенно отличнымъ путемъ». Приводя это мнѣніе Лепсіуса, проф. Петри въ своей «Антропологін» прибавляетъ: «словомъ, языки ведутъ жизнь болѣе или менѣе независимую, которая поэтому и можетъ, и должна быть изучаема независимо отъ того этнологическаго субстрата, съ которымъ она связана». Правда, различіе языковъ всегда можетъ свидѣтельствовать объ отдѣльности или обособленности развитія этническаго типа, но общность языка, дѣйствительно, не всегда указываетъ на общность происхожденія и развитія. Какъ говоритъ Риплей, «памъ слѣдуетъ съ самаго начала избѣгать заалуженія, въ силу котораго общность языка смѣшивается съ тождествомъ расы. Національность не рѣдко совпадаетъ съ лингвистической гра-

признакомъ котораго является языкъ, почти во всѣхъ случаяхъ не совмѣщающійся съ расой... Было бы весьма важно, если бы въ физическомъ антропологін слово „этнической“ всегда замѣнялось другимъ словомъ, относящимся только къ расѣ, если бы для отличія отъ этнографіи употреблялось слово „филографія“ (отъ *φίλον*, родъ, раса): такимъ образомъ, можно было бы избѣгать многихъ недоразумѣній“.

Фр. Мюллеръ отвѣтилъ на это слѣдующимъ возраженіемъ: „Я не отвергаю важности этого (краниологическаго) пути изслѣдованія, но не могу согласиться, что въ антропологическо-этнологической области лингвистика имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ результаты краниологической науки... Господа анатомы не имѣютъ никакого основанія смотрѣть на лингвистику покровительственно, сверху внизъ, и упрекать ее въ неточности результатовъ... Всѣми наиболѣе крупными и главными успѣхами этнологія обязана лингвистикѣ, а не краниологін... Главнѣйшей задачей каждой описательной науки должна быть точная классификація ея предмета, система. Безъ системы не можетъ быть истинной науки... Наука, которая или не пришла еще ни къ какой системѣ, или въ которой почти каждый изслѣдователь создаетъ свою систему, или же гдѣ еще не пришли къ соглашенію объ основныхъ пунктахъ, на какіе система должна опираться, — такая наука производитъ впечатлѣніе чего-то незрѣлаго, какаго бы строжайшаго метода она ни придерживалась“.

Эм. Шмидтъ въ своемъ послѣднемъ словѣ только исправляетъ его толкованіе того мѣста статьи Вирхова, въ которомъ Фр. Мюллеръ усмотрѣлъ нежелательное отношеніе къ лингвистикѣ, и доказываетъ, что со стороны „физическихъ антропологовъ“ не было намѣренія „напасть“ на лингвистику или вступить къ ней „вызывающимъ“ образомъ, но ни однимъ словомъ не вступаетъ за краниологін, которую Фр. Мюллеръ упрекнулъ въ недостатокъ системы. „Globus“ LXIII (1893), № 19 (311—313).

ницей, но раса не должна быть непременно связана съ той или съ другой» (тамъ же, 17). Подтвердивъ эти положенія многими примѣрами изъ этнографіи Европы, авторъ прибавляетъ, что «языкъ, повидимому, легче уступаетъ свое мѣсто, чѣмъ даже преданія и обычай» (27).

Языкъ переносить насъ уже въ область духовной культуры человѣчества. Различными сторонами послѣдней занимаются другія отрасли антропологии — психологія народовъ, исторія культуры, исторія вѣрованій, исторія права и т. п., но до сихъ поръ ихъ работа была болѣе синтетической, чѣмъ аналитической, работой возстановленія общаго процесса развитія въ соотвѣтственной имъ области, при чемъ отдѣльные народы являются лишь звеньями оторванными другъ отъ друга или произвольно перемѣшанными между собой.

Обращаясь къ области матеріальной культуры, съ цѣлью извлечь изъ предметовъ ея данныя для характеристики этническихъ группъ и ихъ взаимныхъ отношеній, антропологъ долженъ быть убѣждаться, что распространеніе многихъ «этнографическихъ предметовъ» покрываетъ собою различныя этническія дѣленія. Эти предметы сами по себѣ не представляютъ чего либо постояннаго или неизмѣняющагося даже у малокультурныхъ и сравнительно изолированныхъ народовъ: они иногда совершенствуются, иногда регрессируютъ, иногда выходятъ изъ употребленія или замѣняются другими. Какъ выражается Ратцель, «этнографическій предметъ переселяется вмѣстѣ съ его собственникомъ; при переселеніяхъ этнографическіе предметы разносятся на большія пространства и къ народамъ самыхъ различныхъ группъ».

И такъ ни лингвистическая, ни бытовая этнографія, ни другіе перечисленные отдѣлы антропологии не помогаютъ намъ разобраться въ «безпрерывно измѣняющихся сочетаніяхъ отдѣльныхъ признаковъ», какими кажутся антропологамъ группы третьяго и четвертаго порядка или народы. Излагая мнѣнія Топинара (см. выше, стр. 9—14), мы высказали уже, что простая замѣна одного термина другимъ въ смыслѣ опредѣленности терминологіи не можетъ считаться шагомъ впередъ. Но эта опредѣленность возрастаетъ въ большей степени, если номенклатуру этнографіи, къ которой мы должны обратиться въ данномъ случаѣ, мы будемъ разумѣть не только въ антропологическомъ, но и въ географическомъ смыслѣ, если мы будемъ помнить, что китайцы не только извѣстная группа желтой расы, но и обитатели Китая, страны съ извѣстными топо-

графическими, геологическими, климатическими и биогеографическими свойствами. На самомъ дѣлѣ, антропологи, въ особенности французскіе, державшіеся идеи множественности и неизмѣяемости расъ, почти не принимавшіе во вниманіе вліянія окружающихъ условій, не придавали значенія мѣстности, въ которой оказывался тотъ или другой антропологическій типъ. Съ этой точки зрѣнія чисто географическіе термины, какъ, напримѣръ, дѣленія океанійцевъ на поли-мела-и микронезійцевъ казались не научными, допустимыми только въ виду недостаточнаго антропологическаго изученія этихъ группъ. Правда, моногенистъ Катрфажъ признавалъ зависимость антропологическаго типа отъ вліянія мѣстныхъ условій и, возставая противъ обобщеній по отношенію, напр., къ вредному вліянію тропическаго климата, устанавливалъ отдѣльныя области, въ которыхъ такое вліяніе несомнѣнно менѣе значительно, чѣмъ въ другихъ. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ этимъ воззрѣніямъ Катрфажа и отмѣчаемъ пока лишь создававшуюся имъ необходимость введенія географическаго элемента въ антропологическія соображенія. И чѣмъ далѣе отъ того времени, когда писалъ Катрфажъ, мы подвигаемся къ нашему времени, тѣмъ болѣе находимъ мы сознанія необходимости связать этнические типы съ мѣстомъ ихъ обитанія. Въ свою очередь, и географія идетъ на встрѣчу антропологии въ той отрасли своей, которая носитъ теперь названіе антропогеографіи. Географія, впрочемъ, и прежде не упускала изъ вида связь человѣческаго населенія съ обитаемой имъ областью, считая его такимъ же продуктомъ или, по крайней мѣрѣ, такой же естественной принадлежностью этой послѣдней, какъ и свойственныя ей животныя и растенія. Новѣйшая антропогеографія только еще болѣе отмѣчаетъ и опредѣляетъ эту связь. Фр. Ратцель, авторъ перваго систематическаго сочиненія по антропогеографіи, выясняетъ слѣдующимъ образомъ отношеніе этой науки къ занимающему насъ вопросу: «Первоначально всякая наука есть наука антропологическая. Но въ географіи эта связь съ человѣкомъ была наиболѣе тѣсной и прочной. Нельзя не признать, что пространства земли долгое время имѣли значеніе лишь по столько, по сколько они имѣли то или другое отношеніе къ человѣку; и въ настоящее время ихъ человѣческія отношенія обыкновенно занимаютъ наиболѣе мѣста даже въ научно-географическихъ сочиненіяхъ... Человѣкъ составляетъ предметъ географіи въ той мѣрѣ, въ какой онъ зависитъ отъ пространственныхъ отношеній земли или находится подъ ихъ вліяніемъ. Но отрасль науки, ко-

торую мы, по аналогіи съ географіей растений или животныхъ, называемъ антропогеографіей, въ такой же степени глубже и обширнѣе, въ какой человѣчество представляетъ нашему изслѣдованію болѣе сторонъ, а также болѣе трудныхъ и богатыхъ задачъ... Человѣчество и многочисленнѣе, и встрѣчается въ болѣе измѣнчивыхъ формахъ индивидуальной или коллективной жизни, такъ что уже плотность его расселенія, его болѣе или менѣе постоянное мѣстопробываніе, соприкосновеніе границъ заселенныхъ имъ областей, перемѣщенія, смѣшенія народовъ между собою, однимъ словомъ, вся статистика населенія, родъ, размѣры, число и положеніе его жилищъ, представляютъ множество новыхъ проблемъ... Темнота первобытной исторіи человѣчества должна неизбежно поднимать значеніе географіи, которая въ конечномъ и рѣшающемъ вопросѣ о происхожденіи человѣческаго рода можетъ быть руководительницей на теперешнихъ путяхъ, составляющихъ болѣе предметъ догадокъ, чѣмъ дѣйствительнаго пользованія ими». (Ratzel «Anthropogeographie», I, 18, 20, 33). Географическія классификаціи, которыхъ прежде избѣгала антропология, получаютъ иное значеніе, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія антропогеографіи. «Народы, говоритъ Ратцель, по крайней мѣрѣ, наибольшія группы, на какія распадается человѣчество, нельзя классифицировать географически, не дѣлая вмѣстѣ съ тѣмъ шага отъ географическихъ группъ къ родственнымъ группамъ. Вопросъ «гдѣ?» переходитъ въ вопросъ «откуда?». Формы рассматриваются уже не со стороны ихъ пространственной близости, а со стороны ихъ внутренняго сродства, въ которомъ заключается исторія ихъ географическаго распространенія, со стороны ихъ происхожденія одной отъ другой». (Anthropogeogr., II, 747—8).

Если перенесеніе группировки человѣчества на географическую почву, изслѣдованіе различій человѣческихъ группъ въ зависимости отъ ихъ географическихъ отношеній общаетъ намъ возможность коснуться и филиаціи ихъ, и при томъ коснуться на болѣе реальной почвѣ, чѣмъ при изслѣдованіи тѣхъ же вопросовъ съ расовой точки зрѣнія, тѣмъ болѣе мы можемъ надѣяться на установленіе типа, элемента расы, не дающагося антропологамъ. Безуспѣшность ихъ попытокъ разложить населеніе известной страны или мѣстности на составныя части, которыя могли бы быть сведены къ известнымъ расовымъ типамъ, зависитъ отъ стремленія фиксировать то, что само по себѣ крайне измѣнчиво; эта измѣнчивость замѣчается и во времени, и въ пространствѣ. Фактическая

невозможность повсюду прослѣдить и установить эти типы заставляетъ сторонниковъ ихъ видѣть въ каждомъ данномъ случаѣ лишь безпорядочное сочетаніе признаковъ. Въ иномъ положеніи оказывается изслѣдователь, когда онъ задается опредѣленіемъ мѣстнаго типа извѣстной географической области, т. е. стремленіемъ установить его въ пространственномъ отношеніи. Если не въ каждой данной мѣстности удастся ему установить его, если онъ встрѣтится со множественностью типовъ, то ему легче будетъ различить ихъ по сравненію съ сосѣдними типами. Во всякомъ случаѣ, въ сочетаніи извѣстныхъ признаковъ онъ уже не будетъ видѣть случайнаго смѣшенія, какъ скоро оно оказывается связаннымъ съ извѣстной мѣстностью. Тогда вопросъ сводится къ тому — является ли извѣстное видоизмѣненіе типа по сравненію съ сосѣдними или несомнѣнно родственными по происхожденію типами, — если такое видоизмѣненіе замѣчается, — независимымъ отъ географическихъ условій, или мы можемъ усмотрѣть въ немъ дѣйствіе этихъ послѣднихъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ разъясненію этого существеннаго для насъ вопроса, мы должны остановиться на сложномъ смыслѣ термина «народъ», которымъ, какъ болѣе конкретнымъ, антропология пытается замѣнить терминъ «раса». Мы не можемъ упустить изъ виду, что этимъ терминомъ пользуются и политическія науки; слѣдовательно, употребляя его для своей терминологіи, антропология должна была бы придать ему извѣстное опредѣленное значеніе соотвѣтственно своему характеру точной науки. Это лежитъ на обязанности той вѣтви ея, которая называется этнологіей и занимается изученіемъ физической и духовной сторонъ человѣчества. Теоретически главнымъ предметомъ изслѣдованія этнолога является народообразовательный процессъ, начиная отъ его первичной формы («рода»), продолжая дальнѣйшими осложненіями ея («племенами») и кончая законченной формой, къ которой можетъ быть приложено обозначеніе «народа». Практически задача этнолога сводится къ опредѣленію — къ какой изъ стадій этногенетическаго процесса можетъ быть отнесена та или другая наблюдаемая этническая группа? Какъ скоро мы наблюдаемъ ее въ дѣйствительности, мы неизбѣжно видимъ ее въ извѣстной географической обстановкѣ, и у насъ не можетъ не явиться вопроса — на сколько эта ступень развитія зависитъ отъ окружающихъ условій. Приходя къ убѣжденію, что настоящимъ объектомъ изслѣдованія ея долженъ быть народъ, антропология тѣмъ самымъ

уничтожаетъ поддерживавшееся еще до недавняго времени различіе между антропологическимъ и этническимъ типами, которые отнынѣ должны считаться понятіями тождественными. Упомянутая выше задача этнологіи сливается, такимъ образомъ, съ задачей соматической антропологіи.

Изъ всего сказаннаго мы вправѣ заключить, что стремленіе антропологіи установить расовые типы не привели до сихъ поръ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и ей приходится обратиться къ этническимъ типамъ, изученіе происхожденія и развитія которыхъ общааетъ быть наиболѣе опредѣленнымъ при совмѣстномъ изученіи ихъ географической среды. Вступая на эту почву, мы должны прежде всего опредѣлить—насколько эта среда вліяла на происхожденіе и видоизмѣненія этническаго типа.

Г Л А В А II.

Возрѣнія на дѣйствіе среды.

Связь между внѣшними различіями обитателей тѣхъ или другихъ странъ и различіями самихъ странъ давно уже представлялась человѣческому уму, какъ одно изъ апріорныхъ объясненій разнообразія человѣческихъ типовъ. Фактъ, бросавшійся въ глаза каждому путешественнику, передвижавшемуся въ меридіональномъ направленіи, указывавшій, что съ болѣе низкими широтами связаны болѣе темный цвѣтъ кожи, еще въ раннемъ періодѣ исторіи нашей науки повелъ къ обобщенію, что цвѣтъ кожи зависитъ отъ климата. У древнихъ «климатъ», какъ *inclinatio coeli*, былъ понятіемъ чисто географическимъ; это можно сказать и о греческихъ, и объ арабскихъ ученыхъ, которые одинаково понимали подъ этимъ терминомъ «косвенное положеніе сферы относительно горизонта, откуда слѣдуетъ неравенство дня и ночи» (A. Bastian. «Ueber Klima und Acclimatisation nach ethnischen Gesichtspunkten», 41). Климаты распредѣлялись для нихъ въ видѣ правильныхъ поясовъ, которымъ соответствовали растенія и животныя, и по величинѣ, и по цвѣту. Такъ, Итоломей повторяетъ господствовавшее въ его время возрѣніе, будто размѣры животныхъ увеличиваются по мѣрѣ передвиженія отъ высокихъ широтъ къ низкимъ; подтвержденіе этого вывода представлялось въ крупныхъ толстокожихъ, обитателяхъ жаркаго пояса. Подобно тому, и цвѣтъ кожи человѣка признавался тѣмъ болѣе темнымъ, чѣмъ ближе къ экватору онъ обиталъ. Какъ замѣчаетъ Пешель, Ктезій, знакомый съ населеніемъ Индіи, сообщалъ, что тамъ живутъ и свѣтлокожія племена, но его указаніе не уничтожило убѣжденія, что съ приближеніемъ къ экватору цвѣтъ кожи человѣка темнѣетъ. Въ этомъ смыслѣ высказывались Плиніи и Витрувій; послѣдній зналъ не только южныя, темповолосыя народности, но и свѣтловолосыя,

сѣверныя, что еще болѣе должно было укрѣпить его въ мнѣніи о соотвѣтствіи между цвѣтомъ кожи и географической широтой (Peschel, «Geschichte der Erdkunde», 73). Въ этихъ взглядахъ признавалось непосредственное дѣйствіе на человѣческую кожу солнечнаго свѣта и тепла, къ чему преимущественно сводилось вліяніе климата. Гиппократъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «De aere, etc.», идетъ уже далѣе: онъ приходитъ къ заключенію, что физическія различія между человѣческими группами обуславливаются не только температурой, но и влажностью, и географическими условіями мѣстности. Именно, у него можно найти обобщеніе, что высокія, обильныя источниками горныя мѣстности производятъ людей высокаго роста и сильнаго сложенія; луговныя равнины—людей малорослыхъ, коренастыхъ и жирныхъ, типическими представителями которыхъ ему казались скибы; сухія, бѣдныя растительностью страны даютъ, по его мнѣнію, черныхъ, сухощавыхъ людей, а страны теплыя и влажныя, болотистыя и лѣсистыя—людей рослыхъ, съ желтымъ цвѣтомъ кожи, образецъ которыхъ онъ видѣлъ въ фазійцахъ. Не даромъ Гопинаръ называетъ Гиппократа первымъ, кто указывалъ происхожденіе антропологическихъ признаковъ подъ вліяніемъ окружающей среды.

Арабскіе ученые (Эдризи, Казвини и др.) продолжали видѣть въ черномъ цвѣтѣ кожи и курчавыхъ волосахъ обитателей тропиковъ лишь дѣйствіе высокой температуры и, наоборотъ, въ свѣтлой, «незрѣлой» кожѣ русскихъ и скибовъ—дѣйствіе недостаточныхъ солнечныхъ лучей. Пять поясовъ, установленныхъ Парменидомъ, они увеличивали до семи въ каждомъ полушаріи и учили, что каждому поясу соотвѣтствуютъ извѣстные минералы, растенія и животныя. Согласно Шемсу-единъ-Димешки, въ поясѣ, прилегающемъ къ экваторіальному, камни и люди достигаютъ высшаго совершенства, между тѣмъ, какъ пятый и шестой климаты ($38^{\circ} 23'$ — 50° с. ш.) благопріятнѣе для растеній, тѣмъ для людей и животныхъ, а самый сѣверный поясъ удобенъ лишь для однихъ растеній. Названный ученый утверждалъ, что свѣтлый цвѣтъ кожи и умственная даровитость распространяются къ сѣверу и къ югу немногимъ далѣе третьяго или четвертаго климата (20° — $33^{\circ} 49'$ с. ш.). Съ другой стороны, Масуди указывалъ, что высшія качества чловѣка встрѣчаются у народовъ четвертаго климата, къ которому принадлежать сѣверный берегъ Африки и Испанія. Эти воззрѣнія характеризуютъ не только арабскую, но и средне-вѣковую христіанскую науку (Peschel, op. cit., 166—7).

Открытіе Америки, положившее конецъ многимъ невѣрнымъ, предвзятымъ мнѣніямъ, державшимся въ географіи и этнографіи, должно было уничтожить освященное вѣками положеніе о черномъ цвѣтѣ кожи обитателей тропическаго пояса. Описание названной части свѣта показало, что туземцы тропическихъ странъ могутъ обладать цвѣтомъ кожи, почти не отличающимся отъ цвѣта ея у родственннхъ имъ группъ болѣе высокихъ широтъ, т. е., другими словами, оно уничтожило предубѣжденіе, будто цвѣтъ кожи находится въ прямой зависимости отъ интенсивности свѣта и тепла солнечныхъ лучей. Съ того времени климатическія вліянія понимались въ наукѣ въ болѣе обширномъ смыслѣ. Уже «вѣкъ великихъ открытій» приносилъ все болѣе и болѣе данныхъ для опроверженія взгляда о непосредственной зависимости цвѣта кожи отъ географической широты (Peschel, op. cit., 445). Со второй половины XVII в., когда начались научныя путешествія и строго научная обработка добытыхъ ими данныхъ, эта зависимость должна была тѣмъ болѣе терять почву, чѣмъ детальнѣе разрабатывались географія и этнографія.

Съ упомянутымъ періодомъ совпадаетъ усиливающаяся спеціализація отдѣльныхъ отраслей географіи. Возрастающая точность инструментовъ, увеличивающееся количество мѣстныхъ наблюденій и примѣненіе Гумбольдтомъ сравнительнаго метода придали метеорологіи быстрое и блестящее развитіе. На ряду съ нею развивалась и климатологія. Собственныя задачи этой обширной и многообѣщающей отрасли землѣвѣдѣнія заставили ее разорвать на время съ другими отраслями той же области знанія. Хотя климатологія не забываетъ, что въ ней «выступаютъ на первый планъ метеорологическія явленія, имѣющія наибольшее вліяніе на органическую жизнь земли», вслѣдствіе чего «въ этомъ смыслѣ климатологія является служебною наукою географіи» (Hann, «Handbuch der Klimatologie»), но терминъ «климатъ» въ новѣйшей наукѣ уже утратилъ связь со своимъ греческимъ корнемъ и съ опредѣленіемъ его Гумбольдта, по которому «въ своемъ общемъ значеніи, онъ обнимаетъ всѣ измѣненія въ атмосферѣ, замѣчаемыя нашими органами. Таковы температура, влажность, измѣненія барометрическаго давленія, спокойное состояніе воздуха или дѣйствіе разноименныхъ вѣтровъ, наконецъ, ясность неба». (См. Bastian, «Ueber Klima», 41). Указывая задачу климатологіи, въ отличіе отъ задачи метеорологіи, Ганнъ называетъ климатологію «описательной наукою, задача которой—возможно живое изображеніе взаимодѣйствія всѣхъ

атмосферическихъ явленій въ извѣстномъ мѣстѣ земли» (Напп, «*Ndb. d. Klim.*»). Сообразно тому, и въ его сочиненіи, которое мы назвали, и въ «Климатахъ земного шара» проф. Воейкова отведено обширное мѣсто климатографіи, описанію климатовъ отдѣльныхъ областей земли; однако, антропологіи трудно было бы примѣнить къ своимъ цѣлямъ эти описанія.

Невозможность согласовать требованія антропологіи съ данными климатологіи выражается всего замѣтнѣе въ отсутствіи совпаденія между границами крупныхъ антропологическихъ дѣленій съ границами чисто климатологическихъ областей. Новѣйшая климатологія должна была уничтожить древнее дѣленіе земли на пять поясовъ, разграничивавшихся поворотными и полярными кругами, замѣнивъ ихъ поясами или зонами температуры, границы между которыми намѣчаются наиболѣе важными годовыми изотермами. Такими изотермами Зупанъ признаетъ 20° и 0° . Для каждаго полушарія онъ устлавливаетъ термическое дѣленіе на три главные зоны и каждую изъ нихъ дѣлитъ еще на два второстепенныхъ пояса. Онъ отмѣчаетъ только совпаденіе годовой изотермы 20° съ сѣверной границей пальмъ по Гризебаху (Supan, *Grundzüge der physischen Erdkunde*, 50—51). Воейковъ дѣлаетъ ту же поправку слѣдующимъ образомъ: «Достаточно взглянуть на карту изотермъ, говоритъ онъ, чтобы увидѣть, что среднія температуры не соотвѣтствуютъ вполнѣ астрономическому раздѣленію. Не думаю, однако, чтобы можно было вездѣ и во всемъ руководствоваться одними средними температурами. Отношеніе земли къ солнцу такъ важно, что оно можетъ и должно быть принято въ расчетъ при раздѣленіи земли на пояса. Спрашивается только, держаться ли тропиковъ и полярныхъ круговъ, какъ предѣловъ поясовъ? Выше уже показано, что одно изъ самыхъ существенныхъ явленій тропическаго пояса, пассаты или въ болѣе общихъ выраженіяхъ, господство восточныхъ вѣтровъ, простирается и довольно далеко за тропики, даже въ южномъ полушаріи. Далѣе и среднія температуры еще высоки нѣсколько за тропикомъ. Можно бы принять раздѣльными чертами 30° N и S., но и это неудобно потому, что зимой на западныхъ частяхъ материковъ и на сосѣднихъ моряхъ господствуютъ западные вѣтры—явленіе среднихъ широтъ. Я принимаю 25° N и S., такъ какъ при этомъ не приходится причислять къ тропическому поясу странъ, гдѣ климатическія явленія существенно отличаются отъ тропическихъ. Раздѣльной чертой умѣренного и холоднаго пояса я принимаю 65° N и S. За этой чертой уже земледѣліе почти

нигдѣ не составляетъ главнаго занятія жителей и лишь рыбные и звѣриные промыслы привлекаютъ сколько нибудь густое населеніе» («Климаты земнаго шара», 350—351). Какъ мы видимъ, и проф. Воейковъ принимаетъ во вниманіе лишь растительную границу. Названные ученые и не искали совпаденія границъ теплаго или холоднаго поясовъ съ границами, антропологическихъ группъ, напр., негровъ или гиперборейцевъ, сознавая, что совпаденіе въ данномъ случаѣ не могло бы быть чѣмъ либо постояннымъ, а могло бы оказаться лишь случайнымъ¹⁾.

1) Степень зависимости чело́вѣка отъ климата по сравненію съ другими живыми существами отчасти выясняется при сопоставленіи климатическихъ картъ съ картами размещенія ботаническихъ, зоологическихъ и антропологическихъ формъ. Области, намѣчаемыя на такихъ картахъ, условны и даже спорны, но онѣ все же съ достаточною наглядностью показываютъ намъ, что власть климата не отражается на чело́вѣкѣ въ такой же мѣрѣ, какъ на растеніяхъ и животныхъ. Сопоставляя карту климатическихъ провинцій Зупана (XIV въ числѣ картъ, приложенныхъ къ его названной выше книгѣ), гдѣ приняты во вниманіе, кромѣ чисто климатологическихъ факторовъ — температуръ, осадковъ и вѣтровъ, и орографическія отношенія, съ картою растительныхъ областей Друде, мы видимъ нѣкоторыя совпаденія тѣхъ и другихъ. Изъ семи провинцій „сѣвернаго царства“ его средне-европейская отчасти совпадаетъ съ западно-европейской провинціей Зупана, русская степная — съ восточно-европейской, сибирская — съ западно- и восточно-сибирскими, внутренне-азиатская — съ провинціей Азіатскаго плоскогорья, китайско-японскія прибрежныя страны — съ китайско-японской провинціей, Туркестанъ — съ Аральской, атлантическо-средиземно-морская — съ средиземно-морской, С. Сахара и С. Аравія — съ Сахарской, Калагари — съ Калагари, Капское царство — съ Капской провинціей, Полинезія — съ полинезійской тропической провинціей, Гавайскіе острова — съ Гавайской, З. и Ю. Австралія — съ юго и юго-западной австралійской провинціей, В. Австралія — съ австралійской восточной, Колумбійская — съ сѣверо-западной береговой, Канадско-Гудзоновской, Антильскихъ о-вовъ — съ вестъ-индской, чилийской и аргентинской — съ пампасской, и, наконецъ, арктической — съ арктической. Уже меньше совпаденій открывается при сравненіи карты Зупана съ зоо-географической картою Уоллеса. Палеарктическая область послѣдней покрываетъ 8 провинцій карты Зупана, и только 1-е подраздѣленіе палеарктической области, обнимающее Европу до южныхъ хребтовъ, совпадаетъ съ 1-й и 2-й провинціями Зупана; восточная область Уоллеса совпадаетъ съ провинціей остъиндско-австралійскаго муссона; въ нѣкоторой степени замѣчается совпаденіе между эѳіопскою областью Уоллеса и тропической провинціей Африки Зупана, и отчасти между 2-мъ подраздѣленіемъ неарктической области и 4-й провинціей Зупана, 3-мъ подраздѣленіемъ той же области и 5-й провинціей, между 4-мъ подраздѣленіемъ и вестъ-индской провинціей и между 2-мъ подраздѣленіемъ неотропической области и южно-американской тропической провинціей. Сопоставленіе климатической карты съ антропологической не даетъ уже намъ видѣть этихъ совпаденій. Достаточно взглянуть на карты Герланда, чтобы увидѣть изъ громадной области размещенія монгольской расы до эпохи великихъ открытій независимость этого размещенія отъ климатологическихъ провинцій; нѣсколько большее совпаденіе открывается для черной расы, но и эта область значительно служена распространеніемъ бѣлой расы. Новѣйшее географическое распредѣленіе расъ, отмѣченное на другой картѣ, также замѣтно совершается помимо различій климатическихъ провинцій, вплоть обнару-

Съ тѣхъ поръ, какъ климатологія внесла въ естествознаніе точное опредѣленіе того, что слѣдуетъ понимать подъ терминомъ «климатъ», антропологія не могла уже довольствоваться тѣмъ общимъ, широкимъ пониманіемъ его, какое продолжало еще жить въ языкѣ историковъ и философовъ, занимавшихся вопросомъ о вліяніи климата на судьбы человѣчества ¹⁾).

живая космополитизмъ человѣка. Даже принимая во вниманіе вторичныя расы, которыя еще недавно признавались этнографами и которыя нанесены на картѣ того же Герланда, приложенной къ VI т. „Антропологія“ Вайца, мы усматриваемъ лишь немногія совпаденія. Естественныя преграды, которыя рѣзко разграничивали ботаническія и зоологическія области (каковы горныя хребты на югѣ Европы и Азіи), здѣсь теряютъ значеніе и не препятствуютъ распространенію индо-европейскихъ народовъ. И въ Африкѣ мы не видимъ совпаденія климатическихъ и этнографическихъ областей, такъ какъ кривая сѣверной границы негрскихъ народовъ высоко поднимается къ сѣверу и низко опускается на восточной сторонѣ материка. Только общая и Старому, и Новому свѣту арктическая провинція, влѣдствіе своей естественной обособленности, выражаетъ эту обособленность и въ климатическомъ, и въ этнографическомъ отношеніи. Нѣкоторое сходство между климатическими и этнографическими областями можно замѣтить въ области расселенія готтентотовъ и бушменовъ, но сходство сосредоточивается лишь въ Калагари; особая Капская провинція Зупана не имѣетъ этнографической самостоятельности. Большее совпаденіе между областями обоего рода мы находимъ въ Америкѣ, но лишь благодаря преобладанію чисто географическаго дѣленія этническихъ группъ сѣверо-американскихъ, южно-американскихъ индѣйцевъ и др. Для болѣе мелкихъ этнографическихъ дѣленій мы еще меньше могли бы ожидать отыскиваемыхъ совпаденій. Болѣе родственныя черты отмѣчаемъ мы при сопоставленіи климатической карты Африки съ культурной картой этой части свѣта, какую даетъ Ратцель при I т. „Народовѣднія“. Южная граница 11-я (сахарской) провинціи Зупана до известной степени совпадаетъ съ южной границей сѣверныхъ пастушескихъ народовъ; 12-я (тропическая) провинція вмѣщаетъ въ себѣ земледѣльцевъ, 13-я (Калагари) охотничьи народы, а 14-я (Капская) — всего болѣе принадлежитъ европейской колоніи. Подобно тому, и границы климатическихъ провинцій Америки во многихъ отношеніяхъ совпадаютъ съ границами культурныхъ областей. Такъ 2-я (сѣверо-западная береговая) провинція Зупана соответствуетъ области сѣверо-западныхъ американцевъ Ратцеля; 7-я (провинція тропическихъ Кордильеръ) и 9-я (перуанская провинція) соответствуютъ областямъ наибольшей культуры Сѣверной и Южной Америки; 8-я (тропическая провинція Ю. Америки), 10-я (сѣверно-чилійская), 11-я (южно-чилійская) и 12-я (провинція пампасовъ) также имѣютъ свои аналогическія области на культурной картѣ Америки названнаго сочиненія Ратцеля.

Наши сопоставленія, при всей ихъ поверхностности, свидѣтельствуютъ, что климатъ имѣетъ скорѣе посредствующее значеніе для образованія различій между человѣческими группами, вызывая различія въ образѣ жизни и связанныя съ ними измѣненія, чѣмъ непосредственное. Какъ мы увидимъ дальше, прямое дѣйствіе климата должно подлежать и другимъ ограниченіямъ.

¹⁾ Насколько объясненія съ помощью неопредѣленныхъ терминовъ, не выясненныхъ для тѣхъ, кто ихъ употребляетъ, бываютъ лишь мнимыми, видно изъ сопоставленія, какое дѣлаетъ Ратцель между словами Кондилляка и Гельвальда. Первый, въ своемъ „Essai sur l'origine des connaissances“ (1798 г.), говоритъ, что „характеръ народа образуется клима-

Но по мѣрѣ того, какъ антропологія обращалась къ точному научному пониманію термина «климатъ», ей приходилось болѣе уничтожать старыя апіорныя заключенія, чѣмъ указывать положительныя данныя относительно вліянія климата на образованіе отличительныхъ признаковъ человѣческихъ группъ. Вайцъ, въ первомъ изданіи I тома «*Anthropologie der Naturvölker*» (1859 г.), говорилъ: «Хотя и признается, что, въ особенности, болѣе продолжительное воздѣйствіе климатическихъ вліяній (температуры воздуха, его абсолютной высоты, его непостоянства и различій, степени сырости, давленія и химическаго состава, частоты и свойства вѣтровъ, дожда и т. д.) вызываетъ извѣстныя измѣненія въ человѣческомъ организмѣ, но еще мало изслѣдовано, какимъ образомъ это происходитъ, и обыкновенно приходится лишь констатировать фактъ совпаденія извѣстныхъ климатическихъ условій съ опредѣленными различіями тѣлесной организаціи» (op. cit., 38—39). Переходя къ вопросу о вліяніи климата на цвѣтъ кожи, названный антропологъ можетъ только опровергать повторявшіеся въ то время объясненія черноты кожи негра недостаточнымъ количествомъ вдыхаемаго кислорода для превращенія углерода легкихъ въ угольную кислоту, вслѣдствіе чего несгорѣвшій углеродъ отлагается въ пигментныхъ клѣточкахъ кожи. Вайцъ указываетъ, что подобный же процессъ, происходящій въ нашемъ поясѣ въ лѣтнее время, не ведетъ къ такому же результату, что потемнѣніе нѣкоторыхъ частей тѣла у родильницъ не позволяетъ предположить, будто черный цвѣтъ составляетъ особенность негровъ, и что подъ тропиками въ Ост-Индіи, Южной Америкѣ и даже въ Африкѣ живутъ народы, цвѣтъ кожи которыхъ не можетъ быть названъ чернымъ (ib., 40). Подобныя же возраженія Вайцъ приводитъ и противъ предполагаемаго вліянія климата на ростъ, отмѣчая примѣры непосредственнаго сосѣдства народовъ высокаго роста и малорослыхъ и склоняясь къ выводу, что «происхождение» (*Abstammung*) (или, какъ бы сказали теперь, наследственность расовыхъ признаковъ) имѣетъ болѣе вліянія, чѣмъ климатъ (ib., 44—45). Тоже заключеніе повторяетъ онъ и относительно цвѣта кожи, волосъ и глазъ (ib., 47). Очевидно, уже и въ его время напрашивалось сообра-

томъ и формой правленія», а Гельвальдъ („*Ausland*“ 1880 г.),—что „климатъ, свойства почвы и положеніе страны составляютъ лишь условія для способа образованія характера народа“. „Трудно было бы найти, прибавляетъ Ратцель, болѣе рѣзкій примѣръ безплодности всего, что въ теченіе почти ста лѣтъ было сказано по вопросу о вліяніи естественныхъ условій“ („*Anthropogeographie*“, I, 64—65).

женіе, выраженное имъ въ слѣдующихъ словахъ; «Если не оказывается равномернаго усиленія темнаго цвѣта кожи съ приближеніемъ къ экватору, то этимъ подтверждается, что и означенная физическая особенность, такъ же, какъ и многія другія, отчасти зависятъ отъ мѣстныхъ условій, которыми, кромѣ географической широты, опредѣляется климатъ каждаго мѣста» (ib. 49). Какъ общій выводъ изъ всѣхъ характерныхъ фактовъ вліянія климата на цвѣтъ кожи, Вайцъ высказываетъ: «цвѣтъ, не будучи всегда соотвѣтственнымъ географической широтѣ и даже средней годовой температурѣ, существенно опредѣляется климатомъ; размѣръ и родъ вліянія, какое на него оказываетъ климатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливается и образомъ жизни; на ряду съ обоняніемъ, наибольшее вліяніе имѣеть и происхожденіе; возможно, что и питаніе также оказываетъ свое дѣйствіе, хотя и второстепенное. Что касается дѣйствія климата, потемнѣнію кожи всего болѣе благоприятствуютъ жаркія и сырыя страны при недостаточномъ прикрытіи тѣла и при образѣ жизни, предоставляющемъ организмъ климатическимъ вліяніямъ. Частыя и рѣзкія измѣненія температуры, а также измѣненія сухости и влажности вызываютъ потемнѣніе кожи въ каждомъ климатѣ и каждой расы въ извѣстной степени, когда тѣло подвергается этимъ вліяніямъ часто и безъ прикрытія (ib., 56—57).

Въ I томѣ своей «Антропология», Петри, приводя различныя мнѣнія по этому вопросу, приходитъ къ выводу, что, въ виду миграцій человѣческаго рода, невозможно говорить о распредѣленіи его по цвѣту сообразно географическимъ широтамъ, какъ это полагали древніе. Тѣмъ не менѣе, онъ обращаетъ вниманіе на фактъ существованія въ Европѣ зоны бѣлокурыхъ народовъ и мѣстонахожденіе самыхъ темныхъ народовъ (іолофовъ и папуасовъ) вблизи экватора. Приобрѣтеніе болѣе темной окраски европейцами подъ тропиками и болѣе свѣтлой неграми и папуасами въ Европѣ, а также постепенное потемнѣніе новорожденныхъ негровъ, кажутся ему фактами, заслуживающими полнаго вниманія. Ссылаясь на выводы новѣйшей физиологии, въ силу которыхъ окраска кожи сводится не къ качественному, а къ количественному различію въ пигментѣ, авторъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ труднымъ «фактически доказать непосредственное участіе свѣта въ выработкѣ цвѣтовыхъ оттѣнковъ различныхъ племенъ; по всему вѣроятію, вліяніе свѣта комбинируется здѣсь съ цѣлымъ рядомъ другихъ факторовъ не только климатическихъ, но и культурныхъ» (Петри, «Антрополо-

гія», I, 212—214). Два климатическіе фактора—влажность и вѣтры—Петри разсматриваетъ лишь въ ихъ общихъ вліяніяхъ на чело-вѣчскій организмъ, и, какъ окончательный выводъ, высказываетъ, что «если мы и признаемъ глубокое значеніе климата для фізіологической и психической жизни чело-вѣка, если даже допустимъ, что климатъ, въ виду этого своего значенія, можетъ способствовать развитію и укрѣпленію наивѣстныхъ расовыхъ особенностей, то все же мы далеки отъ формулы Кузена: «каковъ климатъ, таковъ народъ» (op. cit., 227). Въ другомъ мѣствѣ (стр. 260) Петри прибавляетъ: «наука наша сдѣлала уже весьма значительные успѣхи въ области вопросовъ антропогеографическихъ; однако, детальное изученіе вопросовъ и, главнымъ образомъ, экспериментальное фізіологическое изученіе вліянія каждаго географическаго фактора въ отдѣльности заставляетъ желать весьма многого. Главное затрудненіе мы видимъ въ данномъ случаѣ именно въ томъ, что естественные факторы, какъ это выяснилось, напр., при изученіи вліянія климата на чело-вѣчество, дѣйствуютъ всегда совокупно, а не въ отдѣльности».

При сопоставленіи предъявленныхъ выводовъ названныхъ антропологовъ, выводовъ, раздѣляемыхъ тремя десятилѣтіями, съ перваго взгляда можетъ показаться, что наука не только не двинулась впередъ въ данномъ вопросѣ, но даже какъ будто отступила назадъ. Но это заключеніе было бы ошибочнымъ. Не говоря уже о томъ, что и отрицательные выводы имѣютъ иногда болѣе важное значеніе, чѣмъ псевдо-положительные, указывая невѣрность прежнихъ путей, наука, по мѣрѣ увеличенія точности ея понятій и опредѣленности задачъ, естественно становится все болѣе и болѣе осторожной въ своихъ положеніяхъ. При усиленіи зоркости и требовательности къ себѣ, ей на каждомъ шагѣ приходится убѣждаться, что ея недавніе выводы, казавшіеся точными, на самомъ дѣлѣ, ожидаютъ еще весьма многихъ дополненій и поправокъ. Такъ, наши свѣдѣнія о вліяніи климата на растенія и животныхъ вовсе не такъ точны, какъ это можно было бы предположить въ виду ихъ сравнительной простоты. Покорни говоритъ по поводу примѣненія данныхъ климатологіи къ жизни растеній: «наукѣ удается лишь мало по малу обнаружить вліяніе того или другаго климатическаго фактора на жизнь растеній и тѣмъ положить основаніе для будущей климатологіи растеній» («Общее землевѣдѣніе» Ганна, Гохштетера и Покорни, ч. III, 340). Тѣмъ менѣе можемъ мы ожидать какихъ либо положительныхъ выводовъ въ

примѣненіи данныхъ климатологіи къ задачамъ антропологіи. Это— задачи величайшей трудности, и наукѣ слѣдуетъ прежде всего намѣтить наиболѣе цѣлесообразный путь къ ихъ разрѣшенію. Разъясненіе пока еще неяснаго въ отдѣльныхъ подробностяхъ вліянія климата на человѣка должно воспослѣдовать при совмѣстной работѣ антропологовъ и климатологовъ. Какъ говоритъ Бастіанъ въ названномъ выше сочиненіи, «сравнительная физиологія человѣческихъ расъ должна дополняться метеорологіей, общей международной работой ея станцій, при распространеніи послѣднихъ въ различныхъ климатическихъ поясахъ (въ горизонтальномъ и вертикальномъ послѣдованіи ихъ). Даже и предварительныя работы этого рода едва начаты, и съ обѣихъ сторонъ наталкиваются на чувствительныя пробѣлы вслѣдствіе полнаго незнанія безусловно необходимыхъ данныхъ» (op. cit., XIV). Климатическія вліянія, вслѣдствіе ихъ тонкости и трудной уловимости наблюденіемъ ихъ непосредственныхъ результатовъ, должны быть изучаемы не столько въ ихъ морфологическомъ, сколько въ физиологическомъ дѣйствіи. Если мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, мы обязаны тѣмъ еще слишкомъ недостаточному развитію сравнительной физиологіи человѣческихъ расъ или этническихъ группъ, обитающихъ въ различныхъ климатахъ. Климатологія намѣчаетъ множество крайне важныхъ и интересныхъ задачъ для будущихъ работниковъ названной области. Таковы, напр., вліяніе различій годоваго хода тепла на человѣческій организмъ въ различныхъ поясахъ, такъ наз., «климатической температуры», температуры почвы, колебаній температуры въ связи съ относительною сыростью, вѣтровъ (со стороны ихъ возбуждающаго дѣйствія), воздушнаго давленія, испаренія и т. д. Какъ выражается Ратцель, «прежде, чѣмъ физиологія опредѣлитъ не только фактъ, но и степень податливости (Flexibilität) человѣческаго организма, что еще до сихъ поръ не сдѣлано, и прежде, чѣмъ не будетъ возможно изъ силы внѣшнихъ вліяній заключить съ достаточною основательностью о размѣрахъ ихъ дѣйствій, до тѣхъ поръ въ этихъ вопросахъ мы не будемъ двигаться на точной научной основѣ и не можемъ примѣнить къ дѣлу опыта въ обыкновенномъ смыслѣ» («Anthropogeogr.» I, 64) ¹⁾.

¹⁾ Этотъ взглядъ подтверждается и мнѣніями авторитетовъ по гигиенѣ, приведенными въ докладѣ проф. Срезневскаго на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ (журналъ „Самообразование“, 1902, стр. 367). Хотя проф. Срезневскій возражаетъ протѣвъ этихъ

Задача изслѣдователя еще усложняется, если взглянуть на дѣло глазами Реклю, который говоритъ: «Каждая провинція, каждый городъ, каждая деревушка имѣютъ свой собственный климатъ; но и онъ не представляетъ ничего постояннаго и измѣняется еже-секундно» («Земля», II, 396). Это воззрѣніе весьма важное для антрополога должно навести его на мысль, что для его цѣлей, въ виду разнообразія этническихъ группъ, необходимо изученіе мѣстныхъ климатовъ и ихъ вліянія ¹⁾.

мибній, указывая на нѣкоторыя новѣйшія работы метеорологовъ относительно дѣйствія свѣта на человѣческій организмъ, еще не вошедшія въ кругъ соображеній гигиенистовъ („Самообр.“ 368), но онъ самъ въ то же время признаетъ, что „метеорологами самый обиходный элементъ — температура воздуха, какъ въ послѣднее время выяснено, наблюдалась далеко не съ той степенью достовѣрности, которую естественно было ожидать отъ столь простыхъ, повидимому, измѣреній“ (421). Проф. Срезневскій указываетъ на метеорологическія работы, направленныя къ устраненію этихъ неудовлетворительныхъ приемовъ наблюденія, но во всякомъ случаѣ наукамъ, пользующимся выводами метеорологій, придется еще ожидать, пока эти отдѣльныя данныя составятъ нѣкоторое стройное цѣло. Метеорологія пока еще не можетъ дать путевой нити для гигиениста и для антрополога; какъ замѣчаетъ проф. Срезневскій, „та температура воздуха, о которой шла рѣчь, въ дѣйствительности, не представляетъ собою температуры, управляющей жизненными процессами; тѣмъ менѣе можно считать ее за температуру, ощущаемую человѣкомъ“ (422). Дѣйствительно, температура дѣйствуетъ на человѣка только въ связи съ влажностью, но, по соответственному указанію г. Срезневскаго, „къ сожалѣнію, мы имѣемъ въ литературѣ слишкомъ мало вычисленій отдѣльныхъ элементовъ, опредѣляющихъ влажность, чтобы имѣть возможность дѣлать изъ нихъ какіе либо выводы въ отношеніи физиологій человѣческихъ отпавленій и самочувствія“ (424). Въ заключеніе, переходя къ дѣйствию климатовъ, т. е. комбинацій отдѣльныхъ элементовъ на человѣка, авторъ разсматриваетъ косвенныя вліянія на него климатическихъ условій, дѣйствующихъ непосредственно лишь на животное и растительное царства, плодами которыхъ пользуется человѣкъ, при чемъ опирается на извѣстную карту климатическихъ поясовъ Кеппена, основанную на ботанической географіи. Слѣдуя ей, проф. Срезневскій отмѣчаетъ пояса, болѣе или менѣе благоприятныя для человѣческой есѣдлости и работы, иначе сказать вполнѣ вступаетъ въ область антропогеографіи.

¹⁾ Насколько и климатологами признается важность изслѣдованій мѣстныхъ климатовъ, мы можемъ видѣть также изъ словъ проф. Срезневскаго: „Огромное вліяніе мѣстныхъ условій, говоритъ онъ, дѣлаетъ то, что указанными, крайне малочисленными наблюденіями невозможно пользоваться для сопоставленія ихъ съ фенологическими и клиническими наблюденіями, не пріуроченными, конечно, къ мѣстности обсерваторіи“ (журналъ „Самообразование“, 1902 г., № 12, 364). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Насколько велико разнообразіе топографическихъ условій, можно судить изъ изслѣдованій А. И. Воейкова; еще недавно только стали общенѣвѣстными его положенія относительно суточного хода температуры въ зависимости отъ рельефа мѣстности, а также и огромнаго значенія снѣгового покрова по отношенію къ температурѣ зимы (тамъ же, № 14, 421). Названная статья проф. Срезневскаго можетъ служить выраженіемъ сознанія того, насколько и климатологи, и гигиенисты

При настоящемъ положеніи нашихъ знаній, когда мы еще не можемъ думать объ опредѣленіи вліяній отдѣльныхъ факторовъ¹⁾, мы можемъ говорить лишь о вліяніи «совокупности географическихъ условій». Какъ говоритъ Реклю въ томъ же мѣстѣ: «Всѣ наблюдаемые климатологическіе факты сливаются и, слѣдовательно, только совокупность ихъ производитъ вліяніе на народъ». По словамъ Топингара, «слѣдуетъ разсматривать не частности широты, высоты, сухости и влажности, а совокупность условій, содѣйствующихъ общему вліянію. Воздушныя или морскія теченія, дѣйствующія согрѣвающимъ, иссушающимъ или увлажняющимъ образомъ; теллурическія свойства, придающія почвѣ большую или меньшую степень проницаемости и благоприятствующія или препятствующія растительности или образованію пустынь или же болотъ; высота (надъ у. м.), могущая сама по себѣ представить подъ тропиками климатъ Англіи и Скандинавіи, иногда производятъ полное превращеніе условій какого либо мѣста... При этомъ и изотермы должны быть принимаемы въ соображеніе» (Topinard, Elem. d'anthrop. gèner., 327—328). Такая постановка вопроса переноситъ его на обще-біогеографическую почву, въ сферу вліянія окружающей среды. Но пользованіе этимъ біологическимъ терминомъ вводитъ насъ въ кругъ противорѣчивыхъ мнѣній дарвинистовъ и антидарвинистовъ, моногенистовъ и полигенистовъ, изъ которыхъ каждый по своему понимаетъ терминъ «среда» и увеличиваетъ или уменьшаетъ его значеніе сообразно своимъ возрѣніямъ.

Понятіе объ «окружающихъ условіяхъ» оказывается болѣе или менѣе широкимъ. Браунъ, цитируемый Бастианомъ съ точки зрѣнія геозоологіи, т. е. отношенія животныхъ къ землѣ, къ внѣшнимъ условіямъ причисляетъ: 1) температуру, 2) свѣтъ, 3) электричество, 4) составъ воздуха, 5) влажность воздуха, 6) атмосферный воздухъ въ водѣ, 7) воздушное давленіе, 8) зитологическія причины, 9) отношеніе между сушей и водой, 10) жизнь растений, 11) зависимость животнаго отъ другихъ животныхъ, и 12) отъ людей (насколько ими обусловливается существованіе многихъ

считаютъ недостаточными произведенныя до сихъ поръ работы для установленія твердыхъ научныхъ данныхъ по вопросу о вліяніи климата на человѣческой организмъ.

¹⁾ Если собрать мнѣнія антропологовъ по этому вопросу, то большинство изъ нихъ отдастъ преобладаніе вліянію температуры, но Вирховъ, который также стоитъ за преобладаніе ея, сознается, что вообще трудно сказать, „гдѣ кончается дѣйствіе жаркаго климата и гдѣ начинается дѣйствіе маляріи“ (Z. f. Ethnol., 1885, Abhandl. 208).

животныхъ) («Allgemeine Grundzüge der Ethnologie», 10). Земперъ ставитъ задачей зоолога исследовать, какимъ образомъ «жизненные условия» дѣйствуютъ на отдѣльныхъ животныхъ и ихъ органы, чтобы имѣть возможность сдѣлать заключеніе о физиологическихъ причинахъ происхожденія различныхъ животныхъ формъ (ib., 99). Бастіанъ прибавляетъ, что то же должно быть сдѣлано въ антропологіи, но антропологи часто подъ средою, т. е. суммою условій, вызывающихъ измѣненія человѣческаго типа или показывающихъ нашему наблюденію эти измѣненія въ извѣстныхъ группахъ, населяющихъ извѣстныя области, подразумеваютъ понятіе болѣе широкое, чѣмъ среда, какъ ее понимаютъ зоологи и ботаники. Такъ, по Юг. Ранке, законообразное распредѣленіе тѣлесныхъ свойствъ управляется преимущественно «географическимъ положеніемъ мѣстообитанія», между тѣмъ, какъ спеціально физическое строеніе извѣстнаго народа бываетъ прямымъ послѣдствіемъ его социальныхъ жизненныхъ условій. Тотъ же авторъ говоритъ, что племенное различіе обуславливается географическимъ положеніемъ области обитанія, климатомъ, богатствомъ и бѣдностью обрабатываемой почвы, вмѣстѣ со множествомъ вытекающихъ отсюда спеціальныхъ социальныхъ и историческихъ жизненныхъ условій. И Картфажъ расширяетъ гиппократовское пониманіе среды, какъ вліяніе мѣстности и климата, опредѣляя ее, какъ «совокупность всѣхъ условій или вліяній физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ, которыя могутъ дѣйствовать на организованна существа». Бастіанъ, съ своей стороны, различаетъ область распространенія (extensio), географическое положеніе мѣстообитанія (habitatio), физическое строеніе спеціального мѣстопребыванія (statio). Область распространенія опредѣляется для него зоной широты и зоной долготы, и еще зоной высоты, при чемъ онъ принимаетъ во вниманіе давленіе воздуха, свѣтъ, электричество, магнетизмъ, направленіе вѣтра, количество осадковъ, отношеніе влажности и проч. данныхъ метеорологіи, почву въ ея геогностическомъ и минералогическомъ составѣ, орографію и гидрографію, отношеніе материка къ развитію берега и т. д.

Слишкомъ общее и неустановленное пониманіе термина «среда» можетъ быть прослѣжено во всей современной антропологіи. Тони-наръ не отдѣляетъ ее отъ «привычекъ и образа жизни», замѣчая, что вопросъ вліянія среды и названныхъ факторовъ «очень труденъ» (Élém. d'Anthrop., 1107). Какъ сторонникъ первоначальной множественности расовыхъ типовъ, онъ склоненъ по возможности

уменьшать вліяніе среды, ставя своей задачей доказать неизмѣняемость характерныхъ признаковъ извѣстныхъ расовыхъ типовъ¹⁾. Тотъ же авторъ высказываетъ слѣдующее заключеніе: «Двѣ силы борются между собою въ особяхъ: одна, отклоняющая ихъ отъ природеннаго типа, и другая, возвращающая ихъ къ нему. Первая вызываетъ измѣненія, усиливая ихъ въ большей или меньшей степени; это—среда, образъ жизни, обстоятельства, дѣйствующія на ритмъ развитія и его интенсивность въ извѣстный моментъ. Вторая поддерживаетъ сходство съ предками; это—наслѣдственность, борьба внѣшняго съ внутреннимъ. То и другое замѣчаются во всякомъ признакѣ, но преобладаніе принадлежитъ наслѣдственности» (I. с., 457). Для Топинара и другихъ послѣдователей Брока неизмѣняемость основныхъ признаковъ типа составляетъ догматъ ихъ теории; и потому вліяніе среды, вызывающее измѣненія, кажется имъ второстепеннымъ, уступающимъ вліянію поддерживающей неизмѣняемость типа силы наслѣдственности.

Иной взглядъ мы находимъ у Картфажа и у другихъ антропологовъ, допускающихъ измѣненіе расовыхъ типовъ. Противуположно тому, что мы видѣли у Топинара, названный ученый говоритъ: «Въ Человѣческомъ царствѣ первыя причины измѣненія заключаются въ средѣ и въ наслѣдственности; въ явленіяхъ этого рода среда играетъ роль высшаго регулятора. Если она измѣняется, она служитъ измѣняющимъ дѣятелемъ; если она остается постоянною, она служитъ факторомъ устойчивости» (L'événement hum., 193). Желая дать опредѣленіе среды, онъ говоритъ: «примемъ этотъ терминъ просто, какъ представляющій собою совокупность условій существованія, обнаруживаемыхъ даннымъ мѣстомъ» (I. с., 162), т. е. сводитъ его къ чисто географическому понятію, присоединя къ естественнымъ условіямъ полезныя или вредныя условія, вносимыя человѣческой культурой, которая то «заражаетъ» извѣстныя мѣстности, напр., большіе города, то оздоравливаетъ ихъ, напр., болотистыя мѣстности. Отличая «нормальную среду» отъ «случайно испорченной» (vicie), подъ первую онъ повсюду разумѣетъ мѣстныя физическія условія; именно такая среда и оказывается сильнѣе культуры. Какъ говоритъ названный авторъ въ другомъ сочиненіи: «Несмотря на всѣ старанія, какія

¹⁾ Такъ, по поводу результатовъ извѣстныхъ американскихъ измѣреній Гульда, онъ высказываетъ, что эти цифры, насколько онъ касается молодыхъ субъектовъ, позволяютъ предположить, что «вопросъ возраста преобладаетъ надъ вопросомъ о средѣ» (op. с., 456).

принимаетъ самый культурный человѣкъ, чтобы вполне избѣгнуть измѣняющихъ вліяній среды, онъ не можетъ не подвергаться господству ея. Этотъ фактъ, который множество разъ отрицался полигенистами, окажется внѣ сомнѣнія для всякаго, кто пожелаетъ принять въ соображеніе уже отмѣченные результаты» («Hist. gén. des races hum.», 169).

Вліяніе дарвинизма, насколько оно сказалось въ антропологии, отодвигало вопросъ о вліяніи среды на второй планъ. Дарвинъ причислялъ климатъ, на ряду съ пищею, къ «внѣшнимъ условіямъ жизни» («Происхожденіе видовъ», пер. Рачинскаго, 130) и «степень прямого вліянія, производимаго на организмы различіями въ климатѣ, пищѣ и т. п.», считалъ «чрезвычайно сомнительною», по крайней мѣрѣ, относительно животныхъ (ib. 105). Зоологи до настоящаго времени относятъ къ вліяніямъ окружающей среды «пищу, свѣтъ, теплоту, электричество, химическій и физическій составъ среды, въ которой живетъ организмъ, механическія вліянія» и проч. ¹⁾. И антропологи часто смѣшиваютъ вліяніе пищи съ вліяніемъ среды и приписываютъ первому слишкомъ большое значеніе въ ущербъ значенію второго ²⁾.

¹⁾ См. статью „Организмъ и окружающая среда“ проф. Холодковскаго („Сѣв. Вѣстн.“, 1891, X), въ которой резюмировано современное состояніе вопроса объ отношеніи организма къ средѣ. Изъ нея можно видѣть, какъ еще мало извѣстно зоологамъ объ измѣняющемъ вліяніи отдѣльныхъ факторовъ среды. „Какъ ни мало изслѣдовано измѣняющее вліяніе пищи, вліяніе свѣта изучено еще менѣе“, говоритъ авторъ (117). „Отъ вліянія свѣта, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не легко бываетъ отдѣлить вліяніе температуры. Но во многихъ случаяхъ, въ которыхъ предполагается вліяніе климата, т. е. по преимуществу температуры, трудно отличить и дѣйствіе яркаго солнечнаго освѣщенія, а также и вліяніе пищи... Словомъ, размѣры и окраска, какъ и многія другія общія свойства животныхъ, обуславливаются чрезвычайно различными причинами“ (120). Авторъ высказываетъ въ видѣ общаго заключенія, что „организмъ есть вѣчто властичное, постоянно готовое измѣняться, вслѣдствіе измѣненія условій его жизни; по отношенію къ каждому данному вліянію различныя организмы оказываются податливыми въ весьма различной степени, при чемъ даже близкіе виды могутъ реагировать на одно и то же вліяніе далеко не одинаково“ (124).

²⁾ Малорослость и худощавость бушменовъ приписывалась ихъ скудному питанію, добываемому съ большимъ напряженіемъ силъ въ ихъ вѣшней пустынной родинѣ. Въ подкрѣпленіе этого вывода приводился фактъ, отмѣченный Ливингстономъ въ одной изъ его записокъ; представленныхъ въ Лондонское Географическое Общество, что тѣ же бушмены на р. Зугъ и къ С.-В. отъ оз. Нгами, не знающіе подобной нужды, болѣе высокимъ ростомъ и болѣе здоровымъ видомъ отличаются отъ своихъ родичей, обитающихъ южнѣе, въ пустынѣ. Подобныя же различія указывались у австралійцевъ, и эти сопоставленія казались особенно убѣдительными въ то время, когда еще не возникло сомнѣнія относительно однородности австралійцевъ. Всѣ отмѣченныя въ его время различія между австралійскими племенами Вайць сводить,

Какъ мы видимъ, понятію о средѣ въ антропологии придается или второстепенное, неопредѣленное значеніе, или оно сводится къ понятію географическому. Первое отношеніе къ средѣ оказало весьма вредное дѣйствіе на правильное развитіе науки. Игнорированіе связи человѣка съ мѣстомъ его обитанія или признаніе этой связи за случайный фактъ, разыскиваніе однихъ лишь не поддающихся измѣненію подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій расовыхъ признаковъ и привели науку къ безвыходнымъ абстракціямъ, о какихъ мы говорили выше. Отрицаніе вліянія среды, ради усиленія доказательности расовой неизмѣняемости, послужило главной причиной несостоятельности ученія, защищающаго эту неизмѣняемость. Указывая необходимость вернуться къ человѣческимъ группамъ, какими онѣ являются въ дѣйствительности, наука не можетъ уже повторять прежней ошибки, не можетъ изучать, сравнивать и координировать этническіе типы внѣ той почвы, на которой они образовались, внѣ тѣхъ естественныхъ условій, среди которыхъ жили. Отрывая ихъ отъ почвы, рассматривая ихъ независимо отъ нея, она и впадала въ тѣ чисто теоретическія построенія, которыя ей приходится оспаривать теперь. Если мы не можемъ разложить этихъ условій на ихъ составные элементы и прослѣдить дѣйствіе

главнымъ образомъ, къ послѣдствіямъ питанія и образа жизни. Онъ приписываетъ имъ несоразмѣрно длинныя и тощія конечности туземцевъ Новаго Южнаго Уэльса, сравнительно болѣе мощное развитіе мышечной системы на С.-З. и значительныя различія въ чертахъ лица и цвѣтѣ племени, обитающихъ по теченію Дарлинга. Онъ склоненъ даже отнести къ той же причинѣ прямые волосы однихъ, и курчавые другихъ, выпуклые и покатыя лбы, различныя формы носа и т. д. (op. cit., I, 64—65). Относительно австралійцевъ тѣхъ же возрѣвній держится и Фр. Мюллеръ: „Ростъ и мышечное развитіе австралійца, говоритъ онъ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ пищи, какой онъ можетъ пользоваться. На берегахъ морей и рѣкъ, гдѣ постоянное питаніе обильнѣе, встрѣчаются особи болѣе высокія и рослыя, чѣмъ въ сухихъ, песчаныхъ областяхъ материка“ („Allg. Ethnogr.“ 2-е изд., 203). Подобныя же свидѣтельства приводятся и относительно огнеземельцевъ, многихъ племенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и т. д. Но о нихъ едва ли можно говорить, какъ о причинахъ образованія расовыхъ или этническихъ признаковъ, какъ скоро мы знаемъ, напр., отъ Теофила Гана, что бушмены послѣ двухъ или трехъ недѣль обильнаго питанія пріобрѣтаютъ замѣчательную округлость и даже замѣтныя отложенія жира; слѣдовательно, описанныя свойства не идутъ далѣе индивидуальныхъ и переходящихъ признаковъ. Пешель, соглашаясь съ тѣмъ, что малый ростъ бушменовъ на южной окраинѣ Калагари можетъ быть приписанъ плохому питанію, не находитъ, чтобы питаніе и свойства мѣста жительства объясняли всѣ относящіяся сюда различія, такъ какъ кафры по росту выше готтентотовъ, хотя тѣ и другіе, живя въ одной и той же области, питаются приблизительно одинаково. „До извѣстной степени, слѣдовательно, заключаетъ онъ, величина роста должна быть отнесена къ племенному происхожденію“. („Народовѣдѣніе“, русскій перев. проф. Петри, 78).

каждаго изъ нихъ, если мы пока останавливаемся на признаніи совокупнаго дѣйствія ихъ, то мы скорѣе отъ теоретическихъ или гипотетическихъ соображеній о послѣднемъ придемъ къ реальному познанію ихъ, если приурочимъ это дѣйствіе къ извѣстной географической области. Въ данномъ случаѣ открывающійся предъ нами путь изслѣдованія состоитъ въ томъ, что мы сравниваемъ между собою населенія областей, обладающихъ приблизительно одинаковыми условіями, съ населеніями другихъ областей съ иными условіями, и изъ этого сравненія выводимъ заключенія о различіи дѣйствія разнородныхъ условій. Такъ обыкновенно и дѣлается: сухія мѣстности сравниваются съ влажными, горныя— съ низменными, лѣсныя—со степными и т. д. Но изъ этого сравненія до сихъ поръ не удалось вывести, точныхъ заключеній, которыя позволяли бы сдѣлать какіе либо общіе выводы. Наиболѣе точнымъ изъ этихъ выводовъ можно считать опредѣленіе влияния пустыни, проявляющееся въ худощавости и выносливости, т. е. большей физической энергіи, обитателей пустынь, тиббусовъ и туареговъ, бушменовъ, апачей и т. п. Нельзя сказать того же о мѣстностяхъ болотистыхъ. До сихъ поръ не объяснено, напр., почему болотистыя мѣстности менѣе опасны въ южномъ полушаріи, чѣмъ въ сѣверномъ, почему здоровью европейца угрожаютъ болѣе нѣкоторыя мѣстности Италіи, чѣмъ южной Америки или Австраліи. И сколько бы мы ни сравнивали «условія жизни» въ тѣхъ или другихъ странахъ, мы убѣждаемся только, что эти условія весьма своеобразны въ каждой странѣ. Другими словами, прежде, чѣмъ искать какихъ либо обобщеній, мы должны начать съ изученія влияния отдѣльныхъ странъ или областей на своихъ обитателей, т. е. должны обратиться къ содѣйствію географіи.

На самомъ дѣлѣ, понятіе о средѣ получаетъ наиболѣе опредѣленное содержаніе въ антропогеографіи. Тамъ оно перестаетъ быть условнымъ представленіемъ, которое каждый произвольно суживаетъ или расширяетъ, то дѣлая среду отвѣтственной за многія физическія и психическія превращенія, претерпѣваемые человекомъ, то почти обходясь безъ нея въ своихъ объясненіяхъ этихъ послѣднихъ. Для антропогеографіи вопросъ о влияніи среды на человѣчество есть основной вопросъ, такъ какъ это — вопросъ о связи человѣка съ землей; поэтому, если не рѣшенія, то правильной постановки его мы по преимуществу можемъ искать именно въ этой наукѣ. «Наша наука, говоритъ Ратцель, которая должна разсматривать вмѣстѣ съ землею и человѣка, также не можетъ

отдѣлить одного отъ другой, какъ географія растений и животныхъ не можетъ отдѣлить жизнь тѣхъ и другихъ отъ ихъ почвы. Это совокупное изученіе было бы лишено органической связи, всякаго духа и всякихъ результатовъ, будучи противнымъ природѣ вещей, если бы взаимныя отношенія между землей и рождающейся и происходящей на ней жизнью, какъ неизбѣжная связь между обѣими, не были особымъ предметомъ изслѣдованія. Эти изслѣдованія не только близко связаны съ естественной основой географіи, но они должны быть предприняты уже и потому, что никакая другая наука не удостоивала ихъ до сихъ поръ болѣе глубокаго вниманія, не испытывая для того внутренней необходимости. Кромѣ того, именно географическая сторона этой задачи безспорно наиболѣе важная и въ то же время наиболѣе доступная. Географическое значеніе ея заключается именно въ этомъ процессѣ, въ которомъ одинъ изъ факторовъ, все, что относится къ природѣ, къ окружающему, къ сценѣ, въ общемъ неизмѣнаемо, потому что природа въ конечномъ результатѣ всегда сильнѣе человѣка» (*Anthropogeographie*, I, 42). Послѣднее заключеніе въ особенности заслуживаетъ вниманія. Если раса представляется антропологу подвижнымъ, колеблющимся элементомъ, то онъ долженъ установить зависимость этихъ колебаній отъ какихъ либо условій постояннаго дѣйствія. Такое сочетаніе условій, которыя сами по себѣ были бы сравнительно неизмѣняемы, можно видѣть только въ средѣ, въ географическомъ смыслѣ этого слова. Для географа она представляетъ нѣчто столь цѣльное и прочное, что онъ не затрудняется видѣть ея вліяніе въ особенностяхъ населенія данной области. Каждая область, имѣющая извѣстную географическую индивидуальность, является въ его глазахъ почвой, дающей начало опредѣленной этнической группѣ ¹⁾. Для географа, «этнологиче-

¹⁾ „Во всѣхъ этихъ странахъ (культурныхъ странахъ умѣреннаго пояса), говоритъ Элизе Реклю, гдѣ раса возобновляется каждый день вслѣдствіе скрещиванія семействъ, гдѣ люди и вещи безпрестанно перемѣщаются, гдѣ мысли быстро передаются далѣе и далѣе, — легко замѣтить контрасты, представляемый жителями каждой страны сообразно съ различіемъ теллурическихъ и климатическихъ условій. Сами народы нисколько въ этомъ не ошибаются и всегда умѣютъ указать естественную границу, раздѣляющую двѣ страны. Такъ, имѣя въ виду только Францію, часто сознавали, что очертанія древнихъ галльскихъ земель довольно точно соответствовали предѣламъ геологическихъ формаций и въ наше время большая часть этихъ древнихъ галльскихъ *pagi* вновь установилась бы само собой, если бы административная централизація не противилась рѣзко вліянію естественнаго сродства. У каждой почвы свое особое племя: гранитъ имѣетъ свое, известковыя почвы—свое, а равнымъ образомъ и страны лавъ и погасшихъ кратеровъ, широкія пло-

скіе контрасты обусловливаются различіемъ поясовъ континентальнаго рельефа, мѣстоположенія и природы почвы» (Э. Реклю «Земля», II, 395). Ту же мысль мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ К. Риттера: «Въ народахъ отражается ихъ отечество. Мѣстныя вліянія областей (мѣстностей) на характеръ ихъ жителей, на ихъ наружный видъ и тѣлосложеніе, на форму черепа, на цвѣтъ (кожи), темпераментъ, языкъ и духовное развитіе неоспоримы...» (К. Риттеръ, «Общее землевѣдѣніе», пер. Я. Вейнберга, 11). Въ такомъ возрѣніи на «окружающія условія» мы видимъ не столько расширеніе обычнаго, т. е. недостаточно опредѣленнаго понятія о средѣ, сколько увеличеніе опредѣленности его включеніемъ въ извѣстныя географическія рамки. Говорить объ извѣстномъ или «данномъ» мѣстѣ, какъ это дѣлаетъ Катрфажъ въ своемъ опредѣленіи среды, значитъ говорить о пѣкоторой географической области, которая въ своихъ предѣлахъ можетъ оказывать то или другое замѣтное дѣйствіе на свое населеніе. Въ географіи мы именно и находимъ ясную постановку вопроса о вліяніи среды на человѣка. Отдѣляя въ немъ задачу физиологическую, заключающуюся въ воздѣйствіи окружающихъ условій на физическую сторону человѣка, отъ психологической, наука эта указываетъ, что изучать это вліяніе слѣдуетъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на болѣе или менѣе обособленныхъ этническихъ группахъ; тогда оно выступаетъ въ закрѣпленномъ, непреходящемъ значеніи. «Особенность каждаго народа, читаемъ мы въ «Землевѣдѣніи» К. Риттера, можетъ познаваться только изъ его сущности, изъ его отношенія къ самому себѣ и къ тому, что его окружаетъ, а такъ какъ ни одинъ народъ не можетъ быть мыслимъ безъ государства и отечества,—то и изъ отношеній обоихъ къ сосѣднимъ странамъ и сосѣднимъ государствамъ... Здѣсь обнаруживается вліяніе, какое природа должна оказывать на народы и въ гораздо высшей степени, чѣмъ на отдѣльнаго человѣка, такъ какъ здѣсь массы дѣйствуютъ на массы, и личность народа возвышается надъ личностью человѣка». («Erd-

родныя долины, болота и пески. Народное названіе, даваемое каждой провинціи, прилагается въ одно и то же время и къ землѣ, и къ человѣку, который живетъ на ней; оно резюмируетъ мѣстныя географическіе факты и рисуетъ само народонаселеніе съ его физическими чертами, съ его нравами, привычками, ремеслами и состояніемъ его цивилизаціи. Между страной и народомъ, ее населяющимъ, существуетъ до такой степени поразительная естественная гармонія, что когда говорятъ о Турени, Пуату, Оверни, Лимузенѣ, Сантонжѣ, Перигорѣ, Ландахъ, то передъ глазами тотчасъ же рисуются какъ мѣстоположенія этихъ странъ, такъ и самый образъ ихъ жителей». (Эл. Реклю «Земля», II, 389—390).

kunde» (изд. 1822 г.), I. Th., 1 Bd., 2—3). Связывая, такимъ образомъ, народъ съ его отечествомъ, географія, яснѣе и увѣреннѣе, чѣмъ это дѣлаетъ антропология, намѣчаетъ путь нашего изслѣдованія: она устанавливаетъ и его настоящій объектъ—народъ, въ смыслѣ коренного или, по крайней мѣрѣ, давняго населенія известной области,—и рамки изслѣдованія—болѣе или менѣе географически самостоятельную область обитанія этого народа.

Географія различаетъ и способъ дѣйствія природы на человѣка. По словамъ Ратцеля, она можетъ отмѣтить четыре рода этого дѣйствія: 1) вліяніе на тѣло или духъ отдѣльнаго человѣка, ведущее къ прочнымъ измѣненіямъ послѣдняго и выступающее въ полѣ зрѣнія географа, распространяясь на цѣлые народы или части народовъ; 2) дѣйствіе на пространственное распространеніе народныхъ массъ, насколько оно касается направленія, обширности и границъ послѣдняго; 3) непосредственное дѣйствіе на внутреннюю сущность народовъ путемъ пространственныхъ отношеній, обусловливающихъ обособленіе и образованіе или усиленіе известныхъ свойствъ, увеличеніе ихъ числа или сглаживаніе ихъ; 4) дѣйствіе на внутреннее строеніе народнаго организма предоставленіемъ ему болѣе или менѣе богатыхъ естественныхъ продуктовъ, облегченіемъ или затрудненіемъ добыванія всего необходимаго для жизни и затѣмъ нужнаго для потребностей ремесль и торговли и, слѣдовательно, для обогащенія путемъ обмѣна. Очевидно, географія стоитъ ближе къ тремъ послѣднимъ дѣйствіямъ, чѣмъ къ первому; эти двѣ категоріи необходимо раздѣлить, приступая къ общей задачѣ дѣйствія природы на судьбу человѣчества. Всего труднѣе различать между преходящимъ и устойчивымъ дѣйствіемъ природы на тѣло или душу человѣка: краткость нашего наблюденія часто заставляеть видѣть прочное тамъ, гдѣ въ дѣйствительности есть лишь временное. вмѣсто того, чтобы пытаться раздѣлить ихъ, цѣлесообразнѣе различать «дѣйствіе на состояніе людей и дѣйствіе на ихъ поступки или проявленія» (Ratzel, *op. cit.*, 59—60).

Географія выясняетъ намъ, почему вопросъ о дѣйствіи природы на тѣлесное или умственное состояніе человѣчества испыталъ самую несчастную участь, какая только выпадала на долю научныхъ задачъ: его слишкомъ долго обсуждали съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія, прежде чѣмъ разчленивъ его орудіемъ научнаго изслѣдованія и проникнуть въ его сущность. Неограниченное и необусловленное утвержденіе, будто человѣкъ есть исключительно продуктъ окружающаго, столько же преувеличено, какъ и необдуман-

ныя и не дальновидныя возраженія, какія оно встрѣчало. Главная ошибка подобныхъ апріорныхъ сужденій заключается въ томъ, что и мѣсто дѣйствія, и человѣческій организмъ во всѣхъ случаяхъ принимались почти одинаковыми, какъ будто страны всегда открываютъ легкій доступъ для внѣшнихъ сношеній, и всѣ народы одинаково доступны внѣшнимъ влияніямъ. Между тѣмъ, каждый случай требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія, и, лишь послѣ такого изученія, мы можемъ сравнивать его съ другими и дѣлать выводы изъ этого сравненія.

Внося въ изслѣдованіе конкретное и детальное отношеніе, географія даетъ и много частныхъ указаній, необходимыхъ для научнаго характера изслѣдованія. Она обращаетъ вниманіе на то, что опредѣленія влияния среды часто упускають изъ вида элементъ времени. Во всѣхъ процессахъ природы, въ которыхъ, вслѣдствіе незначительности дѣйствія, послѣдствія накаплиются лишь постепенно, время имѣетъ первостепенное значеніе. Мы должны отказаться отъ всякихъ попытокъ отыскивать въ какомъ-либо народѣ слѣды дѣйствія на него окружающихъ условій, пока намъ неизвѣстно—долго ли прожилъ онъ въ этихъ условіяхъ. Эти попытки могутъ имѣть смыслъ и цѣль лишь въ томъ случаѣ, если народъ жилъ достаточно долго въ своемъ нынѣшнемъ мѣстообитаніи, насколько это необходимо, чтобы оно могло оказать глубокое, прочное воздѣйствіе на физическую и умственную сторону человѣка. Географія указываетъ, что мы не можемъ ставить нашей задачей отысканіе прямыхъ отношеній между народомъ и обитаемою имъ мѣстностью; намъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ удастся доказать, что въ извѣстномъ періодѣ времени, когда народъ тамъ жилъ, онъ испыталъ замѣтныя измѣненія, даже если мы можемъ признать, что тогда онъ былъ свободенъ отъ примѣси чуждыхъ элементовъ. Подвижность человѣка для географіи, изучающей мѣстности во всемъ разнообразіи ихъ населенія и сопоставляющей ихъ съ сосѣдними мѣстностями, замѣтна болѣе, чѣмъ для другихъ наукъ. Въ этой подвижности она видитъ одну изъ главныхъ трудностей фізіологической и психической задачъ при отысканіи причинъ извѣстныхъ свойствъ расы, народа или племени въ какихъ либо свойствахъ почвы, воды, климата того или другого мѣста: вслѣдствіе подвижности человѣка, слѣды влияния его мѣстообитанія легко переносятся съ той почвы, на которой они проявились, на иную, чуждую имъ почву. Отмѣчая эти затрудненія, ограничивающія слишкомъ общія рѣшенія вопроса о преобразующемъ влияніи при-

роды на тѣло и духъ человѣка, географія, тѣмъ не менѣе, считаетъ это вліяніе вполнѣ доступнымъ научному изслѣдованію, если искать его въ наиболѣе простыхъ и постоянныхъ условіяхъ. Съ помощью этнографіи, стоящей на географической почвѣ, мы можемъ отмѣтить, что не каждый народъ одинаково поддается внѣшнимъ вліяніямъ; иначе сказать, онъ представляетъ большія или меньшія измѣненія въ сравненіи со своими сосѣдями. При двойномъ или большемъ количествѣ элементовъ или типовъ, у многихъ народовъ дѣйствіе внѣшнихъ условій на каждый изъ нихъ можетъ быть неодинаково, будучи для одного типа болѣе замѣтнымъ, чѣмъ для другого. У народовъ, различіе элементовъ которыхъ не успѣло еще сгладиться, мы не рѣдко замѣчаемъ въ самой средѣ ихъ особую измѣняемость какого либо одного элемента. Эти отдѣльныя части народа, такъ же, какъ и отдѣльныя лица, могутъ по преимуществу воспринимать вліяніе среды, которая черезъ ихъ посредство оказываетъ свое дѣйствіе на остальную часть народа. Въ то же время для насъ имѣетъ большое значеніе — дѣйствуютъ ли извѣстныя условія, могущія создать извѣстныя свойства, на какой либо народъ, уже установившійся или только находящійся въ процессѣ образованія. Слѣдуетъ отмѣтить также, что вліяніе природы оказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ограниченнѣе область обитанія народа. Доказательствомъ того можетъ служить часто замѣчаемое общее сходство въ островномъ населеніи. Такимъ образомъ, перенесеніе его работы на географическую почву, иначе сказать, локализованіе ея, обѣщаетъ антропологу ту опредѣленность, какой не доставало ему при сравненіяхъ и обобщеніяхъ, на какихъ до сихъ поръ останавливалась его наука.

ГЛАВА III.

Вліяніе географической среды.

Вопросъ о вліяніи климата на человѣка, въ смыслѣ вліяніа на него природы мѣстности, совокупности ея естественныхъ условій, въ новѣйшее время особенно выдвинулся въ литературѣ, благодаря практическому запросу, связанному съ усиленнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ послѣднихъ лѣтъ. Хотя въ данномъ случаѣ наукѣ приходится высказываться лишь относительно возможности европейскихъ поселеній и акклиматизаціи бѣлой расы въ тропическомъ поясѣ Африки и Америки, но тщательныя наблюденія, которыя производятся по этому поводу, накапливаются въ такомъ количествѣ, что мы отчасти уже можемъ судить о дѣйстви, по крайней мѣрѣ, тропическаго климата въ различныхъ мѣстностяхъ соотвѣтствующаго ему пояса. По этому вопросу образовалась обширная литература, и мы должны ея воспользоваться, такъ какъ она содержитъ много поучительнаго для нашего предмета.

Мы заранѣе можемъ ожидать, что найдемъ въ этой литературѣ множество предвзятыхъ, не только научныхъ, но и политическихъ точекъ зрѣнія, и ихъ необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ результатовъ, устанавливаемыхъ авторами. Легко предвидѣть, что полигенисты будутъ относиться отрицательно къ рѣшенію поставленнаго нами вопроса, а сторонники колониальной политики, напротивъ, какъ нельзя болѣе положительно. Крайняго представителя отрицательнаго рѣшенія, съ точки зрѣнія полигенизма, мы находимъ, напр., въ Оржасѣ, авторѣ сочиненія «*La pathologie des races humaines*». Оржасъ избралъ мѣстомъ своего наблюденія французскую Гвіану, а объектомъ—своихъ соотечественниковъ, переселившихся въ эту страну, и выводы изъ этихъ наблюденій распространяетъ на всѣхъ европейскихъ колонистовъ и ихъ потомство въ жаркомъ поясѣ. Онъ находитъ, что всѣ обитатели умѣреннаго

пояса неизбежно должны страдать от климата Гвианы. Главным болѣзнетворнымъ вліаніемъ, угрожающимъ тамъ здоровью и жизни европейцевъ, онъ считаетъ болотную лихорадку (въ среднемъ, 204 смертныхъ случая изъ 1,129). Большая часть бѣлыхъ погибаетъ отъ упомянутой болѣзни; какъ выражается авторъ, «если болотная лихорадка не есть главная причина смертности этой группы, она, несомнѣнно, — главная причина ея болѣзненности» (I. с., 3). Если европеецъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Гвианѣ, ускользнулъ отъ дѣйствія болотнаго отравленія, его постигаетъ въ большей или меньшей степени тропическая анемія; это уже особое измѣненіе организма, отъ котораго никто не избавляется. Какъ указываетъ Бажу, французскій врачъ, производившій наблюденія въ Гвианѣ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, европеецъ, только что высадившійся въ Гвианѣ, весьма быстро теряетъ здоровый, розовый цвѣтъ лица, съ какимъ онъ пріѣхалъ изъ Европы: онъ становится болѣе или менѣе смуглымъ. Тотъ тусклый, потемнѣвшій цвѣтъ лица, свойственный анеміи, бросается въ глаза каждому, впервые попадающему въ Гвиану. Тропической анеміи Оржасъ приписываетъ громадное значеніе; по его мнѣнію, она составляетъ главное препятствіе для переселенія бѣлыхъ въ жаркіе климаты. Представляя результатъ функціональныхъ измѣненій, испытываемыхъ организмомъ благаго человѣка подъ постояннымъ вліаніемъ высокой температуры ¹⁾, она ведетъ за собою постепенный упадокъ физическихъ и умственныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшеніе сопротивленія болѣзнетворнымъ началамъ. Причину анеміи Оржасъ видитъ въ высокой температурѣ. Вліаніе послѣдней, при ея постоянномъ дѣйствіи, медленно, но непрерывно и губительно; съ теченіемъ времени это дѣйствіе все усиливается и на отдѣльномъ лицѣ, и на его потомкахъ. Европеецъ, ведущій образъ жизни, обеспечивающій ему здоровое состояніе на родинѣ, роковымъ образомъ становится анемичнымъ, какъ скоро онъ оказывается въ жаркомъ климатѣ. Истощеніе, сопровождающееся обѣдненіемъ гемоглобина крови, увеличивается въ значительной степени, если европеецъ предается усиленной работѣ, въ особенности на открытомъ воздухѣ. Вслѣдствіе того, какъ заключаетъ Оржасъ, «въ теченіе четырехъ вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Европа изливаетъ волны эми-

¹⁾ Органическое разстройство, производимое ею, преимущественно обнаруживается въ крови, количество которой убавляется, при чемъ кровяные шарики измѣняются и уменьшаются въ числѣ; уменьшается и количество альбумина, а относительное количество сыворотки возрастаетъ (Orgeas, I. с., 95).

граціи на остальную часть земного шара, бѣлой расѣ удалось удержаться въ знойномъ климатѣ среди другихъ расъ лишь въ видѣ господствующаго и привилегированнаго меньшинства, т. е. оставаясь внѣ вліянія климатическихъ элементовъ, съ какими она неизбежно должна была бы столкнуться, если бы жила тамъ одна, обходясь своими силами» (I. с., 289). Онъ замѣчаетъ далѣе, что если европеецъ, прибывъ въ жаркій поясъ уже вполнѣ взрослымъ и сложившимся, съ трудомъ можетъ долго жить тамъ, то тѣмъ болѣе вліяніе климата должно быть пагубно для его потомства, болѣе воспріимчиваго, такъ какъ этому вліянію подвергался бы болѣе слабый, несложившійся организмъ. По его мнѣнію, дѣйствія климатической среды изъ года въ годъ отражаются все тяжелѣе на особи каждаго поколѣнія. Чтобы познать вліяніе климата, надо прослѣдить его на цѣломъ рядѣ поколѣній и судить о немъ по тѣмъ превращеніямъ, какія, послѣ непрерывнаго пребыванія подъ его вліяніемъ, испытываютъ второе или третье поколѣнія переселенцевъ. Тогда частые выкидыши, большая смертность дѣтей, физиологическое ослабленіе приводятъ къ прогрессивному уменьшенію населенія и окончательному угасанію бѣлой расы, живущей въ такихъ климатахъ, даже въ наилучшихъ искусственныхъ условіяхъ жизни. Угасаніе происходитъ путемъ недостатка мужского элемента, способнаго къ поддержанію вида (ib., 293).

Въ окончательномъ выводѣ, Оржасъ приходитъ къ тому, что европейцы не могутъ акклиматизироваться, т. е. жить въ здоровомъ состояніи и порождать здоровое потомство, не только въ тропическомъ, но и въ субтропическомъ поясѣ. Такъ, французы могутъ держаться въ Алжирѣ лишь при помощи постоянной иммиграціи и, тѣмъ не менѣе, рождаемость среди нихъ всегда будетъ слабой. Бѣлокурый типъ, — напр., эльзасцы, переселившіеся въ Алжиръ, въ качествѣ земледѣльцевъ, — уже черезъ три или четыре поколѣнія долженъ будетъ исчезнуть, какъ это предсказывалъ и Бертильонъ (I. с., 401). Акклиматизироваться можетъ лишь типъ, которому нѣтъ необходимости измѣняться, который въ новыхъ условіяхъ находитъ существенное сходство съ прежними; такъ, англо-саксы въ Великобританіи, арабы въ сѣверной Африкѣ, европейцы въ Сѣверной Америкѣ, испанцы въ Ла Платѣ и Мексикѣ, негры на Антильскихъ островахъ и т. д. живутъ и размножаются, но не испытываютъ никакого физическаго измѣненія (402). Въ этихъ положеніяхъ мы видимъ полное отрицаніе приспособленія, утвержденіе, что новая среда или убиваетъ, если она рѣзко раз-

нится отъ среды прежняго мѣстообитанія, или оставляетъ типъ нетронутымъ, если различіе между той и другой несущественно. И населеніе метисовъ, соединяющихъ кровь бѣлыхъ и черныхъ, Оржась считаетъ недолговѣчнымъ и неспособнымъ упрочиться. Въ Гвіанѣ и въ другихъ колоніяхъ жаркаго пояса, гдѣ пользовались трудомъ черныхъ невольниковъ, чѣмъ метисы ближе къ бѣлому типу, тѣмъ менѣе, по мнѣнію названнаго ученаго, могутъ они существовать безъ помощи негровъ, настоящихъ обитателей тропическаго пояса. Повидимому, число метисовъ увеличивается: ихъ можно видѣть среди представителей торговли, свободныхъ профессій и даже администраціи. Но это только временное, переходное положеніе. На Гаити, напр., метисы идутъ къ полному вымиранію. Оржась, приводя этотъ фактъ, считаетъ его выраженіемъ дальнѣйшей фазы того социальнаго и антропологическаго процесса, который должны пережить всѣ тропическія страны, обитаемыя метисами бѣлыхъ и черныхъ. Они всѣ проходятъ одну и ту же эволюцію — борьбы метисовъ и негровъ съ бѣлыми, борьбу негровъ съ метисами и, наконецъ, борьбу негровъ между собою. Такъ было въ Африкѣ и такъ будетъ повсюду, не только по отношенію къ неграмъ, но и къ другимъ, вполне приспособившимся къ климату туземцамъ (индусамъ, индо-китайцамъ, малайцамъ и т. п.). Метисы бѣлыхъ никогда не замѣстятъ «чистой» туземной расы, такъ какъ они не могутъ обходиться собственными силами. Этотъ выводъ прилагается Оржасомъ и къ метисамъ испанцевъ и малайцевъ Филиппинскихъ острововъ (на основаніи испанскаго оффиціальнаго документа, статистическаго отчета, составленнаго въ Манилѣ для колоніальной выставки въ Амстердамѣ 1883 г.). Вслѣдствіе того, какъ онъ полагаетъ, будущее принадлежитъ не метисамъ, а представителямъ чистыхъ туземныхъ расъ (ib., 330 и слѣд.). Нѣкоторые факты, какъ, напр., увеличеніе населенія въ южныхъ Соединенныхъ Штатахъ путемъ увеличенія числа метисовъ, онъ, впрочемъ, не отрицаетъ, и даже готовъ признать въ этомъ случаѣ «особую среду» (*un milieu particulier*), благоприятную для распространенія метисовъ и для замѣщенія ими чистыхъ или первоначальныхъ расъ.

Другой французскій ученый, Бордье, авторъ однороднаго сочиненія, «*La colonisation scientifique et les colonies françaises*», высказывается менѣе рѣшительно. Онъ признаетъ въ Африкѣ вполне установившимся населеніе смѣшанной крови — гриковъ (метисовъ голландцевъ и готтентотовъ), токолоровъ (метисовъ мавровъ и негровъ) и куруглисовъ (метисовъ турокъ и мавровъ), а

въ Азіи — смѣшанную кровь китайцевъ и японцевъ, индусовъ и малайцевъ. Онъ отдаетъ должное обширной метисаціи, бросающейся въ глаза во всей Америкѣ, гдѣ можно встрѣтить составившихъ особая народности потомковъ французовъ съ алгонкинами, прокезами и гурунами (Bois-brûlés), метисовъ англичанъ и осаговъ въ Канзасѣ, многочисленныхъ мексиканскихъ метисовъ, происходящихъ отъ скрещиванія испанцевъ съ туземными женщинами. Тѣмъ болѣе онъ долженъ отдѣлять южно-американскихъ метисовъ-ладиносовъ отъ бѣлаго и туземнаго элементовъ, москитосовъ отъ туземнаго и чернаго, кафузовъ отъ тѣхъ же элементовъ, паулистовъ отъ португальцевъ и мѣстныхъ женщинъ и т. д. (op. cit., 50—53). Онъ не отрицаетъ способности европейцевъ къ акклиматизаціи, находя ее только «не легкой» при переселеніи въ страны значительно болѣе жаркія по сравненію съ родиной, отмѣчаетъ отдѣльные примѣры неудавшейся акклиматизаціи бѣлыхъ (голландцевъ въ Малаккѣ и др.) и подтверждаетъ фактъ, признаваемый всѣми антропологами, что южный европейскій типъ легче акклиматизируется въ тропическихъ и субтропическихъ странахъ, чѣмъ сѣверный. Относительно черной расы онъ признаетъ, что она одна можетъ жить въ болотистыхъ странахъ западнаго берега Африки. Наибольшей способностью къ акклиматизаціи въ самыхъ различныхъ поясахъ отличается желтая раса, разселенная по всей Азіи и Америкѣ, но и для нея существуетъ своего рода ограниченіе¹⁾. Помимо этихъ обобщеній, мы находимъ у Бордье интересный для насъ выводъ относительно климатическихъ вліяній сосѣднихъ мѣстностей въ зависимости отъ ихъ географическихъ условій. Онъ указываетъ отдѣльныя области въ различныхъ частяхъ свѣта, совершенно недоступныя для европейцевъ вслѣдствіе ихъ нездоровыхъ условій²⁾. Таковы въ Африкѣ не только устья Габуна, Золотой

¹⁾ Такого рода ограниченіе можно, напр., видѣть въ фактѣ меньшей приспособленности индѣйцевъ къ тропическому климату въ сравненіи съ неграми. Это различіе наглядно выразилось въ томъ, что индѣйцы не могли работать на плантаціяхъ такъ же, какъ и бѣлые, что и было главнымъ поводомъ къ вывозу въ Америку африканскихъ негровъ.

²⁾ Большую смертность дѣтей почти у всѣхъ негровъ Гартертъ (Ausland, 1891, № 6. „Ueber die Bevölkerung an der Croscico-Bai“) частью приписываетъ малярии, которая оставляетъ въ живыхъ только особей, оказывающихъ ей наибольшее сопротивленіе. Названному автору случилось видѣть въ періодъ дождей половину населенія деревень нездоровыхъ мѣстностей больными лихорадкой. Онъ свидѣтельствуетъ, что хиининъ находитъ большой спросъ у габунскихъ негровъ. Въ виду того, что и туземцы не избавлены отъ вредныхъ климатическихъ вліяній, онъ высказывается противъ возможности акклиматизаціи европейцевъ въ тропическихъ странахъ Африки.

берегъ и Сіерра-Леоне, но и Египеть, который, по его мнѣнію, не можетъ быть мѣстомъ европейской колонизаціи, въ Америкѣ—Берегъ Москитовъ и Коста-Рика, вся мѣстность Панамскаго перешейка вдоль Мексиканскаго залива и Аспинваль. Бордье указываетъ даже главную причину нездоровыхъ условій послѣднихъ мѣстностей: это—плоское строеніе ихъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ Кордильерами, вслѣдствіе чего воздухъ застаивается и не освѣжается; только негры безъ вреда для здоровья могутъ жить въ такихъ условіяхъ. То же явленіе авторъ отмѣчаетъ и въ Южной Америкѣ, въ Ріо-Жанейро, въ окрестностяхъ котораго воздухъ застаивается, благодаря горному хребту, задерживающему юго-восточный пассатъ; кромѣ того, городъ этотъ лежитъ въ полѣ безвѣтрія. Между тѣмъ, Никарагуа, несмотря на низменное положеніе и жаркій климатъ, пользуясь свободнымъ движеніемъ вѣтровъ, обладаетъ здоровыми условіями для колонистовъ. По той же причинѣ, «кампусы» около Пернамбуко пользуются славой мѣстности, гдѣ бѣлые могутъ не только жить, но и обрабатывать почву безъ всякаго вреда для здоровья. То же можно сказать и о Буэносъ-Айресѣ, которое этому обстоятельству, отмѣченному Мендосой, обязано своимъ названіемъ, и обо всей долигѣ Ла-Платы. Подобныя указаннымъ выше, нездоровыя условія существуютъ въ Индіи, въ Терраи и около устьевъ Ганга; имъ же обязана своей громадной смертностью Бенгалія, между тѣмъ, какъ плоскогорье Деккана, вслѣдствіе противоположныхъ условій, является здоровой мѣстностью. Кромѣ бѣлой или меньшей смѣны воздуха, здоровое или нездоровое состояніе мѣстности обуславливается большей или меньшей проницаемостью почвы и подпочвы, при чемъ особенно вредными бывають глинистыя подпочвы, удерживающія воду уже на незначительной глубинѣ, въ особенности, если и почва легко проницаема и не задерживаетъ поднимающихся испареній (см. Ratzel, «Anthropogeogr.», I, 307—9). На основаніи свидѣтельства многихъ путешественниковъ, за желѣзистыми почвами въ жаркихъ климатахъ признается свойство породять малярію. Латериту, красной глинѣ съ большимъ содержаніемъ желѣза, преобладающей въ Ориссѣ и въ Бенгаліи, сэръ Ренольдъ Мартинъ приписываетъ малярію, присущую этимъ областямъ. Бордье соглашается съ общимъ выводомъ другихъ антропологовъ, что южное полушаріе здоровѣе сѣвернаго, такъ какъ въ первомъ импалудизмъ даетъ чувствовать себя гораздо менѣе. Онъ приходитъ и къ необходимости признанія въ каждой странѣ особыхъ, мѣстныхъ кли-

матовъ для каждой отдѣльной области ея ¹⁾). Чтобы кончить съ выводами Бордье, прибавимъ, что онъ признаетъ вліяніе географическихъ условій на образованіе многихъ мѣстныхъ типовъ, значительно отступающихъ по своимъ признакамъ отъ своихъ родичей другихъ странъ ²⁾).

Въ своемъ возраженіи полигенистамъ, сосредоточенномъ въ „L'espèce humaine“ и отчасти повторяемомъ въ „Hist. gén. des races hum.“, Катрфажъ, указывая, что французское населеніе въ Канадѣ, въ штатѣ Оттава, въ Акадіи возростало достаточно равномерно и быстро, такъ же, какъ и потомство французскихъ протестантовъ, переселившихся въ Капскую область, и англичавъ и голландцевъ въ той же области, находитъ, что и Антильскіе острова далеко не представляютъ такихъ безотрадныхъ условій для европейской колонизаціи, какъ это утверждаютъ полигенисты. Если взять населеніе ихъ въ цѣломъ, не принимая во вниманіе происхожденія умершихъ, тогда, дѣйствительно, оказывается, что смертность превышаетъ рождаемость. Но въ статистическихъ данныхъ тамъ часто не различаются двѣ части населенія, которыя необходимо раздѣлить, чтобы получить выводы болѣе правильные и убѣдительные,—именно новые эмигранты отъ потомковъ прежнихъ. Наибольшій процентъ смертности даютъ первые; это легко объяснимо, такъ какъ перемѣщеніе въ тропическій климатъ для жителя умѣренныхъ странъ всегда сопряжено съ опасностью, что, въ виду несомнѣнныхъ фактовъ, никогда и ни кѣмъ не отрицалось. Тѣмъ не менѣе, на Антильскихъ островахъ можно видѣть семьи потомковъ французскихъ эмигрантовъ, не менѣе многочисленныя, чѣмъ во Франціи. Дѣйствительныя отношенія раскрываются еще яснѣе, когда статистическія данныя распределяются по общинамъ, какъ это было сдѣлано Вальтеромъ для Мартиники и Гваделупы. Населеніе этой послѣдней представляетъ перевѣсъ смертей надъ рожде-

¹⁾ Такъ въ Алжирской области онъ отмѣчаетъ нѣсколько мѣстныхъ климатовъ, измѣняющихся въ зависимости не столько отъ ихъ географической широты, сколько отъ высоты надъ уровнемъ моря и раостоянія отъ моря и отъ Сахары. Онъ указываетъ въ Алжирѣ три зоны: 1) Тель, между берегомъ моря и сѣвернымъ хребтомъ Атласа; 2) область плоскогорій между двумя хребтами, составляющими систему Атласа; 3) область Сахары, въ которую горные проходы ведутъ изъ второй области, отлого спускающейся къ Сахарѣ. Тель извѣстенъ своими лихорадками и диссентеріей, между тѣмъ, какъ область плоскихъ возвышенностей, хотя и жаркая, представляетъ достаточное движеніе воздуха и гораздо здоровѣе первой.

²⁾ Какъ примѣръ, Бордье приводитъ арійскій элементъ населенія Индо-Китая.

ніями въ ежегодныхъ итогахъ, откуда, повидимому, легко было бы заключить, что европеецъ не можетъ акклиматизироваться на Гваделупѣ. Однако, дѣло является въ иномъ видѣ, если мы разсматриваемъ таблицу смертности по отдѣльнымъ общинамъ. На этомъ островѣ тридцать четыре общины и въ пятнадцати изъ нихъ число роженій больше числа смертей. Такимъ образомъ, не справившись еще съ климатомъ однихъ мѣстностей, европейцы, очевидно, уже акклиматизировались въ другихъ; но и для первыхъ окончательный приговоръ можетъ быть произнесенъ лишь послѣ детальнаго изслѣдованія рождаемости и смертности отдѣльныхъ категорій населенія. Насколько результатъ статистическихъ показаній зависитъ отъ обстоятельствъ постороннихъ чисто географическимъ вліяніямъ, показываетъ черное населеніе Антильскихъ острововъ. Пока тамъ существовало невольничество, негры не размножались въ степени достаточной для обезпеченія необходимыхъ рабочихъ силъ въ земледѣліи и промышленности. Фактъ вымиранія негровъ казался настолько несомнѣннымъ, что и англійскій изслѣдователь Тѣллокъ, и французскій ученый Буденъ высказывали убѣжденіе, что, съ прекращеніемъ ввоза невольниковъ, негры исчезнутъ въ названныхъ областяхъ. Однако, уничтоженіе рабства и связанное съ нимъ прекращеніе ввоза черныхъ рабовъ повели къ послѣдствіямъ прямо противоположнымъ. Элизе Реклю отмѣчаетъ, что это повело къ увеличенію негрскаго населенія, что легко объясняется улучшенными жизненными условіями, въ силу менѣ тяжелой и менѣ истощающей работы. Послѣднее обстоятельство еще замѣтнѣе въ Бразиліи. Въ этомъ государствѣ рабство уничтожалось съ извѣстной постепенностью; сперва былъ запрещенъ ввозъ черныхъ невольниковъ, а уже долго спустя они были объявлены свободными. Уже первой мѣры оказалось достаточнымъ для повышенія рождаемости среди негровъ, что произошло вслѣдствіе болѣе бережнаго, челоувѣчнаго обращенія хозяевъ плантацій съ рабочими, которыми имъ теперь приходилось дорожить болѣе прежняго, за невозможностью замѣстить ихъ свѣжими силами. Всѣ подобные факты, а также и факты губительнаго вліянія европейцевъ на мѣстное населеніе всѣхъ частей свѣта, приводятъ къ убѣжденію, что въ нашемъ вопросѣ, помимо вліяній чисто географическихъ, значительную роль играютъ и соціальныя вліянія. Трудность вопроса возрастаетъ еще болѣе отъ такого осложненія; вслѣдствіе этой крайней сложности, необходимо соблюдать величайшую осторожность въ общихъ выводахъ, которые, при непровѣренности данныхъ и, въ особенности,

при извѣстныхъ теоретическихъ предубѣжденіяхъ, способствуютъ болѣе затемнѣнію, чѣмъ разъясненію истины. Иногда положенія, повидимому, наиболѣе установленныя опровергаются фактами. Показанія наблюдателей говорятъ, напр., что для европейскихъ эмигрантовъ наибольшую опасность представляетъ земледѣльческая работа. Практика англичанъ въ Остѣ-Индіи и другихъ европейцевъ въ жаркихъ странахъ, какъ будто, заставляетъ признать справедливость такого указанія. Однако, на о-вѣ Бурбонѣ смертность въ бѣломъ городскомъ населеніи выше, чѣмъ въ сельскомъ, среди такъ называемыхъ «Petits Blancs», которые сами обрабатываютъ почву. Надо замѣтить, что послѣдній примѣръ особенно убѣдителенъ, такъ какъ это земледѣльческое населеніе стоитъ всего ближе къ кореннымъ жителямъ страны и, находясь ближе къ природѣ, внѣ искусственной обстановки городской жизни, всего болѣе подвергается дѣйствию естественныхъ условій. Такія изыятія изъ всѣхъ выводовъ общаго характера приводятъ Катрфажа къ справедливому заключенію, что въ настоящее время не только нельзя говорить объ акклиматизаціи европейцевъ на какомъ либо изъ Малыхъ Антильскихъ островахъ, напр., на Гваделупѣ, а можно говорить лишь объ акклиматизаціи въ Basse Terre, Pointe à Pitre, Pointe Noire и т. д., въ смыслѣ здоровыхъ или вредныхъ мѣстностей.

Къ тѣмъ же заключеніямъ приводятъ насъ и указанія нѣмецкихъ изслѣдователей относительно германскихъ колоній въ Восточной Африкѣ. Эти указанія собраны Баумгартеномъ въ его сводномъ трудѣ «Ostafrika, der Sudan und das Seengebiet». Въ самой значительной изъ германскихъ колоній, занимающей 24,000 кв. миль, климатъ можетъ быть названъ нездоровымъ только въ болотистыхъ низменностяхъ береговой области, въ особенности у рѣчныхъ устьевъ; здѣсь часто проявляется малярія. Напротивъ, расположенная выше горная область имѣетъ здоровый, даже превосходный климатъ. Этотъ выводъ подтверждается и выясняется въ подробностяхъ путешественниками и миссіонерами, писавшими о названной области. Миссіонеръ Горнеръ говоритъ о здоровомъ воздухѣ Укверы, оказывающемъ самое благопріятное дѣйствіе на европейцевъ. Тоже прибавляетъ онъ о чистомъ, свѣжемъ воздухѣ Уками. Англійскій путешественникъ Прайсъ хвалитъ здоровый климатъ Нгуру, объясняя, что въ немъ смѣло можно жить даже съ разстроеннымъ организмомъ. Его утверждение поддерживается Футтомъ, называющемъ горы Нгуру „убѣжищемъ для европейцевъ, обитающихъ въ болѣе низкихъ мѣстностяхъ». Бѣртонъ и Стэнли

называютъ горы Узагары настоящими санитарными станціями. Англійскій миссіонеръ Лестъ, прожившій восемь лѣтъ въ Узагарѣ и Нгуру, отзывается объ ихъ климатѣ, какъ весьма здоровомъ, прибавляя, что тамъ иногда бываетъ такъ жарко, какъ въ Остѣ-Индіи. По Томсону и Жиро, Угеге и Убена обладаютъ почти прохладнымъ климатомъ. Архидіаконъ Фарлеръ, прожившій одинадцать лѣтъ въ Магилѣ и Узамбарѣ, описываетъ климатъ до области Килиманджаро какъ повсемѣстно здоровый. Фонъ-деръ-Деккенъ говоритъ о странѣ джагговъ, что европеецъ найдетъ здѣсь прекрасный, здоровый климатъ на всѣхъ ступеняхъ отъ области банановъ до областей, гдѣ могутъ расти пшеница и растенія сѣверной Европы и т. п. (Baumgarten, op. cit., 425—426).

Проф. Фр. Ганъ, въ переработанной имъ «Африкѣ» Сиверса, высказываетъ, правда, болѣе пессимистическій взглядъ на возможность акклиматизаціи бѣлыхъ и въ частности нѣмцевъ въ Африкѣ. Изъ многочисленныхъ изслѣдованій по этому вопросу онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Рѣзкое выраженіе путешественника по восточной Африкѣ Г. А. Фишера: «здоровыя области въ восточной Африкѣ не плодородны, а плодородныя нездоровы» не всегда и не вездѣ справедливо, но оно содержитъ зерно истины». Отмѣчая, одинаково со всѣми путешественниками и географами, какъ наиболѣе нездоровыя, сырыя, жаркія, приморскія низменности на восточной и на западной сторонѣ Африки, Ганъ находитъ, что и надежда на болѣе здоровый климатъ внутренней Африки, къ сожалѣнію, мало оправдалась». «Возвышенныя равнины въ срединѣ здоровѣе береговъ моря, но лихорадка проникаетъ на довольно значительныя высоты», вслѣдствіе чего, «польза горныхъ станцій значительно уменьшается»... «Сравнительно здоровы пустыни и пустынеобразныя степи, но не всѣ саванны. И въ пустынѣ достаточно, впрочемъ, какого нибудь источника съ сырой окрестностью, чтобы лихорадка могла появиться» («Африка» Сиверса въ переработкѣ Гана, русск. перев. стр. 70). Соглашаясь въ общемъ со взглядами Коха объ участіи москитовъ въ распространеніи маляріи, что подтверждается и географическими данными о совпаденіи границъ распространенія москитовъ съ границами маляріи, Ганъ дѣлаетъ важное для насъ указаніе, что въ Африкѣ существуютъ не только «отдѣльныя лица», но и «цѣлыя племена, совершенно не уязвимыя для москитовъ». Ганъ также приходитъ къ выводу, что «вскапываніе почвы» тамъ весьма опасно, такъ какъ

при этомъ «освобождается много зародышей лихорадки, которые распространяются москитами» (71).

Съ другой стороны, акклиматизація цвѣтныхъ расъ, не говоря уже о перемѣщеніи ихъ въ высокія широты, не одинаково удается даже въ широтахъ ихъ мѣстообитанія. Способность негровъ акклиматизироваться во всѣхъ тропическихъ странахъ сильно преувеличена полигенистами. Уже болѣе безпристрастный Бордье указываетъ, что сенегальскіе негры не выносятъ перемѣщенія. Онъ приводитъ свидѣтельство д-ра Бершона, по которому значительное число габунскихъ негровъ, водворенныхъ въ Сенегаль, въ качествѣ солдатъ, умерло отъ диссентеріи; точно также и іолофы, перевезенные изъ Копора въ Башель, умирали отъ воспаленія печени (Bordier, «La colonisation scientifique etc.», 276). Область устьевъ Габуна считается гибельной не только для европейцевъ, но и для негровъ. Очевидно, и для послѣднихъ вопросъ удачи переселенія, зависитъ отъ болѣе или менѣе здоровой мѣстности, гдѣ осаживаются переселенцы. Такъ, люди, которыхъ Ливингстонъ привелъ съ собою изъ внутренней Африки къ устью Замбези, страдали здѣсь отъ лихорадки столько же, сколько и европейцы. По наблюденіямъ того же путешественника, негры, которымъ приписывается полная неуязвимость въ предѣлахъ всего тропическаго пояса, возвращаясь на родину изъ мѣстъ болѣе здоровыхъ, страдали отъ болѣзней не менѣе, если не болѣе европейцевъ: такъ быстро они утрачивали свою прославленную способность къ обитанію въ самыхъ лихорадочныхъ мѣстностяхъ. Извѣстно, что въ тропической Америкѣ диссентерія и болѣзни печени не рѣдко поражаютъ и туземцевъ. Не лишено значенія и обстоятельство, подтверждаемое полигенистами (Orgeas, *op. cit.*, 170), что негръ подъ тропиками не можетъ безъ вреда для своего здоровья работать столько же, сколько на своей родинѣ работаетъ европеецъ: между тѣмъ, «рабочая способность» бѣлыхъ иногда не измѣняетъ имъ и подъ тропиками (Ratzel, *Anthropogeogr.*, I, 307). Сомнѣніе въ нечувствительности негровъ къ маляріи подтверждаетъ и Ганъ. «Европеецъ болѣе подверженъ лихорадкѣ, чѣмъ африканецъ, и сѣверный европеецъ больше, чѣмъ южный. Тѣмъ не менѣе, было заблужденіемъ, когда утверждали, что африканецъ мало поражается лихорадкой; въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ западнаго берега по временамъ болѣетъ цѣлая половина населенія, но это заболѣваніе вообще протекаетъ не такъ тяжело, какъ у европейцевъ. Отдѣльныя племена негровъ отличаются, впрочемъ, большей нечувствительностью къ лихорадкѣ».

Вирховъ, много занимавшійся вопросомъ объ акклиматизаціи, высказываетъ слѣдующія воззрѣнія на дѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ тропическаго климата на бѣлаго человѣка: «Необходимо, чтобы географическія карты по отношенію къ акклиматизаціи специализировались гораздо болѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Здѣсь должно быть обращено вниманіе на физическія условія, изъ которыхъ самое важное температура мѣста, и затѣмъ на вредныя вліянія, выражающіяся въ маляріи. Кромѣ теплоты, имѣютъ большое значеніе и сырость или сухость воздуха, движеніе вѣтровъ, высота и т. п... Малярія, несомнѣнно, зависитъ отъ сырыхъ мѣстъ, но осушить ихъ, какъ надѣются сторонники колонизаціи, подъ тропиками и въ первобытныхъ лѣсахъ было бы очень труднымъ дѣломъ... Впрочемъ, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ малярія не даетъ себя чувствовать, выступаетъ температура, которой принадлежитъ первое мѣсто среди климатическихъ условій. Постоянная жара производитъ крайне ослабляющее дѣйствіе на человѣка, а именно на нервную систему и на сердце, что неизбѣжно ведетъ къ уменьшенію или къ потерѣ рабочей способности. При соблюденіи извѣстныхъ гигиеническихъ условій для отдѣльнаго человѣка, возможно нѣсколько болѣе продолжительное пребываніе въ тропической мѣстности, но эта послѣдняя должна быть свободна отъ маляріи, чтобы это пребываніе могло продолжаться дольше 2—3 лѣтъ. Что касается маляріи, то къ ней нельзя привыкнуть, такъ какъ каждый припадокъ увеличиваетъ въ организмѣ расположеніе къ ней» (*Zeitschr. f. Ethnol.*, 1885, *Abhandl.*, 207—210). Вирховъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вліяніе тропическаго климата отражается и на плодородіи женщинъ, которое сперва уменьшается, а затѣмъ и вовсе исчезаетъ (205). Тому же вопросу объ акклиматизаціи бѣлаго человѣка въ тропическихъ странахъ посвятилъ Вирховъ свой докладъ на 58-мъ съѣздѣ германскихъ естествоиспытателей и врачей въ Страсбургѣ, 18—23 сентября 1885 г. Въ этомъ докладѣ онъ касался, между прочимъ, вопроса объ отношеніи различныхъ расъ къ перемѣщеніямъ въ другіе климаты и приходилъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Преимущество въ акклиматизаціи въ тропическихъ областяхъ принадлежитъ южно-европейскимъ расамъ и семитамъ сравнительно съ арійцами. Но это далеко не абсолютно: нельзя не только южнаго европейца, но и негра перемѣщать безнаказанно по всей области тропиковъ (*Virchow, Ueber Acclimatisirung, Tagebl. d. 58 Versamml. deutsch. Naturf. etc.*, 545). Расы, даже и тѣ которыя

развились подъ сильнымъ вліяніемъ семитической крови (напр., мальтійцы, испанцы и португальцы), обладаютъ въ высшей мѣрѣ способностью къ акклиматизаціи и къ дальнѣйшему развитію при новыхъ условіяхъ въ жаркихъ странахъ въ сравненіи съ племенами, которыя могутъ быть названы арійцами въ болѣе непосредственномъ смыслѣ. Если мы примемъ во вниманіе эти племена, страдающія отъ дѣйствія тропическихъ условій (племена, къ которымъ принадлежатъ и нѣмцы), тогда вскорѣ обнаруживается, что они могутъ развиваться съ извѣстной увѣренностью лишь въ весьма ограниченной области. Главною изъ такихъ областей является Сѣверная Америка. Колонизація французовъ въ Канадѣ и англичанъ въ С. Америкѣ можетъ быть названа успѣшною; менѣе успѣшна колонизація послѣднихъ въ Австраліи: въ сѣверномъ Куинслэндѣ бѣлые уже не могутъ работать на солнцѣ (546). Для европейской колонизаціи удобны также Южная Африка и Южная Америка (Аргентина, Чили, Рио-Гранде-до-Сулъ, Бразилія), лежащія внѣ тропиковъ (547). Чѣмъ далѣе мы углубляемся въ чуждые климаты, тѣмъ болѣе уменьшается плодovitость: число дѣтей становится все меньше, число плодovitыхъ поколѣній убываетъ... Семья креоловъ, поддерживающаяся въ чистомъ видѣ, въ настоящихъ тропикахъ никогда не живетъ долѣе трехъ поколѣній и лишь въ исключительныхъ случаяхъ долѣе четырехъ или пяти... Въ Остѣ-Индіи до сихъ поръ не удалось основать прочной колонизаціи (547), и то же самое можно сказать о голландцахъ на Явѣ... Та же причина повела къ уничтоженію лонгобардовъ въ сѣверной Италиі и вестъ-готовъ въ сѣверной Испаніи и Португаліи (548). Въ виду этихъ и многихъ аналогичныхъ фактовъ, Вирховъ считаетъ сомнительнымъ, чтобы въ тропическихъ колоніяхъ Германіи могло когда нибудь образоваться нѣмецкое населеніе... По мнѣнію его, особенно важному для насъ вслѣдствіе его величайшей компетентности, «причина этого зависитъ отъ кровеобразованія, при чемъ или количество крови уменьшается, или процессы разрушенія идутъ въ ней быстрѣе. Отъ того или отъ другого происходитъ аномалія, отъ которой страдаютъ люди, даже не подвергающіеся лихорадкѣ (маляріи). Къ этому надо прибавить расположеніе къ болѣзнямъ печени, порождаемымъ не только при маляріи, но и въ самыхъ обыкновенныхъ акклиматизаціонныхъ болѣзняхъ (548). Онъ прибавляетъ: «Я не утверждаю, что иммунитетъ самъ по себѣ объясняется вполне расовыми свойствами, хотя возможно, что дѣло именно въ этомъ заключается» (550).

Въ сущности, тѣ же возрѣнія высказываетъ д-ръ Шеллонгъ въ статьѣ «Das Tropenklima und sein Einfluss auf das Leben und Lebensweise des Europäers». Koloniael. Jahrb., 1892). «Въ обсужденіи вопроса—лежитъ ли извѣстное мѣсто въ условіяхъ болѣе или менѣе благопріятныхъ для пребыванія европейца, говоритъ онъ, дѣло заключается не столько въ абсолютной высотѣ температуры воздуха, сколько въ среднихъ величинахъ, какія представляютъ суточные, мѣсячныя или годовыя среднія, выводимыя на основаніи постоянныхъ наблюденій (58). Согласно со многими климатологами, онъ полагаетъ, что «именно равномѣрность высокой температуры дѣйствуетъ вредно на человѣческой организмъ вслѣдствіе отсутствія достаточно выраженныхъ различій температуры днемъ и ночью, лѣтомъ и зимою» (59). Здоровый человѣкъ можетъ легко привыкнуть къ самымъ крайнимъ температурамъ воздуха, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ быстро преодолеваетъ субъективное чувство жара..., но такая атмосфера съ теченіемъ времени производитъ расслабляющее дѣйствіе. Подъ вліаніемъ ея, человѣкъ становится болѣе или менѣе малокровнымъ, быстро утомляется, часто страдаетъ безсонницей и др. нервными расстройствами, и, вслѣдствіе того, даже при условіяхъ вполне нормальныхъ въ другихъ отношеніяхъ, даже послѣ многолѣтняго пребыванія подъ тропиками, онъ всегда нуждается, по крайней мѣрѣ, во временной перемѣнѣ климата. Тѣмъ не менѣе, несмотря на высокую внѣшнюю температуру, температура тѣла обитателя тропиковъ не только не переходитъ за $37,5^{\circ}$, которые мы считаемъ нормальными для себя, но остается нѣсколько ниже ея; $36,5$ — $36,9^{\circ}$ — температуры, встрѣчающіяся всего чаще, даже у туземцевъ. Пульсъ и частое дыханіе бываютъ обыкновенно понижены (59), а выдѣленіе пота усилено; жидкія выдѣленія уменьшаются отъ 600 до 1000 граммовъ; число красныхъ кровяныхъ шариковъ понижается, и они сами по себѣ меньше нормальныхъ. Функціональныя измѣненія подъ тропиками соответствуютъ, такимъ образомъ, въ цѣломъ уменьшенію жизненности организма (60).

Въ дальнѣйшихъ строкахъ Шеллонгъ подтверждаетъ общераспространенные взгляды на главнѣйшіе факторы тропического климата и дѣйствіе, оказываемое ими на благо, а отчасти и на чернаго человѣка. Кромѣ тропической жары, мы не можемъ оставить безъ вниманія и другого метеорологическаго фактора тропического климата—большой сырости воздуха (63). Жара и сырость воз-

духа обуславливають дальнѣйшій неблагопріятный факторъ тропическаго климата — тропическія болѣзни, между которыми главное, почти исключительное мѣсто занимаетъ малярія... Въ Восточной и Западной Африкѣ, Южной Америкѣ и въ Вестъ-Индіи малярійныя заболѣванія играютъ первенствующую роль (64).

Малярія — настоящій врагъ европейца подъ тропиками... Если далѣе мы примемъ во вниманіе, что повсюду и туземцы поражаются маляріей, то надежда на достиженіе иммунитета для европейцевъ должна быть совершенно оставлена... Можно предположить, что для человѣка, живущаго въ малярійной странѣ, возможность инфекціи постоянно существуетъ. Если, тѣмъ не менѣе, болѣзнь падать отдѣльныхъ лицъ, то это можетъ быть объяснено только допущеніемъ, что организмъ могъ часто съ успѣхомъ устранять попадавшія въ него инфекціонныя вещества; въ закаливаніи способности сопротивленія можно видѣть поэтому единственное дѣйствительное средство противъ вреда малярійной инфекціи (65).

Знатокъ тропическаго климата д-ръ Пехуэль-Лёше, кромѣ дѣйствій жаркаго и сырого воздуха, которыхъ Вирховъ считаетъ главными дѣятелями названнаго климата, отмѣчаетъ еще дѣйствіе почвы, въ особенності въ областяхъ распространенія латерита («West-africanische Laterite», «Ausland», 1884, №№ 21 — 22) (Sonderabdruck, 13).

Чрезвычайная пористость латерита, его способность пропускать дождевую воду при самомъ ея паденіи до весьма глубокихъ слоевъ, не можетъ не имѣть значенія для нозогеніи. Вода, наполняющая при просачиваніи въ почву всѣ пустоты, вытѣсняетъ значительное количество воздуха, содержащагося въ сухой почвѣ. Этотъ воздухъ неизбѣжно бываетъ насыщенъ продуктами гніенія, происходящими изъ мелко раздѣленныхъ механическихъ веществъ, постоянно приносимыхъ просачивающейся водой и отлагающихся въ порахъ. Запахъ вытѣсненнаго воздуха чувствуется въ началѣ каждаго сильнаго дождя. Туземцы берега Лоанго хорошо знаютъ это явленіе и называютъ его «запахомъ саванны». Легко понять, какія громадныя количества воздуха, насыщеннаго продуктами гніенія, должны въ болѣе или менѣе короткіе промежутки освобождаться изъ почвы при ливняхъ, изливающихъ въ теченіе получаса 10 — 30 литровъ воды на одинъ квадратный метръ почвы, всасывающей такія количества воды мгновенно до самыхъ глубокихъ слоевъ. Вытѣсненные гнилостные газы, соединенные со смѣсью неопредѣленныхъ запаховъ испареній и водянаго пара, и

часто давящая духота бывают особенно тягостны. Если по близости находятся лагуны, илистые мѣста, то послѣ дождя, приводящаго въ движеніе ихъ содержимое, вѣтеръ, приносящій оттуда міазмы, дѣлаетъ положеніе наблюдателя невыносимымъ и тревожнымъ. Это свойство латерита должно быть принято во вниманіе при обсужденіи болѣзненныхъ явленій тропическаго пояса.

Относительно вліянія не только латерита, но и другихъ почвъ тропическихъ странъ, мы находимъ слѣдующіе выводы въ статьѣ «Почва» въ «Eulenb. g., Medicinische Real-Encyclopaedie». Изъ тѣхъ болѣзней, связь которыхъ съ почвою предполагалась всего раньше и была научно доказана, малярійная инфекция занимаетъ первое мѣсто... Отношенія маляріи къ почвѣ могутъ быть сведены къ 1) физическому составу почвы, 2) проникновенію ея водою и 3) содержанію органическихъ веществъ. Малярійныя лихорадки господствуютъ эндемически преимущественно въ такихъ странахъ, гдѣ физическій составъ поверхности почвы самой по себѣ или непосредственно лежащей подъ нею на небольшой глубинѣ породы (240) препятствуетъ быстрому стоку влаги, проникающей въ почву; болѣзнь экстенсивно и интенсивно проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ почва богаче въ тоже время органическими (въ особенности растительными) остатками. Эти условія оказываются въ наибольшемъ развитіи въ болотистой почвѣ, затѣмъ въ плоскихъ влажныхъ равнинахъ, обильно покрытыхъ аллювіемъ, и на берегахъ рѣкъ, подвергающихся періодическимъ затопленіямъ, а также на морскихъ берегахъ, находящихся въ такихъ же условіяхъ: повидимому, чѣмъ позже образовался аллювій, тѣмъ болѣе представляетъ онъ благоприятный субстратъ для массоваго развитія малярійныхъ организмовъ. Въ тропической части западнаго берега Африки, гдѣ малярія встрѣчается въ большей распространенности и злокачественности, чѣмъ гдѣ бы то ни было, плоскія, песчаная, покрытая болотами береговая полоса и затѣмъ болотистые берега рѣкъ представляютъ главный очагъ болѣзни. При этомъ оказывается, что геологическій составъ почвы самъ по себѣ не имѣетъ существеннаго значенія для проявленія болѣзни, такъ какъ послѣдняя встрѣчается эндемически на песчаной, известковой, мѣловой и гранитной почвѣ, и на осадочныхъ, и на вулканическихъ формаціяхъ. Геологическій составъ имѣетъ значеніе лишь въ томъ отношеніи, что имъ обуславливаются физическія свойства почвы, ея способность удерживать воду; поэтому болота, лежація на торфяной и песчаной

почвъ, болѣе благопріятствуютъ развитію маляріи, чѣмъ болота на известковой, мѣловой или глинистой почвъ.

Способъ, какимъ обнаруживается физическій характеръ почвы, состоитъ, прежде всего, въ томъ, что, благодаря ему, устанавливаются извѣстныя отношенія между почвой и атмосфернымъ воздухомъ. Малярійная почва должна доставлять доступъ воздуху до извѣстной глубины; это выражается тѣмъ, что плотная скалистая почва обыкновенно исключаетъ малярію. Развитіе и распространеніе ея не имѣетъ мѣста вездѣ, гдѣ встрѣчаются препятствія для доступа атмосфернаго воздуха къ тѣмъ слоямъ почвы, которые сохраняютъ свою влажность даже и въ теплыя времена года. Это болѣе всего происходитъ тамъ, гдѣ старая болотистая почва покрыта естественными или искусственными насыпями... Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на малярійныя инфекціи, которыя внезапно обнаруживаются послѣ нѣкоторыхъ земляныхъ работъ, въ особенности послѣ вскапыванія почвы, долго остававшейся безъ обработки, богатой растительными остатками... Въ Африкѣ лихорадка неизбѣжно появляется при земляныхъ работахъ въ дѣвственной почвъ; въ Техасѣ поселенцы подвергаются злокачественнымъ перемежающимся лихорадкамъ, когда они располагаютъ свои жилища такъ, что вѣтеръ приносить къ нимъ воздухъ съ свѣже-вспаханной почвы (241).

Второй существенный факторъ въ исторіи развитія зародышей маляріи мы можемъ видѣть въ отношеніи почвы къ водѣ, которое, впрочемъ, обусловливается также физическими и геологическими свойствами почвы. Согласно паразитарной теоріи инфекціонныхъ болѣзней вообще, которую мы на апіористическихъ основаніяхъ должны допустить и при маляріи, неизбѣжнымъ постулатомъ является присутствіе воды, т. е. извѣстной сырости почвы, такъ какъ лишь при такихъ условіяхъ организмы могутъ развиваться и размножаться. Разсматривая тѣ страны, въ полость, вообще избилующей маляріей, которыя пользуются иммунитетомъ по отношенію къ ней, мы видимъ, что это, по большей части, сухія мѣстности, каковы, напр., восточныя оконечности африканскаго материка, пустыни, скалистая и плоскія возвышенности и берега Нила въ сѣверной части Нубіи и въ Абиссиніи, и съ другой стороны, береговая полоса Перу, между Лимой и сѣверной границей. Точно также и изъ острововъ Атлантическаго океана, отличающихся вообще злокачественной маляріей, сухіе, свободные отъ болотъ острова Антигуа, Сснь-Венсенъ и Барбадось пользуются сравни-

тельно большим иммунитетом (242). Содержание влаги в почвѣ имѣетъ значеніе не только по отношенію къ атмосфернымъ осадкамъ и къ рѣкамъ и ручьямъ, текущимъ на поверхности земли, но еще болѣе къ почвенной водѣ. Мы должны прибавить здѣсь и своеобразное отношеніе, какое, смотря по обстоятельствамъ, вызываетъ растительность въ своемъ дѣйствіи на распространеніе маляріи. Растительность дѣйствуетъ на почву въ санитарномъ отношеніи вообще благоприятно, и цѣлесообразная обработка почвы можетъ считаться могущественнымъ врагомъ маляріи. Но мы должны имѣть въ виду, что, послѣ уничтоженія этой культуры, запусканія почвы и истребленія лѣсовъ, малярія въ этомъ мѣстѣ усиливается и даже возникаетъ вновь. Повидимому, растительность дѣйствуетъ по преимуществу на распредѣленіе воды въ почвѣ и на испареніе воды; на самомъ дѣлѣ, насажденія въ прославленныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ давали хорошіе результаты (243). Мы знаемъ, однако, факты, свидѣтельствующіе объ усиленіи маляріи вслѣдствіе пасаженія, въ особенности, лѣсовъ, какъ, напр., въ узкихъ, жаркихъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ рѣчныхъ долинахъ Абиссиніи и въ Бразиліи въ окрестностяхъ сырыхъ дѣйственныхъ лѣсовъ. Здѣсь, очевидно, слѣдуетъ принять во вниманіе обстоятельство, что въ то время, когда лѣса покрываютъ малярійную почву, эта послѣдняя и въ болѣе теплыя времена года, и на поверхностныхъ слояхъ, подверженныхъ дѣйствію воздуха, сохраняетъ большую влажность (244).

Гансъ Бухнеръ, въ своей работѣ «О расположеніи различныхъ человѣческихъ расъ къ инфекционнымъ заболѣваніямъ и объ акклиматизации» (*Ueber die Disposition verschiedener Menschenrassen gegenüber der Infektionskrankheiten und über Acclimatisation*), подтверждаетъ, что относительно заболѣваемости негровъ отъ маляріи существуютъ различія по мѣстностямъ и племенамъ. Иммунитетъ многихъ населеній и расъ по отношенію къ маляріи нельзя назвать полнымъ и всеобщимъ, но, при всей своей относительности, онъ не подлежитъ отрицанію (7). Здоровыми, какъ говоритъ Бухнеръ, можно назвать только вполне сухія, свободныя отъ почвенныхъ водъ мѣстности, — лежатъ ли онѣ высоко или низко (24).

Только голландскій ученый Стокфисъ, въ своемъ докладѣ на X конгрессѣ германскихъ врачей, подъ заглавіемъ «О сравнительной расовой паталогіи и способности сопротивленія европейца подъ тропиками» (*Ueber vergleichende Rassenpathologie und die Wiederstandsfähigkeit des Europäers in den Tropen, Verhandlungen des X*

Medicinischen Congress, I Bd.) приходитъ къ выводамъ, нѣсколько противорѣчающимъ мнѣніямъ ученыхъ, приведеннымъ выше. Авторъ, правда, соглашается съ общепринятымъ взглядомъ, что «изъ извѣстныхъ силъ, угрожающихъ здоровью и жизни европейца подъ тропиками, двѣ заслуживаютъ особаго вниманія—термическія условія и иначе проявляющіяся подъ тропиками инфекціонныя болѣзни (194). Главный факторъ дѣйствія тропическаго климата Стокфисъ видитъ въ высокой температурѣ и даже употребляетъ выраженіе «термическія условія» предпочтительно передъ менѣе опредѣленными выраженіями «климатическія и метеорологическія условія» (190). Всѣ метеорологическія явленія имѣютъ значенія для человѣческаго организма въ томъ отношеніи, что могутъ вызывать измѣненіе регулированія тепла; иначе сказать, это — термическіе моменты. Даже уменьшеніе атмосфернаго давленія, имѣющее въ другихъ случаяхъ этиологическое значеніе, подъ тропиками обозначаетъ отсутствіе тропической температуры (горныя станціи) (195). Перемѣщеніе въ болѣе высокія температуры не выказываетъ какого либо преимущества жителя тропиковъ надъ европейцемъ (198). Большая смертность европейцевъ отъ гепатита объясняется неумѣренностью ихъ въ употребленіи раздражающихъ кишечный каналъ спиртныхъ напитковъ. Съ ограниченіемъ этого употребленія уменьшается и смертность отъ названной болѣзни (198—9).

Такимъ образомъ, Стокфисъ, противоположно мнѣнію Вирхова и др., приходитъ «къ заключенію, что раса при наблюдаемыхъ физиологическихъ измѣненіяхъ, подъ вліяніемъ тропическихъ термическихъ условій, играетъ лишь подчиненную, трудно поддающуюся описанію роль. Всѣ эти измѣненія легко объясняются, какъ естественныя послѣдствія измѣненія внѣшнихъ и социальныхъ жизненныхъ условій. Способность сопротивленія европейскаго переселенца оказывается даже больше и во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ туземца (гепатитъ уноситъ меньше жертвъ, чѣмъ легочныя заболѣванія) (199). Сравненіе смертности европейскихъ и туземныхъ солдатъ въ колониальныхъ арміяхъ (въ голландскихъ колоніяхъ и въ Сѣв. Америкѣ) говоритъ, что конечные результаты борьбы за существованіе подъ тропиками лишь въ меньшей степени обуславливаются расовыми особенностями (202). И по отношенію къ маляріи опытъ даетъ видѣть, что между бѣлыми и цвѣтными расами не существуетъ никакого различія въ заболѣваемости и смертности (204). Опытъ яснѣе показываетъ, говорить

онъ далѣе, что рѣшающее значеніе имѣютъ здѣсь мѣстныя условія (205). Тѣ же условія преобладаютъ и по отношенію къ тифу, который, повидимому, опаснѣе для бѣлыхъ, чѣмъ для туземцевъ. Относительно желтой лихорадки, которая падаетъ туземца и поражаетъ бѣлаго переселенца, имуннитетъ (являющийся послѣ преодоленія болѣзни) зависитъ не отъ расовыхъ свойствъ, а отъ болѣе или менѣе долгаго пребыванія подъ тропиками (206). Въ связи съ этими взглядами, Стокфисъ, по вопросу объ акклиматизаціи, высказываетъ слѣдующій выводъ: въ томъ, что полныя жизни, здоровыя, взрослые европейцы обоого пола при соблюденіи всѣхъ гигиеническихъ правилъ вполне способны къ акклиматизаціи, не можетъ быть сомнѣнія. Болѣе долгое пребываніе подъ тропиками способствуетъ укрѣпленію способности къ сопротивленію.

Разбирая климатическіе элементы тропическаго пояса, Ратцель, между прочимъ, высказываетъ въ пользу мнѣнія, повторявшагося до него еще многими, что тропическій климатъ дѣйствуетъ утомляющимъ и расслабляющимъ образомъ не единовременными высокими температурами, которыя можно наблюдать и въ умѣренномъ поясѣ, а однообразнымъ распредѣленіемъ высокой температуры въ годовомъ ходѣ и отсутствіемъ холоднаго времени года, дѣйствующаго укрѣпляющимъ образомъ на организмъ обитателей умѣреннаго пояса. Но высокая температура не такъ еще угнетаетъ европейца, какъ сырость тропическаго климата. По свидѣтельству Журдана, цитируемаго Ратцелемъ, европейцы легко переносятъ жаркій климатъ всѣхъ небогатыхъ частей Мексики. И въ областяхъ Сѣв. Америки, прилегающихъ къ Мексиканскому заливу, для бѣлыхъ необитаемыя низменныя и сырыя мѣстности, между тѣмъ, какъ въ тѣхъ же широтахъ они живутъ свободно въ болѣе высокыхъ, сухихъ мѣстахъ. Именно соединеніе высокой температуры съ влажностью придаетъ нѣкоторымъ тропическимъ мѣстностямъ ихъ удручающій характеръ. Что касается въ особенности негровъ, а отчасти и другихъ жителей тропическаго и субтропическаго пояса, переселяющихся въ высокія широты, то для нихъ, повидимому, представляетъ опасность значительное пониженіе температуры. Извѣстно, что въ холодныхъ климатахъ они страдаютъ грудными болѣзнями и весьма склонны къ чахоткѣ. Мы еще не знаемъ, какъ дѣйствуетъ на нихъ избытокъ или недостатокъ влажности.

Какъ мы видимъ, вопросъ о приспособленіи представителей бѣлой расы къ тропическому климату сводится къ различенію «здоровыхъ» мѣстностей, т. е. такихъ, гдѣ организму бѣлаго чело-

вѣка не предъявляется неисполнимыхъ для него требованій, отъ «вредныхъ», гдѣ борьба съ новыми условіями является ему не по силамъ. Какъ выражается Стокфисъ, «для колонизаціи должны быть выбираемы подходящіе индивидуумы и здоровыя мѣстности» (I. с., 213). Индивидуальныя различія даютъ себя чувствовать и въ мѣстностяхъ болѣе здоровыхъ; не каждый эмигрантъ выживаетъ тамъ и даетъ жизнеспособное потомство. И въ этомъ случаѣ естественный подборъ устраняетъ особей менѣе пригодныхъ для новыхъ условій, оставляя въ живыхъ болѣе пригодныхъ и давая преимущество ихъ потомству. По словамъ О. Аммона, «опустошенія, производимыя нѣкоторыми болѣзнями, можно признать процессами подбора, такъ какъ устраненіе индивидуумовъ, наиболѣе воспримчивыхъ къ извѣстной болѣзни, постепенно устанавливаетъ иммунитетъ большинства («*Otto Ammon, «Die natürliche Auslese beim Menschen»*, 65). Такъ, съ теченіемъ времени возникаетъ новый типъ, приспособившійся къ новымъ условіямъ.

Чтобы судить о томъ, путемъ какихъ измѣненій въ организмѣ, напр., человекъ бѣлой расы можетъ прижиться въ мѣстообитаніи черной расы, мы должны попытаться опредѣлить особенности негра, обеспечивающія для него возможность нормальнаго существованія и размноженія въ странахъ тропическаго пояса.

Негръ, безъ сомнѣнія, долженъ располагать извѣстными свойствами, облегчающими для него перенесеніе высокихъ температуръ, угнетающихъ европейца ¹⁾. Это отличіе должно искать прежде всего въ строеніи кожи, воспринимающей свѣтовые и тепловые лучи и освобождающей организмъ отъ избытка теплоты. Подъ тропиками человекъ долженъ выдѣлять болѣе теплоты, остающейся въ излишкѣ за удовлетвореніемъ потребностей организма. Условія строенія кожи, наиболѣе благоприятныя для освобожденія избытка теплоты, физиологія видитъ въ слѣдующемъ: 1) Въ болѣе значительномъ развитіи сосудисто-потоотдѣлительной системы; именно у негра мы находимъ большое развитіе сосудистой системы кожи и

¹⁾ Катрфажъ, держась того взгляда, что болотные міазмы одинаково вредны для всѣхъ расъ, не отрицаетъ, что негръ переноситъ ихъ сравнительно легче. Хотя и онъ страдаетъ и умираетъ отъ лихорадки на берегахъ Нигера, но гораздо менѣе, чѣмъ европеецъ. То же можно наблюдать надъ обѣими расами въ Индіи; по отношенію къ опасностямъ болотистыхъ мѣстностей, негръ выказываетъ даже преимущество предъ туземными расами: болотныя испаренія вездѣ менѣе дѣйствуютъ на него. Родившись въ странѣ, болѣе или менѣе наполненной такими испареніями, происходя отъ предковъ, жившихъ со временъ до-историческихъ въ отравленномъ воздухѣ, онъ болѣе другихъ расъ приспособленъ къ этой средѣ. (*Espèce humaine*, 65).

большое богатство ея потовыми железками, при большомъ объемѣ ихъ. 2) Въ большой летучести и въ большой охлаждающей способности пота; острый запахъ пота и даже кожи негра зависить отъ примѣси летучихъ жировыхъ кислотъ въ свободномъ состояніи и въ соединеніяхъ, въ видѣ солей; потъ бѣлаго человѣка содержитъ ихъ лишь въ видѣ слѣдовъ, а чернаго—въ изобилии: послѣднее обстоятельство и должно содѣйствовать усилению охлаждающаго свойства пота ¹⁾. 3) Въ слабомъ развитіи волосно-сальной системы; у негра волосная система развита гораздо менѣе, чѣмъ у европейца, такъ же, какъ и система сальныхъ желѣзокъ; недостаточность того и другого способствуетъ освобожденію теплоты. 4) Въ болѣе значительномъ выдѣленіи тепла помощью излученія, причѣмъ трудно опредѣлить, какую роль играетъ цвѣтъ кожи негра въ излученіи его животной теплоты; быть можетъ, послѣднее зависить преимущественно отъ физическихъ свойствъ зеренъ пигмента (см. Orgeas, op. cit., 181 и слѣд.). Эти положенія, приводимыя Оржасомъ, принимаются антропологами съ различными ограниченіями и дополненіями. Прунеръ-Бей видѣлъ въ черномъ цвѣтѣ и въ шероховатой поверхности кожи жителей тропической Африки средство для большаго выдѣленія лучистой теплоты и, слѣдовательно, для охлаждения (См. Bastian, Allg. Grundz. d. Ethnol., 103); другими словами, онъ связывалъ строеніе кожи негра, способствующее охлажденію ея, съ чернымъ цвѣтомъ, и этотъ послѣдній считалъ такимъ же полезнымъ свойствомъ. Гильомъ (Revue générale des sciences, 1892), полагаетъ, что темный «пигментъ защищаетъ кожу отъ разрушающаго вліянія солнечныхъ лу-

¹⁾ Фалькенштейнъ, антропологъ германской экспедиціи для изслѣдованія Лоанго, съ особеннымъ вниманіемъ изслѣдовалъ выдѣленія кожи западно-африканскихъ негровъ. Онъ нашель, что у нихъ участіе сальныхъ желѣзокъ въ испареніи болѣе, чѣмъ у насъ, и значительному процентному содержанію жировъ должна быть исключительно приписана „дурная слава, которой повсемѣстно пользуется запахъ негра“. Именно, пахучія кислоты вызываютъ запахъ, присущій негру; „можно признать безусловно, что запахъ негра настолько специфиченъ, что онъ при точномъ опредѣленіи можетъ быть признанъ его расовымъ признакомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ что бы то ни было другое“. Фалькенштейнъ, однако, замѣчаетъ, что, „здоровый негръ, съ особеннымъ тщаніемъ наблюдающій за чистотой своего тѣла, не издаетъ никакого запаха“. Это противорѣчитъ свидѣтельству Уокера, относящемуся также къ Западной Африкѣ, изъ котораго слѣдовало бы заключить, что запахъ негра не зависитъ отъ чистоты его тѣла. Тотъ же ученый указываетъ, что у однихъ негрскихъ племенъ этотъ специфическій запахъ сильнѣе, у другихъ—слабѣе. И Фритчъ сообщаетъ изъ собственныхъ наблюденій, что у кафровъ-амакоза обмываніе тѣла не уничтожаетъ свойственнаго ему запаха, такъ какъ обмываніе развивается двѣятьельностью мышцъ. (См. R. Andree, Ethnogr. Paral., Neue Folge, 214, 215, 216).

чей и въ то же время охлаждаетъ вслѣдствіе лучеиспусканія жирнаго слоя, который его покрываетъ («Міръ Божій», 1899, V, 54). Пешель, не указывая, въ чемъ именно заключается связь между строеніемъ и цвѣтомъ кожи негра, признаетъ возможность этой связи, хотя пока она кажется ему «таинственной». Преимущество кожи негровъ для перенесенія высокихъ температуръ такъ очевидно, что мы можемъ считать его за приспособленіе къ средѣ, представляемой жаркимъ климатомъ. Это заключеніе подтверждается подобнымъ же строеніемъ кожи папуасовъ (мягкимъ и бархатистымъ) (Fr. Müller, Allg. Ethnogr., 128). Строение это само по себѣ можетъ быть признано болѣе важнымъ, чѣмъ черный цвѣтъ кожи, такъ какъ оно не измѣняется и даетъ кожѣ возможность функционировать должнымъ образомъ даже при потерѣ черного цвѣта, при альбинизмѣ. Рих. Андрее приводитъ любопытныя наблюденія французскаго врача Луи Венсана (Vincent) на западномъ берегу экваторіальной Африки, указывающія, что «кожа у мѣстныхъ альбиносовъ розоваго цвѣта, но она не гладкая и ровная, какъ у европейцевъ, а морщинистая, съ небольшими неровностями по всему тѣлу»; только въ исключительныхъ случаяхъ она достигаетъ чешуйчатости строенія (близкаго къ ихтиозису) (R. Andree, Ethnogr. Parallelen, Neue Folge, 252). Альбинизмъ вовсе не рѣдкое явленіе среди негровъ; вообще въ черной расѣ онъ встрѣчается чаще, чѣмъ у двухъ другихъ расъ. Джонсъ, кромѣ того, считаетъ негрскихъ альбиносовъ «вообще крѣпкими и здоровыми и способными къ энергичному и совершенному выполненію жизненныхъ функций». Приводя это мнѣніе, Р. Андрее присоединяется къ нему, считая возможнымъ допустить, что альбинизмъ у черной расы имѣетъ иной характеръ, чѣмъ у европейцевъ, у которыхъ онъ составляетъ явленіе безусловно патологическое. При такомъ взглядѣ. черный цвѣтъ кожи негра не является существенно необходимымъ для него, тѣмъ болѣе, что черныя особи также могутъ рождать бѣлыхъ, какъ и бѣлыя черныхъ. Если присоединить сюда случаи частнаго альбинизма негровъ и частнаго меланизма европейцевъ, то черный цвѣтъ кожи не представляетъ жизненной необходимости для негра. И выдѣленія его кожи, которымъ Оржасъ придаетъ такое первенствующее значеніе, свойственны негрскимъ племенамъ не въ одинаковой степени: одни изъ этихъ племенъ обладаютъ болѣе сильнымъ, другія менѣе интенсивнымъ запахомъ. Именно о наиболѣе черныхъ неграхъ (іолофахъ и сенегамбійцахъ) мы имѣемъ свидѣтельство французскаго врача Рошбрюна, что ихъ

запахъ не отличается интенсивностью, а о неграхъ Кошго англійскій путешественникъ Джонстонъ говоритъ, что они «свободны отъ того оскорбляющаго обоняніе запаха, который несправедливо считается характернымъ для большей части обитателей Африки» (R. Andree, 1. с., 216). Если, въ виду этихъ различій, принять въ соображеніе, что и другія расы обладаютъ специфическими запахами выдѣленія кожи, то въ послѣднемъ придется признать для негра не какой либо общій признакъ, а частный или мѣстный. Хотя въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ приспособленіемъ къ тропическому климату, но большее или меньшее развитіе его не оказывается въ зависимости ни отъ географической широты, ни отъ цвѣта кожи.

Избытокъ теплоты, остающійся за поддержаніемъ нормальной температуры (37°), не удаляется кожей въ такой мѣрѣ, чтобы не оказывать извѣстнаго вліянія на организмъ. «Вліяніе это мы можемъ видѣть въ нѣкоторомъ измѣненіи внутреннихъ органовъ, въ особенности печени; поэтому послѣдняя у негровъ всегда бываетъ увеличенной» (Bastian, Zur L. d. g. Pr., 15). По Прунеръ-Бюу, у негра железы брюшныхъ органовъ относительно увеличены, а именно, печень и почки, и, повидимому, постоянно страдаютъ отъ переполненія венозной кровью; легкія же развиты у него сравнительно менѣе брюшныхъ органовъ. Зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что европейца, пріѣзжающаго въ страны жаркаго пояса, всего болѣе поражаютъ болѣзни печени¹⁾, мы можемъ заключить, что въ сравни-

¹⁾ Какъ замѣчаетъ Гиршъ, болѣзни печени, поражающія европейцевъ въ жаркихъ странахъ, можно назвать „тропическими“ по преимуществу; подъ вліяніемъ климата, именно высокой температуры, печень увеличивается въ объемъ и выдѣленіе желчи возрастаетъ. И Энесли указываетъ, что первыми послѣдствіями переменны умѣреннаго климата на жаркій бываетъ для организма европейца увеличеніе выдѣленія желчи. Если въ жаркихъ странахъ и не происходитъ опредѣленнаго отложенія углерода въ печени, то кровь окрашивается желчнымъ пигментомъ, какъ у больныхъ желтухой. Шотте замѣтилъ, что на Сенегалѣ потъ у европейцевъ издаетъ непріятный запахъ и приобретаетъ желтоватый цвѣтъ, окрашивая даже бѣлье въ шафранный оттѣнокъ. (Bastian, Zeitschr. f. Ethnol. 1873). Ф. Аркенъ свидѣтельствуетъ, что воспаленіе печени эндемически распространено въ Венесуэллѣ; то же говоритъ и Чуди относительно береговыхъ и лѣсныхъ областей Перу, тогда какъ пуны и вообще горная область свободны отъ этой болѣзни. Бирчъ указываетъ то же относительно Индіи, С. Вель и др.—Антильскихъ острововъ, и т. д. Гейманъ объясняетъ, что существуетъ акклиматизационное увеличеніе печени, проявляющееся въ теченіе перваго года при переселеніи въ тропическую область, отъ чего избавляются лишь не многіе европейцы; вмѣстѣ съ постепеннымъ развитіемъ гипертрофій печени замѣчается и измѣненіе въ цвѣтъ кожи (Bastian, Allg. Grundz. d. Ethnol. 165). Стокфисъ приводитъ мнѣніе Жуссе (Jousset), автора „Traité de l'acclimatation et de l'acclimatation“, что жители тропиковъ вообще отличаются отъ жителей умѣренныхъ поясовъ болѣе

тельно увеличенной печени негра мы видимъ результатъ прямого приспособленія или непосредственнаго вліянія среды. Подтвержденіе прямой зависимости между внутренними органами и средой мы видимъ, съ другой стороны, въ склонности негровъ къ легочнымъ болѣзнямъ въ холодныхъ странахъ, къ которымъ легкія его оказываются настолько же недостаточно приспособленными, на сколько печень европейца—къ жаркимъ странамъ¹⁾. Подобно тому, въ полярныхъ странахъ, гдѣ необходимо усиленное выработываніе тепла, должны особенно развиваться легкія, а слѣдовательно, и грудная клѣтка²⁾. Однородное явленіе должно происходить и въ разрѣженномъ воздухѣ плоскогорій жаркихъ странъ, гдѣ легкія должны работать усиленно, чтобы ввести въ кровь нужное количество кислорода. По замѣчанію Бастіана, замѣтное увеличеніе грудной клѣтки въ обоихъ случаяхъ, являясь при различныхъ условіяхъ (плотномъ и разрѣженномъ воздухѣ), служитъ для удовлетворенія усиленной потребности дѣятельности легкихъ. Такъ какъ грудная клѣтка въ обоихъ случаяхъ работаетъ сильнѣе, хотя и не въ одинаковой степени, то, вѣроятно, при болѣе точномъ детальномъ изученіи человѣческихъ расъ, опредѣлятся характерныя формы ея у эскимосовъ, съ одной стороны, и у кечуасовъ или тибетцевъ, съ другой, которыя будутъ отнесены къ числу расовыхъ особен-

частымъ дыханіемъ, меньшей жизнеспособностью, меньшимъ объемомъ, меньшей выраженностью брюшного дыханія, болѣе частымъ и менѣе напряженнымъ пульсомъ, большимъ количествомъ крови и относительно болѣе сильнымъ развитіемъ брюшныхъ органовъ по сравненію съ грудными, большимъ выдѣленіемъ пота при сильномъ уменьшеніи другихъ выдѣленій, температурой тѣла, повышенной на 0,5—0,6°, и слишкомъ малымъ вѣсомъ тѣла по отношенію къ его длинѣ (op. cit., 195). Точныя измѣренія показываютъ на тропическихъ народахъ замѣтное пониженіе осязательной и болевой чувствительности, меньшее развитіе чувства зрѣнія, слуха и красокъ. Было бы совершенно неосновательно во всѣхъ этихъ физиологическихъ измѣненіяхъ видѣть выраженіе какой либо расовой особенности (ib).

¹⁾ Въ Сѣв. Америкѣ чахотка значительно чаще встрѣчается у негровъ, чѣмъ въ иныхъ частяхъ населенія. Гульдъ, сравнивая вмѣстимость легкихъ черной расы съ тою же вмѣстимостью бѣлыхъ, находить между ними „поразительную разницу“, а именно объемъ груди при полномъ вдыханіи у негровъ менѣе на 1,25 d. въ сравненіи съ бѣлыми и на 1,4 d.—со смѣшанными расами. (Bast., A. G. d. E., 105).

²⁾ Бастіанъ, признавая, что послѣдствія взаимодѣйствія между организмомъ человѣка и окружающей его средой не выступаютъ на первый взглядъ съ такой же очевидностью, какъ густота шерсти сѣверныхъ животныхъ, расширеніе листьевъ у альпійскихъ растений, тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ изслѣдованіи могутъ быть отмѣчены, напр., у негровъ и кечуасовъ. Онъ противопоставляетъ артеріозность крови, сопровождающуюся горячей испариной у полярныхъ народовъ, преобладанію венозности крови, усиленнымъ выдѣленіемъ печени и черной, холодной кожѣ негровъ. (A. g. d. E., 9, 11).

ностей (Z. L. d. g. Pr., 19). Ратцель не находит, однако, возможным определить какое либо замѣтное дѣйствіе низкихъ температуръ на внутренніе органы человѣка. Уменьшеніе роста вслѣдствіе этого вліянія у полярныхъ народовъ онъ считаетъ не доказаннымъ. По его мнѣнію, полярные народы не имѣютъ существенныхъ отличій отъ народовъ умѣреннаго пояса. Отсутствие рѣзкаго вліянія полярнаго климата онъ видитъ и въ томъ, что жители умѣренныхъ странъ легко переносятъ его. Хотя негры, дѣйствительно, страдаютъ отъ перемѣщенія въ холодный климатъ, но нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ, чтобы рѣшить—на столько ли холодный и сухой климатъ полярныхъ областей самъ по себѣ затрудняетъ пребываніе въ нихъ, насколько это можно сказать о жаркомъ и сыромъ климатѣ тропическихъ странъ для жителей умѣреннаго пояса. (Anthropog., I, 310).

Изъ всего, что намъ извѣстно о прямомъ вліяніи климатическихъ условій, мы можемъ считать достовѣрнымъ лишь физиологическое дѣйствіе его на выдѣленія и связанные съ ними органы въ нѣкоторыхъ областяхъ тропическаго пояса. Уже различіе этихъ областей по ихъ вліянію на бѣлыхъ переселенцевъ, какое мы видѣли, заставляетъ избѣгать выводовъ, распространяющихся на весь тропическій и субтропическій поясъ. Такъ, если строеніе кожи негра и папуаса можетъ считаться послѣдствіемъ приспособленія къ жаркому климату, вызывающему усиленное испареніе, то уже волосистость этихъ двухъ типовъ неодинакова: между тѣмъ, какъ негръ обладаетъ кожей, наиболѣе лишенной волосъ, папуасъ отличается сравнительной волосатостью. То, что мы знаемъ объ увеличеніи печени у негровъ, также не повторяется у папуасовъ, и мы не слышимъ, чтобы европейцы страдали на родинѣ папуасовъ отъ послѣдствій недостаточной работы печени. Сопоставляя подобные факты и принимая, напр., тропическій поясъ за одну географическую область, мы видимъ нѣчто противорѣчащее, исключющее другъ друга. Подобныя противорѣчія даютъ обыкновенно право заключать, что если тропическій климатъ не производитъ никакого особаго измѣненія печени у папуасовъ, то и увеличеніе печени у негровъ не можетъ быть ему приписано. Именно такія заключенія и ведутъ къ тому суженію круга прямого дѣйствія среды, какое иногда доходитъ почти до полнаго отрицанія его. Вопросъ о дѣйствіи ея представляется въ иномъ видѣ, какъ скоро мы перенесемъ его на почву отдѣльныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои условія для существованія ея обитателей. Крѣпость

организма, поддержаніе его жизненныхъ функцій въ нормальномъ состояніи въ среднихъ предѣлахъ человѣческаго возраста и способность производить здоровое потомство зависятъ именно отъ совокупности естественныхъ условий, дѣйствующихъ на организмъ. Процессъ приспособленія совершается путемъ органическихъ измѣненій болѣе или менѣе глубокихъ, которыя мы то можемъ, то не можемъ уловить при настоящихъ средствахъ науки. Но тамъ, гдѣ мы ихъ видимъ, мы имѣемъ достаточное основаніе отнести ихъ къ вліянію среды, насколько эти измѣненія имѣютъ значеніе для индивидуальной и видовой жизни особи, насколько они обуславливаютъ побѣду въ борьбѣ съ внѣшними условіями, которую каждому приходится нести въ большей или меньшей степени. Въ условіяхъ, наиболѣе близкихъ къ естественнымъ, въ условіяхъ жизни дикарей, побѣда вообще принадлежитъ особямъ наиболѣе энергичнымъ въ физическомъ или умственномъ отношеніи. Среди дикарей мы можемъ видѣть это съ непосредственной наглядностью. Такъ Штернбергъ рассказываетъ о гилякахъ, въ своемъ докладѣ въ Этнографическомъ отдѣлѣ нашего Географическаго Общества (1 дек. 1900 г.), что семьи, основанныя переселенцами другихъ сосѣднихъ народностей, оказались сильнѣе и многочисленнѣе, чѣмъ старинныя чистокровныя вѣтви мѣстнаго рода.

Говоря о дѣйстви «природы» на человѣка, доказывая, что человѣкъ и не культурный, и культурный, находится подъ ея властью, мы всегда говоримъ о географической средѣ. Мы признаемъ при этомъ, что культурная или социальная среда иногда противодѣйствуетъ ей, охраняя человѣка отъ разрушительныхъ вліяній или создавая для него искусственныя условія жизни, но не рѣшаемся отрицать того, что устранить или ослабить естественныя условія можно лишь до извѣстной степени. Чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ природѣ, чѣмъ менѣе культура оберегаетъ его отъ нея, тѣмъ болѣе мы должны признать дѣйствіе ея надъ нимъ. И это дѣйствіе прежде всего заключается въ подборѣ болѣе пригодныхъ для извѣстной среды индивидуумовъ, подборѣ, который, въ концѣ концовъ, въ естественныхъ границахъ ея дѣйствія, долженъ создать извѣстный антропологическій типъ, наиболѣе приспособленный къ жизни въ этой области. Среди культурныхъ народовъ этотъ типъ слѣдуетъ искать по преимуществу въ классѣ населенія, занимающемся земледѣліемъ, скотоводствомъ и промыслами, сопряженными съ близкимъ отношеніемъ къ природѣ, вродѣ охоты, рыбной ловли и т. п. Онъ всегда представляетъ извѣстныя отличія отъ типовъ город-

скихъ, сословныхъ, профессиональныхъ и т. д. и можетъ, по сравненію съ названными культурными типами, служить къ выясненію болѣе непосредственнаго дѣйствія естественной среды. Онъ же можетъ служить для сравненія съ типами некультурныхъ народностей.

При томъ положеніи сравнительной физиологіи, въ какомъ она находится въ настоящее время, мы еще не можемъ указать физическія особенности населеній географическихъ областей, обезпечивающія способность жить и размножаться въ данной мѣстности. Наиболѣе цѣлесообразнымъ путемъ для этой отрасли антропологіи было бы именно сравнительное изученіе населеній, по преимуществу сельскихъ, параллельно съ некультурными народностями въ различныхъ областяхъ. Поддержаніе и увеличеніе населенія любой культурной страны такъ явно зависятъ отъ сельскаго населенія¹⁾, что, въ антропологическомъ смыслѣ, неправильно было бы противупологать послѣднему городское населеніе, какъ величину равнозначущую. Культурная среда отчасти измѣняетъ мѣстный типъ, создавая нѣкоторые общіе или международные типы, менѣе зависящіе отъ естественныхъ условій страны, чѣмъ типъ сельскаго населенія, но послѣдній имѣетъ болѣе шансовъ упрочиваться и размножаться. Поэтому вліяніе культуры, какъ болѣе слабое и переходящее, въ концѣ концовъ, всегда уступаетъ вліянію природы или географическихъ условій. Между тѣмъ, какъ культурная среда непрерывно измѣняется, представляя разнообразныя условія существованія для тѣхъ, кто возвращается въ ней, естественная или географическая среда остается неизмѣняемой, и дѣйствіе ея является постояннымъ. Преимущество условій культурной жизни, которыя ослабляютъ дѣйствіе естественнаго подбора, искусственно поддерживая существованіе слабыхъ особей, осужденныхъ на гибель при болѣе суровыхъ, естественныхъ условіяхъ, уравнивается трудностями борьбы за существованіе и нездоровыми, ослабляющими жизненными условіями культурной среды. Вредъ, причиняемый этими послѣдними здоровью и долговѣчности отдѣльныхъ лицъ и

¹⁾ Статистика указываетъ намъ, говоритъ Георгъ Ганзень, что городское населеніе находится въ состояніи непрерывнаго вымиранія, что средняго сословія, поддерживающагося собственными силами, не существуетъ. Если, тѣмъ не менѣе, населенія городовъ держатся на извѣстномъ уровнѣ, даже возрастаютъ, то этотъ приростъ возможенъ лишь благодаря постоянному притоку избытка сельскаго населенія. Мы наблюдаемъ еще, что быстрый ростъ, выказываемый въ новѣйшее время большими и промышленными городами, обуславливается не усиленіемъ притока извнѣ, а большимъ увеличеніемъ собственными силами, но не средняго сословія, а неимущихъ рабочихъ и пролетаріевъ". (Die drei Bevölkerungsstufen", 39).

ихъ потомству въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ, долженъ входить и въ соображенія антропологовъ. Этотъ вредъ связанъ не съ одной лишь европейской культурой; его можно отмѣтить во всѣхъ культурныхъ странахъ, какъ это указываетъ Бельцъ для Японіи и проч. Если болѣе легкія условія жизни, соединенныя съ изобиліемъ пищи и отсутствіемъ излишняго напряженія силъ, способствуютъ образованію типа, отличающагося болѣе мощнымъ физическимъ развитіемъ, какъ мы это видимъ у начальниковъ кафрскихъ и полинезійскихъ племенъ, то при высшей культурѣ, напр., у японцевъ, мы замѣчаемъ уже всѣ неблагопріятныя послѣдствія ненормальной жизни культурнаго человѣка.

Когда намъ говорятъ о городскомъ и сельскомъ населеніяхъ, мы должны имѣть въ виду ихъ далеко не равную жизнеспособность и производительность. Можно считать несомнѣннымъ, какъ выражается І. Ранке, что различіе городской и сельской жизни оказываетъ вліяніе на ростъ индивидуумовъ. При этомъ названный ученый, помимо многочисленныхъ статистическихъ данныхъ, относящихся до различныхъ городовъ, изъ собственныхъ наблюденій въ Баваріи подтверждаетъ извѣстный выводъ о пониженіи роста городского населенія сравнительно съ сельскимъ. Нѣкоторое превосходство въ этомъ отношеніи выказываютъ города въ тѣхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ баварскомъ Фохтландѣ, гдѣ сельское населеніе живетъ въ условіяхъ крайней бѣдности и почти все работаетъ на фабрикахъ. По свидѣтельству Боллингера, такіе фабричные округа поддерживаютъ свое населеніе притокомъ извнѣ, т. е. находятся въ обычныхъ условіяхъ большихъ городовъ. И Боллингеръ присоединяется къ выводамъ Ранке, что городское населеніе обнаруживаетъ меньшую величину роста, чѣмъ сельское, и приводитъ результаты военной статистики, указывающіе, что высшіе классы, несмотря на лучшее питаніе, вообще слабѣе физически представителей сельскаго населенія (J. Ranke, op. c., II, 116, 117). Изъ всѣхъ этихъ общезвѣстныхъ данныхъ вытекаетъ заключеніе, что, не говоря уже о странахъ не-культурныхъ или полукультурныхъ, и во всякой культурной странѣ, частью населенія, типичной для извѣстной мѣстности, слѣдуетъ считать населеніе сельское, какъ болѣе сильное и устойчивое, т. е. именно ту часть населенія, которая испытывала наиболѣе вліяніе естественной и наименѣе вліяніе культурной среды. Антропологи, за исключеніемъ французскихъ полигенистовъ, не связываютъ ростъ со свѣйствами расы, т. е. не считаютъ его исключительно расовымъ признакомъ; поэтому въ сельскомъ населеніи,

насколько оно изъято отъ дѣйствія культурной среды, мы можемъ видѣть зависимость роста отъ дѣйствія географической среды или окружающихъ условій обитаемой мѣстности, способствующей большому или меньшему физическому развитію. Вліяніе мѣстообитанія становится еще болѣе замѣтнымъ въ мѣстностяхъ съ нездоровыми условіями, вызывающими эндемическія болѣзни, въ родѣ зоба, кретинизма и т. п.; даже лица, не пораженныя болѣзною, въ этихъ мѣстностяхъ выказываютъ уменьшенный ростъ. Тоже можно сказать и о другихъ нездоровыхъ мѣстностяхъ, неблагоприятныя условія которыхъ выражаются въ усиленной смертности дѣтей. Вліяніе внѣшнихъ или мѣстныхъ условій выступаетъ и въ массовыхъ измѣреніяхъ, напр., американскаго населенія, изъ которыхъ видно, что сѣвероамериканцы своимъ ростомъ превосходятъ иммигрантовъ изъ Англіи, Шотландіи, Ирландіи и Германіи; этотъ фактъ, по признанію Боллингера, «какъ нельзя яснѣе показываетъ, что внѣшнія условія даже въ сравнительно короткое время могутъ оказать существенное вліяніе на средній ростъ человѣка» (ib.). Гульдъ, организовавшій эти измѣренія, исходя изъ нихъ, считалъ даже возможнымъ присоединиться къ воззрѣнію Бюффона, по которому ростъ зависитъ отъ географической широты мѣстообитанія. Ранке прибавляетъ къ этому мнѣнію, что для національности ростъ не можетъ служить отличительнымъ признакомъ, такъ какъ «все говоритъ въ пользу нѣкотораго мѣстнаго вліянія; люди одинаковой національности и происхожденія выказываютъ въ различныхъ мѣстахъ весьма различный ростъ» (I. с., 128). Еще рѣшительнѣе высказывается по этому поводу Эренрейхъ. «По всѣмъ имѣющимся до настоящаго времени изслѣдованіямъ, говоритъ онъ, вліянія мѣстообитанія въ связи съ климатомъ должны быть поставлены на первомъ мѣстѣ независимо отъ географической широты. По мнѣнію Гульда, національность не есть что либо отличительное само по себѣ (Characteristicum), а, напротивъ, все говоритъ за извѣстное мѣстное вліяніе, такъ какъ люди одной и той же національности и происхожденія въ различныхъ мѣстахъ обнаруживаютъ неодинаковый ростъ... Вліяніе мѣстообитанія несомнѣнно констатировано для двухъ областей, именно для С.-Америку и Ю.-Африку, гдѣ переселившіеся европейцы выказываютъ замѣтное увеличеніе роста и въ этомъ отношеніи приближаются къ кореннымъ обитателямъ, краснокожимъ и кафрамъ... Горные черокисы, по Боасу, мельче равнинныхъ, что также соответствуетъ малорослости южно-американскаго горнаго населенія. (Anthropol. Studien, 34).

Что касается взаимнаго отношенія частей тѣла, то и въ нихъ, какъ признаетъ Ранке, можно замѣтить «существенное и даже рѣшительное вліяніе внѣшнихъ жизненныхъ условій» (I. с., 109). Всего нагляднѣе проявляется это вліяніе въ болѣзненныхъ или искаженныхъ (регрессивныхъ) формахъ (Kümmerformen), образованіе которыхъ зависитъ отъ нездоровыхъ окружающихъ условій. Помимо результатовъ упражненія и неупражненія, дѣйствія образа жизни и питанія, въ соотношеніяхъ частей мы видимъ извѣстные типы развитія, въ которыхъ вліяніе среды можетъ выразиться лишь въ большей или меньшей интенсивности процесса развитія. Къ этому вопросу и къ связи его съ географической средою мы еще вернемся ниже.

Вліяніе окружающихъ условій на форму волосъ пока еще не поддается нашему опредѣленію, если не считать не подлежащихъ повѣркѣ догадокъ въ родѣ мысли Бастіана о зависимости этой формы отъ воздушнаго электричества. Отмѣтимъ только заключеніе Ранке, что «волосъ, такъ же, какъ и цвѣтъ кожи, не пригоденъ для различенія крупныхъ этническихъ группъ, но оба эти наглядные признака несомнѣнно могутъ имѣть примѣненіе для различенія болѣе мелкихъ группъ человѣчества» (ib., 180).

Вопросъ о вліяніи среды на окрашиваніе кожи и волосъ все еще остается открытымъ. Настоящее положеніе до сихъ поръ резюмируется словами Вирхова: «Я не полагаю, чтобы кто-нибудь могъ сказать—какая среда въ одномъ случаѣ вызываетъ такую то окраску, а въ другомъ не вызываетъ; я, по крайней мѣрѣ, этого не знаю. Хотя и легко сказать, что извѣстныя внѣшнія условія должны содѣйствовать или препятствовать образованію пигмента, но не въ каждой южной странѣ мы видимъ чернокожаго, и не въ каждой сѣверной—бѣлокурогаго человѣка... Безъ сомнѣнія, никто изъ насъ не будетъ отрицать, что среда, мѣстныя условія, образъ жизни, социальныя отношенія и пр. оказываютъ вліяніе на развитіе. Но передъ такими грубыми фактами, заставляющими видѣть нашу слабость во всемъ ея объемѣ, мы должны быть весьма осторожны въ примѣненіи нашихъ теорій. Мы можемъ только про себя всегда держать вопросъ открытымъ—не климатическія ли условія создали такія-то этнологическія зоны? Но въ виду существованія зонъ, сказать просто, что мы можемъ уже теперь распознать какія особыя физическія вліянія создали ихъ, мы еще не имѣемъ права». (Цит. по Ранке, ор. с., 146). Почти въ томъ же смыслѣ, хотя нѣсколько опредѣленнѣе, говоритъ объ этомъ предметѣ Эренрейхъ. По

его словамъ, «опытъ указываетъ, что цвѣтъ кожи въ высокой степени зависитъ отъ климата. Но это вліяніе опредѣляется не легко, такъ какъ оно измѣняется другими условіями. въ особенности образомъ жизни. Жители жаркихъ странъ вообще темнѣе жителей странъ холодныхъ. Окрашиваніе зависитъ, однако, не столько отъ годовой температуры, сколько отъ прямого дѣйствія солнца. И въ болѣе прохладномъ климатѣ народъ, болѣе подвергающійся солнечному зною, можетъ быть темнѣе другого, живущаго въ сырой, жаркой странѣ въ тѣни густыхъ лѣсовъ. Такъ лѣсные обитатели ботокуды свѣтлѣе единоплеменныхъ имъ кайяповъ, обитающихъ на открытыхъ внутреннихъ кампосахъ. Точно также аровакско-пурусскія племена свѣтлѣе ихъ соплеменниковъ въ центральномъ Матто-Гроссо. И горное населеніе вообще отличается болѣе темнымъ окрашиваніемъ. Подобныя же отношенія мы находимъ у кавказской и монгольской расъ» (ор. cit., 32).

Индивидуальныя измѣненія, появляющіяся при перемѣщеніи въ новую среду, въ родѣ потемнѣнія, кожи представителей бѣлой расы въ тропическомъ и суб-тропическомъ климатѣ, составляютъ общезвѣстный фактъ, но подобныя измѣненія, такъ же, какъ и послѣдствія недостаточнаго и обильнаго питанія или упражненія и неупражненія частей, могутъ имѣть значеніе для образованія этническаго типа лишь въ томъ случаѣ, если можетъ быть доказана наслѣдственная передача этихъ измѣненій. Измѣняемость и наслѣдственность — двѣ основы дарвинизма — признавались этой теоріей, какъ факты наблюденія въ естественныхъ условіяхъ дѣятельности природы. Въ послѣдующее время, когда возникла потребность уясненія фізіологическихъ процессовъ и измѣненій организма и передачи ихъ потомству, наука вынуждена была признать, что она, съ одной стороны, «всего болѣе нуждается въ разъясненіи закона измѣняемости» (Гёксли), или, другими словами, что она еще не знаетъ этого закона, а, съ другой стороны, въ томъ, что «наслѣдственность была бы превосходнымъ критеріумомъ, если бы мы знали болѣе о сущности наслѣдованія» (Вирховъ). Наслѣдственная передача прижизненныхъ измѣненій или приобрѣтенныхъ признаковъ въ настоящее время подвергается сомнѣнію, благодаря ученію Вейсмана, отрицающему эту передачу. Авторъ этого ученія, однако, сознаетъ, что основная гипотеза его объ измѣняемости съ помощью лишь зародышевой плазмы встрѣчаетъ противорѣчіе въ измѣненіяхъ организма силою прямого вліянія вѣншихъ условій. Въ обсужденіе

этого вліянія онъ отказывается входить, въ виду недостаточности нашихъ знаній по указанному предмету ¹⁾).

Вейсманъ считаетъ возможнымъ, что измѣненіе климата могло первоначально подѣйствовать измѣняющимъ образомъ на зародышевую клѣтку, хотя это и трудно утверждать; въ такомъ случаѣ накопленіе послѣдствій путемъ наслѣдованія не представило бы никакого затрудненія. Случаи вырожденія, когда видъ высшихъ животныхъ попадаетъ въ условія неблагопріятнаго климата и недостаточнаго питанія, онъ сводитъ не только къ тому, что отъ этихъ условій животное терпитъ въ своемъ цѣломъ (*dans sa totalité*), но и въ своихъ зародышевыхъ клѣткахъ, уменьшающихся въ размѣрахъ. Сюда же присоединяется недостаточное питаніе въ періодъ роста; зародышевыя клѣтки не передаютъ, однако, нѣкоторыхъ особенностей, обнаружившихся сперва у взрослага животнаго подѣ вліаніемъ климата (op. cit., 150). Въ этихъ клѣткахъ Вейсманъ видитъ причину измѣняемости организма, который развивается въ опредѣленномъ направленіи естественнымъ подборомъ. Онъ допускаетъ, что, тѣмъ не менѣе, остается нѣкоторый просторъ для дѣйствія внѣшнихъ условій, вліяющаго на развивающійся организмъ, но это поприще весьма ограничено и составляетъ лишь небольшой подвижной районъ около неподвижной центральной точки. образуемой наслѣдственностью. По объясненію Вейсмана, обильное питаніе можетъ увеличить силу и объемъ тѣла, но зародышъ, предназначенный для образованія карлика, не можетъ дать начало великану. Нездоровый, сидячій, сопровождающійся недостаточнымъ питаніемъ образъ жизни можетъ обуславливать развитіе хилаго человѣческаго существа, и, наоборотъ, физическія упражненія и чистый воздухъ развиваютъ силу и здоровье; но сходство съ однимъ или съ обоими изъ родителей, заключающееся въ зародышевой клѣткѣ, не уничтожается при какомъ бы то ни было образѣ жизни. Въ зародышевой клѣткѣ заключается существенное опредѣленіе того, чѣмъ предстоитъ быть организму; въ ней заключаются и индивидуальныя количественныя отличія послѣдняго, которыя слѣдуетъ считать присущими ей, какова бы ни была причина ихъ

¹⁾ „Много еще нужно, говорить онъ, чтобы сказано было послѣднее слово по поводу ихъ (внѣшнихъ условій). и мы ни въ какомъ видѣ не обладаемъ достаточно точнымъ знаніемъ фактовъ, чтобы позволить себѣ произнести увѣренное сужденіе по поводу причинъ измѣненій такого рода; этого для меня довольно, чтобы избавить себя отъ необходимости входить въ подробности вопроса“. (A. Weisman, „Essais sur l'hérédité“, trad. Varigny, 149).

происхожденія. Приписывая всѣ постоянныя измѣненія, какія передаются однимъ поглотіемъ другому, количественнымъ измѣненіямъ зародыша, самыя измѣненія Вейсманъ относить къ измѣнчивымъ внѣшнимъ вліяніямъ, которымъ подвергается зародышъ до начала эмбріональнаго развитія. Дѣйствіе внѣшнихъ условій опредѣляется состояніемъ организма, въ которомъ находятся зародышевыя кѣтки; при достаточномъ питаніи, послѣднія также питаются обильно и, наоборотъ, развиваются неудовлетворительно при слабости и болѣзненности организма. Такимъ образомъ, по мнѣнію Вейсмана, наслѣдственность сводится къ росту (op. cit. 153 — 155). Мы должны упомянуть еще о «панмиксіи», терминѣ, введенномъ Вейсманомъ, которымъ онъ обозначаетъ перерывъ въ охраняющемъ вліяніи (*influence conservatrice*) естественнаго подбора, чему, по его мнѣнію, должна быть приписана большая часть измѣненій, относимыхъ обыкновенно къ прямому дѣйствію внѣшнихъ условій; панмиксія составляетъ причину измѣняемости большей части домашнихъ животныхъ (141).

Теорія Вейсмана касается человѣка только мимоходомъ и при томъ со стороны психической, но въ виду значенія, какое придается ей въ біологической литературѣ, въ виду того, что на ея сторону становятся такіе авторитеты, какъ Уоллесъ, мы не можемъ обойти ее въ занимающемъ насъ вопросѣ о вліяніи окружающихъ условій, хотя и не можемъ углубиться въ обширную полемическую литературу, разросшуюся около нея. Эта теорія, такъ рѣшительно сводящая прямое вліяніе внѣшнихъ условій къ значенію почти ничтожному, вызвавшая среди біологовъ-философовъ горячія возраженія, каковы, напр., статьи Герберта Спенсера, вызываетъ и среди біологовъ-практиковъ много сомнѣній и ограниченій. Проф. Холодковскій, въ названной выше статьѣ, приводитъ возраженіе Клауса, который, признавая важность новой теоріи наслѣдственности, находитъ въ ней многія преувеличенія. Такъ, уже аргюги трудно допустить, чтобы индивидуальность сложнаго организма сводилась въ сущности только къ половымъ кѣткамъ; также трудно было бы утверждать, что на послѣднихъ не могутъ отражаться вліянія, испытываемыя организмомъ, и такимъ путемъ передаваться по наслѣдству. И Вейсманъ не отрицаетъ такой возможности; поэтому прямое и наслѣдственное вліяніе прямого воздѣйствія внѣшнихъ факторовъ представляется достаточно вѣроятнымъ (проф. Холодковскій, I. с. 129). Названный авторъ, съ своей стороны, замѣчаетъ, что хотя, при настоящемъ положеніи нашихъ

знаній, мы ничего не можемъ сказать опредѣленнаго о тѣхъ путяхъ и способахъ, какими обуславливается передача внѣшнихъ вліяній на половыя клѣточки, но многіе факты свидѣтельствуютъ въ пользу такой передачи. Въ окончательномъ выводѣ онъ считаетъ вполне возможнымъ допустить, что прямое измѣняющее вліяніе внѣшнихъ факторовъ передается по наслѣдству (ib., 131).

Американскій профессоръ Лестеръ Уордъ, стоящій на почвѣ нео-ламаркизма, въ своей статьѣ «Уступка Вейсмана» (Pop. Sc. Monthly, June, 1894), говоритъ въ видѣ возраженія этому ученому: «Съ точки зрѣнія нео-ламаркистовъ, климатическія вліянія (противно утвержденію Вейсмана)—вовсе не единственныя, могущія оказывать прямое дѣйствіе на зародышъ. Нео-ламаркисты держатся того мнѣнія, что ф у н к ц і о н а л ь н ы я измѣненія наслѣдуются въ большей или меньшей степени, и устапавливаютъ существенное различіе между ними и случайными измѣненіями, каковы искалѣченія и другія пораненія. До настоящаго времени и проф. Вейсманы, и его послѣдователи больше всего упирали на эту послѣднюю категорію, что было бесполезной тратой словъ и аргументаціей, рассчитанной на то, чтобы обмануть тѣхъ, кто мало знакомъ съ предметомъ. Но дѣло совершенно измѣняется, какъ скоро оно доходитъ до измѣненій формы, вызываемыхъ усилями и борьбой живого существа ради поддержанія жизни или достиженія какихъ либо желаемыхъ цѣлей. Такія измѣненія неизбѣжно должны быть сложными и заключаютъ въ себѣ гармоническое приспособленіе всѣхъ частей, подвергающихся упражненію, которое при передачѣ обеспечиваетъ полное и систематическое измѣненіе, претерпѣваемое видомъ. Климатическія вліянія принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ, на которыя реагируетъ живое существо, но и вся окружающая среда затрогиваетъ его постоянно такимъ образомъ, что вызываетъ непрерывныя измѣненія (l. c., 176). Къ этому можно прибавить слѣдующее мнѣніе Вирхова: «Въ врачебныхъ кругахъ никто и никогда не думалъ иначе, что (подобное) приспособленіе связано съ матеріальными измѣненіями организма, что внутреннее превращеніе отчасти должно было создавать совершенно новыя отношенія органовъ». (Tageblatt d. 58 Versaml. deutsch. Naturforsch. u. Aerzte in Strassburg 18—23 Sept. 1885, S. 544).

Вѣскія возраженія Вейсману дѣлаетъ и I. Ортъ, въ своей работѣ, рассматривающей происхождение и наслѣдованіе индивидуальныхъ свойствъ («Ueber die Entstehung und Vererbung individueller Eigenschaften»). Онъ не соглашается съ его утверженіемъ, будто

воздѣйствіе внѣшнихъ причинъ на зародышевую плазму не можетъ быть допущено вслѣдствіе ея стойкости, а также и вслѣдствіе того, что, несмотря на быстроту роста зародышевой плазмы, строеніе ея не можетъ быть затронуто внѣшними физическими условіями, весьма измѣнчивыми по всей природѣ, дѣйствующими то въ томъ, то въ другомъ направленіи. Примѣръ, приводимый Вейсманомъ, въ доказательство его вывода о непрерывности зародышевой плазмы, что современныя намъ животныя Египта оказываются тѣми же, какими были 4000 лѣтъ тому назадъ, Ортъ не считаетъ убѣдительнымъ: незначительныя измѣненія, не приносящія пользы, должны были исчезать, а измѣненія, наиболѣе соотвѣтствующія внѣшнимъ условіямъ, не могли появиться вслѣдствіе одинаковости внѣшнихъ условій въ теченіе всего упомянутаго періода. Ортъ находитъ, что Вейсманъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, признавая, что зародышевая плазма одноклѣточныхъ организмѣ и тѣхъ, которые были предками нынѣшнихъ многоклѣточныхъ и двуполыхъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ жизненныхъ условій давала мѣсто индивидуальнымъ отличіямъ. По словамъ Вейсмана, корень этихъ наслѣдственныхъ индивидуальныхъ отличій заключается во внѣшнихъ вліяніяхъ, производящихъ прямыя измѣненія организма; такимъ образомъ, можетъ возникать наслѣдственная измѣняемость, но лишь у низшихъ одноклѣточныхъ существъ. Если, какъ замѣчаетъ Ортъ, можетъ быть признана возможность измѣненія молекулярнаго строенія зародышевой плазмы дѣйствіемъ внѣшнихъ условій, чего нельзя не допустить за отсутствіемъ всякаго другого объясненія, то трудно понять, почему бы эта способность не могла перейти къ высшимъ организмамъ, почему она не могла бы существовать и теперь? И самъ Вейсманъ указываетъ, что свойства зародышевой плазмы у высшихъ животныхъ существенно одинаковы съ тѣми же свойствами у одноклѣточныхъ (I. Orth, l. c., 173). ¹⁾

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ сообщеній Вейсманъ идетъ еще далѣе въ томъ же направленіи и объясняетъ, что онъ не отказывается допустить возможность измѣненія и у высшихъ животныхъ, такъ какъ, признавая вообще измѣнчивость зародышевой плазмы по отношенію къ внѣшнимъ условіямъ, трудно было бы найти основательный доводъ противъ пріобрѣтенія измѣненій дѣйствіемъ внѣшнихъ условій. Онъ говоритъ: „Мнѣ кажется, нельзя отрицать возможности, что продолжительныя, дѣйствующія на рядъ поколѣній вліянія, каковы температура, питаніе и проч., могутъ оказывать свое дѣйствіе на зародышевыя клѣтки въ такой же степени, какъ и на всякую другую часть, могутъ вызывать измѣненія въ строеніи зародышевой плазмы. Однако, такія вліянія не вызовутъ индивидуальныхъ измѣненій, потому что они произведутъ оди-

Уоллесъ, въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи «Darwinism», указываетъ, что индивидуальныя измѣненія проявляются и въ большей степени, и у большаго числа особей, чѣмъ предполагалось до сихъ поръ, а именно, что измѣненія различныхъ частей и органовъ достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 25% (см. гл. III). И Ортъ признаетъ большое растространеніе и значеніе индивидуальныхъ особенностей, приобретенныхъ организмомъ во время внѣ-утробной жизни, въ особенности въ періодъ роста; состояніе нашего тѣла во всякое данное время онъ считаетъ возможнымъ разсматривать, какъ результатъ выработки (Ausbildung), испытываемой унаслѣдованными свойствами подъ вліяніемъ всей суммы жизненныхъ условій. Сюда подходятъ измѣненія всего тѣла такъ же, какъ и отдѣльныхъ частей его, измѣненія грубаго и тонкаго характера, морфологическія, химическія и функціональныя, почти всѣ патологическія явленія. По его мнѣнію, факты ежедневной жизни свидѣтельствуютъ, что вновь возникшія особенности переходятъ по наслѣдству; остается установить—всѣ ли вновь возникшія измѣненія, когда бы и какъ бы они ни произошли, а также и приобретенныя свойства могутъ передаваться потомству? (I. c., 176—7).

Вирховъ, значительно суживающій область явленій наслѣдственности, полагаетъ, что мы по отношенію къ нимъ ничѣмъ не располагаемъ, кромѣ статистическихъ указаній. «Мы всегда склонны, говорить онъ, признавать извѣстное свойство наслѣдственнымъ, если оно повторяется въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Но именно въ той наукѣ, которая практически болѣе всего заинтересована: вопросомъ наслѣдственности, въ патологій, опытъ указалъ всю невѣрность признака повторенія». Онъ отличаетъ «наслѣдственность», появляющуюся лишь путемъ воспроизведенія, отъ «врожденности», имѣющей начало во время утробной жизни. «Все, что послѣ акта воспроизведенія дѣйствуетъ на плодъ и измѣняетъ его, если оно вызываетъ даже существенное уклоненіе

наковыя измѣненія у всѣхъ особей, живущихъ въ извѣстной области. Возможно, хотя въ настоящее время этого еще и нельзя доказать, что многія климатическія измѣненія произошли именно такимъ путемъ». Такое объясненіе Вейсмана кажется Орту недостаточно яснымъ: индивидуальными называются измѣненія, которыя присущи особи не какъ представителю своего вида, а какъ отдѣльному существу, которыя противуполагаются типическимъ общимъ видовымъ свойствамъ. Поэтому вопросъ не разрѣшается, если одновременно многія, подвергающіяся одинаковымъ жизненнымъ условіямъ особи приобретаютъ одинаковыя индивидуальныя свойства, такъ какъ послѣднія не становятся принадлежностью всего вида, но остаются лишь особыми отличіями отдѣльныхъ индивидуумовъ. (I. Orth., I. c., 174).

въ развитіи, никакъ не можетъ быть названо наслѣдственнымъ. Оно принадлежитъ къ области рано приобрѣтенныхъ и потому часто врожденныхъ уклоненій» («Ueber den Transformismus», Arch. f. Anthropol., XVIII, 9). Для яснаго пониманія дѣйствія внѣшнихъ условій, необходимо различать наслѣдственныя свойства отъ врожденныхъ. Какъ полагаетъ Катрфажъ, среда въ особенности оказываетъ свое дѣйствіе въ періодѣ зародышеваго развитія (Hist. gén. d. r. hum., 150).

При тѣхъ ограниченіяхъ наслѣдственности, какія устанавливаетъ Вейсманъ, касаясь человѣка, онъ подводитъ его къ условіямъ панмиксіи, когда измѣненія образуются подъ прямымъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, помимо дѣйствія естественнаго подбора. Примѣръ такого неограничиваемаго подборомъ вліянія, ведущаго къ наслѣдованію приобрѣтенныхъ признаковъ, Вейсманъ видитъ въ ослабленіи зрѣнія культурнаго человѣка. Правда, наслѣдственную близорукость, часто встрѣчающуюся въ цѣлыхъ семьяхъ, онъ находитъ возможнымъ приписать нѣкоторому случайному предрасположенію зародыша, а не передачѣ приобрѣтенной близорукости. Онъ замѣчаетъ, что близорукость можетъ развиться и при нормальномъ зрѣніи, вслѣдствіе приспособленія глаза къ близкимъ разстояніямъ, но соглашается, что близорукость скорѣе можетъ появиться при соотвѣтственномъ предрасположеніи, зависящемъ отъ измѣняемости глаза, не направляемой естественнымъ подборомъ. (Weisman, op. cit., 141). Точно также онъ признаетъ, что дѣти музыкантовъ, напр., піанистовъ, не наслѣдуя таланта своихъ отцовъ, наслѣдуютъ свойства ихъ, когда они еще были дѣтьми—гибкость пальцевъ и музыкальное чувство. (l. c., 316), т. е. извѣстное предрасположеніе къ музыкѣ. И Вирховъ считаетъ несомнѣннымъ существованіе «многочисленныхъ мѣстныхъ предрасположеній къ болѣзнямъ», обращая вниманія на то, что «отъ предрасположенія до настоящей болѣзни еще достаточно большое разстояніе, которое не можетъ быть пройдено безъ воздѣйствія опредѣляющихъ причинъ» (l. c., 9). И Ранке, по вопросу о наслѣдственности формъ, высказывается въ пользу положенія ф. Натугіуса, что дѣтямъ передается не самая форма, а предрасположеніе къ ней (Ranke, op. cit., 11, 102). Таковы выводы ученыхъ наиболѣе осторожныхъ въ вопросѣ о наслѣдственной передачѣ физиологическихъ и морфологическихъ признаковъ или о возможности повторенія этихъ признаковъ въ потомствѣ. Эти выводы говорятъ намъ, что нѣкоторыя измѣненія, даже случайныя или вредныя, мо-

гутъ переходить къ потомству въ видѣ предрасположенія къ воспроизведенію ихъ, которое можетъ повторяться при дѣйствіи однихъ и тѣхъ же условій. Во многихъ случаяхъ не можетъ быть сомнѣнія и относительно прямого перехода приобрѣтенныхъ свойствъ, напр., патологическихъ, какъ указываетъ Вирховъ въ названномъ выше «Дневникѣ 58 съѣзда германскихъ естествоиспытателей и врачей» (стр. 544).

Резюмируя вкратцѣ сказанное выше, мы заключаемъ, что условія мѣстообитанія могутъ вызывать большія или меньшія измѣненія у человѣка отчасти своимъ прямымъ вліяніемъ, отчасти посредствующимъ, путемъ качества или количества пищи, образа жизни, обусловливаемого мѣстообитаніемъ, и соотвѣтствующаго ему упражненія или неупражненія органовъ. Измѣненія, вызываемыя всѣми этими вліяніями, могутъ въ большей или меньшей степени переходить къ потомству посредствомъ воздѣйствія на зародышевую плазму и на организмъ въ періодѣ утробнаго и послѣутробнаго развитія. Если передача потомству измѣненій взрослой особи, при настоящихъ возрѣніяхъ науки, является сомнительной, то все же мы имѣемъ право допустить, что географическая среда дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на человѣческій организмъ, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, при постоянномъ дѣйствіи благоприятствующихъ имъ условій, могутъ поддерживаться въ потомствѣ и становиться признаками мѣстной человѣческой группы.

ГЛАВА IV.

Области изолированія Мор. Вагнера и географическія провинці Ад. Бастіана.

Вліяніе географических областей на образованіе различныхъ человѣческихъ типовъ затемняется для насъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ этихъ типовъ, не соответствующимъ такому же разнообразію названныхъ областей. На самомъ дѣлѣ, признаки, какими различаются между собой этнические типы, принадлежатъ къ второстепеннымъ признакамъ, не имѣющимъ существеннаго значенія ни для индивидуальной, ни для видовой жизни. Таковы различія въ формѣ черепа, формѣ и относительной длинѣ костей, въ формѣ глазъ, носа, губъ и др. частей лица, оттѣнкахъ въ цвѣтѣ кожи, глазъ и волосъ, въ формѣ волосъ и т. п. Происхожденіе этихъ признаковъ трудно поддается объясненію, такъ какъ ихъ измѣнчивость, повидимому, не зависитъ ни отъ прямого, ни отъ посредствующаго вліянія среды. Если бы появленіе ихъ было такъ же беспорядочно, какъ безразлично обладаніе ими, если бы они оказывались разсыянными во всемъ человѣчествѣ, то ихъ можно было бы отнести къ величайшей измѣнчивости человѣческаго типа, не поддающейся пока нашему опредѣленію. Но всѣ эти признаки и тѣмъ болѣе извѣстныя сочетанія ихъ имѣютъ свой географическій районъ; слѣдовательно, мы должны попытаться отыскать какую-либо причину, способствовавшую образованію или закрѣпленію упомянутыхъ признаковъ въ данномъ районѣ.

Эту причину намъ ближе всего было бы искать въ естественномъ подборѣ, къ дѣйствию котораго сводятся столь многіе признаки животныхъ и растений. Но самъ творецъ ученія объ естественномъ подборѣ высказался противъ участія его въ образованіи описываемыхъ признаковъ человѣческихъ группъ. По его собственнымъ словамъ, «характеристическія различія между человѣческими расами

не могутъ быть объяснены удовлетворительнымъ образомъ ни прямымъ дѣйствіемъ жизненныхъ условій, ни дѣйствіемъ постоянного упражненія частей, ни началомъ соотношенія (развитія). Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ вопросу—не могли ли незначительныя индивидуальныя различія, къ которымъ человѣкъ въ высшей степени склоненъ, сохраняться и накопляться въ теченіе длиннаго ряда поколѣній путемъ естественнаго подбора? Но въ этомъ случаѣ мы тотчасъ же встрѣчаемся съ возраженіемъ, что сохраняться могутъ лишь полезныя измѣненія, а насколько мы можемъ судить, (хотя въ этомъ отношеніи всегда остается возможность ошибки), ни одно изъ внѣшнихъ различій между человѣческими расами не приписать ему никакой прямой или специальной услуги». (*The Descent of Man*, I, 248). Приравнивая человѣка къ полиморфическимъ формамъ, которыя, будучи крайне измѣчивыми, вызываютъ измѣненія индифферентнаго характера, помимо дѣйствія естественнаго подбора, Дарвинъ находитъ возможнымъ видѣть, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ различіяхъ человѣческихъ расъ, дѣйствіе полового подбора. Тѣмъ не менѣе, онъ признаетъ, что половой подборъ не даетъ объясненія для многихъ особенностей, о которыхъ «въ нашемъ незнаніи, мы можемъ сказать только, что такъ какъ индивидуумы постоянно появляются на свѣтъ, напр., съ головами болѣе круглыми или болѣе узкими и съ носами болѣе длинными или болѣе короткими, то подобныя незначительныя отличія могутъ закрѣпляться и становиться однообразными, если неизвѣстные агенты, вызвавшіе ихъ, будутъ оказывать постоянное дѣйствіе, при помощи продолжительнаго скрепчиванія. Это такія измѣненія, которыя подходятъ къ временной категоріи такъ называемыхъ, за неимѣніемъ лучшаго термина, самопроизвольныхъ измѣненій (*ib.*, 249) ¹⁾.

¹⁾ Естественный подборъ, какъ главная причина измѣненія, въ настоящее время особенно выдвигается нео-дарвинистами, какъ называютъ себя послѣдователи Вейсмана. По выраженію названнаго ученаго, „естественный подборъ — великое начало, дающее возможность организмамъ сообразоваться въ достаточно высокой степени съ измѣняющимися жизненными условіями вслѣдствіе того, что къ прежнимъ приспособленіямъ присоединяются новыя“. (*Die Allmächtigkeit der Naturzüchtung. Eine Erwiderung an Herb. Spencer*, 62). Съ его точки зрѣнія, „это—главный принципъ измѣненія организмовъ, рядомъ съ которымъ прямое воздѣйствіе внѣшнихъ вліяній на зародышевую плазму имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Организмъ состоитъ изъ приспособленій, новыхъ, прежнихъ и старыхъ, и первичныя измѣненія въ физиономіи видовъ играютъ лишь подчиненную роль“ (I. c., 63). Всѣ эти „видовыя приспособленія“ (*Artsanpassungen*) производитъ естественный подборъ (61). Но части тѣла, играющія второстепенную роль (какъ, напр., мизинецъ

Половой подборъ, усмотрѣнный Дарвиномъ въ животномъ царствѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ сторонъ его ученія, которыя наименѣе нашли себѣ сторонниковъ. И у животныхъ сила производимаго эстетическаго впечатлѣнія зависитъ отъ жизненной энергіи, для которой привлекательныя звуковыя или зрительныя качества служатъ только выраженіемъ. У человѣка, въ особенности на низшихъ ступеняхъ культуры, которыя мы по преимуществу имѣемъ въ виду, понятіе о красотѣ совпадаетъ съ понятіемъ о физической силѣ и крѣпости, и особенное вниманіе привлекаютъ къ себѣ признаки здоровья или внѣшней энергіи. Нельзя не согласиться съ Дарвиномъ, что половой подборъ могъ содѣйствовать установленію различія между мужскимъ и женскимъ типомъ, вырабатывая сумму качествъ, которыя называются «мужественностью» и «женственностью»; весьма важно и соображеніе его, что «мозговая система не только управляетъ большею частью существующихъ функцій тѣла, но оказываетъ и косвенное вліяніе на прогрессивное развитіе различныхъ физическихъ образованій и нѣкоторыхъ

человѣческой ноги, находящейся въ медленномъ процессѣ регрессивнаго, превращенія изъ трехъ-суставнаго въ двухъ-суставный палецъ), не находятся уже подъ контролемъ естественнаго подбора, не остаются уже на высшей точкѣ своего развитія и постепенно спускаются съ нея дѣйствіемъ панмикси (ib., 9). Первостепенное значеніе придаютъ естественному подбору и „соціальныя антропологи“, каковы, пользующіеся наибольшей извѣстностью, Ваше де-Лапужъ и Отто Аммонъ. Первый, впрочемъ, главное мѣсто отводитъ соціальному подбору, который, по его мнѣнію, у человѣка преобладаетъ надъ естественнымъ. Онъ доказываетъ, что такого же взгляда держался и Уоллесъ, и Брока. Такъ Уоллесъ, въ своей статьѣ „Происхожденіе человѣческихъ расъ“ (Journ. of the Anthropol. Soc., 1864, p. 158), высказалъ мнѣніе, что съ того времени, какъ „человѣческій мозгъ приобрѣлъ свою мощь, естественный подборъ потерялъ надъ нимъ власть“. Еще опредѣленнѣе высказался Брока въ своей критической замѣткѣ о „Происхожденіи человѣка“ Дарвина (Les sélections, R. d'Anthr., 1872, p. 705 sqq) „Общество... не можетъ оградить человѣка отъ неизбежнаго закона жизненной борьбы, но вноситъ глубокія измѣненія въ самое поле битвы. Оно замѣщаетъ естественный подборъ другимъ подборомъ, въ которомъ первый играетъ менѣе значительную иногда почти незамѣтную роль и который заслуживаетъ названія соціального подбора“ (G. Yacher de Lapouge, „Les sélections sociales“, p. 198). Хотя О. Аммонъ въ своихъ сочиненіяхъ „Die natürliche Auslese beim Menschen“ и „Die Gesellschaftsordnung und ihre natürlichen Grundlagen“, пользуется терминомъ „естественный подборъ“, но Владиславъ Гумпловичъ справедливо замѣчаетъ, что Аммонъ употребляетъ этотъ терминъ вовсе не въ дарвиновскомъ смыслѣ, исключая изъ описываемаго имъ процесса „переживание способнѣйшаго“, между тѣмъ, какъ именно это переживание и является настоящимъ естественнымъ подборомъ. (Ladislaus Gumplowicz—„Antropologie und natürliche Auslese“, Politisch—Anthrop. Rev., 1902, № 2, 114). При пониманіи этого термина одинаково съ Дарвиномъ, мы едва ли найдемъ въ научной литературѣ указанія на дѣйствія подбора иначе, какъ въ физиологическомъ смыслѣ, какъ его признавалъ Роменсъ, или въ смыслѣ измѣненія, вызываемаго всякимъ приспособленіемъ, какъ на это смотритъ Ивъ Делажъ.

умственныхъ качествъ», («Desc. of Man», 11, 402), но трудно допустить, что «храбрость, воинственность, стойкость, сила и размѣръ тѣла, оружіе всякаго рода, музыкальные органы, вокальные и инструментальные, яркіе цвѣта, полосы и отмѣтины и украшающіе придатки» были приобрѣтены и у человѣка «тѣмъ или другимъ поломъ чрезъ посредство любви и ревности, оцѣнку прекраснаго въ звукѣ, цвѣтѣ или формѣ, и возможность выбора» (ib.). По крайней мѣрѣ, примѣры и аргументы, приводимые авторомъ, не могутъ заставить насъ примкнуть къ его заключенію.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія опроверженія его взглядовъ на дѣйствіе полового подбора, такъ какъ за ними никогда не признавалось рѣшающаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи отличій между человѣческими группами. Антропологи, говоря объ отношеніи теоріи Дарвина къ ихъ наукѣ, даже вовсе не касаются полового подбора (см. *Novel. et Hervé*, „*Pr. d' anthrop*“ 185 и слѣд.). Очевидно, ни естественный, ни половой подборъ, представляемые ученіемъ Дарвина, какъ причины измѣненій, замѣчаемыхъ у животныхъ, не могутъ служить для антрополога тѣмъ руководящимъ началомъ, какимъ они оказываются для ботаника и зоолога.

Тотъ ключъ къ происхожденію различій между человѣческими группами, какого не можетъ намъ дать теорія Дарвина, мы находимъ въ ученіи Морица Вагнера о происхожденіи видовъ путемъ изолированія ихъ въ пространствахъ, ученіи, имѣющемъ вполнѣ географическій характеръ, такъ какъ въ основу его положена не только связь естественной группы съ мѣстомъ ея обитанія, но и необходимость особой области для образованія типическихъ особенностей группы. Мы должны войти въ нѣкоторыя подробности названной теоріи, такъ какъ она пользуется въ русской наукѣ меньшей извѣстностью, чѣмъ заслуживала бы по своему научному достоинству, и должны отмѣтить въ ней стороны, имѣющія прямое отношеніе къ нашему вопросу.

Ученіе М. Вагнера было результатомъ наблюденія животнаго міра въ четырехъ частяхъ свѣта: онъ совершилъ нѣсколько научныхъ путешествій, охватившихъ Алжиръ, Кавказъ, Армянское плоскогорье, Персію, Среднюю Америку и пр. Первое путешествіе, въ Алжиръ, занявшее два года, было предпринято имъ, когда ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Путешествіе его въ Азію относится къ 1852 и 1853 гг. Посѣщенныя имъ мѣстности были описаны имъ въ физико-географическомъ и зоо-гео-

графическомъ отношеніяхъ. Уже въ первую свою поѣздку въ сѣверную Африку, онъ былъ пораженъ фактомъ, что большія рѣки, текуція въ Средиземное море, служатъ границами нѣкоторымъ животнымъ видамъ. Правда, еще въ 1825 г. Л. ф. Бухъ, въ своемъ описаніи Канарскихъ острововъ, высказалъ мысль, что «отдѣльные представители видовъ распространяются на материкахъ и образуютъ, въ соответствии съ возрастаніемъ разстоянія и съ измѣненіемъ мѣстожителства, подвиды, которые дѣлаются стойкими самостоятельными видами, благодаря далекому отстоянію, приобретенному ими, если только они не скрещиваются болѣе съ другими подвидами и не возвращаются такимъ образомъ къ главному типу». (Цит. по «Антропологии» Петри, ч. I, стр. 257). Однако, это наблюденіе осталось незамѣченнымъ въ наукѣ и не было даже знакомо М. Вагнеру, когда онъ пришелъ къ тому же заключенію. Какъ только стала извѣстна теорія происхожденія видовъ Дарвина, М. Вагнеръ сталъ въ число ея сторонниковъ и, въ первой работѣ, въ которой онъ формулировалъ свои воззрѣнія, онъ видѣлъ въ законѣ миграцій, къ которому онъ первоначально сводилъ свое ученіе, лишь дополненіе теоріи Дарвина. Это сочиненіе, выпущенное въ 1868 г., носило названіе: «Теорія Дарвина и законѣ миграцій организмовъ» (*Die Darwinsche Theorie und das Migrationsgesetz der Organismen*). Въ томъ же году М. Вагнеръ прочиталъ въ физико-математическомъ отдѣленіи Баварской академіи наукъ записку, гдѣ онъ, въ сжатомъ видѣ, изложилъ свои воззрѣнія на открытое имъ дополненіе къ теоріи естественнаго подбора. Упомянувъ о фактѣ, замѣченномъ имъ въ Алжирской области, онъ подтверждаетъ его наблюденіями на берегахъ большихъ рѣкъ Европы, Азіи и Америки—Нижняго Дуная, Куры, Аракса, Евфрата и Кизиль-Ирмака, Миссури, Миссиссипи и рѣки св. Лаврентія. Онъ вездѣ замѣчалъ, что въ сходныхъ видахъ на противоположныхъ берегахъ всегда оказываются различія, въ особенности у животныхъ съ ограниченной способностью передвиженія (пресмыкающихся, паукообразныхъ, жуковъ, наземныхъ улитокъ и т. д.). Высокіе горные хребты, каковы Кавказъ, Альпы, Пиренеи, еще болѣе способствуютъ установленію различій между видами: по обоимъ склонамъ ихъ оказываются не одинаковыя, а параллельныя формы. Эти различія нельзя объяснить климатическими условіями, такъ какъ они замѣчаются на противоположныхъ склонахъ хребтовъ, идущихъ въ меридіональномъ направленіи (Урала, Андовъ и т. п.), гдѣ, слѣдовательно, не можетъ быть рѣзкой климатической

разницы. Моря, въ особенности лишенные архинелаговъ, еще въ большей степени, чѣмъ горные хребты, вызываютъ различія между сходными животными формами. Подобныя явленія, какъ тогда казалось М. Вагнеру, легче всего объясняются распространіемъ путемъ миграціи, активной или пассивной, съ помощью естественнаго подбора. Въ борьбѣ за существованіе, въ смыслѣ конкуренціи организмовъ, онъ видѣлъ еще болѣе важное условіе ихъ распространенія, чѣмъ условія географическія или климатологическія: именно эта борьба должна вынуждать отдѣльныхъ особей къ расширенію области своего обитанія. Такимъ образомъ, стремленіе къ миграціи, вытекаая изъ стремленія къ самосохраненію и размноженію, составляетъ естественную необходимость. Образование настоящей разновидности возможно лишь тамъ, гдѣ немногія отдѣльныя особи, перейдя за предѣлы своего мѣстообитанія, въ теченіе долгаго времени остаются разъединенными со своими родичами. Переселеніе въ новую область всегда ведетъ за собой извѣстную сумму измѣненій жизненныхъ условій, въ особенности по отношенію къ качеству и количеству пищи. Съ этимъ измѣненіемъ жизненныхъ условій, въ числѣ которыхъ климатическія условія имѣютъ лишь незначительное прямое вліяніе, свойство индивидуальной измѣняемости, присущей каждому организму и необходимое для дѣйствія естественнаго подбора, по мнѣнію М. Вагнера, должно обнаружиться съ особою напряженностью. Если измѣняемость поддерживается пластичностью организациі въ теченіи ряда поколѣній, вмѣстѣ съ вліяніемъ изолированія среди мѣстныхъ условій, тогда, при продолжающемся дѣйствіи подбора, возникаетъ, такъ наз., устойчивая разновидность. Усиленная измѣняемость, вслѣдствіе необходимости приспособленія къ новымъ жизненнымъ условіямъ, представляется М. Вагнеру весьма выгодной для вида: виды, не переселяющіеся и, вслѣдствіе того, не измѣняющіеся, обречены на вымираніе.

Въ примѣненіи къ человѣку, М. Вагнеръ считаетъ свой законъ миграціи столь же необходимымъ факторомъ его прошлаго. Въ продолжительную до-историческую эпоху отдѣльныя человѣческія пары, уступая стремленію улучшить свои жизненные условія, нерѣдко должны были переходить за предѣлы области распространенія своихъ единоплеменниковъ. Въ особенно благопріятныхъ случаяхъ, когда, при полномъ изолированіи, ихъ организмъ приспособляется къ естественнымъ условіямъ новой родины, и приобретенныя физическія измѣненія наслѣдуются ихъ потомками, тогда,

какъ признаетъ М. Вагнеръ, они могутъ сдѣлаться родоначальниками новой расы или под-расы. Область, гдѣ всего удачнѣе могло происходить подобное изолированіе, названный ученый видитъ въ удобныхъ для поселенія горныхъ мѣстностяхъ, плоскогорьяхъ, замкнутыхъ долинахъ и т. п. Онъ придаетъ пребыванію въ этихъ областяхъ еще другое важное значеніе, а именно содѣйствіе усовершенствованію его обитателей въ физическомъ и умственномъ отношеніи, вслѣдствіе усиленной борьбы за существованіе и соотвѣтственнаго дѣйствія климатическихъ и почвенныхъ условій. Все это должно было вызывать выгодныя измѣненія отдѣльныхъ органовъ, которыя повторялись въ потомствѣ, при чемъ выживали болѣе крѣпкіе и разумные, вытѣсняя слабыхъ духомъ или тѣломъ. Напоминая о томъ, что народныя преданія указываютъ «колыбели» человѣческаго рода въ высокихъ горныхъ хребтахъ, вродѣ Гималаевъ, Куэня-Луны и Тянь-Шань для монгольской расы, Арарата и армянскаго Тавра для семитовъ, Гиндукуша, Иранскихъ горъ и Кавказа для арійцевъ, и о томъ, что Абиссинское и Нубійское плоскогорья восточной Африки, горы Атласа въ сѣверозападной части того же материка, плоскогорья Мексики, Перу и Кундинамарки въ Америкѣ служили мѣстомъ происхожденія стойкихъ культурныхъ расъ, М. Вагнеръ полагаетъ, что именно холодный климатъ этихъ областей оказывалъ «облагораживающее» вліяніе на эти расы. Тамъ было удобнѣе изолироваться отдѣльными семьями, которыя могли спокойно развиваться, не смѣшиваясь со своими родичами. По его словамъ, «миграціи и изолированныя поселенія отдѣльныхъ паръ служили опытными станціями для подбора», при чемъ полезное дѣйствіе климата заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что поселенцы могли, не довольствуясь корнями и плодами, перейти къ охотѣ и рыбной ловлѣ. Это должно было побуждать ихъ къ усиленной физической и умственной дѣятельности. Изолированныя семьи, потомки которыхъ связывались употребленіемъ одинаковыхъ орудій, одинаковостью практическихъ приемовъ и языка, могли полагать начало новымъ племенамъ и даже расамъ.

М. Вагнеръ подтверждаетъ общераспространенное мнѣніе среди антропологовъ и географовъ, что подобный процессъ образованія племенъ и расъ былъ тѣмъ возможнѣе, чѣмъ болѣе мы отходимъ отъ нынѣшняго времени. Главное препятствіе для того М. Вагнеръ видитъ въ неосуществимости полнаго изолированія отдѣльныхъ человѣческихъ паръ при тѣхъ сношеніяхъ, какія связываютъ

между собой всѣ самыя отдаленныя области: новые типы могутъ возникать теперь, лишь благодаря метисаціи, примѣры чего мы видимъ въ Мексикѣ, Средней и Южной Америкѣ. Впрочемъ, и онъ признаетъ, согласно съ Бастианомъ и др., что въ наше время образуются частныя типы, которые могутъ устанавливаться и распространяться. Таковы типы національныя, сословныя и сектантскіе. Для опредѣленія даже типовъ національныхъ антропологии часто не достаетъ измѣрительныхъ средствъ и терминовъ, но опытный глазъ легко отличаетъ не только евреевъ отъ христіанъ, но и французовъ отъ итальянцевъ, и даже сѣверныхъ отъ южныхъ германцевъ. Отличія, замѣчаемыя между представителями различныхъ племенъ, сословій и кастъ, зависятъ отъ большей или меньшей замкнутости ихъ, отъ браковъ, заключаемыхъ ими въ своей средѣ втеченіе цѣлаго ряда поколѣній, т. е. отъ степени ихъ изолированія (См. сборникъ брошюръ, статей и замѣтокъ М. Вагнера „Die Entstehung der Arten durch räumliche Sonderung“, 46 и слѣд.).

Такимъ образомъ, будучи еще послѣдователемъ ученія Дарвина, М. Вагнеръ считалъ изолированіе необходимымъ условіемъ образованія новыхъ видовъ или расъ, отрицая возможность установленія новыхъ признаковъ дѣйствіемъ естественнаго подбора въ мѣстности, богатой индивидуумами, такъ какъ свободное скрещиваніе ихъ должно сглаживать въ потомствѣ индивидуальныя отличія родителей. Впослѣдствіи М. Вагнеръ болѣе разошелся съ Дарвиномъ. Въ періодъ между 1870 и 1875 гг., оставаясь безусловнымъ сторонникомъ теоріи постепеннаго развитія, неопровержимо подтверждаемой геологіей и палеонтологіей, онъ высказался положительно противъ теоріи естественнаго подбора, которую считалъ заблужденіемъ, противорѣчимъ тому, что указываютъ факты географіи животныхъ и растений. Съ того времени онъ измѣнилъ свою терминологию и свою теорію сталъ называть уже не «миграціонной», а «сепараціонной». Различіе между послѣдней и теоріей естественнаго подбора онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: По Дарвиновой теоріи природа непрерывно производитъ, вслѣдствіе борьбы за существованіе, новыя типическія формы организмовъ, подбирая полезныя видоизмѣненія, безразлично въ предѣлахъ или внѣ области распространенія первоначальнаго вида, при чемъ процессъ образованія новаго вида возможенъ лишь втеченіе весьма продолжительнаго періода. По сепараціонной теоріи, природа производитъ новыя формы лишь періодически, не иначе, какъ внѣ мѣстооби-

танія первоначального вида путемъ географическаго изолированія и образованія колоній, помимо чего у раздѣльнополюхъ высшихъ животныхъ не можетъ произойти устойчивой разновидности или новаго вида (1. с., 107, 108). Свои взгляды этого періода М. Вагнеръ выразилъ въ лекціи въ Баварской академіи наукъ 2 іюля 1870 года, которую онъ потомъ напечаталъ подъ заглавіемъ: «Ueber den Einfluss der geographischen Isolierung und Kolonienbildung auf die morphologischen Veränderungen der Organismen». Въ этой лекціи онъ высказываетъ мнѣніе, что склонность къ измѣненіямъ, обнаруживающаяся уже въ индивидуальныхъ особенностяхъ каждой молодой особи, тогда только можетъ дать начало настоящей разновидности, когда отъ времени до времени отдѣльная особь или пара отдѣляется отъ области распространенія первоначального вида и осаживается въ какой-либо мѣстности, отграниченной отъ этой области горнымъ хребтомъ, пустыней или моремъ. Переселенцы испытываютъ въ своемъ новомъ мѣстообитаніи вліяніе измѣненныхъ жизненныхъ условій, которыя, помимо иного климата и иной почвы, заключаются для первыхъ колонистовъ въ болѣе легкой борьбѣ за существованіе, вслѣдствіе отсутствія конкурентовъ. Эти жизненные условія, вмѣстѣ съ другими физическими и различными мѣстными вліяніями, оказываютъ извѣстное дѣйствіе на морфологическій характеръ колонистовъ, но послѣдній не столько опредѣляется этимъ дѣйствіемъ, сколько индивидуальными особенностями отдѣльныхъ переселенцевъ и ихъ непосредственныхъ предковъ. Морфологическое отличіе новаго подвида отъ первоначального будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ рѣзче индивидуальныя особенности, т. е. внѣшнія и внутреннія морфологическія и фізіологическія отступленія у первыхъ колонистовъ отъ нормальнаго *habitus*'а кореннаго вида; названное отличіе возрастаетъ, благодаря различіямъ климатическихъ и другихъ жизненныхъ условій, въ особенности количества и качества пищи. Вся сумма прибрѣтенныхъ типическихъ измѣненій образуетъ, подъ конецъ, морфологическій характеръ или *habitus* новаго вида. Кромѣ этихъ общихъ соображеній, М. Вагнеръ высказываетъ важное для насъ заключеніе, что процессъ образованія разновидности (или вида) путемъ изолированія вовсе не требуетъ такого продолжительнаго времени, какъ это указывается теоріей естественнаго подбора: для организмовъ высшихъ классовъ и порядковъ упомянутый процессъ можетъ быть дѣломъ сравнительно короткаго періода. Продолжительность его зависитъ всего болѣе отъ плодовитости и распространенія возникающаго вида въ его новой

родинѣ, а типическое направленіе преобразовательнаго процесса и результатъ его опредѣляются общимъ дѣйствіемъ всѣхъ участвующихъ факторовъ. По мнѣнію М. Вагнера, процессъ въ молодой колоніи ускоряется, благодаря тому, что сила наслѣдственности въ данномъ случаѣ поддерживаетъ измѣняемость, а не противодѣйствуетъ ей, какъ въ случаяхъ многочисленности недѣлимыхъ извѣстнаго вида, когда, при свободномъ скрещиваніи, наслѣдственность устраняетъ возникающія измѣненія, поддерживая типическія формы вида (M. Wagner, l. c., 103 и слѣд.).

Въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности (1875—1877 гг.), М. Вагнеръ еще опредѣленнѣе изложилъ свою теорію и представилъ еще болѣе доказательствъ для подтвержденія ея. Изъ 21 тезиса, въ которыхъ онъ, въ сжатомъ видѣ, выразилъ ее, нѣкоторые имѣютъ непосредственное значеніе для нашего вопроса. Въ этихъ тезисахъ онъ уже не только отрицаетъ дѣйствіе естественнаго подбора, но и ограничиваетъ дѣйствіе борьбы за существованіе, которое, въ процессѣ образованія вида, по его мнѣнію, можетъ имѣть лишь незначительное косвенное вліяніе въ сравненіи съ непосредственной причиной его—съ изолированіемъ. И не въ однихъ зачинающихся видахъ или молодыхъ колоніяхъ борьба за существованіе играетъ иную роль, чѣмъ указанная Дарвиномъ: она дѣйствуетъ въ пользу нормальныхъ индивидуумовъ, устраняя слабыхъ и уродливыхъ, поддерживая, такимъ образомъ, нормальный типъ, но не создаетъ новыхъ формъ. Появленію ихъ она оказываетъ помощь лишь въ томъ видѣ, что особи, отступающія отъ нормы цвѣтомъ или формой, вытѣсняются нормальными индивидуумами и, попадая въ новое мѣстообитаніе, кладутъ начало новымъ разновидностямъ. Во всякомъ случаѣ, изолированіе и образованіе колоніи бываетъ всегда единственнымъ настоящимъ факторомъ образованія видовъ или разновидностей. Значеніе борьбы за существованіе сказывается еще въ распространеніи и ограниченіи области обитанія вида. Въ новомъ мѣстообитаніи эмигрантовъ упомянутая борьба для установленія новой формы оказываетъ второстепенное дѣйствіе въ сравненіи съ пищей, климатомъ и индивидуальными особенностями. Сумма признаковъ, которыми новый видъ отличается отъ первоначальнаго, отъ котораго онъ отдѣлился, зависитъ, съ одной стороны, отъ суммы различій во внѣшнихъ жизненныхъ условіяхъ (пищи, климата, борьбы за существованіе), отличающихъ новое мѣстообитаніе отъ прежняго, и, съ другой стороны, отъ суммы индивидуальныхъ особенностей, какія эмигранты приносятъ съ собой.

Новый видъ или подвидъ, образующійся въ изолированной колоніи, уже послѣ короткаго ряда поколѣній, приобретаетъ возможную для него высшую степень морфологическаго отличія, т. е. свою типическую видовую форму. Каждый видъ имѣетъ, однако, подобно индивидууму, свою долговѣчность, ограниченную во времени, съ прогрессивными и регрессивными стадіями расцвѣта и упадка. Помимо участія въ борьбѣ съ другими организмами, біологическій процессъ каждой видовой формы проходитъ тотъ же путь, какъ и жизненная исторія отдѣльнаго существа, а именно, возрастающее развитіе юности, равновѣсіе зрѣлаго возраста и упадокъ силъ старости. Подобно тому, какъ, по общепринятому воззрѣнію, между филогенезисомъ и онтогенезисомъ наблюдаются замѣчательныя аналогіи, такія же аналогіи открываются и въ біологическомъ процессѣ вида и индивидуума. Лишь такіе виды, которые находятся въ стадіи наибольшей плодовитости и способности къ измѣненію, могутъ, путемъ изолированія эмигрантовъ и образованія колоніи, давать начало новымъ видовымъ формамъ: старѣющіе или угасающіе виды утрачиваютъ способность измѣненія, и эмигранты ихъ, даже при полномъ изолированіи, остаются безъ измѣненія. Каждый новый видъ обыкновенно переживаетъ тотъ, отъ котораго онъ отдѣлился, представляя себою болѣе молодую форму, но эта молодая форма далеко не всегда бываетъ болѣе совершенной.

Человѣкъ, появленіе котораго М. Вагнеръ относитъ къ концу третичнаго періода, или къ ледяной эпохѣ, принесъ съ собою новыя условія, которыя, по мѣрѣ его развитія и распространенія, дѣйствовали ограничивающимъ образомъ на возникновеніе новыхъ видовъ. Самое появленіе его совпало съ важными геологическими событіями, каковы образованіе Панамскаго и Суэцкаго перешейковъ, заполненіе прежде существовавшаго рукава между Чернымъ и Каспійскимъ морями наносами Дуная и Маньча, осушеніе Сахарскаго моря и проч., что значительно измѣнило прежніе пути миграціи организмовъ, по большей части, ограничивая ихъ. За то для человѣка открывалась болѣе легкая возможность находить мѣстности, гдѣ онъ свободно могъ селиться. Благодаря могущественному дѣйствію изолированія, отдѣльныя семьи, уединившіяся въ горныхъ мѣстностяхъ или оазисахъ, могли давать начало новымъ расамъ, народамъ и племенамъ, въ которыхъ закрѣплялись и развивались особенности ихъ прародителей, т. е. отличія отъ другихъ человеческихъ группъ, происходившихъ отъ другихъ предковъ и развивавшихся въ иныхъ условіяхъ. При образованіи новыхъ, уже чисто

человѣческихъ, культурныхъ условій, результаты мѣстнаго разъединенія, даже и при увеличившейся численности и тѣснотѣ группъ, могли поддерживаться разъединеніями, установившимися различіемъ языковъ, сословій и религій.

Доказательства своей теоріи М. Вагнеръ находитъ въ безчисленномъ множествѣ фактовъ, представляемыхъ хорологіей организмовъ, понимая подъ этимъ терминомъ не только сравнительное изученіе географическаго распространенія всѣхъ родовъ, видовъ и разновидностей вообще по всей земной поверхности, но и топографическое изслѣдованіе ихъ распространенія въ тѣсномъ смыслѣ и мѣстонахожденія въ границахъ ихъ нынѣшней области обитанія. Хотя доказательства, доставляемая хорологіей организмовъ, должны быть причислены къ косвеннымъ, но это не отнимаетъ у нихъ весьма существеннаго значенія. Самое убѣдительное изъ этихъ косвенныхъ доказательствъ заключается въ преобладаніи рядового, смыкающагося распредѣленія областей обитанія, что можетъ быть замѣчено въ большинствѣ замѣщающихъ или параллельныхъ разновидностей, видовъ, родовъ и семействъ обоихъ царствъ природы. Такъ называемыя «центры творенія» или пункты происхожденія различныхъ родственныхъ видовъ лежатъ, какъ и мѣста ихъ обитанія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, рядомъ, одинъ около другого, раздѣленные большими или меньшими промежутками или механическими преградами на границахъ областей (ib., 299). Для всякаго вида животныхъ и растений можно обозначить область распространенія или обитанія, которая въ плоскихъ мѣстностяхъ имѣетъ круговую или эллиптическую форму, а у иныхъ видовъ раскидывается весьма широко и даже захватываетъ цѣлыя матеріи. Въ большинствѣ случаевъ область распространенія ограничивается, однако, тѣсными предѣлами, благодаря климатическимъ причинамъ или внѣшнимъ преградамъ, въ родѣ горныхъ цѣпей, пустынь, морей и даже широкихъ рѣкъ.

Хорологіи организмовъ М. Вагнеръ приписываетъ въ разрѣшеніи филогенетической задачи не менѣе важное значеніе, чѣмъ сравнительной анатоміи и палеонтологіи. Если ею не выясняются загадочныя внутренніе процессы измѣняемости и наслѣдственности, то она обнаруживаетъ внѣшнія средства, какими всегда и повсюду дѣйствовала природа, вызывая къ дѣятельности силы, присущія всѣмъ организмамъ, закрѣпляя въ видѣ постоянныхъ типическихъ признаковъ прирожденные или приобрѣтенныя индивидуальныя особенности и создавая, такимъ образомъ, новыя формы, которыя мы

называемъ видами или разновидностями. На вопросъ— почему именно у известнѣхъ формъ образовались такіе, а не иные специфическіе признаки—теорія М. Вагнера не даетъ отвѣта, не находя вообще въ наукѣ объясненія того, въ виду совмѣстныхъ и сложныхъ вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ. Если мы не можемъ сказать, почему у дѣтей однихъ и тѣхъ же родителей бываютъ иногда совершенно несходныя черты лица, и, тѣмъ болѣе, почему отъ нормальныхъ родителей иногда происходятъ дѣти, представляющія различныя уклоненія отъ нормы и уродливости, то мы должны сознаться въ невѣдѣніи внутреннихъ причинъ, оказывающихъ свое дѣйствіе еще въ утробной жизни и лишь отчасти находящихся въ зависимости отъ внѣшнихъ факторовъ. Тѣмъ не менѣе, при образованіи новыхъ видовъ, условія природы измѣненнаго мѣстообитанія или центра происхожденія, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, позволяютъ намъ видѣть главные факторы, имѣющіе существенное вліяніе на измѣненіе формъ, а именно, образъ жизни, пищу и климатъ, отъ которыхъ могутъ зависѣть, напр., форма двигательныхъ, хватательныхъ, жевательныхъ и др. орудій, окраска и т. п.

Хорологическіе факты приводятъ М. Вагнера къ слѣдующимъ заключеніямъ, въ которыхъ резюмируется его теорія послѣдняго періода: 1) виды растительнаго и животнаго царствъ образовались путемъ пространственнаго обособленія и изолированныхъ колоній, стимуломъ для образованія которыхъ служили активныя или пассивныя миграціи отдѣлившихся частей кореннаго вида. Факторами, обусловившими, силою индивидуальной измѣняемости и способностью наслѣдованія новыхъ признаковъ, морфологическія измѣненія были: ограниченіе скрещиванія, усиленное развитіе индивидуальных признаковъ колонистовъ путемъ размноженія между родственными особями и перемѣна внѣшнихъ жизненныхъ условій, которыя въ каждомъ новомъ мѣстообитаніи оказывали измѣняющее вліяніе на колонистовъ и ихъ потомство, въ особенности вслѣдствіе иного рода упражненія органовъ. 2) Въ мѣстностяхъ горизонтальныхъ или вертикальныхъ, строеніе которыхъ не составляло преградъ для массовыхъ переселеній, новыя видовыя формы образовывались, благодаря изолированнымъ колоніямъ немногихъ индивидуумовъ, отчасти въ спорадическихъ промежуткахъ обширныхъ областей распространенія, отчасти въ болѣе значительныхъ разстояніяхъ отъ периферическихъ границъ. 3) Центры происхожденія, раздѣленные между собою значительными промежутками, рядовое,

сомкнутое расположеніе мѣстообитаній всѣхъ замѣстительныхъ или параллельныхъ видовъ и близкое морфологическое родство раздѣленныхъ между собою сосѣднихъ формъ, какъ это показываетъ хорологія организмовъ, служатъ достаточными индуктивными доказательствами образованія замѣстительныхъ видовъ и разновидностей, механической причиной разединенія ихъ въ пространствѣ, тѣмъ болѣе, что такія явленія не находятъ никакого другого объясненія (ib., 517, 518).

Полагая первое появленіе человѣческаго типа въ пліоценовую эпоху, М. Вагнеръ примѣняетъ къ нему тѣ же условія, какія въ животномъ царствѣ вызывали образованіе новыхъ видовъ. Однако, подчиненіе человѣка этимъ условіямъ должно было продолжаться недолго: какъ думаетъ Вагнеръ, оно должно было окончиться въ раннюю эпоху его исторіи, предшествовавшую началу какой бы то ни было культуры. Только въ эту давнюю эпоху возможно было половое сближеніе помимо всякихъ соображеній родства, какое у животныхъ въ изолированныхъ колоніяхъ составляетъ одно изъ главныхъ условій передачи и закрѣпленія индивидуальных особенностей родоначальниковъ. Начало нравственности у человѣка, по мнѣнію М. Вагнера, ознаменовано отвращеніемъ къ кровосмѣшенію и установленіемъ экзогаміи, брака, заключавашагося обязательно съ лицомъ другого племени. Экзогамія должна была препятствовать дѣйствию размноженія въ предѣлахъ той же колоніи и устанавливать вмѣсто того нѣчто въ родѣ метисаціи, смѣшенія типа этого племени съ типомъ другихъ племенъ. Въ пліоценовомъ періодѣ и въ началѣ постпліоценоваго, когда измѣненіе климата въ сѣверномъ полушаріи дало толчокъ къ переселеніямъ человѣка, онъ находилъ повсюду удобныя мѣстообитанія, гдѣ отдѣльныя пары могли давать начало новымъ разновидностямъ вслѣдствіе усиленной измѣняемости всѣхъ новыхъ колонистовъ и размноженія въ предѣлахъ своего племени. Въ эту эпоху, по всей вѣроятности, и произошли главнѣйшія человѣческія расы. Но когда такое размноженіе стало невозможнымъ или ограниченнымъ, изолированіе человѣческихъ группъ утратило одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ дифференцированія, и послѣднее свелось лишь на измѣненія условій питанія и климата въ новомъ мѣстообитаніи и измѣненія вслѣдствіе упражненія или неупражненія органовъ. Впрочемъ, М. Вагнеръ признаетъ, что этихъ измѣняющихъ условій было достаточно для образованія этническихъ отличій. Съ точки зрѣнія М. Вагнера, главнымъ факторомъ установленія новыхъ видовыхъ

формъ служить «развитіе индивидуальных признаковъ путемъ размноженія среди кровныхъ родственниковъ. Когда предубѣжденіе противъ инцеста положило конецъ дѣйствию этого фактора въ человѣчествѣ, къ прекращенію дѣйствія его присоединилось численное увеличеніе и распространеніе человѣка на большихъ пространствахъ, вслѣдствіе чего продолжительное изолированіе сдѣлалось труднѣе и вліяніе другихъ факторовъ — измѣненія питанія, измѣненія въ упражненіи органовъ и т. п., — стало слабѣе; тогда должно было закончиться и образованіе самостоятельныхъ человѣческихъ расъ. Предполагаемые «центры распространенія» (*Ausstrahlungscentra*), значеніе которыхъ выясняется I. Ранке и др. антропологами, должны были все болѣе и болѣе суживаться, и смѣшеніе съ сосѣдными племенными типами должно было становиться все легче и легче. Позднѣе могли образоваться лишь колеблющіяся разновидности, новые этнические типы посредствомъ смѣшенія различныхъ, уже прежде существовавшихъ расъ и племенъ и силою другихъ менѣе дѣйствительныхъ вліяній. Тогда естественныя условія замѣнились культурными (I. с., 523).

Умственное развитіе человѣка, давшее ему преобладаніе надъ животнымъ міромъ, направило и его дальнѣйшую судьбу по инымъ путямъ. Оно помогло ему, благодаря изобрѣтенію орудій и одежды, справиться съ голодомъ и холодомъ лучше, чѣмъ животнымъ, бывшимъ свидѣтелями начальныхъ фактовъ его исторіи. Какъ указываетъ М. Вагнеръ (*ib.*, 527), его разумъ въ необычайной степени облегчалъ для него возможность передвиженія. вмѣстѣ съ развитіемъ членораздѣльной рѣчи, для него еще болѣе облегчалась возможность племенного сплочиванія; тогда преобразующая дѣятельность вліянія природы, при миграціи и изолированіи, вмѣстѣ съ измѣняемостью и наслѣдственностью, вступила въ новый фазисъ. Каждая пара, каждая семья, отдѣлившаяся отъ орды или племени, могла, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, путемъ эндогамическихъ браковъ, образоватъ крѣпкое племя, объединенное одинаковостью языка и получавшее возможность совмѣстныхъ дѣйствій и, между прочимъ, совмѣстныхъ переселеній, если недостатокъ пищи или другіе интересы племени вызывали ихъ необходимость. Подобныя массовыя дѣйствія и произвели смѣшеніе между расами, какое совершилось на памяти исторіи и раньше того, и, вмѣстѣ съ позднѣйшими миграціями европейцевъ въ внѣ-европейскія страны, настолько перемѣшали антропологическіе признаки въ любомъ населеніи, что краніологическія измѣренія, съ цѣлью опредѣ-

ленія расовыхъ элементовъ, даютъ скорѣе отрицательные, чѣмъ положительныя результаты. Насколько и антропометрія, и антропологическая статистика, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, безсильны въ рѣшеніи подобныхъ задачъ, М. Вагнеръ указываетъ въ самомъ близкомъ для насъ филогеническомъ вопросѣ—какія причины вызвали появленіе бѣлокурой и черноволосой разновидностей арійской расы и какииъ естественнымъ факторамъ оно можетъ быть приписано? И другіе темныя вопросы филогенезиса человѣка нисколько не разъясняются безчисленными антропологическими измѣреніями, которыя, напротивъ, ихъ затрудняютъ и усложняютъ (ib. 530).

Условія культуры выдвинули и другія сложныя вліянія, которыя должны были придавать морфологическому процессу превращенія типовъ иное, болѣе сложное направленіе, въ сравненіи съ простою дѣятельностью природы въ животномъ царствѣ. По мѣрѣ возрастанія культуры съ ея социальными отношеніями и обычаями, свобода скрещиванія все болѣе и болѣе ограничивалась. Въ животномъ мірѣ, при большомъ числѣ особей, какъ это бываетъ въ достаточно разившемся и размножившемся видѣ, она сглаживаетъ, какъ мы знаемъ индивидуальныя различія, а при незначительной численности еще только устанавливающагося вида даетъ возможность упрочиться этимъ различіямъ. Въ культурномъ человѣчествѣ ограниченіе свободы скрещиванія не было настолько значительно, чтобы безъ помощи изолированія, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, давать начало новымъ расамъ, но эта свобода благопріятствовала образованію неглубокихъ внѣшнихъ признаковъ, такъ назыв. національныхъ отличій, не поддающихся точнымъ опредѣленіямъ, но замѣтныхъ для опытнаго взгляда. Къ этой же категоріи измѣненій должны быть причислены и типы сословныя, и профессиональныя. Съ теченіемъ времени, при дальнѣйшихъ осложненіяхъ общественной жизни, при увеличеніи численности населенія, при большей раздѣленности труда, и въ особенности при болѣешихъ этническихъ смѣшеніяхъ, число такихъ частныхъ національныхъ и профессиональныхъ типовъ, вѣроятно, будетъ возрастать, но образованіе настоящихъ расъ, съ опредѣленными, устойчивыми признаками, тѣмъ менѣе будетъ возможно. ¹⁾ Прибавимъ, что въ другомъ мѣстѣ (559),

¹⁾ Какое значеніе имѣетъ свободное скрещиваніе для поддержанія расоваго типа, по мнѣнію М. Вагнера, всего нагляднѣе можно видѣть у евреевъ. Несмотря на разсѣяніе во всѣхъ частяхъ свѣта и отсутствіе національной родины, евреи нигдѣ не создавали разновидностей, на ко-

М. Вагнеръ причисляетъ борьбу за существованіе къ второстепеннымъ факторамъ, имѣвшимъ соматологическое вліяніе на образованіе человѣческихъ типовъ, и приписываетъ ей въ исторіи образованія ихъ большее значеніе, чѣмъ въ происхожденіи животныхъ видовъ.

Уже изъ этого краткаго перечня основныхъ взглядовъ М. Вагнера мы можемъ видѣть, какое значеніе они могутъ имѣть для нашего вопроса. Они выдвигаютъ на надлежащее мѣсто вліяніе среды, которое было недостаточно оцѣнено авторомъ «Происхожденія видовъ путемъ естественнаго подбора»; впрочемъ, послѣдній, со свойственнымъ ему безпристрастіемъ, призналъ, благодаря воззрѣніямъ Вагнера, всю важность этого упущенія ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дарвинъ отдалъ должное и вліянію изолированія и прибѣгалъ къ нему для объясненія дѣйствія полового подбора ²⁾. Его послѣдователи не раздѣляли безпристрастія своего учителя и, поддерживая лишь догматы дарвинизма, смотрѣли на М. Вагнера, какъ на противника этого ученія, не столько опровергая, сколько замалчивая его теорію, отказываясь даже видѣть въ ней необходимое дополненіе къ ученію Дарвина. Авторъ «Происхожденія видовъ путемъ разъединенія въ пространствѣ» умеръ,

торыхъ отражалось бы вліяніе ихъ новаго отечества, сохраняя повсюду одни и тѣ же типическіе признаки, позволяющіе легко отличить ихъ отъ мѣстнаго кореннаго населенія; ни разнообразныя жизненныя условія, ни тяжелая борьба за существованіе не повели къ измѣненію ихъ общаго типа. Причину такой устойчивости М. Вагнеръ видитъ въ свободномъ скрещиваніи исключительно въ предѣлахъ своей національности, безъ сословныхъ преградъ, т. е. въ процессъ, подобномъ тому, какой происходитъ въ животномъ царствѣ при безпрепятственномъ сближеніи между особями въ предѣлахъ опредѣленнаго мѣстообитанія.

¹⁾ Онъ писалъ М. Вагнеру, послѣ прочтенія его книги „Naturwissenschaftliche Streitfragen“: „По моему мнѣнію, величайшая изъ сдѣланныхъ мною ошибокъ заключается въ томъ, что я не придавалъ достаточнаго значенія прямому вліянію среды, т. е. пищѣ, климату и проч., независимо отъ естественнаго подбора. Измѣненія, вызванныя этимъ путемъ, не имѣющія въ себѣ ни выгоды, ни невыгоды для измѣненнаго организма, должны, какъ я вижу теперь изъ вашихъ наблюденій, находить особенно благоприятныя условія при изолированіи въ небольшой области, гдѣ живутъ лишь немногія особи при болѣе или менѣе однообразныхъ вліяніяхъ“ (M. Wagner, Ueb. die Entst. d. Arten. durch räuml. Sonderung, 407—408).

²⁾ Во 2-мъ томѣ „Descent of Man“ (370) онъ говоритъ: „Предположимъ, что члены племени, которое придерживается какой либо формы брака, распространяются по незаселенному матеріку; они распадутся вскорѣ на отдѣльныя орды, которыя будутъ отдѣлены одна отъ другой значительными преградами и, что еще дѣйствительнѣе, войнами, не прекращающимися у варварскихъ народовъ. Такимъ образомъ, орды будутъ подвергаться дѣйствію болѣе или менѣе различныхъ условій и жизненныхъ привычекъ, и раньше или позже будутъ въ нѣкоторой незначительной степени различаться между собой“.

не дождавшись должной оцѣнки своихъ воззрѣній со стороны біологовъ. Совершенно иначе отнеслись къ нимъ географы. Теорія М. Вагнера имъ близка вслѣдствіе ея географическихъ основъ (обособленности индивидуумовъ въ извѣстной области, вліянія мѣстныхъ условій, связи съ хорологіей организмовъ и пр.). Въ ней они находятъ то, чего дарвинизмъ не даетъ имъ—ясно сознаваемую связь между географическою областью и ея обитателями, образованіе типа послѣднихъ въ зависимости отъ первой и простыя условія этого образованія при изолированіи въ мѣстѣ обитанія. Какое значеніе теорія М. Вагнера представляетъ для антропогеографа мы видимъ изъ словъ Ратцеля, который называетъ ее «геніальной», видитъ въ ней «ключъ ко всѣмъ загадкамъ исторіи творенія и, въ особенности, древнѣйшей исторіи человѣка» (*Anthropogeogr*, I, 464) и называетъ ее «основной теоріей всемірной исторіи» (*ib.*, 466). Петри, не раздѣляя восторженнаго отношенія Ратцеля къ теоріи М. Вагнера, тѣмъ не менѣе, признаетъ, что «для географа и антрополога этотъ (миграціонный) законъ имѣетъ весьма высокое значеніе, а въ вопросѣ о происхожденіи разновидностей человѣческаго рода долженъ играть руководящую роль» («Антропология», 259).

Насколько путь науки о человѣкѣ естественно направляется на географическую почву, отыскивая въ ней недостающую ей основу для разъясненія различій человѣческихъ группъ, мы видимъ въ ученіи о «географическихъ провинціяхъ» Бастіана, развившемся параллельно ученію М. Вагнера и дающемъ тѣ рамки, въ которыхъ послѣднее можетъ быть примѣнено и прослѣжено въ антропологии. Понятіе о «географическихъ провинціяхъ», введенное въ науку Бастіаномъ, отвѣчаетъ на запросы антропологии и этнологии относительно локализованія своихъ изслѣдованій и обобщенія ихъ на географической почвѣ. Въ немъ заключается признаніе необходимости свести изслѣдованіе происхожденія различій между этническими группами къ изученію ихъ въ предѣлахъ областей обитанія, отмѣчая фактическое вліяніе на нихъ этихъ послѣднихъ. Идея «географическихъ провинцій», соотвѣтствуя стремленіямъ географіи оказать необходимую помощь антропологии, пріобрѣтаетъ для насъ еще большую цѣну тѣмъ, что эта идея исходитъ отъ этнолога и составляетъ плодъ долговременныхъ теоретическихъ изысканій и практическихъ изслѣдованій почтеннаго ученаго.

Ученіе о «географическихъ провинціяхъ» изложено было авто-

ромъ, къ сожалѣнію, въ свойственной ему отрывочной, афористической формѣ, въ статьѣ «Географическія провинціи, какъ основа этнологіи» (*Die Grundlage der Ethnologie in den geographischen Provinzen, Zeitschrift f. Ethnologie, 1873*) и повторено съ различными дополненіями и разъясненіями въ трехъ сочиненіяхъ, которыя выше мы умѣли уже случай называть („*Allgemeine Grundzüge der Ethnologie*“, „*Zur Lehre von den geographischen Provinzen*“ и „*Ueber Klima und Acclimatisation nach ethnischen Gesichtspuncten*“). Мы извлекаемъ здѣсь воззрѣнія автора на упомянутыя «провинціи» изъ всѣхъ названныхъ сочиненій, при чемъ беремъ на себя расположеніе мыслей въ извѣстномъ порядкѣ.

При изученіи природы мы должны исходить изъ того состоянія ея, какое находится передъ нашими глазами; въ этомъ послѣднемъ явленіи растительнаго и животнаго міра ограничены ихъ географическими провинціями (ботаническими или зоологическими), а явленія этническаго міра—этнологическими, въ которыхъ на ряду съ (топографически) давно акклиматизированными туземцами можно отличить пришельцевъ, находящихся въ переходномъ состояніи приспособленія или другихъ, предназначенныхъ къ гибели вслѣдствіе неспособности къ приспособленію. Эти географическія провинціи составляютъ, такимъ образомъ, твердую точку опоры, на которой могутъ основываться логическія комбинаціи. При изученіи человѣческихъ расъ поучительное заключается въ разъясненіи (въ данномъ случаѣ общественнаго) индивидуума изъ окружающихъ его условій, изъ отраженія ихъ въ его физическомъ и еще болѣе въ духовномъ строѣ. Такова задача, какую предстоитъ исполнить и какая обѣщаетъ при дальнѣйшемъ преслѣдованіи ея неисчерпаемо богатые результаты, тогда какъ всякое другое дѣленіе по искусственной или естественной системѣ уже заранѣе наталкивается на почти непреодолимое препятствіе, а именно, на трудность совмѣстить типы, расположенные рядомъ въ пространственномъ отношеніи, съ типами, измѣнявшимися во времени въ теченіе исторіи, соотвѣтственно относительному значенію тѣхъ и другихъ. Такъ же, какъ ботаническая система живую флору, зоологическая живую фауну, этнологическая должна имѣть въ виду прежде всего народы въ ихъ настоящей формѣ. Этнологія—не столько зоологическая естественная исторія человѣка, сколько та исторія на географической основѣ, какая представлялась К. Риттеру въ его работахъ и которая должна охватывать человѣка во всѣхъ его окрестностяхъ съ которыми онъ выступаетъ на земной поверхности. Между

тѣмъ, какъ въ животномъ царствѣ виды, по большей части, раздѣленные уже пространственно, не входятъ въ (добровольныя) смѣшенія (за исключеніемъ состоянія одомашненія) и вслѣдствіе того рѣзко разграничены другъ отъ друга, въ космополитически распространенныхъ человѣческихъ расахъ оттѣнки такъ тѣсно сближены между собой, что выдѣленіе ихъ почти вездѣ разрываетъ органическое цѣлое. Поэтому главную точку отправленія должно составлять этническое развитіе, возникающее на географической основѣ и, въ зависимости отъ болѣе широкой или болѣе узкой линіи историческихъ конъюнктуръ, превращающееся подѣ влияніемъ ихъ въ высшія формы. Дѣленіе по искусственнымъ признакамъ (цвѣту кожи, волосамъ, глазамъ и т. д.), могущее принести практическую пользу только при размѣщеніи коллекцій (какъ въ растительной или въ животной системѣ), не имѣетъ прямого общаго значенія для задачъ, разрѣшаемыхъ этнологіей. Этнологія до настоящаго времени не должна была быть какимъ либо систематическимъ распредѣленіемъ человѣческаго рода (которое по естественной системѣ можетъ быть дано только въ концѣ ея работы), а фізіологіей его, объясненіемъ законовъ роста, проявляющихся въ продуктахъ болѣе или менѣе широко очерченнаго общественнаго горизонта и могущихъ быть сведенными, для правильнаго пониманія ихъ, къ индивидуальнымъ физическимъ свойствамъ (обусловленнымъ географическимъ горизонтомъ).

Измѣненія человѣческаго рода, читаемъ мы у Бастіана, возникаютъ при условіяхъ его мѣстожителства въ различныхъ «географическихъ провинціяхъ»; заключенія, выводимыя изъ различія указанныхъ причинностей, могутъ дать понятіе о способѣ дѣйствія факторовъ, на сколько это можно указать въ организмѣ, подвергшемся ихъ влиянію. Исходной точкой этнологіи и основой ея естественной системы должны быть «географическія провинціи», въ которыхъ органической міръ носитъ на себѣ отраженіе физическихъ дѣятелей среды. Такимъ образомъ, первой задачей этнологіи является регистрація существенныхъ сторонъ «географическихъ провинцій» съ пересѣкающимися въ нихъ очертаніями провинцій ботаническихъ и зоологическихъ, а также антропологическихъ въ предѣлахъ этнологическаго горизонта. Руководящая основа въ изученіи географическихъ провинцій заключается въ зависимости организма отъ его географической среды и ихъ тѣснаго взаимодѣйствія. Такъ, изъ общаго дѣйствія климата и географическихъ условій на материковой массѣ, называемой Африкой, среди видоизмѣненій чело-

вѣческаго рода выясняется явленіе, которое можно считать соотвѣтствующимъ мѣстному характеру экваторіально-тропическаго пояса и можно назвать «нигритійскимъ» типомъ, оставляя въ сторонѣ превращенія его дѣйствіемъ постороннихъ элементовъ. Африканскій типъ можно считать характернымъ для тропической области, по скольку она лежитъ на широкомъ материкѣ, а не на разсѣянныхъ островахъ, и не заключаетъ въ себѣ высокихъ горъ со снѣжными вершинами. Этотъ типъ, установленный на основаніи наблюденій надъ береговыми обитателями, уже въ Суданѣ претерпѣваетъ большее или меньшее разложеніе вслѣдствіе историческихъ движеній. Физическій habitus негра выказываетъ характеръ и отправленія фізіологическихъ процессовъ, необходимые для человѣческаго организма, чтобы поддержать равновѣсіе въ африканскомъ видоизмѣненіи «географической провинціи» подъ тропиками. Тоже можно сказать о физическомъ habitus'ѣ эскимоса, индѣйца и т. д. Въ различіи климатическихъ поясовъ географическая провинція обнаруживается всего больше своимъ важнѣйшимъ факторомъ — температурой, хотя дѣйствіе его обуславливается не имъ однимъ, а одновременно разнообразными физическими дѣятелями, ихъ совокупнымъ вліяніемъ. Въ числѣ факторовъ, принимающихъ участіе въ послѣднемъ, можно назвать, на ряду съ морскимъ или континентальнымъ положеніемъ мѣста, электричество воздуха, условія влажности, направленіе вѣтровъ, гидрографическія, орографическія, геологическія, ботаническія, зоологическія условія и пр. Такъ какъ воздѣйствіе географической провинціи на организмъ обнаруживается въ видѣ вліянія среды, въ которой онъ живетъ, то климатическія колеблющіяся вліянія ея должны отходить на второй планъ, когда можно указать факторы болѣе постояннаго дѣйствія. Въ различныхъ случаяхъ такими факторами могутъ быть высота надъ уровнемъ моря, составъ воздуха и воды, составъ и степень влажности почвы, флора, фауна и, наконецъ, дѣйствіе другихъ человѣческихъ группъ. При разсмотрѣніи нынѣшняго состоянія человѣческихъ группъ на земной поверхности съ естественно-исторической точки зрѣнія, мы не столько должны задаваться вопросомъ—какъ и откуда такая то изъ нихъ попала въ такую то мѣстность, сколько вопросомъ—почему мы ее тамъ видимъ? Въ виду повсемѣстнаго распространенія человѣка, его космополитизма, въ большинствѣ случаевъ намъ не удастся опредѣлить идеальный типъ для каждой антропологической области, служащій отраженіемъ послѣдней. Мы могли бы, напр., для Молукскихъ острововъ намѣтить схему чело-

вѣческой формы, соответствующей этой «географической провинціи», но, въ дѣйствительности, мы не встрѣтимъ такой образцовой схемы, такъ какъ въ населеніи названныхъ острововъ смѣшиваются китайскій, малайскій, индійскій, меланезійскій и др. элементы. Тѣмъ не менѣе, «географическая провинція» оказываетъ свое дѣйствіе на свойства различныхъ расъ, попадающихъ въ область вліянія ея факторовъ; дальнѣйшія формы, какія произойдутъ отъ ихъ смѣшенія, будутъ зависѣть отъ степени сродства этихъ элементовъ между собою. Изученіе измѣненій человѣческаго рода должно быть по преимуществу сосредоточено въ изслѣдованіи географическихъ провинцій: по выраженію Друммонда, «наслѣдственность и среда составляютъ главнѣйшія вліянія органическаго міра», а съ практической точки зрѣнія намъ приходится имѣть дѣло лишь съ этимъ послѣднимъ факторомъ. И для индуктивнаго естественно-научнаго изслѣдованія центръ тяжести лежитъ не въ эволюціи, не въ «природѣ организма», а въ «природѣ окружающихъ условий», т. е. въ «географической провинціи». Лишь данныя, вытекающія изъ изученія географическихъ провинцій, могутъ дать этнологіи возможность приступить къ вопросамъ о происхожденіи; преждевременныя, незрѣлыя попытки грозятъ затемнить и то, что можно уже считать выясненнымъ. Но хорологія «географическихъ провинцій» можетъ и не касаться вопросовъ происхожденія, не говорить ни о «центрахъ творенія» Демулена, ни о «центрахъ появленія» Катрфажа¹⁾.

Зависимость отъ географической среды выказываетъ не только физическій, но и психическій *habitus* человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ

¹⁾ Географическія провинціи Бастіанъ понимаетъ въ болѣе или менѣе обширномъ размѣрѣ: иногда онѣ совпадаютъ съ ботаническими или зоологическими провинціями; иногда же двѣ послѣднія категории такъ или иначе перекрещиваются въ нихъ своими очертаніями. Понятіе о географическихъ провинціяхъ не совсѣмъ совпадаетъ съ понятіемъ провинцій антропологическихъ; послѣднія всего ближе подходятъ къ «центрамъ или областямъ формированія расъ, пріобрѣтенія ими характеристическихъ признаковъ», о которыхъ говоритъ Катрфажъ (*Hist. gén. des races hum.*, 175). Признавая, что точное опредѣленіе числа и положенія этихъ областей въ прошломъ и въ настоящемъ было бы весьма важнымъ дѣломъ для исторіи нашего вида, названный ученый считаетъ, однако, такое опредѣленіе слишкомъ затруднительнымъ. По его мнѣнію, въ настоящее время подобныя центры можно видѣть съ наибольшей вѣроятностью на островахъ, какъ, напр., въ Тасманіи, гдѣ образовалась однородная раса исключительно подъ вліяніемъ среды, на островахъ Океаніи, въ которой на образованіе расъ, кромѣ среды, дѣйствовало скрещиваніе и т. п. Что касается до областей образованія материковыхъ расъ, то Катрфажъ указываетъ одну такую область въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, хотя и прибавляетъ, что границы континентальныхъ областей не могутъ быть обозначены съ такою же точностью, какъ областей островныхъ. Какъ примѣры расъ, установившихся въ извѣстныхъ областяхъ, онъ указываетъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и бушменовъ.

географической провинции человек долженъ быть рассматриваемъ не какъ индивидуумъ, а какъ составная часть общественнаго организма, къ которому онъ принадлежитъ, какъ *Zoon politicon*. Въ точкахъ соприкосновенія географическихъ и историческихъ провинцій, въ пограничной области между землевѣдѣніемъ и исторіей, учение о географическихъ провинціяхъ получаетъ свое полное выраженіе.

Таково въ короткихъ словахъ учение Бастіана о «географическихъ провинціяхъ». Это—не что иное, какъ схема, какъ программа этнологическаго изслѣдованія, съ характеромъ чисто антропогеографическимъ. Бастіанъ и не идетъ дальше этой схемы, далѣе общаго указанія дѣйствія «географическихъ провинцій». Для того, чтобы примѣнить эту программу къ изученію распредѣленія и образованія народовъ, мы должны намѣтить «географическія провинціи» въ связи съ ихъ этническими типами. Чѣмъ границы географической провинціи рѣзче, чѣмъ онѣ обособленнѣе, тѣмъ болѣе, конечно, упрощаются условія нашего изслѣдованія. Намъ легче всего начать съ простѣйшей формы «географической провинціи», съ той формы, когда географическая обособленность совпадаетъ съ обособленностью этнографической, напр., съ изученія населенія уединенной или замкнутой области, въ родѣ островной, горной и т. п. Но обособленность типа въ подобныхъ естественно изолированныхъ областяхъ составляетъ общезвѣстный фактъ и теоретически не требуетъ доказательствъ своей наличности. Въ дѣйствительности такіе случаи представляютъ рѣдкое этнологическое явленіе, не дающее намъ разъясненія множества другихъ случаевъ, когда «географическая провинція» не является столь же ясно обособленной, и различные этническіе типы, повидимому, совмѣщаются или сливаются въ ней. Съ перваго взгляда, если народы кажутся пестрою смѣсью, то и географическія области, если въ дѣйствиіи ихъ видѣтъ «причинность» разнообразія этническихъ типовъ, должны являться чѣмъ то неподдающимся точному разграниченію и опредѣленію. Мы знаемъ, по ученію М. Вагнера, что изолированіе въ извѣстной географической области представляетъ наилучшія условія для образованія разновидностей, но соображеніе о подвижности человека, для котораго ни моря, ни горы, ни пустыни не представляютъ непреодолимыхъ препятствій для перемѣщенія, не позволяетъ намъ опредѣлить въ какой мѣрѣ и въ какую эпоху изолированіе было возможно для образованія человѣческихъ группъ. Съ другой стороны, эти группы съ извѣстными различіями все таки существуютъ, и чело-

вѣщество не можетъ быть названо безразличною смѣсью безчисленнаго множества типовъ. Та или другая причина должна была вызвать къ жизни и сохранить эти типы въ томъ видѣ, въ какомъ мы ихъ наблюдаемъ теперь или въ какомъ ихъ наблюдали наши предшественники, оставившіе намъ описаніе ихъ. Если мы полагаемъ причину ихъ образованія въ дѣйствіи «географическихъ провинцій» и усматриваемъ простѣйшую форму этого дѣйствія въ условіяхъ изолированія обитателей извѣстной мѣстности, такъ какъ въ этихъ условіяхъ всего легче могли развиваться и упрочиваться извѣстные оттѣнки и комбинаціи признаковъ, составляющихъ этнические отличія, то мы должны указать въ настоящемъ или въ доступномъ нашему изученію прошломъ человѣчества общую для него возможность такого изолированія даже помимо рѣзкихъ географическихъ границъ.

Мы можемъ предпринять эту работу, опираясь уже на воззрѣнія такихъ авторитетныхъ антропологовъ, какъ Тейлоръ, Вирховъ и Эренрейхъ, не говоря о многихъ другихъ, примыкающихъ къ тѣмъ же взглядамъ. Тейлоръ, въ своей «Антропологии» (см. нѣмец. изд. стр. 106), вполне признаетъ значеніе географическаго момента въ вопросахъ этнологіи. «Мы имѣемъ, говоритъ онъ, уже твердую почву, по которой можемъ идти дальше, въ виду того факта, что человѣческія расы не разсыяны въ безпорядкѣ на поверхности земли, и извѣстныя расы видимо принадлежатъ извѣстнымъ областямъ; повидимому, каждая раса произошла подъ вліяніемъ климата и состава почвы той страны, гдѣ она достигла полнаго развитія и откуда распространилась и въ другія страны, гдѣ подвергалась измѣненіямъ и смѣшивалась съ другими расами».

Вирховъ, въ названной статьѣ его «Объ акклиматизаціи» (помѣщенной въ Дневникъ 58 сѣзда нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей), высказывается о томъ же предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Несомнѣнно, что извѣстные географическіе округа связаны съ извѣстными соматологическими особенностями ихъ человѣческихъ обитателей. Такія этнологическія провинціи безспорно существуютъ, и фактически онѣ имѣютъ такое же значеніе, какъ въ географіи растений и животныхъ соотвѣтствующія ботаническія и зоологическія провинціи. Въ этихъ предѣлахъ, я считаю себя въ правѣ заключить, что приблизительно общіе законы должны существовать для акклиматизаціи животныхъ, растений и человѣка, хотя при этомъ и могутъ происходить измѣненія въ отдѣльныхъ классахъ» (544).

Еще категоричнѣе выражается Эренрейхъ. «Каждая изъ человѣческихъ расъ, говоритъ онъ, принадлежитъ опредѣленной зонѣ, географической провинціи, въ духѣ Бастіана, въ которой мы должны искать центра ея происхожденія или скорѣе дифференцированія въ нынѣшнюю форму. Эти области распространенія совпадаютъ, въ сущности, съ зоо-географическими провинціями, и только въ новѣйшее время, благодаря расширенію міровыхъ сообщеній, границы ихъ были нарушены (Anthrop. Studien üb. die Urbewohner Brasil., 15). Какъ бы ни были малы физическія различія, отдѣляющія американцевъ отъ монголовъ или папуасовъ отъ африканскихъ негровъ,—на самомъ дѣлѣ эти различія довольно значительны, какъ продукты особыхъ географическихъ провинцій, и эти расы должны быть разсматриваемы особо» (16). «Мы должны, говоритъ онъ далѣе, если хотимъ оставаться на почвѣ фактовъ, отклонять странныя, постоянно вновь появляющіяся гипотезы, согласно которымъ современныя расы вторично развились изъ давно ужъ безслѣдно исчезнувшихъ первичныхъ расъ, и при томъ путемъ смѣшеній, какимъ онѣ подвергались во время своихъ странствованій по всей землѣ. Съ такими умозрительными предположеніями совершенно не совмѣстимо своеобразное локализованіе отдѣльныхъ расъ во исполнѣ опредѣленныхъ географическихъ зонахъ. Лишь въ предѣлахъ этихъ зонъ и ихъ пограничныхъ областей могутъ быть доказаны такія переселенія и смѣшенія» (17).

ГЛАВА V.

Племенные типы Сѣверо-западной и Средней Америки.

Приступая къ провѣркѣ этихъ заключеній на частныхъ примѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ опредѣленію происхожденія второстепенныхъ физическихъ различій между человѣческими группами, образующихъ этническіе признаки, мы должны остановиться на выборѣ группы, которую могли бы считать элементарной, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи даетъ ту болѣе сложную этническую единицу, какую мы называемъ «народомъ». Безъ такого «цѣлаго» или «недѣлимаго» мы обойтись не можемъ, не рискуя превратить наше изслѣдованіе въ работу надъ однимъ лишь неопредѣленными, несоподчиненными величинами. Такъ какъ этнологія всегда имѣетъ въ виду человѣка, какъ члена известной группы, то мы прежде всего должны выяснить естественную первоначальную форму этой группы, которая представляла бы не случайное скопленіе людей, а органическое цѣлое. Вѣроятно, человѣкъ никогда не жилъ иначе, какъ въ союзѣ съ подобными себѣ; если этотъ союзъ въ самыя давнія времена его исторіи могъ быть временнымъ, легко разрушающимся, то уже первые шаги на пути торжества надъ другими живыми существами должны были обуславливаться сплоченностью союза, увеличивавшаго силы каждаго члена его, недостаточно вооруженнаго для успѣшной борьбы своими единичными силами съ крупными хищниками. Судя по тому, что мы видимъ у народовъ, наиболѣе дикихъ, представляющихъ вполнѣ первобытныя условія жизни человѣчества, почти лишенныхъ крова и одежды и питающихся плодами и кореньями, мы можемъ заключить, что человѣкъ весьма давно уже составлялъ прочныя группы, державшіяся въ достаточной сплоченности, нераспадавшіяся безпрестанно для образованія новыхъ сочетаній особей. Поэтому группы даже самыхъ некультурныхъ ди-

карей, какъ нѣчто болѣе или менѣе постоянное и установившееся, вполне могутъ быть предметомъ изученія этнологіи. Сама этнологія, какъ мы говорили выше, не выработала еще точнаго опредѣленія своего объекта, т. е. народа. Она еще пользуется довольно безразлично терминами «народъ», «народность», «племя», «орда» и т. д., причемъ ту группу, которую одинъ этнологъ называетъ однимъ терминомъ, другіе называютъ инымъ. Отдѣлъ антропологіи, занимающійся изученіемъ общественнаго союза въ различныхъ формахъ его развитія, а именно социологія, въ силу такой же необходимости систематизаціи своего матеріала, нѣсколько болѣе разработала схему развитія его послѣдовательныхъ формъ. Наибольшую опредѣленностью отличается схема, выработанная Морганомъ, указывающая четыре послѣдовательныя формы развитія общественнаго союза—родъ, фратрія, какъ союзъ родовъ, племя, какъ союзъ фратрій, и народъ, какъ союзъ племенъ. Эту схему Моргану удалось прослѣдить у ирокезовъ, которыхъ онъ тщательно изучилъ, и слѣды ея, съ большей или меньшей ясностью, въ своемъ сочиненіи «Ancient Society» онъ указывалъ во всемъ человѣчествѣ. Этнологъ не можетъ, однако, остановиться на схемѣ Морганова въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена авторомъ, такъ какъ съ яснымъ и правильнымъ развитіемъ формъ онъ встрѣчается скорѣе лишь въ качествѣ исключенія, чѣмъ правила. Онъ въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ можетъ сказать съ увѣренностью—слѣдуетъ ли въ известной группѣ видѣть родъ или племя Моргановской схемы и находятся ли двѣ сосѣднія родственныя группы во взаимномъ отношеніи племенъ или родовъ. Во многихъ случаяхъ для него не ясно—распадается ли племя путемъ сегментаціи на группы низшаго порядка, или роды сливаются въ группу высшаго порядка, т. е. племя. Въ тоже время, однако, изученіе родоваго общественнаго строя, которому социологія въ послѣднее двадцатилѣтіе посвятила столько плодотворнаго труда, раскрываетъ многія стороны первобытной жизни человѣчества, крайне важныя для этнологіи. Именно, она показываетъ, что родъ и племя, даже при бродячемъ существованіи, жили на опредѣленныхъ территоріяхъ, предѣлы которыхъ обозначались весьма строго и не могли нарушаться безнаказанно сосѣдними племенами или родами. Территоріи устанавливались естественнымъ путемъ, въ силу необходимости обладанія известнымъ райономъ для добыванія растительной и животной пищи, достаточнымъ для прокормленія его обитателей. Эти послѣдніе, ограждая себя отъ эксплуатаціи сосѣдей или чужихъ людей, устанавливали

въ своей средѣ извѣстный порядокъ, который поддерживался общинными обычаями и выборными начальниками. Жизнь родовой общины сосредоточивалась въ тѣсномъ кругу; ея отношенія къ другимъ родамъ того же племени были строго опредѣлены; сношенія съ сосѣдями другихъ племенъ—дружескія, враждебныя и торговыя—были болѣе или менѣе временными и случайными. Союзъ общины опирался на идею кровнаго родства между ея членами, и въ большинствѣ случаевъ, въ виду этой идеи, браки въ средѣ того же рода воспрещались и совершались лишь между лицами различныхъ родовъ или клановъ. Нерѣдко идея кровнаго родства обращалась въ фикцію и даже совсѣмъ забывалась, но обычай экзогаміи, тѣмъ не менѣе, строго соблюдался. Онъ не былъ повсемѣстнымъ, какъ это полагали послѣ знаменитой работы Мак-Леннана и какъ думала М. Вагнеръ, ограничивая экзогаміей процессъ объединенія признаковъ въ изолированной человѣческой группѣ¹⁾. Уже экзогамія поддерживала роды въ извѣстной связи между собою; эта связь укрѣплялась и потребностями войны, охоты и общественной жизни. Такимъ образомъ, роды, при всей своей автономіи, составляли части цѣлаго, которымъ было племя. Племена не всегда вступали въ союзъ между собою, или союзы заключались только временно, то съ одними, то съ другими сосѣдями, но сами по себѣ они составляли самобытные общественные организмы. Вся жизнь общиннаго строя, предшествовавшаго государственному, была жизнью племенъ, которыя иногда раздѣлялись, давая начало новымъ племенамъ, а иногда сливались между собою, образуя изъ двухъ племенъ одно. Въ эту первобытную эпоху, которая для некультурнаго человѣчества продолжается и теперь, союзы племенъ не вели къ ихъ настоящему слиянію: пока племя сохраняло свою организацію, оно только въ случаѣ войны соединяло свои силы съ силами союзныхъ

¹⁾ Въ одной изъ работъ по этому предмету, принадлежащей Каутскому и переведенной на русскій языкъ („Сѣв. Вѣст.“, 1891. IX), собраны примѣры экзогамическихъ племенъ (ведасы на Цейлонѣ, минкопи на Андаманскихъ островахъ, курумбы въ Нейлгырийскихъ горахъ, айносы, нѣкоторые изъ племенъ индѣйцевъ-пуэбло), къ которымъ можно прибавить еще нѣсколько другихъ. Тотъ-же авторъ обращаетъ вниманіе на то, что при экзогаміи воспрещаются союзы лишь съ соплеменниками по матери (при генеалогіи по материнской линіи); индѣецъ, напр., можетъ свободно вступить въ бракъ съ ближайшей родственницей по отцу, такъ какъ онъ не признаетъ родства съ нею. Мы увидимъ и другіе примѣры ограниченія экзогаміи на практикѣ. Мы увидимъ также, что можно говорить только о родовой, а не о племенной экзогаміи. Невѣрное толкованіе экзогаміи, которымъ М. Вагнеръ самъ ослабляетъ значеніе своей теоріи для антропологій, произошла отъ смѣшенія понятій „племени“ и „рода“.

племень, а само оно управлялось и жило собственной жизнью. Въ виду такой самостоятельности племени въ первобытную эпоху человѣческой общности, и этнологія, какъ справедливо полагаетъ Каутскій, поступить всего цѣлесообразнѣе, если своей единицей, своимъ первичнымъ организмомъ будетъ считать племя и своей исходной задачей поставить изученіе жизни племени, какъ неслучайной и беспорядочной, а опредѣленной, организованной человѣческой группы. Мы знаемъ, что племя охраняло свой составъ отъ постороннихъ элементовъ и принимало ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ и условіяхъ пожизненнаго вступленія, вмѣстѣ съ потомствомъ, въ число его членовъ; это и не могло быть иначе, такъ какъ при общинномъ строѣ человѣкъ пользуется защитой себѣ подобныхъ и имѣетъ извѣстныя права только какъ членъ племени. Слѣдовательно, въ первобытную, общинную эпоху племена были своеобразными, замкнутыми группами, развивавшимися въ строго очерченныхъ предѣлахъ. Такимъ образомъ, въ племенахъ мы имѣемъ всѣ условія для дѣйствія изолированія, какъ его понимаетъ М. Вагнеръ, а именно, опредѣленныя группы, закрывающія доступъ постороннимъ элементамъ, размножающіяся черезъ посредство браковъ въ ограниченномъ кругу и подвергающіяся вліянію внѣшнихъ условій извѣстной области. Это положеніе принадлежитъ преимущественно охотничьимъ племенамъ, но и переходъ къ скотоводству и къ земледѣлію не нарушаетъ его въ дикомъ состояніи, пока общинный строй не смѣнится государственнымъ. Но если даже подобное состояніе будетъ признано свойственнымъ однимъ охотничьимъ племенамъ, то и тогда оно достаточно заслуживаетъ нашего вниманія, такъ какъ чрезъ охотничью ступень развитія прошло безусловно все человѣчество. Если намъ удастся доказать, что дикія племена, какими мы ихъ находимъ теперь или какими знаемъ ихъ по описаніямъ путешественниковъ, представляютъ достаточно замѣтныя различія между собою, то мы получимъ право приписывать различія этихъ племенъ изолированности въ областяхъ ихъ обитанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получимъ возможность видѣть въ основныхъ различіяхъ племенъ главную причину измѣняемости, какую мы наблюдаемъ въ человѣчествѣ.

Для нашей цѣли мы должны взглянуть на дикія племена различныхъ частей свѣта, въ томъ видѣ, въ какомъ они живутъ въ дѣйствительности, т. е. въ ихъ отдѣльности одного отъ другого. Мы начнемъ нашъ обзоръ съ Америки, отдавая этой части свѣта первое мѣсто по многимъ причинамъ. О ней справедливо выра-

жается Ратцель, что «при правильномъ пониманіи ея этнографіи, послѣдняя намъ можетъ дать ключъ ко многимъ величайшимъ задачамъ, съ какими вообще приходится имѣть дѣло въ антропологіи и этнографіи» (Ratzel, *Völkerkunde*, II, 543). Въ Америкѣ мы находимъ племена, сохранившіяся во всей своей самобытности, со всѣми особенностями своего типа и своей организациі; эти племена стоятъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ этническаго развитія, и мы можемъ на этомъ материкѣ, въ его настоящемъ и прошломъ, прослѣдить всѣ стадіи народо-образовательнаго процесса. Америка на всемъ своемъ пространствѣ населена одной антропологической расой, принимаемой за отрасль желтой расы; между тѣмъ туземцы Америки значительно обособились отъ своихъ азіатскихъ родичей, и въ своемъ общемъ отличіи отъ послѣднихъ могутъ служить нагляднымъ примѣромъ дѣйствія изолированія въ области своего обитанія или своей «географической провинціи». Они долго оставались внѣ сношеній со Старымъ Свѣтомъ или пользовались этими сношеніями въ крайне рѣдкихъ и случайныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе чего ихъ расовое единство не могло быть нарушено. Такимъ образомъ, для объясненія варіацій американскаго типа мы не можемъ прибѣгать къ гипотезѣ смѣшенія съ чуждыми расовыми элементами и должны искать ихъ объясненія въ какихъ либо мѣстныхъ причинахъ.

Самая исторія этнографіи Америки, исторія возрѣвній на измѣненія ея типа является крайне поучительною. Отличіе американской разновидности отъ монгольской казалось антропологамъ настолько значительнымъ, что не одни старѣйшіе классификаторы, какъ Линней и Блунбахъ, но и новѣйшіе, какъ Фр. Мюллеръ, признавали особую американскую расу, не говоря уже объ американскихъ антропологахъ, какъ Мортонъ и др. Правда, Пешель въ своемъ «Народовѣдѣніи» (*Völkerkunde*, 5 Aufl., 402—407) собралъ много доказательствъ въ пользу непосредственнаго сходства между американской и монгольской расой, но, какъ намъ кажется, духу современной антропологіи, принимающей во вниманіе и происхождение изслѣдуемыхъ расъ, болѣе соотвѣтствуютъ взгляды Кина и Эренрейха. По возрѣвію перваго, которое онъ защищаетъ въ своей «Этнологіи», отъ общаго ствола человѣчества, вслѣдъ за негрской вѣтвью, отдѣлилась монголо-американская вѣтвь, которая въ настоящее время распадается на два большіе отдѣла, американскій и азіатско-монгольскій. Каждый изъ нихъ сохранилъ свою долю общаго наслѣдства, но отдѣлился отъ другого въ такомъ раннемъ

периодъ ихъ исторіи, что лучшіе авторитеты не рѣшаются высказаться опредѣленно относительно ихъ взаимнаго родства. Связь ихъ была настолько ослаблена долгимъ раздѣленіемъ, что идеальный *Homo Americanus*, такъ же, какъ и идеальный *Homo Mongolicus* въ настоящее время должны быть изучаемы отдѣльно (*Ethnology*, 226). Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія (стр. 336) онъ доказываетъ что *Homo Americanus* отдѣлился отъ *Homo Mongolicus* въ каменномъ (палеолитическомъ и неолитическомъ) вѣкѣ и съ того времени проходилъ путь независимаго мѣстнаго развитія. Эренрейхъ по тому же поводу говорить: «Серьезнаго обсуждения заслуживаетъ только гипотеза о происхожденіи его (туземнаго населенія Америки) изъ Азии. Можно, однако, уже заранѣе считать лишеннымъ смысла предположеніе, будто американцы пришли чрезъ Беринговъ проливъ и постепенно подвигались къ южному концу материка. Человѣкъ лишь на американской почвѣ сдѣлался американцемъ по наружному виду, языку, правамъ и культурнымъ условіямъ (*Anthropologische Studien*, 40)... Лишь послѣ позднѣйшаго отдѣленія пынѣшняго Новаго Свѣта отъ Стараго развился человѣкъ въ Америкѣ въ то физическое явленіе (*körperliche Erscheinung*), какимъ мы его видимъ нынѣ. Въ виду того, мы имѣемъ полное право говорить объ аутохтонной американской расѣ. Если бы даже удалось доказать, что американская раса вышла изъ Азии послѣ отдѣленія Америки чрезъ Беринговъ проливъ, то практическое изслѣдованіе должно было бы держаться самостоятельности американской расы или, по крайней мѣрѣ, разсматривать ее отдѣльно отъ азіатской расы» (*Op. cit.*, 42). Въ заключеніе онъ говорить: «въ вопросѣ о положеніи американской расы въ антропологической системѣ слѣдуетъ примкнуть къ мнѣнію Флауера и Лейдекера (*Introd. to the study of mammals*, 793): «въ виду глубокой древности американскаго человѣка и его фактическаго изолированія», «трудно видѣть въ аномальныхъ и специальныхъ признакахъ американскихъ народовъ дѣйствія скрещиванія, вслѣдствіе чего есть болѣе основанія разсматривать ихъ какъ отдѣльное первичное дѣленіе».

Различія между разновидностями американскаго типа казались первымъ научнымъ путешественникамъ столь незначительными, что за американской расой сперва признано было почти полное единство. Первое научное признаніе этого единства Ратцель возводитъ ко взглядамъ А. Гумбольдта, который высказалъ, что индѣйцы Н. Испаніи имѣютъ общее сходство съ индѣйцами Канады, Флориды, Перу и Бразиліи. Онъ находилъ, что на всемъ пространствѣ отъ мыса

Горна до р. Св. Лаврентія и до Бернигова пролива съ перваго взгляда поражаетъ общность чертъ всего туземнаго населенія, позволяющая видѣть ихъ общее происхожденіе, несмотря на величайшее разнообразіе нарѣчій. Возврътнія Гумбольдта раздѣляя и извѣстный путешественникъ начала прошлаго столѣтія принцъ Максимилианъ Видскій; увидавъ въ С.-Луи въ первый разъ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, онъ нашелъ ихъ крайне схожими съ бразильцами (Ratzel, op. c., II, 544). Сходство всѣхъ индѣйцевъ Америки, вслѣдствіе такихъ мнѣній авторитетныхъ наблюдателей, считалось неоспоримымъ фактомъ и, въ качествѣ послѣдняго, приводилось полигенистами и дарвинистами въ пользу отрицательнаго рѣшенія вопроса о дѣйстви среды, которая, при всемъ разнообразіи своихъ естественныхъ условій въ Америкѣ, будто бы не могла измѣнить единства типа. Оказалось, однако, что сходство между обитателями различныхъ частей Америки замѣчается только при первомъ, поверхностномъ наблюденіи, когда различія еще ускользаютъ отъ глаза. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, отмѣчаемымъ всѣми наблюдателями, попадающими впервые въ страну, населенную незнакомой имъ расой¹⁾. Какъ указываетъ Бэнкрофтъ, сходство между различными народностями Америки отмѣчалось еще конквистадорами и слѣдовавшими за ними хроникерами. Дальнѣйшій фазисъ наблюденія выражается въ слѣдующихъ словахъ названнаго ученаго: «полуоцѣпенѣлый гипербореецъ, свирѣпый воинъ-охотникъ внутреннихъ лѣсовъ, отяжелѣвшій, вялый обитатель тропической полосы, умственно развитой мексиканецъ плоскогорья — всѣ они представляютъ различія въ единствѣ американской расы: съ другой стороны, островное положеніе американскихъ народовъ и общіе признаки, свойственные особымъ физическимъ условіямъ, не могли не вызвать извѣстнаго единства въ ихъ разнообразіи» («The Native Races of the Pacific States», I, 22—23). Другой американскій ученый, эволюционистъ и историкъ культуры Дж. Фискъ, въ сочиненіи «The Discovery of America», высказываетъ, какъ результатъ непосредственнаго наблюденія, что «алгонкинъ отличается отъ прокеза приблизительно такъ же, какъ англичанинъ отъ француза. Мы имѣемъ полное право утверждать, что мексиканцы, встрѣчен-

¹⁾ По указанію Эльфинстона, приводимому Дарвиномъ, европеецъ, впервые пріѣхавшій въ Индію, сначала не можетъ различить одну отъ другой различныя туземныя расы, но вскорѣ онъ уже кажется ему несомнѣнно похожими другъ на друга; точно также и индусъ не можетъ замѣтить сразу различія между многими европейскими народами.

ные Кортесомъ, отличались въ расовомъ отношеніи отъ ирокезовъ, встрѣченныхъ Шампленомъ, въ такой же степени, въ какой англичанинъ отличается отъ албанца или черногорца. Но, противопоставляя американскихъ туземцевъ людямъ бѣлой или желтой расы, будетъ вполнѣ правильно, если мы скажемъ, что мексиканцы и ирокезы принадлежатъ къ одной и той же великой красной расѣ» (Fisk, op. cit., I, 22).

Чѣмъ изученіе населенія Америки становилось детальнѣе и научнѣе, тѣмъ болѣе открывалось въ немъ различій. Дорбиньи признавалъ въ Америкѣ нѣсколько расъ или разновидностей и въ одной Южной Америкѣ насчитывалъ три отдѣльных расы. Археологическія раскопки указали, что въ Бразиліи, въ Лаплатѣ, въ Средней и Сѣверной Америкѣ въ постпліоценовую эпоху жилъ челоѣкъ съ долихоцефальнымъ черепомъ, и уже позднѣе къ нему присоединился короткоголовый типъ. Антропометрія открываетъ въ Америкѣ не только два основныхъ черепныхъ типа, длинноголовый и короткоголовый, но и самые разнообразные переходы между крайними формами обонхъ типовъ. По Кольману, въ Америкѣ можно наблюдать колебанія черепнаго указателя въ предѣлахъ между 93 и 63, т. е. почти крайнихъ границъ обѣихъ формъ. Въ виду такого результата, Дэвисъ долженъ былъ заключить, что «съ точки зрѣнія классифицирующей антропологии, въ Америкѣ не замѣчается единства расы» (Ratzel, op. cit., II, 545). Еще болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, Вайцъ, въ III томѣ своей «Антропологии дикихъ народовъ», признавая, что туземцы Америки «отличаются отъ всѣхъ прочихъ народовъ земнаго шара и походятъ другъ на друга въ существенныхъ особенностяхъ», въ то же время находилъ невозможнымъ дать общую характеристику ихъ, такъ какъ «различія между ними слишкомъ велики» (op. c., 46). Сходныя черты онъ могъ отмѣтить только «въ выраженіи лица и его очертаніяхъ (контурахъ), строеніи волосъ и цвѣтѣ кожи (съ извѣстными ограниченіями)» (ib.) Поэтому онъ не допускалъ, чтобы можно было говорить объ одномъ типическомъ американскомъ черепѣ, какъ этого требовалъ Мортонъ, и высказывалъ категорическое мнѣніе, что, по отношенію къ формѣ черепа, не можетъ быть рѣчи объ единствѣ американской расы. (ib.). Почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, Фр. Мюллеръ, въ своей «Всеобщей этнографіи», обсуждая мнѣніе Пиккеринга о заселеніи Америки двумя расами, вышедшими изъ Азіи (монгольской и малайской), говоритъ, что гипотезой о переселеніи двухъ расъ не можетъ быть объяснено

«многообразіе, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ этнологическомъ отношеніи, замѣчаемое между народами Америки». По его воззрѣнію, эти «многочисленные различія исходятъ, съ одной стороны, изъ того факта, что эта раса занимаетъ область распространенія, растянувшуюся по географической широтѣ, а съ другой, изъ того обстоятельства, что она давно уже отдѣлилась отъ континентальной расы» (Allg. Ethnogr., 248). Ратцель, писавшій уже во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, поддерживая съ своей стороны мнѣніе относительно единства американской расы, прибавляетъ, что «новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ это единство не во всѣхъ признакахъ и въ особенности не въ формахъ черепа» (544). Изъ антропологовъ позднѣйшаго времени, Эренрейхъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Съ вопросомъ о происхожденіи американской расы связанъ столь же праздный вопросъ объ ея единствѣ или множественности. Писатели прежняго времени указывали физическое однообразіе американцевъ и потому отмѣчали единство этой расы. Но въ новѣйшее время все болѣе и болѣе подтверждаются неоспоримыя большія различія типовъ. Вирховъ приходитъ къ заключенію, что «слѣдуетъ окончательно отказаться отъ построенія общаго типа американскихъ туземцевъ», хотя и нельзя согласиться съ его мнѣніемъ, будто и они «смѣшаны изъ нѣсколькихъ первичныхъ расъ», такъ какъ различіе типа вовсе не означаетъ различія расъ. И Бринтонъ отмѣчаетъ большое разнообразіе типовъ, но крайности ихъ находить не больше, чѣмъ у бѣлыхъ» (op. cit., 42).

Ратцель признается, что, подобно принцу Максимилиану Видскому, каждый изслѣдователь, стараясь обобщить различія цвѣта кожи между американцами, затруднился бы сказать, что такое «краснокожій», что чѣмъ глубже становятся изысканія, тѣмъ болѣе открывается мѣстныхъ и индивидуальныхъ измѣненій. Именно, цвѣтъ кожи нельзя согласовать съ мѣстомъ обитанія: еще Гумбольдтъ отмѣтилъ, что мексиканцы темнѣе многихъ племенъ Ю. Америки, а племена южнаго берега Флориды темнѣе и выше ростомъ, чѣмъ сѣверныя племена, и пичунчи сѣверо-западныхъ Кордильеръ темнѣе своихъ сосѣдей арауканцевъ. Эти различія не могутъ быть объяснены однимъ вліяніемъ климата, такъ какъ при этомъ вліяніи патагонцы не были бы темнѣе туземцевъ Чако и Парагвая, и различные племена тинне и атабасковъ, какъ свидѣтельствуешь Петито, не различались бы между собою по цвѣту (548). Такія же трудно объяснимыя различія мы видимъ и въ ростѣ отдѣльныхъ племенъ

и народностей Америки; малорослость пурисовъ и галлибисовъ приходится считать «племеннымъ признакомъ», такъ же, какъ и высокій ростъ патагонцевъ. Безъ сомнѣнія, образъ жизни оказываетъ свое дѣйствіе, какъ, напр., на строеніе кечуасовъ, что было отмѣчено еще Дорбиньи, но Ратцель замѣчаетъ, что вліяніе разрѣженнаго воздуха, которымъ французскій путешественникъ объяснялъ увеличеніе грудной кѣтки кечуасовъ, не можетъ имѣть мѣста для баранкильсовъ. Неоспоримое вліяніе оказываетъ обычное положеніе тѣла у нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ племенъ и у огнеземельцевъ, отличающихся сравнительно большимъ развитіемъ верхней части тѣла и верхнихъ конечностей, что можетъ быть приписано ихъ постоянному пребыванію въ лодкахъ. Но, за исключеніемъ этихъ немногихъ случаевъ, когда можно указать естественныя причины измѣненій, Ратцель не можетъ найти объясненія особенностей тѣхъ или другихъ племенъ и только отмѣчаетъ ихъ, какъ «племенные признаки».

Любопытно, что въ двадцать пять лѣтъ, которыя отдѣляютъ появленіе перваго изданія «Народовѣдѣнія» Ратцеля отъ «Антропологін» Вайца, этнологія почти не двинулась впередъ въ смыслѣ объясненія этихъ племенныхъ различій. Уже Вайцъ отмѣчаетъ подобные факты, оставляя ихъ безъ объясненія. Онъ указываетъ, слѣдуя Гёнтеру, что племя Риккара (принадлежащее къ этнической группѣ паунисовъ), племена Манданъ (причисляемое къ народности Дакота или Сіу) и Кикапу (принадлежащее къ народности алгонкиновъ), меньше ростомъ, чѣмъ поттаватомисы (изъ тѣхъ же алгонкиновъ, но живущіе сѣвернѣе) и др. Онъ приводитъ и другіе примѣры отличій отдѣльныхъ племенъ по росту, цвѣту кожи, волосъ и т. п. Такъ, у чипевеевъ, принадлежащихъ къ народности тинне или атабасковъ, — волосы почти чернаго цвѣта, но одно изъ атабаскскихъ племенъ, обитающее въ Скалистыхъ горахъ, отличается, при такомъ же цвѣтѣ волосъ, сѣрыми глазами. Тѣ же чипивенъ Гудзонова залива обладаютъ иногда густыми бородами и носами не дугообразными или выдающимися, а приплюснутыми на концѣ. Оджибвеи (принадлежащіе къ алгонкинамъ) отличаются хорошо развитымъ лбомъ, высокимъ ростомъ и худобой, утолщенными колѣбнями и щиколотками и отсутствіемъ орлиныхъ носовъ, свойственныхъ всего болѣе племени Миссури (изъ сіусовъ или дакотовъ) и т. д., и т. д. Вайцъ приводитъ еще болѣе важное показаніе наблюдателя-практика, которому племенные отличія извѣстны лучше, чѣмъ временнымъ, постороннимъ наблюдателямъ: это — показаніе индѣйца изъ

племени Поттаватоми, который говорилъ Китингу, что индѣйцы съ перваго взгляда распознають каждое племя; лицо, фигура, цвѣтъ кожи, ноги, колѣни и ступни (слѣдъ) служатъ для нихъ опредѣленными примѣтами племени (Waitz, «Antrop. d. Naturvölk.», III, 52). Это драгоценное показаніе, записанное Китингомъ и повторенное Вайцемъ, составляющее результатъ самаго тщательнаго наблюденія, вызваннаго потребностями жизни, необходимою отличать друзей отъ враговъ, не остановило, однако, на себѣ вниманія этнографовъ, которые въ послѣднее время болѣе занимались сходствами, чѣмъ различіями человѣческихъ группъ.

Чтобы отмѣтить и оцѣнить эти различія, необходимо гораздо болѣе детальное и точное изученіе племенъ, нежели то, какое до сихъ поръ выпадало на ихъ долю. Въ иномъ свѣтѣ, а именно въ видѣ группъ самостоятельныхъ, не только въ общественномъ, но и въ антропологическомъ, и въ этнологическомъ смыслѣ, они являются намъ, если мы останавливаемся на каждомъ изъ нихъ и изслѣдуемъ его отличительные признаки.

Обращаясь къ племенамъ С. Америки, мы должны отдать справедливость американскимъ этнографамъ, которые уже много потрудились для изслѣдованія туземнаго населенія. Среди ихъ работъ мы находимъ капитальный трудъ Бэнкрофта «The Native Races of the Pacific States of North-America», представляющій сводъ старой и новой литературы по этнографіи Сѣверной Америки, значительно облегчающій нашу задачу.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ группы тинне или атабасковъ¹⁾. Бэнкрофтъ дѣлитъ ее на четыре племени²⁾, чипивеевъ или собственно атабасковъ, живущихъ между Гудзоновымъ заливомъ и Скалистыми горами, такуллиевъ Новой Каледоніи и сѣверозападной части Британской Америки, кутчиновъ, занимающихъ оба берега верхяго Юкона и его притоковъ, почти отъ устья его до рѣки Мэкензи, и кепайцевъ, обитающихъ между нижнимъ Юкономъ и Мѣдной рѣкой³⁾.

¹⁾ Бэнкрофтъ, такъ же, какъ и другіе американскіе этнографы, причисляетъ атабасковъ къ своей гиперборейской расѣ, наряду съ эскимосами, конягами, алеутами и тлинкитами, что можетъ свидѣтельствовать о неустановленности этнографическихъ дѣленій, такъ какъ атабаски другими этнографами (Вайцемъ, Фр. Мюллеромъ и др.) причисляются къ индѣйской или краснокожей расѣ.

²⁾ Онъ называетъ ихъ „семействами націй“ („families of nations“), что можетъ служить лишнимъ примѣромъ неопредѣленности этнологической терминологіи.

³⁾ Кенайцевъ Фр. Мюллеръ выдѣляетъ въ особую народность; то же дѣлаетъ и Вайць, хотя и рассматриваетъ ихъ вмѣстѣ съ атабасками.

Въ обширной и скудной территоріи, какова «Велпкая пустынная страна» (Great Lone Land), занимаемая атабасками, племена послѣднихъ должны были дробиться и селиться далеко другъ отъ друга. Первоначальное племя атабасковъ или чипивеи дѣлятся на собственно чипивеевъ, обитающихъ между Атабасскимъ и Большимъ Невольничьимъ озерами и рѣкою Чёрчиль, Сѣверныхъ индѣйцевъ, живущихъ на западномъ берегу Гудзонова залива, Мѣдныхъ индѣйцевъ на р. Мѣдной руды, Бобровыхъ, обитающихъ западнѣе, Крѣпкіе луки, Собачьи ребра, Зайчьихъ, Желтые ножи и др. ¹⁾. Очевидно, они раздѣлились на эти группы тогда уже, когда болѣе или менѣе установился и обособился чипивейскій типъ, который, согласно Франклину, Гирпу, Россу, Мартину и др. путешественникамъ и изслѣдователямъ, Бэнкрофтъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «чипивеи характеризуются въ физическомъ отношеніи длиннымъ, полнымъ лицомъ, высокимъ, стройнымъ сложеніемъ, цвѣтомъ кожи, болѣе темнымъ, чѣмъ у береговыхъ племенъ, маленькими, пронизывающими черными глазами, длинными волосами и татуировкой щекъ и лба» (ор. с., 117); у женщинъ этотъ типъ производитъ непріятное, почти отталкивающее впечатлѣніе. Хотя такой признакъ, какъ «длинное и полное лицо» не можетъ считаться вполне опредѣленнымъ въ антропологическомъ смыслѣ, но ростъ и цвѣтъ указываются съ достаточной точностью и прямо могутъ быть названы племеннымъ признакомъ чипивеевъ. Такулліи, повидимому, менѣе обособились; Бэнкрофтъ находитъ сказать объ ихъ физическихъ признакахъ лишь одно, что мужчины у нихъ сложены лучше женщинъ, которыя отличаются низкимъ ростомъ, толщиной и непропорціональною шириною нижнихъ конечностей; онъ замѣчаетъ еще, что отдѣльныя подраздѣленія такулліевъ называются по именамъ деревень, гдѣ они живутъ, т. е. другими словами, они не имѣютъ даже опредѣленныхъ родовыхъ названій. Для объясненія этой неопредѣленности типа и группировки такулліевъ, можно прибавить, что помѣщеніе ихъ въ отдѣльную группу наряду съ чипивеями, кутчинами и кенайцами кажется намъ достаточно произвольнымъ; европейскіе этнографы (Фр. Мюллеръ и др.) не выдѣляютъ ихъ изъ числа второстепенныхъ или производныхъ племенъ.

К. М. Бэръ, въ своихъ „Stat. u. Ethnogr. Nachr. üb die Russ. Besitz an d. NW—Küste von America“, находитъ въ нихъ признаки американской расы, рѣзко отличающіе ихъ отъ эскимосовъ.

¹⁾ Судя по этимъ названіямъ, отмѣчающимъ тотемы, указанныя подраздѣленія чипивеевъ можно считать родами.

Кутчины, напротивъ, обладаютъ такою же этническою индивидуальностью, какъ и чипевей. Они красивѣ своихъ сосѣдей, отличаясь, съ европейской точки зрѣнія, болѣе правильными, открытыми лицами, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые живутъ на р. Юконѣ. И цвѣтомъ кожи они отличаются отъ сосѣдей, будучи свѣтлѣ ихъ. Нѣкоторыя изъ ихъ подраздѣленій, которыхъ насчитывается до 32, ¹⁾ начинаютъ пріобрѣтать особыя, племенные черты. Мы уже говорили о кутчинахъ береговъ Юкона. Тенанъ-кутчины, живущіе на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, на Тананахъ, называющіе себя «народомъ горъ», извѣстны болѣе дикимъ и свирѣпымъ выраженіемъ лица. Напротивъ, кутчины на р. Пиль казались путешественникамъ «атлетической и красивой расой»; ростъ ихъ превосходить 6 футовъ, и они замѣчательны соразмѣрностью сложенія (Избистеръ, цитир. Бэнкрофтомъ, 128).

Мы должны довольствоваться пока бѣглыми указаніями, отмѣтками впечатлѣній путешественниковъ, потому что не имѣемъ еще точныхъ антропологическихъ изслѣдованій племени атабасковъ. Впрочемъ, описанія путешественниковъ составляютъ до сихъ поръ главный матеріалъ этнологіи; при различной компетентности наблюдателей, это — матеріалъ неравнаго достоинства. Но этнологъ долженъ сопоставлять и провѣрять эти указанія одно другимъ, не пренебрегая ни однимъ изъ нихъ. Они имѣютъ для него уже то значеніе, что онъ можетъ пользоваться ими на всемъ протяженіи народоописательной литературы. Въ нашемъ случаѣ, приведенныя выше отмѣтки показываютъ, что между племенами атабасковъ существуютъ различія, сразу бросающіяся въ глаза. Въ чемъ же можетъ заключаться причина этихъ различій? Въ подобныхъ случаяхъ въ другихъ частяхъ свѣта этнологи ищутъ ее въ примѣсахъ чуждыхъ расовыхъ элементовъ. Но едвали такое предположеніе уместно относительно атабасковъ. Предполагать примѣсь бѣлой расы можно только въ самой незначительной степени и то лишь по отношенію

¹⁾ Бэнкрофтъ сообщаетъ любопытныя подробности о „кастахъ“ у кутчиновъ, члены которыхъ не могутъ вступать въ бракъ въ своей средѣ: эти касты называются „Читчихи“ (Chitcheah), „Тенгратсей“ (Tengratsey) и „Натсахи“ (Natsahi) и занимаютъ особыя территории, причемъ касты не совпадаютъ съ племенами. Принадлежность къ той или другой кастѣ наследуется отъ матери. Если Бэнкрофтъ не ошибается и не смѣшиваетъ кастъ съ родами, если эти три касты повторяются въ различныхъ группахъ кутчиновъ, то въ нихъ можно видѣть нѣчто вродѣ подобныхъ же дѣленій у австралийцевъ. Кэрби (въ *Smithson. Rep.* 1864, p. 418) указываетъ, что, кромѣ родовыхъ дѣленій, у нихъ существуютъ общественно-экономическія подраздѣленія, соответствующія общественнымъ классамъ культурныхъ націй.

къ кутчинамъ, обитающимъ на территоріяхъ бывшей Русской Америки, и чипивеямъ побережья Гудзонова залива. Въ настоящее время нельзя уже говорить и о какихъ-либо таинственныхъ народахъ, обитавшихъ въ Америкѣ въ глубокой древности и оставившихъ свой слѣдъ въ ея нынѣшнемъ населеніи. Мы знаемъ, что два основные типа американскаго населенія, длинноголовый и короткоголовый, имѣютъ и теперь своихъ представителей¹⁾. Болѣе древній, длинноголовый типъ есть, быть можетъ, типъ пещернаго человѣка. общій для Европы и Америки. Бойдъ-Доугинсъ (*Early Man in Britain*, p. 233 и слѣд.) считаетъ вполне возможнымъ допустить, что прямыхъ потомковъ длинноголового пещернаго человѣка обѣихъ названныхъ частей свѣта мы находимъ въ эскимосахъ. Это мнѣніе онъ основываетъ на сходствѣ череповъ, орудій и рисунковъ древнихъ пещерныхъ людей и эскимосовъ, а также и на томъ обстоятельстве, что первые, въ свою очередь, были подарктической расой. Тоже мнѣніе поддерживаетъ и Топинаръ, высказывая, что въ отдаленномъ прошломъ обѣ Америки были обитаемы эскимосообразной расой, похожей на нынѣшнихъ эскимосовъ. Короткоголовая раса, вѣроятно, пришедшая изъ Азіи, отгѣснила одну часть эскимосовъ, оставшуюся чистой, къ крайнему сѣверу, а другую—къ крайнему югу. Первую Топинаръ видитъ въ эскимосахъ Гренландіи, а вторую—въ тегуэльчахъ и пещересахъ. Согласно воззрѣнію Ринка, приводимому Фискомъ (op. cit., 18, прим.), эскимосы обитали сперва въ среднихъ областяхъ С. Америки и отступили или были отгѣснены къ крайнему сѣверу.

Въ виду общаго результата изслѣдованій европейскихъ и американскихъ антропологовъ, допускающихъ въ населеніи Америки только два элемента, эскимосскій и индѣйскій, за исключеніемъ проблематической и, во всякомъ случаѣ, незначительной и недавней примѣси бѣлой расы, мы можемъ говорить, какъ объ основныхъ типахъ атабасковъ, только объ эскимосскомъ и индѣйскомъ. Мы знаемъ, что атабаски живутъ въ непримиримой враждѣ съ эскимосами²⁾, исключаяющей всякое общеніе между тѣми и другими.

¹⁾ Трентонскіе черепа музея Пибоди, описанные Пѣтнемомъ (въ *Proceed. of Americ. Antiquar. Soc.*, 1889, N. S., VI, p. 189) и причисленные имъ къ особому типу, не имѣющему подобнаго себѣ, Эббогъ считаетъ черепами эскимосскаго происхожденія.

²⁾ Франклинъ съ удивленіемъ замѣчалъ мѣры предосторожности, какія употребляли его проводники изъ племени чипивеевъ, когда они очутились въ сосѣдствѣ эскимосовъ на нижнемъ теченіи рѣки Мѣдной руды. Огонь зажигался съ величайшей опасливостью, тропинки, ведущія къ возвышеннымъ мѣстамъ, тщательно избѣгались; предательскій характеръ

Были ли атабаски пришельцами въ страну, которою нѣкогда, въ качествѣ единственныхъ хозяевъ, владѣли эскимосы, и отгѣснили послѣднихъ, или они заняли мѣста, оставленныя эскимосами, приспособившимися къ морской жизни, но разъединеніе между тѣми и другими должно было установиться въ отдаленномъ прошломъ¹⁾. Отчужденіе эскимосовъ отъ атабасковъ исключаетъ возможность предположенія, что послѣдніе обязаны своими признаками, сближающими ихъ въ глазахъ нѣкоторыхъ этнологовъ съ гиперборейской расой, скрещиванію съ эскимосами. Для объясненія наличности этихъ признаковъ, остается другое предположеніе, а именно, что атабаски обязаны ими тѣмъ же причинамъ, которыя позволяютъ объединять народности различнаго происхожденія (короткоголовыя и длинноголовыя) въ одну гиперборейскую или полярную расу. Эти причины всего ближе можно видѣть въ однообразныхъ условіяхъ среды и вызываемой ими одинаковости образа жизни. Но атабаски, обнаруживая нѣкоторыя характерныя признаки гиперборейцевъ, въ тоже время остаются индѣйцами на столько, что большинство этнологовъ, не колеблясь, относятъ ихъ къ числу индѣйскихъ народностей С. Америки. Повидимому, въ атабаскахъ первоначальный типъ потерпѣлъ двоякое измѣненіе: одно, общее для всѣхъ индѣйцевъ Америки, пріобрѣтшихъ особенности, отличающія ихъ отъ азиатскихъ родичей, и другое, общее для всѣхъ обитателей крайняго сѣвера. Возможно, что атабаски пріобрѣли индѣйскія черты своего типа въ другой, болѣе южной области и потомъ уже, въ болѣе или менѣе глубокой древности, были отгѣс-

эскимосовъ изображался въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Даже въ преданіяхъ чипивеевъ страна эскимосовъ играетъ роль отдаленнаго острова, куда нѣкоторые изъ индѣйцевъ уводились въ качествѣ невольниковъ и откуда они возвращались лишь чудеснымъ образомъ. Кровавыя воспоминанія сказывались и въ названіяхъ мѣстностей—Киллерсоакъ или „большая рана“, Еркиллерсимавикъ или „мѣсто, гдѣ наносятся раны“, и т. п. (Ratz. *Anthropog.*, II, 78).

¹⁾ По воззрѣнію Ратцеля, народы, живущіе на границахъ эйкумены, отличаются „этнографическомъ однообразіемъ“, которое зависитъ отъ скудости области обитанія, отъ неизбежныхъ далекихъ странствованій, ради поддержанія жизни, и отъ одинаковаго давленія внѣшнихъ тяжелыхъ условій. Вслѣдствіе того, среди такихъ народовъ мы не видимъ внѣдрившихся чуждыхъ элементовъ, какъ это бываетъ въ болѣе плодородныхъ мѣстностяхъ. Къ подобнымъ народамъ могутъ быть причислены эскимосы, тунгусы, якуты, самоѣды, лопари, огнеземельцы, бушмены и пр., удержавшіе за собою мѣста своего обитанія даже и при большемъ распространеніи культуры, а въ прежнія времена стѣснѣвшіе охранить свои границы отъ нарушенія со стороны другихъ народовъ. Ратцель дѣлаетъ еще весьма важное замѣчаніе, что въ человѣческой природѣ, при существованіи извѣстнаго различія, лежитъ стремленіе къ обособленію отъ сосѣдей.

нены болѣе сильными или воинственными народами ¹⁾ къ сѣвернымъ границамъ эйкумены, гдѣ они подверглись влиянію полярныхъ условій и гдѣ мы ихъ видимъ въ настоящее время.

Мы имѣемъ возможность судить объ измѣненіяхъ, которыя претерпѣли атабаски на ихъ новой родинѣ, по сравненію ихъ съ новомексиканскими апачами, причисляемыми лингвистами къ одной группѣ съ ними: между тѣмъ, какъ атабаски отчасти приобрѣли *habitus* полярныхъ народностей, апачи приблизились къ *habitus* у обитателей сухихъ, пустынныхъ областей. Хотя мы не можемъ сказать утвердительно, что переселилось одно только племя настоящихъ атабасковъ или чипивеевъ и уже на новой родинѣ выдѣлило другія племена, но зная, что каждое изъ племенъ выказываетъ влияние новой родины не одинаково, и видя племена расселенными на громадной территоріи ²⁾, при незначительной численности ³⁾, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ видѣть въ изолированности причину, способствовавшую появленію и закрѣпленію отличій между ними. По крайней мѣрѣ, трудно указать другую причину, которая объясняла бы намъ различіе наружности чипивеевъ отъ такуллѣвъ, или различіе въ ростѣ между послѣдними и кутчинами, или, наконецъ, различія въ цвѣтѣ кожи между отдѣльными племенами атабасковъ. Если относительно роста и крѣпости сложенія можно еще пред-

¹⁾ Доказательства того, что атабаски нѣкогда жили въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, можно видѣть, помимо слѣдовъ обширныхъ миграцій индѣйской расы, еще и въ томъ, что они не стоятъ на низшей ступени культурности народовъ Америки. Племена, обитающія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калифорніи, въ долинѣ р. Колумбіи и на берегу Педжетова залива, стоятъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно ниже ихъ. Фискъ, раздѣляющій этотъ взглядъ, съ точки зрѣнія теоріи трехъ культурныхъ состояній (дикости, варварства и цивилизаціи) Моргана, считаетъ атабасковъ въ высшей стадіи дикости, непосредственно предшествующей ступени варварства (op. c., I, 39). Такъ какъ они едва-ли могли сдѣлать этотъ шагъ на своей нынѣшней родинѣ, то всего естественнѣе предположить, что они нѣкогда обитали въ странѣ, болѣе способствующей культурѣ, и оттуда, по той или другой причинѣ, передвинулись въ свою настоящую область.

²⁾ Бэнкрофтъ называетъ тиннэ или атабасковъ „островнымъ народомъ“. отдѣленнымъ отъ Ледовитаго океана узкой полосой земли, заселенной эскимосами, и едва касающимся Тихаго океана (op. c., 116). Область, занимаемая всѣми атабасками, отъ СЗ и ЮВ, имѣетъ въ длину до 4.000 англ. миль (ib. 114). Область кутчиновъ простирается отъ 100 до 150 англ. миль въ ширину и тянется на западъ отъ р. Макензи до устья р. Юкона почти на 800 миль (ib. 115). Границы территоріи чипивеевъ лежатъ между 60° и 65° с. ш. и 100° и 110° з. д. (ib. 144). Такулліи занимаютъ пространство отъ 52°30' до 56° з. д. (ib. 145).

³⁾ Ратцель число индѣйцевъ въ областяхъ прежней Гудзоновской компаніи принимаетъ равнымъ приблизительно 30,000, а въ области р. Атабаски—5—6,000 („Anthropogeogr.“, II, 72).

полагать вліяніе внѣшнихъ условій, то это едва ли возможно по отношенію къ цвѣту кожи, когда идетъ рѣчь объ области р. Юкона, съ одной стороны, а съ другой, р. Мэкензи. Замѣтимъ, что возраженіе, которое намъ можетъ быть сдѣлано на каждомъ шагу относительно невозможности доказать, въ виду миграцій, приобрѣтенія такимъ-то племенемъ своихъ признаковъ на его нынѣшней родинѣ, относится только къ вліянію внѣшнихъ условій, съ которыми мы связываемъ лишь болѣе важные, жизненные признаки. Признаки же второстепенные, которые мы приписываемъ дѣйствию изолированія, не зависятъ отъ перемѣщенія, такъ какъ условія изолированія при родовомъ строѣ охотничьяго населенія всегда остаются одни и тѣ же.

Обращаясь, по порядку расселенія, на побережьи Тихаго океана, къ такъ называемой Колумбійской или Нутка-Колумбійской группѣ Бэнкрофта, мы встрѣчаемъ въ ней два отдѣльныхъ типа, образованіе которыхъ находится въ непосредственной зависимости отъ раздѣляющей ихъ преграды въ видѣ Каскаднаго хребта. Названный хребетъ, какъ извѣстно, только въ южной своей части до р. Фрэзера обладаетъ высотой вершинной линіи до 3.000 метр. и сплошнымъ строеніемъ; далѣе къ сѣверу характеръ его мѣняется: онъ становится ниже и представляетъ большее количество удобныхъ проходовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ вызываетъ замѣтную разницу типа обитателей побережья и междугорья, не состоящую въ прямой зависимости отъ естественнаго богатства обитаемой области. Береговая полоса, простирающаяся на 1.000 англ. миль въ длину и на 150 миль въ ширину, пользуется умѣреннымъ климатомъ, достаточно орошена и густо покрыта лѣсомъ, богатымъ дичью; море и рѣка здѣсь изобилуютъ рыбой, и плодородная почва производитъ во множествѣ съѣдобные коренья и ягоды. Повидимому, здѣсь сосредоточены всѣ условія для самаго благопріятнаго физическаго развитія обитателей. По ту сторону Каскаднаго хребта уже преобладаютъ травянистыя, безлѣсныя плоскогорья, мѣстами переходящія въ пустыни, и климатъ становится болѣе рѣзкимъ. Между тѣмъ, обитатели этой послѣдней полосы выгодно отличаются по своему типу отъ жителей побережья. И Скоулеръ дѣлитъ племена сѣверо-западной Америки на двѣ группы — островныхъ племенъ, живущихъ на островахъ и прилегающемъ къ нимъ побережьи, и материковыхъ, обитающихъ внутри страны; первыя кормятся одной рыбной ловлей, а вторыя, кромѣ рыбной ловли, еще и охотой. (Journ. of Lond. Geogr. Soc., VI, 217). Различія въ подобныхъ случаяхъ

оказываются въ пользу охотничьихъ племенъ, какъ болѣе энергичныхъ и подвижныхъ, но, какъ мы увидимъ, эти различія всегда распределяются по племенамъ и притомъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ.

Банкрофтъ устанавливаетъ слѣдующія народности Колумбійской группы—1) островныя и береговыя¹⁾: гайдахи или гайды, занимающіе острова королевы Шарлоты и прилегающій къ нимъ берегъ материка миль на сто внутрь его, нутки, живущіе на островѣ Ванкувера и мелкихъ островкахъ около него, индѣйцы Пѣджетова залива, обитающіе въ области рѣкъ, впадающихъ въ названный заливъ и на ближайшихъ къ нему берегахъ океана, и чинукки, заселяющіе берега р. Колумбіи отъ ущелья Доллеса до моря, и 2) внутреннія: шувшавы, салиши, сагапины и шошоны²⁾, живущіе между Каскадными и Скалистыми горами. Какъ признаетъ самъ Банкрофтъ, эти названія болѣе географическія, чѣмъ этнологическія; съ одной стороны, между наиболѣе различающимися приморскими и материковыми народностями трудно провести рѣзкую этнологическую границу,—настолько они сливаются между собою нѣкоторыми признаками; съ другой, достаточно рѣзкія различія замѣчаются между племенами одной и той же народности.

Гайдахи, называющіеся такъ по имени господствующаго племени, живущаго на островахъ королевы Шарлоты, описываются изслѣдователями, какъ рослые, хорошо сложенные люди, красивыя даже съ европейской точки зрѣнія. Скоулеру они казались производящими наилучшее впечатлѣніе своей наружностью (*best looking*) и наиболѣе сильною (*energetic*) народностью на Сѣверо-западномъ

¹⁾ Хотя названныя народности въ большей степени, чѣмъ атабаски, подвергались соприкосновенію съ европейцами, такъ какъ и р. Колумбія, и заливъ Нутка, на западномъ берегу Ванкуверова острова, были средоточіемъ европейскихъ поселеній на западномъ берегу Америки, но вліяніе европейской примѣсы не было на столько значительнымъ, чтобы измѣнить типъ даже береговыхъ племенъ. Вообще говорить о вліяніи иного расоваго элемента съ достаточною основательностью слѣдуетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно проявляется въ ясно выраженной метисаціи. Мы знаемъ до какихъ размѣровъ достигаетъ метисація въ Америкѣ (до 1/2 въ населеніи Мексики и Ю. Америки, по исчисленію Катрфажа (*Un. de l'esp. hum.*, 196), знаемъ американскихъ метисовъ и бѣлой, и черной расы, которые всегда обнаруживаютъ общія, типичныя отличія отъ элементовъ, сливающихся въ нихъ. Въ виду того, едва-ли возможно приписывать какой-нибудь отдѣльный признакъ, напр., свѣтлый цвѣтъ кожи, вліянію скрещиванія съ бѣлой расой.

²⁾ Банкрофтъ прибавляетъ еще къ этому списку кутенаевъ и окангановъ; но ихъ едва ли возможно ставить на одну ступень съ упомянутыми народностями, такъ какъ это—скорѣе племена, чѣмъ народности. Въ своемъ дальнѣйшимъ изложеніи (251), Банкрофтъ самъ приводитъ ихъ въ числъ племенъ, образуящихъ шувшавскую народность.

берегу (op. cit., 218). Спроатъ считалъ гайдаховъ самыми красивыми изъ всѣхъ индѣйцевъ Америки. Ванкуверъ, Ридъ и Мейнгъ отмѣтили болѣе высокій ростъ и крѣпкое сложеніе гайдаховъ въ сравненіи съ народностями, обитающими къ югу отъ нихъ. Но это физическое развитіе достигаетъ не одинаковой степени у различныхъ племенъ. Такъ, племя Нассъ, самое сѣверное изъ материковыхъ племенъ гайдахской народности, описывалось, какъ «особенно рослое и сильное». И вообще, сѣверныя племена гайдаховъ имѣютъ преимущества надъ южными. Это можно услышать не только о кайганисахъ и нассахъ, но и о себассахъ, и о чимсіэнахъ, въ сравненіи, напримѣръ, съ гайльцами, которыхъ Скоулеръ называетъ «болѣе женственными» (effeminate) (I. c., 219—223). То же различіе отмѣчаютъ и Деннъ, и Барретъ-Леннардъ. Какъ признаки, общія для всѣхъ племенъ этой народности, Бэнкрофтъ приводитъ широкія лица съ выдавшимися скулами, маленькіе глаза; по большей части, черные, хотя встрѣчаются и каріе, и сѣрые, свѣтлую окраску кожи съ нѣрѣдкими случаями альбинизма, волосы черные и жесткіе, а иногда каштановые и мягкіе. Бэнкрофтъ не указываетъ, чтобы эти различія распредѣлялись по племенамъ, но онъ сообщаетъ намъ весьма важное указаніе Лорда, что среди гайдаховъ на островахъ королевы Шарлоты существуетъ племя съ жесткими, красноватыми волосами, свѣтло-карими близорукими глазами и особенно свѣлымъ цвѣтомъ кожи (Lord, «The Naturalist in Vancouver Island and British Columbia», II, 229—230). Путешественники (Ванкуверъ), Макензи, Пуль, Спроатъ, Скоулеръ и др.) сходятся въ опредѣленіи свѣтлаго цвѣта кожи гайдаховъ, отличающаго ихъ отъ сосѣднихъ народностей¹⁾. Общимъ признакомъ гайдаховъ, наравнѣ съ другими рыболовными народами, служатъ утолщенныя и искривленныя ноги.

Вторую народность колумбійцевъ Бэнкрофтъ, какъ мы уже видѣли выше, обозначаетъ общимъ географическимъ именемъ Нутка,

¹⁾ Ванкуверъ, въ своемъ „Путешествіи“, изданномъ почти сто лѣтъ тому назадъ, когда вліяніе бѣлой расы и въ смыслѣ скрещиванія, и въ смыслѣ выражающаго дѣйствія было несомнѣнно меньше, говоритъ, что „если бы не грязь, жиръ и краска, которыми гайдахи, съ самаго дѣтства, обмазываютъ себя съ ногъ до головы, цвѣтъ ихъ кожи немногимъ-бы отличался отъ цвѣта земледѣльческаго населенія Европы, постоянно подвергающагося суровости и измѣнчивости погоды“ (II, 263). Въ новѣйшее время, Пуль въ своемъ описаніи „Острововъ Королевы Шарлотты“, говоритъ, что „отмытая отъ краски кожа гайдаховъ столь же свѣтла, какъ у народовъ Южной Европы (op. c., 314), а Спроатъ цвѣтъ лица молодыхъ женщинъ гайдахской народности находилъ столь-же чистымъ и бѣлымъ, какъ у англичанокъ (Scenes and Studies of Savage life“, 24).

причисляя къ ней обитателей Ванкуверова острова и береговой полосы между 52° и 49° с. ш. Онъ насчитываетъ 14 племень народности Нутка, не давая отдѣльныхъ описаній ихъ. Но Спроатъ (ор. с., 19—19) отличаетъ на одномъ Ванкуверовомъ островѣ четыре племени (кваколлин, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, ковигчены, на востокѣ и югѣ, аты ¹⁾, на западѣ и комуксы также на восточномъ берегу). Поясняя, что они, «почти столько же различаются одно отъ другого, сколько народы Европы», онъ прибавляетъ, что они не находятся въ союзѣ между собою, и принадлежность ихъ къ одной народности слѣдуетъ лишь изъ факта пограничности ихъ территорій и нѣкоторой общности языка и вѣрованій. Мейнъ, въ своемъ описаніи Ванкуверова острова, подтверждаетъ дѣленіе Спроата на четыре самостоятельныя этническія группы указаніемъ четырехъ отдѣльныхъ нарѣчій. Грантъ, давая для двухъ племень иныя названія, также указываетъ четыре главныя нарѣчія, различающіяся между собою въ отношеніи звука, образованія словъ и оборотовъ» (*Journ. of the Lond. Geogr. Soc.*, XXVII, p. 295). Въ общей характеристикѣ типа народности Нутка, какую даетъ Бэнкрофтъ, замѣчаются довольно рѣзкія отличія отъ гайдаховъ—болѣе низкій ростъ при болѣе крѣпкомъ сложеніи и болѣе темная окраска кожи (съ оттѣнкомъ мѣднаго цвѣта). Общими у нутковъ и гайдаховъ остаются широкія, кругловатая лица съ выдающимися скулами и короткія, искривленныя нижнія конечности. Но, повидимому, носы у нутковъ болѣе плоски, чѣмъ у гайдаховъ; по крайней мѣрѣ, въ описаніи первыхъ мы чаще встрѣчаемъ упоминанія о плоскихъ носахъ съ широкими ноздрями.

Вполнѣ искусственно объединяетъ Бэнкрофтъ племена территоріи Вашингтона къ западу отъ Каскаднаго хребта, называя ихъ общимъ именемъ «индѣйцевъ залива» (Пѣджетова) («Sound Indians»). Тѣмъ не менѣе, онъ даетъ общую характеристику ихъ, указывая у нихъ много сходныхъ чертъ съ нутками. На ряду съ этимъ сходствомъ открываются и различія между отдѣльными племенами; такъ, Кольмэнъ и Стивенсъ, цитируемые Бэнкрофтомъ (210), свидѣтельствуютъ, что нуксеки совершенно отличны (are entirely distinct) отъ луммисовъ. Хотя это отличіе и названными, и др.

¹⁾ Среди атовъ названный ученый находилъ подраздѣленія. „отчасти различающіяся между собою по чертамъ лица (физиономіи)“. Различіе физиономіи между племенемъ питинатовъ и племенемъ нутковъ, обитающихъ, и то, и другое, на западномъ берегу Ванкуверова острова, обратило на себя вниманіе испанскаго писателя Сутиль-и-Мехикана, цитируемаго Бэнкрофтомъ (ор. с., 178).

писателями объясняется тѣмъ, что луммисы отдѣлились отъ клалламовъ, живущихъ по ту сторону залива, но для насъ имѣетъ важность, что они такъ замѣтно сохранили свое отличіе. Изъ этой общей характеристики мы видимъ въ то же время, что индѣйцы Пѣджетова залива отличаются отъ нутковъ болѣе темной окраской и формой носа, который описывается у нихъ, какъ «выдающійся, римскаго и орлинаго типа» (Walcroft, *op. cit.*, 210). Хотя Пешель и считаетъ эту форму носа у американскихъ туземцевъ не «расовымъ признакомъ», а «мѣстною особенностью» (*örtlich auftretende Besonderheit*), (*Völkerk.*, 5 Aufl., 407), но, судя по проявленіямъ этого признака у отдѣльныхъ племенъ, его можно считать племеннымъ признакомъ, т. е. зависящимъ отъ неуподобимаго еще для насъ въ данномъ случаѣ вліянія географической провинціи, закрѣпляющагося изолированіемъ.

Чинуки, четвертая народность Колумбійской группы Бэнкрофта, обитающая въ Орегонѣ, на западъ отъ Каскаднаго хребта до горъ Умпква на югъ, изображаются сходными съ нутками, а не съ ближайшими къ нимъ индѣйцами Пѣджетова залива. При общемъ сличеніи всѣхъ трехъ группъ, Бэнкрофтъ открываетъ у нихъ общія черты, но и нѣкоторыя отличія, какъ, напр., особенная монголообразность чинуковъ, обладающихъ «широкими, круглыми лицами, плоскими и толстыми (*flat and fat*) носами съ широкими ноздрями и косо поставленными глазами, съ приподнятыми наружными углами ихъ» (Wagner, *op. c.*, 225). Такимъ образомъ, у чинуковъ уже не замѣчается орлиныхъ носовъ индѣйцевъ Пѣджетова залива. Чинуки казались Пиккерингу столь несходными по наружности съ индѣйцами Соединенныхъ Штатовъ, отличающимися длинными лицами и орлиными носами, что онъ затруднялся даже признать родство между ними. Еще любопытнѣе, что чинуки, при своей монголообразности, отличаются длинноголовостью. По крайней мѣрѣ, Скоудеръ утверждаетъ, что чинукскій черепъ, даже несплюснутый, длиненъ и узокъ, сжать съ боковъ и клиновиденъ, подобно черепу эскимосовъ (Scouler, *l. c.*, p. 220). Когда мы слышимъ о монгольскомъ типѣ чинуковъ отъ Бэнкрофта, который въ той же книгѣ даетъ подробное описаніе эскимосовъ, то указываемое авторомъ сходство чинуковъ именно съ монголами, а не съ эскимосами, въ связи съ длинноголовостью, не можетъ не останавливать нашего вниманія. Правда, такая общая характеристика, какъ плоскій носъ, косо поставленные глаза, одинаково подходитъ и къ эскимосамъ, которые причисляются къ монгольской расѣ и даже ставятся въ

одну этническую группу со всеми рассмотрѣнными нами народностями побережья Тихаго океана до пролива Фука (Пешель), но это объединеніе не рѣшает нашего вопроса. Мы все таки, при общеупотребительныхъ антропологическихъ приѣмахъ, не находимъ объясненія, почему чинукскій черепъ въ сравненіи съ гайдахскимъ ¹⁾ является длинноголовымъ, такъ же, какъ, съ другой стороны, не можемъ рѣшить, почему у гайдаховъ отсутствуетъ косое положеніе глазъ, что отмѣчаетъ и Пешель (*Völkerkunde*, 400—1). Если относительно чинуковъ мы допустимъ предположеніе, что они принадлежать, вмѣстѣ съ эскимосами, къ длинноголовымъ монголоиднымъ народамъ, то намъ придется искать объясненія для темнаго цвѣта кожи чинуковъ, который у нихъ темнѣе, чѣмъ у всѣхъ описанныхъ выше народностей ²⁾, не говоря уже объ эскимосахъ, почти европейскую бѣлизну кожи которыхъ и отсутствіе въ ней мѣднаго оттѣнка отмѣчаютъ многіе наблюдатели (*Vancoft*, op. c., 45). Кромѣ этихъ общихъ обозначеній, мы имѣемъ опредѣленное указаніе Пиккеринга, что «очевидцы признаютъ болѣе свѣтлымъ цвѣтъ кожи эскимосовъ въ сравненіи съ чинуками». (*Un. St. Expl. Exp.*, IX, 28). Не видя, съ точки зрѣнія устойчивости расовыхъ признаковъ, никакого объясненія образованія монголообразнаго, длинноголоваго и сравнительно темнокожаго типа чинуковъ, мы находимъ это объясненіе лишь въ дѣйствиіи географической провинціи въ связи съ племеннымъ изолированіемъ. Общность мѣстообитанія и образа жизни чинуковъ съ ихъ сѣверными сосѣдями создаютъ общіе признаки тѣхъ и другихъ, какъ, напр., приземистое, плотное сложеніе и искривленныя ноги, но изолированіе даетъ начало особымъ признакамъ. Дѣйствіе этого послѣдняго мы наглядно можемъ прослѣдить у племенъ чинуковъ къ сѣверу и къ югу отъ р. Колумбіи: по свидѣтельству Доменеха, «въ Европѣ трудно найти двѣ націи, столь различныя между собою», какъ тѣ и другія племена. Именно, къ югу отъ р. Колумбіи замѣчаются «длинные лица и тонкія губы», тогда какъ къ сѣверу лица широкія и губы толстыя (*Vancoft*, op. c., 224 примѣч. и 226 прим.). Между тѣмъ, никто изъ изслѣдователей не выдѣляетъ южныя племена въ особую этническую группу: у путе-

¹⁾ Длинноголовость чинуковъ установлена Скоулеромъ изъ сравненія черепа чинуковъ съ черепами чимсиеновъ (гайдахской народности).

²⁾ Бэнкрофтъ, называя его „чуть чуть темнѣе“ (a trifle darker) цвѣта индѣйцевъ Педжетова залива и нутковъ, приводитъ нѣсколько опредѣлений другихъ авторовъ, которые обозначаютъ его „бурымъ съ мѣднымъ оттѣнкомъ“, „свѣтло-оливковымъ“, „свѣтло-мѣднымъ“, „сходнымъ съ цвѣтомъ дубленой кожи“ (ib., 225).

шественниковъ, посѣщавшихъ чинуковъ, замѣчается достаточно полное согласіе относительно принадлежности племенъ ихъ къ одной народности, и границы этой народности устанавливаются Бэнкрофтомъ на основаніи единогласія описаній. Слѣдовательно, въ различіи типа сѣверныхъ и южныхъ племенъ, указываемомъ Доменехомъ, мы можемъ видѣть лишь племенную особенность, выработавшуюся путемъ изолированія.

Народности внутренней части страны (шущвапы, сѣлиши и сагаптины), какъ мы уже упоминали, при худшихъ условіяхъ климата и питанія, тѣмъ не менѣе, въ физическомъ смыслѣ, стоятъ выше описанныхъ береговыхъ колумбійцевъ. По свидѣтельству Гэля, ростомъ и строеніемъ они несомнѣнно превосходятъ послѣднихъ (Un. St. Expl. Exp., VI, 198). Они, какъ указываетъ тотъ же авторъ, отличаются «длинными лицами, смѣлыми чертами лица (bold features), тонкими губами»; скулы ихъ широки, но глаза рѣдко имѣютъ косвенное положеніе; носы имѣютъ часто «орлиную» форму, ростъ средній, а иногда и высокій, нижнія конечности прямыя, кожа гладкая и цвѣтъ ея напоминаетъ цвѣтъ дубленой кожи. Къ этой общей характеристикѣ Бэнкрофтъ прибавляетъ, что цвѣтъ кожи ихъ не темнѣе, чѣмъ у береговыхъ племенъ Колумбійской группы, но содержитъ болѣе мѣднаго оттѣнка. Хотя Бэнкрофтъ и находитъ возможнымъ разсматривать вмѣстѣ шущваповъ, сѣлишей и сагаптиновъ, но и между этими народностями замѣчается не мало различій. Шущвапы, отдѣляемые отъ нутковъ невысокой частью Каскаднаго хребта, замѣтно отличаются отъ послѣднихъ, но въ наибольшей степени это можно сказать объ уединенномъ племени Кутеная, живущемъ у Скалистыхъ горъ по ту сторону верхняго теченія Колумбіи, отличающемся отъ другихъ племенъ той же народности красивой наружностью, съ европейской точки зрѣнія, и болѣе высокимъ ростомъ. Изъ сагаптиновъ племя Nez Percés, живущее въ наибольшемъ отдаленіи отъ другихъ по теченію Клируотера, и кайюзы, самое южное изъ племенъ этой народности, вызываютъ особенныя похвалы своей наружностью. Среди двухъ названныхъ племенъ путешественники восхищались нѣкоторыми фигурами, напоминавшими имъ Аполлона Бельведерскаго, что говорится лишь по поводу особенно красиво сложенныхъ дикарей; другіе любовались ихъ высокимъ ростомъ и атлетическимъ сложеніемъ или овальными, привлекательными лицами (Таунсендъ, Гэрднеръ и Деннъ, цитир. Бэнкрофтомъ, 1. с. 254, 255 и 256, примѣч.). Между тѣмъ, какъ Nez Percés, кайюзы и валлаваллы

описываются, какъ красивые, сильные, могучіе люди, кликетаты изображаются, какъ «малорослые, съ тонкими, сухими членами». Средняя народность, сэлиши, по свидѣтельству американскихъ этнографовъ Уилькса и Гэля, занимають промежуточное положеніе между береговыми и горными племенами: по росту и сложенію, они стоятъ выше чинуковъ, но уступаютъ сагаптинамъ. Такое же распредѣленіе по отдѣльнымъ народностямъ и племенамъ мы видимъ и въ цвѣтѣ кожи. Такъ оканаганы (шушвапской народности) оказываются темнѣе чинуковъ и другихъ береговыхъ индѣйцевъ. Напротивъ, цвѣтъ кожи Nez Percés казался путешественникамъ особенно свѣтлымъ. И между тѣмъ, какъ у береговыхъ народностей, разсмотрѣнныхъ выше, цвѣтъ кожи становился темнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ югу, что, повидимому, свидѣтельствовало въ пользу мнѣнія о потемнѣніи кожи съ приближеніемъ къ экватору, мы слышимъ, что шушвапы, самые сѣверные изъ трехъ внутреннихъ народностей Колумбійской группы, темнѣе многихъ краснокожихъ, и сэлиши темнѣе болѣе южныхъ сагаптиновъ, которые, по описаніямъ, отличаются особенно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи (Вапст., 256, примѣч.). Цвѣтъ кожи здѣсь, очевидно, является племеннымъ признакомъ.

Еще большія различія оказываются между отдѣльными племенами Калифорніи, которыя Бэнкрофтъ можетъ сгруппировать лишь чисто географически, не пытаясь даже связывать ихъ въ народности. Онъ ихъ дѣлитъ на три группы—сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ калифорнійцевъ. Съ своей точки зрѣнія этнографа-классификатора, онъ желалъ бы видѣть болѣе сходства между отдѣльными племенами, но это отчасти удается ему лишь въ сѣверной Калифорніи. Одно изъ сѣверно-калифорнскихъ племенъ, Кламаты легко признать господствующимъ, съ которымъ остальные племена болѣе или менѣе связаны; но въ самыхъ названіяхъ племенъ еще сохраняются указанія ихъ отчужденности и враждебности по отношенію другъ къ другу. Такъ, слово «модокъ», которымъ обозначается племя, сосѣднее съ кламатами, на языкъ слѣдующаго за нимъ, въ порядкѣ географическаго размѣщенія, племени Шаста, значитъ «чуждый, враждебный», что напоминаетъ время, предшествующее союзнымъ отношеніямъ племенъ, когда они были въ постоянной враждѣ между собой. Остатки этой отчужденности замѣчаются и въ названіяхъ, которыми индѣйцы, живущіе при слияніи рр. Кламаты и Сэльмонъ, называютъ безразлично всѣ племена, обитающія выше или ниже ихъ; первыхъ они называютъ общимъ именемъ «Карукъ», а вторыхъ

«Іурукъ»; то же замѣчается у индѣйцевъ, живущихъ при впаденіи р. Тринити въ Кламатъ: всѣ верхнія племена они называютъ «Пе-тсикъ», а нижнія «По-ликъ» (по Джибсу, цитир. Бэнкр., 327, прим.). Съверные калифорнцы казались изслѣдователямъ высшимъ типомъ сравнительно съ центральными и южными племенами. Племена, живущія на рр. Кламатъ и Тринити, по сложенію, мышечному развитію и физической силѣ, можно скорѣе поставить рядомъ съ обитателями Орегона, чѣмъ съ жалкими «копальщиками» (diggers) остальныхъ частей Калифорніи. Путешественнику Келли, индѣйцы на р. Тринити казались «другого племени и другой природы (nature), чѣмъ живущіе по теченію р. Сакраменто». Бэнкрофтъ, обобщая признаки отдѣльныхъ племенъ, указываетъ въ сѣверной Калифорніи явленіе, подобное тому, какое онъ отмѣчаетъ и въ народностяхъ Колумбійской группы, а именно, вырожденіе типа по мѣрѣ приближенія къ берегу, заключающееся въ уменьшеніи роста и потемнѣніи цвѣта кожи, вмѣстѣ съ пониженіемъ въ культурномъ отношеніи (328). Для насъ важно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ уменьшеніе роста правильно идетъ рядомъ съ потемнѣніемъ кожи, при чемъ послѣднее является въ своемъ родѣ признакомъ вырожденія. Однако, и въ описываемой области это правило встрѣчаетъ исключеніе, указываемое Бэнкрофтомъ, въ береговыхъ обитателяхъ, живущихъ по Рогъ-риверу, которые не обнаруживаютъ признаковъ вырожденія, общихъ береговымъ племенамъ; они видимо подчиняются тому закону, въ силу котораго типъ калифорнцевъ оказывается тѣмъ выше, чѣмъ они ближе къ сѣверу.

Съверные калифорнцы представляютъ не мало отличій отъ своихъ описанныхъ выше сосѣдей. Лица у нихъ «широкія, овальныя, грубоватаго или тяжелаго склада (heavily mad), съ незначительно (slightly) выдающимися скулами, довольно правильнымъ и часто прямымъ носомъ и глазами, которые нельзя назвать маленькими и узкими, потому что они производятъ впечатлѣніе смѣлыхъ и блестящихъ» (Bancroft, op. c., 328). Эта общая характеристика къ отдѣльнымъ племенамъ примѣняется съ значительными исключеніями. Особенно красивыми, хорошо развитыми въ физическомъ отношеніи, даже величественными, казались путешественникамъ племена по рр. Кламатъ и Тринити и около горы Шасты. Джибсъ на этихъ рѣкахъ видѣлъ у женщинъ даже «большіе миндалевидные глаза» и, восхищаясь ихъ красотой, описываетъ ихъ правильное сложеніе съ округленными членами и

пр. (Вагс., 329, прим.). Между тѣмъ о южномъ племени Уйотъ (на Ильриверѣ), онъ говоритъ, что они «вообще имѣютъ отгаливающій видъ»; хотя нѣсколько укороченныя туловища и конечности ихъ крѣпки и хорошо развиты, но головы ихъ несоразмѣрно велики. И Бэнкрофтъ отмѣчаетъ, что береговое население около Гумбольдтовой бухты представляетъ признаки, отличающіеся отъ признаковъ упомянутыхъ выше племенъ; именно тамъ лица становятся уже широкими и полными, головы большими съ жесткими, грубыми волосами, сложеніе приземистымъ ¹⁾). Ростъ ихъ также измѣняется, смотря по племенамъ; о самыхъ сѣверныхъ племенахъ мы слышимъ, какъ о «рослыхъ» людяхъ, а о туземцахъ близъ бухты Тринида мы знаемъ, что они «ростомъ меньше другихъ индѣйцевъ» (Ванкуверъ). Тоже можно сказать и о цвѣтѣ кожи, который не всегда соединяется съ извѣстнымъ физическимъ типомъ. Такъ, о только что названныхъ малорослыхъ туземцахъ близъ бухты Тринида, нѣмецкій путешественникъ Мейеръ говоритъ, что ихъ кожа лишь слегка окрашена въ коричневый цвѣтъ, что она даже «скорѣе бѣловатаго цвѣта» (eher weisslich) ²⁾). А потаваты у Гумбольдтовой бухты изображаются, какъ «чернокожіе» (blackskinned); о такой же почти «африканской чернотѣ» говорятъ Поуэръ по поводу «широколицыхъ женщинъ», встрѣченныхъ имъ близъ Крессентъ-сити. Такой темной окраски мы еще не встрѣчали. Она приобретаетъ еще большее значеніе, когда мы видимъ ее спорадически распредѣленною, какъ признакъ отдѣльныхъ племенъ.

Еще большій интересъ представляютъ для насъ обитатели средней Калифорніи, которыхъ никакъ не удастся сгруппировать во сколько нибудь многочисленныя племена; безчисленныя мелкія группы ихъ обнаруживаютъ столь запутанную систему номенклатуры, что, по выраженію Бэнкрофта, «и самъ Эдипъ былъ бы поставленъ въ недоумѣніе». Туземцы средней Калифорніи выказываютъ такія отклоненія отъ наиболѣе распространеннаго типа американскихъ индѣйцевъ, существующаго, по крайней мѣрѣ, въ обобщеніяхъ этнографовъ, что послѣдніе, для объясненія причины

¹⁾ Повидимому, это описаніе относится къ потавамъ.

²⁾ Вообще типъ этого племени, которое Мейеръ называетъ аллекасами или «деревянными индѣйцами» (Holzindianer), отличается своеобразными особенностями. Лобъ у него высокій (тогда какъ у колумбійцевъ онъ покатый или вдавленный), лицевой уголъ около 80°. носъ съ «римской изогнутостью», глаза большіе и интеллигентные, губы не вывороченныя, подбородокъ овальный“ (Nach dem Sacramento“, 215, по Вагс., 329).

этих отклонений, находили необходимымъ прибѣгать къ своей излюбленной гипотезѣ объ иномъ расовомъ происхожденіи среднекалифорнцевъ. Но Бэнкрофтъ благоразумно и справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «чѣмъ болѣе я занимаюсь этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что, за исключеніемъ наиболѣе широкихъ отличій, специфическія классификаціи человѣчества — не что иное, какъ празныя соображенія». Тѣмъ не менѣе, онъ даетъ слѣдующую общую характеристику среднекалифорнцевъ: «ростъ ихъ рѣдко превосходитъ 5 ф. 8 д., а чаще бываетъ 5 ф. 4 д. или 5 д.; сложеніе ихъ, будучи крѣпкимъ, рѣдко можетъ быть названо симметричнымъ. Низкій, покатыи лобъ, черные, глубоко сидящіе глаза, широкія, густыя брови, выдавшіяся скулы, носъ, придавленный у корня и широко раздвинутый у ноздрей, широкий ротъ съ толстыми, выпяченными губами, широкіе, бѣлые, но не всегда правильные зубы и, чаще всего, большія уши, цвѣтъ кожи еще болѣе темный, чѣмъ у племень, обитающихъ къ сѣверу отъ нихъ, часто почти черный, — все это, вмѣстѣ съ матовыми, всклокоченными волосами, дѣлаетъ наружность ихъ весьма некрасивой» (Walcg., op. c., 364) ¹⁾. Уже этотъ общій, отвлеченный типъ достаточно не сходенъ съ сосѣднимъ, только что разсмотрѣннымъ типомъ сѣверной Калифорніи. Онъ охватываетъ множество весьма различныхъ между собою отдѣльныхъ типовъ, у которыхъ и ростъ, и сложеніе, и цвѣтъ кожи распределены въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Мы видимъ это уже изъ описаній отдѣльныхъ племень, которыя приводитъ Бэнкрофтъ. Лапласъ, въ описаніи своего кругосвѣтнаго путешествія, говоритъ объ индѣйцахъ вблизи форта Росса, что они показались ему «красивыми, рослыми, сильными и хорошо сложенными, съ правильными чертами лица, съ орлинымъ носомъ и высокими лбомъ, съ округленными скулами, крупными губами и кожей мѣдно-желтаго цвѣта» ²⁾.

¹⁾ Гэль характеризуетъ среднекалифорнскихъ индѣйцевъ подобными-же признаками— „ротъ очень великъ, носъ широкъ и придавленъ; главное отличие ихъ заключается въ темномъ цвѣтѣ, широкихъ лицахъ и низкомъ лбу“ (Un. St. Expl. Exp., VI, 222). Пиккерингъ отмѣчаетъ у нихъ „большое разнообразіе фізіономій“ (ib., IX, 107). Виммель даетъ слѣдующіе признаки средне-калифорнійцевъ: „кубическая форма черепа, низкій лобъ, широкое лицо съ выдавшимися скулами, скорѣе плоскій носъ и глаза, сжатые у внутренняго угла“.

²⁾ Это описаніе подтверждается описаніемъ тѣхъ-же индѣйцевъ Костромитинова, приводимымъ Баромъ въ упомянутыхъ выше „Statist. u. Ethnogr. Nachrichten“ (81); повторяя тоже, что говоритъ Лапласъ объ ихъ среднемъ, а иногда и высокомъ ростѣ и правильномъ сложеніи, цвѣтъ кожи ихъ Костромитиновъ называетъ „буроватымъ“, „происходящимъ скорѣе отъ загара, чѣмъ врожденнымъ“.

А индѣйцевъ близъ оз. Кляръ Джибсъ называетъ «стоящими на весьма низкой ступени», объясняя, что ихъ лбы сами по себѣ также плоски, какъ сплюснутые черепа чинуковъ, и члены ихъ малы и некрасивы; туземцы около бухты Бодега казались ему «безобразными, съ негрскимъ профилемъ». Тоже повторяетъ и Риверъ, упоминая объ ихъ плоскихъ, «незначительныхъ» чертахъ, широкихъ ртахъ, очень черной кожѣ и длинныхъ, жесткихъ, прямыхъ, черныхъ волосахъ». Подобные же признаки отмѣчаетъ Пфейферъ у туземцевъ долины Сакраменто (низкій ростъ, толстая шея и большая голова, низкій лобъ, плоскій носъ съ широкими ноздрями, узкіе глаза, выдающіяся скулы и широкій ротъ, жесткіе, грубые волосы), но цвѣтъ кожи ихъ онъ опредѣляетъ, какъ «грязный, желтовато-бурый». О туземцахъ вблизи той же мѣстности, но, повидимому, другого племени, Джонсонъ отзывается, какъ о стоящихъ ниже всѣхъ другихъ на материкѣ, хотя и не лишенныхъ мышечной силы; цвѣтъ ихъ кожи онъ называетъ цвѣтомъ «потемнѣвшаго краснаго дерева» или «почти чернымъ». По поводу ихъ «круглыхъ» или квадратныхъ (square) лицъ, онъ прибавляетъ, что черты ихъ приближаются болѣе къ африканскимъ, чѣмъ къ индѣйскимъ. Лаперузъ говоритъ о «маленькихъ и тщедушныхъ людяхъ, по цвѣту кожи похожихъ на негровъ, но безъ ихъ шерстистыхъ волосъ, а съ волосами длинными и жесткими». Доменехъ упоминаетъ о чернотѣ кожи, такой же, какъ у гвинейскихъ негровъ; онъ описываетъ «большія, выдавшіяся впередъ губы, и широкій, плоскій носъ, какъ у эіопскихъ народовъ (les Ethiopiens). Тоже общее сходство съ неграми у женщинъ указываетъ и Коцебу. О туземцахъ у Санта Клары онъ говоритъ, что они «черноватаго цвѣта, съ плоскими лицами и толстыми губами», т. е. также негроподобны. Шамиссо отмѣчаетъ «дикость взгляда и очень темный цвѣтъ кожи». Ванкуверъ останавливается на «дурномъ сложеніи» (ill made) и безобразныхъ лицахъ съ тупымъ, тяжелымъ и бессмысленнымъ выраженіемъ. Бортвикъ у Плассервилля видѣлъ «отталкивающія и жалкія существа, почти черныя и необыкновенно безобразныя». Нплэндъ въ Йосемитской долинѣ описываетъ туземцевъ «очень темными», а женщинъ — «безусловно отвратительными» (hideuses). А французскій путешественникъ Росси, называя калифорнцевъ «почти черными», прибавляетъ, что «расположеніе глазъ и совокупность чертъ (l'ensemble de leur visage) придаютъ имъ замѣтное сходство съ европейцами». И Делано указываетъ, что «береговья племена имѣютъ болѣе азіатскій

типъ« (asiatic cast of countenance), чѣмъ племена, живущія далѣе къ востоку. Съ другой стороны, французскій путешественникъ Шорисъ о племени Чоловина говоритъ, что оно «отличается отъ многихъ другихъ племенъ чертами лица», а именно «довольно пріятной наружностью». Моносы, къ востоку отъ Сьерры-Невады, по указанію Шмидта, — «красивое, стройное племя, достаточно массивное и энергичное». Бичей говоритъ то же о массивности ильчоновъ, а о ростѣ туларовъ (близъ бухты С.-Франциско), что они превышаютъ средній ростъ англичанъ; о цвѣтѣ кожи ихъ онъ прибавляетъ, что этотъ цвѣтъ темнѣе, чѣмъ у островитянъ Тихаго океана, и черты лица, по красотѣ, значительно уступаютъ послѣднимъ. Освальдъ опредѣляетъ цвѣтъ кожи калифорнцевъ «немного свѣтлѣе, чѣмъ у мулатовъ, т. е. гораздо темнѣе, чѣмъ у другихъ индѣйскихъ племенъ». Около бухты Дрѣка, Фрэнсисъ Дрэкъ видѣлъ людей, поражавшихъ его своей силой. Ламсдорфъ изображаетъ туземцевъ у С. Хозѣ «людьми скорѣе выше средняго роста», между тѣмъ Торнтонъ опредѣляетъ ростъ калифорнцевъ, какъ «вообще малый». А Педро Фахесъ говоритъ о туземцахъ вблизи бухты Монтерей, что они «хорошо сложены, но слабы духомъ и тѣломъ». О туземцахъ въ окрестностяхъ С. Мигеля тотъ же путешественникъ объясняетъ, что они «вообще темнаго цвѣта и дурно сложены; исключеніе составляютъ прирѣчные индѣйцы, которые «бѣлы», красивы и съ волосами рыжеватаго оттѣнка». Испанскій писатель Палоу упоминаетъ также о болѣе свѣтломъ цвѣтѣ кожи (mas blanco) и массивности сложенія у туземцевъ близъ бухты Эстеро. Французскій путешественникъ Мофра свидѣтельствуетъ, что калифорнцы рождаются бѣлыми и уже потомъ чернѣютъ. Племена средне-калифорнцевъ различаются между собою и въ отношеніи волосистости лица. Еще Лаперузъ приводилъ наблюденіе миссіонеровъ, что «одни имѣютъ бороду, а у другихъ ея никогда не было». Туземцы, обитающіе на Русской рѣкѣ, по словамъ Джибса, носятъ большіе усы и бороды; растительность слабѣе у нихъ только на щекахъ. Объ усахъ туземцевъ близъ мыса Новаго года (дель Аньо Нуево) рассказываетъ Фахесъ. Форбсъ говоритъ, что у средне-калифорнцевъ борода очень рѣдкая, но иногда можно видѣть у нихъ и густыя, длинныя бороды и т. д. (См. Валсг., оп. с., 364—7, прим.).

При всей скудости и отрывочности этихъ данныхъ, они показываютъ замѣчательное разнообразіе племенныхъ типовъ средней Калифорніи. На пространствѣ ея (между 40°30' и 35° и между

Тихимъ океаномъ и восточною границей области), разсѣяно множество племенъ, которыя, при нѣкоторыхъ чертахъ сходства, представляютъ множество различій. Одни изъ нихъ обладаютъ ростомъ выше средняго, другія прямо называются малорослыми; одни выказываютъ стройное, крѣпкое сложеніе, другіе — неправильное и слабое; одни удивляютъ своей силой, другіе кажутся тщедушными; одни описываются красивыми, другіе — безобразными и отталкивающими; одни выдѣляются свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, другіе доходятъ до черноты негровъ; у однихъ замѣчены были бороды, другіе вовсе ихъ не имѣютъ. Это соединеніе крайне разнообразныхъ типовъ на одной территоріи не можетъ быть объяснено ни примѣсю иныхъ расовыхъ элементовъ, ни передвиженіями калифорнскихъ племенъ. Другой расы, кромѣ американской, мы не можемъ предполагать въ ихъ этнической основѣ. Въ иныхъ областяхъ Америки мы не находимъ племенъ съ такой темной окраской, какъ калифорнцы; слѣдовательно, эту окраску они ни откуда не могли принести съ собой ¹⁾. За исключеніемъ этой послѣдней, отдѣльные признаки средне-калифорнцевъ встрѣчаются, правда, у ихъ болѣе сѣверныхъ сосѣдей, но у первыхъ мы ихъ находимъ часто въ преувеличенномъ видѣ и въ своеобразныхъ сочетаніяхъ. Мы имѣемъ передъ собою фактъ, что племена, весьма не сходныя между собою, живутъ почти рядомъ, и ни однимъ изъ употребительныхъ въ такихъ случаяхъ антропологическимъ приѣмомъ этотъ фактъ объясненъ быть не можетъ, т. е. ни примѣсю въ темныхъ калифорнскихъ типахъ крови какой-либо темной расы, ни образованіемъ этихъ типовъ въ какой-либо другой странѣ. Для насъ этотъ фактъ служить наиболѣе нагляднымъ, убѣдительнымъ примѣромъ дѣйствія изолированія. Въ средне-калифорнцахъ, стоящихъ на низшей культурной ступени, обходящихся почти безъ одежды (по крайней мѣрѣ, лѣтомъ), живущихъ въ теплое время года безъ всякаго крова, а зимою въ норахъ, едва прикрытыхъ древесными вѣтвями, питающихся сырыми кореньями, кузнечиками и желудями, мы видимъ людей пизшаго физическаго и психическаго типа. За отсутствіемъ стимуловъ, благоприятныхъ условій окружающей природы и сношеній съ сосѣдями, они не поднялись выше зачаточнаго культурнаго состоянія. Живя почти безъ одежды и безъ

¹⁾ Единственныя легенды, существующія у калифорнцевъ, указываютъ, что они пришли въ свою страну съ сѣвера, но Вайцъ и эти легенды считаетъ маловѣроятными (W., IV, 238). Нѣкоторыя этнографическія данныя (украшенія на тѣлѣ и орудіяхъ) позволяютъ заключить о давнихъ сношеніяхъ калифорнцевъ съ полинезійцами и эскимосами (ib.).

кровя, питаюсь часто сырой и всегда грубой пищей, они испытывали на себя наибольшее влияние своей естественной среды. В то же время они жили группами, в крайней степени обособленными. Эта крайняя обособленность выражается в отъединности нарѣчій и в отсутствіи племенныхъ союзовъ, которые составляютъ дальнѣйшій шагъ этнической интеграціи. За исключеніемъ, быть можетъ, помосовъ ¹⁾, средне-калифорнцы остаются совокупностью разрозненныхъ племенъ. Въ своей замкнутости они не общались съ сѣдными восточными племенами и относились только враждебно или бояливо къ конягамъ и другимъ народностямъ болѣе сѣвернаго побережья, которыя, какъ мы знаемъ, посѣщали ихъ берега и эксплуатировали водныя богатства послѣднихъ. Обособленность отъединныхъ группъ средне-калифорнцевъ доходила до такой степени, что нѣкоторые изъ ихъ племенъ не имѣютъ собственнаго имени, принимая имена, какія имъ даютъ сосѣди, или называя свою группу по имени начальника,—какъ свидѣлствуютъ Пауерсъ и Бартлеръ (В., 325); слѣдовательно, такія племена не испытывали потребности выйти изъ своей неизвѣстности и оставались внѣ сношеній съ сосѣдами. Встрѣчая у средне-калифорнцевъ своеобразныя сочетанія признаковъ, какіе мы указали выше, и зная объ ихъ обособленности, мы имѣемъ полное основаніе связывать два эти обстоятельства и видѣть въ средне-калифорнцахъ начальныя ступени народообразовательнаго процесса, когда отъединныя группы не смѣшивались и, живя изолированно, вырабатывали извѣстныя физическія особенности. Прибавимъ, что экзогамія, которая, по мнѣнію Морица Вагнера, ограничиваетъ процессъ образованія разновидности въ человѣческихъ группахъ, повидимому, не играла у среднекалифорнцевъ видной роли. Если мы слышимъ (Вагн., *op. cit.*, 88), что около форта Росса кровное родство строго соблюдалось и не позволялось вступать въ бракъ въ первой или во второй степени родства (и то не безъ изыятій), то, съ другой стороны, Полоу и Фарнгамъ, цитируемые Бэнкрофтомъ (389), сообщаютъ, что у пле-

*) Со стр. 145 корректура и редакція предлагаемаго труда за смертью автора прекращается, поэтому слѣдующая часть работы лишена той окончательной авторской шлифовки и обработки, которая была бы очень желательна. *Редакція.*

¹⁾ У нихъ не замѣчается даже и такой степени этнической сплоченности, какъ у сѣверно-калифорнскаго племени кламать, которое говоритъ на одномъ нарѣчій. Помосы на Русской рѣкѣ говорятъ въ своихъ различныхъ племенахъ или родахъ на особыхъ нарѣчійхъ и сохраняютъ общую связь лишь въ названіяхъ ихъ—Балло - Ки - Помосъ, Като - Помосъ и т. д.

мень близъ С.-Франциско и въ другихъ мѣстностяхъ родство не принималось въ расчетъ при заключеніи браковъ. Кромѣ того, Мартъе говоритъ вообще о средне-калифорнцахъ, а Сутиль-и-Мехикана—о племенахъ рунсіеновъ и эсленовъ (эсселеновъ) близъ бухты Монтерей, что у нихъ существуетъ обычай жениться на сестрахъ жены и даже на ея матери, если та можетъ вступить въ бракъ. Такимъ образомъ, у средне-калифорнцевъ мы видимъ всѣ условія для развитія и упроченія типическихъ племенныхъ особенностей—незащищенность отъ вліяній среды и полную изолированность, почти не ограничиваемую экзогаміей. У нихъ мы можемъ видѣть ближе и дѣйствіе изолированія—увеличеніе существующихъ признаковъ и новыя сочетанія ихъ.

Разнообразіе признаковъ въ четырехъ народностяхъ (апахачъ, пуэбло, нижне-калифорнцахъ [туземцахъ полуострова] и сѣверныхъ мексиканцахъ), устанавливаемыхъ Бэнкрофтомъ въ его «ново-мексиканской» группѣ, также кажется уважаемому американскому ученому «любопытнымъ», т. е. заслуживающимъ вниманія. Онъ пытается объяснить ихъ различіемъ пищи. Рослый, здоровый, мускулистый типъ, почти не уступающій бѣлому, образуется, по его мнѣнію, отъ смѣшанной пищи, между тѣмъ, какъ исключительно мясная пища порождаетъ малорослый, сухощавый, безобразный типъ. Но при нынѣшнихъ воззрѣніяхъ науки это объясненіе не можетъ быть допущено, какъ устарѣлое, не подтверждаемое фактами ¹⁾). Распредѣленіе различій по племенамъ опять указываетъ, что и въ данномъ случаѣ мы можемъ отнести ихъ къ географическимъ условіямъ и къ изолированному положенію племенъ; положеніе это, несмотря на подвижной образъ жизни съ помощью лошади, на большія пробѣгаемыя разстоянія, поддерживается, благодаря громадной области расселенія племенъ ²⁾). Зная на основаніи лингвистическихъ выводовъ сродство нѣкоторыхъ племенъ этой группы съ народностями, описанными выше, у этихъ племенъ мы ясно можемъ видѣть вліяніе географическихъ условій на образованіе физическаго типа. Племя апачей, входящее въ составъ

¹⁾ Касаея указанія, будто «племена охотничьи въ родѣ индѣйцевъ Сѣверной Америки отличаются физической силою, энергіею, отвагою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кровожадностью, вслѣдствіе того, что они питаются исключительно мясомъ», проф. Петри причисляетъ его къ «обобщеніямъ крайне поспѣшнымъ» («Антропология», 165).

²⁾ Бэнкрофтъ включаетъ въ нее Новую Мексику и Аризону на С., Нижнюю Калифорнію, Сонару и Синалоа на З., сѣвернаго Закатекаса на Ю. и Н. Леона и западнаго Техаса на В.

апачской народности, признается связанным по языку съ атабасками ¹⁾. Эта лингвистическая связь указываетъ и на географическую, что подтверждается именемъ, какое даютъ себѣ апачи — Шисъ Индэй (Shis Inday), т. е. лѣсные люди — именемъ, присвоеннымъ въ ихъ нынѣшнюю пустынную родину изъ какой-нибудь лѣсистой страны. Типъ апачей по большей части казался путешественникамъ недостаточно развитымъ — малорослымъ, тощимъ, некрасивымъ, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, однимъ словомъ, принадлежащимъ къ низшимъ типамъ. Въ лицѣ ихъ одни видятъ нѣчто китайское или азіатское, т. е. уцѣлѣвшіе признаки монгольской расы, что отчасти сближаетъ ихъ съ атабасками, но ростъ ихъ ниже, сложеніе слабѣе и неправильнѣе и цвѣтъ кожи темнѣе. По цѣнному для насъ прямому указанію испанскаго писателя Гарсія Конде, «ростъ и цвѣтъ ихъ (апачей) различны въ каждомъ племени», причемъ послѣдній «измѣняется отъ бронзоваго до чернаго». Эти различія бываютъ весьма значительны: объ однихъ племенахъ мы имѣемъ описанія, какъ о «черныхъ» (*negros*) (Веласко), или съ лицами болѣе темными, чѣмъ у другихъ индѣйцевъ, съ черными волосами вродѣ лошадинаго волоса (Генри), самыхъ тщедушныхъ изъ всѣхъ индѣйцевъ, малорослыхъ, съ большими головами, выпуклыми лбами и скулами, толстыми носами, вывороченными губами и узкими глазами, что, все вмѣстѣ, придаетъ имъ отвратительную наружность (*widerliche Physiognomien*) (Мельгаузенъ); о другихъ мы слышимъ, что они «рослы, величественны и мускулисты» (Бранцъ-Майеръ); о третьихъ, что ихъ кожа бѣлѣе, чѣмъ у прочихъ индѣйцевъ (Вислиценусъ). Намъ рассказываютъ даже, что у одного изъ апачскихъ племенъ (у липанисовъ) бѣлокурые волосы (Мюленпфордъ) (Vancg., op. с. 478, 479 и 479 примѣч.). Въ дѣйствительности, однако, о каждой группѣ мы имѣемъ сходныя характеристики: такъ, уединенныя горныя племена ямпайсы и тонтосы описываются, какъ малорослыя и безобразныя; и другія частныя характеристики всегда могутъ быть отнесены къ извѣстнымъ племенамъ. Другія племена апачской народности также выступаютъ съ достаточно опредѣленными признаками. Команчи, которымъ приписывается родство съ шошонами (въ собственномъ смыслѣ) или змѣиными индѣйцами (*Snake Indians*), обитающими въ такъ назыв. Великой Котловинѣ (*Great Basin*), описываются, какъ рослыя и

¹⁾ Эта связь, впервые указанная Уил. Тернеромъ, подтверждается аналогомъ американскихъ нарѣчій Бушманомъ и др. лингвистами.

стройныя, иногда даже, какъ геркулесовскія фигуры, замѣчательно красивыя, съ цвѣтомъ кожи почти бѣлымъ или съ легкимъ мѣднымъ оттѣнкомъ. Такіе же благопріятные отзывы мы имѣемъ о наружности и сложеніи могавоновъ, наваховъ и кучановъ. Въ видѣ противоположности имъ выставляются гуальпи, малорослые, худощавые и безобразные. Согласно употребительнымъ антропологическимъ приемамъ, эти контрасты, повидимому, могли бы найти себѣ простое объясненіе въ томъ, что въ описываемой области обитаютъ двѣ расы—одна красивая, рослая, правильно сложенная и свѣтлокожая, а другая—мелкая, щедедушная и съ темнымъ цвѣтомъ кожи. Но такихъ расъ, которыя вполне повторялись бы въ описываемыхъ типахъ, мы нигдѣ не находимъ въ другихъ частяхъ Америки, и самые типы—и высшіе, и низшіе—о которыхъ мы говорили, имѣютъ всегда извѣстныя различія между собой, связанныя съ принадлежностью ихъ извѣстному племени. Мы уже à priori можемъ заключить, что рѣчь идетъ о разныхъ группахъ племенъ навахо, когда съ одной стороны читаемъ, что «навахи—высокаго роста, почти въ 6 фут. и хорошо сложены, что у нихъ сильно выдавшіяся скулы, черные волосы и черные глаза» (Летерманъ), а съ другой, что у наваховъ «свѣтлые льняные волосы, свѣтлые голубые глаза и тонкая, бѣлая кожа» (Браунель)¹. Одно изъ описаній этого племени указываетъ, какъ «отличительный признакъ», «большіе, круглые глаза» (Уипль и др.), что мало согласуется съ «сильно выдавшимися скулами». Въ одномъ изъ отчетовъ о команчахъ мы читаемъ, что ростъ ихъ, въ среднемъ, доходить до 5 ф. 10 д. (Кремони), въ другомъ, что они высоки и стройны (№ 96, V ser. Bull. de la Soc. Géogr de Paris); въ третьемъ, что они средняго роста (Мэрси), въ четвертомъ ростъ ихъ называется «маленькимъ» (Попъ). Въ одномъ изъ описаній того же племени мы видимъ, что они «свѣтло-мѣднаго цвѣта» (Мэрси), а въ другомъ, что они «почти также бѣлы, какъ европейцы» (Bullet. de la S. G. d P.). Отъ одного изъ наблюдателей мы слышимъ, что они «носятъ усы» (Попъ), а отъ другого, что къ особенностямъ ихъ принадлежитъ полное отсутствіе волосъ на лицѣ, за немногими исключеніями, когда можно было замѣтить маленькую бородку (Берланды и Товель). Если-бы мы эти указа-

¹) Это любопытное указаніе на свѣтловолосое, свѣтлокожее и голубоглазое племя не ограничивается только что приведенной группой наваховъ и упомянутыми выше липанисами. Бэнкрофтъ приводит нѣсколько свидѣтельствъ о существованіи бѣлокожаго племени къ Ю. или Ю.З. отъ озера Юша, живущаго среди „высокихъ горъ“, не высказываясь за достоверность этого указанія.

нія различій встрѣчали у однихъ и тѣхъ же изслѣдователей, мы могли бы думать, что эти признаки безразлично перемѣшаны въ одной и той же группѣ, но, находя ихъ въ отдѣльности у различныхъ наблюдателей, мы скорѣе всего можемъ заключить, что тѣ видѣли передъ собой и описывали различныя группы названныхъ племень съ неодинаковыми признаками. Возможно, какъ предполагаетъ Мельгаузенъ, что разнообразіе типовъ, напр., среди наваховъ отчасти происходитъ отъ посторонней крови плѣнныхъ (Waitz, III, 49). но это не ослабляетъ нашего указанія на ихъ племенные различія. Во всей апачской народности, имѣющей репутацію разбойничьей по преимуществу, похищенія женщинъ и дѣтей должны были быть весьма распространены; это обстоятельство не мѣшаетъ однако рѣзкому различію типовъ и принадлежности ихъ извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ, нѣсколько писателей говорятъ одинаково о росломъ и красивомъ типѣ въ долині Колорадо; объ этомъ свидѣтельствуеетъ Мэрси, высказывающій, что въ названной долині онъ встрѣтилъ людей «самыхъ крупныхъ и наилучше сложенныхъ, какихъ когда либо видѣлъ». То-же повторяютъ и Мельгаузенъ, восхищающійся «великолѣпными фигурами» на нижнемъ Колорадо и называющій ихъ «олицетвореніемъ древнихъ греческихъ и римскихъ боговъ», и Айвсъ, называющій живущихъ тамъ могавовъ «атлетами». Между тѣмъ оба только что упомянутые писатели въ одинаковой мѣрѣ поражаются противоположностью описаннаго типа съ живущими къ С.-В. отъ него гуалопаисами (Baner. 477 — 8 прим.).

При подвижной воинственной жизни племень апачской народности намъ трудно прослѣдить вліяніе на нихъ географическихъ провинцій. Сопоставляя условія послѣднихъ тамъ, гдѣ онѣ постояннѣе и однообразнѣе, съ извѣстными типами, мы видимъ однако нѣкоторую связь между тѣми и другими. Мы видимъ, что могавы и юмамы, (которыхъ также называютъ «красивыми» [*fine looking*, Айвсъ]), живущіе на р. Колорадо и занимающіеся отчасти земледѣліемъ, съ помощью ирригаціи, въ сравнительно благоприятной мѣстности, относятся къ красивому и рослому типу; то-же можно сказать о навахъ, которые въ области своего обитанія считаютъ возможнымъ держать большія стада овецъ. Труднѣе прослѣдить можно вліяніе на команчахъ, которые живутъ, главнымъ образомъ продуктами охоты; охотясь преимущественно за буйволами, они доходятъ до страны сіуксовъ, лѣтомъ они поднимаются до р. Арканзаса, а осенью доходятъ до притоковъ рр. Брасосъ и Техасъ.

скаго Колорадо. На всемъ этомъ пространствѣ (отъ 33° до 37° с. ш.) встрѣчаются разнообразныя мѣстности, вліяющія разны на своихъ обитателей. Въ наиболѣе пустынной части области расселенія апачской народности, тамъ, гдѣ живутъ апачи въ настоящемъ смыслѣ слова, мы видимъ, какъ скудная провинція, въ которой бесплодныя равнины чередуются съ лѣсистыми горами и лишь рѣдкими рѣчными долинами, неблагоприятно отражается на типѣ обитателей ея, описанномъ выше. Типъ апачей въ главныхъ признакахъ близко подходитъ къ типу «дѣтей пустыни», которыхъ мы встрѣтимъ въ другихъ частяхъ свѣта: и здѣсь, и тамъ мы одинаково находимъ малорослость и недостаточное развитіе вслѣдствіе скуднаго питанія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ловкость и выносливость. Тамъ, гдѣ условія нѣсколько благоприятнѣе, этотъ типъ совершенствуется:—такъ, липанисы, кочующіе въ Техасѣ около Ріо Гранде и нѣкогда жившіе ниже по той же рѣкѣ около морского берега, описываются болѣе красивыми и свѣтлокожими, чѣмъ ихъ западные родичи. Изъ числа послѣднихъ, о которыхъ мы упоминали, представляющими наиболѣе низкій типъ оказываются гуллапай, живущіе «въ почти недоступныхъ горахъ верхняго Колорадо» (въ Аризонѣ) (Постанъ), косниносы и ямпай, живущіе въ той же области въ подобныхъ же, хотя и въ менѣе уединенныхъ условіяхъ. (Уипль) (В., I. с., 597—8). Во всякомъ случаѣ, мы можемъ отмѣтить, что изолированность въ тяжелыхъ условіяхъ существованія, каковы условія нѣкоторыхъ группъ разсматриваемой народности, совпадаетъ съ образованіемъ типа низшаго развитія. Географическая изолированность поддерживается въ послѣдней и изолированностью, создаваемою ея воинственностью, отчуждающею отъ нея сосѣднія народности. Такимъ образомъ, получаютъ условія, вполне благоприятныя для возникновенія отдѣльныхъ типовъ. Между собою нѣкоторыя изъ племенъ апачской народности живутъ въ постоянномъ общеніи, какъ, напр., могавы и юмасы, что не ведетъ, однако, къ смѣшенію типовъ. Мы знаемъ примѣръ только одного смѣшаннаго типа, а именно, апаче-могавовъ, живущихъ недалеко отъ могавовъ, на другомъ берегу Колорадо; по оба первоначальные типа ясно замѣтны у нихъ, и Постанъ называетъ апаче-могавовъ «пестрой расой» (В., 596).

Индѣйцы пуэбло въ Н. Мексикѣ давно уже занимаются земледѣліемъ и поднялись на высшую культурную ступень сравнительно съ разсмотрѣнными нами охотничьими и рыболовными племенами; но, въ виду совмѣстной жизни въ общественныхъ домахъ и отсутствія экзогаміи, они могутъ служить для насъ весьма цѣннымъ

объектомъ наблюденія. Первыя свѣдѣнія о нихъ, принадлежащія писателямъ времени Завоеванія, рисуютъ намъ пуэбло уже въ сплоченномъ видѣ, соединенными въ многочисленныя агрегаты ¹⁾. Судя по изслѣдованіямъ Кёшинга, которыя въ короткихъ словахъ приводитъ Фискъ (I. с., 86 и слѣд.), индѣйцы-пуэбло дѣлились на роды или кланы, подобно другимъ индѣйцамъ. Кланъ, вѣроятно, разрастался и распадался на новыя кланы, сохраняя общность жилищъ; это можно заключить изъ числа такъ наз. «эстуфа» (*estufa*), особыхъ помѣщеній въ домахъ, гдѣ происходили общинныя совѣщанія, — числа, доходящаго до трехъ и болѣе. Наглядное доказательство этого разрастанія видно изъ того, что многіе дома строились не сразу, а постепенно надстраивались и увеличивались. По аналогіи съ другими индѣйскими племенами, мы можемъ предположить, что дома индѣйцевъ-пуэбло вмѣщали въ себѣ, если не племена, то ясно обозначенныя фратрин ²⁾. Такъ какъ другія племена осѣдлыхъ индѣйцевъ, причисляемыхъ къ той же народности, напр., мокисы, живутъ деревнями, то въ громадныхъ, многоярусныхъ домахъ индѣйцевъ-пуэбло скорѣе всего слѣдуетъ видѣть такую слившуюся деревню, т. е. обиталище одного клана, раздроблявшагося съ теченіемъ времени въ общественномъ смыслѣ, но сохранявшаго общность жилища.

Банкрофтъ причисляетъ къ пуэблоской народности пуэбло въ собственномъ смыслѣ, живущихъ по теченію Ріо Гранде дель Норте и ея притоковъ, мокисовъ, живущихъ деревнями въ восточной Аризонѣ, и земледѣльческія племена по нижнему теченію р. Хилы—нимасовъ, марикоповъ и папаговъ. Всѣ они представляютъ виоліѣ опредѣленные типы, замѣтно отличающіеся отъ сосѣднихъ племенъ апачской народности. Пуэбло обладаютъ «малымъ ростомъ (около 5 ф.), небольшими руками и ногами, красивыми

¹⁾ „Изъ существующихъ пуэблосовъ (обширныхъ, террасообразныхъ домовъ), еще обитаемыхъ или уже разрушенныхъ, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о населеніяхъ древнихъ городовъ, посѣщенныхъ испанскими завоевателями. Пуэбло Сульи, повидимому, нѣкогда имѣло населеніе въ 5,000 человѣкъ, но впоследствии уменьшилось до 2,000. Изъ разрушенныхъ пуэблосовъ, выстроенныхъ изъ камня, связаннаго глиной, въ долинѣ Ріо Така, пуэбло Гунго Пави заключало 73 комнаты въ первомъ этажѣ, 53 во второмъ и 29 въ третьемъ, со средней величиной 18—13 ф., и вмѣщало около 1,000 человѣкъ. (Z. Fiske, „Discovery of America“, I, 91).

²⁾ Сальмеранъ (Relac. in Doc. Hist. Mex. ser. III, Tom. IV, 93—109) насчитываетъ девять племенъ (*naciones*) индѣйцевъ-пуэбло, называя главные дома, слѣдовательно, указывая, что племя (*nacion*) было раздѣлено въ двухъ и болѣе обширныхъ общественныхъ домахъ, изъ которыхъ одинъ считался главнымъ (*el pueblo principal*). (В. 600).

чертами, живыми глазами и общим пріятнымъ выраженіемъ лица». Почти также характеризуются и мокисы: они—«средняго роста, съ рѣзко обозначенными чертами и живымъ, добродушнымъ выраженіемъ» (Айвсъ). У тѣхъ и другихъ темные, мягкіе и тонкіе волосы и кожа свѣтло-коричневаго цвѣта; между ними встрѣчаются альбиносы съ бѣлой кожей, свѣтлыми волосами и голубыми глазами (В., 529 и прим. на той же стран. и 530). Изъ этихъ признаковъ особеннаго вниманія въ нашихъ глазахъ заслуживаетъ малый ростъ пуэбло. Мы не можемъ приписывать его недостаточности развитія вслѣдствіе скудости питанія и трудности борьбы за существованіе. Занятіе земледѣліемъ и нѣкоторая степень культурности, ослабляя для нихъ непосредственное дѣйствіе окружающихъ условий, далеко отодвинули пуэбло отъ низшаго состоянія племенъ горныхъ и пустынныхъ мѣстностей. Въ виду опредѣленности и благообразія ихъ лицъ мы замѣчаемъ уже тотъ слѣдъ, который накладывается культурностью. Для объясненія ихъ малаго роста остается только предположеніе, что это — результатъ прежнихъ внѣшнихъ условий, поддержанный изолированностью и превратившійся въ племенной признакъ. Это предположеніе подтверждается ростомъ другихъ племенъ той же народности. Мы уже видѣли, что мокисы, будучи «средняго роста», выше пуэбло. О нимасахъ, напагахъ и собайпурисахъ, и особенно о мариконахъ мы слышимъ, что они «высокаго роста, превышающаго иногда 6 ф.», и отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ «прямоуго стана, шириною груди и развитіемъ мышцъ», и въ то-же время «часто тонкими членами» и малыми руками, но большими ногами; черты лица ихъ крупны, съ выдающимися скулами и орлиными носами. Такія сочетанія признаковъ, уклоняющіяся отъ болѣе обычныхъ соотношеній (совмѣстной малой величины рукъ и ногъ, плоскаго носа при выдавшихся скулахъ и т. п.), по нашему мнѣнію, могутъ найти единственное объясненіе въ процессѣ закрѣпленія тѣхъ или другихъ признаковъ, происходящемъ при изолированіи ¹⁾.

Мы могли бы ожидать, что Мексика, съ ея tierra caliente, tierra templada и tierra fría, доставить намъ удобный случай наблюденія физико-географическихъ вліяній на образованіе антропологическаго типа; однако, неопредѣленность границъ tierra templada и послѣдствія соприкосновенія дикихъ племенъ съ старинной мѣстной и съ

¹⁾ Чѣмъ инымъ можетъ быть объяснена, напр., длинная верхняя губа, составляющая особенность племени каррисовъ, принадлежащихъ къ сѣверо-мексиканской народности?

европейской культурой препятствуютъ опредѣленію этихъ вліяній. Мы видимъ только, что жители плоскогорій выказываютъ разнообразныя оттѣнки кожи—оливковый, бурый и мѣдно-красный,— между тѣмъ какъ обитатели *tierras calientes* обладаютъ болѣе темной окраской, иногда приближающейся къ черной. Среди мнѣнній извѣстныхъ путешественниковъ и ученыхъ объ общемъ типѣ дикихъ мексиканцевъ выступаетъ нѣкоторое разногласіе. Гумбольдтъ, какъ мы видѣли выше, находилъ этотъ типъ одинаковымъ съ типомъ племенъ Канады, Перу, Флориды и Бразиліи, вслѣдствіе удлиненныхъ глазъ, съ приподнятыми наружными углами, выдающихся скулъ, толстыхъ губъ и мягкаго выраженія рта. Росси, въ своихъ «*Souvenirs d'un voyage à Orégon*», относящихся къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, называетъ глаза дикихъ мексиканцевъ «овальными» и видитъ въ ихъ фізіономіи «азиатскій» характеръ. Трудно сказать, слѣдуетъ ли понимать подъ этимъ терминомъ синонимъ «монгольскаго» или «восточнаго» въ обыкновенномъ смыслѣ этихъ опредѣленій, такъ какъ Прескоттъ находитъ мексиканскихъ туземцевъ схожими съ египтянами, а Виоле-ле-Дюкъ—съ малайцами (В., 1. с., 618—9). Такія противорѣчія возможно примирить только при допущеніи, что путешественники видѣли не одни и тѣ же племена и обобщали частныя наблюденія, предполагая à priori, что ихъ опредѣленія могутъ быть приложены ко всѣмъ племенамъ, какъ группамъ одной и той же народности. И общая характеристика Бэнкрофта не обходится безъ противорѣчій и исключеній. По его указанію, одни авторитеты называютъ ростъ туземцевъ Мексики большимъ, а другіе—малымъ; самъ онъ останавливается на среднемъ выводѣ, что ростъ ихъ «скорѣе выше, чѣмъ ниже средняго»; сложеніе ихъ онъ называетъ красивымъ и сильнымъ. Но, между тѣмъ, какъ въ области Халиско (по берегу Тихаго океана) мы находимъ высокій ростъ и стройное сложеніе, въ области Вера-Круцъ (по берегу Мексиканскаго залива) ростъ туземцевъ уже ниже (отъ 4 ф. 6 д. до 5 ф.) и сложеніе неуклюжѣ; колѣни ихъ отстоятъ дальше одно отъ другого, чѣмъ у европейцевъ, и ноги болѣе вывернуты внутрь. Жители плоскогорій, отличающіеся вообще развитіемъ мышцъ и правильнымъ сложеніемъ, обладаютъ особенно толстою кожей и раздвинутыми колѣнями и т. д. (В., 618).

Подобныя же различія выказываютъ и племена Южной Мексики. Чапотеки, живущіе въ Оахакаѣ, отличаются «особеннымъ характеромъ и непривлекательностью лица»; тѣ же чапотеки въ Тегуан-

тепекѣ обладаютъ пріятными овальными лицами и вообще изящной внѣшностью. Михесы, живущіе въ горахъ Южной Оахаки и отчасти въ Тегуантепекѣ, описываются, какъ рослое, крѣпко сложенное и энергичное племя; сакесы сходны съ ними, но отличаются еще болѣе атлетическимъ сложеніемъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и безобразіемъ. Чонталы, въ одной изъ деревень той же Оахаки, описывались испанскими писателями вскорѣ послѣ Завоеванія, какъ люди исполинскаго роста. Гуавы не имѣютъ сходства ни съ однимъ изъ племенъ Тегуантепека, гдѣ они живутъ (на берегу Тегуантепекскаго залива). туземцы табаско, живущіе на р. того же имени, при среднемъ ростѣ обладаютъ круглыми, плоскими лицами съ низкимъ лбомъ, маленькими глазами, плосковатымъ носомъ, толстыми губами и темнымъ цвѣтомъ кожи. Агауальки ниже средняго роста, но одарены большою физической силой; лобъ ихъ также низокъ, скулы выдавшіяся, губы полныя, а носы имѣютъ форму, называемую орлиной; въ нихъ замѣчается близкое сходство съ потомками мексиканскихъ ацтековъ. Майя, потомки древняго культурнаго народа, занимающіе Юкатацъ, изображаются, какъ люди средняго роста, съ достаточнымъ физическимъ развитіемъ, большими лицами и ртами, верхняя губа которыхъ имѣетъ ту особенность, что она слегка выпукла; носъ у нихъ имѣетъ плоскую форму и глаза полузакрыты (Sleepy-looking); цвѣтъ кожи ихъ мѣдный, иногда желтоватый (В., I. с. 646 и слѣд.) Это описаніе довольно близко подходитъ къ описанію майя у Эрреры, относящемуся къ концу XVI в. Онъ одобрительно отзывался объ ихъ наружности, цвѣтъ кожи ихъ называетъ «не слишкомъ темнымъ», говоритъ объ ихъ прищуренныхъ глазахъ и прибавляетъ, что у нихъ кривыя ноги.

Дѣйствіе географическихъ и первобытныхъ общественныхъ условій мы можемъ видѣть яснѣе въ Средней Америкѣ, гдѣ еще удѣлѣли племена, устранившіяся отъ европейской культуры и, хотя задержанныя въ своемъ умственномъ развитіи, но сохранившія свои физическія особенности. Таковы манчесы и лакондоны, отступившіе передъ испанцами къ С. и СВ. и уединившіеся настолько, что остаются почти независимыми. Къ нимъ можно причислить горныхъ кичесовъ, какчикеловъ и сутухиловъ въ Гватемалѣ, пиниловъ въ Сальвадорѣ, чоротегановъ въ Никарагуа, чонталовъ на границѣ названной области и Гондураса, чолутеновъ около залива Фонсеки и оротиньяновъ около залива Никойн. Банкрофтъ объединяетъ ихъ въ одну «гватемальскую» группу, хотя и по культурности, и по происхожденію, они далеко не всѣ родственны между собою. Такъ, кичесы

нѣкогда поднимались до болѣе высокой культурной ступени, чѣмъ сосѣднія имъ племена, а чонталы уже значеніемъ своего имени (чужеземцы или варвары) обнаруживаютъ иное происхожденіе и скорѣе могутъ быть отнесены къ москитосской народности, занимающей побережье Каранбскаго моря. Кроме того, и различіе географическихъ условій кладетъ замѣтный отпечатокъ на антропологическомъ типѣ различныхъ группъ гватемальской народности. Географическія провинціи съ особенной рѣзкостью выступаютъ въ Гватемалѣ, съ ея плоскогорьями и низменностями, при чемъ обитатели первыхъ всегда выказываютъ болѣе высокой ростъ и болѣе свѣтлую окраску кожи, чѣмъ жители послѣднихъ. Вообще, во всѣхъ трехъ описываемыхъ областяхъ, Гватемалѣ, Сальвадорѣ и Никарагуа, окраска, желтовато-бурая или мѣдная, сравнительно свѣтлая, какъ замѣчаетъ Бэнкрофтъ, распределяется по мѣстностямъ (В., 688 и слѣд.).

Въ береговой полосѣ Гондураса и въ области Москито обитаетъ населеніе, смѣшанное съ чернымъ и бѣлымъ элементомъ, и племена, свободныя отъ этой примѣси, можно найти лишь въ горныхъ мѣстностяхъ. Между племенами, живущими ближе къ берегу и болѣе отдаленными отъ него, замѣчается извѣстное различіе; такъ у первыхъ носъ мельче и тоньше, по большей части, орлиной формы, а у послѣднихъ крупнѣе и шире. Красивый мѣстный типъ представляютъ свѣтлокожіе гаукасы, живущіе въ горахъ южной части Гондураса, на границѣ съ Никарагуа. По цвѣту кожи къ нимъ подходятъ смоосы, горное племя сѣверной части Никарагуа, по черепъ ихъ ниже. Береговые поіясы описываются, какъ люди мѣднаго цвѣта, приземистые и мускулистые, широколицыя съ большими лбами. Темнымъ цвѣтомъ кожи надѣлены и тунгласы, живущіе въ низинѣ (714). Караибы въ Гондурасѣ, принявшіе не мало негрской крови, дѣлятся на два типа—желтый и черный; весьма любопытно, что черные караибы, будучи болѣе рослыми и сильными, отчасти сохранили орлиную форму носа, свойственную въ усиленной степени ихъ болѣе чистымъ, желтымъ родичамъ. Другими словами, примѣсь негрской крови, придавая первымъ большую жизненную энергію, все-таки не устраняетъ характернаго признака мѣстнаго типа. Впрочемъ, этотъ признакъ является не столько мѣстнымъ, сколько племеннымъ, въ виду того, что среди племенъ Панамскаго перешейка преобладаетъ короткій, плоскій носъ. Между послѣдними мы опять встрѣчаемъ цѣлое племя (гуатусо), въ сѣверной части Коста-Рики, съ бѣлой кожей, свѣтлыми волосами и голубыми гла-

зами. Уэферъ, писавшій въ концѣ XVII в., упоминаетъ въ той же странѣ объ альбиносахъ, съ бѣловатыми волосами и бровями, почти не могшихъ выносить дневного свѣта. Возможно, что и указанные выше примѣры свѣтловолосыхъ и свѣтлорыжихъ племенъ представляютъ не что иное, какъ случаи альбинизма; но какъ скоро они образуютъ племена, т. е. особыя группы, хотя-бы и немногочисленныя, это обстоятельство свидѣтельствуетъ въ пользу защищаемой нами возможности образованія и другихъ племенныхъ признаковъ путемъ племенного обособленія.

Мы прошли по всему западному побережью Сѣверной Америки, пользуясь въ особенности матеріаломъ, собраннымъ однимъ и тѣмъ же авторомъ, съ тою цѣлью, чтобы подборъ фактовъ, которыми мы подтверждаемъ нашу основную мысль, не имѣлъ характера случайнаго или преднамѣреннаго. Мы видимъ, что обитатели всѣхъ разсмотрѣнныхъ мѣстностей соединены въ естественныя группы или племена, и что лишь эти группы представляютъ нѣчто постоянное и опредѣленное. Онѣ выказываютъ нѣкоторые общіе признаки, принадлежащіе американской разновидности желтой расы, а иногда даже позволяютъ видѣть признаки, свойственные послѣдней на ея азиатской родинѣ. Видоизмѣненія, оказывающіяся въ Америкѣ, отчасти являются слѣдствіемъ вліянія географическихъ провинцій, какъ, напр., близости къ морю или отдаленности отъ него, возвышенности или низменности мѣстопробыванія. Но эти признаки развиваются въ большей или меньшей степени и вступаютъ въ различныя сочетанія уже въ зависимости отъ условій изолированности, въ которыхъ живетъ и развивается племя. Мы не обладаемъ настолько точнымъ и подробнымъ изученіемъ племенъ Сѣверо-Западной Америки, насколько это было бы нужно для нашей задачи, и чтобы наше мнѣніе относительно обособленности племенъ у народовъ Америки, дающей имъ возможность развиваться и вырабатываться, и физически, и психически вполне самостоятельно и своеобразно, не казалось чисто теоретическимъ или отвлеченнымъ, мы прибавимъ то, что извѣстно этнологамъ объ организаціи и взаимныхъ отношеніяхъ племенъ Сѣверо-Восточной Америки, и дополнимъ нашъ обзоръ краткими свѣдѣніями о племенахъ Южной Америки.

ГЛАВА VI.

Типы племенъ и народностей Сѣверо-Восточной и Южной Америки.

Въ Сѣверо-Восточной Америкѣ отечественные этнографы устанавливаютъ шесть главныхъ народностей—дакоты, манданы, пауни, мускоги, алгонкины и ирокезы. Слѣдя за передвиженіями и развѣтвленіями ихъ, изслѣдователи даютъ намъ возможность видѣть такія условія, которыя, казалось бы, должны вести къ единству типа, а именно—единство происхожденія и сходство географической среды. Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія устойчивости расовыхъ признаковъ, мы наталкиваемся на необъяснимыя исключенія даже въ строеніи черепа, считающемся въ числѣ самыхъ прочныхъ изъ этихъ признаковъ. Такъ, ассинибоины (каменные индѣйцы), причисляемые къ народности дакота, отдѣлившіеся, какъ извѣстно, отъ племени янктонвановъ, выказываютъ признаки длинноголовости, тогда какъ остальные дакоты причисляются къ короткоголовымъ. Съ нашей точки зрѣнія, это затрудненіе легко устраняется при допущеніи самостоятельности развитія каждаго племени. Даже при наиболѣе подвинувшемся союзѣ племенъ, какой мы видимъ у ирокезовъ, у которыхъ союзъ изъ временнаго превратился въ постоянный, каждое изъ племенъ сохраняетъ свое мѣстное самоуправленіе¹⁾, и общественною единицею остается родъ или кланъ, въ

¹⁾ По изслѣдованію Моргана, каждое племя настолько обособилось, что говорило на отдѣльномъ нарѣчій первоначальнаго общаго языка. Эти племена возникли путемъ дѣленія одного размножившагося племени, съ сохраненіемъ первоначальныхъ клановъ въ каждомъ изъ нихъ. Во всѣхъ пяти племенахъ были кланы волка, медвѣдя и черепахи; три другіе клана были общими для трехъ изъ пяти. Всѣ члены одного рода, и могауки, и онеиды, и оводаги, и кайюги, и сенеки, считались братьями и сестрами въ силу своего происхожденія отъ общаго (женскаго) предка, и признавали себя родственниками съ величайшею искренностью. Это перекрестное родство между лицами того же рода въ различныхъ племенахъ сохраняется до сихъ поръ и удерживается во всей своей первоначальной силѣ. Имъ объясняется та крѣпкая связь, которая существуетъ и въ настоящее время между остатками прежняго союза (Morgan, „Houses and House-Life“, 23 и слѣд. (Цит. по Фиску) (См также „Ancient Society“, гл. V).

смыслъ распространеннаго «дома» или «семьи» въ простѣйшемъ ея значеніи, т. е. въ видѣ фактическаго или презумптивнаго потомства одного и того же реальнаго и мифическаго предка. Въ исторіи прокезской группы, изложенной Морганомъ, мы видимъ, какъ племена дробятся и какъ образуются союзы между ними. Когда часть гурино-прокезской группы племень, вынужденная къ отступленію изъ долины р. Св. Лаврентія, переправилась черезъ озеро Онтарио и утвердилась близъ устья р. Освего, она состояла изъ трехъ маленькихъ племень—могаукъ, онондага и сенека; по мѣрѣ увеличенія ихъ численности и района распространенія, образовались, путемъ сегментациі, еще два племени—онеда и кайюга, которыя, всѣ вмѣстѣ, составили «союзъ пяти націй» (the five nations). (Morgan, «Ancient Society», 125). Этотъ союзъ образовался приблизительно въ половинѣ XV столѣтія; уже гораздо позже (въ началѣ XVIII в.) къ нему присоединились тускароры. На примѣрѣ прокезской конфедераціи мы видимъ, что племена могли дѣлиться и давать начало новымъ племенамъ, но въ то же время они могли принимать въ свой союзъ и племена другого происхожденія. Ни до настоящаго объединенія, въ какомъ мы могли бы признать наше понятіе о «народѣ», ни до единства въ смыслѣ государства съ центральнымъ управленіемъ всей группы, съ сплоченнымъ обществомъ, не дошла ни одна изъ американскихъ конфедерацій, не исключая и ацтековъ. Повсюду мы видимъ отдѣльныя племена, разъединяющіяся на кланы, какъ на составныя единицы. И ацтеки были племя, отличавшееся отъ другихъ только многочисленностью, заключавшее до двадцати клановъ (кальпулли). Какъ выяснили новѣйшія оригинальныя изслѣдованія американскаго ученаго Адольфа Банделье, такъ наз. «имперія Монтесумы» была, въ дѣйствительности, союзомъ трехъ племень—ацтековъ, тескуковъ и тлакопановъ, жившихъ въ трехъ обширныхъ и сложныхъ общественныхъ домахъ (пуэбло). Ацтекская конфедерація распространяла свою власть на значительную часть Мексики, но покоренные общественные дома (пуэбло) продолжали оставаться подъ собственнымъ управленіемъ, и отношенія ихъ къ завоевателямъ ограничивались уплатой дани, въ видѣ майса и др. съѣстныхъ припасовъ, при чемъ часть земли обрабатывалась въ пользу завоевателей (Fiske, op. c., I, 104). Такимъ образомъ, и завоеваніе, даже и тогда, когда оно исходило отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, не нарушало въ Америкѣ самостоятельности племени. У племень менѣе культурныхъ военная удача приводила или къ союзу, если побѣжденное племя было

сильно, или къ уничтоженію его и слянію остатковъ его съ побѣдителями, какъ это бывало у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Эти отношенія между племенами можно видѣть не только изъ ихъ преданій: они наблюдались европейцами уже тогда, когда индѣйцы были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такъ, въ концѣ XVII в., прокезскій союзъ, какъ рассказываетъ Морганъ, потребовалъ отъ родственннхъ ему зріевъ, чтобы тѣ присоединились къ нему, и, послѣ ихъ отказа, объявили имъ войну и перебили ихъ; онъ же уничтожилъ союзъ родственннхъ ему гуроновъ, за исключеніемъ одного племени (віандотовъ). Затѣмъ союзъ принудилъ къ уплатѣ дани алгонкинскія племена на всемъ пространствѣ до Миссиссипи. То-же совершалось и въ другихъ частяхъ Америки, и нерѣдко изъ группы родственннхъ по происхожденію и языку племень оставалось только одно. Подобныя племена и образуютъ такъ наз. «изолированныя» племена Америки, какъ ихъ называютъ этнографы.

Но не одни уцѣлѣвшіе остатки уничтоженныхъ союзовъ племень заслуживаютъ названія «изолированныхъ». Въ нашемъ смыслѣ, они всѣ должны быть такъ названы. Если данныя лингвистики не всегда могутъ руководить нами въ опредѣленіи родственности различныхъ племень, то данныя ея относительно взаимнаго отчужденія или обособленія племень, говорящихъ различными нарѣчіями, представляютъ свидѣтельства неоспоримыя. Съ какой бы точки зрѣнія, исторической, историко-культурной, соціологической и т. п., мы ни рассматривали Америку, обособленность ея племень всегда выступаетъ передъ нами. Эта обособленность не только поддерживалась различіемъ языковъ или нарѣчій, какъ замѣчаетъ Фискъ (I. с., 48), но, еще ранѣе того, самое различіе нарѣчій создалось обособленностью. Послѣдняя лежала въ самыхъ условіяхъ жизни охотничьихъ племень, которыя для поддержанія своего существованія нуждались въ обширныхъ, исключительно принадлежащихъ имъ областяхъ. Мы знаемъ, что такъ было вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, въ первобытную стадію нашей исторіи, когда человекъ жилъ охотой, но, къ сожалѣнію, этнологія какъ будто не всегда отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ географической сторонѣ вопроса—въ томъ, насколько обширны должны были быть территоріи для прокормленія охотой даже и рѣдкаго населенія, и насколько обширны онѣ были въ дѣйствительности по отношенію къ численности населенія. Мы обладаемъ весьма скудными статистическими данными о численности дикихъ племень, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они намъ извѣстны. Такъ, мы знаемъ изъ сочиненія Моргана «Houses and

House-Life», цитируемаго Фискомъ (I. с., 73 прим.), что въ ирокезской конфедераціи въ 1675 г., когда въ ней было только пять племенъ, насчитывалось до 25.000 человекъ. Изъ свѣдѣній, сопоставляемыхъ Вайцемъ (III, 17—19), мы видимъ, что власть ирокезовъ въ это время распространялась изъ области ихъ прежняго обитанія (отъ Монреаля до устьевъ р. Св. Лаврентія) до Гудзонова залива и на З. до оз. Эри, а къ Ю. до нынѣшнихъ штатовъ С. Каролины и Теннесси. На картѣ Моргана, показывающей расселеніе ирокезовъ въ 1720 г., видно, что онондаги обитали на В. и Ю.-В., кайюги на З. отъ оз. Онтарио, онеиды—восточнѣе, а тускароры—южнѣ послѣднихъ; далѣе къ востоку жили могауки, а по южному берегу Онтарио—сенеки. Область обитанія алгонкинскихъ племенъ была значительно больше, простираясь къ С.-В. до береговъ Атлантическаго океана, а на С.-Западъ—чрезъ всю область Великихъ озеръ, и отъ р. Чёрчилль до западнаго берега Гудзонова залива. Между тѣмъ, какъ племя крисовъ жило въ области между Верхнимъ озеромъ и сѣверной Красной рѣкой (Red river), и къ нимъ примыкали поттавотомисы, чиппеви и оттавы, другая группа той же народности (черноногіе, чіенны и аррапаги) держались близъ Скалистыхъ горъ. Семь племенъ обитали между верхнимъ теченіемъ Миссиссипи и Огайо. Племена береговой полосы, къ которымъ принадлежали и делавары, были расселены на пространствѣ отъ Гудзонова залива до нынѣшней Виргиніи включительно. Легко видѣть, что при тѣхъ пространствахъ, какія раздѣляли племена, и при отсутствіи верховыхъ или воровыхъ животныхъ, сношенія между племенами не могли быть частыми¹⁾. Помимо соціологическихъ и лингвистическихъ данныхъ и помимо географическихъ соображеній, самостоятельность развитія каждаго племени опредѣляется и различіемъ ихъ культурнаго уровня. Мы знаемъ, что культурность отдѣльныхъ племенъ алгонкинской народности представляла различныя градаціи: такъ, крисы и чиппеви на дальнемъ сѣверѣ стояли въ этомъ отношеніи ниже, а шаунисы—выше остальныхъ племенъ этой народности.

Такія же жизненныя условія мы находимъ и въ другихъ названныхъ народностяхъ С. Америки. Всѣ они жили отдѣльными племенами, раздѣленными на кланы и занимающими обширныя территории. Существованіе свое они поддерживали охотой, рыбной лов-

¹⁾ Мы знаемъ, напр., что чоктавы, причисляемые къ мускогійской народности, жили въ 160 англ. миляхъ отъ чиказавовъ, племени той же народности (Waitz, III. 41).

лей и тѣмъ видомъ земледѣлія, которое этнографы справедливо приравниваютъ къ нашему огородничеству. Земледѣліе не обуславливало для нихъ перехода въ дальнѣйшей культурной и общественной стадіи: они оставались охотниками-воинами и искали въ земледѣліи только подспорья для извѣстныхъ періодовъ года. Главными занятіями мужчинъ были охота и война, а земледѣліе почти исключительно составляло занятіе женщинъ. Война велась съ недолгими перерывами, между племенами, не находившимися въ союзѣ между собою. Свирѣпость, съ какою велась война, и жестокость по отношенію къ плѣнникамъ-мужчинамъ, составлявшія неизбѣжную принадлежность войны описываемыхъ индѣйцевъ, еще болѣе содѣйствовали отчужденію между племенами, другими словами, обособленію каждаго изъ нихъ. Въ виду того нельзя и говорить о бракахъ между лицами, принадлежащими къ чуждымъ племенамъ. Эти браки возможны были только въ двухъ случаяхъ—когда вводились въ плѣнъ дѣвушки и женщины, становившіяся добычей побѣдителей, или когда плѣнные мужчины оставались въ живыхъ и вступали въ составъ племени, ради увеличенія его боевой силы. Но послѣднее допускалось только въ племенахъ, близкихъ къ уничтоженію, а первое не могло быть столь обычнымъ явленіемъ, чтобы его можно было ставить наряду съ бракомъ съ свободной женщиной, устанавливавшимъ генеалогію по женской линіи и, вслѣдствіе того, особенно важнымъ въ глазахъ общины: по понятіямъ индѣйцевъ, легальною могла быть только жена, принадлежащая, согласно существующему обычаю, къ извѣстному клану того же племени, такъ какъ ею устанавливались права происхожденія и наслѣдованія. Въ виду обѣихъ указанныхъ причинъ, пріемъ иноплеменныхъ элементовъ могъ быть лишь рѣдкимъ и исключительнымъ; послѣдствія его еще болѣе ослаблялись многоженствомъ. Объ отношеніяхъ съ дружественными племенами, какъ о чемъ-то постоянномъ, можно говорить только для ирокезовъ и древнихъ мексиканцевъ, такъ какъ между племенами остальныхъ народностей союзы были только временными. Однако, и у ирокезовъ сношенія между племенами происходили чрезъ посредство сахемовъ, которые сходились въ опредѣленные сроки или по назначенію «большого совѣта». На военные экспедиціи, рѣшавшія послѣднимъ, когда требовались соединенныя силы союзныхъ племенъ, собирались только мужчины. Религиозныя и другія собранія племенъ, о которыхъ мы читаемъ, не могли быть поголовными сходками мужчинъ и женщинъ всѣхъ союзныхъ племенъ уже въ виду громадности разстояній ихъ мѣ-

стообитаній. Во всякомъ случаѣ, эти собранія людей, говорившихъ различными нарѣчіями, едва-ли могли часто приводить къ заключенію браковъ. Какъ обыкновенное правило, они заключались въ предѣлахъ клана съ соблюденіемъ закона, не допускавшаго браковъ между лицами одного и того же тотема.

При общественной системѣ прокезовъ лица неродственныхъ клановъ въ томъ же племени свободно могли вступать въ бракъ между собою. Экзогамія могла распространяться на племена лишь въ какое-либо отдаленное время, когда они состояли изъ весьма немногочисленныхъ клановъ. Въ то время, когда мы узнали индѣйцевъ по наблюденіямъ и изслѣдованіямъ европейскихъ и американскихъ путешественниковъ и ученыхъ, система клановъ была уже въ полномъ развитіи, и жизнь племенъ дробилась по отдѣльнымъ кланамъ. Послѣдніе образовались сегментаціей или дѣленіемъ, при чемъ кланъ, отдѣлившійся отъ старшаго, сохранялъ съ нимъ связь, и нѣкоторое время экзогамія практиковалась между обѣими фратріями; впоследствии, однако, экзогамія соблюдалась лишь между кланами одной и той же фратріи. Періодъ экзогаміи между фратріями можетъ иллюстрироваться примѣромъ, приводимымъ Банкрофтомъ относительно тлинкитовъ. Это племя дѣлится на два большіе отдѣла или клана—Волка и Ворона, изъ которыхъ каждый дѣлится на нѣсколько под-клановъ (Лягушки, Гуся, Сова и проч. во второмъ, и Медвѣдя, Орла и пр. въ первомъ). Мужчины изъ клана Волка должны брать себѣ женъ изъ клана Ворона, и наоборотъ (Валсг. ор. с., 109). Въ дальнѣйшихъ стадіяхъ племенной организаціи, кланы приобрѣтали полную самостоятельность и особые тотемы, устранявшіе ихъ родство между собою. Такъ, племя могикановъ, принадлежавшее къ алгонкинамъ, дѣлилось на три фратріи, составленныя слѣдующимъ образомъ: I. Фратрія Волка съ четырьмя кланами: 1. Волка, 2. Медвѣдя, 3. Собаки, 4. Опоссума; II. Фратрія Черепахи съ четырьмя кланами: 1. Малой черепахи, 2. Иловой черепахи (Mud. Turtle), 3. Большой черепахи и 4. Желтаго угря; III. Фратрія Индѣйки съ тремя кланами: 1. Индѣйки, 2. Журавля, 3. Цыпленка (Fiske. ор. с., I, 71). Число клановъ въ племени зависѣло отъ численности его, измѣняясь отъ трехъ, какъ было у делаваровъ, до двадцати и болѣе, какъ у чипчевеевъ или крисовъ; среднее число ихъ можно считать въ восемь или десять. Зная теперь, какъ это выяснено американскими учеными, что экзогамія простиралась только на членовъ того же клана (ib. 60), мы видимъ, что это ограниченіе

никакъ не могло вести къ постоянному измѣненію типа, какъ предполагалъ Мор. Вагнеръ, а, напротивъ, вело къ закрѣпленію особенностей, вызывавшихся вліяніемъ естественной среды.

У разсматриваемыхъ нами сѣверо-восточныхъ племенъ, которыхъ взаимное родство и исторію расселенія мы узнаемъ лучше, чѣмъ у описанныхъ выше народностей западной полосы Сѣверной Америки, намъ легче судить о значеніи общихъ и особыхъ признаковъ ихъ. Обще признаки можно найти у всѣхъ названныхъ народностей, но не въ одинаковыхъ сочетаніяхъ и въ различныхъ степеняхъ измѣнчивости. По характеристикѣ Вайца, глаза у всѣхъ поставлены горизонтально; носъ, по большей части, имѣетъ выпуклую верхнюю линію, а иногда и орлиную форму; ротъ довольно большой и губы толстоваты; нижняя челюсть сильно развита и отчасти выступаетъ впередъ, не выказывая, однако, острыхъ выдающихся угловъ, какъ у монголовъ (W., III, 49). Это правило подлежитъ разнообразнымъ исключеніямъ, которыя распредѣляются по племенамъ. Уже разнообразіе въ формѣ головы такъ велико, что можно установить области длинныхъ и короткихъ головъ. Въ восточной части С. Америки мы встрѣчаемъ сравнительно длинноголовыя племена—ирокезовъ, гуроновъ, чирокисовъ, чиказавовъ, делаваровъ и др., а въ западной части сравнительно короткоголовыхъ дакотовъ, натчезовъ, мускогивъ и пр. И эти формы не одинаковы по своему характеру; напр., длинноголовость прокезовъ зависитъ преимущественно отъ развитія затылочной или задней части головы. Чиппеви отличаются хорошо развитымъ лбомъ, уступая въ этомъ отношеніи только семиноламъ, высокимъ ростомъ и худощавымъ сложеніемъ, утолщеніемъ въ колѣняхъ и щиколоткахъ и носами безъ выпуклости верхней линіи ¹⁾. Воронья ин-

¹⁾ Чиппеви, въ числѣ шести мужчинъ въ возрастѣ отъ 23 до 26 лѣтъ, были изслѣдованы Вирховомъ; хотя онъ и допускалъ возможность примѣси посторонней крови, но это обстоятельство не мѣшало ему признать характерное сходство кожи и волосъ и принадлежность всѣхъ къ одной этнической группѣ. Кожа ихъ вовсе не имѣла мѣднаго цвѣта и, при основномъ желтоватобуромъ тонѣ, выказывала слабую примѣсь красноватаго цвѣта. Волосы—блестящаго чернаго цвѣта, прямыя и толстыя. Носъ—сильно развитой, выступающій впередъ; лобъ—округленный. Ростъ довольно высокій, однако, съ значительными колебаніями (min. 1,657. max. 1,795 м.) Колебанія замѣчались и въ формѣ головы, которая у четырехъ изслѣдованныхъ субъектовъ была среднею (мезоцефальною), а у двухъ—короткою. Кисти рукъ были красивой формы, ступни—длинные и спереди широкия, но соразмѣрныя. (J. Ranke, op. c., IV, 311). Измѣренія Вирхова подтверждаютъ нашу мысль о развитіи и закрѣпленіи второстепенныхъ признаковъ путемъ племенного обособленія: мы видимъ у шести особей, принадлежащихъ къ одному и тому же племени, колебанія въ ростѣ и формѣ головы, но не въ цвѣтѣ кожи и волосъ и не въ харак-

дѣйцы (Krähen Stow), принадлежащіе къ дакотамъ, имѣютъ замѣчательно острый лицевой уголъ, которому и обязаны своимъ названіемъ. Они отличаются большимъ ростомъ также, какъ и озаги, чирокисы и пауни. Наоборотъ, поттавотомисы и крисы принадлежатъ къ малорослымъ племенамъ. То-же можно замѣтить и о цвѣтѣ кожи. Особенно темный пвѣтъ указывается у поттавотомисовъ, сѣтковъ и у всѣхъ пауни; озаги, оттавасы и чирокисы свѣтлѣе ихъ; еще свѣтлѣе крики, чоктавы и мандоны ¹⁾. Вообще можно сказать, что племена, живущія на западъ отъ Скалистыхъ горъ, свѣтлѣе племенъ, живущихъ на востокъ отъ этихъ горъ; и племена сѣверныя темнѣе южныхъ, но оттѣнки цвѣта всегда распределяются по племенамъ.

Въ Сѣверной Америкѣ союзъ племенъ, даже и ирокезовъ, не повелъ къ сліянію ихъ между собою; то-же было у ацтековъ. Только въ Перу до времени Завоеванія народообразовательный процессъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ. Мы видимъ тамъ уже не союзъ племенъ, а народъ, хотя еще и въ зачаточной формѣ. Онъ представляетъ въ Америкѣ единственный примѣръ національности съ развитіемъ цѣлаго, особаго правящаго класса, хотя еще и безъ достаточнаго развитія идеи частной собственности (Fiske, op. c., II, 319). По выраженію названнаго автора, это было государство, основанное на началахъ коммунальнаго деспотизма (ib.). Мы знаемъ, что перуанскій народъ составилъ изъ четырехъ племенъ—кечуа, инка, кана и каучи, изъ которыхъ первое дало другимъ свой языкъ, а второе—правлящій классъ или высшую касту. Во времена полубаснословнаго Манко-Капака, эти племена еще ясно дѣлились на кланы (анлусы). Выгодное стратегическое положеніе инковъ въ горной долинѣ Куско дало имъ возможность взять верхъ надъ остальными племенами. Покореніе ихъ не ограничивалось взиманіемъ дани, какъ у ацтековъ: они производили настоящую военную оккупацию завоеванной страны и даже основывали въ ней военныя колоніи. При трехъ пріемникахъ Манко былъ выстроены

терѣ послѣднихъ, замѣчательно однообразныхъ или другими словами, одинаково свойственныхъ всему племени.—На тѣхъ же субъектахъ Кольманъ отмѣтилъ любопытное сочетаніе носа выдающейся или орлиной формы съ лицомъ очень широкимъ въ области скуловыхъ костей (ib.). Это именно то своеобразное сочетаніе признаковъ, о которомъ мы говоримъ, какъ о результатѣ дѣйствія племеннаго изолированія.

¹⁾ Манданы, по описаніямъ принца Видсага, выказываютъ разнообразіе въ строеніи черепа, цвѣтѣ волосъ, ростѣ и пр., не замѣчаемое у другихъ племенъ. Причину этого явленія можно видѣть въ томъ, что манданы въ настоящее время сильно смѣшаны съ маннитарисами (Fiske, l. c., I, 40).

Куско и общественной организаціи былъ приданъ чисто военный характеръ; въ то-же время закончилось покореніе канасовъ и каучисовъ, а при пятомъ правителѣ, Капакѣ Юпанкѣ, совершилось присоединеніе кечуасовъ. Восьмой инка, Вира Коча, распространилъ свою власть и на обширную страну, гдѣ населеніе состояло изъ аймаровъ. Сынъ его, еще болѣе знаменитый воетель, Юпанки, прозванный «Пачакутекъ», что значитъ «измѣняющій міръ», завоевалъ страну чанковъ, гуанковъ и чимусовъ, а его сынъ, Тупакъ Юпанки, завоевалъ еще страну китусовъ, покорилъ нѣсколько дикихъ племенъ въ странѣ чарковъ и проникъ въ Чили, которое было окончательно покорено его сыномъ Гуайяпой ¹⁾. Во всѣхъ завоеванныхъ областяхъ инки помѣщали свои войска, вводили свою администрацію и проводили военныя дороги. Кромѣ того, они подобно азіатскимъ завоевателямъ, чтобы ослабить сопротивленіе покоренныхъ племенъ, часть ихъ переводили въ страны болѣе близкія къ центру ихъ владычества и на ихъ мѣсто переселяли болѣе преданныхъ имъ обитателей другихъ странъ. Такъ, по свидѣтельству Гарсилассо де-ла Вега, Тупакъ Юпанки выселилъ съ острововъ оз. Титикака всѣхъ прежнихъ обитателей и разсѣялъ ихъ по своимъ владѣніямъ; острова эти онъ заселилъ впослѣдствіи людьми, взятыми изъ сорока двухъ племенъ въ различныхъ частяхъ его владѣній. Онъ же, основывая городъ Квито, населилъ его военной колоніей, выведенной изъ окрестностей Куско. Гуайяпа Капакъ поступилъ такъ-же относительно Чили. Покореннымъ племенамъ навязывался и языкъ завоевателей, который иногда держался на ряду съ роднымъ нарѣчіемъ. Всѣ эти приемы вели къ первой стадіи сліянія племенъ, находившихся подъ властью инковъ, къ образованію народа въ самой низшей формѣ. Власть инковъ и ассимиляція покоренныхъ племенъ, къ которой они стремились, чувствовалась всего замѣтнѣе среди четырехъ племенъ, составлявшихъ первоначальное ядро перуанскаго народа, ужъ нѣсколько менѣе среди аймаровъ, еще менѣе среди чимусовъ и др. береговыхъ племенъ, и, наконецъ, всего менѣе въ Квито и Чили (см. Fiske, op. c., 319 и слѣд.).

Съ нашествіемъ испанцевъ искусственный процессъ этническаго объединенія въ царствѣ инковъ останавливается: этническія группы

¹⁾ По исчисленію Фиска, перуанское царство занимало тогда 800,000 кв миль, т. е. равнялось соединенной территоріи Австро-Венгріи, Германской имперіи, Франціи и Испаніи, между тѣмъ, какъ владѣнія Монтекумы не превышали обширностью королевства Виртембергскаго.

остаются приблизительно въ томъ же видѣ, въ какомъ застали ихъ испанцы; время только разрушаетъ то, что осталось послѣ инковъ, разрѣжая и уничтожая туземное населеніе, вносить въ послѣднее чуждый ему, бѣлый элементъ, но не подвигаетъ дальше процесса объединенія. Населеніе тихоокеанскаго побережья отъ 4° с. ш. до 30° ю. ш. въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда его изучалъ Чуди, которому мы обязаны наиболѣе полнымъ изслѣдованіемъ племенъ, нѣкогда входившихъ въ составъ древняго перуанскаго царства, представляло приблизительно ту же группировку, какую мы видѣли въ послѣднемъ періодѣ названнаго царства. Мы находимъ тамъ народъ кечуасовъ, образовавшійся изъ четырехъ первоначальныхъ племенъ царства инковъ — единственный, заслуживающій имя народа въ Америкѣ. У него, вмѣстѣ съ общимъ языкомъ, замѣчается и общій физическій типъ. Изъ указаній старинныхъ испанскихъ писателей можно заключить, что настоящіе перуанцы (четыре объединенныя племени) были малорослы, крѣпкаго сложенія, съ тонкими, «орлиными» чертами лица, мягкой кожей коричневаго цвѣта, тонкими черными волосами и безбороды (Fiske, *op. c.*, II, 320). Это описаніе въ общихъ чертахъ сходится съ описаніемъ нынѣшнихъ перуанцевъ, какое даетъ Дорбиньи въ *L'homme américain* (I, 119) — ростъ 1,597 метра, темно-оливковый цвѣтъ кожи, массивное сложеніе съ сравнительно длиннымъ туловищемъ, большое овальное лицо съ низкимъ, покатымъ лбомъ, горизонтально поставленные глаза, мало выдающіяся скулы, длинный, съ сильно выпуклой верхней линіей, толстый въ нижней части носъ, довольно большой ротъ съ умѣренно полными губами и, въ общемъ, рѣзко намѣченныя черты лица. Въ этомъ общемъ типѣ можно еще отличить широкоплечій, высокогрудый типъ настоящихъ кечуасовъ, съ довольно большой головой и скорѣе круглымъ, чѣмъ овальнымъ лицомъ (*l. c.*, I, 250). Но въ немъ уже яснѣе, чѣмъ въ типахъ отдѣльныхъ племенъ, выступаетъ вліяніе географическихъ провинцій. Мы уже замѣчаемъ два главныхъ типа: типъ горной страны и типъ низменной мѣстности. Это естественное противоположеніе отмѣчено Чуди. Онъ отличаетъ жителей горъ отъ жителей низинъ; первые больше ростомъ, съ большой головой и низкимъ лбомъ, маленькими глазами, большимъ, скорѣе острымъ, чѣмъ плоскимъ носомъ, мало выдающимися скулами, небольшимъ ртомъ, острымъ подбородкомъ, ушами средней величины и нѣжной кожей; вторые меньше ростомъ, съ короткимъ, широкимъ лицомъ, глубокими глазами съ длиннымъ разрѣзомъ, плосковатымъ носомъ

съ большими косыми ноздрями, четверугольными выступающими скулами, большимъ ртомъ съ крупными губами, маленькимъ круглымъ подбородкомъ и большими отстающими ушами («Regu», II, 238). Эти типы болѣе обширныхъ географическихъ провинцій не совсѣмъ еще выработались и установились: племенные или обособленные типы мелкихъ областей все еще сказываются. Какъ поясняетъ Чуди, указанные горный и низинный типы не имѣютъ рѣзкихъ границъ, легко переходя другъ въ друга; и почти въ каждой провинціи можно замѣтить особое образованіе лица у жителей (I. c., 359). Вайцъ дополняетъ это интересное для насъ свидѣтельство указаніемъ Вильявисенсіо, испанскаго географа, составившаго относящееся къ пятидесятымъ годамъ настоящаго столѣтія описаніе республики Эквадоръ, что цвѣтъ кожи перуанцевъ часто обнаруживаетъ замѣтныя различія отъ одной деревни до другой (W., IV, 390).

Во всѣхъ этихъ указаніяхъ выступаютъ наглядно и вліяніе географическихъ провинцій, и вліяніе племенного изолированія. Именно, въ большихъ дѣленіяхъ—въ горномъ и низинномъ типахъ Чуди—мы можемъ видѣть первое, а въ мелкихъ различіяхъ—последнее. При этомъ первое отражается въ первостепенныхъ признакахъ—въ ростѣ, сложеніи, приспособленности организма къ мѣстнымъ условіямъ, а второе въ признакахъ второстепенныхъ—складѣ лица, формахъ отдѣльныхъ частей его, цвѣтѣ кожи. Отмѣчаемъ пока данныя, доставляемые намъ населеніемъ Перу, въ ожиданіи примѣровъ аналогичныхъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на этническихъ особенностяхъ Ю. Америки, такъ какъ она представляетъ уже извѣстную намъ картину разрозненныхъ племенъ. Говоря о сѣверной части Ю. Америки и прилежащихъ къ ней островахъ, Вайцъ отказывается дать общую характеристику главныхъ народностей ея—карайбовъ и ароваковъ, потому что эта характеристика могла бы выйти «только крайне несовершенной и противорѣчивой» (W., III, 368). Мы знаемъ, что затруднительность общей характеристики въ такихъ случаяхъ зависитъ отъ разнообразія племенныхъ типовъ, причисленныхъ, по лингвистическимъ или географическимъ основаніямъ, къ извѣстной народности. Этимъ разнообразіемъ объясняется, между прочимъ, разногласіе Морсона и Ретціуса въ опредѣленіяхъ господствующей формы черепа въ сѣверной части Ю. Америки. Первый считалъ населеніе этой части «вообще короткоголовымъ»; по мнѣнію второго, въ Венецуэлѣ, Гвианѣ, Бразиліи

и Парагваѣ преобладаетъ длинноголовая форма, соединенная съ косозубіемъ. Дорбиньи отмѣчаетъ лишь большое разнообразіе головныхъ формъ, замѣчаемое и при сравненіи племенъ различныхъ народностей, и племень одной и той же народности; поэтому онъ признаетъ невозможнымъ установленіе общихъ признаковъ формы черепа у обитателей названной части Ю. Америки (*L'homme amérigic.* I, 119). По отношенію къ цвѣту кожи, мы видимъ только одно общее начало, согласно указываемое многими путешественниками, — а именно, болѣе свѣтлый цвѣтъ у племень, живущихъ въ густыхъ лѣсахъ, и болѣе темный у племень, обитающихъ въ открытыхъ мѣстностяхъ¹⁾. Здѣсь выступаетъ дѣйствіе окружающей среды, но, какъ и въ другихъ случаяхъ, большая или меньшая степень этого дѣйствія распредѣляется по племенамъ. Такъ, по описанію Гумбольдта (*R. in d. Aeq. Geg.* IV, 491), отомаки и гуаносы отличаются особенно темнымъ, а гуанкасы — особенно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Если племенные отличія у старинныхъ путешественниковъ болѣе или менѣе скрыты подъ особенностями, приурочиваемыми къ извѣстнымъ мѣстностямъ, гдѣ они наблюдали туземцевъ²⁾, то у новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей особенности, замѣчаемыя въ различныхъ мѣстностяхъ, отнесены уже къ племенамъ. Мы можемъ видѣть это у Роб. Шомбургка, которому принадлежитъ одно изъ наиболѣе полныхъ и тщательныхъ изслѣдованій означенныхъ странъ («*Reise in Guiana und am Orinoco*»). Онъ описываетъ различія типовъ у племень, причисляемыхъ имъ къ караибской народности, — у акаваевъ, макузиевъ, макиритаровъ, вапизановъ, арекуновъ и др. (*Schomburgk*, op. c., I, 121, 197, 358, 402; II, 42, 208). И Гумбольдтъ, который, какъ мы видѣли выше, склоненъ отмѣчать болѣе сходства, чѣмъ различія у тузем-

¹⁾ Такъ, въ дѣтскомъ возрастѣ окраска кожи свѣтлѣе. Когда послѣдняя подверглась дѣйствію солнечныхъ лучей, она постепенно темнѣетъ. У племень янамади, ипурима и ботокудовъ кожа свѣтлѣе въ зависимости отъ ихъ жизни въ чащѣ тропическаго лѣса. Отмѣтимъ здѣсь также указаніе англійскаго миссіонера Берлау, приводимое Вайцемъ (III, 373), что ароваки, живущіе на берегу моря, имѣютъ цвѣтъ кожи болѣе темный, чѣмъ тѣ же ароваки внутри страны. Это наблюденіе совпадаетъ съ тѣмъ, что мы видѣли у племень тихоокеанскаго побережья.

²⁾ Колумбъ отмѣтилъ, что въ Партии туземцы имѣютъ окраску гораздо болѣе свѣтлую, чѣмъ на островахъ. Петеръ Мартиръ нашелъ окраску обитателей Куманы почти столь же свѣтлой, какъ у испанцевъ, и т. д. (*W.*, III, 371).

цевъ Африки, останавливается на особенностяхъ гуакерисовъ, чай-масовъ и др. (ор. с., I, 333; II, 189 и пр.).

Намъ нѣтъ надобности вдаваться подробно въ запутанную этнографію туземнаго населенія Бразиліи, въ которомъ Варденъ насчитываетъ 387, а Марціусъ—245 этническихъ группъ. При такой многочисленности группъ, пробѣлы, которыми вообще страдаетъ этнографія Америки, возрастаютъ еще болѣе. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ, по большей части, только остатки прежнихъ племень, разрозненныя звенья цѣпи, которую мы напрасно старались бы возстановить въ цѣломъ видѣ. Установить предѣлы распространенія тупи-гваранійской народности и принадлежность къ ней тѣхъ или другихъ племень, обитающихъ въ Бразиліи, еще труднѣе, чѣмъ опредѣлить племена народности караибо-аровакской, господствующей въ сѣверной части Южной Америки. Какъ и въ другихъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о населеніи обширной области попытки установить общіе признаки его наталкиваются на множество исключеній. Дорбиньи (*L'homme amérícain*, II, 292) называетъ цвѣтъ кожи тупи-гваранисовъ свѣтлымъ—желто-бурымъ съ примѣсью краснаго оттѣнка, но принцъ Макс. Видскій отмѣчаетъ множество отступленій отъ этого общаго свойства. Здѣсь, также какъ и у народовъ, живущихъ къ сѣверу отъ Бразиліи, лѣсные обитатели (гуарайи, сиріоны и др.) оказываются съ болѣе свѣтлой окраской, чѣмъ жители открытыхъ мѣстностей (чиригуаны и др.)¹⁾. Форма черепа тупи-гваранисовъ, какъ и у многихъ другихъ американскихъ народностей, отчасти скрывается деформированіемъ, хотя послѣднее, повидимому, преимущественно свойственно сѣвернымъ гуаранисамъ. Относительно нормальной формы черепа описываемой народности между краниологами существуетъ значительное разногласіе. Ретціусъ причисляетъ ихъ къ долихоцефаламъ-прогнатамъ, а Дорбиньи, Ренггеръ, Спиксъ и Марціусъ считаютъ ихъ скорѣе короткоголовыми (*W.*, III, 414). Это разногласіе, какъ и въ другихъ случаяхъ, мы объясняемъ тѣмъ, что различные изслѣдователи производили свои измѣренія надъ черепами различныхъ племень, обладавшихъ неодинаковыми формами. Скорѣе можно говорить объ общемъ типѣ сложенія тупи-гваранисовъ, или, по крайней мѣрѣ, о господствующемъ типѣ. Повидимому, такимъ типомъ долженъ считаться малорослый, широкоплечій, широкогрудый, коротконогіи и короткорукій типъ, о которомъ согласно говорятъ

¹⁾ Ср. b.

Дорбиньи, Ренгеръ, Спиксъ и Маршусъ. Такъ, при средней величинѣ роста гваранисовъ въ 5 ф., гуарайи достигаютъ 5 ф. 1¹/₂ д., а чиригуаны—5 ф. 4 д. Азарá и Дорбиньи отмѣчаютъ нѣкоторую особенность типа гваранисовъ, отличающую ихъ отъ другихъ южно-американскихъ народностей и заключающуюся въ большомъ развитіи растительности на лицѣ и на тѣлѣ («L'homme améríc.», II, 55), хотя губы, подбородокъ и щеки опущены въ достаточной мѣрѣ только у гуарайевъ. Въ общемъ видѣ, фізіономія гваранисовъ казалась изслѣдователямъ монголовидной—круглой, съ маленькими косо поставленными глазами, короткимъ носомъ, съ грубыми, черными волосами на головѣ. Впрочемъ. мы встрѣчаемъ указанія на племена съ правильными, въ европейскомъ смыслѣ, чертами лица на Амазонкѣ и на племена со свѣтлыми волосами и голубыми глазами въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ. О послѣднемъ фактѣ свидѣтельствуютъ изъ старинныхъ писателей де-Леть, а изъ болѣе новыхъ Азарá (IV. III, 413, 415).

Господствующій типъ гваранисовъ, о которомъ мы только что говорили, можно считать результатомъ географическихъ условій, такъ какъ, въ общихъ чертахъ, онъ встрѣчается у племенъ, не причисленныхъ къ гваранійской народности. Таковы, напр., коропы, ороады и пурисы. Ихъ родство между собою Вайцъ считаетъ сомнительнымъ, такъ какъ въ чертахъ лица каждаго изъ этихъ племенъ¹⁾ замѣчаются значительныя отличія (W., III, 438); тѣмъ не менѣе, всѣ они выказываютъ извѣстное сходство въ сложеніи—малорослость, приземистость, короткія, хотя и тонкія ноги. Впрочемъ, мы знаемъ немного болѣе, чѣмъ имена племенъ, живущихъ на Мараньонѣ и его притокахъ, и не можемъ идти дальше этихъ общихъ указаній.

Болѣе извѣстны намъ ботокуды восточной Бразиліи. Въ общихъ чертахъ они были изучены еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія настолько, что описаніе, приводимое Вайцемъ, со словъ принца М. Видскаго, Бори и С.-Илера, подтверждается и новѣйшими изслѣдователями. Согласно этому описанію, типъ ботокудовъ близко подходит къ указанному выше болѣе или менѣе малорослому и коренастому типу. Въ особенности это можно сказать о сѣверной

¹⁾ Противопоставлять короадовъ другимъ этническимъ группамъ едва ли основательно, такъ какъ этимъ именемъ (coroados) португальцы называли различныя племена, имѣвшія обычай выбривать себѣ голову въ видѣ тонуры. Тѣмъ не менѣе, показанія Эшwege о короадахъ „европейскаго“ или „сѣверо-американскаго“ типа имѣетъ интересъ, какъ противоположеніе послѣдняго съ южно-американскимъ типомъ.

вѣтви ботокудовъ, у которой принцъ Видскій отмѣчаетъ короткую шею, плоскій носъ, тонкія ноги и свѣтлый цвѣтъ кожи. Въ качествѣ другихъ признаковъ ботокудовъ, названный авторъ указываетъ, при сложениіи вообще правильномъ, средній ростъ, мускулиность, широкія плечи и широкую грудь. Это тѣмъ интереснѣе, что за ботокудами не признается родства ни съ туни-гваранисами, ни съ короадами. Въ послѣдніе годы ботокудамъ посвятилъ любопытное изслѣдованіе Эренрейхъ (*Zeitschr. f. Ethnol.*, XIX). Названный авторъ обращаетъ особое вниманіе этнологовъ на ботокудовъ, какъ на племя, сумѣвшее сохранить въ своей гористой и лѣсистой родинѣ политическую и этническую самостоятельность. Такимъ образомъ, для насъ ботокуды получаютъ значеніе, какъ примѣръ вполне изолированнаго племени; на изслѣдованіи ботокудовъ, принадлежащемъ современному антропологу, мы можемъ провѣрить нѣкоторые изъ нашихъ предыдущихъ выводовъ, построенныхъ на изученіи племенъ преимущественно времени болѣе или менѣе давняго, на которомъ мы останавливались предпочтительно, такъ какъ тогда племена Америки были въ менѣе разрушенномъ состояніи, чѣмъ въ наше время. Благодаря малой доступности скатовъ и отроговъ Сіерра-досъ-Айморесъ, родины ботокудовъ (иначе называемыхъ айморесами), послѣдніе могли сохранить или вполне самостоятельно видоизмѣнить свой типъ. Эренрейхъ даетъ слѣдующіе антропологическіе признаки ботокудовъ: ростъ ихъ, въ среднемъ, 1586 мм. у мужчинъ и 1495 мм. у женщинъ. Длина верхнихъ конечностей довольно значительна, а именно, по отношенію къ высотѣ всего тѣла, у мужчинъ въ среднемъ она равняется 46,3, а у женщинъ — 44,25%, составляя одно изъ отличій ботокудовъ отъ рассмотрѣнныхъ выше типовъ. Подобно послѣднимъ, нижнія конечности ботокудовъ довольно коротки, хотя этотъ признакъ отчасти скрадывается слабымъ развитіемъ мускулатуры, въ особенности, въ голени. Тѣмъ не менѣе, мускулатура ботокудовъ должна быть названа скорѣе хорошо развитой, хотя и уступаетъ мускулатурѣ негровъ. Ротъ у ботокудовъ широкъ, но губы не толсты; скулы ихъ, сильно выступающія на черепѣ, на живомъ лицѣ нѣсколько скрываются полнотою щекъ. Носъ, очень узкій у корня, болѣе и болѣе расширяется къ концу, при чемъ переносица вогнута и крылья носа очень широки, а ноздри велики. Глаза, въ соотвѣтствіи съ узкостью носовой кости, сближены между собой и лежатъ глубоко. Разрѣзъ глаза не великъ, миндалевидный и нѣсколько косъ, подобно монгольскому глазу, но съ тою разницею, что складка верхняго вѣка у ботокудовъ менѣе

раавита (I. с., 15). Цвѣтъ кожи ихъ весьма свѣтлый, въ особенности у молодыхъ особей; у болѣе пожилыхъ кожа принимаетъ различные оттѣнки бурога цвѣта, переходящаго на отдѣльныхъ частяхъ тѣла. какъ, напр., на груди, на бедрахъ и на наружной поверхности рукъ, въ болѣе темные оттѣнки. Самую свѣтлую окраску вообще выказываетъ лицо. Цвѣтъ волосъ нельзя назвать вполнѣ чернымъ: онъ измѣняется у различныхъ племенъ, что вполнѣ опредѣленно отмѣчено Эренрейхомъ. По его наблюденію, у ботокудовъ на Ріо Досе волосы у новорожденныхъ красновато-русаго цвѣта (rothbraun) и темнѣютъ постепенно, по мѣрѣ приближенія періода возмужалости. но и у пожилыхъ людей сохраняютъ красноватобурый оттѣнокъ. въ особенности при косо падающемъ свѣтѣ (I. с., 19). «Различіе, какое замѣчается въ этомъ отношеніи у различныхъ племенъ. говорить Эренрейхъ, видно изъ образцовъ волосъ, которые я имѣлъ отъ 8 — 9-лѣтней дѣвочки изъ племени позеза и которые выказывали слабо выраженное бурое окрашиваніе, и волосъ 16 — 17-лѣтняго юноши изъ племени икагирунъ, не имѣвшихъ ни малѣйшей примѣси бурога оттѣнка» (I. с., 20). Распространенное мнѣніе, будто ботокуды служатъ настоящими представителями монгольскаго типа въ Америкѣ, Эренрейхъ рѣшительно отвергаетъ. Онъ признаетъ, что среди ботокудовъ нерѣдко встрѣчаются фізіономіи, напоминающія сѣверно-азиатскій типъ, но у большинства сходство ограничивается формой разрѣза глаза. Цвѣтъ кожи, повидимому, схожій съ желтымъ цвѣтомъ китайцевъ, содержитъ въ основномъ тонѣ больше краснаго цвѣта и приближается скорѣе къ свѣтлымъ оттѣнкамъ европейскаго бѣлага цвѣта. Уже значительныя различія въ строеніи черепа ботокудовъ въ сравненіи съ монгольскимъ обусловливаютъ различія въ формѣ головы и образованіи лица. Лобъ у ботокудовъ шире и ниже, глаза лежатъ глубже и ближе другъ къ другу, чѣмъ у монголовъ. Переносица выступаетъ у ботокудовъ гораздо рѣзче, такъ что лицо ихъ, несмотря на выдающіяся скулы, далеко не кажется столь-же плоскимъ, какъ у азіатовъ. Соотношенія частей тѣла изучены еще слишкомъ мало, но, вѣроятно, и они представляютъ не малыя различія между обоими описываемыми типами. Волосу ботокудовъ, какъ и другихъ туземцевъ, не достаетъ своеобразнаго блеска монгольскаго волоса; хотя поперечный разрѣзъ обоихъ имѣетъ почти одинаковую форму, но волосъ ботокуда не выказываетъ густой синеватой черноты волосъ монгола (I. с., 20—21). Другими словами, сохранивъ отчасти *habitus* монголовъ, ботокуды выработали многія уклоненія отъ этого типа.

Ботокуды могутъ считаться представителями первоначальнаго длинно-головаго типа, распространеннаго по всей части Южной Америки. Рѣшительной длинноголовости мы не находимъ у нихъ, такъ какъ ботокудскіе черепа скорѣе выказываютъ среднеголовость, но, по мнѣнію Эренрейха, эти черепа всего ближе подходятъ къ древнимъ черепамя, найденнымъ Лундомъ въ пещерѣ близъ Лагоа-Санта. По свидѣтельству Эренрейха, нынѣшніе ботокудскіе и древніе пещерные черепа Лунда обнаруживаютъ такое близкое сходство во всѣхъ частяхъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ родственности обояхъ типовъ (I. с. 78) ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ ботокудахъ возможно видѣть представителей длинноголоваго элемента первичнаго американскаго населенія. Мы видѣли выше, что нѣкоторыя основанія позволяютъ признавать потомковъ той же длинноголовой расы въ эскимосахъ. Нѣкоторое общее сходство ботокудовъ съ сѣверными азіатами и ихъ сравнительная длинноголовость выясняютъ еще болѣе первичный длинно-головый американскій типъ, позволяя видѣть въ немъ основныя черты эскимосскаго и ботокудскаго типовъ. У ботокудовъ мы видимъ, что племенной типъ можетъ сохраняться съ самой глубокой древности при условіи географическаго изолированія. Эренрейхъ указываетъ, что ботокудскій черепъ представляетъ совершенную противоположность черепу типа южно-бразильскихъ «самбаки» ²⁾, и отвергаетъ мнѣніе Ретціуса, который причисляетъ ботокудскіе черепа къ гваранійскому типу. По мнѣнію Эренрейха, ботокуды настолько отличаются отъ тупи-гваранисовъ, что между тѣми и другими должны были существовать коренныя отличія уже при первомъ переселеніи въ ихъ нынѣшнія мѣстообитанія. Предположеніе, будто ботокуды представляютъ смѣшанное населеніе, онъ считаетъ «легкомысленной и безсодержательной гипотезой». Онъ находитъ возможнымъ признать родство ботокудовъ лишь съ обитающей къ сѣверу отъ туписовъ народностью жеъ (Gez), восточная и юго-восточная часть которой, сохранившаяся только въ видѣ племени гойатаковъ, осталась на такой же низкой культурной ступени, какъ и ботокуды, а западная поднялась гораздо выше. По всей вѣроятности, въ ботокудахъ мы видимъ древнѣйшихъ пред-

¹⁾ Замѣчаніе Эренрейха подтверждаетъ мысль Катрфажа о преемственности у ботокудовъ доисторическихъ череповъ, отысканныхъ Лундомъ, и во всякомъ случаѣ, ослабляетъ возраженіе, какое Ратцель дѣлаетъ Катрфажу (Völkerkunde, II, 545).

²⁾ Бразильскихъ кьеккенмединговъ, впрочемъ, довольно неопредѣленнаго происхожденія (см. замѣтку Игеринга въ „Ausland“, 1891, № 8).

ставителей народности жесь, оставшихся всего ближе къ первичному состоянію ея (I. с., 78—81). Намъ приходится пожалѣть вмѣстѣ съ Эренрейхомъ, что у насъ нѣтъ точныхъ антропологическихъ свѣдѣній объ отношеніяхъ ботокудовъ къ другимъ племенамъ народности жесь. Во всякомъ случаѣ, въ ботокудахъ мы имѣемъ примѣръ самостоятельно развившагося типа и можемъ прослѣдить на нихъ, какимъ образомъ въ данной мѣстности видоизмѣнился сѣверно-азиатскій или эскимосскій типъ. Въ образованіи ботокудскаго типа не участвовала примѣсь другихъ элементовъ: слѣдовательно, онъ долженъ быть признанъ результатомъ вліянія географическихъ условій при полномъ изолированіи. Дѣйствіе послѣдняго яснѣе выступаетъ въ различіяхъ-отдѣльныхъ группъ ботокудовъ, выработавшихъ отличія, которыя, при другой точкѣ зрѣнія, легко было бы признать коренными или расовыми, т. е. приписать ихъ различному происхожденію; между тѣмъ, мы съ полною наглядностью можемъ видѣть, что это—отличія племенные.

Несмотря на то, что остальные племена Ю. Америки, особенно Ц. Бразилии, изучены еще менѣе ботокудовъ, работы Эренрейха и ф. д. Штейнена даютъ намъ рядъ цѣнныхъ указаній, проливающихъ свѣтъ въ запутанныя и сложныя условія жизни мелкихъ племенъ, ютящихся въ Матто-Гроссо и на р. Шингу. Тамъ, гдѣ на Шингу отдѣльныя племена раздроблены на деревни и орды, они представляютъ чисто семейные типы, которые, впрочемъ, сглаживаются довольно частыми экзогамическими браками. Всего характернѣе для этой группы населенія Ю. Америки являются бакайри. Имъ родственны апака, нынѣ живущіе отъ нихъ вдали. Наиболѣе отъ нихъ рѣзко отличаются нахуки, несмотря на близкое родство языка. То же можно сказать и относительно мехинаку, выказывающихъ несомнѣнно фамиліное сходство. Рѣзко отличаются и антропологически, и этнологически—трумай. Среди бакайри и мехинаку не рѣдки красивыя и рослыя фигуры, между нахука и ауэтѣ, наоборотъ, часто попадаются захудалыя и изуродованныя особи. Особенно это относится къ яулаунити и трумай. Парессии вообще малорослы. приземисты, имѣютъ короткую шею и круглую голову. Наиболѣе развитыми и рослыми фигурами обладали бороро, хотя гармонию членовъ нарушали несоразмѣрно длинныя голени и дряблыя икры.

Бороро отличаются своимъ ростомъ при сравнительно узкой груди, формой головы, отступающей отъ племенъ шингу и арагвайя и поразительнымъ различіемъ между полами; карайи—также своею крайне характерною, замѣтною въ особенности на кости-

стомъ черепъ, гипсодолихоцефальною формою головы съ рѣзко моделированнымъ образованіемъ носа, поразительно высокимъ лицомъ, длинными предплечіями, короткими стопами и также большими различіями между полами, преимущественно коротконогостью женщинъ. Трумай узнаются изъ всѣхъ племенъ шингу, главнымъ образомъ, образованіемъ головы и лица. Изъ прочихъ племенъ кайяпы отличаются преимущественно формой головы, брахицефалией, при малой высотѣ, къ чему присоединяется выступающее всего болѣе на костистомъ черепѣ образованіе носа.

Форма рукъ и ногъ представляетъ въ предѣлахъ этой группы рядъ племенныхъ отличій.

Волосы индѣйцевъ Бразиліи, какъ и другихъ жителей Ю. Америки, бываютъ какъ прямые, такъ и кудрявые, только у бороро и нарайа они прямые и жестокіе и напоминаютъ волосы типичныхъ монголовъ. Курчавые и кудрявые волосы чаще всего распространены у бакайри, притомъ у наиболѣе свѣтлыхъ особей.

Мы не будемъ далѣе касаться остальныхъ народностей Ю. Америки, такъ какъ онѣ изучены еще меньше, разсматриваются обыкновенно въ видѣ искусственныхъ группъ подъ именами, данными имъ европейцами (въ родѣ патагонцевъ и т. п.), и въ этой группировкѣ отдѣльность племенъ выступаетъ не всегда достаточно ясно. Тѣмъ не менѣе, изъ того, что мы слышимъ о различіи роста, достигающаго въ нѣкоторыхъ группахъ до наибольшаго предѣла человеческого роста, о различіи цвѣта кожи отъ свѣтло-бураго до оливково-бураго и др., о различіяхъ среди «пампасскихъ индѣйцевъ» и арауканцевъ, показываетъ намъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣми же антропологическими явленіями, какія видѣли выше.

Изъ всего, что мы наблюдаемъ въ Америкѣ, мы считаемъ себя вправѣ заключить, что туземное населеніе ея состоитъ изъ обособленныхъ племенъ, выработавшихъ свои вторичные признаки путемъ изолированія. Примѣненіе сепарационнаго закона М. Вагнера, по крайней мѣрѣ, объясняетъ намъ появленіе этихъ признаковъ, тогда какъ другіе способы объясненія, употребительные въ антропологии, не даютъ намъ разъясненія этихъ явленій. Съ меньшею ясностью выступаетъ передъ нами вліяніе географической среды, будучи заслонено образованіемъ признаковъ условіями изолированія группы. Для каждаго даннаго племени мы не можемъ рѣшать — имѣемъ ли мы дѣло по отношенію къ его росту и сложенію съ непосредственнымъ или посредствующимъ дѣйствіемъ среды, или же

съ закрѣпленіемъ первоначальныхъ признаковъ группы, которые она принесла въ нынѣшнее мѣстообитаніе ея и которые упрочились изолированіемъ. Мы полагаемъ, однако, что причина этой неопредѣленности лежитъ отчасти въ малой изученности племенъ. въ недостаточномъ вниманіи, какое удѣлялось до сихъ поръ этой этнической единицѣ. Америка позволяетъ видѣть намъ, напр., въ Средней Калифорніи, что наибольшее разнообразіе племенныхъ типовъ въ извѣстной области совпадаетъ съ низшимъ физическимъ развитіемъ и низшей стадіей народообразовательнаго процесса. Разнообразіе уступаетъ мѣсто нѣскольکو большему сходству при повышеніи типа и при достиженіи слѣдующей степени этого процесса. Мы видимъ эту ступень въ союзѣ племенъ, подобномъ ирокезскому союзу, дававшемъ перевѣсъ надъ разрозненными племенами и способствовавшемъ уничтоженію и поглощенію послѣднихъ; вслѣдствіе такого устраненія нѣкоторыхъ типовъ, общее число ихъ должно было сокращаться. Въ продолжительной, вѣковой борьбѣ, какая велась между враждующими племенами, перевѣсъ долженъ былъ оставаться на сторонѣ болѣе жизненныхъ и энергичныхъ племенъ, т. е. представляющихъ типы наибольшей приспособленности, наиболѣе гармоничныхъ съ окружающей средой. Въ этихъ торжествующихъ племенахъ мы, до извѣстной степени, имѣемъ право видѣть господствующіе типы и искать въ нихъ наиболѣе тѣсной связи съ ихъ «географической провинціей». Но окончательное рѣшеніе вопроса мы находимъ въ послѣдней стадіи этническаго процесса, въ образованіи этническаго цѣлаго или «народа», какъ мы это видимъ въ единственномъ примѣрѣ для Америки — у перуанскихъ кечуа. Въ этомъ этническомъ смѣшеніи отдѣльные признаки составныхъ частей или первоначальныхъ группъ уже сглаживаются и стираются, и превращеніе совершается въ духѣ типа одной изъ этихъ группъ, какъ, напр., — въ нашемъ случаѣ — кечуа. Въ дальнѣйшемъ видоизмѣненіи этого типа, въ образованіи двухъ разновидностей его, горной и низинной, дѣйствіе «географическихъ провинцій» выступаетъ уже съ полной наглядностью, но и преобладаніе кечуа должно быть приписано ему, какъ типу, наиболѣе соответствующему области своего обитанія.

Намъ остается взглянуть, насколько этнологическія явленія, представляемыя другими частями свѣта, аналогичны съ явленіями, отмѣченными нами въ Америкѣ.

Г Л А В А VII.

Племенной составъ дикаго населенія Австраліи, Океаніи и юго-восточной Азіи.

Мы не находимъ другого материка съ положеніемъ столь уединеннымъ, какъ Америка, гдѣ примѣси другихъ расовыхъ элементовъ въ туземномъ населеніи могли быть только случайными и ничтожными. Австралія въ географическомъ смыслѣ принадлежитъ къ Старому Свѣту; хотя ея фактическая изолированность не уступаетъ уединенности Америки, представляя полную своеобразность растительныхъ, животныхъ и человѣческихъ типовъ, но ея близость къ Азіи, къ Меланезіи и Микронезіи открываетъ просторъ для гипотезъ о родствѣ ея типовъ съ типами окружающихъ расъ. Тѣмъ не менѣе, возможность участія послѣднихъ въ происхожденіи первыхъ не облегчаетъ задачи антрополога. Отыскать въ австралійскомъ населеніи признаки, позволяющіе распредѣлить его по расамъ, до сихъ поръ не удастся; не удастся и доказать въ немъ единство, которое позволяло бы считать его одною расой въ обыкновенномъ антропологическомъ смыслѣ слова, т. е. падѣленныя общими характерными признаками. Попытки Стэнлиленда Уэка и Гэля установить эти признаки нельзя назвать удовлетворительными. Первый изъ названныхъ ученыхъ видѣлъ такія примѣты въ 1. выдающихся надбровныхъ дугахъ, 2. узкости нижней челюсти, 3. боковомъ расширеніи ноздрей въ связи съ вдавленностью корня носа, 4. значительной ширинѣ рта, 5. (случайномъ) отсутствіи различій между клыками и рѣзцами, 6. шелковистыхъ, за немногими исключеніями, волосахъ, 7. усиленномъ развитіи волосъ на тѣлѣ многихъ особей; къ этимъ признакамъ онъ присоединялъ достаточное развитіе косозубія, длинную форму черепа и наименьшій объемъ его, по сравненію со вмѣстимостью черепа другихъ расъ. Первые семь признаковъ можно назвать второстепенными сравнительно съ тремя послѣдними, а эти-то послѣдніе,

оказываются наиболее шаткими. Малый объем черепа был бы весьма характерен, если-бы онъ не подвергался значительнымъ колебаніямъ, а именно, отъ 1093 до 1472 и даже до 1710 куб. см. (по Дэвису). Точно такъ-же едва-ли можно говорить о длинно-головой формѣ, когда указатель (по отношенію длины къ ширинѣ) колеблется отъ 68 до 80. О косозубіи австралійцевъ Топинарь замѣчаетъ, что «у нѣкоторыхъ австралійскихъ череповъ обѣ челюсти и обѣ дуги съ зубными ячейками выступаютъ впередъ настолько, что образуется подобіе звѣриной морды; у другихъ зубы нижней челюсти поставлены прямо, у третьихъ зубы верхней челюсти косы, у четвертыхъ тѣ и другіе прямы». Тотъ-же ученый опровергаетъ общность вдавленности корня носа и покатого лба для всѣхъ австралійцевъ: изъ числа изслѣдованныхъ имъ череповъ (18), треть не выказывала этихъ признаковъ; въ цѣлой половинѣ ихъ не доставало также и приписываемой австралійцамъ крышеобразной формы черепа. Носовой указатель, весьма цѣннымъ французскими антропологами въ качествѣ расоваго признака, колеблется (по опредѣленію Брока) у австралійцевъ между 42 и 62, тогда какъ у бѣлой расы колебаніе остается въ предѣлахъ 40—48, а у черной—50—58. Ратцель, указывая эти противорѣчія, прибавляетъ къ нимъ указаніе Дэвиса, которому между австралійскими черепами пришлось видѣть черепъ «почти вполнѣ европейскаго образованія», и указаніе Гама, что изъ семи или восьми австралійскихъ скелетовъ, находящихся въ Европѣ, часть ихъ обнаруживаетъ соотношенія негрскихъ, а другая часть—европейскихъ скелетовъ (Völkerk., II, 17). По мнѣнію Ратцеля, эти различія въ строеніи австралійскихъ череповъ располагаютъ скорѣе къ классифицированію ихъ, чѣмъ къ объединенію, но онъ самъ признаетъ, что четверное дѣленіе Картеръ Блэка и такое же дѣленіе Топинара основаны на совершенно иныхъ признакахъ, слѣдовательно, представляются достаточно искусственными.

Въ такихъ-же обширныхъ предѣлахъ колеблется и цвѣтъ кожи австралійцевъ, начиная отъ желтаго до бархатно-чернаго, переходя чрезъ самые разнообразныя оттѣнки бураго цвѣта. То-же можно сказать и о волосахъ, которые описываются и шерстистыми, и курчавыми и т. д. Типъ австралійцевъ представляется этнографамъ «среднимъ между негрскимъ и малайскимъ», но допустить, что они дѣйствительно произошли отъ смѣшенія двухъ названныхъ типовъ, невозможно, въ виду случаевъ, когда австралійцы, напр., южные, выказываютъ значительную волосистость тѣла и даже растительность на лицахъ женщинъ: это явленіе вполнѣ противорѣ-

читать нашему понятію какъ о негрскомъ, такъ и о малайскомъ типѣ.

Уже этихъ оговорокъ было бы достаточно, чтобы отказаться отъ опредѣленія «общаго типа» австралійцевъ, но стремленіе соединять сходныя черты и выискивать такія, которыя могутъ считаться отличительными по сравненію съ другими расами, еще такъ сильно въ наукѣ, что ему подчиняются наиболѣе строгіе и критическіе умы. Именно такимъ стремленіемъ можемъ мы объяснить заключеніе, къ какому приходитъ I. Ранке относительно двухъ группъ австралійцевъ, изслѣдованныхъ Вирховомъ. О первой группѣ, состоявшей изъ трехъ молодыхъ особей, было извѣстно, что она родомъ съ острова Фрзера противъ Мэриборо въ Квинслэндѣ, а о второй (изъ семи лицъ) существовало предположеніе, что она изъ самаго Квинслэнда. Ранке уже въ первой группѣ признаетъ «превосходные образцы (specimina) этой (т. е. всей австралійской) расы» («Der Mensch», II, 329). Въ особенности одинъ изъ юношей и молодая дѣвушка казались ему «настоящими роскошными экземплярами», а другой молодой человѣкъ, хотя, повидимому, родственникъ дѣвушки, имѣлъ «менѣе типичную (ausgeprägter) фізіономію» ¹⁾. Типичнымъ для фізіономіи австралійца, по возрѣнію Ранке, является особое образованіе носа; онъ не поясняетъ, какое именно образованіе этой части лица онъ считаетъ характернымъ; но, судя по той особенноти австралійскаго носа, которая выдвигается въ этнографическихъ описаніяхъ, а именно, вдавленности носового корня, можно предположить, что онъ имѣетъ въ виду именно этотъ признакъ. И этотъ единственный отличительный признакъ оказывается выраженнымъ настолько не одинаково, что въ двухъ наблюдаемыхъ особяхъ уже замѣчается различіе въ этомъ отношеніи ²⁾. По своей своеобразности, фізіономіи второй группы должны быть признаны болѣе типичными, такъ какъ, въ цѣломъ, менѣе напоминаютъ намъ фізіономіи другихъ расъ; тѣмъ не менѣе, Ранке признаетъ болѣе типичными фізіономіи первой группы. Не указываетъ ли это, что и у выдающихся

¹⁾ Однако, молодой человѣкъ съ самой типичной фізіономіей обнаруживаетъ мезоцефалію (ук. 77), тогда какъ другой, менѣе типичный по формѣ головы соответствовалъ типичной для австралійцевъ долихоцефаліи (ук. 70.6).

²⁾ Изъ простаго разсмотрѣнія австралійцевъ первой группы на рисункахъ мы можемъ замѣтить, что, оставя въ сторонѣ цвѣтъ кожи, ихъ фізіономіи вовсе не такъ чужды для насъ, какъ замѣчаетъ Ранке; фізіономіи старшаго молодого человѣка и дѣвушки напоминаютъ лица, которыя вполне могутъ быть названы „международными“.

антропологовъ представлѣніе о расовомъ типѣ, составленное на основаніи рисунковъ случайнаго характера и частныхъ описаній, составляется болѣе или менѣе произвольно или исходить отъ общихъ характеристикъ, вродѣ извѣстной, часто повторяемой характеристики Гэля ¹⁾. Уже признаки, отмѣченные Вирховомъ на двухъ изслѣдованныхъ имъ группахъ австралійцевъ, отступаютъ отъ этой характеристики. Такъ, въ первой группѣ волосистость тѣла мало развита; у молодыхъ людей, изъ которыхъ старшему 22 года, борода короткая и рѣдкая, причемъ усы и бакенбарды ограничиваются отдѣльными короткими волосками; волосы на головѣ не густы и не длинны: даже у дѣвушки, у которой они никогда не были обстрижены, они едва прикрываютъ затылокъ; они никакъ не могутъ быть названы шерстистыми, а развѣ волнистыми ²⁾. Лобъ у нихъ низковатый, но у дѣвушки выпуклый, выступающій въ средней части; носъ короткий и низкій; прогнатизмъ мало выраженъ (*Der Mensch*, II, 331). У второй группы лобъ умѣренно высокій, но плоскій, значительно широкій, скулы мало выдающіяся, лицо не кажется широкимъ, влѣдствіе узкости челюстей; волосы также не шерстисты и т. д. Оба типа не только отступаютъ отъ общаго типа Гэля, но и замѣтно различаются одинъ отъ другого, несмотря на близость ихъ мѣстообитаній.

Различіе между типами отдѣльныхъ мѣстностей оказывается все болѣе и болѣе значительнымъ по мѣрѣ увеличенія единицъ сравненія. Разнообразіе австралійскихъ типовъ тѣмъ болѣе поражаетъ пу-

¹⁾ По Гэлю, австралійцы—средняго роста, который рѣдко бываетъ больше 6 и меньше 5 ф., стройны, съ длинными руками и ногами; изъ нихъ многія племена достаточно упитаны и не безобразны, но въ большинствѣ крайнѣ худощавы, съ выпячивающимся животомъ. Въ образованіи лица они занимаютъ средину между неграми и малайцами. Лобъ ихъ узкій, по большей части, покатый, часто высокій и выдающійся; вверху вдавленъ, внизу широкъ, но орлиной формы; скулы и челюсти выдающіяся, подбородокъ скошенный назадъ, ротъ—большой съ толстыми губами и крѣпкими здоровыми зубами. Черепъ весьма продолговатый и необыкновенно толстый, покоящійся на короткой небольшой шеѣ. Волосы длинные, тонкіе, но шерстистые, вслѣдствіе недостатка ухода, часто свалывшіеся, въ видѣ войлока, нерѣдко блестящаго чернаго цвѣта, но чаще темнокаштановаго. Тѣло въ значительной мѣрѣ покрыто волосами, растительность бороды весьма сильная. Цвѣтъ кожи отъ темношоколаднаго до красноваточернаго или еще болѣе свѣтлаго (*Vaitz Gerland*, VI, 709). Не говоря уже о томъ, что эта характеристика полна исключеніями и количественными различіями, иногда достаточно широкими, она, въ общемъ, совпадаетъ съ характеристикой Фр. Мюллера, которую онъ даетъ въ 3-й ч. *No 4-aga-Reise* и которая, по его указанію, относится преимущественно къ обитателямъ южнаго побережья (*Allg. Ethn.*, 204—5).

²⁾ Форма волосъ составляетъ самую слабую сторону характеристики Гэля, какъ это ставитъ на видѣ Фр. Мюллеръ (*ib.*).

тешественниковъ, чѣмъ большее число ихъ приходилось имъ видѣть. Стоксъ, знакомый съ разными частями Австраліи, находилъ измѣнчивость типа австралійцевъ столь же странной, какъ и измѣнчивость ихъ почвы. Его особенно удивляло, что около Порта Эссингтона, Адамбея и Сомерсета волосы туземцевъ не подходят ни къ прямому, ни къ кудрявому типу, и потому онъ называлъ ихъ курчавыми (*crisp*). Ему бросилось въ глаза и различіе между береговыми племенами близъ Порта Джексонъ и такъ наз. «племенами возвышенностей» Ирля. Митчелъ былъ не менѣе удивленъ, встрѣтивъ во внутренней части Австраліи «еврейскія фізіономіи» съ небольшими крючковатыми носами. Въ такомъ же изумленіи признаются Стюартъ и Лейхардтъ по поводу встрѣченной тѣмъ и другимъ близъ Бишопсъ-Крика сильной «расы» туземцевъ, не имѣющей ничего общаго съ распространеннымъ представленіемъ объ австралійскомъ типѣ съ тонкими конечностями и выпячивающимся животомъ. Удивленіе Стюарта должно было еще болѣе возрасти, когда у Кетчвикскихъ источниковъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Бишопсъ-Крика, онъ нашелъ самую жалкую «расу», какую когда-либо видѣлъ, — похожую на негровъ, мужчины которой были не выше 5 ф. роста, а женщины отвратительныя на видъ. Ратцель, приводя эти наблюденія, прибавляетъ, что и описанія позднѣйшихъ наблюдателей, изучавшихъ австралійцевъ, находящихся и въ вліяніи, и по т вліяніемъ европейцевъ, столь же противорѣчивы. Онъ указываетъ и различіе, какое долженъ былъ отмѣтить Вильгельми, по отношенію къ росту, пропорціямъ частей тѣла и чертамъ лица, между племенами близъ Порта Линкольнъ и племенами нижняго Мёррея и окрестностей Мельбурна. Относительно цвѣта кожи, Ирль замѣтилъ, что на 500 миль въ окружности около Порта Эссингтона можно бы указать почти равное число племенъ, цвѣтъ которыхъ измѣняется отъ густого чернаго до красновато-желтаго, какии окрашены полинезійцы (*Ratzel, Völkerk.*, 19—20).

Изъ отзывовъ старинныхъ и новыхъ путешественниковъ о типахъ туземцевъ Австраліи, приводимыхъ Герландомъ (въ обработанномъ имъ VI т. «Антропологии» Вайца), мы повсюду замѣчаемъ то-же разнообразіе, а именно, находимъ рядомъ одна съ другой группы, болѣе или менѣе различающіяся между собою. На сѣверо-восточномъ берегу Грэй видѣлъ стройныхъ, атлетически сложенныхъ людей, съ хорошо развитыми конечностями, лишь нѣсколько длинноватыми и сравнительно тонкими. Дампиръ видѣлъ въ той же части материка черныхъ, негрообразныхъ людей, безбо-

родыхъ, длиннолицыхъ, съ крайне отталкивающей наружностью; очевидно, какъ высказываетъ и Герландъ, племена, видѣнные названными путешественниками, не могли быть одними и тѣми же. Мартинъ видѣлъ около Рубѣкской бухты бородатое население съ сильнымъ прогнатизмомъ и выдающимися скулами. Около Порта Эссингтона оказывается большое различіе въ формѣ волосъ, такъ какъ путешественники весьма разногласятъ по этому поводу: Кэмпбелъ находилъ ихъ прямыми и длинными, а Дюрваль — шерстистыми: Гомбронъ называетъ ихъ длинными и завитыми спиралью. Къ югу отъ залива Карпентарія туземцы, по указанію Стюарта, отличаются развитіемъ мышцъ и правильностью сложенія, будучи не сходны съ описаннымъ выше южно-австралійскимъ типомъ. Среди темныхъ обитателей полуострова Юрка замѣчается два типа — одинъ худощавый, производящій жалкое впечатлѣніе, другой — съ развитой мускулатурой, рослый (до 6 ф.) и красивый. Въ описаніяхъ южнаго и юго-восточнаго берега встрѣчается большое разнообразіе въ опредѣленіяхъ цвѣта кожи; мы слышимъ и о свѣтло-мѣдномъ цвѣтѣ, и о свѣтло-буромъ, какъ у малайцевъ, и о черномъ, какъ у негровъ; волосы по описаніямъ то болѣе или менѣе курчавые, то прямые. Конечности иногда изображаются несоразмѣрно длинными, какъ, напр., у племени въ лѣсахъ близъ Гауксбѣри, видѣннаго Перономъ. У туземцевъ въ Новомъ Ю. Уэльсѣ большая берцовая кость изогнута впередъ. Туземцы Викторіи обладаютъ слегка курчавыми, изрѣдка шерстисто-курчавыми, а около Уэстернпорта — длинными и гладкими волосами. Особенной волосистостью тѣла, проявляющейся, въ видѣ бурога пуха, даже у дѣтей, отличаются туземцы близъ Винченцова залива и окрестностей Аделаиды; у мужчинъ покрыты волосами спина, грудь и бедра, но волосы на головѣ, курчавой формы, не длинны, достигая даже у женщинъ только до плечъ. Лобъ у нихъ низкій, носъ широкій и плоскій, скулы и челюсти сильно выдаются; руки и ноги мускулисты, за исключеніемъ икръ, несоразмѣрно длинны. У туземцевъ близъ Порта Линкольна мышцы конечностей, напротивъ, развиты слабо, въ особенности у женщинъ. Во внутренней части Австраліи мы встрѣчаемъ туземцевъ высокаго роста и правильнаго сложенія; цвѣтъ кожи ихъ представляетъ различные отгѣнки отъ мѣднаго до чернаго; встрѣчаются каштановые и красноватые волосы; черты лица весьма разнообразны: мы слышимъ и объ индусскихъ, и объ европейскихъ чертахъ. У Большой Австралійской бухты живутъ рослые, худощавые люди, съ длинными курчавыми волосами и длинными черными бородами; носъ у нихъ короткій, вдавленный у

корня, глаза глубоко лежащіе, ротъ большой съ полными губами. У залива короля Георга туземцы обладаютъ большой головой съ курчавыми волосами, широкимъ лицомъ съ выдающимися скулами. Туземцы, живущіе сѣвернѣе, описываются, какъ люди средняго роста, некрасивые и не мускулистые, матово-чернаго цвѣта, съ длинными бородами и короткими гладкими волосами (Waitz Gerland, VI, 709 и слѣд.).

Легко было бы значительно увеличить число этихъ частныхъ описаній австралійскихъ группъ, но оттого получилась бы картина еще большаго разнообразія типовъ. Объяснить множественность ихъ казалось всего легче предположеніемъ участія въ образованіи австралійскаго населенія сосѣднихъ элементовъ черной и желтой расы. Недостатка въ такихъ гипотезахъ не было: такъ, Топинаръ находилъ въ австралійцахъ негрскій, полинезійскій, малайскій и азіатскій элементы,—но, къ сожалѣнію, эти гипотезы остаются вполнѣ голословными¹⁾. Ратцель, приводя мнѣніе Топинара, справедливо замѣчаетъ, что тѣ-же элементы можно прослѣдить и въ Африкѣ (Völkerk., II, 21); тѣмъ не менѣе, африканское населеніе не похоже на австралійское. Кромѣ того, Топинаръ старался доказать, что австралійцы дѣлятся на двѣ расы—на малорослую и гладковолосую, и на рослую шерстистоволосую; но факты опровергаютъ такое дѣленіе. На самомъ дѣлѣ, черты лица, соотношеніе частей тѣла, ростъ, сложеніе, цвѣтъ кожи и форма волосъ комбинируются въ Австраліи такъ разнообразно, что, даже допуская возможность двойственнаго происхожденія населенія этого материка, мы никакъ не можемъ отдѣлить папуасскаго элемента отъ малайскаго и указать, насколько тому или другому изъ нихъ обязана своими признаками та или другая группа. Но и самому допущенію этой возможности противорѣчитъ фактъ основнаго единства всѣхъ австралійскихъ нарѣчій. Родство австралійскихъ нарѣчій признавали и Латямъ (за нимъ и Герландъ) (W.-G., VI, 707) и, въ новѣйшее время, Фр. Мюллеръ, который говоритъ: «несмотря на свою множественность, всѣ эти (австралійскіе) языки, въ своей глубокой основѣ, родственны между собою, что подтверждается и указаніями отдѣльныхъ путешественниковъ, и болѣе точнымъ анализомъ этихъ язы-

¹⁾ Видя къ югу отъ полуострова Кобурга племя (отиби) съ прямыми, мягкими волосами, иногда съ косо поставленными глазами и часто съ свѣтлой кожей, всего естественнѣе было бы признать за нимъ полинезійское происхожденіе. Ирль такъ и слѣлалъ, но потомъ долженъ былъ отказаться отъ этого взгляда, такъ какъ подобный же типъ оказался и у Рубекской бухты, куда полинезійцы едва ли могли попасть (W.-G., VI, 710).

ковъ. Они не находятся ни въ какомъ соотношеніи ни съ однимъ изъ языковъ Стараго или Новаго Свѣта и, подобно самой австралийской расѣ, занимаютъ вполнѣ изолированное положеніе» (Ft. Müller, Allg. Ethn., 219). Между тѣмъ, это едва-ли было бы возможно, если-бы австралийское населеніе составилось, какъ предполагаетъ Топинаръ, изъ сосѣднихъ элементовъ черной и желтой расы.

Географическія условія, безъ сомнѣнія, оставили ясный отпечатокъ на многихъ австралийскихъ типахъ. Зная сухость и скудость австралийской природы, мы, судя по аналогичнымъ явленіямъ въ другихъ частяхъ свѣта, можемъ приписать малорослость и недостаточное физическое развитіе туземцевъ извѣстныхъ мѣстностей вліянію тяжелыхъ условій существованія. Возможно, что малорослость туземцевъ, видѣнныхъ Кукомъ на восточномъ берегу или Митчелемъ вблизи Боганъ-Ривера и Дарлинга, или Стюартомъ въ Арнхемландѣ, или же Стуртомъ на Гукъ-Крикѣ, обязаны своимъ недоразвитіемъ трудности и скудости жизни, подобно бушменамъ и огнеземельцамъ, какъ на это указываетъ Ратцель (I. с., 21). Но названный авторъ самъ выражаетъ изумленіе по поводу приведеннаго выше указанія Грея на атлетическихъ туземцевъ сѣверо-восточнаго берега. Изъ предыдущаго легко видѣть, что такой примѣръ несходства сосѣднихъ типовъ далеко не единственный ¹⁾. Поэтому вліяніе географическихъ условій можетъ быть замѣтнымъ лишь въ общемъ видѣ, какъ это указываетъ Стуртъ, находившій, что туземцы равнинъ внутренней Австраліи физически развиты слабѣе обитателей гористыхъ мѣстностей, или какъ утверждаетъ Шюрманъ, говоря, что тамъ, гдѣ страна является пустыней, обитатели малочисленны и жалки на видъ; тамъ, гдѣ условія благопріятнѣе, туземцы сравнительно многочисленнѣе, благообразнѣе и энергичнѣе. Замѣчаніе того же наблюдателя, что вообще болѣе крѣпкія osoby отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи (ib.), также заслуживаетъ вниманія, но однимъ вліяніемъ географическихъ условій мы не можемъ объяснить разнообразія австралийскихъ типовъ, съ ихъ различными сочетаніями признаковъ.

Этнографія Австраліи разработана еще весьма мало. Путешественники даютъ намъ отчеты о тѣхъ людяхъ, какихъ они видятъ въ извѣстной описываемой мѣстности; этнологи разрабатываютъ добытый ими матерьялъ подъ давленіемъ предубѣжденія объ единствѣ

¹⁾ Аксиома австралийской этнографіи, что физическій типъ понижается отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу, также подлежитъ многочисленнымъ частнымъ исключеніямъ.

или множественности расовыхъ элементовъ австрайлійскаго населенія. Подъ вліяніемъ сравнительно-этнологическихъ изслѣдованій выяснилось, что австрайлійцы дѣлятся на племена ¹⁾, придерживающіяся экзогаміи между отдѣльными группами, образующимися по отношеніямъ родства ²⁾.

¹⁾ По Грею, австрайлійцы раздѣляются на опредѣленные большія „сѣмейства“, члены которыхъ всѣ носятъ общее имя, прибавляемое къ собственному имени. Въ различныхъ округахъ нѣкоторыя подраздѣленія „сѣмейства“ принимаютъ еще мѣстныя имена, продолжая считать себя вѣтвями большой или главной сѣмьи. Одинаковыя имена господствуютъ по всему западному берегу, такъ-же, какъ и по южному. Эти имена происходятъ по большей части отъ растенія или животнаго, которыя считаются „кобангомъ“ сѣмейства; „кобанги“ не убиваются и не употребляются въ пищу, за исключеніемъ особыхъ условій. На югѣ Австраліи повтореніе сѣмейныхъ именъ встрѣчается не въ такой стѣпени, какъ на западѣ; мы видимъ тамъ два „класса“, подъ особыми названіями (Эрнунгъ и Темъ или Таананъ у залива короля Георга, Маттеръ и Каррару у порта Линкольна), при чемъ вступать въ бракъ можно только съ лицомъ другого класса. Около бухты Энциотеръ племена носятъ названія, заимствованныя отъ мѣстностей, и, наоборотъ, мѣстности иногда называются по племенамъ. На востокѣ встрѣчаются многочисленныя „сѣмейства“, обитающія въ опредѣленныхъ округахъ и называющіяся именами съ одинаковымъ окончаніемъ „галь“ (Кароагаль, Камерагаль и т. п.). То-же находимъ мы и на сѣверѣ у мыса Юркъ (на островѣ Каура, гдѣ туземцы называютъ себя каурареги) и у Порта Эссингтона на полуостровѣ Кобургъ. Здѣсь существуетъ раздѣленіе на три сословія, которыя не могутъ вступать въ бракъ между собою. Вайцъ и Герландъ, приводя эти свѣдѣнія, заимствованныя у Эйра, Грея, Вильгельми, Стокса и др. (ор. с., VI, 778 — 9), еще не отдавали себѣ яснаго отчета въ организациі австрайлійскихъ общественныхъ группъ. Для насъ теперь вполне ясно, что въ Австраліи мы имѣемъ дѣло съ такими же племенами, дѣлящимися на роды, какъ и въ Америкѣ: то, что путешественники называютъ сѣмействомъ — въ точности соотвѣтствуетъ американскимъ кланамъ, такъ какъ носить имя животнаго или растенія и не допускаетъ браковъ въ своей средѣ. Повтореніе сѣмейныхъ именъ въ блѣде или менѣе обширныхъ областяхъ понятно намъ, благодаря подобному же явленію у ирокезовъ и др., гдѣ при сегментациі группъ сохраняются прежнія подраздѣленія. Другія дѣленія австрайлійскихъ племенъ, которыя путешественники называютъ классами или сословіями—тѣ же роды, и, по крайней мѣрѣ для насъ, имѣютъ то же значеніе. Неясность, какая кажется Герланду въ отсутствіи указаній подраздѣленія нѣкоторыхъ племенъ близъ залива короля Георга, заключается въ маломъ знакомствѣ съ этими группами, не позволяющемъ рѣшить — можно ли въ нихъ видѣть роды или племена. Такимъ образомъ, во всей Австраліи мы находимъ племенную организацию приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и въ Америкѣ. Хотя описываемая сторона этнографіи Австраліи изучена еще мало, но мы знаемъ, напр., что южно-австрайлійское племя нариньери дѣлится на 18 родовъ, носящихъ имена различныхъ животныхъ, иногда враждующихъ между собою и, тѣмъ не менѣе, составляющихъ тѣсный союзъ въ случаѣ столкновенія съ другими племенами. Недостаточное знакомство съ племенами въ Австраліи не позволяетъ группировать ихъ по народностямъ, какъ это намъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удавалось въ Америкѣ.

²⁾ По Ридлею (*The Aborigenes of Australia*) племя камиларой дѣлится на нѣсколько отдѣловъ, причемъ мужчина известной группы вступаетъ въ бракъ обязательно съ женщиной другой опредѣленной группы, а именно: иппай женится на кубботъ, мурри—на бутъ, кубби—на иппатъ и

Все, что мы знаемъ объ Австралиі, позволяетъ заключить, что она находится въ томъ-же фазисѣ этногенического процесса, какъ и Средняя и Южная Америка; именно, она представляетъ отдѣльныя племена, связанные общностью происхожденія, но болѣе или менѣе обособившіяся вслѣдствіе изолированнаго положенія въ областяхъ своего обитанія. Для Австраліи необходимость охраненія послѣднихъ отъ вторженія постороннихъ является еще болѣе безусловной, чѣмъ въ Америкѣ, вслѣдствіе естественной скудости и сухости, и потому мы можемъ ожидать, что изолированіе было, во всякомъ случаѣ, не менѣе полнымъ, чѣмъ въ Средней и Южной Америкѣ. Мы знаемъ, что у австралийцевъ строго соблюдается право собственности на извѣстные округа, принадлежащіе племенамъ и родамъ, по отношенію къ собиранію растительной и животной пищи и охотѣ на птицъ и звѣрей, при чемъ границы округовъ обозначаются даже камнями, если не оказывается естественныхъ границъ. Все это — факты слишкомъ общеизвѣстные, чтобы останавливаться на нихъ. Экзогамія, даже въ самой опредѣленной формѣ, какъ у камилароевъ, на самомъ дѣлѣ, не ведетъ къ полному устраненію родственныхъ браковъ, въ нашемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ при этой системѣ въ бракъ вступаютъ двоюродные братья и сестры¹⁾. Слѣдовательно, мы находимъ у нихъ условія вполне благоприятныя для повторенія типа. Хотя не всѣ австралийцы придерживаются системы камилароевъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ находится еще въ употребленіи первобытная форма похищенія женщинъ, но экзогамія, оставаясь въ предѣлахъ одного племени, какъ мы уже видѣли, не препятствуетъ, а способствуетъ образованію особаго племеннаго типа; похищеніе же женщинъ изъ чужихъ племенъ, о которомъ мы слышимъ, при цѣлости родового строя, можетъ быть только исключеніемъ, а никакъ не правиломъ.

Мы можемъ видѣть съ полной наглядностью и измѣняемость австралийскаго типа подъ влияніемъ изолированія. Эти измѣненія открываются намъ на островахъ, прилегающихъ къ Австраліи. Уже изъ сравненія туземцевъ Квинслэнда и остр. Фрзера, изслѣдованныхъ Вирховомъ, мы могли видѣть, какимъ измѣненіямъ подвер-

кумбо — на матѣ, причемъ мужское потомство первой пары становится мурри, а женское — мата, второй пары — иппай и иппата, третьей — кумбо и бута, четвертой — кубби и куббота.

¹⁾ Согласно указанію Ридлея, поддерживаемому Фр Мюллеромъ (ор. с. 216), иппай, будучи сыномъ мурри, — внукъ иппай, а жена его куббота, будучи дочерью маты — внучка кубботы; точно такъ-же кумбо, будучи сыномъ кубби, — внукъ кумбо, а жена его, мата, будучи дочерью кубботы, внучка маты и т. д.

гается типъ даже въ близкомъ сосѣдствѣ, при условіяхъ изолированія. Обѣ описанныя группы, при одинаковомъ цвѣтѣ кожи и волосъ, выказывали различіе въ другихъ признакахъ послѣднихъ: у первой группы они были менѣе жестки и упруги, такъ какъ плотнѣе прилегали къ головѣ, въ особенности будучи подстрижены; у второй группы они стоятъ вертикально, даже при достаточной длинѣ, достигающей одинаково у мужчинъ и у женщинъ 12 ст.; эта разница особенно замѣтна у женщинъ первой и второй группъ. Замѣтное различіе существуетъ и въ волосистости лица у мужчинъ обѣихъ группъ: первая группа въ этомъ отношеніи уступаетъ второй. Лобъ у первой группы болѣе низкій и покатый, съ сильно развитыми надбровными выпуклостями; у второй, будучи болѣе высокимъ и менѣе плоскимъ, онъ не имѣетъ раздѣльныхъ надбровныхъ выпуклостей, а общую лобно-носовую выпуклость, образуемую выступами нижняго края лба. У названной группы, при значительной ширинѣ лба, скуловые дуги и нижняя челюсть выдаются сравнительно менѣе; вслѣдствіе того, скулы не кажутся выдвинутыми. Носы второй группы имѣютъ болѣе округлую линію переносицы, чѣмъ у первой, приближаясь отчасти къ орлиной или крючковатой формѣ. Таковы отличія, которыя обитатели о. Фрэзера пріобрѣли по сравненію со своими сосѣдами квинслэндцами. По свидѣтельству Кэмпбелля, такое-же отличіе отъ обитателей сосѣдняго Гленельга мы видимъ у жителей о. Мельвилля, которые ниже ихъ ростомъ и обладаютъ ногами особаго строенія—короткими съ большими ступнями, плоской широкой головой съ лбомъ болѣе низкимъ и сильно развитымъ затылкомъ, плоскимъ, короткимъ носомъ, выпяченною верхнею губою и небольшимъ подбородкомъ. По Ирлю, племя яалео, обитающее на о. Крокеръ, къ востоку отъ полуострова Кобурга, отличается отъ всѣхъ племенъ, живущихъ на этомъ полуостровѣ, малорослостью и недостаточностью мышечнаго развитія, маленькими глазами и грубыми, курчавыми волосами на головѣ и бородѣ, а отчасти и на тѣлѣ, въ особенности на груди и на плечахъ (W.-G., VI, 709—10). Жители о. Кенгуру близъ южнаго берега казались Дюмонъ-Дюрвиллю людьми другой расы въ сравненіи съ обитателями сосѣдняго побережья. Возможность образованія обособленнаго типа на островахъ сама по себѣ не нуждается въ доказательствахъ; мы приводимъ эти факты, какъ параллель подобнаго же явленія, представляемаго племенами материка. Какъ ни малочисленны указанія на племенные типы, но мы можемъ найти ихъ въ достаточномъ числѣ, чтобы заключить

объ аналогіи Австраліи и Америки относительно образованія названныхъ типовъ въ условіяхъ существованія охотничьихъ племенъ. Мы знаемъ, что племя отиби, обитающее къ югу отъ полуострова Кобурга, отличается (по Ирлю) отъ сосѣднихъ племенъ прямыми шелковистыми волосами, дугообразными бровями, иногда косо поставленными глазами, а иногда и довольно свѣтлой кожей¹⁾. Стуртъ нашель внутри Австраліи племя, въ которомъ ростъ многихъ мужчинъ достигалъ 6 ф., т. е. значительно превышалъ средній ростъ австралійцевъ. По свидѣтельству Брауна, населеніе около залива короля Георга раздѣляется на четыре племени, которыя, обладая сходнымъ языкомъ, легко могутъ быть отличены одно отъ другого. Племя муррей, живущее къ востоку отъ Альбани, малоросло, но крѣпко и энергично; племя унль, обитающее ближе къ внутренней части материка, красивѣе, сильнѣе и умственнo развитѣе; племя коккату отличается болѣе высокимъ ростомъ, широкими костями, высокимъ лбомъ и орлинымъ носомъ; племя кикканнупъ, будучи вѣтвью племени унль, малоросло и слабо развито въ физическомъ отношеніи. Эти данныя настолько убѣдительны, что Вайцъ и Герландъ, приводя эти свидѣтельства, видятъ въ нихъ прямое доказательство измѣняемости близко родственныхъ племенъ; причину измѣняемости они усматриваютъ въ различіи питанія (W.-G VI, 715); но мы, говоря выше объ апачской народности, должны были отвергнуть объясненіе физическаго различія нѣкоторыхъ племенъ этой народности, приписываемое не одинаковому роду пищи. То-же мы должны повторить и относительно объясненія Вайцъ-Герланда о различіи между названными племенами, будто-бы происходящемъ отъ того, что муррей питаются преимущественно рыбой и только отчасти мясомъ, болѣе сильные унли пользуются обильной мясной пищей, а кикканупы имѣютъ лишь недостаточное питаніе. Недостатокъ пищи можетъ объяснить худощавость и слабость физическаго развитія, но онъ едва-ли даетъ ключъ къ объясненію высокаго лба и орлинаго носа, какими отличаются коккату. Такимъ образомъ, все, что мы узнаемъ о племенахъ, даетъ намъ возможность видѣть явленія, аналогичныя тѣмъ, какія мы отмѣтили въ Америкѣ—образованіе племенныхъ особенностей при расовомъ единствѣ населенія материка. Типы австралійцевъ не

¹⁾ Мы уже имѣли случай указать, что полинезійское происхожденіе отиби, которымъ Ирль пытался объяснить особенность ихъ типа, оказалось чисто произвольнымъ предположеніемъ, отвергнутымъ самимъ авторомъ.

болѣе, а скорѣе менѣе различаются между собою, чѣмъ типы американскихъ туземцевъ; зная основное единство австралійскихъ языковъ, имѣя въ виду ихъ культурно-общественный уровень, мы съ увѣренностью можемъ говорить о расовомъ единствѣ австралійцевъ, приписывая замѣчаемая различія ихъ дѣйствию условій физико-географическихъ и образа жизни, порожденнаго этими условіями, причеиъ результаты измѣненій закрѣплялись племеннымъ изолированіемъ ¹⁾).

Темная раса, населяющая вполнѣ или отчасти нѣкоторые острова Тихаго океана и носящая названіе меланезійской или папуасской, съ причисленіемъ или безъ причисленія къ ней негритосовъ, испытывала въ наукѣ ту же судьбу, какъ и американская и австралійская расы. Замѣчавшееся въ ней разнообразіе долго старались свести къ отдѣльнымъ расовымъ элементамъ, которые, будто бы, образовали ее. Чтобы видѣть несостоятельность этихъ взглядовъ, для насъ достаточно привести краткую исторію ихъ, какъ она реэюмирована Герландомъ, и сопоставить ихъ съ соображеніями этого ученаго, замѣчательными своею проникательностью, въ особенности, если принять во вниманіе, что они были высказаны еще двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ отмѣчаетъ, прежде всего, большую измѣнчивость меланезійскаго типа, не позволяющую установить въ этнологическомъ отношеніи опредѣленные дѣленія и противоположенія (W.-G., VI, 549). Хотя мы не можемъ согласиться съ Герландомъ, чтобы крайняя измѣнчивость была особенностью меланезійскаго типа, такъ какъ то же явленіе мы наблюдали въ Америкѣ и въ Австраліи, но для насъ важно признаніе этого свойства въ типѣ, имѣющемъ обширное распростраеніе. Это именно та пластичность, которая, по Мор. Вагнеру, составляетъ условіе возможности измѣненія въ изолированномъ состояніи даже и въ непродолжительный періодъ. Для объясненія варіацій меланезійскаго типа изслѣдователи пытались опредѣлить элементы извѣстныхъ имъ расъ, которыя, комбинируясь между собою, вызвали разнообразіе меланезійцевъ. Еще Дюмонъ-Дюрвиль указывалъ въ Новой Гвинее три отдѣльныя расы—1. папуасовъ, средняго роста, со слабымъ сложеніемъ и тонкими конечностями, овальнымъ лицомъ безъ выдающихся че-

¹⁾ Изученіе австралійскихъ нарѣчій открываетъ намъ такіе факты, какъ большее сходство нарѣчій нѣкоторыхъ племенъ съ отдаленными отъ нихъ племенами, чѣмъ съ сосѣдними (W. G., V, 707). Такіе факты позволяютъ намъ заключить о передвиженіяхъ австралійскихъ племенъ съ большою достовѣрностью, чѣмъ во многихъ сомнительныхъ случаяхъ въ Америкѣ.

люстей, небольшимъ ртомъ съ тонкими губами, носомъ правильной формы, темной, мягкой кожей, малою волосистостью лица и тѣла и изобиліемъ черныхъ, курчавыхъ волосъ на головѣ; 2. смѣшанную расу, происходящую отъ скрещиванія малайцевъ или полинезійцевъ съ меланезійцами, уступающую первой въ численности и ростѣ, но болѣе энергичную и сильную, съ грубыми чертами, выдающимися скулами, толстыми губами, широкимъ, но часто острымъ носомъ, съ толстой кожей бураго, дымчато-чернаго или желто-бураго цвѣта, и 3. гарафуровъ или альфуровъ, маленькаго роста, подвижныхъ и сильныхъ, съ «дикими» чертами, «упорнымъ» взглядомъ, дымчато-чернаго цвѣта, худоцаваго сложенія, похожихъ на повогголландцевъ или новокаледонцевъ. Попытка классификаціи Дюрвиля, поддержанная Гомброномъ, если оставить въ сторонѣ мало опредѣленную, смѣшанную расу, сводится къ извѣстному раздѣленію меланезійцевъ на прямоволосыхъ альфуровъ и курчавыхъ папуасовъ. Дальнѣйшія попытки найти антропологическія основы для доказательства предположенія, что мы, въ данномъ случаѣ, имѣемъ дѣло съ двумя расами различнаго происхожденія и различныхъ характерныхъ признаковъ, не увѣнчались успѣхомъ. Не говоря уже о томъ, что при незначительномъ количествѣ череповъ, находившихся въ распоряженіи краниологовъ, рискованно было бы высказывать положительныя заключенія, выводы ученыхъ слишкомъ противорѣчили другъ другу: то, что одинъ находилъ у альфуровъ, другой видѣлъ у папуасовъ, какъ это было съ Бэромъ и Гарно. Такимъ образомъ, предположеніе о существованіи двухъ отдѣльныхъ расъ въ Новой Гвинее не оправдывается на дѣлѣ, и Герландъ, послѣ разсмотрѣнія антропологическихъ попытокъ этого рода ¹⁾, приходитъ къ единственно справедливому заключенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ одной измѣнчивой расой, дававшей различныя разновидности въ зависимости отъ питанія и образа жизни, климатическихъ вліяній и т. д. (W.-G. VI, 550—1) ²⁾.

¹⁾ Между прочимъ, Герландъ отвергаетъ и извѣстную характеристику папуаской расы Уоллеса, какъ не соотвѣтствующую позднѣйшимъ наблюденіямъ и не согласную съ географическимъ распространеніемъ папуасовъ (ib.), и отмѣчаетъ противорѣчіе, въ какое впадаетъ Уоллесъ, настаивая на коренномъ различіи между малайцами и папуасами и, въ то же время, допуская родственность папуасовъ съ полинезійцами; (такое же противорѣчіе онъ видитъ и у Дюмутъе (l. c., 555). Онъ представляетъ и всѣяя возраженія обычному приему французскихъ антропологовъ объяснять различія типовъ смѣшеніемъ расъ, указывая, что смѣшенія тѣхъ же малайцевъ и папуасовъ даютъ несходные типы (l. c., 554).

²⁾ По тому же вопросу Мейнике высказывается вполне сходно съ Герландомъ. „Хотя жители Н. Гвинее въ различныхъ частяхъ ея, гово-

Лингвистическія изслѣдованія подтверждаютъ предположеніе объ единствѣ меланезійской расы, какъ это выяснено Габеленцемъ (W.-G., VI, 556). Но даже на одномъ небольшомъ островѣ существуетъ по два (на о. Рукъ) или по три нарѣчія (на о. Ваникоро); два нарѣчія извѣстны на о. Эрроманго, три на о. Таннѣ и т. д. Это обстоятельство уже указываетъ, на основаніи того, что мы видѣли въ Америкѣ и въ Австраліи, что меланезійцы дѣлились на обособленные племена, и притомъ весьма мелкія. Помимо лингвистическихъ данныхъ, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства существованія нѣсколькихъ племенъ на одномъ и томъ же островѣ. Такъ, Джилль упоминаетъ, что на о. Анейтсумѣ было нѣсколько племенъ, а также и на о. Таннѣ, и притомъ несходныхъ между собою. Эрсканъ говоритъ, что на о. Увеа было три племени, называвшіяся различными именами (увеа, мондава, эрте) и говорившія различными нарѣчіями; по его же словамъ, на о. Лифу извѣстны два нарѣчія—сѣверное и южное. Приводя эти данныя, Герландъ считаетъ ихъ подкрѣпляющими его заключеніе, что меланезійцы выказываютъ склонность къ физическому и умственному обособленію и къ закрѣпленію этого обособленія, и, вслѣдствіе того, къ выдѣленію новыхъ племенъ и вѣтвей. Эти обособленные типы распределяются по островамъ: по словамъ Герланда, «жители отдѣльныхъ острововъ различаются между собою физическимъ строеніемъ» (I. с., 524). Прибавляя, что причина этого «замѣчательнаго явленія» намъ еще неизвѣстна, онъ видитъ возможность, что миграціонный законъ Мор. Вагнера находитъ для себя многочисленныя подтвержденія среди обитателей острововъ Тихаго океана (I. с., 557). Согласно взглядамъ, которые мы защищаемъ, явленіе, отмѣчаемое Герландомъ, перестаетъ быть «замѣчательнымъ», т. е. исключительнымъ, такъ какъ оно вполне аналогично тому, что мы видѣли въ Америкѣ и Австраліи. Фактъ, указываемый названнымъ ученымъ для меланезійцевъ, позволяетъ намъ распространить на послѣднихъ наши выводы относительно американскихъ и австралійскихъ туземцевъ, а именно, что измѣнчивость ихъ типа обусловли-

ритъ онъ, обнаруживаютъ много совпаденій, тѣмъ не менѣе, не малое удивленіе вызывалось тѣмъ, что въ отдѣльныхъ подробностяхъ оказывались весьма значительныя различія; послѣднія вели даже къ попыткамъ установить въ населеніи различныя дѣленія, въ силу которыхъ названный островъ предполагался обитаемымъ различными расами. Но эти расовыя различія весьма обманчивы (sind das alles Täuschungen) и самыя различія, въ ихъ внѣшнемъ проявленіи, сводятся къ измѣнчивости, свойственной меланезійцамъ» (С. Meinicke, „Die Inseln des Stillen Oceans“, 15).

вается обособленіемъ племенныхъ типовъ ¹⁾, какъ это указывается закономъ, позднѣе формулированнымъ М. Вагнеромъ въ видѣ закона о пространственномъ изолированіи.

Отвлекаясь отъ догмата о неподвижности расовыхъ признаковъ и давая должную оцѣнку факту измѣнчивости типовъ, признаваемый этнографами для Меланезіи и параллельный подобному же факту въ Америкѣ и въ Австраліи, мы видимъ свѣтъ въ самыхъ темныхъ вопросахъ этнологіи. Какъ скоро ичезаютъ рѣзкія грани, проводимыя между расами, мы можемъ уже смотрѣть непредубѣжденнымъ взглядомъ на отношенія между обитателями сосѣднихъ областей. Оставляя неоправдавшіяся на дѣлѣ предположенія о множественности расовыхъ элементовъ въ туземномъ населеніи Австраліи и Н. Гвинеи, останавливаясь на фактѣ измѣнчивости въ широкихъ предѣлахъ одного и того же элемента, мы перестаемъ видѣть загадки, упорно скрывающія отъ насъ истину, напр., въ происхожденіи австралійцевъ. Выводы изъ наблюденій новѣйшихъ путешественниковъ все болѣе и болѣе извлекаютъ австралійцевъ изъ ихъ уединеннаго положенія, какое создано было для нихъ прежними антропологами; въ то-же время они разрушаютъ допущеніе особой «папуасской» расы ²⁾.

Р. Гартманъ находитъ возможнымъ распространить характерный признакъ австралійцевъ—глубокую впадину между сильно развитыми надбровными дугами—и на меланезійцевъ, и говоритъ уже объ общемъ «австрало-меланезійскомъ типѣ». Вирховъ сближаетъ австралійцевъ съ негритосами, при чемъ возраженіе, какое ему было сдѣлано Катрфажемъ, указывавшимъ на коренное различіе въ шерстистоволосомъ и короткоголовомъ типѣ мишкопцевъ и прямо-волосомъ, длинноголовомъ австралійскомъ типѣ, Ратцель устраняетъ.

¹⁾ По аналогіи съ явленіями, отмѣченными нами въ Америкѣ и Австраліи, легко объясняются факты, приводящіе въ недоумѣніе Мейника, а именно, что между тѣмъ, какъ на сѣверномъ и западномъ берегу Н. Гвинеи преобладаетъ темнобурый, почти темный цвѣтъ кожи, вдоль нижняго берега, начиная отъ Папуасскаго залива, населеніе отличается болѣе свѣтлымъ или мѣдно-бурымъ цвѣтомъ кожи, при чемъ попадаютъ и примѣры темнокожихъ племенъ, напр., въ Россель (Meinicke, op. c., 17). Для насъ этъ служить только подтвержденіемъ нашихъ заключеній о племенныхъ типахъ и показываетъ основательность распространенія этихъ заключеній и на папуасскую расу.

²⁾ «Сколько намъ извѣстно, говоритъ Ратцель, ни одинъ изъ научныхъ изслѣдователей Меланезіи не хочетъ ничего слышать о „папуасской расѣ“. Преобладающій типъ меланезійцевъ, т. е. папуасскій, выдѣляется только своей брадатостью и соответственной волосистостью отдѣльныхъ частей тѣла, а также особенностями въ образованіи лица» (Völkerk., II, 218).

соображеніемъ, что черепа австралійцевъ и аэтовъ представляютъ лишь крайнія выраженія того же типа ¹⁾. При одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, жители Н. Каледоніи и Н. Гебридовъ ²⁾ близко подходят къ австралійцамъ (Ratzel, op. c., 220). Мейнике, допускающая возможность родственности меланезійцевъ и негритосовъ, замѣчаетъ, что трудно говорить о ней съ увѣренностью въ виду нашего малаго знакомства съ послѣдними; по его мнѣнію, съ большей увѣренностью можно говорить о племенномъ родствѣ между меланезійцами и австралійцами («Die Inseln. d. St. Oc.», 56). Еще интереснѣе, по замѣчанію того же автора, что, несмотря на значительныя физическія различія между меланезійцами и полинезійцами, новѣйшія изслѣдованія открываютъ между ними извѣстную связь. Онъ находитъ вполне возможнымъ, какъ задачу будущихъ изслѣдованій, заняться разсмотрѣніемъ вопроса — дѣйствительно ли физическое различіе между меланезійцами и полинезійцами настолько велико, какъ это принято думать, и нельзя ли указать постепеннаго перехода между физическими признаками названныхъ группъ (I. c., 57). Мы полагаемъ, что къ рѣшенію этого вопроса, такъ-же, какъ и многихъ другихъ важныхъ вопросовъ

¹⁾ Ал. Шаденбергъ, изслѣдовавшій Филиппинскихъ негритосовъ или аэтовъ, высказываетъ, что ихъ слѣдуетъ считать народомъ, стоящимъ совершенно отдѣльно, изолированнымъ, не находящимся ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ какому-либо другому черному первичному населенію и вполне подтверждаетъ заключеніе Вирхова „Негритосы на Филиппинахъ, по сообщенію Ягора и согласно черепахъ, присланнымъ А. Б. Мейеромъ, абсолютно отличаются отъ чернаго населенія и Африки, и Меланезіи, и между ними и послѣдними нельзя провести ближайшаго сравненія ни въ какомъ направленіи. Стоитъ поставить среди новогвинейскихъ череповъ черепъ негритоса или аэта, чтобы сейчасъ же замѣтить большое различіе между ними. Такимъ образомъ здѣсь прежде всего выдѣляется сѣверная группа черныхъ племенъ, которая ни въ какомъ видѣ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не выказала ближайшаго родства или отношенія къ болѣе южнымъ группамъ (Zeits. hrift für Ethnologie 1880. 159—60).

²⁾ Изслѣдованія Экардта ясно показываютъ, что въ Новогебридской группѣ каждому острову свойственъ свой особый типъ. Мы уже видѣли это для Эрроманго и Анайтума. Экардтъ подтверждаетъ, что туземцы на разныхъ островахъ рѣзко различаются между собою по физическому развитію. Такъ, на южныхъ островахъ они болѣе развиты въ этомъ отношеніи, чѣмъ на сѣверныхъ, что въ особенности можно сказать о жителяхъ о. Танны; на о. Апи туземцы худощавы и безобразны, почти обезьяноподобны, но рослы; та-же обезьяноподобность замѣчается и у обитателей о. Лакони. Напротивъ, жители о. Санто и еще болѣе о. Вате отличаются красивой наружностью (по R. VK., II, 226). О цвѣтѣ жителей Н. Гебридскихъ острововъ Беддо замѣчаетъ, что они темнѣе обитателей восточной части Н. Гвинеи и сосѣднихъ острововъ; повидимому, цвѣтъ кожи ихъ не одинаковъ на различныхъ островахъ и вообще стоитъ близко къ цвѣту австралійцевъ, заключаая въ себѣ лишь нѣсколько болѣе краснаго элемента. (Bedd. e., „Observations on the natural colour of the skin in certain oriental races“, Journ. of Anthrop. Inst., Febr., 1890).

этнологіи, возможно будет приступить только тогда, когда наука откажется от неопредѣленныхъ терминовъ, къ которымъ она обращается до сихъ поръ, каковы, напр., «меланезійцы», «микронезійцы», и «полинезійцы». Насколько шатки эти искусственныя группировки, мы видимъ изъ того, что названные термины вполнѣ произвольно употребляются этнографами ¹⁾. Можно ли говорить объ отношеніяхъ между меланезійцами и полинезійцами, когда подъ этими обозначеніями различными учеными подразумеваются неодинаковые объекты? Такъ, Герландъ первымъ изъ этихъ названій называетъ и жителей Меланезіи, т. е. цѣпи острововъ отъ Н. Каледоніи и Кунае съ Н. Гвинеи и мелкихъ острововъ около послѣдней, до о. Фиджи, причеиъ онъ утвердительно говоритъ, что меланезійская раса существенно отличается какъ отъ малайцевъ, такъ и отъ полинезійцевъ (W.-G., VI, 515), а Фр. Мюллеръ выдѣляетъ туземцевъ Н. Гвинеи, какъ чистыхъ папуасовъ, и меланезійцами называетъ жителей оо. Фиджи, Н. Каледоніи, Н. Гебридовъ, Ваникоро, группы Нитенди и небольшихъ группъ къ востоку отъ Н. Гвинеи, видя въ нихъ смѣшанное малайско-папуасское населеніе (Allg. Ethnol., 332). Въ то-же время, распространеніе меланезійскаго элемента не исчерпывается границами островныхъ группъ, обозначаемыхъ именемъ Меланезіи. Ратцель, пытаясь установить границы темной тихоокеанской расы, долженъ сознаться, что эти границы весьма неопредѣленны. Такъ, Уильксъ находилъ фиджійскіе элементы въ цвѣтѣ кожи и строеніи волосъ на Паумоту, а Флоуеръ предполагалъ примѣсъ фиджійской крови у новозеландскихъ маори. Помимо того и на Фиджи эта раса кажется на восточномъ берегу не столь чистой, какъ на западномъ. Затѣмъ та-же раса выходитъ изъ предѣловъ Меланезіи и показывается въ «замѣчательныхъ проявленіяхъ» на западѣ до внутренней Индіи и Цейлона (R., Vк., II, 215). Но мы уже видѣли, что Ратцель соглашается съ изслѣдователями, которые слышать не хотятъ объ особой «папуасской расѣ»; даже и тѣ, которые вѣрятъ въ подобныя антропологическія фикціи, признаютъ крайнюю измѣнчивость этой расы; слѣдовательно, какія же оправданія могутъ быть для разысканія слѣдовъ ея на обширномъ пространствѣ съ различными географи-

¹⁾ Пешель признаетъ, что такіе термины, какъ меланезійцы, альфуры, гарафуры, негритосы или «австральныя» негры (Australneger), вслѣдствіе шаткости ихъ употребленія (schwankenden Gebrauch), настолько утратили прямое значеніе, что, если народовѣднѣе желаетъ достигнуть ясности выраженій, оно должно строго остерегаться такихъ терминовъ. (Vк., 337).

ческими условіями и въ сосѣдствѣ разнообразныхъ этнографическихъ элементовъ? Какъ скоро допускается измѣнчивость меланезійскаго типа въ обширныхъ предѣлахъ, не логичнѣе ли было бы сосредоточить научную работу на изученіи этихъ измѣненій, тѣмъ болѣе, что ихъ можно изучать на ограниченныхъ островныхъ пространствахъ, гдѣ легче опредѣлить вліяніе физико-географическихъ условій и распредѣленіе различныхъ типовъ? Путемъ изученія отдѣльныхъ типовъ, безъ предрѣшенія ихъ происхожденія и принадлежности къ той или другой расѣ, скорѣе всего можетъ быть пролить свѣтъ и на самую темную и запутанную часть этнографіи, на темныя племена, уцѣлѣвшія среди малайскаго населенія острововъ Тихаго океана, прилегающихъ къ Азіи, и острововъ Индійскаго океана. Называя ихъ «негритосами», т. е. указывая ихъ сходство съ африканскими неграми, и стараясь установить ихъ родство то съ папуасами, то съ австралійцами, то съ дравидами и коларійцами Индіи, мы едва ли подвигаемъ вопросъ къ какому-нибудь рѣшенію. Какая генетическая связь можетъ быть, съ точки зрѣнія неподвижности расовыхъ признаковъ, между длинноголовымъ типомъ Негровъ, папуасовъ и австралійцевъ и короткоголовыми негритосами? На самомъ дѣлѣ, различіе такъ значительно и неожиданно, что Ратцель не можетъ не назвать его «поразительнымъ». Если принять цифры Миклухо-Маклая, который на южномъ берегу Н. Гвинеи находилъ короткоголовость, подобную тому-же свойству аэтовъ (около 82) ¹⁾, тогда главный антропологическій признакъ, руководившій до сихъ поръ въ различеніи негроидовъ отъ монголоидовъ, теряетъ почву, и у насъ ничего не остается для характеристики первыхъ, кромѣ шерстистыхъ волосъ и широкихъ носовъ. Но одинъ изъ признаковъ волосъ негрской расы, а именно пучкообразное распредѣленіе, не подтверждается новѣйшими изслѣдованіями ²⁾. Остается только шерстистость, которая, какъ мы видѣли, далеко не составляетъ общаго свойства даже и «австралійскихъ папуасовъ», по терминологіи Пешеля. То-же можно сказать о носяхъ, которые въ папуасской расѣ встрѣчаются почти въ такомъ же разнообразіи формъ, какъ и во всякой другой: наряду съ широкими и крючковатыми «еврейскими» носами, которые Пешель считаетъ характерными для папуасовъ (Vк., 336), встрѣчаются и широкіе, и плоскіе, и орлиные, и при томъ нерѣдко въ

¹⁾ См., R. Vк., II, 216 и Pesch., Vк. 339.

²⁾ R., op. c., 217. Hovelaque et Hérvé, „Pr. d'anthrop.“, 382 и др.

населения одной и той же группы (напр., Соломоновых островов). Что касается до роста и сложения, которые Ратцель считает характерными для двух «вѣтвей» «восточной или меланезійской отрасли негрской расы», т. е. для папуасовъ, къ которымъ, по его мнѣнію, относятся народности высокаго роста и атлетическаго сложения, и негритосовъ, соединяющихъ въ себѣ народности болѣе низкаго роста и худощаваго сложения, то эти признаки еще менѣе характерны. Съ одной стороны, среди папуасовъ можно найти не мало низкорослыхъ племенъ со слаборазвитыми конечностями; именно эти племена и выдѣлялись въ особую расу гарифуровъ или альфуровъ, которая указывалась почти на всѣхъ группахъ острововъ (См. W.-G., VI, 547). Герландъ находитъ возможнымъ допустить, что жаркій и теплый климатъ, а также и недостаточное питаніе оказываютъ особенно задерживающее дѣйствіе на ростъ меланезійцевъ (ib., 544). Между тѣмъ, о негритосахъ мы слышимъ не иначе, какъ о племенахъ, вытѣсненныхъ въ самыя глухія, непріятныя мѣста, т. е. находящихся въ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ развитія; въ виду того, можемъ ли мы считать малорослость и недоразвитость ихъ расовыми признаками, какъ этого хочетъ Ратцель?

Съ другой стороны, малайскій типъ вовсе не представляется столь простымъ и твердо установленнымъ, чтобы его легко было распознать въ каждомъ данномъ случаѣ. По отношенію къ нему разногласія между антропологами не меньше, чѣмъ относительно другихъ спорныхъ типовъ. Такъ, нѣмецкіе этнографы (Пешель, Фр. Мюллеръ, Ратцель, Герландъ и др.) считаютъ не подлежащимъ сомнѣнію, что полинезійцы—восточная вѣтвь малайцевъ, а французскіе антропологи называютъ это возрѣніе устарѣлымъ и находятъ необходимымъ окончательно отказаться отъ него¹⁾. И среди «западныхъ малайцевъ» различія оказываются настолько значительными, что французскіе антропологи находятъ возможнымъ установить двѣ особыя расы—«настоящихъ малайцевъ»²⁾, принадлежащихъ къ группѣ малорослыхъ и болѣе или менѣе круглоголовыхъ расъ Азіи, и «индонезійцевъ», сравнительно болѣе рослыхъ и съ

¹⁾ „Во всякомъ случаѣ, говорятъ Гавелокъ и Герве, слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть старую теорію, по которой малайцы и полинезійцы принадлежатъ къ одной и той же расѣ“ („Pr. d'Anthrop.“, 474).

²⁾ Гавелокъ и Герве замѣчаютъ по этому случаю, что именемъ «лайцевъ» обозначаются различныя расы (ib., 471), т. е. признаютъ и терминъ столь же шаткимъ, какъ и другія расовыя обозначенія.

болѣе удлиненой головой (Nov. et Negvè, о. с., 471, 475) ¹⁾. «Настоящихъ малайцевъ» они видятъ прежде всего въ обитателяхъ полуострова Малакки, сохранившихъ, по ихъ мнѣнію, наибольшую чистоту типа, а также и въ Индо-Китаѣ, гдѣ они живутъ къ югу отъ 10-й параллели, въ центрѣ Суматры и къ востоку отъ нея на оо. Банка и Биллитонѣ, по окраинамъ Борнео и на Зондскихъ островахъ къ западу отъ Явы. «Настоящихъ индонезійцевъ» тѣ же ученые находятъ въ баттакахъ Суматры, живущихъ въ верхней части острова, за исключеніемъ сѣверной оконечности его, гдѣ обитаютъ ачинцы, лишь отчасти сохранившіе индонезійскій типъ, и въ занимающихъ юго-западную часть его реджангахъ и лампангахъ. Эти индонезійцы, по мнѣнію упомянутыхъ авторовъ, предшествовали малайцамъ и смѣшались съ ними въ большей или меньшей степени. Къ смѣшаннымъ типамъ они относятъ яванцевъ, макасаровъ, бугинезцевъ, бисайевъ, тагаловъ и игорротовъ и нѣкот. др., у которыхъ преобладаетъ малайскій типъ, не высказываясь утвердительно о мадагаскарскихъ говасахъ—слѣдуетъ ли ихъ считать малайцами или индонезійцами. Индонезійцамъ, по мнѣнію тѣхъ же ученыхъ, предшествовали какія-то «дикія» племена, потомки которыхъ (мантрасы, джакуны и др.), вытѣсненные въ горныя или лѣсистыя мѣста, ведутъ тамъ уединенное существованіе. Въ другихъ случаяхъ эти аборигены называются ими «негритосами» и описываются, какъ черные, малорослые и круглоголовые люди; таковы каланги на Явѣ и аэты на Филиппинахъ. Въ изложенной классификаціи французскихъ антропологовъ мы видимъ обычный приемъ для выхода изъ затрудненій, представляемыхъ разнообразіемъ дѣйствительныхъ живыхъ типовъ. Не видя возможности объединить признаки, антропологи-теоретики создаютъ два или болѣе типовъ и съ помощью этихъ отвлеченныхъ построеній объясняютъ существующія различія разнообразными комбинаціями признаковъ: въ одномъ случаѣ они опредѣляютъ болѣшую примѣсь такого-то типа, въ другомъ—иного и т. д. Но такія опредѣленія всегда остаются произвольными и на самомъ дѣлѣ не разъясняютъ ни генезиса, ни отношенія извѣстнаго типа къ другимъ. Прежде всего, будемъ ли мы дѣлать то, что называется «малайскимъ населеніемъ», на расы или признаемъ въ немъ одну, объединимъ ли мы малайцевъ съ полине-

¹⁾ Гами, Монтано, Кинъ и др. приписываютъ индонезійской расѣ даже кавказское происхожденіе, что Ратцель называетъ скороспѣлымъ заключеніемъ (R., I. с., 371). Весьма характерно, однако, что для разъясненія малайскаго типа антропологамъ понадобились элементы всѣхъ трехъ основныхъ расъ.

зйцами или будемъ считать ихъ отдѣльными расами, мы не получимъ яснаго понятія ни о малайскомъ, ни объ индонезійскомъ, ни о полинезійскомъ типѣ. Нельзя указать ни одного какого-либо признака, ни какого-либо особаго сочетанія ихъ, которые были-бы характерны для названныхъ типовъ. Гомбронъ находилъ возможнымъ говорить объ океанійской расѣ, куда онъ включалъ и малайцевъ, и папуасовъ, и австралийцевъ, а Ивенъ находилъ, что малайцы скорѣе могутъ считаться среднимъ типомъ между негрской и кавказской расой, чѣмъ вѣтвью монгольской расы. Дѣйствительно, можно говорить о «малайцахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова», какъ о жителяхъ полуострова Малакки, подобно Вайцу, но если мы назовемъ этихъ послѣднихъ «настоящими» или «чистыми малайцами», у обитателей остальныхъ частей области расселенія малайцевъ, за исключеніемъ ближайшей къ Малаккѣ части Суматры, намъ придется указывать большія или меньшія отличія отъ нихъ. Какой, напр., цвѣтъ кожи можно считать характернымъ для малайцевъ? Если мы слышимъ, что «настоящіе малайцы» обитатели Малакки выказываютъ то оливковый, то мѣдно-буроватый цвѣтъ кожи (W., V, I, 84), то должны ли мы признать вмѣстѣ съ Ратцелемъ, что цвѣтъ тѣла малайцевъ характеризуется «вообще, какъ свѣтло-бурый»? Это обобщеніе тѣмъ труднѣе допустить, что названный авторъ вслѣдъ за тѣмъ приводитъ «значительныя отступленія» отъ этой характерной окраски, распредѣляющіяся по этническимъ группамъ: такъ, яванцы отличаются особенно свѣтлымъ цвѣтомъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ китайцамъ; зондцы темнѣе ихъ, атчинцы и баттаки еще темнѣе, а игорроты обладаютъ уже темнымъ каштаново-бурымъ цвѣтомъ (I. с. 369). Форма волосъ также не однородная; не всегда прямая, а нерѣдко и курчавая (на Церамѣ, Гилоло, Тиморѣ и пр.). Ростъ подвергается различнымъ колебаніямъ, соотвѣтствующимъ этническимъ группамъ: амбоинцы, напр., извѣстны своимъ маленькимъ ростомъ. Несмотря на преобладаніе круглоголовости, длинноголовые черепа оказываются не только у игорротовъ, но и у даяковъ. Попытки распредѣленія всѣхъ этихъ признаковъ по расамъ ведутъ только къ результатамъ отрицательнымъ; и индонезійскій, и негритосскій элементы, на самомъ дѣлѣ, все болѣе и болѣе ускользаютъ отъ опредѣленія: какъ признается Ратцель, «многіе изъ такъ называемыхъ негритосовъ кажутся тѣмъ болѣе малайцами, чѣмъ ближе ихъ изучаютъ» (ib., 370). И мало того: чѣмъ болѣе мы знакомимся съ дѣйствительными типами, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ искусственности границъ, какія пытаются про-

вести для малайской расы. Едва ли теперь можно говорить о Лигорѣ, какъ пограничной мѣстности для малайцевъ вмѣстѣ съ Вайцеми и Герландомъ, когда мы знаемъ о малайскомъ царствѣ Цямпа, простиравшемся до Тонкина и даже до Гуань-си и когда новѣйшія изслѣдованія, напр. д-ра Гармана, указываютъ повсюду въ Индо-Китаѣ слѣды малайской крови, что приводитъ названнаго французскаго ученаго къ выводу, что Индо-Китай нѣкогда почти весь былъ колонизированъ малайцами. Остатки ихъ онъ видитъ въ племенахъ долины Меконга—въ шанахъ, піакахъ, шаресахъ, пенангахъ и пр., и даже высказываетъ мнѣніе, что мѣстопроисхожденіе малайцевъ надо искать въ индокитайскихъ горахъ (Bordier, „La colonisation scientifique“, 387—8). Прежде, чѣмъ будутъ опредѣлены отношенія этихъ племенъ къ мао-пзы, лао и гималайскимъ племенамъ, едва ли будетъ основательно высказываться объ отношеніяхъ горныхъ темнокожихъ племенъ Инди съ негритосами, папуасами и австралійцами, какими занимаются этнографы, приходя къ діаметрально-противоположнымъ заключеніямъ.

Хотя малайцы выработали свою культуру, и давно уже части ихъ населенія соединились подъ властью султановъ, но остатки ихъ прежняго родового строя (системы «лара» и «суку») мѣстами еще сохранились и даютъ намъ возможность проникнуть въ прошлое, когда еще существовало раздѣленіе на племена. Это раздѣленіе и вызываемая имъ обособленность всего замѣтнѣе у «дикихъ» племенъ, каковы орангъ-бенуа, которые, по преданіямъ, нѣкогда дѣлились на четыре племени, удаи, джакуны, минтиры, сакаи, раздѣлявшіяся на джиновъ, букиновъ и алласовъ, и сешанги, два подраздѣленія которыхъ также говорятъ на разныхъ языкахъ. Орангъ-бенуа отличаются отъ культурныхъ малайцевъ малымъ ростомъ, большею тонкостью костей и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи; черенъ ихъ меньше и лицо округленнѣе, съ болѣе широкой средней частью по сравненію съ небольшимъ, но не покатымъ лбомъ; отличіе ихъ отъ прочихъ малайцевъ заключается еще въ болѣе выдавшейся нижней челюсти и отчасти въ курчавыхъ волосахъ; у нихъ оказываются и приподнятыя съ наружной стороны брови и плоскіе носы, и значительная волосистость. Среди джакуновъ встрѣчаются орлиные носы. У минтировъ описываются маленький приплюснутый носъ и большой ротъ съ вывороченной верхней губой. У сакаевъ, при цвѣтѣ кожи, одинаковомъ съ малайцами, при длинныхъ и курчавыхъ волосахъ, голова и конечности отличаются сравнительно малыми размѣрами. Къ этимъ пле-

менамъ можно присоединить еще безизи, сложеніе которыхъ отличается большей массивностью, а черты лица—большей грубостью; бидуанда-каланговъ, у которыхъ, противоположно орангъ-бенуа, лобъ шире средней части лица, горизонтальныя брови, ротъ небольшой съ тонкими, плотно сомкнутыми губами и лишь нѣсколько выдавшеюся нижней губой; а голова меньше, плечи шире и станъ тоньше, чѣмъ у минтировъ и каланговъ; слетаровъ, съ низкимъ, широкимъ лбомъ и такой же средней частью лица, нижняя часть котораго значительно сужена къ подбородку, замѣтно выступающему впередъ, съ косо поставленными глазами и бровями,—и самимбовъ, съ длиннымъ, красивымъ, но нѣсколько прогнатическимъ лицомъ, съ головой большаго размѣра, чѣмъ у бенуа. Разсматриваемые наряду съ этими народностями, и семанги, несмотря на болѣе темный цвѣтъ кожи, не кажутся негроподобными, какъ это замѣтилъ Ньюбольдъ (W. V, I, 85—7) ¹⁾. Сомнѣніе въ негрскомъ характерѣ негритосовъ даже и на Филиппинахъ, гдѣ онъ казался, благодаря Земперу и др., установленнымъ наиболее прочно, начинается все болѣе и болѣе пробиваться въ этнологіи. Ратцель такъ резюмируетъ нынѣшнія воззрѣнія на этотъ вопросъ: «Правда о филиппинскихъ негритосахъ сводится къ тому, что она, по большей части, оказываются бурыми, курчавыми, рѣдко шерстистоволосами и даже прямоволосыми, короткоголовыми людьми и отличаются отъ малайскаго типа скорѣе своимъ социальнымъ и географическимъ положеніемъ, въ качествѣ горныхъ или лѣсныхъ жителей и охотниковъ, чѣмъ антропологическими признаками» (R. Vк., II, 221). Хотя Ратцель, тѣмъ не менѣе, не сомнѣвается, что въ нихъ есть негрскій элементъ, но такъ какъ это—одно предположеніе, не основанное на историческихъ данныхъ, то позволительно думать, по аналогіи съ тѣми разнообразными племенными типами, какіе мы находили въ Средней Америкѣ, что и негритосы, встрѣчающіеся въ глухихъ горныхъ и лѣсныхъ мѣстахъ, могли образоваться путемъ изолированія ²⁾. Антропологамъ, во всякомъ случаѣ,

¹⁾ Весьма любопытно сближеніе семанговъ съ минкопіями, которое указывается Вайцемъ (ib., 88).

²⁾ Случай изолированія сравнительно недавняго времени, начало котораго намъ извѣстно, мы видимъ на примѣрѣ бадуйсовъ, племени, живущаго на Явѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Батавіи, на южномъ склонѣ Кеанденгскихъ горъ. Они представляютъ остатки населенія царства Паджанджаранъ въ западной Явѣ и скрылись въ свое нынѣшнее мѣстопробываніе послѣ разрушенія ихъ царства магометанскими завоевателями. Это произошло въ концѣ XV или въ началѣ XVI в. Съ тѣхъ поръ они живутъ безъ всякихъ сношеній съ вѣшнимъ міромъ. Сравнительно недавно ихъ

придется рѣшить—легче ли было неграмъ или папуасамъ утратить свою длинноголовость, превратившись въ негритосовъ, чѣмъ малайцамъ приобрести темный цвѣтъ кожи и курчавость волосъ?

Крайнее разнообразіе населенія Индіи одинаково признается учеными, изучавшими эту область ¹⁾. «Различіе между странами

удалось изслѣдовать голландскому ученому Якобсу. Онъ нашелъ, что они должны быть причислены къ мезоцефаламъ ортогнатамъ и по своему удлиненному и крѣпкому сложенію отличаются отъ прочихъ жителей Зондскихъ острововъ (см. Th. Posewitz, „Die Badujs“, „Ausland“, 1891, №№ 19 и 20). Статья нѣмецкаго референта, на которую мы указываемъ, не входитъ въ антропологическія подробности, но уже впечатлѣніе д-ра Якобса, заставившее его признавать въ бадуйсахъ нѣчто отличное отъ прочихъ зондцевъ, можетъ служить для насъ примѣромъ, къ какимъ результатамъ ведетъ изолированіе, даже въ продолженіи не болѣе трехсотъ лѣтъ. Замѣтимъ, что бадуйсы весьма не многочисленны; они живутъ во внутреннихъ и внѣшнихъ деревняхъ, при чемъ во внутренней деревнѣ бываетъ всегда одно и то же число домохозяйствъ, а именно 40. Въ случаѣ уничтоженія домохозяйства, оно пополняется изъ внѣшнихъ деревень. Въ 1888 г. въ трехъ внутреннихъ деревняхъ общее число жителей было 184, а въ семи внѣшнихъ 107, т. е. всего 291. Мы не имѣемъ свѣдѣній, избѣгаютъ ли бадуйсы родственныхъ браковъ, но при такой малочисленности населенія это едва ли возможно. Позевницъ держится этого мнѣнія: указывая еще на такое же уединенное племя на о. Бали, онъ полагаетъ, что оба примѣра говорятъ въ пользу теоріи о вредѣ родственныхъ браковъ.

¹⁾ Уже въ довольно старой работѣ Дальтоу (Zeitschrift. Ethn. 1874 г. Описательная этнологія Бенгаліи въ нѣмецкой обработкѣ Флекса) указывается на это разнообразіе. Такъ, хайны или хайасъ, или вогасъ жили въ Непалѣ въ бассейнѣ р. Кози и являлись остаткомъ древняго племени. Видъ ихъ, языкъ и преданія рѣзко отличаются отъ сосѣднихъ племенъ. Лицо ихъ носить менѣе монгольскій типъ, чѣмъ у лейгасовъ. Въ Читаттонгѣ въ лѣсистыхъ горахъ живетъ племя мази, коренное населеніе Аракана, похожее на китайцевъ: выдающийся скулы, плоскій носъ и косо поставленные глаза, цвѣтъ кожи, какъ у мулатовъ, небольшой ротъ, сильное и мускулистое сложеніе, густые и черные волосы. Байяры живутъ въ Паламавѣ и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, принадлежать къ коренному населенію; они темнаго цвѣта съ широкими выдавшимися скулами, узкимъ лбомъ, широкимъ носомъ съ большими ноздрями и такимъ широкимъ ртомъ, что углы его находятся почти на одной вертикальной линіи съ наружными углами глаза, съ толстыми губами и отступающимъ назадъ подбородкомъ. Между рѣками Манли и въ странѣ Джайпура лежитъ замкнутая со всѣхъ сторонъ скалистыми обрывами долина; здѣсь живутъ остатки первобытнаго населенія, называемаго банзи, отличающіеся крайне плоскимъ лицомъ, желтыми или бурымъ цвѣтомъ кожи, полными и выступающими губами, глазами на одномъ уровнѣ со щеками, отступающимъ назадъ подбородкомъ и въ особенности носомъ, почти не поднимающимся между глазами и съ чрезвычайно широкими крыльями и вытянутыми въ сторону ноздрями. Дикіе джуанги имѣютъ въ проэкции скуловыхъ костей плоское лицо, прямой, но низкій лобъ, вдавленный носъ, большой ротъ, толстыя губы; подбородокъ и нижняя челюсть отступаютъ назадъ волосы грубые и курчавые, красновато-каштановые. Хотя мунды и чосы значительно смѣшаны съ арийцами, но отдѣльные племена все-таки обладаютъ извѣстными отличительными особенностями. Санталы имѣютъ почти круглое лицо, умѣренно выдающіяся скулы, кроткіе большіе глаза, мало выдающіяся толстоватый носъ, большой ротъ, толстыя выдающіяся губы, прямые гладкіе волосы и склонность къ тучности. Корвары малы ростомъ, темнобурого цвѣта, крѣпкаго сложенія и коротконоги; отли-

Европы меньше, чѣмъ между странами Индіи, говоритъ Стрэчей; Шотландія болѣе сходна съ Испаніей, чѣмъ Бенгалія съ Пенджабомъ (John Strackey, «India», 3). Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ, что население Средней Индіи распредѣляется по разнообразнымъ и многочисленнымъ обозначеніямъ племень, клановъ, кастъ и подкастъ (ib., 5). Гёйтеръ повторяетъ то-же, когда говоритъ, что «Индія представляетъ большой музей расъ, въ которомъ мы можемъ изучать человѣка отъ низшихъ до высшихъ стадій культуры». Онъ принимаетъ лингвистическое дѣленіе неарійскаго населенія Индіи на три группы—тибето-бирманскую, коларійскую и дравидскую. Относительно первой онъ держится мнѣнія, что она связана съ Гималаями и ихъ сѣверо-восточными отрогами; она проникла въ Индію чрезъ сѣверо-восточные проходы и въ доисторическое время жила въ Центральной Азій, рядомъ съ предками монголовъ и китайцевъ (W. W. Hunter, «The Indian Empire», 2-d ed., 63). И коларійцевъ онъ считаетъ вступившими въ Бенгалію чрезъ сѣверо-восточные проходы. Область ихъ обитанія онъ указываетъ на сѣверѣ и вдоль сѣверо-восточной окраины треугольнаго плоскогорья, покрывающаго южную часть Индіи. Дравиды, какъ онъ думаетъ, вошли въ Пенджабъ сѣверо-западными проходами (ib., 64). Англійскій антропологъ Рислей устанавливаетъ три главныхъ типа туземнаго населенія Индіи: 1. узконосый, длинноголовый, рослый, стройный, съ длиннымъ и узкимъ лицомъ, сравнительно очень свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и большимъ лицевымъ угломъ; этотъ типъ всего болѣе обозначенъ въ Пенджабѣ; 2. плосконосый, длинноголовый, малорослый, коренастый типъ, съ очень темнымъ цвѣтомъ кожи, съ лицомъ сравнительно широкимъ и обыкновенно небольшимъ лицевымъ угломъ, выступающій всего замѣтнѣе въ Тота Нагпорѣ и центральныхъ провинціяхъ; 3. средненосый, короткоголовый типъ, низкаго или средняго роста, крѣпкаго сложенія, желтоватаго цвѣта кожи, съ широкимъ лицомъ и небольшимъ лицевымъ угломъ, встрѣчающійся вдоль сѣверныхъ и восточныхъ границъ Бенгаліи (Risley, „The Study of Ethnology in India“, Journ. of Anthropol. Inst., Febr., 1891, 257—8). Отмѣчая, что въ этой антропологической работѣ типы уже не распредѣляются по расамъ,

чаются они довольно большими бородами, что составляетъ рѣдкость для коларійцевъ. Горные корвары имѣютъ устрашающую наружность, но биргоры превосходятъ ихъ безобразіемъ. Ураи или ураты обладаютъ широкими носами, толстыми губами, выступающими зубами, но наружность ихъ не лишена пріятности.

а приурочиваются къ мѣстностямъ, мы усматриваемъ, что это антропологическое дѣленіе не совпадаетъ съ лингвистическимъ, и что всѣ темнокожія расы въ немъ отнесены къ одной группѣ (2-й)—плосконосой и длинноголовой. Этотъ выводъ подтверждаетъ самъ Рислей, указывая относительно плосконосаго типа, что «различіе между дравидами и коларійцами не соотвѣтствуетъ замѣтнымъ различіямъ физическаго типа» (ib., 289). И во всѣхъ описаніяхъ Индіи мы напрасно стали бы искать ясныхъ опредѣленій дравидскаго и коларійскаго типовъ; они часто смѣшиваются, и народности, причисляемыя одними этнографами къ первому изъ нихъ, другіе относятъ ко второму. Даже относительно народовъ, имѣющихъ широкое распространеніе, наилучше изученныхъ, имена которыхъ знакомы всѣмъ интересующимся этнографіей, каковы были (въ Раджпутанѣ), по замѣчанію Элизе Реклю, «этнологи расходятся въ мнѣніи—принадлежатъ ли были къ дравидамъ или къ коларійцамъ» («Всеобщая географія», VIII, 217). Фр. Мюллеръ (Al. Ethn., 463) и Реклю (VIII, 352) причисляютъ гондовъ и кэондовъ къ дравидамъ, Ратцель (Vк., III, 400) говоритъ о нихъ, какъ о группахъ, принадлежащихъ къ «первичнымъ» или «горнымъ» племенамъ, предшествовавшимъ дравидамъ и отождествляемымъ имъ съ коларійцами другихъ этнографовъ. Весьма неопредѣленно высказывается Реклю и о лимбу, китанти, аха и пр., живущихъ въ долинахъ Восточнаго Непала, говоря, что они, «быть можетъ, должны считаться представителями коларійскихъ племенъ» (Реклю, I. с., 137). Такой неопредѣленности и сбивчивости указаній мы не встрѣчаемъ въ описаніяхъ народностей, причисляемыхъ къ тибетскому типу; но, какъ только дѣло идетъ о дравидахъ и коларійцахъ, опредѣленность описаній исчезаетъ, и въ основѣ раздѣленія выступаютъ лишь лингвистическія основанія, которыя, какъ мы видѣли, въ Индіи не совпадаютъ съ антропологическими¹⁾. Упомятая, что число коренныхъ или туземныхъ племенъ Индіи считается «необычайно большимъ». Ратцель,—указывая, что антропологи пользуются соединеніемъ различныхъ признаковъ, каковы: положеніе глазныхъ вѣкъ, форма носа, форма губъ, различіе относительной длины рукъ и ногъ, образованіе волосъ, форма черепа

¹⁾ Магары, относимые Ратцелемъ къ дравидскимъ или коларійскимъ племенамъ, по указанію Реклю, говорятъ языкомъ тибетскаго корня. Были, по указанію Говелака и Герве (op. с., 397), говорятъ нарѣчіемъ индусскаго происхожденія и т. д.

и черты лица, чтобы характеризовать отдѣльныя группы, а филологи, наряду съ различіями, отмѣчаютъ и сходства, — въ то же время ставятъ вопросъ: что здѣсь можно считать первоначальнымъ и что преобразованнымъ, и сознается, что этого вопроса рѣшить нельзя ни антропологическими, ни филологическими выводами. Относительно дравидовъ онъ признаетъ, что этимъ именемъ называются народности, которыя не могутъ быть причислены ни къ арійскому, ни къ семитическому корню. Примѣтами этого типа служатъ: темный цвѣтъ кожи, монгольскія черты, гладкіе волосы. Но таковы же признаки коларійцевъ. У санталовъ «лицо широкое, скулы выдающіяся, губы немного толстыя, лобъ плоскій, голова круглая» (Реклю, VIII, 253). У биловъ, также причисляемыхъ къ коларійцамъ, «цвѣтъ кожи почти черный, носъ очень плоскій, волоса длинные и гладкіе, борода рѣдкая», и только «глаза узкіе, не скошенные, и скулы мало выдающіяся» (l. c., 217), но мури и ларки, которыхъ Реклю считаетъ самыми типичными («главными») коларійскими племенами, «имѣютъ широкое лицо и плоскія черты» (321). т. е. характерные монгольскіе признаки. Тѣ-же признаки указываютъ и у гондовъ, причисляемыхъ, какъ мы видѣли выше, то къ дравидамъ, то къ коларійцамъ: они малорослы, коренасты, съ плоскимъ носомъ, толстыми губами, широкимъ лицомъ. Съ другой стороны, племя чарро въ Ассамѣ, родственное народамъ тибетскаго корня, также имѣетъ «цвѣтъ кожи почти черный, лицо широкое, носъ плоскій, глаза скошенные, скулы выдающіяся, губы толстыя, бороду рѣдкую, и вообще напоминаетъ монгольскій типъ» (ib., 305). Какъ мы видимъ изъ этого описанія, племена, не возбуждающія сомнѣнія въ своемъ монгольскомъ происхожденіи, могли принять черный цвѣтъ кожи. Когда Ратцель прибавляетъ, что, по мнѣнію Грауля, знатока дравидскихъ народовъ, существенное свойство древняго тамульскаго народа составляетъ кочевая жизнь, всего болѣе характерная для туранцевъ, то мы затрудняемся понять, почему самъ онъ такъ легко относится къ гипотезѣ о связи дравидовъ съ тибетскимъ населеніемъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что она «не поднялась до уровня научной истины». Подтверждая монголоидность маратовъ, онъ отмѣчаетъ, что дханги, обитающіе въ сѣверной части западныхъ Гатовъ, говоря языкомъ, близкимъ къ мататскому, въ то-же время физически приближаются къ биламъ. Относительно послѣднихъ онъ прямо говоритъ, что «въ виду ихъ исторіи, въ нихъ едва ли можно видѣть меньшія туранскія вліянія,

чѣмъ въ родственныхъ имъ мхаирахъ и минахъ которые уже сильно монголоидны». Подобный-же типъ выказываютъ и болѣе отдаленные отъ нихъ рамузи. Наконецъ, «такіе-же слѣды монгольской примѣси» обнаруживаютъ, по его мнѣнію, и сантоны (Vк., III, 401—2).

На основаніи того, что мы видѣли въ разсмотрѣнныхъ выше областяхъ, мы позволяемъ себѣ думать, что въ туземцахъ Индіи мы имѣемъ дѣло съ множествомъ племенъ, обособленію которыхъ способствовали въ высшей мѣрѣ сперва географическія, а затѣмъ и социальныя условія. «Каждой особой области Индіи», подтверждая извѣстный фактъ, говоритъ Реклю, «принадлежать населенія еще отличныя отъ другихъ, дикія или цивилизованныя, которыя нужно описывать каждое отдѣльно». Тотъ же географъ въ западномъ Гималаѣ отличаетъ раздѣленіе на нѣсколько естественныхъ областей—область равнинъ, область горъ и область льдовъ, и указываетъ, что населеніе распространяется сообразно покатоности почвы и теченію рѣкъ. И въ восточной области, географически принадлежащей къ Тибету, встрѣчаются такія явленія этнической изолированности, какъ народъ хампа или чампа, живущій на громадной территоріи (на плоскогорьи Рупшу), не смѣшиваясь съ сосѣдями. Реклю повторяетъ то-же по отношенію къ Непалу, гдѣ «разнообразіе расъ весьма велико, благодаря тому обстоятельству, что семьи, живущія въ долинахъ, сохраняются въ первоначальной чистотѣ отъ всякой примѣси иноплеменной крови» (Реклю, *op. c.*, 136). Къ пространственной изолированности надо прибавить еще кастовое обособленіе, въ которомъ новѣйшіе антропологи склонны видѣть болѣе этническія различія, чѣмъ различія социальныхъ функций (Risley, *l. c.*, 289). Такимъ образомъ, въ Индіи мы находимъ единственное въ своемъ родѣ сочетаніе условій, способствующихъ образованію особыхъ типовъ, что вполне сходится съ наблюдаемыми фактами. Если въ настоящее время, по недостатку соответственныхъ изслѣдованій, еще нельзя положительно высказаться, что въ дравидахъ и коларійцахъ мы видимъ разновидность монгольской расы, то едва ли возможно утверждать, какъ это дѣлаетъ Рислей, что коларійцы никакъ не могутъ быть монгольскаго происхожденія, въ виду своей длинноголовости. Если въ настоящее время у китайцевъ отмѣчена субъ-долихоцефалія, то класть короткоголовость въ основу характеристики монгольскихъ народностей едва ли было бы соответственно требованію точнаго знанія. Происхожденіе многочисленныхъ этническихъ группъ Индіи, по нашему мнѣнію, ско-

рѣе выясняется послѣдствіями изолированія ихъ, чѣмъ предположеніями о совмѣщеніи и смѣшеніи въ нихъ различныхъ расъ. Эти предположенія неизбежно выходятъ гадательными и противорѣчными, такъ какъ, признавая неизмѣняемость расовыхъ типовъ, коларійцевъ и дравидовъ никакъ не удастся связать ни съ короткоголовыми негритами, ни съ шерстистоволосыми неграми.

Г Л А В А VIII.

Народообразовательный процессъ въ Африкѣ въ связи съ географическими провинціями.

Въ Африкѣ мы находимъ народообразовательный процессъ въ состояніи бѣльшаго осложненія и дальнѣйшаго развитія, чѣмъ у разсмотрѣнныхъ нами дикихъ племенъ Стараго и Новаго Свѣта. Давнее занятіе скотоводствомъ и земледѣліемъ создавало для африканцевъ инныя условія существованія, чѣмъ для охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ Америки и Австраліи. Правда, и въ Африкѣ уцѣлили охотничьи народности, о которыхъ мы будемъ говорить дальше, но и охотники, и земледѣльцы должны были покориться воинственнымъ скотоводамъ: первые уступали имъ свои территоріи, удаляясь въ менѣе привольныя мѣста; вторые иногда также вытѣснялись изъ своего мѣстообитанія. Результатомъ давленія завоевательныхъ народовъ были значительныя массовыя передвиженія народностей и разнообразныя перемѣщенія частей населенія, уводившихся въ плѣнъ и продававшихся въ рабство. Въ виду этихъ явлений, населеніе Африки казалось многимъ наблюдателямъ непрерывно движущимся на всемъ ея пространствѣ и непрестанно измѣняющимся для каждой мѣстности. Извѣстное сравненіе Иосафата Гана подвижныхъ негрскихъ племенъ внутренней Африки съ волнами, то поднимающимися, то исчезающими безслѣдно, распространяется собственно на весь материкъ. Путешественники, подъ впечатлѣніемъ этихъ непрекращающихся передвиженій, стали, наконецъ, видѣть въ Африкѣ одну беспорядочную смѣсь народовъ («Völkergewirr», какъ выражаются нѣмецкіе этнографы). Въ дѣйствительности, въ Африкѣ совершается передъ нашими глазами та борьба этническихъ типовъ, которая должна была совершаться въ болѣе или менѣе давнія времена во всѣхъ частяхъ свѣта, когда увеличившееся населеніе ихъ перешло отъ охоты къ земледѣлію и

скотоводству. Въ Америкѣ и въ Австраліи борьба происходила между племенами, въ Океаніи— между населеніями небольшихъ острововъ; здѣсь она производится между группами болѣе многочисленными и сложными, и потому масштабъ ея гораздо крупнѣе. Группы высшей интеграціи мы находимъ въ видѣ воинственныхъ, тѣснѣ сплоченныхъ пастушескихъ и немногихъ земледѣльческихъ народностей, одерживающихъ легкія побѣды надъ разрозненными племенами. Послѣдствія войнъ, состояція въ указанныхъ выше явленіяхъ перемѣщенія и перемѣшиванія населеній извѣстныхъ мѣстностей, ведутъ къ разрушенію племенного строя и образованію высшихъ этническихъ единицъ. Чтобы объяснить характеръ послѣднихъ въ разсматриваемой нами части свѣта, мы должны, однако, не упускать изъ виду значеніе племенъ, какъ основы возникающихъ народовъ. Отдавая имъ то вниманіе, которое принадлежитъ имъ по праву, какъ этнологическимъ единицамъ, мы лучше уяснимъ себѣ и процессъ образованія народовъ въ Африкѣ, и происхожденіе множественности ея типовъ, поражающихъ путешественниковъ. У дикихъ народностей мы застаемъ названный процессъ въ самомъ началѣ; даже у народностей, сплоченность которыхъ подвинулась всего болѣе, наприм., у зулусовъ, за войскомъ и свитой главнаго вождя, составленными изъ различныхъ элементовъ своихъ и покоренныхъ племенъ, мы еще видимъ племена въ ихъ первоначальномъ видѣ. Тѣмъ болѣе мы видимъ племенной составъ населенія у народностей, менѣе сплоченныхъ, не говоря уже о племенахъ, еще не вступившихъ въ процессъ сліянія съ сосѣдними или оторванныхъ отъ родственныхъ племенъ.

Если этнографы обращали недостаточное вниманіе на значеніе племенной группы у американцевъ и австралійцевъ, то тѣмъ менѣе можемъ мы ожидать разъясненія этого значенія для дикихъ туземцевъ Африки. Правда, вопросъ о характерѣ группъ, встрѣчавшихся путешественникамъ, не выдвигался въ этнологіи на передній планъ, и наблюдателямъ казалось достаточнымъ подтверждать мнѣнія прежнихъ путешественниковъ о патриархальномъ строѣ негрскаго племени и о представительствѣ безусловной отеческой власти въ лицѣ начальника племени. Новѣйшія изслѣдованія выяснили, что эта власть ограничена даже при той формѣ, которая со стороны кажется деспотической, и что даже подъ управленіемъ сильныхъ властителей отдѣльные племена сохраняютъ извѣстную самостоятельность: такъ, напр., пропускъ, даваемый властелиномъ, и въ предѣлахъ его «царства» не освобождаетъ отъ уплаты дани

начальникамъ племенъ и не обезпечиваетъ отъ насилій съ ихъ стороны. Эти изслѣдованія выясняютъ намъ, что исторія подобныхъ «царствъ» заключается въ усиленіи какого-нибудь племени, благодаря энергіи и способностямъ его начальника: такова исторія зулусовъ, такую-же исторію слышалъ Ливингстонъ отъ Себитуане и проч. По большей части сила подобнаго племени зависитъ отъ личныхъ свойствъ его вождя; со смертію энергичнаго военачальника, обыкновенно исчезаетъ и сила его племени, вслѣдствіе отпаденія союзныхъ племенъ и возвращенія себѣ свободы покоренными племенами; племя, господствовавшее надъ другими, затмевается, перестаетъ обращать на себя вниманіе сосѣдей и, въ свою очередь, терпитъ отъ болѣе счастливаго непріятеля, подвергаясь уменьшенію въ численности, а иногда и насильственному перемѣщенію. Описываемое положеніе вещей, открывающееся всего замѣтнѣе взгляду наблюдателя, и создаетъ иллюзію безслѣднаго исчезновенія гнѣлыхъ населеній и видимую пеструю смѣсь этническихъ типовъ въ Африкѣ. На самомъ дѣлѣ, пестрота, т. е. беспорядочное скопленіе типовъ различнаго происхожденія, бросается въ глаза только въ портовыхъ городахъ или на большихъ торговыхъ путяхъ; путешественники, видящіе племена въ мѣстахъ ихъ обитанія, вынуждены сознаться, что типъ, какой они находятъ тамъ, гораздо однообразнѣе, чѣмъ они могли ожидать, слыша о смѣшеніи типовъ на «темномъ материкѣ» ¹⁾.

Несмотря на разрастаніе численности, на извѣстное смѣшеніе съ посторонними элементами, въ населеніи Африки мы еще достаточно ясно видимъ племена, поддерживающія свою обособленность. Не говоря уже о племенахъ, очутившихся, благодаря активному или пассивному перемѣщенію, среди племенъ чуждой расы, какъ напр., горные дамара, бакобы, вагумы, баквири и др., и племена, окруженные племенами той же расы, стремятся поддержать и упрочить свои отличительныя особенности. Такъ, іолофы, по свидѣтельству Уинвуда Рида, гордятся своей красивой, однообразной наружностью и, ради сохраненія ея, имѣли обыкновеніе продавать всѣхъ некрасивыхъ невольницъ (по Дарвину, «Desc. of Man», II.

¹⁾ Такъ было съ Голубомъ, когда онъ попалъ къ машукумбѣ; онъ полагалъ, что, при совершающемся въ большомъ размѣрѣ африканско-международномъ обмѣнѣ женщинъ, не можетъ быть рѣчи о чистотѣ племени: однако, къ удивленію его, оказалось, что типъ лица передается по наследству и «народъ его болѣе и болѣе замыкается отъ сосѣдей», т. е. обособляется. („Von der Capstadt in das Land der Maschukulumbe“, 208—9, цит. по рецензій Пауличке, „Ausland“, 1891, № 1).

357). Стремленіе создать внѣшнія племенные отличія мы находимъ и въ искаженіяхъ частей тѣла, и въ татуировкѣ, и въ одеждѣ африканскихъ племенъ ¹⁾).

¹⁾ Въ нашемъ обзорѣ другихъ частей свѣта мы не касались внѣшнихъ знаковъ, которыми одни племена стараются отличить себя отъ другихъ: между тѣмъ, эти знаки, свойственные всѣмъ племенамъ, представляютъ наглядное доказательство, насколько обособленность лежала въ основѣ племенного союза и насколько члены племени считали важнымъ однообразіе своего наружнаго вида, чтобы имѣть возможность всегда отличать своихъ отъ чужихъ. Однообразіе признаковъ поддерживалось не только самой природой, какъ это должно быть при развитіи группы въ условіяхъ изолированія; оно поддерживалось отчасти половымъ подборомъ, когда отдавалось предпочтеніе преобладающимъ и, вслѣдствіе того, болѣе привычнымъ признакамъ, въ видѣ окраски, чертъ лица, сложенія и нѣкоторыхъ отличительныхъ особенностей племени. Дикія племена какъ нельзя лучше знали и цѣнили свои особенности и, ради усиленія ихъ, прибѣгали къ механическимъ приемамъ. Въ такомъ стремленіи усилить ихъ слѣдуетъ видѣть главную причину разнообразныхъ искаженій частей тѣла и лица у дикихъ племенъ, какъ напр., приданіе черепу искусственной формы, которое въ наибольшемъ распространеніи наблюдается въ Америкѣ, что соотвѣтствуетъ наибольшему развитію племенной обособленности. Искаженія черепа держатся тамъ до настоящаго времени не только у племенъ, не поддающихся цивилизаціи, но и у такихъ, которые приняли христіанство: синодь въ Лимѣ долженъ былъ издать особое распоряженіе, воспрещавшее придавать головамъ различныя формы, которыя „назывались „каита“, „ома“, „опальта“ и т. п., по имени племенъ употреблявшихъ ихъ, чтобы отличать другъ отъ друга“ (Topinard, „Anthrop. gén.“, 757).—Самое сплюсненіе головы имѣютъ у различныхъ племенъ различныя формы: у кватсилей и квакколей голова не только сплюсчивается, но и вытягивается въ конической формѣ (Вапсг., op. с. 180). Смыслъ этого обычая и приверженность къ нему раскрываются изъ замѣчанія Гэли, указывающаго, что у сагаптиновъ, лишь въ незначительной мѣрѣ сплюсчивающихся головы, можно замѣтить, какъ даже легкая искусственная покатость лба измѣняетъ физиономію, придавая ей, въ связи съ орлинымъ носомъ, сходство съ иероглифическими изображеніями средней Америки (Hale, op. с., VI, 214). Визайи въ Ю. Каролинѣ сплюсчивали одновременно и лбы, и затылки. Такое двойное сплюсчиваніе доходитъ до крайнихъ предѣловъ у натчезовъ (W., III, 55). Стѣль же древній обычай сплюсчиванія череповъ отмѣченъ у малайцевъ, у которыхъ онъ совершается въ характерѣ господствующей формы (гипсибрахицефальный) (Ratz., Vк. II, 370), и у полинезийцевъ, причемъ послѣдняя сопровождается сплюсчиваніемъ носа. (W—G., VI, 27).—У индѣйцевъ распространено и прободеніе носового хряща и ушной мочки, и нижней губы, въ отверстіе которыхъ продѣвались или вставлялись различныя украшенія. Хотя эти украшенія, въ особенности губное, имѣли обширную область распространенія, обнимавшую и различныя племена, и различныя народности, и употреблялись обоими полами, однако, уже изъ того, что они впервые возлагались въ настоящемъ размѣрѣ, при достиженіи возмужалости (Вапсг., op. с., 99), мы можемъ заключить, что это были не простыя украшенія, какія каждый могъ носить по своему выбору и желанію, а отличительные знаки, находившіеся подъ контролемъ всего племени. Стремленіе племени отличить себя внѣшними, долговѣчными знаками еще яснѣе видимъ мы въ татуировкѣ, во всѣхъ видахъ ея—въ формѣ рубцовъ и наколовъ прямыми линиями и фигурами. Въ своей первоначальной формѣ они были выраженіемъ духа племенного единенія, искавшаго одинаковыхъ внѣшнихъ знаковъ для членовъ своего союза. Такой же взглядъ высказываетъ и В. Юстъ въ своей монографіи, посвященной накожнымъ украшеніямъ. Онъ считаетъ естественнымъ, что

Хотя племенная раздѣльность, какъ достояніе прошлаго, и для Африки не можетъ быть подвергнута сомнѣнію, и на ея счетъ должно быть отнесено въ извѣстной степени разнообразіе этническихъ типовъ этой части свѣта, однако, въ настоящее время она не можетъ быть повсюду замѣтна для насъ. Племена болѣе слабыя, уступая завоевателямъ, вытѣснялись изъ своихъ территорій въ мѣста менѣе удобныя; при этомъ цѣлость племенъ разрушалась; они смѣшивались между собой, и, благодаря новымъ, менѣе благопріятнымъ физическимъ условіямъ, физическое развитіе регрессировало. Это явленіе мы можемъ наблюдать у готтентотовъ, о которыхъ мы слышимъ, что племена ихъ, подъ давленіемъ кафровъ и бѣлыхъ колонистовъ, перемѣшались между собою, а отчасти и съ кафрскимъ, и съ бѣлымъ элементомъ. Изъ трехъ племенъ, намаковъ, корановъ и гриковъ, о которыхъ мы слышимъ теперь, нѣкоторая чистота типа признается только за первымъ; второе смѣшано съ бушменами и кафрами, а третье—съ голландцами настолько, что оно уже прямо называется племенемъ метисовъ. Для всѣхъ

у нѣкоторыхъ индивидуумовъ явилось желаніе дѣлать на тѣлѣ прочныя рисунки, имѣющіе значеніе герба или мѣтки, а также, что у цѣлой группы индивидуумовъ могло возникнуть стремленіе выразить свою связь одинаковыми отмѣтками, которыя, въ случаѣ, если-бы кто-либо изъ нихъ попался въ плѣнъ, не могли быть замѣнены другими, которыя, однимъ словомъ, играли бы роль непреходящихъ „племенныхъ знаковъ“; эти желанія и стремленія были одною изъ причинъ происхожденія начертанія рисунковъ на кожѣ. Wilh. Joest, „Tätowiren, Narbenzeichen und Körperbehalten“, 25). Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: „Нѣтъ даже необходимости доказывать, что рубцы могли имѣть значеніе племенныхъ знаковъ... Родственнымъ съ ними могутъ считаться искусственныя бородавки и прободеніе щекъ и губъ, въ видѣ племенныхъ знаковъ, а также выбиваніе нѣсколькихъ зубовъ или отсѣченіе извѣстныхъ суставовъ пальцевъ“ (ib. 33). Племенное значеніе татуировки мы можемъ прослѣдить, начиная съ ея простѣйшихъ формъ, въ видѣ рубцовъ или черточекъ, у австралійцевъ, коларійцевъ и эскимосовъ, продолжая болѣе развитыми, въ видѣ изображенія тотемовъ или кобонговъ, у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и меланезійцевъ, и заканчивая наиболѣе совершенными у полинезійцевъ.— Въ Африкѣ татуировка, остановившаяся на низшей ступени надрѣзовъ или рубцовъ, имѣетъ исключительное значеніе племенныхъ знаковъ. Ливингстонъ приводитъ замѣчаніе одного изъ членовъ племени матамбве, что „по татуировкѣ всегда можно знать—къ какому племени или части племени человекъ принадлежитъ“ (D. Livingstone, „Last journals“, I, 49). Тотъ же путешественникъ наблюдалъ у маконде и матамбве иной способъ выпиливанія зубовъ, чѣмъ у сосѣдняго племени мачинге. Одинъ изъ маконде говорилъ ему, что они носятъ обыкновенно знаки полумѣсяца, но, переселившись въ страну вайяевъ, принимаютъ знаки послѣднихъ (ib. 50, 59). О балунгахъ Ливингстонъ говоритъ, что они „мѣтятъ себя тремя или четырьмя искусственными бородавками (knobs) на вискахъ“ (ib. 201). У Ратуеля, въ 1-мъ томѣ его—„Völkerkunde“, мы находимъ не мало подобныхъ же указаній. У мангандья отмѣчается губное украшеніе, соответствующее такимъ же украшеніямъ тлинкитовъ и ботакудовъ, съ тою разницею, что для него избирается верхняя губа, въ которую вставляется

трехъ названіе «племя» прилагается уже не въ смыслѣ первичной этнической единицы съ самостоятельной организаціей и естественной обособленностью, а въ смыслѣ «географической группы», т. е. обитателей извѣстной мѣстности, которыхъ, по сходству съ предполагаемымъ чистымъ типомъ и по языку, можно причислять къ готтентотской расѣ. Поэтому названныя готтентотскія племена мы не можемъ сравнивать съ племенами, рассмотрѣнными выше: эти географическія группы представляютъ смѣшеніе типовъ прежнихъ племенъ, для которыхъ условія изолированія уже не существуютъ.

Готтентото-бушменская группа имѣетъ такія характерныя отличія отъ негрскихъ типовъ, которыми она охвачена во всей области своего распространенія, что мысль о болѣе близкомъ родствѣ ея съ другими свѣтлокожими расовыми группами, обитающими въ

кольцо. По большей части, это украшеніе предоставляется женщинамъ, но на Ровумѣ къ нему прибѣгаютъ и мужчины; вмѣстѣ съ верхней. иногда прободается и нижняя губа. Манганджи, и мужчины и женщины. татуируются продольными рубцами, въ видѣ короткихъ линий поперекъ носа, на лбу, на щекахъ и вокругъ груди или пупка. Нѣкоторыя племена покрываютъ себя отъ головы до ногъ остроугольными фигурами, составленными изъ рубцовъ, причемъ фигуры мѣняются у различныхъ племенъ (Ratzel, *Völkerk.*, I, 399). Ваньоры имѣютъ племенные знаки, состоящіе изъ выжженныхъ рубцовъ на вискахъ (ib., 454). Родственные между собою вагума и ваганья носятъ общіе для нихъ крестообразные рубцы на вискахъ и на лбу (ib., 477). И у динковъ и нуэровъ лучистые надрѣзы на лбу составляютъ племенные знаки. У мору описывается характерная пунктирная татуировка лба и висковъ, а у нямбаровъ—въ видѣ бородки пера на вискахъ. Западныя племена Нильскихъ негровъ отличаются отъ прочихъ обычаемъ носить въ одной или въ обѣихъ губахъ цилиндрическіе кусочки шлифованнаго кварца; шули носятъ его въ нижней губѣ, нуэры—въ верхней, а джурры и джанбари—въ обѣихъ губахъ (ib., 496). У сандеховъ (нямъ-нямъ) племенные знаки состоятъ изъ трехъ или четырехъ пунктирныхъ квадратовъ на лбу, на вискахъ и на щекахъ, и фигуры въ видѣ буквы X вверху живота (ib., 526). Въ Средней Африкѣ татуировка, выпиливаніе и выбиваніе зубовъ распределяются по народностямъ. Такъ, Стэнли слышалъ въ области Конго о народѣ вазонгово-мено, съ зубами, выпиленными, какъ острія, который такъ и называется „народомъ съ острыми зубами“. Другіе народы выбиваютъ себѣ два среднихъ зуба въ нижней или въ обѣихъ челюстяхъ (ib., 549). По свидѣтельству Буттикофера, у негровъ Либеріи татуировка отчасти имѣетъ значеніе племенныхъ знаковъ (H. Schurz, „*Philosophie der Tracht*“, 78). Г-жа Беклендъ въ одной изъ своихъ работъ, которая она печатала въ „*Journal of Anthropological Institute*“, посвященной татуировкѣ, приходитъ къ общему выводу, что татуированіе рубцами преобладаетъ у черныхъ расъ, причемъ, эти знаки имѣютъ „племенное значеніе“ (A. W. Buckland, „*Anthropol. Studies*“, 231).—Африка извѣстна еще причудливыми прическами, которыя также строго держатся въ предѣлахъ народностей, каковы, напр., прически батоковъ, маньемовъ, машукулумбе и проч. Въ названной книгѣ Шурца, посвященной по преимуществу одеждѣ дикихъ африканскихъ народностей, приводятся многіе примѣры того, что у послѣднихъ одежда играетъ роль „племенного знака“, отказъ отъ котораго равносильенъ разрыву со своимъ племенемъ.

Африкѣ, напрашивается сама собою. Бликъ раньше другихъ высказался за родственную связь готтентото-бушменовъ съ народами Сѣверной Африки и Западной Азіи—съ египтянами, семитами, берберами, галласами и, быть можетъ, съ арійцами; распространіе негро-кафрской расы вытѣснило готтентото-бушменовъ въ отдаленныя южныя и юго-восточныя области и разорвало ихъ связь съ хамито-семитической расой С. и С.-В. Африки и даже связь съ группами своей же расы, отрѣзанными другъ отъ друга разселившимися между ними кафрскими племенами. Лепсіусъ, съ точки зрѣнія лингвистики, поддерживалъ предположеніе Блика, высказавъ убѣжденіе, что готтентоты принадлежатъ къ хамитамъ, высланнымъ изъ Азіи; въ лицѣ готтентотовъ, хамиты всего болѣе распространились къ югу и, вѣроятно, вначалѣ принудили негровъ къ отступленію, а впослѣдствіи сами были оттѣснены ими къ крайнему югу. Съ другой стороны, Р. Гартманъ находитъ у готтентотовъ и бушменовъ въ различныхъ проявленіяхъ особенности такъ наз. негрской расы, хотя и въ своеобразной переработкѣ; не отрицая особенностей двухъ названныхъ группъ, такъ-же какъ и «пигмеевъ» внутренней Африки, Гартманъ не думаетъ, однако, чтобы онѣ, въ физическомъ и психическомъ отношеніи, не имѣли ничего общаго съ нигритійцами. Ратцель, въ виду этихъ мнѣній, приходитъ къ заключенію, что «концентрація тѣхъ или другихъ признаковъ именно въ этихъ этническихъ группахъ служитъ достаточной причиной, чтобы отдѣлять ихъ отъ болѣе близкихъ и болѣе отдаленныхъ сосѣдей, какъ своеобразное, самостоятельное явленіе» (Ratzel, «Völkerkunde», I, 46). Помимо признаковъ, общихъ для негровъ и готтентото-бушменовъ, у послѣднихъ открываются признаки, общіе съ монгольской расой. Все болѣе и болѣе обозначающееся въ антропологии ученіе о первичности монгольской расы, о чемъ мы будемъ говорить ниже, рѣшительно высказывается въ пользу монголообразности готтентотовъ. Послѣдняя была замѣчена еще Причардомъ въ типѣ нынѣ угасшаго готтентотскаго племени гонахъ. Въ антропологической литературѣ встрѣчается еще мнѣніе, въ силу котораго готтентото-бушмены—потомки европейской длинноголовой пещерной расы; это мнѣніе защищаетъ, между прочимъ, Бѣклендъ въ своихъ «Anthropological Studies».

Будемъ ли мы связывать готтентотовъ и бушменовъ съ хамитами, монголами или съ доисторическими долихоцефалами Европы, мы должны признать въ нынѣшнихъ обитателяхъ Ю. Африки и родственныхъ имъ группахъ типъ вполне обособившійся, вслѣд-

ствіе испытанныхъ ими измѣненій. Кромѣ готтентотовъ или кой-койнъ и настоящихъ бушменовъ или саловъ, къ описываемой антропологической группѣ причисляются еще горные дамары (гау-койнъ), живущіе въ горной мѣстности среди гереро, разсѣянные племена, обитающія къ Ю.-В. отъ овамбовъ, бабизы, живущіе между о. Ниасса и Бангвеоло, муккасекеры на верхнемъ Куандо и малорослыя или карликовыя племена внутренней Африки (батуа или ватуе, ашунга или обонго, акки, кенбоба и бетсанъ, доко и т. д.). Съ того времени, какъ всѣ эти группы были оторваны одна отъ другой, съ того времени, какъ каждая изъ нихъ пришла въ столкновеніе съ болѣе сильной темной расой, онѣ находились въ изолированномъ состояніи среди своихъ сосѣдей иной расы. Изолированность бушменовъ, горныхъ дамаровъ и «пигмеевъ» внутренней Африки не требуетъ доказательствъ: первыхъ мы видимъ обитателями пустыни, вторыхъ—непріютной горной мѣстности и третьихъ—трудно проходимыхъ тропическихъ лѣсовъ; всѣ они были оттѣснены въ эти мѣстности, казавшіяся сосѣдямъ неудобными или ненужными; тамъ ихъ оставляли въ покоѣ потому, что они никому не мѣшали, отъ нихъ ничѣмъ нельзя было воспользоваться и на нихъ смотрѣли, какъ на слабую расу, достойную презрѣнія. Несомнѣнная физическая слабость ихъ, по сравненію съ кафрами и неграми, «наименьшая способность къ сопротивленію климатическимъ условіямъ Ю. Африки», которую Ратцель (ib., 84) признаетъ даже у готтентотовъ, превосходящихъ своимъ физическимъ развитіемъ остальные группы своей расы, эта слабость предрѣшала не въ ихъ пользу вопросъ о господствующемъ типѣ при слияніи съ другими расами. Самое существованіе бушменовъ и родственныхъ имъ группъ возможно было лишь при условіяхъ ихъ обособленія отъ сосѣдей, типъ которыхъ, болѣе приспособленный къ мѣстнымъ условіямъ, надѣленный жизненной энергіей, поражающей антропологовъ ¹⁾, беретъ верхъ при скрещиваніи съ слабымъ типомъ. Доказательства нашего предположенія мы видимъ въ постепенномъ исчезновеніи готтентотскаго типа, признаваемого лишь въ одной изъ трехъ нынѣшнихъ группъ, которымъ придается этно-

¹⁾ Пять кафровъ-зулусовъ, привезенныхъ въ Берлинъ и изслѣдованныхъ Вирховомъ, обнаруживали въ высшей степени замѣчательную жизненность (Vitalität), значительно превосходя преимуществами своего развитія обычно принимаемую норму негрскихъ народовъ“ (J. Ranke, „Der Mensch“, II, 325). Фричъ приписываетъ готтентотамъ склонность къ неправильному, несимметричному развитію, ведущему къ малорослости и уродливости, тогда какъ развитіе кафровъ гораздо правильнѣе и нормальнѣе.

графическое названіе готтентотовъ. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія насчитывалось до семи отдѣльныхъ большихъ племенъ или, вѣрнѣе, народностей готтентотовъ. Мы знаемъ, напр., о намакахъ, что они составляли союзъ племенъ, во главѣ котораго стояло племя каубибъ-коинъ, называвшее себя «царственнымъ народомъ». Въ настоящее время чистый готтентотскій типъ можно искать даже и среди намаковъ, за которыми онъ признается по преимуществу, лишь въ уединенныхъ мелкихъ группахъ, какъ напр., у «рѣчныхъ готтентотовъ» на нижнемъ теченіи Оранжевой рѣки. Видя передъ собой постепенное исчезновеніе или, вѣрнѣе, перерожденіе готтентотскаго типа, мы не находимъ еще, чтобы его мѣсто заступалось новымъ опредѣленнымъ типомъ. Въ группѣ гриковъ, подъ старымъ готтентотскимъ названіемъ, образуется сильно смѣшанное населеніе, въ которомъ пока замѣтны двѣ составныхъ части: 1) настоящіе грики, образовавшіеся изъ сліянія готтентотовъ съ бушменами, отличающіеся малорослостью, желтовато-бурымъ цвѣтомъ кожи, короткими шерстистыми волосами и широкими, выдающимися скулами, и 2) настоящіе «бастарды», болѣе высокаго роста и сильнаго сложенія, съ бѣльшимъ или меньшимъ приближеніемъ къ европейскому складу лица, довольно длинными курчавыми волосами и преобладаніемъ болѣе темнаго или пепельно-сѣраго цвѣта кожи. Эти составныя части встрѣчаются въ различныхъ комбинаціяхъ и переходахъ. Въ области обитанія гриковъ, такъ наз. Грик-ландѣ, къ С. отъ средняго теченія Оранжевой р., къ нимъ присоединяются еще кораны, бечуаны и пр. По замѣчанію Ратцеля, «элементы смѣшенія здѣсь еще слишкомъ мало слились между собой; они проявляются разнообразно, смотря по роду и степени смѣшенія: каждый индивидуумъ имѣетъ свой собственный типъ» (R., Vk., I, 115). Эта картина можетъ служить характернымъ изображеніемъ начальной стадіи смѣшенія различныхъ расовыхъ типовъ. Относительно готтентотскаго типа уже теперь можно сказать, что въ этомъ смѣшеніи ему не суждено восторжествовать не только надъ мѣстнымъ темнымъ типомъ, но и надъ пр.шлымъ европейскимъ.

Въ виду податливости готтентото-бушменскаго типа, какую мы замѣчаемъ при смѣшеніи его съ черной и бѣлой расой, мы вправѣ заключить, что тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ его въ чистомъ видѣ или, по крайней мѣрѣ, несходнымъ съ окружающими типами, передъ нами находятся группы, выработавшіяся благодаря изолированію. Видя передъ собой не мелкія племена, а группы болѣе многочис-

еленныя и распространенныя въ обширной области, имѣющей свою географическую индивидуальность, въ общихъ свойствахъ этихъ группъ, казалось бы, уже легче указать дѣйствіе географической провинціи. Имѣя дѣло съ однимъ типомъ, занимающимъ извѣстную мѣстность, намъ, однако трудно рѣшить—составляютъ ли его особенности результатъ дѣйствія изолированія или же дѣйствіе среды? По аналогіи съ тѣмъ, что мы видѣли въ Америкѣ и Австраліи, гдѣ можно было замѣтить пониженіе типа въ физическомъ смыслѣ, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ окружающихъ условій, и въ бупменахъ, обитающихъ въ самыхъ скудныхъ частяхъ Калахари, мы можемъ предположить недоразвившійся или выродившійся типъ. Признаки недоразвитія или вырожденія выражаются въ малорослости, хрупкости сложенія, худощавости и сухости конечностей.

Мы знаемъ, что даже дѣти бупменовъ, при рожденіи или вскорѣ послѣ рожденія, становятся худощавы и «угловаты», во все не высказывая дѣтской полноты формъ; вообще подкожный слой жира у того и другого пола крайне незначителенъ, отчего и зависитъ сухой видъ кожи, придающій ей сходство со старымъ сафьяномъ и ея складчатость въ мѣстахъ наибольшаго растяженія (R., I. c., 51). Какъ извѣстно, худощавость бупменовъ быстро исчезаетъ при обильномъ питаніи, но малорослость, слабое развитіе скелета, жалкій, некрасивый типъ лица составляютъ постоянные признаки, которые должны были сложиться подъ вліяніемъ условій необезпеченной охотничьей жизни въ скудной, сухой мѣстности. Такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ сравненіи бупменовъ съ готтентотами и акками, которое показываетъ, что типъ бупменовъ понизился вслѣдствіе пребыванія ихъ въ бѣдной пищей и водою области. Если ихъ «четвероугольные» лица, которыя Г. Фричъ противопоставляетъ «ромбическимъ» лицамъ готтентотовъ, могли выработаться благодаря изолированію, то ихъ сложеніе скорѣе всего зависитъ отъ нынѣшней сухой и скудной родины. Мы не можемъ сказать того-же объ ихъ ростѣ. Акки, согласно описанію д-ра Эмина-паши, ростомъ почти равняются бупменамъ; по его измѣренію, ростъ ихъ въ среднемъ 1,36 м., а бупменовъ (по Фричу)—1,44, даже (по Барроу)—1,37 и (по Берчелю и Лихтенштейну)—1,30. Акки сохранили буроватый отѣнокъ кожи, сближающій ихъ съ бупменами и отличающій ихъ отъ сосѣднихъ монбутту, но они приобрѣли волосистость кожи, совершенно отсутствующую у бупменовъ и готтентотовъ: Эминь-паша говоритъ о жесткихъ волосахъ на тѣлѣ ихъ, которые на

ощущъ производятъ впечатлѣніе грубаго войлока. Подвижность кожи, свойственная бушменамъ, у акковъ замѣчается въ такой же степени на лбу и около глазъ; на ней появляется множество складокъ при малѣйшемъ аффектѣ; за исключеніемъ указанныхъ мѣстъ, на всемъ тѣлѣ кожа поддерживается довольно толстымъ слоемъ жира; когда, съ наступленіемъ старости, индивидуальное развитіе начинается регрессировать, округлость формъ исчезаетъ, животъ отвисаетъ, сочлененія кажутся угловатыми, кожа высыхаетъ (Emin Bey, «Sur les Akkas», Zeitschr. f. Ethnol., XVIII, 146—7). То, что мы видимъ у акковъ только въ старости, для бушменовъ составляетъ нормальное состояніе, говорящее за вырожденіе ихъ типа.

Дѣйствіе географической провинціи подтверждается въ данномъ случаѣ сравненіемъ бушменовъ съ бакалагаріями, бечуанскимъ племенемъ, живущимъ въ пустынѣ, названіе которой вошло въ ихъ племенное имя. По поводу бакалагаріевъ, Ливингстонъ высказался въ отрицательномъ смыслѣ относительно измѣняющаго дѣйствія среды; наблюдая, что бакалагаріи занимаются скотоводствомъ и отчасти земледѣліемъ, подобно ихъ родичамъ, а ихъ сосѣди, бушмены, ведутъ жизнь бродячихъ охотниковъ, знаменитый путешественникъ заключилъ, что окружающія условія не оказываютъ замѣтнаго вліянія на человѣческія группы, подвергающіяся ихъ дѣйствію. Этотъ примѣръ казался убѣдительнымъ и многими противниками ученія о вліяніи среды приводился въ ихъ пользу. Между тѣмъ, служа убѣдительнымъ доказательствомъ дѣйствія изолированія, онъ вовсе не опровергаетъ ученія о дѣйствіи среды, такъ какъ бакалагаріи или баланы, своею слабостью и малорослостью ¹⁾, рѣзко отличаются отъ прочихъ бечуановъ, и особенно отъ басутовъ, живущихъ въ горной мѣстности, обладающихъ физической энергіей и предприимчивостью. Зная исключительное положеніе бакалагаріи среди бечуановъ и зная, что они давно уже живутъ въ сосѣдствѣ съ бушменами, мы съ достаточною основательностью и для нихъ, и для этихъ послѣднихъ можемъ допустить угнетающее въ физическомъ смыслѣ дѣйствіе ихъ общей географической области.

При всей неустановленности негрскаго типа въ области населенія причисляемыхъ къ нему народностей, мы повсюду замѣчаемъ извѣстную связь между разновидностями этого типа и мѣ-

¹⁾ Самъ Ливингстонъ говоритъ объ ихъ особенно тонкихъ конечностяхъ и отвислыхъ животахъ и приравниваетъ ихъ къ австралійцамъ (Missionsreisen in S. Africa, I, 65).

стообитаніями ихъ. Именно эти мѣстные или областные типы негровъ, какъ и въ другихъ, разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ, относящихся къ другимъ расовымъ типамъ, и нарушаютъ этнографическія систематизаціи и приводятъ къ такимъ недоразумѣніямъ, какія мы видѣли въ отыскиваніи «области настоящихъ негровъ» въ Африкѣ. «Принимая вмѣстѣ съ Вайцемъ, говоритъ Ратцель, что берберы, копты, галласы, нубійцы, готтентоты, кафры, народы области Конго и малгаши—не настоящіе негры, выключая изъ ихъ числа, вмѣстѣ съ Швейнфуртомъ, еще шиллуковъ и бонговъ. мы находимъ, что Африка почти по всей своей периферіи, за исключеніемъ полосы между Сенегаломъ и Нигеромъ, населена не настоящими неграми, и что даже внутренняя часть ея, отъ южной оконечности и далеко за экваторъ, вмѣщаетъ въ себѣ свѣтлокожихъ южно-африканцевъ и народы Банту («кафровъ» по терминологіи Вайца). Для негровъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, остается лишь узкая полоса, лежащая между экваторомъ и 20° с. ш., не достигающая ни той, ни другой линіи («полоса земли отъ десяти до двѣнадцати градусовъ широты къ югу отъ линіи, которую можно провести отъ устья Сенегала къ Тимбукту, а оттуда продолжить до области Сеннаара», по Вайцу); и въ этой области сокращенная такимъ образомъ негрская раса перемежается еще съ представителями другихъ расъ. Последнее обстоятельство смущало самого Вайца, вслѣдствіе почти полного уничтоженія его негрскаго типа. По Латаму, настоящая область негровъ простирается только отъ Сенегала до Нигера, захватывая еще лишь часть Дарфура, Кордофана и Сеннаара» (Ratzel, *Vk.*, I, 127—8). Ратцель признаетъ, что подобный неожиданный результатъ антропологическихъ заключеній, въ силу котораго въ Африкѣ почти не оказывается настоящихъ негровъ, происходитъ отъ бесплодныхъ поисковъ какого-то отвлеченнаго типа, крайней формы, изъ которой выдѣлены всѣ «кавказскія» черты, и находить выводъ, къ которому пришелъ Вайць «заблужденіемъ абстракціи». Такія же «заблужденія абстракціи» мы видѣли и въ исканіи другихъ типовъ, установленныхъ отвлеченнымъ путемъ, искусственнымъ сочетаніемъ предпологаемыхъ «специфическихъ» признаковъ искомой расы,—и въ исторіи опредѣленія «настоящихъ негровъ» находимъ лишь повтореніе того же бесплоднаго процесса. Мы не думаемъ, чтобы ясность научныхъ представленій выиграла отъ выхода изъ указываемыхъ затрудненій, къ которому обращается Ратцель, предлагая вернуться къ «старому» обозначенію «негра», въ его «общепонятномъ смыслѣ»; по его мнѣнію,

это обозначеніе должно прилагаться ко всѣмъ «темнымъ шерстисто-волосымъ африканцамъ, оставляя въ сторонѣ свѣтлыхъ южно-африканцевъ», а также и свѣтлыхъ, курчаво- и прямо-волосыхъ сѣверныхъ и восточныхъ африканцевъ (ib., 129). Онъ исходитъ, между прочимъ, изъ того соображенія, что этническія отношенія Африки яснѣе раскрываются намъ при обобщающемъ взглядѣ на нихъ, чѣмъ при противоположномъ характерѣ ихъ изученія. Въ «безпримѣрномъ смѣшеніи народовъ» внутренней Африки, по выраженію Швейнфурта, — поясняетъ онъ, — возрѣніе, основанное по преимуществу на точномъ обозначеніи границъ, скорѣе приводитъ къ изображенію точной этнической картины, нежели анализъ, неизбѣжнымъ результатомъ котораго можетъ быть только признаніе невозможности найти составные элементы тѣла, обладающаго всего болѣе подвижностью, почти равную подвижности жидкихъ тѣлъ» (ib). На самомъ дѣлѣ, однако, общее обозначеніе темнокожей африканской расы именемъ «негровъ», даже въ систематическомъ смыслѣ, не захватываетъ опредѣленной этнической группы, такъ какъ оно можетъ быть распространено и на «океанійскихъ негровъ». Но мы уже видѣли, что послѣдніе не могутъ быть рѣзко отдѣлены отъ сосѣднихъ группъ, причисляемыхъ къ желтой расѣ. Точно такъ-же, какъ мы уже замѣтили, со словъ Гармана и др., оказывается невозможнымъ провести рѣзкую границу между желтыми и темными африканцами. И Ратцель признаетъ (ib., 26), что «нѣтъ основанія безусловно противопоставлять» негровъ африканской свѣтлокожей малорослой расѣ, которая не отличается отъ нихъ никакими существенными признаками, кромѣ малаго роста, въ виду того, что свѣтлое окрашиваніе встрѣчается и среди негровъ; другіе же признаки у бушменообразной расы—общіе съ признаками негрскаго типа. Наличность послѣдняго въ Азіи и Океаніи приводитъ названнаго ученаго къ заключенію, что общей родиной негроидовъ была Азія, откуда часть ихъ передвинулась, вѣроятно, въ нѣсколько пріемовъ въ Африку, и что жители этой части свѣта представляютъ извѣстныя «степени смѣшеній», на одномъ концѣ которыхъ должны быть поставлены нубійцы и галласы, какъ наиболѣе «азіатскіе» изъ африканскихъ типовъ, а на другомъ—бушмены, въ которыхъ можно видѣть «болѣе сильные элементы прежнихъ обитателей, хотя и значительно измѣненные». Онъ прибавляетъ, впрочемъ, что «коренные африканцы» (Urafrikaner) въ физическомъ отношеніи не представляли «весьма глубокихъ отличій» отъ пришельцевъ, «такъ какъ въ противномъ случаѣ замѣчались бы болѣе рѣзкія отличія между

африканскими и азіатско-австралійскими неграми» (ib., 27). Изъ этихъ соображеній можно видѣть только, что африканскіе негры не представляютъ вполне обособленнаго этническаго типа, что первичные обитатели Африки отличались отъ нихъ, быть можетъ, лишь болѣе свѣтлой кожей и малымъ ростомъ, но мы не видимъ, какимъ образомъ «смѣшенія» негровъ, подобныхъ океанійскимъ чернокожимъ, съ малорослой бушменообразной расой и съ народностями хамито-семитическаго типа могли дать тѣ многочисленныя разновидности негрской расы, какія мы находимъ въ Африкѣ. Не говоря уже о томъ, что дѣйствіе и степень этихъ «смѣшеній» всегда остаются гадательными, мы, даже при допущеніи ихъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, не находимъ объясненія, почему изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ получаются такіе разнообразныя результаты.

Мы не могли бы, напр., разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія смѣшеній, отдать себѣ отчетъ, почему зулусы, представители грубаго, энергичнаго кафрскаго типа, такъ замѣтно отличаются отъ бечуановъ, представителей болѣе смягченнаго типа кафровъ. Хотя зулусы, какъ народъ особенно воинственный, имѣли возможность воспринимать въ свой этническій составъ весьма разнообразные элементы, но и бечуаны высказываютъ далеко не однородный типъ: какъ замѣчаетъ Ратцель, среди нихъ «рядомъ съ правильными лицами, встрѣчается значительное число самыхъ различныхъ типовъ, отъ неуклюжихъ негрообразныхъ до утонченныхъ абессинскихъ или нубійскихъ лицъ, что въ особенности поражаетъ въ дѣтскихъ фізіономіяхъ» (ор. с., 283). Между тѣмъ, общее отличіе типа бечуановъ отъ типа зулусовъ отмѣчается всѣми путешественниками. Г. Фричь говоритъ: «свойства, выступающія въ чертахъ бечуана, — кротость, покорность, иногда даже вялость; лишь изрѣдка отражается въ нихъ болѣе мрачная серьезность, тогда какъ для хоза или зулусовъ характерно выраженіе упорства, дикости и строптивости». Сообразно съ меньшей энергичностью лица и формы тѣла у бечуановъ менѣе массивны, постановка его менѣе опредѣленна, ростъ въ среднемъ ниже, плечи уже и покатѣе, мышцы менѣе развиты и въ положеніи тѣла замѣчается сутуловатость (ib. 282). Съ другой стороны, зулусы поражаютъ путешественниковъ выраженіемъ внутренней и внѣшней энергіи, высокимъ ростомъ, сильнымъ, статнымъ сложеніемъ, твердымъ, сознательнымъ взглядомъ; эти признаки, въ большей или меньшей степени, свойственны всѣмъ имъ, несмотря на разнообразіе ихъ этническихъ элементовъ.

Однимъ словомъ, сопоставляя ихъ съ бечуанами, мы видимъ два типа—одинъ крѣпкій физически и нравственно, получающій естественное преобладаніе въ борьбѣ съ сосѣдями, и другой, болѣе слабый въ отношеніи и физической организаціи, и характера, и болѣе уступчивый. Объясненіе этого различія мы видимъ прежде всего въ дѣйствиіи окружающихъ условій или географической провинціи. Отчасти съ этимъ согласенъ и Ратцель, говоря, что «образъ жизни и окружающія условія имѣютъ (на бечуановъ) немаловажное вліяніе»; онъ видитъ его въ тѣхъ различіяхъ, которыя можно прослѣдить въ различныхъ народностяхъ бечуановъ, начиная отъ крѣпкихъ, предприимчивыхъ басутовъ, и кончая слабыми, малорослыми бакалагаріями. Но эти различія, по нашему мнѣнію, исходятъ именно отъ прямого или косвеннаго дѣйствія географическихъ условій мѣстообитанія описываемыхъ народовъ. Область обитанія зулусовъ въ особенности на того, кто вступаетъ въ нее съ запада, производитъ впечатлѣніе страны съ сильной и плодovитой природой, и населеніе ея кажется ему соответствующимъ ея естественнымъ условіямъ; повсюду ему бросается въ глаза довольство и трудолюбіе жителей; даже для поверхностнаго взгляда замѣтно, что эта страна можетъ давать своимъ обитателямъ возможность свободно размножаться и развиваться. Иное видимъ мы въ странѣ бечуановъ: она состоитъ изъ степныхъ мѣстностей, бѣдныхъ орошеніемъ и мало удобныхъ для земледѣлія; вслѣдствіе того, размноженіе населенія возможно въ ней лишь въ ограниченномъ размѣрѣ, и населеніе оказывается рѣдкимъ и слабымъ. И всѣ разнообразныя элементы въ составѣ населенія зулусовъ и бечуановъ перерабатываются неодинаково: у первыхъ они превращаются въ энергичный, у послѣднихъ—въ болѣе мягкій типъ; мы даже болѣе слышимъ о разнообразіи типовъ среди бечуановъ, тогда какъ, повидимому, въ виду воинственности зулусовъ, должно было бы быть наоборотъ; это можетъ быть объяснено болѣе усиленной выработкой зулусскаго типа въ извѣстномъ направленіи.

Мы могли бы привести множество примѣровъ подобнаго вліянія географической провинціи среди темнокожаго населенія Африки, вліянія, выражающагося въ большей или меньшей обособленности его, густотѣ и жизненности. Оно очевидно, напр., въ дамарахъ или овагерерѣ, горныхъ дамарахъ и овамбахъ. Первые представляютъ собою своего рода антропологическую загадку: по своему типу, они отличаются отъ всѣхъ южно-африканцевъ «кавказскими чертами», а именно—сравнительно большимъ развитіемъ носа, высшимъ раз-

витиѣмъ черепа, меньшимъ развитіемъ нижней челюсти и меньшимъ утолщеніемъ губъ. Въ то же время они выказываютъ отсутствіе энергіи и устойчивости, дающее надъ ними перевѣсъ даже вырождавшемуся готтентотскому племени намаковъ. Противорѣчіе, заключающееся въ ихъ высшемъ типѣ и ихъ видимой ослабленности, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что они были вытѣснены изъ болѣе привольныхъ мѣстъ, гдѣ они жили обособленно (такъ какъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ ихъ близкихъ родичей), и въ нынѣшнемъ неблагопріятномъ мѣстообитаніи переживаютъ процессъ вырожденія и ослабленія. Малочисленные, всѣми презираемые, горные дамары не имѣютъ антропологическаго сродства съ ними, приближаясь нѣкоторыми чертами къ готтентотамъ, а другими къ овамбамъ. Между тѣмъ, какъ «земля дамаровъ» носитъ на себѣ характеръ сухой степи, страна овамбовъ восхищаетъ путешественниковъ своими хлѣбными полями и древесной растительностью. И сами овамбы, отличаясь отъ дамаровъ некрасивымъ типомъ лица, обладаютъ болѣе сильнымъ и мускулистымъ сложеніемъ. Къ сѣверу отъ овамбовъ живутъ родственныя имъ племена, занимающія всегда плодородныя, отънесенныя пальмами мѣстности, гдѣ, однако, они могутъ жить лишь малочисленными группами. Мы можемъ видѣть въ этомъ случаѣ, какъ географическая провинція не только обуславливаетъ ихъ расселеніе и образъ жизни, но и охраняетъ ихъ тѣмъ, что мѣста ихъ обитанія не привлекаютъ къ себѣ завоевателей внутренней Африки, передвиженія которыхъ въ значительной степени направляются стремленіемъ къ завладѣнію областями, обѣщающими для нихъ наилучшія условія обезпеченія и развитія. Благодаря тому, послѣднія оказываются въ ихъ рукахъ, и завоевательные народы получаютъ возможность размноженія и закрѣпленія своего типа.

Несмотря на безпорядочное смѣшеніе и подвижность населенія Африки, о которыхъ такъ много говорятъ этнографы, они сами должны признать, что указанные факторы этнической жизни Африки не препятствуютъ преобладанію извѣстныхъ типовъ въ опредѣленныхъ географическихъ областяхъ. Это можно сказать не только объ областяхъ небольшого размѣра, населенныхъ одною народностью, какія мы указывали въ названныхъ выше кафрскихъ народностяхъ, но и о болѣе обширныхъ, обнаруживающихъ типы съ болѣе рѣзкими отличіями. Если мы слышимъ, напр., что р. Замбези отдѣляетъ южно-африканскій типъ отъ средне-африканскаго (Ratzel, *Vk.*, I, 366), какъ одинъ изъ общихъ выводовъ этнографіи Африки, мы не можемъ не видѣть, что этотъ выводъ устанав-

ливаетъ географическую провинцію южно-африканскаго типа. Дѣйствіе географической провинціи выражаетъ собою и общій выводъ Юнкера, что въ Африкѣ «отъ С. и В. къ Ю. и З. цвѣтъ кожи становится темнѣе». Оно же проявляло себя въ томъ впечатлѣніи, какое испыталъ Ливингстонъ, когда онъ попалъ въ страну Лунда и почувствовалъ, что видитъ передъ собою населеніе, какое не встрѣчалось ему въ болѣе южныхъ странахъ Африки. Подобное же впечатлѣніе испытываетъ каждый путешественникъ, вступая съ юга въ область озеръ, служащихъ истокомъ Нила: осѣдлое населеніе этой области сравнительно съ крайнимъ негрскимъ типомъ обнаруживаетъ болѣе свѣтлую окраску и сложеніе болѣе «благороднаго» типа, какъ выражаются нѣмецкіе этнографы, т. е. болѣе близкаго къ хамито-семитическому; здѣсь именно мы находимъ границу между негрскимъ и эіопскимъ типомъ. Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ отдѣльныя характеристики негрскихъ племенъ, этнографія которыхъ крайне неполна и запутана, и изъ которыхъ многіе переживаютъ процессъ превращенія своего первоначальнаго типа въ новые типы, благодаря смѣшенію и перемѣщенію. Однако, мы можемъ отмѣтить, что переработка типа всегда совершается въ извѣстномъ направленіи, въ направленіи выработки нѣкотораго преобладающаго мѣстнаго типа. Такъ, на западномъ берегу, напр., въ Сіерра-Леоне, гдѣ селились освобожденные невольники самаго различнаго происхожденія, гдѣ можно насчитать представителей 200 различныхъ негрскихъ племенъ, говорящихъ на 150 нарѣчіяхъ, мы находимъ одинъ и тотъ же общій типъ. Какъ замѣчаетъ Шюттъ, «каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ свои особенности, но, взятые вмѣстѣ, они не представляютъ большихъ различій между собою» (Ratzel, Vк., I, 621). Какъ общій выводъ изъ рассмотрѣнія подвижнаго населенія Африки, Ратцель высказываетъ: «чѣмъ пестрѣе этнографическая картина, тѣмъ моложе исторія этихъ движеній; чѣмъ объединеннѣе характеръ населенія, тѣмъ дольше оно было предоставлено самому себѣ» (ib., 634). Другими словами, разнообразныя элементы населенія извѣстной страны становятся все однообразнѣе по мѣрѣ того, какъ они перерабатываются въ одной и той же средѣ, безъ прилива новыхъ постороннихъ элементовъ. Нахтигаль отмѣтилъ, какимъ образомъ эта переработка совершается въ характерѣ господствующаго мѣстнаго типа. Онъ указываетъ, что поа, мѣстные арабы Борну, перерождаются при смѣшеніи съ туземными элементами. Типъ, являющійся результатомъ этого смѣшенія, всегда приближается къ туземному. Превращеніе совершается

такимъ образомъ, что сперва пропадаетъ свѣтлая окраска, а затѣмъ и характерныя для арабскаго типа черты лица.

Видимая связь мѣстнаго типа съ условіями мѣстообитанія замѣтна и на жителяхъ великой сѣверной Африканской пустыни. Съ одной стороны, въ ея доступныхъ для жизни мѣстностяхъ мы видимъ, какъ и слѣдовало ожидать, изолированныя группы, раздѣленные между собою громадными разстояніями и ограниченными сообщеніями. Примѣромъ такого населенія могутъ служить теда, жители оазиса Тибести или Ту, описанные Нахтигалемъ. «Малодоступная, бѣдная природа ихъ родины, говоритъ названный путешественникъ, удерживала ихъ отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ и обезпечивала ихъ независимость. Ихъ изолированію содѣйствовало и то обстоятельство, что они не жили на торговой дорогѣ, какъ ихъ каварскіе родичи, и не могли вымѣнивать никакихъ продуктовъ своей страны, вслѣдствіе чего не могли добывать и невольницъ изъ Судана. Не подчиняясь постороннимъ влияніямъ и не имѣя возможности выработать свою цивилизацію, они остались почти такими-же, какими были въ древности. Между тѣмъ, какъ Феццанъ поражаетъ наблюдателя пестротой, смѣшанностью своего населенія, въ Тибести замѣчается населеніе вполнѣ однообразное. Хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ индивидуальныхъ отличіяхъ, но одни и тѣ же существенныя физическія и психическія свойства придаютъ имъ характерный отпечатокъ» («Sahara und Sudan», I, 425). Далѣе Нахтигаль говоритъ о ихъ ростѣ, который, въ общемъ, немного ниже средняго, о пропорціональности ихъ сложенія и замѣчательной худощавости съ слабымъ развитіемъ мышцъ икры и плеча. Эту худощавость онъ приписываетъ климату и образу жизни. «Сухой воздухъ пустыни и укрѣпляющій воздухъ горъ, съ ихъ сильнымъ испареніемъ и ускореннымъ обмѣномъ веществъ, неутомимость, съ которою теда, въ постоянной борьбѣ за существованіе, пробѣгаетъ большія пустынные пространства своей родины, и, наконецъ, недостаточное питаніе, составляющее, несмотря на величайшее напряженіе силъ, ихъ удѣлъ, достаточно объясняютъ ихъ худощавость» (ib., 426).

Въ своемъ описаніи Феццана, Нахтигаль указываетъ пестрое смѣшеніе, какое представляютъ обитатели этой области, «смѣшеніе и разложеніе, разъясненіе котораго можетъ привести путешественника въ величайшее затрудненіе». «На Ю., объясняетъ онъ, встрѣчаются чистые тубу (въ Теджеррѣ, Медрузѣ, Бахи, Катрунѣ), на Ю.-З.—чистые туареги (въ Вади-эль-Гаранѣ), а на С. и В.—

отдѣльныя колоніи сѣверныхъ берберовъ (въ Сокнѣ, Вадагѣ, Темиссѣ); къ нимъ присоединяются разсѣянные по всей странѣ чистые осѣдлые арабы и арабскіе или берберскіе номады, невольники изъ Борну, Гауссы и др. странъ внутренней Африки; наконецъ, повсюду наталкиваемся мы на людей, не принадлежащихъ къ упомянутымъ народамъ, представляющихъ мелкое ядро своеобразныхъ, но съ теченіемъ времени разнообразно измѣняющихся фецанцевъ» (ib., 185—6). Тѣмъ не менѣе, Нахтигаль выдѣляетъ «фецанцевъ въ настоящемъ смыслѣ», т. е. не принадлежащихъ ни къ туарегамъ, ни къ тубу, ни къ берберамъ, ни къ арабамъ; по цвѣту кожи они нѣсколько свѣтлѣе сѣверныхъ тубу и почти одинаковаго роста съ ними, но не обладаютъ икъ изяществомъ, гибкостью и ловкостью (ib., 188). Фецанцы могутъ считаться потомками древнихъ гарамантовъ, населявшихъ Фецапъ, охватывавшій область болѣе обширную, чѣмъ нынѣшній Фецапъ; чистота ихъ крови должна была постоянно нарушаться вторгавшимися съ сѣвера берберскими и арабскими элементами, а съ юга примѣсью суданской крови. Примѣсь постороннихъ элементовъ не помѣшала, однако, установленію типа фецанцевъ, который нельзя смѣшать ни съ тубу, ни — тѣмъ болѣе — съ туарегами.

Примѣръ фецанцевъ представляетъ намъ въ маломъ видѣ то, что мы находимъ во всѣхъ другихъ странахъ, испытавшихъ даже еще болѣе значительный и долговременный наплывъ постороннихъ элементовъ. Если этнографія, указывая многочисленныя миграціи группъ, не позволяетъ намъ говорить объ аутохтонахъ, т. е. типахъ, которые были первыми обитателями извѣстной географической области и остаются въ ней до настоящаго времени, то мы вправѣ говорить о мѣстномъ типѣ, свойственномъ этой области. Мы видимъ, что при всевозможныхъ смѣшеніяхъ, въ извѣстныхъ странахъ, въ теченіе тысячелѣтій поддерживается одинъ и тотъ же опредѣленный типъ. Брокъ обращаетъ вниманіе на замѣчательное совпаденіе признаковъ нынѣшнихъ расъ съ описаніями, какія Тацитъ и др. даютъ о племенахъ, обитавшихъ въ то время въ странахъ, гдѣ мы ихъ находимъ теперь. Сходство новѣйшихъ обитателей съ древними можетъ быть объяснено только дѣйствіемъ мѣстныхъ вліяній, благопріятствующихъ извѣстному типу и устраняющихъ другіе. Опредѣленный типъ мы можемъ найти въ коренномъ, осѣдломъ населеніи, въ ея земледѣльческомъ классѣ. Трудно указать страну, которая съ давнихъ временъ подвергалась бы такой же обширной примѣсяи постороннихъ элементовъ, какъ Египетъ, съ его

многочисленными плѣнниками-рабами въ эпоху могущества и вторженіями завоевателей въ послѣдующія времена. Тѣмъ не менѣе, какъ замѣчаетъ Брокъ, сельское населеніе Нильской долины, такъ наз. феллахи вполне сохранили типъ древнихъ египтянъ. Полигенисты приводятъ этотъ примѣръ въ пользу неизмѣнности расоваго типа, но мы видимъ въ немъ только доказательство въ пользу мѣстнаго типа: имѣя видимую убѣдительность, какъ свидѣтельство неизмѣняемости египетскаго типа, онъ опровергаетъ неизмѣняемость другихъ типовъ, входившихъ въ составъ населенія Египта. Допускаемая, напротивъ, измѣняемость типа въ опредѣленномъ направленіи, обусловливаемомъ вліяніемъ географической провинціи, мы избегаемъ противорѣчія, въ какое невольно впадаютъ полигенисты ¹⁾.

Оставаясь въ предѣлахъ С. Африки, мы видимъ такіа этнологическія явленія, какъ пять отдѣльныхъ берберскихъ типовъ, насчитываемыхъ Коллиньономъ въ Тунисѣ: 1) короткоголовый, малорослый, свойственный преимущественно береговой полосѣ, 2) длинноголовый, высокій, съ прямымъ или орлинымъ носомъ, преобладающій внутри страны, 3) еще болѣе длинноголовый, также рослый, съ тупымъ носомъ, покатымъ лбомъ и темнымъ цвѣтомъ кожи, обитающій въ оазисахъ Джерида, 4) длинноголовый, малорослый, съ прямымъ или дугообразнымъ носомъ, широкимъ и несимметричнымъ лицомъ, обитающій на плоскогорьяхъ и въ горныхъ долинахъ, и 5) бѣлокурый, разсѣянный между предыдущими (R. Collignon, «Etude sur l'éthnographie générale de la Tunisie», по рец. Гельвальда, въ «Arch. f. Anthrop.», XVIII, 345). Какъ указываетъ Коллиньономъ, осѣдлые берберы въ Тунисѣ не только не смѣшались съ кочевыми арабами, но и такъ мало слились между собою, что поддаются раздѣленію на пять отдѣльныхъ типовъ.

¹⁾ Мы не совсѣмъ понимаемъ заключеніе Эм. Шмидта въ его интересной работѣ „О древнихъ и новыхъ египетскихъ черепахъ“. Онъ опредѣляетъ среди древнихъ череповъ три типическія формы—чисто египетскую, смѣшанную египетско-нубійскую и среднюю между ними, и, находя эти формы и въ настоящее время, приходитъ къ выводу, что „вышнія условія не оказывали преобразующаго дѣйствія на черепъ, и что фактъ его неизмѣняемости говоритъ скорѣе въ пользу неослабѣвающей энергіи наследственности“ („Arch. f. Anthrop.“, XVII, 216). При въкоторой неопредѣленности „смѣшаннаго“ и „средняго“ типовъ, можно говорить о неизмѣняющейся преобладанности лишь „чисто египетскаго“ типа; этотъ послѣдній, установившись въ древнемъ Египтѣ, и не подвергался какимъ-либо извѣстнымъ намъ измѣненіямъ вышнихъ условій. Съ другой стороны это постоянство типа говоритъ противъ измѣняющаго дѣйствія смѣшенія съ посторонними элементами, которое у антропологовъ-полигенистовъ считается если не единственнымъ, то главнымъ факторомъ измѣненія типовъ.

Типы берберовъ, о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ для насъ особый интересъ, потому что мы знаемъ основной этнической элементъ ихъ и посторонніе элементы, которые къ нему примѣшивались. Намъ известно, что древѣйшими обитателями сѣверной Африки были черноволосые, смуглые ливійцы, къ которымъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., черезъ Гибралтаръ и Танжеръ, пришелъ изъ Европы блѣлокурый народъ, принесшій съ собою обычай постройки мегалитическихъ памятниковъ; судя по распространенію названныхъ памятниковъ, этотъ народъ распространялся по берегу Средиземнаго моря отъ З. къ В. Черезъ 500 лѣтъ на томъ-же берегу появилась финикіяне; за ними, за 150 лѣтъ до Р. Х., послѣдовали римляне. Исторія прибавляетъ, что въ началѣ V в. по Р. Х. туда же переселились вандалы, и рассказываетъ, что они были истреблены или изгнаны Велизаріемъ. Въ VIII в. берберы должны были дать мѣсто арабскимъ завоевателямъ, которые вытѣснили ихъ отчасти въ горы, а отчасти въ пустыню. Этническіе элементы берберовъ настолько извѣстны, что такой серьезный изслѣдователь, какъ Федербъ, находитъ возможнымъ выразить ихъ въ статистической таблицѣ¹⁾. Мы имѣемъ достаточное понятіе о всѣхъ этихъ элементахъ и можемъ видѣть ихъ своеобразную переработку въ нынѣшнихъ берберахъ. Эта переработка выразилась прежде всего въ томъ, что блѣлокурый элементъ почти исчезъ, появляясь спорадически, въ виду атавизма, въ видѣ свѣтловолосыхъ и свѣтлоглазыхъ дѣтей черноволосыхъ и черноглазыхъ родителей; особой группы или значительной примѣси, замѣтно нарушающей цѣльность типа извѣстной мѣстности, онъ нигдѣ не составляетъ. Черноволосый типъ видимо осилилъ его и самъ разбился на нѣсколько типовъ, съ разнообразными антропологическими признаками типовъ, приуроченныхъ къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Если изъ пяти типовъ Коллинсона исключить 5-й (блѣлокурый) и 2-й, который казался ему наиболѣе сходнымъ со «средиземнымъ» европейскимъ типомъ и который, однако, преобладаетъ не на береговой полосѣ, а внутри страны, то остаются три типа, достаточно несходныхъ между собою и по формѣ головы, и по росту, и по характеру фізіономіи. Топинаръ, перечисляя фізіономическіе типы Алжира, описываетъ два, которые, во его мнѣнію, по преимуществу могутъ быть названы

¹⁾ Количество берберскаго элемента, составившагося изъ смѣшенія ливійцевъ и блѣлокурой европейской расы, онъ считаетъ 75%, арабскаго—15, негрскаго—5, еврейскаго—2, финикійскаго—1, римско-византійскаго—1, вандалскаго—0,5, турецкаго и новѣйшаго европейскаго—0,5%. (По Bordier. „Colonisat. scientif.“, 175).

берберскими или кабилскими. У перваго короткое, по овальное лицо, производящее впечатлѣніе приплюснутости въ области скуловыхъ костей, съ короткимъ тупымъ носомъ, склоннымъ къ плоской, иногда даже вогнутой формѣ, съ широкими крыльями, съ маленькими глазами и круглымъ подбородкомъ; этотъ типъ безусловно преобладаетъ въ кабилскомъ населеніи и всего чаще встрѣчается въ Великой Кабиліи. Второй типъ, также «рѣшительно кабилскій», имѣетъ круглое, полное лицо, острую нижнюю челюсть и выдающіяся скулы; по мнѣнію названнаго ученаго, этотъ типъ можно считать наимѣе смѣшаннымъ (Ratzel, *Vk.*, III, 205—6). Сопоставляя эти типы Топпара и 3-й типъ Коллинсона со схемой Федерба, мы пришли бы въ большое затрудненіе, если-бы захотѣли объяснить ихъ происхожденіе съ точки зрѣнія незначительности расовыхъ признаковъ. Намъ пришлось-бы признать, что изъ всѣхъ процентныхъ частей, входящихъ въ составъ берберскаго типа, 5% негрской крови получили преобладаніе надъ 95% другихъ элементовъ, которымъ чужды и тупые носы, и плоскія лица, и выдавшіяся скулы. Видя, что 1-й кабилскій типъ Топпара связывается имъ съ опредѣленной областью, съ Великой Кабиліей, тогда какъ другіе типы составляютъ только отвлеченія или искусственныя группы, мы найдемъ недостающее объясненіе происхожденія этого типа, признавъ его мѣстнымъ типомъ, продуктомъ его географической провинціи, вырабатывающей его въ извѣстномъ характерѣ, имѣющемъ нѣчто общее съ мѣстными типами другого расоваго происхожденія.

Выдѣленіе «семитическаго» и «хамитскаго» типовъ въ населеніи Аравіи и сѣверо-восточной Африки, которымъ съ такими усиліями занимаются путешественники, представляется безнадежнымъ, пока мы остаемся на почвѣ ученія о расахъ. Уже въ Аравіи обозначаются два типа—свѣтлый, какъ напр., у обитателей Йемена и Гиміара, и темный какъ у обитателей южнаго берега полуострова. Сабейцы, своими рѣзкими чертами, крупнымъ дугообразнымъ носомъ и большимъ ртомъ, уже близке подходят къ хамитамъ-геджасамъ. Объ абессинцахъ мы также слышимъ, что они въ большинствѣ представляютъ «красивую форму кавказской расы, у которой образованіе лица почти тождественно съ бедуинами Аравіи» (Рюппель). И о нубійцахъ Гариве говорить, что «судя по образованію ихъ лица, они—арабскаго происхожденія» и т. д. Въ другомъ видѣ является этнографія сѣверо-восточной Африки, когда мы слышимъ о мѣстныхъ типахъ. Такъ, Мунцингеръ сравни-

васть Абессинію съ розой, окруженной шипами, такъ какъ она охвачена кольцомъ народностей различнаго происхожденія; кромѣ того, населеніе ея считается сильно смѣшаннымъ. Тѣмъ не менѣе, когда намъ говорятъ о типахъ Тигрѣ, Гамазена и др. опредѣленныхъ областей, мы встрѣчаемъ уже нѣчто болѣе опредѣленное. Прочность и самостоятельность этихъ мѣстныхъ типовъ мы всего лучше можемъ оцѣнить въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ возможно сравнить съ древнимъ типомъ той же мѣстности. Ближайшее подобіе съ нѣкоторыми древними статуями оказывается не у однихъ египетскихъ феллаховъ, но и у нубійцевъ. Отсюда мы можемъ уже съ увѣренностью заключить, что въ Нубіи, несмотря на всѣ смѣшенія, въ теченіе вѣковъ поддерживался одинъ и тотъ же мѣстный типъ, при чемъ всѣ посторонніе устранялись и исчезали.

ГЛАВА IX.

Областные и мѣстные типы Центральной и Восточной Азіи.

Грозная область разселенія желтой расы, различныя степени культурности принадлежащихъ къ ней народностей, отражающіяся на ихъ типѣ, и различныя степени ихъ интеграціи не позволяютъ намъ провести параллели между разсмотрѣнными выше этнологическими явленіями и тѣми болѣе сложными процессами, какіе выступаютъ въ образованіи полукультурныхъ и культурныхъ типовъ названной расы. Мы уже не можемъ надѣяться, чтобы они обнаружили результаты непосредственнаго дѣйствія окружающихъ условий, и не можемъ ожидать, чтобы самый типъ вырабатывался въ исключительной зависимости отъ этихъ условий. Тѣмъ не менѣе, и среди желтой расы, при недостаточномъ еще изслѣдованіи многихъ, въ особенности мелкихъ подраздѣленій ея, мы находимъ не мало примѣровъ вліянія географическихъ провинцій.

Уже самое опредѣленіе «монгольскаго», т. е. самаго характернаго типа желтой расы на дѣлѣ встрѣчается съ такими же затрудненіями, какія мы видѣли до сихъ поръ въ опредѣленіи характерныхъ типовъ другихъ расъ. Подъ вліяніемъ опредѣленія монгольскаго типа, даннаго Блуменбахомъ, наука искала въ дѣйствительности представителей этого типа или «настоящихъ монголовъ». Приводя характеристику монголовъ Блуменбаха ¹⁾, Ратцель находить ее «не слишкомъ общей» и полагаетъ, что

¹⁾ Средній ростъ мужчинъ отъ 1,635 м. со склонностью къ преобладанію меньшихъ размѣровъ, причемъ средній ростъ женщинъ понижается на 100—130 мм., — свѣтложелтый «кожаный» цвѣтъ кожи, переходящій въ непокрытыхъ частяхъ, въ густой красно-бурый. — почти однообразные темно-каріе глаза и грубые прямые волосы смоляного чернаго цвѣта, почти круглаго поперечнаго разрѣза, слабая волосистость остальнаго тѣла, въ особенности лица, на которомъ наибольшаго развитія достигаютъ усы, — короткія ноги, по большей части искривленныя, — большая голова, съ «короткоголовой» формой черепа въ двухъ третяхъ всѣхъ (извѣстныхъ) случаевъ, лишь съ незначительнымъ числомъ чистой длинноголовости, — широкое лицо съ выступающими впередъ скуловыми костями, широкой и вдавленной носовой костью, мало округленнымъ лбомъ, косо прорѣзанными узкими разрѣзами глаза, нѣсколько выступающею верхнею челюстью и крѣпкими зубами.

въ ней заключается описаніе существенныхъ признаковъ монголовъ повсюду, гдѣ они являются въ «несмѣшанномъ видѣ» (Vk., III, 330 — 1). Насколько такія характеристики отвлеченны, можно видѣть изъ того, что Фр. Мюллеръ, повторяя въ главныхъ чертахъ приведенную выше (средній ростъ, круглое лицо съ сильнымъ развитіемъ верхней челюсти, короткоголовый черепъ, маленькіе черные глаза, косо разрѣзанныя вѣки, выдающіяся скулы, короткій носъ съ вдавленной переносицей, широкія и мясистыя губы, короткій подбородокъ, большія и слегка отвороченныя уши), распространяетъ ее на всю монгольскую расу («Allg. Ethnogr.», 411—2), къ которой онъ причисляетъ желтую расу, за исключеніемъ лишь гиперборейцевъ, американцевъ и малайцевъ.

«Настоящими монголами», выдѣляя въ особенныя группы калмыковъ и буряты (къ которымъ Пешель присоединяетъ еще группу газареховъ, обитающихъ между Гератомъ и Кабуломъ, загадочныя племена которыхъ иногда въ этнографіи неправильно называются аймаками [Peschel, «Völkerkunde», 380, 381]), могутъ считаться «восточные монголы» или обитатели Монголіи. Но «коренными монголами», т. е. наиболѣе типичными, совмѣщающими въ себѣ признаки, считающіеся характерными для этой расы, покойный Пржевальскій находилъ только обитателей сѣверной Монголіи или халхасцев¹⁾. Между тѣмъ, халхасцевъ нельзя считать аутохтонами занимаемой ими страны. Разбирая вопросъ, откуда произошло заселеніе восточной Монголіи, Г. Н. Потанинъ приводитъ различныя взгляды на этотъ вопросъ. «Шмидтъ искалъ первоначальную родину монголовъ, говоритъ онъ, на югѣ, около оз. Кукунора, на основаніи только того, что въ какомъ-то урочищѣ близъ этого озера узнавалъ имя легендарной родины монголовъ Ергенехань; Банзаровъ находилъ родину монголовъ около Муни-Олы.

¹⁾ „За образецъ коренного монгола, безспорно, слѣдуетъ взять обитателя Халхи, гдѣ всего болѣе сохранилась чистокровная монгольская порода. Широкое плоское лицо съ выдающимися скулами, приплюснутый носъ, небольшіе, узко прорѣзанные глаза, угловатый черепъ, оттопыренныя уши, черные, жесткіе волосы, весьма рѣдкіе на усахъ и бородѣ, смуглый, загорѣлый цвѣтъ кожи, наконецъ, плотное, коренастое сложеніе, при среднемъ или даже большемъ ростѣ—вотъ характерныя черты наружности каждаго халхасца“ (Пржевальскій, „Монголія и страна тангутовъ“, 32). Нашъ знаменитый путешественникъ повторяетъ то-же въ своемъ „Четвертомъ путешествіи въ Центральной Азіи“ (стр. 83), говоря, что „сѣверные монголы, т. е. халхасцы и наши буряты, всего лучше сохранили коренной типъ своей расы“. Слѣдовательно, такое мнѣніе можно считать окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ его наблюденій. Это мнѣніе можно считать установившимся и въ научной этнографіи (см. Ratzel, III, 341).

В. П. Васильевъ считаетъ родиной монголовъ рѣку Амурь, слѣдовательно, вопреки двумъ предыдущимъ ученымъ, ведетъ ихъ не съ юга, а съ сѣверо-востока. Рихтгофенъ также указываетъ на сѣверъ, какъ на родину монголовъ... Если сравненіе быта монголовъ и киргизъ ведетъ, съ одной стороны, къ заключенію о приходѣ киргизъ съ юга, то съ другой—оно же благоприятно относится къ предположенію, что монголы пришли съ сѣвера. Въ пользу такого предположенія говорятъ ихъ сыродство, неупотребленіе соли, перьяшность... Замѣчательно также сходство монголовъ съ сибирскими дикарями и въ ихъ мирномъ характерѣ («Очерки Сѣверо-Западной Монголіи», в. IV, 659). Мы знаемъ также, по заключенію Кастрена, приводимому Пешелемъ («Völkerk.», 381), что восточные монголы получили названіе «мунгу» (монголовъ) съ VIII в. нашего лѣтосчисленія; хотя они и раньше были извѣстны китайцамъ подъ именемъ «тата», имѣвшимъ насмѣшливое значеніе, но лишь съ указаннаго времени они подъ именемъ «внѣшнихъ монголовъ» входятъ въ составъ монгольскаго «племени», какъ его понимаютъ китайцы ¹⁾: Откуда и когда бы ни пришли халхасцы въ свое нынѣшнее мѣстообитаніе, принесли ли они уже свой типъ или выработали его въ новой родинѣ, во всякомъ случаѣ, послѣдняя должна была благоприятствовать его развитію. Именно въ ней они должны были размножиться настолько, чтобы раздѣлиться на три рода (группы) ²⁾, причѣмъ халхасцы С. Монголіи дѣлились уже на четыре поколѣнія (племени). Мы знаемъ также, что халхасцы, несмотря на пустынную своей области, далеко не были избавлены отъ соприкосновенія съ другими народами. Намъ извѣстно изъ китайскихъ источниковъ, что на сѣверѣ Гоби издавна жили уйгуры ³⁾, что халхасцы одно время пользовались славой храбре-

¹⁾ См. приложение къ III вып. „Оч. С.-З. Монголіи“—„Приведеніе въ покорность монголовъ при началѣ Дайцинской династіи“ (изъ Шень-у-цаи), пер. проф. Васильева, стр. 306.

²⁾ „Должно различать три рода Халхи, покорившихся настоящей династіи одинъ за другимъ: 1) Старые халхасцы.—Это монголы, живущіе въ Пекинѣ и записанные въ число 8 знаменъ. 2) Внѣшніе халхасцы.—Это монголы четырехъ поколѣній или внѣшнихъ чжасаковъ, живущихъ на сѣверѣ Шамо, и 3) Внутренніе халхасцы.—Это монголы внутреннихъ чжасаковъ лѣваго и праваго крыла (Халха)“ (Указан. выше прилож., изъ Шень-у-цаи, стр. 317). „Такъ какъ поколѣнія размножились, говорится далѣе (318), то они раздѣлились на восточное, западное и среднее, надъ которыми управлялъ особый ханъ, но всѣ находились на с. отъ Ханхая.“

³⁾ „Хориль на сѣверѣ великой Шамо, на ю. отъ горъ Ханхай, на с.-з. отъ р. Орхонъ былъ стариннымъ пунктомъ мѣстопробыванія хайхе (уйгуровъ). Здѣсь была еще главная стоянка сѣверныхъ сюнну“ („Изъ Шень-у-цаи“, тамъ же, 319). См. также 320 и слѣд.

цовъ, т. е. вели войны съ сосѣдами, а впоследствии, отвыкнувъ отъ войны, подвергались нападеніямъ элютовъ и джунгаровъ и были изгоняемы ими изъ своего мѣстообитанія, куда были вновь водворяемы китайцами. Если мы еще примемъ во вниманіе, что къ Халхъ были «приписаны» два «сѣверные» народа—урянхайцы и население Кобдо, выведенное изъ Джунгаріи въ количествѣ семи (разноплеменныхъ) родовъ, то намъ не трудно убѣдиться, что въ исторіи халхасцевъ не было недостатка въ условіяхъ, которыя могли бы вести къ смѣшеніямъ, что не помѣшало имъ, однако, сохранить или выработать «чистый» монгольскій типъ. По китайскимъ преданіямъ, сѣверно- и южно-гобійскія «отдѣленія» происходятъ отъ одного и того же предка (Юаньскаго Тайцзу); одинъ изъ потомковъ его имѣлъ 12 сыновей, изъ которыхъ 11 переселились на ю. Шамо, а 12-й остался на прежней родинѣ и раздѣлилъ своихъ подданныхъ между семью сыновьями, ставшими отцами всѣхъ халхаскихъ поколѣній («Изъ Шень-у-цзи», 319). Это показаніе свидѣтельствуетъ, что обитатели Ю.-З. Монголіи одного происхожденія съ жителями Сѣверной, или халхасцами. Но первые, какъ отмѣчаетъ Пржевальскій («Монголія», 32), утратили свой чистокровный типъ, приблизившись по типу къ китайцамъ. Процессъ усвоенія ими китайскаго типа можетъ быть объясненъ непосредственнымъ общеніемъ или сляніемъ съ китайцами, въ виду близости плотнаго китайскаго населенія, но нельзя сказать того-же о двухъ другихъ отдѣлахъ, причисляемыхъ китайскимъ историкомъ къ монгольскому «племени»—элютовъ въ з. Шамо и кукунорскихъ монголовъ. Тѣ и другіе принадлежатъ къ одной этнографической группѣ элютовъ, къ которымъ относятъ еще алашанскихъ монголовъ, торгоутовъ и калмыковъ. Изъ краткихъ указаній Пржевальскаго мы можемъ видѣть, что алашанскіе монголы «по наружному виду много отличаются отъ халхасцевъ и представляютъ что-то среднее между ними и китайцами» (ор. с., 159). Въ другомъ сочиненіи («Третье путешествіе», 438) авторъ повторяетъ, что они «рѣзко отличаются отъ коренныхъ монголовъ-халхасцевъ и верѣдко весьма походятъ на китайцевъ, конечно, вслѣдствіе помѣси съ этими послѣдними». Эти опредѣленія не совсѣмъ ясны для насъ, но изъ указанія Пржевальскаго, что и языкъ названныхъ монголовъ «значительно отличается отъ халхасскаго», мы можемъ заключить, что они были отдѣлены отъ послѣднихъ достаточнымъ разстояніемъ и временемъ, чтобы до известной степени измѣнить свой типъ. Изъ обоихъ показаній Пржевальскаго можно

вывести предположеніе, что китайскій типъ примѣшивается къ типу, который и самъ по себѣ весьма отклоняется отъ халхасскаго. Не имѣя возможности судить съ точностью объ этихъ уклоненіяхъ, мы убѣждаемся въ нихъ изъ рисунка г. Роборовскаго, изображающаго алашаньскихъ монголовъ и приложеннаго къ «Третьему путешествію»; эти лица имѣютъ свой особый типъ, который можетъ показаться среднимъ между китайскимъ и халхасскимъ только потому, что имѣетъ нѣкоторыя генетическія черты того и другого, но въ сочетаніи вполне своеобразномъ. О кукунорскихъ монголахъ Пржевальскій также отзывается, какъ о народности, утратившей коренной, чисто-монгольскій типъ и приближающейся по типу къ тангутамъ, но въ низшей, вырождающейся формѣ («Монг. и стр. тангутовъ», 285). Въ этомъ показаніи для насъ весьма любопытно, что кукунорскіе монголы, имѣя сосѣдами и торгоуты, и халхасцевъ, и контовы, съ которыми могутъ входить въ такія-же смѣшенія, какъ и съ тангутами, измѣнились въ характерѣ типа послѣднихъ. Почти то-же Пржевальскій повторяетъ о сосѣднихъ цайдамскихъ монголахъ. Въ восточномъ Цайдамѣ обитаетъ лишь небольшое число тангутовъ; тѣмъ не менѣе, тамошніе монголы, также принадлежащіе къ олутамъ, сильно, утратили свой родовой типъ. «Всего чаще здѣсь встрѣчается помѣсь съ тангутами, въ особенности въ восточномъ и южномъ Цайдамѣ; иногда перепадаютъ и китайскія фізіономіи» («Третье путешествіе», 147). И здѣсь, какъ мы видимъ, тангутскій типъ, даже при сравнительно небольшомъ числѣ своихъ представителей, беретъ верхъ надъ монгольскимъ. Это обстоятельство объясняется видимымъ вырожденіемъ, которому подвергаются и кукунорскіе, какъ было указано выше, и цайдамскіе монголы, которыхъ, по отсутствію физической и умственной энергіи, Пржевальскій ставитъ «вообще ниже» халхасцевъ (ib.). Извѣстное вырожденіе переживаютъ и торгоуты, обитающіе въ сѣверо-западной Джунгаріи къ югу отъ Тарбагатая и Саура, потомки того племени калмыковъ, которые проживъ около столѣтія между Ураломъ и Волгой, въ концѣ прошлаго вѣка ушли обратно въ Азію. Пржевальскій отмѣчаетъ, что эти торгоуты «по своему наружному типу рѣзко отячаются отъ коренныхъ монголовъ-халхасцевъ; роста они обыкновенно средняго, или небольшого, сложенія не сильнаго, тонкіе, сухопарые; въ общемъ имѣютъ видъ изнуренныхъ, въ особенности женщины» («Третье путешествіе», 25). Съ другой стороны, названный путешественникъ указываетъ, что халхасцы, противоположно названному олутскимъ народностямъ,

«пользуются довольно крѣпкимъ физическимъ складомъ, хорошимъ здоровьемъ и нерѣдко достигаютъ глубокой старости («Четвертое путешествіе», 83). Онъ прибавляетъ, что «хотя приращеніе населенія въ Монголіи идетъ туго (вслѣдствіе стѣснительныхъ экономическихъ условий, безбрачія ламъ, иногда эпидемическихъ болѣзней), но за то среди нарождающихся младенцевъ, при суровыхъ условіяхъ быта и обстановки, несомнѣнно происходитъ строгій естественный подборъ сильнѣйшихъ» (ib.). Такой-же подборъ, безъ сомнѣнія, происходитъ и среди другихъ названныхъ народностей, живущихъ въ подобныхъ-же условіяхъ, но весьма знаменательно, что только въ сѣверной Монголіи этотъ процессъ ведетъ къ поддержанію и преобладанію «чистаго» монгольскаго типа.

Страны, знакомствомъ съ которыми мы обязаны Пржевальскому, представляютъ, между прочимъ, примѣры населеній, смѣшанность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ и когда въ него вступали различные расовые элементы. Таково, напр., населеніе Лобь-нора и нижняго Тарима. Туда укрывались потомки монголовъ и олютовъ, быть можетъ, еще смѣшивавшіеся съ мачинцами, и къ нимъ еще присоединялись ссыльные изъ В. Туркестана. Хотя Пржевальскій замѣчаетъ, что «по своему наружному типу лобь-норцы и таримцы представляютъ пеструю смѣсь фizioномій», причѣмъ «въ общемъ преобладаетъ тюркскій типъ съ большою примѣсью монгольскаго», но, не говоря уже о томъ, что преобладаніе «тюркскаго типа» трудно объяснимо при количественномъ перевѣсѣ на сторонѣ монгольскаго элемента, лобь-норцы представляютъ типъ, которому нельзя отказать въ извѣстной своеобразности. «Ростъ описываемаго населенія, говоритъ Пржевальскій, средній и ниже. Сложеніе вообще не плотное, грудь впалая; тѣмъ не менѣе, руки сильныя, вѣроятно, вслѣдствіе постоянной гребли въ лодкахъ; кожа тѣла бѣлая или, вѣрнѣе, грязно-бѣлая. Черепъ—формы эллиптической по наклонной оси, такъ какъ затылокъ у большинства сильно выдается назадъ; лобъ низкій, брови правильныя; глаза большіе, черные, рѣже каріе; носъ высокій, прямой, иногда горбатый; скулы большею частью выдающіяся, но менѣе, чѣмъ у кровныхъ монголовъ; губы толстыя; зубы мелкіе и бѣлые; уши средней величины; баки почти вовсе не растутъ, борода и усы также плохіе. Волосы на головѣ черные (но не густо-черные, какъ сажа, обыденные у монголовъ), нерѣдко съ болѣе свѣтлымъ кофейнымъ оттѣнкомъ, въ особенности у женщинъ; у мужчинъ борода иногда бываетъ еще свѣтлѣе» («Четвертое пу-

тешествіе», 304). «Тюркскими» чертами въ этомъ типѣ должны были показаться нашему путешественнику большіе глаза, высокій и прямой, даже горбатый носъ, усы и бороды, вмѣстѣ съ меньшею выпуклостью скулъ и менѣе чернымъ цвѣтомъ волосъ. Но у лобъ-норцевъ есть отличія, которыя не могутъ считаться общими свойствами тюрковъ, а именно бѣлый цвѣтъ кожи и эллиптической (удлиненный) черепъ. Въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мѣстнымъ типомъ, а не случайною, разнообразною смѣсью чертъ монгольскаго и тюркскаго типовъ, мы убѣждаемся изъ повторенія описаннаго типа лобъ-норцевъ у кара-курчинцевъ, живущихъ болѣе изолированно внутри Лобъ-нора. При уединенности своего мѣстообитанія, они должны были подвергаться меньшей примѣси тюркскаго элемента къ первоначальной монгольской основѣ, и тѣмъ не менѣе, по наблюденію Пржевальскаго, «представляютъ тотъ-же (лобъ-норскій) типъ, но въ болѣе слабомъ развитіи»: они «мельче ростомъ, корявѣе (?) и слабослыгѣе» (ib.), что легко можетъ происходить отъ менѣе благоприятныхъ условій существованія. Авторъ прибавляетъ еще, что «цвѣтъ кожи у нихъ темнѣе», но допускаетъ возможность, что потемнѣніе его лишь кажущееся, благодаря наружной грязи. Съ другой стороны, и въ Восточномъ Туркестанѣ, при всей смѣшанности его населенія и отсутствіи «однороднаго сплоченнаго типа», Пржевальскій отмѣчаетъ мачинцевъ, считающихъ себя кореннымъ населеніемъ и живущихъ отъ Черчена до Хотана и по сосѣднимъ горамъ. Типъ болѣе чистокровныхъ горныхъ мачинцевъ казался ему «монгольской расой въ смѣси съ арійской, съ преобладаніемъ послѣдней надъ первою». На взглядъ путешественника, который судитъ по первому впечатлѣнію, не углубляясь въ этногенію народовъ, встрѣчающихся на его пути, предполагаемая примѣсь арійскаго элемента должна означать лишь нѣкоторое приближеніе къ знакомымъ ему европейскимъ типамъ. Но это приближеніе для мачинцевъ заключается преимущественно въ отсутствіи вдавленной переносицы и косо прорѣзанныхъ глазъ, вмѣстѣ съ случаями голубого или сѣраго цвѣта глазъ и каштановаго, рыжеватаго, даже русаго цвѣта волосъ. Въ остальныхъ признакахъ мачинцы приближаются къ монголамъ (носъ расплывшійся на концѣ, ростъ волосъ на лицѣ сравнительно слабый, уши часто большія и значительно оттопыренные, черепъ угловатый съ плоскимъ затылкомъ, лобъ также чаще плоскій, губы довольно толстыя, кожа на тѣлѣ темная, но свѣтлѣе (?) чѣмъ у монголовъ, ростъ средній и сложение слабое) (op. cit., 360, 420—1). Утрата

косою прорѣза глазъ, вдавленной переносицы и даже случаи бо-
лѣ свѣтлаго цвѣта глазъ и волосъ, замѣчаемые у мачинцевъ, не
выходятъ изъ предѣловъ измѣненій, возможныхъ при изолированіи,
и потому мачинцы могли прійти къ нимъ и безъ помощи арій-
ской примѣси. Въ томъ, что они представляютъ господствующій
или мѣстный типъ, мы убѣждаемся изъ указаній Пржевальскаго
относительно полусцевъ, обитателей магометанской колоніи Полу
на Курабѣ, лѣвомъ притока Каспійской рѣки. Эти полусцы—по
происхожденію тибетцы, но теперь среди нихъ «преобладаетъ ма-
чинскій типъ; лишь немногіе напоминаютъ собою тибетцевъ» (ор.
с., 408—9). Слѣдуетъ замѣтить, что полусцы лишь въ первое
время женились на мачинкахъ, а «нынѣ вступаютъ въ браки
только между собой» (ib.). Такимъ образомъ, мачинскій типъ со-
хранился даже при смѣшеніи съ тибетскимъ, что едва-ли было-бы
возможно для смѣшаннаго типа.

Вопросъ о вліяніи близкаго сосѣдства народностей различныхъ
этническихъ типовъ разрѣшается изъ наблюденій Пржевальскаго
далеко не въ томъ смыслѣ, что подобное сосѣдство всегда ведетъ
къ образованію смѣшаннаго типа. Въ его описаніяхъ и на прило-
женныхъ къ нимъ картахъ во многихъ случаяхъ указываются области,
гдѣ живутъ, не утрачивая своего типа, различныя этническія
группы. Такъ, на Куку-норѣ въ окрестностяхъ Синина живутъ въ
сосѣдствѣ между собою китайцы, тангуты, дунганы, далды, монголы
и киргизы («Третье путешествіе», 326). И тангуты, во всей об-
ширной области ихъ расселенія, живутъ «большею частью, смѣ-
шанно съ китайцами и отчасти съ монголами» («Монг. и стр.
тангутовъ», 256), что не мѣшаетъ, однако, рѣзкому обозначенію
ихъ типа. Уже изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что одного
факта географической близости едва-ли можетъ быть достаточно,
для объясненія близости этнографической, и что типъ, обнаружи-
вающий черты, общія для какихъ-либо сосѣднихъ типовъ, не дол-
женъ быть неизбѣжно продуктомъ смѣшенія этихъ послѣднихъ.
Такъ, далды, которыхъ мы только-что назвали среди народностей
окрестностей Синина и которые живутъ еще на небольшомъ про-
странствѣ, болѣе или менѣе разсѣянно, никакъ не могутъ счи-
таться простыми метисами монголовъ и китайцевъ, хотя походятъ
на первыхъ и на послѣднихъ¹⁾. По краткому описанію Прже-

¹⁾ Въ первомъ описаніи („Монголія и страна тангутовъ“, 225) Прже-
вальскій находилъ, что далды „ближе подходятъ къ монголамъ, нежели
къ китайцамъ“. а во второмъ („Третье путеш.“, 328),—что „мужчины-далды

вальскаго, лицо у нихъ «плоское и округленное; скулы выдавшіяся, глаза и волосы черные; ротъ средний, иногда большой, сложеніе тѣла довольно плотное» («Монголія и стр. танг.», 225), но при этихъ признакахъ, свойственныхъ и монгольскому, и китайскому типу, у далдовъ, какъ говоритъ Пржевальскій, «противоположно монголамъ и китайцамъ, кажется, сильно растеть борода» (ib., примѣчаніе 4-е). Насколько можно вывести опредѣленное заключеніе изъ приведенныхъ отмѣтокъ Пржевальскаго, въ типѣ далдъ мы находимъ болѣе рѣзкія особенности монгольскаго и китайскаго типовъ сглаженными, и, кромѣ того, находимъ новый и важный для народности желтой расы признакъ—волосистость лица. На основаніи немногихъ доступныхъ намъ свѣдѣній о далдахъ, они могутъ считаться самостоятельной этнической группой, выработавшей нѣкоторые особые признаки, несвойственные ихъ монгольскимъ и китайскимъ родичамъ. Бородатость далдъ заслуживаетъ быть отмѣченной тѣмъ болѣе, что трудно было-бы указать какой-либо посторонній этнической элементъ, который могъ-бы надѣлать ихъ этимъ признакомъ.

Если далды, которыхъ Ратцель считаетъ родственными тангутамъ, могли выработать свой типъ, то это тѣмъ болѣе мы вправе говорить о тангутахъ, составляющихъ типъ настолько-же характерный для великаго плоскогорья Центральной Азии, насколько монголы характерны для пустынь, лежащихъ къ сѣверу отъ него. «Въ то время, какъ монголь, говоритъ Пржевальскій, привязанъ исключительно къ сухой, бесплодной пустынѣ и боится сырости, болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ невзгодъ своей родины, тангутъ, обитающій въ странѣ, лежащей рядомъ съ Монголіей, но прямо противоположной ей по своему характеру, сдѣлался человѣкомъ совсѣмъ иного закала. Влажность климата, горы, роскошныя пастбища, вотъ что манитъ къ себѣ тангута, который ненавидитъ пустыню и боится ея, какъ смертельнаго врага» («Монголія и стр. танг.», 264). Въ этихъ словахъ русскій путешественникъ достаточно намѣчаетъ различіе между географическими провинціями, служащими мѣстами обитанія для монгола и тангута, и зависимость отъ послѣднихъ различія типовъ того и другого. Типъ тангутовъ, со всѣми его видоизмѣненіями, рѣзко отличается отъ монголовъ

много походятъ на китайцевъ и частью на монголовъ», т. е. больше походятъ на китайцевъ. Женщины этой народности напоминали ему «нашихъ деревенскихъ женщинъ и совершенно отличались отъ китайнокъ», между прочимъ, и «физиономіей».

тѣмъ особымъ элементомъ, который Пржевальскій, достаточно наглядно, хотя и не совсѣмъ этнографически, называлъ «цыганскимъ». Этотъ элементъ заключается въ большихъ черныхъ, не косо прорѣзанныхъ глазахъ, не сплюснутомъ, иногда даже орлиномъ носѣ, длинныхъ косматыхъ волосахъ и свѣтло-коричневомъ цвѣтѣ кожи. Такой цыганскій habitus тангутовъ имѣеть весьма важное значеніе для насъ, такъ какъ, въ особенности въ Ганьсу, въ Цайдамѣ и на верховьяхъ Хуань-хэ, онъ уже никакъ не можетъ быть приписанъ примѣси арійскаго элемента. Весьма важно для насъ и разнообразіе типа тангутовъ въ различныхъ областяхъ ихъ обитанія, именно тѣмъ, что этотъ типъ то ближе подходитъ къ монгольскому, то болѣе отделяется отъ него тѣми или другими признаками. Такъ, типъ кара-тангутовъ больше приближается къ монгольскому: у описываемаго народа, обитающаго въ бассейнѣ Куку-нора, въ восточной части Цайдама и на верховьяхъ Желтой рѣки, «лицо шире, уши болѣе оттопырены, а глаза, въ особенности у молодыхъ, посажены вкось; словомъ, болѣе характерныхъ признаковъ монгольской расы», по заключенію Пржевальскаго («Третье путеш.», 343). Онъ прибавляетъ, что кара-тангуты усомъ и бороды не носятъ, и что эти украшенія у нихъ, вѣроятно, растутъ плохо (ib.). Но, при большей монголообразности физиономіи сравнительно со своими соплеменниками другихъ областей, они отличаются отъ нихъ «болѣе чернымъ», т. е. темнымъ «цвѣтомъ кожи» («Монг. и стр. танг.» 257), т. е. признакомъ, самостоятельно приобретеннымъ ими. Въ свою очередь, по наблюденію Пржевальскаго, наньшанскіе и вообще ганьсуйскіе тангуты, при нѣсколькѣ «цыганскомъ» типѣ, отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ на верховьяхъ Желтой рѣки, т. е. кара-тангутовъ, «меньшимъ безобразіемъ», т. е. болѣе близкимъ приближеніемъ къ привычному для насъ европейскому типу: какъ особый признакъ ихъ, можно отмѣтить меньшій размѣръ ушей и болѣе свѣтлый цвѣтъ кожи («Третье путешествіе», 415). Въ другомъ сочиненіи («Четвертое путешествіе», 182), о тангутахъ-камъ, живущихъ отъ плато Тибета внизъ по р. Ды-чю, а также за Тань-ла до границы Далай-ламскихъ владѣній, тотъ же авторъ говоритъ, что они «значительно отличаются отъ своихъ собратій, живущихъ въ Гань-су и на Куку-норѣ». Изъ признаковъ ихъ Пржевальскій указываетъ «средній ростъ, рѣже большой, плотное, коренастое сложеніе, большіе, но не косые, и всегда черные глаза, не сплюснутый, иногда даже орлиный носъ, не слишкомъ выдающіяся скулы.

уши средней величины.¹⁾; цвѣтъ кожи грязно-свѣтло-коричневый (ib., 182—3). Описываемыми признаками, а также и болѣе удлиненнымъ черепомъ тангуты-камъ болѣе отступаютъ отъ монгольскаго типа, чѣмъ упомянутые выше родичи ихъ, обитающіе въ другихъ географическихъ провинціяхъ, но въ то-же время подходятъ къ нему ближе тѣмъ, что усы и бороды у нихъ почти не растутъ (ib.). Пржевальскій отмѣчаетъ еще, что и запахъ у нихъ иной, чѣмъ у монголовъ. Весьма замѣчательно, что, по своему внѣшнему виду, тангуты-камъ напоминали Пржевальскому изображенія сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Мы не можемъ открыть никакихъ постороннихъ вліяній въ образованіи этихъ различныхъ типовъ тангутовъ и, по аналогіи съ нашими примѣрами изъ другихъ частей свѣта, находимъ объясненіе этихъ различій лишь въ изолированіи, въ связи съ дѣйствіемъ географическихъ провинцій.

Наше предположеніе получаетъ еще болѣе твердую опору въ измѣненіи, которому подверглись тангуты въ Тибетъ. Мы знаемъ, что предки нынѣшнихъ тибетцевъ были куку-норскіе тангуты, вышедшіе изъ своей родины въ IV в. до Р. Х. Въ своемъ новомъ отечествѣ они не смѣшивались съ другими расовыми элементами: слѣдовательно, отличія тибетцевъ отъ ихъ кукунорскихъ родичей должны были выработаться ими въ новомъ мѣстообитаніи подъ вліяніемъ изолированія и иныхъ географическихъ условій. У кочевыхъ тибетцевъ, описываемыхъ Пржевальскимъ, «цыганскій» элементъ выступаетъ еще замѣтнѣе: онъ не только присоединяется къ монгольскому, а становится равнымъ ему. Повторяя, что тибетцы, такъ-же какъ и тангуты, не похожи ни на монголовъ, ни на китайцевъ, а отчасти напоминаютъ нашихъ цыганъ, Пржевальскій выясняетъ: «если сдѣлать болѣе правильный, хотя и грубый рецентъ фізіономіи описываемаго народа, то слѣдуетъ предложить хорошенько смѣшать монгола съ цыганомъ и эту смѣсь раздѣлить пополамъ—въ результатъ получится какъ разъ тибетецъ» («Третье путешествіе», 252). Оговаривая, что характеристика его относится только къ кочевымъ обитателямъ Сѣвернаго Тибета, нашъ авторъ приводитъ слѣдующіе признаки ихъ: «ростъ мужчинъ средній, лишь изрѣдка высокій, грудь впалая, сложеніе вообще не сильное, цвѣтъ кожи темно-смуглый или даже свѣтло-кофейный, черепъ продолговатый, сжатый съ боковъ, поэтому лицо вытянутое, лобъ плос-

¹⁾ По поводу ушей ихъ, онъ замѣчаетъ, что у нихъ онъ нигдѣ не видѣлъ «такихъ безобразныхъ по величинѣ ушей, какъ у тангутовъ въ верхней Хуань-хэ и къ югу отъ Гуй-дуя и Гоми» (ib).

кѣй, переносица вдавлена, носъ всего чаще прямой и тонкій, скулы немного выдающіяся, глаза большіе, черные, не косые и не глубоко посаженные, уши средней величины, не оттопыренные, губы иногда толстыя, подбородокъ выдающійся, передніе зубы широкіе, рѣдкіе, посаженные у многихъ спереди десень и потому безобразно выдающіеся впередъ, усы и бороды растутъ плохо и притомъ еще обыкновенно выдергиваются, волосы на головѣ черные, длинныя, сбитые клочковатыми прядями» (ib.). Между тѣмъ, какъ у кукунорскихъ тангутовъ еще преобладаютъ монгольскіе признаки (см. выше, стр. 239 и сл.); у тибетцевъ эти признаки уже уступаютъ мѣсто новымъ примѣтамъ, среди которыхъ одна—зубы, посаженные спереди десень—составляетъ признакъ совершенно исключительный, появившійся вполне самостоятельно. Оригинальность типа населенія С. Тибета подтверждается указаніями Пржевальскаго, что въ Ю. Тибетѣ типъ, «быть можетъ, нѣсколько иной», а въ Лхассѣ онъ уже является въ культурной формѣ, приближающейся къ европейскому (ib.).

Зная, что тибетскія народности выдвинулись въ долину Инда и по ту сторону Гималаевъ, не теряя своей этнической индивидуальности, несмотря на сосѣдство арійцевъ, мы едва-ли вправѣ приписать влиянію послѣднихъ образованіе у тибетцевъ-камъ, и вообще у тангутовъ, того элемента, который Пржевальскій называлъ «цыганскимъ», а этнографъ назвалъ-бы арійскимъ. Намъ ничто не указываетъ на существованіе въ Тибетѣ какихъ-либо аутохтоновъ, индоевропейскихъ тангутамъ; слѣдовательно, мы ни въ чемъ не видимъ объясненія происхожденія тангута-тибетскаго типа, кромѣ влиянія уединенной географической провинціи. Въ виду того, намъ не представляется возможнымъ утверждать, какъ это дѣлаютъ этнологи, что тюркскій типъ не могъ произойти иначе, какъ путемъ примѣси къ первоначальному монгольскому типу элементовъ другой расы, преимущественно бѣлой. Не отрицая значительныхъ смѣшеній тюрковъ и арійцевъ, мы не видимъ причины, почему даже крайній тюркскій типъ, какъ, напр., узбекскій, не могъ въ извѣстной степени образоваться самостоятельнымъ путемъ, подобно множеству приведенныхъ выше типовъ. Дѣйствительно, признаки тюркскаго типа, особенно замѣтные у узбековъ—болѣе высокій ростъ, болѣе удлиненное лицо и черепъ, болѣе обильная волосистость лица, менѣе вдавленный носъ, менѣе большой ротъ и менѣе толстыя губы—не представляютъ такихъ признаковъ, которые не могли бы развиться путемъ видоизмѣненія признаковъ монгольскаго типа. Всѣ

наблюдатели признають, что въ тюркскомъ типѣ всегда остается монгольская основа, или, другими словами, какъ говорить Вамбери, признаки настоящаго тюрка являются у монгола лишь въ болѣе рѣзкой формѣ. «Смягченіе» монгольскаго типа у тюрковъ, въ смыслѣ приближенія его къ типу сосѣднихъ народностей бѣлой расы, замѣчается преимущественно въ направленіи этого послѣдняго типа, если тюрки являются иммигрантами; иначе сказать, между тюркскимъ и арійскимъ типами образуется нѣкоторое общее сходство въ смыслѣ мѣстнаго типа. Такъ, если, съ одной стороны, узбеки приближаются къ типу таджиковъ, по мѣрѣ увеличенія географической близости, то, съ другой стороны, у нашихъ касимовскихъ татаръ замѣчается преобладаніе темно-русыхъ волосъ, и голубыхъ и сѣрыхъ глазъ, настолько, что изъ 30 татаръ иногда нельзя найти ни одного черноглазаго (Ratzel, «Vк.», III, 336); едва-ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что это измѣненіе цвѣта волосъ и глазъ есть результатъ смѣшенія ихъ съ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ.

Возможность образованія тангутскаго типа, со всѣми его видоизмѣненіями, въ уединенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы находимъ его, не позволяетъ смотрѣть и на образованіе различныхъ восточно-азиатскихъ типовъ, какъ на продуктъ смѣшенія различныхъ расовыхъ элементовъ. Китайцы уже настолько отступили отъ чисто-монгольскаго типа, что Реклю признаетъ ошибочнымъ называть ихъ типъ «монгольскимъ». Съ точки зрѣнія неизбѣжности расовыхъ признаковъ, это отступленіе заключается всего болѣе въ измѣнившейся формѣ черепа, которая у китайцевъ удлинилась, превратившись въ субдолихоцефалическую. Для насъ это измѣненіе черепной формы не переходитъ того предѣла, который мы замѣчали на многихъ примѣрахъ превращенія извѣстнаго типа подъ вліяніемъ изолированія, въ связи съ дѣйствіемъ географической провинціи. Если мы видимъ на татарахъ, какъ монгольскій типъ постепенно превращается въ тибетскій, подъ вліяніемъ уединенія въ своеобразныхъ географическихъ условіяхъ, мы не находимъ причины отвергать возможность подобнаго же измѣненія и для китайцевъ. При всѣхъ смѣшеніи индивидуальныхъ типовъ въ громадномъ населеніи Китая, при содѣйствіи культуры, въ измѣнчивости китайскаго типа, даже и антропологи-полигенисты, отстаивающіе неизмѣнность расовыхъ признаковъ, не могутъ не отмѣтить различій признаковъ въ различныхъ провинціяхъ Китая. Такъ, Говелакъ и Герве, въ своемъ «Précis d'anthropologie» (466), указываютъ, что у сѣверныхъ китайцевъ ростъ больше, чѣмъ у южныхъ, голова у нихъ меньше,

уже и продолговатѣе. Къ измѣняющему дѣйствию географической провинціи на ростъ и черепъ присоединяется, по наблюденіямъ Беддо, такое же дѣйствіе и на цвѣтъ кожи. Указывая на большое разнообразіе оттѣнковъ въ цвѣтѣ кожи китайцевъ (съ преобладаніемъ, однако, желтаго, т. е. типично монгольскаго цвѣта), онъ утверждаетъ, что жителей нѣкоторыхъ провинцій, напр. Фудзяня, всегда можно отличить по цвѣту кожи отъ другихъ китайцевъ (Beddoe, «Observations on the natural colour of the skin in certain oriental races», Journ. of Anthropol. Inst., 1890, Febr., 261). Тѣ же выводы мы находимъ и у Ратцеля. «Другихъ расовыхъ элементовъ, кромѣ монгольскихъ, говорить онъ, до сихъ поръ не удалось указать въ обширной области Китайской имперіи, хотя ихъ почти и не искали; впрочемъ, на этомъ обширномъ пространствѣ можно отмѣтить немаловажныя различія, происходящія отъ климатическихъ и социальныхъ вліяній. Во всякомъ случаѣ, нельзя эти сотни милліоновъ людей считать вполне однообразной массой... Уже цвѣтъ кожи мѣняется отъ одной зоны до другой. Въ Сѣверномъ Китаѣ можно увидѣть румяныхъ дѣтей и даже стариковъ, не совсемъ утратившихъ румянецъ, тогда какъ на югѣ первоначальный пшенично-желтый цвѣтъ монгольской кожи переходитъ въ буроватый, что, конечно, не даетъ еще права говорить о «черныхъ китайцахъ». Кромѣ того, на югѣ вообще ростъ населенія меньше, чѣмъ на сѣверѣ, гдѣ встрѣчаются особы исполинскаго роста и въ общемъ число рослыхъ больше. Благодаря указаннымъ свойствамъ обитателей Сѣвернаго Китая—болѣе высокому росту и болѣе свѣтлой и румяной окраскѣ кожи, въ этой странѣ европеецъ, переодѣтый въ китайскій костюмъ, скорѣе можетъ сойти за китайца, чѣмъ въ Южномъ Китаѣ. Черты лица сѣверныхъ китайцевъ, во многихъ отношеніяхъ, въ такой же степени родственны европейскимъ, въ какой это можно сказать о японцахъ и корейцахъ» (Ratzel, «Vk.», III, 540), т. е. сѣверный типъ во всѣхъ случаяхъ въ одинаковой мѣрѣ противопоставляется южному. Названный авторъ приводитъ примѣръ, изъ котораго мы можемъ видѣть, что не только такія обширныя области, какъ Сѣверный и Южный Китай, представляютъ типы, различающіеся между собой, но что и въ одной и той-же провинціи мы можемъ найти три различныхъ этническихъ типа. Такъ, въ юго-восточной провинціи Гуань-дунѣ живутъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ, три народности—пунти (туземцы), гакка (пришельцы) и гокло, нарѣчія которыхъ, будучи діалектами китайскаго языка, стоятъ въ такомъ же отношеніи между собою,

какъ языки нѣмецкій, голландскій и датскій. Гакка, вѣроятно, пришедшіе съ сѣвера, сильнѣе, энергичнѣе и способнѣе къ колонизаціи, нежели пунти. Гокло, переселившіеся изъ сосѣдняго Фудзяна, отличаются болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи и болѣею крѣпостью сложенія въ сравненіи съ большинствомъ южно-китайцевъ. Особую, сравнительно малочисленную группу образуютъ танки, которые также считаются аборигенами; они обладают болѣе грубыми черепами, болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи и болѣе низкимъ ростомъ, чѣмъ ихъ южно-китайскіе сосѣди (ib., 541—2). Едва-ли можно предположить, что Гуанъ-дунъ своимъ разнообразіемъ типовъ представляетъ исключеніе изъ другихъ китайскихъ провинцій; безъ сомнѣнія, и послѣднія, при ближайшемъ изученіи, представятъ подобную-же, большую или меньшую множественность типовъ.

ГЛАВА X.

Европа—создательница областныхъ и мѣстныхъ типовъ. Заключение.

Мы твердо вѣримъ, что дальнѣйшій успѣхъ нашей науки зависитъ отъ детальнаго изслѣдованія этническаго состава населеній, въ смыслѣ раздѣленія ихъ на областныя или мѣстныя группы, обладающія извѣстными соматическими особенностями. Такое изслѣдованіе еще почти не начиналось, но тамъ, гдѣ мы видимъ его первые шаги, оно даетъ намъ неожиданные результаты, подтверждающіе нашу основную мысль. Какъ примѣръ подобнаго изслѣдованія, мы можемъ указать работу итальянскаго антрополога Рафаэлло Цампа. Въ своей статьѣ, озаглавленной «Сравнительная антропологическая этнографія Апуліи», онъ прежде всего высказываетъ, что «не слѣдуетъ преувеличивать значенія смѣшеній народовъ, совершающихся путемъ колонизаціи, вторженій и браковъ. Эти событія вообще могутъ имѣть только ограниченное значеніе и не могутъ производить значительныхъ морфологическихъ измѣненій. Здѣсь повторяется извѣстный естественно-историческій фактъ, что когда чуждые элементы своею численностью или чрезвычайнымъ превосходствомъ силы не одерживаютъ верха надъ элементами первоначальными, они, съ теченіемъ времени, или вполнѣ исчезаютъ, или же измѣняются, распадаются и ассимилируются» (*Z. f. Ethn.*, XVIII, 171). Р. Цампа подтверждаетъ эти положенія на изслѣдованномъ имъ населеніи трехъ провинцій Апуліи. Какъ ни мелки эти области, каждая изъ нихъ выказываетъ свои антропологическія отличія. Въ самой южной изъ провинцій Апуліи, въ Лечче, преобладаетъ болѣе высокій ростъ и болѣе смуглый цвѣтъ кожи. Относительно цвѣта волосъ и глазъ, темное окрашиваніе беретъ верхъ въ средней провинціи, въ Бари;

самая сѣверная, Фоджія, занимаетъ особое положеніе перевѣсомъ свѣтлаго окрашиванія волосъ и глазъ. То-же преобладаніе повторяется при смѣшанномъ типѣ, который въ Фоджіи чаще, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, отличается свѣтлой окраской. Относительно формы носа, Лечче отличается отъ Бари и отъ Фоджіи болѣе частыми расширенными и болѣе рѣдкими дугообразными носами (ib., 177). Различіе между названными провинціями заключается и въ формѣ черепа: въ Фоджіи черепа отличаются болѣе развитымъ лицевымъ угломъ и сравнительной шириною. Лицевыми углами и размѣрами лица Бари приближается къ Лечче, но покатостью лба, шириною черепа, а еще болѣе длиною поперечнаго объема стоитъ ближе къ Фоджіи. Въ Лечче черепа уже и длиннѣе, чѣмъ у жителей другихъ провинцій (ib., 179—180). Хотя, по сравненію съ другими итальянскими провинціями, провинціи Апуліи представляютъ между собой нѣкоторое совпаденіе и родство, тѣмъ не менѣе, въ отдѣльности онѣ вполне различны между собой. Съ населеніемъ Верхней и Средней Италіи населеніе Апуліи, и въ особенности Лечче, не имѣетъ ничего общаго. Сопоставляя отдѣльные признаки, мы видимъ, что нѣкоторыми изъ нихъ Фоджія примыкаетъ къ Абрुццамъ, по другимъ къ Абруццамъ и Базиликатъ, по третьимъ къ Абруццамъ и Кампаньѣ, и, наконецъ, по четвертымъ къ Калабріи. Лечче по всѣмъ этимъ признакамъ стоитъ всего ближе (ib. 194). Но въ той комбинаціи, въ какой антропологическіе признаки выступаютъ въ провинціяхъ Апуліи, они нигдѣ болѣе не встрѣчаются. По поводу этого факта, Р. Цампа высказываетъ, что занятія этнографіей Италіи привели его къ убѣжденію въ измѣняющемъ дѣйствиіи топографическихъ условій на ростъ: такъ, обитатели равнины, будучи одного и того же происхожденія съ обитателями горъ, всегда отличаются отъ нихъ болѣе высокимъ ростомъ. Онъ полагаетъ, что и окраска отражаетъ въ себѣ дѣйствіе внѣшнихъ условій мѣстности и климата. Но, по его мнѣнію, на формы тѣла и головы эти условія почти не имѣютъ вліянія. Считая жителей Апуліи албанцами по происхожденію, онъ не находитъ, чтобы эти формы замѣтно измѣнились у нихъ отъ долгаго пребыванія въ Италіи (ib., 220). Последняго мнѣнія мы касаться не будемъ, такъ какъ оно нисколько не измѣняетъ существеннаго для насъ значенія факта, отмѣченнаго итальянскимъ антропологомъ—различія мѣстныхъ типовъ всѣхъ трехъ провинцій Апуліи. Въ виду сходства географическихъ условій первоначальнаго и послѣдующаго мѣстообитанія албанцевъ, и тѣ измѣненія, которымъ

они подверглись въ своей новой родинѣ, достаточно говорить въ нашу пользу ¹⁾).

Зависимость типа отъ географическихъ условій выступаетъ еще яснѣе, когда антропологическая группа, къ которой онъ принадлежитъ, имѣетъ представителей и другого типа, свойственнаго другимъ географическимъ областямъ. Мы можемъ видѣть, напр., какъ славянскій типъ перерабатывается въ южный или темно-волосый, по мѣрѣ приближенія къ югу ²⁾).

Вейсбахъ, въ своей работѣ «Die Serbokroaten der adriatischen Küstenländer», указываетъ въ Далмаціи, на материкѣ и на островахъ, постепенное увеличеніе роста отъ С. къ Ю.: на Ю. высокій ростъ уже положительно преобладаетъ. Напротивъ, въ Истріи и на Кroatскомъ побережьи перевѣсъ принадлежитъ среднему росту. Противоположно сѣверной Европѣ, въ области расселенія сербокرواتовъ наиболѣе темные волосы соединяются съ самымъ большимъ, а наиболѣе свѣтлые—съ самымъ малымъ ростомъ. Число блондиновъ съ С. на Ю. постоянно уменьшается, а число брюнетовъ увеличивается. Смуглая кожа, несмотря на преобладаніе темноволосаго типа, встрѣчается рѣдко. Темнокожіе всегда бываютъ темноволосыми, темноглазыми и наиболѣе рослыми. Изъ этихъ данныхъ авторъ заключаетъ, что у южныхъ славянъ свѣтлый типъ является пришлымъ изъ сѣверныхъ сосѣднихъ странъ, проникаю-

¹⁾ Работа д-ра Орештейна надъ физическими условіями Греціи (Zeitschr. f. Ethnologie, 1881, 55) даетъ, при разсмотрѣннн климатическихъ и орографическихъ условій Греціи, указаніе на то, что жители малярійныхъ и лихорадочныхъ мѣстностей сильно дегенерировали, какъ физически, такъ и въ умственномъ отношеніи. Иное замѣчается у населенія, занимающаго плодородныя долины, обширныя равнины и холмистыя мѣстности. Отъ сельскаго населенія жители многочисленныхъ отроговъ Пинды и большихъ и малыхъ плоскогорій отличаются стройностью, соразмѣрностью и рослостью, широкой грудью и хорошо развитой мускулатурой въ нижнихъ конечностяхъ; послѣднее достигаетъ, впрочемъ, значительнаго развитія въ области икръ лишь у немногихъ индивидуумовъ. Замѣчаніе, что климатическія и мѣстныя условія вліяютъ на умственное и физическое развитіе, подтверждается на примѣрѣ этого горнаго населенія, по сущности своей изолированнаго. Жители острововъ и прибрежья отличаются, въ противоположность жителямъ полуострова, болѣе массивнымъ скелетомъ и болѣе полнымъ сложеніемъ.

²⁾ Насколько безплодны пререканія о расовыхъ типахъ, мы видимъ изъ замѣчанія Беддо въ его президентской рѣчи въ годичномъ собраніи (1890 г.) лондонскаго Антропологическаго Института. Указывая на оживленное отношеніе къ вопросу о происхожденіи арійцевъ, Беддо отмѣтилъ два выдающіяся сочиненія по этому предмету, принадлежащія Исааку Тайлору и Джеральду Рендолу. Оба автора останавливаются на славянскомъ типѣ, какъ на коренномъ или первичномъ, но у одного этотъ типъ является высокимъ и бѣлокурнымъ, а у другого—приземистымъ и темно-волосымъ (Journ. of Anthropol. Inst.; May, 1890).

щимъ черезъ кроатское побережье ¹⁾ (по рец. Макса Бартельса, Arch. f. Anthropol., XII, 245—7). Авторитетныя наблюденія Вейсбаха не только подтверждаютъ нашу мысль о возможности выработки мѣстнаго типа вліяніемъ географической провинціи: они указываютъ, что этотъ типъ получаетъ преобладаніе, благодаря своему наибольшему физическому развитію сравнительно съ другими, т. е., другими словами, благодаря его наибольшему приспособленію къ данной области ²⁾ и способности наибольшаго размноженія въ ней.

Дѣйствіе географической провинціи выступаетъ съ очевидностью въ бѣлокурыхъ и черноволосыхъ типахъ и славянской, и германской группы. «Весьма сомнительно, читаемъ мы въ «Uns. Wiss. v. d. Erde», въ отд. «Länderkunde» (I, 128 и слѣд.), чтобы германцы, изображаемые древними писателями, представляли несмѣшанную расу... Во всякомъ случаѣ, нынѣшніе нѣмцы всего менѣе могутъ назваться чистой расой. И съ исторической, и съ антропологической точки зрѣнія, германскій народъ нельзя считать однимъ соматологическимъ цѣлымъ. Хотя 32% нѣмецкаго населенія бѣлокуры, но на югѣ имперіи темноглазые и темноволосые имѣютъ положительное преобладаніе... Далекое не всѣ нѣмцы могутъ считаться длинноголовыми; и короткоголовый типъ имѣетъ достаточное распространеніе. По изслѣдованіямъ Юг. Ранке, короткоголовость возрастаетъ по мѣрѣ повышенія надъ уровнемъ моря. Съ другой стороны, длинныя, низкія головы съ узкими лицами по преимуществу свойственны сѣверу; по мѣрѣ движенія къ югу, короткоголовость замѣчается все болѣе и болѣе. Между сѣверомъ и югомъ замѣчается различіе и по отношенію къ росту; на югѣ ростъ не такъ крупенъ, какъ на сѣверѣ. Поэтому опредѣленіе нормальнаго нѣмецкаго типа становится почти невозможнымъ. Затруднительность

¹⁾ По поводу сербо-кроатовъ Вейсбахъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, имѣющее общее значеніе: онъ указываетъ, что самые малорослые люди обладаютъ относительно роста самыми большими черепами; съ увеличеніемъ роста, какъ и вообще при развитіи человѣческаго организма, черепъ становится относительно меньше, но тяжелѣе и массивнѣе; въ то же время, онъ становится менѣе короткоголовымъ, но болѣе высокоголовымъ (гипсоцефальнымъ).

²⁾ Интересныя явленія въ данномъ направленіи представляетъ населеніе Тироля. Судя по новѣйшимъ измѣреніямъ, черепной указатель отклоняется въ сторону черепного указателя романцевъ. Внѣшніе признаки, т. е. ростъ, цвѣтъ глазъ, волосъ, кожи, характеръ, языкъ и происхожденіе ихъ—всецѣло относятся къ нѣмцамъ. Черепная форма у нихъ, въ отличіе отъ нѣмцевъ—гипербрахицефалическая, при томъ черепа могильные и измѣренія на живыхъ указываютъ на постепенное преобладаніе болѣе широкихъ и высокихъ череповъ въ старинныхъ могилахъ (Zeitschr. f. Ethnologie, 1900, 28).

опредѣленія возрастае при наблюденіи, что на сѣверѣ живутъ не только бѣлокурые и голубоглавыя нѣмцы, но и бѣлокурые и голубоглавыя славянскіе и финскіе народы, тогда какъ на югѣ и нѣмцы, и славяне, и финны отличаются темными волосами и темными глазами. Изъ этого еще не слѣдуетъ, заключаетъ авторъ, чтобы короткоголовая, темноглазая и темноволосая разновидность германцевъ на югѣ Германіи имѣла менѣе чистую нѣмецкую кровь, чѣмъ бѣлокурое, голубоглазое населеніе на сѣверѣ, и чтобы кельтская примѣсь выражалась и соматически: при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ никакъ нельзя упустить изъ виду вопросъ—не повліяли ли, въ теченіе временъ, на народный типъ и внѣшнія условія?»

Взглядъ автора только-что приведенныхъ строкъ кажется намъ ближе къ истинѣ, чѣмъ воззрѣнія Вирхова на причины распространенія свѣтлаго и темнаго типовъ въ Средней Европѣ. Результатъ этой знаменитой работы можетъ быть выраженъ въ положеніи, что «большинство (Hauptstock) германцевъ, очевидно, были бѣлокуры, но повсюду, гдѣ оно входило въ прямое соединеніе и смѣшеніе съ темными расами, оно подвергалось превращеніямъ въ новыя формы (темныя и смѣшанныя)». Мы не можемъ въ короткихъ словахъ разсмотрѣть аргументы Вирхова, какъ всегда, заслуживающіе величайшаго вниманія, но замѣтимъ, что въ нихъ мы не видимъ опроверженія защищаемаго нами взгляда. Какъ скоро Вирховъ и Ранке, вполне примыкающій къ нему въ данномъ случаѣ, признаютъ въ должной мѣрѣ фактъ на С. Европы преобладанія бѣлокураго типа, охватывающаго и германцевъ, и славянъ, и финновъ, и кельтовъ, то намъ трудно понять, почему именно темноволосые представители трехъ послѣднихъ и въ особенности самой послѣдней изъ названныхъ группъ всегда являлись въ своемъ темноволосомъ типѣ, чтобы превратить въ тотъ-же типъ свѣтловолосыхъ германцевъ, а также, почему это превращеніе совершалось всегда въ сторону первыхъ? «Соединеніе и смѣшеніе» должны были происходить въ такой-же мѣрѣ и въ сѣверной Европѣ, и въ сѣверной части средней Европы, а въ названныхъ областяхъ оно закончилось въ пользу свѣтлаго типа. Не вправѣ ли мы испытывать эти различные результаты дѣйствіемъ географической провинціи, когда объясненіе ихъ сочетаніемъ расовыхъ признаковъ не можетъ удовлетворить насъ? Возраженія, которыя высказываетъ Вирховъ противъ допущенія зависимости окраски кожи и волосъ отъ географическихъ условій, основывая эти возраженія на примѣрѣ темноволосыхъ лапландцевъ и обитателей сѣвера Азіи и Америки, для насъ устраняются естественнымъ

изолированіемъ всѣхъ этихъ сѣверныхъ народовъ, которое позволило имъ сохранить ихъ первоначальные признаки, выработанные въ иной географической области.

Какъ еще болѣе общее положеніе, касающееся распредѣленія основныхъ расъ, можно сказать, что негрская раса принадлежитъ югу, а монгольская и бѣлая—сѣверу. Какъ замѣчаетъ Ратцель, сѣверная граница черной расы, которая въ Африкѣ образуется Сахарой, въ южной Азіи совпадаетъ съ горной системой, такимъ образомъ, что лишь теченіемъ Инда эта граница переносится за сѣверный поворотный кругъ, или, иначе сказать, въ Африкѣ она держится приблизительно параллели 15° с. ш., а въ Азіи— 35° — 20° с. ш. Это постоянная южная область, наиболѣе замкнутые и обширные отдѣлы которой принадлежатъ тропическому поясу и южной части умѣреннаго пояса. Географическому противоположенію здѣсь вполнѣ соотвѣтствуетъ и противоположеніе антропологическое, что, впрочемъ, можно сказать лишь о Старомъ Свѣтѣ: въ Америкѣ мы замѣчаемъ антропологическое единство на всемъ ея протяженіи, и все ея населеніе должно быть отнесено къ типу сѣверныхъ областей. Антропологическое различіе между Азіей и Африкой обусловливается различіемъ между ихъ южными и сѣверными областями. Въ послѣдней южная область отдѣлена сѣверной пустыней, и потому ея населеніе, имѣющее общее происхожденіе съ чернымъ азіатскимъ типомъ, кажется болѣе обособленнымъ и наименѣе измѣнившимся съ древнихъ временъ. Въ южной Азіи, болѣе доступной и съ запада, и съ востока и менѣе недоступной съ сѣвера, черный типъ сохранился въ замкнутыхъ мѣстностяхъ и на островахъ. Но и въ Африкѣ, къ югу отъ Сахары, рядомъ съ черной мы видимъ и болѣе свѣтлыя расы; различныя комбинаціи ихъ съ первой встрѣчаются отъ сѣверо-западнаго выступа Африки до Фиджи¹⁾. Слѣды примѣси негрской крови встрѣчаются даже въ Ю. Европѣ. Въ

¹⁾ Эд. Тэйлоръ признаетъ, что негрская раса, въ своемъ болѣе южномъ разселеніи, въ области Конго и въ кафрскихъ областяхъ, выказываетъ въ меньшей степени строеніе и черты негрскаго типа, какъ будто миграція изъ центральной области въ новые климаты нѣсколько измѣнила самый типъ. Въ этомъ отношеніи наиболѣе замѣчательны малорослая готтентого-бушменскія племена Южной Африки; сохраняя негрскій характеръ въ уакомъ черепѣ, курчавыхъ волосахъ и чертахъ лица, они обладаютъ кожей болѣе свѣтлаго, буровато-желтаго оттѣнка. Ничто не даетъ намъ права предположить, чтобы послѣднее обстоятельство произошло отъ скрещиванія негрской расы съ болѣе свѣтлой, и мы не видимъ, съ какой именно расой могло бы произойти подобное скрещиваніе. Если бушмень представляетъ собою специальное видоизмѣненіе негра, то онъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ превращенія расъ, когда онѣ перемѣщаются въ новыя условія“ (Ed. Tylor, Anthropol., 89).

Индѣо-африканской области, объединяемой Индѣйскимъ океаномъ и характеризующейся распространеніемъ черной расы съ большими или меньшими промежутками, Ратцель устанавливаетъ 5 провинцій,—Африку, Южную Азію, Малайскую область, Австралію и Меланезію, которыя все-таки давали достаточное изолированіе своимъ первичнымъ чернымъ обитателямъ, чтобы установить замѣчаемыя между ними различія. Такихъ рѣзко разграниченныхъ провинцій не удастся указать въ другихъ областяхъ, изъ которыхъ «сѣверо-западно-атлантическая» по терминологіи Ратцеля, служитъ настоящимъ мѣстообитаніемъ бѣлой расы. Эту послѣднюю слѣдуетъ назвать по преимуществу расой сѣвернаго полушарія или прямо сѣверной, такъ какъ первоначальная область ея наиболѣе удалена отъ экватора, не опускаясь ниже поворотнаго круга; въ самомъ чистомъ видѣ она встрѣчается въ сѣверной и средней Европѣ. Болѣе темнымъ оттѣнкомъ кожи и чернымъ цвѣтомъ глазъ и волосъ отличается ея южно-европейское видоизмѣненіе¹⁾, которое становится темнѣе въ С. Африкѣ, Аравіи и Индіи, при чемъ въ Египтѣ и въ Индостанѣ, благодаря сравнительной замкнутости этихъ странъ, образовались особыя разновидности этой расы; напротивъ, въ восточной Европѣ, открытой съ востока и съ запада, могли развиваться смѣшанные типы описываемой и монгольской расы. Мѣстообитаніе послѣдней еще обширнѣе и выказываетъ лишь двѣ болѣе рѣзко намѣченные группы—сѣверную и южную, при чемъ это раздѣленіе поддерживается тѣмъ, что первая, заключающая въ себѣ монголовъ и американскихъ индѣйцевъ, свойственна матеріку, а вторая, обнимающая часть малайской расы Блуменбаха—островамъ.

Видоизмѣненія желтой расы, обитающія на островахъ Океаніи и въ Америкѣ, Ратцель помѣщаетъ въ особую область, которую онъ называетъ «америко-тихоокеанической». Въ Океаніи выдѣляются два типа—свѣтлый и темный. Америка, будучи болѣе уединена и въ то-же время не представляя препятствій для свободнаго расселенія, выработала своеобразную, сравнительно однородную расу. Эта часть можетъ, однако, быть подраздѣлена на слѣдующія провинціи: западныя культурныя страны отъ Соноры до южной границы цар-

¹⁾ Эд. Тейлоръ дѣлитъ бѣлую расу на два отдѣла—темныхъ и свѣтлыхъ (меланохрой и ксантохрой) (Tylor, Anthrop., 107); это дѣленіе совпадаетъ съ дѣленіемъ классификаціи Гексли, которая выдѣляетъ „ксантохроидовъ“ (славянъ, германцевъ и кельтовъ) и „меланохроидовъ“ (иберійцевъ и берберовъ) въ особыя группы отдѣла *Leitriches*, равносильныя „австралоидамъ“ и „монголоидамъ“.

ства инковъ, съ Андскимъ плоскогорьемъ и ихъ западными, а отчасти и восточными склонами, т. е. области обитанія мексиканцевъ, чибча и перуанцевъ, затѣмъ Сѣверная Америка, южную границу которой можно провести на Техуантепекскомъ перешейкѣ и въ которой въ сѣверной части замѣчается вліяніе гиперборейско-азиатское, а въ южной—южно-американское, и, наконецъ, сѣверо-западная Америка (между мысомъ Спенсеръ и р. Орегонъ), гдѣ первое изъ названныхъ выше вліяній становится еще замѣтнѣе. Кромѣ гиперборейцевъ, Ратцель выдѣляетъ въ особыя группы юго-восточныхъ индѣйцевъ (отъ Костарики до Лаплаты), патагонцевъ и огнеземельцевъ ¹⁾ (см. Ratzel, «Anthropogeogr.», II, 769—779).

Мы обладаемъ уже такими фактами, какъ результатъ работъ антропологовъ, указывающихъ, что уже во второмъ поколѣніи у креоловъ С. Америки обнаруживается нѣсколько измѣненное строеніе лица, приближающееся къ строенію лица у мѣстныхъ расъ. Далѣе кожа становится суше, румянецъ утрачивается, и железистая система сокращается. Съ теченіемъ времени кожа становится темнѣе и глаже, а голова уменьшается; височныя впадины выступаютъ рѣзче, скуловые кости образуютъ болѣе сильныя выпуклости, глаза углубляются, нижняя челюсть кажется массивнѣе; при этомъ кости конечностей удлинняются и утончаются; кромѣ того, у женщинъ тазъ становится ближе къ мужской формѣ. Эти факты признаются въ своемъ прямомъ значеніи Бастианомъ, Катрфажемъ и Петри ²⁾ и не поддаются опроверженію Топинара и др. полигенистовъ. По наглядному опредѣленію Э. Реклю, европеецъ и негръ, измѣняясь въ характерѣ туземнаго или мѣстнаго типа, «становятся индѣйцами». Сходный процессъ Петри указываетъ и въ Сибири («Антропология», 264). Такіе факты замѣчались и прежде, но объяснялись, какъ

¹⁾ Три послѣднія группы имѣютъ скорѣе этнографическое, чѣмъ антропологическое значеніе. Слѣдуетъ прибавить, что и вся схема Ратцеля построена на этнографической основѣ. Указываемыя въ ней провинціи авторъ называетъ этнографическими, но въ то-же время ихъ можно назвать и географическими, такъ какъ онѣ обладаютъ тѣмъ, что мы называемъ географической индивидуальностью, которая отражается и въ ихъ антропологическомъ типѣ. Подробнѣе свои воззрѣнія на этотъ предметъ Ратцель излагаетъ въ 20-й гл. II тома своей «Антропогеографіи».

²⁾ Бастианъ сообщаетъ наблюденіе Резе, что негры, рождающіеся на Антильскихъ островахъ, отчасти утрачиваютъ косоубіе. Негры Соединенныхъ Штатовъ испытываютъ, въ сравненіи со своими африканскими родичами, измѣненіе въ томъ, что скуловые кости ихъ выдаются менѣе, губы становятся менѣе толсты, носы менѣе плоски, волосы не такъ густы и лицевой уголь не такъ остръ. По Смиту, у негровъ-креоловъ и характерный негрскій запахъ гораздо слабѣе. Подобныя, хотя и менѣе рѣзкія измѣненія замѣчаются и у англичанъ, родившихся въ Австраліи (Bastian, «Ueber Klima» etc, 192—3).

вырожденіе, а не какъ перерожденіе типа въ новыхъ географическихъ условіяхъ.

Въ настоящее время образованіе новыхъ мѣстныхъ или областныхъ типовъ совершается наиболѣе замѣтно въ странахъ, куда съ особенной энергіей направляется потокъ колонизаціи. Въ прежнія времена при расселеніяхъ народовъ, происходившихъ въ обширныхъ размѣрахъ, подобные процессы должны были совершаться повсюду, куда достигали волны миграціи. Первоначальное изолированіе племенъ оказывалось возможнымъ лишь въ тѣхъ странахъ, которыя не привлекали къ себѣ иммигрантовъ. Большое или меньшее сліяніе зависѣло отъ топографическихъ условій, которыми въ сущности управляется группировка населенія. Такимъ образомъ, и самое образованіе мѣстнаго или областного типа и численность его находятся въ исключительной зависимости отъ географическихъ условій. Если мы не можемъ еще опредѣлить ихъ непосредственное дѣйствіе на человѣческой организмъ, то мы должны сосредоточиться на фактѣ образованія мѣстныхъ типовъ, какъ продуктовъ географической провинціи, и изучать ихъ признаки, распространеніе и отношеніе къ сосѣднимъ группамъ. Въ этихъ мѣстныхъ типахъ мы найдемъ настоящій реальный субстратъ нашей науки и изученіемъ ихъ поставимъ ее на твердое основаніе.

Позволяя разобратъ въ нынѣшнемъ смѣшеніи этническихъ типовъ, которое мнѣмъ кажется «безпорядочнымъ» и не поддающимся разрѣшенію, такое изученіе откроетъ намъ новую перспективу на наше прошлое. Допуская измѣнчивость типа подъ вліяніемъ географическихъ условій, оно заставляетъ взглянуть на происхожденіе даже самыхъ несходныхъ между собою типовъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Еще лѣтъ десять тому назадъ, особой расой, т. е. группой самостоятельнаго происхожденія, признавались и готтентоты, и австралійцы, и папуасы, и индѣйцы. Въ настоящее время наука остановилась на трехъ основныхъ расахъ, допустивъ возможность, что названныя группы приобрѣли свои признаки, заставлявшіе видѣть въ нихъ особыя расы, уже впоследствии, послѣ отдѣленія отъ главнаго корня. При моногенистическомъ возрѣніи, наука на такомъ тройномъ раздѣленіи челоѣчества остановиться не можетъ.

Насколько въ данномъ случаѣ возможно примѣнить филогенезисъ къ онтогенезису, мы не можемъ допустить, что нынѣшнія основныя расы отдѣльно развивались отъ антропидовъ, въ виду краеугольнаго факта, что «расовые признаки» у дѣтей оказываются

въ весьма слабomъ развитіи; даже въ черепѣ они обозначаются лишь по мѣрѣ развитія послѣдняго. Голова ребенка бываетъ всегда круглой и только медленно, съ возрастомъ пріобрѣтаетъ свои этническія пропорціи. У африканскихъ негровъ, которые почти всѣ длинноголовы въ различныхъ степеняхъ, черепъ ребенка всего чаще субдолихоцефалической или мезоцефалической.

Прогнатизмъ всегда менѣе замѣтенъ у ребенка; негрскій ребенокъ при рожденіи не выказываетъ прогнатизма и пріобрѣтаетъ его уже при смѣнѣ зубовъ. (Novel. et Hervé, «Pr. d'anthrop.», 273). Мы намѣренно привели эти общезвѣстные факты въ изложеніи антропологовъ-полигенистовъ, чтобы указать степень ихъ неоспоримости. Намъ достаточно напомнить только фактъ свѣтлаго окрашивания новорожденныхъ у самыхъ темныхъ расъ. Все это говорить намъ, что и форму черепа, и форму лица ¹⁾, и пропорціи тѣла (которыя у дѣтей всѣхъ расъ отличаются отъ взрослыхъ), и цвѣтъ кожи, и форму волосъ расы, отличающіяся ими во взросломъ состояніи отъ дѣтскаго, въ филогенитическомъ развитіи пріобрѣли уже съ теченіемъ времени. Это приходится говорить, впрочемъ, только о черной и бѣлой расахъ. Желтая раса не представляетъ такихъ-же рѣзкихъ различій между ребенкомъ и взрослымъ, и между мужчиной и женщиной, какъ будто оставаясь всегда въ недоразвитомъ состояніи. Весьма важное наблюденіе проф. Мечникова надъ монгольской формой глаза, въ видѣ спорадическаго и временнаго явленія не только у русскихъ дѣтей, но и у евреевъ, что ф. Зибольдъ подтвердилъ и для нѣмецкихъ дѣтей, а самъ Мечниковъ—на малайцахъ и готтентотахъ, и даже на негрскомъ мальчикѣ, у котораго можно было замѣтить боковую складку вѣка, позволяетъ видѣть и въ этомъ характерномъ признакѣ желтой расы (который, однако, слабѣе обнаруживаютъ татары, башкиры и др. тюркскія племена) признакъ недоразвитія. Фактъ, замѣченный Мечниковымъ, въ связи съ сравнительно свѣтлымъ цвѣтомъ и прямыми волосами новорожденныхъ у темныхъ расъ, даетъ ему возможность высказать заключеніе, что «монгольская раса представляетъ болѣе древнюю форму, сравнительно съ негрской, и что, быть можетъ, она даже самая древняя изъ всѣхъ, такъ какъ главные признаки ея въ большей или меньшей степени сохранились у другихъ расъ» (цит. по J. Ranke, «Der Mensch», II, 287).

¹⁾ Относительно формы носа, напр., Брокъ доказалъ, что узкій носъ европейца, въ своемъ развитіи, проходитъ послѣдовательно плоскую и среднюю форму (Nov. et. H., ib.).

Результаты сравнительных измѣреній, которыя одно время предпринимались съ цѣлью размѣстить расы въ порядкѣ постепеннаго развитія, привели къ заключенію объ особомъ пути развитія для каждой расы, въ силу котораго, напр., у негра, по сравненію съ бѣлымъ, одни признаки выказываютъ задержанное развитіе, другіе—одинаковое, а третьи—излишнее. Сравненіе негровъ и бѣлыхъ съ монголами приводитъ къ такому же результату. Этотъ выводъ позволяетъ свести соматологическіе признаки расъ къ различнымъ «типамъ развитія», которые, проявляясь всегда въ извѣстной географической средѣ, не могутъ не имѣть съ ней причинной связи.

Научное обоснованіе фактовъ зависимости антропологическаго типа отъ «географической провинціи», которыя должны болѣе и болѣе увеличиваться численно, по мѣрѣ изученія мѣстныхъ или областныхъ типовъ, какъ и вообще успѣхъ нашего воззрѣнія, которое можетъ быть названо физиологическимъ,—въ отличіе отъ морфологическаго, преслѣдовавшагося по преимуществу въ нашей наукѣ,—требуютъ большаго развитія сравнительной физиологіи, чѣмъ ея современное состояніе. Это дальнѣйшее развитіе должно разъяснить развитіе основной формы въ томъ или другомъ направленіи, подъ вліяніемъ географическихъ условій, съ которыми оно находится въ такой очевидной связи. Выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ чувствуетъ себя современная антропология, указывается ей въ перенесеніи центра тяжести ея работы, съ одной стороны, на почву сравнительной физиологіи, а съ другой—на почву антропогеографіи. Сочетаніе этихъ двухъ направленій дастъ недостающую ей твердую основу и примиритъ дѣятельность двухъ ея отраслей—соматической антропологии и этнологіи, опредѣляя общій для нихъ объектъ въ типахъ «географическихъ провинцій».

Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій.

(НЕКРОЛОГЪ *).

(Чтано въ засѣданіи 30 января 1904 г.).

18-го декабря 1903 г. въ 11^{1/2} час. утра скончался на 61-мъ году жизни послѣ продолжительной и упорной болѣзни извѣстный русскій ученый этнологъ, литераторъ и педагогъ Д. А. Коропчевскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тверской губ. Онъ родился 5-го іюля 1842 г. и въ 1863 г. окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по естественно-научному разряду математическаго факультета. Онъ и тогда уже обнаруживалъ разностороннія и выдающіяся способности и имѣлъ намѣреніе посвятить себя наукѣ.

Это была эпоха, давшая Рессіи цѣлый рядъ замѣчательныхъ натуралистовъ, и московскій университетъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ разсадниковъ естествовѣдѣнія. Рачинскій, Щуровскій, Кауфманъ, А. П. Богдановъ, Усовъ — всѣ тогда еще полные молодыхъ силъ, были учителями Коропчевскаго... Подъ вліяніемъ ихъ, а въ особенности Богданова, покойный главное вниманіе свое обратилъ на антропологию, доисторическую археологию и этнографію. Нѣсколько лѣтъ провелъ Д. А. въ занятіяхъ, усердно пополняя и расширяя свои знанія, работая въ Москвѣ и за границей; но, кромѣ своей спеціальности, онъ успѣлъ приобрѣсти крайне обширную начитанность по другимъ предметамъ. При разносторонности натуры и способностей его увлекали не только наука, но и литературная дѣятельность въ широкомъ смыслѣ этого слова. Желая служить обществу, какъ литераторъ и популяризаторъ, Коропчевскій въ 1868 г., перебравшись въ Петербургъ, вмѣстѣ съ А. Жукомъ задумалъ издавать журналъ «Знаніе», кото-

*) См. «С.-Петербургскія Вѣдомости», 20 декабря 1903 г.

UNIV. OF
ALABAMA

O. Hopourbein

TO THE
LIBRARY OF
CONGRESS

рый имѣлъ свою цѣлью популяризацию успѣховъ науки. Въ этомъ журналѣ, кромѣ редакторскаго труда и переводовъ, покойному принадлежить цѣлый рядъ статей по разнообразнымъ научно-философскимъ вопросамъ. Журналъ пользовался успѣхомъ, и нѣкоторыя изъ помѣщавшихся въ немъ статей П. А., П. И. Якоби, Зибера и многія другія до сихъ поръ не потеряли своего значенія.

Въ 1878 г. редакція «Знанія», не довольствуясь тѣсными рамками популяризаціи, приобрѣла газету «Молва» и превратила «Знаніе» въ ежемѣсячный литературно-политическій журналъ «Слово». За этимъ изданіемъ, просуществовавшимъ крайне недолго, все-таки остались не маловажныя заслуги передъ русской литературой; но публицистика не была сферой Д. А. Человѣкъ кабинетный, разносторонній ученый, онъ чувствовалъ себя только на мѣстѣ въ сферѣ науки. Мягкій и кроткій по характеру, онъ не обладалъ темпераментомъ бойца-публициста. Осторожный въ своихъ заключеніяхъ, онъ не могъ своевременно откликаться на запросы и злобы дня. Какой-бы ни былъ вопросъ, научный или общественный, онъ брался за разработку его академическимъ способомъ.

Разставшись съ публицистикой, Д. А. много работалъ по популяризаціи естествознанія, главнымъ образомъ, по этнологіи и географіи; цѣлый рядъ статей и книжекъ по этимъ наукамъ, громадная масса переводовъ лучшихъ сочиненій западныхъ ученыхъ, изъ которыхъ могла бы составить цѣлая бібліотека, составили вкладъ, хотя и не оригинальный, но необходимый для русской ученой и учебной литературы. Къ этому же періоду относится и педагогическая дѣятельность покойнаго, которой онъ не покидалъ до тѣхъ поръ, пока въ послѣднее время болѣзнь не заставила его сидѣть безвыходно дома. Въ теченіе учено-педагогическаго періода своей дѣятельности, покойный сдалъ магистерскій экзаменъ, по окончаніи котораго принялся за диссертацию «о значеніи географическихъ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ». Только человѣкъ съ громадной эрудиціей и опытностью могъ взяться за такой вопросъ. Въ послѣднее время жизни онъ уже больной сидѣлъ за корректурами своего труда, до выхода котораго въ свѣтъ ему не пришлось дожить. Послѣ смерти Э. Ю. Петри, Д. А. занялъ мѣсто приватъ-доцента по кафедрѣ антропологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, т. е. то мѣсто, для котораго онъ, въ сущности, и былъ предназначенъ по своей натурѣ и вкусамъ. Антропологія у насъ поставлена довольно неблагопріятно въ университетахъ. Это какой-то придатокъ къ кафедрѣ географіи, не имѣющей самостоятельнаго значенія. Несмотря на всѣ невыгоды

такого положенія, за тотъ періодъ времени, когда Д. А. взялся за университетское преподаваніе, уже обнаружались благопріятные результаты его дѣятельности: появилась цѣлая серія молодыхъ людей изъ С.-Петербургскаго университета, интересующихся и работающихъ по этнографіи. Кромѣ лекцій Коропчевскаго, этому способствовала много и любовь профессора къ молодежи, его готовность помочь словомъ, дѣломъ, совѣтомъ и личнымъ участіемъ въ трудахъ молодыхъ работниковъ. Какъ предсѣдатель Антропологическаго Общества при университетѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы оживить его дѣятельность, и главнымъ образомъ, дать ходъ, поощрить къ работѣ молодыя силы. Однако, въ то время, когда открылось новое поприще для дѣятельности ученаго, силы его уже были истощены: болѣзнь сердца, осложнявшаяся при всякой переменѣ погоды, годъ отъ году все сильнѣе и сильнѣе давала себя знать. Въ текущемъ году Д. А. послѣ пребыванія за границей, какъ будто поправился, но это была уже послѣдняя вспышка жизни въ угасавшемъ организмѣ. Положеніе его, по словамъ врачей, было уже безнадежно, но онъ жилъ какимъ-то образомъ и даже работалъ... Только недѣли за двѣ до смерти онъ пересталъ работать, а вскорѣ послѣ этого жить. Хотя покойный сдѣлалъ несравненно меньше, чѣмъ могъ бы сдѣлать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но и сдѣланнаго имъ совершенно достаточно для того, чтобы оставить по себѣ благодарную память въ русскомъ образованномъ обществѣ, и, главнымъ образомъ, среди той части его, въ которой онъ видѣлъ будущую надежду русской науки, среди учащагося юношества.

Д. Клеменцъ.

Научные взгляды Д. А. Коропчевскаго.

(Чтано въ засѣданіи 30-го января 1904 г.).

На мою долю выпала нелегкая задача дать характеристику научныхъ воззрѣній покойнаго предсѣдателя Антропологическаго Общества Д. А. Коропчевскаго. Нелегкою моя задача оказывается по двумъ причинамъ. Изъ небольшого перечня заглавій статей, посвященныхъ тѣмъ или инымъ вопросамъ антропологіи, которые интересовали Д. А., приводимыхъ мною ниже, можно убѣдиться, какъ широкъ тотъ кругъ вопросовъ научной антропологіи, въ предѣлахъ котораго работала мысль покойнаго въ теченіе цѣлыхъ 35 лѣтъ, такъ какъ первою по времени была его статья (или лучше сказать рецензія) о брошюрахъ, посвященныхъ антропологическимъ вопросамъ, выходившихъ подъ ред. Ламанскаго, въ № 5 журнала «Дѣло», подъ заглавіемъ: «Взглядъ на первобытныя времена человечества», въ 1869 году. Послѣднее-же его сочиненіе, его магистерская диссертация, не могло выйти въ свѣтъ при жизни автора: смерть застала его надъ корректурными листами этого значительнаго по объему труда; съ нимъ намъ пришлось знакомиться по рукописи. Этимъ обиліемъ научнаго матеріала и объясняется естественная неполнота оцѣнки научныхъ взглядовъ Д. А., которые я попытаюсь охарактеризовать.

Для тѣхъ, кто знакомъ лишь съ внѣшнею стороною дѣятельности покойнаго Д. А., можетъ показаться страннымъ и даже противорѣчивымъ то обстоятельство, что въ концѣ его жизни и дѣятельности мы видимъ его въ роли профессора университета, предсѣдателя научнаго, притомъ посвященнаго спеціальной наукѣ, общества, — словомъ въ роли человѣка науки. Съ именемъ Д. А. связано скорѣе представленіе, какъ о журналистѣ и популяризаторѣ,

потому что, дѣйствительно, его молодые годы, годы наиболѣе интенсивной дѣятельности, посвящены были редактированью и изданію извѣстныхъ въ свое время ежемѣсячныхъ журналовъ «Знаніе» и затѣмъ «Слово» и участію въ популяризаціи всѣхъ отраслей положительной науки. Но при болѣе внимательномъ знакомствѣ съ фактами, это противорѣчіе совершенно исчезаетъ. Интересъ къ чистой наукѣ, притомъ къ наукѣ специально о человѣкѣ, зародился у Д. А., по его собственному признанію, еще съ университетской скамьи. Первые три года университетскаго курса Д. А. занимался химіей, но уже на 4-мъ курсѣ, подъ впечатлѣніемъ лекцій проф. Щуровскаго, читавшаго о новыхъ для того времени открытіяхъ, касавшихся доисторическаго человѣка, онъ рѣшился отдаться изученію антропологии, и можно сказать, что съ тѣхъ поръ, т. е. въ теченіе 40 лѣтъ, онъ не отступилъ отъ этого рѣшенія. За отсутствіемъ кафедры антропологии въ университетѣ того времени, Д. А. избралъ журнальную литературу, какъ путь для распространенія антропологическихъ знаній и, обладая личными средствами, онъ отдался изученію любимой имъ науки и подготовкѣ къ дѣятельности журналиста. Такъ объяснялъ себѣ самъ покойный Д. А. свое вступленіе на путь литературной дѣятельности. Намъ кажется, что это не было въ зависимости отъ столь, быть можетъ, и вѣскихъ, но все же случайныхъ обстоятельствъ. Основную причину мы видимъ въ условіяхъ времени съ одной стороны и въ личныхъ качествахъ покойнаго, его живомъ темпераментѣ—съ другой. Жизненный потокъ начала 60-хъ годовъ прорвалъ долго сдерживавшую его плотину, и въ этотъ моментъ все живое пошло на встрѣчу назрѣвшимъ потребностямъ общества въ знаніи и образованіи, — литература была болѣе широкой ареной общественной дѣятельности, чѣмъ университетская кафедра, и Д. А., живой, отзывчивый, впечатлительный, естественно вступилъ на тотъ путь, куда толкнула его сама жизнь и его темпераментъ. Изъ той личной характеристики Д. А., которую мы слышали со словъ его товарища и современника Д. А. Клеменца, мы знаемъ, какъ разнообразны были склонности и вкусы покойнаго, его способности и вся обстановка его жизни. Немудрено въ такихъ условіяхъ разбросаться окончательно и лишь въ серьезномъ сознательномъ интересѣ и любви къ избранной научной области можно найти объясненіе того, что Д. А. ни на минуту не забываетъ своей любимой области—науки о человѣкѣ. Въ доказательство я приведу хотя-бы заглавія тѣхъ статей, которыя онъ, среди другихъ, помѣщаетъ въ періодическихъ

изданіяхъ того времени. Въ первомъ № журнала «Знаніе» Д. А. помѣстил двѣ статьи: «Происхожденіе брака и семьи» и «Предшественники Дарвина». Въ слѣдующемъ (1871 г.) онъ напечаталъ статью «Реальныя основы мистическихъ явленій» и сокращенный переводъ «Происхожденія человѣка» Дарвина. Въ 1872 г. слѣдуютъ статьи: «Миѣны дѣтскихъ сказокъ» и «Наука о жизни человѣчества и ея задачи». Въ томъ же году имъ начато печатаніе «Первобытной культуры» Тэйлора. (Первый томъ вышелъ въ томъ же году, а 2-й—въ слѣдующемъ. 1873 г.). Въ 1873 году, въ «Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и пр.» имъ помѣщена большая этнографическая статья подъ заглавіемъ: «Искусственное искаженіе нѣкоторыхъ органовъ у дикихъ народовъ». Далѣе помѣщены въ журналѣ и затѣмъ выпущены отдѣльными изданіями «Басни и сказки дикихъ» (дѣтскія сказки, зулусовъ и животный эпосъ готентотовъ) и проредактировано сочиненіе Стэнли «Какъ я отыскалъ Ливингстона». Въ 1874 году имъ проредактированы: «Естествознаніе и политика» Бэдшгота, «Наслѣдственность таланта» Гальтона. Въ 1875 г. вышли «Начала цивилизаци» Лебокка и напечатана статья въ «Знаніи»: «Антропология по отношенію къ другимъ наукамъ о человѣкѣ». Въ 1876 году — статьи: «Бракъ между близкими родственниками» и «Народныя игры и пляски, какъ переживаніе первобытнаго полового подбора». Проредактировано: «Происхожденіе семьи» Жеро-Телона. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ отмѣтимъ лишь статьи подъ заглавіями: «Родовое начало въ древнемъ обществѣ», «Родовыя учрежденія у классическихъ народовъ» и статью «Первый учебникъ антропологии» (разборъ «Антропологии» Топинара). Изъ позднѣйшихъ статей укажу лишь нѣкоторыя: «Географія, какъ наука и какъ предметъ университетскаго преподаванія» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1886 г.), «Рабство въ древнемъ мірѣ», «Природа въ древней и новой поэзіи», «Волшебное значеніе масокъ», «Психология войны», «Подборъ въ человѣчествѣ» и т. д. Мы оставляемъ вовсе перечисленіе многочисленныхъ популярныхъ статей по этнографіи и географіи, брошюръ, книгъ и капитальныхъ переводовъ, какъ, напр., переводъ Ратцеля «Völkerkunde», редактированье перевода Ранке «Der Mensch» и т. п. Этотъ длинный перечень, далеко однако не полный; но онъ былъ нуженъ для того, чтобы выяснитъ основной взглядъ Д. А. Коропчевскаго на науку о человѣкѣ — антропологию, науку и до настоящаго времени новую, молодую, въ которую нерѣдко вкладывается

слишкомъ узкое содержаніе, для которой многіе отводятъ слишкомъ узкія рамки и границы. И вотъ намъ кажется, что уже одного вышеприведеннаго перечня заглавій статей Д. А. достаточно, чтобы характеризовать его взглядъ на антропологию. Этотъ взглядъ лучше всего можетъ быть характеризованъ словами знаменитаго основателя французской антропологической школы П. Брока: «Антропология есть наука, имѣющая предметомъ изученія группу человѣка въ ея цѣломъ, въ ея деталяхъ и въ ея отношеніяхъ къ остальной природѣ». Объектъ антропологии — человѣкъ, съ его физической природой и индивидуальной организаціей, человѣкъ, какъ членъ данной мелкой группы — народа, болѣе крупной — расы, какъ членъ всего человѣчества въ его цѣломъ, какъ членъ извѣстной соціальной группы — семьи, рода, національности, государства, какъ животное въ ряду другихъ организованныхъ существъ, съ его индивидуальной психологіей и психологіей той или иной общественной группы или среды — человѣкъ во всемъ объемѣ его физической и духовной организаціи и культурной жизни, — вотъ какъ широки предѣлы, какъ велики и обширны задачи современнаго антрополога. И намъ кажется, что лишь при такомъ широкомъ пониманіи задачъ антропологии возможно плодотворное и гармоническое развитіе всего цикла наукъ, связаннаго съ изученіемъ человѣческихъ группъ, такъ какъ никогда не будетъ при этомъ упущена основная цѣль этой науки. Такіе взгляды намъ кажутся особенно цѣнными именно у университетскаго преподавателя нашей науки, могущаго содѣйствовать ихъ широкому распространенію и нужно отмѣтить, что изъ числа немногихъ университетскихъ представителей этой науки у насъ не всѣ держались этихъ взглядовъ: укажемъ, напр., на покойнаго Н. Харузина, взгляды котораго мы имѣли случай разбирать въ засѣданіи нашего общества въ прошломъ году, по поводу перваго выпуска его книги «Этнографія», гдѣ антропология низведена на степень узкой специальной отрасли, гдѣ перепутаны взаимныя отношенія этнологіи и этнографіи и *надѣ* антропологіей поставлена общая наука — объединяющая всѣ отрасли знанія о человѣкѣ — соціологія. Въ доказательство того, что Д. А. именно такъ понималъ антропологию, мы могли бы привести много цитатъ изъ его статей и сочиненій, но я ограничусь, хотя бы двумя, маленькими цитатами изъ его послѣдняго труда. Такъ на стр. 24-ой Д. А. говоритъ: «Языкъ переноситъ насъ уже въ область духовной культуры человѣчества. Различными сторонами послѣдней занимаются другія отрасли антро-

пологиі — психологиі народовъ, историі культуры, историі вѣрваній, историі права и т. д., но до сихъ поръ работа ихъ была болѣе синтетической, чѣмъ аналитической, работой возстановленія общаго процесса развитія въ соотвѣтственной имъ области, при чемъ отдѣльные народы являются лишь звеньями, оторванными другъ отъ друга или произвольно перемѣшанными между собой». Намъ кажется излишнимъ комментировать высказанный здѣсь взглядъ и глубокую идею, лежащую въ основѣ цитированнаго отрывка. Далѣе Д. А. пишетъ: «Итакъ, ни лингвистическая, ни бытовая этнографія, ни другіе перечисленные отдѣлы антропологиі не помогаютъ намъ разобраться въ «безпрерывно измѣняющихся сочетаніяхъ отдѣльных признаковъ», какими кажутся антропологамъ группы третьяго и четвертаго порядка, или народы». Наконецъ, на стр. 116-й читаемъ: «*Отдѣлъ антропологиі*, занимающійся изученіемъ общественнаго союза въ различныхъ формахъ его развитія, а именно *соціологиі*, въ силу такой же необходимости систематизаціи своего матеріала, нѣсколько болѣе разработала схему развитія его послѣдовательныхъ формъ». Сказанное выше, намъ кажется, достаточно подтверждается приведенными словами.

Общее подтвержденіе характеристики взглядовъ Д. А. на антропологию мы можемъ найти еще и въ заглавіи тѣхъ курсовъ, которые были имъ прочитаны въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ профессора антропологиі, въ періодъ съ 1900 по 1903 г.

- 1) Общая этнологія съ антропологическимъ введеніемъ.
- 2) Этнографія черной и желтой расы.
- 3) Психологиі народовъ и
- 4) Сравнительная миеологія.

Еще большее разнообразіе темъ находимъ мы въ тѣхъ вопросахъ, которые Д. А. предлагалъ для самостоятельныхъ работъ своихъ слушателей. Приведу лишь нѣкоторые изъ нихъ: 1) Рука въ антропологическомъ отношеніи. 2) Вліяніе климата на расы. 3) Историі семьи у народовъ желтой расы. 4) О ростѣ, какъ расовомъ признакѣ. 5) Религія русскихъ сказокъ. 6) Роль миграціи въ этногенетическомъ процессѣ. 7) О крестьянскихъ постройкахъ Украйны. 8) Антропологическія и этнографическія характеристики: черкесовъ-адыге, букаевскихъ киргизовъ, пермяковъ, туркменъ, евреевъ, карель и др. 9) Культурный типъ монгольской расы и т. п.

Къ этой общей характеристикѣ взглядовъ Д. А. на задачи, цѣли и объемъ антропологиі, мы должны внести еще очень существенное дополненіе. Та школа антропологиі, которая создана была П. Брока во Франціи и къ взглядамъ которой, въ общемъ, при-

мыкаль и Д. А., въ дальнѣйшихъ работахъ учениковъ Брока, продолжавшихъ работу, начатую ихъ учителемъ, въ лицѣ Топинара, Эрва, Овлака и, нѣсколько особо стоящаго по направленію своихъ работъ, проф. Манувріа—въ области изученія расовой антропологии пошла по пути, который можно назвать морфологическимъ. Краеугольнымъ камнемъ этнологіи сдѣлался у нихъ анализъ соматологическаго матеріала, методомъ изслѣдованія — антропометрія. Да оно и вполнѣ понятно! Брока до конца держался полигенистическихъ воззрѣній, и его авторитетъ, громадная эрудиція и выдающійся талантъ сдѣлали то, что эти взгляды и до сихъ поръ лежатъ въ основѣ антропологическаго ученія многихъ представителей французскэй школы антропологии. Иначе обстоятъ дѣло въ Германіи. Наиболѣе видные представители антропологии, крупные ученые авторитеты, Вирховъ, Кольманъ, Ранке и др.—убѣжденные защитники идеи моногенизма. Понятно то коренное различіе, которое создается у обѣихъ школъ, въ былыя времена столь враждовавшихъ между собою, по отношенію къ расовому типу и къ идеѣ его эволюціи. Здѣсь же, въ Германіи, положены были прочныя основы изученія человѣка въ цѣломъ и въ видѣ отдѣльныхъ группъ—этническихъ единицъ большаго или меньшаго порядка, на географической почвѣ. Я не могу даже вкратцѣ останавливаться на эволюціи идей изученія человѣка въ его естественной средѣ и укажу лишь на Фридриха Ратцеля, какъ на выдающагося представителя этой школы, высказавшаго свои идеи въ крупныхъ трактатахъ: «Völkerkunde» и «Anthropogeographie», создавшаго цѣлую школу въ этомъ направленіи, давшую цѣнныя работы (напр. можно назвать хотя бы работы столь неожиданно скончавшагося молодого этнолога Шурца). Базисомъ для изученія человѣческихъ группъ у этой школы сдѣлалась географія, т. е. ни одна изъ этническихъ группъ не рассматривается ею иначе, какъ въ полной и всесторонней связи съ географической средой, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Идеи этой школы оказали сильное вліяніе на взгляды Д. А. Коропчевскаго.

Для болѣе детальнаго знакомства съ ними, намъ и предстоитъ ознакомиться съ его еще не вышедшимъ трудомъ, его магистерской диссертацией, написанной имъ уже сравнительно давно и постоянно дополнявшейся имъ новыми данными. Содержаніе этой работы съ достаточной ясностью опредѣлено уже въ ея заглавіи: «Значеніе географическихъ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ». Съ основными идеями этого труда я и намѣренъ въ очень общихъ чертахъ

ознакомить. Первая глава посвящена общим вопросам классификации человеческого рода. Отметим прежде всего, что Д. А. является здесь убежденным сторонником идеи видового единства человеческого рода, т. е. защитником моногенистических воззрений. В этой главе Д. А. стремится разобраться в той путанице понятий, которая создалась в современной антропологии под влиянием неустановившейся терминологии, где, напр. слово и понятие «раса» применялись разными учеными и исследователями в совершенно различных смыслах. Затем он ставит вопрос о том, поскольку удалось этнологам, стоявшим на почве соматической антропологии, установить важные деления таких человеческих групп, как типы, расы, народы — и приходит в конце главы к тому отрицательному выводу, что «стремление антропологии установить расовые типы не привели до сих пор ни к каким положительным результатам», и ей приходится обратиться к этническим типам, изучение происхождения и развития которых обещает быть наиболее определенным при совместном изучении их географической среды». И немного выше: «Безуспешность их (т. е. антропологов) попыток разложить население известной среды или местности на составные части, которые могли бы быть сведены к известным расовым типам, зависит от стремления фиксировать то, что само по себе крайне изменчиво; эта изменчивость замечается и во времени и в пространстве». С такими заключениями Д. А. переходит ко 2-й главе своего труда, где он внимательно рассматривает воззрения на действие среды и разбирает взгляды, существующие в настоящее время на этот предмет, причем особенно останавливается на влиянии климата на человеческий организм, климата в том смысле, который этому понятию дала современная климатология и устанавливает понятие о среде, с тем содержанием, которое оно имеет в современной антропогеографии. «Для антропогеографии», говорит Д. А. «вопрос о влиянии среды на человечество есть основной вопрос, так как это — вопрос о связи человека с землей; поэтому, если не решения, то правильной постановки его мы, по преимуществу, можем искать, именно в этой науке». И далее: «связывая народ с его отечеством, география яснее и увереннее, чем это делает антропология, намечает путь нашего исследования: она устанавливает и его настоящий объект — народ, в смысле коренного, или по крайней мере, давнего населения известной области, — и рамки исследования — больше или меньше ге-

ографически самостоятельную область обитанія этого народа». Разсматривая вопросъ о вліяніи географической среды, Д. А. останавливается попутно на важномъ и крайне запутанномъ вопросѣ объ акклиматизаціи человѣка и отмѣчаетъ признаніе авторитетными представителями науки «вліянія географическихъ условій на образованіе многихъ мѣстныхъ типовъ, значительно отступающихъ по своимъ признакамъ отъ своихъ родичей другихъ странъ». И тѣмъ не менѣе, разсматривая вопросъ о прямомъ вліяніи климатическихъ условій, Д. А. приходитъ къ заключенію, что «мы можемъ считать достовѣрнымъ лишь физическое дѣйствіе его на выдѣленія и связанные съ нимъ органы въ нѣкоторыхъ областяхъ тропическаго пояса». Вопросъ о дѣйствіи среды представляется ему въ иномъ видѣ, какъ скоро мы перенесемъ его на почву отдѣльныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои условія для существованія ея обитателей. Въ чемъ же усматриваетъ и какія границы этого вліянія среды устанавливаетъ Д. А.? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы процитируемъ наиболѣе опредѣленные мѣста его послѣдняго труда (стр. 76—77): «Крѣпость организма, поддержаніе его жизненныхъ функцій въ нормальномъ состояніи въ среднихъ предѣлахъ человѣческаго возраста и способность производить здоровое потомство зависятъ именно отъ совокупности естественныхъ условій, дѣйствующихъ на организмъ. Процессъ приспособленія совершается путемъ органическихъ измѣненій болѣе или менѣе глубокихъ, которыя мы то можемъ, то не можемъ уловить при настоящихъ средствахъ науки. Но тамъ, гдѣ мы ихъ видимъ, мы имѣемъ достаточное основаніе отнести ихъ къ вліянію среды и т. д.». И далѣе: «Говоря о дѣйствіи «природы» на человѣка, доказывая, что человѣкъ и некультурный и культурный находится подъ ея властью, мы всегда говорили о географической средѣ. Мы признаемъ при этомъ, что культурная или социальная среда иногда противодѣйствуетъ ей, охраняя человѣка отъ разрушительныхъ вліяній или создавая для него искусственныя условія жизни, но не рѣшаемся отрицать того, что устранить или ослабить естественныя условія можно только до извѣстной степени. Чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ природѣ, чѣмъ менѣе культура оберегаетъ его отъ нея, тѣмъ болѣе мы должны признать дѣйствіе ея надъ нимъ. И это дѣйствіе прежде всего заключается въ подборѣ болѣе пригодныхъ для извѣстной среды индивидуумовъ, подборѣ, который, въ концѣ концовъ, въ естественныхъ границахъ ея дѣйствія, долженъ создать

извѣстный антропологическій типъ, наиболѣе приспособленный къ жизни въ данной области».

Не могъ обойти Д. А. и сложнаго вопроса о наслѣдственности—этой второй основы Дарвинизма и въ особенности той стороны этого ученія, которая теперь сильно подвергается сомнѣнью, благодаря ученію Вейсмана—именно, вопросу о наслѣдственной передачѣ прижизненныхъ измѣненій или такъ называемыхъ приобретѣнныхъ признаковъ. Понятна вся важность того вывода, къ которому приходитъ Д. А., сопоставляя добытыя имъ данныя по этому вопросу, что «нѣкоторыя измѣненія, даже случайныя или вредныя, могутъ переходить къ потомству въ видѣ предрасположенія къ воспроизведенію ихъ, которое можетъ повторяться при дѣйствіи однихъ и тѣхъ же условій». Резюмируя главу о вліяніи среды и наслѣдственности, Д. А. заканчиваетъ ее слѣдующими словами:

«Условія мѣстообитанія могутъ вызывать большія или меньшія измѣненія у человѣка отчасти своимъ прямымъ вліяніемъ, отчасти посредствующимъ, путемъ качества или количества пищи, образа жизни, обусловливаемого мѣстообитаніемъ, и соответствующаго ему упражненія или неупражненія органовъ. Измѣненія, вызываемыя всѣми этими вліяніями, могутъ въ большей или меньшей степени переходить къ потомству посредствомъ воздѣйствій на зародышевую плазму и на организмъ въ періодѣ утробнаго или внѣутробнаго развитія. Если передача потомству измѣненій взрослой особи, при настоящихъ возрѣніяхъ науки, является сомнительной, все же мы имѣемъ право допустить, что географическая среда дѣйствуетъ измѣняющимъ образомъ на человѣческій организмъ, и что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, при постоянномъ дѣйствіи благоприятствующихъ имъ условій, могутъ поддерживаться въ потомствѣ и становиться признаками мѣстной человѣческой группы».

И вотъ Д. А. пытается отыскать причину, которая способствовала бы образованію и закрѣпленію упомянутыхъ признаковъ (этническихъ) въ данномъ районѣ, такъ какъ всѣ эти признаки, и тѣмъ болѣе извѣстныя сочетанія ихъ, имѣютъ свой географическій районъ. Онъ высказываетъ убѣжденіе, что ни естественный, ни половой подборъ, выдвинутые теоріей Дарвина, не могутъ служить руководящимъ началомъ для антропологін, какъ причины измѣненій и варіацій человѣческаго типа. «Ключъ къ объясненію происхожденія различій между человѣческими группами, котораго не можетъ дать ученіе Дарвина», Д. А. находитъ «въ ученіи Морица Вагнера о происхожденіи видовъ путемъ изолированія ихъ въ пространствѣ,

ученіи, имѣющемъ вполнѣ географическій характеръ, такъ какъ въ основу его положена не только связь естественной группы съ мѣстомъ ея обитанія, но и необходимость особой области для образованія типическихъ особенностей группы». Такимъ образомъ, М. Вагнеръ придавалъ изолированію въ данной области главное, рѣшающее вліяніе на образованіе настоящей разновидности, признавая его возможнымъ лишь тамъ, гдѣ немногія отдѣльныя особи, перейдя за предѣлы своего обитанія, въ теченіе долгаго времени остаются разьединенными со своими родичами. Если измѣняемость поддерживается пластичностью организаци въ теченіи ряда поколѣній, вмѣстѣ съ вліяніемъ изолированія среди мѣстныхъ условій, то при продолжающемся дѣйствіи подбора возникаетъ устойчивая разновидность. Миграцію, вмѣстѣ съ изолированіемъ отдѣльныхъ группъ на опредѣленной территоріи, М. Вагнеръ считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ развитіи человѣчества и его группъ. Въ концѣ своей дѣятельности М. Вагнеръ прямо формулировалъ, что изолированіе и образованіе колоніи всегда бываетъ единственнымъ факторомъ образованія видовъ и разновидностей. Доказательства своей теоріи М. Вагнеръ нашелъ во множествѣ фактовъ, представляемыхъ хорологіей организмовъ, и приписалъ хорологіи организмовъ не менѣе важное значеніе въ разрѣшеніи филогенетической задачи, чѣмъ сравнительной анатоміи и палеонтологіи.

Итакъ мы видимъ, что Д. А. Коропчевскій въ теоріи М. Вагнера находитъ ключъ къ объясненію происхожденія этническихъ признаковъ. Простота и стройность этой теоріи нашла себѣ и болѣе восторженныхъ поклонниковъ, чѣмъ Д. А. Какое громадное значеніе для антропогеографіи придавалъ этой теоріи Ф. Ратцель, назвавшій ее прямо «геніальной», видно изъ его указанія, что онъ видитъ въ ней «ключъ ко всѣмъ загадкамъ исторіи творенія и, въ особенности, древнѣйшей исторіи человѣка», мало того, онъ назвалъ ее «основной теоріей всемірной исторіи».

Въ ученіи о «географическихъ провинціяхъ», введенномъ въ науку Ад. Бастіаномъ и развившемся параллельно съ ученіемъ М. Вагнера, Д. А. видитъ, насколько путь науки о человѣкѣ естественно направляется на географическую почву. «Идея «географическихъ провинцій», говоритъ онъ, «соотвѣтствуя стремленіямъ географіи оказать необходимую помощь антропологіи, пріобрѣтаетъ для насъ еще болѣе большую цѣну тѣмъ, что эта идея исходитъ отъ этнолога и составляетъ плоды долговременныхъ теоретическихъ изысканій и практическихъ изслѣдованій почтеннаго ученаго».

И вотъ, признавая справедливой теорію М. Вагнера, и выставивъ то общее положеніе, что «человѣчество не можетъ быть названо безразличною смѣсью безчисленнаго множества типовъ», Д. А. предпринимаетъ трудъ, который онъ самъ формулируетъ такъ: «мы должны указать въ настоящемъ или въ доступномъ нашему изученію прошломъ человѣчества общую для него возможность такого изолированія даже помимо рѣзкихъ географическихъ границъ». Но онъ находитъ возможнымъ предпринять эту работу, опираясь на воззрѣнія такихъ авторитетныхъ антропологовъ, какъ Тэйлоръ, Вирховъ и Эренрейхъ. Начиная съ V и кончая IX (последняя) главою своего труда, Д. А. занятъ провѣркою своихъ общихъ заключеній на частныхъ примѣрахъ и опредѣленіемъ происхожденія второстепенныхъ физическихъ различій между человѣческими группами, образующихъ этническіе признаки. Это и есть значительная и главная часть его самостоятельнаго труда — провѣрки основныхъ своихъ теоретическихъ воззрѣній на всей массѣ сравнительно этнологическаго матеріала, накопленнаго трудами, какъ теоретиковъ науки, такъ и путешественниковъ-собираателей. Мы не послѣдуемъ уже далѣе за Д. А. въ его обзорѣ важнѣйшихъ группъ всего земного шара, начиная съ племенныхъ типовъ сѣверо-западной и средней Америки, со всею массою входящихъ въ нихъ крупныхъ и мелкихъ этническихъ группъ, далѣе, типовъ племенъ и народностей сѣверо-восточной и южной Америки, племенного состава дикаго населенія Австраліи, Океаніи и юго-восточной Азіи, за его изслѣдованіемъ народообразовательнаго процесса въ Африкѣ въ связи съ географическими провинціями, областными и мѣстными типами центральной и восточной Азіи и южной Европы—скажемъ лишь одно: Д. А. нашелъ подтвержденіе всѣхъ положеній, введенныхъ въ науку М. Вагнеромъ.

Приведемъ лишь заключительныя слова, которыми Д. А. заканчиваетъ свой трудъ: «Научное обоснованіе фактовъ зависимости антропологическаго типа отъ географической провинціи», которые должны болѣе и болѣе увеличиваться численно по мѣрѣ изученія мѣстныхъ и областныхъ типовъ, какъ и вообще успѣхъ нашего воззрѣнія, которое можетъ быть названо физиологическимъ въ отличіе отъ морфологическаго, преслѣдовавшагося по преимуществу въ нашей наукѣ, требуютъ большаго развитія сравнительной физиологій, чѣмъ ея современное состояніе. Это дальнѣйшее развитіе должно разъяснить развитіе основной формы въ томъ или иномъ направленіи подъ вліяніемъ географическихъ условій, съ которыми

оно находится въ такой очевидной связи. Выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ чувствуетъ себя современная антропология, указывается ей въ перенесеніи центра тяжести ея работы, съ одной стороны, на почву сравнительной физиологіи, а съ другой—на почву антропогеографіи. Сочетаніе этихъ двухъ направленій дастъ недостающую ей твердую основу и примиритъ дѣятельность двухъ ея отраслей—соматической антропологіи и этнологіи, опредѣляя общій для нихъ объектъ въ типахъ «географическихъ провинцій». Въ этихъ словахъ—краткое резюмэ настоящей работы и программа для будущихъ изслѣдованій. На этомъ мы закончимъ наше изложеніе, такъ какъ критика взглядовъ Д. А. не входитъ въ нашу задачу.

Въ заключеніе намъ остается еще разъ извиниться за крайне неполную и, по всей вѣроятности, недостаточно опредѣлившуюся характеристику научныхъ воззрѣній нашего незабвеннаго предсѣдателя, память котораго останется навсегда дорогою для всѣхъ, ближе знавшихъ покойнаго Дмитрія Андреевича.

Н. М. Могиланскій.

Къ вопросу о наследованіи и вариации у различныхъ антропологическихъ типовъ.

(Чтано въ засѣданіи 30-го января 1904 г.).

Въ докладѣ, читанномъ на Антропологическомъ конгрессѣ въ Вормсѣ (1903 г.), я утверждалъ, основываясь на измѣреніяхъ 1132-хъ женщинъ и ихъ дѣтей (въ первыя недѣли жизни), что мальчики мѣнѣе наследуютъ форму головы отъ матери, чѣмъ дѣвочки. Пользуясь формулами вариации ($\sqrt{\frac{\sum x^2}{N}}$) и корреляціи ($\frac{\sum xy}{N\bar{b}_1\bar{b}_2}$), я получилъ слѣдующія числовыя величины наследованія.

	Число случаевъ.	Средній индексъ.	Вариация.	Коеффициентъ наследованія.
Матери дочерей	617	81,83	3,308	+ 0,189
дочери ихъ	617	83,13	3,752	
Матери сыновей	515	81,89	3,257	+ 0,059
сыновья ихъ	515	83,24	3,730	

Выводъ изъ этой таблицы см. въ вышеуказанномъ докладѣ (Correspondenzblatt der Deutschen anthropologischen Gesellschaft № 12. 1903). Я позволяю себѣ обратить здѣсь вниманіе на слѣдующее: во первыхъ на 2—7 недѣлѣ жизни въ среднемъ форма головы мало отличается отъ взрослога. Во вторыхъ, по вариации матери сыновей и матери дочерей одинаковы. Новорожденные мальчики и дѣвочки тоже, причѣмъ и тѣ другіе и превосходятъ приблизительно на одну и ту же величину своихъ родителей, т. е. болѣе брахицефальны.

Впослѣдствіи меня заинтересовалъ вопросъ, нѣтъ ли между

двумя, найденными мною въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи типами женщинъ различія по вариации, а также и по наследованію. Я предположилъ именно, что если теорія Томсона и Геддеса вѣрна — темныя женщины должны, казалось бы, передавать иначе свои признаки потомству, чѣмъ свѣтлыя, въ виду той роли, которую играетъ пигментъ. Съ другой стороны темныя женщины оказались обладающими и другими характерными чертами, позволившими выдѣлать ихъ въ особый типъ (меньшій ростъ и болѣе длинное лицо); если бы оказалось, что по наследованію онѣ отличаются отъ перваго типа—это было бы расовое различіе въ наследованіи. Что касается вариации, то согласно Пирсону типы различаются по средней, модусу, вариации и корреляции. Пока, въ виду трудности вычисленій, мною обработанъ матеріаль лишь для матерей дѣвочекъ. Я получилъ слѣдующіе результаты по цвѣту глазъ и волосъ.

В о л о с а .	Бѣлые и свѣтлорус.	Русые.	Темнорус. и черные.
Коэффициентъ наследованія	0,217	0,212	0,161

Г л а з а .	Голубые или сѣрые.	Переходн. или зелен.	Каріе и черные.
Коэффициентъ наследованія	0,224	0,189	0,286

Такимъ образомъ, правильное уменьшеніе коэффициента наблюдается по волосамъ. Но я думаю, что, если мы сравнимъ эти данныя съ данными для цвѣта глазъ, мы едва ли можемъ утверждать, что по наследованію типы различаются. Дѣло въ томъ, что коэффициенты очень близки и, если принять во вниманіе первую десятичную, равны 0,2.

Что касается вариации, я получилъ слѣдующіе результаты:

В о л о с а .	Свѣтлорус. и бѣлые.	Русые.	Темнорус. и черные.
Средняя вариация индекса *)	3,742	3,252	3,180

Г л а з а .	Сѣрые или голубые.	Переходн. и зелен.	Темнокар. и каріе.
Средняя вариация индекса	3,621	3,259	3,000

*) По формулѣ $\sqrt{\frac{\sum x^2}{N}}$.

Такимъ образомъ, темный типъ варьируетъ меньше въ обоихъ случаяхъ.

Весьма интересно, что то же наблюдается, повидимому, и для дочерей ихъ въ первыя недѣли жизни. А именно, располагая, какъ выше показано, я получилъ слѣдующіе результаты для дочерей.

В о л о с а.	Свѣтлорус. и блѣде.	Русые.	Темнорус. и черные.
Средняя вариация индекса	3,534	3,449	3,217

Г л а з а.	Сѣрые или голубые.	Переходи. или зелен.	Каріе или темнокар.
Средняя вариация индекса	3,523	3,631	3,480

У дочерей небольшое исключеніе представляетъ средняя цифра. Если мы вспомнимъ, что вариация выражаетъ степень сплоченности типа, мы можемъ предположить, что темный типъ болѣе чистъ, чѣмъ свѣтлый. Для чистыхъ типовъ, т. е. свѣтлорусыхъ съ голубыми или сѣрыми глазами (первый типъ) и темнорусыхъ съ карими (второй типъ), вариация индекса представляется въ слѣд. видѣ.

	Первый типъ.	Второй типъ.
Матери	3,180	3,037
Дочери	3,615	3,297

Въ обоихъ случаяхъ она слѣдовательно меньше у темнаго типа.

Но сказанное относится только къ индексу. По росту и формѣ лица второй типъ варьируетъ напротивъ больше перваго, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

	Первый типъ.	Второй типъ.
Форма лица	4,67	4,97
Ростъ	5,57	5,66

Суть ли эти различія вариации дѣйствительно расовые признаки, покажетъ сравненіе со второю частью моего матеріала, когда я работаю такимъ же образомъ матерей сыновей.

Пока я могу только указать на то, что цвѣтъ волосъ и глазъ и вариация формы головы стоятъ, повидимому, въ зависимости. Объясняется ли эта зависимость тѣмъ, что темный типъ болѣе

долихоцефаленъ, т. е. индексъ его меньше *)—я не могу пока утверждать. Что касается наследованія, то оно, повидимому, одинаково у обоихъ типовъ, а то обстоятельство, что коэффициентъ наследованія, вычисленный для группъ съ небольшимъ числомъ случаевъ, вездѣ равенъ приблизительно 0,2—свидѣтельствуесть о точности, съ какою формула $\frac{\sum xy}{N\sigma_x \sigma_y}$ выражаетъ связь между двумя признаками.

Е. М. Чепурковскій.

*) Отношенія средней варіаціи индекса къ средней индекса обоихъ типовъ очень близки (4,08 и 4,03).

„Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія, въ связи съ антропологіей“.

(Читано въ засѣданіи 19-го марта 1904 г.).

Докладчикъ придерживался въ своемъ рефератѣ порядка, установленнаго заранѣе обнародованными тезисами.

По 1-ому тезису, гласящему:

«Хотя языкъ въ основѣ своей принадлежитъ всецѣло къ области явленій соціально-психическихъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя данныя, извлекаемыя изъ его разсмотрѣнія, могутъ составлять предметъ изслѣдованія для антропологіи, какъ науки естественно-исторической»,

было прежде всего указано на то, какъ это человѣкъ совершилъ проекцію своей психики во внѣшній міръ и, путемъ смѣшенія понятій, навязывалъ внѣшнему міру то, что существуетъ только психически. Такимъ образомъ «справедливость» и другіе продукты логически-психической дѣятельности человѣка были выслены наружу и тамъ, во внѣшнемъ мірѣ, оживотворены и даже обоготворены.

Характеристическимъ признакомъ новѣйшихъ теченій въ области наукъ психически-соціальныхъ является стремленіе вернуться къ источнику всѣхъ этихъ представленій, идей и понятій, т. е. разсматривать ихъ съ объективно-психической точки зрѣнія.

Въ числѣ психическихъ цѣлыхъ, разсматриваемыхъ обыкновенно съ ложной точки зрѣнія, т. е. внѣ психики человѣческой, находится тоже языкъ. Между тѣмъ настоящей причинной связи явленій языка, какъ и всѣхъ другихъ комплексовъ представленій психически-соціальнаго міра, слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ индивидуально-психическихъ центрахъ отдѣльныхъ людей, какъ членовъ

извѣстнымъ образомъ оязыковленнаго общества, съ другой же стороны, въ социально-психическомъ общеніи членовъ языкового общества.

Даже то, что называется «звукомъ», насколько оно принадлежитъ къ языку, *существуетъ* только въ психическомъ мірѣ и можетъ быть понято только съ психологически-соціологической точки зрѣнія.

Поэтому то въ языковѣдѣніи мы должны по настоящему замѣнить понятіе «звука» понятіемъ его психического эквивалента, понятіемъ его постоянно существующаго представленія, которое называемъ *фонемою*. «Звуки» же языка, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. не только со стороны акустической, но тоже — и даже въ высшей степени — со стороны звукопроизводительной дѣятельности органовъ рѣчи, составляютъ достояніе антропологіи.

Антропологія тутъ занимается явленіями периферическими, т. е. физическими и физиологическими спутниками-координатами психически существующихъ представленій и идей.

Между отдѣльными периферическими спутникамп психического міра, — въ его состояніи и въ его развитіи, — имѣется *посредственная* связь причинной зависимости. Кромѣ того ихъ взаимныя отношенія опредѣляются статистически.

Какъ вообще, такъ и въ данномъ случаѣ, вопросы антропологіи распадаются на два отдѣла: 1) одинъ изъ нихъ занимается изслѣдованіемъ *объективныхъ* различій человѣка отъ прочихъ животныхъ; 2) другой же занимается постепенною эволюціей въ самомъ родѣ человѣческомъ.

Переходя затѣмъ ко 2-ому тезису, совмѣщающему въ себѣ главную суть реферата, докладчикъ старался сначала опредѣлить такія частныя данныя изъ области привычекъ произношенія и историческихъ измѣненій, на основаніи которыхъ можно прійти къ общимъ выводамъ 2-го тезиса. (При этомъ различаемъ *лингвистическихъ* предковъ и потомковъ).

Исходною точкой или операционнымъ базисомъ разсмотрѣнія и изслѣдованія послужило описаніе человѣческаго произносительнаго аппарата, т. е. фонаціонныхъ или звукопроизводныхъ полостей человѣческаго организма *).

*) Къ сожалѣнію, во всемъ Петербургѣ (ни въ Университетѣ, ни въ Академіи Наукъ, ни въ другихъ институтахъ) не нашлось порядочнаго рисунка, представляющаго сагиттальный разрѣзъ верхней части человѣческаго тѣла. Поэтому докладчику пришлось пользоваться наскоро приготовленнымъ и далеко не точнымъ рисункомъ, что по необходимости должно было повліять на качество доклада.

Отмѣтивъ четыре главныя полости (грудная полость, полость гортани, полость рта и двойная полость носа) и исключивъ изъ разсмотрѣнія грудную полость, какъ постоянную величину при всякого рода звукопроизводствѣ, и носовыя полости, какъ лишенные значенія для даннаго вопроса, докладчикъ ограничился болѣе подробнымъ описаніемъ полости *гортани* и полости *рта*. Изъ четырехъ полостей двѣ, грудная полость и полость гортани, представляютъ въ общемъ вертикальное направленіе, двѣ же другія полости, полость рта и двойная полость (двѣ полости) носа — направленіе горизонтальное.

Главнѣйшею для языкового звукопроизводства является *полость рта*, въ которой имѣются эластичные (упругіе) подвижныя дѣйствующіе *органы* и страдательныя неподвижныя *мѣста* дѣйствія. Органы: *язычокъ* (uvula), *губы*, *языкъ*. На языкѣ, въ продольномъ и поперечномъ направленіи, отмѣчаемъ разныя его части и области. Для нашего вопроса самымъ важнымъ является *поперечное* дѣленіе верхней звукопроизводительной поверхности языка и отличеніе трехъ областей на этой поверхности: области *передней*, *средней* и *задней*.

Неподвижными мѣстами полости рта, играющими роль въ звукопроизводствѣ, являются: разныя части *твердаго неба*, переходящаго въ верхнюю *челюсть*, *зубы* и, до нѣкоторой степени, верхняя *губа*.

«Произносить», т. е. производить звуки, тоже животныя: птицы и млекопитающія. Но существенная разница ихъ произношенія и произношенія человѣческаго состоитъ въ слѣдующемъ:

У животныихъ 1) главный фокусъ фонаціи или звукопроизводства сосредоточивается въ нижнихъ и заднихъ органахъ; 2) если они и произносятъ ртомъ, то въ ихъ произношеніи участвуетъ вся полость рта безъ различенія ея отдѣльныхъ частей. безъ частной локализациі. Въ человѣческомъ же произношеніи замѣчается большое разнообразіе работъ полости рта, и локализациія въ полости рта составляетъ его главный признакъ.

Если стать на эволюціонную точку зрѣнія, то необходимо будетъ предположить, что переходъ отъ языкового состоянія животнаго и до-человѣка къ языковому состоянію человѣка состоялъ въ общемъ выходѣ звукопроизводительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта и въ появленіи настоящей *членораздѣльности* (артикулованности) произношенія.

Возможность произносить по человѣчески находится въ связи

съ хожденіемъ человѣка на двухъ ногахъ. Хожденіе на четверенькахъ несовмѣстимо съ рѣчью человѣческой. Кроме того возможность, при стояніи на двухъ ногахъ, смотрѣть прямо передъ собою и свободно поднимать голову вверхъ является, путемъ богатства космическихъ впечатлѣній, неисчерпаемымъ источникомъ для обогащенія внутренней, знаменательной стороны языка.

Если первоначальное *очеловѣченіе* языка состояло въ выходѣ главной массы произносительной дѣятельности изъ полости гортани въ полость рта, то спрашивается: нѣтъ ли продолженія того же историческаго процесса въ доступный изслѣдованію и гипотетической реконструкціи періодъ жизни извѣстныхъ намъ языковъ?

Остановимся на нѣкоторыхъ относящихся сюда фактахъ.

Сообразно съ постановкою вопроса, самыми существенными являются при этомъ противоположности:

- 1) полости гортани и полости рта;
- 2) въ полости рта — органовъ заднихъ и переднихъ, т. е. съ одной стороны, задней и средней части языка, съ другой же стороны, передней части языка и губъ.

Какъ же сказываются эти противоположности въ исторіи фонетической стороны, напримѣръ, аrioевропейскихъ языковъ?

Отношеніе полости гортани и полости рта проявилось, между прочимъ, въ слѣдующихъ исторически-фонетическихъ процессахъ:

1) Раньше, въ прежніе періоды жизни разныхъ языковъ, *работами гортани* достигалось гораздо болѣе произносительныхъ различій, нежели впоследствии. Слѣды этого на лицо, изъ болѣе извѣстныхъ намъ языковъ, въ языкѣ арабскомъ, въ языкахъ кавказскихъ и т. д. Впоследствии замѣчаемъ только остатки, только пережитки этого прежняго разнообразія. Въмѣсто трехъ сопутствующихъ работъ голосовыхъ связокъ гортани при произношеніи согласныхъ (сжатіе и взрывъ голосовыхъ связокъ, музыкальное дрожаніе и свободное раскрытіе) впоследствии остается только двойственность: музыкальное дрожаніе и свободное раскрытіе.

2) Въ связи съ этимъ одна изъ фонаціонныхъ работъ гортани, характеризующихъ болѣе древнее состояніе нашихъ языковъ, такъ называемое *придыханіе* (аспирація) постепенно слабѣетъ, или совершенно исчезая, или же, по крайней мѣрѣ, уменьшаясь какъ со стороны частоты появленія, такъ и со стороны каждовременной исполняемости. Это можно замѣтить при переходѣ отъ состоянія языка латинскаго къ состоянію языковъ романскихъ (италианскаго,

французскаго и т. д.), въ исторіи языковъ германскихъ (раньше *hl, hr*, впоследствии *l, r*, и т. п.) и т. д.

3) Въ древнѣйшемъ исторически возсоздаваемомъ состояніи аrioевропейскихъ языковъ отличались, по дѣйствию гортани, не только глухія согласныя отъ звонкихъ, но тоже придыхательныя отъ не-придыхательныхъ. Впоследствии это второе различіе или исчезаетъ, или же замѣняется другого рода различіемъ, фонаціонный базисъ котораго — полость рта. Это поясняется изложеніемъ судьбъ древнихъ придыхательныхъ согласныхъ, съ одной стороны, въ языкахъ славянскихъ, балтійскихъ (литовскомъ и др.), кельтскихъ, эранскихъ, съ другой же стороны, въ языкахъ индійскихъ, въ греческомъ, въ армянскомъ, въ германскихъ и т. д.

4) Исчезновеніе звонкихъ смычныхъ или сжатыхъ согласныхъ (*clusiles*) на почвѣ датской, средненѣмецкой и т. п., эстонской и т. д., при чемъ вторичное различіе фонаціонной энергіи въ полости рта возведено на степень первичнаго, главнаго. Буква *t* обозначаетъ «*hartes t*», буква *d* — «*weiches t*».

5) Постепенное уменьшеніе богатства акцентаціи и интонаціи гласныхъ (*vocales*), произносительный фокусъ которыхъ — въ полости гортани.

6) Замѣна временно-количественныхъ отношеній между гласными различнымъ уложеніемъ, различною формою полости рта. Въмѣсто прежнихъ различій краткаго *o* и долгаго *o*, краткаго *e* и долгаго *e* появляется со временемъ различіе *o* и *u*, *e* и *i*.

7) Появленіе раньше несуществовавшихъ гласныхъ *y, ö* усиливаетъ фонаціонную дѣятельность и различаемость полости рта даже въ области гласныхъ, при сохраненіи прежняго участія полости гортани, — что, конечно, составляетъ плюсъ въ пользу дѣятельности полости рта.

8) Вообще утилизація (использованіе) полости рта для различенія разнообразныхъ оттѣнковъ гласныхъ, чуждыхъ языку у лингвистическихъ предковъ даннаго языковаго племени. Сюда относятся различныя гласныя англійскаго языка, гласныя языковъ скандинавскихъ, особенно датскаго, — гласныя, различаемость которыхъ обуславливается разною степенью напряженія и сгущенія мускульной массы языка.

Переходя теперь въ полость рта и оставаясь на звукопроизводной противоположности въ ней органовъ заднихъ и переднихъ, докладчикъ указалъ прежде всего на то обстоятельство, что, по сообщенію антропологовъ, у пещернаго человѣка, — по крайней

мѣръ нѣкоторыхъ извѣстныхъ пещеръ,—подбородочный бугорокъ или подбородочный выростокъ (*tuberculum mentale*) былъ весьма слабо развитъ, а въ связи съ этимъ дѣйствию подбородочно-языковаго мускула (*musculus genioglossus*) могло быть только весьма слабое. Слѣдовательно, участіе въ произношеніи со стороны передней части языка пещернаго человѣка сводилось къ нулю или почти къ нулю. Пещерный человѣкъ, по скольку онъ работалъ въ полости рта, произносилъ главнымъ образомъ заднюю частью языка.

Съ этимъ предположеніемъ согласуется замѣчаемое въ исторіи языковъ постепенное усиленіе звукопроизводной дѣятельности передней части языка и губъ на счетъ дѣятельности задней части языка.

Цѣлая масса исторически-фонетическихъ процессовъ подтверждаетъ это обобщеніе.

Исторически-фонетическіе процессы, подходящіе подъ эту общую точку зрѣнія, были или спонтаннаго, или же комбинаторнаго характера. Спонтаннаго измѣненіе зависитъ отъ самой природы даннаго звука, точнѣе, отъ самой природы комбинированной группы звукопроизводныхъ работъ, производящихъ данный звукъ. При комбинаторномъ же измѣненіи первый толчокъ къ исторически-фонетическому перерожденію выходитъ отъ другихъ, сосѣднихъ «звуковъ», или же отъ общихъ фонетическихъ условій сочетанія нѣсколькихъ фонетическихъ единицъ въ болѣе общее фонетическое цѣлое.

Исторически-фонетическими процессами *спонтаннаго* характера въ области аrioевропейскихъ языковъ, подходящими подъ общее понятіе замѣны болѣе заднихъ работъ полости рта работами болѣе передними (т. е. заднеязычныхъ и среднеязычныхъ работъ работами переднеязычными и губными), слѣдуетъ признать прежде всего слѣдующіе:

1) Въ древнѣйшемъ гипотетически воссоздаваемомъ состояніи аrioевропейскаго языковаго матеріала слѣдуетъ предположить три обособленныя локалізаціи заднеязычныхъ согласныхъ, т. е. три психически различаемые ряда согласныхъ въ родѣ *k, g*. Впослѣдствіи ни въ одномъ уголкѣ аrioевропейскаго языковаго міра не сохранилось это различіе, и вездѣ, во всѣхъ аrioевропейскихъ языкахъ, замѣчаемъ только одинъ, единственный рядъ заднеязычныхъ согласныхъ. Рядъ средній сохранилъ въ общемъ вездѣ, во всѣхъ аrioевропейскихъ языкахъ, локалізацію заднеязычную. Рядъ самый глубокой (локализованный предположительно у входа въ гортань) остался задне-

язычнымъ въ восточныхъ вѣтвяхъ аrioевропейскаго семейства, т. е. во всѣхъ вѣтвяхъ азіатскихъ (въ индійской, въ эранско-персидской), въ армянской, въ албанской, въ балтійской и въ славянской; въ остальныхъ же вѣтвяхъ, въ вѣтвяхъ западныхъ (въ греческой, въ итаलो-романской, въ кельтской и въ германской) онъ подвергся лабиализаціи или огубленію, и даже во многихъ случаяхъ лишился совсѣмъ заднеязычной локализациі, замѣнивъ ее исключительно, губною. Наконецъ, рядъ самый передній, близкій предположительно локализациі среднеязычной, остался заднеязычнымъ въ только что поименованныхъ вѣтвяхъ западныхъ, тогда какъ въ восточныхъ вѣтвяхъ его заднеязычная локализациа была замѣнена переднеязычною.

Нѣчто подобное произошло тоже въ болѣе поздніе періоды исторіи языка. Замѣна заднеязычной локализациі локализациею переднеязычной произошла тоже на почвѣ италороманской, гдѣ, напримѣръ, вмѣсто латинскаго *k* словъ *canis, camera, causa* и т. д. появилось французское *ch* (*ш*) словъ *chien, chambre, chose* и т. д., или же латинское (во Фріуль, въ Тиролѣ и у Гриджіоновъ Швейцаріи) *c* (*ч*). Лабиализація же или огубленіе повторилось при другихъ условіяхъ въ румынскомъ языкѣ.

2) Въ томъ же направленіи замѣны работъ болѣе заднихъ работами болѣе передними совершилась замѣна прежняго общеаріо-европейскаго *j* согласными переднеязычными: въ греческой языковой области (*dz* и даже просто *d*), въ области романской (италианское *dz*, французское *z* и т. п.), въ области индійской (пракритское *dz*).

3) Свойственное первобытному аrioевропейскому состоянію различіе двухъ степеней заднеязычнаго суженія полости рта при образованіи гласныхъ, т. е. различіе двухъ *a*, широкаго (*a*) и узкаго (*ə*, въ родѣ русскаго *ы*), со временемъ исчезаетъ и остается только одно широкое *a*, тогда какъ узкое или сливается съ нимъ въ одинъ звукъ, или же замѣняется гласнымъ *i*. Стало быть, эта звукопроизводная работа, т. е. крайнее вокальное, гласное суженіе полости рта съ помощью задней части языка, совсѣмъ устраняется, или идя въ пользу той же локализациі, только съ болѣе широкимъ растворомъ, или же передвигаясь впередъ, съ сохраненіемъ той же степени суженія.

Изъ комбинаторныхъ измѣненій звуковъ языка, приводящихъ въ концѣ концовъ къ тому же результату, т. е. къ замѣнѣ болѣе

заднихъ звукопроизводныхъ работъ работами болѣе передними, докладчикъ указалъ на слѣдующія:

1) На появленіе въ латинскомъ губного согласнаго *f*, какъ историческаго продолженія прежнихъ придыхательныхъ согласныхъ не только губной локализаци (*bh, ph*), не только локализаци переднеязычной (*dh, th*), но тоже локализаци заднеязычной (*gh*).

2) Подъ вліяніемъ первоначальнаго осреднеязыченія заднеязычныя согласныя, оставшіяся заднеязычными въ отдѣльныхъ языковыхъ областяхъ, замѣняются переднеязычными: историческими продолжателями прежнихъ осреднеязыченныхъ *k'* (*кь*), *g'* (*гь*) и т. п. являются или *č* (*ч*), *ž* (*ж*) и т. п., или *c* (*ц*), *dž* (*дж*) и т. п., или *t'* (*ть*), *d'* (*дь*) и т. п. Это мы констатируемъ въ разные періоды исторической жизни славянскихъ языковъ, въ языкѣ латышскомъ, въ языкѣ древне-индійскомъ (въ санскритѣ), въ языкахъ романскихъ, въ древне-греческомъ, въ ново-греческомъ, въ англійскомъ, въ датскомъ, шведскомъ и т. д. Сюда относится тоже наше произношеніе латинскаго языка на нѣмецкій ладъ: *Cicero, sescini, fecit, facere* и т. п. Въ исторіи языковъ мы замѣчаемъ все новыя отложенія въ этомъ направленіи. Укажемъ, между прочимъ, на русское *ти, де* вмѣсто прежнихъ *ки, ге* (*паутина, тисть* вм. *кисть, анделъ* вм. *инелъ* и т. п.).

Осреднеязыченіе (палатализація, «смягченіе») и огубленіе (*labialisatio*) являются могущественнымъ факторомъ, постоянно дѣйствующимъ въ этомъ направленіи.

Докладчикъ полагаетъ, что достаточно указать на громадное различіе степени заднеязычной и среднеязычной звукопроизводной возбуждаемости и исполняемости съ одной стороны въ болѣе древнемъ языковомъ состояніи, которому свойственны три ряда самостоятельно различаемыхъ заднеязычныхъ согласныхъ, которому свойственно различіе двухъ степеней гласнаго заднеязычнаго суженія (широкое *a* и узкое *a*), съ другой стороны въ болѣе позднемъ языковомъ состояніи, которому свойственъ только одинъ рядъ согласныхъ заднеязычныхъ, но за то которое не только различаетъ *t—s—r—l*, но тоже *t—s—th* (англійское) — *s(ш)* — *c(ц)* и т. д., чтобы понять, въ чемъ именно состоитъ этотъ исторически-фонетическій процессъ замѣны болѣе заднихъ работъ работами болѣе передними.

Уклоненія отъ этого общаго теченія или являются мнимыми уклоненіями, или же, хотя они и дѣйствительны (особенно при языковомъ смѣшеніи двухъ племенъ разнаго происхожденія или же

вслѣдствіе патологическаго вырожденія), не измѣняютъ общаго историческаго результата исторически-фонетическихъ процессовъ.

Равнодѣйствующая общаго историческаго хода идетъ всегда и вездѣ въ указанномъ направленіи.

Само собою разумѣется, что эти исторически-фонетическіе процессы надо разсматривать на большомъ разстояніи, *sub specie aeternitatis*. Ткнувъ носомъ въ одно облюбованное мѣсто и спрятавшись въ захолустье кратковременной жизни одного языковаго семейства, мы будемъ видѣть только маленькіе зигзаги и не замѣтимъ крупныхъ размаховъ историческаго теченія. Надо окинуть взоромъ громаднаго разстоянія хронологической послѣдовательности. Изъ гортани въ полость рта или отъ задней части языка къ передней не то что рукой подать, а просто чихнуть, и все-таки требуются цѣлыя столѣтія и даже многія тысячелѣтія для того, чтобы перевести фонаціонную работу изъ одной области въ другую.

Но станемъ на реальную почву и сообразимъ:

1) что у одного лица, хотя бы оно жило даже сотни лѣтъ, не зачѣмъ было бы происходить подобному передвиженію;

2) что всѣ такія передвиженія производительныхъ работъ совершались въ ряду поколѣній, именно благодаря передачѣ фонаціонной возбуждаемости и исполняемости отъ однихъ индивидовъ къ другимъ.

Исторически-фонетическіе процессы, подходящіе подъ это понятіе замѣны нижнихъ и заднихъ звукопроизводныхъ работъ работами верхними и передними, могутъ быть троякаго рода:

или перенесеніе, замѣщеніе, т. е. дѣйствіе нижнее (гортанное) замѣняется дѣйствіемъ верхнимъ (полости рта), дѣйствіе же заднее въ полости рта дѣйствіемъ переднимъ въ полости же рта;

или просто устраненіе, исчезновеніе: дѣйствіе нижнее или заднее просто исчезаетъ, вслѣдствіе чего измѣняется общее отношеніе работъ нижнихъ или заднихъ къ верхнимъ или переднимъ, въ пользу сихъ послѣднихъ;

или, наконецъ, возникновеніе новыхъ дѣйствій и новой различаемости въ областяхъ верхнихъ или переднихъ, съ сохраненіемъ прежней суммы дѣйствій и прежней различаемости въ областяхъ нижнихъ или заднихъ, вслѣдствіе чего тоже измѣняется общее отношеніе работъ нижнихъ или заднихъ къ работамъ верхнимъ или переднимъ, въ пользу сихъ послѣднихъ.

Кромѣ того слѣдуетъ различать двѣ стороны всѣхъ этихъ процессовъ, т. е. двоякаго рода измѣненіе отношеній, состоящее въ

ослабленіи одной группы звукопроизводныхъ работъ и въ усиленіи другой группы:

1) При сохраненіи той же различаемости измѣняется число случаевъ въ той и другой области произношенія, т. е. измѣняется ихъ статистическое отношеніе. Сюда относится, напримѣръ, хотя только односторонне, замѣна узкаго *a* гласнымъ *i* на пути историческаго развитія прааріоевропейскаго языковаго состоянія въ состояніе древне-индійское (санскритское).

2) Появляется новая различаемость, появляются новыя сочетанія звукопроизводныхъ элементовъ въ одной области, или же исчезаетъ извѣстная различаемость, исчезаютъ извѣстныя сочетанія звукопроизводныхъ элементовъ въ другихъ областяхъ. Примѣромъ перваго случая можетъ служить возникновеніе новыхъ рядовъ или новыхъ видовъ переднеязычныхъ фонемъ (*ч, ж, ц, дз* и т. д. изъ прежнихъ *к, г* и т. д.); примѣрами же втораго — исчезновеніе трехъ локализаций согласныхъ заднеязычныхъ, исчезновеніе различія между придыхательными и непридыхательными и т. д.

Все это докладчикъ пытался выразить сокращенно съ помощью символическихъ формулъ.

Разбираемое здѣсь одно изъ главныхъ послѣдствій историческихъ измѣненій въ произношеніи совпадаетъ съ характеромъ каждавременнаго процесса произношенія. Вѣдь произношеніе является экспираторнымъ, т. е. выходящимъ наружу, изъ глубины на поверхность.

Формулированныя выше положенія представляютъ выводъ чисто антропологическій. Психологически же и лингвистически въ строгомъ смыслѣ этого слова слѣдуетъ сказать:

Звукопроизводная и звуковоспринимательная различаемость, способность различать звукопроизводныя дѣйствія и звуковоспринимательныя впечатлѣнія, образованіе и развитіе фонаціонныхъ представленій и вообще языковое мышленіе въ области произношенія переносится все болѣе и болѣе изъ нижнихъ и заднихъ частей гортаннаго (звукопроизводнаго, фонаціоннаго) аппарата въ области верхнія и переднія.

Все выше изложенное резюмировано во 2-омъ тезисѣ:

«За незначительными, частью кажущимися, частью же дѣйствительными, уклоненіями, въ окончательномъ результатѣ общій характеръ историческихъ измѣненій въ произношеніи рѣчи человѣческой состоитъ между прочимъ, съ точки зрѣнія антропологии, въ постепенномъ усиленіи фонаціонной работо-способности органовъ верхнихъ и переднихъ, въ происсте-

кающемъ изъ этого усиленія увеличеніи случаевъ работы этихъ органовъ, и въ относительномъ уменьшеніи участія въ произношеніи органовъ нижнихъ и заднихъ. Съ психической точки зрѣнія это можно формулировать, съ одной стороны, какъ постепенное передвиженіе исполнительно-языкового мышленія въ указанномъ направленіи, съ другой же стороны, какъ постепенное измѣненіе отношенія степеней напряженія фонаціонной различаемости въ пользу все болѣе и болѣе усиливающейся различаемости въ области верхнихъ и переднихъ частей фонаціоннаго аппарата.»

Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ рассмотрѣнію вѣроятныхъ «причинъ» этого вездѣ, во всѣхъ языковыхъ областяхъ, повторяющагося исторически-фонетическаго процесса.

О какомъ-то «предначертаніи», о «рокѣ», само собою разуждается, рѣчи быть не можетъ.

Раньше были указаны частныя «причины» нѣкоторыхъ частныхъ процессовъ. Мы видѣли, что осреднеязыченіе и огубленіе заднеязычныхъ согласныхъ является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ передвиженія впередъ звукопроизводной дѣятельности въ полости рта. Съ точки зрѣнія лингвистическаго захолустья, съ точки зрѣнія даннаго момента, даннаго мѣста и времени, это только одно изъ историческо-фонетическихъ измѣненій, не связанныхъ одною общею идеей. Но, съ точки зрѣнія продолженія «человѣченія» языка въ указанномъ мною смыслѣ, *sub specie aeternitatis*, все это подходитъ подъ понятіе накопленія фактовъ, подтверждающихъ сдѣланное мною обобщеніе.

Ослабленіе, какъ работо-способности органовъ нижнихъ и заднихъ, такъ и психической различаемости по отношенію къ нимъ объясняется относительною неопредѣленностью и шаткостью всего того, что въ нихъ происходитъ и до нихъ касается. Усиленіе же, какъ работо-способности органовъ верхнихъ и переднихъ, такъ и относящейся къ нимъ психической различаемости объясняется свойственною имъ опредѣленностью, ясностью и выразительностью.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что происходитъ при передачѣ произносимаго и слышимаго, равно какъ и мыслимаго произносимымъ и слышимымъ, отъ однихъ индивидовъ къ другимъ. Здѣсь значеніе относительной ясности, опредѣленности и выразительности становится еще понятнѣе. При недослышаніи, при неопредѣленномъ восприниманіи равнодѣйствующею является наклонъ въ сторону большей ясности и опредѣленности. Общая же, сложная

различаемость разлагается на слѣдующія частныя различаемости: различаемость звука, какъ объективнаго, физическаго явленія; различаемость мускульнаго чувства; различаемость акустическихъ впечатлѣній; различаемость фонетическихъ представленій.

Одною изъ частныхъ «причинъ» разбираемаго здѣсь исторически-фонетическаго процесса, «причинъ», дѣйствующихъ медленно, въ теченіе вѣковъ, по постепенно, все въ томъ же направленіи, является повторяющаяся въ ряду поколѣній иннервация конца языка, — какъ главнаго органа рѣчи въ полости рта. Эта иннервация конца языка, точно внутренній, центрифугальный (центробѣжный) массажъ, усиливаетъ его, конца языка, гибкость и работоспособность (дѣйствіеспособность).

Все только что изложенное формулировано въ 3-емъ тезисѣ:

«Побудительною «причиной» указанной исторической послѣдовательности слѣдуетъ признать стремленіе къ сбереженію труда въ трехъ областяхъ, на которыя распадается сложный языковой процессъ: въ области фонаціи, аудиціи и церебраціи».

Если указанные исторически-фонетическіе процессы разсматривать въ связи съ антропологіей, то можно съ полнымъ правомъ видѣть въ нихъ все большее укрѣпленіе въ сферѣ языка чисто человѣческаго характера, все большее удаленіе отъ состоянія животнаго, отъ состоянія антропоида, отъ состоянія до-человѣка, отъ состоянія пещернаго человѣка.

Этотъ процессъ является тоже продолженіемъ дифференціаціи *пѣнія и языка*. Пѣнію предоставлена по преимуществу полость гортани; главнымъ же органомъ языка или рѣчи человѣческой является полость рта, со вспомогательнымъ участіемъ полости гортани и носовыхъ полостей.

Первымъ актомъ человѣченія языка было возникновеніе *членораздѣльности* звуковъ въ настоящемъ значеніи этого слова.

Сказанное формулируется въ тезисѣ 4-омъ:

«Этотъ процессъ постепеннаго выхода произношенія наружу можно считать продолженіемъ первоначальнаго акта очеловѣченія языка, состоявшаго, съ одной стороны, въ дифференціаціи пѣнія и языка, съ другой же стороны, въ развитіи «членораздѣльности» звуковъ рѣчи человѣческой. Путемъ этихъ послѣдовательныхъ измѣненій человекъ все болѣе удаляется отъ состоянія не только животнаго вообще, но и своего непосредственнаго предшественника, человека «пещернаго»».

Разбираемые здѣсь исторически-фонетическіе процессы находятся въ связи съ общимъ развитіемъ въ другихъ сферахъ общественно-психической дѣятельности. Вездѣ мы отмѣчаемъ постепенное *выхож-деніе наружу*.

Физиономія мыслящаго человѣка становится все выразительнѣе; на ней все съ большею силой и опредѣленностью сказывается все болѣе усиливающееся одухотвореніе его внутренняго міра.

Отмѣченные нами процессы повторяются во всемъ человѣчествѣ, во всѣхъ «расахъ», независимо отъ вѣта кожи: «бѣлаго», «желтаго», «краснаго», «чернаго»... Цвѣтъ кожи это антропологическій мундиръ; но подъ этимъ мундиромъ у всѣхъ болѣе или менѣе одинаково бьется сердце, циркулируетъ и пульсируетъ кровь, болѣе или менѣе одинаково дѣйствуютъ мускулы, исполняютъ свою роль восприимательные и двигательные нервы, болѣе или менѣе одинаково разжигаются страсти, болѣе или менѣе одинаково воспринимаютъ чувства, получаютъ впечатлѣнія, образуются представленія, идеи, понятія и ихъ ассоціаціи, болѣе или менѣе одинаково опредѣляется логическая связь и послѣдовательность, болѣе или менѣе одинаково дремлютъ зародышныя нравственныя побужденія и, въ связи съ логическимъ мышленіемъ, становится все болѣе могущественнымъ чувство справедливости и нестерпимая боль, испытываемая при его неудовлетвореніи.

Также точно въ области языка, помимо всѣхъ историческихъ случайностей, нѣкоторыя теченія вернутся во всемъ человѣчествѣ на одинъ ладъ. Къ нимъ принадлежитъ прежде всего указанное въ этомъ рефератѣ теченіе въ области процессовъ исторически-фонетическихъ.

Въ развитіи всего человѣчества, независимо отъ «расовыхъ» и другихъ стадныхъ особенностей, замѣчаемъ все большее накопленіе, съ одной стороны, мышленія, независимо отъ чувствъ, съ другой же стороны, одуховленнаго поэтическаго творчества.

Внѣшняя рѣчь выходитъ все болѣе наружу; внутреннее языковое мышленіе уходитъ все болѣе вглубь.

Въ заключеніе формулируемъ только что сказанное въ двухъ послѣднихъ тезисахъ, 5-омъ и 6-омъ:

5) «Антропологическіе «полюсы» вообще, и въ частности въ области языка, все болѣе и болѣе удаляются другъ отъ друга: исполнительный «полюсъ» все болѣе и болѣе выходитъ наружу и все болѣе и болѣе выплываетъ въ такъ называемый внѣшній міръ; «руководящій» же психическій «полюсъ»

все болѣе и болѣе уходитъ въ глубь, принимая характеръ все болѣе отвлеченности и символизма>.

б) *«Въ указанномъ процессѣ постепеннаго человѣченія языка заключается, между прочимъ, объективный прогрессъ чловѣка, какъ одного изъ звеньевъ природы, — независимо отъ всякаго каприза и произвола».* *)

И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

*) Развиваемая въ этомъ рефератѣ мысль возникла давно въ головѣ референта и онъ ее развивалъ въ своихъ университетскихъ лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ; но у него никогда не хватало времени обосновать ее всесторонне въ особомъ сочиненіи. Единственнымъ ея отраженіемъ въ научной литературѣ являются брошюры референта:

Vermenschlichung der Sprache. Hamburg, 1898. (Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge. Neue Folge. Achte Serie. Heft 173). (Публичная лекція, читанная 19 февраля (2 марта) 1892 г. въ Дерптѣ).

O pewnym stałym kierunku zmian językowych w związku z antropologją. We Lwowie, 1899. (Одн. оттискъ изъ журнала «Kosmos» 1899, IV—V). (Лекція, прочитанная въ общемъ годичномъ собраніи Краковскаго отдѣла Общества естествоиспытателей имени Коперника, 26 января 1899 г.).

Культъ инау у племени айну.

(Предварительное сообщеніе въ Русскомъ Антропологическомъ Обществѣ 13 мая).

Айну,—маленькое угасающее племя, нѣкогда занимавшее весь Японскій архипелагъ и нынѣ, послѣ постепеннаго вытѣсненія японцами, сохранившееся въ количествѣ, не превышающемъ двухъ десятковъ тысячъ душъ, на островахъ Езо, Сахалинѣ и Курилахъ,—представляютъ одну изъ самыхъ таинственныхъ и интересныхъ этническихъ индивидуальностей, какія только знаетъ этнографія.

Подобно другимъ «окраиннымъ» народамъ, какъ эскимосы, патагонцы, готтентоты, гиляки, чукчи, юкагиры, енисейскіе остяки, представляющимъ собою какъ бы окаменѣлыя остатки отошедшихъ еще въ доисторическое время расъ и культуръ, айну на крайнемъ Востокѣ Азіи стоятъ совершенно особнякомъ не только отъ великихъ расъ материка Азіи, но и отъ близкихъ имъ по загадочности и изолированности племенъ палеазиатскихъ; прежде всего по своему физическому типу: единственное волосатое племя среди монголоидовъ, они въ теченіе почти столѣтія представляютъ предметъ спора между антропологами, и тѣмъ не менѣе вопросъ объ ихъ расовомъ происхожденіи остается и понынѣ такъ же теменъ, какъ и во времена Головина.

Ихъ языкъ стоитъ совершенно изолированно среди сонмовъ языковъ Азіи.

Хотя имѣются уже словари, опыты грамматики и фольклорныя записи, идиомъ айну съ такой же безуспѣшностью пытались до настоящаго времени связать съ тѣми или другими лингвистическими группами, какъ и ихъ соматическую разновидность съ извѣстными группами этническими. Самая разработка этого языка, впрочемъ, ждетъ еще своего научнаго мастера.

Менѣе другихъ особенностей этого племени обращалъ на себя вниманіе ихъ замѣчательный семейно-родовой строй съ самыми

примитивными чертами матернитета, которыя, какъ я могъ убѣдиться изъ своихъ наблюдений, могли бы пролить массу свѣта на исторію первобытнаго брака. Безъ серіознаго обслѣдованія осталась также ихъ своеобразная и поучительная матеріальная культура и искусство (орнаментъ), которыя въ состояніи дать много цѣннаго матеріала для важныхъ этнографическихъ и этнологическихъ сближеній.

Но, быть можетъ, самое интересное въ культурѣ айну представляютъ ихъ вѣрованія и религиозные обряды. Съ одной изъ самыхъ своеобразныхъ особенностей ихъ культа, именно съ культомъ *инау*, представляющимъ собою единственное въ своемъ родѣ явленіе среди первобытныхъ религій, я и хочу васъ познакомить, имѣя на этотъ разъ въ виду не столько полное описаніе этого культа, сколько выясненіе его генезиса, — вопросъ, надъ которымъ мнѣ пришлось не мало задумываться, какъ во время моихъ личныхъ наблюдений надъ айну, такъ и впоследствии, при разработкѣ анимистическихъ коллекцій въ Музеѣ Академіи Наукъ. Но прежде два слова о религіи айну вообще.

I.

Въ основныхъ своихъ религиозныхъ воззрѣніяхъ айну очень близко стоятъ къ такъ называемымъ шаманистскимъ религіямъ первобытныхъ народовъ Сибири, особенно ихъ непосредственныхъ сосѣдей-гиляковъ.

Анимисты по своему міровоззрѣнію, они не знаютъ нашего дуализма между органической и неорганической, живой и мертвой природой. Для нихъ, наоборотъ, все существующее, всѣ объекты и явленія, не только живыя, одушевленные существа, но и одаренныя полной индивидуальностью, неумирающей душою, разумомъ и волей. Въ своемъ монизмѣ они идутъ еще дальше: все существующее антропоморфно. Подъ многообразіемъ формъ скрывается одно и то же по своей природѣ существо—человѣкъ. Они, правда, въ этомъ отношеніи, не достигли той законченности, до которой дошли, напримѣръ, гиляки, но такова преобладающая тенденція ихъ философіи. Такимъ образомъ, если мы желаемъ проникнуть въ тайны религиозной психики айну, мы должны совершенно отрѣшиться отъ нашихъ обычныхъ воззрѣній на окружающее. Мы должны примириться съ такими, наприм., представленіями, что дерево, гора, утесъ—живыя разумныя существа, слушающія, понимающія, движущіяся, дѣйствующія, что самое маленькое животное, въ родѣ лягушки, можетъ быть страшно

разумнымъ существомъ, разумнѣе даже человѣка, что человѣкъ можетъ родиться отъ дерева (такова, наприм., легенда о происхожденіи самихъ айну) и вступать въ браки даже съ такими существами, какъ камбала, что срубленное дерево можетъ воскреснуть, если воткнуть въ пень маленькую заструженную палочку, что даже предметы, сдѣланные человѣкомъ, какъ котелъ, копье, ножъ, лодка и т. д., имѣютъ душу и могутъ слѣдовать за человѣкомъ на тотъ свѣтъ...

При такой монистической психологіи божественнымъ въ природѣ долженъ казаться человѣку всякій объектъ внѣшней природы, всякое явленіе, которые чѣмъ-либо поражаютъ его воображеніе и проявляютъ свойства, которыхъ онъ лишентъ самъ, или которыя превосходятъ его собственныя.

Таинственный утесъ, похожій на звѣря, временами издающій трескъ и роняющій громадныя глыбы, способныя раздавить человѣка, метущееся море, ревущее, какъ звѣрь и потомъ улегающее, какъ человѣкъ во время сна, громъ, грохочущій и рубящій деревья въ лѣсу, гигантскій китъ, плюющій фонтанами, медвѣдь, страшилище лѣса и т. п. грандіозныя явленія природы или поразительныя существа, а съ другой стороны самые обыкновенныя предметы, какой-нибудь тюлень, жаба, моллюскъ, необыкновеннаго вида камешекъ, даже часы европейца — все это объекты божественныя, все это на языкѣ айну носить названіе *камуй*.

Камумэ можетъ быть даже и человѣкъ, если только онъ чѣмъ нибудь выдается среди своихъ ближнихъ — храбростью, краснорѣчіемъ, удачливостью и т. д. Но не всѣ *камуй* составляютъ предметъ культа.

Пантеонъ айну почти исключительно зоологическій. Нѣтъ звѣря, особенно изъ крупныхъ, какъ медвѣдь, китъ, касатка, моржъ, сивучъ, тюлень, даже соболь, выдра и т. д., котораго онъ не величалъ бы именемъ *камуй*. Звѣрь и камуй — синонимы. Въ противоположность гяляку, ороку и др. инородцамъ Приамурскаго края, различающимъ просто звѣря отъ богозвѣря, т. е. бога-человѣка, облекшагося въ образъ того или другого звѣря, айну видитъ еще *камуй* въ каждомъ звѣрѣ, какъ *таковомэ*. Но, подобно гяляку, собственно сознательный культъ (въ видѣ жертвоприношенія, молитвъ) онъ оказываетъ не звѣрю вообще, а «хозяевамъ» каждой породы или стихіи, которые въ свою очередь, тоже называются *камуй* (въ значеніи «хозяинъ»), съ прибавленіемъ названія той или другой области природы, напримѣръ, *нубури-камуй* — хозяинъ горы,

атуи-камуи — хозяинъ моря, *той-камуи* — хозяинъ подземнаго міра, *чунъ-камуи* — хозяинъ солнца и т. д.

Главнѣйшіе боги, отъ которыхъ зависитъ благополучіе айну — «хозяева» горы и моря, доставляющіе ему главные предметы его пропитанія — звѣрей, рыбу, морскихъ животныхъ.

Это чисто зоологическіе боги: первый изъ нихъ — «хозяинъ» медвѣдя: съ одной стороны это человѣкъ, съ другой настоящій медвѣдь, только необыкновенно крупныхъ размѣровъ; всѣ остальные медвѣди — его единоплеменники.

Хозяинъ моря — косатка (*Orca Gladiator*), тотъ самый ужасный хищникъ, передъ которымъ дрожатъ титаны моря — киты, и въ смертельномъ страхѣ бѣгутъ всѣ морскія животныя, спѣша на острогу благодарнаго айну. Удивительный культъ этого звѣря, равно какъ и культъ медвѣдя, я подробно описалъ въ своей статьѣ о религіи гиляковъ *) и на нихъ поэтому теперь останавливаться не буду, несмотря на большія различія въ деталяхъ ритуала, напр., медвѣжьяго праздника и др. обрядовъ.

Чужеплеменнымъ (японскимъ) божествомъ, хотя и играющимъ у айну теперь (впрочемъ, больше на словахъ) едва ли не первенствующую роль, нужно признать «хозяина солнца» — *чунъ-камуи*, который, по нынѣшнимъ воззрѣніямъ, самое большое божество, распоряжающееся всѣми другими богами. Въ дѣйствительности, онъ мало имѣетъ отношенія къ повседневной жизни. Его ассоціируютъ, естественно, съ хозяиномъ родового огня, играющимъ дѣйствительно большую роль.

Кромѣ главныхъ *камуюв*, есть цѣлый рядъ и другихъ, второстепенныхъ: камуи *родовые*, какъ хозяинъ юрты (тисе камуи), бабушка огня и др. герои-предки, наконецъ, безчисленные «хозяева» отдѣльныхъ рѣчекъ, роцъ, долинь, горъ, утесовъ и т. д. Все это добрые, благодѣтельные *камуй*, отъ которыхъ зависитъ все благополучіе человѣка: это его кормильцы и хранители, оберегатели отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

Но есть и такія существа, которыя спеціально заняты тѣмъ, чтобы постоянно всячески вредить айну, приносить болѣзни и даже смерть. Этимъ существамъ, которыхъ онъ даже не удостоиваетъ обыкновенно названія «камуй», онъ не оказываетъ никакого культа: для нихъ нѣтъ ни жертвъ, ни молитвъ, ни даже простого шетета, съ ними айну находитъ возможнымъ только *бороться*. Тайны этого сво-

*) «Этногр. обозр.» 1904 г., № 2.

его рода военного искусства знают шаманы, такуса-айну, которые играют у нихъ такую же роль, какъ и у другихъ первобытныхъ народовъ, хотя, впрочемъ, никакимъ особымъ почетомъ и вліяніемъ они не пользуются. За то по отношенію къ добрымъ божествамъ айну поистинѣ набожны. Имъ возносятся долгія и краснорѣчивыя молитвы, съ ними айну дѣлятся своими лучшими яствами и напитками и, наконецъ, для нихъ они устанавливають вездѣ, гдѣ только возможно, тѣ безчисленные и разнообразныя по формамъ и размѣрамъ и столь своеобразныя по виду предметы, которые носятъ у нихъ названіе *инау*.

Эти то странныя и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе характерныя объекты культа айну и составляютъ предметъ настоящаго доклада.

II.

Инау бываютъ самыхъ различныхъ видовъ и назначеній. Самый обыкновенный типъ—палочка, искусно заструженная въ различныхъ мѣстахъ въ видѣ кудряшекъ самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и формъ (ср. таб. I, рис. 1—4). Обычный матеріалъ—тальникъ, рѣже ольха, рябина, смотря по назначенію. Обыкновенно палочка предварительно очищается отъ коры и грубо обстругивается ножомъ, но бываетъ, что кора оставляется и только спереди обнажается средняя часть (таб. I, рис. 1). Технические приемы работы самыя примитивныя. Орудіе—простой, короткій ножъ, нѣсколько выгнутый въ лезвіи (кривой), которымъ работающій быстро ведетъ по деревяшкѣ по направленію къ себѣ, придерживая одинъ конецъ рукой, а другимъ упирая въ грудь.

Всматриваясь въ палочку-инау, легко замѣтить, что она представляетъ примитивно выраженную человѣческую фигуру. Верхняя часть всегда отдѣлана въ видѣ головки. На средней части обыкновенно имѣются зарубки, расположенныя всегда въ известномъ порядкѣ и въ опредѣленномъ количествѣ, смотря по виду и назначенію инау: такъ, на фигурахъ 3 и 4, таб. I по три зарубки, одна нѣсколько выше средней выструганной части, другія двѣ всегда ниже этой послѣдней; на фиг. 2, таб. I четыре зарубки въ рядъ; на другихъ ихъ бываетъ по 7 и болѣе. У нѣкоторыхъ остаются съ обѣихъ сторонъ симметрично расположенныя сучки въ видѣ рукъ, которыя чаще всего сгибаются въ кругъ (инау огню, солнцу, фиг. 3, таб. I). И, дѣйствительно, сами айну различаютъ въ инау части тѣла: голову, макушку, шею, волосы; далѣе, брови,

глаза, ротъ, губы, или только ротъ, пупокъ и половой органъ (всѣ послѣдніе — въ видѣ зарубокъ); наконецъ, руки и ноги (нижняя часть).

На нѣкоторыхъ (такъ называемыхъ нинькари) инау (рис. 3, таб. I) мы находимъ даже сережки (нинькари) изъ стружекъ: это означаетъ, что фигура — женская. На рис. 1, таб. II мы видимъ двѣ фигуры на одномъ сучкѣ, одну съ сережками, женскую, другую безъ таковыхъ, мужскую...

Но инау-деревяшки только одна изъ формъ: всѣ *наружныя* инау, такъ называемыя сойта инау, т. е. ставимыя внѣ дома, обыкновенно бываютъ въ видѣ высокихъ *шестовъ* и даже цѣлыхъ *деревьевъ*, то оголенныхъ отъ коры, то въ корѣ, но съ вырѣзами, и всегда заструженные или обвязанныя кудряшками.

Часто они представляютъ довольно сложныя фигуры. Такъ, напр. чуф-камуи инау (инау хозяину солнца) — представляетъ цѣльную елочку въ корѣ съ руками, согнутыми въ кругъ (символъ солнца) посерединѣ, 3-ми обычными горизонтальными надрѣзами въ средней части (ротъ, пупокъ, половой органъ), 2-мя парами косыхъ надрѣзовъ по обѣимъ сторонамъ рукъ, 7-ю спиральными вырѣзами въ корѣ вдоль ствола, и наставной заструженной головкой съ семью плетеными косичками на кронѣ (ср. фиг. 3, таб. I, являющуюся упрощеннымъ типомъ этого инау для домашнего очага).

Палочки-инау часто простыя миниатюры этихъ круныхъ инау-деревьевъ, которыя, благодаря своимъ размѣрамъ и непортативности, не вездѣ съ одинаковымъ удобствомъ могутъ найти себѣ примѣненіе.

Далѣе, инау дѣлаются либо одиночныя, либо групповыя. Послѣднія называются *нуса* (японск. терм.) или *инаучина* и, смотря по назначенію, состояются изъ того или другого количества фигуръ, то мужа и жены, то цѣлой семьи, то хозяина съ помощниками. Цѣлый лѣсъ изъ подобныхъ инау-чина устривается въ видѣ полукружія на аренѣ медвѣжьяго праздника. Но перечисленными формами не ограничиваются виды инау.

Названіе инау примѣняется не только къ фигурнымъ палочкамъ, шестамъ и деревьямъ, извѣстнымъ образомъ заструженнымъ, но и къ самимъ стружкамъ (если онѣ и безъ черенка и не представляютъ никакой фигуры) и даже къ издѣліямъ изъ стружекъ, если только онѣ имѣютъ отношеніе къ культу. Такъ, инау называются стружки, которымъ повязываютъ голову во время торжественныхъ пиршествъ; то же названіе носятъ плетенныя изъ стру-

жекъ украшенія, надѣваемыя на голову медвѣдя во время праздника (рис. 2, таб. II); далѣе, цѣлый рядъ всевозможныхъ видовъ стружечныхъ лѣчебныхъ налобниковъ и повязокъ (рис. 5 и 6, таб. II). Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ сдѣланы сплошь изъ обыкновенныхъ матерій, но обшиты шнурками, сплетенными изъ тонкихъ настружинъ, и потому тоже носятъ эпитетъ инау.

Изъ этого достаточно явствуетъ, что *стружки*—самый существенный признакъ инау, и это необходимо особенно запомнить для уясненія смысла этой своеобразной принадлежности культа.

Инау играютъ огромную роль въ жизни айну. Вся его обстановка, все его окружающее, вся его дѣятельность заполнена инау.

Зайдите въ его домъ: въ очагѣ водружено *унти инау*—И. «хозяйкѣ» огня (рис. 3, таб. I), въ углу—махровое *тисе камуѣ инау*—инау «хозяйну» дома, родоначальнику; оградѣ очага посвящено особое *инумпа-инау*; у дверей—*ана сят ун инау*; надъ нарами, то тутъ, то тамъ—цѣлебныя инау. Снаружи дома, съ восточной стороны высатся цѣлыя *нуса* изъ высокихъ шестовъ и деревьевъ, передъ которыми домохозяйинъ ежедневно провозноситъ свои долгія молитвы. А далѣе, куда ни повернешься, на горѣ, на берегу моря, рѣчкѣ, въ лѣсу, на дорогахъ, перевалахъ, на кладбищахъ и т. д.—всюду самыхъ различныхъ формъ большія инау, то хозяйну горы (рис. 2, таб. I), то солнца (рис. 3, таб. I), то моря, то рѣчкѣ, то предку, то киту, выдрѣ, медвѣдю, тюленю и т. д.

Это все инау *постоянныя*, которыя ставятся регулярно въ определенное время и въ определенномъ мѣстѣ. Ихъ периодически, разъ въ годъ или еще чаще, обновляютъ, а старыя бережно складываются въ особые амбары.

Но еще болѣе многочисленны инау, которыя дѣлаются по тому или другому случаю. Послѣ каждой удачной охоты, напр., дѣлаются инау тому или другому божеству, а кромѣ того головы убитыхъ звѣрей или ихъ деревянные изображенія (рис. 4, таб. II) украшаются инау. Заболѣлъ человекъ, выздоровѣлъ, отправился въ путешествіе, вернулся и т. д.—каждый разъ новое инау. Систематизированный каталогъ инау составилъ бы цѣлый трактатъ. Достаточно для иллюстраціи упомянуть нѣсколько названій инау на удачу, вродѣ *сурукку инау* (инау яду стрѣль), *цукасъ саба инау* (птичьихъ головъ И.), *серемах манка тусу инау* (И. прадѣду, могучему шаману), *ци ретте инау* (И. эрекции), *инау рекутумбѣ* (И.—цѣлебное ожерелье); *ну ван кусу ан пиннэ инау* (мужское И. противъ крика отъ боли) и т. п., чтобы представить себѣ все разнообразіе

ихъ примѣненія. Безъ преувеличенія можно сказать, что значительная часть жизни айну уходитъ на изготовленіе инау, и требуется пройти весь долгій путь годовъ, чтобы къ концу только достичь полнаго знанія этой таинственной науки. За то айну поражаютъ изумительнымъ искусствомъ въ изготовленіи инау.

Не успѣлъ человѣкъ ваяться за свой кривой ножикъ, какъ уже изъ подъ маленькаго клинка вылетаютъ цѣлыми босмами самыя замысловатыя кудряшки, то тонкихъ и нѣжныхъ, какъ пухъ, то длинныхъ и грубыхъ, какъ звѣриная шерсть; еще нѣсколько движеній, и готова сложная фигура. Конечно, большія инау-деревья съ ихъ спиральными выкройками, наставными головками и т. д. (см. выше) требуютъ болѣе продолжительнаго времени, и можно себѣ представить, сколько труда затрачивается для изготовленія цѣлаго лѣса инау для медвѣжьяго праздника!..

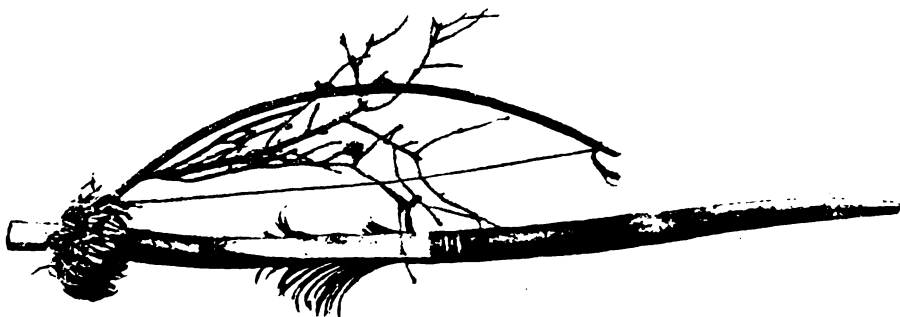
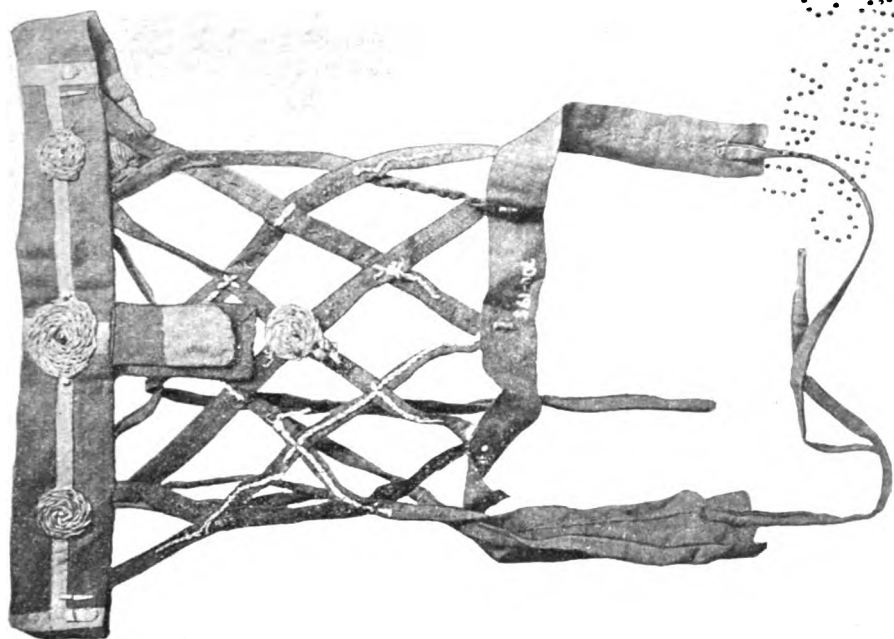
Этотъ своеобразный культъ отъ айновъ распространился по сосѣднимъ народамъ Приамурскаго края—гилякамъ, орокамъ, гольдамъ, орочамъ, но нигдѣ болѣе, насколько намъ извѣстно, онъ не констатированъ. У камчадаловъ, по описанію Крашенинникова, встрѣчается аналогичное явленіе; роль стружекъ здѣсь играютъ волокна травы, осоки. «Расчесанной травой,—разсказываетъ намъ Несторъ русской этнографіи, — болвановъ своихъ обвязываютъ вмѣсто ошейниковъ, и вѣнкомъ головы свои обвязываютъ въ праздники. Когда убьютъ звѣря или приносятъ въ жертву, то за мясо звѣрью даютъ травяной вѣнокъ. То же дѣлывали надъ головами всѣхъ неприятелей: накладывали на нихъ травяные вѣнки и, поворожа, втыкали головы на колья. Сія трава у камчадаловъ называется егей и ііитъ» *). Очевидно, этотъ обычай мало имѣетъ общаго съ инау, во 1-хъ потому, что въ немъ отсутствуетъ самое существенное—элементъ стружекъ, во 2-хъ, у айну никакихъ идоловъ не имѣется, и инау, въ противоположность травѣ у камчадаловъ, служатъ самостоятельнымъ объектомъ культа.

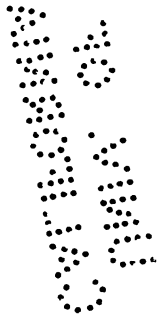
III.

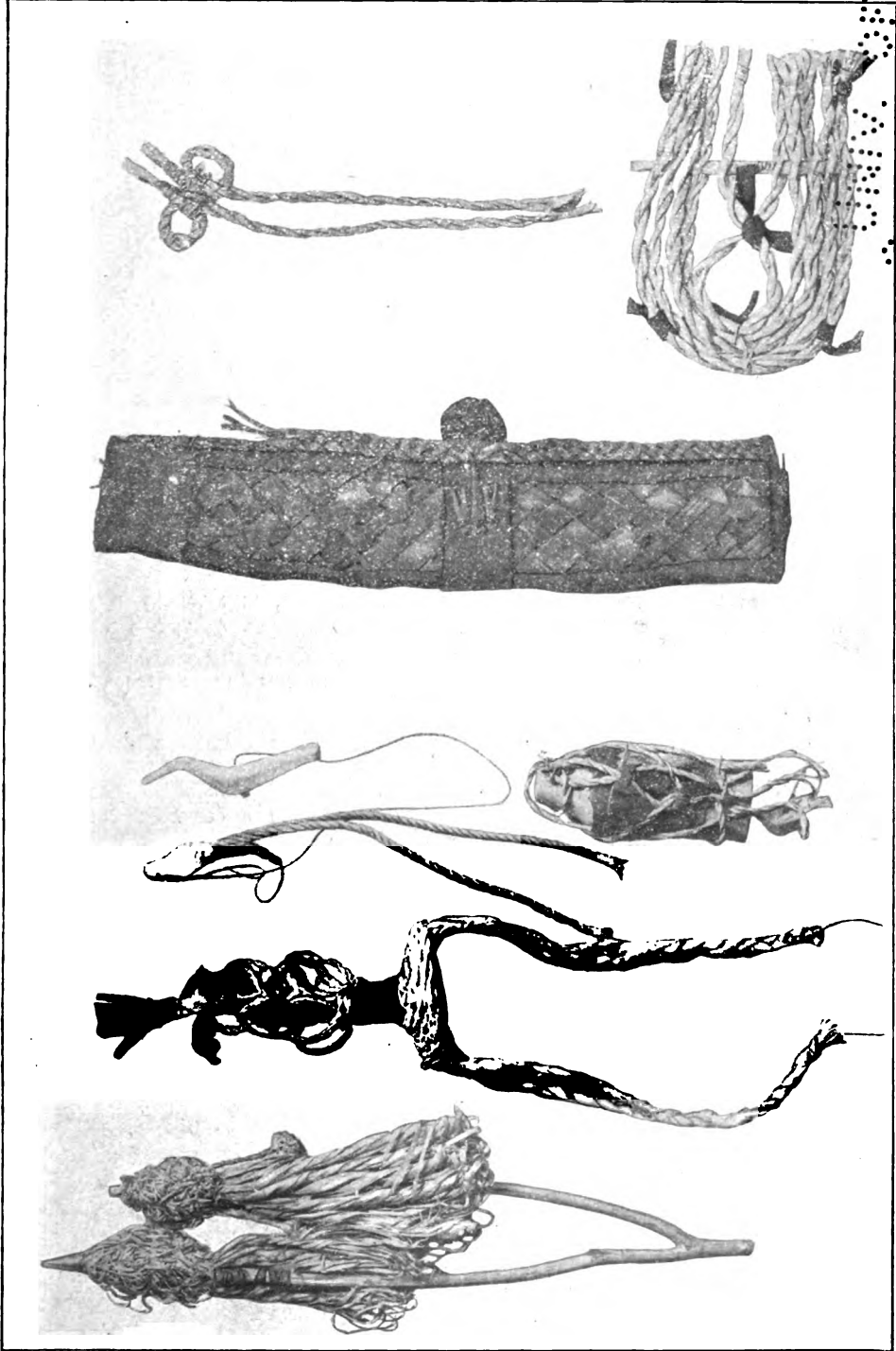
Неудивительно, что своеобразный культъ инау привлекалъ особенное вниманіе этнографовъ, и въ попыткахъ объясненія его нѣтъ недостатка, но попытки эти до сихъ поръ не привели къ общему рѣшенію. Предстоитъ выяснитъ два вопроса: каково назначе-

*) Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. 2 изд., стр. 331—332.

Таблица I.

1.

2.

3.

4.

7.

Таблица I.

- 1) *Инау* (безъ надрѣзокъ), ставится въ углу юрты (предку).
- 2) *Инау* (съ 4-мя надрѣзками)—хозяйну горь и лѣсовъ.
- 3) *Инау* (съ 3-мя надрѣзками и сережками)—хозяйну солнца и хозяйкѣ очага.
- 4) Цѣлебное *инау* (съ 3-мя надрѣзками) съ лучкомъ-амулетомъ.
- 5) Цѣлебный передникъ на животъ съ нашивками изъ плетеныхъ *стружекъ*, въ видѣ магическихъ кружковъ и шнуровъ.

Таблица II.

- 1) Модель *инау*, укрѣпляемаго на верхушкѣ дерева, къ которому привязывается медвѣдь, убиваемый на праздникъ. Состоитъ изъ двухъ фигуръ—мужской и женской (съ сережками).
 - 2) *Инау* — наголовникъ (модель) на убиваемаго медвѣдя, плетеный изъ стружекъ.
 - 3) Цѣлебное *инау* съ привязаннымъ къ нему дсревяннымъ изображеніемъ кукушки.
 - 4) Изображеніе медвѣдя, повязанное плетеными стружками.
 - 5) Цѣлебная налобная повязка изъ луба съ амулетами и обшивкой изъ плетеныхъ *стружекъ*.
 - 6) Цѣлебное *инау* — ожерелье.
 - 7) *Инау*—паушникъ медвѣдю на праздникъ.
-

ніе инау и откуда ихъ своеобразная форма. Одни отвѣчаютъ на оба вопроса, другіе только на первый. Извѣстный миссіонеръ Vatchelor, прожившій среди айну на о. Есо нѣсколько лѣтъ, не вдаваясь въ вопросъ о происхожденіи инау, признаетъ ихъ то «mere offerings» — просто *жертвой*, то «genuine fetiches» — настоящими *фетишами*. Г-жа Bird, долго путешествовавшая среди айну, считаетъ инау — *домашними* божествами. Это объясненіе вполне подходитъ къ такимъ видамъ, какъ *унти инау* — И. хозяйки огня, *тисе-камуи инау* — И. хозяина дома, инау на могилахъ предковъ и т. п., но уже совершенно непримѣнимо къ многочисленнымъ видамъ, ничего общаго съ домою и домашними неимѣющими, какъ упомянутыя нами инау птичьимъ головамъ, яду, отъ криковъ при боли, цѣлебнымъ повязкамъ и т. п. Кромѣ того, г-жа Bird не даетъ никакого объясненія самому генезису этого страннаго объекта культа.

Совершенно своеобразное мнѣніе высказываетъ русскій наблюдатель, д-ръ Добротворскій, жившій среди айну на Сахалинѣ въ 70-хъ годахъ и составившій словарь ихъ языка. Онъ увѣряетъ, что инау ни что иное, какъ *фигурки, замѣняющія человеческія жертвоприношенія*, которыя, по словамъ самихъ айну, будто-бы нѣкогда практиковались и даже до сихъ поръ практикуются кое-гдѣ у ихъ соплеменниковъ. По его мнѣнію, «зарубки — выраженіе раздражванія живота, коротенькія застружки, идущія отъ зарубокъ вверхъ и внизъ, выражаютъ отвороченныя вверхъ и внизъ мягкія части передней стѣнки живота... Судя по этимъ частямъ *инау, безъ сомнѣнія — остатки человеческихъ жертвоприношеній*» *). Эта гипотеза совершенно противорѣчитъ дѣйствительнымъ фактамъ. Прежде всего нужно замѣтить, что на цѣломъ рядѣ инау вовсе не имѣется никакихъ зарубокъ, напр. на рис. 1, таб. II. Далѣе, цѣлый рядъ инау состоитъ изъ однѣхъ стружекъ безъ всякаго намека на человеческую фигуру. На многихъ, имѣющихъ зарубки, какъ на фиг. 2, 3 и 4, таб. I, зарубки, по свидѣтельству айну, означаютъ части лица: брови, глаза, ротъ, носъ. Но если даже взять такія фигуры, какъ № 3 и 4, таб. I, гдѣ средняя обнаженная отъ коры часть могла бы быть истолкована, какъ животъ, то зарубки какъ разъ приходятся выше и ниже этой части и уже во всякомъ случаѣ не могутъ служить выраженіемъ вскрытія живота: въ дѣйствительности же на этихъ фигурахъ верхняя

*) М. М. Добротворскій. Айно-русскій словарь. Казань, 1875 г. Приложенія, стр. 65, также введеніе, стр. 42.

зарубка означает ротъ, нижнія двѣ — пупокъ и половой органъ; на нѣкоторыхъ инау средняя гладкая часть опредѣляется айнами даже, какъ лицо. Такимъ образомъ, гипотеза Добротворскаго падаетъ сама собою. Недоумѣніе можетъ вызвать только слѣдующее. Въ его словарѣ находимъ слово ээорнтохпа, которое онъ переводитъ — «принести въ жертву инау (*букв. изрѣзать живота*)». Если бы можно было быть увѣреннымъ, что слова, стоящія въ скобкахъ (*изрѣзать живота*), не есть чисто гипотетическое дополненіе составителя словаря, за что говорить уже то, что этимъ аргументомъ самъ авторъ не счелъ нужнымъ воспользоваться для подкрѣпленія своей гипотезы, то это было бы доводомъ, надъ которымъ стоило призадуматься. Но ни факты, которые мы привели выше, ни филологическія соображенія (какъ это мы увидимъ ниже) его не подтверждаютъ, и мы склонны думать, что, если бы словарь Добротворскаго былъ изданъ имъ лично при жизни, то указанное мнимо-буквальное толкованіе было-бы имъ выпущено. Что касается роли *заструженимыахъ* частей, то Добротворскій ихъ считаетъ то волосами, то отвороченными частями передней стѣнки живота. Относительно перваго толкованія, нужно сказать, что, дѣйствительно, *нѣкоторыя* застружины играютъ роль волосъ (инау-саба-ру — волосы головы инау), фактъ, какъ мы увидимъ, вполнѣ *вторичнаго* порядка, а второе падаетъ вмѣстѣ съ самой гипотезой объ инау, какъ о пережиткѣ вскрыванія живота. И во всякомъ случаѣ противъ обомъ толкованій приходится повторить уже ранѣе поставленный нами вопросъ: какъ примѣнить эти объясненія къ инау, не представляющимъ никакой фигуры, кромѣ стружекъ или плетенія изъ нихъ?.. Наконецъ, въ заключеніе, по поводу гипотезы г. Добротворскаго, должно сказать, что нигдѣ случаи человѣческихъ жертвоприношеній не были констатированы среди айну, и многіе изъ нихъ, при разспросахъ съ моей стороны объ этомъ, высмѣивали самое предположеніе о возможности такихъ фактовъ. Прибавимъ еще, что зарубки имѣются на идолахъ у самыхъ различныхъ народовъ (ср. хоть таковыя у самоѣдовъ), и такимъ образомъ, по теоріи Добротворскаго, пришлось бы всѣ идолы признавать остатками человѣческихъ жертвоприношеній.

Гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія соображенія по этому вопросу W. G. Aston'a *), выводящаго инау изъ японскаго культа шинто и сближающаго ихъ съ такъ назыв. gohei (жертвенныя палочки, увѣ-

*) W. G. Aston. The japanese gohei and the ainu inao, By W. G. Aston. Journal of the Antrop. Inst. of Gr. Br. and Ir. v. XXXI, 1901.

шанные полосками цвѣтной бумаги). Въ древнѣйшее время — аргументируетъ этотъ изслѣдователь — среди обычныхъ жертвоприношеній шинтоистскаго культа особенно употребительны были ткани, пряжа, волокна текстильныхъ растений. Впослѣдствіи эти реальныя жертвы, носившія названіе *нуса*, приняли чисто фиктивную форму, замѣнившись палочками съ навѣшанными на нихъ полосками ткани или волокнами растений, а еще позже, когда вошелъ въ употребленіе хлопокъ, то и вовсе были замѣнены полосками бумаги. Вотъ эти-то палочки, увѣшанныя полосками бумажекъ и называемыя *гоhei*, по мнѣнію Астона, являются прототипами аинскихъ *инау*. Въ дальнѣйшей своей эволюціи *гоhei* (а за ними и инау) изъ объектовъ жертвоприношеній стали самостоятельными предметами поклоненія, превратившись въ чудодѣйственныя магическія существа и даже въ вмѣстилища духовъ-божествъ...

Какъ ни кажется соблазнительнымъ принятіе этой гипотезы, тѣмъ болѣе, что по формѣ своей *гоhei*, дѣйствительно, представляютъ нѣкоторое сходство съ инау и къ тому еще древнѣйшія формы *гоhei* носить названіе *нуса* *), тождественное съ аинскимъ названіемъ для группы инау (см. выше), но основанія, приводимыя авторомъ для подтвержденія своей гипотезы, весьма мало доказательны. Въ самомъ дѣлѣ, если инау не болѣе какъ японскіе *nusa* и *гоhei*, то одно изъ двухъ: либо айны, какъ и японцы, должны были тоже перейти отъ тканей и волоконъ къ *бумажкамъ*, либо — если бумажки были для нихъ почему либо недоступны — остаться при старой формѣ *nusa* (т. е. тканей или волоконъ пряжи), что было бы тѣмъ болѣе естественно, что айну знакомы съ ткацкимъ искусствомъ, и текстильный матеріалъ, въ видѣ крапивы и луба вяза, у нихъ всегда подъ руками. Мы имѣли бы тогда вмѣсто нынѣшнихъ инау — палочки съ лоскутками матерій, какъ на жертвенныхъ деревьяхъ у самоѣдовъ, или съ волокнами растений, какъ у камчадаловъ на ихъ идолахъ, увѣшанныхъ осокой, но уже никоимъ образомъ не *заструженныя* палочки.

Болѣе интереса представляютъ соображенія того же автора, ссылающагося при этомъ на 2-хъ писателей начала и конца XVIII стол., что среди обрядовыхъ предметовъ шинтоистскаго культа были такъ называемыя *kedzuri-kahe* — *полузаструженныя* палочки. Одно сохранившееся изображеніе такой палочки, дѣйствительно,

*) Въ дѣйствительности, айну имѣютъ собственный синонимъ для *nusa*: *inao chiru* и, наоборотъ, японцы сами именуютъ аинскіе *nusa* терминомъ: *inao no rui* (ср. соотв. слова у Batchelor, An Ainu-english-japanese dictionary).

очень близко напоминает инау. Но этотъ фактъ говоритъ скорѣе противъ гипотезы—gohei-инау. И вотъ почему: упомянутыя kedzuri-kaке, какъ сообщаетъ самъ авторъ, употреблялись, между прочимъ, для зажиганія ихъ отъ священнаго огня храма и перенесенія ихъ молящимися въ зажженномъ видѣ домой для разведенія новогодняго огня на домашнемъ очагѣ. Для такой цѣли—а обрядъ этотъ безъ сомнѣнія очень старый—древнія нуса изъ тканей и пряжи совершенно не годились. Если это такъ, то заструженные палочки шинтоистскаго культа должны быть *первичнаго* происхожденія, и по этому ничего общаго съ gohei не имѣютъ, и самое изобрѣтеніе ихъ мы имѣемъ столько же основанія приписать айнамъ, какъ и японцамъ, и даже болѣе основанія въ пользу первыхъ, у которыхъ культъ заструженныхъ палочекъ получилъ широчайшее развитіе, а въ шинто мы знаемъ только 1—2 совершенно изолированныхъ случая.

Теперь мнѣ остается подѣлиться личными соображеніями и наблюденіями о значеніи инау и ихъ происхожденіи.

IV.

Прежде всего мнѣ важно было выяснить, какъ смотрятъ сами айну на свои инау. Это я всячески старался дѣлать во время своихъ путешествій среди сахалинскихъ айну. Нужно имъ отдать справедливость, они формулируютъ свои воззрѣнія съ ясностью и опредѣленностью, не оставляющей ожидать ничего лучшаго. Среди сахалинскихъ айну въ началѣ 90-хъ годовъ пользовался величайшимъ авторитетомъ престарѣлый старшина с. Мауко, Нисендусъ. Это былъ, дѣйствительно, очень почтенный и многоопытный старецъ, настоящій патриархъ, о которомъ его соплеменники говорили, что онъ «все равно» «камуй» (богъ). Посѣтивъ его резиденцію, чтобы провѣрить свои прежніе разспросы и наблюденія, я навѣстилъ и его. Какъ разъ во время моего прихода онъ устанавливалъ новое унти-камуй инау на своемъ очагѣ. «Объясните мнѣ, спросилъ я его,—зачѣмъ вы дѣлаете эти инау, что они такое?» — «Это, отвѣтилъ старикъ: <икой-итѣку айну *)> (посредникъ, посоль, ораторъ). Айну ему говорить, что нужно, а онъ <камую> перескажетъ. Одинъ къ хозяину огня ходитъ, другой—къ горному, еще другой къ морскому хозяину ходитъ, а они всѣ айну помогаютъ». — А какъ же палочка говорить можетъ?—Не палочка, а душа ея

*) Икойтаку-айну—букв. толкующій человѣкъ, посоль, ораторъ—терминъ, спеціально примѣняемый къ выдающимся по краснорѣчію индивидамъ, служащимъ послами и посредниками въ дѣлахъ мести, войны и мира.

ходить и пересказывает все «камую». Какъ-же, вѣдь дерево тоже имѣеть душу!».. Любопытно, какъ родственны между собою психологии необразованныхъ людей безъ различія національностей и культуры. Случайно присутствовавшій въ юртѣ русскій крестьянинъ, мѣстный старожиль, не удержался отъ вмѣшательства въ разговоръ и сказалъ: «Они (т. е. айну) тоже черезъ святыхъ угодниковъ своему богу молятся; что у насъ иконы, то у нихъ инау!»... Нисендусъ формулировалъ только то, что мнѣ пришлось и до того наблюдать и слышать вездѣ среди айну, а еще раньше среди гиликовъ. Инау, такимъ образомъ, не божество, и не жертва, а живой посредникъ между богами и человѣкомъ, «деревянный человѣкъ», который обладаетъ способностью передавать богамъ быстро и краснорѣчиво потребности человѣка.

Эпитетъ «камуй», которымъ такъ щедро надѣляетъ айну лютого звѣря, даже многихъ изъ своихъ единоплеменниковъ, никогда не примѣняется къ инау. Къ нимъ относятся, какъ къ вещамъ—табу, но отнюдь не какъ къ божествамъ. Передъ ними молятся—особенно усердно ежедневно передъ *нуса* за восточнымъ окномъ возносятъ свои долги молитвы старѣйшины дома,—но эти молитвы направляются по адресу не инау, а соответствующихъ божествъ. Передъ инау возливаютъ жертвенное саки, на нихъ иногда навѣшиваютъ разныя мелочи (доскутки матеріи, эфесы сабель, серьги и т. п.), но все это жертвы, которыя инау, или правильнѣе, души ихъ, должны отнести соответствующимъ богамъ.

Для понятія «жертва» имѣется особый терминъ «иноми», обозначающій всякія яства, напитки, табакъ, матеріи, цѣнности, подносимыя богамъ, но никоимъ образомъ не инау. Да и понятно, инау, какъ посредники, нужны человѣку, но не божествамъ. Что въ дальнѣйшей эволюціи инау могутъ представляться цѣнными объектами и для самихъ камуевъ, это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, но не въ этомъ ихъ основное значеніе.

Не смотря на свою скромную роль посредниковъ, инау въ глазахъ айну имѣютъ огромное значеніе, ибо безъ нихъ ни одна молитва не была-бы услышана, ни одна нужда не была бы удовлетворена, и жизнь была бы невозможна. *Inao sak gugu*—человѣкъ безъ инау—послѣдній человѣкъ (Бачлеръ).

Чтобы представить себѣ всю важность инау въ глазахъ айну, нужно видѣть, какое значеніе имъ придается въ моменты грозной опасности. Много разъ намъ приходилось плавать съ айну на ихъ утлыхъ долбежкахъ по бурному Охотскому морю, и не разъ гроз-

ныя волны суроваго моря готовы были потопить насъ въ бушующей пучинѣ. Но никогда наши спутники, даже въ самые критическіе моменты, не теряли присутствія духа. Почувявъ опасность, айну-рулевой доставалъ заранѣе припасенную палочку и начиналъ ее быстро заструживать, и когда фигура была готова, онъ бросалъ ее въ волны съ наказомъ: «иди къ хозяину моря и скажи, чтобы онъ хорошенько посмотрѣлъ: хорошо-ли будетъ, если мы и этотъ русскій господинъ погибнемъ, и камуи смотрѣть не будетъ?» И мои спутники съ полнымъ правомъ могли потомъ вспоминать, какъ ихъ самихъ и ихъ русскаго спутника спасали краснорѣчивыя инау!

Итакъ, обычное инау — «*деревянный человекъ*», ораторъ, посолъ, душа котораго исполняетъ порученія къ богамъ. Представляетъ-ли подобная идея что либо исключительное въ этнографическомъ смыслѣ? Нисколько!..

У обскихъ остяковъ, удаленныхъ отъ айну на много тысячъ верстъ и никогда не вступавшихъ съ ними ни въ какія общенія, мы находимъ до поразительности тождественное воззрѣніе на посредническую роль дерева между божествами и человѣкомъ.

Еще недавно намъ сообщалъ въ засѣданіи Географическаго Общества г. Дувинъ-Гаркавичъ, какъ однажды при немъ остякъ, передъ тѣмъ, какъ отправиться на охоту, срубилъ верхушку дерева, облекъ ее въ тряпицы и бросилъ въ рѣку, въ качествѣ «ангела», идущаго съ порученіемъ къ хозяину воды *). Развѣ это не то же инау, только съ вѣтками и хвоею, вмѣсто стружекъ? Есть, впрочемъ, и у айну инау въ видѣ цѣльныхъ деревьевъ, въ которыхъ стружки вовсе не фигурируютъ.

Но такъ называемые «деревянные люди», героическіе исполнители самыхъ трудныхъ порученій своихъ повелителей, широко распространены въ эпосѣ (и, слѣд., повѣрьяхъ) самыхъ различныхъ народовъ. Какъ на очень характерный примѣръ, укажемъ на «деревянныхъ людей» въ извѣстномъ сборникѣ Simhasanavâtrimsikâ («Сборн. рассказовъ о 32 фигурахъ на престолѣ»), гдѣ они фигурируютъ даже на тронахъ царей, и въ различныхъ другихъ вариацияхъ индійскаго эпоса, въ которыхъ они являются авторами самыхъ чудесныхъ дѣяній. Изъ Индіи эти «деревянные люди» перекочевали къномадамъ Средней Азіи и совершенно самостоятельно фигурируютъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ Сибири. Въ эпосѣ гяляковъ они самые обычные дѣятели. Нѣтъ подвига, на который не были бы способны эти грубыя созданія рукъ человѣческихъ. Въ одной изъ записан-

*) См. St. Pet. Ztg. № 121, 1903 г. Отчетъ о засѣд. Георг. Общ.

ныхъ мною гяляцкихъ поэмъ одинокій герой, послѣдній изъ погибшаго на войнахъ рода, рѣшившись предпринять мѣсть по отношенію къ своимъ врагамъ, первымъ дѣломъ срубилъ лиственницу, нарѣзаль нѣсколько чурокъ, обтесаль ихъ и сказалъ: «эй вы, деревянные люди, на войну ступайте!» И каждому распредѣлил районъ дѣйствій. Черезъ нѣкоторое время воинственные послы явились съ докладомъ объ успѣшно исполненномъ порученіи. Герой имъ даже не сказалъ спасибо: и неудивительно, иногда онъ ихъ просто навываетъ *рабами*. Что они имѣютъ душу, это нисколько не повышаетъ ихъ достоинства: все имѣетъ душу—и камень, и дерево, и котель, и старый черепокъ. Это не мѣшаетъ гялякамъ, какъ и айну, относиться и къ дереву съ поклоненіемъ. Съ какой наивной вѣрой айну относится къ живой природѣ дерева, хорошо иллюстрируетъ тотъ сообщенный нами выше фактъ, что, срубивъ дерево, онъ благоговѣнно втыкаетъ душу-творящее инау, благодаря которому душа дерева снова должна возродиться. Насколько онъ антропоморфируетъ дерево, достаточно вспомнить, что самое свое происхожденіе онъ производитъ отъ дерева (елки). Для айну всякое дерево есть таки настоящій человекъ: видимое дерево только оболочка, жилище этого таинственного человека. Какъ и люди, деревья живутъ родами и имѣютъ хозяина—нубури камуй (горный хозяинъ). Къ отдѣльнымъ деревьямъ, почему-либо особенно импонирующимъ ему, либо необыкновеннымъ видомъ своимъ, либо возрастомъ, либо размѣрами, айну относится даже, какъ къ божеству, одаривая ихъ жертвами (лоскутками матеріи, стрѣлами и т. п.). При такомъ отношеніи къ дереву, психологія, создавая «деревяннаго человека» для порученій къ богамъ, представляется какъ нельзя болѣе естественной.

Остается теперь выяснитъ, какую роль играютъ *стружки* въ инау?

Почему именно «заструженность» является ихъ обязательнымъ элементомъ?

Отвѣтъ, я полагаю, лежитъ въ тѣхъ представленіяхъ, которыя у айну ассоціируются во время процесса струженія. Ему часто приходится застругивать деревяшки, иногда по нѣсколько разъ въ день, всякій разъ, когда ему необходимо развести огонь на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, на вѣтру, которые такъ обычны на его суровой родинѣ. Его, анимиста, вѣрющаго въ одушевленность и даже человеконподобность дерева, сокъ котораго онъ считаетъ кровью, вѣтки — руками, шопоть листьевъ — рѣчью, его не

могутъ не поражать своей таинственной многозначительностью тѣ длинные, причудливо извивающіеся остроконечные языки дерева, которые съ такой быстротой вылетаютъ изъ подъ его кривого ножа, съ тѣмъ, чтобы съ такой же быстротой, какъ живыя, снова свернуться въ затѣйливыя кудряшки! Всякій, знакомый съ психикой анимиста, легко пойметъ, къ какимъ выводамъ приходится первобытный человѣкъ въ такихъ случаяхъ. Эти подобія языка не просто подобія, а *настоящіе языки*, способные говорить, убѣждать. Что они могущественны, видно ему изъ того, какъ быстро рождается изъ нихъ священное пламя огня. Какъ могущественна же должна быть ихъ рѣчь, когда они заговаряютъ своими сонмами языковъ! У человѣка только одинъ—единственный языкъ, и то какъ властно дѣйствуетъ его краснорѣчіе! И, далѣе, ассоціируя эти языки съ *огнемъ*, который, благодаря своему *многоязычю* (см. ниже), не только у айну и гиляковъ, но и у индо-европейскихъ народовъ (ср. роль агни въ Ригъ-ведахъ), является посредникомъ между людьми и божествами, какъ легко было дойти до идеи, что заструженная многоязычная палочка—наилучшій, вездѣ и всякому доступный ораторъ-посредникъ между человѣкомъ и богами! Какой человѣкъ, даже самый краснорѣчивый, можетъ сравниться съ этой маленькой палочкой, обладающей сотнями языковъ! И айну, какъ мы видѣли, именно такъ и смотреть, называя свое инау икойтаку айну (ораторомъ-человѣкомъ). Такъ его называетъ и гилякъ: хлай-нивухъ (синонимъ айнскаго термина, букв.: толкующій человѣкъ). Что кудряшки на инау именно *языки* оратора и что въ послѣднихъ именно заключается и весь смыслъ инау, подтверждаетъ, позволяю себѣ думать, и самая этимологія слова инау. Начальное *и* въ этомъ словѣ—обычная въ айнскомъ языкѣ плеонастическая частица, (напр. *іномі* = *номі*—жертва), такъ что коренное слово собственно—*нау*, а это послѣднее образовалось изъ *ні* (дерево) + *ау* (языкъ), такъ что *инау* означаетъ: *языкъ дерева*, что какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ представленіемъ айну объ инау, какъ объ ораторѣ, и съ нашей гипотезой, что стружки являются языками этого оратора.

Эта своеобразная идея *языковъ* дерева—оратора опять таки не представляетъ ничего исключительнаго въ сравнительной этнографіи. Совершенно тождественныя идеи въ самыхъ различныхъ мѣстахъ земли и у самыхъ различныхъ народовъ существуютъ, на примѣръ, по отношенію къ *огню* въ связи съ шумнымъ *многоязычьемъ* его пламени. Возьмемъ хотя бы представленія объ агни (богъ огня) въ Ведахъ. «Богъ Агни (*Agni—h*), т. е., богъ огня (именно

не огонь, но его «душа»: «богъ» — то, что живетъ въ огнѣ человеческой жизнью) — является *посредникомъ* между людьми и остальными богами; онъ заступникъ, *посланникъ, герольдъ, жрецъ*. Его питаютъ молокомъ, масломъ, хмельными напитками. Онъ *рычитъ*, какъ быкъ. Своими языками онъ окружаетъ жертву, онъ лижетъ ее. *Своими огненными языками онъ призываетъ боговъ. Нужно его питать, чтобы у него было болѣе языковъ и сильнѣе голосъ и чтобы черезъ это онъ былъ болѣе красноречивъ.* Онъ производитъ шумъ и черезъ это обращаетъ вниманіе другихъ боговъ на совершающееся во время жертвоприношенія. Онъ специальный богъ жертвоприношеній. На алтарѣ жертвоприношенія подымаются и идутъ къ небесамъ огненные *языки*, съ которыми вмѣстѣ уносятся и молитвы благочестивыхъ жертвователей, жрецовъ и праведниковъ *)». И таковы воззрѣнія самыхъ различныхъ народовъ на многоязычїе огня и его ораторскія функціи.

О черемисахъ, напр., сообщаетъ намъ С. К. Кузнецовъ, что остатки жертвъ отдаются «длинноязычному огню, который вплоть до самаго Чумбулата (самому высокому богу) *говорить* можетъ»!.. Этихъ примѣровъ, намъ думается, совершенно достаточно, чтобы нашу гипотезу объ инау внести въ общій кругъ первобытнаго анимистическаго и религіознаго творчества. Но она входитъ еще болѣе тѣсно въ особый кругъ анимистическихъ представленій, въ основѣ которыхъ лежитъ идея *одушевленія и обоготворенія отдѣльныхъ органовъ тѣла*. Какъ это недавно стало все болѣе и болѣе выясняться, на ряду съ вѣрой въ существованіе душъ — дубликатовъ *всего* тѣла, первобытный человѣкъ полагаетъ, что и каждый отдѣльный органъ тѣла имѣетъ свою самостоятельную душу, благодаря которой органъ функционируетъ совершенно независимо отъ *общей* души. Первобытный опытъ доставляетъ ему множество убѣдительныхъ доказательствъ этому. Развѣ не очевидно, что, когда у человѣка отнимается нога, въ то время, какъ весь остальной организмъ продолжаетъ функционировать правильно, то это значитъ, что у отнявшейся ноги существовала своя самостоятельная душа, съ уходомъ которой она перестала дѣйствовать? Развѣ не то же самое происходитъ, когда у человѣка, по виду совершенно здороваго, нормальные на видъ глаза перестаютъ различать предметы, или мягкій, красный и гибкій языкъ вдругъ перестаетъ произносить звуки? Развѣ совершенно здоровый чело-

*) Эта мастерская характеристика Агни принадлежитъ извѣстному лингвисту проф. Водузнъ де Куртене, любезно сдѣлавшему ее, по моей просьбѣ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 7/II 1905 г.

вѣкъ не лишается разсудка и развѣ это не доказываетъ, что *партикулярная душа головы* отошла, въ то время какъ *общая* душа и души остальныхъ органовъ продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ? Развѣ зубы, ногти, волосы не растутъ и не выпадаютъ совершенно самостоятельно отъ общей души организма и, слѣдовательно, имѣютъ, каждое, свои самостоятельныя души?

Во всѣхъ такихъ явленіяхъ первобытный человѣкъ видитъ одну причину — существованіе партикулярныхъ душъ отдѣльныхъ органовъ тѣла, которыя одушевляютъ ихъ не только въ періодъ связанности съ организмомъ, но даже въ раздѣльномъ отъ нихъ состояніи. Каждый отдѣльный органъ тѣла съ его партикулярной душой представляется ему настоящимъ живымъ индивидомъ, такимъ же разумнымъ, имѣющимъ волю и дѣйствующимъ, какъ и весь организмъ. Отсюда цѣлый рядъ ничѣмъ инымъ необъяснимыхъ явленій культа, какъ поклоненіе зубамъ, ногтямъ, волосамъ (легенда Самсона), перьямъ, костямъ и т. д., симпатическіе цѣлебные амулеты въ видѣ большихъ органовъ тѣла (носовъ, зубовъ, ногъ, рукъ), католическіе вотивы (серебряные носы, сердца, легкія, руки и т. д.), уврашающіе Лурдъ и тысячи другихъ святилищъ католическихъ странъ. Въ всѣхъ органахъ тѣла особенное изумленіе и обоготвореніе всегда вызывали два, а именно *фаллосъ*, этотъ могучій чудодѣй—творецъ жизни, и *языкъ*, какъ органъ слова и краснорѣчія. О возвращеніи на фаллосъ, какъ на живой *индивидъ*, могущій творить чудеса и совершенно самостоятельно отъ тѣла, равно какъ о генезисѣ этого удивительнаго возвращенія, я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ *). Что касается *языка*, то одухотвореніе и обоготвореніе его такъ же совершенно естественно. Никакая способность такъ не поражаетъ первобытнаго человѣка, какъ краснорѣчіе. Вѣра его въ убѣдительность краснорѣчія безгранична. Онъ не связываетъ рѣчи съ центрально-мозговой дѣятельностью. Языкъ — совершенно самостоятельное могучее существо, добровольно связавшее себя съ тѣломъ, но могучее и само по себѣ. То, что извлекаетъ изъ красной мякоти языка мудрость и краснорѣчіе, то не самъ языкъ (тѣло), а тотъ божественный духъ (душа), который въ немъ обитаетъ. По убѣжденію гиляковъ и айновъ, на кончикѣ языка пѣвца и рассказчика сидитъ особый благодѣтельный духъ, сила котораго такъ велика, что, когда онъ его покидаетъ, человѣкъ умираетъ. Духъ

*) См. ст. автора, «Фаллическій культъ», (Энциклопедія Брокгауза и Ефрона, т. XXXV, стр. 267).

языка—особое самостоятельное божественное существо. Но этотъ духъ присущъ не только языку человѣка, но и дерева. И если могучъ одинъ языкъ, то какова должна быть сила множества языковъ заструженного дерева! Та же логика, которая надѣлила боговъ брахманизма и буддизма множествомъ рукъ, головъ и т. д., внушаетъ ороческому шаману воздвигать на священныхъ деревьяхъ букеты гигантскихъ фаллосовъ.

Такимъ образомъ мы еще разъ, какъ и раньше въ вопросѣ о «деревянномъ человѣкѣ», приходимъ къ тому, что наши инау, не смотря на все своеобразіе своей формы, представляютъ явленіе, психологически совершенно совпадающее съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ же явленій анимистическаго цикла и у другихъ народовъ, и не нуждающееся въ такихъ исключительныхъ и вятянутыхъ объясненіяхъ, какъ упомянутыя нами гипотезы Добротворскаго, Астона и др.

Резюмируемъ: инау—заструженные деревья и деревяшки, въ видѣ человѣческихъ фигуръ, служащія заступниками за людей передъ божествами; сила ихъ—въ многочисленныхъ *языкахъ*—кудряшкахъ, въ необычайной степени увеличивающихъ убѣдительность ихъ рѣчей. Нынѣшнее разнообразіе ихъ формъ и назначенія—результатъ долгой эволюціи. Вначалѣ, вѣроятно, довольствовались пучкомъ стружекъ, держащихся на одномъ короткомъ стержнѣ, на подобіе заструживаемой для разведенія огня палки.

Съ теченіемъ времени стали оказывать больше вниманія самому стержню (тѣлу посредника), стали надѣлять его зарубками, головкой, руками, а стружки располагать, какъ дополненія къ фигурѣ, въ видѣ волосъ, косъ, растительности на тѣлѣ и т. д. Съ другой стороны получили самостоятельное развитіе и самое разнообразное примѣненіе *стружки сами по себѣ* отдѣльно безъ стержня. Это произошло подъ вліяніемъ эволюціи въ самомъ отношеніи къ инау.

Вначалѣ простые «языки» передъ богами, инау, въ силу важности ихъ роли, въ силу привычки относиться къ нимъ, какъ къ необходимому во всѣхъ случаяхъ предмету культа, приобрѣли *самостоятельное* значеніе святости и божественности. Имъ стали приписывать самостоятельную чудодѣйственную силу. Отсюда съ одной стороны стали смотрѣть на инау не только, какъ на заступниковъ передъ богами, но и какъ на предметы, угодные и полезные *самимъ богамъ*. Такъ, на медвѣжьемъ праздникѣ, заструженные деревья передъ ареной предназначаются частью самому медвѣдю, частью его матери, очевидно, какъ простые амулеты для этихъ божественныхъ

существовъ. Боги такъ же нуждаются въ нихъ, какъ и люди. Сосѣди айновъ, ороки, когда дѣлаютъ цѣлебное изображеніе тигро-человѣка. прикрѣпляютъ ему на груди такое же миниатюрное изображеніе, какъ его собственный амулетъ.

Съ другой стороны, инау стали обычными амулетами и для людей. Первое примѣненіе изъ нихъ стали дѣлать въ случаяхъ болѣзни. Больныя части тѣла, особенно голову, стали обвязывать стружками (стержень въ такихъ случаяхъ, мѣшалъ примѣненію). Эволюціонуя, этотъ способъ лѣченія создалъ цѣлую фармакологию изъ повязокъ, налобниковъ, поясовъ, въ которыхъ стружки фигурируютъ въ формѣ самыхъ разнообразныхъ плетеній (шнурковъ, кружечковъ и т. п.), въ соединеніи со всякими другими амулетами, въ родѣ бисеринъ, деревянныхъ изображеній разныхъ органовъ тѣла и т. д. (см. рис. 5, таб. I и 3, 5 и 6 таб. II). Для усиленія дѣйствія стали, кромѣ того стружечнымъ плетеніямъ придавать магическія формы круговъ (солнца) и т. п. цѣлесообразныхъ изображеній. Еще шагъ, и цѣлебныя повязки съ ихъ хитрыми плетеніями изъ стружекъ вошли въ повседневный кругъ одежды и украшеній.

Поучительно прослѣдить эту эволюцію на обрядностяхъ облаченія медвѣдя на праздниѣ.

Первоначально украшали убиваемаго медвѣдя просто стружками (рис. 7, таб. II), какъ необходимыми амулетами, точно также, какъ гилаки привязываютъ ему въ такихъ случаяхъ изображеніе самаго могучаго своего амулета, жабы. Еще и теперь головы убиваемыхъ тюленей, передъ тѣмъ, какъ бросать въ море, просто повязываютъ стружками. Но въ настоящее время скромныя стружки на головѣ медвѣдя превратились въ цѣлый комплексъ головныхъ украшеній, налобниковъ, наушниковъ, сережекъ и т. п., изящно сплетенныхъ изъ стружекъ.

Л. Штернбергъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

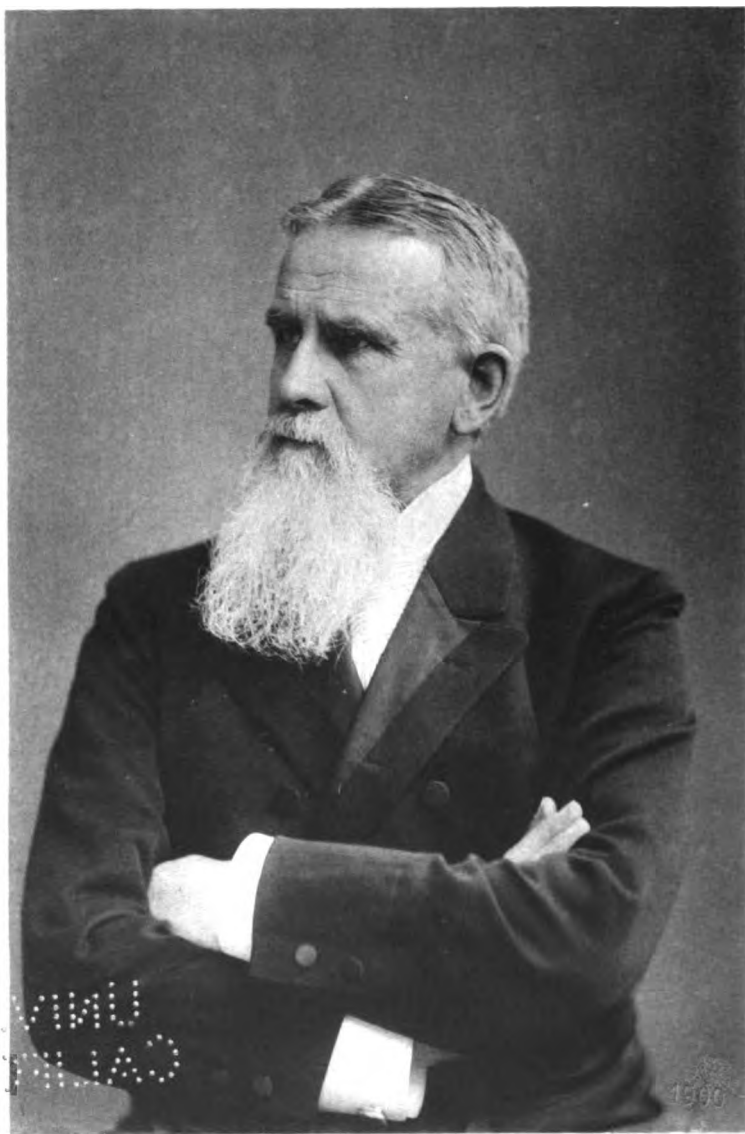

ФОТО АНТ. ТИХОНОВИЧЕВИЧ

Handwritten signature: Тихон

Фридрихъ Ратцель.

17 (30) августа 1844 г.—27 июля (10 августа) 1904 г.

(Съ портретомъ). *).

27 июля (10 августа) текущего года скончался отъ разрыва сердца въ Аммерландѣ на Штарнбергскомъ озерѣ почетный членъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, лейпцигскій профессоръ географіи, Фридрихъ Ратцель.

Родился Ратцель 30 августа (17 августа) 1844 г. въ Карлсруэ и происходилъ изъ семьи портье герцогскаго замка. Необезпеченность заставила его избрать тотчасъ же по окончаніи средней школы занятіе фармаціей. Онъ работалъ въ трехъ аптекахъ въ сосѣднихъ маленькихъ городкахъ. Сколотивъ себѣ небольшія средства, онъ добился возможности поступить на философскій факультетъ, сперва въ Гейдельбергѣ, затѣмъ въ Іенѣ и Берлинѣ. Въ Гейдельбергѣ онъ занялся специально зоологіей, которою продолжалъ заниматься въ Берлинѣ и Іенѣ, а затѣмъ у Шарля Мартина въ Монпелье и Сеттѣ. Его первая научная работа, докторская диссертация (1866) также относилась къ области зоологіи и носила названіе: «Къ вопросу анатоміи и систематики олигохетъ».

До своего вступленія въ число приватъ-доцентовъ Мюнхенскаго политехникума (на мѣсто умершаго тогда Гутэ) въ 1875 г. Ратцель совершилъ два крупныхъ путешествія и участвовалъ во франко-прусской войнѣ. Первое путешествіе онъ совершилъ въ качествѣ корреспондента «Kölnische Zeitung» по Зап. Европѣ (1866 г.) и далъ серію фельетоновъ въ названной газетѣ. Будучи раненъ на войнѣ, онъ лежалъ въ лазаретѣ, жизнь въ которомъ описана имъ въ «Grenzboten». Слѣдующій затѣмъ періодъ онъ занимался у Цитгеля

*) Даръ проф. Д. Н. Анучина Антропологическому Обществу.

въ Мюнхенѣ палеонтологіей и написалъ двѣ работы: «Sein und Werden der Organischen Welt» и «Vorgeschichte des europäischen Menschen». Побуждаемый снова матеріальной нуждой, онъ въ 1872 г. совершаетъ по порученію той-же «Kölnische Zeitung» поѣздку въ Сѣв. Америку и посѣщаетъ Соед. Штаты, Мексику и Кубу. Съ этого времени Ратцель, написавшій двухтомный трудъ о Соединенныхъ Штатахъ, считался въ Америкѣ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ американской жизни того времени. Начавъ чтеніе лекцій по географіи въ политехникумѣ, Ратцель, неудовлетворенный узостью требованій, предъявляемыхъ къ нему въ качествѣ преподавателя географіи въ специальномъ учебномъ заведеніи, изъ котораго выходили въ Баваріи преимущественно таможенные чиновники, отдался всецѣло научно-литературной дѣятельности. Хотя курсъ, читаемый имъ, былъ и въ то время очень обширенъ, но онъ въ этотъ періодъ больше думалъ, собиралъ матеріалъ и подготавливалъ къ печати труды, которые упрочили его славу, какъ создателя антропогеографіи. Въ Мюнхенскій періодъ онъ издалъ 1-е изданіе своего «Народовѣдѣнія» въ трехъ томахъ и первый томъ 1-го изданія «Антропогеографіи» (1882 г.) подъ названіемъ «Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte». Вторая его классическая работа, отлившаяся впоследствии въ форму его «Политической географіи», появилась въ мюнхенскій періодъ въ видѣ небольшого эскиза: «Entwurf einer neuen politischen Karte von Afrika nebst allgemeinen Bemerkungen über politische Geographie». Эти работы, гдѣ Ратцель открыто выступилъ провозвѣстникомъ новаго направленія въ географіи, которое было только намѣчено въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ К. Риттера, вызвали неудовольствіе у специалистовъ-географовъ того времени, находившихся всецѣло подъ давленіемъ направленія Фр. ф. Рихтгофена, который являлся тогда законодателемъ въ этой области. Въ противоположность физикогеографамъ, новое направленіе привѣтствовали историки, соціологи, политико-экономы и, наконецъ, биологи различныхъ отгѣнковъ. Самъ увлекаясь вопросомъ миграцій организмовъ, Ратцель былъ близкимъ другомъ М. Вагнера. Къ концу мюнхенскаго времени относятся, наряду съ серіей физико-географическихъ работъ, главнымъ образомъ трактующихъ объ Альпахъ и явленіяхъ въ горахъ, еще и этнографическія работы, въ которыхъ Ратцель открыто и убѣжденно ратовалъ за географическій методъ и принципъ въ этнографіи.

Въ Лейпцигѣ Ратцель былъ приглашенъ на мѣсто Рихтго-

фена, который въ 1886 г. переселился въ Берлинъ. Лейпцигскій періодъ обнимаетъ 18 лѣтъ жизни до самой смерти Ратцеля. Здѣсь, въ качествѣ ординарнаго профессора географіи, покойный не только создалъ громадную школу антропогеографовъ и этнографовъ, читая лекціи въ университетѣ и *Handelsschulē*, и ведя занятія въ географическомъ семинаріи при университетѣ, но также написалъ до 100 работъ, изъ которыхъ четыре должны считаться классическими. Кромѣ вышеупомянутыхъ: «*Völkerkunde*», вышедшей въ Лейпцигѣ вторымъ двухтомнымъ изданіемъ, «*Antropogeographie*» и «*Politische Geographie*», получившихъ окончательную отдѣлку, имъ былъ написанъ двухтомный трудъ «*Die Erde und das Leben*». Последнее слово свое онъ собирался сказать въ «*Biogeographie*», курсъ которой онъ уже не разъ читалъ въ университетѣ и въ которой онъ мечталъ дать картину развитія и движенія жизни на землѣ. Труду этому, къ сожалѣнію, не суждено было увидѣть свѣтъ.

Пользуясь работами по соматической антропологіи, какъ источниками для этнографическихъ трудовъ, Ратцель всегда относился съ нѣкоторой сдержанностью къ антропологіи вообще. Онъ не разъ говорилъ, что не понимаетъ увлеченія измѣреніями организмовъ. Объясненія дифференціаціи человѣческаго рода онъ искалъ въ тѣхъ передвиженіяхъ, которыя совершили люди на землѣ. Всѣ культурныя сходства онъ объяснялъ заимствованіями и культурнымъ воздѣйствіемъ, общность человѣческаго духа, душа народа, отступали въ его ученіи на задній планъ. Его главная заслуга заключается въ проведеніи географическихъ методовъ и принциповъ въ разныя отрасли знанія, въ томъ числѣ въ антропологію и этнографію и въ сближеніи естествознанія вообще съ науками гуманитарными. Какъ онъ самъ, такъ и его школа, сплоченная обаятельной личностью учителя, работали въ одномъ духѣ; этимъ и объясняется настоящее громадное распространеніе антропогеографіи, несмотря на сравнительно недавнее существованіе этой области землевѣдѣнія.

Смерть застигла его въ самомъ мощномъ развитіи его таланта. Потеря эта для науки несомнѣнно незамѣнимая. Такой біогеографіи, какая вышла бы изъ подъ мастерскаго пера Ратцеля, не напишетъ ни одинъ изъ его учениковъ. Нужно было всю жизнь пронести подъ сердцемъ эту любимую идею, продумать ее и въ странствіяхъ и въ тиши кабинета, изучать сперва зоологію, затѣмъ палеонтологію съ геологіею, чтобы понять жизнь на землѣ такъ, какъ понималъ ее покойный Ратцель. Антропологія потеряла въ Ратцелѣ одного изъ своихъ крупныхъ работниковъ, хотя онъ никогда

не называлъ себя ни антропологомъ, ни этнографомъ, а только географомъ. Наше общество кромѣ того потеряло въ немъ своего почетнаго члена, которымъ имѣло право гордиться.

Ратцель умеръ на 60-мъ году и похороненъ въ В. Баварии, въ деревушкѣ Мюзингѣ.

Б. Адлеръ.

Головной указатель славянъ, летто-литовцевъ и др. на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ.

(Сообщено въ засѣд. 29 окт. 1904 г.).

(Авторефератъ).

Докладчикомъ произведено 3640 измѣреній головного указателя по преимуществу надъ гвардейскими солдатами, среди которыхъ въ племенномъ отношеніи огромное преобладаніе наблюдалось на сторонѣ славянъ.

Славянъ было среди изслѣдованныхъ — 3269 человекъ, къ летто-литовскому племени принадлежало всего 118 челов.; остальное приходится на разныя другія инородческія племена Россіи. Изъ славянъ наибольшее число измѣреній произведено надъ русскими (2763), изъ которыхъ великоруссовъ было 1478 чел., бѣлоруссовъ 594 чел., малоруссовъ 525 чел., сибиряковъ 166 чел. Поляковъ измѣрено 505 челов.; кромѣ того изъ славянъ измѣренъ еще одинъ русскій болгаринъ. Вмѣстѣ съ измѣреніемъ длины и ширины головы у cadaго субъекта производилось измѣреніе роста и опредѣлялся вѣсъ тѣла, цвѣтъ волосъ и глазъ; но всѣ эти данныя еще не разработаны.

Въ отношеніи головного указателя на основаніи своихъ наблюденій—докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) У русскихъ славянъ преобладаетъ брахицефалическій типъ надъ другими типами головного указателя. Преобладаніе это выражается однако въ различныхъ степеняхъ, смотря по племени: наибольшій % брахицефалическій типъ даетъ у малоруссовъ — 65,50%, за которыми слѣдуютъ бѣлоруссы—49,30%, затѣмъ великоруссы—47,73% и, наконецъ, сибиряки—38,07%. Въ отношеніи мезоцефалическаго типа можно сказать, что онъ встрѣчается почти одинаково часто у всѣхъ этихъ четырехъ племенъ; но рѣзкое различіе замѣчается въ % долихоцефалическаго типа, кото-

рый у малоросовъ даетъ лишь 11,98⁰/₀, у бѣлоруссовъ—27,93⁰/₀, у великоруссовъ—28,59⁰/₀ и у сибиряковъ—36,87⁰/₀.

Изъ различныхъ видовъ типа головы чаще всего у русскихъ наблюдается суббрахицефалия и, именно, наиболѣе слабая ея степень, граничащая съ мезоцефалией. У малороссовъ кромѣ того замѣчается большой ⁰/₀ гипербрахицефалии, вдвое и даже втрое превышающій ⁰/₀ гипербрахицефалии у остальныхъ русскихъ племенъ. Такъ, гипербрахицефалия среди малороссовъ встрѣчается въ 22,46⁰/₀, среди бѣлоруссовъ—въ 12,61⁰/₀, среди великоруссовъ 9,93⁰/₀ и, наконецъ, среди сибиряковъ—въ 6,54⁰/₀. Употребляя графическій методъ и сравнивая кривыя головного указателя у русскихъ, видно, что наиболѣе уклоняются въ сторону долихоцефалии сибиряки; великоруссы же и бѣлоруссы стоятъ въ серединѣ и вообще близко другъ къ другу, хотя изъ нихъ у бѣлоруссовъ брахицефалическій типъ выраженъ все же нѣсколько рѣзче; значительно отклоняются въ сторону болѣе рѣзкихъ видовъ брахицефалическаго типа малороссы.

2) Поляки въ отношеніи головного указателя приближаются къ малороссамъ: среди поляковъ брахицефалическій типъ встрѣчается въ 59,19⁰/₀, а долихоцефалическій типъ въ 18,58⁰/₀. Кривыя головныхъ указателей поляковъ сходны съ кривой малороссовъ, но крайнія степени брахицефалии встрѣчаются значительно рѣже, чѣмъ у послѣднихъ и обнаруживаютъ нѣкоторое сходство съ ⁰/₀ гипербрахицефалии у бѣлоруссовъ, а именно—14,65⁰/₀ (у бѣлоруссовъ 12,61⁰/₀, у малороссовъ—22,46⁰/₀). У поляковъ также преобладаетъ суббрахицефалическій видъ головного указателя и, именно, его слабая степень, приближающаяся къ мезоцефалии, какъ и у русскихъ славянъ.

3) Относительно летто-литовцевъ, принимая во вниманіе небольшое число наблюденій докладчика, выводы, конечно, не могутъ претендовать на то, чтобы ихъ считать достаточно постоянными, вѣрными. Предпославъ эту оговорку, можно сказать, на основаніи сдѣланныхъ докладчикомъ измѣреній головы у летто-литовцевъ, что изъ двухъ народностей этого корня—латышей и собственно литовцевъ, у послѣднихъ преобладаетъ брахицефалическій типъ, причѣмъ у восточныхъ литовцевъ (летувисъ) обнаруживается нѣкоторое сходство съ ихъ сосѣдями бѣлоруссами, а жемайты (жмудь) ближе стоятъ къ полякамъ. Среди восточныхъ литовцевъ брахицефалическій типъ даетъ 47,43⁰/₀, среди жмудинъ—62,84⁰/₀. Что касается латышей, то они рѣзко отличаются преобладаніемъ

долихоцефалическаго типа (49,99%) подобно ихъ сѣвернымъ сосѣдямъ, также сидящимъ на балтійскомъ побережьѣ и подвергавшимся издревле вліянію долихоцефаловъ скандинавовъ — эстамъ, представителямъ финскаго племени, дающимъ 45,92% долихоцефалическаго типа. Эти данныя, несмотря на незначительное число наблюдений (24 латыша, 37 эстовъ) сходны съ данными другихъ авторовъ (См. Deniker. Les races de l'Europe; L'indice cephalique en Europe).

Изъ другихъ инородцевъ останавливаютъ на себѣ вниманіе башкиры, которыхъ, правда, измѣрено очень немного—всего 11 человекъ, давшихъ 54% долихоцефаловъ. При этомъ именно среди башкиръ встрѣтился случай наиболее рѣзкой долихоцефалии изъ числа всѣхъ измѣренныхъ докладчиковъ 3640 субъектовъ, а именно, головной указатель одного башкира равнялся 66,5.

Армяне (18 чел.) по своему головному показателю дали огромное преобладаніе брахицефалическаго типа 88,87% съ весьма большимъ % гипербрахицефалии (66,66%), что соответствуетъ даннымъ, отмѣченнымъ другими авторами относительно этого племени.

Въ отношеніи евреевъ данныя докладчика обнаруживаютъ нѣкоторое сходство ихъ головного показателя съ показателемъ тѣхъ изъ славянскихъ народовъ, среди которыхъ они раньше всего поселились, именно съ поляками: брахицефалическій типъ у евреевъ наблюдается въ 56,50%, долихоцефалическій—въ 20,62% (изъ 92 наблюдений).

Ө. А. Балынецкій-Вируля.

Изъ Карпатскихъ долинъ.

Село Синеводско-Вышне.

Синеводско-Вышне расположено въ долинѣ рѣки Стрія, одного изъ горныхъ притоковъ средняго Днѣстра, въ области Восточныхъ Бескидовъ, составляющихъ центральную часть Карпатъ, которыя протянулись отъ Пресбурга до Дуная на 1200 километровъ. Страна эта и у насъ, и въ Европѣ извѣстна только по наслышкѣ. Карпаты въ этой своей части мало изучены, и край ждетъ еще изслѣдователей. Только въ послѣднее время германскіе и австрійскіе ученые обратили на него вниманіе, и Краковская академія занята теперь изданіемъ роскошной геологической карты, относящейся къ галицкимъ частямъ Карпатъ.

Карпаты, названныя такъ еще славянами (хорваты=хрбаты—хрб=горбы) представляютъ аналогію съ Альпами и естественное продолженіе ихъ. Геотектоническая сила, направленная съ юга, образовала эту гигантскую складку, а затѣмъ многочисленныя колебанія земной поверхности произвели разломы, разрывы и опусканія. Такимъ образомъ, Карпаты вездѣ являются горами складчатыми. Не бывъ покрыты ледникомъ, онѣ значительно подверглись вывѣтриванію и размыванію. Геологическія изслѣдованія Бескидовъ обнаруживаютъ въ нихъ наиболѣе древнія породы, именно: гранитъ, кристаллическія и лейясовыя породы, выходящія очень рѣдко на поверхность земли. Основаніе горъ состоитъ изъ мощныхъ слоевъ юрской породы и представителей въ особенности мѣловой системы, въ видѣ неокомскаго песчаника и известняка. Кромѣ того, въ основаніи заложены третичныя глинистые сланцы. Далѣе по склонамъ идутъ позднѣйшія образованія, какъ-то: нуммулитовая глина, повдній міоценъ и песчаникъ. Еще ниже въ долинахъ появляется Карпатскій делювій, лежащій на склонахъ и на вершинахъ и обуславливающій появленіе растительности и лѣсовъ. Эта почва представляетъ продуктъ разложенія горныхъ породъ, и, только благодаря этому, Карпаты населены въ долинахъ, по склонамъ и

по горбамъ хребта. Съ другой стороны, ледниковый смывъ привелъ къ общему пониженію горъ и создалъ перевалы. Торговые перевалы въ нашихъ Карпатахъ не превышаютъ 700 метр., спускаясь незамѣтно по отлогимъ и широкимъ рѣчнымъ долинамъ. Не даромъ поэтому многіе народы боролись за обладаніе этимъ богатымъ краемъ. И въ настоящее время тутъ живутъ славяне (словаки, сотаки *), поляки, горняки, горалы, бойки, гуцулы), венгры, румыны и нѣмцы.

Географическое положеніе села опредѣляетъ уже многое въ орографіи, топографіи и въ судьбѣ края. Синеводско-Вышне лежитъ на сѣверо-восточныхъ склонахъ Бескидовъ, между 41° и 41°30' в. д. и между 49°15' и 49° с. ш., т. е. на широтѣ южной Полтавщины. Страна эта находится въ переходной области отъ морского зап.-европейскаго климата къ сухому континентальному климату европейско-азиатской равнины. Отдѣленная отъ области Средиземнаго моря Карпатами, она открыта на сѣверо-востокъ. Эта доступность съ С—В вліяетъ на климатъ, и на историческое развитіе края. Получая съ горъ очень много влаги, рѣки направлены по естественному наклону на югъ и юго-востокъ и принадлежатъ бассейну р. Днѣстра, т. е. области Чернаго моря. По этимъ рѣчнымъ долинамъ направляется и растительность, и чело-вѣкъ со своею колонизаціею; при этомъ открытое положеніе къ востоку способствовало заселенію страны малороссами.

Горы, одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ поверхности, изучены здѣсь еще очень мало, хотя изданная уже топографическая карта австрійскаго генеральнаго штаба (масштабъ 1/75.000) даетъ очень хорошее представленіе о мѣстности. Почти всѣ горы и урочища имѣютъ свои малорусскія названія, всѣ же безымянныя вершины называются просто «кличеры»; высота послѣднихъ не превосходитъ 950 метровъ. Здѣсь горы не особенно высоки и совсѣмъ не скалисты; только въ нижнихъ долинахъ высятся кругловатые скалы и камни изъ сланца и песчаника. Эти Бескиды образуютъ нѣсколько хребтовъ, причемъ здѣсь проходитъ сѣверный и наиболѣе низкій. Къ наиболѣе высокимъ относится гора Параска (1271 м.), Віднога (1123 м.) и Крживы (1079 м.); онѣ поднимаютъ свои коническія вершины на С.-З. отъ Синеводска. Ниже ихъ идутъ между р. Стріемъ и р. Синявкой, а также между р.

*) Сотакы—помѣсь малороссовъ съ словаками, обитаютъ на южныхъ склонахъ Карпатовъ.

Опоромъ и р. Стріемъ гряды горъ и холмовъ, направляясь на Ю.-В.; эти кичеры достигаютъ 950 м. и спускаются до 600 м. (Кичера—940, Ключъ—920, Sukiel—900, далѣе по Стрію-Кобыла 809, Шпинь—689, Добржаны—827). Горы спускаются въ долины постепенными уступами, представляющими пастбища, луга и заросли. Лѣсъ стелется по ложбинамъ и занимаетъ преимущественно главный хребетъ и отдѣльныя вершины.

Долины сначала узки, затѣмъ на высотѣ 450—320 м. расширяются и образуютъ долинныя поля, гдѣ сосредоточиваются культура и населеніе. Это придаетъ мѣстности уютный зеленый видъ: всѣ горы, долины и уступы покрыты то лугомъ, то полемъ, то зарослью изъ орѣшника, волчьего лыка и боярышника.

Стрій и Опоръ, оба имѣющіе безчисленные притоки въ лѣсистыхъ горахъ, служатъ и для сплава весной и, какъ дороги въ горы, для перевозки лѣса и для подвоза его на лѣсопильки въ Сколе и въ Синеводско.

Синеводско-Вышне, какъ и прочія здѣшнія села, расположено въ долинѣ при слияніи Опора и Стрія; съ юго-востока защищаютъ его горы Годиновы и Гемщицы, съ сѣвера южные склоны Магуры (649 м.), Почерницы (666 м.) и Доживной (637 м.), съ запада Карпатскія громады. Это положеніе обуславливаетъ туманы въ долинахъ и создаетъ защиту отъ с.-в. вѣтровъ. Высота Синеводска характерна для горныхъ селъ малороссовъ-бойковъ; она равна 387—413 м.; далѣе по Опору идутъ поселенія въ слѣдующемъ порядкѣ: Демнія—421 м. (9 кил. вверхъ отъ Синеводска подъ склономъ Семкина-Верха — 819 м.), большое поселеніе Сколе съ 2-мя церквями, спичечной фабрикой и лѣсопилькою; высота 457—437 м., на разстояніи 5 кил. отъ Демніи. Далѣе мы видимъ на притокѣ Стрія въ узкой горной долинѣ р. Оравы старинное бойковское село Коростовъ (499—510 м.) на разстояніи 14 кил. отъ Сколе. Это послѣднее поселеніе, и далѣе по потокамъ, какъ Бутівля и Загічний, переходящихъ въ зону 500—600—900—1000 м. поселеній и хуторовъ уже нѣтъ. Стрій пробилъ себѣ путь по долинѣ, параллельной складкамъ горъ, создавъ такимъ образомъ продольную долину. (Längsthal). Въ 5 кил. отъ Синеводска расположенъ Корчинъ—402 м., черезъ 4 километра вверхъ—Крушельница (434 м.); затѣмъ черезъ 12 кил. въ расширеніи Стрія (433 м.) Сонать черезъ три кил. (436 м.), Дольне (451 и далѣе до высоты 500 м., гдѣ опять поселенія и села прекращаются). Въ этомъ мѣстѣ поселеній бойки рѣ-

нительно отличаются отъ гуцуловъ: они живутъ только въ долинахъ, въ скученныхъ селахъ, тянущихся надъ рѣкой, и ихъ поселенія не карабаются, какъ гуцульскія усадьбы, на высоту до 900 метровъ. Села отдѣляются узкими долинами и незаселеннымъ пространствомъ, гдѣ проходитъ желѣзная дорога надъ Опоромъ на Лавочне, или лежатъ пути мѣстнаго сообщенія.

Растительность окрестностей Синеводска не разнообразна. Лѣсъ состоитъ изъ сосенъ, пихты, лиственницъ, елей и смерекъ (родъ ели). Въ нижнихъ частяхъ имѣетъ широкое распространеніе дубъ, яворъ, осина, кленъ, осика, береза, дикая яблоня, липа и разнообразные кустарники, какъ-то: орѣшникъ, лещина, волчья ягода, извѣстныя и въ Украинѣ. Суровый климатъ не позволяетъ уже выше 860 метровъ разводить овощи и пшеницу; изъ овощей въ Синеводскѣ разводятъ: капусту, огурцы, картофель. Розъ, дынь и арбузовъ видѣть не приходилось. Зато по лѣснымъ порубкамъ и склонамъ очень густо растетъ земляника, черника, дикая малина, брусника и другія ягоды, а послѣ дождей появляется масса грибовъ.

При описанныхъ природныхъ условіяхъ мужское населеніе ищетъ заработка въ отхожихъ промыслахъ или, лучше сказать, въ торговыхъ странствованіяхъ съ мелкимъ товаромъ и фруктами. Кромѣ того, уходъ на лѣто черезъ Карпаты въ Венгрію на заработки тоже значительно помогаетъ населенію. Обычно въ путь отправляется группа въ 40—100 человекъ, предварительно посылая впередъ развѣдчиковъ узнать, гдѣ нужны рабочіе и, гдѣ какая плата. Затѣмъ служится молебень, и бойковскіе торговцы даютъ присягу, что во время пути не будутъ пить спиртныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, на $\frac{3}{4}$ года остаются подростки, дѣти и жены безъ главы семейства. Потребности остающихся очень несложны, и все свое хозяйство они ведутъ чисто первобытнымъ способомъ. Лѣтомъ пріѣзжаетъ сюда 30—50 семействъ дачниковъ, которымъ бойковскія хозяйки сдаютъ хаты и лошадей, и которыхъ снабжаютъ припасами. Семь еврейскихъ лавокъ и три бойковскихъ «склепа», какъ называютъ здѣсь бакалею, отвѣчаютъ всѣмъ нуждамъ населенія.

Коренное и древнее населеніе составляетъ вѣтъ малороссійскаго народа. Въ церкви проповѣди, на базарѣ вывѣски — по малорусски. Школа тоже національна, польскій и нѣмецкій языки учатъ на второмъ году ученія. Вывѣски на общественныхъ зданіяхъ на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, польскомъ и малорусскомъ. Знаютъ

бойки три языка, а иногда и болѣе. Дѣло въ томъ, что они ходятъ очень далеко за предѣлы своей родины, напр. въ Италію, Россію, Германію, Венгрію, Румынію и Балканы, поэтому нѣкоторые знаютъ шесть языковъ; забираются они и во Францію, и въ Америку. Вообще они много видятъ, много разсуждаютъ. Первоначальное занятіе скотоводствомъ и земледѣліемъ уже отступило на задній планъ, хотя въ предпринимчивости бойки уступаютъ нѣмцамъ и евреямъ.

Къ числу старыхъ малороссійскихъ добродѣтелей относятся ихъ крѣпкое честное слово, гостепріимство, честность и приверженность къ «цисарю», своей церкви и краю. Изъ новыхъ пріобрѣтеній «морали» наиболѣе характерны говорливость, пронырливость, «себѣ на умѣ» и политиканство. Синеводскій обыватель даетъ вѣрныхъ семь голосовъ русиновъ-демократовъ въяскому парламенту. Къ несчастью, польскія интриги и недостатокъ школъ и книгъ не позволяютъ еще народу выдѣлать свою интеллигенцію, и Синеводско еще не посылаетъ ни одного молодого человѣка въ университетъ. Только за самое послѣднее время Львовская студенческая и Стрійская гимназическая молодежь пытается, и не безплодно, рефератами, хорами и представленіями разбудить народную самодѣятельность и самосознаніе. Этому пробужденію мѣшаютъ и польскіе административные круги, и бойковскія женщины; матери почти всѣ безграмотны и заняты только посѣщеніемъ церквей, пересудами и хозяйствомъ. Какъ работницы, онѣ очень выносливы и служатъ по всей Галиціи въ качествѣ служанокъ и нянекъ, привлекая польскихъ дамъ своею аккуратностью, терпѣніемъ и понятливостью. Дома онѣ занимаются огородомъ, молочнымъ хозяйствомъ и выкармливаніемъ дѣтей, и всѣ бѣдствія стараются разрѣшить у «попа» или въ церкви. А бѣдствій у нихъ не мало, вслѣдствіе рѣзкихъ переиѣнъ погоды. Съ Карпатъ приносятся осадки, и благодаря холодному воздуху надъ горами, въ Синеводскѣ уже съ половины августа н. с. начинается дождливое, угрюмое время. Дождь идетъ непрестанно по 10—20 дней, все пронизывая насквозь. Такъ какъ село расположено на пути восточнаго влажнаго воздушнаго теченія, то солнечные лучи бессильны разсвѣять непроницаемые туманы, въ долинахъ исчезающіе уже въ 5—6 часовъ утра. Эти туманы, холодныя ночи и долинные вѣтры располагаютъ часто дѣтей къ заболѣванью скарлатиной, корью и дифтеритомъ. Уже послѣ одного дня дождя или тумана село заливадается водяными потоками, бурно текущими по

немоощнымъ улицамъ. Несмотря на существующій естественный наклонъ улицъ и готовый матеріалъ для мостовыхъ, послѣднія во время дождя непроходимы, дома окружены водой, и ребятишки выше колѣнъ плетутся въ школу по водѣ. Равнодушіе бойковъ и учебнаго персонала къ обстановкѣ села, къ санитарному состоянію дѣтей поразительно. Природа дала бойкамъ прекрасную почву, нескончаемыя каменные, легко обрабатываемыя породы, луга и пастбища, здоровую воду, благотворный климатъ, однимъ словомъ все, необходимое для улучшенія обстановки; между тѣмъ до сихъ поръ они остаются еще на доисторической ступени развитія и не имѣютъ даже деревянныхъ половъ. Счастливое сочетаніе историческихъ и національныхъ фактовъ, почти центральное положеніе въ Европѣ и конституціонный образъ правленія почти не сыграли здѣсь никакой роли. Босыя дѣти и женщины, отсутствіе дорогъ, мостовъ, гостиницъ, желѣза, книгъ, газетъ, больницъ, читалень, библиотекъ, отсутствіе интеллигенціи, болѣе 45% безграмотныхъ, незнаніе главныхъ гигиеническихъ и санитарныхъ правилъ, полное непониманіе законовъ,—вотъ какъ использовала эта вѣтвь малорусскаго народа свое отечество, которое лучше скалистой Швейцаріи приспособлено къ работѣ человѣка. При первомъ сравненіи Синеводскаго края съ ледниками, суровыми высотами и каменными склонами Швейцаріи мы видимъ на Карпатахъ, гдѣ болѣе 75% поверхности пригодно для обработки,—небольшія села, примитивную культуру, бѣдность и незначительную плотность населенія, равную 50—60 на 1 кв. кил. Коломійскій уѣздъ даетъ 115 на 1 кв. кил., а Швейцарія на горахъ 80 жителей на 1 кв. кил. Нельзя не прійти къ грустнымъ заключеніямъ, если забыть, что исторія и культура еще только начинаются для Стрійскаго уѣзда. Здѣсь до сихъ поръ жили и зарабатывали, рождались и умирали, накапливая лишь силу для будущаго. Страна спала; передъ нею открыто свѣтлое будущее, когда она приступитъ къ разработкѣ своихъ богатствъ, развернувъ свои моральныя силы и дремлющія пока способности.

* *
* *

Для личнаго ознакомленія съ мѣстностью я предпринялъ восхожденіе на высокую вершину Параски, съ которой открывается роскошный, далекій видъ на окрестности. На плоскихъ склонахъ горъ, гдѣ стала появляться густая травянистая растительность, было полное безлюдье. Только лѣтнія «стаи» и «кулибы» пастуховъ, планы и видъ которыхъ я прилагаю ниже, прятались по откосамъ.

Интересъ этихъ построекъ заключается въ ихъ примитивномъ устройствѣ: каждое строеніе имѣло въ центрѣ очагъ и костеръ, равно и помость для спанья. Все убѣждало меня, что племя бойковъ пришло давно съ сѣвера, гдѣ оно жило въ холодѣ и сырости.

Эта прогулка доказала мнѣ, что верхи и «полонины» Бескидовъ у бойковъ не заселены и не обработаны и, что зимняя хата ихъ не далеко ушла отъ лѣтнихъ построекъ. Жилище бойка сложено въ углы изъ толстыхъ бревенъ и рѣдко бываетъ обмазано снаружи мѣломъ. Величина хатъ сходна съ полтавскими, техника постройки та-же. Всего чаще эта хата съ сѣнями, съ одною печкой и съ фронтономъ, обращеннымъ на югъ или юго-востокъ. Крыша или досчатая, или изъ драни, или изъ гонта; гонтовые крыши съ ломанными краями заимствованы отъ гораловъ или отъ нѣмцевъ. Эти болѣе усовершенствованныя хаты продуктъ болѣе поздняго времени, а способъ, пристраивать лѣстницу къ чердаку, кажется мнѣ перенесеннымъ изъ сербской горной «кучи» съ чердакомъ. Никакой рѣзбы, краски или орнамента мы здѣсь не видимъ. Печь (комін) тоже не имѣетъ ничего, что напоминаетъ кафели гучуловъ или «малюпки» полтавскихъ хозяекъ. Рѣдко зданія обмазываются глиной и мѣломъ, не имѣютъ и деревянныхъ половъ, хотя уже курныхъ избъ нѣтъ, и дымъ выходитъ въ отверстіе въ сѣняхъ. Обстановку и планы усадебъ можно видѣть по двумъ прилагаемымъ таблицамъ. Утварь и предметы домашнего быта и двора тѣ-же, что и у украинцевъ. Мебель, напримѣръ, состоитъ изъ стола съ глубокимъ ящикомъ подъ доской, деревянныхъ «лавъ» (скамеекъ), «піла» (помость для спанья), «мисныка» и низкаго стула. Вмѣсто ведеръ въ употребленіи деревянныя «ковки», колодцы съ воротомъ, при чемъ колесо очень велико. Хаты стоятъ тѣсно, короткой стороной на улицу; сараи, конюшни, свинушники, стодолы и погреба (льохи) стоятъ въ глубинѣ въ два ряда и заканчиваются огородомъ и садомъ *). Для того, чтобы солому и сѣно можно было сохранять въ сухомъ видѣ, строятъ просто «обероги» и въ усадьбѣ, и на сѣнокосахъ. Оберогъ состоитъ изъ четырехъ высокихъ столбовъ высотой до 5—10 м., образующихъ квадратъ. Здѣсь укладывается сѣно до верху, а сверху имѣется четырехугольная пирамидальная соломенная крыша, которая можетъ свободно ходить по сваямъ и которая придерживается кругами изъ лозы (оплітка). Наши схематическіе рисунки ясно пока-

*) Смотри прилагаемыя чертежи.

зываютъ это сооруженіе. Въ клуняхъ стоятъ ступы для толченія крупы и изготовленія муки, «присадки» и «стульці» для работы и для очистки льна и конопли; здѣсь-же находятся вѣялки, токъ, сани и дрова. Какъ и вездѣ, малороссъ и здѣсь остается на половину скотоводомъ, на половину «хлѣборобомъ», даже въ этой долинѣ.

Относительно физическаго типа синеводскихъ бойковъ, сколько мы знаемъ, почти ничего не извѣстно. По нашимъ наблюденіямъ, женщины скоро старѣютъ и не миловидны. Мужчины двухъ типовъ: блондины съ длиннымъ лицомъ и брюнеты съ черными волосами и правильными энергичными лицами. И тѣ и другіе коренасты и сухощавы *).

Когда пришли предки бойковъ, до сихъ поръ точно не извѣстно. Легенды повѣствуютъ, что пришедшіе были не малороссы, а дворяне, теперь омужичившіеся и омалоруссившіеся. Профессоръ Колесса утверждаетъ, что здѣсь былъ раньше на горѣ, гдѣ теперь стоитъ старая церковь, православный монастырь съ фортификаціями, укрѣпленіями. Мы были на всѣхъ этихъ мѣстахъ и, если сравнить съ легендами находки самопаловъ и остатки рововъ, то можно повѣрить, что раньше здѣсь была крѣпость или «бургъ». Исторія указываетъ на то, что здѣсь былъ старинный «шляхъ на угры», что въ 1236 году самъ галицкій король Даниилъ былъ здѣсь съ войскомъ. И по окрестностямъ Синеводска, и на сѣверъ, по склонамъ Бескидовъ, сохранились развалины старыхъ бурговъ. Можно предположить, что какое-то феодальное рыцарство владѣло ключами къ плодородной долинѣ Днѣстра. Существующее зданіе церкви уже четвертое по счету, такъ что можно сказать, что христіанство существуетъ здѣсь много столѣтій. По свидѣтельству проф. Колессы, по карпатскимъ сѣвернымъ склонамъ существовали въ древности и монастыри бѣглыхъ православныхъ съ очень древними рукописями. Ему самому приходилось находить рукописи по церковно-славянски отъ 12 вѣка, и по галицки отъ 14 вѣка. По всему вѣроятію, монастыри поддерживались мѣстнымъ населеніемъ и имѣли стражу и укрѣпленія. Можетъ быть, поэтому и въ Синеводскѣ—Вышнемъ былъ когда-то такой монастырь, потомъ обратившійся въ замокъ. Какъ-бы то ни было, мѣстное населеніе Синеводска осѣло здѣсь уже очень давно, по нашему

*) По даннымъ «Oesterr. Monarchie in Wort und Bild» В. I. Wien, малороссы въ Галичинѣ имѣютъ слѣдующіе антропологическіе признаки: ростъ 160 ст. Блондиновъ на тысячу 240, темныхъ 262. По большей части брахицефалы; индексъ черепа колеблется между 85—82».

мнѣнію, не меньше 700 лѣтъ, и успѣло, вѣроятно, много пережить. Оно пережило и періодъ романтическихъ и суровыхъ «опришковъ», т. е. карпатскихъ разбойниковъ изъ обиженныхъ малороссовъ, которые въ XVIII столѣтіи владѣли всѣми переходами въ Венгрію и грабили всѣхъ богатыхъ людей. Этотъ періодъ, когда «опришки» владѣли центромъ Карпатъ, съ романами, кровавыми драмами и нападеніями на торговья мѣстечки, отразился въ пѣсняхъ, легендахъ и сказаніяхъ. Вотъ уже прошло 60 лѣтъ, какъ были казнены послѣдніе атаманы «опришковъ», и при помощи регулярныхъ войскъ страна была очищена отъ удалыхъ горскихъ «хлопцевъ». Однако здѣшній народъ помнитъ защитниковъ бѣдныхъ, какъ помнятъ украинцы Кармелюка и Гаркушу. Эти воспоминанія сосредоточиваются на циклѣ сказаній и пѣсень про знаменитаго гуцульскаго предводителя опришковъ, Довбуша, который оставилъ послѣ себя такую же память, какъ Стенька Разинъ на Волгѣ, хотя этотъ Довбушъ дѣйствовалъ или въ одиночку, или съ 5—10 вѣрными товарищами. Это былъ самый благородный, по понятію гуцуловъ и бойковъ, защитникъ угнетенныхъ; въ пѣсняхъ онъ сравнивается съ королемъ гуцуловъ. Этотъ геній гуцуловъ не умеръ, онъ сидитъ въ горѣ надъ потокомъ Черемошемъ и ждетъ, пока ему можно будетъ поднять свой народъ на борьбу. Этотъ фантастическій король когда-то заупрямился и не хотѣлъ слушать Бога, и за это наказанъ заключеніемъ въ скалы *). Съ именемъ Довбуша связано очень много урочищъ, скалъ, горъ и развалинъ по Гуцульщинѣ и около Синеводска; это показываетъ, на какой громадной области дѣйствовалъ этотъ смѣлый «опришокъ». Надо при этомъ отличать правду отъ сказки, и тогда Довбушъ является дѣйствительно разбойникомъ, жившимъ въ началѣ XIX столѣтія, убитымъ изъ ревности мужемъ своей «буди», т. е. возлюбленной...

Очень интересны развалины убѣжища Довбуша около села Бубнищи, недалеко отъ Синеводска, тѣмъ болѣе, что, по всему вѣроятію, эти остатки болѣе древни, чѣмъ то предполагаютъ здѣшніе жители. Дорога въ Бубнищи идетъ по очень живописной горной долиинѣ сначала внизъ надъ р. Стріемъ. Стрій несетъ свои голубо-зеленныя волны по каменистому дну и образуетъ тысячи маленькихъ водопадовъ, по здѣшнему яркому выраженію «грохитъ»

*) Скала эта находится въ самомъ дикомъ и роскошномъ мѣстѣ Гуцульщины, надъ притокомъ Прута Чер. Черемошемъ. Скала отвѣсно поднимается надъ потокомъ, и вѣтеръ завываетъ въ ней особенно уныло.

и «шопоть». Берегъ Стрія здѣсь обрамленъ бѣлою полоскою гальки и валуновъ и напоминаетъ лѣвыя притоки р. По. Крутой правый берегъ, покрытый зеленымъ кустарникомъ, поднимается почти отвѣсно на 60 метровъ; надъ этою зеленою стѣною высятся темносѣрая скалы 130 м. высотой и монолиты самой причудливой формы. Эти скалы какъ-бы сторожатъ входъ въ долину. Дорога переходитъ мимо небольшого села въ долину, и миновавъ тартакъ *) и корчму, мы поднимаемся по чудному дѣвственному лѣсу, и, наконецъ, прибываемъ къ логовищу Довбуша, гдѣ насъ встрѣчаетъ хозяинъ этой «полонины». Мѣсто дѣйствительно выбрано хорошо. Скалы тянутся грядой по лѣсистому склону, и только въ одномъ мѣстѣ проходитъ дорога на Бубнищи. Скалы эти несомнѣнно болѣе поздняго возникновенія, и причина, вѣроятно, лежитъ или въ сдвигѣ, или въ поднятіи нижняго слоя. Онѣ обмыты и стоятъ въ рядъ, образуя фантастическіе замки. Скала, въ которой жилъ, по преданію, Довбушъ, имѣетъ расщелину до самаго низа и высоту 40 метровъ. Лобная ея часть отвѣсна, и здѣсь выходятъ отверстія подземныхъ и выдолбленныхъ въ толщѣ камня комнатъ, постройка коихъ приписывается Довбушу. Наши планы и рисунки рисуютъ все ясно **). Въ скалѣ вырублены полукруглыя углубленія въ видѣ ступенекъ, ведущія на вершину, и въ расщелинѣ видны остатки свода изъ рѣчного камня ***), и глубокая четырехугольная яма, несомнѣнно, болѣе поздняго времени. Это логовище, расположенное въ красивой мѣстности, посѣщается мало туристами, несмотря на это, всѣ стѣны скалы Довбуша испещрены надписями по польски, изъ которыхъ самая ранняя помѣчена 1848 г.

Сами выдолбленныя помѣщенія занимаютъ, числомъ три, лобъ скалы; (А—В—С на планѣ). Надъ входомъ въ сѣв.-восточную комнату выдолблена еще широкая площадка, очевидно, для стражи. Комната имѣетъ десять аршинъ глубины и врѣзана въ толщу довольно мягкаго песчаника и совершенно закопчена. По сторонамъ имѣются двѣ лавки изъ камня для спанья. Слѣдующее логовище представляетъ естественную пещеру (S), идущую въ глубь скалы и выходящую опять въ точкѣ X, откуда, какъ упомянуто, идетъ подъемъ на верхъ. Вокругъ идутъ обвалившіеся валы и мѣсто

*) Тартакъ—гѣсопильня, приводимая въ движеніе водою горнаго потока, принадлежитъ по б. ч. евреямъ и богатымъ полякамъ. Отъ тартака перевозка идетъ на лошадахъ или по жел. дорогѣ. До тартака гѣсъ спускаютъ по ложбинѣ. Высота тартака надъ пов. моря достигаетъ 1200 м.

***) См. рис.

***) Рѣчной камень—гладкій камень, обмытый водою.

для моста; съ юго-запада мы видимъ опять скалы и узкую и глубокую трещину съ остатками трубы и съ закопченнымъ ходомъ для дыма (i); остатки углового бастиона доказывали, что это не можетъ быть работой одного человѣка. Быть можетъ, что Довбушъ жилъ и сдѣлалъ ступеньки, но, вѣроятно, уже раньше здѣсь былъ замокъ, который отрядъ Довбуша могъ занять, и, перебивши обывателей, жить впоследствии.

М. Руссовъ.

Лейпцигъ,
7 октября н. ст. 1904 г.

Отъ редакціи. Набросаннаго здѣсь крупными штрихами, конечно, далеко не достаточно для того, чтобы дать картину жизни тихой карпатской деревушки, населенной галицкой вѣтвью малороссійскаго народа. Чтобы всесторонне судить объ антропологическихъ и этнографическихъ данныхъ, какъ нашихъ, такъ и зарубежныхъ малороссовъ, необходимы параллельныя работы у насъ и въ Австріи. Работа г-на Руссова въ этомъ отношеніи въ связи съ обширными трудами и изслѣдованіями Ѳ. К. Волкова, работавшаго много лѣтъ подрядъ среди карпатскихъ славянъ, можетъ сослужить на примѣръ села Синеводска извѣстную службу всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ настоящимъ и прошлымъ бойковскаго сельскаго населенія. Въ будущемъ году мы надѣемся дать работу Ѳ. К. Волкова, любезно обывавшаго своей трудъ.

Зырянская и русская свадьбы въ Обдорскѣ (Тобольской губ.).

Зырянская свадьба въ Обдорскѣ.

У зырянъ женятся обязательно съ согласія родителей; убѣгомъ *) совсѣмъ не вѣнчаются. Прежде чѣмъ итти сватать, женихъ собираетъ родственниковъ, угощаетъ ихъ чаемъ, виномъ, а затѣмъ уже съ двумя или тремя родственниками идетъ въ домъ невѣсты. Одинъ изъ родственниковъ беретъ на себя роль свата. Сватъ обращается къ родителямъ невѣсты со словами: «У васъ дѣвушка, у насъ паренъ; можно ли съ вами говорить, чтобы они были вмѣстѣ?» Отецъ отвѣчаетъ, что это не его дѣло, а дѣло невѣсты, надо ее спросить, и велитъ прійти въ другой разъ. По уходѣ жениха, родители спрашиваютъ невѣсту, желаетъ ли она итти за этого человѣка. Если невѣста не желаетъ, то отвѣчаютъ: «Онъ мнѣ не женихъ, а я ему не невѣста»; если же желаетъ, то отвѣчаетъ такъ: «Вы мои старшіе, что хотите, то и дѣлайте, я противъ вашей воли ничего не сдѣлаю» **). Если женихъ не вполне увѣренъ, что за него просятъ дѣвушку, то онъ идетъ во второй разъ къ невѣстѣ съ тѣми же родственниками, съ которыми былъ и въ первый разъ, если же онъ увѣренъ въ успѣхѣ сватовства, то идетъ со своими родителями. Когда женихъ придетъ къ невѣстѣ, родители ея объявятъ о согласіи. Затѣмъ молятся Богу, и отецъ невѣсты даетъ руку жениху. Въ это время изъ другой комнаты выходитъ невѣста, удерживаетъ руку въ рукавъ ***) своей рубашки и разнимаетъ ихъ руки. Потомъ всѣ садятся за столъ: женихъ становится по одну сторону стола, а невѣста по другую. Женихъ вынимаетъ изъ кармана бутылку вина, невѣстѣ

*) Тайно, безъ согласія родителей.

***) Хотя невѣста и не желаетъ выйти замужъ за извѣстнаго человѣка, родители все равно выдаютъ ее насильно; это бываетъ очень часто.

****) Рукава рубашекъ у зырянъ всегда длиннѣе рукъ, и все, что онѣ берутъ, онѣ прихватываютъ рукавами.

же кто-нибудь из родственниц подаетъ поднось съ 2 рюмками. Женихъ наливаетъ, а невѣста подаетъ всѣмъ сидящимъ за столомъ, прихвативъ поднось рукавами рубашки и кланяясь всѣмъ. Угостивъ всѣхъ присутствующихъ, женихъ наливаетъ одну рюмку, затѣмъ отпѣетъ самъ, а невѣста допѣетъ; при этомъ цѣлуются три раза. Послѣ этой церемоніи мѣняются кольцами. Затѣмъ невѣста уходитъ въ другую комнату, а женихъ садится за столъ; при этомъ угощаютъ всѣхъ чаемъ. Потомъ заводятъ рѣчь о томъ, какой калымъ возьмутъ за невѣсту. Сватъ спрашиваетъ отца невѣсты, сколько онъ хочетъ взять за свою дочь; тотъ отвѣчаетъ, что это не его дѣло, а дѣло матери. Сватъ обращается къ матери, и та назначаетъ цѣну. Деньгами берутъ отъ 10—100 руб., и вина отъ 1 ведра до 5 ведеръ. Родители жениха просятъ уступить изъ назначенной цѣны, и тѣ уступаютъ. Когда скажутъ, что уступить больше не могутъ, тогда мать жениха говоритъ, какіе должны быть сдѣланы подарки ближайшимъ родственникамъ жениха. Матери дарятъ обыкновенно рубаху, отцу — на пиджакъ или на брюки, братьямъ на жилеты, сестрамъ по платку. Если калымъ назначенъ большой, то и подарки покупаются изъ дорогого матеріала, въ противномъ случаѣ — изъ дешеваго. Покончивъ съ вопросомъ о калымѣ и подаркахъ, назначаютъ день свадьбы, которая обыкновенно бываетъ черезъ недѣлю или черезъ двѣ послѣ просватанья. Этотъ приходъ жениха называютъ «Джѣля ки кутама» — маленькую руку держали.

За день или за три дня до свадьбы, женихъ идетъ къ невѣстѣ со своими родственниками. По приходѣ садятся всѣ за столъ, и родственники невѣсты тоже сидятъ всѣ тутъ. Какая-нибудь посторонняя женщина выводитъ за руку невѣсту къ столу. Затѣмъ повторяется та же процедура угощенья, что и на обрученъи. По приходѣ жениха отецъ его отдаетъ плату за невѣсту ея отцу. Мать невѣсты беретъ чайное блюдо, и отецъ кладетъ на него деньги, а вино уноситъ шаферъ. Этотъ приходъ жениха называютъ «Вольная уськедамъ» — волю сбросила. Послѣ всѣхъ этихъ церемоній невѣста уходитъ въ другую комнату; тамъ ей надѣваютъ на голову «наклонникъ», который шьется изъ грубаго трико и вышивается крупнымъ бисеромъ. Съ этого времени невѣста начинаетъ плакать. Въ помощь ей приглашаются особыя опытныя женщины-плакальщицы, которыя плачутъ и причитаютъ, рассказывая всю жизнь невѣсты: какъ и гдѣ она жила, что у нея было, какъ будетъ жить по выходѣ замужъ. Когда невѣста еще сидѣла за столомъ, плакальщицы пѣли слѣдующую пѣсню: «Золотой листь къ кедровому столу,

бранную скатерть русскій паренъ принесъ. Двѣнадцать кушаній и 8 напитоковъ, горькое дорогое вино, хрустальныя парныя рюмки на московскомъ листовомъ подносѣ. Въ рукахъ она держитъ эту посудину. Въ карманѣ свѣтлый штофъ. Противъ кипарисной иконы я стою. Въ хорошемъ житѣ умѣла стоять, съ чужими людьми, на похвалу. Сто глазъ смотрѣло на нее. Ушами слушала, на 30-ти половицахъ стояла». Затѣмъ невѣста съ плакальщицами уходитъ въ другую комнату; тамъ на нее надѣваютъ наклонникъ, сажаютъ на кровать и поютъ:

«День сижу, послѣдній день сижу, послѣдній часъ сижу, послѣднюю минуту, послѣдную секунду сижу. Въ хорошемъ житѣ у отца, у родимой матери, у ясныхъ, любимыхъ братьевъ, у родимыхъ сестеръ. Братья выросли, сноху кормили. У дяди ласковаго, у тетки ласковой. Въ дѣвушкахъ надоѣло жить. Если все сложить, что она съѣла въ добромъ житѣ у отца, будетъ 12 винныхъ бочекъ. Если все сложить, сколько я сносила у отца на сырую палку! Что изнасила, все это сложить на сухую палку! Съ доброй воли меня толкнули, съ дѣвичьей воли, съ большого чина толкнули. Хорошіе отецъ и мать у меня останутся, хорошая жизнь останется, сестры и братья останутся, дѣдушка и бабушка останутся. Снизу меня подняли шибко высоко, съ рукъ меня подняли на ноги, теперь меня подняли съ крыльями. Въ хорошіе люди, да въ добрыя руки я годна. Теперь меня въ добрые люди отпускаете. Не будетъ ли бить меня кто наотмашку? Кто не пнетъ ли меня ногой? Не взглянетъ ли кто на меня бѣлышами (т. е. сердито)? Родители мои, сестры, пойдете, мои добрые прихожане. Вмѣстѣ родились, да вмѣстѣ росли. Уходи то добрый останется. Родители мои останутся, добрый смѣхъ. Пойду я къ доброму отцу, да доброй матери, будетъ она меня поить, кормить. Не будутъ ли меня голодомъ держать? Будетъ ли у меня большое счастье, да большой талантъ? Не будетъ у меня таланта, буду свои слезы утирать. Будетъ ли кто сердечный на мое сердце (т. е. жалѣть)? Если никто не будетъ меня ласкать, сердце у меня будетъ гнить. Будетъ ли у меня сердечный мужъ? Все родительское будетъ у меня забыто, какъ я жила. Дѣвическая жизнь забудется, большой чинъ. Все я забуду, отцовскую жизнь, материнскую жизнь. Если жить хорошо буду, сердце будетъ радоваться. Если жизнь будетъ хороша, всей деревнѣ, всѣмъ родственникамъ расскажу». — Дѣвушки приходятъ посмотрѣть, какъ плачетъ невѣста; она имъ поетъ отдѣльную пѣсню: «Когда я уйду въ хорошее житье, сестры, не забывайте заходить ко мнѣ. Не забудьте, какъ я съ вами играла;

когда кругомъ будете играть, не забудьте меня, когда будете играть въ разлуки, не забудьте меня. На московской славной качели были. Золотой край-катушка. Не забудьте длинный подолъ, не забудьте, какъ я ходила. Съ дѣвушками ходила я, головы у всѣхъ были повязаны одинаково».

Невѣста приглашаетъ дѣвусекъ на свадьбу, и онѣ остаются. Гости угощаютъ шафера невѣсты чаемъ съ пряниками и виномъ. Послѣ чая кладутъ передъ каждымъ гостемъ деревянную ложку, по куску черного и бѣлаго хлѣба. По срединѣ стола, на тарелкахъ ставятъ пироги изъ соленой рыбы въ ржаныхъ коркахъ, квась въ большихъ деревянныхъ чашкахъ и двѣ чайныя чашки, которыми гости черпаютъ квась. Шафера въ одной рукѣ держатъ подносъ съ двумя рюмками, а въ другой бутылку съ водкой, наливаютъ и подаютъ всѣмъ. Послѣ пироговъ становятъ вареное мясо, а въ заключеніе простоквашу. Шафера все время угощаютъ гостей виномъ. Послѣ этого обѣда женихъ съ гостями уходитъ, а невѣста продолжаетъ плакать, сидя на лавкѣ между своими плакальщицами. Изъ числа приглашенныхъ дѣвусекъ невѣста выбираетъ 4-хъ, которыя должны ходить по домамъ и приглашать знакомыхъ на свадьбу. Эти дѣвушки называются «дружками». Шафера ходятъ тоже съ ними. Когда всѣхъ позовутъ, идутъ къ жениху; ихъ тамъ просятъ садиться за столъ, угощаютъ чаемъ, виномъ. Угощеніе бываетъ такое же, какъ и у невѣсты. Отъ жениха опять идутъ къ невѣстѣ. Невѣста, сопровождаемая плакальщицами, встрѣчаетъ ихъ въ сѣняхъ съ плачемъ и причитаніями-пѣснями, въ которыхъ спрашиваетъ дѣвусекъ, хорошо ли ихъ угощали. Тѣ отвѣчаютъ утвердительно. Тогда невѣста начинаетъ хвалить жениха за то, что онъ сумѣлъ угостить дружекъ. Потомъ невѣста идетъ въ баню со своими и жениховыми провозатыми *) и дѣвушками. Дорогой покоть: «Отецъ велитъ матери баню приготовить, и платье приготовить, перемѣнные катанцы, вѣнникъ приготовить, съ земли сѣно обрѣзать **), свѣжей воды ключевой, нѣмецкаго крѣпкаго мыла, со ста зубами мамонтовый гребень, дорогія ножницы».

Придя въ баню, покоть слѣдующее: «Аршинную спину вымоютъ, въ полъ-аршина ширины, въ четверть ширины спина, бѣлое тѣло,

*) Провозатыми называются женщины, которыя сопровождаютъ жениха и невѣсту въ церковь; онѣ приглашаются раньше и въ свадебномъ парствѣ занимаютъ почетное мѣсто.

**) Зыряне обмывающею выстилаютъ полъ въ банѣ сѣномъ.

темную кровь дѣвичью, чистое тѣло». Эту же пѣсню поютъ и тогда, когда идутъ изъ бани.

Въ банѣ невѣста садится на лавку, между своихъ плакальщицъ. Затѣмъ начинаютъ плакать-пѣть, что она въ послѣдній разъ расплетаетъ теперь свою косу. Ленту изъ косы дѣвушки разрѣзаютъ на мелкія части и дѣлятъ между собой. Одна изъ плакальщицъ беретъ ножницы, обрѣзаетъ невѣстѣ ногти на рукахъ и ногахъ, невѣста же все время плачетъ. Провожатыя въ это время угощаютъ дѣвушекъ виномъ, конфектами и пряниками. Когда все вино выпьютъ, провожатыя и дѣвушки начинаютъ плясать; пляшутъ, пока невѣста не вымоется. На невѣсту надѣваютъ пунцовый сарафанъ и такіе же рукава *), на голову—цѣльную лисью шкуру, которой придаютъ подобіе шапки. Прежній нарядъ отдается матери, и ужъ никакая нужда не заставитъ невѣсту надѣть этотъ нарядъ. Приходить изъ бани невѣста съ плачемъ и не перестаетъ плакать до ночи. Дѣвушки въ это время играютъ хоромы и поютъ русскія игровыя пѣсни, такъ какъ своихъ у нихъ нѣтъ. Часа черезъ два послѣ бани женихъ приходитъ къ невѣстѣ съ шаферами, провожатыми, тысяцкимъ и со своими знакомыми дѣвушками. Шафера всю дорогу идутъ съ зажженными восковыми свѣчами, сплетенными по двѣ вмѣстѣ, и поютъ: «Благослови, душе Моя, Господа». Придя въ домъ невѣсты, шафера сплетаютъ всѣ свои свѣчи вмѣстѣ и гасятъ. Всѣ останавливаются по среднѣ комнаты. Невѣста выходитъ съ плакальщицами; волосы у нея начесаны на лицо; женихъ разнимаетъ ей волосы и цѣлуетъ ее, и въ это время наступаетъ ей на ногу. Послѣ этого онъ осматриваетъ кольца на обѣихъ рукахъ; если невѣста по забывчивости имѣетъ на рукѣ кольцо необручальное, то женихъ бываетъ недоволенъ, снимаетъ его и бросаетъ на полъ, а затѣмъ надѣваетъ принесенное съ собой. Затѣмъ женихъ подаетъ невѣстѣ узелокъ, въ которомъ завязана тарелка съ пряниками и конфектами; тутъ же завязано маленькое зеркало, кусокъ мыла, истыканный серебряными деньгами. Невѣста беретъ узелокъ и подаетъ жениху шелковый платокъ, который женихъ кладетъ въ шапку и надѣваетъ на голову. Невѣста сейчасъ же и садится на свое мѣсто. Дѣвушки, пришедшія съ женихомъ, идутъ за ней; она съ плачемъ и пѣніемъ разстегиваетъ и снимаетъ съ нихъ шубы. Женихъ въ это время становится за столъ, вынимаетъ изъ шапки платокъ, утираетъ имъ лицо и передаетъ тысяцкому;

*) Рукавами называютъ рубаху, въ видѣ русской крестьянской.

тотъ продѣлываетъ то же самое и передаетъ платокъ провожатымъ. Послѣ того, какъ платокъ обойдетъ всѣхъ присутствующихъ, его возвращаютъ жениху. Тотъ снова кладетъ его въ шапку, надѣваетъ ее на минуту, но затѣмъ садится за столъ уже безъ шапки. На столѣ поставленъ хлѣбъ и соль. Вскорѣ женихъ уходитъ домой со своими гостями. Этотъ приходъ жениха называютъ «Ижить ки кутама» — большую руку держали. По уходѣ жениха всѣ дѣвушки, шафера и плакальщицы садятся за столъ; невѣста стоитъ у стола и угощаетъ, все время кланяясь со словами: «Пожалуйте». Послѣ ужина невѣста ложится спать, а дѣвушки играютъ хорОВОДОМЪ, поютъ и пляшутъ. Молодые парни приходятъ безъ всякаго приглашенія и тутъ же съ дѣвушками пляшутъ цѣлую ночь, подъ звуки гармоники. Утромъ невѣста опять начинаетъ плакать. Приходятъ жениховы шафера и приглашаютъ къ себѣ дѣвушекъ и плакальщицъ, и тѣ и другія уходятъ. У жениха приготовлены столы, за которые и садятся гости; ихъ угощаютъ виномъ, чаемъ, мясомъ, кулебяками. Женихъ бываетъ въ это время подпоясанъ платкомъ, подареннымъ ему невѣстой. Послѣ угощенія гости съ пѣніемъ идутъ къ невѣстѣ. Невѣста тоже встрѣчаетъ дѣвушекъ съ пѣснями. Затѣмъ дѣвушки начинаютъ плясать, невѣста же и плакальщицы плачутъ, причемъ плакальщицы поютъ о томъ, какъ ихъ угощали у жениха. Дѣвушки приносятъ невѣстѣ гостинцы — бутылку квасу, конфектъ и пряниковъ. Незадолго до благословенія поютъ: «Сто ступеней перешла, желѣзный запоръ отворила, 5 бревенъ разрѣзала, къ покой двери пришла. Родни много, народу много пришло, всѣ братья и сестры; съ міру идутъ по почтовой дорогѣ много народу, краснымъ шагомъ идутъ, по частымъ ступенямъ ступаютъ къ золотому листу, къ кедровому столу. За кедровый столъ сѣли. У меня есть столько же родни, какъ и у тебя. Братъевъ и сестеръ столько же, сколько и у тебя. Въ срединѣ житье крестьянское. У меня, какъ и у тебя, крестьянское житье. У меня тоже есть сватьи, какъ и у тебя, тоже званые гости. Куда меня это отправляютъ, куда меня и снаряжаютъ? Я думала, меня къ дѣвушкамъ отправляютъ, а меня, меня къ вѣнцу снаряжаютъ, шелковое, свѣтлое платье надѣваютъ, рипсовый платокъ хорошій даютъ. Золотой листъ къ столу несутъ, кедровому столу. Все равно, что жеребенка меня отдали, какъ коня по воду отправляютъ». Часа черезъ два дѣвушки жениховы садятся за столъ, а родители невѣсты приступаютъ къ обряду благословенія, который въ общемъ сходенъ съ тѣмъ же обрядомъ у русскихъ, развѣ съ тою разницею, что у зырянъ

онъ сопровождается плачемъ-причитаніями, и что благословляютъ не только родители невѣсты, но и всѣ ихъ знакомые, приглашенные на свадьбу. Въмѣсто ковра, зыряне подстилаютъ подъ ноги оленью шкуру. По обычаю, невѣсту въ этотъ день одариваютъ, кто чѣмъ можетъ. Когда кончится благословеніе, отъ жениха приходятъ шафера. Невѣста при ихъ приходѣ встаетъ на ноги съ тарелкой въ рукахъ; шафера кладутъ на тарелку по 5 руб., завернутыхъ въ бумагу. Шафера спрашиваютъ отца невѣсты, готова ли она къ вѣнцу и, когда получить утвердительный отвѣтъ, уходятъ. Въ невѣстиномъ же домѣ въ это время готовятъ столы, ставятъ на нихъ хлѣбъ, соль, сметану. Когда узнаютъ, что женихъ подходитъ къ дому, шаферъ невѣсты запираетъ двери у крыльца. Тисяцкій за дверью читаетъ молитву «Господи, Исусе Христе», а шаферъ въ сѣняхъ отвѣчаетъ «Аминь». Это продѣлываютъ до 3-хъ разъ, а затѣмъ уже отворяютъ; женихъ съ тысяцкимъ проходятъ въ комнату, а провожатые остаются въ сѣняхъ. Ихъ выходятъ встрѣчать невѣстины провожатые съ чашкой *) вина; въ сѣняхъ обѣ стороны устанавливаются другъ противъ друга и постепенно начинаютъ сближаться: шагнуть шагъ и поклонятся. Когда сойдутся, поцѣлуются три раза, обмѣняются чашками съ виномъ, отпьютъ немного и отдаютъ шаферамъ, которые допиваютъ вино. Затѣмъ идутъ въ комнату и на нѣсколько минутъ садятся за столъ. Женихъ креститъ сметану ложкой; если какой-нибудь гость выльетъ чашку квасу, провожатые кланяются. Невѣстины провожатые въ это время находятся въ другой комнатѣ, мать же одѣваетъ невѣсту. Жениховы провожатые изъ-за стола идутъ къ невѣстѣ, надѣваютъ на нее шубу, чешутъ волосы и сверхъ лисицы накидываютъ на голову платокъ, такъ что лицо невѣсты бываетъ закрыто; на руки надѣваютъ рукавицы изъ краснаго сукна, и затѣмъ сажаютъ съ женихомъ за столъ. Одна изъ провожатыхъ даетъ одинъ конецъ шелковаго платка жениху, а другой—невѣстѣ. Затѣмъ благословляютъ жениха и невѣсту крестомъ, и идутъ въ церковь. Плакальщицы съ причитаніями провожаютъ невѣсту до воротъ. Невѣста поворачивается лицомъ къ крыльцу и около четверти часа плачетъ вмѣстѣ съ плакальщицами. Впереди жениха и невѣсты идутъ шафера съ иконами и съ зажженными свѣчами и поютъ псаломъ: «Благослови, душе моя, Господа». Когда невѣста уйдетъ въ церковь, жениховы дѣвушки садятся за столъ; ихъ угощаютъ и за-

*) Чашки обыкновенно бываютъ закрыты платкомъ.

тѣмъ посылають съ ними двѣ подушки и оленью шкуру. Все это обыкновенно завертываютъ въ старую сорочку и малицы. Дѣвушки въ церкви не бывають. Послѣ вѣнца въ церкви на новобрачную надѣвають снова лисицу и платокъ, но уже часть лица оставляють открытымъ. Идя изъ церкви, новобрачные тоже держатся за уголки платка. Провожатые раздають въ церкви и на паперти всѣмъ пряники, конфеты въ знакъ пожеланія, чтобы жизнь новобрачныхъ была сладка. Дома новобрачныхъ встрѣчаютъ родители жениха и благословляютъ около стола иконой и хлѣбомъ. Благословляютъ всѣ ближайшіе родственники: провожатые, тысяцкій, дяди, тетки, крестный и крестная. Потомъ свекровь отрѣзаетъ отъ хлѣба краюшку и постепенно сматываетъ платокъ съ головы новобрачной на краюшку и накрываетъ новобрачную своимъ платкомъ. Затѣмъ провожатые уводятъ новобрачную въ другую комнату, заплетаютъ волосы въ двѣ косы *) и убирають голову по бабьи, т. е. надѣвають кокошникъ **) и повязываютъ голову шелковой шалью. Одѣтая такимъ образомъ, новобрачная, по выходѣ въ общую комнату, принимаетъ подносъ съ двумя рюмками и, низко кланяясь, обноситъ всѣхъ гостей виномъ, при чемъ рюмки всякій разъ наполняетъ новобрачный. На столахъ поставлены кулебяки, квасъ въ большихъ глиняныхъ чашкахъ и чайная чашка черпать квасъ. Всѣхъ угощаютъ сначала чаемъ, а потомъ всѣмъ, что стоитъ на столѣ. Угощеніе лежитъ на обязанности шаферовъ. Въ день вѣнчанія обыкновенно не веселятся, не пляшутъ, а только ѣдятъ и пьютъ.

Настоящій пиръ начинается на слѣдующій день. Въ этотъ же день новобрачная получаетъ изъ дома отца свое приданое. Когда пиршество кончится, и гости разойдутся, молодуха накрываетъ столъ и кладетъ передъ каждымъ членомъ своей новой семьи тарелку, деревянную ложку и глиняную чашку; низко кланяясь, она проситъ принять отъ нея посуду.

Таковы свадебные обычаи и обряды у зырянъ. Во многомъ они сходны съ соотвѣтственными обычаями и обрядами у русскихъ. Необходимо замѣтить, что всѣ обдорскіе зыряне—переселенцы изъ Архангельской губерніи, гдѣ они уже съ давнихъ временъ живутъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ русскими. Какъ у русскихъ, такъ и у зырянъ въ Обдорскѣ, обнаруживается склонность къ забвенію

*) Вѣнчаются всегда съ распушенными волосами.

***) Кокошникъ никому не показываютъ, такъ какъ нивогда не ходятъ безъ шали.

старинныхъ обычаевъ, пѣсенъ и къ упрощенію свадебнаго церемоніала.

Здѣсь приведены только образцы зырянскихъ пѣсенъ-причитаній, такъ какъ въ общемъ содержаніе ихъ является довольно однообразнымъ. Зырянки, желая сохранить размѣръ, при пѣніи часто останавливаются на половинѣ слова. Не могу ручаться за точность перевода, такъ какъ у меня не было подъ руками хорошаго переводчика. Трудность перевода усугублялась еще тѣмъ, что въ пѣсняхъ встрѣчаются слова и выраженія, повидимому, старинныя, которыхъ въ современномъ зырянскомъ языкѣ нѣтъ.

Свадебные обряды записаны со словъ М. И. Протопоповой, а пѣсни—со словъ зырянки изъ Ижмы (Арх. губ.) М. Истоминой (по-русски не говорить).

Русская свадьба въ Обдорекѣ.

Женихъ заявляетъ отцу и матери, что онъ желаетъ жениться, и указываетъ дѣвушку, которая ему нравится. Родители иногда не совѣтуютъ брать указанную дѣвушку, но и не настаиваютъ, чтобы поступалъ по ихъ желанію. Иногда родители сами указываютъ на какую-нибудь дѣвушку, но все-таки не принуждаютъ. Бываютъ и такіе случаи, когда вступаютъ въ бракъ молодые люди, мало знакомые или даже совершенно незнакомые другъ другу. При этомъ случается, что дѣвушка отказывается; тогда сразу же посылаютъ сватовъ къ другой или даже къ третьей дѣвушкѣ. Свадьбы <убѣгомъ> бываютъ рѣдко. Прежде, чѣмъ итти сватать, соберутъ всѣхъ родственниковъ, поятъ чаемъ, объявляютъ имъ о намѣреніи женить сына. И у такихъ родственниковъ, какъ крестный и крестная, спрашиваютъ также совѣта, хотя ихъ словамъ большого значенія не придаютъ. Придя къ болѣе или менѣе единокорному рѣшенію, зажигаютъ лампадку, молятся Богу и посылаютъ свата, большею частью изъ числа родственниковъ. Сватъ приходитъ къ невѣстѣ и первымъ долгомъ спрашиваетъ, дома-ли отецъ невѣсты; если его дома нѣтъ, проситъ поискать. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, сватъ, вставши на ноги, говоритъ, обращаясь къ родителямъ невѣсты: «Такой-то и такая-то (имя родителей жениха) приказали кланяться и просятъ руки вашей дочери». Тѣ отвѣчаютъ, что спросятъ у невѣсты, да и сами подумаютъ, и просятъ прійти въ другой разъ. Напившись чаю, сватъ уходитъ. По уходѣ свата, родители спрашиваютъ дочь, согласна-ли она выйти

замужъ за такого-то молодого человѣка; та свободно выражаетъ свое желаніе или нежеланіе, и родители ограничиваются большею частью совѣтами. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта невѣсты, за день до второго прихода свата, собираютъ всѣхъ родственниковъ и объявляютъ имъ, что они думаютъ выдать дочь замужъ за такого-то человѣка и спрашиваютъ ихъ совѣта; при этомъ изъ вѣжливости выслушиваютъ мнѣніе и дальнихъ родственниковъ. Когда приходитъ свать, ему объявляютъ о принятомъ рѣшеніи; зажигаютъ лампаду, всѣ молятся, и невѣста даетъ руку свату. Назначается день обрученія. На обрученіи бывають родственники жениха и невѣсты, а съ невѣстиной стороны бывають даже всѣ знакомые. Жениха дѣвушки *) встрѣчаютъ въ прихожей пѣсней:

№ 1. «Ни отъ вѣтру, ни отъ вихарю,
Ни отъ Божьей большой милости
Воротичка отворилса.
Бояра на дворъ вѣхали,
Молодые на крыльцо взошли.
Бояра-то Богу молятся,
Молодые стали здороваться».

До прихода жениха дѣвушки поютъ такія пѣсни, притомъ первую въ то время, когда одѣвають невѣсту:

№ 2. «Увивается ласточка, увивается косатая,
Вкругъ *) своего тепла гнѣздышка,
Вкругъ своихъ мелкихъ пташечекъ,
Мелкихъ пташечекъ—кукушечекъ.
Увивается (имя и отчество невѣсты)
Вкругъ своей родимой матушки
(Имя и отчество матери),
Вкругъ своихъ милыхъ подруженекъ,
Задушевныхъ голубушекъ».

№ 3. «По морю, морю, по морю синему
Морю Хвалынскому (поютъ «Колымскому»),
Плавала лебедь бѣлая,
Лебедь залетная;
Крыльями бьетъ о сине море,
Да объ Хвалынское.
Голову клонить на крутые берега,
Да на разсыпчатые,
Жалобу творила на холодную зиму.
На морозливую:

*) Поютъ: вкругъ.

«Будеть зима, зима холодная,
 Зима морозливая;
 Выпадут снѣга глубокіе,
 Будуть морозы рождественскіе
 И крещенскіе;
 Позябнуть лапочки лебединыя.
 Какъ будетъ отстать прочь отъ Волги рѣки?
 Какъ будетъ пристать къ болотной водѣ?»
 По снѣгъ, снѣгъ батюшкинымъ,
 Снѣгъ матушкинымъ.
 Ходила, гуляла красна дѣвица,
 Душа (*имя, отчество*).
 Голову клонила на могучія плечи,
 Руки жметъ къ ретивому сердцу,
 Слезы роняетъ на цвѣтное платье,
 Жалобу творила на родимаго отца:
 «Богъ тебѣ судья, родимый батюшка,
 Зачѣмъ меня молоду замужъ отдаешь?
 Какъ будетъ прочь отстать отъ батюшки.
 Какъ будетъ пристать мнѣ къ чужому отцу,
 Къ чужой матушкѣ?
 Какъ будетъ назвать мнѣ чужого отца?
 Батюшкой назвать мнѣ не хочется;
 По имени звать-такъ не честь, не хвала,
 Свекромъ звать-такъ не водится;
 Сжавъ свое сердце, сжавъ ретивое,
 Назвать батюшкомъ».

№ 4.

«Какъ у насъ во зеленомъ саду
 Раскачалася грушица,
 Передъ яблоней стоячи,
 Зеленые листья ронючи;
 Какъ у (*имя*) въ высокомъ терему,
 У (*отчество*) въ новой горницѣ,
 Что расплакалась (*имя*)
 Что расплакалась (*отчество*),
 Передъ батюшкой стоячи,
 Горячія слезы ронючи:
 «Да еще что это за праздничекъ?
 Да это кто у насъ именинничекъ?
 Новыя горницы разубраны,
 Столы дубовые разставлены,
 Скатерти бранныя разосланы?»
 Свѣтъ (*имя*) сударь божится,
 Свѣтъ (*отчество*) сталъ божитися:
 «Да еще нѣтъ у насъ праздничка,
 Да еще нѣтъ у насъ именинничка,—
 У насъ думушка крѣпко вздумана.

Слово тайно перемолвлено;
 У насъ на словѣ положено,
 По рукамъ у насъ ударено,
 Быть свиданью, быть дѣвипнику,
 Быть разлучному вечеру!»
 — «Ужь ты, батюшка родимый мой,
 Нельзя-ль слово перемолвити,
 Нельзя-ль думу передумати?»

- № 5. «Маменька, маменька *),
 Государыня, боярыня моя!
 Отдаешь меня, маменька,
 Во чужи люди, незнамые,
 Во незнамы, незнакомые.
 — Ты, дитя-ли, мое дитятко!
 Я же дамъ провожатаго,
 Провожатаго вѣрнаго
 Я те братца любезнаго.
 Ужь ты мать моя, маменька,
 Государыня, боярыня!
 Проводя братъ-отъ домой,
 Братъ-отъ скажетъ: «Сестра, такъ живи,
 Ты живи въ чужихъ людяхъ—не старѣйся,
 Ты носи платье—не снашивай,
 Ты терпи горе—не сказывай.
 Ужь ты братецъ, родимой мой!
 Поживу въ чужихъ людяхъ—состарюся,
 Поношу я платье—сносится,
 Потерплю я горе—скажется».

- № 6. «Не ходя-ка, родимый батюшка,
 Во столову-то нову горницу,
 Не станови-ка столы дубовые,
 Не стели-ка ты скатерти бранныя,
 Не зажигай-ко свѣчи трехрублевныя,
 Не запоручивай-ка мою головушку.
 Когда я была молодешенька,
 Ты носилъ-то меня на бѣлыхъ рукахъ,
 Ты носилъ-то меня, уговаривалъ:
 «Посажу-де тебя во зеленый садъ,
 Посажу-де тебя съ грушми зелеными
 И полью я тебя медовой сотой;
 А теперь-то, родимой батюшка,
 Посадилъ меня за дубовый столъ,
 Обсадилъ меня гостями незнамыми,—
 А по праву руку разлучникъ мой—
 И полилъ меня горячьми слезьми.

*) Поютъ: мамынька.

Войдя въ комнату, женихъ со своими гостями останавливается около порога. Отецъ и мать невѣсты выходятъ изъ другой комнаты и, поздравившись съ женихомъ, снова уходятъ.

Женихъ стоитъ ни съ кѣмъ не здороваясь. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, иногда довольно значительный, отецъ выводитъ невѣсту за руку; дѣвушки въ это время поютъ:

№ 7. «Выводилъ ее батюшка,
 Что изъ спаленки во горенку,
 Что изъ новой во столовую,
 Становилъ среди горницы,
 Заставлялъ Богу молиться,
 Всѣмъ гостямъ поклониться;
 Одному-то на особицу—
 Удаому добру молодцу,
 Свѣтъ (*имя жениха*).
 Отдала, да наказывала:
 «Не давай, сударь, въ обидушку,
 Что ни свекру, ни свекровушкѣ,
 Ни деверьямъ, ни золовушкамъ».

Кто-нибудь изъ родственниковъ даетъ поднось съ налитой рюмкой, и невѣста подаетъ ее жениху; выпивъ, женихъ ставитъ рюмку на поднось. Рюмки кто-нибудь убираетъ съ подноса, а невѣста кладетъ на него подарокъ жениху. Онъ беретъ подарокъ, передаетъ кому-нибудь, а самъ кладетъ свой подарокъ. Получивъ подарокъ, невѣста здоровается и цѣлуется съ женихомъ. Женихъ со всѣми здоровается и садится съ невѣстой за круглый столъ; женихъ по лѣвую, а невѣста по правую сторону. Потомъ выносятъ бокалы съ виномъ, иногда съ шампанскимъ; всѣ пьютъ и поздравляютъ «съ начатымъ дѣломъ». Затѣмъ пьютъ чай. Въ это время дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни и величать въ пѣсняхъ всѣхъ.

Первымъ долгомъ величаютъ жениха и невѣсту:

№ 8. «Какъ по саду было, садичку,
 По зелено виноградничку.
 Тутъ ходилъ, гулялъ молодець,
 Свѣтъ (*имя жениха*).
 Онъ чесалъ кудри русыя
 Черепаховой гребеночкой;
 Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:
 «Прилегайте, кудри русыя
 Къ моему лицу бѣлому,
 Ко моему румяному;
 Привыкай-ка, душа (*имя невѣсты*)

Ко моему уму-разуму,
 Что ко нраву молодецкому,
 Что въ обычью княженецкому».

Какъ отвѣтъ держать (*имя невесты*):
 — «Привыкать мнѣ не хотѣлося,
 За досаду показалось;
 Мнѣ хотѣлось жить у бабушки,
 Красоватися у матушки».

На зарѣ-то ранней, утренней,
 На закатѣ ясна мѣсяца,
 На восходѣ красна солнышка,
 Звонко свищеть перепелица:
 Слезно плачетъ красна дѣвица
 Объ своей-то дѣвѣей красотѣ.

Затѣмъ, имѣя въ виду родителей жениха, поютъ:

№ 9. «Стояла чара на столѣ, на столѣ,
 Стояла чара на шелковомъ коврѣ.
 Никто за чару не возьмется—
 Взялся, принялся смѣлый человекъ,
 Смѣлый человекъ, удалый молодецъ (*имя, отчество*).
 Самъ изопьетъ, къ госпожѣ поднесетъ:
 «Кушай, жена, кушай барыня моя!»
 — Что-то мнѣ вдругъ не можется,
 Чарочки пить мнѣ не хочется.
 Седнишню ноченьку мало спалось,
 Мало спалось, много видѣлось:
 Какъ бы у насъ на широкомъ дворѣ
 Выросла травонька шелковая,
 Расцвѣли цвѣтики аленькіе.
 Ходитъ павлинъ да со паушею (?).
 — Я тебѣ, милая, сонъ расскажу,
 Я тебѣ, милая, какъ перомъ распишу:
 Это павлинъ то я самъ господинъ,
 Эта же пауша-ты у меня,
 Шелкова травонька—дѣти у насъ,
 Аленьки цвѣтики любятъ насъ.

Родственники жениха и невесты, а также гости, величаются въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

№ 10. «Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, сѣничкамъ,
 По частымъ ли переходичкамъ
 Тутъ ходила, выгуливала
 Дорога наша боярыня,
 Свѣтъ-де (*имя, отчество*);
 Она будила, выбуживала

Своего друга милаго,
 Своего друга любезнаго,
 Свѣтъ (*имя, отчество*):
 — Да ты встань, пробудися, мой другъ:
 Оторвался нашъ добрый конь
 Отъ столба, столба дубоваго,
 Отъ кольца, кольца серебрянаго,
 Отъ витого, позолоченаго.
 Онъ ворвался во зеленый садъ,
 Весь зеленый садъ повытопталъ,
 Со калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодою-смородиною
 И со винными ягодами,
 Со наливными яблоками.
 — «Ты не плачь, моя умная,
 Не взрыдай, моя разумная:
 Можетъ, можетъ Богъ помиауетъ,
 Государь-царь пожалуетъ,—
 Наживемъ съ тобой зеленый садъ,
 Со калиною, съ малиною,
 Съ черной ягодою смородиною
 И со винными ягодами,
 Со наливными яблоками».

№ 11. «Плавала чарочка въ сладкомъ меду,
 Въ сладкомъ меду, въ сладкой патоцкѣ;
 Никто за чару не возьмется,—
 Взялся, принялся смѣлый человекъ,
 Смѣлый человекъ, удалой молодецъ (*имя, отчество*).
 Самъ изопьетъ, госпожѣ поднесетъ (*имя, отчество*):
 — Кушай, жена, кушай барыня моя!
 Выпей ты чару за меня, за меня;
 Роди ты сына во меня, во меня,
 Роди ты дочь во себя, во себя.
 Этому сыну я коня куплю,
 Этой я дочери теремъ куплю;
 Съ этого коня я сына женю,
 Съ этого терема дочь замужъ отдамъ.

№ 12 *). «Выпадала порошенька
 На землю, землю талую;
 Что по той по порошенькѣ
 Выбѣгалъ сѣрый заюшка,
 А за заюшкой лисанька,
 А за лисанькой добрый конь,
 На добръ-то конѣ молодецъ;

*) Помѣщена также у В. Баргенева. «На С.-З. Сибири».

Онъ туго-еть лукъ натягиваль,
 Калену стрѣлу накладываль,
 Самъ-то стрѣлкѣ приговариваль:
 «Ты лети-ка, моя стрѣлонька,
 Выше дѣса стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Высоко по поднебесью,
 Далеко по сырой землѣ;
 Ты подстрѣль, подстрѣль заюшку,
 Что подъ правую подъ пазушку».
 Увидала его мамынька
 Изъ высокаго изъ терема,
 Изъ косящата окошечка
 Изъ нѣмецкаго стеколышка:
 — «Исполать тебѣ (*имя*),
 Исполать (*отчество*).
 Ты умѣль хорошъ радитися;
 Хорошо снарядитися,
 (Ты умѣль службу выслужить) (*вариантъ*)
 Передъ князьями-боирами,
 Передъ своей меньшей братіей».

№ 13.

«Вы перильца, перильца мои,
 Вы перильца хрустальныя!
 Что по тѣмъ по перилкамъ
 Тутъ ходила, выгуливала
 Дорога наша боярыня
 Свѣтъ (*имя, отчество*).
 Во рукахъ она носила
 Дорогіе два яхонта,
 Дорогіе, алмазные,
 Со ими рѣчь говорила:
 «Ужь вы, яхонты, яхонты!
 Полежите малешенько,
 Покуль я молодешенька,
 Да схожу я во свѣтлицу,
 Во столову нову горницу,
 Погляжу я въ окошечко:
 Что, свѣтель-ли свѣтель мѣсяць?
 Что, весель-ли мой милый другъ,
 Свѣтъ (*имя, отчество*).
 Во честномъ пиру сидючи,
 Со князьями, со боярами,
 Съ генералами, съ полковниками?»
 Генералы-то хвалятся,
 Молодые похваляются:
 — Что у насъ братцы, полки на рукахъ.
 Свѣтъ (*имя*) сударь хвалится,

(Отчество) похваляется:

— У меня, братцы, жена молода,
Еще то-то красавица:
Лицо было, какъ бѣлый свѣтъ,
Щеки алы, какъ маковъ цвѣтъ.
Брови черны—черна соболя,
Походка павлиновая,
Поговорка лебединая.
Она пойдетъ—утѣшить меня,
Слово скажетъ—забавить меня.

- № 14. «Черезъ рѣчку рябинка лежала,
Черезъ быстру кудрява лежала;
Никто по рябинкѣ не ходитъ,
Никто по кудрявой не ходитъ,—
Свѣтъ (имя) сударь переходитъ,
(Отчество) жену переводитъ:
«У меня жена щеголиха:
Она пѣшей къ обѣднѣ не ходитъ,
Башмачковъ она не роняетъ;
У ней есть пара коней—вороны,
На запяточкахъ холостые».

Холостыхъ величаютъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

- № 15. «Какъ у насъ было въ нынѣшнемъ году,
Уродился виноградъ во саду.
Добрый молодецъ гулялъ въ зеленомъ;
Онъ садился самъ подъ розовый цвѣтокъ,
Сорывалъ онъ съ розы розовый цвѣтокъ;
Онъ цвѣточку любитъся,
Красотѣ своей дивуется.
Былъ я, былъ я въ Петербургѣ и Москвѣ.
Не нашель я тамъ невѣсту по себѣ.
Ужъ я нынче получше снаряжусь,
Во соборъ я схожу Богу помолюсь,
На всѣ стороны четыре поклонюсь.
Создай, Боже, мнѣ невѣсту хорошу,
Молоду жену, влюшницу,
Мнѣ мальчишка обувать, одѣвать.

- № 16. «Кто у насъ хорошій, да кто у насъ пригожій?
Да розанъ, мой розанъ, виноградъ зеленый.
У насъ (имя) корожій, (отчество) пригожій.
Припѣвъ.
По горницѣ ходитъ, на меръ (?) наступаетъ,
Припѣвъ.
На меръ наступаетъ, каблукъ не ломаетъ,
Припѣвъ.

На крыльцо выходить, конь къ нему подходит;
 Припѣвъ.
 На коня садится, конь подь нимъ бодрится;
 Плеточкой онъ машеть, конь-то подь нимъ пляшетъ;
 Припѣвъ.
 Къ лугу подѣзжаетъ—да лугъ-отъ зеленѣеть,
 Припѣвъ.
 Къ саду подѣзжаетъ—садъ-отъ расцвѣтаетъ,
 Припѣвъ.
 Къ морю подѣзжаетъ—да море колыхаеть,
 Припѣвъ.
 Къ дому подѣзжаетъ—маменька встрѣчаетъ,
 Припѣвъ.
 Маменька встрѣчаетъ, сыномъ называетъ,
 Припѣвъ.
 (Сыномъ называетъ).
 Сынъ ты мой, сыночекъ, ясный соколочекъ!
 Припѣвъ.
 Гдѣ ты, сынъ, гуляешь, дома не бываешь?
 Припѣвъ.
 Дома не бываешь, невѣсть примѣчаешь?
 Припѣвъ.

Свату поютъ:

- № 17. Приходилъ по тихохоньку,
 Говорилъ по малехоньку,
 Онъ хвалилъ, все нахваливалъ
 Чужу дальнюю сторонушку,
 Чужу дальню, незнакомую:
 Какъ чужая, дальня сторона,
 Она вишеньемъ обсажена,
 Медовой сытой обливана.
 А чужая-то дальня сторона,
 Она горечью обсажена,
 Горячьми слезьми поливана.
- № 18. Кленъ-дерево пошатнулося,
 Вѣточка обломилася,
 Ягодка покатилася;
 По полю катилася—жемчужиною,
 Крыла дѣса алымъ бархатомъ,
 Между горъ шла чернымъ соболемъ,
 По берегу шла сѣрой утицею,
 Къ морю подошла красной дѣвицей (*имя, отчество*).
 По морю корабли плывутъ:
 Чьи корабли?—Свекра-батюшки (*имя, отчество*).
 Чьи корабли?—Свекрови-матушки (*имя, отчество*).

За пѣсни дѣвушкамъ даютъ деньги—отъ 30—50 коп. до 5 руб. Когда каждому спокуютъ пѣсню, начинаются танцы (кадриль, полька, русская) и разныя игры съ пѣснями. Во время пѣсенъ отецъ жениха или невѣсты велитъ жениху и невѣстѣ обручиться, т. е. обмѣняться кольцами. Послѣ ужина женихъ со своими гостями уходитъ домой. Жениха дѣвушки провожаютъ пѣсней:

№ 19. «Ты гуляй-ка, гуляй,
Добрый молодецъ,
По широкой-то новой улицѣ,
Не давай вѣтру вянуть,
Небольшому дождю канути.

На другой день послѣ обрученья женихъ приходитъ въ гости къ невѣстѣ и приноситъ чай, сахаръ и деньги. Вскорѣ послѣ обрученья женихъ устраиваетъ вечеръ, на который зоветъ невѣсту съ дѣвушками и родственниками и всѣхъ своихъ знакомыхъ. На этомъ вечерѣ поютъ игровыя пѣсни, играютъ и танцуютъ. За день или за два до свадьбы бываетъ «дѣвичникъ», т. е. вечеръ у невѣсты. Утромъ въ дѣвичникъ посылаютъ приданницу *) ко всѣмъ дѣвушкамъ, съ просьбой прійти на дѣвичникъ. Онѣ приходятъ рано и помогаютъ невѣстѣ готовиться къ вечеру. Незадолго до прихода жениха начинаютъ одѣвать невѣсту, причемъ поютъ: № 2, № 5.

До прихода жениха поются пѣсни: № 3, № 4, № 6 и:

№ 20. «Что горитъ-то, горитъ, перегоритъ,
Что сыро-есть боръ до ельничка,
До частаго до березничка;
Что бѣжить-то, бѣжить, перебѣжить,
Что милый-то братъ ко милой сестрѣ (*имена ихъ*).
— Ты, сестрица любезная,
Ничего ты не знаешь, не вѣдаешь:
Жениха тебѣ засматриваютъ,
Сватовья тебя засватываютъ,
Родной батюшка запросватываетъ,
Родна матушка по рукамъ хочеть бить,
— Ужъ ты, братецъ любезный мой,
Ты сходи-ка на конюшій дворъ,
Ты возьми-ка коня лучшаго,
Поѣзжай-ка во чисто поле,
Засѣки-ка тамъ засѣку,

*) Женица, обыкновенно родственница, которая потомъ увезетъ приданое въ домъ жениха.

Чтобъ не пройти-то, не проѣхати
 Что ни конному, ни пѣшему,
 Моему-то злему разлучнику (*имя, отчество*).

№ 21.

Во стольномъ новомъ городѣ,
 Во столовой новой горницѣ,
 Столовали князья-бояра,
 Полюбили боярича
 (*Имя, отчество*).

Они вздумали женить молодца,
 Посылали свата свататься
 (*Имя, отчество свата*)

За душу-ли красну-дѣвицу
 (*Имя, отчество невесты*).

Ужъ какъ (*имя невесты*) прочь отъ него,
 Свѣтъ (*отчество*) дальше того—

Во темны лѣса лисицею;

Ужъ какъ (*имя жениха*) хвалится,
 (*Отчество*) похваляется:

— Ужъ я наберу, соберу

Всѣхъ друзей-товарищей,

Со луками, со стрѣлами;

Съ золотыми револьверами,—

Ужъ я выстрѣлю, выстрѣлю

Изъ темна лѣса всѣхъ звѣрей.

Ужъ я достигну, достигну

Что душу-ли красну дѣвицу

(*Имя, отчество*).

Ужъ какъ (*имя невесты*) прочь отъ него,

Свѣтъ (*отчество*) дальше того,—

Въ сине море шукою.

(*Имя*) сударь хвалится,

(*Отчество*) похваляется:

— Ужъ я соберу, соберу

Всѣхъ друзей-товарищей

Со лодками, со веслами,

Съ неводами шелковыми;

Ужъ я выловлю, выловлю

Изъ синя моря всю рыбу,

Ужъ я достигну, достигну

Что душу-ли красну дѣвицу

(*Имя, отчество*).

Ужъ какъ (*имя невесты*) прочь отъ него,

Свѣтъ (*отчество*) дальше того,—

Во любезну свою спаленку,

Ко любезнымъ подруженькамъ.

(*Имя жениха*) сударь хвалится,

(*Отчество*) похваляется:

— Ужь я выдарю, выдарю
 Всѣхъ любезныхъ подруженекъ
 Я платками шелковыми,
 Ужь я доступлю, доступлю
 Что душу-ли красну-дѣвицу
 (*Имя, отчество*).

№ 22. Ужь какъ по мосту, мосту,
 По калинову мосту
 Тутъ карета бѣжала,
 Золотая бренчала;
 Что во той во каретѣ
 Красна дѣвица сидѣла
 (*Имя, отчество*);
 Она плакала, рыдала,
 Свою нѣгу вспоминала,—
 Нѣгу матушки-родимой,
 Волю батюшки роднова.
 Не соколъ пролетаетъ,
 Не крыломъ задѣваетъ,—
 Добрый молодець проѣзжаетъ
 (*Имя, отчество*);
 Онъ карету отпираетъ,
 Красну дѣвицу утѣшаетъ:
 «Ты не плачь, моя умная,
 Не рыдай, моя разумная!
 Ужь я тебѣ дамъ волю,
 Волю батюшки родного,
 Нѣгу матушки родимой:
 Куда пойдешь ты—спросися,
 Отколь придешь—доложися».
 — «Еще что это за воля?
 Еще что это за нѣга?
 Куда пойду я—спрошуся,
 Отколь приду—доложуся».

№ 23. По морю корабль бѣжить
 По синю-то морю чернѣется;
 На этомъ кораблѣ немного людей—
 Шестеро работничковъ.
 А седьмой-отъ на кормѣ сидить.
 А восьмой-отъ кашаварничать.
 А девятый добрый молодець
 (*Имя, отчество*).
 Во рукахъ онъ держитъ гусли звонкія,
 За собой онъ водитъ суженую,
 Что душу-ли красну дѣвицу
 (*Имя, отчество*).

Что идучи-то, она отпрашивалася:
 — Отпусти меня (*имя*),
 Отпусти меня (*отчество*),
 На одинъ-отъ часъ ко батюшкѣ,
 На свиданьице къ родимой матушкѣ,
 На плаканьице къ родимымъ сестрамъ;
 Что оставила я золоты ключи,
 Отъ большого-то отъ ящика,
 Гдѣ лежатъ дороги дары:
 Чѣмъ дарить я буду свекра батюшку?
 Чѣмъ дарить я буду свекровь матушку?
 Чѣмъ дарить буду деверьевъ, золовухекъ?

Въ это время накрываютъ круглый столъ бѣлой скатертью и въ нѣсколько рядовъ розовыми и голубыми лентами и цвѣтами. Женихъ является на вечеръ съ поѣзжанами, т. е. съ тысяцкимъ, шаферами и провожатыми. Его встрѣчаютъ пѣсней № 1, при чемъ продѣлывается та же церемонія, что и на обрученьи. Вечеръ начинается пѣснями, въ которыхъ величается женихъ, неvěста и гости; каждому лицу поется особая пѣсня, соотвѣтственно его положенію. Такъ, обращаясь къ жениху и его поѣзжанамъ, дѣвушки поютъ.

№ 24. Чья это бояра?
 Чьи молодые?
 Много васъ, бояръ, уродилося,
 У насъ столько пѣсенъ не случилось.
 Тысяцкій (*имя, отчество*).
 Свашенька большая (*имя, отчество*),
 Свашенька меньшая (*имя, отчество*).
 Большой бояринъ (*имя, отчество*).
 Младшій бояринъ (*имя, отчество*).
 Тысяцкому—сорокъ соболей.
 Свашенькамъ—по парѣ соболей.
 Тебѣ, большой бояринъ—добраго коня.
 Тебѣ, меньшей бояринъ—на скюрткукъ сукна.
 Тебѣ, князь молодой—княгиню молоду.

Жениху поется еще такая пѣсня:

№ 25. Какъ во стольномъ Новомъ городѣ,
 Во столовой новой горницѣ
 Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ столъ;
 За столомъ сидѣлъ молодець,
 Онъ чесалъ кудри русыя
 Черепуховой гребелочкой.
 Онъ чесалъ, самъ приговаривалъ:

— «Приходи-ка, моя барышня,
Ты катись, груша зеленая,
Прилетай-ка моя ласточка.
Проблести, искра алмазная»,
Не успѣлъ рѣчи окончить онъ,
Какъ вдругъ двери растворилися,
На пятъ остановилися.
Какъ отвѣтъ держать дѣвица,
Отвѣчаетъ свѣтъ (*имя невесты*):
— «Если-бъ я была боярышня,
Я ходила-бы со мамками;
Если-бъ я была груша зеленая
Я-бъ висѣла въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду у бабушки,
Если-бъ я была ласточка
Я-бъ летала во синемъ небѣ;
Если-бъ я была искра алмазная,
Я была бы въ золотомъ перстнѣ,
Въ золотомъ перстнѣ у молодца
У (*имя, отчество*) *).

Родителямъ поютъ: № 9. Повторяется много изъ тѣхъ пѣсень, которыя пѣлись на обрученъи. Послѣ пѣсень начинаются танцы и игры, которые продолжаются долго. Заканчивается вечеръ ужиномъ. Жениха домой провожаютъ съ пѣсней: № 19.

Гости уходятъ, а дѣвушки остаются у невесты гостить.

На другой день послѣ дѣвичника, дѣвушки помогаютъ шить, а также развлекаются пѣніемъ, играми. Подъ вечеръ для невесты устраивается баня. При этомъ поются пѣсни:

№ 26. Ты измѣнница, прилестница,
Ты, душа-ли, красна дѣвица,
Измѣнила всѣмъ подруженькамъ:
Обѣщалась въ монастырь итти спасаться,
Въ монашенки постригаться,
А теперь ты вотъ замужъ идешь
За удалого добра молодца.
За постриженіе дамъ сто рублей.
Я, подруженьки, васъ съ собой возьму,
Что которую во няюшки,
А которую во кляшницы.

№ 27. Вы поможте меня, подруженьки,
Во первой то, во послѣдній разъ,
Во послѣдней дѣвѣй красотѣ.

*) Эта же пѣснь упоминается у В. Бартечева—«На крайнемъ Сѣверо-Западѣ Сибири». Спб. 1896.

Провожатя угощают дѣвушекъ конфектами, виномъ. Возвращаются изъ бани съ пѣснями, криками, смѣхомъ. Войдя въ домъ, поютъ:

«Тебѣ спасибо, родимый батюшка, на пару, на банюшкѣ».

Вечеромъ приходитъ женихъ, и день заканчивается обыкновенно весело: пѣніемъ, играми, пляской.

Въ день вѣнчания невеста идетъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни въ домъ невесты приносится икона и служится молебень. Когда дѣвушки садятся обѣдать, невеста тоже подсаживается къ столу, хотя ничего не ѣстъ, при чемъ дѣвушки поютъ:

Ты садись-ка, родимый батюшка,
За единый столъ съ нами хлѣба кушати.

Выходя изъ-за стола, дѣвушки поютъ:

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Тебѣ спасибо, родимая матушка,
За вашъ хлѣбъ-соль.

Вскорѣ приходитъ женихъ, и родители благословляютъ молодую чету хлѣбомъ съ солью и иконами. По уходѣ жениха начинаютъ готовить приданое для отправки его въ домъ жениха, не забывая положить между вещей мелкихъ серебряныхъ монетъ; при этомъ поется пѣсня:

№ 28. Какъ отъ нашей новой пристани
Три корабличка отправлялися:
Ужъ какъ перво-еть корабличекъ
Со златомъ и со серебромъ;
Второ-еть корабличекъ
Со скатнымъ-то съ жемчугомъ;
Третій-еть корабличекъ
Съ душой-ли красной дѣвицей
(Имя, отчество невесты).
Ужъ какъ матушка расплакалась,
Когда (имя невесты) возродила;
Во второ-еть разъ расплакалась
Когда (имя невесты) возросила;
Ужъ какъ въ третій-то разъ расплакалась,
За удалого добра молодца
(Имя, отчество жениха).

Жениховы дѣвушки встрѣчаютъ приданое также пѣсней: № 1. Приданница вручаетъ жениху ключи отъ ящичковъ. Женихъ пріѣзжаетъ къ родителямъ невесты, благодаритъ ихъ и затѣмъ присы-

лаетъ невѣстѣ шкатулку, въ которой находятся цвѣты, фата, брошка, браслетъ, перчатки и т. п. Присылка шкатулки служить сигналомъ, что невѣстѣ пора одѣваться. Съ пѣснями дѣвушки одѣваются въ послѣдній разъ свою подругу. Старшая провожатая вдѣваетъ серьгу въ правое ухо, младшая — въ лѣвое. Туфли обыкновенно надѣваетъ братъ, который въ то же время бываетъ и шаферомъ; въ туфли кладутъ деньги и макъ. Женихъ посылаетъ младшаго шафера узнать, готова-ли невѣста; его встрѣчаютъ пѣсней:

№ 29. Исполать тебѣ, сударь (*имя шафера*),
 Исполать тебѣ (*величанье*)!
 Ты умѣлъ хорошъ родитися,
 Хорошо снарядитися.
 Тебя князь полюбилъ,
 На сюртукъ сукна дарилъ.

Одна изъ дѣвушекъ прикалываетъ ему цвѣтокъ, а онъ даритъ ей коробку конфетъ. Этому первому посыльному подають бокаль вина и отвѣчаютъ, что невѣста не готова. Женихъ посылаетъ средняго шафера, и тотъ возвращается уже съ утвердительнымъ отвѣтомъ. Одѣвшись, невѣста разрѣзаетъ ленту на нѣсколько частей и даритъ каждой дѣвушкѣ, а ближайшимъ подругамъ еще по цвѣтку. Затѣмъ дѣвушки поютъ:

№ 30. Шло красно солнышко по залѣсью,
 Вели красну дѣвицу по застолью;
 Бросила ключи на дубовые столы:
 «Я тебѣ, батюшка, не клюшница,
 Я тебѣ, матушка, не ларешница:
 Клюшница буду свекру-батюшкѣ,
 Ларешница буду свекрови-матушкѣ.

Невѣсту начинаютъ благословлять къ вѣнцу. Въ это время шаферъ даетъ за невѣсту дѣвушкамъ выкупъ, который обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ фунтовъ конфетъ. Когда новобрачные возвращаются изъ церкви, дѣвушки встрѣчаютъ ихъ пѣсней:

№ 31. Рядомъ, рядомъ ясны соколы летять,
 Бережно колымагу везуть;
 Въ той колымагѣ красна дѣвица сидитъ
 (*Имя, отчество*).

Затѣмъ поютъ пѣвчіе или играетъ музыка. Новобрачныхъ опять благословляютъ. Націнается свадебное пированье, которое продолжается обыкновенно нѣсколько сутокъ.

Записала со словъ М. И. Протопоповой *М. Ларионова*.

Село Обдорскъ, Тоб. губ. 1904 г.

Игровыя пѣсни.

- № 1. Отворяйтеся широкія ворота:
 Ужь я сяду на добра коня, поѣду,
 Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
 Молодой женѣ подарокъ закупати;
 Закуплю я молодой женѣ подарокъ—
 Саму-саму престличную шелку.
 Положу я на серебряно блюдо,
 Подойду я къ молодой женѣ поближе,
 Поклонюсь я молодой женѣ пониже:
 Ты бери-ка, жена, не чванься,
 Душа-сердце мое, не гордися.
 Посмотрите-ка, добрые люди,
 Какъ жена-то меня, молодца, не любить,
 Она всѣмъ сердцемъ ненавидить.
 Отворяйтеся широкія ворота:
 Ужь я сяду на добра коня, поѣду,
 Я поѣду во Китай-городъ гуляти,
 Молодой женѣ подарокъ закупати;
 Закуплю я молодой женѣ подарокъ—
 Саму-саму престличную плетку,
 Положу я на серебряно блюдо,
 Подойду я къ молодой женѣ поближе,
 Поклонюсь я молодой женѣ пониже:
 Ты бери-ка, жена, не чванься,
 Душа-сердце мое, не гордися.
 Посмотрите-ка, добрые люди,
 Какъ жена-то меня, молодца, любить,
 Она всѣмъ сердцемъ приголубить,
 Приголубить жена, поцѣлуеть.
- № 2. Тега, гуси домой,
 Тега, сѣрые, домой!
 Гуси не идутъ домой,
 Сѣры не пойдутъ.
 Я сама гуськомъ,
 Сама сѣренькимъ,
 Я старымъ старичкомъ
 Стадководничкомъ.
- № 3. Ужь какъ по мосту, мосточку,
 По калиному мосточку
 Тутъ и шли-прошли прохожи,
 Три названныя сестрицы;
 Во рукахъ-то фонаречки,
 Въ фонаречкахъ уголечки;

Уголечекъ обронули,
 Каинъ мостикъ загорѣлся,
 Загорѣлся, занимался.
 У старова сердце ноеть,
 Ноеть, ноеть, занываетъ
 По душѣ красной дѣвицѣ.

№ 4.

Ходить царь
 Вкругъ Нова-города;
 Ищетъ царь
 Онъ царевну свою,
 Королеву свою.
 Гдѣ же она?
 Вкругъ Новѣ-городѣ,
 Вкругъ Новѣ-широкѣ.
 Золотымъ вѣнцомъ
 Она просвѣтила,
 Золотыми ключами
 Она побрякала.
 Возьми ее
 За правую руку,
 Спроведи ее
 Вкругъ Нова-города,
 Вкругъ Нова-широка.
 Поставь ее
 По-среди города,
 Среди новенькаго.
 Заставь ее
 Танцовать и плясать:
 Протанцуй, царевна,—
 Царевичъ велѣлъ,
 Молодой приказалъ.
 Скокни, горда,
 Среди города
 Среди новенькаго!
 Поклонись, царевна,—
 Царевичъ велѣлъ,
 Молодой приказалъ.
 Поцѣлуй, царевна,—
 Царевичъ велѣлъ,
 Молодой приказалъ.

№ 5.

Ходить царь, царевичъ,
 Царевъ сынъ,
 Еще ищетъ царь царевну;
 Царевъ сынъ.
 Въ Новомъ-городѣ гуляетъ,
 Припѣвъ.

Что во гарусномъ во платьѣ,
Припѣвъ,
На шейкѣ-то платочекъ,
Припѣвъ,
Вы беритесь за ручку,
Припѣвъ,
Ужъ вы кланяйтесь низенько,
Припѣвъ.
Вы цѣлуйтєся миленько.
Припѣвъ.

М. Ларионова.

Отчетъ общества за 1904 г.

Въ 1903 г. 18-го декабря скончался председатель общества, Д. А. Коропчевскій. Первое засѣданіе поѣтому было посвящено его памяти.—Въ истекшемъ году состоялось 4 общихъ засѣданія и 2 засѣданія совѣта. 1) *20 января*—засѣданіе совѣта. 2) *30 января* были прочитаны доклады: Д. А. Клеменца: воспоминанія о Д. А. Коропчевскомъ; Н. М. Могилянскаго—о научной дѣятельности Д. А. Коропчевскаго и Е. М. Чепурковскаго—къ вопросу о наслѣдованіи формы головы. 3) *12 марта* засѣданіе совѣта. Докладъ секретаря о положеніи дѣлъ общества. 4) *19 марта* докладъ проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. «Объ одной изъ сторонъ постепеннаго человѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей». 5) *13 мая*.—Л. Я. Штернберга. Культъ «инау» у айновъ. Е. М. Чепурковскаго. Биометрика (последній докладъ за позднимъ временемъ не состоялся). 6) *29 октября*. Д-ра Ѳ. А. Бялынецкаго-Бирули.—Головной указатель славянъ, латто-литовцевъ и др., на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ.

Въ теченіе 1904 года въ *почетные* члены избраны: проф. Рихардъ Андре (Мюнхенъ), проф. Дмитрій Николаевичъ Анучинъ (Москва), проф. Луи Манувріэ (Парижъ), проф. Карль Пирсонъ (Лондонъ), проф. Юганнъ Ранке (Мюнхенъ), проф. Фридрихъ Ратцель (Лейпцигъ) и проф. Эмиль Шмидтъ (Лена)—всего 7 чел. Въ члены сотрудники избраны: В. Г. Богоразъ (Нью-Йоркъ), А. А. Борзовъ (Москва); проф. К. Веуде (Лейпцигъ), Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), В. В. Воробьевъ (Москва), Г. Н. Жакова (Петербургъ), А. А. Ивановскій (Москва), В. И. Дюхельсонъ (Бернъ), Л. В. Костиковъ (Юрьевъ), С. К. Кузнецовъ (Москва), І. Леманъ (Лейпцигъ), Е. И. Лупенко (Москва), проф. П. А. Минаковъ (Москва), Т. Прейссъ (Берлинъ), И. П. Силиничъ (Москва), В. Л. Сѣрошевскій (Варшава), А. О. Хейкель (Гельсингфорсъ), Н. А. Ян-

чукъ (Москва)—всего 18 чел. Въ дѣйствительные члены избраны: проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (Петербургъ), д-ръ Ф. А. Бялынцкій-Бируля (Петербургъ), К. К. Гильзенъ (Симбирскъ), М. А. Елачичъ (П-гъ), д-ръ Ю. В. Людевигъ (П-гъ), д-ръ Германъ Мейеръ (Лейпцигъ), Е. Л. Петри (П-гъ), В. В. Радловъ (П-гъ), Е. М. Романова (П-гъ), д-ръ Ю. П. Фридолинъ (П-гъ), Л. Я. Штернбергъ (П-гъ)—всего 13 членовъ.

Къ концу года состояло:

чл. учредителей . . .	25
чл. почетныхъ . . .	9 (скончалось 2)
чл. сотрудниковъ . . .	27 (скончался 1)
чл. дѣйствительныхъ . . .	71 (1 избранъ въ почетные чл., 2 скончались и 3 отказались).

Скончались: почетн. чл. Р. Вирховъ (въ 1901 г.) и Ф. Ратцель (въ 1904 г.), чл. сотрудникъ — Бринтонъ и дѣйств. чл. д-ръ Фрей и Н. Н. Харузинъ; изъ числа членовъ отказались: В. В. Передольскій, П. А. Стенинъ и д-ръ Гагенторнъ.

Наиболѣе важныя постановленія сдѣланы были слѣдующія: 1) предпринять изданіе «Ежегодника» вмѣсто прежнихъ протоколовъ, 2) предоставить право предсѣдателю войти съ ходатайствомъ къ ректору университета, насчетъ предоставленія болѣе подходящаго помѣщенія для краниологической коллекціи и библиотеки общества, 3) начать сборъ членскихъ взносов, 4) привлечь новыхъ членовъ и 5) напечатать дипломы для новыхъ членовъ, 6) на основаніи § 3 устава устроить рядъ публичныхъ лекцій на тему о Дальнемъ Востокѣ для пополненія средствъ общества. На ходатайство общества относительно помѣщенія ректоръ отвѣчалъ отказомъ, мотивируя его недостаткомъ мѣста. Постановленіе 6 не достигло желаемаго результата, такъ какъ лекторовъ привлечь не удалось.

Выдано 3 открытыхъ листа: 1) студенту Д. Т. Яновичу для продолженія работъ надъ карелами Олонецкой губ., 2) чл. сотр. Глафирѣ Никаноровнѣ Жаковой въ Варнавинскій у. Костромской губ., для работъ надъ русскими крестьянами и 3) окончившему юридическій факультетъ П. М. Раздольскому—въ Уфимскую губ. для работъ надъ башкирами. Оба послѣднія лица выполнили работы, г-ну же Яновичу помѣшала болѣзнь.

Коллекціи общества, находящіяся въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ (на чердакѣ университета, въ сѣняхъ, гдѣ сложены дрова

и т. д.), пополнились крайне цѣннымъ даромъ П. Н. Бекетова— 40 черепами изъ раскопокъ въ г. Алуштѣ (см. ниже письмо Бекетова и Шкорпилло). Коллекція передана для разработки д-ру Ю. П. Фридолину. Проф. Д. Н. Анучинъ подарилъ обществу для его «Ежегодника» 250 экземпляровъ портрета Фр. Ратцеля (см. в.). Д-ръ Фалькъ подарилъ два музыкальныхъ инструмента изъ Закаспійской области.

Библиотека, благодаря избранію новыхъ членовъ-сотрудниковъ, приславшихъ свои труды, сразу обогатилась на болѣе, чѣмъ 200 книгъ и брошюръ. Росту библиотеки, равно и другихъ коллекцій, препятствуетъ недостатокъ мѣста. Въ книжномъ обмѣнѣ общество состояло со слѣдующими учрежденіями:

- 1) Москов. антроп. отдѣломъ о-ва Л. Е. А. и Э.
- 2) Berlin. Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie u. Urgeschichte.
- 3) Пермской архивной комиссіей.
- 5) Field Columbian University.
- 6) Юрьевскимъ университетомъ.
- 7) Томскимъ университетомъ.
- 8) И. Географическимъ обществомъ.
- 9) Антропологическимъ обществомъ при Военно-медицинской академіи.
- 10) Кавказскимъ отдѣломъ И. геогр. общества.
- 11) Краковской академіей наукъ.
- 12) Нидерландскимъ антропологическимъ обществомъ въ Лейденѣ и т. д.

Касса. Членскихъ взносов поступило 153 руб.

Отъ прежнихъ лѣтъ оставалось 52 р. 52 к.—всего было 203 р. 54 к. +⁰/₁₀₀ съ 2-хъ рентъ—12 руб. За погашеніемъ долга типографіи съ 1897 г.—143 р. и за покрытіемъ текущихъ расходовъ, въ кассѣ къ 31 дек. 1904 г. состояло 27 р. 80 к. Основной капиталъ—двѣ—4⁰/₁₀₀ ренты—остался неприкосновеннымъ.

Списокъ членовъ Русскаго Антропологическаго Общества.

Бюро Общества.

Предсѣдатель. Профессоръ анатоміи Спб. университета Н. М. Маліевъ.
Товарищъ предсѣдателя. Докторъ М. Н. Нижегородцевъ.
Секретарь. Б. Ф. Адлеръ. Этнографъ Академіи Наукъ.
Казначей. А. П. Сутугинъ.

ЧЛЕНЫ СОВѢТА.

Князь П. А. Путятинъ, Д. А. Клеменць, д-ръ И. В. Маллеровскій, Н. М. Могиланскій, А. П. Сутуринъ, Е. М. Чепурковскій, а съ осени, за его переѣздомъ въ Москву, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене.

ЧЛЕНЫ УЧРЕДИТЕЛИ.

Бѣллевъ, Алексѣй Ивановичъ. Помощ. Гл. Воен.-Мед. Инсп.
Вагнеръ, Николай Петровичъ. Профессоръ Спб. университета.
Венюковъ, Павелъ Николаевичъ. Проф. Спб. университета.
Дювернуа, Николай Львовичъ. Проф. Спб. университета.
Ивановскій, Николай Петровичъ. Академикъ Воен.-Мед. Академіи.
Иностранцевъ, Александръ Александровичъ. Профессоръ Спб. университета.
Карѣевъ, Николай Ивановичъ. Проф. Спб. университета.
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ. Ординарный академикъ И. Академіи наукъ.
Латышовъ, Сергѣй Михайловичъ. Кандидатъ правъ.
Лесгафтъ, Петръ Францевичъ. Профессоръ.
Маллеровскій, Иванъ Васильевичъ. Врачъ.
Менделѣевъ, Дмитрій Ивановичъ. Профессоръ.
Меншуткинъ, Николай Александровичъ. Проф. Спб. университета.
Мержевскій, Иванъ Павловичъ. Академикъ Воен.-Мед. Академіи.
Овсянниковъ, Филиппъ Васильевичъ. Ординарный академикъ И. Академіи наукъ.
Соколовъ, Николай Васильевичъ. Бывшій профессоръ воен.-мед. академіи.
Сущинскій, Петръ Петровичъ. Бывшій профессоръ воен.-мед. академіи.
Степановъ, Иванъ Михайловичъ. Бывшій проф. Спб. университета.
Таранецкій, Александръ Ивановичъ. Проф. воен.-мед. академіи.
Тарновская, Параскева Николаевна. Женщина-врачъ.
Тарновскій, Веніаминъ Михайловичъ. Проф. воен.-мед. академіи.
Шмулевичъ, Яковъ Марковичъ. Д-ръ медицины.
Эрлицкій, Альфонсъ Феликсовичъ. Прив.-доцентъ воен.-мед. академіи.
Эриштедтъ, Викторъ Карловичъ. Проф. Спб. университета.
Яковлевъ, Павелъ Силичъ. Кандидатъ естественныхъ наукъ.

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1904 г. **Андрэ**, Рихардъ. Мюнхенъ.
 1904 г. **Анучинъ**, Дмитрій Николаевичъ. Москва.
 1897 г. **Баотіанъ**, Адольфъ. Берлинъ.
 1891 г. **Вирховъ**, Рудольфъ †. Берлинъ.
 1899 г. **Иностранцевъ**, Александръ Александровичъ. С.-Петербургъ.
 1904 г. **Манувріэ**, Луи. Парижъ.

- 1904 г. **Пирсонъ**, Карлъ. Лондонъ.
 1904 г. **Ранке**, Юганнъ. Мюнхенъ.
 1894 г. **Ратцель**, Фридрихъ †. Лейпцигъ.
 1904 г. **Шантръ**, Эрнестъ. Лонъ.
 1904 г. **Шмидтъ**, Эмиль. Йена.

Члены сотрудники: а) Иногородніе.

- 1904 г. **Богоразъ**, Владиміръ Германовичъ. Публицистъ. Нью-Йоркъ.
 1904 г. **Борзовъ**, Александръ Александровичъ. Помощ. хранителя
 Этнограф. отдѣла Румянцовскаго музея. Москва.
 1894 г. **Бринтонъ**, Филадельфія Соед. Штаты (D. G. Prof. M. D.).
 1894 г. **Вендиштедтъ**, Эмиль. Д-ръ философіи. Лейпцигъ.
 1904 г. **Веулъ**, Карлъ. Проф. этнографіи. Лейпцигъ.
 1904 г. **Волковъ**, Федоръ Кондратьевичъ. Парижъ.
 1904 г. **Воробьевъ**, Викторъ Владиміровичъ. Докторъ. Москва.
 1898 г. **Гондатти**, Николай Львовичъ. Дѣлопроизводитель Иркутскаго
 Генераль-Губернатора. Иркутскъ.
 1904 г. **Ивановскій**, Алексій Арсеньевичъ. Приватъ-доцентъ Мо-
 сковскаго университета. Москва.
 1904 г. **Юхельсонъ**, Владиміръ Ильичъ. Бернъ.
 1904 г. **Костинковъ**, Леонидъ Васильевичъ. Юрьевъ.
 1904 г. **Кузнецовъ**, Степанъ Кириновичъ. Москва.
 1904 г. **Леманъ**, Юганнъ. Dr.-phil. Ассистентъ Королев. Этногр.
 музея. Берлинъ.
 1904 г. **Луцковъ**, Евгеній Ивановичъ. Москва.
 1904 г. **Миннаковъ**, Петръ Андреевичъ. Профессоръ Московскаго
 университета. Москва.
 1896 г. **Пацковичъ**, Николай Дмитріевичъ.
 1898 г. **Передольскій**, Василій Степановичъ. Археологъ. Новгородъ.
 1895 г. **Покровский**, Александръ Михайловичъ. Киевъ.
 1904 г. **Прейссъ**, Теодоръ. Ассистентъ Королевскаго Этнографиче-
 скаго музея. Берлинъ.
 1894 г. **Путиловъ**, Николай Ивановичъ. Д-ръ медицинны.
 1904 г. **Силиничъ**, Иванъ Петровичъ. Москва.
 1904 г. **Сърошевскій**, Вацлавъ Леопольдовичъ. Варшава.
 1894 г. **Тально-Грынцевичъ**, Юліанъ Доминиковичъ. Врачъ.
 Кяхта.
 1896 г. **Халоби**, Георгій Николаевичъ. Ученый арабъ. Іерусалимъ.
 1904 г. **Хейкель**, Олафъ Аксель. Гельсингфорсъ.
 1896 г. **Цахартавъ**, Христіанъ Ивановичъ.
 1904 г. **Янчукъ**, Николай Андреевичъ. Завѣдующій этнографиче-
 скимъ отдѣломъ Румянцовскаго музея. Москва.

Члены сотрудники: б) въ Петербургѣ.

- 1904 г. **Жанова**, Глафира Никаиловна. Учительница.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ: а) иногородніе.

- 1895 г. **Вяземскій** князь, Николай Владиміровичъ. Царяжъ.
 1904 г. **Гильзонъ**, Карлъ Карловичъ. Симбирскъ.
 1895 г. **Далгатъ**, Бахатъ. Іерусалимъ.
 1903 г. **Казановъ**, Александръ Николаевичъ. Директоръ Кавказскаго музея. Тифлисъ.
 1904 г. **Мейеръ**, Германъ. Dr. phil. Лейпцигъ.
 1889 г. **Сикорскій**, Иванъ Алексѣевичъ. Профессоръ университета. Кіевъ.
 1901 г. **Смирновъ**, Иванъ Николаевичъ. Профессоръ. Казань.
 1891 г. **Фортуатовъ**, Александръ Михайловичъ. Проф. университета. Казань.
 1895 г. **Харузинъ**, Алексѣй Николаевичъ. Вильна.
 1898 г. **Чопурновскій**, Ефимъ Михайловичъ. Инспекторъ Николаевскаго сиротскаго института. Москва.
 1899 г. **Яценко**, Александръ Леонидовичъ. Инспекторъ института. Н. Новгородъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ: б) въ Петербургѣ.

- 1902 г. **Адлеръ**, Бруно Фридриховичъ. Этнографъ Академіи наукъ.
 1894 г. **Баженовъ**, Николай Николаевичъ. Гл. врачъ больницы Св. Пантелеймона.
 1904 г. **Бодуэнъ-де-Куртенэ**, Иванъ Александровичъ. Проф. университета.
 1888 г. **Графъ Бобринскій**, Алексѣй Александровичъ. Археологъ.
 1888 г. **Бранденбургъ**, Николай Ефимовичъ. Археологъ.
 1899 г. **Браунъ**, Федоръ Александровичъ. Профессоръ.
 1895 г. **Брунгоферъ**, Генрихъ. Докторъ.
 1895 г. **Бѣлиловскій**, Кесарь Александровичъ, д-ръ медицины.
 1890 г. **Бѣляковъ**, Степанъ Александровичъ, д-ръ медицины.
 1904 г. **Бялынецкій-Бируля**, Ѳаддей Андреевичъ. Главный врачъ Красносельскаго госпиталя.
 1889 г. **Виреніусъ**, Александръ Самойловичъ. Д-ръ медицины.
 1904 г. **Вольтеръ**, Эдуардъ Александровичъ. Библіотекаръ славянскаго отдѣленія Академіи наукъ.
 1893 г. **Гартунгъ**, Болеславъ Петровичъ.
 1888 г. **Гильченко**, Николай Васильевичъ. Д-ръ мед.
 1893 г. **Губертъ**, Владиславъ Осиповичъ. Д-ръ Мед.
 1893 г. **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ.
 1904 г. **Елачичъ**, Михайлъ Александровичъ.
 1903 г. **Жаковъ**, Каллистратъ Ѳалалеевичъ.
 1895 г. **Ивановъ**, Гермогенъ Ивановичъ.
 1902 г. **Иностранцевъ**, Константинъ Александровичъ. Этнографъ музея Александра III.
 1899 г. **Карцовъ**, Николай Сергѣевичъ.

- 1901 г. **Клеменць**, Дмитрій Александровичъ. Завѣдующій Этнографическимъ отдѣломъ музея Александра III.
- 1899 г. **Ковалевскій**, Павелъ Ивановичъ. Профессоръ.
- 1896 г. **Кротковъ**, Николай Николаевичъ.
- 1896 г. **Кудрявцевъ**, Николай Васильевичъ.
- 1888 г. **Кусковъ**, Николай Ивановичъ.
- 1894 г. **Левицкій**, Николай Ивановичъ. Д-ръ мед.
- 1904 г. **Людезягъ**, Юлій Васильевичъ. Врачъ.
- 1902 г. **Ляцкій**, Евгеній Александровичъ. Этнографъ музея Александра III.
- 1896 г. **Малиевъ**, Николай Михайловичъ. Профессоръ университета.
- 1894 г. **Мандельштамъ**, Иосифъ Емельяновичъ.
- 1900 г. **Михайловскій**, Николай Николаевичъ.
- 1899 г. **Могилянскій**, Николай Михайловичъ. Этнографъ музея Александра III.
- 1890 г. **Каркевичъ-Юнко**, Оттонъ Оттоновичъ. Біологъ.
- 1890 г. **Нижегородцевъ**, Михаилъ Николаевичъ. Д-ръ мед.
- 1895 г. **Никольскій**, Дмитрій Петровичъ. Д-ръ мед.
- 1888 г. **Пантюховъ**, Иванъ Ивановичъ. Д-ръ мед.
- 1898 г. **Пацукевичъ**, Николай Дмитріевичъ.
- 1904 г. **Петри**, Евгенія Львовна.
- 1898 г. **Плинтауъ**, Федоръ Федоровичъ. Д-ръ мед.
- 1901 г. **Погодинъ**, Александръ Львовичъ.
- 1888 г. **Поссе**, Константинъ Александровичъ. Проф. университета.
- 1894 г. **Пушпянскій**, Максимилянъ Львовичъ. Д-ръ мед.
- 1888 г. **Князь Путятинъ**, Павелъ Арсеньевичъ. Археологъ.
- 1904 г. **Радловъ**, Василій Васильевичъ. Академикъ. Директоръ музея антропологии и этнографіи Академіи наукъ.
- 1893 г. **Розенбахъ**, Павелъ Яковлевичъ. Прив.-доц. психіатріи.
- 1904 г. **Романова**, Екатерина Михайловна.
- 1895 г. **Романовъ**, Василій Алексѣевичъ.
- ? **Романько-Романевскій**, Степанъ Діомидовичъ.
- 1904 г. **Рудневъ**, Андрей Дмитріевичъ, Прив.-доц. университета.
- 1889 г. **Серебренниковъ**, Виталій Степановичъ. Доцентъ духовной академіи.
- 1895 г. **Санетти**, Ливерій Антоновичъ. Профессоръ.
- 1894 г. **Слиозбергъ**, Генрихъ Борисовичъ.
- 1891 г. **Супруненко**, Петръ Ивановичъ. Д-ръ мед.
- 1894 г. **Сутугинъ**, Александръ Петровичъ.
- 1888 г. **Толстой**, Константинъ Константиновичъ. Д-ръ мед.
- 1888 г. **Томашевскій**, Брониславъ Викентьевичъ. Д-ръ мед.
- 1899 г. **Туръ**, Федоръ Евдокимовичъ. Физиологъ Акад. наукъ и прив.-доц. университета.
- 1899 г. **Усковъ**, Михаилъ Васильевичъ.
- 1891 г. **Фалькъ**, Максъ Львовичъ. Д-ръ мед.
- » **Фейнбергъ**, Александръ Генриховичъ.
- » **Фойницкій**, Иванъ Яковлевичъ. Проф. университета.
- » **Фонъ-Ольдерогге**, Викторъ Васильевичъ. Д-ръ мед.

- 1904 г. **Фриделингъ**, Юлія Петровичъ. Докторъ.
1894 г. **Ховринъ**, Алексій Николаевичъ. Врачъ.
1898 г. **Шавловскій**, Иванъ Эдуардовичъ, Проф. воен.-мед. академіи.
1902 г. **Шенборгъ**, Гергардъ Густавовичъ.
1898 г. **Шидловскій**, Владиславъ Доминиковичъ. Профессоръ.
? **Шидловскій**, Александръ Владиславовичъ.
1904 г. **Штернбергъ**, Левъ Яковлевичъ. Этнографъ Акад. наукъ.
1888 г. **Яворскій**, Иванъ Лавровичъ. Д-ръ мед.
1894 г. **Яковій**, Аркадій Ивановичъ. Заслуженный профессоръ.
1894 г. **Яковлевъ**, Дмитрій Владимировичъ.
-

Отчетъ о поѣздкѣ въ Повѣнецкую Карелию.

Лѣтомъ 1901 г., по предложенію предсѣдателя общества Д. А. Коропчевскаго, я ѣздилъ въ Повѣнецкій уѣздъ, Олонецкой губерніи для производства антропологическихъ наблюдений надъ карелами—«лаппи». Стѣсненный разными обстоятельствами, я былъ лишенъ возможности произвести работу въ желаемомъ размѣрѣ, и долженъ былъ ограничиться сборомъ свѣдѣній для студенческой поѣздки, предполагаемой въ слѣдующемъ году.

Поселившись въ Кумь-озерѣ въ надъзбицѣ у Ховаттазеттѣ въ «Макоонъ-гѳра», я послѣ попытокъ измѣрить, хотя бы одинъ только ростъ мѣстныхъ жителей, былъ въ большомъ смущеніи относительно результатовъ поѣздки, но, неожиданно найдя въ мѣстномъ священникѣ, о. Андрей Макліоновъ весьма любезнаго сотрудника, подробно ознакомился съ мѣстной культурой; это знакомство дало мнѣ возможность записать нѣсколько рѣдкихъ заговоровъ, молитвъ, собрать небольшую коллекцію этнографическихъ предметовъ, находящуюся теперь въ этнографическомъ отдѣлѣ музея Александра III-го, достать восемь орудій каменнаго вѣка, переданныхъ въ отдѣленіе доисторическихъ древностей музея при Академіи Наукъ и измѣрить, въ предѣлахъ возможнаго, 207 мужчинъ въ возрастѣ отъ 17—60 лѣтъ и 20 женщинъ въ возрастѣ 15—56 лѣтъ; при этомъ пришлось ограничиться измѣреніями головы, ея деталей, роста, рукъ, ногъ, сборомъ волосъ съ cadaго измѣреннаго, записью о его происхожденіи (родство съ русскими и карелами «вѣпся»), цвѣтомъ глазъ и кожи. Вслѣдствіе лѣтнаго страдающаго времени, наблюденья можно было производить только по праздникамъ, когда народъ свободенъ отъ полевыхъ работъ. Наблюденья дѣлались въ селѣ Кумь-озерѣ (Кумс'ярви кюля), Усть-рѣчьи (Агванд'ярви), Медвѣжьей горѣ, Плакко-вуарѣ и Кармикъ-озерѣ, Мяндусельской волости. Считаю свою работу болѣе, чѣмъ недостаточной для какихъ бы то ни было выводовъ, я въ ближайшемъ

будущемъ надѣюсь довести матеріаль до желаемой полноты и представить обществу въ обработанномъ видѣ.

Упомянутое выше желаніе Д. А. Коропчевскаго—организовать съ научною цѣлью поѣздку своихъ слушателей въ Повѣнецкій уѣздъ—осталось, къ крайнему сожалѣнію, не выполненнымъ, и всѣ добытыя мною по этому поводу свѣдѣнія не использованными д. с. п. Полагаю, что на обязанности общества лежитъ въ настоящее время принять къ свѣдѣнію это желаніе покойнаго предсѣдателя. Въ предположеніи этого, я нахожу для себя опору въ увѣренности, что общество и впредь не откажетъ мнѣ въ своемъ содѣйствіи.

Д. Яновичъ, студентъ Пет. унив.

Отчетъ по командировкѣ лѣтомъ 1904 года въ Уфимскую губ. къ степнымъ башкирамъ.

Для моей экскурсіи мнѣ пришлось прежде всего направиться въ Уфу. Я прибылъ туда въ половинѣ іюня и направился въ глушь Бирскаго уѣзда, гдѣ было также нѣсколько волостей чистокровныхъ башкиръ-вотчинниковъ, не смѣшавшихся съ другими инородцами. До ст. Дувани на р. Бѣлой я ѣхалъ на пароходѣ, а отсюда сдѣлалъ сто верстъ на лошадахъ на сѣверо-востокъ губерніи. 20-го іюня я прибылъ въ одно глухое имѣніе сосѣдняго съ башкирами мелкопомѣстнаго землевладѣльца. Башкирскія села и деревни, которыя я посѣщаль, отстояли отъ ближайшаго уѣзднаго города болѣе, чѣмъ на сто верстъ, отъ желѣзной дороги на 150—160 верстъ, а отъ Уфы на 190—180 верстъ. Въ Бирскомъ уѣздѣ я пробылъ до первыхъ чиселъ августа. Все это время я ѣздилъ безъ открытаго листа, выданнаго мнѣ лишь впоследствии губернаторомъ, почему мнѣ съ одной стороны пришлось совершенно окунуться въ тамошнюю жизнь со всѣми ея особенностями, съ другой стороны, благодаря отсутствію этого открытаго листа, я подвергался многимъ неприяностямъ, а въ нѣкоторыхъ селахъ даже и опасности.

За это время я успѣлъ побывать въ деревняхъ и селахъ: Кагалы, Ключи, Арбашъ, Курачево, Аскино, Новотроицкое, Кундашла, Рафенды, Ялышеева, Албулатова, Зимагоры и друг.

Кромѣ того, часть времени мною была проведена на Петров-

скомъ хуторѣ (около Кигаэ), гдѣ я также знакомился съ башкирами. Въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ деревень и сель я жилъ очень долго, а нѣкоторыя я посѣтилъ лишь проездомъ.

За это время, помимо веденнаго мною дневника, характеризующаго мѣстную жизнь съ бытовой и социологической стороны, мною были произведены наблюденія надъ бытомъ тамошнихъ башкиръ. Кромѣ того, я заполнилъ:

1) Программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленную подъ редакціей Янчука, и

2) часть программы для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ (составленную Харузинымъ), а именно отдѣлы: 44—о самоубійствѣ, 45—о вѣдовствѣ, 46—о присягѣ и лжеприсягѣ, 37—о сожительствѣ внѣ брака и преступленіи противъ плоти: а) сожительство внѣ законнаго брака, б) прелюбодѣяніе, в) внѣбрачныя отношенія неженатаго къ незамужнимъ, но не въ видѣ постояннаго сожительства, г) послѣдствія обнаруживавшагося во время свадьбы цѣломудрія или нецѣломудрія невѣсты, д) плотскій развратъ въ видѣ ремесла, сводничество, мужеложство и скотоложство.

Кромѣ того, мнѣ въ этихъ краяхъ пришлось натолкнуться еще на особую разновидность русскаго племени, называющую себя кунгурыками. Въ одномъ изъ кунгурацкихъ селъ я прожилъ довольно долго въ то время, какъ Кигаэинскіе башкиры, вообразивъ, что я пріѣхалъ ихъ крестить, покушались убить меня. Во время пребыванія въ кунгурацкомъ селѣ мною наблюдались обычаи этого племени и мнѣ удалось: 1) подробно заполнить половину программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ (составл. Матвѣевымъ), а именно: отдѣлъ гражданскаго права: союзъ родовой и семейный, что составляетъ 14 страницъ программы и заключаетъ около 225 вопросовъ.

2) Частью кратко, а частью также подробно я заполнилъ программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, сост. подъ ред. Янчука.

3) Собралъ около ста кунгурацкихъ пѣсней.

4) Удалось также записать очень интересные въ бытовомъ отношеніи свадебные обряды у кунгураковъ. Свадьба записана насколько возможно полно, не пропущено ни одной пѣсни, ни одного повѣрья и проч., относящагося къ ней.

5) Далѣе записано болѣе двухсотъ (200) поговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и проч.; для этого я пользовался главнымъ образомъ услугами дѣтей, которымъ я установилъ преміи за каждую новую загадку, поговорку, прибауточку и проч.

и 6) Заполнилъ я и филологическую программу говоровъ, данную Академіей Наукъ.

7) Наконецъ, удалось призвать и привлечь къ этой же работѣ и мѣстные силы въ лицѣ крестьянъ, сельскихъ учительницъ, священника и проч. Помимо активной помощи моей работѣ, нѣкоторые изъ этихъ лицъ общались и даже сами назвались помогать и всячески содѣйствовать работамъ командированнаго меня Русскаго Антропологическаго Общества, а также и лицамъ, которыя, по порученію этого Общества, заглянули бы въ тѣ края.

Изъ Бирскаго уѣзда, гдѣ я пробылъ болѣе полутора мѣсяца съ 21-го іюня по 8 августа, я направился снова въ Уфу, а оттуда, получивъ отъ губернатора открытый листъ, прямо въ г. Белебей. Здѣсь, при содѣйствіи бывшаго исправника Д. А. Лямина, я познакомился съ однимъ изъ мѣстныхъ татаръ, бывшимъ сельскимъ учителемъ, а нынѣ служащимъ въ Белебеевскомъ мировомъ Съѣздѣ, Х. З. Терегуловымъ. Благодаря любезности этого человѣка, мнѣ пришлось посѣтить нѣсколько разъ Чукадытомакскую волость этого уѣзда, гдѣ живутъ также чистые башкиры-вотчинники (Черная Башкирія). Терегуловъ отказался взять отъ меня денежное вознагражденіе и бесплатно сопровождалъ меня въ качествѣ переводчика, такъ какъ башкиры совершенно не знаютъ русскаго языка. Благодаря тому, что Терегуловъ былъ близко знакомъ съ обитателями многихъ деревень этой волости, насъ вездѣ принимали очень радушно и позволяли мнѣ въ этихъ пунктахъ производить антропологическія измѣренія надъ цѣлыми семьями, считая всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Кто бывалъ въ Башкиріи и знаетъ подозрительность ея обитателей и особую отчужденность женщинъ, тотъ пойметъ, какой успѣхъ составляло удачно произведенное нами измѣреніе двадцати двухъ замкнутыхъ башкирскихъ группъ, что даетъ болѣе двухсотъ (200) человѣкъ разнаго пола и возраста. Успѣхъ попытки измѣренія я отношу къ опытности и такту сопровождавшаго меня Х. З. Терегулова, почему прошу Общество выразить ему черезъ Уфимскаго губернатора благодарность, отъ имени Русскаго Антропологическаго Общества, за оказанныя услуги. Въ Белебеевскомъ уѣздѣ я пробылъ до 25 августа. За это время я посѣтилъ деревни: Тузлукушево, Барангулово, Каңлы-Туркаево и проч.

Кромѣ Бирскаго и Белебеевскаго уѣздовъ, я продолжалъ посѣщать часть Уфимскаго уѣзда, гдѣ познакомился съ нѣкоторыми та-
мощными старожилыми и узналъ отъ нихъ интересные данныя о давно минувшемъ мѣстнаго края. Я бралъ съ собою фотографич-

скій аппаратъ, которымъ сдѣлалъ нѣсколько десятковъ фотографическихкихъ снимковъ.

Въ заключеніе приношу благодарность гг. Е. М. Чепурковскому, д-ру Д. П. Никольскому и Б. Ф. Адлеру за ихъ цѣнныя указанія и совѣты, данные ими мнѣ передъ путешествіемъ.

И. М. Раздольскій.

Окончившій юридическій факультетъ Сиб. университета.

Отчетъ члена-сотрудницы Глафиры Никаноровны Жаковой по вѣздки ея въ Варнавинскій уѣздъ Костромской губерніи лѣтомъ 1904 года.

Займствуемъ изъ ея письма для отчета слѣдующія данныя, Г-жа Жакова измѣрила въ селахъ: Лапшангѣ, Урени, Бакахъ и прилегающихъ деревняхъ болѣе 100 женщинъ и нашла въ связи съ экономическими условіями и племеннымъ составомъ слѣдующія кефалометрическія величины,

Такъ, въ богатомъ селѣ Урени—среднія величины:

Горизонт. ось.	Продольн. ось.	Поперечн.	Индексъ.	Ростъ.
539	177	147	83	1580,

а въ Лапшангѣ (бѣдность):

Горизонт. ось.	Продольн. ось.	Поперечн.	Индексъ.	Ростъ.
534,5	173,4	146,8	84	1563.

Въ Бакахъ (среднее по благосостоянію):

588,5	175,8	176,9	1568,5
-------	-------	-------	--------

и т. д.

Кромѣ этого, ею собраны данныя этнографическаго и лингвистическаго характера, проливающія свѣтъ на прошлое Варнавинскаго уѣзда; есть также и наблюденія надъ раскольниками.

Письмо П. Н. Бекетова секретарю Общества *).

Г-ну секретарю Русскаго Антропологическаго Общества.

Милостивый государь!

Прошу васъ передать въ распоряженіе Общества посылаемые 40 череповъ, вырытые на одномъ изъ старинныхъ кладбищъ г. Алушты.

Раскопки велись съ 17—30 іюля 1904 г. командированнымъ для этого Императорской Археологической Коммиссіей, директоромъ Керченскаго музея, Владиславомъ Вячеславичемъ Шкорпилломъ. Косвеннымъ поводомъ къ раскопкамъ послужило желаніе г. Алушты устроить на мѣстѣ кладбища базарный плацъ.

Изъ большого числа раскопанныхъ череповъ (около 100 шт.) только посылаемые вамъ 40 череповъ имѣли нѣкоторую сохранность, остальные же, равно и всѣ челюсти настолько истлѣли, что не представлялось никакой возможности ихъ скрѣпить или склеить. Изъ приложенныхъ челюстей многія не соотвѣтствуютъ черепамъ. Прилагаю нѣсколько фотографій череповъ и могилъ. Относительно времени кладбища и относительно народности мнѣ передавали, что московскій археологъ Сизовъ, производившій раньше раскопки на томъ же кладбищѣ, отнесъ его къ такъ называемымъ «готскимъ», т. е. къ V в. по Р. Х., когда въ Крымъ нахлынули готы. Г-нъ Шкорпиллъ не нашелъ при раскопкахъ ничего, что бы подтверждало мнѣніе Сизова. Наоборотъ, онъ считаетъ это кладбище весьма не древнимъ, во-первыхъ, потому, что при одномъ изъ череповъ онъ нашелъ русскія монеты начала XIX в., и на ступняхъ полуистлѣвшія лапти образца, принятаго и понынѣ въ Средней Россіи.

Кромѣ того, на кладбищѣ имѣлось 2 могилы грека (1834 года) и нѣмца (1857 г.), черепа однако оказались еще менѣ сохранившимися, несмотря на общія почвенныя условія (оба черепа перенесены на христіанское кладбище г. Алушты). Одежды найдено мало, вовсе не найдено домашней утвари; все однако извлеченное въ этомъ смыслѣ не отличается отъ предметовъ, употребляемыхъ и теперъ жителями г. Алушты: греками, турками, татарами и русскими. Есть, правда, отдѣльныя бусы изъ сердалика. Наконецъ,

*) Оба письма гг. Бекетова и Шкорпилла (см. ниже) считаемъ необходимымъ напечатать въ видѣ матеріала, могущаго послужить при обработкѣ краниологической коллекціи, поднесенной Обществу г. Бекетовымъ.

мѣстные старожилы показываютъ, что еще около 70 годовъ на кладбищѣ хоронили мусульманъ.

При рѣшеніи вопроса о возрастѣ кладбища не слѣдуетъ забывать, что оно не разъ могло подвергаться раскопкамъ со стороны любителей-археологовъ, которые захватили болѣе древнія вещи, а равно и искателей кладовъ; кромѣ того, во время послѣдней раскопки обнаружилось два яруса могилъ, одинъ надъ другимъ. Наконецъ, почти въ каждой могилѣ, кромѣ одного болѣе сохранившагося костяка съ черепомъ, лежали гдѣ нибудь съ боку въ ногахъ или въ головахъ еще нѣсколько другихъ череповъ, отъ одного до пяти, шести штукъ, а въ землѣ, которой была засыпана могила поверхъ каменной надгробной крышки, находились остальные кости скелетовъ—все это даетъ поводъ предположить, что, когда рылась могила, то встрѣчалось много прежнихъ скелетовъ, отъ которыхъ, вѣроятно, и сохраняли одни лишь черепа и клали ихъ въ новую могилу, а на остальные кости скелета обращали меньше вниманія.

Устройство кладбища слѣдующее: ямы прямоугольной формы, около саж. длины, 1 арш. ширины и $\frac{1}{2}$ арш. высоты; бока ихъ выложены небольшими плоскими камнями; рядъ такихъ же плитъ, но большихъ размѣровъ, образуетъ сплошную каменную гробовую крышку, выше которой насыпана земля, а поверхъ всего приваленъ огромный плоскій камень въ видѣ надгробнаго памятника. Какъ исключеніе, одна гробница оказалась «подбойной». Направленіе могилъ по меридіану. Скелетъ лежалъ въ нихъ черепомъ къ югу, носомъ къ верху.

П. Н. Бекетовъ.

3 сент. 1904 г.

Алушта.

Письмо В. В. Шкорпилла въ Общество.

Въ Русское Антропологическое Общество.

Въ отвѣтъ на письмо отъ 3 сего февраля имѣю честь сообщить Русскому Антропологическому Обществу, что всѣ вещи, найденныя мною въ прошломъ году въ Алуштѣ, вмѣстѣ съ дневникомъ раскопокъ были отправлены въ Императорскую Археологическую Комиссію. Поэтому прошу обратиться за точными справками въ Ком-

миссію, гдѣ хранятся всѣ, даже самыя ничтожныя вещи, какъ на-
примѣръ, черепочки посуды съ зеленой поливой, остатки веревоч-
ныхъ лаптей, туфли и пр. Я съ умысломъ собиралъ эти вещи,
чтобы доказать, что кладбище не настолько древне, какъ предпо-
лагалось до сихъ поръ.

Изъ раскопокъ я вынесъ такое впечатлѣніе, что кладбище, на-
ходившееся въ центральной части гор. Алушты, относится къ XVIII-му
и къ началу XIX-го столѣтія и, что еще въ XVIII-мъ вѣкѣ въ
Алуштѣ существовалъ обычай деформировать черепа. Но такъ какъ
деформація коснулась только нѣкоторыхъ череповъ, то я въ своемъ
отчетѣ высказалъ предположеніе, что деформація головы практико-
валась только частью населенія Алушты, и сослался на сочиненіе
проф. Д. Н. Анучина «О древнихъ искусственно-деформированныхъ
черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи (Москва 1887, стр. 62),
гдѣ приведены аналогичные случаи. Хотѣлось бы найти въ описа-
ніи старыхъ путешествій по Крыму какое-нибудь указаніе на то,
что этотъ обычай, существовавшій въ Тавридѣ въ первыхъ столѣ-
тіяхъ нашей эры *), сохранился до послѣдняго времени, когда гре-
ческое населеніе начало смѣняться татарскимъ, но всѣ мои старанія
остались до сихъ поръ безрезультатными. Если удастся найти что-
нибудь по этому вопросу, я сейчасъ сообщу объ этомъ Обществу.

Считаю также необходимымъ указать на то, что проф. москов-
скаго университета В. Э. Миллеръ, производившій раскопки на томъ
же мѣстѣ, гдѣ и я, напечаталъ въ «Трудахъ Императорскаго Мо-
сковскаго Археологическаго Общества», т. XII (М. 1888 г.) статью:
«Археологическія развѣдки въ Алуштѣ въ 1886 году». Въ Алуштѣ
производили раскопки также В. И. Сизовъ и членъ-сотрудникъ
Археологическаго Института, Новицкій, но, гдѣ они напечатали свои
отчеты объ этихъ раскопкахъ, я не могъ до сихъ поръ разузнать.
Только въ Отчетѣ Имп. Арх. комиссіи за 1902 годъ (Спб. 1904)
я нашелъ замѣтку, что штабсъ-капитану Новицкому дано было раз-
рѣшеніе производить археологическія раскопки въ Алуштѣ (стр.
149) и что два найденные тамъ черепа были переданы въ антро-
пологическій музей Имп. Военно-Медицинской Академіи (стр. 159).

*) Въ 1902 году я открылъ на сѣверной покатоности Митридатовой горы въ Керчи
рядъ разоренныхъ катакомбъ; въ одной изъ нихъ найденъ деформированный черепъ,
а въ смежной, на стѣнѣ—греческая надпись съ обозначеніемъ 285 года по Р. Хр.:
см. мой отчетъ о раскопкахъ въ Керчи за 1902 г. въ «Извѣстіяхъ» Императорской
Археологической Коммиссіи, вып. 9, стр. 107 и 108, № 182 и 183; надпись издана
В. В. Латышевымъ въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», вып. 10, стр. 84, № 98.

На черепахъ, найденныхъ мною, не оказалось ни повязокъ, ни обручей, служившихъ для деформации череповъ.

Если понадобится еще какая нибудь справка, прошу написать.

Завѣдывающій Керченскимъ
музеемъ древностей *В. Шкортицк.*

Г. Керчь, 19 февраля
1905 г.

Письма почетныхъ членовъ обществу.

Милостивый Государь,
Глубокоуважаемый Николай Михайловичъ!

Получивъ дипломъ на званіе Почетнаго члена Русскаго Антропологическаго Общества, честь имѣю просить Васъ передать Обществу глубокую мою благодарность за столь высокій, оказанный мнѣ, знакъ вниманія и наилучшія пожеланія дальнѣйшаго продолженія и развитія его дѣятельности. Буду очень радъ, если при слабыхъ моихъ силахъ мнѣ удастся быть чѣмъ нибудь полезнымъ Обществу.

Примите увѣреніе искренняго уваженія и преданности.

Д. Анучинъ.

Москва.
7 октября 1904 г.

Stuttgart. 26. x. 04.

An den Secretär der russ. Anthrop. Gesellschaft zu St. Petersburg.
Herrn Bruno Adler!

Für die hohe Ehrung, die mir die Anthropologische Gesellschaft zu St. Petersburg durch die Ernennung zu ihrem Ehrenmitglied erwiesen hat, sage ich derselben verbindlichen Dank. Es wird stets mein Bestreben sein, mich dieser Auszeichnung würdig zu erweisen.

Mit vorzüglicher Hochachtung
Prof. Dr. *Emil Schmidt.*

München, d. 5 Nov. 1904.

Euer Hochwohlgeboren!

Aus den Ferien zurückgekehrt finde ich zu meiner grossen Freude das Diplom mit dem begleitenden Brief, durch welchen mir die mich in so hohem Masse ehrende Ernennung zum Ehrenmitglied Ihrer hochangesehenen Gesellschaft mitgetheilt worden ist. Die begleitenden Worte sind so herzlich, das ich dadurch tief gerührt wurde.

Ich spreche für die Ernennung meinen wärmsten Dank aus und freue mich, auf diese Weise noch enger mit den hochverehrten russischen Kollegen verbunden zu sein.

In hoher und ausgezeichnete Verehrung Ihr stets ergebener.

Professor Dr. *Johannes Ranke.*

4 Novembre 04.

École des Hautes Études. Laboratoire d'anthropologie.

Monsieur le Président!

Je suis très flatté du grand honneur que m'a fait la société d'Anthropologie Russe en me décernant le titre de membre honoraire. Je vous prie d'agréer mes plus vifs remerciements pour cette haute distinction et de vouloir bien présenter à votre savante société l'expression de ma sincère reconnaissance.

Aux voeux que je forme pour la prospérité des études anthropologiques dans la Russie permettez moi de joindre, en ce moment si terrible, mes voeux pour la prospérité de la nation russe.

Veillez agréer ces voeux sympathiques, Monsieur le Président, avec l'assurance de mes respectueux et dévoués sentiments.

L. Manouvrier.

München. 8. XI. 1904.

An die russische Anthropologische Gesellschaft.

Hochangesehene Gesellschaft!

Die antropologischen und ethnographischen Forschungen in dem weiten sich über zwei Erdteile erstreckenden Reiche und die zahlreichen so wertvollen Veröffentlichungen der russischen anthropolo-

gischen Gesellschaften haben in den letzten Jahren eine solche Bedeutung erlangt, dass sie von keinem Anthropologen übersehen werden können und immer dringender an die Gelehrten Mittel- und West-Europas die Mahnung herantritt sich mehr, als dieses bisher der Fall war, mit der russischen Sprache vertraut zu machen.

Wenn daher eine hervorragende russische Gesellschaft, wie die Ihrige, die grosse Güte hat mich wegen meiner Arbeiten auf ethnographischem Gebiete zu Ihrem Ehrenmitgliede zu ernennen, weiss ich diese Auszeichnung ganz besonders zu schätzen. Bei meinem hohen Alter wird es mir wohl kaum noch vergönnt sein viel auf dem uns verbindenden Gebiete zu leisten; um so dankbarer nehme ich aber die mir erwiesene Ehre entgegen für Leistungen die schon der Vergangenheit angehören.

In dankbarer Gesinnung Hochachtungsvoll

Prof. Dr. *Richard Andree*.

University College, London W. C.
November 5. 1904.

Dear Sir.

Please convey to the Council and members of the Russian Anthropological Society my deep sense of the great honour they have conferred upon me in electing me an honorary member of their body. I can only hope that any work I may in the future do for the science of anthropology may be worthy of a member of your distinguished body.

I am, Dear Sir, yours very sincerely *Karl Pearson*.

Протоколы засѣданій.

Засѣданіе совѣта 20 января 1904 г.

П Р И С У Т С Т В О В А Л И :

Вице-Предсѣдатель М. Н. Нижегородцевъ, члены: Н. М. Малиевъ, В. И. Ольдерогге, А. П. Сутугинъ, Б. В. Томашевскій, Е. М. Чепурковскій при секретарѣ Д. А. Клеменцѣ.

Вице-Предсѣдатель М. Н. Нижегородцевъ заявилъ, что по случаю кончины Предсѣдателя Общества, Коропчевскаго, онъ призналъ нужнымъ созвать Совѣтъ Общества, чтобы обсудить нижеслѣдующіе безотлагательные вопросы:

1) О созывѣ собранія въ ближайшемъ будущемъ, посвятивъ его памяти скончавшагося Предсѣдателя.

Постановлено: Назначить собраніе членовъ Общества на 30-е января, поручивъ секретарю составить очеркъ жизни Д. А. Коропчевскаго, ему же поручить просить Н. М. Могилянскаго ознакомиться въ той мѣрѣ—въ какой это будетъ возможно для него при краткости времени — съ находящимся еще въ печати трудомъ покойнаго «о значеніи физическихъ условій въ этногенетическомъ процессѣ».

Находя нужнымъ присоединить къ этой программѣ еще какой-нибудь докладъ, кромѣ вышеперечисленныхъ, Совѣтъ предложилъ Е. М. Чепурковскому прочесть докладъ «къ вопросу наследованія физическихъ признаковъ»; на это предложеніе послѣдній выразилъ свое согласіе.

2) Въ томъ же собраніи предложить Обществу двухъ кандидатовъ для выбора въ предсѣдатели, на мѣсто скончавшагося Д. А. Коропчевскаго, а также гг. членовъ Совѣта за истеченіемъ срока.

Постановлено: Предложить въ кандидаты на должность Предсѣдателя членовъ Совѣта: князя Павла Арсеньевича Путятина и

Николая Михайловича Маліева и предложить собранію избрать членовъ Совѣта въ числѣ 6-ти лицъ на 1904 годъ.

3) Вслѣдствіе отказа Д. А. Клеменца отъ должности секретаря Общества, назначить выборы секретаря въ томъ же собраніи 30-го января.

4) Въ интересахъ научной солидарности признано желательнымъ изыскать средства, для сближенія университетскаго антропологическаго Общества съ таковымъ же, состоящимъ при Военно-Медицинской Академіи.

Постановлено: Войти въ сношеніе съ предсѣдателемъ антропологическаго Общества при Военно-Медицинской Академіи и возобновить предложеніе о разсылкѣ повѣстокъ на собранія каждаго изъ обществъ членамъ обоихъ обществъ.

Засѣданіе 30 января 1904 г.

(Посвящено памяти Д. А. Коропчевскаго).

Предсѣдательствовалъ М. Н. Нижегородцевъ при секретарѣ Д. А. Клеменцѣ. Присутствовали: Е. М. Чепурковскій, Н. Могилянскій, А. П. Сутугинъ и др.—всего около 25 чел.

Вице-предсѣдатель М. Н. Нижегородцевъ предложилъ собравшимся почтить память усопшаго предсѣдателя вставаніемъ, затѣмъ было предоставлено слово Д. А. Клеменцу, охарактеризовавшему личность покойнаго Д. А. Коропчевскаго, какъ ученаго и человѣка. (См. выше некрологъ).

Затѣмъ Н. М. Могилянскій подѣлился съ собравшимися впечатлѣніями, вынесенными изъ разбора трудовъ и научной дѣятельности Д. А. Коропчевскаго (см. выше стр. 258—270).

Послѣ доклада Н. М. Могилянскаго слово было снова предоставлено Д. А. Клеменцу, который заявилъ о кончинѣ русскаго литератора Н. К. Михайловскаго. Хотя покойный и не былъ членомъ Антропологическаго Общества, и разнообразная дѣятельность его, какъ публициста и литературнаго критика, не подлежитъ вѣдѣнію антропологовъ, но среди трудовъ Михайловскаго есть имѣющіе большой интересъ для одной изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ отраслей антропологическихъ наукъ—соціологіи, для которой въ сущности всѣ остальные служатъ подготовительными матеріалами. Обширная начитанность и критическій умъ дали ему возможность освѣ-

тить цѣлый рядъ трудныхъ соціологическихъ вопросовъ; таковы его этюды по общественной психологіи, объ отношеніи личности къ обществу, о значеніи индивидуализма и др. Покойный принадлежалъ къ такъ называемой субъективной школѣ соціологовъ. Это названіе подавало не разъ поводъ къ жетолкованіямъ. Были критики, которые упрекали эту школу въ томъ, что она желаетъ разсматривать общественныя явленія съ точки зрѣнія личныхъ вкусовъ и симпатій. Въ сущности эту школу можно назвать эвдеметрической, критеріемъ для нея служить, насколько то или иное жизненное явленіе способствуетъ развитію человѣческаго счастья, и усовершенствованія человѣка, но оцѣнка подобныхъ явленій дѣлается соціологомъ не на основаніи личныхъ вкусовъ, а по даннымъ науки. Видъ homo sapiens постольку заслуживаетъ этого почетнаго названія, поскольку онъ пользуется наукой для усовершенствованія себя и своей жизни. Безразличное отношеніе въ общественной наукѣ невозможно, такъ какъ изслѣдователь ея явленій одновременно является не только зрителемъ, но и актеромъ въ міровой драмѣ жизни. Н. Михайловскій въ соціологическихъ трудахъ стоялъ на безпристрастной научной почвѣ. Субъективистъ, онъ защищалъ противъ нападокъ и искаженія труды творца объективной школы, Огюста Конта; трансформистъ, почитатель Дарвина, онъ возставалъ противъ увлеченій и крайностей послѣдователей Дарвина, не раздѣляя безусловно всѣхъ выводовъ экономиста Маркса, онъ явился заступникомъ его въ русской литературѣ противъ нападокъ Жуковскаго. Послѣднимъ трудомъ покойнаго въ области соціологіи была статья о книгѣ покойнаго Шурпа. Труды Михайловскаго привлекаютъ къ себѣ тѣмъ больше вниманія заграницей, чѣмъ ближе съ ними знакомятся.

Память Михайловскаго была почтена вставаніемъ.

Затѣмъ Е. М. Чепурковскій сдѣлалъ докладъ о наслѣдованіи формы головы (см. выше).

По окончаніи докладовъ были произведены выборы предсѣдателя на мѣсто скончавшагося Д. А. Коропчевскаго и секретаря, за отказомъ Д. А. Клеменца, равно и 6 членовъ совѣта на 1904 г.

Въ предсѣдатели избранъ Н. М. Маліевъ; въ секретари Б. Ф. Адлеръ и въ члены Совѣта: Д. А. Клеменць, Н. М. Могиланскій, И. В. Маляревскій, А. П. Сутугинъ, Е. М. Чепурковскій, кн. П. А. Путятинъ.

Засѣданіе Совѣта 12 марта.

Присутствовали: предсѣдатель Н. М. Маліевъ, товарищ предсѣдателя М. Н. Нижегородцевъ, члены Совѣта: А. П. Сутугинъ и Е. М. Чепурковскій при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ.

Секретарь сообщил о положеніи дѣлъ Общества на основаніи документовъ, полученныхъ отъ гг. Д. А. Клеменца, Е. М. Чепурковского и вдовы Д. А. Коропчевскаго, причемъ оказалось: за отсутствіемъ полныхъ списковъ членовъ, о числѣ послѣднихъ судить можно только приблизительно (около 110). Въ виду постановленія обмѣниваться повѣстками и изданіями съ членами Антропологическаго Общества при Военно-Медицинской Академіи, необходимо достать новый списокъ членовъ названнаго Общества, такъ какъ старый наполовину утерянъ. Далѣе выяснилось, что съ 1901 г. матеріала для изданія «Протоколовъ» накопилось слишкомъ недостаточно; имѣется только протоколъ засѣданія членовъ Совѣта отъ 20 янв. сего года (см. выше). Съ 1901 г. поступленіе членскихъ взносовъ прекратилось. Долгъ одной типографіи возросъ до 143 руб. (съ 1897 г.), при чемъ мелкіе долги не входятъ въ эту сумму. Имущество кромѣ 2-хъ рентъ, состоитъ изъ 3000 череповъ, номинально принадлежащихъ бывшимъ женскимъ курсамъ, бібліотеки изъ 250 названій, изданій Общества, очень незначительнаго писчебумажнаго матеріала и 3-хъ печатей.

Для доставленія средствъ постановлено начать сборъ членскихъ взносовъ, Кромѣ этого, на основаніи § 3 устава, Общество имѣетъ право пополнять свои средства устройствомъ чтеній. Краниологическая коллекція не доступна для обработки: она разбита на нѣсколько частей, которыя разбросаны въ различныхъ частяхъ университета. Бібліотека, несмотря на значительное число томовъ, (около 1500) совершенно случайнаго характера. Надъ приведеніемъ ея въ порядокъ работаетъ секретарь. Чтобы придать бібліотекѣ болѣе систематичный характеръ, секретарь полагаетъ, что Обществу необходимо начать изданіе, на которое охотно мѣнялись бы различныя аналогичныя общества въ Россіи и за границей; протоколы носятъ для этого слишкомъ сухой, мало интересный для другихъ обществъ, характеръ.

Для усиленія дѣятельности Общества необходимо привлеченіе новыхъ членовъ, равно и избраніе почетныхъ членовъ изъ числа

отечественныхъ и иностранныхъ антропологовъ. Для новыхъ членовъ желательно отпечатать дипломы.

Послѣ доклада было *постановлено*: войти въ сношеніе съ секретаремъ Антропологическаго Общества при Военно-Медицинской Академіи и просить его доставить списокъ членовъ названнаго Общества. Просить Д. А. Клеменца, хотя бы по памяти, возстановить матеріаль, накопившійся за время его секретарства. Для пополненія средствъ устроить публичное чтеніе и поручить секретарю привлечь лекторовъ, могущихъ познакомить публику съ интересующимъ всѣхъ вопросомъ о Дальнемъ Востокѣ. Если возможно, придать чтенію систематическій характеръ курсовъ. Относительно коллекцій поручить предсѣдателю снести съ ректоромъ и проф. П. И. Броуновымъ и просить ихъ о лучшемъ помѣщеніи.

Желательность изданія вмѣсто «Протоколовъ» «Трудовъ», «Ежегодника» или «Извѣстій» признавалась всѣми, но предсѣдатель находилъ, что «Протоколы» удовлетворяли всѣхъ, если же издавать «Труды» или что нибудь другое, то должно быть два изданія. Секретарь возражалъ, что изданіе двухъ органовъ Обществу не под силу по матеріальнымъ соображеніямъ. *Постановлено* начать изданіе «Ежегодника» въ замѣнъ прежнихъ «Протоколовъ». Поручено секретарю снестись съ Цензурнымъ Комитетомъ. Затѣмъ были предложены новые члены (см. выше).

Избраніе почетныхъ членовъ предсѣдатель находилъ неумѣстнымъ для Общества, еще мало зарекомендовавшаго себя. Большинствомъ *постановлено* избрать семь почетныхъ членовъ (см. выше) и отпечатать всѣмъ новымъ членамъ дипломы.

Послѣ доклада и преній Е. М. Чепурковскій выразилъ желательность совмѣстной работы Общества съ антропологами Германіи. Проф. Шальбе обратился къ нему на конгрессѣ въ Вормсѣ съ предложеніемъ поднять вопросъ объ антропометрическомъ изученіи населенія З. Россіи, чтобы такимъ образомъ связать полученный въ обѣихъ странахъ матеріаль.

Е. М. Чепурковскій сообщилъ, что психологъ А. П. Нечаевъ выразилъ готовность прочесть въ обществѣ докладъ.

По окончаніи было пущено въ обращеніе приглашеніе комитета съѣзда американистовъ въ Штуттгартъ въ августъ 1904 г.

Засѣданіе 19 марта.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. М. Маліевъ, д. чл. Томашевскій, Чепурковскій, Могиланскій, Романько-Романовскій, Латышевъ, Жаковъ и др. и около 50 чел. гостей.

Засѣданіе началось въ 8^{1/2} час. веч. докладомъ проф. Спб. университета И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ (см. выше). Возражали: г. К. О. Жаковъ, проф. Буличъ, д-ръ Томашевскій, прис. пов. Блюменталь и г. Истрашкинъ.

К. О. Жаковъ находилъ, что докладчикъ, основываясь на изученіи индо-европейскихъ языковъ, позволилъ себѣ сдѣлать слишкомъ общіе выводы. Изученіе китайскаго языка и языковъ финскихъ могут опровергнуть положенія докладчика. Замѣчаемое имъ явленіе, быть можетъ, этническое, а не психологически-антропологическое. Г-нъ Жаковъ протестуетъ далѣе противъ выраженія «человѣченіе», находя что описываемое явленіе лишь прогрессъ въ смыслѣ сбереженія труда (исчезновеніе изъ болѣе прогрессивныхъ языковъ придыханія).

Проф. Буличъ находилъ, что выводы докладчика смѣлы. Необходимо изслѣдованіе и надъ языкомъ обезьянъ и т. д.

Д-ръ Томашевскій указывалъ, что желательны наблюденія надъ языками болѣе развитыхъ и менѣе развитыхъ слоевъ населенія и болѣе и менѣе одаренныхъ особей. Что извѣстно по сіе время изъ практики патологической рѣчи — подтверждаетъ положенія докладчика. Г-нъ Блюменталь — указывалъ на важность прослѣдить положенія докладчика надъ рѣчью интеллигенціи и крестьянъ въ предѣлахъ этнической группы. «Очеловѣченіе» онъ видитъ въ работкѣ органовъ къ болѣе легкому произношенію звуковъ, а не въ стремленіи сберечь время. Г-нъ Истрашкинъ подтверждалъ вѣрность положеній докладчика своимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ изученія семитическихъ языковъ.

Засѣданіе кончилось въ 10^{1/2} час. веч.

Засѣданіе 13 мая 1904 г.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. М. Маліевъ, А. П. Сутугинъ, Е. М. Чепурковскій, Г. И. Ивановъ, И. С. Яковлевъ, Латышевъ, Шидловскій и др. и 21 гость.

Предсѣдатель предоставилъ слово г. Л. Я. Штернбергу, который прочелъ докладъ на тему: «культъ «инау» у айновъ» (см. выше) и демонстрировалъ коллекцію «Инау», принадлежащихъ этнографическому музею Академіи Наукъ. Докладчику возражали: Е. М. Чепурковскій, Г. И. Ивановъ, И. А. Бодуэнъ-де-Куртене и А. Д. Рудневъ.

Г-нъ Чепурковскій желалъ знать, какому божеству приносится мужской, какому женскій «инау». Докладчикъ пояснилъ, что иногда не дѣлаютъ отличія, а приносятъ цѣлую серію «инау», иногда приносятъ опредѣленный «инау», напримѣръ, хозяину огня ставятъ женское инау, такъ какъ это женщина. Бодуэнъ-де-Куртене подтверждалъ положеніе докладчика примѣромъ изъ Ригведы, гдѣ языки огня даже говорятъ. Г. И. Ивановъ указывалъ на смѣлость докладчика, который, сознавая, что онъ не специалистъ лингвистъ, позволяеть себѣ дѣлать объясненіе слова «инау» и упрекалъ его въ субъективности. Л. Я. Штернбергъ возразилъ, что упрекъ въ субъективности (т. е., что стружка ему напоминала языкъ) не умѣстенъ, такъ какъ онъ ознакомилъ въ своемъ докладѣ—съ словообразованіемъ слова «инау»: для этого его лингвистическія познанія совершенно достаточны. А. Д. Рудневъ указывалъ, что упомянутые докладчикомъ «деревянные» люди не монгольскаго, а индійскаго происхожденія. Докладчикъ допускаетъ это, но находитъ это безразличнымъ для сути дѣла, важно лишь то, что эти «деревянные» люди, являясь только украшеніемъ или орнаментомъ (тронъ Соломона, напримѣръ), первоначально играли большую роль въ культѣ народа.

Второй докладъ Е. М. Чепурковскаго о «биометрихъ» за послѣднимъ временемъ былъ отложенъ. Послѣ доклада предсѣдатель предложилъ собранію избрать Д. Н. Анучина (Москва), Манувриэ (Парижъ), I. Ранке (Мюнхенъ), Э. Шмидта (Иена), Р. Андрэ (Мюнхенъ), К. Пирсона (Лондонъ) и Ф. Ратцеля (Лейпцигъ), въ почетные члены раг acclamation.

Затѣмъ единогласно были избраны 13 дѣйств. чл. и 18 членовъ-сотрудниковъ.

Засѣданіе окончилось въ 10¹/₂ час. веч.

Засѣданіе 29 октября 1904 г.

Назначенное засѣданіе Совѣта передъ общимъ засѣданіемъ не состоялось, за неявкой законнаго числа членовъ Совѣта.

На общемъ засѣданіи присутствовали: Предсѣдатель Н. М. Маліевъ, товарищъ предсѣдателя М. Н. Нижегородцевъ, А. П. Сутугинъ, Д. А. Клеменць; и 4 члена при секретарѣ Б. Ф. Адлеръ. Всего 12 чел.

Предсѣдатель, открывъ собраніе, просилъ почтить память скончавшихся: почетнаго члена Фр. Ратцеля и дѣйствительнаго члена проф. Казанскаго университета, П. Н. Смирнова вставаніемъ. Затѣмъ дано было слово докладчику Э. А. Бялынецкому-Бирулѣ, сообщившему о «головномъ указателѣ славянъ, латто-литовцевъ и др., на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ».

Поблагодаривъ Общество за избраніе, докладчикъ изложилъ свой докладъ (см. выше стр. 313-315). Возражали Э. А. Вольтеръ, Д. А. Клеменць и Н. М. Маліевъ. Э. А. Вольтеръ протестовалъ противъ употребленнаго докладчикомъ названія «чухны» и настаивалъ на болѣе опредѣленномъ терминѣ. Далѣе онъ указывалъ, что жалобы докладчика на отсутствіе хорошихъ этнографическихъ картъ по Бѣлоруссїи, напримѣръ, не справедливы. Антропологу съ ними нечего справляться: онъ долженъ самъ опредѣлять естественныя границы тамъ, гдѣ, быть можетъ, есть чисто искусственныя границы, границы, напримѣръ, языка, границы, быть можетъ, болѣе поздняго происхожденія. Важнѣе, какъ коррективъ при опредѣленіи народности, археологическія указанія, а не лингвистическія.

Важно также внести и различія между сельскимъ и городскимъ населеніемъ.

Д. А. Клеменць желалъ узнать, чѣмъ докладчикъ руководствовался при опредѣленіи «рыжаго» и «каштановаго» цвѣта волосъ. Э. А. Вольтеръ указывалъ на необходимость «географическаго» принципа при обработкѣ антропологическаго матеріала, которымъ располагаетъ докладчикъ. Нанося признаки по губерніямъ, онъ можетъ дать картографически картину распредѣленія ихъ. Д. А. Клеменць настаиваетъ на необходимости говорить, на основаніи имѣющагося матеріала только о наиболѣе рослой части населенія Россїи, а не обо всемъ населеніи государства. Матеріалъ, рослая особи, гвардейцы, не могутъ дать понятія о строеніи тѣла различныхъ пле-

мень Россійской Имперіи. Н. М. Маліевъ находилъ ходъ обработки вполне правильнымъ и желалъ докладчику успѣха въ дальнейшей работѣ. Его матеріалъ обилень, если для нѣкоторыхъ народовъ число измѣреній мало, то смущаться этимъ не нужно, за то матеріалъ этотъ однородный, такъ какъ онъ касается одного опредѣленнаго возраста 21—24 года.

Послѣ доклада въ члены Совѣта, на мѣсто выбывшаго въ Москву Е. М. Чепурковскаго, единогласно былъ избранъ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Секретаремъ было доведено до свѣдѣнія собранія о пожертвованіи 40 череповъ изъ г. Алушты, поднесенныхъ Обществу г-номъ П. Н. Бекетовымъ и о пожертвованіи 250 экземпляровъ портрета проф. Фр. Ратцеля, поднесенныхъ Обществу проф. Д. Н. Анучинымъ. Обоиимъ жертвователямъ было постановлено принести благодарность Общества. Предложены новые члены: въ дѣйствительные члены: проф. Ѳ. И. Щербатскій (предлаг. Б. Адлеръ и Д. Клеменць), П. Н. Бекетовъ (предлаг. А. П. Сутугинъ и Д. А. Клеменць), В. И. Анучинъ (предл. Б. Адлеръ и Д. Клеменць), чл. сотр.: А. А. Петерсъ (предл. Б. Адлеръ и Д. Клеменць), проф. Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ (Берлинъ) (предл. Б. Адлеръ и Н. М. Маліевъ), проф. Luschan (Berlin) (предл. Б. Адлеръ и Н. М. Маліевъ) и Dr. J. D. E. Schmeltz (Leiden) (предл. Б. Адлеръ и Д. Клеменць).

Засѣданіе окончилось въ 10 часовъ веч.

ВВЕДЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

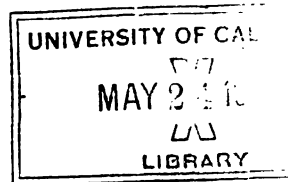
ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ

Sp.

Томъ II.

1905—1907 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

В. Ф. Адлеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Э. Арнольда, Литейный пр., № 59.
1908.

Томъ II.

1905—1907 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

В. Ф. Адлеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Э. Арнольда, Литейный пр., № 59.

1908.

СОДЕРЖАНИЕ II-го ТОМА.

	СТР.
Отъ редакціи	I
Э. А. Вольтеръ.—Къ вопросу о итвягахъ	1—9
В. И. Гухельсонъ.—Международные конгрессы американистовъ	9—16
» Древнія и современныя подземныя жилища пле- менъ С.-В. Азіи и С.-З. Америки	16—56
В. Н. Васильевъ.—Краткій очеркъ инородцевъ сѣвера Турухан- скаго края	56—87
Ф. А. Вязьницкій-Вируля.—Нѣсколько случаевъ перерыва Цен- тральной или Роляцовой бороды	89—145
И. Н. Виноградовъ.—Красноярскій городской музей и его антро- пологическія коллекціи	146—148
В. Ф. Адлеръ.—Адольфъ Вастіанъ	149—154
Ф. А. Вязьницкій-Вируля.—Памяти проф. А. И. Таренцаго	155—161
А. А. Иваиовскій.—Памяти В. В. Воробьева	162—174
В. Ф. Адлеръ.—Эмиль Шмидтъ	174—178
Отчеты Общества	178—185
Списокъ членовъ Общества за 1905—1907 гг.	185—189
Протоколы засѣданій	190—199

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ изданіи «Ежегодника» Русскаго Антропологическаго Общества при Петербургскомъ университетѣ произошелъ значительный перерывъ.

Закрытіе университета, въ дни русской революціи, лишило общество, на долгое время, возможности собираться въ зданіи университета, пріютившаго его у себя; такимъ образомъ, не было обмѣна мыслей въ видѣ докладовъ. Денежныя средства университета не позволяли ему ассигновать на изданіе трудовъ Общества обычныхъ 200 руб. Членскіе же взносы поступали также очень слабо, да на нихъ, конечно, и думать было нечего предпринимать изданіе.

Теперь, наконецъ, Общество возобновляетъ прерванную дѣятельность съ надеждой на безпрепятственную работу и на симпатію со стороны своихъ членовъ.

О ятвягахъ *).

Въ какому антропологическо-этнологическому типу принадлежали ятвяги?

Въ 1890 году были изданы Императорской Археологической Коммиссіею результаты археологическихъ разысканій *Н. П. Авенариуса* въ области Бѣльскаго уѣзда Гродненской губерніи подъ заглавіемъ: „*Дрогичинъ Надбужскій и его древности, древности ств.-зап. края, т. I, вып. 1-й, стр. 1—42*“. Археологическія изслѣдованія нынѣ покойнаго педагога и археолога касались: а) исторіи города Дрогичина, б) его таможенныхъ свинцовыхъ пломбъ или пластинокъ съ разными церковно-славянскими знаками и эмблемами неизвѣстнаго происхожденія, в) *ятвяжскаго* племени и его отношенія къ типу каменныхъ могилъ этой мѣстности. Считая вопросъ о *литовскомъ* происхожденіи *ятвяговъ* («*Jaszwingogum patio*») послѣ сочиненія академика *А. Шегрена* «*Ueber die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen*» исчерпаннымъ, онъ однако же, по вопросу объ отыскиваемости вещественныхъ памятниковъ между озеромъ Спирдингомъ и р. Наревомъ съ одной стороны и между рр. Винцентою и Свислочью съ другой стороны, приходитъ къ весьма странному заключенію, выраженному въ такихъ словахъ на стр. 34-й:

«Гдѣ-же искать слѣды ятвяговъ? Конечно не ихъ временныя, наскоро сколоченныя жилища, которыхъ уже давно нѣтъ, а болѣе прочныя слѣды—ихъ кладбища? Полагаю, что и искать ихъ нечего. Проводя большую часть жизни на войнѣ или на охотѣ, *ятвягъ*, этотъ вѣчный бродяга, умиралъ далеко отъ своего дома, въ дремучемъ лѣсу или въ открытомъ бою. *Кости* его не *покоятся* на *родовомъ* кладбищѣ, подъ высокимъ курганомъ или въ тщательно сложенной каменной могилѣ. Онѣ легли тамъ, гдѣ его застала смерть, и исчезли безслѣдно». Относительно общественнаго устройства ятвяжскаго племени Авенариусъ выражается также весьма опредѣленно: «Городовъ

*) Читано въ засѣданіи Общества 30 ноября 1906 г.

у ятвяговъ не было вовсе, но были села и тверди. Ихъ тверди были, несомнѣнно, не что иное, какъ обыкновенныя лѣсныя за- сѣки. Окруженныя неприступными въ лѣтнее время болотами и лѣсами, селенія ятвяговъ, по всей вѣроятности, служили имъ убѣжищемъ только въ зимнее время, потому что большую часть года они проводили на охотѣ, рыбной ловлѣ или въ набѣгахъ. Русскіе и союзные съ ними польскіе князья ходили на ятвяговъ исключительно зимою, потому что въ другое время земля ихъ была недоступна; иногда князья, изъ-за глубокихъ снѣговъ, возвращались съ полпути, то и дѣло сбиваясь съ до- роги, отыскивая скрывающіяся среди болотъ селенія и благо- дарили судьбу, когда оканчивался тяжелый походъ». «Дальше семейно-родовыхъ союзовъ злинцевъ, крименцевъ, покѣнцевъ и т. п. они не дошли. Союзы эти формировались только на время общей опасности, подъ начальствомъ какого-нибудь вы- дающагося по своей храбрости старшины или князька Сте- кинта, Комата или имъ подобныхъ. Волинско-галицкій лѣто- писецъ, повидимому, лично принимавшій участіе въ послѣд- нихъ походахъ Данила и Льва, не скрываетъ своего уваже- нія къ необузданной храбрости ятвяговъ. Польскій лѣтопи- сецъ, напротивъ, сравниваетъ ихъ съ хищными животными».

Изъ приведенныхъ, достаточно противорѣчивыхъ сужденій изслѣдователя Надбужья, г. Авенаріуса обнаруживается, что существовало какое-то племя бродягъ, которое, отличаясь от- чаянною храбростью, не имѣло ни женъ, ни дѣтей, ни ста- риковъ, ни родовыхъ гнѣздъ, а въ лѣсу или въ открытомъ полѣ разсыпало свои кости, гдѣ пришлось быть по военнымъ сво- имъ дѣламъ. Такая характеристика не соответствуетъ ни исто- рическимъ даннымъ о ятвяжскомъ племени, ни даже выво- дамъ самого автора по этой части. Прибавляю еще, что г. Аве- наріусомъ не было обращено никакого вниманія на антропо- логическое обслѣдованіе могильныхъ жителей Бѣльскаго уѣзда. Съ лингвистической точки зрѣнія можно дѣйствительно вмѣстѣ съ г. Авенаріусомъ считать вопросъ о *литовскомъ* проис- хожденіи ятвяговъ (послѣ сочиненія акад. Андр. Шегрена «Uber die Wohnsitze und Verhältnisse der Jatwägen, Beitrag zur Gesch. Osteuropa's um die Mitte des 13 Jahrhunderts». Спб. 1858) исчерпаннымъ, но не выясненъ имъ вопросъ объ этно- логическомъ характерѣ ятвяговъ и соотношеніяхъ ихъ къ дру- гимъ балтійско-литовскимъ племенамъ. Вопросъ о принад-

лежности племени бродягъ-ятвяговъ къ литовско-латышскому типу формулируется другимъ археологомъ-этнографомъ г. *Н. Янчукомъ* въ статьѣ «Нѣсколько словъ по поводу археологическо-этнографической экскурсіи въ Сѣдлецкую губернію въ 1891 году» (Памятная книжка Сѣдлецкой губ. на 1892 г., стр. 223—255) слѣдующимъ образомъ: «Изъ подробнаго сравненія краниометрическихъ данныхъ череповъ *чекановскаго* могильника съ такими же черепами эстовъ, ливовъ, латышей и литовцевъ, можно замѣтить, что *мужской* черепъ ближе всего подходитъ по своимъ признакамъ къ литовскимъ черепамъ, а *женскіе* къ латышскимъ. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ антропологическомъ музеѣ Московскаго университета А. А. Ивановскимъ, оказалось, что мужской черепъ принадлежитъ суббрахицефаламъ (подкороткоголовымъ) съ черепнымъ указателемъ 81,31, къ нему приближается и одинъ *женскій*, а другой—субдолихоцефаль (поддлиноголовый) (75,55); всѣ съ незначительно расширеннымъ лбомъ, съ довольно широкимъ междуглазничнымъ пространствомъ». Вообще Н. Янчукъ, въ противоположность г. Авенариусу, стремящемуся въ Надбужьи возстановить верховенство славянороссовъ и ихъ культурную роль въ краѣ, склоненъ думать, что ятвяги не могли исчезнуть безслѣдно, не оставивъ ни малѣйшихъ признаковъ своего существованія. Такъ называемыя «каменные могилы» не могли быть, по его мнѣнію, славянскими, такъ какъ форма погребенія у древнихъ славянскихъ племенъ была *журганная*. Принадлежа по вещамъ, въ нихъ найденнымъ, къ XI—XII вѣкамъ, форма погребенія въ этихъ могилахъ *языческая*; въ то время, какъ славянскіе народы въ указанный періодъ уже были христіанами, ятвяги упорно держались язычества и приняли христіанство только въ XVI вѣкѣ. Подчеркивается при этомъ обычай закапывать вмѣстѣ съ покойникомъ горшокъ съ пищею. (Сравни находки мои въ Трокскомъ уѣздѣ въ *олавскомъ* могильникѣ, въ которомъ у ногъ покойника найденъ между прочимъ горшокъ съ остатками пицци изъ какихъ-то зеренъ, куриныхъ костей при древнихъ литовскихъ монетахъ 13—14 вв.).

«Могилы, продолжаетъ г. Янчукъ, не всегда разбросаны въ безпорядкѣ, напротивъ, иногда легко прослѣдить, что онѣ располагались рядами, причемъ стѣнка примыкала къ стѣнкѣ. Можетъ быть, эти ряды составляли фамиліи усыпальницы болѣе знатныхъ

родовъ или отдѣльныхъ общинъ. Въ могилахъ клались покойники не на поверхности земли (какъ въ курганномъ погребеніи), а въ вырытой и обставленной камнями ямѣ на глубинѣ около 1½ аршина, головою на западъ. Трупосожженія не наблюдалось, попадающіеся иногда уголья остались отъ погребальной языческой тризны, совершавшейся надъ покойниками, на что указываютъ и попадающіеся въ могилкахъ обломки посуды. Что касается положенія покойника, то оно всегда было горизонтально, выпрямленное, причѣмъ руки или протягивались по бокамъ, или же одна, чаще лѣвая, загибалась на грудь, а другая протягивалась прямо, или немного загибалась на грудь (стр. 248)». «Можетъ быть, не даромъ и теперь еще народъ называетъ эти могильники «ядзьвинговскими» (или ятвяжскими), какъ напр. въ дер. Невѣдомъ, близъ Гродзиска, Соколовскаго уѣзда, гдѣ находится подобный каменный могильникъ близъ стариннаго землянаго укрѣпленія. Вообще указаннаго особеннаго типа древнія языческія кладбища, состоящія изъ каменныхъ могилъ, встрѣчаются въ Гродненской губ. въ сосѣднихъ съ Сѣдлецкою уѣздахъ, Брестъ-Литовскомъ, Бѣльскомъ, Бѣлостокскомъ и сѣвернѣе въ Соколовскомъ уѣздѣ около селеній Большой и Малый Ятвязь, затѣмъ въ Сѣдлецкой губ. въ селѣ Чепановѣ, Невѣдомѣ Соколовскаго уѣзда и также въ Венгровскомъ уѣздѣ. Противъ предположенія г. Авенаріуса о возможности существованія народа-бродяги, г. Янчукъ высказываетъ слѣдующія, вполнѣ вѣроятныя соображенія. Нуждаясь въ защитѣ и убѣжищѣ въ военное время, ятвяги находили то и другое не столько въ городахъ (въ родѣ Дрогичина, который ими взятъ былъ только на время), сколько въ лѣсахъ и болотахъ своей дикой страны. Въ мирное время, занимаясь звѣроловствомъ и быть можетъ земледѣіемъ и скотоводствомъ, они жили въ «наскоро сколачиваемыхъ» деревянныхъ избахъ, шалашахъ и землянкахъ. Разъ выбравъ болѣе удобное мѣсто для жилья, они держались его... Крѣпкіе, здоровые, молодые мужчины менѣе привязаны были къ одному опредѣленному мѣсту: имъ часто приходилось совершать походы и набѣги, во время которыхъ они погибали въ большомъ количествѣ. Старики, женщины, дѣти составляли болѣе постоянный осѣдлый элементъ ятвяжскихъ поселеній, и если лучшія силы народа—мужчины падали, гдѣ смерть застигла, то этотъ осѣдлый элементъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь свое бо-

лѣ постоянное *пепелище*, свое гнѣздо, и при немъ свое опредѣленное мѣсто, гдѣ складывались останки умирающихъ (мною найдена во время раскопокъ 1887 года въ одной могилѣ, въ Олавскомъ лѣсу одна голова безъ слѣдовъ другихъ костей). Словомъ, ятвяги должны были имѣть свой могильникъ, свое кладбище, такъ какъ насколько извѣстно, у *всѣхъ народовъ*, какъ бы ни были они грубы по своему развитію, существуетъ извѣстный культъ предковъ и связанное съ нимъ почитаніе умершихъ и заботливое ихъ погребеніе, а не оставленіе ихъ на произволъ судьбы безъ вниманія» (стр. 244). Что у ятвяговъ такія опредѣленные жилища существовали и что въ нихъ концентрировались и складывались извѣстные припасы для жизни, явствуетъ изъ данныхъ Ипатьевской Влад.-Волынской лѣтописи, гдѣ сказано подъ 1279 годомъ: посланцы ятвяговъ обратились къ Владиміру Васильковичу съ просьбою: «не помори насъ, но и перекорми ны собѣ; пошли, господине, къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, воску ли, бѣли ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ли мы ради дамы». Вещи эти могли быть добыты охотой, бортневымъ пчеловодствомъ и военными грабежами. Другое свидѣтельство магистра Винцентія Кадлубка о томъ, что поляки, ворвавшись въ страну ятвяговъ, предавали пламени храмы, мызы, села, возвышавшіяся зданія и житницы, наполненныя житою, Г. Авенаріусъ также подвергаетъ тенденціозной критикѣ посредствомъ неудачной вставки слова «лехиты» въ текстъ «Кроники польской» (см. стр. 32, прим. 4). Что тотъ же Кадлубекъ намъ повѣствуетъ о вѣрованіяхъ ятвяговъ въ переселенія душъ изъ мертвыхъ во вновь родившагося человѣка и разныхъ ступеняхъ грубости и утонченности переселяющихся душъ — это совершенно умалчивается. Но разбирать вообще этническую особь ятвяговъ въ раздѣльности отъ судиновъ (Птолея) и дейновцевъ, которые считаются однимъ и тѣмъ же народомъ, — врядъ ли допустимо. Какъ ни объясняли имя ятвяговъ, ятвинговъ или ятвитовъ этимологически, но о судавской мифологіи и ихъ особенныхъ аграрныхъ обычаяхъ извѣстно изъ рассказовъ о жертвоприношеніи козла во время осеннихъ праздниковъ.

Еще въ 1420 г. вел. князь Витовтъ, въ письмѣ къ королю Сигизмунду, перечисляя, какъ составныя части Литвы,

Жмудь (*terra Samaitarum*), Литву — Аукстоте *terra superior, respecta terre Samagitarum*, называетъ какъ третью часть *Terra Sudorum sive Gettarum, quae mediat inter Litvaniam et Prusiam*, т. е. считаетъ Ятвягію Запушанскаго края, части Гродненской губ. и Виленской Срединной «Украиной» между Пруссіею и Великою Литвою. Что же касается Дейновскаго княжества Лидскаго уѣзда и мѣстности Дайнавы-Ятвезь въ Слонимскомъ уѣздѣ, то эти мѣстности такъ называемой Сѣверной Ятвягіи придвигаютъ область распространенія ятвяговъ ближе къ Вильнѣ, къ уѣзду Опшмянскому и южной части Лидскаго уѣзда. Возвращаясь къ соображеніямъ антропологическаго характера г. *Ивановскаго* и этнологическаго г. *Янчука*, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что превращеніе доблестныхъ и отчаянныхъ своею боевою тактикою ятвяговъ въ босяковъ-бродягъ,—результатъ тенденціозныхъ воззрѣній на судьбы Сѣверо-Западнаго края, и что вопросъ о каменныхъ могилахъ недостаточно освѣщенъ въ I-мъ томѣ Древн. Сѣв.-Зап. края, издаваемыхъ Имп. Арх. Комиссіею. На войнѣ пропадаютъ лучшія силы народа, и этимъ народъ не лишается своихъ отличительныхъ этническихъ особенностей и не обезличивается до бродяжничества «безъ роду и племени». Антропологи Московской школы, какъ напр. *И. Баронасъ*, въ статьѣ «Къ антропологии литовскаго племени» («Русскій Антрополог. журналъ», годъ III, кн. XII, № 4, 1902 г., стр. 63 — 87), также указываютъ на необходимость изслѣдованія замѣчательной участи ятвяжскаго народа. Имя ятвяговъ (говорится на стр. 65-й) имѣетъ звукъ, несвойственный литовскому языку, и д-ръ Басановичъ (*Etnologiszkos smulkmenos. Tilzeje 1893*) показалъ съ очевидностью, что истинное ихъ названіе *getvei* (гятви) или съ прибавкою суффикса *getvingi*, напоминающее о распространеннымъ когда-то у нихъ скотоводствѣ (отъ слова *getis, getve, getvis* — *Viehtrift*, выгонъ для скота), было искажено иностранными хронистами.

Самъ изслѣдователь ясно не выразилъ требованія о необходимости подтвержденія антропологическими данными трехъ типовъ литовскаго племени—жмудскаго, литовскаго и судаво дейново-ятвяжскаго. Антропологическая характеристика литовцевъ выражается, по изслѣдованіямъ Баронаса, между прочимъ, въ слѣдующихъ особенностяхъ:

Изъ разсмотрѣнія лицевыхъ измѣреній литовцевъ и дру-

гихъ племенъ обнаруживается, что верхнія широтныя величины лица литовцевъ, какъ наименьшій лобный діаметръ, наибольшая ширина лица между скуловыми дугами, расстояние между внѣшними прорѣзами глазъ, превышаютъ всѣ подобныя величины сравниваемыхъ племенъ, только у однихъ бѣлоруссовъ болѣе развиты скуловые дуги, а у эстовъ больше лобный діаметръ и расстояние между прорѣзами глазъ. Но напротивъ, длиннотные размѣры лица, лицевую линію, длину носа литовцы имѣютъ, если не близкіе, то меньшіе, чѣмъ прочія племена. Нижняя челюсть, какъ ея длина, такъ расстояние между углами, у литовцевъ оказывается сравнительно слабѣе. При сравненіи лица женщинъ съ лицомъ литовцевъ оказывается, что у мужчинъ всѣ абсолютныя величины больше женскихъ, а относительныя, наоборотъ, за исключеніемъ нижней ширины лица и высоты лба (стр. 80).

Что касается головныхъ измѣреній, то среди всѣхъ сравниваемыхъ племенъ *литовцы*, какъ мужчины, такъ и женщины, отличаются высокою *брахицефалиею*, болѣе всего приближающей ихъ къ бѣлоруссамъ, и вызванной, съ одной стороны, малымъ продольнымъ діаметромъ съ другой—большимъ поперечнымъ. Абсолютныя размѣры головной чаши занимаютъ отчетливое мѣсто, такъ какъ поперечная дуга превосходитъ всѣ подобныя другихъ племенъ, продольная меньше, чѣмъ у эстовъ, а горизонтальная окружность меньше только окружности у латышей (стр. 83). Средняя абсолютная окружность груди литовцевъ, имѣющая 919,3 (по Бреннсону 922,3), уступаетъ всѣмъ подобнымъ величинамъ, указаннымъ для латышей, ливовъ и эстовъ.

Выше приведена характеристика череповъ Чекановскаго могильника, и оттого слѣдуетъ припомнить, какъ *А. А. Ивановскій* въ своемъ изслѣдованіи (М. 1904 года) объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи, характеризуетъ литовцевъ и латышей съ антропологической точки зрѣнія. Начиная съ латышей, литовцы при имѣющихся антропологическихъ данныхъ образуютъ отдѣльную *латышскую группу*. Типъ ихъ, по цвѣту волосъ и глазъ, свѣтлый; роста они очень высокаго (число высокорослыхъ превышаетъ низкорослыхъ въ 4 раза); *брахицефалия* выражена не особенно рѣзко (при 70% брахицефаловъ 22% мезоцефаловъ и 8% долихоцефаловъ); они крайне низкоголовы; по носовому указателю, хотя рѣзко пре-

обладают лепторины (75%), но не мало также мезориновъ (22%) и встрѣчаются платирины (3%); по относительнымъ размѣрамъ окружности груди, *латыши* стоятъ въ числѣ тѣхъ немногихъ народностей Россіи, которыя обладаютъ самою большою величиною ея; руки ихъ средней длины (стр. 202).

Литовцы ближе всего стоятъ по своему антропологическому типу къ *полякамъ* Люблинской губ., а затѣмъ къ великоруссамъ (преимущественно Курской губ.), полякамъ вообще, башкирамъ и калмыкамъ (стр. 109).

Не даромъ, можетъ быть, изслѣдователь антропологии поляковъ, д-ръ Талько-Гринцевичъ, обнаружилъ въ губерніяхъ *Люблинской* и въ особенности Ломжинской примѣсь *ятвяговъ*, которыми нѣкогда было заселено Подлясье (Ломжинской губ.). Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что, для опредѣленія литовскаго типа и его происхожденія, необходимо принять въ соображеніе тройное происхожденіе его (не говоря о пруссахъ) отъ типовъ верхне-литовскаго, ниже-литовскаго или жмудскаго и южно-литовскаго или ятвяго-дейновскаго. Археологическимъ разрѣшеніемъ вопроса о ятвягахъ занимался г. Авенариусъ въ Древностяхъ Сѣв.-Зап. края, I, Дрогичинъ—Надбужскій, но разысканіе его неудачно вслѣдствіе показанной выше тенденціозности. Въ 1880-хъ гг., въ Сѣв.-Зап. Руси *не любили*, какъ въ искони русскомъ краѣ, обнаруживать слѣды прежнихъ народовъ, въ особенности прусскаго и ятвяжскаго. Изслѣдованіе череповъ каменныхъ могилъ (они были препровождены въ Спб. унив. къ проф. Петри); не обнаружено *).

Выводы:

1) Каменные могилы, изслѣдованныя Луневскимъ, Эйхлеромъ, Шнейдеромъ, Авенариусомъ и Янчукомъ, нуждаются въ дополнительномъ изслѣдованіи при непремѣнномъ условіи антропологическаго или антропометрическаго опредѣленія находящихся въ нихъ череповъ.

2) Остатки ятвяжскаго языка въ именованіи и географической поменклатурѣ приближаетъ ятвяжскій этнологическій

*) По справкамъ, наведеннымъ секретаремъ Общества, черепа были изжжены г. Г. И. Ивановымъ и описаны для студенческой зачетной работы, которая не была напечатана. Черепа находятся въ коллекціи Русскаго Антропологическаго Общества.

3) Племена литовскаго происхожденія безъ душепочита-
нiя и родового быта и культа не существовало, и потому
характеристика ятвяговъ-литовскихъ, какъ племена—бродяги,
подказана мѣстной тенденціозностью (см. біографію Авенариуса,
какъ мѣстнаго педагога въ духѣ обрусѣнiя въ «Ист. Вѣст-
никъ»).

4) Антропологическія изслѣдованія латышей и литовцевъ,
столь близкихъ по языку и столь различныхъ, можетъ быть,
по соматическому типу, нуждаются въ новыхъ, статистически
болѣе обширныхъ разысканiяхъ жителей литовскихъ областей
трехъ главныхъ типовъ, въ связи, конечно, съ археологическимъ
изслѣдованiемъ Восточной Пруссiи и результатами антрополо-
гическихъ измѣренiй въ прусской Литвѣ и областяхъ старо-
пруссскихъ.

Э. А. Вольтеръ.

Международные Конгрессы Американистовъ.

(Читано въ засѣданіи Русскаго Антропологическаго Общества при С.-Петербур.
университетѣ 17 января 1908 г.).

Мое сообщеніе будетъ состоять изъ двухъ частей: изъ краткихъ свѣдѣній по исторіи международныхъ конгрессовъ Американистовъ и изъ моего доклада о подземныхъ жилищахъ на сѣверо-востокѣ Азіи и сѣверо-западѣ Америки,—доклада, прочитаннаго на XV международномъ конгрессѣ Американистовъ въ городѣ Квебекѣ, въ Канадѣ, въ августѣ 1906 года ¹⁾).

Докладъ этотъ,—теперь мною нѣсколько измѣненный.—былъ прочитанъ на конгрессѣ въ моемъ отсутствіи и напечатанъ на англійскомъ языкѣ въ отчетахъ указаннаго конгресса. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ 1906 года я, будучи въ Лондонѣ, рассчитывалъ оттуда ѣхать въ Америку, и Антропологическое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ удостоило меня полномочіемъ представить его на конгрессѣ въ качествѣ официального делегата ²⁾). Но обстоятельства сложились такъ, что моя поѣздка въ Америку не состоялась. Поэтому я послалъ свой докладъ въ бюро конгресса съ просьбой представить его конгрессу въ моемъ отсутствіи. Такимъ образомъ, я выполнилъ возложенное на меня Антропологическимъ Обществомъ порученіе только отчасти, то есть, составленіемъ доклада, и представить теперь отчетъ о конгрессѣ, на которомъ лично не присутствовалъ, не могу; но, взаимѣнъ отчета о Квебекскомъ конгрессѣ, я по-

¹⁾ См. *Woldemar Sochelson, Past and present subterranean Dwellings of the Tribes of north-eastern Asia and north-western America. Congrès International des Américanistes, XV Session tenue à Québec en 1906, Tome II, Québec 1907, pp. 115—128.*

²⁾ См. *Ibid.* Tome I, p. XII.

зволю себѣ представить краткій обзоръ исторіи конгрессовъ Американистовъ вообще, конгрессовъ, очень мало извѣстныхъ въ Россіи.

Международные конгрессы Американистовъ, то есть, съѣзды лицъ различныхъ странъ, занимающихся изученіемъ Америки, возникли въ 1875 году по инициативѣ Французскаго Общества Американистовъ (*Société Américaine de France*) въ Парижѣ. Это ученое общество назначило въ 1875 году мѣстомъ для перваго конгресса городъ Нанси во Франціи и содѣйствовало организациі конгресса и выработкѣ статутовъ. Согласно этимъ статутамъ, задачи международныхъ конгрессовъ Американистовъ заключаются въ содѣйствіи этнографическому, лингвистическому и историческому изслѣдованіямъ сѣверной и южной Америки, главнымъ образомъ до-Колумбійскаго періода, и въ установленіи связи между лицами различныхъ странъ, занимающимися упомянутыми изслѣдованіями. Конгрессы должны были происходить черезъ каждые два года въ разныхъ странахъ попеременно. Организационный комитетъ составлялся изъ ученыхъ и меценатовъ города, назначеннаго для конгресса; только для перваго конгресса, въ городѣ Нанси, въ помощь мѣстному организационному комитету Парижское общество Американистовъ назначило делегацію изъ среды своихъ членовъ. Бюро конгресса, состоявшее изъ одного президента и четырехъ вице-президентовъ, выбиралось изъ лицъ, пребывающихъ въ томъ городѣ, гдѣ засѣдалъ конгрессъ. Совѣтъ конгресса составлялся изъ представителей всѣхъ странъ, пославшихъ делегатовъ. Этотъ совѣтъ назначалъ страну и городъ для засѣданій слѣдующаго очереднаго конгресса. Такимъ образомъ, на конгрессѣ въ Нанси, который былъ весьма многолюденъ (по числу членскихъ взносовъ числилось въ спискахъ около 2,000 человекъ), былъ выбранъ для засѣданій слѣдующаго конгресса, 1877 года, городъ Люксембургъ. Съ самаго начала въ международныхъ конгрессахъ Американистовъ принимали участіе наиболѣе выдающіеся ученые Европы, интересующіеся той или другой отраслью науки о человекѣ. Такъ, въ числѣ участниковъ мы встрѣчаемъ имена Дарвина, Леббока, Макса Мюллера, Штейнталя, Вир-

хова и многихъ другихъ. Но какъ это ни странно, конгрессы Американистовъ, международное ученое общество, имѣющее цѣлью изученіе Америки, не только возникли, но и происходили въ началѣ исключительно въ Европѣ. По словамъ проф. фонъ-денъ-Штейнена, ученые сѣверной и южной Америки явились впервые делегатами только на седьмомъ конгрессѣ, въ 1888 году, засѣдавшемъ въ Берлинѣ ¹⁾. На десятомъ международномъ конгрессѣ Американистовъ, въ 1894 году, имѣвшемъ мѣсто въ Стокгольмѣ, получило приглашеніе отъ мексиканцевъ устроить слѣдующій очередной конгрессъ 1896 года въ Мексикѣ. Предложеніе это вызвало оживленные дебаты. Были противники перенесенія конгрессовъ въ Новый Свѣтъ. Особеннымъ противникомъ этой идеи былъ Вирховъ. По его мнѣнію, перенесеніе конгрессовъ въ Америку значило бы предоставить ихъ различнымъ случаямъ. Подъ этимъ подразумѣвалось опасеніе, что преемственность и органическое единство конгрессовъ ослабѣетъ и что на американскихъ конгрессахъ будетъ, благодаря отдаленности различныхъ частей Америки отъ Стараго Свѣта, мало европейскихъ делегатовъ, и обратно. Кромѣ того, въ нежеланіи перенесенія конгрессовъ для изученія Америки въ самую Америку можно было видѣть недовѣріе къ научнымъ силамъ американцевъ, хотя, надо замѣтить, что въ то время работы Этнологическаго Бюро въ Вашингтонѣ, основаннаго правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1879 году и подчиненнаго имъ Смитсоніанскому институту, уже достаточно доказали, что европейскіе этнологи многому могли бы научиться у своихъ сѣверо-американскихъ коллегъ по части собиранія матеріаловъ, обработки ихъ и способа публикаціи трудовъ. Между прочимъ, профессоръ Вирховъ, главный противникъ перенесенія конгрессовъ въ Новый

¹⁾ См. International Congress of Americanists, Thirteenth Session held in New-York in 1902, p. LV. Надо замѣтить, что въ спискахъ делегатовъ мы встрѣчаемъ имена американскихъ ученыхъ также въ отчетахъ конгрессовъ до 1888. Такъ напр., въ предварительныхъ спискахъ делегатовъ на конгрессѣ Американистовъ въ Люксембургѣ мы встрѣчаемъ имя проф. Генри, директора Смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ. Мнѣ неизвестно, присутствовалъ ли онъ на конгрессѣ. Отчета о конгрессѣ въ Люксембургѣ не оказалось въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

Свѣтъ, много сдѣлавшій по антропологии американскихъ расъ, былъ все-таки американистомъ, никогда не бывавшимъ въ Америкѣ. Чтобы примирить разногласіе, Стокгольмскій конгрессъ принялъ предложеніе мексиканцевъ, но назначилъ въ Мексикѣ на 1895 годъ экстраординарный конгрессъ, въ то время какъ очередной конгрессъ 1896 года долженъ былъ имѣть мѣсто въ Голландіи.

Къ сожалѣнію, опасенія противниковъ перенесенія конгрессовъ въ Америку оправдались, несмотря на успѣхъ конгресса въ 1895 году въ странѣ ацтековъ. Очередной конгрессъ 1896 года въ Нидерландахъ не состоялся, и только въ 1900 году связь Американистовъ съ Европой возобновилась и, опять-таки, благодаря инициативѣ и усиліямъ французовъ, среди которыхъ еще со времени пребыванія въ Парижѣ Александра фонъ-Гумбольдта, перваго ученаго изслѣдователя Америки, и его друзей, мы находимъ много ревностныхъ американистовъ.

Въ 1900 году Парижское Общество Американистовъ (*Société Americaine de Paris*), основанное въ 1895 году, организовало въ Парижѣ двѣнадцатый международный конгрессъ Американистовъ. На этомъ конгрессѣ былъ выработанъ новый уставъ, въ который внесены существенныя измѣненія, сравнительно съ уставомъ 1875 года. Конгрессы собираются разъ въ два года, но попеременно въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, при этомъ два очередныхъ конгресса той или другой части свѣта не должны происходить подъ рядъ въ одной и той же странѣ. Такъ, напримѣръ, послѣ Парижскаго конгресса 1900 года, слѣдующій очередной конгрессъ Старога Свѣта, конгрессъ 1904 года, не могъ уже происходить во Франціи. Другими важными измѣненіями въ статутахъ были слѣдующіе пункты. По статутамъ 1875 года, сообщенія на конгрессахъ могли быть сдѣланы на одномъ изъ пяти европейскихъ языковъ (французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, испанскомъ и итальянскомъ), но дѣловымъ языкомъ, какъ международный, считался французскій. Теперь дѣловымъ языкомъ служить языкъ той страны, гдѣ засѣдаетъ конгрессъ, а сообщенія на конгрессахъ можно, какъ и раньше, дѣлать на одномъ изъ указанныхъ языковъ. Вице-предсѣдателей выбирается шесть: два

изъ мѣстныхъ членовъ конгресса, четыре изъ иностранныхъ представителей. Такимъ образомъ, послѣ Парижскаго конгресса 1900 года въ Новомъ Свѣтѣ уже имѣли мѣсто два конгресса, одинъ въ Нью-Йоркѣ въ 1902 году и другой въ Квебекѣ, въ Канадѣ, въ 1906 году. Въ Старомъ же Свѣтѣ за это время состоялся одинъ конгрессъ въ 1904 году, въ Штуттгартѣ. Въ настоящемъ году, въ сентябрѣ, конгрессъ снова соберется въ Европѣ, именно, въ Вѣнѣ.

Общество международныхъ конгрессовъ Американистовъ показало, насколько полезны для науки международные ученые институты. Ко времени возникновенія конгрессовъ Американистовъ мы видимъ не мало изслѣдователей, строившихъ самыя неосновательныя теоріи о происхожденіи американской расы и древнихъ культуръ. Такъ, напримѣръ, происхожденіе найденныхъ по открытіи испанцами Америки высокихъ культуръ и искусства въ Мексикѣ, Перу и Юкатанѣ одни изъ европейскихъ ученыхъ приписывали древнему вліянію финикіянь, другіе—египтянь, буддистовъ, китайскихъ монаховъ, скандинавовъ, японцевъ и другихъ. Были и такіе изслѣдователи, которые приписывали религіозные обряды и архитектуру инковъ въ Перу потерявшимся десяти съ половиною колѣнамъ Израиля. Всѣ эти фантастическія гипотезы должны были ступеваться передъ изученіемъ памятниковъ, обмѣномъ мыслей специалистовъ и свѣтомъ критики. Съ другой стороны, явившаяся теорія американскихъ ученыхъ, — какъ реакція противъ указанныхъ гипотезъ, — о совершенной самостоятельности американскихъ расы и культуръ, тоже должна была сдѣлать уступки при критическомъ обмѣнѣ мнѣній Американистовъ. Вопреки мнѣнію объ изолированности индѣйцевъ до открытія европейцами Америки и совершенной самостоятельности развитія высокихъ культуръ центральной и южной Америки до Колумба, несомнѣнно установлено, что древніе предки обитателей Америки, до или послѣ ледниковаго періода, изъ Азіи или Европы, разъ или нѣсколько разъ, явился туда переселенцами изъ Старога Свѣта. Выясненію этихъ вопросовъ посвящены усилія и труды Американистовъ, и всякій, кто интересуется изученіемъ исторіи и археологіи Америки и изслѣдованіемъ современныхъ американскихъ племенъ, найдетъ въ

объемистыхъ отчетахъ, появляющихся въ свѣтъ послѣ каждаго конгресса, весьма обильный матеріаль.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ участіи русскихъ въ работахъ Американистовъ. На конгрессы Американистовъ правительства и ученые общества всѣхъ культурныхъ странъ Стараго и Новаго Свѣта посылаютъ официальныхъ делегатовъ. Мы встрѣчаемся на конгрессахъ Американистовъ не только съ представителями скандинавскихъ странъ, открывшихъ сѣверо-восточную часть Америки 1000 лѣтъ тому назадъ, или романскихъ народовъ, открывшихъ центральную Америку 400 лѣтъ тому назадъ, или народовъ, пріобрѣвшихъ въ Америкѣ колоніи впоследствии, но и съ представителями націй, никакой исторической или государственной связи съ Новымъ Свѣтомъ не имѣющихъ и преслѣдующихъ только научные интересы. Русскія же ученые общества и другія учрежденія стоятъ какъ будто въ сторонѣ отъ научныхъ вопросовъ Американизма, а между тѣмъ, еще въ семнадцатомъ столѣтіи русскіе піонеры доказали, что Америка отдѣлена отъ Азіи проливомъ, а наши самоотверженные мореплаватели въ теченіи восемнадцатаго столѣтія впервые открыли и описали всю сѣверо-западную часть Америки, долгое время бывшую русской колонією. Кромѣ того, близость сѣверо-восточной Сибири къ Америкѣ, физическое смѣшеніе и культурный обмѣнъ, который и теперь происходитъ между азіатскими чукчами и американскими эскимосами, должны были служить достаточнымъ стимуломъ для сравнительнаго изученія обѣихъ странъ. Только тогда, когда сѣверо-американскіе этнологи, придя къ убѣжденію, что для выясненія исторіи сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, необходимо также изучить нѣкоторыя сибирскія племена, съ этой цѣлью обратились къ содѣйствию русскихъ изслѣдователей, послѣдніе стали принимать нѣкоторое участіе въ конгрессахъ Американистовъ. Такъ, на конгрессѣ 1902 года въ Нью-Йоркѣ присутствовалъ въ качествѣ гостя В. Г. Богоразъ; на конгрессѣ 1904 года въ Штутгартѣ г. Богоразъ былъ делегатомъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія, а Л. Я. Штернбергъ, старшій этнографъ музея Академіи Наукъ, явился въ качествѣ делегата этого музея. Я тоже присутствовалъ на этомъ

конгрессѣ, но въ качествѣ одного изъ представителей американскаго музея естественныхъ наукъ въ Нью-Йоркѣ, такъ какъ на мой запросъ Географическому Обществу я получилъ отвѣтъ, что оно не имѣетъ въ виду командировать специальнаго делегата. На этомъ конгрессѣ были нами сдѣланы слѣдующія сообщенія: г. Богоразомъ — «О религиозныхъ идеяхъ примитивнаго человѣка на основаніи вѣровавнй чукчей»; г. Штернбергомъ — «Объ отношеніи морфологіи гилацкаго языка къ американскимъ»; мною — «Объ американскихъ и азіатскихъ элементахъ въ мифахъ коряковъ»¹⁾. На послѣднемъ конгрессѣ Американистовъ, въ 1906 году, въ городѣ Квебекѣ, русскіе представители снова отсутствуютъ; былъ доложенъ только мой докладъ о подземныхъ жилищахъ въ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америкѣ, докладъ, который дальше приводится.

В. И. Юхельсонъ.

¹⁾ См. Internationaler Amerikanisten-Kongress, Vierzehnte Tagung, Stuttgart, 1904, Erste Hälfte. *W. Bogoras*, Religious Ideas of primitive Man, from Chukchee Material, pp. 130—135; *L. Sternberg*, Bemerkungen über Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikantischen Sprachen, pp. 137—140; *W. Juchelson*, Über asiatische und amerikantische Elemente in den Mythen der Korjaken, pp. 119—127. Последнее сообщеніе въ русскомъ переводѣ напечатано въ «Землеводствѣ» книжка III, Москва, 1904, стр. 33—41.

Древнія и современныя подземныя жилища племенъ сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки.

(Читано въ засѣданіи Русскаго Антропологическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 17 января 1908 г.).

Подземное или полу-подземное жилище различныхъ племенъ древности и отчасти настоящаго времени представляетъ собою продуктъ значительно высшей культуры, чѣмъ тотъ бытъ примитивнаго періода существованія чело-вѣчества, когда для защиты отъ дождя, солнца, вѣтровъ и отъ нападенія враговъ люди прибѣгали къ естественнымъ убѣжищамъ, какъ пещеры, навѣсы, образуемые утесами, ущелья и дупла деревьевъ.

Съ теченіемъ времени первобытныя племена стали искусственно расширять или улучшать естественныя убѣжища. Въ извѣстныхъ случаяхъ первобытный чело-вѣкъ достигъ большого искусства въ приспособленіи для жилья природой созданныхъ пещеръ и скалистыхъ навѣсовъ. Въ этомъ отношеніи глубокой интересъ представляютъ развалины древнихъ жилищъ, извѣстныхъ подъ именемъ жилищъ въ скалахъ (cliff dwellings), которыя находятся на плоскогоріи Аризоны, Новой Мексики, Колорадо и Юты, и прежніе обитатели которыхъ принадлежали къ группѣ племенъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пуэбло. Эти племена дѣлали въ скалистымъ навѣсамъ пристройки изъ стѣнъ, сложенныхъ изъ камней, или искусственно углубляли пещеры въ болѣе мягкихъ горныхъ породахъ и, такимъ образомъ, образовали цѣлыя селенія и города въ скалахъ. Но эта архитектура, которая была выше тѣхъ построекъ, о которыхъ мы будемъ говорить, не входитъ въ предметъ нашего сообщенія.

Обозначеніе типа жилищъ, именемъ «подземныхъ» не всегда правильно, ибо только нѣкоторыя изъ нихъ находятся совершенно подъ землею, какъ напримѣръ, древнія искусственныя подземныя жилища, остатки которыхъ были найдены въ Шотландіи и Ирландіи; большая же часть такъ называемыхъ подземныхъ жилищъ находится подъ землею только въ большей или меньшей степени (приблизительно на половину или меньше), въ то время, какъ ихъ надземная часть покрыта землею, вынутой изъ ямы, въ которой жилище устроено. Всѣ эти жилища можно было бы обозначить общимъ именемъ землянокъ, если бы къ этому типу не принадлежали аналогичныя юрты, покрытыя сверху снѣгомъ, вмѣсто земли, какія мы находимъ у эскимосовъ и у отдѣла коряцкаго племени, извѣстнаго подъ именемъ керековъ. Поэтому я предпочелъ бы удержать за трактуемыми мною жилищами обще-признанное названіе «подземныхъ».

Для устройства остова подземнаго жилья употреблялись и теперь еще употребляются камни, дерево или кости большихъ млекопитающихъ, какъ китъ или лось. Подземныя жилища имѣли и теперь имѣютъ назначеніе защищать ихъ обитателей отъ холода и вѣтровъ, такъ что они, главнымъ образомъ, употребляются въ качествѣ зимнихъ жилищъ и встрѣчаются по преимуществу въ сѣверныхъ широтахъ Стараго и Новаго Свѣта. Другое назначеніе, очевидно, имѣли не такъ часто встрѣчаемыя подземныя жилища въ южныхъ широтахъ; такъ, напримѣръ, подземныя жилища восточной Африки, описанныя Лушаномъ¹⁾, или землянки въ Суданѣ, описанныя Фробеніусомъ, подземныя жилища въ южномъ Тунисѣ²⁾ и полуподземныя жилища индѣйцевъ Калифорніи³⁾. Эти жилища могли также служить защитой отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца.

Въ Европѣ подземныя жилища были извѣстны всѣмъ ея древнимъ обитателямъ. Скиѣны жили въ подземныхъ

¹⁾ См. *Schurz*, *Urgeschichte der Kultur* 1900, p. 423.

²⁾ См. *D. Mac Ritchie*, *Underground Dwellings* (*The Scottish Review*, Jan. 18, 1906).

³⁾ См. *Dixon*, *The northern Maidu* (*Bulletin American Museum of Natural History*, Vol. XVII, 1905, p. 168).

жилищах ¹⁾). Тацитъ и Плиній приписываютъ ихъ древнимъ германцамъ ²⁾). Они были извѣстны франкамъ. Остатки найдены были въ Швейцаріи, Мекленбургѣ ³⁾ и Южной Баваріи ⁴⁾). Здѣсь они имѣли круглую форму, съ котлообразнымъ расширеніемъ на днѣ, діаметромъ отъ 11 до 15 метровъ и глубиною отъ 2 до 4 метровъ. Кельты, пикты ⁵⁾, славяне ⁶⁾, финны ⁷⁾ и лапландцы ⁸⁾ жили зимою въ землянкахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробнаго описанія типовъ жилищъ этихъ племенъ. При постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и во время военныхъ походовъ, какъ на примѣръ, въ послѣднюю русско-японскую войну, мы и теперь употребляемъ четырехугольныя землянки въ качествѣ жилищъ для рабочихъ или войска, но эти землянки отличаются отъ другихъ подземныхъ жилищъ тѣмъ, что снабжены окнами въ надземной части стѣнъ, печами или каминами, трубы которыхъ выходятъ наружу.

Подземныя жилища были еще недавно въ употребленіи у венгерскихъ цыганъ ⁹⁾). Для ихъ устройства они копали ямы, глубиною отъ 10 до 12 футовъ. Крыша состояла изъ балокъ, положенныхъ поперекъ ямы и покрытыхъ соломой и дерномъ.

Остатки другого рода подземныхъ жилищъ были найдены въ Ирландіи ¹⁰⁾, Шотландіи ¹¹⁾ и на небольшихъ островахъ къ сѣверу отъ Шотландіи ¹²⁾). Эти жилища представляли собою въ большинствѣ случаевъ длинныя корри-

¹⁾ *M. Hoernes*, Die Urgeschichte des Menschen, Wien, 1892, p. 255.

²⁾ *F. Maurer*, Ueber das Alter der Gruben-und Höhlenbewohner, Ausland, 1870, p. 635.

³⁾ *Lippert*, Kulturgeschichte der Menschheit, 1887, p. 204.

⁴⁾ *Hoernes*, p. 265

⁵⁾ *D. Mac Ritchie*, Homes of The Picts (The Reliquary and Illustrated, Archaeologist, April, 1901).

⁶⁾ *Lippert*, p. 205.

⁷⁾ «Ausland», 1871, p. 741.

⁸⁾ *D. Mac Ritchie*, Underground Dwellings (The Scottish Review).

⁹⁾ *Lippert*, p. 204.

¹⁰⁾ *Mrs Mary Hobson*, An Account of some Souterains in Ulster Ireland. (Paper read before The British Association, at its Meeting held at Leicester, England, 1907).

¹¹⁾ *David Mac Ritchie*, Subterranean Dwelling (The Antiquary, Vol. XXVI, London, 1892); *idem*, Underground Dwelling (Scottish Notes and Queries, March, 1900) *idem*, An Aberdeenshire Mound-Dwelling (The Antiquary, May, 1899).

¹²⁾ *Idem*, The Interior of a Fairy Knoll (The Scottish Review, November, 9, 1905).

доры, глубиною отъ 8 до 10 футовъ и шириною около 8 футовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ подземныхъ галлерей имѣли мѣстами узкіе проходы, расширенія или развѣтвленія въ видѣ отдѣльныхъ комнатъ, какъ у эскимосовъ. Стѣны и крыша соединены были безъ цемента, при помощи необтесанныхъ камней. Это было сдѣлано слѣдующимъ образомъ. Каждый верхній рядъ камней, образующихъ стѣны, выдвигался нѣсколько впередъ сравнительно съ нижнимъ рядомъ, такъ что верхніе ряды камней противоположныхъ стѣнъ сходились наверху, образуя родъ арки, извѣстной подъ названіемъ «циклонической» ¹⁾. Сама крыша сдѣлана изъ широкихъ каменныхъ плитъ или изъ бревенъ. Характерная черта древнихъ подземныхъ жилищъ въ Шотландіи и Ирландіи состоитъ въ томъ, что они большей частью находились совершенно подъ землею и не образовали на поверхности земли никакихъ холмовъ или насыпей, при помощи которыхъ легко открывается древнее мѣстопребываніе подземныхъ жилищъ другихъ типовъ. Кромѣ того, входъ въ подземныя жилища Шотландіи и Ирландіи былъ настолько замаскированъ, что жилища эти, очевидно, имѣли главной цѣлью защиту отъ враговъ. Что же касается употребленія камней для устройства подземныхъ жилищъ или землянокъ вообще, то этотъ матеріалъ употреблялся также въ древней Арменіи и теперь употребляется эскимосами, за отсутствіемъ лѣса.

Изъ подземныхъ жилищъ Азіи я прежде всего упомяну землянки древней Арменіи ²⁾, на которыя я сейчасъ указалъ. По словамъ Ксенофонта, ямы этихъ подземныхъ жилищъ были расширены у основанія, и входили въ эти жилища при помощи лѣстницы. Древне-грузинскія подземныя жилища найдены около Тифлиса. Согласно устному сообщенію И. С. Джабадари, жители нѣкоторыхъ армянскихъ и грузинскихъ селеній, дома которыхъ были разрушены во время недавнихъ безпорядковъ, поселились въ землян-

¹⁾ Idem, Description of an Earth-House at Pitcur (Proceedings of The Antiquaries of Scotland, vol. XXXIV, p. 204).

²⁾ См. *Hoernes*, p. 265.

кахъ. Фригійцы ¹⁾ обкладывали свои жилища, сложенные изъ камней, землею или дерномъ. Историкъ Сибири Миллеръ ²⁾ и этнологъ Паткановъ ³⁾ даютъ намъ свѣдѣнія о землянкахъ Обскихъ остяковъ, которыя въ настоящее время почти исчезли. Онѣ, очевидно, были обще-финскаго типа и представляли собою четырехугольные ямы, выложенныя лѣсомъ. Крыша, сдѣланная изъ жердей, была покрыта торфомъ и землею. Эти жилища не имѣли оконъ, отверстіе въ крышѣ служило одновременно для свѣта и выхода дыма. Это отверстіе помѣщалось или въ серединѣ крыши, или съ боку, въ зависимости отъ положенія очага въ самой землянкѣ. Въ землянку входили черезъ боковую дверь, къ которой велъ рядъ ступенекъ или просто земляной спускъ. Небольшая площадка передъ дверью, огороженная съ обѣихъ сторонъ жердями, для защиты входа отъ вѣтра, образовала сѣни.

Судя по описанію, сдѣланному недавно въ его сообщеніи въ Географич. Обществѣ изслѣдователемъ Енисейскихъ остяковъ. В. И. Анучинымъ, осеннія землянки этихъ остяковъ въ общемъ можно отнести къ финно-остяцкому типу.

Какъ мы увидимъ дальше, всѣ такъ называемые палеазиатскіе народы жили раньше или живутъ еще теперь въ подземныхъ жилищахъ. Въ сѣверной Америкѣ мы находимъ подземныя жилища у эскимосовъ, алеутовъ и многихъ индѣйскихъ племенъ. Въ виду данныхъ о разнообразіи формъ этихъ жилищъ и объ ихъ распространеніи среди племенъ, весьма удаленныхъ другъ отъ друга, мы должны допустить, что идея устройства подземныхъ жилищъ вытекала, хотя и изъ одинаковыхъ побужденій, но могла зародиться совершенно независимо у различныхъ народовъ. Однако мое изслѣдованіе подземныхъ жилищъ приморскихъ коряковъ и сравнительное изученіе описаній другихъ путешественниковъ подземныхъ или полу-подземныхъ жилищъ другихъ племенъ, обитающихъ на берегахъ Ледовитаго моря и въ сѣверной части Тихаго океана, привели

¹⁾ См. *Lippert*, p. 205.

²⁾ *Миллеръ*, Исторія Сибири, стр. 129.

³⁾ *С. Паткановъ*. Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ быльямъ и героическимъ сказаніямъ. СПб., 1891, стр. 31.

меня къ заключенію, что подземныя жилища упомянутых племенъ представляютъ собою не только продуктъ сходной культуры, но что они, вѣроятно, распространились при помощи заимствованія. Такъ подземныя жилища палеазиатскихъ племенъ съ одной стороны похожи на подземныя жилища эскимосовъ и алеутовъ, а съ другой—на землянки индѣйцевъ. Этотъ вопросъ рассматривается полнѣе въ моей работѣ о матеріальной культурѣ коряковъ, составляющей часть трудовъ экспедиціи Дженсупа ¹⁾). Я займусь здѣсь краткимъ разсмотрѣніемъ подземныхъ жилищъ указанныхъ племенъ, какъ въ ихъ общихъ, такъ и въ частныхъ чертахъ.

Не вдаваясь въ равныя уклоненія того или иного типа, мы можемъ указать на слѣдующія характерныя черты подземныхъ жилищъ береговъ сѣверной части Тихаго океана. 1) Яма для жилища, круглой или неправильной формы, глубиною отъ 3 до 6 футовъ, обыкновенно выкапывается на холмѣ, съ тѣмъ, чтобы дождевая вода могла стекать внизъ по склону холма. 2) Стѣны сдѣланы изъ бревенъ, поставленныхъ въ ямѣ вертикально. Онѣ образуютъ прямоугольникъ или неправильный восьмиугольникъ, или имѣютъ круглую форму; стѣны на половину или на треть выходятъ надъ ямой, но эти надземныя части стѣнъ обкладываются землею, вынутаю изъ ямы, на подобіе вала, или обносятся землей въ видѣ холма. 3) Крыша поддерживается четырьмя или болѣе столбами, стоящими въ серединѣ жилища, а уклоны крыши спускаются къ стѣнамъ. 4) Квадратное отверстіе въ крышѣ служитъ дверью, окномъ и для выхода дыма. Для входа въ жилище поставлено бревно съ зарубками, служащее лѣстницей.

Главныя особенності подземныхъ жилищъ каждаго изъ племенъ, перечисленныхъ ниже въ отдѣльности, суть слѣдующія.

Айны.—У Л. Шренка мы находимъ описаніе современной

¹⁾ См. *W. Jochelson. The Koryak, Part II, Material Culture and Social Organisation*, pp. 447—468; 637—645 (Publications of the Jesap North Pacific Expedition, Vol. VI. Part II, Leiden, 1908).

землянки айновъ въ южной части Сахалина ¹⁾). Въ эту землянку входятъ теперь не черезъ отверстие въ крышѣ, а черезъ боковую дверь. Крыша землянки выдается надъ входомъ настолько, что образуетъ навѣсъ въ видѣ сѣней со ступеньками, ведущими къ двери; очагъ въ землянкѣ находится ближе къ двери, чѣмъ къ другимъ стѣнамъ, но въ землянкахъ малыхъ размѣровъ очагъ помѣщается въ серединѣ. Очень большія землянки имѣютъ часто два очага, по угламъ, по обѣ стороны двери, съ отдѣльными отверстиями въ крышѣ для выхода дыма надъ каждымъ изъ очаговъ. Часто отъ очага идетъ узкій подземный туннель наружу, для тяги. Нѣмецкій изслѣдователь, докторъ Гриммъ описываетъ современную землянку курильцевъ, то есть айновъ, на островѣ Шикотанѣ ²⁾). У нихъ, говоритъ онъ, очагъ помѣщается въ правомъ углу землянки, со стороны двери, а сѣнями для землянки служитъ лѣтній шалашъ.

Говоря о землянкахъ современныхъ айновъ, нельзя обойти молчаніемъ въ высшей степени интересный вопросъ о томъ, какому племени слѣдуетъ приписать тѣ подземныя жилища, многочисленныя остатки которыхъ были найдены на островѣ Сахалинѣ, на Иезо и другихъ японскихъ островахъ. Нѣкоторые ученые, главнымъ образомъ, японскій профессоръ Тсубой, стараются доказать, что эти подземныя жилища были обитаемы не айнами, а другимъ, до-айноскимъ племенемъ (по мнѣнію Тсубоя — эскимосами). Другіе изслѣдователи, какъ японскій профессоръ Коганеи ³⁾ и бывшій профессоръ въ Токио Бельцъ ⁴⁾ приводятъ весьма основательныя аргументы въ пользу того, что древніе обитатели этихъ подземныхъ жилищъ были именно предки современныхъ айновъ. Среди другихъ новѣйшихъ изслѣдователей айновъ, Л. Я. Штернбергъ ⁵⁾ высказывается въ

¹⁾ Л. Шренкъ, Объ инородцахъ Амурскаго края, томъ II, Спб., 1899, стр. 11.

²⁾ Н. Grimm, Beitrag zur Kenntniss der Koropokguru auf Yezo und Bemerkungen über Shikotan-Aino (Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens in Tokio, Band V, 1889—1892, pp. 369—373).

³⁾ Koganei, Die Urbewohner Japans (Mittheilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens in Tokio, Band. IX, Teil 3, 1903, pp. 297—330).

⁴⁾ E. Buebe., Zur Vor- und Urgeschichte Japans (Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1907, pp. 281—310).

⁵⁾ Л. Я. Штернбергъ, Галяки, Москва, 1905, стр. 5. (Отгискъ изъ журнала «Этнографическое обозрѣніе» кн. 60, 61 и 63).

пользу перваго мнѣнія, а д-ръ Лауферъ ¹⁾ придерживается взглядовъ Коганеи и Бельца. Къ сожалѣнію, размѣры статьи не позволяютъ распространяться подробнѣе объ этомъ предметѣ, который разобранъ мною въ указанной выше работѣ о корякахъ ²⁾. Я хочу здѣсь только указать на то, что остатки подземныхъ жилищъ на островѣ Іезо, описанные докторомъ Гриммомъ, какъ и предметы, найденные при ихъ раскопкахъ, имѣютъ такое сходство съ остатками изслѣдованныхъ мною на берегахъ Гижигинскаго залива въ Охотскомъ морѣ древнихъ коряцкихъ землянокъ, что можно было бы принять раскопки на островѣ Іезо и въ Гижигинскомъ заливѣ за остатки древнихъ жилищъ одного и того же племени. И по отношенію къ размѣрамъ древнія подземныя жилища на островѣ Іезо не отличаются отъ размѣровъ древнихъ коряцкихъ землянокъ. По своей формѣ, говоритъ Гриммъ, онѣ приближаются къ четырехугольнику, стороны котораго имѣютъ въ длину отъ 4 до 7 метровъ, и глубина которыхъ приблизительно въ три четверти метра. Звеномъ между остатками подземныхъ жилищъ древнихъ коряковъ береговъ Охотскаго моря и остатками подобныхъ же жилищъ на островѣ Іезо и Сахалинѣ нужно считать землянки, остатки которыхъ были найдены докторомъ Пфейферомъ ³⁾, Лауферомъ ⁴⁾ и другими въ низовьяхъ и устьѣ рѣки Амура, и которыя, повидимому, можно приписать древнимъ гилякамъ.

Гиляки. — Тѣ изъ современныхъ гиляковъ, которые еще не переняли надземной постройки маньчжурскаго типа, и теперь еще живутъ въ подземныхъ жилищахъ. Для устройства гиляцкой землянки выкапывается яма, глубиною отъ 3 — 4 футовъ въ формѣ квадрата, стороны котораго равняются 20 или 22 футамъ. Въ серединѣ крыши находится отверстіе для дыма и свѣта, а входятъ въ жилище черезъ узкій проходъ, который спускается наклонно къ низкой двери, находящейся въ одной изъ стѣнъ юрты. Уровень земляного пола внутри жилья

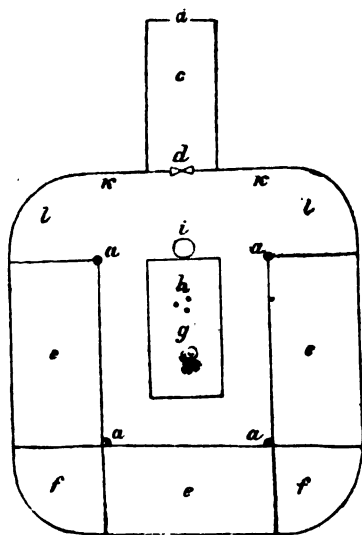
¹⁾ *Berthold Laufer*, Die angeblichen Urvölker von Yezo u. Sakhalin (Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Jena, 1900. Band V, Heft 6).

²⁾ *W. Jochelson*. The Koryak, II, pp. 641—645.

³⁾ См. *Шпенкъ*, Амурскіе ввородцы, II, стр. 141.

⁴⁾ *Laufer*, Die angeblichen Urvölker von Yezo u. Sakhalin, p. 329.

ниже порога двери. Очагъ, сдѣланный изъ деревяннаго колодца, набитаго утоптанной землей, помѣщается въ серединѣ жилища подѣ самымъ отверстіемъ въ крышѣ для дыма. Л. Я. Штернбергъ полагаетъ ¹⁾, что въ древности дымовое отверстіе гиляцкой юрты служило также и входнымъ, какъ у древнихъ камчадаловъ или у современныхъ коряковъ. Даже теперь это отверстіе употребляется гиляками въ качествѣ двери въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ. Во время медвѣжьего праздника гилякъ со шкурой и мясомъ убитаго медвѣдя спускается въ юрту черезъ дымовое отверстіе по специально вставленному бревну съ зарубками. Въ концѣ праздника всѣ ритуальныя принадлежности, равно какъ кости медвѣдя, выносятся изъ юрты черезъ дымовое же отверстіе.

Фиг. 1.

Фиг. 1 изображаетъ планъ зимней подземной юрты гиляковъ (по Шренку); *a* — отвѣсныя подпорныя столбы; *c* — низкій проходъ; *d* — дверь; *e* — нары; *f* — задніе углы безъ наръ, служащіе кладовыми; *g* — очагъ; *h* — треуголь-

¹⁾ Штернбергъ, Гиляки, стр. 6.

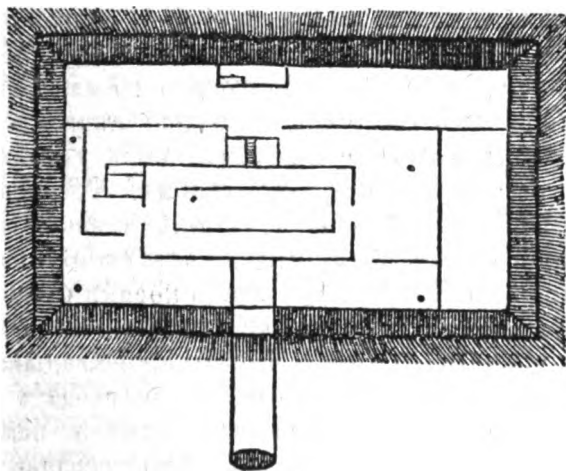
никъ изъ камней для большого котла; *г*—водохранилище; *к*—передняя стѣна; *л*—передніе углы. Гиляцкій дѣтникъ устраивается на сваяхъ, какъ у древнихъ камчадаловъ, но менѣе высокихъ, чѣмъ у послѣднихъ.

Камчадалы. — Камчадалы въ настоящее время обрусѣли и болѣе не живутъ въ подземныхъ жилищахъ, мѣсто которыхъ заняли русскіе срубы или постройки якутскаго типа, тоже введенныя русскими. Но древнія зимнія жилища камчадаловъ, какъ они описаны Крашенинниковымъ ¹⁾ и Штеллеромъ ²⁾, были подземныя юрты. Лѣтомъ камчадалы жили въ свайныхъ постройкахъ. Подземныя жилища камчадаловъ не имѣли сѣней или прохода, который мы встрѣчаемъ у коряковъ и гиляковъ. Дымовое отверстіе служило въ одно и то же время окномъ и дверью, черезъ которую спускались въ жилище по бревну съ зарубками. Это было единственное входное отверстіе, но вмѣсто сѣней или корридора, камчадалскія жилища имѣли подземный ходъ въ формѣ узкаго тунеля, который шелъ отъ очага и выходилъ наружу у одной изъ стѣнъ юрты. Тунель служилъ для тяги и былъ открытъ во время топки. По окончаніи топки выходное отверстіе тунеля закрывалось снаружи травяной затычкой. Тунель былъ настолько узокъ, что можно было черезъ него попасть въ юрту только ползкомъ. Мужчины считали за стыдъ входить въ юрту черезъ тунель, но дѣти и женщины ползали въ юрту черезъ этотъ ходъ. Этимъ ходомъ пользовались также такъ называемые коекчучи. Такъ камчадалы называли мужчинъ, одѣтыхъ въ женское платье и исполнявшихъ женскія работы. Камчадалы вѣрили, что и физическая природа этихъ переодѣтыхъ мужчинъ становится женской. Превращенные мужчины вступали въ качествѣ наложницъ въ сожителство съ мужчинами, но разумѣется, жили въ формѣ однополага брака, воспѣваемаго нѣкоторыми изъ нашихъ новыхъ беллетристовъ и поэтовъ. Интересно замѣтить, что такія противоестественныя сожителства были извѣстны раньше корякамъ, эскимосамъ и нѣ-

¹⁾ С. Крашенинниковъ, Описание земли Камчатки, часть III, стр. 37—44, Спб. 1818.

²⁾ G. W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774, pp. 210—220.

которым индѣйскимъ племенамъ изъ группы атапасковъ, а въ настоящее время еще практикуются среди чукчей. Такія ненормальныя половыя отношенія развились подъ вліяніемъ идеи о шаманской силѣ, которую превращенные мужчины получаютъ отъ ихъ духовъ-покровителей, по велѣнію и съ помощью которыхъ совершается будто бы перемѣна пола. Всѣ такіе субъекты считаются сильными шаманами. Эти вѣрованія находили себѣ почву въ индивидуумахъ съ ненормальнымъ физическимъ или психическимъ развитіемъ.

Фиг. 2.

Фиг. 2, заимствованная у Штеллера, показываетъ планъ зимняго жилья камчадаловъ. Въ нижней части рисунка

Фиг. 3.

изображенъ подземный тунель для тяги. Рисунокъ фиг. 3, взятый тоже у Штеллера, изображаетъ внутренность камчадалскаго подземнаго жилища. Въ серединѣ мы видимъ лѣстницу, очагъ и группу мужчинъ, а на нарахъ—женщинъ за работой.

Коряки.—Оленные коряки живутъ въ шатрахъ, обтянутыхъ оленьими шкурами, но сидячіе или приморскіе коряки, за исключеніемъ весьма небольшого количества обрусѣвшихъ коряковъ, и теперь обитаютъ въ подземныхъ жилищахъ. Коряцкое подземное жилище представляетъ нѣкоторыя особенности, по сравненію съ описанными мною выше. Яма имѣетъ глубину отъ 3 до 4 футовъ. Большая коряцкая юрта имѣетъ въ длину около 40 или даже больше футовъ. Она имѣетъ узкій корридоръ-сѣни, ведущія къ двери юрты, такимъ же образомъ, какъ у гиляковъ. Но этотъ проходъ открытъ только лѣтомъ. Тогда какъ камчадалы жили въ подземныхъ юртахъ только въ зимнее время, приморскіе коряки обитаютъ въ своихъ подземныхъ юртахъ также и лѣтомъ. На сваяхъ коряки строятъ только свои амбары для храненія провизіи. При наступленіи зимы дверь въ сѣни закрывается бревнами, обкладывается сухою травою, землею и снѣгомъ, и для входа въ жилище остается одно дымовое отверстіе, какъ у камчадаловъ. Чтобы спуститься въ юрту, коряки употребляютъ бревно, снабженное не зарубками, а дырками, въ которыя вставляютъ концы ногъ. Подъ этой лѣстницей помѣщается очагъ, обложенный камнями, среди которыхъ разводится огонь. Крыша сѣней имѣетъ круглое отверстіе, которое закрывается затычкой, сдѣланной изъ плетеной травы на подобіе того, какъ камчадалы закрывали тунель для тяги въ своей юртѣ. Дѣйствительно, это приспособленіе имѣетъ то-же назначеніе, какое у камчадаловъ имѣлъ подземный ходъ, а именно для тяги. Когда на очагѣ разводится огонь, дверь изъ юрты, ведущей въ сѣни, открывается, и затычка въ крышѣ сѣней вынимается. Токъ воздуха тогда проникаетъ со двора черезъ отверстіе въ крышѣ сѣней въ юрту и гонитъ дымъ съ очага кверху въ выходное отверстіе. Интересная особенность коряцкой подземной юрты заключается въ той части ея крыши, которая имѣетъ форму опрокинутаго зонтика или воронки и защищаетъ входное

отвертіе отъ вѣтровъ, а самую юрту отъ снѣжныхъ заносовъ.

Такъ какъ коряковъ я самъ изучалъ, то позволю себѣ тутъ подробнѣе остановиться на описаніи внѣшняго и внутренняго устройства ихъ подземнаго жилища, иллюстрируя это описаніе рисунками и фотографіями, помѣщенными въ моей работѣ о корякахъ ¹⁾.

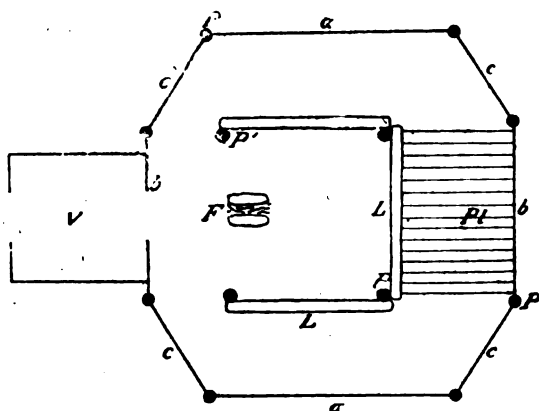
Селенія приморскихъ или «сидячихъ» коряковъ расположены въ устьяхъ рѣкъ. По климатическимъ условіямъ, древесная растительность не доходитъ до морского берега. Какъ у Ледовитаго океана мы имѣемъ сѣверную или арктическую границу лѣсовъ, такъ у береговъ Охотскаго и Берингова морей мы тоже находимъ границу лѣсовъ, но юго-восточную. Берега этихъ морей на извѣстномъ разстояніи, — на 20 или больше верстъ, — совершенно лишены древесной растительности. Только въ болѣе или менѣе защищенныхъ отъ суровыхъ вѣтровъ долинахъ рѣкъ тополь или осина нерѣдко доходитъ до моря, но лиственница, наиболѣе прочное строительное дерево, отступаетъ отъ морскихъ береговъ по долинамъ рѣкъ далеко на сѣверо-западъ, въ сторону Становаго хребта. Къ низовьямъ рѣкъ, — и то только сравнительно большихъ, какъ Пенжина или Гижига, — лиственница, вырванная бурнымъ весеннимъ ледоходомъ, проносится теченіемъ внизъ и выбрасывается на отмели и острова, образуя наносныя кучи, вышиной нерѣдко въ нѣсколько сажень. Одна такая куча наноснаго

Фиг. 4.

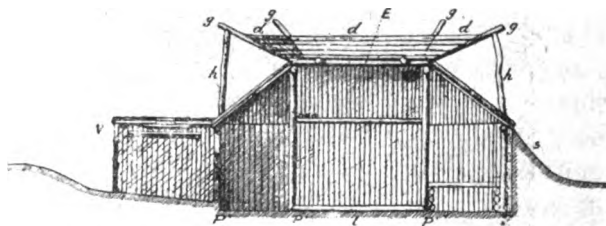
¹⁾ См. *W. Jochelson, The Koryak, Part I, p. 71, Part II, pp. 453—461.*

лѣса изображена на фиг. 4. Наносную листовенницу коряки употребляютъ главнымъ образомъ для постройки своего подземнаго жилья.

Фиг. 5.

Фиг. 5 изображаетъ планъ корякаго подземнаго жилья. *a*, *b* и *c* вертикальныя стѣны, сидящія въ землѣ; *P* — столбы между стѣнами; *P'* — центральныя четыре столба, поддерживающіе верхнюю крышу и наклонныя ея части, идущія къ стѣнамъ; *F* — очагъ; *Pl* — высокія нары для гостей; *L* — бревна между столбами, отдѣляющія спальныя мѣста отъ центра юрты; *V* — стѣны, черезъ которыя входятъ въ юрту дѣтми.

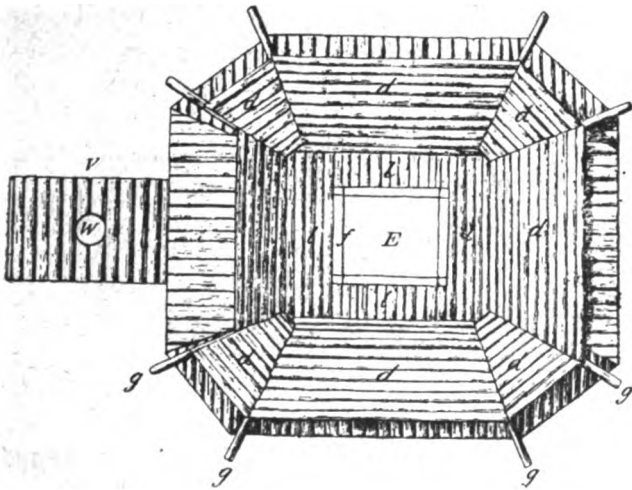

Фиг. 6.

Фиг. 6 показываетъ планъ корякаго землянки, съ стѣнами и воронкой-щитомъ, въ вертикальномъ разрѣзѣ.

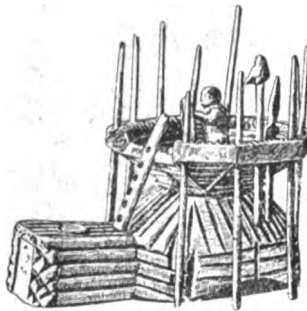
Фиг. 7 показываетъ устройство верхней части крыши

съ воронкообразнымъ щитомъ и входнымъ отверстіемъ (E).
W — отверстие въ крышѣ сѣней, служащее для тяги.

Фиг. 7.

Фиг. 8 есть снимокъ съ модели коряцкой землянки, вырѣзанной однимъ корякомъ изъ моржоваго зуба. Модель

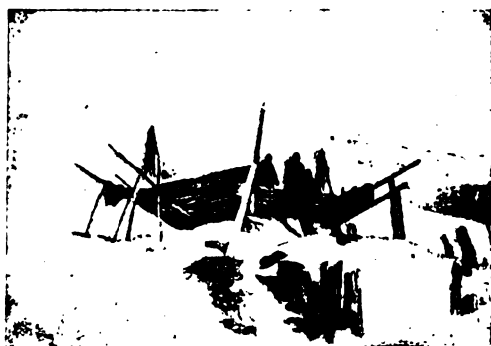

Фиг. 8.

показываетъ всѣ части остова юрты, не обнесенной снаружн землей.

Фиг. 9 показываетъ коряцкую юрту зимой. Дверь въ сѣни заложена и занесена снѣгомъ. Изъ подъ снѣга выглядываетъ только воронка - щитъ. На крышѣ внутри

щита видны люди. На особыхъ шестахъ надъ крышей висятъ заколотыя въ жертву богамъ собаки.

Фиг. 9.

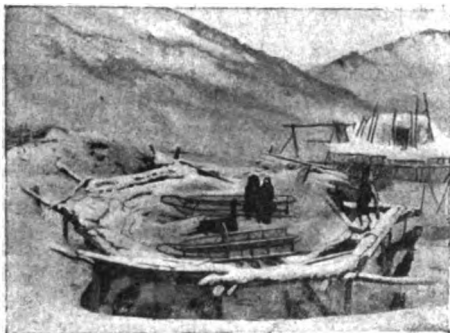
Фиг. 10 показываетъ, какъ дѣвушка съ ведромъ съ водой подымается по лѣстницѣ съ крыши сѣней на крышу

Фиг. 10.

юрты, съ тѣмъ, чтобы потомъ спуститься по такой же лѣстницѣ въ подземное жилье. На фиг. 11 мы видимъ крышу съ воронкой сверху. Это снято мной съ горы. На

крышѣ мы видимъ отверстіе для входа съ веркушкой
лѣстницы. На крышѣ стоятъ двѣ нарты, и на одной изъ
нихъ сидятъ двое дѣтей.

Фиг. 11.

Фигуры 12—16 показываютъ внутренніи стороны ко-
ряцкой землянки. Фиг. 12 изображаетъ шамана съ буб-
номъ, сидящаго на нарѣ, покрытой шкурами, на передней,

Фиг. 12.

почетной сторонѣ юрты. Переднюю сторону юрты мы видимъ также на фиг. 13. Здѣсь женщина шаманка, представительница семейнаго культа, шаманить по случаю удачнаго промысла тюленей. Члены семьи сидятъ на нарѣ и на полу у нары.

Фиг. 13.

Фиг. 14 представляетъ правую сторону юрты. На этой сторонѣ живетъ семья хозяина юрты или старшаго въ

Фиг. 14.

семьѣ, т. е. тутъ помѣщается его спальная палатка, но днемъ палатка снимается, и мѣсто это служитъ для сидѣнія и времяпрепровожденія мужчинъ. На этой фотографіи изображено добываніе священнаго огня при помощи сверла и доски, имѣющей форму человѣка и считающейся покровителемъ семейнаго очага. Этотъ огонь добывается тутъ по случаю закрытія на зиму входа черезъ сѣни. Тогда тушатъ на очагѣ старый огонь и добываютъ новый, при помощи тренія священнымъ сверломъ.

Фиг. 15.

Фиг. 15 показываеъ лѣвую сторону коряцкой подземной юрты. На этой сторонѣ живутъ, т. е. имѣютъ свои спальныя палатки, младшіе члены семьи или семьи постороннихъ сожителей, но днемъ на этой сторонѣ проводятъ время женщины и дѣти. Женщины, не занятыя приготовленіемъ пищи у очага, здѣсь шьютъ одежду, обувь и исполняютъ другія женскія работы при тускломъ свѣтѣ каменной лампы. Лампа, т. е. каменная чашка, стоитъ на деревянной подставкѣ. Свѣтильнымъ матеріаломъ служитъ тюлений жиръ, а фитилемъ мохъ.

Фиг. 16 показываеъ заднюю сторону подземной коряцкой юрты, т. е. сторону съ дверью въ сѣни, очагъ и лѣстницу для подъема и спуска. Здѣсь видно, какъ лѣстница выходитъ въ отверстіе въ крышѣ. Лѣстница

стоитъ совершенно вертикально, и поднимаются по ней, или спускаются, держаась руками за стороны лѣстницы.

Фиг. 16.

Фиг. 17 изображаетъ часть селенія Большая Иткана, расположеннаго на Итканскомъ мысу въ Пенжинскомъ заливѣ Охотскаго края. Здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ выглядывающихъ изъ подъ снѣга и окруженныхъ веронкообразными щитами крышъ землянокъ и разбросанныхъ между ними амбаровъ на высокихъ сваяхъ. Въ этомъ селеніи около 30 подземныхъ жилищъ и вдвое больше амбаровъ на столбахъ. Издали селеніе производить своеобразное впечатлѣніе своимъ сказочнымъ видомъ.

Фиг. 18 показываетъ скалистый обрывъ подъ устьемъ р. Пенжины, за которымъ скрывается Каменское селеніе.

Фиг. 19 представляетъ снимокъ съ амбара на сваяхъ.

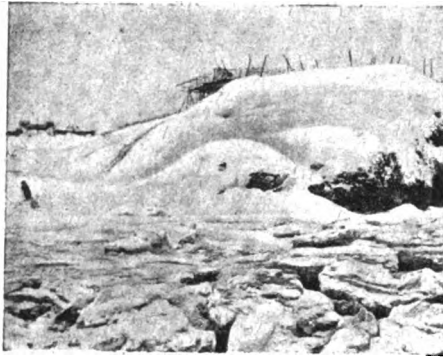
Фиг. 20 изображаетъ шатеръ оленнихъ коряковъ. Шатеръ состоитъ изъ двухъ частей; нижней—цилиндрической и верхней—конической. Деревянный остовъ покрытъ оленьими шкурами. Переходъ отъ подземнаго жилья къ

шатру надо отнести къ тому времени, когда часть коряцкаго племени сдѣлалась оленеводами.

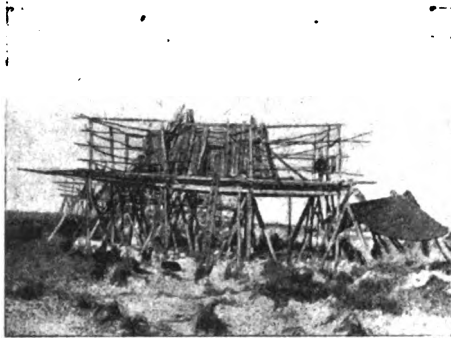

Фиг. 17

Чукчи. — Чукчи, какъ сидячіе, такъ и оленные, дѣлаютъ въ настоящее время свои жилища изъ оленьихъ шкуръ, покрывающихъ деревянный остовъ, но вдоль береговъ Ледовитаго океана, начиная отъ Баранова Камня

Фиг. 18.

Фиг. 19.

Фиг. 20.

до Берингова пролива и вдоль береговъ Берингова моря, къ югу отъ пролива, можно и теперь еще найти остатки подземныхъ жилищъ чукчей, но остовъ этихъ жилищъ, за неизмѣнимъ тамъ дерева, устраивался изъ китовыхъ костей.

Путешественникъ Врангель высказалъ мнѣніе ¹⁾, что эти подземныя жилища были когда-то обитаемы эскимосами, впоследствии переселившимися въ Америку. Другой писатель, англійскій географъ Маркгамъ ²⁾, на основаніи сходства между остатками подземныхъ жилищъ, найденныхъ на азіатскихъ берегахъ Ледовитаго океана, съ остатками жилищъ, найденныхъ на сѣверныхъ берегахъ и островахъ Америки, составилъ теорію о пути, по которому эскимосы двигались изъ Азіи въ Гренландію. На неосновательность этой теоріи и на болѣе вѣроятный путь, по которому эскимосы съ береговъ Гудзонова залива, а не изъ Азіи, эмигрировали въ Гренландію, указалъ въ одной изъ своихъ работъ объ эскимосахъ американскій профессоръ Боасъ ³⁾. Съ другой стороны академикъ Шренкъ высказалъ мнѣніе, что остатки подземныхъ жилищъ, найденныхъ на азіатскихъ берегахъ Ледовитаго океана и Берингова моря, были нѣкогда жилищами предковъ современныхъ чукчей, въ которыхъ они обитали, прежде чѣмъ заимствовали шатеръ, сдѣланный изъ оленьихъ шкуръ ⁴⁾. Это мнѣніе вполне согласуется съ дѣйствительными фактами. Мнѣніе, приписывающее брошенные подземныя жилища чукотской территоріи не предкамъ чукчей, а другому племени, было основано на разсказахъ самихъ чукчей о томъ, что эти подземныя жилища были нѣкогда обитаемы такъ называемыми онкилонами. Но онкилонъ есть не что иное, какъ неправильно записанное коряцко-

¹⁾ См. *Врангель*, Путешествіе, часть II, стр. 295, 333.

²⁾ *R. Markham*, On the Origin and Migrations of the Greenland Esquimaux (The Journal of the Royal Geographical Society, London, Vol. XXXV, 1865, p. 87).

³⁾ Dr. *F. Boas*, Ueber die ehemalige Verbreitung der Eskimo im Arktisch-amerikanischen Archipel (Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, Band. XVIII, 1883, p. 118). См. также *Boas*, The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay (Bulletin Amer. Mus. Nat. History, Vol. IX, 1901) p. 369 и *W. Thalbitzer*, Aphonetical Study of the Eskimo Language, Copenhagen, 1904 pp. 37—48.

⁴⁾ *Шренкъ*, II, стр. 28.

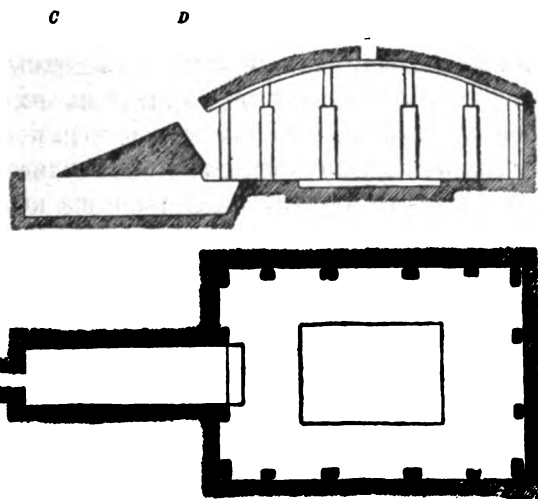
чукотское слово *ангсаланъ*, что означает приморскій житель. И теперь коряки, какъ и чукчи, примѣняютъ это слово ко всякому приморскому жителю, будь это чунча, эскимось, корякъ или камчадалъ. Въ поселкахъ на берегу Берингова моря чукчи рассказывали г. Богоразу, что въ подземныхъ жилищахъ, остатки которыхъ теперь найдены, жили когда-то ихъ предки ¹⁾. Мы не имѣемъ подробнаго описанія чукотскихъ землянокъ, найденныхъ на берегахъ Ледовитаго океана ²⁾, но въ юго-восточной части Чукотскаго полуострова, на берегахъ Берингова моря, Богоразъ видѣлъ остатки такихъ жилищъ, какъ въ селеніяхъ приморскихъ чукчей, такъ и въ селеніяхъ азіатскихъ эскимосовъ, и подробно ихъ описалъ въ своей работѣ о чунчахъ ³⁾. Эти подземныя жилища, называемыя чукчами *валкаръ* (что означаетъ домъ изъ костей китовыхъ челюстей), также имѣли два входа, но въ противоположность устройству коряцкой землянки, верхнее отверстіе чукотскаго подземнаго жилища, которое находилось въ верхней части одной изъ стѣнъ, употреблялось именно лѣтомъ, въ то время, какъ зимою чукчи пользовались для входа узкимъ и длиннымъ подземнымъ тунелемъ, который лѣтомъ наполнялся водою. Полъ въ жилищѣ помѣщеніи, расположенный выше уровня подземнаго хода, оставался свободнымъ отъ воды. Этотъ валкаръ имѣлъ остовъ изъ китовыхъ костей, замѣнявшихъ столбы, строила и балки. Столбы поддерживались камнями, и весь остовъ, состоявшій изъ костей и реберъ кита, былъ покрытъ травой и дерномъ. Теперешніе обитатели нѣкоторыхъ селеній на Чукотскомъ полуостровѣ утверждаютъ, что нить извѣстно, предки какихъ семействъ обитали въ тѣхъ или другихъ подземныхъ жилищахъ, руины которыхъ найдены въ ихъ сосѣдствѣ. Согласно ихъ утвержденіямъ, эти подземныя жилища оставлены были ихъ предками въ третьемъ поколѣніи. Интересно отмѣтить, что оленные коряки и теперь называютъ подземныя жилища своихъ приморскихъ родови-

¹⁾ *W. Bogoras, The Chukchee, Part I, p. 181 (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, Vol. VII, Leiden, 1904).*

²⁾ *Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, Bd. I, Leipzig, 1882, pp. 403—406.*

³⁾ *См. Bogoras, The Chukchee. I, pp. 181—183.*

чей именовъ валхай—слово, означающее, какъ и чукотское валкаръ—жилище, сдѣланное изъ костей китовыхъ челюстей. Въ настоящее время коряки употребляютъ для столбовъ, обшивки стѣнъ и для другихъ частей остова юрты исключительно дерево. Очевидно, что въ прежнее время коряки, подобно чукчамъ, алеутамъ и эскимосамъ, употребляли для своихъ построекъ также кости китовъ; но я долженъ прибавить, что среди частей остововъ раскопанныхъ мною древнихъ подземныхъ жилищъ коряковъ, я нигдѣ не нашелъ китовыхъ реберъ или челюстей, наоборотъ, кучи китовыхъ челюстей, реберъ и позвонковъ валялись на поверхности земли вокругъ деревянныхъ идоловъ—покровителей селеній—въ качествѣ жертвъ этимъ идоламъ.

Фиг. 21.

Фиг. 21, заимствованная изъ работы Богораза о чукчахъ, показываетъ вертикальный (*a*) и горизонтальный (*b*) планы чукотской подземной юрты изъ селенія Нунглингренъ на Чукотскомъ полуостровѣ. Столбы, поддерживающіе крышу, сдѣланы изъ распиленныхъ костей китовой челюсти съ надставками изъ китовыхъ реберъ. Перекладинами тоже служатъ китовыя ребра. По срединѣ жилья (см. *b*) лежитъ плоскій камень, на которомъ ставили жировую лампу. *C* есть зимній подземный тунель для входа

въ жилище. Лѣтомъ этотъ тунель наполнялся водой, а входили черезъ спускъ *D*. Зимой же входъ *D* затыкался травой и закрывался китовой лопаткой. Въ крышѣ имѣется отверстіе для свѣта. Въ настоящее время въ этомъ подземномъ жилищѣ, единственно сохранившемся еще у сидячихъ чукчей Чукотскаго полуострова, болѣе не живутъ, но оно еще служитъ мѣстомъ для сборищъ и церемоній, какъ эскимосскій кашимъ.

Юкагиры.— Въ настоящее время юкагиры живутъ въ кожаныхъ шатрахъ тунгусскаго типа или въ домахъ-срубкахъ, заимствованныхъ отъ русскихъ, но казаки, которые впервые столкнулись съ юкагирами, упоминаютъ въ своихъ отчетахъ о томъ, что послѣдніе живутъ въ землянкахъ. Казакъ Буза, боярскій сынъ Амосовъ, сержантъ Андреевъ и путешественники Геденштромъ и Врангель упоминаютъ объ остаткахъ подземныхъ жилищъ, видѣнныхъ ими въ устьяхъ рѣкъ Яны и Индигирки, на Медвѣжьихъ островахъ и на островахъ Новой Сибири ¹⁾. Въ этихъ подземныхъ домахъ нѣкогда жили юкагиры. Это не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что древній типъ жилища юкагировъ, во всякомъ случаѣ тѣхъ изъ нихъ, которые жили на морскомъ или рѣчныхъ берегахъ, была подземная юрта. Приходится сожалѣть, что въ указанныхъ отчетахъ и путешествіяхъ отсутствуетъ подробное описаніе остатковъ и устройства древнихъ юкагирскихъ землянокъ. Такимъ образомъ, мы не знаемъ въ точности, каковъ, былъ типъ юкагирскаго подземнаго жилища. На рѣкѣ Ясачной и Коркодоу я видѣлъ современныя землянки юкагировъ, но эти землянки русскаго типа. Бревенчатый срубъ, на полу-вину или больше сидящій въ ямѣ, обнесенъ землянымъ валомъ или завалинкой. Дверь и ледяныя окна находятся въ верхней части стѣны. Отапливается эта землянка якутскимъ камелькомъ съ трубою, выходящей наружу. Въ этихъ землянкахъ юкагиры живутъ только зимою; весною же и лѣтомъ они живутъ въ кожаныхъ шатрахъ конической формы.

¹⁾ *Врангель*, Путеш. Часть I, стр. 6;—часть II, стр. 141; *Геденштромъ*, Путеш. по Ледовитому морю («Сибирскій Вѣстникъ», 1822, стр. 105); Его же, Отрывки о Сибири. Спб. 1830, стр. 97; *Müller*, Samml. Russ. Gesch. III, p. 106; *Pallas*, Neue Nord. Beitr. I, 1787, pp. 234, 235.

Фиг. 22 показываетъ типъ современной юкагирской землянки на р. Коркдонѣ. Стѣны изъ жердей защищаютъ входъ въ полуподземный срубъ отъ заносовъ и вѣтровъ.

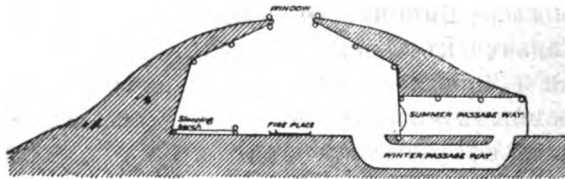
Фиг. 22.

Алеуты.—Описанія русскихъ и другихъ путешественниковъ, какъ Сарычевъ, Сауэръ, Веняминовъ, Лангсдорфъ и Доль (Dall) и др., изображаютъ древнія жилища алеутовъ весьма похожими на землянки камчадаловъ. Остовъ алеутскаго жилья былъ сдѣланъ изъ наноснаго лѣса или, если отсутствовалъ лѣсъ, изъ китовыхъ костей. Отверстіе въ крышѣ служило въ одно и то же время дверью, окномъ и для выхода дыма. Жилище отапливалось очагомъ, помѣщавшимся подъ дымовымъ отверстіемъ, а спускались въ жилище при помощи бревна съ зарубками. Кромѣ главнаго, жилого помѣщенія, у алеутовъ были другія, меньшихъ размѣровъ комнаты, соединенныя съ главнымъ помѣщеніемъ подземными переходами и снабженныя узкими тунелями, отверстія которыхъ выходили наружу и весьма напоминали тунель для тяги у камчадаловъ.

Эскимосы.—Начиная отъ береговъ Берингова моря и острова Кадьяка къ сѣверу, а затѣмъ къ востоку до самой Гренландіи и Лабрадора, мы вездѣ встрѣчаемъ остатки древнихъ подземныхъ жилищъ, но типъ этихъ жилищъ показываетъ нѣсколько разновидностей. Судя по описанію прежнихъ путешественниковъ, землянки алеутскаго типа встрѣчались въ южной части Аляски, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что рядомъ съ жилыми небольшихъ размѣровъ землянками, можно было встрѣтить общественныя подземныя помѣщенія или клубы, называемые эскимосами *кашмъ*, и назначенныя для религіозныхъ церемоній, общественныхъ праздниковъ, игръ и царовыхъ бань. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были найдены остатки землянокъ глянцаго типа. У Берингова пролива найдены были у эскимосовъ подзем-

ныя жилища вышеописаннаго чукотскаго типа валякаръ ¹⁾. На американскихъ берегахъ Ледовитаго океана мы встрѣчаемъ остатки землянокъ, какъ этого типа, такъ и камчадалскаго со входомъ черезъ дымовое отверстіе. Остовъ этихъ эскимосскихъ землянокъ сдѣланъ изъ китовыхъ костей. Дальше къ востоку мы находимъ въ качествѣ матеріала для стѣнъ землянокъ камень ²⁾, какъ это мы видѣли при указаніи на устройство древне-шотландскихъ и грузинскихъ подземныхъ жилищъ, но съ той разницей, что крыша эскимосской землянки сдѣлана изъ китовыхъ костей. Каменные стѣны часто сидятъ въ землѣ очень не глубоко или даже сложены на поверхности почвы, будучи обнесены землянымъ валомъ. На берегахъ Ледовитаго океана древнія эскимосскія подземныя жилища вытѣснены въ настоящее время почти вездѣ юртами, сдѣланными изъ снѣга. У эскимосовъ острова Кадьякъ, на рѣкѣ Юконѣ и на Аляскѣ вообще, почти до мыса Барро эскимосы отапливаютъ свои землянки наноснымъ лѣсомъ, но на островахъ св. Лаврентія, Диомеда и по берегу Ледовитаго океана до Гренландіи эскимосы нагрѣваютъ юрту жировой лампой. Въ эскимосскихъ подземныхъ жилищахъ, въ которыхъ живутъ только зимой, имѣется только одинъ входъ черезъ длинный тунель.

Приведу здѣсь иллюстраціи нѣсколькихъ типовъ эскимосскихъ землянокъ.

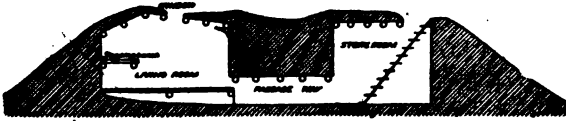

Фиг. 23.

¹⁾ См. *Murdoch*, Ethnological Results of the Point Barrow Expedition (Ninth Annual Report of the Bureau of Ethnology) Washington, 1892, p. 72; *Nelson*, The Eskimo about Bering Strait (Eighteenth Annual Report of the Bureau of Ethnology). Washington, 1889, p. 228.

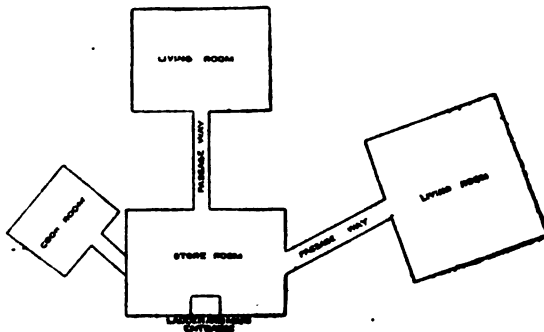
²⁾ См. *Boas*, The Central Eskimo (Sixth annual Report of the Bureau of Ethnology). Washington, 1888, p. 539; *Turner*, Ethnology of the Ungava District, Hudson Bay Territory (Eleventh Annual Report of the Bureau of Ethn.). Washington, 1889, p. 228.

Фиг. 23 (по Нельсону) изображает планъ современной эскимосской землянки въ южной Аляскѣ. Она совершенно похожа на чукотскую землянку (см. фиг. 21). Эта землянка тоже имѣетъ два подземныхъ хода—нижній для зимы, верхній — для лѣта. Остовъ этой землянки сдѣланъ изъ дерева, а отверстіе въ крышѣ служитъ окномъ и для выхода дыма, такъ какъ очагъ отапливается наноснымъ лѣсомъ.

Фиг. 24.

Нѣсколько иной типъ представляетъ фиг. 24 (тоже по Нельсону). Это эскимосская землянка съ мыса Номъ. Подземный туннель, крыша котораго поддерживается столбами съ перекладинами, служитъ единственнымъ входомъ въ жилище. Спускаются въ туннель по лѣстницѣ, т. е. зарубленному бревну, черезъ пристройку - землянку, служащую амбаромъ и сѣнями. Въ такихъ сѣняхъ имѣется часто нѣсколько подземныхъ ходовъ, ведущихъ въ нѣсколько жилыхъ помѣщеній и въ отдѣльную кухню. Фиг. 25 показывааетъ планъ такого жилища. Изъ передней-

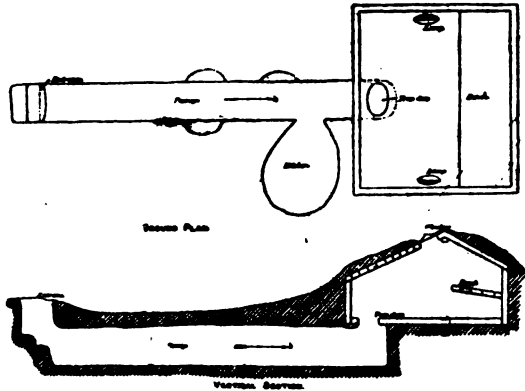

Фиг. 25.

кладовой два туннеля ведутъ въ жилыя помѣщенія, въ которыхъ живутъ различныя семьи, и одинъ туннель ведетъ

въ общую землянку - кухню. Подземные ходы имѣютъ въ длину 20 и больше футовъ, а въ высоту 3 фута, такъ что приходится идти ползкомъ.

Фиг. 26 (по Murdoch'у) показываетъ горизонтальный (а) и вертикальный (б) планы эскимосской землянки съ мыса

Фиг. 26.

Барро. Остовъ устраивается изъ наноснаго лѣса или китовыхъ костей. Землянка эта употребляется только, какъ зимнее жилие. Входъ одинъ — черезъ тунель, длиной около 25 футовъ и высотой около 4 футовъ. Спускаются въ тунель по ступенькамъ. Тунель поддерживается деревянными и костяными подпорками. Верхнее отверстіе тунеля закрывается деревянной крышкой или шкурой, а входъ изъ тунеля въ жилое помѣщеніе закрывается падающей дверью. Такимъ образомъ, жилое помѣщеніе защищено отъ наружнаго холода. Полъ, потолокъ и стѣны обшиты деревомъ. Потолокъ или крыша состоятъ изъ центральной балки и двухъ склоновъ, идущихъ отъ балки къ стѣнамъ. Въ верхней части одного изъ склоновъ имѣется квадратное отверстіе — окно съ рамой, обтянутой перепонкой изъ тюленьихъ внутренностей или пузыря. Это окно имѣетъ еще верхнюю крышку, которой оно закрывается на ночь. Широкая нара, нѣсколько наклонная въ сторону стѣны (см. фиг. 26, б), находится на высотѣ отъ пола въ 2—3 фута. По двумъ сторонамъ юртъ стоятъ каменные жирники для освѣщенія жилья и сушки надъ ними одежды. По сторо-

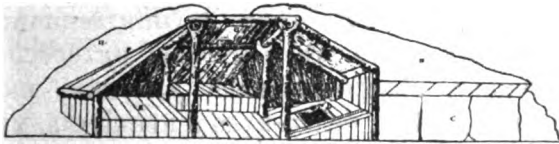
намъ тунеля находятся кухня и ямы, служащія кладовыми (см. фиг. 26 а). Кухня представляет собой небольшую землянку съ отверстіемъ въ потолокъ.

Фиг. 27.

Фиг. 27 представляет наружный вид землянки, изображенной въ фиг. 26. Она похожа на два соединенныхъ между собой холма. На вершинѣ большого холма видно окно въ жилое помѣщеніе, а на меньшемъ холмѣ отверстіе для спуска въ тунель. Нѣсколько въ сторонѣ отъ землянки устроенъ мостъ на столбахъ, на который эскимосы ставятъ нарты, кладутъ собачью сбрую, сѣти и др. вещи, чтобы собаки не объѣдали ремней на этихъ предметахъ.

Фиг. 28 (по Murdoch'у) изображает внутренность эскимосской землянки изъ области рѣки Мекевзи. Особенность этой землянки заключается въ томъ, что она

Фиг. 28.

имѣеть форму креста, образуемаго тремя нарами и люкомъ съ падающею дверью, черезъ который спускаются въ подземный ходъ. Здѣсь на рисункѣ мы имѣемъ три конца креста: третья нара не показана.

Фиг. 29 показывает модель руины подземного жилища с северо-восточного берега Гренландии, сложенного из камней. Это зимнее жилище. Шведская экспедиция 1899 г., под начальством проф. Натгорста, нашла на северо-востокъ Гренландии подъ 70—75° с. ш. слѣды многих зимнихъ подземныхъ жилищъ и лѣтнихъ кожаныхъ палатокъ жившихъ некогда тамъ эскимосовъ ¹⁾. По всей вѣроятности, эти эскимосы переселились на югъ или западъ Гренландии. *a* показываетъ руину (жилое помѣщеніе и подземный ходъ) въ вертикальномъ разрѣзѣ, а *b* внутренность жилого помѣщенія безъ крыши.

Фиг. 29.

Сѣверо - Американскіе индѣйцы. Остатки древнихъ подземныхъ жилищъ или преданія о нихъ были найдены у индѣйцевъ сѣверо-западной Америки, принадлежащихъ, главныхъ образомъ, группамъ салишанъ и атапасковъ. У нѣкоторыхъ племенъ изъ этихъ группъ землянки сохранились и въ настоящее время. Весьма интересно, что береговья племена сѣверо-западной Америки, какъ тлинкиты, чимшианъ, гайда, белла-кула и квакиутль, мнѣ которыхъ имѣютъ наибольшее сходство съ миеологіею обитателей подземныхъ жилищъ сибирскихъ береговъ Берингова моря, живутъ въ настоящее время въ обширныхъ над-

¹⁾ См. *H. Stolpe. Über die Forschungsergebnisse der schwedischen Grönland-Expedition vom Jahre 1899* (Internationaler Amerikanisten-Kongress, Vierzehnte Tagung, Stuttgart 1904, Erste Hälfte, S. 101).

земныхъ деревянныхъ постройкахъ ¹⁾. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что дома указанныхъ племенъ имѣютъ очагъ безъ трубы, и отверстіе для дыма находится въ крышѣ, подобно дымовому отверстию коряцкихъ, гилацкихъ и камчадалскихъ жилищъ ²⁾. У квакіутль, во время топки на очагѣ, раздвигаютъ доски на крышѣ для пропуска дыма. Преданіе племени белла-кулла въ Британской Колумбіи, принадлежащаго къ группѣ салишановъ, указываетъ на то, что они прежде жили въ подземныхъ жилищахъ ³⁾. Мы находимъ упоминаніе о подземномъ жилищѣ, изъ котораго выходили черезъ дымовое отверстіе въ миеахъ племени Quinault ⁴⁾, тоже принадлежащаго къ группѣ салишанъ, и живущаго теперь на берегу моря въ штатѣ Вашингтонѣ.

У приморскаго племени тсетсауть, принадлежащаго къ группѣ атапасковъ, жилище, сдѣланное изъ древесной коры, представляетъ собою, правда, надземную постройку, но для зимы она получаетъ видъ коряцкой землянки. Когда снѣгъ выпадаетъ, дверь закладывается, и входомъ въ жилище начинаетъ служить дымовое отверстіе въ крышѣ ⁵⁾.

Подземныя или полу-подземныя жилища существовали прежде и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Британской Колумбіи, и теперь мы ихъ находимъ у племенъ группы салишанъ, живущихъ внутри страны. Всѣ эти землянки были обитаемы или нынѣ обитаемы исключительно зимою, какъ у камчадаловъ ⁶⁾. Дымовое отверстіе въ серединѣ крыши употребляется вмѣсто двери, черезъ которую спускаются въ жилище при помощи зарубленнаго бревна. Какъ у коряковъ и камчадаловъ, очагъ въ этихъ жилищахъ помѣщается у основанія лѣстницы подъ дымовымъ

¹⁾ См. Fifth Report on the North-Western Tribes of Canada (British Association for the Advancement of Science), p. 818.

²⁾ *Boas*, Tribes of the North Pacific Coast (Annual Archaeological Report 1905, Toronto, p. 236).

³⁾ *Boas*, The Bella-Coola Indians (Publications of the Jesup North Pacific Expedition, Vol. I, Part II), p. 79.

⁴⁾ *Farrand*, Traditions of the Quinault Indians (Publ. of the J. N. Pac. Exped. Vol. II, Part III), p. 94.

⁵⁾ Tenth Report on the North-Western Tribes of Canada (Report of the British Association for the Advancement of Science), 1895, 561.

⁶⁾ Sixth Report on the North-Western Tribes of Canada, pp. 633, 635.

отверстіемъ. Остовъ жилища сдѣланъ изъ жердей или бревень. Большою частью эти жилища имѣютъ круглую форму, но встрѣчаются и квадратныя ¹⁾. Яма для жилища выкапывается отъ 12 до 15 футовъ въ діаметръ и 4 футовъ глубиною. Крыша покрывается травою или дерномъ, и вся надземная часть обносится землею такъ, что на разстояніи подземныя жилища похожи на круглыя холмы, изъ середины которыхъ торчатъ верхнія части зарубленныхъ лѣстницъ. Въ настоящее время мы находимъ такія зимнія жилища у атапасковъ по теченію р. Юкона, у племени шусвапъ ²⁾, у индѣйцевъ на рѣкѣ Томсонъ ³⁾, у племени лилуеть ⁴⁾ и у индѣйцевъ нижняго теченія рѣки Фрезеръ ⁵⁾.

Остатки древнихъ подземныхъ жилищъ были найдены у племени чилкотинъ ⁶⁾, у индѣйцевъ салишанъ въ области рѣки Томсонъ ⁷⁾, у индѣйцевъ изъ группы атапасковъ на озерѣ Никола ⁸⁾ и во многихъ другихъ мѣстахъ внутри Британской Колумбіи.

Фиг. 30 изображаетъ (по Тейту) планъ землянки, круглой формы, индѣйцевъ р. Томсонъ въ Британской Колумбіи. Фиг. 30 *a* представляетъ вертикальный планъ землянки. Тутъ видно бревно съ зарубками, служащее лѣстницей, и у основанія ея стоитъ камень для защиты лѣстницы отъ огня очага. Фиг. 30 *b* представляетъ круглую крышу землянки и показываетъ ея устройство: балки, идущія отъ четырехъ центральныхъ столбовъ къ окружающей ямы; поперечные шесты; участки, покрытые жердями, и часть крыши, обложенной уже дерномъ. Въ срединѣ квадратное входное и дымовое отверстіе, служащее также окномъ, съ верхней частью бревна-лѣстницы.

¹⁾ У атапасковъ на р. Юконѣ встрѣчаются подземныя жилища алеутскаго и эскимосскаго типовъ. (См. Whympre, p. 166).

²⁾ Sixth Report of the North-Western Tribes of Canada etc. p. 635.

³⁾ Teit, Thomson Indians of British Columbia (Publications of the Jesup North Pacific Exp., vol. Part IV) p. 193.

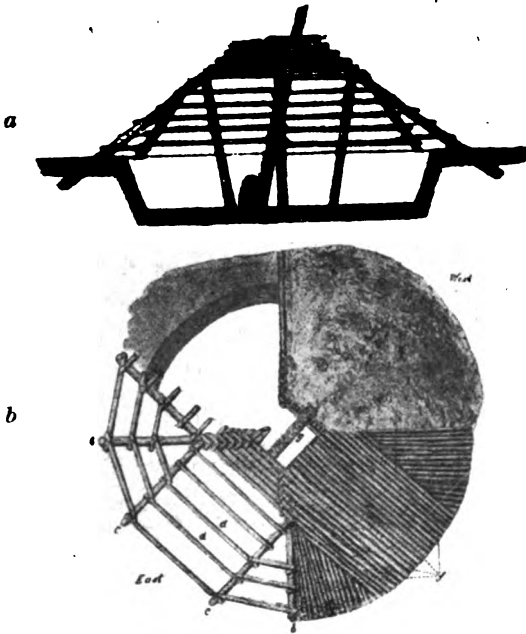
⁴⁾ Teit, The Lilloet Indians, p. 212.

⁵⁾ Sixth Report of the N. W. Tribes of Canada etc., p. 633.

⁶⁾ Twelfth Report of the N. W. Tribes of Canada etc. p. 646.

⁷⁾ Smith, The Archaeology of Lytton, British Columbia (Jesup North Pacific Expedition, vol. I, Part III; *Idem* Archaeology of Thomson River Indians (J. N. P. Exped. Vol. I, Part VI), p. 403.

⁸⁾ *Ibidem*, p. 406.

Фиг. 30.

Фиг. 31¹⁾ показывает наружный вид землянки, — теперь уже оставленной, — индейцев рѣки Томсонъ, при-

Фиг. 31.

¹⁾ Фиг. 31 и 32 воспроизведены изъ «Ethnographical Album of the North Pacific Coasts of America and Asia» Part I, Plates 12, 20 (Jesup North Pacific Expedition, American Museum of Natural History, New-York, 1900).

надлежащихъ къ группѣ салишанъ, а фиг. 32 представляетъ руину другой такой землянки.

Фиг. 32.

Преданія и другіе слѣды прежняго существованія подземныхъ жилищъ мы находимъ также у индѣйцевъ штатовъ Вашингтонъ и Орегонъ ¹⁾. Но особенно интересны остатки землянокъ у различныхъ отдѣловъ племени майду въ штатѣ Калифорніи ²⁾. Землянки майду имѣли круглую форму, какъ нѣкоторыя землянки племень группы салишанъ Британской Колумбіи. Круглая яма, глубиною около метра, обшивалась внутри досками или плахами. Въ серединѣ круга ставили столбы съ перекладинами, отъ которыхъ въ видѣ конуса спускались въ окружности обширной ямы жерди, образующія крышу. Крыша покрывалась землею и дерномъ. Квадратное отверстіе, оставленное въ центрѣ конуса,

¹⁾ *Gatschet*, Klamath Indians of Southwestern Oregon, Contributions N. A. Ethnol. II, 1890, Washington., Part I, pp. 117, 124. *M. Lewis and W. Clark*, Original Journals of the Lewis and Clark Expedition, 1804—1806, 7 Vols and Atlas, New York, 1804 - 1805, IV, p. 280, V, p. 35. *G. Gibbs*, Report on the Indian Tribes of the Territory of Washington (Pacific Railroad Report, I, Washington, 1877) p. 409. *H. I. Smith*, Preliminary Notes on the Archaeology of the Yokima Valley, Washington (Science, N. S., XXIII, Apr. 1906) p. 552. *P. Kane*, Wanderings of an Artist among the Indians of North America, London, 1859, p. 272. *A. B. Lewis*, Tribes of the Columbia Valley and the Coast of Washington and Oregon (Memoirs of the American Anthropological Association, Vol. I, Part 2, 1906), p. 185.

²⁾ См. *Dixon*, The Northern Maidu (Bulletin of the American Museum of Natural History, vol. XVII, pp. 168 et seq).

служило окномъ, дверью и для выхода дыма. Въ одномъ, сохранившемся и теперь подземномъ домѣ, снимокъ котораго помѣщенъ въ работѣ Диксона о майду, входъ устроенъ сбоку. Но, по словамъ индѣйцевъ, теперешняя боковая дверь когда-то состояла изъ небольшого отверстія, служившаго только для тяги, какъ тунель у камчадаловъ. Подземныя жилища племени майду были большихъ и меньшихъ размѣровъ. Первые служили клубными помѣщеніями для устройства праздниковъ, общественныхъ собраний, церемоній и также для паровыхъ бань, какъ у эскимосовъ. Землянки меньшаго размѣра служили для жилья. Часто въ домѣ, предназначенномъ для общественныхъ надобностей, жилъ староста селенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этихъ подземныхъ жилищахъ жили только зимою, а лѣтомъ ихъ обитатели кочевали, охотясь за дикими животными. Въ другихъ же мѣстахъ въ этихъ жилищахъ жили и лѣтомъ.

Фиг 33.

Фиг. 33 (по Диксону) представляетъ типъ упомянутой выше землянки майду.

Остатки подземныхъ жилищъ встрѣчаются также у племени *Hupa* ¹⁾ въ Калифорніи и на плоскогоріи къ

¹⁾ *Goddard*, Life and Culture of the Hupa (University California Publications, 1903).

востоку отъ Калифорніи. Въ прежнія времена индѣйскія племена Pawnee, Omaha, Arikara, Ponka и Osage въ долину рѣки Миссури жили въ землянкахъ, устроенныхъ въ лѣсу.

Фиг. 34 представляетъ карту областей, племена которыхъ были изслѣдованы экспедиціей Джевуса ¹⁾. Всѣ эти племена жили когда-то или теперь еще живутъ въ подземныхъ юртахъ. Но въ эту карту племень, упоминаемыхъ въ этомъ сообщеніи, не вошли восточные эскимосы (эскимосы Гудзонова залива, Гренландіи и Лабрадора) и индѣйцы Вашингтона, Орегона и Калифорніи.

Фиг. 34.

Заключеніе.— Многія изъ подземныхъ жилищъ, упомянутыхъ въ настоящей статьѣ, не были до сихъ поръ достаточно описаны и ждутъ еще болѣе подробнаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, этотъ краткій обзоръ является достаточнымъ для того, чтобы вызвать предположеніе, что не всѣ вышеупомянутыя племена явились самостоятельными изобрѣтателями въ устройствѣ подземнаго жилья. Я думаю, что заимствованіе играло тутъ значительную роль, въ то время, какъ климатическія условія содѣйствовали распространенію подземныхъ жилищъ. Матеріаль, изъ котораго сдѣланы эти подземныя жилища (дерево, кости или камни), не играютъ никакой роли въ опредѣленіи ти-

¹⁾ См. отчетъ объ экспедиціи въ «The Jesup North Pacific Expedition» (The American Museum Journal. Vol. III, Number 5, Oktober, New-York, 1906).

повъ построекъ, ибо китовыя кости или камни употребляются обыкновенно тамъ, гдѣ лѣсъ трудно достать, или его вовсе нѣтъ, но характерными признаками того или другого типа можно считать слѣдующія части постройки.

1. Тунель, или другое приспособленіе для тяги мы встрѣчаемъ у камчадаловъ, коряковъ, айновъ, курильцевъ, алеутовъ и калифорнскихъ индѣйцевъ.

2. Два входа, одинъ для зимы и другой для лѣта, мы находимъ у коряковъ, чукчей, эскимосовъ сѣверо-западной Америки и у индѣйцевъ тсетсаутъ изъ группы атапасковъ ¹⁾, т. е. у племенъ, живущихъ въ землянкѣ круглый годъ.

3. Квадратное отверстіе въ крышѣ служить одновременно дымовымъ, входнымъ и свѣтовымъ—у индѣйцевъ Британской Колумбіи, камчадаловъ, и коряковъ зимой, а въ древности у гиляковъ и индѣйцевъ Калифорніи.

4. Отверстіе въ крышѣ служить окномъ и для выхода дыма, но не служитъ дверью, у современныхъ гиляковъ, айновъ, у коряковъ лѣтомъ, у Аляскинскихъ эскимосовъ и современныхъ Калифорнскихъ индѣйцевъ.

5. Отверстіе въ крышѣ служитъ *только* окномъ у чукчей и сѣверо-восточныхъ эскимосовъ, т. е. у тѣхъ племенъ, у которыхъ, за отсутствіемъ дровъ, жилище нагревается жировой лампой.

6. Землянка имѣетъ круглую форму у нѣкоторыхъ индѣйцевъ Британской Колумбіи и у Maidu въ Калифорніи.

7. Воронко-образный щитъ отъ вѣтровъ и снѣжныхъ заносовъ имѣется только у коряковъ.

Изъ намѣченныхъ мной главныхъ признаковъ жилищъ разсматриваемаго культурнаго круга, мы видимъ, что сходныя черты встрѣчаются часто въ жилищахъ племенъ, весьма удаленныхъ другъ отъ друга. Это даетъ намъ право предположить, что въ далекомъ прошломъ эти племена имѣли сношенія между собой. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что одинаковый типъ подземнаго жилья нашихъ приморскихъ чукчей и эскимосовъ сѣверо-западной Аляски надо приписать культурному вліянію другъ на друга этихъ племенъ, физически различныхъ между собой, вліянію, ко-

¹⁾ См. выше стр. 49.

торое и теперь продолжается. Въ данномъ случаѣ надо думать, что чукчи заимствовали эскимосскій типъ жилья, а не наоборотъ, ибо у родственныхъ чукчамъ племень въ Сибири мы не встрѣчаемъ этого типа землянки.

Послѣднія изслѣдованія чукчей показали, насколько ихъ мифы, религія, матеріальный бытъ и семейныя отношенія подверглись вліянію эскимосовъ ¹⁾.

Съ другой стороны изслѣдованія болѣе южныхъ племень, какъ коряковъ и камчадаловъ, доказали сходство ихъ мифовъ, техники, декоративнаго искусства и другихъ сторонъ быта съ мифами и т. д. сѣверо-западныхъ индѣйцевъ ²⁾.

Изъ сходства духовной и матеріальной культуры этихъ племень мы вправѣ дѣлать заключеніе, что въ древнія времена они имѣли между собою сношенія. Такъ и подземныя жилища племень тихоокеанскаго круга надо разсматривать, какъ продуктъ культуры, созданной не изолированнымъ творчествомъ отдѣльныхъ племень, а совокупными усиліями многихъ народностей, сообщавшихся между собой и вліявшихъ другъ на друга.

Вл. Юхельсонъ.

¹⁾ См. *Bogoras*. The Folk-Lore of Northeastern Asia as compared with that of Northwestern America (Amer. Anthropologist, vol. IV, October-December, 1902); *idem*, The Chukchee, Part I, Material Culture, Part II, Religion (Publications of the Jesup North-Pacific Expedition, vol. VII, Parts I—II). Leiden, 1904—1907.

²⁾ См. *Jochelson*. The Mythology of the Koryak (Amer. Anthropol. Vol. VI, № 4, 1904); *idem* Über asiatische und amerikanische Elemente in den Mythen der Koriaken (Americanisten Kongress, Stuttgart); *idem*, The Koryak, Part I, Religion and Myths. Leiden, 1905. Part II, Material Culture and Social Organisation, Leiden, 1908 (Public. of the J. N. Pac. Exp. Vol. VI, Parts I—II).

Краткій ¹⁾ очеркъ инородцевъ сѣвера Туруханскаго края.

Въ 1905 году автору пришлось участвовать въ Хатангской экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и совершенной подъ начальствомъ И. П. Толмачева. Въ теченіи десяти мѣсяцевъ экспедиціи пришлось пройти громадное разстояніе, начиная отъ г. Туруханска до оз. Ессея, затѣмъ по р. Хатангѣ и притоку ея Мойеро, по сѣверному побережью полуострова между Хатангой и р. Анабаромъ; далѣе вверхъ по всему Анабару и отъ него опять до оз. Ессея; наконецъ, отъ послѣдняго, черезъ озера Мурукту, Омо, р. Мойеро, озера Яконгду, Фошфорингъ и Скуринду и р. Виллой до г. Олекминска, на р. Ленѣ.

Благодаря знакомству съ якутскимъ языкомъ, авторъ служилъ переводчикомъ при сношеніяхъ съ якутами и другими инородцами, знающими этотъ языкъ, и лѣтомъ, совмѣстно съ другими членами экспедиціи, собиралъ гербарій и т. п. Главнымъ же образомъ на обязанности автора лежало собирать этнографическія коллекціи и наблюдать инородческій бытъ и культуру. Условія для послѣдней работы были крайне неблагопріятныя, если принять во вниманіе короткій срокъ, въ который былъ пройденъ путь слишкомъ въ 6000 верстъ. За все время путешествія у экспедиціи были только двѣ остановки, болѣе или менѣе продолжительныя: весновка на оз. Ессеѣ, гдѣ просидѣли недѣли три, и затѣмъ остановка въ поселкѣ Хатангскомъ, гдѣ также пришлось просидѣть недѣли двѣ въ ожиданіи

¹⁾ Болѣе подробный очеркъ быта инородцевъ края будетъ данъ въ изданіяхъ Географическаго Общества. Докладъ былъ прочитанъ авторомъ въ засѣданіи Импер. Русскаго Географическаго Общества 30-го марта 1907 года.

людей. Во время весновки, необычайно короткой, у экспедиции было слишком достаточно работы по приготовленію къ предстоящему плаванію, чтобы удѣлять много времени на этнографію. Остановка же въ Хатангскомъ поселкѣ также не могла быть благопріятной, о чемъ можно судить уже по одному тому, что приходилось сидѣть тамъ въ ожиданіи людей. Все остальное время экспедиція регулярно двигалась все впередъ и впередъ, мѣстами лишь задерживаясь по случайнымъ причинамъ на день или два, причѣмъ часто мѣнялись и подводчики. Такимъ образомъ, условія работы были неблагопріятны.

Все время путешествія мы находились въ районахъ обитанія главнымъ образомъ трехъ народностей: илимпейскихъ тунгусовъ, ессейскихъ якутовъ, долганъ и опять-таки якутовъ, но уже сѣверныхъ.

Всѣ эти народности живутъ смежно другъ съ другомъ и часто даже собираются въ одной и той же мѣстности. Тѣмъ не менѣе можно указать болѣе или менѣе определенно районы ихъ расселенія. Тунгусы илимпейскіе, состоящіе изъ десяти родовъ, обитаютъ по бассейнамъ верхняго теченія р.р. Котуя и Мойеро, составляющихъ главную часть рѣки Хатанги, по верхнему теченію р. Курейки съ ея притоками, по верховьямъ р.р. Туры и Кочучумы, а также разбросались по болѣе или менѣе крупнымъ и рыбнымъ озерамъ, изъ которыхъ можно указать на озера Тимерю, Бельдунчана, Хантайку, Томноко, Чиринду, Муркуту, Комешку, Воеволи, Яконгду и Сюринду. Впрочемъ, области послѣднихъ трехъ озеръ теперь уже значительно обезлюдѣли, что инородцы объясняютъ неудобствомъ лежащихъ къ нимъ районовъ для оленеводства. Прежде, когда тунгусы были преимущественно охотниками и рыбаками и не имѣли много оленей, мѣста эти должны были, конечно, удовлетворять ихъ требованіямъ. Райономъ обитанія ессейскихъ якутовъ являются главнымъ образомъ все среднее теченіе рѣки Котуя и низовье р. Мойеро съ ихъ притоками, а также верховья р.р. Оленека и Анабара. Кромѣ того и они, какъ и тунгусы, разбросались по крупнымъ сравнительно рыбнымъ озерамъ, какъ то: Ессей, Джорама, Джалтанъ, Омо и др. Долгане расселились по р. Хетъ, низовью р. Хатанги, по р.р. Большой и Малой

Балахнѣ и по лѣвой сторонѣ р. Попигая. Часть ихъ, какъ говорятъ, обитаетъ у Норильскихъ озеръ. Есть нѣсколько долганскихъ семей и на р. Анабарѣ. Наконецъ, сѣверные якуты живутъ смѣшанно съ долганами, по низовьямъ Хеты и Хатанги и занимаютъ также всю сѣверную часть пространства между Хатангой и Анабаромъ, начиная съ р. Попигая, равно какъ и все низовье рѣки Анабара.

О происхожденіи своемъ инородцы помнятъ очень немногое. Такъ тунгусы, напр., только и могли сообщить, что они занимали мѣста настоящаго своего разселенія задолго до знакомства съ русскими и, что всѣ илимпейцы происходятъ отъ одного родоначальника. Якуты ессейскіе рассказываютъ, что они пришли на озеро Ессей послѣ того, какъ на р. Ленѣ впервые появились русскіе, отъ которыхъ они бѣжали.

Особенно авторъ интересовался происхожденіемъ долганъ, относительно которыхъ въ литературѣ не установилось еще опредѣленнаго мнѣнія. Какъ извѣстно, одни считаютъ ихъ отраслью тунгусовъ, въ соприкосновеніи и смѣшеніи съ якутами совершенно утратившихъ свой языкъ и свои національныя особенности, другіе же производятъ ихъ отъ якутовъ. Автору приходилось спрашивать почти всѣхъ встрѣченныхъ долганъ, а также многихъ якутовъ, на что въ большинствѣ случаевъ получался отвѣтъ, что долгане — тунгусы, причисленные къ такъ называемому долганскому ряду по принятіи крещенія. Многіе старики утверждали, что они знаютъ не мало лицъ изъ тунгусовъ, которые еще на ихъ памяти крестились и причислились къ долганамъ. Одинъ долганинъ рассказывалъ, что онъ принадлежитъ къ роду Чорпохъ, и что предки его тунгусы; по его словамъ, семья тунгусовъ изъ нѣсколькихъ братьевъ, съ женами и дѣтьми, забравъ своихъ оленей и имущество, откочевала изъ среды своихъ сородичей къ сѣверу, гдѣ вышла около рѣки Нижней на р. Хатангу. Здѣсь въ скоромъ времени вся семья въ полномъ составѣ крестилась у мѣстныхъ крестьянъ и съ тѣхъ поръ стала считаться семьей долганъ. Другой долганинъ рассказывалъ съ оговоркой, что слышалъ отъ умершаго стараго князя (за достовѣрность не ручался) слѣдующее преданіе. Давно, въ тѣ времена, когда была первая большая эпидемія оспы, четыре

5*

семьи тунгусовъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ, бѣжали отъ страшной болѣзни на сѣверъ и гдѣ-то около р. Хатанги построили себѣ четыре *дулги* ¹⁾, въ которыхъ и поселились. Окружающіе ихъ инородцы, якуты и тунгусы провалили пришельцевъ по ихъ жилищамъ дулганями, и съ тѣхъ поръ прозвище это привилось и осталось. Надо замѣтить кстати, что долгане называютъ себя дулгань. Вообще всѣ полученные отвѣты на вопросъ о происхожденіи долганъ, были вродѣ приведенныхъ, если только спрашиваемый не отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Авторъ также склоненъ считать долганъ за тунгусскихъ выходцевъ, хотя ни по языку, ни по образу жизни, въ настоящее время они не представляютъ разницы съ якутами.

Перечисленные здѣсь народности по образу жизни и быту мало отличаются другъ отъ друга. Всѣ они являются уже въ настоящее время по преимуществу оленеводами, всѣ занимаются охотой и рыбной ловлей и всѣ проводятъ, наконецъ, большую часть своей жизни въ кочеваніяхъ со своими стадами оленей по гольцамъ и тундрамъ, осѣдая лишь на нѣсколько холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ постоянныхъ жилищахъ.

Оленей у инородцевъ довольно много. У илимпейскихъ тунгусовъ, напр., встрѣчаются лица, владѣющія стадами въ 4—5 тысячъ головъ; у есейскихъ якутовъ насчитывали у одного богача отъ 6 до 7 тысячъ оленей. Совершенно безоленныхъ среди этихъ инородцевъ не пришлось встрѣтить; безоленными считаются лица, имѣющія десятокъ-другой оленей. У низовскихъ инородцевъ, т. е. обитателей низовій Хеты, Хатанги и Анабара, оленьего скота сравнительно меньше, но и тамъ указывали на одного якута, владѣющаго стадомъ въ 2 тысячи головъ. Крупные оленеводы разбиваютъ свои стада на нѣсколько частей, которыя пасутся подъ присмотромъ дѣтей или работниковъ владѣльца въ разныхъ мѣстахъ. Дѣлается это потому, что слишкомъ большое стадо разбрасывается на большое пространство, и присмотръ за нимъ затруднителенъ; кромѣ того, такіа стада скоро выбиваютъ моховища, почему приходится ежедневно передвигаться съ мѣста на

¹⁾ Дулга—одна изъ видовъ неподвижныхъ зимнихъ жилищъ у тунгусовъ.

мѣсто, тогда какъ при небольшомъ стадѣ можно сидѣть на одномъ мѣстѣ нѣсколько дней.

Съ приближеніемъ весны, около конца марта, инородцы начинаютъ уже кочевать со своими стадами. Кочуютъ не спѣша, дѣлая маленькіе переходы и устраивая дневки, чтобы не утомлять оленей. На мѣстахъ съ хорошими оленьими кормовищами останавливаются дольше. Мужчины дорогой попутно охотятся на дикаго оленя, или даже на лося, если подвернется. Кочуютъ илимпейцы и есейцы къ гольцамъ, отстоящимъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ зимнихъ жилищъ, а низовскіе инородцы направляются въ тундры. Двигутся впередъ съ такимъ расчетомъ, чтобы прибыть въ намѣченныя мѣста къ тому времени, когда становится тепло, и въ лѣсахъ и низинахъ появляется безпощадный таежный бичъ — комаръ.

Живутъ во время этихъ кочеваній, равно какъ и лѣтомъ, въ ровдужныхъ чумахъ, называемыхъ тунгусами «цукчѣ», а якутами «ураса». Устройство чума очень просто. Изъ небольшихъ шестовъ устанавливаются на землѣ, по кругу, конусъ, который обтягивается снаружи тремя или четырьмя полотнищами, спитыми изъ грубой оленьей замши. Верхъ, діаметромъ около аршина, остается открытымъ для прохода дыма и свѣта. Дверь закрывается концомъ одного изъ полотнищъ. Внутри, вокругъ очага, устраиваемаго въ центрѣ чума, стелютъ на полъ древесныя вѣтви или мелко нащепленныя палочки, если это происходитъ въ безлѣсномъ районѣ. На вѣтвяхъ каждый разстилаетъ свою постель (оленью шкуру).

Заднее мѣсто въ чумѣ, за очагомъ, противъ выхода, называется у тунгусовъ «маіу» и считается почетнымъ, вѣроятно, какъ самое теплое. Въ такомъ помѣщеніи, конечно, и тѣсно и дымно, особенно зимой, но инородцы мирятся съ этимъ и не пытаются придумать что-нибудь болѣе удобное. Всѣ принадлежности чума, до шеста включительно, возятся при такихъ кочеваніяхъ съ собой.

Всѣмъ хозяйствомъ въ это время вѣдаютъ женщины. Онѣ ведутъ аргишъ, т. е. караванъ, ставятъ и убираютъ чумъ, смотрятъ за стадомъ, шьютъ, стряпаютъ и т. д. Мужчины же въ это время занимаются исключительно

охотой и, только въ случаѣ потери оленей, вмѣшиваются въ дѣло и ищутъ послѣднихъ.

Очень незначительная часть инородцевъ, бѣдняки и малооленные, лѣтомъ не кочуютъ на гольцы, а остаются въ лѣсахъ, гдѣ, перебираясь съ озера на озеро, питаются рыбой; для защиты же своихъ немногочисленныхъ оленей отъ гнуса, они устраиваютъ изъ древесныхъ гнилушекъ, мха и хвои—дымокуры.

Обратныя кочеванія инородцевъ начинаются въ концѣ юля или въ началѣ августа, въ зависимости отъ года. Идутъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и впередъ, не сбѣша, исподоволь кормя оленей и охотясь дорогой. Приходятъ къ зимнимъ жилищамъ приблизительно въ октябрѣ, иногда въ началѣ ноября. Зимнія жилища устраиваются обыкновенно гдѣ-нибудь вблизи рѣкъ и озеръ, въ которыхъ можно ловить рыбу. Часть инородцевъ обитаетъ въ это время въ тѣхъ же легкихъ переносныхъ чумахъ, заваливъ только основаніе его немного снѣгомъ. Зимой въ нихъ довольно холодно, такъ что обитателямъ приходится сидѣть большей частью въ мѣховомъ платьѣ, а главное — дымно, особенно въ большіе морозы. Обитатели, нерѣдко около десяти душъ съ большими и малыми, жмутся въ тѣснотѣ, одѣваясь и раздѣваясь тутъ же, на глазахъ другъ у друга. Но такъ живутъ лишь немногіе. Огромное же большинство устраиваетъ для себя постоянныя жилища.

Есть три вида жилищъ: *коломо*, *дулга* и *балаганъ*. Первое представляетъ лишь видоизмѣненный чумъ, гдѣ шести и замшевыя полотнища замѣнены довольно толстыми брусьями, уставленными сплошь и обложенными снаружи дерномъ и мхомъ. Дверью служитъ обыкновенно та же полоса замши, но лишь меньшаго размѣра. Разумѣется, это жилище неподвижное.

Дулга—то же коломо, только пирамидальной формы, вмѣсто конической, причемъ основныя четыре жердины (брусья), къ которымъ прислонены на перекладинахъ стѣны, — далеко выступаютъ вверхъ надъ всей постройкой. Сверху устраивается потолокъ, въ видѣ плоскаго настила изъ брусевъ, покрытыхъ сверху дерномъ или мхомъ. Въ стѣнахъ прорубаютъ небольшія окна, а внутри имѣется

маленькій каминъ; у стѣнъ идутъ нарвы. Дверь бываетъ, какъ замшевая, такъ и досчатая.

Наконецъ, послѣднее слово строительнаго искусства составляетъ балаганъ, начавшій появляться лишь недавно; онъ представляетъ, въ свою очередь, видоизмѣненіе дулги. Здѣсь основные брусья замѣнены уже столбами, на которые положены перекладины. Потолокъ — тотъ же настиль, но покатый въ двѣ стороны, съ одной или двумя матицами. Внутри имѣются — полка, столъ, скамья, пара табуретовъ и т. п. Дверь большей частью досчатая, но встрѣчаются и ровдужныя. Въ окна зимой, какъ въ балаганъ, такъ и въ дулгѣ, вставляются льдины. Балаганъ является самымъ большимъ жилищемъ, а чумъ — самымъ маленькимъ.

Въ послѣднее время кое-гдѣ начинаютъ появляться дома-срубы, но они только кладкой стѣнъ отличаются отъ балагановъ. По р. Хетѣ и въ низовьи Хатанги встрѣчаются еще дома-срубы съ нѣсколькими иными внутреннимъ устройствомъ, но они подробно описаны Третьяковымъ и Миддендорфомъ, почему мы останавливаться на нихъ не будемъ, тѣмъ болѣе, что этотъ типъ началъ уже вытѣсняться балаганами.

Больше всего охотятся инородцы на дикаго оленя. Охотятся все лѣто, большую часть весны и осени, частью даже и зимой, что понятно, такъ какъ мясо дикаго оленя является однимъ изъ главныхъ средствъ пропитанія. Охотятся на него разными способами. Зимой и весной оленей преслѣдуютъ на лыжахъ и закалываютъ или пристрѣливаютъ изъ винтовки-кремневки; бьютъ ихъ также изъ ружья, подкрадываясь къ нимъ подъ прикрытіемъ особаго щитика на маленькихъ лыжахъ, а лѣтомъ подъ прикрытіемъ приученныхъ къ такой охотѣ домашнихъ оленей подходящей масти. На сѣверѣ, въ тундрѣ, дикихъ оленей били прежде въ большемъ количествѣ при переправахъ черезъ рѣки, гдѣ охотники колоди ихъ копытами, на водѣ — съ челноковъ, называемыхъ русскими на сѣверѣ — вѣтками; это требовало отъ нихъ большой ловкости. Теперь такая охота почти отошла уже въ область преданія. Зато на смѣну ей явился другой способъ. Такъ какъ олени теперь въ боль-

шинствѣ случаевъ переправляются черезъ рѣки уже по льду, то въ опредѣленныхъ мѣстахъ ихъ переходовъ устраиваются, хотя и очень примитивныя изгороди, съ нѣсколькими десятками проходцевъ, въ которыхъ настораживаютъ самострѣлы. Звѣрь, не чувствующій за собой преслѣдованія, выйдя съ рѣки къ такой изгороди, старается проходить въ оставленный воротца, а не перескакивать черезъ изгородь, почему почти у каждаго прохода остается по жертвѣ. Вышедшихъ за изгородь оленей встрѣчаютъ и преслѣдуютъ стрѣльбой скрытые въ засадѣ охотники.

Слѣдующее по важности мѣсто въ охотѣ или, вѣрнѣе, въ промыслахъ инородцевъ занимаетъ добываніе песцовъ и лисицъ, а затѣмъ и вообще пушного звѣря. Песцы и лисицы добываются преимущественно пастями, т. е. ловушками, прихлопывающими добычу своими давящими бревнами, какъ только она потянетъ за приманку. Ловятъ лисицу и капканами. Бросаютъ, наконецъ, для лисицъ, песцовъ и волковъ и пометъ, но это, кажется, наименѣе удачный способъ промысла. Песцовъ въ тундрѣ, кромѣ того, преслѣдуютъ на оленяхъ и бьютъ палками, что, впрочемъ, представляетъ скорѣе спортъ и развлеченіе, чѣмъ серьезную охоту. На мелкихъ звѣрей, какъ-то горностая, колонковъ и др. употребляется такъ называемый «чарканъ», представляющій примѣненіе лука къ придавливанію звѣрька, молотообразной стрѣлой, прикрѣпленной къ тетивѣ самаго лука. Низовскіе инородцы вблизи Хатангскаго поселка ставятъ еще пасти на медвѣдя, но добыча ихъ обыкновенно ничтожна. Болѣе удачно охотятся на него, а равно и на лося, тунгусы въ верховьяхъ р. Вилюя. Охота на бѣлку и соболя только ружейная; бѣлку, впрочемъ, бьютъ и тупыми стрѣлами изъ луковъ.

Ловля рыбы инородцами производится также разными способами. Главнымъ образомъ ловятъ рыбу сѣтями, а на оз. Ессеѣ и въ низовьяхъ Хатанги и Анабара и небольшими неводами. Низовскіе инородцы ловятъ неводомъ подъ осень довольно много рыбы. Не успѣвая заготовить ее въ прокъ путемъ вяленья, они сваливаютъ ее, отрѣзавъ предварительно головы, въ мелкія ямы, вырытыя до мерзлоты. Рыба портится, однако это не особенно беспокоитъ ихъ. Ловятъ рыбу также крюками, посред-

ствомъ уженя лѣтомъ, а зимой острогой, въ прорубяхъ, для чего въ послѣднемъ случаѣ въ прорубь въ видѣ приманки опускаютъ костяную рыбку. Способъ добыванія рыбы острогой практикуется преимущественно на рѣкахъ, у полыньи, гдѣ скопляется крупная рыба. Ловятъ, наконецъ, рыбу, перегораживая рѣчку заколами, въ которые вставляютъ векши. Необходимымъ предметомъ при лѣтней ловлѣ являются челноки и вѣтки. Илимпейцы и ессейцы дѣлаютъ ихъ сами, выдалбливая толстыя листовичныя бревна. Вѣтки эти, вслѣдствіе хрупкости дерева, очень непрочны и требуютъ большой осторожности въ обращеніи. Въ низовье Хатанги, гдѣ уже нѣтъ лѣса, привозятся осиновыя вѣтки съ р. Оленека. У низовскихъ инородцевъ встрѣчаются и лодки, вывозимыя зимой съ р. Енисея. Инородцы, не имѣющіе вѣтокъ, дѣлаютъ себѣ плоты, преимущественно изъ гнилушекъ. Въ двухъ мѣстахъ пришлось видѣть также остовы лодокъ, обтянутыхъ кожей.

На птицу охотятся весной во время перелета ружьемъ. Низовскіе инородцы бьютъ также налками ленныхъ гусей, загоняя ихъ на челнокахъ и съ собаками въ изгороди, устраиваемыя на берегу изъ сѣтей. Такимъ способомъ партія охотниковъ, въ двѣ-три семьи, добываетъ въ какія-нибудь двѣ недѣли нѣсколько сотъ гусей. Чтобы сохранить добычу, хоть на нѣкоторое время, кладутъ ее, какъ и рыбу, въ ямы, отчего она проквашивается. Инородцы этимъ не брезгаютъ. Въ сѣти же загоняютъ илимпейскіе тунгусы утятъ на озерахъ; поднимая крикъ и шумъ на вѣткахъ (челнокахъ), они заставляютъ ихъ нырять, отчего утята путаются въ ячеяхъ сѣтей.

Питаются инородцы преимущественно мясомъ дикихъ и домашнихъ оленей, рыбой и частью птицей. Приобрѣтаютъ также у наѣзжающихъ торговцевъ немного ржаной или пшеничной муки, изъ которой стряпаютъ себѣ, главнымъ образомъ при гостяхъ, лепешки и оладьи. Покупаютъ также чай, сахаръ и т. п. Соль употребляется многими и не считается необходимой приправой. Для болѣе продолжительнаго сохраненія продуктовъ инородцы часто вялятъ и слегка коптятъ мясо, рыбу и олени языки. Вяленыя мясо и рыба употребляются вмѣсто печенья къ

чаю. Разваренную рыбу сушатъ также мелкими кусочками на сѣткахъ изъ прутьевъ, надъ огнемъ. Кромѣ того, употребляются въ сыромъ видѣ—мерзлая рыба, оленье почки, печень, костный мозгъ и т. п. Не бросаются также жирные, хрящевые кончики растущихъ оленьихъ роговъ, если они случайно обламываются, или если въ этотъ периодъ закаляется животное. Супъ и уха употребляются преимущественно лишь для смачиванія глотаемаго мяса или рыбы, а не въ качествѣ самостоятельной пищи. Растительная пища не въ ходу; лишь немногіе собираютъ кой-какія ягоды, а запасы изъ нихъ дѣлаютъ себѣ только рѣдкіе хозяева. Птица употребляется всегда вареная; ѣдятъ лебедей, гусей, утокъ, куропатокъ и др., не идуть въ пищу чайка, гагара и хищники.

Какъ лакомство употребляется, наконецъ, оленье молоко.

Платье инородцевъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Нижнее платье въ прежнія времена шилось изъ ровдуги; теперь этотъ матеріалъ замѣнился русскимъ, привозимымъ торговцами. Такъ, всѣ носятъ теперь ситцевыя рубашки, а мужчины, кромѣ того, имѣютъ и кальсоны. Многіе носятъ вторыя верхнія рубашки изъ бумазеи, а мужчины имѣютъ часто пиджаки. Зимніе штаны шьются, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, изъ оленьяго мѣха, шерстью внутрь; для лѣта же ихъ дѣлаютъ изъ матеріи или оленьей замши.

Женщины шьютъ себѣ большей частью лѣтніе штаны, состоящіе изъ трехъ частей. Такіе же штаны носятъ и мужчины весной и осенью, когда приходится бродить часто въ водѣ, для чего съ удобствомъ могутъ скинуть часть ихъ, не снимая самихъ штановъ. Обувь при этомъ носится короткая, лишь до щиколотокъ. Вообще же обувь шьется изъ оленьихъ камусовъ, т. е. изъ кожи съ ногъ оленя или же изъ ровдуги, смотря по времени года: съ первыми носятъ зимой и теплые пыжевые чулки. Смотри по степени тепла и легкости, обувь различается—лѣтняя, зимняя, чумовая и дорожная. Разницы между мужской и женской обувью нѣтъ, за исключеніемъ сравнительно меньшаго размѣра у послѣднихъ. Верхнее платье шьется изъ оленьяго мѣха въ видѣ пальто до колѣнъ, шерстью

наружу. На голову надѣвается шапка изъ мѣха росомахи, лисьихъ лапокъ или изъ какого-нибудь другого матеріала. Мужчины сверхъ этого носятъ въ большіе морозы такъ называемые сокуи, т. е. глухіе длинные балахоны съ капюшономъ, сшитые изъ оленьяго мѣха, шерстью внутрь. Женщины въ такихъ случаяхъ надѣваютъ подъ своимъ верхнимъ пальто еще второе, изъ песцовога или иного мѣха.

Тунгусы и долгане большіе щеголи и любятъ наряжаться. Послѣдніе покрываютъ свои костюмы очень затѣйливыми узорами изъ разноцвѣтнаго бисера. У первыхъ нѣтъ бисера, но зато они питаютъ пристрастіе къ разнымъ свѣтлымъ пуговицамъ и т. п. вещамъ. Авторъ видѣлъ тунгусскаго старшину, который, несмотря на большіе морозы, являлся неизмѣнно въ старомъ престаромъ картузѣ. Другой старшина носилъ съ наивнымъ тщеславіемъ форменный почтальонскій сюртукъ, на который имъ было нацѣплено вокругъ мѣдной бляхи старшины четыре экземпляра одного и того же жетона, въ обиліи распространяемаго какимъ-то богоугоднымъ учрежденіемъ за десятирублевья пожертвованія. Онъ же явился однажды совѣтъмъ въ фантастическомъ нарядѣ. На немъ былъ форменный мундиръ съ красными ситцевыми кантами и съ 12-ю пуговицами по борту, сшитый по какой-то чиновничьей формѣ по его заказу — женой тунгусскаго князя, слышавшей за мастерицу.

Обстановка инородца не велика и не сложна. Столъ, скамья и пара табуретовъ — вся мебель въ зимнемъ жилищѣ. Въ чумахъ и этого нѣтъ; тамъ столъ замѣняетъ небольшая и короткая доска, убираемая куда-нибудь послѣ ѣды. неизмѣнный мѣдный котелъ и чайникъ, нѣсколько стакановъ и чашекъ съ блюдами, деревянные или костяные ложки, ковшикъ для доенія оленьихъ самокъ и въ то же время для черпанія воды — составляютъ почти всю посуду семьи; только у богачей водятся самоваръ, металлическія и серебряныя чайныя и столовыя ложки и т. п.; но у такихъ часто водятся и стеариновыя свѣчи и различные подсвѣчники, столовыя скатерти и проч. Всего этого у средняго и бѣднаго инородца не имѣется. Въ кухонной утвари кочевника можно видѣть еще крюки для

подвѣшиванія котловъ и чайниковъ, сковороду, сковородникъ, лопаточку и т. п. Мастерить себѣ инородецъ разные нужныя вещи съ помощью ножа, топора, пилы, долота и буравчика. Для храненія разныхъ вещей у него имѣются берестяныя или деревянныя въючныя сумы, обитыя камусомъ, или сшитыя просто изъ одного камуса. а также разные мелкія сумочки изъ оленьей или рыбьей кожи. Если ко всему этому прибавить, что въ распоряженіи кочевника имѣются еще: ружье, лыжи, предметы оленьей упряжи, сѣти и проч., то этимъ будетъ исчернанъ почти весь инвентаръ инородческаго хозяйства.

Монотонно и однообразно течетъ повседневная жизнь инородцевъ. Вставши утромъ и помывшись набранной въ ротъ водой, они пьютъ чай, послѣ котораго слѣдуетъ скоро обѣдъ изъ варенаго мяса. Мясо раскладывается порціями на столѣ или на доскѣ. Каждый своимъ ножомъ отрѣзаетъ по кусочку отъ своей порціи и ѣстъ, заживая время отъ времени куски ложкой супа изъ общаго котла, или чашки, если таковая водится. Пообѣдавъ, женщины принимаются за хозяйство, въ которомъ всегда много работы, а мужчины, если не отправляются на олоту, или осматривать своихъ оленей, принимаются мастерить себѣ что-нибудь; если есть кто-нибудь посторонній, то калякаютъ съ нимъ, посвящая весь свой досугъ разговору. Днемъ они опять пьютъ чай и ѣдятъ или мерзлую рыбу, или что-нибудь другое. Также вяло и скучно тянется день и до вечера, а вечеромъ, поужинавъ опять-таки варенымъ мясомъ, ложатся спать. Спать они всегда, раздѣвшись до нага, въ спальныхъ мѣшкахъ изъ оленьяго или песцовога мѣха, смотря по достатку, причемъ мужъ съ женой спятъ въ одномъ общемъ мѣшкѣ. Слѣдующій день проходитъ въ томъ же порядкѣ.

Конечно, сказанное относится къ зимнему времени. Весна, осень и лѣто, проводимыя въ кочеваньи, охотѣ и добываніи рыбы,—разнообразнѣе.

Способъ передвиженія инородцевъ при кочеваніяхъ и вообще перемѣщеніяхъ — верховая или санная ѣзда на оленяхъ, въ зависимости отъ времени года. Санки или нарты инородцевъ всегда легкія и миниатюрныя, на которыхъ можетъ ѣхать только одинъ человекъ. Клади на

нихъ можно грузить отъ 7 до 10 пудовъ, которые везетъ пара оленей. Ыадовыя санки меньше и легче грузовыхъ.

Лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, садясь на подушкообразное сѣдло, которое кладется оленю на лопатки и затѣмъ перетягивается слегка, вмѣстѣ съ животнымъ, небольшимъ ремнемъ. Вьюкъ, въ видѣ туюковъ одинаковаго размѣра или сумъ одинаковаго вѣса, перекидывается черезъ сѣдло и не превышаетъ въ общемъ двухъ пудовъ. Крупный и громоздкій грузъ, какъ напр. челноки, возятъ и лѣтомъ на санкахъ; только грузъ въ такомъ случаѣ не долженъ превышать 4-хъ пудовъ на пару оленей. Разстоянія при всѣхъ этихъ передвиженіяхъ измѣряются кесами, т. е. дневными переходами, протяженіе которыхъ при различныхъ условіяхъ бываетъ весьма различно и простирается отъ 15 верстъ до 50, а также перегонами между двумя передышками оленей, что равняется приблизительно семи верстамъ. Дорогъ никакихъ не существуетъ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ лѣсу или въ тундрѣ безразлично, ѣдутъ, выбирая лишь наиболѣе удобныя, чистыя мѣста и придерживаясь одного опредѣленнаго направленія, съ котораго не сбиваются. Надо замѣтить вообще, что инородцы прекрасно умѣютъ ориентироваться въ данной мѣстности, хотя бы и совершенно незнакомой имъ.

Болѣзни среди инородцевъ не рѣдки. Но въ общемъ кочевниковъ нужно признать людьми здоровыми и выносливыми. Не малую роль играютъ, какъ самый образъ жизни ихъ въ постоянныхъ передвиженіяхъ на чистомъ воздухѣ, такъ и климатъ страны, хоть и суровый зимой, но здоровый, безъ рѣзкихъ колебаній температуры. Наиболѣе часты болѣзни желудочныя, головныя боли, кашель и т. п. Попадались намъ иногда глухіе и слѣпые, а также страдающіе ракомъ горла или пищевода. Временами свирѣцствуютъ еще повальныя болѣзни, какъ: оспа, корь и т. п. Чрезвычайно распространены у инородцевъ глисты, отъ которыхъ иногда зависитъ появленіе малокровія, головокруженія и другихъ болѣзненныхъ явленій. Венерическія болѣзни повидимому рѣдки; только 1 разъ мы встрѣтили 2 дѣвушекъ больныхъ, повидимому, сифилисомъ. Встрѣчаются, наконецъ, нервныя больныя, такъ называемыя «бураха», «мѣнәрѣк» и «рѣбит».

Наиболѣе интересно явленіе эмирячества, уже много разъ описаннаго.

Болѣзнь заключается въ томъ, что подверженный ей субъектъ, внезапно испуганный чѣмъ нибудь, приходитъ въ возбужденное состояніе и начинаетъ раздражать всею, что бы ни говорилъ или дѣлалъ испугавшій, причемъ не ограничивается однимъ раздраженіемъ, а также исполняетъ всякое внезапное приказаніе и въ то-же время накидывается и на испугавшее лицо или предметъ. Въ такомъ состояніи эмирякъ, безразлично—мужчина онъ или женщина,—говоритъ и повторяетъ все, что ему ни скажутъ, до скабрзнаго и циничнаго включительно; для него нѣтъ ничего стѣснительнаго. Въ такомъ состояніи его можно заставить раздѣться до нага, обругать, ударить или даже убить кого-нибудь; для этого стоитъ только не давать ему успокоиться. Поводомъ къ возбужденію можетъ служить каждый неожиданный стукъ, слово, появленіе кого-нибудь и т. п., вообще всякая неожиданность и внезапность. Однажды, во время поѣздки по р. Мойеро, переводчикъ экспедиціи перекувырнулся нарочно на снѣгу передъ эмирячкой-тунгусской, несшей убранныю послѣ чая посуду. Увидѣвъ это, эмирячка немедленно продѣлала тоже самое, причемъ рассыпала на снѣгу всю посуду. Въ другой разъ она же, увидѣвъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, озябшій дорогой во время остановки, принялся скакать на снѣгу, пустилась также въ присядку. Въ с. Амгѣ. Якутской области, рассказывали случай, бывшій съ эмирячкой, теперь уже умершей. Несла она какъ-то на плечахъ коровью голову. При спускѣ съ небольшой горы, голова эта сорвалась у нея съ плечъ и покатила подъ горку. Этого было достаточно, чтобы возбудить больную, и она, недолго думая, догнавъ голову, начала воевать съ ней, награждая ее пинками и ударами; Богъ знаетъ, какъ долго это продлилось бы, если бы не остановилъ ее шедшій въ это время прохожій. Возбужденіе прекращается тотчасъ же, какъ только исчезаетъ возбуждающая причина. Сами инородцы считаютъ болѣзнь эту слѣдствіемъ какого-нибудь сильнаго испуга. Такъ одна эмирячка, старуха-якутка, рассказывала, что она стала эмирячить съ тѣхъ поръ, какъ сильно перепугалась въ молодости при

обмываніи покойника, который пошевелилъ рукой. Очевидно, ей пришлось видѣть посмертное сокращеніе мускуловъ. Отъ другой эмирячки въ Амгѣ пришлось слышать, что она начала эмирячить съ тѣхъ поръ, какъ однажды утромъ, надѣвая свою обувь, наступила голой ногою на забравшуюся туда живую мышь, чѣмъ была сильно испугана. Говорятъ также, что болѣзнь эта развивается и путемъ постепенной привычки: начинаясь отъ шалости, въ формѣ передразниванія другихъ, она становится привычной болѣзнью.

Мэнэричество — болѣзнь въ другомъ родѣ. Одержимые этой болѣзнью, преимущественно женщины, приходятъ въ возбужденіе не отъ какой-нибудь внезапности, а отъ дѣйствія или явленія, производящаго на нихъ сильное впечатлѣніе. Въ состояніи возбужденія, больная начинаетъ ходить по помѣщенію, рвать на себѣ волосы, порывисто встряхиваетъ и мотаетъ головой; ее въ это время пошатываетъ и ломаетъ. Все это сопровождается цѣлымъ потокомъ словъ и причитаній, вэвизгиваніями, истерическими всклипываніями, свистомъ и т. п. Субъекты, подверженные этой болѣзни, лицо которыхъ въ минуты припадка принимаетъ дикое, безумное выраженіе съ тяжелымъ, лихорадочнымъ взглядомъ, признаются инородцами за одержимыхъ духами и нерѣдко приглашаются къ больному въ качествѣ маленькаго шамана въ своемъ родѣ. Такое истерическое состояніе субъекты эти могутъ вызвать и нарочно, искусственно возбуждая себя разными выкрикиваніями, ходьбой, неестественными движеніями и т. п.

Мэнэричеству, какъ и эмирячеству подвержены главнымъ образомъ женщины, но нерѣдко страдаютъ имъ и мужчины. Эмирячки и мэнэрички, которыхъ приходилось видѣть, отличались блѣднымъ, истощеннымъ видомъ; онѣ обыкновенно худы, малокровны, нервны и подвижны. Трудно сказать, что является настоящей причиной этихъ болѣзней. Не малую роль въ ихъ возникновеніи играютъ, повидимому, ненормальности въ половой жизни: невоздержность, излишества, болѣзненные отправления тѣхъ или иныхъ процессовъ и т. п. По крайней мѣрѣ въ Амгѣ, среди якутовъ и крестьянъ, не разъ приходилось слышать

объ этихъ больныхъ отъзвы, рисующіе ихъ не совсѣмъ безупречной нравственности.

Лицъ, страдающихъ третьей болѣзью, намъ лично не приходилось наблюдать. Для обозначенія этой болѣзни у якутовъ существуетъ нѣсколько терминовъ. Такъ говорятъ «іраp», въ буквальномъ переводѣ—творожится, свертывается, «маіта хамсабыт»—мозгъ шевельнулся, мозгъ тронулся, «саната хамсабыт»—мысль шевельнулась, мысль тронулась и другіе. Всѣ эти термины разумѣютъ обыкновенно одно и тоже понятіе психическаго расстройства. Какъ рассказываютъ инородцы, въ большинствѣ случаевъ эта тяжелая болѣзнь надвигается на человѣка постепенно. Субъектъ начинаетъ сначала задумываться, мечтываетъ угнетенное состояніе духа, потомъ начинаетъ заговариваться и забываться. Болѣзнь развивается, прогрессируетъ, и въ результатъ получается полное помраченіе разсудка. Въ большинствѣ случаевъ помѣшательство это бываетъ тихое и, если больной и покушается на кого, то обыкновенно на себя, поэтому стараются по возможности прятать отъ него все, чѣмъ можно воспользоваться для самоубійства. Болѣзнь эта, повидимому, можетъ быть отнесена къ категоріи обычныхъ душевныхъ болѣзней, причемъ сумашествіе инородца отличается отъ сумашествія культурнаго человѣка лишь постольку, поскольку психически вообще инородецъ отличается отъ послѣдняго и думается, что нѣтъ достаточныхъ основаній ставить ее въ связь съ эмирячествомъ и мэнэричествомъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые.

Современные тунгусы, несмотря на тяжелыя условія жизни, народъ безусловно честный, съ веселымъ, добродушнымъ и общительнымъ характеромъ. Простосердечіе и сострадательность, почтительность и привѣтливость, услужливость безъ угодливости, равнодушіе къ смерти, пылкость и безпечность—являются основными ихъ чертами. Это отважный, беззаботный и гостепріимный народъ. Такимъ же крайне симпатичнымъ народомъ являются и долгане и низовскіе якуты. Не испорченные еще по своей отдаленности нашей торгово-чиновничьей культурой, не приниженыя полицейско-бюрократическимъ произволомъ, инородцы эти также отличаются честностью,

добросовѣстностью и прямодушіемъ. Они добродушны, искренни и гостепріимны. Такъ же, какъ тунгусы, они удивительно вѣжливы и деликатны. Въ нѣсколько другомъ родѣ являются ессейскіе якуты, мало отличающіеся въ этомъ отношеніи отъ своихъ сородичей, живущихъ въ Якутской области. Это народъ неугомонный и угрюмый, съ твердымъ, независимымъ и настойчивымъ характеромъ, преслѣдующій разъ намѣченную цѣль во что бы то ни стало до конца. Упрямый и упорный якутъ расчетливъ, хитеръ, скрытенъ и часто мстителенъ. Словомъ, у этихъ якутовъ тотъ характеръ, благодаря которому они подчиняютъ себѣ и поглощаютъ всѣ соприкасающіяся съ ними народности. Есть, конечно, у всѣхъ этихъ инородцевъ и свои отрицательныя стороны: они лѣнны, любятъ долго поспать, охотно напиваются; курятъ табакъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ и играютъ съ азартомъ. Къ счастью для инородцевъ, въ Туруханскомъ краѣ запрещенъ ввозъ спиртныхъ напитковъ. Прежде же, когда въ г. Туруханскѣ имѣлась водка, тунгусы возили ее, какъ рассказываютъ, десятками ведеръ, причемъ больше половины ея выпивалось дорогой. Зато торговцы прививаютъ теперь другую заразу — карты, усиленно прививающіяся въ инородческой средѣ. Куренію табака они предаются также со страстью и жадностью, докуриваясь часто до одурѣнія, особенно послѣ долгаго воздержанія; курятъ почти всѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, съ ранняго возраста. Въ одной тунгусской семьѣ, на оз. Тимерѣ, приходилось встрѣтить мальчугана двухъ лѣтъ, который принимался плакать, когда родители не дѣлились съ нимъ своею трубкой.

Ссоры и драки бывають, но явленіе это довольно рѣдкое.

Развлеченій у инородцевъ почти никакихъ нѣтъ. Хоть и любятъ инородцы поспать и ничего не дѣлать, но и имъ надоѣдаетъ безконечное спанье и бездѣлье въ скучную долгую зиму, часть которой приходится сидѣть дома. Въ такихъ случаяхъ они ѣздятъ иногда къ ближайшимъ сосѣдямъ въ гости, чтобы хоть немного разсѣяться. Въ долгіе зимніе вечера, когда нѣтъ особенной работы, да и спать еще рано, инородцы любятъ, сидя передъ ярко горящимъ огнемъ, послушать какогонибудь заѣзжаго ска-

зочника, преданія, легенды, или воспоминанія какого-нибудь бывалаго человѣка. Все это выслушивается съ живѣйшимъ вниманіемъ. Только очень немногіе засыпаютъ подъ длинный разсказъ или сказку, произносимую монотоннымъ, ритмическимъ темпомъ. Сказки бываютъ свои, инородческія или заносныя-русскія, или иностранныя, часто передѣланныя до неузнаваемости. Первые всегда длинны, вмѣсто рѣчей дѣйствующихъ лицъ сопровождаются пѣніемъ и затягиваются нерѣдко за полночь; заносныя сказки гораздо короче и не сопровождаются пѣніемъ. Когда нѣтъ никакого разсказчика или сказочника, занимаются также разгадываніемъ загадокъ. Но это преимущественно дѣло женщинъ и молодежи.

Игръ мало. У тунгусовъ, напр., мы видѣли нѣчто вродѣ игры въ мячъ. Всѣ играющіе, обыкновенно холостая и семейная молодежь обоого пола, раздѣлившись на двѣ партіи, откатываютъ ногами свернутый изъ шали или чего-нибудь другого мячъ, причемъ каждая партія старается загнать импровизированный мячъ до пограничной черты противниковъ. Неизбѣжны при этомъ свалки, сталкиванія другъ друга въ снѣгъ и т. п. Все время игра сопровождается веселымъ смѣхомъ и шумомъ. Среди парней и мужчинъ инородцевъ въ ходу также состязанія въ бѣгѣ, скачкахъ, прыжкахъ и борьбѣ. Существуютъ также и танцы. Воткнувъ вертикально въ землю хорей, мужчины и женщины берутъ другъ друга за руки, водятъ вокругъ него хороводъ, переступая въ общій тактъ ногами. Танецъ сопровождается монотоннымъ и однообразнымъ припѣвомъ «hiaira» у низовскихъ инородцевъ и «iāhai» у тунгусовъ. У послѣднихъ, впрочемъ, черезъ нѣкоторое время начинается что-то вродѣ хорового пѣнія, запѣваемаго соло и повторяемаго затѣмъ всѣми. Начатый тихо и медленно, танецъ постепенно ускоряется и подъ конецъ представляетъ какой-то вихрь. Инородцы способны танцовать такъ нѣсколько часовъ сряду, не переставая. Легкіе и стройные тунгусы танцуютъ довольно красиво и граціозно, тогда какъ танецъ у другихъ бываетъ грубоватъ и тяжелъ.

При такой скудости развлеченій инородецъ радъ всему, что привлекаетъ народъ, какъ-то: свадьбы, ярмарки и собранія.

Браки у инородцевъ совершаются слѣдующимъ образомъ. Родители молодого человѣка, задумавшаго жениться, посылаютъ къ родителямъ намѣченной невѣсты свата, которой сначала зондируетъ почву, а потомъ является къ нимъ съ небольшимъ подаркомъ, въ видѣ шкуры лисицы или волка. Принятіе подарка означаетъ согласіе начать переговоры. Тогда между родителями роднящихся семей начинаются переговоры и торгъ. По существующему обычаю, женихъ долженъ заплатить родителямъ невѣсты калымъ, а послѣдніе обязаны снабдить молодую чету всѣмъ необходимымъ для самостоятельной жизни (приданое). Выкупъ и приданое въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе равноцѣнны и простираются иногда до тысячи, двухъ и болѣе рублей у богатыхъ. Калымъ выплачивается обыкновенно въ нѣсколько сроковъ въ теченіе года, а иногда и въ нѣсколько лѣтъ и состоитъ изъ оленей, мѣховъ и денегъ. Приданое состоитъ изъ одного или двухъ чумовъ, платья, разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей и оленей. Все время, пока идетъ выплата калыма, платящій его состоитъ на положеніи жениха. Иногда вѣнчаніе происходитъ сейчасъ же послѣ сватовства, а чаще по выплатѣ калыма. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ молодая у тунгусовъ, напр., до истеченія года со дня сватовства живетъ у своихъ родителей и только послѣ этого отправляется съ своимъ приданнымъ караваномъ къ мужу. Встрѣчаются случаи отклоненія отъ этого обычнаго порядка, но здѣсь идетъ рѣчь лишь объ общихъ традиціяхъ. Поѣздъ молодой съ приданнымъ-имуществомъ обставляется торжественно. Она ѣдетъ верхомъ на оленѣ, одѣтая въ лучшій свой костюмъ, причемъ не сама правитъ, а ведетъ ея оленя въ поводу какая-нибудь родственница ея, ѣдущая передъ ней, также верхомъ. Къ сѣдлу молодой пристегивается цѣлый караванъ оленей съ приданнымъ. Ѣдутъ очень медленно, чтобы не случилось какого-нибудь замѣшательства съ оленями, что считается дурнымъ знакомъ. Пріѣхавъ къ жилью мужа, молодая три раза объѣзжаетъ его кругомъ и только послѣ этого входитъ въ него, въ сопровожденіи женской родни мужа. Здѣсь она сидитъ съ мужемъ отдѣльно, за пологомъ, куда имъ подають отдѣльно ѣсть и куда могутъ входить только

близкія родственницы молодой, да и то лишь для того, чтобы покурить съ молодой, или поговорить съ ней о чемъ-нибудь. Послѣ угощенія начинаются танцы, игры и пѣсни, въ которыхъ принимаютъ участіе и молодые; во время перерывовъ для угощенія, молодые сидятъ опять-таки отдѣльно. Вступаютъ въ бракъ встрѣченные нами инородцы не рано; зато нерѣдки случаи женитьбы пожилыхъ людей на молодыхъ дѣвушкахъ. Выйдя замужъ, дѣвушка тѣмъ самымъ лишается совершенно той свободы и независимости, каковой она до этого времени пользовалась, и становится уже въ полную зависимость отъ мужа. Положеніе женщины вообще подчиненное. Она не принимаетъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, дома не можетъ сѣсть за одинъ столъ съ гостями, а садится съ дѣтьми за отдѣльный, не вмѣшивается первая въ разговоръ хозяина съ посторонними людьми и т. д. На женщинѣ цѣликомъ лежитъ тяжелая обязанность веденія хозяйства, воспитанія дѣтей, поскольку простое выращиваніе можно назвать воспитаніемъ, стряпня, обшиваніе семьи, выдѣлка кожъ и т. п.

Дѣтей собственно ничему не учать, а они сами понемногу, сначала въ своихъ дѣтскихъ играхъ, а потомъ, помогая старшимъ, перенимаютъ немногія и несложныя знанія самихъ родителей. Никакихъ особенныхъ игръ у инородческихъ дѣтей не пришлось встрѣчать; обычныя же игры ихъ въ хозяйство, въ охоту, въ угощенье и т. п. являются буквальнымъ копированіемъ окружающей дѣйствительной жизни. Подрастая, дѣти съ раннихъ лѣтъ начинаютъ помогать старшимъ, причемъ скоро происходитъ и раздѣленіе между ними: мальчики становятся помощниками отца, ходятъ съ нимъ на охоту, помогаютъ мастерить разныя вещи и т. п., а дѣвочки переходятъ въ полное вѣдѣніе матери, которой помогаютъ шить, стряпать, убирать по хозяйству и прочее. Ставши взрослыми, дѣти пользуются полной свободой: никто ихъ ни въ чемъ не стѣсняетъ. Свобода эта простирается и на отношенія половъ среди молодежи: такъ, если дѣвушка родитъ до замужества, то обстоятельство это не навлекаетъ на нее никакихъ особенныхъ нареканій; только родители ея немного пожурятъ ее, да и то главнымъ образомъ потому,

что это уменьшаетъ цѣну калыма. Ребенокъ же ея принимается въ семьѣ матери и воспитывается наравнѣ со всѣми прочими дѣтьми; происхождение его не считается унизительнымъ. У эсеейскихъ якутовъ, по старинному обычаю, такія добрачныя дѣти незамужней женщины, если они мальчики, за исключеніемъ самаго младшаго, принадлежатъ къ наслегу ихъ матери; если такая женщина выходитъ замужъ за якута другого наслега, то дѣти остаются въ ея наслегѣ, какъ будущіе члены его.

Вообще инородцы и въ семейной жизни отличаются нѣкоторой легкостью нравовъ и смотрятъ сквозь пальцы на мимолетныя измѣны мужей и женъ своимъ супружескимъ обязанностямъ. Однако эту относительную свободу отношеній ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ развращенностью. При всей этой свободѣ бываютъ, конечно, и случаи семейныхъ сценъ и потасовокъ между супругами, но они легко и скоро забываются.

Общественный внутренній строй зиждется на началахъ самоуправленія и общаго пользованія, какъ землей, такъ и рыбными и охотничьими мѣстами. Управляются инородцы внутри рода или наслега своими выборными князьями и старшинами, соответствующими нашимъ волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ. Въ каждомъ родѣ или наслегѣ имѣется одинъ князь и двое или трое старшинъ, въ качествѣ его помощниковъ. Всѣ эти власти избираются на три года и служатъ безвозмездно; на обязанности ихъ лежитъ вершить судъ и расправу, собирать ясакъ, сносятся съ русскими властями и т. п. Въ качествѣ исполнительныхъ органовъ назначаются нѣсколько десятскихъ, состоящихъ на жалованьи и отправляющихъ полицейскія функціи. Десятскіе у инородцевъ служатъ обществу. Всѣ крупныя общественныя дѣла рѣшаются на годичныхъ собраніяхъ, происходящихъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ. Никакихъ административныхъ и судебныхъ каръ и наказаній за преступленія у инородцевъ почти не существуетъ, такъ какъ сами преступленія чрезвычайно рѣдки. Прежде въ какихъ-нибудь экстраординарныхъ случаяхъ практиковались веревка—въ качествѣ мѣры предупрежденія, и розги, какъ мѣра пресѣченія и кары. У тунгусовъ употреблялась еще

такъ называемая колодка. Она представляла довольно толстый обрубокъ дерева, въ аршинъ съ небольшимъ длиной, снабженный на одномъ концѣ вырѣзомъ, для надѣванія на шею. На серединѣ обрубокъ имѣлъ прорѣзъ для просовыванія рукъ, а нижній конецъ его снабжался также небольшимъ отверстіемъ, къ которому притягивались веревкой ноги. Колодка надѣвалась на шею и у затылка заклинивалась; также заклинивалось и среднее отверстіе, зажимая тѣмъ просунутыя руки. Человѣкъ въ колодкѣ долженъ находиться все время въ согнутомъ сидячемъ положеніи. Такой пыткѣ подвергали или буяновъ для усмиренія, или лицъ, не сознающихъ въ предполагаемыхъ преступленіяхъ. Держали человѣка въ такомъ положеніи отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ сутокъ. Теперь все это отошло уже въ область преданій. Отъ русскихъ властей пришло распоряженіе сажать виновныхъ въ тюрьмы, вмѣсто розогъ и веревокъ, но такихъ учрежденій пока у инородцевъ нѣтъ. Только на оз. Ессеѣ имѣется одна тюрьма, устроенная лѣтъ за пять до нашего пріѣзда на это озеро, но и она еще не была кончена вполне, такъ какъ не было особенной надобности къ ней. Она представляетъ небольшой срубъ, раздѣленный капитальной стѣной на двѣ половины; одна изъ нихъ снабжена: дверью, окномъ, маленькимъ камелькомъ, деревяннымъ поломъ и скамьей; другая—также съ поломъ, но темна, безъ всякой мебели и раздѣлена на двѣ отдѣльныя клѣтушки, съ дверьми, выходящими въ первую половину. Клѣтушки эти и являются собственно спальней, тогда какъ первая служитъ помещеніемъ для сторожа.

Гольцы и моховища, озера и рѣки у инородцевъ находятся въ общемъ владѣніи; тутъ нѣтъ мѣста, о которомъ тотъ или иной кочевникъ могъ бы сказать—это мое, а это твое. Каждый кочуетъ, охотится и живетъ тамъ, гдѣ это кажется ему наиболее удобнымъ. И если инородцы не сваливаются въ одномъ мѣстѣ, то потому лишь, что это вызвало бы ненужныя неурядицы. Въ своемъ родѣ собственностью считаются районы, гдѣ стоятъ пасты того или иного лица. Тутъ уже никто, кромѣ владѣльца пастей, не можетъ охотиться на пушного звѣря. Добывать дикаго оленя въ такихъ участкахъ однако не возбраняется,

такъ какъ онъ считается звѣремъ бродячимъ, не связаннымъ ни съ какимъ райономъ.

Интересенъ у тунгусовъ обычай мѣны. Мѣнять равноцѣнности считается празднымъ занятіемъ: это скорѣй купля-продажа. Мѣна у нихъ—это своеобразный способъ помощи бѣдному собрату. Если, напр., тунгусъ, обладающій плохимъ предметомъ или оленемъ, обращается къ другому съ предложеніемъ помѣняться такимъ же предметомъ или оленемъ, то другой, обладатель хорошаго, не можетъ отказать отъ мѣны, не рискуя прослыть дурнымъ и скупымъ человѣкомъ. Только вещи или олени, завѣтные почему-либо, въ качествѣ родительскаго счастливаго подарка, или родительской посмертной памятки, не подлежатъ мѣнѣ. У тѣхъ же тунгусовъ существуетъ обычай, по которому осматривающій свои пасти, если случится при этомъ осмотрѣ другой человѣкъ, долженъ отдать этому послѣднему первую по времени добычу даннаго осмотра; несоблюденіе этого обычая считается равносильнымъ непризнаванію присутствующаго за человѣка, т. е. тяжкимъ оскорбленіемъ.

Религіозныя вѣрованія инородцевъ, несмотря на то, что всѣ они теперь хрістіане, представляютъ много самобытнаго. Инородецъ знаетъ, что при женитьбѣ нужно вѣнчаться, при смерти—отпѣвать, при рожденіи—крестить; знаетъ онъ, что нужно каждый годъ поститься, придя въ церковь—молиться, креститься передъ иконами и т. п. Отлично извѣстно ему, наконецъ, что за каждую потребу нужно давать священнику маду. Все это инородецъ знаетъ хорошо, но знакомство его съ хрістіанскою религіею этимъ и ограничивается. Миссіонеры, въ погонѣ за пушшиной и мѣхами, не сумѣли внушить своей новой паствѣ ничего о сущности и основахъ той религіи, которую они насаждали. Слышали что-то инородцы о томъ, что есть Богъ, Спаситель, Богородица, Никола и др., но всѣ эти божества и святые или отождествились въ ихъ сознаніи съ понятіями болѣе древняго и имъ роднаго шаманскаго культа, или же скользнули по ихъ сознанію, не оставивъ въ немъ ничего, не вылившись ни въ какіе опредѣленные образы. Нѣтъ поэтому ничего страннаго, что въ инородческомъ мировоззрѣніи ничто не измѣнилось съ принятіемъ хрістіанства, и что хрістіанство и язычество от-

лично уживаются бокъ о бокъ другъ съ другомъ. Какъ были инородцы шаманистами, такъ и остались ими и, если и ново что-нибудь для нихъ въ этомъ отношеніи, такъ это лишь развѣ то, что явный прежде шаманизмъ смѣнился тайнымъ и, что вслѣдствіе преслѣдованія духовенства, шаманы принуждены скрывать теперь свою дѣятельность.

Насколько удалось узнать, сущность шаманства одинакова у всѣхъ встрѣченныхъ нами инородцевъ этого края. Есть, можетъ быть, разница въ нѣкоторыхъ деталяхъ, но это намъ осталось неизвѣстно. Болѣе знакомо намъ шаманство у встрѣченныхъ нами якутовъ и долганъ; поэтому въ дальнѣйшемъ мы будемъ главнымъ образомъ говорить о совершенно одинаковыхъ долгано-якутскихъ вѣрованіяхъ.

Міръ, вселенная, состоитъ изъ трехъ частей: верхній міръ, состоящій изъ девяти небесъ, средній міръ, т. е. земная поверхность и, наконецъ, подземный міръ, состоящій также изъ нѣсколькихъ частей, количество которыхъ не всѣми считается одинаково. Средній міръ населяетъ самъ человѣкъ, а остальные міры, сообразно благоприятнымъ и не благоприятнымъ для человѣка явленіямъ природы, обитаемы: верхній міръ—духами доброжелательными ему, духами свѣта, а подземный міръ—духами враждебными ему, духами тьмы. Послѣдніе, впрочемъ, обитаютъ частью и въ среднемъ мірѣ, а также на облакахъ и на нѣкоторыхъ изъ небесъ.

Глава духовъ свѣта «А́ы То́юв», является творцомъ міра и людей. Онъ создалъ природу, животныхъ и человѣка и послѣ этого уже не вмѣшивается въ жизнь всего созданнаго имъ и, живя самъ на девятомъ небѣ, только въ исключительныхъ случаяхъ, когда люди сами обратятся къ нему за помощью, посылаетъ ее имъ черезъ своихъ подвластныхъ духовъ, или черезъ шамановъ. Духи тьмы также имѣютъ своего главу, старика «Арсан Дуолаі», который олицетворяетъ какъ бы все злое и враждебное для человѣка, сконцентрированное въ одномъ образѣ. Подвластные ему духи рыскаютъ по среднему міру и сбѣютъ съ его вѣдома и одобренія всякія болѣзни и несчастія между людьми. Кромѣ этихъ двухъ категорій духовъ, есть еще одна категорія духовъ, почти независимыхъ отъ духовъ

первыхъ, и, смотря по обстоятельствамъ, являющихся для человѣка доброжелательными или враждебными; благосклонность ихъ человѣку приходится завоевывать разными жертвами, подарками и выраженіемъ своего уваженія и почтенія. Это духи каждаго предмета: вещи, горы, лѣса, рѣки и прочаго. У самого человѣка имѣется также душа, хотя и нѣсколько отличающаяся отъ того понятія, которое у насъ связывается съ этимъ словомъ. Природа этой души («Кут», какъ его называютъ) еще почти совсѣмъ не изслѣдована. Одинъ Трошанскій въ своемъ трудѣ — «Эволюція черной вѣры у якутовъ» — попытался освѣтить до нѣкоторой степени это темное и смутное понятіе, но и онъ намѣтилъ только тотъ путь, по которому должны пойти изслѣдователи. Какъ намъ удалось слышать, душа человѣка состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, матеріальныхъ и не матеріальныхъ, изъ которыхъ первые со смертью человѣка, повидимому, уничтожаются, а вторые продолжаютъ существовать.

Такъ какъ обыкновенные люди сами по себѣ не могутъ непосредственно сноситься съ духами, обращаться за помощью къ однимъ изъ нихъ или вести борьбу съ другими, то при созданіи людей, въ качествѣ посредника между ними и духами, «Ажы Тојон», создалъ и шамана, котораго научилъ затѣмъ, какъ нужно дѣйствовать на пользу человѣку, и надѣлилъ сверхестественными способностями. Всѣ же послѣдующіе шаманы призываются каждый къ своему служенію отдѣльно и надѣляются шаманскими способностями во время сильной болѣзни, при своемъ призваніи. Шаманъ — собственно посредникъ между людьми и духами, истолкователь воли духовъ; одновременно: жрецъ, врачъ и прорицатель.

Необходимыми камлальными предметами шамана являются бахромчатый кожаный или ровдужный костюмъ, увѣшанный разными желѣзными фигурками, изображающими подвластныхъ ему духовъ, и металлическими же подвѣсками для шума и лязга, бубень, обтянутый кожей дикаго оленя, палочка къ нему, съ одной стороны обтянутая оленьимъ камусомъ, ровдужная полуперчатка, жгутообразная пестрая веревка, подвѣшиваемая къ потолку и палочка съ подвѣсками изъ амулетовъ. Одѣвшись въ свой

костюмъ и вооружившись всѣми своими атрибутами, шаманъ камлаетъ обыкновенно у больного, чтобы изгнать изъ него враждебнаго духа, причиняющаго болѣзнь. Самое камланіе состоитъ въ томъ, что, выбивая на своемъ бубнѣ разнообразную дробь, шаманъ скачетъ, прыгаетъ, вертится и дѣлаетъ всевозможныя движенія, изображая борьбу, бѣду, нырянье въ водѣ и т. п.; сопровождается все это заклинаніями, благопожеланіями, равными звукоподражаніями, выкрикиваніями и свистомъ. Сбившіеся и растрепавшіеся волосы, неестественно возбужденное лицо, съ горящимъ лихорадочнымъ взглядомъ исподлобья и хриплый или пронзительный голосъ, въ связи со всѣми его дѣйствіями, производятъ на присутствующихъ сильное впечатлѣніе, способствующее упроченію авторитета и вліянія шамана.

Извлеченіе изъ больного враждебнаго духа можетъ произойти двоякимъ путемъ: или путемъ добровольнаго соглашенія между шаманомъ и духомъ, или же путемъ насильнаго удаленія, если послѣдній въ соглашеніе не вступаетъ. Въ первомъ случаѣ шаманъ отдаетъ духу, въ замѣнъ больного, сдѣланное до камланія деревянное изображеніе оленя, иногда съ такимъ же сѣдломъ; во второмъ же случаѣ онъ извлеченнаго изъ больного духа заключаетъ въ деревянную рыбу, обыкновенно тайменя или осетра, изображающую подчиненнаго ему духа, откуда заключенный не можетъ вырваться. Послѣ этого шаманъ отправляетъ изгнаннаго тѣмъ или инымъ способомъ духа въ мѣста его обитанія, преимущественно въ подземный міръ, причемъ сопровождаетъ его самъ, чтобы тотъ не вернулся какъ-нибудь обратно. При возвращеніи изъ этого путешествія онъ кладетъ на мѣстѣ выхода изъ подземнаго міра, на такъ называемой проруби духовъ, изображеніе двухъ рыбъ, сросшихся хвостами и съ отверстіемъ между ними, причемъ отверстіе это закладываетъ третьей рыбой, что означаетъ, что онъ загородилъ доступъ въ средній міръ отправленному духу, приставивъ къ проходу своихъ духовъ. Непосредственно за этимъ онъ ищетъ потерявшуюся во время болѣзни челоуѣка его душу, которую находитъ обыкновенно у какого-нибудь враждебнаго духа, перехватившаго ее во время блужданія по свѣту, въ по-

искалъ надежнаго пристанища. Отобравъ эту душу, шаманъ не отдастъ ее больному, такъ какъ она можетъ опять исчезнуть, да кромѣ того она сама оказывается больной, и требуется лѣчить ее. Поэтому онъ долженъ доставить ее къ «Ажы-Тојон'у» и оставить ее тамъ на священномъ деревѣ, выращенномъ Творцомъ при созданіи перваго шамана, гдѣ могутъ водиться съ ней дѣти «Ажы-Тојон'а». На пути этомъ имѣется 8 мѣстъ остановокъ, населенныхъ духами свѣта въ видѣ птицъ и людей. Станки изображаются въ видѣ шестовъ, съ насаженными на нихъ досками и птицами. На каждой остановкѣ шаманъ угощаетъ духовъ станка оленьимъ молокомъ, наливаемымъ въ деревянные бокальчики. Останавливается онъ только на первыхъ трехъ станкахъ, считающихся трудными. Съ мѣста девятой остановки онъ возвращается обратно, считая дѣло свое сдѣланнымъ.

При камланіяхъ надъ психическими болѣзнями, шаманъ отправляетъ извлеченнаго духа не въ подземный міръ, а вверхъ, такъ какъ тотъ обитаетъ на облакахъ.

Часто при камланіи приносится въ жертву верхнему духу—вселившемуся въ человѣка—олень. Это жертвенное животное потомъ закалывается, туша его частью съѣдается небрегающей жертвеннымъ мясомъ публикой, частью отдается шаману, а шкура его съ рогами, копытами и сухожиліями набрасывается на сдѣланную въ видѣ лошади палку и вмѣстѣ съ послѣдней насаживается на верхушку какого-нибудь высокаго дерева въ лѣсу, у котораго затѣмъ обрубаются всѣ сучья. Такая жертва называется «кярэхъ». Всѣ употребленныя при камланіи деревянные изображенія выносятся затѣмъ въ лѣсъ, или тундру, гдѣ и остаются.

Въ связи съ шаманистскимъ міросозерцаніемъ стоятъ слѣдующіе обычаи. Среди ессейскихъ якутовъ пришлось видѣть деревянный предметъ въ видѣ человѣка, который называется «асаканъ». Употребляется онъ для исправленія ружья, которое перестало хорошо бить. Для этого, поставивъ его съ раздвинутыми ногами на землю, охотникъ трижды проходитъ со своимъ ружьемъ подъ его ногами, приговаривая: «дѣдка обернись, нечистоты мои очисти». Точно также поправляютъ они и сѣти, въ которую пере-

стала ловиться рыба, для чего употребляется совершенно такой же предмет, только меньших размѣровъ, называемый «чичипка». Первый предметъ изображаетъ духа охотничьихъ мѣстъ, а второй—духа рыбнаго озера. Тунгусы ставятъ также гдѣ-нибудь на гольцахъ деревянное изображеніе духа-хозяина охоты, дѣлаемое въ видѣ чело-вѣка, звѣря, птицы или рыбы, сообразно тому, какъ каждый представляетъ его себѣ. На такое изображеніе вѣшаютъ въ даръ лоскутокъ тряпки, мѣха, какой-нибудь предметъ и т. п.

Что касается погребальныхъ обрядовъ и способовъ погребенія у инородцевъ, то въ настоящее время мертвые хоронятся уже согласно христіанскимъ обычаямъ. Но до недавняго времени ихъ хоронили по своимъ языческимъ обычаямъ, къ сожалѣнію, очень мало извѣстнымъ.

По смерти какого-нибудь члена семьи, родственники покойнаго закалываютъ оленя и угощаютъ имъ присутствующихъ. Увозятъ покойника къ мѣсту его могилы на санкахъ, запряженныхъ оленями, причемъ, какъ санки, такъ и платье, подложенное подъ него на санки, бросаются тутъ же. Прежде закалывались и олени, привезшіе его. Клади также раньше вмѣстѣ съ покойникомъ и разныя вещи его, какъ-то: ножъ, трубку, чашку, ложку, лукъ и т. п. Все это кладось предварительно приведенное въ негодное состояніе.

Могилы встрѣчаются трехъ типовъ: подземныя, наземныя и надземныя, или висячіе гроба. Въ перваго типа могилахъ гробъ, сколоченный изъ досокъ или выдолбленный изъ бревна, опускается въ неглубокую яму, выкопанную съ большимъ трудомъ въ мерзлой почвѣ. Могила затѣмъ засыпается землей, а на верху ставится какой-нибудь деревянный памятникъ въ видѣ ступенчатой пирамидки, коробки съ двускатной крышей, или же просто обрубка бревна, увѣнчаннаго крестомъ. Каждый памятникъ снабжается большимъ или малымъ деревяннымъ крестомъ.

Въ наземной могилѣ яма не выкапывается. Трупъ здѣсь кладется на поверхности земли, на досчатый настилъ, а вокругъ него кладется невысокій, продолговатый срубъ, покрытый сверху двускатной крышей, съ гребнемъ, украшеннымъ ажурной рѣзьбой, или просто увѣнчаннымъ

по концамъ изображеніями птицъ, или лошадиныхъ головъ. Нѣкоторыя изъ могилъ этого типа снабжаются крестами; старыя же большей частью безъ нихъ.

Иной типъ представляетъ могила надземная, или висячій гробъ, гдѣ самый гробъ съ трупомъ, какъ показываетъ названіе, помѣщался надъ землей. На двухъ или трехъ пняхъ, или столбахъ, на высотѣ 2—3 четвертей отъ земли, устанавливали на перекладинахъ гробъ изъ толстыхъ плитъ, въ видѣ ящика, и зацемяляли ихъ, словно обручами, поперечными перекладинами. Иногда такіе гроба ставились на высотѣ человѣческаго роста.

Оригинальны по своей простотѣ дѣтскіе висячіе гроба. Они представляютъ короткій обрубокъ бревна, расколотый на двѣ половинки и потомъ выдолбленный внутри. Такой гробъ, съ положеннымъ въ него трупомъ, насаживался на два кола, вбитыхъ въ землю. Иногда ихъ дѣлали еще проще: брали приблизительно на высотѣ 1 метра простое древесную гнилушку, съ совершенно выгнившей сердцевиной, куда вкладывали трупикъ и затѣмъ заклепывали по концамъ. что представляло гробъ, утверждавшійся затѣмъ также на двухъ колахъ.

Нѣсколько отличается отъ обычныхъ надземныхъ могилъ висячій гробъ шамана, но разница здѣсь въ сущности только въ деталяхъ, безъ измѣненія самаго типа. Такъ, онъ снабжается большимъ количествомъ зажимающихъ гробъ шестовъ, причеиъ на шести насаживаются деревянные птицы. Гробница обносится оградкой, столбы которой также увѣнчаны вверху птицами. Къ гробницѣ прислоняются длинные шесты, съ повѣшенными на нихъ мѣхами. Около ставятся изображенія шаманскихъ духовъ—звѣря и рыбы. Трупъ кладется во внутренней, долбленый гробъ. Последнее встрѣчается не въ однѣхъ шаманскихъ могилахъ, а и въ обыкновенныхъ, если похороненъ богатый и знатный человѣкъ.

Висячіе гроба теперь уже не дѣлаются болѣе, равно какъ выводятся и могилы наземныя, являющіяся переходной ступенью къ современнымъ подземнымъ, появившимся съ введеніемъ христіанства.

Живя въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ и общеніи, часто

смѣшиваясь между собой, посредствомъ браковъ и внѣбрачныхъ связей, всё эти инородцы должны неизбежно ассимилироваться, что и замѣчается въ дѣйствительности въ Туруханскомъ краѣ. Ассимиляція эта выражается тамъ въ формѣ сильной якутизации, въ видѣ усвоенія тунгусами, долганами и даже русскими культурныхъ достояній болѣе сильной, чѣмъ они, якутской народности. Процессъ этотъ надвигается постепенно на инородцевъ этого края двумя путями: черезъ низовье Анабара, отъ якутовъ ленскихъ, оленекскихъ и анабарскихъ и черезъ верховье рѣки Вилюя, гдѣ тунгусы соприкасаются съ якутами Вилюйского округа. Вліяютъ, наконецъ, на окружныхъ илимпейскихъ тунгусовъ и ессейскіе якуты, съ виду сильно отунгусившіеся, въ дѣйствительности же это является лишь приспособленіемъ къ мѣстнымъ условіямъ.

Существуетъ мнѣніе, что тунгусы народъ вырождающійся. По отношенію къ разсматриваемымъ здѣсь инородцамъ, такое мнѣніе нужно считать неправильнымъ.

Въ общемъ болѣзни на сѣверѣ не такъ часты, и инородческое населеніе должно быть признано здоровымъ; это видно и изъ прироста населенія: оно растетъ количественно быстро. Такъ, напр., по даннымъ переписи 1897 года, количество илимпейскихъ тунгусовъ увеличилось со времени 10-й ревизіи въ 1859 г. безъ малаго вдвое. Во время ярмарки этихъ тунгусовъ на оз. Яконгдѣ, намъ удалось собрать между прочимъ, путемъ опроса, данныя о рождаемости и смертности у 22 семей, и цифры получились очень любопытныя. Всѣхъ дѣтей у этихъ семей за все время ихъ существованія родилось 128 человѣкъ, и изъ нихъ умерло только 27 человѣкъ, остальные же 101 человѣкъ (57 м. п. и 44 ж. п.) остались живы и здоровы. Самихъ родителей въ этихъ семьяхъ умерло только 8 человѣкъ при 40 живыхъ и одномъ, о которомъ нѣтъ свѣдѣній. Цифры довольно краснорѣчивыя.

Литература по этнографіи Туруханскаго края.

- Бривошакинъ. «Енисейскій округъ и его жизнь». Спб. 1865 г.
Миддендорфъ, А. «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибіри».
Р. Милль. «Вилюйскій округъ Якутской области». Ч. II и III. Спб. 1886 и 1887 гг.

Харитонъ Лаптевъ. «Описание, содержащее отъ флота лейтенанта Харитона Лаптева, въ Камчатской экспедиціи, межъ рѣками Лены и Енисея, въ какомъ состояніи лежатъ рѣки и на нихъ всѣхъ живущихъ промышленниковъ состояніе». Зап. Гидр. Департ. IX, 1851 г.

П. Третьяковъ. «Туруханскій край, его природа и жизнь». Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. II, 1869 г.

В. Трошанскій. «Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ». Казань, 1902 г.

В. Сѣрошевскій. «Якуты». Спб. 1896 г.

В. Михайловскій. «Шаманство». Изв. Имп. Общ. люб. естеств., антроп. и этногр. LXXV, вып. I. Москва, 1892 г.

С. Патачновъ. «Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири». Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XXXI, ч. I, в. 1 и 2. 1906 г.

П. Островскихъ. «Поездка на оз. Ессей». Извлечение изъ доклада П. Е. Островскихъ, читаннаго въ засѣданіи Красноярскаго подьотдѣла В. С. О. И. Геогр. Общ. 28 января 1903 г.

Успенскій. «Поездка о. миссіонера Суслова къ оз. Ессею». Енис. Епарх. Вѣд. I, 1884.

И. Сусловъ. «Озеро Ессей». Енис. Епарх. Вѣд. 1884 г.

«Памятная книжка катехизатора Дудинскаго и Хатангскаго приходовъ іеромонаха Макарія за 1904 годъ». (Рукопись).

В. Н. Васильевъ.

Нѣсколько новыхъ случаевъ перерыва центральной или Роландовой борозды.

Посвящается памяти
проф. И. П. Мерзеевскаго.

Роландова или центральная борозда, благодаря открытію въ непосредственномъ ея сосѣдствѣ психомоторныхъ центровъ и особенно центра рѣчи, сыгравшая, какъ извѣстно, видную роль въ экспериментальной физиологіи, а также въ клиникѣ и патологической анатоміи центральной нервной системы для установленія ученія о локализацияхъ, -- представляетъ одну изъ бороздъ, характеризующихъ головной мозгъ того типа, которымъ обладаютъ, кромѣ человѣка, лишь самые высшіе представители животнаго міра, именно, нѣкоторые обезьяны (особенно приматы). Исторія развитія показываетъ, что, хотя Роландова борозда и начинается формироваться уже послѣ того, какъ на гладкомъ вначалѣ, лиссенцефальномъ мозгѣ человѣческаго зародыша появились постоянныя (первобытныя) борозды (*Sulci primitivi s. permanentes s. totales*), каковы — *fiss. Sylvii, calcarina, parieto-occipitalis, hippocampi, chorioidea*, развивающіяся до 6—7 мѣсяца внутриутробной жизни человѣка, и, хотя Роландова борозда не представляетъ собою столь глубокой складки сѣраго мозгового плаща (*pallium*), какъ вышечисленныя первобытныя борозды, процессъ развитія которыхъ сказывается уже на стѣнкахъ центральной мозговой полости т. е. желудочковъ прогибами, выступами и пр., — тѣмъ не менѣе она относится къ числу наиболѣе рано (на 6-мъ до 8-го мѣсяца утробной жизни) появляющихся, наиболѣе постоянныхъ и почти столь же мало и рѣдко варьирующихъ бороздъ, какъ и первобытныя.

Постоянство Роландовой борозды выражается главнымъ образомъ въ томъ, что на всемъ своемъ протяженіи она представляется непрерывною въ громадномъ большинствѣ случаевъ. Косо протянувшись отъ начала задней, горизонтальной вѣтви Сильвие-

вой борозды, она идетъ вверхъ и назадъ по выпуклой наружной поверхности большого мозга, образуя ложе для второй изъ пяти крупнѣйшихъ вѣтвей Сильвиевой артеріи, именно, для *art. frontalis ascendens*. Благодаря своей значительной длинѣ и постоянству и особенно болѣе или менѣе поперечному на полушаріяхъ мозга положенію, рѣзко ее выдѣляющимъ среди большинства прочихъ бороздъ этой области выпуклой поверхности мозга, *sulc. Rolando* сразу же бросается въ глаза при осмотрѣ большого мозга, и съ нея изслѣдователь обыкновенно начинаетъ разбираться въ топографіи запутаннаго на первый взглядъ лабиринта бороздъ и извилинъ человѣческаго мозга.

Какъ уже было выше сказано, Роландова борозда крайне мало варьируетъ. Всѣ ея обычные варианты сводятся къ слѣдующему:

Во 1-хъ—она бываетъ то короче, то нѣсколько длиннѣе и представляется болѣе или менѣе наклоненною въ отношеніи задней горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды, съ которою она образуетъ острый уголъ; во 2-хъ — нижній ея конецъ начинается то выше, то ниже, а верхній оканчивается болѣе впереди или болѣе позади, иногда прорѣзая край полушарія у *fissura pallii s. interhemisphaerica* и заходя на внутреннюю поверхность полушарія въ области парацентральной дольки, иногда же оканчиваясь на выпуклой его поверхности, не достигнувъ большой мозговой щели (*fiss. pallii*) и, наконецъ, въ 3-хъ—на своемъ протяженіи Роландова борозда то образуетъ довольно сильные заломы (обыкновенно въ числѣ двухъ) обращенные вершиною угла впередъ, то идетъ почти совсѣмъ прямо или дугообразно, образуя слегка извилистую линію. Въ отношеніи расположенія нижняго конца Роландовой борозды слѣдуетъ замѣтить, что обыкновенно онъ помѣщается близъ края *Orenguli* въ углу между заднею горизонтальною и перпендикулярною вѣтвями Сильвиевой борозды. Отступленія однако замѣчаются весьма часто, при чемъ нижній конецъ центральной борозды въ нѣкоторыхъ, рѣдкихъ случаяхъ *), прорѣзаетъ неглубоко край *orenguli*, соединяясь съ Сильвиевой бороздой, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ не доходитъ до края *orenguli*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ иногда между нижнимъ концомъ Роландовой борозды и краемъ *orenguli*,

*) На это указываетъ Вейнбергъ.

т. е. Сильвиевой бороздой имѣется вмѣсто обычнаго *gyrus opercularis s. intercentralis inferior* цѣлая долька, на которой развиваются болѣе или менѣе значительныя вторичныя бороздки, то соединяющіяся съ Сильвиевой бороздой и носящія названіе *sulcus subcentralis anterior et inferior*, то, подобно *sulcus retrocentralis transversus*, съ нею несоединяющіяся и представляющія короткія, той или другой формы, часто Т-образныя бороздки, расположенныя на продолженіи нижняго конца Роландовой борозды, почему эта бороздка представляется какъ бы отрѣзкомъ Роландовой, отдѣленнымъ отъ остальной борозды небольшимъ горизонтальнымъ мостикомъ. Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ здѣсь нѣчто, напоминающее перерывъ въ нижнемъ концѣ центральной борозды, особенно въ случаяхъ сильнаго развитія и значительной глубины этой бороздки, что повидимому и было принято нѣкоторыми авторами, какъ напр. Féré, за перерывъ Роландовой борозды. На протяжении своемъ Роландова борозда обыкновенно не соединяется съ сосѣдними — *praecentral'ной* и *postcentral'ной* бороздами. Однако болѣе или менѣе глубокіе перерывы ограничивающихъ ее извилинъ — *gyr. centralis anter. et posterioris* — не составляютъ рѣдкости не только на мозгахъ психопатовъ-дегенерантовъ, но и на мозгахъ здоровыхъ психически людей. Когда имѣются на лицо подобные перерывы, Роландова борозда представляется снабженною отвѣтвленіями, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ принять характеръ какъ бы раздвоенія самой борозды въ верхнемъ ея концѣ, причемъ между вѣтвей такой Роландовой борозды помѣщается клиновидный участокъ мозговой коры. Семь случаевъ подобнаго рода, повидимому, не составляющихъ большой рѣдкости по крайней мѣрѣ у душевнобольныхъ, у которыхъ они наблюдались, — описаны д-ромъ А. М. Антоновскимъ *).

Что касается верхняго окончанія Роландовой борозды, то

*) А. М. Антоновскій «Нѣсколько случаевъ аномаліи Роландовой борозды». «Обозрѣніе Психіатріи», № 8. 1900 г., отд. отт. Авторъ въ своей статьѣ, къ сожалѣнію, не обмолвился ни словомъ относительно того, какъ глубоки были перерывы той или другой изъ центральныхъ извилинъ въ его семи случаяхъ бифуркаціи Роландовой борозды. Обыкновенно они не бываютъ глубоки. Повидимому, перерывъ, достигающій той же глубины, что и Роландова бороздка, встрѣчается сравнительно рѣдко. Подобный случай мнѣ недавно встрѣтился на мозгѣ одного востонца (Авг. Дееръ 27 л. Кр. Лифляндской губ., Перновскаго уѣзда), умершаго отъ брюшнаго тифа 19 ноября 1905 г. въ Общ. Св. Георгія въ Спб.

обычный его характер состоит въ томъ, что подойдя наискось, подъ острымъ открытымъ кпереди угломъ къ *fissura pallii*, Роландова борозда слегка перегибается на внутреннюю поверхность полушарія, оканчиваясь на парацентральной долькѣ тотчасъ впереди задняго окончанія *sulc. callosomarginalis*, выходящаго здѣсь въ обратномъ направленіи на наружную, выпуклую часть полушарія. Какъ извѣстно, это-то мѣсто, гдѣ близко сходятся концы Роландовой борозды и *sulc. callosomarginalis*, и служитъ опознавательнымъ пунктомъ для той и другой борозды въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не сразу удастся разобраться въ положеніи этихъ бороздъ, какъ напр., при такъ называемомъ удвоеніи Роландовой борозды, когда существуетъ рѣзко выраженная, тянущаяся поперекъ всего полушарія параллельно центральной бороздѣ, *sulc. retrocentralis*.

И въ верхнемъ окончаніи Роландовой борозды, подобно нижнему, довольно часто наблюдаются варианты, причѣмъ иногда конецъ этой борозды не доходить до *fissura pallii*. Въ другихъ случаяхъ верхній конецъ центральной борозды не только не доходить до *fiss. pallii*, но и вообще идетъ менѣе косо, иногда почти перпендикулярно къ *fiss. interhemisphaerica* и къ краю полушарія. Случается при этомъ, что Роландова борозда оканчивается небольшою развилинкою, причѣмъ съ внутренней стороны полушарія до края его можетъ подняться вѣточка *sulc. paracentralis*, иногда же къ этому мѣсту можетъ подойти вилкообразное отвѣтвленіе верхняго конца *s. callosomarginalis*. Рѣдко наблюдается переходъ верхняго конца *sulci Rolandici* въ межтемянную борозду, какъ это констатировано Broca на одномъ мозгѣ съ частичною впрочемъ атрофіею *). Всѣ эти видоизмѣненія въ окончаніи Роландовой борозды вызываютъ большее или меньшее усложненіе и удлиненіегибающей верхній ея конецъ переходной складки — *gyr. frontoparietalis s. intercentralis superior* по Вейнбергу.

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ выше указаній на варианты въ устройствѣ Роландовой борозды видно, что въ общемъ они весьма мало мѣняютъ строеніе центральной области полушарій большого мозга, обусловливаемое очень характернымъ положеніемъ и общимъ устройствомъ этой борозды, придающей большому мозгу человѣка и высшихъ обезьянъ ихъ типичный

*) См. Протоколы «Общества Психіатровъ» въ Спб. за 1894 г., стр. 9.

видъ, помимо, разумѣется, соотношеній различныхъ частей всего головного мозга. Насколько существованію Роландовой борозды большой мозгъ человѣка обязанъ своей типичностью, можно убѣдиться изъ случаевъ крайне рѣдко наблюдавагоса отсутствія этой борозды (случай Tenchini ¹⁾), вслѣдствіе чего большой мозгъ терялъ свой характерный видъ и приобреталъ какъ-бы нѣкоторое сходство съ мозгомъ животныхъ болѣе низкаго типа. Повидимому, есть основаніе утверждать, что отсутствіе Роландовой борозды находится въ связи съ значительнымъ извращеніемъ условій развитія большого мозга, такъ какъ это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что такая аномалія наблюдалась у врожденныхъ идиотовъ-эпилептиковъ, т. е. субъектовъ съ рѣзко нарушенными психическими и физиологическими функціями большого мозга.

Установленная огромной массой наблюденій незначительная склонность къ варіаціи Роландовой борозды, обыкновенно проявляющаяся въ незначительныхъ видозмѣненіяхъ и то лишь второстепеннаго характера, причемъ сама борозда все-таки обыкновенно остается непрерывною, послужила основаніемъ тому, что Роландова борозда считалась нѣкоторое время абсолютно постоянною.

Только со времени R. Wagner'a, описавшаго въ 1862 году мозгъ извѣстнаго клинициста проф. Fuchs'a, на которомъ былъ найденъ полный перерывъ лѣвой центральной борозды въ верхнемъ ея отрѣзкѣ ²⁾), установившееся мнѣніе относительно абсолютнаго постоянства, непрерывности Роландовой борозды было поколеблено, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшія наблюденія и изслѣдованія Роландовой борозды показали, что такіе перерывы ея хотя и не часто, но все же по временамъ встрѣчаются.

Далѣе выяснилось и происхожденіе этихъ перерывовъ, такъ какъ изъ исторіи развитія Роландовой борозды стало извѣстно, что она произошла изъ двухъ обособленныхъ частей, впослѣдствіи лишь сливающихся въ одну непрерывную борозду,

¹⁾ Tenchini. «Sopra alcune varietà della scissura Rolando dell'encefalo umano ed in specie di una assai singolare trovata nel cervello di donna demente Rivista sperimentale di freniatria etc.». 1863, II & III, p. 193.

²⁾ Rud. Wagner «Studien über den Hirnbau» Abhandl. d. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen 1862». Bd. X и «Ueber die typischen Verschiedenheiten der Windungen» 1860.

какъ это впервые высказалъ Pansch ¹⁾. Heschl ²⁾, изслѣдовавъ 1087 мозговъ, показалъ, что въ такомъ происхожденіи Роландовой борозды можно убѣдиться и на мозгѣ взрослого человѣка, раздвигая края борозды; такъ какъ слѣды перемычки, дѣлящей Роландову борозду на два отрѣзка, остаются во многихъ случаяхъ и на вполне сформированномъ мозгѣ въ видѣ небольшой, скрытой въ глубинѣ Роландовой борозды извилинки, помѣченной Heschl'емъ греческой буквой α и расположенной на мѣстѣ соединенія средней трети Роландовой борозды съ ея верхней третью. Heschl называетъ подобныя извилины глубинными извилинами — Tiefenwindungen и утверждаетъ, что ихъ можно найти во всѣхъ болѣе постоянныхъ бороздахъ: въ sulc. centralis, callosomarginalis, даже parieto-occipitalis, calcarinus и др. Въ центральной бороздѣ, по наблюденіямъ означеннаго автора, перемычка достигаетъ различной степени развитія: отъ полного перерыва борозды при сильномъ развитіи извилинки α и до самаго незначительнаго порога на днѣ Роландовой борозды, когда эта извилинка имѣетъ видъ двухъ выступовъ или, согласно образному выраженію Gratiolet, контрфорсовъ, своей подошвой упирающихся другъ возлѣ друга въ дно Роландовой борозды и большею частью вовсе незамѣтныхъ или весьма мало на поверхности мозга у гребня извилинъ, такъ какъ они выступаютъ болѣе или менѣе рѣзко лишь при ихъ основаніи.

Нельзя не упомянуть, что по наблюденіямъ проф. Р. Вейнберга ³⁾ глубокой мостикъ можетъ также и вовсе отсутствовать на мозгѣ взрослого человѣка, а по Retzius'у ⁴⁾ и у зародыша, слѣдовательно при самой закладкѣ центральныхъ извилинъ.

Хотя признано, какъ сказано было въ началѣ статьи, что Роландова или центральная борозда представляетъ характерную особенность мозга того типа, который свойственъ человѣку и высшимъ обезьянамъ, особенно же антропиднымъ,

¹⁾ Pansch «Die Furchen und Wülste am Grosshirn des Menschen». 1879, s. 13.

²⁾ Heschl. «Die Tiefenwindungen des menschlichen Gehirns und die Ueberbrückung der Zentralfurche» Wiener medicinische Wochenschrift. 1877, № 41, s. 986.

³⁾ Д-ръ Р. Вейнбергъ «Къ анатоміи перерывовъ Роландовой борозды». Отд. отт. изъ Протоколовъ Общества Естественныхъ Испытателей при Имп. Юрьев. Универс., т. XIII, вып. I, стр. 133, 1902 г.

⁴⁾ G. Retzius «Das Menschenhirn» Stockholm, 1896, цит. по Вейнбергу.

тѣмъ не менѣ нельзя не обратить вниманія на интересный сравнительно - анатомическій фактъ, что гомологъ Роландовой борозды существуетъ также на переднемъ мозгѣ и нѣкоторыхъ другихъ млекопитающихъ, мозгъ которыхъ не лишенъ извилинъ, которыя, слѣдовательно, относятся къ *Gyrencephala*. Pansch ¹⁾ въ своей работѣ о морфологiи извилинъ передняго или большого мозга у млекопитающихъ, указываетъ на переднюю дугообразную часть верхней продольной борозды (*vorderer bogenförmiger Theil der oberen longitudinalen Hauptfurche*), соответствующей *Coronal fissure* Owen'a, какъ на гомологъ Роландовой борозды. Другіе авторы (*Edinger* ²⁾) считаютъ *sulcus cruciatus*, особенно хорошо развитую у хищныхъ животныхъ, аналогичною центральной бороздѣ у человѣка. Проф. Вейнбергъ ³⁾ высказалъ предположеніе, что гомологомъ центральной борозды можно считать *sulc. praesylyvius* Krueg'a + *sulc. cruciatus* Leuret, которыя сильно развиты, какъ сказано было уже выше, и близко другъ къ другу расположены на мозгѣ хищныхъ млекопитающихъ. Flatau и Jacobsohn ⁴⁾ въ своемъ обширномъ трудѣ, посвященномъ морфологiи бороздъ и извилинъ большого мозга у представителей различныхъ отрядовъ млекопитающихъ, даютъ названіе *gyri centralis post. и anterioris* на мозгѣ собаки извилинамъ, лежащимъ по обѣ стороны *fiss. cruciata*, признавая за ними, очевидно, значеніе гомологовъ центральныхъ извилинъ у человѣка и высшихъ обезьянъ, особенно приматовъ, на мозгѣ которыхъ центральныя извилины превосходно выражены, какъ это видно на изображеніяхъ мозга шимпанзе и орангъ-утанга, приведенныхъ въ вышеозначенномъ сочиненіи *).

¹⁾ Pansch. «Beiträge zur Morphologie des Grosshirns der Säugethiere 1879.

²⁾ Edinger «Лекціи о строеніи органовъ центральной нервной системы человѣка и животныхъ», русск. перев. подъ ред. Даркшевича 1894 г.

³⁾ R. Weinberg «Die Intercentralbrücke der Carnivoren und der Sulc. Rolandi» Abdruck aus dem Anatomischen Anzeiger XXII, № 13, 1902.

⁴⁾ Flatau und Jacobsohn. «Handbuch der Anatomie und Vergleichenden Anatomie des Centralnervensystems der Säugethiere. I Macroscopischer Theil. 1899 j. s. 235.

* Не лишено интереса слѣдующее профессоромъ Вейнбергомъ («къ Анатоміи перерывовъ Роландовой борозды», стр. 164) сопоставленіе (которое, впрочемъ, самъ авторъ его въослѣдствіи призналъ недостаточно обоснованнымъ) между мостикомъ, прерывающимъ Роландову борозду въ ея верхней трети у человѣка и извиною, находящеюся между концами *fiss. cruciata* и *sulc. praesylyvius* у хищныхъ животныхъ: если считать *fiss. cruciata* вмѣстѣ съ *sulc. praesylyvius*, какъ продолженіемъ первой, гомологомъ Роландовой борозды, то переходная извилина между частями мозговой коры, лежащими

Данныя физиологіи, повидимому, подтверждают то мнѣніе, что гомологомъ центральныхъ извилинъ человѣка и обезьянъ слѣдуетъ считать на мозгѣ хищныхъ животныхъ по крайней мѣрѣ именно части мозговой коры, прилежающія къ *sulc. cruciatus*, которая по своимъ отправленіямъ, какъ область занимаемая психомоторными или двигательными корковыми центрами, аналогичны областямъ мозговой коры, расположеннымъ по обѣ стороны *sulc. Rolando*.

II.

Предпославъ краткій анатомическій и сравнительно анатомическій очеркъ Роландовой борозды и ея перерывовъ, мы перейдемъ къ имѣющимся въ литературѣ а также встрѣтившимся намъ нѣсколькимъ случаямъ перерыва Роландовой борозды. Нѣкоторое право на послѣднее намъ, кажется, даетъ во 1-хъ рѣдкость характернаго перерыва въ той формѣ, какъ онъ описанъ Wagner'омъ, Heschl'емъ, Зерновымъ, Giacomini, Вейнбергомъ и другими, подтверждаемая также и тѣмъ, что многіе анатомы ни разу его не видѣли, а во 2-хъ и то обстоя-

позади вышеозначенныхъ бороздъ у хищниковъ (*carnivora*) и частями коры, расположенными впереди нихъ, огибающая расположенные одинъ впереди другого концы *fiss. cruciatae* (нижній) и *fiss. praesylyviae* (верхній), представляетъ собою тотъ именно мостикъ, который въ рудиментарной формѣ, какъ глубинная извилина, всегда почти имѣется у человѣка и въ рѣдкихъ случаяхъ выступаетъ на поверхность мозга въ видѣ вполне развитой перемычки на границѣ верхней и средней трети Роландовой борозды. Такимъ образомъ, согласно съ высказаннымъ проф. Вейнбергомъ предположеніемъ, на мозгѣ типа хищныхъ животныхъ центральная борозда существуетъ всегда въ перерванномъ видѣ, благодаря тому, что у нихъ имѣется извилина, дѣлящая на двѣ части гомологъ центральной борозды. Впрочемъ у различныхъ представителей хищниковъ извилина, соответствующая *gyro-intercentrali medio* человѣка, какъ назвалъ эту извилину Вейнбергъ, неодинаково развита и выступаетъ болѣе или менѣе ясно въ зависимости отъ степени развитія *fiss. cruciatae* и взаимоотношенія ея и *fiss. praesylyviae*. У медвѣдя, напр., у котораго *fiss. cruciata* очень сильно (сильнѣе чѣмъ у другихъ хищниковъ) развита, интересующая насъ гомологическая *gyro intercentrali medio* переходная извилина менѣе ясно выдѣляется, чѣмъ на мозгѣ съ болѣе короткой и менѣе развитой *fissura cruciata*, какъ у собаки, кошки и др. У отр. *ластоногихъ* (напр. у *phoca vitulina*), у которыхъ верхній конецъ *fiss. praesylyviae* расположенъ позади *fissura cruciata*, переходная эта извилина еще замѣтна; но она совсѣмъ исчезаетъ на мозгахъ тѣхъ животныхъ, гдѣ сильно нарушено болѣе тѣсное взаимоотношеніе *fissurae cruciatae* и *fiss. praesylyviae*, гдѣ значительно удаляются другъ отъ друга эти борозды и тѣмъ болѣе, когда между ними находятся другія борозды, какъ это замѣчается на мозгахъ млекопитающихъ другихъ отрядовъ. Если считать изложенныя сравнительно анатомическія соображенія вполне обоснованными, существованіе на мозгѣ человѣка мостика, перерывающаго центральную борозду, представило бы проявленіе термоморфизма, наравнѣ съ мостикомъ, отдѣляющимъ иногда *fissuram parieto-occipitalem* отъ *fissura calcarina*, нормально же отсутствующимъ у человѣка и свойственнымъ мозгу обезьянъ.

тельство, что подробно описано, а тѣмъ болѣе съ фотографическими изображеніями перерыва Роландовой борозды лишь очень немного случаевъ, какъ это отмѣчено Вейнбергомъ ¹⁾.

Принимая во вниманіе, что только что упомянутый изслѣдователь уже достаточно подробно въ своей работѣ, неоднократно здѣсь цитированной и посвященной перерывамъ центральной борозды, разобралъ литературу вопроса, мы не станемъ особенно долго останавливаться на ней и лишь пополнимъ пробѣлы, замѣченные нами въ вышеприведенной работѣ по отношенію къ русской литературѣ. Такъ, проф. Р. Вейнбергъ не упоминаетъ вовсе двухъ случаевъ перерыва Роландовой борозды, описанныхъ д-ромъ Бяшковымъ въ 1886 г. ²⁾ и случая д-ра Свенторжецкаго ³⁾, о которомъ сдѣлано было сообщеніе въ засѣданіи Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ въ 1894 году, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не напечатанное, почему въ настоящей статьѣ мною дается краткое описаніе случая съ препарата, предоставленнаго д-ромъ Свенторжецкимъ въ мое распоряженіе.

Нельзя, впрочемъ, пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что вопросъ о перерывахъ центральной борозды въ литературѣ представляется нѣсколько запутаннымъ, благодаря тому, что лишь недавно достаточно выяснено различное значеніе и происхожденіе этихъ перерывовъ. Повидимому, смѣшивались перерывы Роландовой борозды такого происхожденія, какъ перерывъ въ верхней ея части, представляющій большой интересъ въ генетическомъ отношеніи, съ перерывами близъ нижняго ея окончанія. Такъ, хотя уже Heschl посвятилъ свой трудъ исключительно тѣмъ перерывамъ Роландовой борозды, которые встрѣчаются на границѣ верхней и средней трети ея, соответственно его глубинной извилинкѣ α , все же Fégé, говоря о перерывахъ въ нижней трети Роландовой борозды, рѣзко ихъ, повидимому, не выдѣляетъ отъ перерывовъ въ верхней трети борозды и вообще, какъ кажется, не придаетъ значенія мѣстоположенію самого перерыва, которое между тѣмъ, какъ выяснилось изъ работъ Heschl'a,

¹⁾ Вейнбергъ. «Къ анатоміи перерывовъ Роландовой борозды». стр. 164.

²⁾ Бяшковъ. «Два случая аномаліи Роландовой борозды». Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и неврологіи проф. Мерзеевскаго 1886 г., вып. I, стр. 83.

³⁾ Протоколы Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ за 1894 г., стр. 9.

Rapsch'a, Вейнберга, играет весьма существенную роль. Поэтому представляется весьма основательнымъ, что Вейнбергъ прямо отбрасываетъ многіе недостаточно ясно описанные случаи и даже отбираетъ лишь тѣ, гдѣ кромѣ описанія приводится также и изображеніе мозга, при описаніи котораго оно особенно необходимо, если принять во вниманіе трудность нагляднаго описанія крайне сложнаго рисунка бороздъ и извилинъ большого мозга. Такихъ, случаевъ кромѣ своего, Вейнбергъ приводитъ всего 3, а именно случаи Wagner'a, Giacomini и Зернова. Съ своей стороны мы вполне присоединяемся къ заключенію Вейнберга о непригодности по вышеприведеннымъ соображеніямъ 15 случаевъ Tenchini для нашей статистики, такъ какъ они касаются не gyrus intercentralis medius Вейнберга, а варіацій Роландовой борозды въ ея нижнемъ концѣ. Тоже можно сказать относительно по крайней мѣрѣ 1-го случая Féré изъ двухъ, описанныхъ имъ въ Arch. de physiologie normale et pathologique ¹⁾). Какъ видно изъ двухъ другихъ его статей ²⁾), касающихся тѣхъ же, отчасти по крайней мѣрѣ, случаевъ, въ первомъ изъ нихъ имѣлся соединяющій центральныя извилины мостикъ—pli de passage на границѣ верхнихъ двухъ третей Роландовой борозды съ нижней ея третью на лѣвомъ полушаріи здороваго, повидимому, психически старика. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ варіантъ Роландовой борозды съ мостикомъ въ *нижнемъ концѣ* ея. Во второмъ случаѣ у психически нормальной женщины имѣлся на обоихъ полушаріяхъ мостикъ *посрединѣ* Роландовой борозды, образовавшій съ двумя восходящими центральными извилинами букву Н, наклоненную къзади. Такимъ образомъ, второй случай представляетъ нѣчто подобное случаю, описанному Вейнбергомъ, хотя отсутствіе рисунка, крайне поверхностное описаніе и локалізація аномалии не позволяютъ сдѣлать точнаго заключенія, имѣлся ли здѣсь дѣйствительно двусторонній, подобно случаю Вейнберга, на типичномъ мѣстѣ gyrus intercentralis medius, или это было нѣчто другое. Въ цитированной уже статьѣ Féré ³⁾ имѣется кромѣ того довольно

¹⁾ Féré, l. c. p.

²⁾ Féré. «Note sur un cas d'anomalie asymmetrique du cerveau» Arch. de Neurologie» 1883. T. V, p. 59, 65 и «Anomalies du cerveau» Bulletins de la société anatomique de Paris. 1876, p. 172.

³⁾ Féré. «Note sur un cas d'anomalie asymmetrique du cerveau» l. c.

подробное описание третьяго случая съ тремя перерывами Роландовой борозды, наблюдаваемаго авторомъ на правомъ полушаріи женщины не совсѣмъ, повидимому, нормальной въ психическомъ отношеніи (она страдала атаксіей, половымъ возбужденіемъ, лесбизмомъ и алкоголизмомъ). Объ этомъ случаѣ Féré упоминаетъ въ своей статьѣ д-ръ Бяшковъ. Изъ описанія послѣдняго случая видно, что верхній конецъ Роландовой борозды здѣсь легко отыскивался, благодаря тому, что онъ прорѣзалъ парацентральную дольку посрединѣ. Верхній мостикъ—*pli de passage* находился почти тотчасъ кнаружи отъ *scissura interhemisphaerica*, гдѣ Роландова борозда прерывалась глубокою переходною складкою (*pli de passage profond*), составлявшею продолженіе верхняго конца восходящей лобной извилины, которая на этомъ уровнѣ нѣсколько уходила въ глубину. Второй и третій мостики—*plis de passage* найдены, повидимому, на типичномъ для *gyrus intercentralis medius Weinb.* мѣстѣ на уровнѣ начала второй лобной извилины, гдѣ Роландова борозда прерывалась двумя параллельными, совсѣмъ поверхностными переходными складками, ниже которыхъ центральная борозда принимала уже свое нормальное направленіе. Никакихъ патологическихъ измѣненій Féré не было найдено въ перерванной части Роландовой борозды и сосѣднихъ частяхъ, а потому онъ считаетъ означенную аномалію врожденною. Несмотря на приведенное замѣчаніе Féré относительно отсутствія патологическихъ измѣненій, на приложенномъ къ статьѣ прекраеномъ фотографическомъ снимкѣ праваго полушарія мозга въ областяхъ, соответствующихъ 2-й и 3-й *plis de passage* и вокругъ замѣчается много мелкихъ извилинокъ, которыя могутъ быть объяснены какъ патологически измѣненныя извилины, вслѣдствіе бывшаго давняго воспалительнаго очага съ атрофическимъ послѣдовательнымъ процессомъ или можетъ быть какъ *microgyria*, т. е. своего рода *hypoplasia* мозга. Послѣднее обстоятельство, а также отсутствіе въ статьѣ Féré указанія на микроскопическое изслѣдованіе данной области мозга, заставляетъ съ нѣкоторою осторожностью принимать описываемыя Féré *plis de passage* въ серединѣ Роландовой борозды за настоящій мостикъ—*gyrus intercentralis medius Weinb.* Характеръ верхняго мостика, какъ на изображеніи (благодаря боковой нормѣ), такъ и изъ описанія, не можетъ быть достаточно выясненъ. Положе-

ніемъ же своимъ онъ скорѣе представляетъ видоизмѣненіе верхняго конца Роландовой борозды: быть можетъ, здѣсь имѣется вариантъ sulci paracentralis имѣющаго форму вертикальной борозды и сливающагося верхнимъ концомъ съ центральной бороздой.

Кромѣ приведенныхъ, Féré дѣлаетъ указаніе еще и на четвертый встрѣтившійся ему случай ¹⁾ перерыва центральной борозды на правомъ полушаріи 4-хъ-лѣтняго идиота, у котораго означенная борозда, очень неправильная, пересѣкалась объемистымъ и столь же выступающимъ, какъ и сосѣдніи извилины мостикамъ—*pli de passage*. Къ сожалѣнію, не указано, на какомъ мѣстѣ наблюдался этотъ перерывъ. Кромѣ того, сильное сращеніе мягкой оболочки съ мозгомъ, отъ котораго она могла быть отдѣлена лишь послѣ нѣкотораго уплотненія въ азотной кислотѣ, даетъ полное право думать, что мозгъ былъ патологически измѣненный, а потому, быть можетъ, нѣтъ основанія разсматривать перерывъ на немъ центральной борозды, какъ ея рѣдкій вариантъ. Я остановился нѣсколько дольше на случаяхъ Féré въ виду того обстоятельства, что въ статьѣ д-ра Вейнберга говорится лишь о двухъ извѣстныхъ въ литературѣ случаяхъ Féré, а у Бяшкова о трехъ, тогда какъ Féré упоминаетъ о четырехъ.

Нельзя не указать, наконецъ, что даже и относительно перерыва Роландовой борозды на типичномъ мѣстѣ, гдѣ по Heschl'ю почти всегда имѣется его Tiefwindung α , существуетъ маленькое недоразумѣніе, которымъ, какъ кажется, пренебрегаютъ авторы. Недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что считать полнымъ перерывомъ? Если подъ полнымъ перерывомъ подразумѣвать такой перерывъ, когда мостикъ въ области Роландовой борозды виденъ сейчасъ же, лишь только мы начинаемъ снимать оболочки (слѣд. безъ спеціальнаго изслѣдованія этой борозды), хотя бы переходная складка не достигала уровня гребней сосѣднихъ извилинъ, то въ такомъ случаѣ тѣ наблюденія, гдѣ извилинка, прерывающая центральную борозду, немного не достигаетъ уровня гребней обѣихъ центральныхъ извилинъ, также должны быть отнесены къ числу полныхъ перерывовъ наравнѣ съ случаями, гдѣ эта переходная изви-

¹⁾ Féré «Anomalies du cerveau» Bulletins de la Société anatomique de Paris 1876, p. 439.

линка сильно развита и рѣзко бросается въ глаза, такъ какъ достигаетъ вполнѣ того же уровня, что и обѣ центральныя извилины. Кажется, однако, правильнѣе было бы къ полнымъ перерывамъ отнести лишь послѣдніе случаи. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на второй случай Бяшкова, и именно на приложенный къ статьѣ фотографическій снимокъ, то намъ ясно, что прерывающій Роландову борозду мостикъ не достигаетъ того же уровня, на которомъ лежатъ гребни центральныхъ извилинъ. Точно также и въ крайне рѣдкомъ случаѣ Вейнберга съ двустороннимъ перерывомъ центральной борозды *gug. intercentralis medius* не одинаково развитъ на обоихъ полушаріяхъ: несомнѣнно, мостикъ вполнѣ развитъ на правомъ полушаріи, лѣвое же представляетъ болѣе слабое развитіе этого мостика. Фактъ этотъ очевиденъ, если мы обратимъ вниманіе на фотографическій снимокъ, приложенный къ сравнительно анатомическому труду Вейнберга ¹⁾. Конечно, несмотря на это обстоятельство, фактъ двусторонняго перерыва центральныхъ бороздъ въ случаѣ Вейнберга представляется рѣдчайшимъ явленіемъ и пока *unicum*, если сюда также не отнести 2-го случая Fégé, недостаточно ясно, какъ было сказано выше, описаннаго. Изъ приведеннаго ниже описанія и изъ фотографическихъ снимковъ обследованныхъ мною случаевъ перерыва центральной борозды также очевидно, что изъ 6 случаевъ, мною описываемыхъ, только въ 3-хъ наблюдалось полное развитіе *gyri intercentralis medii Weinb.*, въ 3-хъ же другихъ эта извилинка была чуть-чуть ниже уровня гребней сосѣднихъ центральныхъ извилинъ.

Соединяя вмѣстѣ всѣ извѣстные въ литературѣ и достаточно ясно описанные случаи перерыва на типичномъ мѣстѣ центральной борозды, а также присоединяя къ нимъ своихъ 6 случаевъ и случай д-ра Свенторжецкаго, мы можемъ представить ихъ въ видѣ слѣдующей таблицы:

¹⁾ Weinberg. «Die Intercentralbrücke der Carnivoren und der Sulc. Rolando» стр. 269 и его же «Къ ученію о формѣ мозга человека», отд. отд. изъ Русск. Антроп. Журн 1902 г. № 4, стр. 9.

Случай.	А В Т О Р Ы.	Мужчинъ.		Женщинъ.		ВСЕГО.
		Полушаріе.		Полушаріе.		
		Лѣвое.	Правое.	Лѣвое.	Правое.	
1	Rud. Wagner'a (1862 г.)	1	—	—	—	1
2—7	Heschl'a (1877 г.)	2 (на 632 ч.)	3	— (на 455 ч.)	1	6
8	Giacomini (1884 г.)	1	—	—	—	1
9—10	Бяшкова (1886 г.) (душ.-больные).	—	1	—	1	2
11	Зернова (1837 г.)	—	1	—	—	1
12	Свенторжецкаго (1896 г.) (душевно-больной).	1	—	—	—	1
13	Вейнберга (1902 г.) (двустор. перерывъ).	—	—	1	1	1
14—19	Вирули (1905 г.) (двое душевно-больныхъ въ томъ числѣ) . .	2	4	—	—	6
Всего		7	9	1	3	19

Переходя къ вопросу о томъ, какъ часто наблюдается описываемый нами вариантъ въ устройствѣ Роландовой борозды и центральныхъ извилинъ, мы не можемъ особенно детализировать, какъ сказано было выше, указываемаго Вейнбергомъ факта, что многіе анатомы, несмотря на солидный изслѣдованный ими матеріалъ, вовсе не встрѣчали перерыва въ типичномъ для *gyr. intercentralis medius Weinb.* мѣстѣ.

Проф. анатоміи Моск. Университета, Зерновъ лишь однажды, совершенно случайно при демонстраціи студентамъ мозга, замѣтилъ описанный имъ перерывъ центральной борозды ¹⁾. Въ своемъ же трудѣ объ «Индивидуальныхъ типахъ мозговыхъ извилинъ у человѣка», вышедшемъ въ 1877 году и основанномъ на обстоятельномъ изслѣдованіи 100 мозговъ, не встрѣтивъ ни разу столь важный вариантъ Роландовой борозды, Зерновъ посвящаетъ ему лишь нѣсколько строкъ по поводу случая Rud. Wagner'a. Heschl, только предпринявъ специальное изслѣдованіе, встрѣтилъ описываемую аномалію 6 разъ на 1087 вскрытій. Я не буду говорить о статистикѣ Féré въ

¹⁾ Зерновъ «Рѣдкій случай видоизмѣненія Роландовой борозды и центральныхъ извилинъ мозга» Тр. Физ.-Мед. Общ. 1887.

виду вышеизложенныхъ причинъ. Психіатры, быть можетъ, чаще имѣютъ возможность наблюдать интересующій насъ вариантъ Роландовой борозды, такъ какъ мозгъ душевно-больныхъ чаще подвергается должному подробному изслѣдованію, благодаря попыткамъ отыскать въ аномаліяхъ развитія бороздъ и извилинъ у душевно-больныхъ признаки ихъ врожденной инвалидности, какъ напр., въ лобной долѣ и ея извилинахъ (Корсаковъ)¹⁾, въ перерывахъ центральныхъ извилинъ, въ существованіи Affenspalte и пр. Мы не станемъ здѣсь особенно вдаваться въ разборъ вопроса, насколько основательно, при современныхъ крайне все еще недостаточныхъ познаніяхъ нашихъ въ топографіи и устройствѣ бороздъ и извилинъ большого мозга, дѣлать выводы относительно того, какія измѣненія въ формированіи бороздъ и извилинъ надлежитъ отнести къ области нормальныхъ и какія къ области свойственныхъ патологически сформированнымъ, инвалиднымъ мозгамъ? Категорическій отвѣтъ, быть можетъ, еще рано давать на такой вопросъ, пока изученіе расовыхъ особенностей не только мозга, но и другихъ, болѣе доступныхъ, частей человѣческаго тѣла находится лишь въ самой начальной стадіи. Возьмемъ хотя бы положеніе вопроса о наружномъ ухѣ, относительно котораго, недавно столь печально погибшій, д-ръ Б. В. Воробьевъ въ своей объемистой и обстоятельной монографіи «О наружномъ ухѣ челоуѣка» показалъ, что всѣ выводы о принадлежности дегенерантамъ той или другой формы наружнаго уха пока еще очень далеки отъ того, чтобы ихъ считать доказанными, чтобы приписывать то или другое измѣненіе въ устройствѣ органа (напр., хоть такъ называемое Вильдермутово ухо) дегенератамъ. Благодаря недостаточному числу изслѣдованій въ этой области рѣшительные выводы осторожнѣе было бы считать преждевременными.

Несомнѣнно тоже самое должно быть сказано и въ отношеніи бороздъ и извилинъ большого мозга. Сравнительно недавно еще мы стали разбираться въ самой топографіи бороздъ и извилинъ; относительно же вліянія расы на тотъ или иной характеръ мозговыхъ извилинъ и бороздъ—намъ еще ничего, можно сказать, неизвѣстно. Только въ самое послѣднее время обращено вниманіе на племенные особенности мозга. Къ этой категоріи изслѣдованій относится серія работъ проф. Вейн-

¹⁾ Корсаковъ «Курсъ Психіатріи», стр. 188.

берга ¹⁾, изучавшаго мозги эстовъ, латышей, поляковъ, евреевъ, и труды нѣкоторыхъ другихъ авторовъ (Retzius) ²⁾. Также недостаточно еще данныхъ относительно вѣса мозга у различныхъ племенъ и народностей, несмотря на несравненно большую легкость такихъ наблюдений: въ русской литературѣ имѣется лишь одна большая работа, специально посвященная вопросу о вѣсѣ мозга различныхъ племенъ Россіи,—именно д-ра Н. В. Гильченка ³⁾, да моя небольшая замѣтка ⁴⁾.

Возвращаясь къ перерывамъ въ верхней части Роландовой борозды, мы, конечно, едва ли можемъ возбуждать даже вопросъ о какомъ-либо отношеніи ихъ къ расѣ: слишкомъ мало еще вообще имѣется такого рода наблюдений. Можно только сказать, что перерывъ Роландовой борозды былъ находимъ у представителей различныхъ племенъ и народностей. Wagner, Heschl ⁵⁾ находили его у нѣмцевъ, Férgé—у французовъ, Giacomini—у итальянцевъ, Бяшковъ, Зерновъ, Свенторжецкій—у русскихъ, Вейнбергъ—у евреевъ. Мои данныя показываютъ, что эти перерывы встрѣчаются у русскихъ, поляковъ, эстовъ.

Есть нѣкоторое какъ будто основаніе полагать, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, что перерывъ Роландовой борозды представляетъ явленіе, болѣе свойственное патологическимъ мозгамъ психопатовъ, нежели мозгамъ нормальныхъ субъектовъ. Для положительныхъ выводовъ, однако, требуется еще значительное число наблюдений, какъ надъ мозгами психически больныхъ, такъ и особенно нормальныхъ въ психическомъ отношеніи субъектовъ. Къ сожалѣнію, какъ мы говорили уже выше, если относительно психически больныхъ мы еще и имѣемъ кое-какой матеріалъ, то въ отношеніи душевно-здоровыхъ

¹⁾ Сюда принадлежатъ работы Вейнберга: 1) «Die Gehirnwindungen bei den Esten» 1894 г.; 2) «Das Gehirn der Letten». 3) «Къ учению о формѣ мозга человѣка» изъ Русск. Антроп. Журнала за 1902 г. № 4.

²⁾ Retzius «Das Gehirn eines Lappländers» Festschrift f. R. Virchow 1891 г. Bd. I.

³⁾ Д-ръ Н. В. Гильченко «Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ населенія Россіи» 1899 г.

⁴⁾ Вируля-Валыницкій «Къ вопросу о вѣсѣ мозга человѣка. Матеріалы къ антропологии славянскихъ и др. племенъ Россіи» 1896 г. Труды Антроп. Общ. при Имп. В. М. Академіи.

⁵⁾ Къ сожалѣнію, у Heschl'я, да и у др. авторовъ часто вовсе не отмѣчено, къ какому племени принадлежали испытываемые ими субъекты; между тѣмъ несомнѣнно въ Австріи на племенной составъ слѣдовало обратить вниманіе.

остаётся ещё многого желать. А между тѣмъ именно патолого-анатомы могли бы дать намъ солидныя цифры, благодаря огромному матеріалу, проходящему черезъ ихъ руки. Нужно однако сказать, что вообще изслѣдованіе мозга въ анатомическомъ отношеніи очень мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе патолого-анатомовъ, которые больше интересуются патологическими измѣненіями въ мозговой ткани. Такимъ образомъ оказывается, какъ это было высказано между прочимъ и проф. Бехтеревымъ, съ чѣмъ, конечно, нельзя хотя бы отчасти не согласиться, что на аномаліи Роландовой борозды вообще патолого-анатомы рѣдко обращаютъ вниманіе и потому рѣдко ее находятъ.

Въ силу всѣхъ изложенныхъ выше неблагоприятныхъ обстоятельствъ, вопросъ о частотѣ мостика въ Роландовой бороздѣ, отмѣченнаго Heschl'емъ буквою α и называемаго Вейнбергомъ дуг. *intercentralis medius*, представляется ещё совсѣмъ мало выясненнымъ, хотя кое-какія положительныя данныя въ этомъ отношеніи уже имѣются главнымъ образомъ, благодаря работѣ Heschl'я. Этотъ авторъ находитъ, что вполне развитой мостикъ въ Роландовой бороздѣ на уровнѣ соединенія верхней ея трети съ среднею, наблюдавшійся имъ на 1087 случаевъ, — 6 разъ т. е. въ 0,55% случаевъ, встрѣчается чаще у мужчинъ (1 : 130), чѣмъ у женщинъ (1 : 455) и чаще справа (4), чѣмъ слѣва (2). Любопытно, что обратное отношеніе найдено Heschl'емъ для той степени развитія извилинки, когда она не выходитъ изъ глубины Роландовой борозды на поверхность мозга и принадлежитъ по номенклатурѣ Heschl'я къ *Tiefen-Windungen*, достигая средней высоты отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{5}{6}$. Такой высоты глубинныя извилины Heschl' чаще встрѣчалъ у женщинъ (42 : 455), чѣмъ у мужчинъ (25 : 632) и чаще слѣва (41), чѣмъ справа (26). При незначительной высотѣ глубинной извилинки (въ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{3}$) она встрѣчается по Heschl'ю почти одинаково часто, какъ у мужчинъ (39) и у женщинъ (36), такъ равно справа (36) и слѣва (39). Вмѣстѣ съ тѣмъ по даннымъ Heschl'я *Tiefen-Windungen* α встрѣчаются значительно чаще, чѣмъ мостикъ, прерывающій Роландову борозду, а именно на 1087 случаевъ, изслѣдованныхъ авторомъ, глубинная извилинка, достигающая $\frac{1}{3}$ — $\frac{5}{6}$ глубины борозды, встрѣчалась ему 67 разъ, а равная $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{3}$ глубины борозды 75 разъ на шесть только случаевъ сильно развитого и замѣтнаго уже съ поверх-

ности мостика. Féfé ¹⁾ высказалъ въ 1876 году, что перерывы Роландовой борозды наблюдаются чрезвычайно рѣдко: онъ полагаетъ, что они встрѣчаются въ 1 изъ 100 случаевъ. Впрочемъ, какъ было уже раньше сказано, изъ его слишкомъ краткаго описанія случаевъ *plis de passage* въ Роландовой бороздѣ не легко разобратъся, имѣемъ-ли мы въ описываемыхъ имъ случаяхъ именно интересующій насъ вариантъ Роландовой борозды или что-нибудь другое.

Во время обмѣна мыслей въ Обществѣ психіатровъ въ С.-Петербургѣ въ засѣданіи 26-го марта 1894 года ²⁾ по поводу доклада доктора Свенторжецкаго, представившаго мозгъ идиота-эпилептика съ перерывомъ лѣвой Роландовой борозды, выяснилось, что эта аномалія неоднократно наблюдалась психіатрами у насъ въ Россіи. Такъ профессоръ В. М. Бехтеревъ высказалъ, что, вскрывъ около 200 труповъ душевно-больныхъ въ Казанской окружной лечебницѣ, онъ встрѣтилъ перемычки Роландовой борозды (какія?) два раза, т. е. въ 1⁰/₁₀₀ случаевъ, изъ чего заключаетъ, что онѣ потому считаются рѣдкостью, что при вскрытіяхъ на нихъ не обращаютъ вниманія.

Покойный нынѣ А. Е. Черемшанскій въ томъ же засѣданіи высказалъ также, что онъ находилъ эту аномалію въ 1⁰/₁₀₀ вскрытій труповъ душевно-больныхъ, при чемъ, однако, послѣ двухъ случаевъ, описанныхъ докторомъ Бяшковымъ въ 1886 году, аномалія эта больше не встрѣчалась въ завѣдуемой имъ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ въ Петербургѣ. Профессоръ Вейнбергъ ³⁾ относительно частоты *gyri intercentralis med.* говорить: «не преувеличивая можно сказать, что ихъ частота выражается не болѣе 1—2 на 1000». Поэтому Вейнбергъ считаетъ опечаткою указаніе Mendel'я, что эта извилина встрѣчается въ 3⁰/₁₀₀ случаевъ, и полагаетъ болѣе вѣрную цифру—3 *pro mille*.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что по авторамъ частота перерывовъ Роландовой борозды въ верхней ея трети весьма не одинакова: въ то время какъ одни, по преимуществу психіатры, полагаютъ, что перерывы встрѣчаются въ 1⁰/₁₀₀ случаевъ, другіе авторы считаютъ ихъ значительно болѣе рѣдкими. Если

¹⁾ Féfé l. c.

²⁾ Протоколы засѣданій Общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ за 1894 г., стр. 9-я.

³⁾ Вейнбергъ. «Къ анатоміи перерывовъ Роландовой борозды», стр. 124.

перейдемъ къ нашимъ даннымъ, то изъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ, что существованіе перерыва въ центральной бороздѣ, по крайней мѣрѣ у душевно-здоровыхъ представляетъ большую рѣдкость. Изъ 1282 мозговъ, изслѣдованныхъ мною въ этомъ отношеніи, перерывъ Роландовой борозды на мѣстѣ соединенія верхней ея трети съ среднею съ образованіемъ мостика, называемаго Вейнбергомъ *gyrus intercentralis medius*, встрѣтился мнѣ лишь 6 разъ, т. е. въ 1 случаѣ изъ 213 или въ 0,45%, а вполне развитая переходная извилинка, т. е. достигающая одинаковаго уровня съ гребнями сосѣднихъ извилинъ, всего только 3 раза, т. е. въ 0,23% или 1 : 427, причемъ у женщинъ она мнѣ не встрѣтилась ни разу (на 169 случ.), у мужчинъ же шесть разъ на 1113, т. е. въ 0,53% или въ 1 : 185.

Такимъ образомъ, только что приведенныя, мои данныя свидѣтельствуютъ, что перерывы въ верхней трети Роландовой борозды представляютъ явленіе вообще гораздо болѣе рѣдкое, чѣмъ это наблюдалось психиатрами, или же, быть можетъ, у душевно-больныхъ они встрѣчаются вдвое чаще, чѣмъ у лицъ психически здоровыхъ, что едва-ли говорить въ пользу высказанной Cunningham'омъ¹⁾ гипотезы о принадлежности мозговъ съ *gyrus intercentralis medius* Weinberg'a къ болѣе высоко организованнымъ. Что касается вопроса, у какого пола чаще наблюдается перерывъ въ Роландовой бороздѣ, то мои данныя на него отвѣта не даютъ, такъ какъ цифра изслѣдованныхъ мною женскихъ мозговъ недостаточна — меньше 185, т. е. той минимальной цифры мужскихъ мозговъ, среди которыхъ можетъ встрѣтиться случай съ *Intercentralbrücke*. Поэтому мнѣніе, высказанное Heschl'емъ, что у женщинъ перерывъ Роландовой борозды встрѣчается значительно рѣже, чѣмъ у мужчинъ (1 : 455) мнѣ представляется пока неоспоримымъ, тогда какъ мужскіе мозги, по моимъ даннымъ, рѣже имѣютъ перерывъ (1 : 185), чѣмъ это указано у Heschl'я (1 : 130). Въ пользу большей частоты перерывовъ Роландовой борозды у мужчинъ, нежели у женщинъ, говорить также и то обстоятельство, что изъ 19-ти случаевъ перерыва, описанныхъ разными авторами и отмѣченныхъ въ вышеприведенной таблицѣ, только въ трехъ мозги были женскіе, тогда какъ мужскихъ было

¹⁾ Цит. по Вейнбергу «Къ анатоміи перерывовъ Роландовой борозды».

16, что едва-ли можетъ быть объяснено однимъ лишь фактомъ сравнительно болѣе рѣдкаго вскрытія труповъ женщинъ въ сравненіи съ мужскими трупами, такъ какъ по моимъ и Heschl'я статистическимъ даннымъ, вмѣстѣ взятымъ, на 1744 мозговъ мужчинъ перерывъ наблюдается 11 разъ, а на 724 мозга женщинъ только 1 разъ.

Не подлежитъ, думается, возраженію и другой фактъ, указываемый Heschl'емъ, что на правомъ полушаріи чаще наблюдается перерывъ Роландовой борозды, чѣмъ на лѣвомъ. Такъ изъ шести изученныхъ мною случаевъ перерывовъ Роландовой борозды они четыре раза наблюдались на правомъ полушаріи и два раза на лѣвомъ. Совершенно тѣ-же цифры мы видимъ у Heschl'я. Изъ данныхъ же вышеприведенной сборной таблицы мы получаемъ слѣдующія цифры:

Перерывъ на правомъ полушаріи	наблюдался	11	разъ.
» на лѣвомъ	»	7	»
» на обоихъ полушаріяхъ	.	1	»

Изъ 19 случ.

Что касается вопроса о томъ, можетъ-ли существованіе мостика, прерывающаго центральную борозду, считаться признакомъ мозга психопатическаго, то этого вопроса Heschl не касается. Между тѣмъ изъ заявленій психіатровъ, повидимому, оказывается, какъ было уже выше сказано, что случаи перерыва Роландовой борозды, можно думать, чаще наблюдались у душевно-больныхъ. Профессоръ Бехтеревъ на основаніи 200 вскрытій и докторъ А. Е. Черемшанскій, нынѣ умершій, главный врачъ больницы Всѣхъ Скорбящихъ въ С.-Петербургѣ (имѣвшій въ теченіе своей долготѣтней психіатрической дѣятельности возможность вскрыть много труповъ душевно-больныхъ), полагаютъ, что перерывъ Роландовой борозды у душевно-больныхъ наблюдается въ 1% случаевъ. Если эти соображенія подтвердятся дальнѣйшими статистическими данными и изслѣдованіями, то необходимо допустить, что у душевно-больныхъ перерывъ наблюдается вдвое чаще, нежели это можно вывести изъ моихъ наблюденій относительно частоты *gyg. intercentralis medii* въ общемъ.

Обращаясь къ даннымъ, собраннымъ мною, мнѣ кажется, въ нихъ можно найти нѣкоторыя указанія и по вопросу, относительно

сравнительной частоты интересующаго насъ варианта Роланд. борозды у душевно-больныхъ и душевно-здоровыхъ субъектовъ. Мною подвергнуто было изслѣдованію въ данномъ отношеніи:

Мозговъ душевно-больныхъ ¹⁾	198
» душевно-здоровыхъ ²⁾	1084

Всего 1282

Изъ нихъ перерывъ на типичномъ мѣстѣ Роландовой борозды наблюдался:

	На правомъ полушаріи.	На лѣвомъ полушаріи.	Всего.
У душевно-больныхъ	2	—	2 раза.
У душевно-здоровыхъ	2	2	4 »

Изъ сопоставленія этихъ цифръ оказывается, что въ то время, какъ у душевно-здоровыхъ мною наблюдался перерывъ въ 1 случаѣ на 271, т. е. въ 0,35%, у душевно-больныхъ онъ встрѣтился и мнѣ значительно чаще, именно въ 1% случаевъ (1 : 99), что вполне совпадаетъ съ данными проф. Бехтерева и Черемшанскаго. Такимъ образомъ, выводъ изъ самой по себѣ незначительной цифры моихъ наблюденій надъ душевно-больными подкрѣпляется мнѣніемъ опытныхъ психіатровъ, имѣвшихъ возможность сдѣлать немалое число наблюденій.

Прибавлю къ этому, что оба случая перерыва у душевно-больныхъ наблюдались мною у мужчинъ, которыхъ въ моемъ матеріалѣ было 123 человекъ, и ни разу у женщинъ, которыхъ было 75. Необходимо, впрочемъ, сказать, что въ обоихъ приводимыхъ мною случаяхъ перерывъ Роландовой борозды

¹⁾ Матеріалъ мною полученъ при моихъ вскрытіяхъ (за 7 лѣтъ—съ 1895 г. по 1902 г.—197 случаевъ) въ больницѣ св. Николая Чудотворца и изъ одного случая частнаго (извѣстный золотопромышленникъ). За разрѣшеніе пользоваться какъ матеріаломъ, такъ и исторіями болѣзни приношу мою искреннюю благодарность бывшему главному врачу этой больницы О. А. Чечотту, а также смѣнившему перваго Н. Н. Реформатскому.

²⁾ Матеріалъ мною добытъ при моихъ вскрытіяхъ главнѣйшимъ образомъ въ С.-Петербургскомъ Семеновскомъ-Александровскомъ военномъ госпиталѣ (за 14 лѣтъ—съ 1894 по 1907 годъ включительно—624 случая), въ Красносельскомъ военномъ госпиталѣ (за 5 лѣтъ—съ 1900 по 1904 годъ—всего 142 случая), въ больницѣ общины сестеръ милосердія св. Георгія (за 11 лѣтъ—съ 1896 по 1906 годъ—всего 218 случаевъ, изъ нихъ 150 мужчинъ и 68 женщинъ) и въ Петербургскомъ госпиталѣ Дворцоваго вѣдомства, такъ назыв., Конопшенномъ (за 8 лѣтъ—съ 1899 по 1907 годъ—всего 85 случаевъ: 59 мужчинъ и 26 женщинъ). Мною включены также два случая изъ частной прозекторской моей практики: одного извѣстнаго въ Петербургѣ психіатра и одного очень высокопоставленнаго лица, балзамированнаго мною въ Абастуманѣ.

наблюдался у больныхъ лезіониковъ, съ пріобрѣтённымъ, слѣдовательно, органическимъ пораженіемъ мозга (*Laesio cerebri organica*), а не у больныхъ съ психозомъ вырожденія, иначе говоря, съ несомнѣннымъ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, у которыхъ тѣ или другіе недостатки и ненормальности въ устройствѣ головного мозга должны были бы образоваться уже при самомъ его формированіи.

III.

Приступая къ описанію наблюдавшихся мною случаевъ перерыва центральной борозды, я долженъ предпослать нѣсколько объяснительныхъ строкъ. Въ каждомъ случаѣ я начинаю описаніе съ краткихъ свѣдѣній, касающихся личности субъекта, его родины и др.; но къ сожалѣнію, безъ указаній на степень интеллектуальнаго развитія, такъ какъ эти свѣдѣнія трудно было добыть. Далѣе слѣдуетъ описаніе центральной области большого мозга, при чемъ для облегченія сравненія отдѣльных случаевъ между собою я старался придерживаться одного и того же порядка въ описаніи бороздъ и извилинъ въ каждомъ случаѣ. Измѣренія произведены на препаратахъ, разнымъ способомъ уплотненныхъ, почему не могутъ быть сравниваемы и переносимы на свѣжій мозгъ. Впереди мною поставлены три случая съ полнымъ развитіемъ *gyri intercentr. medii*, далѣе слѣдуютъ три случая съ неполнымъ развитіемъ этого мостика, затѣмъ случай доктора Свенторжецкаго и нѣкоторые другіе любопытные варианты Роландовой борозды.

1-й случай. (См. табл. I, рис. 1 и 2). Степанъ Ник — нокъ, рядовой сводно-гвардейскаго баталіона, 24-хъ лѣтъ, изъ крестьянъ Витебской губерніи, Себежскаго уѣзда, землепашецъ, православный. Больной поступилъ въ С.-Петербургскій Семеновскій-Александровскій военный госпиталь 7-го февраля, умеръ 28-го марта 1895 г. Вскрытіе произведено 29-го марта 1895 года. *Epicrisis: Tuberculosis miliaris pulmonum*. При вскрытіи констатировано приращеніе твердой мозговой оболочки къ черепному своду на ограниченномъ пространствѣ соотвѣтственно большому родничку, при чемъ замѣчено также нѣкоторое помутнѣніе мягкой оболочки на выпуклой поверхности мозга съ сильнымъ развитіемъ Пахионовыхъ грануляцій, проросшихъ сквозь *dura mater* и образовавшихъ глубокія узуръ въ лобной и темян-

ныхъ костяхъ. Въ мозгѣ макроскопически никакихъ патологическихъ измѣненій не найдено. Всѣъ головного мозга съ неснятыми паутинной и мягкой оболочками оказался 1350,0 граммъ.

По извлеченіи мозгъ былъ уплотненъ въ водномъ растворѣ формалина. Съ этого препарата была снята фотографія. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ приготовленъ сухой препаратъ, по методу профессора Giasomini. При изслѣдованіи на этомъ препаратѣ бороздъ и извилинъ центральной области, оказалось слѣдующее: на лѣвомъ полушаріи большого мозга *вполнѣ развитой Gyrgus intercentralis medius* ¹⁾ (см. α рис. 1 и 2).

Въ общемъ лѣвое полушаріе мозга устроено просто, извилины и борозды довольно грубы, слабо изогнуты. Лобная доля чрезвычайно типично раздѣлена двумя бороздами на три извилины. Центральная область также устроена весьма просто: борозды и извилины лишь слабо дугообразно изогнуты.

Правое полушаріе, аналогично лѣвому, устроено также весьма просто. На томъ и другомъ полушаріи не замѣчается какихъ-либо проявленій тероморфизма или аномалій въ устройствѣ извилинъ и бороздъ: ни въ *fiss. parieto—occipitales* (хотя послѣднія обѣ сильно развиты и лѣвая соединяется съ *s. intèrparietalis*, а правая приблизительно на 3,5 с. м., заходитъ на выпуклую поверхность мозга), ни въ другихъ мѣстахъ. Оба *Cunei* очень слабо развиты.

Подробное изслѣдованіе лѣвой центральной области показываетъ слѣдующее: лѣвая Роландова борозда слабо наклонена къзади и раздѣлена на два отрѣзка, прерывающею ее немного выше соединенія верхней трети борозды съ среднею, вполнѣ развитою межцентральною извилинкою, которая достигаетъ своимъ гребнемъ того же уровня, что и сосѣднія извилины. Большой, нижній отрѣзокъ Роландовой борозды, который можно было бы назвать *sulcus Rolandicus inferior*, образуетъ почти правильную, чуть-чуть извилистую, слабо изогнутую дугу, обращенную выпуклостью впередъ и нѣсколько вверхъ. Нижній конецъ этого отрѣзка начинается на 0,67 см. выше задней горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды треугольнымъ углубленіемъ, а верхній конецъ оканчивается слегка вилообразно, при чемъ

¹⁾ Я считаю вполнѣ развитымъ *gyrg. intercentralis* въ томъ случаѣ, когда его гребень лежитъ на томъ же уровнѣ, что и гребни сосѣднихъ центральныхъ извилинъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ *gyrgus intercentralis*, можно считать не вполнѣ развитымъ.

задняя вѣтвь нѣсколько длиннѣе передней. Меньшій верхній отрѣзокъ—*sulcus Rolandicus superior*—также образуетъ дугу, обращенную выпуклостью прямо впередъ. Нижній конецъ его, начавшись почти Т-образно, противъ развилины верхняго конца нижняго отрѣзка прорѣзаетъ слегка наискось край полушарія и выходитъ на парацентральную дольку, гдѣ идетъ назадъ и книзу и оканчивается, постепенно сходя на нѣтъ, въ самомъ заднемъ сегментѣ этой дольки (вообще хорошо развитой и снабженной длиннымъ въ 2,02 см., почти горизонтальнымъ *sulco praecentrali*). Верхній конецъ Роландовой борозды охватывается оканчивающимся на край полушарія, заднимъ концомъ *sulci calloso-marginalis*, который дѣлится здѣсь вилкообразно, причемъ передняя вѣтвь развилины охватываетъ, какъ было сказано, конецъ Роландовой борозды, а задняя, чуть-чуть выходя на выпуклую поверхность полушарія, охватываетъ верхній конецъ *sulci retrocentralis*.

Ограничивающій спереди центральную область *sulcus praecentralis* состоитъ изъ двухъ бороздъ. Борозды эти, особенно *sulc. praecentralis superior*, нѣсколько болѣе излучисты, чѣмъ центральная борозда.

Sulcus retrocentralis, составляющій какъ бы удвоеніе Роландовой борозды, представляетъ одну, тянущуюся черезъ всю темянную долю, борозду параллельную Роландовой и не соединенную съ *sulcus interparietalis*. Подобный же характеръ имѣетъ ретроцентральная борозда и на правомъ полушаріи, только здѣсь она соединяется съ межтемянною бороздою.

Вслѣдствіе описаннаго характера бороздъ въ центральной области, *gyrus centralis anterior* нѣсколько болѣе изогнутъ, чѣмъ задняя центральная извилина, и довольно сильно развитъ. На верху, у *fiss. pallii* передняя центральная извилина образуетъ *pli de passage* къ *gyrus frontalis superior*, а между окончаніями *sulci praecentralis superioris* и *inferioris*—довольно длинную переходную извилинку къ *gyrus frontalis medius*; внизу нѣтъ поверхностно лежащаго мостика къ *gyr. frontalis inferior*, такъ какъ здѣсь *sulcus praecentralis inferior* впадаетъ въ *fiss. Sylvii*.

Gyrus centralis posterior—тонокъ, весьма слабо изогнутъ и образуетъ мостики: вверху—къ *lobulus parietalis superior*—надъ верхнимъ концомъ *sulci retrocentralis* и внизу—къ *lobulus parietalis inferior*—подъ нижнимъ концомъ той же борозды.

Между собою обѣ центральныя извилины соединены неши-

рокимъ мостикомъ внизу у *fiss. Sylvii*—это *gyrus intercentralis infer.* по терминологіи Вейнберга. Соответственно же нижней части верхней лобной извилины, имѣется аномальный мостикъ, *Ueberbrückung*—*gyrus intercentralis medius*, вполне развитой, слегка изогнутый книзу, болѣе или менѣе горизонтальный, представляющій вмѣстѣ съ сосѣдними центральными извилинами *H*, наклоненное кзади. *Gyrus intercentralis superior* замѣненъ парацентральною долькою.

Измѣренія, произведенныя кронъ-циркулемъ надъ препаратомъ этого мозга, приготовленнымъ по *Giacomini*, дали слѣдующее:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды	5,72 сант.	7,44 сант.
> нижняго ея отрѣза	— >	5,66 >
> верхняго отрѣза	— >	2,43 >
> <i>Gyri intercentr. med.</i>	— >	2,43 >
Ширина его же	— »	0,74 >
Вѣсъ полушарій	434,0 грм.	439,0 грм.

2-й случай. (См. табл. I, рис. 3). Адольфъ-Андрей Казиміровичъ Вис — скій, 60-ти лѣтъ отъ роду, дворянинъ, лютеранскаго вѣроисповѣданія, отставной коллежскій ассесоръ, чиновникъ Высочайше утвержденнаго ломбарда, уроженецъ гор. Смоленска. Умеръ въ больницѣ св. Николая Чудотворца въ С.-Петербургѣ (для душевно-больныхъ) отъ крупознаго воспаленія легкихъ. *Diagnosis: Dementia e laesione organica cerebri.* Вскрытіе произведено мною 19-го декабря 1897 года. Вѣсъ мозга съ мягкою и паутинною оболочками оказался 1353,0 грм.

Мозгъ уплотненъ въ водномъ растворѣ формалина и затѣмъ, спустя нѣкоторое время (года черезъ два), изъ него приготовленъ сухой препаратъ по методу *Giacomini*.

При первомъ же взглядѣ на правое полушаріе большого мозга рѣзко бросается въ глаза неправильность въ центральной области, благодаря образованію *вполнѣ развитого мостика*—*Gyrus intercentralis medius* (см. α рис. 3), съ глубокимъ выше него перерывомъ передней центральной извилины. Въ общемъ борозды и извилины праваго полушарія умѣренно излучисты. Лобная доля дѣлится на три извилины довольно типично; удвоеніе второй лобной извилины отсутствуютъ.

Таблица 1.

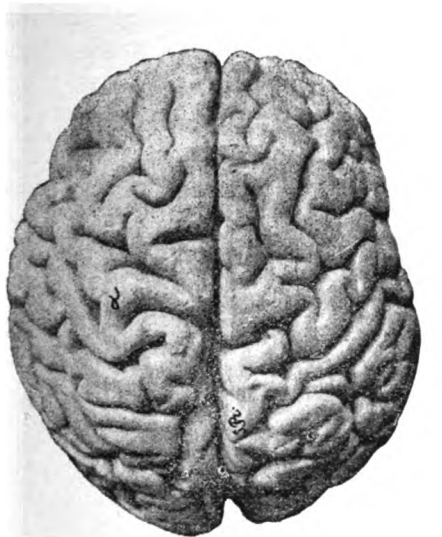

Рис. 2.

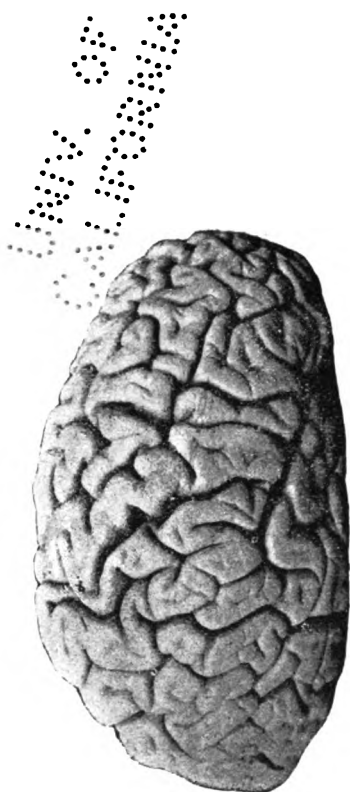

Рис. 4.

Рис. 1.

Рис. 3.

Лѣвое полушаріе имѣетъ неглубокій перерывъ передней центральной извилины въ серединѣ. Признаковъ тероморфизма въ прочихъ бороздахъ и извилинахъ незамѣтно: обѣ *fiss. calcarinae* соединены нормально съ *fiss. parieto-occipitalis*. *F. par.-occ. sin.* не выходитъ на выпуклую поверхность мозга, а *F. par.-occ. dextr.*—лишь на 1,5 см. *Cuneus* съ обѣихъ сторонъ хорошо развитъ.

Роландова борозда праваго полушарія мостикомъ раздѣлена на двѣ части. Нижняя часть образуетъ довольно правильную дугу, выпуклостью обращенную впередъ и слегка наклонную къзади. Нижний конецъ этой части Роландовой борозды сходитъ на вѣтъ надъ самой почти *ram. horizontalis posterior fiss. Sylvii*; сантиметра на 1,5 выше *sulc. Rolandicus inferior* отдаетъ отъ себя впередъ неглубокую вѣточку, прорѣзающую до половины переднюю центральную извилину. Верхній конецъ нижней Роландовой борозды оканчивается вилообразно двумя довольно длинными извилинами, изъ которыхъ болѣе длинная—передняя. *Sulcus Rolandicus superior* также имѣетъ видъ выпуклой впередъ дуги, при чемъ нижній ея конецъ, оканчивающійся трехугольнымъ углубленіемъ, охватывается вѣтвями вилообразнаго верхняго окончанія нижней Роландовой борозды; верхній же конецъ идетъ наискось назадъ и внутрь и заканчивается, не дойдя нѣсколько до *fissura pallii*. На своемъ пути верхняя Роландова борозда отдѣляетъ впередъ вѣтку въ видѣ глубокой борозды, соединяющей верхнюю Роландову борозду съ верхнею предцентральною. Верхній конецъ *sulc. Rolandici superioris* къзади охватывается, обращеннымъ впередъ и выходящимъ на выпуклую поверхность полушарія, заднимъ крючковатымъ окончаніемъ *sulc. calloso-marginalis*, ограничивающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ на внутренней поверхности полушарія ромбической формы парацентральную дольку, съ глубокимъ, почти горизонтальнымъ *sulc. paracentralis* у середины дольки.

Sulcus praecentralis состоитъ также изъ двухъ бороздъ, изъ которыхъ *sulcus praecentralis inferior* нижнимъ концомъ впадаетъ въ Сильвіеву борозду, тогда какъ верхній конецъ отступаетъ впередъ для образованія углубленной нѣсколько переходной складки отъ передней центральной къ 2-й лобной извилинѣ. Ниже верхняго окончанія *sulc. praecentralis inferioris* въ нее впадаетъ *sulc. frontalis inferior*. Нижний конецъ *sulc.*

praecentralis superioris оканчивается позади нижней предцентральной борозды развилиною, задняя вѣтвь которой служитъ какъ бы продолженіемъ sulci frontalis superioris и образуетъ нѣсколько изломанную линію сильно выпуклую назадъ, отдѣляющую взадъ вышеописанную борозду къ верхней Роландовой бороздѣ.

Sulcus retrocentralis внизу значительно (на 2,5 см.) не достигаетъ Сильвиевой борозды; ея продолженіемъ здѣсь какъ бы служитъ неглубокая и незначительная вертикальная третичная бороздка, вилкообразно на обоихъ концахъ дѣлящаяся. На своемъ протяженіи ретроцентральная борозда слегка извилиста и довольно вѣтвиста. Она отдѣляетъ двѣ вѣтки назадъ (одна изъ нихъ составляетъ начало sulci interparietalis) и одну вѣтвь впередъ къ вогнутости верхней Роландовой борозды. Верхній конецъ sulci retrocentralis оканчивается аналогично и очень сходно съ верхнимъ окончаніемъ Роландовой борозды близъ края fissurae interhemisphaericae, отклоняясь назадъ.

Описанный характеръ бороздъ обусловливаетъ довольно сильную излучистость извилинъ центральной области. Особенно бросается въ глаза неправильность передней центральной извилины, которая, будучи вверху перервана глубокою бороздкою, соединяющею верхнюю Роландову и верхнюю предцентральную борозды, какъ бы переходитъ въ заднюю центральную извилину, образуя соединительный мостикъ. — gyr. intercentralis medius, который представляетъ прерывающую Роландову борозду, довольно длинную S-образную извилинку очень хорошо развитую и достигающую своимъ гребнемъ уровня сосѣднихъ извилинъ. Внизу gyrus centralis anter. образуетъ узкій и короткій gyr. intercentralis infer., а повыше другую переходную складку между концовъ обѣихъ предцентральныхъ бороздъ ко 2-й лобной извилинѣ. Отрѣзанная перерывомъ верхняя часть передней центральной извилины составляетъ какъ бы часть мостика отъ задней центральной къ верхней лобной извилинѣ.

Gyrus centralis posterior внизу массивенъ, благодаря высокому окончанію sulci retrocentralis и здѣсь кромѣ gyr. intercentralis inferior образуетъ другой мостикъ, идущій вверхъ и кзади—къ нижней теменной долькѣ. Вверху задняя центральная извилина, отдавши описанный уже gyr. intercentr. medium и сдѣлавшись очень излучистою, раздваивается по обѣ стороны окончанія s. calloso-marginalis и образуетъ переходную

складку къ верхней темянной долькѣ и къ *gyg. intercentralis superior.*

Измѣренія произведены на сухомъ препаратѣ, приготовленномъ по методу Giacomini. При измѣреніи оказалось слѣдующее:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды	7,83 сант.	8,03 сант.
» нижняго ея отрѣза	5,67 »	—
» верхняго	3,27 »	—
» <i>Gygi intercentral. med.</i>	3,45 »	—
Ширина его	0,92 »	—
Вѣсъ полушарій	522,0 грм.	548,0 грм.

3-й случай. Василій П—ховъ 40 лѣтъ отъ роду, крестьянинъ-земледѣлецъ Олонецкой губ. Каргопольскаго уѣзда, православный, арестантъ (три года просидѣлъ въ тюрьмѣ по обвиненію въ поджогѣ). Умеръ отъ септицеміи въ больницѣ св. Николая Чудотворца (для душевно-больныхъ), при явленіяхъ *Dementia e laesione organica cerebri.* Вскрытіе произведено мною 29 марта 1901 года, при чемъ констатировано: *Peri-encephalitis chronica diffusa, phlegmone, septicaemia.* Вѣсъ мозга съ оболочками былъ 1205,0 грм., черепъ субдолихоцефалической, черепной показатель $\frac{145.100}{189} = 76,7$. По извлеченіи мозгъ фиксированъ въ водномъ растворѣ формалина, а затѣмъ перенесенъ въ крѣпкій спиртъ. (См. табл. I, рис. 4).

На правомъ полушаріи *вполнѣ развитой мостикъ* (*gygus intercentralis medius*, образующій перерывъ Роландовой борозды. (См. α, рис. 4).

Борозды и извилины праваго полушарія довольно сильно излучисты; на извилинахъ замѣтно довольно много вторичныхъ бороздокъ и вѣтокъ. Извилины центральной области весьма сильно изогнуты. Лобная доля довольно типично и отчетливо раздѣлена на три извилины.

Лѣвое полушаріе имѣетъ также весьма излучистыя и вѣтвистыя борозды. *Gygus centralis anterior* на этомъ полушаріи глубоко перерванъ довольно значительною вѣткою Роландовой борозды пониже ея середины. Сама Роландова борозда неправильнаго очертаія и значительно болѣе извилиста, чѣмъ на противоположной сторонѣ. Проявленій тероморфизма въ

другихъ бороздахъ нѣтъ: *fissur. calcarina* соединяется совершенно нормально съ *fissura parieto-occipitalis* на обоихъ полушаріяхъ и послѣдняя едва лишь заходитъ на выпуклую поверхность мозга. Оба клина нѣсколько сплющены снизу вверхъ.

При подробномъ разсмотрѣніи центральной области праваго полушарія оказывается, что *sulcus Rolandicus dexter* состоитъ изъ двухъ бороздъ. Нижняя Роландова борозда дугообразна и выпуклостью обращена впередъ и вверхъ; ея нижній койонецъ, виллообразно раздѣленный, достигаетъ почти одною изъ развилинъ Сильвіевой борозды. На своемъ пути нижняя Роландова борозда отдаетъ двѣ коротенькія вѣточки впередъ и одну подлиннѣе назадъ, причемъ сама Роландова борозда посрединѣ слегка извивается. Задняя вѣточка вмѣстѣ съ 3-хъ-конечною звѣздообразною бороздкою, находящеюся на продолженіи *sulc. retrocentralis*, образуетъ неглубокій перерывъ въ задней центральной извилинѣ на границѣ средней и нижней ея трети. Верхній конецъ *sulc. Rolandici inferioris* оканчивается треугольнымъ углубленіемъ съ вѣточкою вверхъ. *Sulc. Rolandicus superior* неправильно — Т — образной формы и составленъ изъ двухъ частей — поперечной, идущей почти перпендикулярно къ *fiss. interhemisphaerica*, и продольной, идущей параллельно послѣдней.

Продольная часть верхняго отрѣзка центральной борозды падаетъ въ *sulcus retrocentralis*, такъ какъ здѣсь задняя центральная извилина вдругъ прерывается, вѣрнѣе скрывается въ глубину борозды и только выше послѣдней постепенно выходитъ на поверхность мозга. Верхній конецъ *sulci Rolandici superioris*, глубоко прорѣзавъ слегка наискось край полушарія, появляется на внутренней его поверхности почти посрединѣ неправильно ромбовидной парацентральной дольки, доходя почти до *sulc. paracentralis*, довольно длиннаго и проходящаго параллельно нижней сторонѣ дольки, пониже ея середины. На внутренней поверхности полушарія верхній конецъ Роландовой борозды охватывается заднимъ окончаніемъ, изъ 3-хъ вѣточекъ состоящимъ, *sulci calloso-marginalis*, не выходящаго на выпуклую поверхность мозга. *Sulc. praecentralis* состоитъ изъ двухъ бороздъ. *Sulc. praecentralis inferior* отдѣляется отъ *sulc. praecentralis superior* заднимъ окончаніемъ нижней лобной борозды, доходящей почти до *sulc. Rolando*. Нижняя предцентральная борозда очень простая, почти прямолинейная — окан-

чивается въ *fiss. Sylvii*, а вверху отдѣляется отъ *sulc. frontalis inferior* немного углубленною переходною извилинкою. *Sulc. praecentralis superior* представляетъ весьма извилистую, очень вѣтвистую борозду, какъ вверху, гдѣ она подходитъ почти къ *fissura pallii*, такъ и внизу, гдѣ она оканчивается вилообразно.

Sulcus retrocentralis извилистъ и очень вѣтвистъ. Въ нижней своей половинѣ онъ отдѣляетъ не глубокую вѣточку, входящую въ систему сегментированной межтемянной борозды. Верхній конецъ *sulci retrocentralis* недалеко отъ *fiss. pallii* оканчивается треугольной ямочкой, пониже которой *sulc. retrocentralis* соединяется съ продольной Т-образной частью *sulci Rolandici superioris*. Внизу заднецентральная борозда значительно не доходить до *fiss. Sylvii* и потому здѣсь ея продолженіемъ служить: повыше—3-хъ-конечный *sulcus retrocentralis transversus*, а ниже довольно длинный и сильно развитый *sulc. subcentralis posterior*.

Вышеуказанный характеръ бороздъ центральной области соотвѣтственнымъ образомъ влияетъ на устройство центральныхъ извилинъ: обѣ онѣ представляются извилистыми и изрѣзанными, благодаря вѣтвямъ и излучинамъ сосѣднихъ бороздъ. Благодаря присутствію аномальной средней межцентральной извилинки, принимающей слегка S-образную форму, и вслѣдствіе перерыва, тотчасъ подъ этимъ мостикомъ *Gyrus centralis posterior* кажется оканчивающимся, не доходя *fiss. interhemisphaerica*, въ передней центральной извилинѣ. Борозда, соединяющая *sulc. Rolandicum superiorem* съ *sulc. retrocentralis*, совершенно отдѣляетъ верхній конецъ задней центральной извилины, который соединяется лишь съ верхнею темяною долькою. Внизу задняя центральная извилина образуетъ лишь двѣ *plis de passage* къ нижней темянной долькѣ по обѣ стороны *sulci retrocentralis transversi*.

Gyrus centralis anterior крупнѣе задней центральной извилины и, благодаря существованію въ разныхъ мѣстахъ вторичныхъ бороздокъ и многочисленныхъ вѣтокъ ограничивающихъ ее бороздъ,—складчатъ, весьма извилистъ и изрѣзанъ. Кромѣ описаннаго *gyr. intercentralis medius* онъ образуетъ еще переходную извилинку надъ верхнимъ концомъ *sulci praecentralis superioris*—къ 1-й лобной извилинѣ, а между обращенныхъ другъ къ другу концовъ верхней и нижней предцентральныхъ бороздъ—двѣ переходныя складки по обѣ

стороны задняго окончанія нижней лобной борозды: одна изъ нихъ идетъ къ *gyrus frontalis medius*, другая—къ *gyrus frontalis inferior*; обѣ *plis de passage* нѣсколько углубляются.

Измѣренія, произведенныя на спиртовомъ препаратѣ, дали слѣдующіе результаты:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды	6,90 сант.	6,80 сант.
» нижняго ея отрѣзка	5,07 »	— »
» верхняго	2,13 »	— »
Длина <i>gyr. intercentr. med.</i>	3,15 »	— »
Ширина его	0,60 »	— »
Вѣсъ полушарій	403,0 грм.	357,0 грм.

4-й случай. Василій Проск—ковъ, служитель Красносельскаго продовольственнаго магазина, 23 лѣтъ, изъ крестьянъ Олонецкой губ., Каргопольскаго уѣзда, земледѣлецъ, православный. Поступилъ въ Семеновскій-Александровскій военный госпиталь 27 сентября, умеръ 2 октября 1895 года. Вскрытіе произведено мною 3 октября, причѣмъ констатированъ брюшной тифъ; никакихъ хроническихъ измѣненій при вскрытіи въ оболочкахъ и веществѣ мозга не найдено; мягкая и паутинная оболочки оказались, какъ это бываетъ при тифѣ, рѣзко застойно полнокровными, но были совершенно прозрачны и тонки. Вѣсъ мозга съ паутинной и мягкой оболочками равенъ 1332,0 грм.

Мозгъ уплотненъ въ водномъ растворѣ формалина, въ которомъ онъ содержался нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ изъ него сдѣланъ сухой препаратъ по Giacomini. (См. табл. II, рис. 5 и 6).

Gyrus intercentralis medius имѣется на правомъ полушаріи. Хотя онъ и виденъ уже при снятіи мягкой оболочки, но *развѣтъ не вполне* (см. *α*, табл. II, рис. 5 и 6), такъ какъ приблизительно въ серединѣ онъ ниже уровня гребней сосѣднихъ извилинъ.

Борозды и извилины праваго полушарія довольно сложны, значительно изогнуты, хотя довольно крупны. Лобная доля представляетъ довольно отчетливое развитіе бороздъ и извилинъ. На ней имѣется *sulcus frontalis medius*. Въ центральной области обѣ Роландовы извилины представляются довольно сильно развитыми и излучистыми. На лѣвомъ полушаріи въ общихъ

Таблица II.

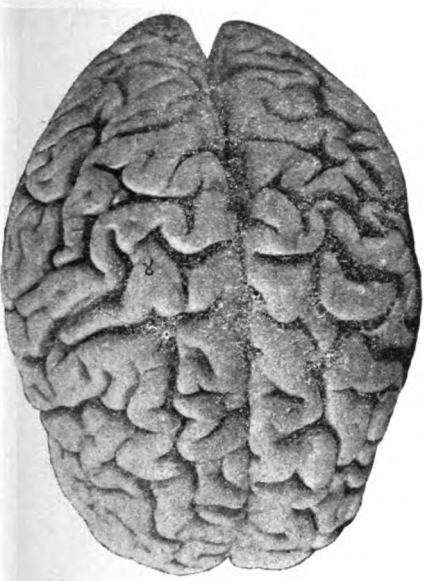

Рис. 6.

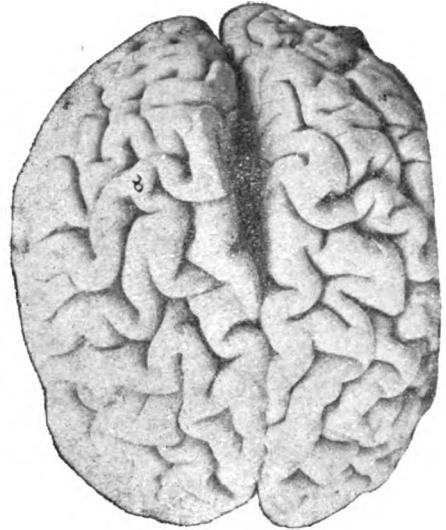
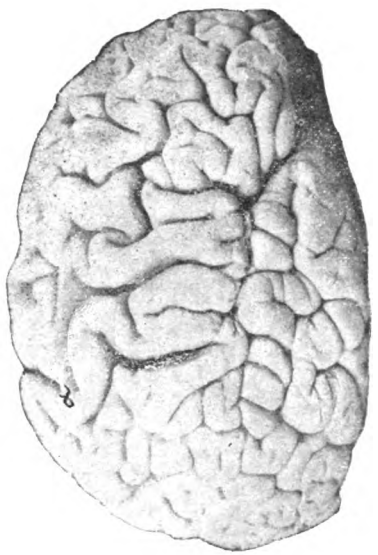

Рис. 8.

Рис. 5.

UNIV. OF CALIFORNIA

70 1000
AIRPORT 100

чертах сходный съ правымъ характеръ бороздъ и извилинъ; но при этомъ лобная область нѣсколько отчетливѣе дѣлится на извилины. Въ отношеніи проявленія тероморфизма въ другихъ областяхъ коры большого мозга слѣдуетъ сказать, что такового не усматривается: *fissura calcarina* съ *parieto-occipitalis* соединяются нормально на обоихъ полушаріяхъ; имѣется, впрочемъ, перерывъ въ заднемъ концѣ лѣвой *fiss. calcarina*, гдѣ образуются, благодаря перекрещиванію ея вертикальною бороздою, два мостика по обѣ стороны послѣдней. Обѣ *fissurae parieto-occipitalis* сильно развиты; правая соединяется на выпуклой поверхности мозга съ *sulc. interparietalis*, лѣвая на 3 см. выходитъ на выпуклую поверхность мозга. Клинь на обоихъ полушаріяхъ хорошо развитъ.

При подробномъ изслѣдованіи центральной области правого полушарія оказывается, что правая Роландова борозда умѣренно наклонена кзади. Она перервана мостикомъ выше мѣста соединенія ея средней трети съ верхнею, такъ что *gyrus intercentralis* лежитъ противъ верхней лобной борозды. Этимъ мостикомъ Роландова борозда дѣлится на два отрѣзка. Нижній отрѣзокъ слегка излучистъ и образуетъ двѣ излучины, выпуклостью обращенныя назадъ; излучины эти раздѣлены короткою идущею впередъ вѣточкою (противъ *sulcus frontal. inferior*). Нижній конецъ *sulci Rolandici inferioris* обращенъ впередъ и довольно постепенно сходитъ на нѣтъ на 0,5 см. выше горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды; верхній конецъ дѣлится вилообразно, причемъ задняя, довольно значительная вѣтвь обращена назадъ. *Sulcus Rolandicus superior* довольно сложенъ и вѣтвистъ. Нижній его конецъ на выпуклой поверхности полушарія оканчивается Т-образнымъ развѣтвленіемъ параллельно *fissura interhemisphaerica*, причемъ передняя вѣтка не глубоко врѣзывается въ переднюю центральную извилину, а задняя на концѣ представляетъ новое Т-образное дѣленіе, обращенное переключиною прямо почти назадъ, отчего и зависитъ нѣкоторая S-образная изогнутость мостика между центральныхъ извилинъ. Верхній конецъ *sulci Rolandici superioris* глубоко наискось прорѣзавъ внутренній край полушарія, выходитъ на парацентральную дольку въ самомъ заднемъ ея сегментѣ позади запято-образнаго вертикальнаго *sulcus paracentralis* и впереди охватывающаго его конца *sulci calloso-marginalis*,

вилообразно развѣтвляющагося, но не выходящаго на выпуклую поверхность мозга.

Предцентральныя борозды двѣ. *Sulc. praecentralis superior* оканчивается вверху, не доходя до *fiss. pallii*, причѣмъ конецъ этотъ обращенъ назадъ. Нижній конецъ этой борозды оканчивается позади верхняго конца нижней предцентральной борозды, выше идущей впередъ короткой вѣточки Роландовой борозды. Въ верхнемъ отдѣлѣ *sulci praecentralis superioris* въ него впадаетъ верхняя лобная борозда. Что касается *sulc. praecentralis infer.*, то онъ, начинаясь вверху впереди нижняго конца верхней предцентральной борозды, внизу впадаетъ въ Сильвиеву борозду. На своемъ пути онъ принимаетъ спереди *sulc. frontal. infer.*, а немного ниже отдаетъ коротенькую вѣточку назадъ, обуславливая этимъ изгибъ передней центральной извилины.

Sulcus retrocentralis весьма излучистъ и вѣтвистъ, особенно вверху, обуславливая этимъ значительную извилистость верхняго конца задней центральной извилины. Собственно заднецентральная борозда состоитъ изъ двухъ отрѣзковъ: *sulcus retrocentralis superior* и *inferior*. Первый — болѣе длинный — принимаетъ въ себя *sulc. interparietalis*; нижній его конецъ находится позади верхняго конца *sulci retrocentralis infer.*, котораго нижній конецъ, въ свою очередь, впадаетъ уже въ заднюю горизонтальную вѣтвь Сильвиевой борозды.

Изъ описанія взаимоотношенія борозды центральной области видно, что передняя центральная извилина, помимо межцентрального мостика, имѣетъ еще соединенія въ видѣ двухъ переходныхъ складокъ: одну къ *gyrus frontalis primus* посредствомъ складки, идущей по краю *fiss. pallii* надъ верхнимъ концемъ *sulci praecentralis super.*; и другую, идущую вверху между другъ къ другу обращенными концами верхней и нижней предцентральной борозды, къ *gyrus frontalis secundus*.

Gyrus centralis posterior также имѣетъ двѣ переходныя складки: одну по краю *fiss. pallii* надъ верхнимъ концемъ *sulc. retrocentralis super.* къ *lobulus parietalis superior* и другую, идущую внизъ между сближающихся концовъ нижней и верхней заднецентральныхъ борозды, — къ нижней темянной долькѣ.

Внизу обѣ центральныя извилины соединены между собою посредствомъ *gyr. intercentralis infer.*, слегка прорѣзаннаго незначительнымъ *sulco subcentral. anter.* для *arter. frontalis as-*

Таблица III.

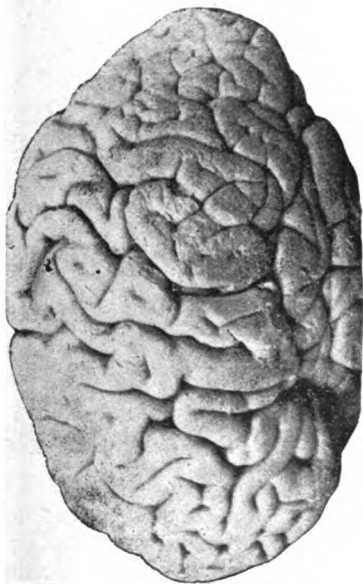

Рис. 9.

Рис. 10.

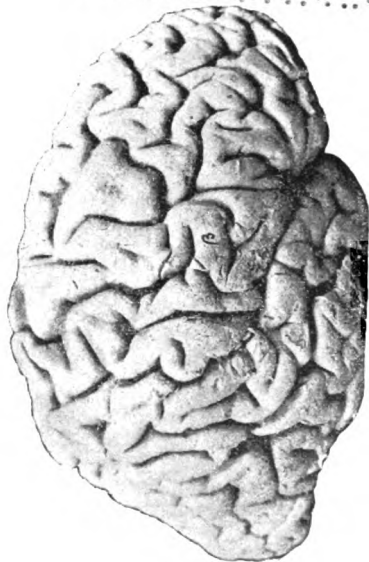

Рис. 11.

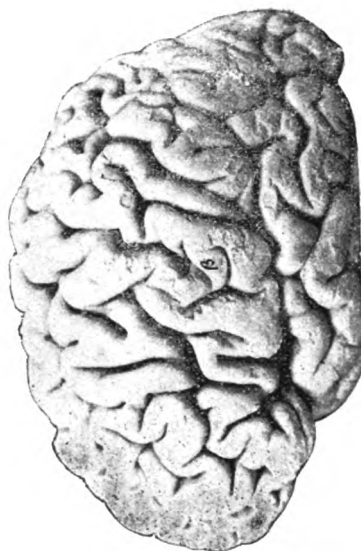

Рис. 12.

Digitized by Google

THE NEW
LIBRARY

сcendens. Вверху, между центральными извилинами мостикъ отсутствуетъ: его замѣняетъ вся парацентральная долька. Въ срединѣ, на границѣ верхней и средней трети Роландовой борозды, какъ сказано уже было выше, имѣется *gyrus intercentralis medius*, незначительно S-образно изогнутый и образующій съ центральными извилинами наклоненную къзади букву Н.

Какъ передняя, такъ и задняя центральныя извилины имѣютъ продольныя и поперечныя третичныя бороздки преимущественно на менѣ извилистыхъ нижнихъ и среднихъ ихъ частяхъ, вслѣдствіе чего рисунокъ центральной области нѣсколько усложняется.

Измѣренія на сухомъ препаратѣ дали слѣдующія цифры:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды . . .	7,83 см.	8,03 см.
> нижняго ея отрѣзка . . .	5,67 »	— »
> верхняго ея отрѣзка . . .	3,27 »	— »
Длина <i>gyr. intercentr. med.</i> . . .	3,45 »	— »
Ширина его	0,92 »	— »
Вѣсъ полушарій	522,0 грм.	548 грм.

5-й случай. Леонтій Вн—ковъ, ряд. Л.-гв. Павловскаго полка, 22 лѣтъ отъ роду, изъ крестьянъ Курской губ. Путивльскаго уѣзда, земледѣлецъ, православный. Поступилъ въ Красносельскій военный госпиталь 29 іюня, умеръ 20 іюля 1902 г. Вскрытіе произведено мною 22 іюля; подтвержденъ діагнозъ—*turphus abdominalis*. Изъ протокола вскрытія видно, что черепъ Вн—кова принадлежалъ къ гипербрахицефалическому типу, а именно его черепной показатель оказался $\frac{151,100}{176} = 85,7$. Черепныя кости умѣренной толщины (на мѣстѣ распила въ лобной и затылочной области = 0,5 при вѣсѣ черепной крышки въ 340,0 грм.), на свѣтъ не просвѣчиваютъ. Оболочки мозга нормальны, въ субарахноидальныхъ пространствахъ содержится отечная жидкость. Вѣсъ мозга 1364,0 грм. Ростъ $19\frac{4}{8}$ вершка (въ полку—20 верш.) при вѣсѣ тѣла 169,0 фунт. (Данныя роста и вѣса тѣла взяты изъ медицинскаго листа).

Мозгъ консервированъ въ водномъ растворѣ формалина. (См. табл. III, рис. 9).

Gyrus intercentralis medius имѣется на лѣвомъ полушаріи въ видѣ мостика, не достигающаго уровня гребней сосѣднихъ извилинъ, слѣдовательно *не столько развитое* (см. α, табл. III, рис. 9), хотя явственно замѣтнаго на мозгѣ съ снятыми оболочками безъ раздвиганія краевъ Роландовой борозды, что принято считать признакомъ полнаго перерыва вышеупомянутой борозды.

Центральная область лѣваго полушарія въ общемъ довольно просто устроена, особенно внизу. Обѣ лобныя борозды хорошо развиты и лишь впереди не особенно явственно очерчены, благодаря переходнымъ складкамъ, въ зависимости отъ чего лобныя извилины отчетливо раздѣлены только въ заднемъ концѣ.

Правое полушаріе представляетъ очень простое устройство центральныхъ извилинъ, которыя одинаково развиты и идутъ почти прямо на всемъ протяженіи, какъ и раздѣляющій ихъ *sulcus Roland.* Послѣдній вверху оканчивается обычнымъ образомъ близъ края полушарія у *fiss. pallii*, внизу же довольно значительно не доходить до края *operculi*.

Проявленій тероморфизма и аномалій въ другихъ бороздахъ и извилинахъ не замѣчается: *fissura calcarina* нормально соединяется съ *fiss. parieto-occipitalis* на обоихъ полушаріяхъ. *F. par-occip.* слѣва едва лишь (см. 1,5) заходитъ на выпуклую поверхность мозга; справа же борозда эта выходитъ на выпуклую поверхность мозга на 3,0 см., благодаря, прерванному лишь глубинною извилинкою, соединенію съ поперечною, имѣющеюся на этой поверхности бороздою. *Sulcus Rolandicus sin.* состоитъ изъ двухъ отрѣзковъ. Нижній — *Sulcus Rolandicus infer.* — имѣетъ видъ дуги слабовыпуклой впереди и вверхъ, при чемъ нижнее окончаніе его не доходитъ на 1,5 см. до *ram. horizontalis posterior fiss. Sylvii s. lateralis*. На своемъ пути нижняя Роландова борозда не отдѣляетъ ни одной вѣтки, слегка извилиста и надъ серединою образуетъ небольшое колѣно вперёдъ. Вверху *sulc. Rolandicus infer.* сходитъ на нѣтъ въ серединѣ *gyri intercentralis medii*. *Sulc. Rolandicus super.* имѣетъ S-образную форму, довольно длиненъ и хорошо развитъ. Внизу онъ оканчивается небольшимъ треугольнымъ углубленіемъ на задней центральной извилинѣ и отдаетъ нѣсколько выше двѣ мелкія вѣточки (вѣрнѣе зазубринки) назадъ. Пovyше — на верхнемъ ея изгибѣ имѣется вѣточка вперёдъ. Верхній конецъ Роландовой борозды идетъ косо назадъ и внутрь къ *fiss. pallii*, почти на краю которой

и оканчивается, будучи охваченъ сзади концомъ sulci callosomarginalis. s. Cuneuli, на 1,0 см. выходящимъ на наружную поверхность полушарія. На парацентральную дольку, такимъ образомъ, Роландова борозда не выходитъ, оканчиваясь у самого задняго ея сегмента.

S. praecentralis inf. — значительной длины, почти совсѣмъ прямой. Середину его подъ прямымъ угломъ пересѣкаетъ задній конецъ нижней лобной борозды. Нижнее окончаніе s. praecentralis infer., заканчиваясь небольшою ямочкою, не доходить на 0,5 до ram. horizontalis fiss. Sylvii позади ея вертикальной вѣтви. Верхній конецъ находится, сходя на нѣтъ, у задняго конца верхней лобной борозды впереди нижняго конца sulci praecentralis superioris. Эта послѣдняя борозда образуетъ два колѣна: нижнее — впередъ и верхнее — назадъ, при чемъ на пути отдѣляетъ три короткія вѣточки — двѣ впередъ и одну назадъ. Нижній конецъ верхней предцентальной борозды оканчивается, загнувшись назадъ у самой почти нижней Роландовой борозды, верхній же подъ прямымъ почти угломъ глубоко прорѣзаетъ внутренній край полушарія и на 1,5 см. почти заходитъ на парацентральную дольку, имѣющую овальную форму. Конецъ предцентальной борозды загибается здѣсь слегка назадъ противъ змѣнообразнаго, вертикальнаго, довольно значительнаго sulc. praecentralis.

Sulc. retrocentralis тянется черезъ все полушаріе, очень излучистъ и на своемъ пути отдѣляетъ небольшія вѣточки — впередъ (двѣ) и назадъ (одну). Кромѣ того, въ середину ея впадаетъ хорошо развитая межтемянная борозда. Нижній конецъ заднецентральной борозды глубоко прорѣзаетъ край нижней темянной долики и впадаетъ въ fiss. Sylvii, верхній же конецъ образуетъ Т-образное окончаніе параллельно заднему концу sulci callosomarginalis на довольно значительномъ разстояніи отъ fiss. pallii.

Gyrus centralis anterior, хотя довольно излучистъ, но менѣе сложенъ, благодаря меньшему количеству третичныхъ бороздокъ и вѣтокъ сосѣднихъ бороздъ, чѣмъ gyr. centralis post. Отъ передней центральной извилины взадъ отходятъ три переходныя складки: двѣ болѣе узкія — gyrus intercentralis superior и medius, и одна широкая — gyrus intercentralis inferior, какъ бы удвоенная, благодаря тому, что ниже конца Роландовой борозды здѣсь имѣется небольшая горизонтальная бороздка. Впередъ отъ пе-

редней центральной извилины отдѣляются два мостика: одинъ къ нижней части третьей лобной извилины—подъ нижнимъ концомъ *sulci praescentralis infer.*, а другой, идущій вверхъ,—къ верхней части второй лобной извилины между сближающимися концами обѣихъ предцентральныхъ бороздъ. Къ первой лобной извилинѣ нѣтъ переходной складки, вслѣдствіе окончанія *sulci praescentralis* на внутренней поверхности полушарія. Передняя центральная извилина имѣетъ неглубокій перерывъ.

Gyrus centralis poster. значительно сложнѣе, чѣмъ передняя центральная извилина, вслѣдствіе сильно изрѣзывающихъ его вѣтокъ сосѣднихъ бороздъ, а также многочисленныхъ третичныхъ бороздокъ и вдавленій на его поверхности. Внизу эта извилина разрѣзается продольно вертикальнымъ, неглубокимъ, но довольно длиннымъ *sulc. subcentralis poster.* Здѣсь задняя центральная извилина образуетъ внизу—одну *pli. de passage*, именно *gyr. intercentralis infer.*, въ серединѣ другую—*gyrus intercentralis medius*, а вверху раздѣляется на двѣ переходныя складки—на болѣе слабую—*gyr. intercentralis super.* и на сильно развитую переходную складку—къ верхней темянной долькѣ.

Gyrus intercentralis medius, вслѣдствіе неправильнаго очертанія прилегающихъ частей центральныхъ извилинъ, не имѣетъ Н-образной формы, хотя ни та, ни другая центральныя извилины перерыва въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ мостикомъ не имѣютъ. Самый мостикъ слегка изогнутъ и нѣсколько ниже гребней сосѣднихъ извилинъ.

При измѣреніяхъ мозга, произведенныхъ на формалиновомъ препаратѣ, получились слѣдующія цифры:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды . . .	8,18 сант.	8,03 сант.
» нижняго ея отрѣзка . . .	—	6,61 »
» верхняго » » . . .	—	3,44 »
» <i>gyr. intercentr. med.</i> . . .	—	2,57 »
Ширина » » » . . .	—	1,21 »
Вѣсъ полушарій	606,0 грм.	605,0 грм.

6-й случай. Эдуардъ Августовичъ Люр—гъ 53 лѣтъ отъ роду, уроженецъ г. Пернова Лифляндской губ., цеховой кон-

дитерь, кондитерскій подмастерье Высочайшаго двора, лютеранскаго вѣроисповѣданія.—Умеръ въ С.-Петербургскомъ госпиталѣ Дворцоваго вѣдомства, называемомъ обыкновенно Конюшеннымъ,—отъ pneumonia chronica bilateralis. Вскрытiе произведено мною 12 марта 1903 года, при чемъ вѣсъ мозга съ паутинною и мягкой оболочками оказался 1561,0 граммъ.—Мозгъ консервированъ въ водномъ растворѣ формалина. (См. табл. II, рис. 7 и 8).

Gyrgus intercentralis medius имѣется на правомъ полушаріи въ видѣ *не вполне развитого мостика* (см. а, табл. II, рис. 7 и 8), т. е. недостигающаго уровня гребней сосѣднихъ извилинъ, хотя онъ тотчасъ при снятіи мягкой оболочки ясно замѣтенъ на уровнѣ верхней лобной борозды. Характеръ верхняго отдѣла центральной области праваго полушарія довольно рѣзко измѣненъ съ одной стороны образованіемъ вышеозначеннаго мостика, а съ другой соединеніемъ *sulci Rolandici super.* съ *sulcus mesialis* и *sulcus praecentralis super.* Вообще борозды и извилины центральной области этого полушарія очень излучисты. Лобная доля явственно раздѣлена на три извилины двумя хорошо развитыми лобными бороздами; *sulk. mesialis* имѣется лишь въ задней части верхней лобной извилины.

На лѣвомъ полушаріи центральныя извилины сложны и излучисты, передняя перервана и толще задней. Роландова борозда оканчивается нормальнымъ образомъ на краю *fiss. interhemisphaerica*. Лобныя извилины особенно въ заднемъ отдѣлѣ сформированы отчетливо.

Рѣзко выраженныхъ проявленій тероморфизма и аномалій въ устройствѣ бороздъ и извилинъ не замѣчается, хотя *fissura parieto-occipitalis* обоихъ полушарій довольно сильно развита и справа соединяется съ *sulc. interparietalis*, а слѣва хоть и не соединяется, но идетъ далеко на выпуклую поверхность мозга, благодаря соединенію съ бороздою того же направленія, лишь въ глубинѣ отдѣленною отъ затылочно-темянной борозды. Соединеніе *fiss. parieto-occipitalis* съ *fiss. calcarina*—обычное. Обѣ *fiss. calcarinae* представляютъ нѣкоторое уклоненіе въ заднемъ концѣ: правая коротка и отдѣлена отъ *lobulus extremus* вертикальною бороздою въ задней части *sinei*, лѣвая же пересѣкается въ заднемъ концѣ аналогичною вертикальною бороздою, но безъ образованія поверхностныхъ мостиковъ. Оба клина хорошо развиты.

Подробное изслѣдованіе центральной области праваго полу-

шаря обнаруживает, что *sulc. Rolandicus inferior*, какъ обыкновенно, образуетъ дугу, обращенную выпуклостью вверхъ и впередъ, при чемъ на самомъ выпукломъ мѣстѣ этой дуги имѣется заломъ—колѣно впередъ. Нижний конецъ этого отрѣзка Роландовой борозды, поворачивая слегка взадъ, оканчивается на 0,5 см. выше Сильвиевой борозды и имѣетъ довольно значительныя и глубокія вѣточки, изъ которыхъ тѣ, что пониже, идутъ взадъ, а что повыше—впередъ. Вверху *sulc. Rolandicus infer.* оканчивается развилиною съ довольно значительными вѣтвями, надъ которыми и лежитъ выпуклая книзу *gug. intercentralis medius*. *Sulcus Rolandicus super.* также имѣетъ видъ выпуклой впередъ дуги, оканчивающейся внизу также развилиною, болѣе короткая передняя вѣтка которой приходится противъ вогнутой верхней стороны средняго межцентрального мостика. Верхний конецъ *sulc. Roland. sup.* идетъ перпендикулярно къ внутреннему краю полушаря и, глубоко его прорѣзавъ, выходитъ чуть-чуть наискось на овальной формы, лишенную *sulcus praecentralis*, парацентральной дольки. Верхний конецъ *sulc. Rolandici super.* сзади охватывается уже на внутренней поверхности полушаря заднимъ концомъ *sulc. calloso-marginalis*, который оканчивается, вилообразно дѣлясь на концѣ, на внутренней же поверхности полушаря. Въ серединѣ своей *sulc. Rolandicus super.* соединяется съ глубокою бороздою, идущею впередъ (*sulcus frontalis mesialis*), которую снизу вверхъ какъ бы пересѣкаетъ *sulc. praecentralis*.

Sulcus praecentralis не раздѣленъ, идетъ черезъ все полушаріе, извилистъ, вѣтвистъ. Внизу онъ начинается треугольнымъ углубленіемъ въ разстояніи около 1,0 см. надъ *gum. horizontalis post. fiss. Sylvii* и идетъ сперва почти прямо параллельно Роландовой бороздѣ, образуя лишь небольшія излучинки. На пути предцентральная борозда отдаетъ нѣсколько вѣтокъ впередъ (2) и назадъ (3), а вверху пересѣкаетъ *sulc. mesialis*, идущій параллельно внутреннему краю полушаря отъ *sulcus Rolandicus super.* Внизу изъ предцентральной борозды начинается нижняя лобная борозда.

Sulc. retrocentralis, какъ и предыдущая борозда, пересѣкаетъ все полушаріе, образуя два колѣна: внизу—впередъ, вверху—назадъ; отъ обоихъ колѣнъ идутъ довольно глубокія вѣточки. Внизу борозда начинается вилочкою, передняя вѣтка которой переходитъ въ *sulc. subcentralis poster.*, весьма сильно

развитый. Вверху *sulc. retrocentralis* оканчивается Т-образно, параллельно *fissura cerebri magna*.

Благодаря наложенному распределению бороздъ, *gyrus centralis posterior* образуетъ, крокъ средняго мостика, вверху лишь одну *pli de passage* — къ верхней теменной долькѣ. Внизу же видѣются двѣ переходныя извилины: одна, сильно развитая, между *sulc. retrocentralis* и *subcentralis poster.* — къ нижней теменной долькѣ; другая, огибающая нижній конецъ Роландовой борозды, — къ передней центральной извилинѣ.

Gyrus centralis anteg. извилисть вверху, какъ сказано выше, перерванъ и пониже, у соединенія средней и верхней трети Роландовой борозды, образуетъ средній межцентральный мостикъ. Оторванная верхняя часть передней центральной извилины образуетъ длинную переходную извилинку надъ *sulc. mesialis* къ верхнему этажу медиальной части 1-й лобной извилины. Внизу, благодаря небольшому, но ясно сформированному *sulc. subcentralis anteg.*, видѣются двѣ рѣзко раздѣленные переходныя извилины: одна — впередъ къ 2-ой лобной извилинѣ, другая — нижняя межцентральная.

Провѣденныя измѣренія мозга дали слѣдующія цифры:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды	8,15 см.	8,00 см.
» нижняго ея отрѣзка	6,07 »	— »
» верхняго	2,34 »	— »
Длина <i>gug. intercentr. med.</i>	2,90 (2,19)	— »
Ширина »	0,78 см.	— »
Вѣсъ полушарій	659,0 грм.	667,0 грм.

Заключивъ этимъ описаніе найденныхъ лично мною случаевъ перерыва центральной борозды, я считаю необходимымъ коснуться также и случая д-ра Свенторжецкаго, въ виду нѣкоторыхъ его особенностей, тѣмъ болѣе, что описаніе этого случая, насколько мнѣ извѣстно, д-ромъ Свенторжецкимъ опубликовано не было со времени доклада о немъ въ засѣданіи Общества Психіатровъ въ гор. С.-Петербургѣ, 26-го марта 1894 года. Такъ какъ препаратъ этого мозга былъ переданъ д-ромъ Свенторжецкимъ въ мое распоряженіе, то помимо снятаго мною фотографическаго снимка, я привожу здѣсь также и описаніе, сдѣланное мною съ препарата.

Мозгъ въ случаѣ д-ра Свенторжецкаго принадлежалъ идиоту-эпилептику. Перерывъ Роландовой борозды въ видѣ сильно и *вполнѣ развитого мостика* наблюдался на *лѣвомъ* полушаріи мозга (см. «, табл. III, рис. 10), на которомъ макроскопически по крайней мѣрѣ нигдѣ вообще, а въ центральной области и на мѣстѣ перерыва въ частности, не было замѣчено никакихъ патологическихъ измѣненій. Эти измѣненія, повидимому, наблюдались только лишь на правомъ полушаріи большого мозга въ видѣ отдѣльныхъ фокусовъ локализованнаго склероза мозговой ткани, какъ это доказало и микроскопическое изслѣдованіе, произведенное мною надъ вырѣзанными частями мозга, пораженными вышеозначеннымъ процессомъ ¹⁾.

¹⁾ Мною были взяты для микроскопическаго изслѣдованія два объекта, вырѣзанные цѣлкомъ изъ всей стѣнки мозгового полушарія до полости бокового желудочка. Такимъ образомъ, на срѣзахъ изъ, залитыхъ въ целлондинъ, препаратовъ получалась частица мозгового полушарія со всѣми своими слоями, начиная отъ мягкой и паутинной оболочки снаружи и до эпендимы (какъ въ этомъ можно было убѣдиться, благодаря сохранившемуся мѣстамъ эпителию) внутри. Атрофія здѣсь достигала мѣстами столь рѣзкой степени, что толщина всего мозгового вещества при точномъ измѣреніи на микроскопическихъ препаратахъ не превышала 1 см. (0,91), а оставшееся еще не атрофированнымъ бѣлое вещество длинныхъ ассоціаціонныхъ путей, повидимому, связывающихъ одно полушаріе съ другимъ и лежащихъ поблизости эпендимы тареті бокового желудочка, имѣло въ толщину всего только 0,05 см., какъ показало измѣреніе чернаго слоя, окрашенныхъ по Weigert'у, срѣзовъ. Такимъ образомъ атрофія бѣлаго вещества достигала высокой степени, приближаясь уже по характеру къ поренцефаліи. Детальное микроскопическое изслѣдованіе срѣзовъ показало, что мѣлиновыя волокна остались только въ вышеозначенномъ длинномъ ассоціаціонномъ пути и то лишь во внутреннихъ, прилежащихъ къ эпендимѣ желудочка, слояхъ, будучи замѣнены въ прочіихъ мѣстахъ разросшеюся невруглюю. Въ наиболѣе атрофированныхъ участкахъ въ этажахъ бѣлага вещества, лежащихъ выше только что указаннаго длиннаго ассоціаціоннаго пути, мѣлиновыя волокна совершенно, можно сказать, исчезли вслѣдствіе рѣзкаго и стараго гломатоза: здѣсь лишь изрѣдка пробѣгаютъ среди склерозирующей ткани отдѣльныя четкообразно вздутыя и извѣстныя мѣлиновыя волокна, почти исключительно радіальнаго направленія, а тангенціальныя вполнѣ отсутствуютъ и появляются въ незначительномъ числѣ лишь въ сосѣднихъ, менѣе атрофированныхъ участкахъ мозга. Вообще говоря, микроскопическое изслѣдованіе обнаруживаетъ, что мозговой воспалительный процессъ не закончился вполнѣ и носитъ характеръ хроническаго локализованнаго и что сморщиваніе мозговой ткани съ распаденіемъ нервныхъ элементовъ продолжается. Дѣйствительно, кровеносные сосуды повсюду набиты красными кровяными тѣльцами, мѣстами периваскулярныя пространства заполнены эмигрировавшими блуждающими тѣльцами, которыя встрѣчаются повсюду на срѣзахъ въ увеличенномъ количествѣ, мѣстами даже образуя небольшія скопленія. Нервные клетки въ наиболѣе атрофированныхъ участкахъ совсѣмъ исчезли, въ сосѣднихъ же, менѣе подвергшихся атрофіи, представляютъ всѣ явленія пигментно-жировой дегенерации и распада. Гдѣ процессъ атрофіи достигъ наивысшей степени, тамъ вслѣдствіе рѣзкой гломатозы: ткань представляется разрыхленною, петлестою, съ пустотами и съ массой паучьихъ образныхъ клѣтокъ. Какъ наилучшее подтвержденіе того, что воспалительный процессъ еще не закончился, можно указать на скопленія мѣстами зернистыхъ

Уже при первомъ взглядѣ на лѣвое полушаріе большого мозга въ описываемомъ случаѣ бросается въ глаза рѣзкое на-
мѣненіе центральной области, останавливающее на себѣ вни-
маніе исследователя. Лобныя извилины представляются въ
данномъ случаѣ весьма широкими массивными, центральныя
менѣе широки, прочія же довольно узки, тонки; всѣ вообще
борозды и извилины очень залучисты. Лобныя борозды доволь-
но ясно очерчены, хотя между ними много *plis de passage*;
вторая лобная извилина удвоена, благодаря существованію *sulc.*
frontalis medialis.

Проявленій тероморфизма на лѣвомъ полушаріи неза-
мѣтно: *fiss. parieto-occipitalis* соединяется нормально съ *fiss.*
calcarina и недалеко заходитъ на выпуклую поверхность мозга.
Клинь хорошо развитъ. За отсутствіемъ праваго полушарія,
которое было использовано мною нѣсколько лѣтъ тому на-
задъ для микроскопическаго изслѣдованія (приведеннаго въ
выноску на стр. 128), данныхъ относительно него у меня не
имѣется.

При подробномъ изслѣдованіи центральной области ока-
залось, что *sulcus Rolandicus* состоитъ изъ двухъ частей, изъ
которыхъ нижняя—*sulc. Rolandicus inf.* проходитъ почти со-
всѣмъ прямо снизу вверхъ и сзади напередъ, слегка лишь
извиваясь. Нижний его конецъ сходитъ на нѣтъ значительно
выше горизонтальной вѣтви Сильвиевой борозды, будучи от-
дѣленъ отъ послѣдней сильно развитымъ *sulc. subcentralis*
anter., который, начинаясь въ свою очередь въ Сильвиевой
бороздѣ, идетъ, подымаясь сначала очень полого, а потомъ
болѣе круто, спереди назадъ и снизу вверхъ. *Sulc. subcen-*
tralis poster. слегка лишь зазубриваетъ нижній конецъ задней
центральной извилины. Приблизительно на половинѣ своей
длины нижняя Роландова борозда отдѣляетъ одну короткую
вѣточку впередъ, а другую болѣе длинную назадъ; эта по-
слѣдняя, прорѣзавъ наискось внизъ заднюю центральную изви-
лину, переходитъ въ нижнюю постцентральную борозду.
Вверху *sulc. Rolandicus infer.* оканчивается небольшою Т-об-

шаровъ, содержащихъ распавъ нервной ткани, что особенно отчетливо видно
на срѣзахъ, окрашенныхъ по видоизмѣненному мною способу Weigert'a (см.
мою замѣтку «Квасцы при Weigert'скомъ способѣ окраски центральной нерв-
ной системы» въ Вѣстн. Клинич. и Судебной Психіатріи и Невропатологіи
проф. И. П. Мержевскаго. Годъ X (1894), вып. II, стр. 106).

равною перекладною почти параллельно внутреннему краю полушарія, т. е. *fiss. interhemisphaerica*. Надъ этимъ окончаніемъ въ видѣ свода проходитъ *gyrus intercentralis medius*. *Sulc. Rolandicus super.* въ формѣ короткой, но глубокой бороздки идетъ сперва прямо къ *fiss. interhemisphaerica*, а затѣмъ новорачиваетъ назадъ и, слегка наискось подойдя къ краю полушарія, здѣсь чуть-чуть заходитъ на парацентральную долю въ самомъ заднемъ ея сегментѣ, при чемъ охватывается свадомъ окончаніемъ *sulc. calloso-marginalis*. Нижний конецъ *s. Rolandici sup.*, имѣющаго въ общемъ болѣе или менѣе вертикальное направленіе, оканчивается въ глубокой перпендикулярной къ *sulc. Rolandicus sup.* бороздѣ, которая соединяетъ *sulc. praesentralis sup.* съ *sulc. retrocentralis sup.*

Sulc. praesentralis infer. оканчивается внизу въ *fiss. Sylvii* и затѣмъ, дугообразно обогнувъ длинный *sulc. subcentralis anter.*, на верхнемъ окончаніи своемъ образуетъ развилину, обращенную взадъ и слегка вверхъ у передней вѣточки, отходящей отъ нижней Роландовой борозды. *Sulcus praesentralis sup.*, имѣющій слегка дугообразную форму и обращенный вышуклостью впередъ, сливается внизу съ заднимъ концомъ *sulc. frontalis super.*, образуя развилину, обращенную взадъ и внизъ, вверхъ же доходитъ почти до *fiss. interhemisphaerica*. Борозда эта отдѣляетъ одну довольно длинную вѣтку впередъ, идущую параллельно внутреннему краю полушарія и составляющую отрѣзокъ *sulc. mesialis*, а другую вѣтку — назадъ, служащую какъ бы продолженіемъ *sulc. mesialis* и прерывающую обѣ центральныя извилины, при чемъ она соединяется въ области перерыва съ *sulc. Rolandicus super.*, какъ было сказано выше.

Sulc. retrocentralis также состоитъ изъ двухъ бороздъ. *Sulc. retrocentralis inf.*, совсѣмъ прямой, начинается внизу изъ *gash. horizontalis fiss. Sylvii*, а сверху впадаетъ въ Роландову борозду, образуя вышеописанный глубокий перерывъ задней центральной извилины. *Sulc. retrocentralis sup.* S-образный, нижній его конецъ сходитъ на нѣтъ у нижней Роландовой борозды; вблизи него взадъ отходитъ *sulc. interparietalis*. У верхняго конца впередъ отдѣляется описанная уже борозда, соединяющая прае- и *retrocentral'*ную борозды.

Gyr. centralis anterior вверху сильно извилистъ и надъ верхнимъ T-образнымъ концомъ нижней Роландовой борозды

въ видѣ свода перебрасывается на заднюю центральную извилину, образуя такимъ образомъ *gug. intercentralis medius*. Верхній конецъ передней центральной извилины, какъ было сказано, отрѣзанный вышеописаннымъ перерывомъ, соединяется мостикомъ лишь съ 1-ю лобною извилиною, такъ какъ *gug. intercentralis super.* отсутствуетъ, благодаря окончанію Роландовой борозды на парацентральной долькѣ. Между *sulc. praecentralis infer.* и *superior* впередъ отъ центральной извилины отходить переходная складка къ 2-й лобной извилинѣ. Вышеуказана *gug. intercentr. infer.*, проходящій между *sulcus subcentralis anterior* и нижнимъ концомъ Роландовой борозды.

Gug. centralis post. образуетъ лишь переходную складку къ нижней теменной долькѣ между *Sulc. retrocentr. infer.* и *super.* Вверху имѣется длинный мостикъ отъ верхняго отрѣзка задней центральной извилины къ верхней теменной долькѣ. Задняя центральная извилина менѣе излучиста, чѣмъ передняя.

Измѣренія произведены лишь на лѣвомъ полушаріи мозга, который первоначально былъ консервированъ въ 2% раствора двухромовокислого кали, а затѣмъ перенесенъ въ водный растворъ формалина для того, чтобы остановить начавшееся было разложене. Получено при измѣреніи слѣдующее:

Длина <i>sulci Roland. sin</i>	8,03	сант.
» нижняго ея отрѣзка	5,69	>
» верхняго	1,99	>
» <i>gug. intercentr. med.</i>	3,66	>
Ширина	1,22	>

Считаю не лишнимъ къ приведеннымъ 7 случаямъ явственно выраженаго перерыва центральной области, хотя и не одинаково во всѣхъ случаяхъ развитаго, добавить краткое перечисленіе, встрѣтившихся мнѣ, 5 случаевъ также рѣдко наблюдаемой сильно развитой глубинной извилины на типичномъ для *gyrus intercentralis medius* мѣстѣ, когда эта глубинная извилина видна тотчасъ при раздвиганіи краевъ центральной борозды въ видѣ очень высокаго валика, идущаго поперекъ дна вышеуказанной борозды. Случаи эти слѣдующіе:

1 случай. Дмитрій Чис—ковъ 60 лѣтъ, крестьянинъ-землепашецъ, Ярославской губ., Мышкинского уѣзда. Умеръ

отъ эксудативнаго плеврита, въ больницѣ Общ. сестеръ милосердія Св. Георгія въ Спб. Вскрытіе 28 декабря 1905 г. Вѣсъ мозга 1395,0. Высокая глубинная извилинка—на *правомъ* полушаріи.

2 случай. Павелъ 3—цъ, 36 лѣтъ, крестьянинъ-чернорабочій, Виленской губ. Дисненскаго уѣзда. Умеръ въ больницѣ Общ. Св. Георгія отъ брюшного тифа. Вскрытіе 12 декабря 1905 г. Вѣсъ мозга 1525,0. Высокая глубинная извилинка—на *лѣвомъ* полушаріи.

3 случай. Петръ Коп—вскій, солдатъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ, Подольской губ., Балтскаго у. Умеръ отъ брюшного тифа въ С.-Петербургскомъ Семеновскомъ-Александровскомъ военномъ госпиталѣ. Вскрытіе 31 октября 1897 г. Вѣсъ мозга 1388,0 гр. Высокая глубинная извилинка—на *правомъ* полушаріи.

4 случай. Арсеній Сев—кинъ, 24 лѣтъ, солдатъ изъ мѣщанъ-хлѣбопашцевъ Петербургской губ. и уѣзда. Умеръ отъ саркомы желудка въ Семеновскомъ-Александровскомъ военномъ госпиталѣ. Вскрытіе 18 сентября 1904 г. Вѣсъ мозга 1400,0 гр. Высокая глубинная извилинка—на *правомъ* полушаріи.

5 случай. Войцѣхъ Мис—къ, 23 л., солдатъ изъ крестьянъ-землепашцевъ Радомской губ. и уѣзда. Умеръ отъ брюшного тифа въ Красносельскомъ военномъ госпиталѣ. Вскрытіе 2 іюля 1902 г. Вѣсъ мозга 1552 гр. Высокая глубинная извилинка—на *лѣвомъ* полушаріи.

Въ виду того обстоятельства, что съ мостикомъ, прерывающимъ Роландову борозду у соединенія верхней и средней ея третей, т. е. на типичномъ, указанномъ Pansch'емъ, мѣстѣ смѣшивались другіе мостики этой борозды и между прочимъ, расположенные въ нижнемъ концѣ ея, какъ напр. въ 1-мъ случаѣ Fégé, мнѣ не кажется излишнимъ для сопоставленія привести здѣсь случай встрѣтившагося мнѣ, рѣзко выраженнаго образованія перерыва *въ нижней трети* Роландовой борозды на обонхъ полушаріяхъ мозга. Вотъ этотъ случай.

Михаиль Чар—шинъ, ряд. Л.-Гв. Семеновскаго полка, 24 лѣтъ, на службѣ съ 9 ноября 1897 года, крестьянинъ-хлѣбопашецъ Вятской губ. и уѣзда. Поступилъ въ Семеновскій-Александровскій военный госпиталь 5 ноября 1900 г., умеръ 15 февраля 1901 года. При вскрытіи, мною произ-

веденномъ, констатирована бугорчатка легкихъ съ прободеніемъ лѣваго легкаго. Ислѣдованіе черепной полости показало слѣдующее: черепъ мезоцефалическій (черепной показатель $\frac{142.100}{179} = 79,3$), гиперостозъ черепныхъ костей, особенно лобной (0,9 см. толщ.), со склерозомъ ихъ. Въ оболочкахъ, кромѣ отека и анеміи, не оказалось никакихъ другихъ измѣненій. Вѣсъ мозга съ паутинною и мягкою оболочками 1220,0 грм., вѣсъ тѣла 72,0 клгр.

Мозгъ фиксированъ въ водномъ растворѣ формалина (см. Табл. III, рис. 11 и 12).

На правомъ полушаріи Роландова борозда вообще довольно прямого направленія, хотя нѣсколько извилиста и въ обѣ стороны отдѣляетъ довольно много короткихъ вѣточекъ. Внизу Роландова борозда оканчивается Т-образно. На ея продолженіи внизъ имѣется, достигающая довольно значительной глубины, короткая бороздка, не доходящая до Сильвиевой борозды, а сверху оканчивающаяся также Т-образно. Такимъ образомъ, благодаря существованію двухъ, Т-образно другъ противъ друга оканчивающихся, бороздокъ, между концами ихъ образуется горизонтальный мостикъ, имѣющій видъ перерыва Роландовой борозды (см. β , рис. 11-й, табл. III). Мостикъ этотъ находится почти на уровнѣ (чуть-чуть ниже) 2-й лобной борозды: на ея продолженіи кзади лежитъ нижняя Т-образная перекладина. Позади нижняго окончанія Роландовой борозды изъ Сильвиевой подымается короткій *sulc. subcentralis poster.*, а задняя часть Т-образной перекладины огибается *sulco retrocentrali transverso*. Верхній конецъ Роландовой борозды обычнымъ образомъ наискось идетъ назадъ и кнутри и прорѣзаетъ внутренній край полушарія, оканчиваясь на парacentральной долькѣ.

Роландова борозда лѣваго полушарія, лишь слегка извилистая, идетъ почти совсѣмъ прямо. На ея продолженіи внизу имѣется весьма глубокая отдѣленная мостикомъ (см. β , рис. 12-й, табл. III) бороздка, виллообразно кверху оканчивающаяся на продолженіи нижней лобной борозды; нижній конецъ этой части Роландовой борозды оканчивается не доходя на 0,5 см. до Сильвиевой борозды, изъ которой подымается коротенькій *sulc. subcentralis poster.*; *sulc. же subcentralis anter.* и вовсе почти не выходитъ на выпуклую поверхность полушарія, об-

рѣзая лишь слабо замѣтную зазубринку на оперкулярномъ краѣ впереди Роландовой борозды (если описываемое продолженіе считать Роландовою бороздою). Мостикъ описываемый почти прорѣзается поперекъ нижнимъ окончаніемъ Роландовой борозды, которая вверху оканчивается обычнымъ порядкомъ, поворачивая назадъ, но не доходить до *fiss. pallii*. Какъ передняя, такъ и задняя центральныя извилины обоихъ полушарій мѣстами изрѣзаны вѣтвями Роландовой и сосѣднихъ бороздъ, впрочемъ не глубокими.

Измѣренія на формалиновомъ препаратѣ мозга дали слѣдующіе результаты:

	Правое полушаріе.	Лѣвое полушаріе.
Длина Роландовой борозды съ нижнимъ ея отрѣзкомъ	8,67 см.	8,13 см.
Длина верхняго отрѣзка Роландовой борозды	6,72 >	7,19 >
Длина мостика β , прерывающаго Роландову борозду	2,10 >	1,85 >
Ширина его	1,05 >	1,06 >

IV.

Изъ описанія приведенныхъ мною случаевъ перерыва Роландовой борозды, присоединяя къ нимъ также и случай д-ра Свенторжецкаго, мы видимъ, что во всѣхъ этихъ 7 случаяхъ мостикъ прерываетъ Роландову бороздку на мѣстѣ типичномъ для такихъ перерывовъ, указываемомъ трудами Pansch'a, Heschl'a, Retzius'a, Зернова, Вейнберга и др.: именно онъ находится приблизительно на границѣ верхней трети центральной борозды съ среднею. Сравнивая отношеніе между собою длины верхняго отрѣзка Роландовой борозды (*S. Rolandicus super.*) и нижняго (*Sulc. Rolandicus inferior*), мы видимъ, что въ нашихъ случаяхъ мостикъ лежитъ:

1) соответственно мѣсту соединенія верхней трети Роландовой борозды съ среднею въ 1-мъ случаѣ (Вн—ковъ—5-й случай).

2) Нѣсколько ниже соединенія верхней трети борозды съ среднею въ 2-хъ случаяхъ (2-й случай—Вис—вскій, 4-й случай—Проск—ковъ).

3) Нѣсколько выше соединенія верхней трети борозды съ среднюю — въ 3-хъ случаяхъ (1-й случ. — Ник — покъ, 3-й случ. — Пат — ковъ, пятъ д-ра Свенторжцкаго).

4) Довольно значительно выше соединенія верхней трети борозды съ среднюю — въ 6-мъ случаяхъ (Дюр — гъ).

Видна, слѣдовательно, преобладающая какъ будто тенденція перерыва располагаться нѣсколько выше соединенія верхней трети Роландовой борозды съ среднюю третью. Въ общемъ положеніе межцентрального мостика въ отношеніи 1-й лобной борозды таково, что онъ, повидимому, всегда находится приблизительно на уровнѣ нижняго этажа латеральной части 1-й лобной извилины, вблизи задняго конца означенной борозды. Сравнивая случаи развитія мостика въ верхней трети Роландовой борозды, описанные выше, съ случаемъ существованія мостика въ нижней трети этой борозды, мы видимъ, что и въ этомъ послѣднемъ мостикъ лежитъ приблизительно на уровнѣ одной изъ дугообразныхъ складокъ лобныхъ областей, именно 2-й лобной борозды.

Такимъ образомъ, мостики, перекидывающіеся черезъ центральную борозду на продолженіи впади обѣихъ лобныхъ бороздъ, какъ кажется, указываютъ на извѣстную тенденцію при самомъ формативномъ процессѣ, совершающемся во время развитія мозгового плаща, давать продольныя дугообразныя складки, столь свойственныя большинству животныхъ типа *Gugenserrhala*. Это замѣчается, слѣдовательно, даже въ той части полушарій большого мозга человѣка, гдѣ общее дугообразное расположеніе складокъ рѣзко нарушено бороздами и извилинами центральной области, какъ извѣстно, на мозгѣ человѣка и приматовъ измѣющимся характерное, болѣе или менѣе поперечное направленіе.

Переходя отъ мѣстоположенія перерывовъ Роландовой борозды къ ихъ формѣ, мы можемъ сказать, что въ этомъ отношеніи мостикъ, прерывающій Роландову борозду, рѣзко варьируетъ, вліяя такимъ образомъ на большее или меньшее измѣненіе вида центральной области. Зависитъ это измѣненіе вида также и отъ бороздъ, ограничивающихъ эту область, т. е. *retro* и *praesentral*'ныхъ, благодаря соединеніямъ ихъ съ Роландовой бороздою, часто наблюдаемымъ при перерывахъ послѣдней. Кромѣ того и самый мостикъ — *gyrus intercentralis medius* представляетъ довольно значительныя колебанія, какъ въ вышину и ширину, такъ и въ длину. Въ тѣхъ случаяхъ, когда

сосѣднія съ Роландовой и параллельныя ей борозды не соединяются въ области межцентрального мостика съ верхнимъ отрѣзкомъ Роландовой борозды, съ которыми, повидному, онѣ только и соединяются (я не видѣлъ ни разу соединенія преили ретроцентральной борозды съ нижнимъ отрѣзкомъ Роландовой борозды),— *gug. intercentralis medius* иногда образуетъ вмѣстѣ съ соединяемыми имъ центральными извилинами Н, наклоненное къзади, какъ это описываетъ въ одномъ своемъ случаѣ Fégé. Впрочемъ, такой характеръ мостика отчетливо, можно сказать, схематически почти выраженъ бываетъ только при столь простомъ устройствѣ центральныхъ извилинъ, какъ въ нашемъ 1-мъ случаѣ (Ник—нокъ) (см. рис. 1-й на стр. 137 въ текстѣ). Въ трехъ другихъ случаяхъ, именно 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ (Проск—ковъ, Ви—ковъ, Люр—гъ), несмотря на аналогичное съ 1-мъ отношеніе прецентральныхъ и ретроцентральныхъ бороздъ къ Роландовой, вслѣдствіе болѣе сложнаго характера этихъ бороздъ и большей излучистости поэтому центральныхъ извилинъ не замѣчается уже того схематично-яснаго Н-образнаго характера перерыва центральной борозды, какъ въ первомъ нашемъ случаѣ: рисунокъ получается болѣе сложный и менѣе ясный (см. рис. 2-й въ текстѣ). Замѣтимъ, что всѣ 4 только что указанныя мозга принадлежали психически здоровымъ субъектамъ. Въ одномъ изъ означенныхъ случаевъ мы имѣемъ полное развитіе межцентрального мостика (Ник—нокъ—1 случай), въ 3-хъ другихъ мостикъ развитъ не особенно сильно: гребень его лежитъ чуть-чуть ниже уровня гребней сосѣднихъ извилинъ.

Рѣзко мѣняется видъ центральной области и самъ *gugus intercentralis medius* сильно измѣняетъ свою форму въ тѣхъ случаяхъ, когда та или другая изъ ограничивающихъ обѣ центральныя извилины бороздъ соединяется съ верхнимъ отрѣзкомъ Роландовой борозды. Мостикъ при этомъ во всѣхъ послѣднихъ случаяхъ очень сильно развитъ и достигаетъ своимъ гребнемъ уровня гребней сосѣднихъ извилинъ. Къ этого рода случаямъ принадлежатъ наши 2-е и 3-е наблюдения и случай доктора Свенторжецкаго. Именно, во второмъ наблюдении (Вис—скій) верхняя Роландова борозда соединяется съ *sulcus graecentralis*, въ третьемъ наблюдении (П—ховъ) эта же борозда соединяется съ *sulcus retrocentralis* и, наконецъ, въ случаѣ д-ра Свенторжецкаго имѣется соединеніе между *sulc.*

Rolandicus superior и обѣими ограничивающими центральную область бороздами, т. е. предцентральною и ретроцентральною. Всѣ эти три наблюдѣнія относятся къ субъектамъ душевнобольнымъ. Какъ было уже сказано выше, во всѣхъ этихъ по-

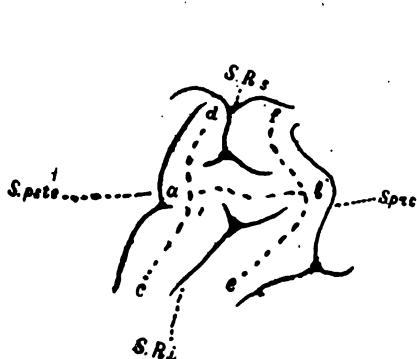

Рис. 1—случай 1-й (Ник—нокъ).

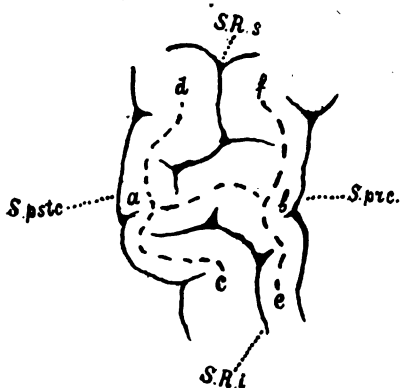

Рис. 2—случай 4-й (Проск—ряковъ).

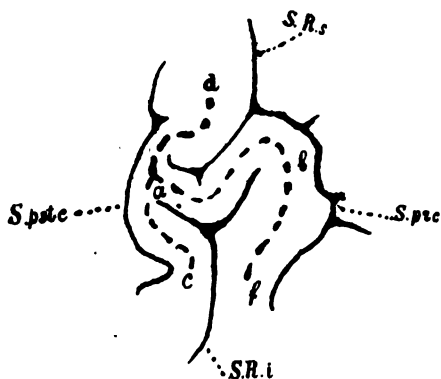

Рис. 3—случай 2-й (Вис—вскій)

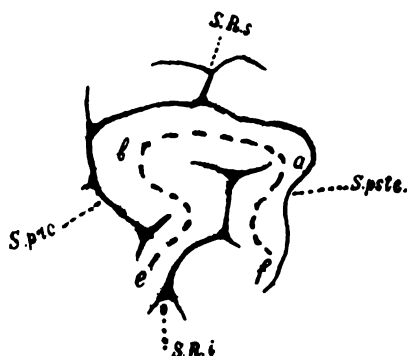

Рис. 4—идіотъ д-ра Свенторжецкаго.

S. R. s.—Sulcus Rolandicus super. *S. R. i.*—Sulc. Roland. infer. *S. prc.*—Sulc. praecentralis. *S. pste.*—Sulcus postcentralis. Пунктирные линіи: *ab*—gyrus intercentralis med., *af* и *cd*—gyr. centralis post., *ef*, *bf* и *bc*—gyr. centr. ant.

слѣднихъ случаяхъ съ перваго же взгляда центральная область представляется рѣзко измѣненною, такъ что ненормальность ея устройства бросается въ глаза. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Sulcus Rolandicus superior соединяется съ одной изъ бороздъ, ограничивающихъ центральную область, — съ sulcus praecentralis или съ retrocentralis, мостикъ, ихъ перерывающій, имѣетъ

болѣе или менѣе ясно выраженный S-образный характеръ (рис. 3-й въ текстѣ), что особенно рѣзко замѣтно во второмъ случаѣ (Вис—скій), въ которомъ гуг. *intercentralis med.* очень сильно развитъ. Менѣе ясно выражень S-образный характеръ въ третьемъ случаѣ (П—ховъ), гдѣ *gyrus intercentralis medius* слабѣе развитъ и даже чуть-чуть ниже уровня гребней центральныхъ извилинъ. Въ случаѣ д-ра Свенторжецкаго гуг. *intercentralis medius*, очень сильно развитый, имѣетъ сводообразный или Q-образный видъ (рис. 4-й), вслѣдствіе чего центральная область представляется еще болѣе измѣненной, чѣмъ въ двухъ предшествующихъ случаяхъ.

Разсматривая всѣ случаи, описанные въ литературѣ, гдѣ приведены рисунки мозга съ интересующимъ насъ вариантомъ Роландовой борозды, можно думать, судя по изображеніямъ, что они принадлежать къ той категоріи, гдѣ *sulcus Rolandicus superior* не соединяется ни съ *sulcus retrocentralis*, — ни съ *sulcus praesentralis*. Къ такому, по крайней мѣрѣ, выводу можно притти, изучая рисунки, приведенные въ трудахъ Вейнберга, посвященныхъ этому вопросу, именно въ отношеніи случаевъ самого Вейнберга, Зернова, Giasomini, Wagner'a, а также разсматривая фототипіи, приложенныя къ работѣ д-ра Башкова. Прибавимъ сюда, что, кромѣ случаевъ д-ра Башкова, въ которыхъ рѣчь идетъ о душевно-больныхъ (въ одномъ случаѣ — хроническая манія, а въ другомъ — вторичное слабоуміе послѣ остраго психоза періода полового созрѣванія), въ остальныхъ носители мозга съ перерывомъ Роландовой борозды были, повидимому, люди нормальные, одинъ даже выдающійся — клиницистъ Fuchs (въ случаѣ Wagner'a). Слѣдуетъ упомянуть, что относительно перваго случая д-ра Башкова имѣется указаніе на то, что субъектъ былъ выдающихся умственныхъ способностей. На приводимой ниже таблицѣ сопоставлены индивидуальныя анатомическія особенности перерывовъ Роландовой борозды въ наблюдавшихся мною случаяхъ съ психическими особенностями субъектовъ, ихъ имѣвшихъ:

Слабо выраженное измѣненіе центральной области.	Центральныя извилины у мостика не прерываются.	{	1. Вполнѣ развитый мостикъ образуетъ съ центральными извилинами H-наклоненное зкади.	}	1-й сл. Ник—нокъ (душевно-здоровый).
			2. Мостикъ не вполнѣ развитый не образуетъ съ центральными извилинами правильной фигуры.		4-й и 5-й сл. Проск—ковъ и Ви—чковъ (душевно-здоровые).

Слабо выраженное изменение центральной области.	Центральная извилина у мостика не прерываются.	3. Мостикъ не вполне развитый, не правильный; верхній отрѣзокъ Роландовой борозды соединяется съ sulc. mesialis.	6-й сл. Лур—гъ (душевно-здоровый).
Рѣзко выраженное изменение центральной области.	Одна изъ центральныхъ извилинъ у мостика прервана.	1. Вполнѣ развитый мостикъ S-образный съ перерывомъ передней центральной извилины. 2. Вполнѣ развитый мостикъ неясно S-образный, съ перерывомъ задней центр. извилины.	2-й сл. Вис—скій (душевно-больной - лезіонникъ). 3-й сл. Пѣт—ховъ (душевно-больной - лезіонникъ).
Очень рѣзко выраженное изменение центральной области.	Кромѣ мостика имѣются глубокие перерывы обѣихъ центр. извилинъ.	Мостикъ, Q-образный, сильно развитый.	Идіотъ - эпилептикъ д-ра Свенторжецкаго.

Изъ сравненія данныхъ этой таблицы видно, что наименьшее изменение центральной области въ моихъ случаяхъ наблюдалось именно у субъектовъ душевно-здоровыхъ, болѣе же рѣзкія измѣненія съ сильнымъ развитіемъ *gug. intercentralis* найдены мною у людей съ душевными расстройствами. Незначительный матеріалъ нашъ (7 случаевъ) не позволяетъ, конечно, считать такой выводъ неоспоримымъ, тѣмъ не менѣе однако онъ заслуживаетъ, мнѣ кажется, вниманія будущихъ наблюдателей ¹⁾).

Если признать вѣрнымъ, что у душевно-больныхъ, какъ видно изъ раньше приведенныхъ мною соображеній, вообще перерывъ, повидимому, встрѣчается чаще, то, быть можетъ, не безынтересно то сопоставленіе, что и болѣе рѣзкія измѣне-

¹⁾ Я считаю необходимымъ прибавить, что кромѣ измѣненія въ устройствѣ центральной области никакихъ другихъ, рѣзкихъ, по крайней мѣрѣ, признаковъ тероморфизма и аномалій не оказалось ни на одномъ изъ изслѣдованныхъ мною обоеихъ полушарій шести мозговъ, ни на аномальномъ полушаріи идіота д-ра Свенторжецкаго: Затылочно-темянная борозды во всѣхъ случаяхъ соединялись съ *fissura calcarina*, образуя лишь *Tiefen-windungen* на томъ мѣстѣ, гдѣ обезьяній мозгъ имѣетъ вполнѣ развитую извилинку, соединяющую *sineus* съ *graeusineus*. Не имѣлось также ни разу чрезмѣрнаго развитія затылочно-темянной борозды, которое хотя бы отчасти напоминало обезьянью борозду—*Affenpalte*. Въ *fissura calcarina* лишь одного изъ нашихъ случаевъ оказалось необычное видоизмѣненіе: въ заднемъ ея концѣ имѣлся перерывъ, по Зернову (см. «Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ») вообще не часто наблюдаемый. Перерывъ этотъ въ нашемъ случаѣ обусловливался наличностью длинной вертикальной борозды на клинѣ, по бокамъ которой образовались двѣ *plis de passage*. Это измѣненіе шпорной борозды наблюдалось въ 4-мъ нашемъ случаѣ (Прос—раковъ) на лѣвомъ полушаріи, тогда какъ на правомъ имѣлся перерывъ Роландовой борозды. Самый *sineus* въ нѣкоторыхъ случаяхъ представлялся слабо развитымъ, низкимъ, но въ большинствѣ случаевъ былъ хорошо развитъ.

ня въ центральной области, соединенныя съ перерывомъ Роландовой борозды, встрѣчаются какъ будто также чаще у душевно-больныхъ, чѣмъ у душевно-здоровыхъ.

Не лишентъ, быть можетъ, интереса и тотъ, отмѣченный выше фактъ, подтверждаемый и моими наблюденіями, что вообще перерывъ встрѣчается чаще на правомъ полушаріи, т. е. какъ разъ на томъ полушаріи, которое у человѣка въ функциональномъ отношеніи слабѣе развито: мы знаемъ, что центръ рѣчи находится въ *gugus Broca*, т. е. въ задней части третьей лобной извилины именно лѣваго полушарія, что лѣвое же полушаріе въ огромномъ большинствѣ случаевъ у человѣка преобладаетъ надъ правымъ и въ отношеніи развитія иннервируемой имъ стороны тѣла (мышечная сила правой стороны тѣла у насъ обыкновенно больше, чѣмъ лѣвой, мускулатура развита сильнѣе, въ тонкихъ и требующихъ болѣе отчетливаго и координированнаго дѣйствія отправленияхъ мы пользуемся предпочтительно конечностями правой стороны, иначе говоря, мы всѣ правши по большей части).

Сильно развитая глубинная извилинка, по моимъ наблюденіямъ, слѣдуетъ тому же правилу, что и вполне развитый перерывъ: вопреки даннымъ *Heschl'a*, который говоритъ, что сильно развитая глубинная извилинка α Роландовой борозды, поднимающаяся на $\frac{1}{3}$ до $\frac{5}{8}$ глубины этой послѣдней, чаще встрѣчается слѣва, нежели справа. Мои наблюденія надъ очень сильно развитою глубинною извилинкою (я не измѣрялъ ея высоты) показываютъ иное отношеніе, болѣе согласное, какъ казалось бы и слѣдуетъ, съ тѣмъ общимъ фактомъ, что хорошо развитый мостикъ въ верхней трети Роландовой борозды чаще наблюдается на правомъ полушаріи ¹⁾. Такъ изъ моихъ 5 случаевъ сильно развитой глубинной извилинки α она наблюдалась 3 раза (1-й, 3-й и 4-й случаи) на правомъ и 2 раза

¹⁾ Идентичность явленій, наблюдаемыхъ на перерывающемъ Роландову борозду *Gug. interc. med.* и на сильно развитой *Tief-windung* α не должно, думается, удивлять, такъ какъ глубинныя извилинки представляютъ собою лишь различныя градации въ развитіи перерывовъ центральной борозды, начиная отъ вполне развитаго *Gugus intercentralis med.*, когда гребень мостика стоитъ на одномъ уровнѣ съ гребнями сосѣднихъ центральныхъ извилинъ, и кончая полнымъ отсутствіемъ глубинной извилинки на двѣ Роландовой борозды. Между той и другою крайними степенями развитія перерывающаго Роландову борозду мостика, конечно, должна быть цѣлая серія переходныхъ формъ, при которыхъ наблюдается въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ постепенное уменьшеніе высоты мостика и исчезновеніе его сначала на поверхности мозга, а затѣмъ и полного отсутствія *Tief-windung* α .

на лѣвомъ полушаріи (2-й и 5-й случаи). Быть можетъ, это объясняется тѣмъ фактомъ, что я отмѣчалъ только такія глубинныя извилинки α , которыя достигали наибольшаго развитія въ высоту, тогда какъ у Heschl'я такія извилинки не выдѣлены въ особую группу и сосчитаны вмѣстѣ въ общей довольно большой группѣ (въ 67 случаевъ), заключающей извилинки, достигающія въ вышину отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{5}{6}$ всей глубины Роландовой борозды.

Въ отношеніи своего вѣса (см. прилагаемую ниже таблицу) мозги, на которыхъ мною наблюдался полный перерывъ въ верхней трети Роландовой борозды, повидимому, слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ отнести къ среднимъ или обыкновеннымъ (т. е. вѣса отъ 1250,0 до 1450,0 грм. — по Topinard'у ¹⁾), встрѣчающимся, какъ было мною указано ²⁾, въ 61,25% случаевъ. Я долженъ оговориться, впрочемъ, что въ числѣ этихъ мозговъ были два, принадлежавшіе душевно-больнымъ съ хроническимъ интерстиціальнымъ процессомъ (Laesio cerebri org.), слѣдовательно, нѣсколько атрофированные. Впрочемъ, какъ кажется, они тоже могли бы быть причислены къ группѣ обыкновенныхъ въ отношеніи вѣса мозговъ, такъ какъ атрофія въ нихъ не была выражена особенно рѣзко. Только вѣсъ мозга въ 6-мъ случаѣ (Люр—нгъ) былъ большой — 1561,0 грм. Замѣтимъ, что мозгъ женщины съ двустороннимъ перерывомъ Роландовой борозды, изслѣдованный профессоромъ Вейнбергомъ, былъ даже низкаго вѣса — 1105,0 грм. Что касается вѣса 5-ти мозговъ съ сильно развитою глубинною извилинкою, то три изъ нихъ принадлежали къ категоріи среднихъ, а два къ категоріи большихъ мозговъ. Такимъ образомъ мозги средняго вѣса при полномъ перерывѣ Роландовой борозды мною наблюдались нѣсколько чаще, чѣмъ обыкновенно, именно въ 83,3%, а большаго лишь въ 16,6% случ. При сильно развитой глубинной извилинкѣ средняго вѣса мозги встрѣчаются, повидимому, также часто, какъ это и вообще наблюдается, т. е. около 60%.

¹⁾ Topinard. «Elements d'anthropologie élémentaire».

²⁾ Вируля. «Къ вопросу о вѣсѣ мозга человека». 1898 г., стр. 11. Вѣсъ мозговъ мною опредѣлялся тотчасъ послѣ извлеченія ихъ изъ полости черепа вмѣстѣ съ паутинною и мягкой оболочками.

	Вѣсъ мозга въ свѣженъ состояніи съ научн-ною и магн. обол.	Вѣсъ мозга безъ оболочекъ, послѣ обработки консервирующими веществами.		
		Полушаріе съ перерыв.	Полушаріе безъ перер.	Методъ обработки.
А) Мозги съ перерывомъ:				
1 сл. Ник—нокъ, 24 л.	1350,0	439,0 гѣв.	434,0 пр.	} Формалинъ Giacomini. Формалинъ Giacomini. Формалинъ Спиртъ. Формалинъ Giacomini. Формалинъ.
2 сл. Виск—скій, 60 л.	1353,0	522,0 пр.	548,0 гѣв.	
3 сл. Пѣт—ховъ, 40 л.	1205,0	403,0 пр.	357,0 гѣв.	
4 сл. Проск—ковъ, 23 л.	1332,0	433,0 пр.	440,0 гѣв.	
5 сл. Ви—чковъ, 22 л.	1364,0	605,0 гѣв.	606,0 пр.	
6 сл. Лур—нгъ, 53 л.	1561,0	659,0 пр.	667,0 гѣв.	
Б) Мозги съ сильно развитой глубин-ной извилиной α:				
1 сл. Чис—ковъ, 60 л.	1395,0			
2 сл. За—цъ, 36 л.	1525,0			
3 сл. Коц—вскій, 23 л.	1388,0			
4 сл. Сев—кинъ, 24 л.	1400,0			
5 сл. Мис—къ, 24 л.	1552,0			

При взвѣшиваніи полушарій мозга съ перерывомъ и безъ перерыва отдѣльно (правда, послѣ консервирующей обработки), оказалось различіе въ вѣсѣ того и другого полушарія настолько ничтожнымъ, что разницей приходится пренебречь и считать вѣсъ полушарій одинаковымъ; только два патологическіе мозга обнаружили болѣе рѣзкую разницу въ вѣсѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и противорѣчивую.

Переходя отъ физическихъ и анатомическихъ особенностей мною изслѣдованныхъ мозговъ съ перерывомъ Роландовой борозды къ вопросу о племенномъ составѣ той группы лицъ, надъ мозгами которыхъ мною было произведено изслѣдованіе, нельзя не сказать, что въ этомъ отношеніи матеріалъ еще очень скуденъ и, какъ говорено уже было выше,—очень разнороденъ: среди разныхъ народностей и племенъ перерывъ Рол. бор. наблюдался большею частью въ единичныхъ случаяхъ. Только лишь при детальномъ изученіи бороздъ и извилинъ въ расовомъ отношеніи, чему лишь недавно положено начало трудами проф. Вейнберга, возможно будетъ что либо высказать болѣе или менѣе опредѣленное. Впрочемъ, до этого далеко еще, если принять во вниманіе, что даже и вѣсъ мозга въ расовомъ отношеніи крайне недостаточно обслѣдованъ, хотя кое какіе намеки на расовое значеніе вѣса мозга и имѣются

уже ¹⁾). Въ числѣ мозговъ мною изслѣдованныхъ въ отношеніи перерыва въ верхней трети Роландовой борозды и принадлежавшихъ въ преобладающемъ числѣ русскимъ, конечно, преобладаетъ и число мозговъ съ перерывомъ у русскихъ. По племенамъ они распределяются нижеслѣдующимъ образомъ:

У русскихъ перерывъ наблюдался мною 4 раза, у поляковъ—1 разъ и у эстовъ—1 разъ; оч. сильно развитая глубинная извилина мнѣ встрѣтилась у русскихъ 4 раза и у поляковъ 1 разъ. Болѣе подробныя племенные свѣдѣнія мною сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Gyrus intercentralis medius
Weinberg.

Сильно развитая глубинная извилина α Heaschl.

I. У русскихъ.

а) Сѣверно-вѣликоруссовъ:

1) 1-й случай. Пѣт—ховъ, кр. Олоонецкой губ., Каргопольскаго уѣзда.

2) 4-й случай. Проск—ковъ, кр. Олоонецкой губ., Каргопольск. уѣзда.

1) 1-й случай. Чист—ковъ, крест. Ярославской губ., Мышкинск. уѣзда.

2) 4-й случай. Сев—князь, мѣщ. Петербургской губ. и уѣзда.

б) Южно-вѣликоруссовъ:

3) 5-й случай. Ви—чковъ, кр. Курской губ., Путивльскаго уѣзда.

в) Вѣлоруссовъ:

4) 1-й случай. Ник—нокъ, кр. Вятской губ., Себежск. уѣзда.

3) 2-й случай. За—цъ, кр. Виленской губ., Дисненскаго уѣзда.

г) Малоруссовъ:

4) 3-й случай. Коп—вскій, кр. Подольской губ., Батскаго уѣзда.

II. У поляковъ.

5) 3-й случай. Виск—скій, дворянинъ г. Смоленска.

5) 5-й случай. Мис—къ, кр. Радомской губ. и уѣзда.

III. У эстовъ.

6) 6-й случай. Лѣр—нгъ, урож. Лифляндской губ., г. Чернова.

¹⁾ Въ литературѣ, напр., имѣются указанія на особенно значительный вѣсь мозга шотландцевъ по Reid'у и Reasco'у (см. у Torinard'a l. c.). Кромѣ того и мои наблюденія въ цитированной уже выше моей работѣ о вѣсѣ мозга, указываютъ, повидимому, на вліяніе племени на вѣсь мозга: напр., сравнительно большій вѣсь мозга поляковъ, чѣмъ русскихъ, и на особенно значительный вѣсь мозга латто-литовцевъ.

Въ числѣ субъектовъ съ перерывомъ Роландовой борозды и высокою глубинною извилиною громадный % составляли лица не интеллигентныхъ профессій: почти все крестьяне-земледѣльцы (одинъ мѣщанинъ), изъ которыхъ шесть солдатъ; кромѣ того одинъ былъ цеховой кондитеръ и одинъ дворянинъ-чиновникъ (Вис—скій). Данныхъ объ интеллектуальномъ развитіи всѣхъ означенныхъ лицъ у меня нѣтъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній приписывать этимъ всѣмъ лицамъ выдающіяся способности и скорѣе даже можно предположить, что всѣ эти носители мозга съ перерывомъ Роландовой борозды были самые обыкновенные, заурядные люди, вопреки взгляду, высказанному Cunningham'омъ о высшемъ развитіи мозга съ перерывомъ. Противорѣчить, конечно, такому взгляду Cunningham'a помимо другихъ, указанныхъ уже выше данныхъ, также и тотъ фактъ, что всѣ мозговъ съ перерывомъ Роландовой борозды въ преобладающемъ числѣ—средній, обыкновенный.

Интересенъ фактъ значительно болѣе рѣдкаго (какъ 1 : 2,5) нахождения перерыва Роландовой борозды у женщинъ по сравненію съ мужчинами, если онъ только не зависитъ отчасти отъ меньшаго числа изслѣдованныхъ въ этомъ отношеніи женскихъ мозговъ.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Перерывы въ верхней трети Роландовой борозды представляютъ вообще явленіе не частое.

2) Повидимому, они чаще встрѣчаются у душевно-больныхъ.

3) У женщинъ перерывы наблюдаются значительно рѣже, нежели у мужчинъ.

4) Нѣтъ положительныхъ основаній утверждать, что имѣется какая либо связь между существованіемъ межцентрального мостика и большимъ интеллектуальнымъ развитіемъ.

5) Болѣе рѣзкія измѣненія въ центральной области мозга, связанныя съ развитіемъ межцентрального мостика, и болѣе сильное развитіе этого послѣдняго, повидимому, больше свойственны мозгу душевно-больныхъ субъектовъ.

6) На правомъ полушаріи мозга, какъ перерывъ, такъ и сильно развитая глубинная извилина наблюдаются чаще, чѣмъ на лѣвомъ.

7) Образование у человека перерывовъ въ Роландовой бороздѣ, — слѣдовательно въ области, по своей конструкціи рѣзко отличающей мозгъ человека и приматовъ отъ мозга прочихъ млекопитающихъ, — представляетъ, повидимому, какъ процессъ роста и развитія мозгового плаща, проявленіе того же стремленія образовать продольныя, дугообразныя складки, какое наблюдается на мозгѣ другихъ млекопитающихъ, снабженномъ извилинами (Gyrencephala) ¹⁾.

Д-ръ О. Бялыницкій-Вируля.

¹⁾ Препараты мозга принесены мною въ даръ Музею Психоневрологическаго института въ С.-Петербургѣ.

Красноярскій городской музей и его антропологическія коллекціи ¹⁾.

Красноярскій городской музей открытъ былъ 12 февраля 1889 года. Устроенный по инициативѣ Ю. П. и И. А. Матвѣевыхъ, до конца 1903 года онъ существовалъ на частныя средства и субсидію отъ города и пополнялся случайными пожертвованіями. Инициаторы устройства музея на первыхъ порахъ горячо взялись за дѣло, но очень скоро рвеніе ихъ ослабло и даже какъ будто совсѣмъ изсякло. Уже въ отчетѣ музея за 1892 годъ отмѣчается, что число «сотрудниковъ, пополнявшихъ коллекціи музея, вообще было самое ограниченное, не болѣе 2—3 лицъ», а «лица, такъ или иначе причастныя къ музею, не могли оказать ему должныхъ услугъ. Заваленные массой служебныхъ, частныхъ и другихъ дѣлъ, они буквально были лишены всякой возможности при всемъ своемъ искреннемъ желаніи заниматься еще и музеемъ». Весьма возможно, что такому охлажденію къ музею много способствовали: недостатокъ средствъ, тѣснота помѣщенія и частый переходъ изъ одного помѣщенія въ другое. При такомъ отношеніи къ музею его руководителей, постепенно падалъ и интересъ къ нему мѣстныхъ жителей, сокращался притокъ поступленій, и они дѣлались все болѣе случайными по составу.

Съ конца 1903 года музей былъ переданъ Городскою Думою въ завѣдываніе Красноярскаго Подъотдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Съ этого времени средства музея увеличиваются, помѣщеніе приспособляется специально для музея, и работа въ немъ ведется специалистомъ. Принявъ музей въ свое завѣдываніе, Красноярскій Подъотдѣлъ

¹⁾ Загѣтка составлена по брошюрѣ «Краткій обзоръ Красноярскаго городского музея, состоящаго въ завѣдываніи Красноярскаго Подъотдѣла И. Р. Г. О-ва. Красноярскъ. 1906». 52 стр.

организуеъ его въ томъ направленіи, чтобы этотъ музей былъ безусловно *мѣстнымъ научнымъ учрежденіемъ*, наполняемымъ матеріаломъ, характернымъ для края, а потому и важнымъ въ интересахъ его познанія. Съ этого времени положеніе музея улучшается. Общее количество поступленій за истекшіе три года равно 73,6% по отношенію ко всей наличности музея къ началу 1903 г. Въ среднемъ за годъ поступало по 3740 предметовъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что случайныя, а потому во многихъ случаяхъ бесполезныя поступленія, въ настоящее время почти не могутъ имѣть мѣста, такъ какъ коллекціи «въ немалой мѣрѣ собираются самимъ консерваторомъ музея и при посредствѣ специальныхъ экскурсій, или экскурсантами Подъотдѣла по порученію послѣдняго».

Судя по отчету музея за 1889 и 1890 годы, Антропологическій отдѣлъ существовалъ съ самаго открытія музея. Здѣсь на ряду съ другими отдѣлами отмѣченъ: «3. Антропологическій съ группами—этнографической (по народностямъ: китайской, минусинскихъ татаръ, тунгусовъ, японцевъ и пр.) и собственно антропологической». По числу поступленія предметовъ въ Антропологическій отдѣлъ они распределяются такъ:

До 1892 г.	— 12	предметовъ.
Въ 1892 г.	— 7	»
Въ 1898 г.	— 1	предметъ.
Въ 1901 г.	— 1	»
Неизвѣстно когда	1	» ¹⁾ .

Всего за время завѣдыванія городомъ поступило 22 предмета. Красноярскимъ Подъотдѣломъ собрано—118 предметовъ:

Въ 1903 г.	— 5	предметовъ.
» 1904 »	— 118	»

Всего въ музеѣ къ началу 1906 года состояло 140 предметовъ по антропологии, въ томъ числѣ: череповъ и костей человѣка—129 и одиннадцать масокъ.

Въ частности почти вся антропологическая коллекція составила изъ пожертвованій А. В. Адрианова. Она собрана при раскопкахъ кургановъ и могильниковъ въ мѣстности Оглахты

¹⁾ Въ годы 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1899, 1900, 1902 и 1905—поступленій въ Антропологическій отдѣлъ музея не было.

въ Минусинскомъ уѣздѣ. Въ этой коллекціи имѣются, какъ полные черепа человѣка, хорошо сохранившіеся, такъ и отдѣльныя части череповъ; при нѣкоторыхъ изъ череповъ сохранились куски кожи и глазныя яблоки; четыре человѣческихъ черепа найдены В. И. Анучинымъ въ курганахъ близъ с. Сухобузимскаго, Красноярскаго уѣзда; и, наконецъ, 7 череповъ составляютъ случайныя находки въ различныхъ мѣстностяхъ и доставлены разными лицами. Изъ нихъ одинъ черепъ женщины найденъ въ г. Красноярскѣ при рытвѣ водосточныхъ канавъ на Мало-Качинской улицѣ; на черепѣ сохранились волосы, заплетенные въ косу, и повойникъ. Изъ другихъ костей скелета имѣются лишь три бедренныхъ кости. Двѣ изъ нихъ найдены г. Еленевымъ на Чадобской стоянкѣ, на рѣкѣ Ангарѣ и одна П. С. Проскуряковымъ на рѣкѣ Камыштѣ въ Минусинскомъ уѣздѣ.

Всѣ маски, числомъ одиннадцать, сняты съ минусинскихъ инородцевъ, сагайскихъ и качинскихъ татаръ, съ особой различнаго возраста и пола.

Хотя по состоянію матеріаловъ, сосредоточенныхъ въ настоящее время въ Красноярскомъ музеѣ, особенно по отдѣленію антропологіи, и нельзя сдѣлать какихъ либо заключеній и научныхъ выводовъ, однако, въ интересахъ лицъ, занимающихся антропологіей, полезно знать, что можно найти въ коллекціяхъ Красноярскаго музея. Особенно это важно для работающихъ надъ изученіемъ Енисейскаго края.

Николай Виноградовъ.

Адольфъ Бастіанъ ¹⁾.

Бастіанъ родился 26 (13) іюня 1826 года въ Бременѣ, скончался 3 февраля (21 января) 1905 г. Онъ происходилъ изъ зажиточной купеческой семьи. По окончаніи средней школы, изучалъ право въ Іенѣ, затѣмъ медицину въ Іенѣ, Гейдельбергѣ, Прагѣ и Вюрцбургѣ, гдѣ между прочимъ слушалъ лекціи профессора Вирхова. Въ 1851 году онъ отправился въ качествѣ судового врача въ Австралію и путешествовалъ тамъ на парусномъ суднѣ. Затѣмъ онъ посѣтилъ Америку, Азію, Африку по нѣскольку разъ. Если взять въ общей сложности число проведенныхъ имъ въ путешествіяхъ лѣтъ, то таковыхъ окажется около 28. Одно первое путешествіе длилось цѣлыхъ 7 лѣтъ. Онъ вернулся въ 1858 г. Это путешествіе описано имъ въ 2-хъ трудахъ, именно: первый трудъ былъ специально посвященъ Африкѣ и назывался: «Ein Besuch in San Salvador, Hauptstadt des Königreichs Congo. Ein Beitrag zur Mythologie und Psychologie»,—второй заключалъ цѣлую энциклопедію этнологіи и назывался: «Der Mensch in der Geschichte. Zur Begründung einer psychologischen Weltanschauung» (3 т.).

Въ это же время онъ присоединился къ Берлинскому Географическому Обществу, съ которымъ не порывалъ связи до самыхъ послѣднихъ дней жизни.

Уже въ 1861 г. онъ снова въ пути. Этотъ разъ онъ направился въ запретный и таинственный, въ то время, Востокъ Азіи. Главною цѣлью его было изученіе буддійскаго міра. Онъ посѣтилъ Индію, Бирму, и по Ирравади пытался проникнуть въ Китай. На пути его заарестовалъ король изъ Ман-

¹⁾ Настоящій некрологъ былъ прочитанъ въ засѣданіи Антропологическаго Общества и является сокращеніемъ некролога, помѣщеннаго авторомъ въ «Живой Старинѣ» за 1906 г.

дале за его смѣлую попытку проникнуть съ юга въ Китай и продержалъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ плѣну. Этимъ временемъ воспользовался Бастіанъ, чтобы познакомиться съ буддѣйской философійю, и по возвращеніи написалъ свой трудъ: «*Buddhismus in seiner Psychologie*». Главнымъ результатомъ работы въ области этнологіи Восточной Азіи на ряду съ отдѣльными работами, касающимися изученія посѣщенныхъ имъ странъ, является его классическій трудъ: «*Die Völker des Oestlichen Asiens*». Въ 1868 г. онъ сталъ во главѣ этнографическаго музея въ Берлинѣ, и съ того времени направилъ всѣ свои усилія на собраніе этнографическихъ и антропологическихъ сокровищъ для своего музея, въ то время ютившагося въ двухъ тѣсныхъ и темныхъ залахъ. Въ 1869 году онъ сталъ читать лекціи, въ качествѣ приватъ-доцента, въ Берлинскомъ университетѣ. Состоя председателемъ Берлинскаго Географическаго Общества въ началѣ 70-хъ годовъ, Бастіанъ постарался изъ среды названнаго Общества выдѣлить особое Антропологическое Общество, которое сначала являлось отдѣломъ Географическаго Общества, а затѣмъ эмансипировалось и примкнуло къ Этнографическому Обществу при музеѣ народовѣдѣнія. Чтобы создать для Общества печатный органъ, онъ вмѣстѣ съ Hartmann'омъ, ободряемый своимъ другомъ Вирховымъ, основываетъ «*Zeitschrift für Ethnologie*», ранѣе называвшуюся «*Zeitschrift für Ethnologie und ihre Hilfswissenschaften, als Lehre vom Menschen in seinen Beziehungen zur Natur und Geschichte*».

Заинтересованный вопросомъ изученія Центральной Африки, въ то время совершенно еще не изученной, Бастіанъ пытается привлечь къ этому всѣ географическія общества и учрежденія въ Германіи и убѣждаетъ ихъ внести свою лепту на предполагаемую экспедицію на побережье Лоанго. Этимъ онъ кладетъ начало «Африканскому Обществу въ Германіи», которое не только способствовало изученію невѣдомой части Африки, но и выдвинуло такихъ ученыхъ путешественниковъ, какъ Рольфсъ, Вольфъ, Швейнфуртъ и т. д. и, наконецъ, дало толчекъ колониальной политикѣ Германіи. Вызвавъ экспедицію къ жизни, Бастіанъ, естественно, самъ отправился на Лоанго, и несмотря на то, что экспедиція не была удачна, она все-таки явилась краеугольнымъ камнемъ будущихъ изслѣдованій этого побережья.

Въ 1875 году, вернувшись изъ Африки, онъ снова отправляется въ Ю. Америку. Въ 1878 году посѣщаетъ Персію, въ то время совершенно замкнутую для европейцевъ, затѣмъ опять ѣдетъ въ Индію и Австралію. Послѣ этого наступаетъ значительный перерывъ въ его путешествіяхъ.

Бастіанъ всецѣло отдается идеѣ сооруженія громаднаго этнологическаго музея, въ которомъ могли бы быть представлены *все* народы земли. Въ 1886 г. музей торжественно открытъ для публики, и Бастіанъ снова двигается въ путь. Въ 1889 — 1890 гг. онъ посѣщаетъ Малую Азію, Индію, Полинезію — главнымъ образомъ съ цѣлью собиранія коллекцій для своего дѣтища, новаго музея. Въ 1896—98 гг. онъ работаетъ на Явѣ и на Бали, гдѣ сохранились остатки древней индійской культуры передъ натискомъ ислама. Еще съ 1901 г. по 1903 г. уже 77-милѣтнимъ старикомъ, онъ снова принялся за занятія буддійской философій и путешествовалъ на Цейлонѣ. Съ 1903 по 1904 годъ онъ работалъ на Антильскихъ островахъ. Всего онъ совершилъ 9 путешествій, въ общей сложности составившихъ цѣлую человѣческую жизнь. Результатомъ его громадной неутомимой работы, кромѣ указанныхъ выше, — созданія музея, нынѣ самаго богатаго въ мірѣ, основанія двухъ обществъ, ряда путешествій, изъ которыхъ онъ пріѣзжалъ всегда съ богатой жатвой этнографическаго матеріала, является главнымъ образомъ его литературная научная работа. Написанное имъ составляетъ цѣлую библіотеку. Въ сборникѣ, составленномъ его почитателями къ 70-лѣтнему дню его рожденія, одинъ перечень главныхъ его трудовъ занимаетъ 2¹/₂ большихъ цѣльныхъ страницы, не считая 14 страницъ названій мелкихъ трудовъ, статей, замѣтокъ. Его мысль вращалась не только въ области этнологіи, но была еще занята философій, психологіей, религіей, исторіей ея, фольклоромъ, правомъ, колониальной политикой, антропологіей, археологіей, доисторической археологіей и лингвистикой. Этого перечня достаточно, чтобы охарактеризовать разностороннюю работу мысли Бастіана. Самъ онъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на подготовительную. По этому поводу онъ писалъ еще въ молодости Карлу Андрэ: «Мои толстопузья книги, не что иное, какъ тачки, свозящія въ одно мѣсто необтесанные камни и вываливающія ихъ въ кучу передъ публикой, и Вы, конечно, повѣрите мнѣ, если я скажу, что

эта работа поденщика, мнѣ очень тяжела. Но что дѣлать!> Это Бастианъ повторялъ не разъ въ теченіе своей жизни. Смотри на свою научную дѣятельность вышеуказаннымъ образомъ, онъ естественно еще болѣе придерживался того же мнѣнія въ своей музейской дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на свою задачу такъ, что было бы преступленіемъ, если бы мы упустили малѣйшую возможность собрать все, характеризующее духовную и матеріальную культуру человѣка. Онъ призывалъ всѣхъ собирать, собирать и собирать сокровища этнологіи. Онъ пишетъ: «Насталъ послѣдній моментъ, пробилъ часъ! Документы неизмѣримой, незамѣнимой важности для исторіи человѣчества гибнутъ! Спасайте, спасайте ихъ, пока это не поздно!» Говоря это про матеріальную культуру, болѣе устойчивую при соприкосновеніи съ нивелирующимъ вліяніемъ западно-европейской культуры, онъ еще съ большей скорбью говорить то же о культурѣ духовной. Такъ, вернувшись изъ своего путешествія на Новой Зеландіи и Полинезіи въ 1880 г., онъ на берлинскомъ антропологическомъ конгрессѣ указываетъ со скорбью на исчезновеніе данныхъ туземной мѣологіи, при соприкосновеніи съ европейской культурой. «Вездѣ, во время моей послѣдней поѣздки, говоритъ онъ, я болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, блуждалъ среди развалинъ и обломковъ. Эти обломки не монументальнаго характера и не напоминаютъ въ качествѣ нѣмыхъ свидѣтелей исчезнувшія культуры, загадки которыхъ еще не разрѣшены,—нѣтъ, эти обломки болѣе легкихъ, эфемерныхъ образованій, и если они разъ распались, они пропали навсегда и никогда не могутъ быть восстановлены...»

Ставя обработку собраннаго матеріала на задній планъ, Бастианъ не стремился дать общее освѣщеніе предмету и избѣгалъ общихъ характеристикъ. По этому случаю характеренъ его споръ съ Геккелемъ, котораго онъ упрекалъ въ увлеченіи широкими горизонтами и обобщеніями, совлекшими его съ пути чистаго, естественно-историческаго научнаго метода. Однако, такая крупная фигура, какъ Бастианъ, съ громаднымъ опытомъ путешественника, знакомаго со всѣми народами вселенной не только по книгамъ, но изъ живого общенія, не могъ писать только замѣтки, копить только матеріалъ для будущихъ поколѣній. Поэтому, быть можетъ, даже противъ его собственнаго желанія, онъ рѣзко и опредѣленно сформировался въ

этнолога-психолога. Его главное учение касалось вопроса объ отношеніи отдѣльной личности ко всему человѣчеству (*Verhältniss der Einzelnen zur Gesamtheit*), а также вопроса о происхожденіи «элементарной мысли» или «души народа» (*Elementar Gedanke, Völkerpsyche*). Въ первомъ вопросѣ онъ придерживался взгляда на пассивность роли отдѣльнаго индивидуума, который является только отраженіемъ цѣлаго общества. Въ этомъ вопросѣ онъ особенно близко сходился и напоминалъ Гебарта. Болѣе оригинальнымъ онъ былъ въ ученіи «о психологіи народовъ». Во время своихъ безчисленныхъ путешествій, онъ наталкивался въ противоположныхъ концахъ свѣта на сходныя явленія, имѣвшія корень въ самой душѣ человѣка. По ученію Бастіана человѣчество, въ силу своего антропологическаго единства, думаетъ на начальныхъ стадіяхъ развитія вездѣ одинаково. Позднѣйшія различія въ психологіи народовъ вслѣдствіе культуры создаются уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ различныхъ, главнымъ образомъ, физическихъ и географическихъ условій. Этимъ положеніемъ онъ старается установить свое учение «о географическихъ провинціяхъ». Не отрицая возможности происхожденія одинаковыхъ культуръ, путемъ заимствованій, при соприкосновеніи отдѣльныхъ народовъ, Бастіанъ принимаетъ это, главнымъ образомъ, для народовъ, стоящихъ на болѣе высокой степени культуры. Такъ, самострѣль, разнесенный по 3. Европѣ монгольскими завоевателями, какъ сложное явленіе человѣческой культуры, не могъ быть изобрѣтенъ обязательно всѣми народами, употребляющими его одновременно. Его далекое распространеніе объяснимо только заимствованіемъ уже готовой формы. Болѣе простыя и несложныя проявленія культуры, элементы ея, однако, не нуждаются въ заимствованіи, они могутъ свободно и независимо зародиться одновременно у разныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи, въ противоположность Рихарду Андрэ, высказавшемуся въ своихъ «*Ethnologische Parallelen und Vergleiche*» и допускающему *только возможность* возникновенія сходныхъ идей и культуръ у различныхъ народовъ, Бастіанъ опредѣленно указываетъ на логическую *необходимость* возникновенія подобныхъ общихъ элементовъ.

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ этнологіи укажемъ на его работы по миеологіи, преимущественно полинезійцевъ, его заслугу въ выясненіи вопроса о матриархатѣ и пр. Не малую заслугу

мы видимъ и въ его указаніи на отличіе между культурными и некультурными народами. Онъ подчеркиваетъ здѣсь, что подобнаго отличія нѣтъ. Есть только различіе въ степени культурности. Много другихъ вопросовъ, разбросанныхъ по его безчисленнымъ трудамъ, ждутъ дальнѣйшей разработки.

Главная литературная дѣятельность Бастіана заканчивается серединой 90-хъ годовъ. Послѣ этого, несмотря на то, что рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы на книжномъ рынкѣ не появлялась новая работа Бастіана, мысль маститаго ученаго отливалась уже въ формы, очень тяжелыя для пониманія. Его послѣднимъ трудомъ вышла работа (1903 и 1904 гг. 2 тома) «Die Lehre vom Denken».

Главная заслуга Бастіана, кромѣ его путешествій, къ которымъ онъ принципиально не готовился, боясь ставить себѣ заранѣе опредѣленные задачи и цѣли, заключается въ накопленіи громаднѣйшаго матеріала, какъ въ видѣ сокровищъ созданнаго имъ музея, такъ и въ видѣ гениальныхъ мыслей, разбросанныхъ въ его многотомныхъ трудахъ. Разработкой этого всего матеріала, завѣщаннаго покойнымъ любимой имъ наукой, должны будутъ заняться всѣ будущіе этнологи. Фигура Бастіана явится для нихъ примѣромъ подражанія и удивленія.

Бастіанъ скончался на Тринидадѣ, проболѣвъ всего нѣсколько дней, и только черезъ три недѣли европейское общество узнало о смерти ученаго. Ни рѣчей, ни пышнаго погребенія не могло быть устроено на чужбинѣ. Его личный секретарь взвалилъ простой гробъ на телѣгу, запряженную муломъ, сѣлъ на нее самъ, и отвезъ тѣло къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Берлинцы тогда же рѣшили перевезти прахъ своего Бастіана на родину и похоронить его недалеко отъ Вирхова, — это и было сдѣлано нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Русское Антропологическое Общество при университетѣ навсегда съ гордостью сохранить память о своемъ почетномъ членѣ, такъ много сдѣлавшемъ для развитія науки о человѣкѣ.

В. Адлеръ.

ПАМЯТИ

профессора Александра Ивановича Таренецкаго.

Имя Александра Ивановича Таренецкаго, несомнѣнно, пользовалось и пользуется среди врачей большой популярностью. Многочисленные выпуски врачей, получившіе свое специальное образование въ Медико-Хирургической Академіи, переименованной впоследствии въ Военно-Медицинскую, изучали анатомію подъ руководствомъ Александра Ивановича, котораго они всегда помянутъ добрымъ словомъ. А. И. Таренецкій, можно сказать, всю свою жизнь провелъ среди учащейся молодежи и молодыхъ врачей въ стѣнахъ Военно-Медицинской Академіи. Еще 19 лѣтнимъ студентомъ 2 курса онъ сталъ изучать анатомію, помогая профессору В. Л. Груберу, въ преподаваніи этой основной для медицинскихъ знаній науки. Такимъ образомъ А. И. Таренецкій въ теченіи 36 лѣтъ и самъ изучалъ анатомію, и помогалъ въ ней совершенствоваться другимъ, сперва въ качествѣ частнаго помощника проф. Грубера, затѣмъ — штатнаго прозектора и, наконецъ, профессора. Въ продолженіи этихъ долгихъ лѣтъ онъ, можно сказать, сжился съ каедрю анатоміи, съ анатомическимъ и антропологическимъ музеемъ, съ анатомическимъ заломъ для студентовъ-медиковъ, слывающимъ среди студентовъ подъ именемъ «препаровочной», со всѣмъ этимъ своеобразнымъ міромъ, поставленнымъ на надлежащую научную высоту трудами еще предшественниковъ А. И. Таренецкаго, знаменитаго Н. И. Пирогова, и затѣмъ В. Л. Грубера.

Случайное въ сущности обстоятельство—основательное знакомство Александра Ивановича съ нѣмецкимъ языкомъ, опредѣлило судьбу и характеръ занятій его въ медицинѣ.

Знанієм же нѣмецкаго языка онъ былъ обязанъ тому, что родился въ проживавшей заграницею—въ г. Веймарѣ, русской семьѣ, глава которой—отецъ А. И.—былъ придворнымъ пѣвчимъ при православной церкви въ этомъ городѣ.

Александръ Ивановичъ Таренецкій родился 1-го февраля 1845 года въ Веймарѣ, гдѣ и проходилъ курсъ средней школы въ Веймарской классической гимназiи, по окончанiи которой въ 1864 году онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Iенскаго университета. Осенью того же года, 18 лѣтъ отъ роду Алекс. Иван. перешелъ на 1-й курсъ Медико-Хирургической Академіи въ С.-Петербургѣ. Здѣсь уже со 2-го курса, какъ сказано было выше, А. И. Таренецкій сталъ спеціально заниматься анатоміею у проф. В. Л. Грубера, въ качествѣ его частнаго помощника. Въ 1869 году онъ окончилъ курсъ въ Медико-Хир. Академіи первымъ, получивъ 1-ю золотую медаль и премію Буша, а затѣмъ по конкурсу оставленъ при Академіи для усовершенствованiя. Въ началѣ 1872 г. А. И. Таренецкій былъ назначенъ и. д. прозектора, при каедрѣ нормальной анатоміи, а въ 1874 г., по защитѣ докторской диссертаци, былъ единогласно избранъ штатнымъ прозекторомъ при той же каедрѣ. До 1884 г. дѣятельность Александра Ивановича сосредоточивалась главнѣйшимъ образомъ на руководствѣ студентовъ при ихъ практическомъ ознакомленіи съ нормальной анатоміею, а въ 1884 году ему было конференціей Академіи поручено также и чтеніе лекцій на 1 и 2 курсахъ Военно-Медицинской Академіи и руководство занятіями военно-полевыхъ хирурговъ; въ то-же время А. И. Таренецкій оставался прозекторомъ при В. Л. Груберѣ. Наконецъ, въ 1887 году, 25 апрѣля Алекс. Иван. былъ единогласно избранъ ординарнымъ профессоромъ на вакантную, послѣ выхода въ отставку Грубера, каеэдру нормальной анатоміи.

Каеэдру эту Ал. Ив. занималъ по 4 февраля 1901 года, оставивъ ее съ назначеніемъ на постъ начальника Воен.-Медицин. Академіи. Это служебное повышеніе не принесло ничего хорошаго Александру Ивановичу. Масса административныхъ хлопотъ, постоянныя непріятности, вслѣдствіе студенческихъ волненій, которыя послѣдніе годы были хроническими во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи и въ Воен.-Медиц. Академіи въ частности, держали въ вѣчномъ напря-

женіи нервы Александра Ивановича и окончательно подорвали его силы въ годину несчастій нашей родины, задѣвшихъ очень близко и А. И., потерявшаго подъ Цусимой сына.— Каждая студенческая исторія ухудшала его здоровье: появились нервныя разстройства, диплопія, указывавшія на серьезное органическое пораженіе головного мозга и, наконецъ, не стало Ал. Ив., искренно любившаго учащуюся молодежь, съ которой онъ провелъ всю свою жизнь и съ которой дѣлилъ, можно сказать, горе и радости. Трудно было этому доброму, мягкому, хотя и съ грубоватою иногда по формѣ, но не по смыслу рѣчью, двоиться, а тѣмъ болѣе сдѣлаться сухимъ и безошаднымъ администраторомъ, драпирующимся въ тогу величія, какъ это происходило съ другими на его мѣстѣ. По прежнему простой и доступный Ал. Ив. въ качествѣ начальника Воен.-Мед. Академіи долженъ былъ неизбежно стать буфферомъ между суровыми требованіями свыше и зачастую экзальтированными, недостаточно взвѣшенными желаніями и стремленіями молодежи, которую онъ лучше многихъ зналъ и понималъ, и, конечно, гдѣ можно, защищалъ.

Такимъ образомъ, постъ начальника Воен.-Мед. Академіи сталъ для Ал. Ив. терновымъ вѣнцомъ, приведшимъ его къ преждевременной (онъ умеръ 60 лѣтъ) могилѣ. Онъ умеръ 3 ноября 1905 г. и похороненъ въ С.-Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Александръ Ивановичъ Таренецкій не былъ узкимъ ученымъ, знающимъ только свой спеціальный предметъ и имъ только интересующимся. Напротивъ, онъ отличался широтою взглядовъ, былъ и въ своей спеціальности анатомомъ-біологомъ. Онъ живо интересовался нѣкоторыми отдѣлами зоологіи и съ особою любовью коллекціонировалъ жуковъ. Въ качествѣ члена Медицинскаго Совѣта Министерства Внутр. Дѣлъ, онъ иногда бралъ на себя разборъ судебно-медицинскихъ вопросовъ. И въ своемъ спеціальномъ предметѣ, — въ анатоміи, А. И. Таренецкій шелъ гораздо дальше предѣловъ этой науки въ ея прикладной къ медицинѣ роли: онъ глядѣлъ шире на анатомію, съ точки зрѣнія антрополога, чѣмъ отличалось и преподаваніе имъ анатоміи отъ преподаванія его предшественника и учителя В. Л. Грубера, посвятившаго себя всецѣло изученію деталей анатомическаго строенія человѣческаго тѣла, — до сихъ поръ, кстати сказать, еще далеко не законченнаго. По-

этому-то мы видимъ цѣлый рядъ трудовъ его и его учениковъ, врачей - диссертантовъ, посвященныхъ антропологиіи, помимо значительнаго числа трудовъ чисто анатомическаго содержания самого Александра Ивановича. На разборъ тѣхъ и другихъ трудовъ Ал. Ив. Таренецкаго не будемъ останавливаться, такъ какъ задача эта, несомнѣнно, можетъ быть лучше выполнена ближе стоявшими къ Ал. Ив. его учениками и помощниками по кафедрѣ анатоміи.

Приведу только здѣсь списокъ трудовъ А. И. Таренецкаго и небольшихъ его замѣтокъ и сообщеній изъ области антропологиіи и этнографіи: 1) «Матеріалы къ краниологіи великорусскаго населенія сѣверныхъ и среднихъ губерній Европейской Россіи». Мемуары С.-Петербургской Академіи Наукъ. 1884. 2) «Къ вопросу объ измѣреніяхъ черепа и мозга», (Врачъ, 1885 г.). 3) «Нѣсколько замѣчаній по поводу антропологическихъ изслѣдованій на живыхъ», («Врачъ», 1889 г.). 4) «Матеріалы къ краниологіи айновъ на Сахалинѣ». Мемуаръ Спб. Акад. Наукъ. 5) «Дальнѣйшіе матеріалы къ краниологіи обитателей Сахалина — айновъ, гиляковъ и ороковъ». Мемуары Спб. Академіи Наукъ 1893. 6) «Къ вопросу о посмертныхъ поврежденіяхъ черепа». Труды Антроп. Общ. при И. В.-Мед. Акад. 1894. 7) «Употребленіе саки въ Японіи и куреніе опиума въ Китаѣ». Труды Антроп. Общ. при В.-М. Акад. 1897, т. II. 8) «Остяцкіе черепа». Труды Антроп. Общ. при В. М. Академіи 1898, т. III. 9) Beiträge zur Skelet- und Schädelkunde der Aleuten, Kanoegen, Kenai und Koljuschen mit vergleichenden antropologischen Bemerkungen. Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, № 4. 1889 г. 10) «Къ антропологиіи и этнографіи айновъ на Сахалинѣ». Труды Антроп. Общ. при В.-М. Акад., т. V, 1901. 11) «Буры Южной Африки». Антропологическій и этнографическій очеркъ. Труды Антроп. Общ. при В.-М. Акад., т. VI, 1903.

Я считаю необходимымъ, однако, больше остановиться на той его дѣятельности, которая вела къ распространенію антропологическихъ знаній и приобрѣтенію новыхъ адептовъ антропологиіи у насъ въ Россіи. А. И. Таренецкій не только самъ занимался антропологическими изслѣдованіями, какъ дисциплиной, очень тѣсно связанной съ нормальною анатоміею, и оставилъ послѣ себя рядъ трудовъ по антропологиіи, но также весьма дѣятельно пропагандировалъ изученіе антро-

пологиі среди студентовъ-медиковъ и врачей. Съ этою цѣлью въ 1893 году, 25 апр. имъ было основано Антропологическое Общество при Императорской Военно-Медицинской Академіи, котораго первымъ предсѣдателемъ онъ былъ избранъ и въ число членовъ котораго онъ привлекъ многихъ профессоровъ, антропологовъ уже раньше работавшихъ на этой нивѣ, а также врачей. Нельзя было не привѣтствовать мысль привлечь къ антропологическимъ изслѣдованіямъ и заинтересовать антропологію, какъ военныхъ врачей, такъ и будущихъ врачей—студентовъ Военно-Медицинской Академіи. Дѣйствительно, кому, какъ не врачу, еще на школьной скамьѣ обстоятельнѣе, чѣмъ какой-либо другой студентъ, изучающему нормальную анатомію человѣческаго тѣла, какъ краеугольный камень медицинскихъ знаній,—кому, какъ не врачу, наиболѣе подходящее дѣло заняться и соматическою частью антропологіи! Врачъ при наблюденіи, изслѣдованіи и леченіи больныхъ, — будь онъ психіатръ, хирургъ, акушеръ, терапевтъ или просто военный врачъ, постоянно наталкивается на факты, интересные съ антропологической точки зрѣнія; то же приходится отмѣтить и въ отношеніи патолого-анатома при вскрытіи трупа, судебного врача при судебномъ изслѣдованіи и т. д. Да кромѣ того, именно для врача доступнѣе, чѣмъ для кого-нибудь другого, антропометрическія изслѣдованія, благодаря его близости къ паціентамъ, которымъ обстоятельное изслѣдованіе физической ихъ организациі можетъ быть только полезно. Прибавимъ къ сказанному, что студенты-медики и врачи, разсѣиваясь по лицу обширной Россійской Имперіи, наталкиваются сплошь и рядомъ на достойные изученія въ антропологическомъ отношеніи объекты, на цѣлыя области еще мало или вовсе не затронутыя изслѣдователемъ-антропологомъ. Даже сырой матеріалъ коллекцій, отдѣльныя наблюденія, едва ли могутъ быть лишними въ такихъ случаяхъ. Я живо помню такой благопріятный случай, относящійся къ 1882-му году, когда я, будучи молодымъ еще военнымъ врачомъ, развѣзжалъ по вѣренному моему попеченію въ санитарномъ отношеніи обширному району вдоль верхняго теченія р. Амура въ 800 верстъ, гдѣ я могъ собрать цѣлыя скелеты манегровъ, погибшихъ отъ оспы и брошенныхъ на произволъ судьбы своими соотечественниками, убѣгавшими въ глубь тайги отъ косившей поголовно страшной эпидеміи, гдѣ также на одномъ изъ островковъ

я видѣлъ цѣлое кладбище умершихъ отъ оспы манегровъ ¹⁾. Во время моего студенчества въ Мед.-Хир. Академіи объ антропологіи ни отъ кого, можно сказать, и слышать не приходилось. По этимъ-то соображеніямъ приходится отдать должную справедливость А. И. Таренецкому, какъ иниціатору распространенія антропологическихъ знаній среди врачей, чего онъ пытался достигнуть также и путемъ организациі при кафедрѣ нормальной анатоміи въ В.-М. Академіи Антропологическаго Общества. Расчетъ А. И. Таренецкаго, что Антропологич. Общество при В.-М. Академіи можетъ привлечь значительно большія, чѣмъ до того силы къ занятіямъ антропологическими изслѣдованіями и наблюденіями, былъ безусловно логиченъ. Во всякомъ случаѣ, если антропологія, столь мало еще разрабатываемая особенно въ Россіи въ отношеніи племенъ, населяющихъ наше обширное отечество, въ отношеніи даже разновидностей русскаго племени, будучи близкою и родственною анатоміи дисциплиною, не можетъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ войти въ курсъ нормальной анатоміи, преподаваемой студентамъ-медикамъ, то она могла бы сдѣлаться не чуждой студентамъ и врачамъ, прикомандировываемымъ къ В.-М. Академіи, благодаря докладамъ, демонстраціямъ и бесѣдамъ въ Антропологическомъ Обществѣ при Академіи, среди которыхъ не малое число докладовъ по иниціативѣ А. И. отводилось антропологической методикѣ.

По моему личному опыту, о которомъ я вскользь упомянулъ выше, не могу не высказаться, что именно такое направленіе дѣятельности кафедры нормальной анатоміи при В.-М. Академіи и въ интересахъ антропологическаго изученія Россіи, и въ интересахъ даже практическихъ отдѣловъ медицинской науки очень важно для медика, такъ какъ снабжаетъ его болѣе широкимъ взглядомъ на свою науку, а не только узко-профессіональнымъ. Такимъ образомъ, заслуга А. И. Таренецкаго передъ русскою наукою, въ частности антропологіею—не малая, такъ какъ, именно благодаря ему, господствовавшее при моемъ учителѣ, В. Л. Груберѣ, чисто анатомическое направленіе кафедры нормальной анатоміи въ Медико-Хирургической Академіи смѣнилось анато-антропо-

¹⁾ Эпидемія эта въ видѣ короткой замѣтки описана мною въ журналѣ Русскаго Общ. Охр. Народнаго Здравія за 1896 г., № 11, Ноябрь, стр. 16, (въ Приложеніяхъ) подъ заглавіемъ: «Очеркъ развитія эпидеміи натуральной оспы въ районѣ Амурскаго конно-казачьяго полка».

логическимъ, явившимся уже усовершенствованіемъ въ этой кафедрѣ. Съ личной точки зрѣнія, раздѣляемой многими, мнѣ приходится сожалѣть, что на этотъ путь кафедра анатоміи не вступила раньше.

Къ сожалѣнію, обстоятельства русской общественной жизни особенно въ послѣднее 20-лѣтіе мало способствовали привлеченію къ научнымъ изслѣдованіямъ вообще новыхъ адептовъ. Такимъ образомъ, и усилія Александра Ивановича Таренецкаго и его ближайшихъ помощниковъ, нынѣ тоже профессоровъ анатоміи, не дали пока еще тѣхъ результатовъ, которые слѣдовало бы ожидать, судя по затраченнымъ усиліямъ.

Впрочемъ, и самъ Ал. Ив., послѣдніе годы своей жизни призванный на постъ начальника Военно-Медицинской Академіи, занятый по горло административною дѣятельностью въ годы наибольшихъ волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не могъ уже отдаваться попрежнему любимому дѣлу, и это, конечно, было не малымъ тормазомъ въ дѣятельности Антропологическаго Общ. при Военно-Медицинской Академіи, не смотря на то, что Ал. Ив. оставался его предсѣдателемъ. Въ концѣ концовъ дѣятельность общества оказалась настолько задержанною, что засѣданія общества прекратились на два года.

Будемъ надѣяться, что тотъ духъ дѣятельности, который былъ вложенъ А. И. Таренецкимъ при созданіи въ новое Антропологическое Общество въ Петербургѣ, послѣ незначительнаго затишья и при измѣненномъ нѣсколько характерѣ дѣятельности, вновь привлечетъ работниковъ къ вопросамъ антропологіи соматической, разработка которыхъ будетъ служить прекраснымъ дополненіемъ тому направленію, которое ранѣе основанное Русское Антропологическое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ можетъ дать изслѣдованіямъ, благодаря болѣе многочисленнымъ и болѣе разнороднымъ научнымъ силамъ университета, которыя могутъ освѣтить вопросы антропологіи съ точки зрѣнія этнографіи, археологіи, исторіи, лингвистики и пр.

Побольше такихъ дѣятелей науки, какимъ былъ А. И. Таренецкій, отдававшимъ ей всю свою энергію и всѣ свои силы, и не было бы наше отечество такъ мало еще изслѣдовано въ научномъ отношеніи и въ отношеніи антропологіи въ частности, какъ это мы видимъ нынѣ.

Ө. Бялыницкій-Буруля.

Памяти В. В. Воробьева ¹⁾.

17-го декабря 1905 года, во время декабрьских кровавых событий въ Москвѣ, на Большой Прѣснѣ, въ домѣ Катлама, у дверей своей квартиры убитъ полицейскимъ приставомъ Ермоловымъ непремѣнный членъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, постоянный и дѣятельный сотрудникъ «Русскаго Антропологическаго Журнала», приват-доцентъ Московскаго университета, докторъ медицины, Викторъ Владимировичъ Воробьевъ. Ужасное убійство это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда началась бомбардировка Прѣсни, на многихъ домахъ, въ которыхъ оказывалась первая помощь раненымъ, появились знаки Краснаго Креста. Викторъ Владимировичъ также вывѣсилъ на стеклѣ парадной двери, ведущей съ улицы въ его квартиру, маленькій красный крестъ, нарисованный краснымъ карандашомъ на четвертушкѣ бумажки. Это было въ 8 час. вечера 12-го декабря. 13-го числа, рано утромъ, къ В. В. явился посланный отъ хозяйна дома узнать, есть ли разрѣшеніе на право устроить врачебный пунктъ. Узнавъ, что такого разрѣшенія у В. В. нѣтъ, хозяинъ попросилъ его снять знакъ Краснаго Креста, что В. В. чѣмъ въ то же утро 13-го числа и было исполнено. Въ первые дни бомбардировки В. В. никому медицинской помощи не подавалъ, такъ какъ никто за нею къ нему не обращался. На улицу самъ онъ всѣ эти дни также не выходилъ изъ боязни при частой стрѣльбѣ быть убитымъ или раненымъ. 15-го декабря В. В. пригласили къ одной умирающей женщинѣ; этого же числа на кухню зашелъ къ В. В. случайно раненый мальчикъ, которому онъ и сдѣлалъ перевязку. Это былъ

¹⁾ Перепечатано съ согласія автора некролога А. А. Ивановскаго изъ «Русскаго Антропологическаго Журнала», 1907 г., №№ 1—2.

единственный случай приёма В. В. раненаго у себя на квартирѣ. 16-го числа его приглашали для оказанія медицинской помощи раненымъ мѣстъ въ пять и, между прочимъ, одному солдату, недавно вернувшемуся изъ-подъ Артура и случайно раненому на Прѣснѣ. Все утро роковаго дня 17-го декабря В. В. былъ дома, — писалъ для доклада на медицинскомъ

създѣ статью о положеніи низшихъ служащихъ въ больницахъ. Успѣли только-что въ 12 часовъ позавтракать, какъ В. В. позвали къ одному раненому столяру; не успѣлъ онъ сдѣлать ему перевязку, какъ его пригласили къ другому, еще болѣе тяжело раненому въ животъ. Оказавъ помощь этому, В. В. снова вернулся къ столяру, которому передъ тѣмъ не успѣлъ окончить перевязку. Стрѣльба шла все время. Пере-

ходить черезъ улицу приходилось подъ выстрѣлами. Окончивъ перевязку раненаго столяра, В. В. хотѣлъ возвратиться домой, но выстрѣлы были настолько часты, что онъ не рѣшился перебѣжать черезъ улицу. Вновь вернувшись въ квартиру столяра и оставивъ у него коробку съ наскоро приготовленными перевязочными средствами, В. В. съ поднятыми вверхъ руками (въ доказательство того, что у него нѣтъ въ рукахъ оружія), подъ градомъ пуль, возможно скорѣе перебѣжалъ черезъ улицу по направленію къ своей квартирѣ и, такъ какъ черезъ парадное крыльцо было бѣжать дальше, онъ пробѣжалъ черезъ ворота на черный ходъ. Находившаяся въ квартирѣ жена В. В. съ 12-лѣтней дочерью и прислугой, услышавъ страшный стукъ въ дверь, поспѣшила отворить ее. В. В. вбѣжалъ запыхавшійся и взволнованный, говоря: «Что такъ долго не отворяли,— такъ вѣдь и человѣка могутъ убить», и попросилъ пить. Жена подала ему чашку холоднаго кофе, оставленную имъ не выпитой послѣ завтрака, но онъ попросилъ приготовить ему горячаго. Жена вышла въ кухню. Въ это время съ параднаго входа раздался обычный спокойный звонокъ. Такъ какъ въ эти тревожные дни на звонки выходили всей семьей, и на этотъ разъ также бросились всѣ. Отворивъ дверь, увидѣли на площадкѣ (на которую всѣ вышли) человѣкъ 6 или 7 военныхъ съ синими околышами. Впереди стоялъ полицейскій офицеръ, высокій мужчина, брюнетъ; кромѣ того, тутъ же стояли хозяинъ дома и отецъ его, швейцаръ и нѣкоторые жильцы. Впереди стоявшій офицеръ (какъ потомъ оказалось, полицейскій приставъ Ермоловъ) спросилъ Виктора Владимировича: «Вы—докторъ Воробьевъ?»—«Да, я». «Обыщите его», приказалъ онъ солдатамъ. Два солдата обыскали его и ничего не нашли. Тогда офицеръ спросилъ Воробьева: «У васъ есть Красный Крестъ?»—«Нѣтъ, у меня нѣтъ Краснаго Креста».—«У васъ есть въ квартирѣ раненые?»—«Нѣтъ, раненыхъ у меня въ квартирѣ нѣтъ».—«Вы покровительствуете, вы оказываете помощь революціонерамъ», полувопросительно, полутвердительно сказалъ офицеръ. «Я революціонерамъ не покровительствую, но оказываю помощь всякому, кто въ ней нуждается, въ силу моего званія врача».—«У васъ есть оружіе?»—«Есть револьверъ съ разрѣшенія градоначальника».—«Гдѣ онъ?»— В. В., съ поклономъ указывая на дверь, жестомъ руки пригласилъ войти въ квартиру, и только-что онъ

повернулся, чтобы пройти вперед, как офицеръ поднялъ револьверъ и выстрѣлилъ В. В—чу въ затылокъ. В. В—чь упалъ, какъ снопъ, обливаясь кровью. Дѣвочка, дочь В. В—ча, съ крикомъ кинулась въ комнаты. На ея крикъ выбѣжала служанка. Жена В. В—ча, стоявшая во время разговора у дверного косяка, закричала: «За что? За что?» Офицеръ крикнулъ ей: «Замолчи!» и поднялъ на нее револьверъ. Служанка схватила жену В. В—ча, втокнула ее въ дверь и захлопнула послѣднюю. Когда на лѣстницѣ затихли шаги, снова всѣ выбѣжали на площадку. Жена начала трогать В. В—ча. Онъ очнулся. «Я живъ, не кричите». Швейцаръ и нѣкоторые жильцы помогли внести В. В—ча въ кабинетъ и положили его на диванъ. Онъ приподнялся, сѣлъ и сказалъ: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь, я живъ. Что со мной?» — «Ты раненъ», отвѣтила жена. «Я ничего не слышу». — «Ты раненъ», еще громче сказала она. «Раненъ?» переспросилъ онъ. «Я пить хочу, голова болитъ, спать хочу», и, выпивъ воды, легъ. Затѣмъ еще нѣсколько разъ порывался встать, но ему не давали, — нужно было класть ледъ на голову, было сильное кровотеченіе. В. В—чь еще разъ попросилъ пить и потомъ уже больше ничего не говорилъ. Прислуга побѣжала за сестрой милосердія въ частную лѣчебницу въ томъ же домѣ; потомъ привела одного врача, который велѣлъ класть ледъ и посоветовалъ позвать другого доктора, такъ какъ онъ не хирургъ, а дѣтскій врачъ. Прислуга опять побѣжала за докторомъ и привела доктора Очкасова. Когда у В. В—ча открылось очень сильное кровотеченіе, побѣжали за третьимъ докторомъ. Прибылъ докторъ Натансонъ. Доктора заявили, что безъ рентгеновскихъ лучей ничего сдѣлать нельзя. Когда стихла на улицахъ бомбардировка, жена В. В—ча рѣшила отвезти его въ лѣчебницу; долго по безлюднымъ улицамъ пришлось разыскивать извозчика, а когда онъ былъ найденъ, и жена В. В—ча вернулась домой, Викторъ Владимировичъ прожилъ еще не болѣе двухъ минутъ. Въ теченіе двухъ сутокъ, вслѣдствіе непрекращавшагося обстрѣливанія улицъ Ппрѣсни пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, вдова покойнаго не могла оставить квартиры, и только 19 числа ей удалось сообщить о происшедшемъ ректору университета. 21 декабря, въ 7-мъ часу утра, пріѣхала карета скорой помощи, въ которой перевезли тѣло В. В—ча въ институтъ судебной медицины. Въ тотъ же

день было произведено вскрытіе тѣла В. В—ча. Вскрытіе производилъ профессоръ судебной медицины П. А. Минаковъ. Вскрытіемъ обнаружено, что смерть В. В—ча послѣдовала отъ огнестрѣльной раны головы. Входное отверстіе раны находится позади лѣваго уха. Пуля пробила кости черепа въ области шва между затылочной костью и сосцевиднымъ отросткомъ лѣвой височной, разрушила значительную часть лѣваго полушарія мозжечка и застряла въ каменной части лѣвой височной кости. При прохожденіи чрезъ кости черепа оболочка пули разорвалась, и части ея найдены въ разрушенномъ мозговомъ веществѣ. Разрывомъ оболочечной револьверной пули можетъ быть объяснено большое разрушеніе головного мозга и трещины въ надглазничныхъ пластинкахъ. Поврежденіе мозга отнесено къ числу безусловно смертельныхъ. Выстрѣлъ произведенъ на очень близкомъ разстояніи, но не въ упоръ. Въ моментъ выстрѣла В. В—чъ стоялъ затылкомъ по отношенію къ убійцѣ. Пуля прошла въ головѣ по направленію сзади напередъ, съ ничтожнымъ уклономъ вправо и кверху. Послѣ вскрытія тѣло В. В—ча было перенесено въ часовню при анатомическомъ институтѣ университетскихъ клиникъ. Отпѣваніе было совершено 23 декабря въ церкви при названномъ институтѣ. Кромѣ вдовы и дочери покойнаго, при отпѣваніи присутствовали: помощникъ ректора университета, проф. В. И. Вернадскій, деканъ медицинскаго факультета, проф. Ѳ. И. Клейнъ, профессора и приватъ-доценты того же факультета, члены Общества Любителей Естествознанія и Антропологическаго его Отдѣла, члены Общества Невропатологовъ и Психіатровъ, врачи и другія лица. На гробъ покойнаго возложены были вѣнки: отъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, отъ Общества Невропатологовъ и Психіатровъ, отъ Алексѣевской психіатрической больницы, отъ врачей Преображенской больницы, отъ товарищей и др. Погребеніе совершено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. На могилѣ были произнесены прочувствованныя рѣчи проф. П. А. Минаковымъ и И. П. Силиничемъ ¹⁾.

¹⁾ Изъ газетныхъ статей, посвященныхъ памяти В. В. Воробьева, указать: проф. Д. Н. Анучина («Русскія Вѣдомости» 1905 г., № 326), проф. П. А. Минакова (тамъ же, № 325), прив.-доц. А. А. Ивановскаго (тамъ же, № 326), прив.-доц. П. В. Кускова (тамъ же, 1906 г., № 24), д-ра А. Д. Элькинда (тамъ же, 1906 г., № 156), В. Карпачева («Молва» 1906 г., № 2) и др.

Викторъ Владимировичъ родился въ Красномъ Яру, Астраханской г., 30 января 1865 г. Отецъ его, Владимиръ Яковлевичъ, служилъ сначала чиновникомъ особыхъ порученій при астраханскомъ губернаторѣ, позже занималъ въ Астрахани должность мирового посредника; состоялъ затѣмъ непрѣмѣннымъ членомъ и предсѣдателемъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и предсѣдателемъ уѣзднаго по воинской повинности присутствія; въ теченіе 18 лѣтъ назначался почетнымъ мировымъ судьей. Мать В. В.—ча была развитая и образованная женщина. По воспоминаніямъ отца, В. В. «былъ ребенокъ острый, находчивый, очень энергичный; въ раннемъ дѣтствѣ проявлялъ способность къ стихамъ и вообще творчеству». Девяти лѣтъ В. В. былъ отданъ въ приготовительный классъ Астраханской гимназіи и пробылъ въ ней до 5 класса, живя все время въ пансіонѣ при гимназіи. По словамъ отца, В. В. «глубоко ненавидѣлъ пансіонъ» за тѣ порядки, которые тогда царили въ немъ; къ тому же, превосходя по развитію своихъ товарищей-пансіонеровъ, В. В. не сошелся и съ ними; они, въ свою очередь, «мстили» ему разными выходками, дѣлавшими пребываніе его въ пансіонѣ чрезвычайно тяжелымъ; особенно же несноснымъ стало это пребываніе въ 5 классѣ, когда В. В. очень увлекся чтеніемъ Евангелія. Насмѣшки товарищей сдѣлали мальчика настолько нервнымъ, что отецъ вынужденъ былъ взять его изъ пансіона и перевести въ 5 классъ Царицынской прогимназіи, состоявшей въ то время изъ шести классовъ. По окончаніи курса въ Царицынской прогимназіи, В. В. перешелъ въ Саратовскую гимназію, отъ которой и получилъ аттестатъ зрѣлости. Высшее образованіе В. В. началъ на медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета. Въ Казани онъ пробылъ, однако, недолго, два съ небольшимъ года,— во время студенческихъ беспорядковъ, охватившихъ тогда столичные и провинціальныя университеты, В. В. въ числѣ другихъ 80—90 студентовъ былъ исключенъ изъ университета за то, по словамъ его отца, «что онъ въ стихахъ своего сочиненія продекламировалъ товарищамъ о героизмѣ уволенныхъ изъ Петербургскаго и другихъ университетовъ студентовъ».хлопоты о поступленіи въ какой-либо изъ русскихъ университетовъ долгое время оставались безуспѣшными, и В. В., отчаявшись въ возможности продолжать образованіе въ Россіи, выѣхалъ за границу и поступилъ было уже въ Бреславльскій

университетъ, какъ получено было увѣдомленіе о принятіи его въ число студентовъ университета св. Владимира въ Кіевѣ. Въ этомъ университетѣ въ 1891 г. В. В. и окончилъ курсъ медицинскаго факультета. По окончаніи курса онъ былъ оставленъ сначала ординаторомъ, а потомъ ассистентомъ при кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, которую занималъ тогда въ Кіевскомъ университетѣ проф. И. А. Сикорскій. Еще во время службы при клиникѣ, будучи во время каникулъ 1892 года въ Астрахани, В. В. принялъ участіе въ борьбѣ съ эпидеміей холеры сначала въ должности врача при observationalномъ пунктѣ на девятифутовомъ рейдѣ, а потомъ при Высочайше уполномоченномъ на борьбу съ холерой тайн. совѣтн. П. А. Фадѣевъ для наблюденія за организаціей устройства холерныхъ бараконъ на пристаняхъ по всей Волгѣ и Камѣ и за правильной эвакуаціей больныхъ съ пароходовъ, а впоследствии въ должности утвержденного министромъ внутреннихъ дѣлъ медицинскаго члена комиссіи, состоявшей при томъ же П. А. Фадѣевъ. Въ декабрѣ 1892 г. В. В. былъ командированъ въ Петербургъ на съѣздъ врачей, принимавшихъ участіе въ борьбѣ съ холерой, гдѣ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ выступилъ рѣшительнымъ противникомъ карантинныхъ огражденій, какъ мѣры противъ распространенія холеры, защищая методы безпрепятственнаго пассажирскаго и товарнаго движенія при правильной эвакуаціи больныхъ и дезинфекціи пароходовъ и вагоновъ, гдѣ были больные. Въ 1894 г. В. В. сдалъ въ университетѣ св. Владимира докторантскій экзаменъ и, ради практическаго ознакомленія съ различными отраслями медицины, поступилъ на одинъ годъ земскимъ врачомъ въ Фатежскомъ уѣздѣ, Курской губ. Въ 1895 г. В. В. переѣхалъ въ Москву, главнымъ образомъ, съ цѣлью написать здѣсь докторскую диссертацию. Въ Москвѣ В. В., вскорѣ же по пріѣздѣ, поступилъ сначала ординаторомъ, а потомъ старшимъ врачомъ частной лѣчебницы для нервныхъ и душевныхъ больныхъ Ѳ. А. Савей-Могилевича и прослужилъ въ ней до 1901 г. Объ отношеніи В. В.—ча къ больнымъ и больныхъ къ нему можно судить, между прочимъ, по воспоминаніямъ одного изъ пациентовъ В. В.—ча, В. Кирпичева, напечатаннымъ въ «Молвѣ», 1906 г., № 2. «Мое знакомство съ покойнымъ, — пишетъ г. Кирпичевъ, — относится къ началу 1896 г., когда я, страдавая разстройствомъ нервной системы, вынужденъ былъ помѣ-

ститься въ лѣчебницу доктора *Θ. А. Савей-Могилевича*, гдѣ *В. В. Воробьевъ*, только-что прїѣхавшій въ Москву, состоялъ младшимъ врачомъ. Завѣдуя нервнымъ отдѣленіемъ, въ одной изъ комнатъ котораго онъ временно и проживалъ, *В. В.* почти цѣлые дни проводилъ между больными. Находясь всегда среди своихъ паліентовъ, *В. В.*, обладавшій въ то время живымъ и веселымъ характеромъ, умѣлъ одновременно лѣчить ихъ, часто и дружески бесѣдовать съ ними (при чемъ случалось, что многія изъ лицъ, неохотно раскрывавшихъ свою душу, во время этихъ бесѣдъ высказывали ему самыя интимныя стороны своихъ страданій), писать свои ученныя работы и посѣщать засѣданія ученыхъ обществъ. Надо замѣтить, что больные отлично понимали, что *В. В.* вовсе не ищетъ банальной популярности, а идетъ къ нимъ на помощь для облегченія ихъ страданій. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ приводится слѣдующій фактъ изъ жизни *В. В.*—ча: «Покойный былъ въ высшей степени гуманнымъ человѣкомъ, но въ то же время умѣлъ твердо отстаивать свои убѣжденія. Такъ, лѣто 1900 или 1901 года онъ проводилъ въ имѣніи своихъ знакомыхъ въ одной изъ губерній Юго-Западнаго края, гдѣ тогда происходили аграрныя безпорядки, при усмиреніи которыхъ черезчуръ энергичный администраторъ не жалѣлъ плетей и розогъ. Прибывъ въ имѣніе, у владѣльца котораго проживалъ *В. В.*, ретивый администраторъ, узнавъ отъ своихъ подчиненныхъ, что здѣсь проживаетъ врачъ, обратился къ нему съ просьбой (граничащей съ приказаніемъ) присутствовать при экзекуціяхъ, съ цѣлью опредѣленія состоянія здоровья лицъ, обреченныхъ на экзекуцію. «Врядъ ли я буду вамъ удобенъ», отвѣтилъ *В. В.* — «Почему?» спросилъ ошеломленный администраторъ. — «Да потому, что, по моему убѣжденію, ни одинъ человѣкъ не можетъ перенести тѣлеснаго наказанія безъ страшнаго вреда для своего здоровья». Тѣмъ дѣло и кончилось»...

Въ 1901 году *В. В.* защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацию на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: «Наружное ухо человѣка». Въ 1902 г. *В. В.* былъ утвержденъ въ званіи приватъ-доцента по кафедрѣ судебной психопатологіи; въ томъ же 1902 г. онъ занялъ мѣсто помощника прозектора при кафедрѣ судебной медицины и оставался въ этой должности до ноября 1905 г. Съ 1902 г. и до смерти состоялъ консультантомъ при частной лѣчебницѣ для нервно-

и психически-больныхъ доктора Тэриана. Въ августѣ 1905 г. онъ занялъ мѣсто врача въ Алексѣевской городской психиатрической больницѣ.

Первымъ трудомъ В. В—ча въ области антропологии являются его «Материалы въ антропологии великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губерніи», напечатанныя въ «Трудахъ Антропологическаго Отдѣла», т. XIX, стр. 47—84. Въ основу этого труда легли произведенныя В. В—чемъ антропометрическія изслѣдованія 325 фабричныхъ, уроженцевъ Рязанской губ. Несмотря на небольшое число изученныхъ признаковъ (цвѣтъ волосъ и глазъ, ростъ и нѣкоторыя измѣренія головы и лица), эти изслѣдованія В. В—ча, благодаря умѣлой обработкѣ собранныхъ матеріаловъ, внесли много существенныхъ дополненій и разъясненій въ имѣвшіяся до того данныя по антропологии великорусскаго населенія. За этотъ трудъ В. В—чу была присуждена Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи золотая медаль имени профессора А. П. Разцѣтова.

Въ 1900 г. Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія, въ ознаменованіе 25-лѣтней дѣятельности въ Отдѣлѣ предсѣдателя его, проф. Д. Н. Анучина, приступилъ къ изданію «Русскаго Антропологическаго Журнала». Съ самаго же начала основанія журнала В. В. принялъ въ немъ чрезвычайно живое и дѣятельное участіе; почти не было книжки журнала, въ которой не встрѣчалось бы какой-нибудь статьи или замѣтки, подписанной его именемъ. Въ первой же книжкѣ журнала имъ номѣщена статья «Великоруссы», въ которой В. В—чъ, суммировавъ всѣ имѣющіяся данныя по антропологии великоруссовъ, далъ, съ одной стороны, яркую характеристику физическаго типа великоруссовъ, а съ другой, указавъ пробѣлы, намѣтилъ тѣ пути, какими должно итти дальнѣйшее изученіе вопросовъ, связанныхъ съ антропологіей великорусскаго населенія Россіи.

Въ третьей книжкѣ журнала за тотъ же 1900 г. напечатана статья В. В—ча: «О соотношеніи между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ», въ которой авторъ, основываясь на тѣхъ же антропологическихъ изслѣдованіяхъ рязанцевъ, о которыхъ упомянуто выше, приходитъ къ заключенію, что «отмѣченныя А. Г. Рожде-

ственскимъ отношенія между ростомъ и величиной вертикальной проекціи головы могутъ быть распространены на всю голову, какъ въ черепной, такъ и въ лицевой ея части, такъ что большому росту соответствуетъ относительно меньшая во всѣхъ своихъ главнѣйшихъ размѣрахъ голова».

3 января 1902 г. Антропологическій Отдѣлъ, по случаю VIII съѣзда Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, устроилъ торжественное засѣданіе, въ которомъ В. В.—чемъ былъ сдѣланъ докладъ «Объ антропологическомъ изученіи славянскаго населенія Россіи». Въ этомъ докладѣ, напечатанномъ позже въ «Русск. Антроп. Журналѣ», 1902 г., № 1 (кн. IX), В. В.—чь, стараясь возбудить въ слушателяхъ—врачахъ интересъ къ антропологии Россіи, намѣтилъ рядъ вопросовъ, освѣщеніе которыхъ можетъ быть сдѣлано на основаніи антропологическаго изученія современнаго славянскаго населенія Россіи.

Въ 1900 г. В. В.—чь совершилъ поѣздку въ калмыцкую степь и произвелъ здѣсь антропометрическія изслѣдованія 75 астраханскихъ калмыковъ—мужчинъ. Результаты изслѣдованія опубликованы авторомъ въ «Русск. Антроп. Журналѣ» за 1903 г., № 1 (кн. XIII), въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Астраханскіе калмыки». Статья эта представляетъ большой интересъ по тѣмъ сравнительнымъ параллелямъ, которыя авторъ проводитъ между физическими чертами астраханскихъ калмыковъ и ихъ сородичей—гарбагатайскихъ торгоутовъ и которыя даютъ ему право констатировать значительную метисацію изслѣдованныхъ имъ астраханскихъ калмыковъ. На эту же метисацію калмыковъ указалъ позже и другой изслѣдователь, С. А. Королевъ, измѣрившій въ 1901 г. 100 калмыковъ—мужчинъ.

Въ XV—XVI кн. «Русск. Антроп. Журнала» (1903 г., №№ 3 и 4) помѣщена статья В. В.—ча: «Нѣсколько данныхъ по антропологии великорусской женщины», въ которой авторъ излагаетъ результаты своихъ антропологическихъ изслѣдованій 100 взрослыхъ великоруссокъ, уроженокъ Московской и нѣкоторыхъ смежныхъ съ нею губерній. Данныя автора, касающіяся, главнымъ образомъ, цвѣта глазъ и волосъ, роста и нѣкоторыхъ головныхъ и лицевыхъ измѣреній, внесли существенныя дополненія въ скудную литературу по антропологии великорусской женщины. Цѣль вышеназванной статьи—

указать на главнѣйшія различія въ физическомъ типѣ великорусскихъ мужчинъ и женщинъ.

Самымъ обширнымъ трудомъ В. В—ча въ области антропологии является его «Наружное ухо человека», напечатанное въ XX томѣ «Трудовъ Антропологическаго Отдѣла» ¹⁾. Въ основу этого труда легли собственные изслѣдованія В. В—ча ушей 325 взрослыхъ мужчинъ, уроженцевъ Рязанской губ., 100 женщинъ Московской и другихъ смежныхъ губерній, 180 дѣтей обоихъ половъ тѣхъ же губерній и 75 астраханскихъ калмыковъ; кромѣ того, авторъ использовалъ всю имѣющуюся литературу. О цѣнной монографіи В. В—ча появился рядъ лестныхъ отзывовъ не только русской, но и иностранной критики; такъ напримѣръ, извѣстный кѣнигсбергскій профессоръ Л. Штида (L. Stieda) въ своей обширной рецензіи на эту книгу въ XXVIII т. «Archiv für Anthropologie» далъ о ней, между прочимъ, такой отзывъ: работа доктора Воробьева «ist eine ausserordentlich fleissige, gründliche, auf eine grosse Reihe eigener Beobachtungen und Messungen sich stützende Arbeit, in der auch die namentlich in der letzten Zeit reichlich angewachsene Literatur über das Ohr genügend berücksichtigt worden ist». Медицинскій факультетъ Московскаго университета удостоилъ В. В—ча за этотъ трудъ, представленный въ факультетъ въ качествѣ диссертации, степени доктора медицины, а Общество Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, на основаніи отзыва президента Общества, проф. Д. Н. Анучина (см. «Русск. Антроп. Журн.», 1901 г., кн. VII—VIII), присудило за него В. В—чу полную премію по антропологии имени проф. А. П. Разцвѣтова.

¹⁾ См. также «Русск. Антропол. Журналъ», кн. VII—VIII, въ которой авторъ изложилъ главнѣйшіе результаты этого труда. Кромѣ того, многими данными, вошедшими въ этотъ трудъ, авторъ воспользовался для нѣкоторыхъ своихъ статей, помѣщенныхъ отчасти въ «Русскомъ же Антроп. Журналѣ», а отчасти въ другихъ изданіяхъ; таковы: «Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи» («Русск. Антроп. Журн.», 1900 г., № 1), въ которой авторъ реферировать работы д-ра Karutz'a—Ein Beitrag zur Anthropologie des Ohres и проф. Holl'a—Ueber die Lage des Ohres; «Къ вопросу объ особенностяхъ физическаго строенія душевнобольныхъ». О «дегенеративномъ ухѣ» («Вопросы нервно-психической медицины», т. IV); «Насколько обоснованы наши обычныя представленія о дегенеративномъ ухѣ» («Журн. Невропатологии и Психіатрія имени С. С. Корсакова», 1904 г., кн. 4); «Главнѣйшія данныя анатома-антропологическаго изслѣдованія наружнаго уха душевно-больныхъ великоруссовъ (въ юбилейномъ сборникѣ, посвященномъ имени проф. И. А. Сикорскаго); «The degenerate ear. Anatomico-anthropological sketch» («The Journ. of Mental Pathology», vol. II, 1905, № 2).

Антропология была излюбленною научною областью В. В—ча, къ которой болѣе всего тяготѣли его научные интересы и въ которой болѣе всего удалось ему сдѣлать. Но кромѣ антропологии, В. В—чь интересовался и другими отраслями знанія. Нижеприводимый перечень печатныхъ работъ В. В—ча показываетъ, какъ разносторонни были его научные интересы: «Къ патологій отдѣленія молока» («Еженедѣльникъ при Практической Медицинѣ» 1894 г., № 14), «Къ казуистикѣ профессиональныхъ неврозовъ» (тамъ же, 1894 г.), «Случай комбинаціи прогрессивной протопатической мышечной атрофіи съ невритомъ» («Неврол. Вѣстникъ», т. III, 1895 г., вып. 4), «Къ физиологій рѣчи» (тамъ же, 1895 г., вып. 4), «Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу» («Вопросы Философіи и Психологій», 1897 г.), «Выдающійся случай эфироманіи» («Клинич. Журн.», 1899 г.), «Великороссы» — брошюра, вошедшая въ серію популярныхъ книжекъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Природа и люди Россіи», изданныхъ С. В. Курнымъ подъ моею редакціей, «Калмыки» — брошюра въ той же серіи книжекъ, «Основы энергитическаго міросозерцанія» (Вопросы Философіи и Психологій, кн. 73 и 74), въ которой авторъ, излагая содержаніе книги профессора W. Ostwald'a «Vorlesungen über Naturphilosophie» (Leipzig, 1902), дѣлаетъ рядъ критическихъ замѣчаній, имѣющихъ цѣлью опровергнуть нѣкоторые изъ взглядовъ знаменитаго философа-натуралиста. Покойный не чуждъ былъ и беллетристики; въ «Астраханскомъ Листкѣ», въ которомъ онъ сотрудничалъ довольно продолжительное время, помѣщено нѣсколько его беллетристическихъ произведеній; укажемъ изъ нихъ на «Муки Тантала» (1892 г., №№ 27 и 28) и «Воръ» (1892 г., №№ 67 и 68).

За свои научные труды В. В—чь былъ избранъ непременнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи (въ которомъ послѣдніе годы онъ избирался предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи), дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Психологическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества Невропатологовъ и Психіатровъ и членомъ сотрудникомъ Русскаго Антропологическаго Общества при Петербургскомъ университетѣ.

Пуля убійцы сразила Виктора Владимировича въ полномъ расцвѣтѣ силъ, въ возрастѣ всего 40 лѣтъ. Покойный только

началъ развертывать свою научную дѣятельность. Наука въ правѣ была ожидать отъ него еще очень многого. Самъ В. В.—чѣ видѣлъ смыслъ жизни только въ кипучей, непрерывной дѣятельности. Кончая одну работу, онъ обдумывалъ уже планъ другой. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что въ последнее время В. В.—чѣ началъ собирать матеріалы для очень оригинальнаго изслѣдованія, имѣвшаго цѣлью выяснить степень измѣнчивости различныхъ антропологическихъ признаковъ внутри извѣстной народности или извѣстнаго племени. Смерть В. В.—ча отозвалась глубокою, искреннею скорбью въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его. Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія и «Русскій Антропологическій Журналъ», въ которыхъ В. В.—чѣ принималъ столь живое и плодотворное участіе, навсегда сохранять о покойномъ благодарную память.

Ал. Ивановскій.

Эмиль Шмидтъ.

22 (9) октября 1906 года ¹⁾.

Имя Э. Шмидта, конечно, извѣстно каждому антропологу и этнографу по его многочисленнымъ трудамъ. О жизни же этого скромнаго труженика почти никто ничего не знаетъ.

Начавъ свою дѣятельность въ качествѣ врача, Э. Шмидтъ одновременно почти съ самаго начала врачебной практики, сталъ заниматься доисторической археологіей Америки. Въ 1872 г. онъ написалъ очеркъ въ Archiv f. Anthropologie «Zur Urgeschichte Nordamerikas», въ которомъ онъ далъ сводку всего археологическаго матеріала въ этой части свѣта.

Въ 1877 г. ему удалось самому посѣтить С. Америку, и въ результатъ явилась другая большая работа (1879 г.): «Die prähistorischen Kupfergeräthe Nordamerikas» (также въ Archiv f. Anthr.).

Области доисторической археологіи онъ не оставлялъ и потомъ, и въ 1887 г. появилась его работа «Die ältesten Spuren des Menschen im Gebiete der Vereinigten Staaten». Всѣ результаты своихъ изслѣдованій онъ объединилъ въ 1894 г. въ своемъ капитальномъ трудѣ «Die Vorgeschichte Nordamerikas im Gebiete der Vereinigten Staaten».

Другой излюбленной областью покойнаго была физическая антропологія, и особенно часть ея, краниометрія. Въ этой области онъ безспорно занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. — Увлечшись изученіемъ черепа, какъ антропологическаго признака, онъ собралъ значительную коллекцію череповъ, долго хранившуюся въ Лейпцигскомъ музеѣ Grassi и недавно окончательно переданную въ анатомическій кабинетъ Лейпцигскаго

¹⁾ Некрологъ составленъ по статьѣ въ Globus'ѣ, посвященной проф. R. Andree памяти Э. Шмидта.

университета. Эту коллекцію покойный описалъ и снабдилъ цѣннымъ каталогомъ. Изъ краниометрическихъ работъ его наиболѣе извѣстны: «Kraniologische Untersuchungen», «Die Horizontalebene des menschlichen Schädels» и «Die Bestimmung der Schädelcapacität».

Краниометрическія наблюденія на основаніи череповъ изъ Помпеи дали работу «Die antiken Schädel Pompejis». Результатомъ его путешествія по Египту, гдѣ ему удалось измѣрить живыхъ и собрать большую коллекцію современныхъ и древнихъ череповъ (160), явилась работа «Über alte und neuägyptische Schädel». Въ этой работѣ онъ доказывалъ постоянство и неизмѣнность формы черепа.

Его работы въ области физической антропологіи очень многочисленны, и списокъ ихъ занялъ бы не одну страницу. Его взгляды на краниометрію точны и опредѣленны. Стоитъ вспомнить его споръ съ Ф. Мюллеромъ относительно значенія лингвистики и измѣрительныхъ методовъ въ физической антропологіи для классификаціи человѣчества. Работы Клаача и Швальбе, касающіяся неандертальскаго черепа, Шмидтъ привѣтствовалъ, находя методы обоихъ изслѣдователей правильными, несмотря на то, что самъ онъ придерживался всегда только однихъ точныхъ измѣрительныхъ приѣмовъ. Въ этомъ фактѣ высшей научной терпимости сказался истинный ученый, умѣющій цѣнить и чужой трудъ и чужіе взгляды, какъ бы они ему ни были чужды.

Вопросъ, затронутый въ послѣднее время Колльманомъ относительно положенія пигмеевъ, какъ исходной точки при образованіи болѣе крупныхъ формъ, Шмидтъ старался также освѣтить, и въ 1905 г. онъ помѣстилъ въ *Globus* работу, въ которой принялъ сторону проф. Schwalbe, отрицавшаго преемственность болѣе крупныхъ формъ отъ болѣе мелкихъ.—Чувствуя потребность въ точныхъ антропометрическихъ методахъ, (особенно въ качествѣ профессора антропологіи), Шмидтъ издалъ, основываясь на своемъ громадномъ опытѣ, инструкціи, получившія большое распространеніе, т. н. «Anthropologische Methoden» (1888). Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Индію, главнымъ образомъ, въ ея южную часть. Здѣсь онъ занялся изслѣдованіемъ первобытныхъ народовъ—каникаровъ, тода, ката и др. и стремился установить ихъ положеніе въ остальномъ человѣчествѣ.

Результатом поѣздки явилась работа «Reise in Süd-Indien» въ 1894 г. Матеріаль, собранный имъ, особенно фотографическій, былъ настолько великъ, что самъ онъ его не могъ использовать цѣликомъ и часть уступилъ кузенамъ Sagasin'ымъ для ихъ работы о веддахъ.

Черезъ три года появился его «Цейлонъ», въ которомъ онъ далъ антропологію веддовъ.

Кромѣ литературной работы Э. Шмидтъ не мало трудился и надъ созданиемъ музеевъ и обществъ, занимающихся изученіемъ человѣка. Такъ во время своей профессорской дѣятельности въ Лейпцигѣ онъ успѣлъ образовать вмѣстѣ съ покойнымъ д-ромъ Плоссомъ, анатомомъ Hiss'омъ, профессоромъ R. Andree и нынѣ покойнымъ директоромъ Лейпцигскаго Этнографическаго музея H. Obst'омъ кружокъ антропологовъ. Его же работѣ не мало обязанъ и Лейпцигскій Этнографическій Музей.

Такъ протекла жизнь этого скромнаго человѣка науки: въ постоянныхъ трудахъ и работѣ.

Родился Э. Шмидтъ въ 1837 г. въ Oberreichstädt, въ Тюрингіи, учился въ Іенскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. По окончаніи университетскаго курса, онъ поступилъ домашнимъ врачомъ къ пушечному королю Круппу въ Эссенъ. Хорошія матеріальныя условія дали ему возможность много видѣть, учиться и путешествовать. Въ 1883 г. онъ переселился въ Лейпцигъ, чтобы отдаться окончательно занятіямъ антропологіей. Здѣсь онъ скоро сталъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента, а затѣмъ и профессора до 1900 г., когда здоровье его пошатнулось, и онъ долженъ былъ оставить любимое дѣло. Онъ переселился въ Іену, гдѣ и умеръ отъ тяжелой формы arteria sclerosa. Погребенъ онъ въ Лейтенбергѣ въ Тюрингіи.

Такъ скромно жилъ и умеръ этотъ выдающійся антропологъ и прекрасный человѣкъ, которымъ Русск. Антропологическое Общество всегда можетъ гордиться, какъ своимъ почетнымъ членомъ.

Б. Адлеръ.

Отчетъ Общества за 1905 годъ.

Лишь въ началѣ 1905 г. Общество могло собраться одинъ разъ, именно 29 марта 1905 г. Секретаремъ былъ доложенъ отчетъ о дѣлахъ Общества за 1904 г. и имъ же прочитанъ некрологъ почетнаго члена Общества, проф. А. Бастіана, скончавшагося 21 января 1905 г. Д-ръ Н. В. Кирилловъ прочелъ въ томъ же засѣданіи докладъ на тему: «Эмпиризмъ въ народной медицинѣ».

Начавшееся затѣмъ тревожное время, отразившееся на занятіяхъ въ университетѣ, который былъ закрытъ для собраній, прекратило на этотъ годъ дѣятельность Общества.

Въ маѣ 1905 г. было окончено печатаніе I-го тома «Ежегодника», который и былъ разосланъ членамъ. — Денежныя дѣла Общества, несмотря на общія неблагопріятныя условія, оправданы,—благодаря значительному поступленію членскихъ взносов: удалось не только покрыть прежній долгъ типографіи по печатанію повѣстокъ, дипломовъ и т. п., но даже удалось оплатить все печатаніе «Ежегодника» и получить остатокъ на 1906 г. въ 31 руб.

Въ кассѣ было:

Остатокъ отъ 1904 г. . . . 27 р. 80 к.

Членскихъ взносов и т. п. . . 192 » 12 »

Итого . . . 219 р. 92 к.

Расходу 187 р. 89 к.

Остатокъ на 1906 г. . . . 31 р. 93 к.

Въ число членовъ Общества были избраны: въ дѣйствит. П. Н. Бекетовъ, проф. Ѳ. И. Щербатскій и В. И. Ану-

чинъ, въ члены-сотрудники проф. Лушанъ (Берлинъ), проф. фонъ денъ-Штейненъ (Берлинъ), д-ръ Шмельцъ (Лейденъ) и А. А. Петерсъ (въ Петербургѣ).

Тяжелую утрату понесло Общество въ лицѣ звѣрски убитаго въ Москвѣ В. В. Воробьева, почетнаго члена А. Бастіана, скончавшагося въ Портъ-офъ-Спэнъ и проф. А. И. Таренецкаго, дѣятельнаго члена-учредителя Общества.

Къ концу года состояло въ Обществѣ—143 члена, изъ нихъ: членовъ-учредителей 25, почетныхъ 8, дѣйствительныхъ иностраннихъ—11, въ С.-Петербургѣ—77, член.-сотрудниковъ иностраннихъ—81 и въ Петербургѣ—2.

Изданіями Общество обмѣнивалось съ слѣдующими учрежденіями:

- 1) Московскимъ Обществомъ Любителей Е. А. и Э.
- 2) Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.
- 3) Перскаго Архивной Комиссіей.
- 4) Field Columbian University.
- 5) Юрьевскимъ Университетомъ.
- 6) Томскимъ >
- 7) Императ. Географическимъ Обществомъ.
- 8) Кавказскимъ отдѣломъ Географическаго Общества.
- 9) Антропологическимъ Обществомъ при Военно-Медицинской Академіи.
- 10) Краковской Академіей Наукъ.
- 11) Нидерландскимъ Антропологическимъ Обществомъ въ Лейденѣ.
- 12) Обществомъ врачей въ Омскѣ.
- 13) > > > Тифлисѣ.
- 14) > > > Рязани.

Д-ръ Фридолинъ по прежнему трудился надъ обработкой коллекціи деформированныхъ череповъ, изъ Алушты, доставленныхъ въ даръ Обществу П. Н. Бекетовымъ (см. т. I-й «Ежегодника»).

Отъ Общества совершили поѣздки студенты: П. М. Радольскій въ Курскую губ. и Д. Т. Яновичъ въ Тверскую.

Отчетъ Общества за 1906 г.

Начало 1906 г., неблагоприятное для научной работы въ Россіи вообще, характеризуется въ жизни Общества совершеннымъ застоємъ. Несмотря на неоднократныя попытки устроить засѣданія, это не удавалось: университетъ не функционировалъ, съ нимъ же перестали работать Общества, связанныя съ университетомъ.

Въ апрѣлѣ было получено письмо отъ члена-корреспондента В. И. Йохельсона изъ Нью-Йорка, въ которомъ онъ предлагалъ Обществу быть его представителемъ на съѣздѣ американистовъ въ Квебекѣ (сентябрь 1906 г.). На засѣданіи совѣта Общества 18 апрѣля было рѣшено поручить г-ну Йохельсону быть представителемъ Общества на съѣздѣ американистовъ въ Квебекѣ, съ тѣмъ, чтобы г-нъ Йохельсонъ представилъ Обществу отчетъ. На засѣданіи же Совѣта было рѣшено начать сборъ членскихъ взносовъ, несмотря на отсутствіе засѣданій; рѣшено было также начать печатаніе 2-го тома «Ежегодника» въ томъ случаѣ, если типографія согласится подождать съ уплатой долга по печатанію.

Членъ Совѣта И. В. Маляревскій предложилъ прочесть докладъ на тему: «Особенности психическаго состоянія общества въ эпохи политическихъ волненій». Для устройства доклада секретарю было поручено снестись съ администраціей университета.

Согласно постановленію Совѣта, секретарь снесся съ типографіей, однако типографія не сочла возможнымъ начать печатаніе до уплаты университетомъ 200 руб., ассигнованныхъ еще въ 1904 г. для напечатанія 1-го тома. Администрація университета указала на неудобство устройства засѣданій Общества. Въ виду всего упомянутаго, дѣятельность Общества не могла возобновиться вплоть до осенняго семестра, когда началъ функционировать университетъ.

Въ маѣ было отправлено отъ Общества привѣтствіе профессору Ломброзо по случаю его юбилея, также была отправлена официальная командировка г-ну Тохельсону и г-жѣ Жакковой, желавшей работать въ Костромской губ.

Съ ноября начинается правильная дѣятельность Общества. 3-го ноября состоялся докладъ Б. Адлера, посвященный памяти В. В. Воробьева и докладъ Ѳ. К. Волкова, сообщившаго данныя «къ вопросу о трифалангии большого пальца ноги и руки». На этомъ засѣданіи предсѣдатель сообщилъ о приглашеніи бюро Кельнскаго съѣзда германскихъ антропологовъ Обществу принять участіе въ съѣздѣ. Въ этомъ же засѣданіи было поручено предсѣдателю быть представителемъ Общества на торжественномъ чествованіи Русскаго Хирургическаго Общества Пирогова, въ память 25-ти-лѣтія со дня смерти Пирогова. Въ этомъ же засѣданіи секретарь сообщилъ, что факультетомъ ассигновано 200 руб. на напечатаніе «Ежегодника» на 1907 г. На засѣданіи присутствовало 16 человекъ. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества профессоръ анатоміи Женскаго Медицинскаго Института Рих. Лавар. Вейнбергъ.

30-го ноября состоялось 2-е засѣданіе, на которомъ Б. Адлеръ доложилъ о смерти почетнаго члена Общества, проф. Эмиля Шмидта, а дѣйствительный членъ Э. А. Вольтеръ прочелъ докладъ на тему: «къ какому антропологическому—этнологическому типу относилось племя Ятвяговъ». Въ этомъ засѣданіи было доложено письмо Dr. Hrdlicka изъ Нью-Йорка, въ которомъ послѣдній обращался къ Обществу съ просьбой доставить ему списокъ русскихъ антропологическихъ изданій для того, чтобы славяне, живущіе въ Америкѣ, имѣли возможность слѣдить за русской антропологической литературой.

Секретарь сдѣлалъ заявленіе о предстоящемъ юбилеѣ проф. В. Ѳ. Миллера по случаю его 25-лѣтняго предсѣдательства въ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Въ виду возможнаго присутствія секретаря въ Москвѣ во время чествованія В. Ѳ. Миллера, Общество поручило секретарю быть его официальнымъ представителемъ на торжествѣ.

Присутствовать на юбилеѣ секретарь не могъ, такъ какъ былъ вызванъ раньше дѣлами обратно въ Петербургъ.

20-го декабря состоялся докладъ дѣйствительнаго члена Ѳ. А. Бялынецкаго-Вирули на тему: «нѣсколько наблюденій надъ

варіаціями Роландовой борозды у чоловѣка». Присутствовало 12 членовъ.

Денежныя средства Общества, въ виду слабого поступленія членскихъ взносовъ, были крайне истощены.

Къ 1-му января 1906 г., за покрытіемъ всѣхъ прежнихъ долговъ (за напечатаніе 1-го тома «Ежегодника» 140 руб.) и текущихъ расходовъ, оставалось 31 р. 95 к.; членскихъ взносовъ и отъ продажи изданій поступило за 1906 г.—42 руб., такимъ образомъ въ приходъ за 1906 г. состояло 73 р. 98 к., израсходовано же было 23 р. 97 к.; къ 1-му января 1907 г. оставалось въ кассѣ Общества *49 р. 96 к.*

Ростъ библіотеки выразился, несмотря на общія неблагопріятныя для жизни Общества условія, благодаря изданію «Ежегодника» въ почтенной цифрѣ—200 книгъ. Обмѣномъ получено не мало цѣнныхъ работъ. Дальнѣйшему росту библіотеки, равно и коллекцій попрежнему препятствуетъ полное отсутствіе мѣста: несмотря на многократныя просьбы Общества, администрація университета не сочла возможнымъ дать Обществу просимое помѣщеніе.

Обмѣнъ изданіями происходилъ съ переименованными въ отчетѣ за 1905 г. учрежденіями.

Къ концу года Общество состояло изъ 150 членовъ (учредителей—25, почетныхъ—8, дѣйствительныхъ иногороднихъ—11, городскихъ—81, членовъ-сотрудниковъ: иногороднихъ—29, въ Петербургѣ—2).

Въ бюро Общества не произошло перемѣнъ (см. списокъ членовъ Общества). Въ новые члены Общества были избраны: д-ръ З. А. Ячевская, д-ръ К. Блосфельдтъ, д-ръ А. А. Крогюсъ, изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные: *Ө. К. Волковъ.*

Скончались: почетный членъ проф. Э. Шмидтъ, члены учредители: Д. И. Менделѣевъ, Н. А. Меншуткинъ, *Ө. В. Овсяниковъ*, дѣйствит. чл. Н. Е. Бранденбургъ

Ассигнованіе 200 руб. на печатаніе, открытіе университета и возобновленіе чтенія лекцій по антропологии при университетѣ, наконецъ, значительный общій научный подъемъ, заставляють надѣяться, что научная жизнь Общества, только что пробудившаяся отъ послѣднихъ тяжелыхъ двухъ лѣтъ, начнетъ крѣпнуть, расти и дастъ къ 25-лѣтію Общества нѣкоторые плоды.

Отчетъ Общества за 1907 годъ.

Въ весеннемъ полугодіи состоялось два засѣданія—30 января и 14 февраля, причемъ на обоихъ Г. А. Джаваховъ сдѣлалъ сообщенія на темы:

- 1) Къ вопросу о предполагаемомъ первичномъ населеніи Малой Азіи и о связи его съ населеніемъ Кавказа.
- 2) О продольномъ разрѣзѣ черепа у обезьянъ и у различныхъ человѣческихъ расъ (опытъ краниологическаго филогенезиса черепа приматовъ).

Назначенные выборы бюро, за истеченіемъ трехлѣтія, не могли состояться за неявкой законнаго числа членовъ.

Въ осеннее полугодіе (25 октября) назначенъ былъ докладъ А. И. Зачиняева; докладъ однако не могъ состояться за слишкомъ позднимъ появленіемъ г.г. членовъ. Тотъ же докладъ былъ прочитанъ г. Зачиняевымъ 14-го декабря. Тема касалась «Задачъ и методовъ современнаго этнографическаго изслѣдованія».

Въ томъ же засѣданіи былъ прочитанъ К. Θ. Жаковымъ докладъ на тему «Составъ, границы и современное экономическое состояніе зырянскаго населенія».

Въ составѣ бюро произошла перемѣна: проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ отказался отъ званія члена Совѣта, за неимѣніемъ времени. Къ концу года число членовъ Общества не измѣнилось, только К. А. Иностранцевъ выступилъ изъ числа членовъ Общества. Общее число членовъ 150 чел.,—изъ коихъ 25 чл.-учредителей, почетныхъ 8, дѣйствительныхъ иногороднихъ 11, городскихъ 81, член.-сотрудниковъ иногороднихъ—29, въ Петербургѣ—2.

Избраніе предсѣдателя, его товарища и секретаря не могло состояться на этихъ засѣданіяхъ въ виду незаконнаго числа членовъ Совѣта.

Отъ Общества продолжали работать К. Θ. Жаковъ (по командировкѣ) въ Костромской, Пермской и Вологодской губ.

Д-ръ Фридолинъ заканчивалъ свои измѣренія чере-

повь изъ Алушты и общалъ доставить обработку въ началѣ 1908 г.

Общество получило приглашеніе участвовать въ лицѣ своихъ представителей на международномъ съѣздѣ антропологовъ въ Кельнѣ въ августѣ 1907 г. (съѣздъ не состоялся), на съѣздѣ американистовъ въ Вѣнѣ въ августѣ 1908 г., на съѣздѣ зоологовъ въ Бостонѣ и др. Къ сожалѣнію, денежные дѣла Общества не позволили ему командировать специалиста.

Въ началѣ года было приступлено къ печатанію II-го тома «Ежегодника», для котораго были доставлены статьи г. Вольтера «Объ Ятвягахъ», г. Джавахова «Къ вопросу о черепномъ типѣ предполагаемаго первичнаго населенія Малой Азіи и о связи его съ современнымъ населеніемъ Закавказья и др.». Къ сожалѣнію, несвоевременная доставка корректуръ и долгое отсутствіе г. Джавахова принудило Совѣтъ отдать распоряженіе разобрать начатый наборъ статьи г. Джавахова. Печатаніе такимъ образомъ сильно затянулось, и продолженіе его стало возможно только въ началѣ 1908 года.

Недостатокъ собственнато помѣщенія сказался особенно чувствительно въ 1907 году, когда аудиторія проф. П. И. Броунова была переведена изъ университета на 16 линію. Этимъ Общество лишилось мѣста, гдѣ помѣщался его библиотечный шкафъ, съ 1500 книгами, брошенный въ настоящее время на произволь судьбы въ опустѣвшей аудиторіи проф. Броунова. Неоднократныя просьбы дать постоянный пріютъ Обществу до сего дня не увѣнчались успѣхомъ.

Отсутствіе помѣщенія отзывается на полученіи корреспонденціи, которая въ настоящее время перестала совершенно правильно поступать, исчезая безвозвратно.

Денежныя дѣла находились въ слѣдующемъ видѣ:

осталось отъ 1906 года . . .	49 р. 36 к.
поступило членскихъ взносовъ	
и % съ рентъ	23 > 30 >

Итого 72 р. 66 к.

Расходовъ было 23 р. 77 к.

Къ 31 декабря 1907 г. оставалось въ кассѣ 48 р. 89 к.

Ассигнованныя въ 1906 г. на 1907 г. 200 руб. на печатаніе «Ежегодника» назначены для покрытія долга типографіи за печатаніе повѣстокъ и II-го тома «Ежегодника».

Списокъ членовъ Общества за 1905—1907 гг.

Бюро Общества.

Предсѣдатель.—Проф. анатоміи Спб. университета **Н. М. Маліевъ**.
Товарищъ предсѣдателя.—Докторъ медіц. **М. Н. Нижегородцевъ**.
Секретарь **Б. Ф. Адлеръ**.—Этнографъ Академіи Наукъ.
Казначей **А. П. Сутугинъ**.

Члены Совѣта:

Кв. **П. А. Путятинъ**, **Д: А. Клеменць**, **И. В. Маларевскій**, **Н. М. Меглянскій**, **А. П. Сутугинъ**, **И. А. Бодуэнь-де-Куртенъ**.

Члены учредители:

Бѣляевъ, Алексѣй Ивановичъ, помощн. гл. воен.-мед. инсп. †
Вагнеръ, Николай Петровичъ, проф. Спб. университета.
Венюновъ, Павелъ Николаевичъ, проф. Спб. университета.
Дювернуа, Николай Львовичъ, проф. Спб. университета.
Ивановскій, Николай Петровичъ, академикъ Воен.-Мед. Академіи.
Иностранцевъ, Александръ Александровичъ, проф. Спб. университет.
Карѣвъ, Николай Ивановичъ, проф. Спб. университета.
Лаианскій, Владиміръ Ивановичъ, ординарный академикъ Имп. Академіи Наукъ.
Латышевъ, Сергѣй Михайловичъ, кандидатъ правъ.
Лесгафтъ, Петръ Францовичъ, профессоръ.
Маларевскій, Иванъ Васильевичъ, врачъ.
Менделѣевъ, Дмитрій Ивановичъ, профессоръ †.
Меншуткинъ, Николай Александровичъ, проф. Спб. университета †.
Мержеевскій, Иванъ Павловичъ, академикъ Воен.-Мед. Академіи. †
Овсянниковъ, Филиппъ Васильевичъ, ординарный академикъ Имп. Академіи Наукъ †.
Сѣоловъ, Николай Васильевичъ, б. проф. Воен.-Мед. Академіи.
Сущинскій, Петръ Петровичъ, б. проф. Воен.-Мед. Академіи.
Степановъ, Иванъ Михайловичъ, б. проф. Спб. Университета.

Таренецій, Александръ Ивановичъ, проф. Воен.-Мед. Академіи †.
Тарновская, Параскева Николаевна, женщина-врачъ.
Тарновскій, Веніаминъ Мѣхайловичъ, проф. Воен.-Мед. Академіи. †
Шмулевичъ, Яковъ Марковичъ, д-ръ медицины †.
Эриціи, Альфонсъ Феликсовичъ, прив.-доц. Воен.-Мед. Академіи. †
Эриштедтъ, Викторъ Карловичъ, проф. Спб. университета.
Яковлевъ, Павелъ Силычъ, кандидатъ естественныхъ наукъ.

Почетные члены:

- 1904 г. **Андра**, Рихардъ. Мюнхенъ.
- 1904 » **Анучинъ**, Дмитрій Николаевичъ. Москва.
- 1897 » **Бастіанъ**, Адольфъ. Берлинъ †.
- 1891 » **Вирховъ**, Рудольфъ. Берлинъ †.
- 1899 » **Иностранцевъ**, Александръ Александровичъ. Петербургъ.
- 1904 » **Манувриэ**, Луи. Парижъ.
- 1904 » **Пирсонъ**, Карлъ. Лондонъ.
- 1904 » **Ранке**, Іоганнъ. Мюнхенъ.
- 1904 » **Ратцель**, Фридрихъ. Лейпцигъ †.
- 1904 » **Шантръ**, Эрнестъ. Ліонъ.
- 1904 » **Шмидтъ**, Эмиль. Іена †.

Члены сотрудники:

а) иногородніе.

- 1904 » **Борзовъ**, Александръ Александровичъ, помощн. хранителя этнограф. отдѣла Румянцовскаго музея. Москва.
- 1894 » **Вененштедтъ**, Эмиль, д-ръ философіи. Лейпцигъ.
- 1904 » **Веула**, Карлъ, проф. этнографіи. Лейпцигъ.
- 1904 » **Воробьевъ**, Викторъ Владиміровичъ, пр.-доцентъ университета. Москва. † 1905 г.
- 1898 » **Гондатти**, Николай Львовичъ, Тобольскій губернаторъ.
- 1904 » **Ивановскій**, Алексѣй Арсеньевичъ, пр.-доцентъ Московскаго университета.
- 1804 » **Юхельсонъ**, Владиміръ Ильичъ, этнографъ. Нью-Йоркъ.
- 1905 » **Кирилловъ**, Николай Васильевичъ, врачъ. Никольскъ-Уссурийскій.
- 1904 » **Кузнецовъ**, Степанъ Кировичъ, этнографъ. Москва.
- 1904 » **Леманнъ**, Іоганнъ, д-ръ философіи, ассистентъ этнографическаго музея. Дрезденъ.
- 1904 » **Луценко**, Евгений Ивановичъ, антропологъ. Москва.
- 1905 » **Лушанъ-фонъ**, Фердинандъ, профессоръ. Берлинъ.
- 1904 » **Минаковъ**, Петръ Андреевичъ, профессоръ Московскаго университета.
- 1896 » **Пацукевичъ**, Николай Дмитріевичъ.
- 1898 » **Передольскій**, Василій Степановичъ, археологъ. Новгородъ, † 1907 г.
- 1895 » **Покровскій**, Александръ Михайловичъ. Кіевъ.

- 1904 г. **Прейссъ**, Теодоръ, ассистентъ Королевскаго этнографическ. музея въ Берлинѣ.
1894 » **Путиловъ**, Николай Ивановичъ, д-ръ медицины.
1905 » **Раздольскій**, Павелъ Михайловичъ. Кіевъ.
1905 » **Руссовъ**, Михаилъ Александровичъ. Лейпцигъ.
1904 » **Силиничъ**, Иванъ Петровичъ, антропологъ. Москва.
1904 » **Строшевскій**, Вацлавъ Леопольдовичъ, этнографъ-публицистъ. Варшава.
1894 » **Талько-Грынцевичъ**, Юліанъ Доминиковичъ, врачъ. Кяхта.
1896 » **Халеби**, Георгій Николаевичъ, ученый арабъ. Іерусалимъ.
1904 » **Хейкель**, Олафъ Аксель, этнографъ. Гельсингфорсъ.
1896 » **Цахаріасъ**, Христіанъ Ивановичъ.
1905 » **Шмельць**, И. Д. Э., директоръ этнографическаго музея въ Лейденѣ.
1905 » **Штейнень-фонъ-денъ**, Карлъ, профессоръ. Берлинъ.
1904 » **Янчукъ**, Николай Андреевичъ, завѣдующій этнографическ. отдѣломъ Румянцовскаго музея. Москва.

в) въ ПЕТЕРБУРГѢ.

- 1904 » **Богоразъ**, Владиміръ Ильичъ, этнографъ.
1904 » **Жанова**, Глафира Никаноровна, учительница.
1905 » **Петерсъ**, Александръ Александровичъ, бібліотекаръ Академіи Наукъ.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ:

а) ИНОГОРОДНЕ.

- 1895 » **Вяземскій**, князь, Николай Владиміровичъ. Парижъ.
1904 » **Гильзенъ**, Карлъ Карловичъ. Симбирскъ.
1895 » **Далгатъ**, Бахаръ. Іерусалимъ.
1903 » **Назнановъ**, Александръ Николаевичъ, директоръ Кавказскаго музея. Тифлисъ.
1904 » **Мейеръ**, Германъ, д-ръ философіи. Лейпцигъ.
1889 » **Сикорскій**, Иванъ Алексѣевичъ, проф. университета. Кіевъ.
1891 » **Фортунатовъ**, Александръ Михайловичъ, проф. университета. Казань. †
1895 » **Харузинъ**, Алексѣй Николаевичъ. Житомиръ.
1898 » **Чепурновскій**, Ефимъ Михайловичъ, инспекторъ Николаевскаго сиротскаго института. Москва.
1899 » **Яценко**, Александръ Леонидовичъ, инспекторъ института. Н.-Новгородъ.

в) въ ПЕТЕРБУРГѢ.

- 1902 » **Адлеръ**, Бруно Фридриховичъ, этнографъ Академіи Наукъ.
1905 » **Анучинъ**, Василій Ивановичъ, этнографъ.
1894 » **Баменовъ**, Николай Николаевичъ, главн. врачъ больницы св. Пантелеймона.
1905 » **Бекетовъ**, Петръ Николаевичъ.

- 1906 г. **Блосфельдтъ-фонъ**, Карлъ, д-ръ медиц., ассистентъ по кафедрѣ анатоміи въ Женскомъ Медицинскомъ институтѣ.
- 1904 » **Бодуэнь-де-Нуртенъ**, Иванъ Александровичъ, проф. университета.
- 1888 » **Бобринскій**, графъ, Алексѣй Александровичъ, предсѣдатель Имп. археологической комиссіи.
- 1888 » **Бранденбургъ**, Николай Ефимовичъ, археологъ †.
- 1899 » **Браунъ**, Теодоръ Александровичъ, проф. университета.
- 1895 » **Брунгоферъ**, Генрихъ, докторъ.
- 1895 » **Бѣлиловскій**, Кесарь Александровичъ, д-ръ медицины.
- 1890 » **Бѣляковъ**, Степанъ Александровичъ, д-ръ медицины.
- 1904 » **Бялыницкій-Бируля**, Ѳаддей Андреевичъ, гл. врачъ Александровско-Семеновскаго военнаго госпиталя.
- 1906 » **Вейнбергъ**, Рихардъ Лазаревичъ, проф. анатоміи въ Женскомъ Медицинскомъ институтѣ.
- 1889 » **Вирениусъ**, Александръ Самойловичъ, д-ръ медицины.
- 1906 » **Волковъ**, Теодоръ Кондратьевичъ, прив.-доцентъ Спб. университета.
- 1904 » **Вольтеръ**, Эдуардъ Александровичъ, пр.-доц. университета.
- 1893 » **Гартунгъ**, Болеславъ Петровичъ.
- 1888 » **Гильченко**, Николай Васильевичъ, д-ръ медицины.
- 1893 » **Губертъ**, Владиславъ Осиповичъ, д-ръ медицины.
- 1893 » **Дриль**, Дмитрій Андреевичъ.
- 1904 » **Елачичъ**, Михаилъ Александровичъ.
- 1903 » **Жаковъ**, Каллистратъ Фалалеевичъ.
- 1895 » **Ивановъ**, Гермогенъ Ивановичъ, преподаватель.
- 1902 » **Иностранцевъ**, Константинъ Александровичъ, этнографъ музея Александра III, отказался въ 1907 г.
- 1899 » **Карцовъ**, Николай Сергѣевичъ.
- 1906 » **Козловъ**, Петръ Кузьмичъ, путешественникъ.
- 1906 » **Крогиусъ**, Августъ Адольфовичъ, д-ръ медицины.
- 1901 » **Клеменцъ**, Дмитрій Александровичъ, завѣдующій этнографическимъ отдѣломъ музея Александра III.
- 1899 » **Ковалевскій**, Павелъ Ивановичъ, профессоръ.
- 1896 » **Кротковъ**, Николай Николаевичъ.
- 1896 » **Кудрявцевъ**, Николай Васильевичъ.
- 1888 » **Кусковъ**, Николай Ивановичъ.
- 1894 » **Левицкій**, Николай Ивановичъ, д-ръ медицины.
- 1904 » **Людевиъ**, Юлій Васильевичъ, антропологъ Академіи Наукъ, врачъ.
- 1902 » **Ляцкій**, Евгеній Александровичъ, этнографъ музея Александра III.
- 1896 » **Малевъ**, Николай Михайловичъ, проф. университета.
- 1894 » **Мандельштамъ**, Іосифъ Емельяновичъ.
- 1906 » **Масловскій**, Сергѣй Дмитриевичъ.
- 1900 » **Михайловскій**, Николай Николаевичъ.
- 1899 » **Могилянскій**, Николай Михайловичъ, этнографъ музея Александра III.

- 1890 г. Наркевичъ-Ледно, Отгонъ Оттоновичъ, біологъ.
1890 » Нижегородцевъ, Михаилъ Николаевичъ, д-ръ медицины.
1895 » Никольскій, Дмитрій Петровичъ, д-ръ медицины.
1888 » Пантюховъ, Иванъ Ивановичъ, д-ръ медицины.
1904 » Петри, Евгенія Львовна.
1898 » Плинатусъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, д-ръ медицины.
1901 » Погодинъ, Александръ Львовичъ.
1888 » Поссе, Константинъ Александровичъ, проф. университета.
1894 » Пумпянскій, Максиміліанъ Львовичъ, д-ръ медицины †.
1888 » Путятинъ, князь, Павелъ Арсеньевичъ, археологъ.
1904 » Радловъ, Василій Васильевичъ, орд. академикъ, директоръ этнографическаго музея при Академіи Наукъ.
1893 » Розенбахъ, Павелъ Яковлевичъ, пр.-доц. психіатріи.
1904 » Романова, Екатерина Михайловна.
1895 » Романовъ, Василій Алексѣевичъ.
? Романько-Романовскій, Степанъ Діомидовичъ.
1904 » Рудневъ, Андрей Дмитриевичъ, прив.-доц. университета.
1889 » Серебrenниковъ, Виталій Степановичъ, доцентъ Духовной Академіи.
1895 » Санетти, Ливерій Антоновичъ, профессоръ.
1894 » Слюзбергъ, Генрихъ Борисовичъ.
1891 » Супруненко, Петръ Ивановичъ, д-ръ медицины.
1894 » Сутугинъ, Александръ Петровичъ, ассистентъ по кафедрѣ географіи при Университетѣ.
1888 » Толстой, Константинъ Константиновичъ, д-ръ медицины.
1888 » Томашевскій, Брониславъ Викентьевичъ, д-ръ медицины †.
1899 » Туръ, Ѳеодоръ Евдокимовичъ, фізіологъ Академіи Наукъ и приватъ-доцентъ университета.
1899 » Усковъ, Михаилъ Васильевичъ.
1891 » Фалькъ, Максъ Львовичъ, д-ръ медицины.
1891 » Фейнбергъ, Александръ Генриховичъ.
1891 » Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ, проф. университета.
1891 » Фонтъ-Ольдерогге, Викторъ Васильевичъ, д-ръ медицины.
1904 » Фридолинъ, Юлій Петровичъ, докторъ.
1894 » Ховринъ, Алексѣй Николаевичъ, врачъ.
1898 » Шавловскій, Иванъ Эдуардовичъ, проф. анатоміи въ Военно-Медицинской Академіи.
1902 » Шенбергъ, Гергардъ Густавовичъ.
1898 » Шидловскій, Владиславъ Доминиковичъ, профессоръ.
? Шидловскій, Александръ Владиславовичъ.
1904 » Штернбергъ, Левъ Яковлевичъ, этнографъ Академіи Наукъ.
1905 » Щербатскій, Ѳеодоръ Ипполитовичъ, проф. университета.
1888 » Яворскій, Иванъ Лавровичъ, д-ръ медицины.
1894 » Якобій, Аркадій Ивановичъ, заслуженный профессоръ.
1894 » Яковлевъ, Дмитрій Владиміровичъ.
1906 » Ячевская, Зинаида Александровна, ассистентка при кафедрѣ анатоміи въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ.

Протоколы засѣданій.

29-го марта 1905 г.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ.

Присутствовали: Н. В. Кирилловъ, кн. П. А. Путятинъ, К. А. Нижегородцевъ, В. И. Анучинъ, И. В. Маляревскій, К. О. Жаковъ, А. А. Макаренко, К. А. Иностранцевъ, Л. В. Костиковъ и др. — всего около 40 человекъ.

Секретарь сообщил отчетъ Общества за 1904 г., а затѣмъ сказалъ слово, посвященное памяти скончавшагося проф. А. Бастіана (см. выше некрологъ). Память покойнаго почетнаго члена была почтена вставаніемъ.

Послѣ этого предсѣдатель предоставилъ слово Н. В. Кириллову, который прочелъ докладъ на тему: «Эмпиризмъ въ народной медицинѣ». Указавъ на содержаніе понятія «народная медицина», докладчикъ ознакомилъ съ литературой по «народной медицинѣ» и наблюдателями ея, остановившись подробнѣе на народныхъ врачевателяхъ: знахаряхъ, шептунахъ и т. п. Корень народной медицины докладчикъ видитъ въ письменности, причемъ письменные источники являются заимствованными. О заимствованіи всей области народной медицины свидѣтельствуетъ и номенклатура болѣзней, лѣкарствъ, травъ и пр. До сихъ поръ міровоззрѣніе народа придерживается еще «теоріи стихій». Преобладаетъ въ народной медицинѣ догматизмъ, эмпиризма почти нѣтъ. Область «эмпиризма» въ дѣлѣ ухода за больными еще не исчерпана наукой. Народная медицина такимъ образомъ является вѣтвью этнографіи, требующей отъ изслѣдователя специальной подготовкы.

Кн. П. А. Путятинъ указалъ докладчику на книгу Бар-

тельса, «*Medicin der Naturvölker*», К. Э. Жаковъ соглашался съ положеніями докладчика и привелъ нѣсколько наблюденій надъ зырянами. Н. М. Маліевъ, А. А. Макаренко и М. Н. Нижегородцевъ находили, что и наблюденія, взятые изъ природы, основаны на глубокомъ опытѣ, играли большую роль въ созданіи народной медицины, и имъ она обязана въ значительной мѣрѣ своимъ происхожденіемъ.

3-го ноября 1906 г.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ.

Присутствовали: Д. А. Клеменць, Н. М. Могилянскій, Г. И. Ивановъ, д-ръ Ю. В. Людевиъ, Г. А. Джаваховъ, А. А. Петерсъ, К. Э. Жаковъ, проф. Р. Л. Вейнбергъ, А. П. Сутугинъ, Э. К. Волковъ, П. Н. Бекетовъ и 3 гостей.

Б. Ф. Адлеръ посвятилъ прочувствованное слово В. В. Воробьеву, погибшему отъ руки убійцы въ декабрьскіе дни въ Москвѣ. Н. М. Могилянскій добавилъ также нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти талантливаго антрополога. Память покойнаго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ Э. К. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Къ вопросу о трифалангіи большого пальца ноги и руки».

Изложивши исторію вопроса о трехсуставности большого пальца (руки и ноги) и разобравши новѣйшія мнѣнія по этому вопросу Poigier и Pfitzner'a, Э. К. Волковъ указалъ на существованіе, между такъ назыв. «сверхкомплектными» костями пятки и запястья, косточки *tibiale (radiale) externum*, представляющей у большинства животныхъ *tuberositas ossis navicularis*, которая съ большой вѣроятностью можетъ быть принята за редуцированную 1-ю клиновидную кость. Въ такомъ случаѣ эта послѣдняя должна быть принята за редуцированную 1-ю кость плюсны, а та кость, которая считается теперь 1-й костью плюсны — за первую фалангу большого пальца. Соображенія эти подтверждаются палеонтологическими фактами въ видѣ строенія скелета стопы у *Hyracops socialis* Morsh. и *Leistosaurus'a*, отличающихся очевидной трехсуставностью большого пальца. Н. М. Маліевъ благодарилъ докладчика за интересное сообщеніе, хотя и не соглашался

съ тѣмъ, что *tibiale externum* можетъ считаться редуцированной 1-й костью плюсны.

30-го ноября 1906 г.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ.

Присутствовали: Э. А. Вольтеръ, Ф. К. Волковъ, д-ръ Ю. В. Людевицъ, д-ръ Ф. А. Бялыницкій-Бируля, д-ръ М. Н. Нижегородцевъ, Г. А. Джаваховъ, Л. В. Костиковъ и 3 гостей.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель предоставилъ слово Б. Ф. Адлеру, который прочелъ некрологъ скончавшагося почетнаго члена Общества, проф. Э. Шмидта (см. некрологъ). Память покойнаго была почтена вставаніемъ. Затѣмъ Э. А. Вольтеръ подѣлился своими соображеніями, къ какому этнологическо-антропологическому типу принадлежитъ племя ятвяговъ.

Выводы, къ которымъ пришелъ докладчикъ, слѣдующіе:

Собственно ятвяжскихъ антропологическихъ примѣтъ не имѣется, такъ какъ область, нѣкогда занятая этимъ племенемъ, нуждается въ новомъ сводномъ археологическомъ и антропологическомъ обслѣдованіи. Черепа, извлеченные изъ такъ называемыхъ каменныхъ могилъ Гродненской и Сѣдлецкой губ., не достаточно опредѣленны. Что же касается остатковъ языка ятвяговъ въ именованіи и географической номенклатурѣ, то принадлежность его къ литовско-балтійской группѣ не подлежитъ сомнѣнію. Племена литовскаго или прусскаго происхожденія безъ душепочитанія и родоваго быта и культа не существовало, и оттого характеристика литовскихъ *ятвяговъ*, какъ племена бродягъ, подсказана мѣстной тенденціозностью, а не научными изслѣдованіями. Вообще антропологическое изслѣдованіе латышей и литовцевъ, столь близкихъ по языку, но различныхъ по соматическому типу, нуждается въ новомъ, статистически болѣе обширномъ измѣреніи жителей литовскихъ и латышскихъ мѣстностей въ связи съ археологическими розысканіями западной Руси и восточной Пруссіи.

Ф. А. Бялыницкій-Бируля находилъ, что для опредѣленія племена необходимо побольше данныхъ археологіи, лингвистики, антропологіи и этнографіи. Ф. К. Волковъ находилъ, что для различныхъ группировокъ необходимы совокупность и обиліе данныхъ, особенно слаба группировка А. А. Иванов-

скаго населенія Россіи, основанная часто на самыхъ неточныхъ и незначительныхъ данныхъ. Далѣе Ѳ. К. Волковъ указалъ, соглашаясь съ докладчикомъ, что въ наукѣ не мѣсто политикѣ, отчего, конечно, пострадали и заключенія покойнаго Авенариуса. Докладчикъ указалъ на желательность совмѣстной работы антропологовъ, археологовъ и этнографовъ и жаловался, что на мѣстахъ работы нѣтъ мѣстныхъ работниковъ. Ѳ. К. Волковъ указывалъ на то, что необходимо начать такія работы. На замѣчаніе докладчика, что желательны школьныя наблюденія надъ цвѣтомъ волосъ и т. п., Ѳ. К. Волковъ отвѣтилъ, что эти данныя мало дали.

20 декабря 1906 года.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ, при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ.

Присутствовали: д-ръ Ѳ. А. Бялынецкій-Бируля, д-ръ Ю. В. Людевицъ, д-ръ Габеркорнъ, Ѳ. К. Волковъ, А. П. Сутугинъ, Г. А. Джаваховъ, Л. В. Костиковъ, проф. Р. Л. Вейнбергъ, д-ръ Блосфельдтъ, д-ръ Ячевская.

Д. ч. д-ръ Ѳ. А. Бялыницкій-Бируля доложилъ о «нѣсколькихъ наблюденіяхъ надъ варіаціями Роландовой борозды у человѣка» *).

Сдѣлавъ въ началѣ своего доклада характеристику Роландовой борозды и особенно указавъ на издавна уже отмѣченное постоянство этой борозды, обычно представляющей лишь незначительныя отклоненія отъ типичной ея формы, наблюдаемыя главнѣйшимъ образомъ въ ея верхнемъ и нижнемъ окончаніяхъ, вообще часто варіирующихъ, докладчикъ остановился на болѣе рѣдкомъ видоизмѣненіи Роландовой борозды, выражающемся въ ея перерывѣ. Впервые описанный проф. Rud. Wagner'омъ на мозгѣ клинициста Fuchs'a, перерывъ Роландовой борозды затѣмъ былъ подмѣченъ и описанъ неоднократно анатомами и психіатрами (Heschl, Tenchini, Férgé, Giacomini, у насъ проф. Зерновымъ, д-ромъ Бяшковымъ, проф. Вейнбергомъ). Быть можетъ еще чаще наблюдались эти случаи, но въ печать не попали, какъ напр., случай д-ра Свен-

*) Докладъ напечатанъ, см. стр. 88—145.

торжецкаго и тѣ случаи, о которыхъ упоминають проф. Бехтерева и А. Е. Черемшанскій. Изъ цитированныхъ авторовъ особенно много труда на изученіе перерывовъ центральной борозды положилъ Heschl, изслѣдовавшій развитіе перерыва у верхняго окончанія Роландовой борозды на 1087 мозгахъ. Любопытны также труды проф. Вейнберга, который сближаетъ Роландову борозду человѣка съ *sulc. praesylius* + *S. cruciatus* животныхъ (*Carinivora*), при чемъ его гуг. *intercentralis medius*, соотвѣтствующій верхнему перерыву Роландовой борозды, можетъ считаться соотвѣтствующимъ той *pli de passage* мозга хищниковъ, которая проходитъ между верхнимъ окончаніемъ *Sulc. praesylii* и нижнимъ концомъ *Sulc. cruciati*.

Далѣ докладчикъ остановился на томъ, что почти до послѣдняго времени проводилась недостаточно рѣзкая грань между верхними перерывами Роландовой борозды и наблюдавшимися также и докладчикомъ нижними перерывами ея: это особенно проглядываетъ у нѣкоторыхъ прежнихъ авторовъ. Переходя къ собственнымъ наблюденіямъ и демонстрировавъ рядъ фотографическихъ снимковъ, препаратовъ мозговъ съ перерывами, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ концѣ Роландовой борозды, а также мозги животныхъ: обезьяны, собаки, медвѣдя, докладчикъ остановился на характерѣ самихъ прерывающихъ Роландову борозду извилинокъ, а также на характерѣ верхняго и нижняго отрѣзковъ Роландовой борозды, которые можно назвать *Sulc. centrales*, s. *Rolandici super.* и *inferior.* Изучая рисунки, приложенные къ статьямъ авторовъ, а также имѣющіеся у докладчика препараты мозговъ, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что обыкновенно недостаточно точно опредѣляется, что слѣдуетъ считать полнымъ перерывомъ, и полагаетъ, что полнымъ перерывомъ можно считать лишь тѣ случаи, когда гуг. *interc. med.* настолько сильно развитъ, что достигаетъ высоты гребней сосѣднихъ извилинъ. Интересно далѣ, по мнѣнію докладчика, и развитіе въ длину межцентрального перехода складки, которая въ простѣйшемъ видѣ съ переднею и заднею центральною извилинами образуетъ *H*, наклоненное кзади, какъ это отмѣчено уже Féré. Значительно сложнѣе фигура гуг. *intercentr. med.* въ тѣхъ случаяхъ, когда *Sulc. Roland. sup.* соединяется съ *sulc. retro* или *praecentralis*, прерывая ту или другую центральную извилину, въ какомъ случаѣ интересующая насъ извилина имѣетъ уже S-образный видъ. Еще

рѣзче измѣняется центральная область мозга при Ω -образной или сводообразной формѣ межцентральной извилинки, образующейся вслѣдствіе того, что *sulc. centr. super.*, прерывая центральныя извилины, соединяется и съ *sulc. praecentralis* и съ *sulcus retrocentralis*.

Докладчикъ изслѣдовалъ въ отношеніи образованія средняго межцентрального мостика 1240 мозговъ, изъ которыхъ 198 принадлежить душевно-больнымъ; мужскихъ мозговъ было 1072 и женскихъ 168. Перерывъ былъ найденъ докладчикомъ въ 6 случаяхъ, при чемъ въ 3-хъ случаяхъ имѣлся вполнѣ развитой *Intercentralbrücke*. Кроме того, въ 5 случаяхъ докладчикъ наблюдалъ очень сильно развитую на мѣстѣ перерыва *Tiefwindung Heschl'*я. На основаніи своего матеріала, докладчикъ выводитъ заключеніе, что *gug. intercentr. med.* встрѣчается вообще не чаще, какъ въ 1 на 200 случаевъ, т. е. въ 0,5%, а полный перерывъ (въ смыслѣ докладчика) даже только въ 1 на 400 случаевъ, т. е. въ 0,25%, что соответствуетъ и взгляду проф. Вейнберга, считающаго описываемую вариацию Роландовой борозды явленіемъ весьма не частымъ. Изъ своихъ наблюденій докладчикъ приходитъ къ выводамъ, частью уже высказаннымъ *Heschl'*емъ, а именно, что, во 1-хъ, перерывъ Роландовой борозды наблюдается, повидимому, значительно чаще на мозгѣ мужчинъ, нежели женщинъ: На 623 случая *Heschl'*я и докладчика вмѣстѣ взятые всего 1 сл., что составляетъ 0,16%‰, и во 2-хъ, перерывъ чаще встрѣчается на правомъ полушаріи (11:19), чѣмъ на лѣвомъ (7:19) и крайне рѣдко на обоихъ полушаріяхъ (случай — *unicum* проф. Вейнберга). Кроме того, на основаніи наблюденій психіатровъ и своихъ докладчикъ приходитъ къ заключенію, что перерывъ Роландовой борозды, повидимому, чаще встрѣчается у душевно-больныхъ (1:100), чѣмъ у здоровыхъ (1:200), при чемъ измѣненія въ центральной области, сопровождающія перерывъ Роландовой борозды, повидимому, рѣзче въ случаяхъ, принадлежащихъ душевно-больнымъ. — Имѣеть ли какое значеніе перерывъ въ интеллектуальномъ отношеніи, ничего опредѣленнаго сказать нельзя; повидимому, мозги съ *gug. intercentr. med.* болѣе легкаго въ среднемъ вѣса.

Что касается расы, то пока и въ этомъ отношеніи нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Перерывъ наблюдался у различныхъ народовъ (пока впрочемъ у европейцевъ).

Такъ Wagner, Heschl видѣли перерывъ у нѣмцевъ, Giacomini—у итальянцевъ, Fégré—у французовъ, проф. Зерновъ, д-ра Бяшковъ и Свенторжецкій—у русскихъ, проф. Вейнбергъ—у евреевъ. Правда, на національность при этихъ наблюденияхъ мало обращалось вниманія. Докладчикъ нашель:

1) Полный перерывъ съ вполне развитымъ гуг. intercentr. med.: у бѣлорусса (Витебской губ., Себежскаго у.), у поляка (изъ г. Смоленска), у сѣверно-великорусса (Олонецкой губ., Каргопольскаго у.).

2) Полный перерывъ съ неполнѣ развитымъ гуг. intercentral. med.: у сѣверно-великорусса (Олонецк. губ., Каргопольскаго у.), у южно-великорусса (Курской губ., Путивльскаго у.), у эстонца (Лифл. губ., г. Перновъ).

3) Сильно развитую глубинную извилинку на мѣстѣ гуг. intercentr. med.: у поляка (Радом. губ. и уѣзда), два раза у сѣверно-великоруссовъ (Яросл. губ., Мышкинскаго у. и Петерб. губ. и у.), у бѣлорусса (Виленской губ., Дисненскаго у.) и у малоросса (Подольск. губ., Балтскаго у.).

Какъ курьезъ, слѣдуетъ отмѣтить существованіе перерыва Роландовой борозды у двухъ великоруссовъ Олонецкой губ., Каргопол. у.

Проф. Р. Л. Вейнбергъ привѣтствовалъ работу докладчика и находилъ, что при этой работѣ необходима большая осторожность. Такъ нужно разграничивать случаи перерыва борозды въ различныхъ частяхъ. Для сужденія о филогенезисѣ, необходимо просмотрѣть много мозговъ у зародышей обезьянъ.

Н. М. Маліевъ указалъ на интересъ, представляемый черепами съ различнымъ развитіемъ полушарій, а О. К. Волковъ находилъ, что слѣпки съ мозговъ, которые циркулировали на засѣданіи, необходимы, какъ для того, чтобы они не потерялись сами для науки, такъ и для того, чтобы сами мозги могли служить для микроскопическихъ изслѣдованій.

30-го января 1907 г.

Засѣданіе должно было происходить по программѣ:

I) чтеніе отчета секретаремъ за 1906 г., II) избраніе предсѣдателя, товарища предсѣдателя, членовъ Совѣта и секретаря Общества и III) докладъ Г. А. Джавахова на тему: «Къ во-

просу о предполагаемомъ первичномъ населеніи Малой Азіи и о связи его съ населеніемъ Кавказа».

Протоколъ не былъ составленъ, ввиду внезапнаго вызова секретаря въ Москву.

14-го февраля 1907 г.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ, присутствовали: Э. А. Бялыницкій-Вируля, Ю. В. Людевигъ, д-ръ Габеркорнъ, А. П. Сутугинъ, Н. М. Могиланскій, Г. А. Джаваховъ и др.

Передъ засѣданіемъ была произведена А. П. Сутугинимъ и Н. М. Могиланскимъ ревизія денежныхъ счетовъ Общества. Назначенные выборы предсѣдателя, его товарища, членовъ Совѣта и секретаря не могли состояться, за неявкой необходимаго числа членовъ Совѣта.

Послѣ прочтенія отчета за 1906 г. секретаремъ, Г. А. Джаваховъ сдѣлалъ сообщеніе «О продольномъ разрѣзѣ черепа у обезьянъ и у различныхъ человѣческихъ расъ». (Опытъ краниометрическаго филогенезиса черепа приматовъ).

Докладчикъ пытался разграничить на основаніи краниометрическихъ данныхъ черепъ антроподовъ и человѣка. Онъ остановился подробно на разграниченіи черепа обезьянъ, полуобезьянъ, игрунковыхъ обезьянъ Н. Свѣта, Н. об. ст. Свѣта и т. п. и пытался нарисовать картину филогенезиса черепа человѣческихъ расъ, на основаніи продольнаго разрѣза его.

Д-ръ Бялыницкій-Вируля поинтересовался узнать, думаетъ ли докладчикъ, что задняя часть черепа растетъ сильнѣе; мозгъ растетъ главнымъ образомъ въ лобной части, а не въ затылочной. Докладчикъ возразилъ, что если ростъ совершается въ верхней части, то растетъ передняя часть верхней части, передняя нижняя часть регрессируетъ.

25-го октября 1907 г.

Докладъ А. И. Зачиняева «О задачахъ и методахъ современнаго этнографическаго изслѣдованія», а также выборы предсѣдателя, его помощника и секретаря, за неявкой законнаго числа членовъ Совѣта, не состоялись.

14-го декабря 1907 г.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ. Присутствовали: Н. М. Могиланскій, Э. А. Вольтеръ, д-ръ Габеркорнъ, Ф. А. Бялыницкій-Бируля, Ф. К. Волковъ, около 150 слушателей и слушательницъ съ курсовъ Черняева и 15 гостей.

К. Ф. Жаковъ доложилъ «о составѣ, границахъ и современномъ экономическомъ состояніи зырянскаго населенія», причемъ подробно остановился на несоотвѣтствіи карты Риттиха съ дѣйствительностью. Онъ указалъ, что ошибка эта произошла вслѣдствіе того, что Риттихъ признавалъ чисто зырянскія поселенія за русскія, основываясь только на томъ, что фамиліи и разговорный языкъ былъ русскій. Онъ указалъ дѣйствительныя границы области разселенія зырянъ, причемъ отмѣтилъ, что въ антропологическомъ типѣ ихъ мало отличій отъ типа старовѣра—великорусса. Старовѣрство у зырянъ очень давняго происхожденія, о чемъ имѣются и документальныя извѣстія. Подробно остановился докладчикъ затѣмъ на языческихъ пережиткахъ и на вѣрованіяхъ зырянъ (Богъ-Шуа), а затѣмъ указалъ на то, что переходное состояніе, въ которомъ находится бывшій раньше патріархальный промышленникъ звѣрбой зырянинъ, отзывается крайне пагубно и несимпатично на его міровоззрѣніи. Въ поднятіи нравственного уровня, паденію котораго способствуетъ переходная ступень, на которой находятся зыряне въ земледѣльской, промышленной и духовной жизни, могли бы сыграть большую роль интеллигенція и земство. Къ сожалѣнію, докладчикъ этого не видитъ, такъ, напр., ссыльные не умѣютъ понять тѣ стороны народнаго характера, которыя особенно необходимо уважать, и ихъ игнорируютъ, лишаясь такимъ образомъ тѣхъ адептовъ, которые имъ были бы полезны и необходимы въ пересозданіи общественнаго строя. Въ нѣсколькихъ словахъ затѣмъ докладчикъ указалъ на тѣ перспективы, которыя рисуются изслѣдователю при изученіи жизни инородцевъ сѣвера Россіи.

Ф. К. Волковъ указалъ на то, что, можетъ быть, несоотвѣтствіе карты произошло неумышленно, а вслѣдствіе давности, причемъ пожелалъ узнать, какой антропологическій типъ выраженъ у зырянъ. К. Ф. Жаковъ указалъ, что давность несомнѣнно играла здѣсь роль, и затѣмъ остановился

подробнѣе на трехъ составныхъ антропологическихъ типахъ среди зырянскаго населенія. Ө. А. Бялыницкій-Бируля также заинтересовался типомъ зырянь, а Э. А. Вольтеръ указалъ, что при утвержденіи о несоотвѣтствіи карты Риттиха съ дѣйствительностью необходимо было пользоваться данными переписи 1897 г., чего докладчикъ, повидимому, не сдѣлалъ.

Второй докладъ былъ сдѣланъ А. И. Зачиняевымъ на тему: «О задачахъ и методахъ современнаго этнографическаго изслѣдованія». Докладчикъ находитъ, что задача современнаго этнографическаго изслѣдованія заключается въ собираніи матеріала, *дѣйствительно* характеризующаго населеніе *той или иной мѣстности въ данный моментъ*.

Этнографическое изслѣдованіе должно имѣть характеръ *монографическій*. Свои наблюденія этнографъ долженъ производить въ извѣстный ограниченнѣй промежутокъ времени, причемъ всѣ стороны матеріальной и духовной культуры *въ одинаковой степени* должны одинаково быть изслѣдованы. Всѣ наблюденія необходимо вести при *нормальныхъ* условіяхъ. Для собиранія словеснаго матеріала и объектовъ матеріальной культуры *необходима не одна программа, а общее и научное образованіе*.

Для избѣжанія субъективности наблюденій необходимы *механическіе регистраторы: фонографъ, кинематографъ, фотографія* и т. п. При печатаніи матеріалъ долженъ распределяться *въ видѣ протоколовъ* съ точнымъ указаніемъ условій наблюденія. Докладчикъ указывалъ на то, что прежнія работы не носятъ такого характера, который только и отвѣчаетъ научнымъ требованіямъ изслѣдованія, поэтому онъ въ нихъ видитъ значительный недочетъ и слабость.

Н. М. Могилянскій возразилъ, что онъ не смотритъ такъ пессимистически и отрицательно на всю работу, которую произвели этнографы въ ихъ работахъ и музеяхъ, напротивъ онъ видитъ въ нихъ богатый матеріалъ, который, несмотря на крупныя пробѣлы, будетъ играть при обработкѣ большую роль.

13

Томъ III.

1908 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

Б. Ф. АДЛЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Г. Розена, Театральная пл., 2.

1909.

СОДЕРЖАНИЕ III-го ТОМА.

	СТР.
И. Н. Шмаковъ. — Матеріалы для антропологии русских лопарей (съ таблицей измѣреній)	1— 64
А. Н. Самойловичъ. —Туркменскія развлеченія	65— 82
Ю. П. Фридолинъ. — Деформированные черепа, найденные въ Алуштѣ (Крымъ)	83— 91
А. И. Иваноѵ. —Изгнаніе бѣса изъ одержимой (Пекинъ)	92—100
Н. М. Могиланскій. —Задачи современной этнографіи	101—114
Ф. А. Бялыницкій-Бируля. —Памяти проф. И. П. Мержеевского	115—122
Л. Г. Оршанскій. —Дѣтскіе рисунки (съ программой для со- биранія).	123—134
Отчетъ Общества за 1908 г.	135—136
Списокъ членовъ Общества за 1908 г.	137—143
Протоколы засѣданій	144—156

Материалы для Антропологии Русских Лопарей.

(Опытъ этнографическаго и медико-антропологическаго изслѣдованія).

ВВЕДЕНІЕ.

Крайній сѣверъ Архангельской губерніи вообще, а Лапландскій полуостровъ въ частности, съ давнихъ поръ привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ и изслѣдователей. Географическія, топографическія и климатическія условія Лапландскаго полуострова, его морскія богатства, промыслы и занятія населенія служили предметомъ многочисленныхъ описаній. Аборигены Лапландіи—русскіе лопари не были забыты изслѣдователями. Трудъ Н. Харузина представляетъ лучшее руководство для желающаго ознакомиться съ прошлымъ и настоящимъ бытомъ русскихъ лопарей. Насколько подробно описаны лопари съ этнографической стороны, настолько скудны свѣдѣнія о лопаряхъ антропологическаго характера. Первое научное антропологическое изслѣдованіе лопарей было произведено по порученію комитета Московской антропологической выставки А. М. Кельсіевымъ лѣтомъ 1877 г., причемъ имъ было измѣрено 26 лопарей, живущихъ по побережьямъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Съ тѣхъ поръ новыхъ данныхъ по антропологии русскихъ лопарей не появлялось. Измѣренія лопарей я сталъ производить во время службы въ должности Кольскаго уѣзднаго врача въ 1895—1896 г.г. и продолжалъ ихъ затѣмъ въ послѣдующіе годы 1898, 1902, 1906 г.г., во время своихъ посѣщеній Лапландіи. Для измѣреній я старался брать такихъ субъектовъ, которые могли служить наиболѣе типическими представителями лопарей: для этой цѣли измѣренію мною подвергались лопари внутренней части Лапландіи и лопари

Понойской волости, каковыя, какъ болѣе изолированныя, рѣже соприкасались съ русскимъ населеніемъ, а потому могли наиболѣе сохранить свой типъ, свои отличительныя особенности. Допустить для нихъ метисацію едва-ли возможно. Сомнительныхъ лопарей, схожихъ съ мѣстнымъ русскимъ населеніемъ (таковыхъ не мало), я избѣгалъ измѣрять. Условія работы и обстановка для измѣреній оставляли желать многого. Измѣренія мною производились при служебныхъ разъѣздахъ по Лапландіи при всякой возможности,—будь то почтовая станція, тупа или вѣжа ¹⁾ лопаря, или его промысловая избушка.

Приходилось невольно приспособляться къ обстановкѣ, упрощать приемы, останавливаться на главнѣйшихъ измѣреніяхъ, опуская иногда не столь важныя, вслѣдствіе чего нѣкоторыя изъ измѣреній страдаютъ неполнотой. Какъ уроженецъ Лапландскаго полуострова, знающій условія быта лопарей, нѣсколько понимающій ихъ разговорную рѣчь, я при своихъ измѣреніяхъ встрѣчалъ въ средѣ ихъ полное довѣріе: изрѣдка у нѣкоторыхъ возникало опасеніе изъ-за боязни быть взятымъ въ солдаты, но, по разъясненіи, тотчасъ устранялось.

При своихъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ я пользовался главнымъ образомъ программю, предложенною проф. А. И. Тареневскимъ, отчасти программю Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Нерѣдко приходилось отступать отъ программы и примѣнять способы, быть можетъ, не столь точныя, но легче выполнимыя, приравниваясь къ окружающей обстановкѣ. Такъ, напр., по неимѣнію станка для измѣреній роста, приходилось пользоваться отвѣсной гладкой стѣной или столбомъ въ вѣжѣ, къ которымъ прикрѣплялась лента съ метрическими дѣленіями. Пульсъ, дыханіе, температура, острота зрѣнія и слуха мною не опредѣлялись, вслѣдствіе неподходящей обстановки; по неимѣнію гониометра не опредѣлялся лицевой уголъ, а также, за отсутствіемъ динамометра, мышечная сила рукъ не могла быть опредѣлена. Изъ инструментовъ при измѣреніяхъ въ моемъ распоряженіи были слѣдующіе: стальная теобма, нѣсколько паръ холщевыхъ тесемъ,

¹⁾ См. объясненіе ниже, стр. 14.

толстый циркуль, очень схожий съ тазомъромъ, скользящій циркуль Вирхова. Большой скользящій циркуль былъ деревянный, на его длинный брусокъ наклеивалась тесьма для отсчитыванія разстоянй, и показанія были точны. Не скрою, что на первыхъ порахъ у меня возникало много сомнѣнй, встрѣчались затрудненія, нерѣдко приходилось дѣлать дополнительные измѣренія, когда черезъ руки прошло не малое число измѣренныхъ особей.

Вслѣдствіе разселенія лопарей въ разныхъ пунктахъ обширнаго полуострова, а также вслѣдствіе неимѣнй достаточно свободнаго времени для разѣздовъ по Лапландіи за поискомъ матеріала, мною произведено лишь 65 измѣреній лопарей. Если я обобщаю свой матеріалъ и рѣшаюсь опубликовать его, то исхожу изъ слѣдующихъ основаній: 1) антропология положительно бѣдна изслѣдованіями лопарей; 2) малыя количества наблюденій, согласно указаніямъ Кетле и Топинара, бываютъ цѣнны, разъ добыты съ трудомъ; 3) численность русскихъ лопарей крайне невелика (1724 ч. об. п.); можно предполагать, что въ недалекомъ будущемъ они сольются съ русскимъ населеніемъ и утратятъ свой національный обликъ, а посему я полагаю, что всякія новыя, хотя и немногочисленныя, добавленія къ антропологии лопарей могутъ представить научный интересъ. Если предлагаемый скромный мой трудъ можетъ пополнить пробѣлъ въ антропологию лопарей, то цѣль моя будетъ достигнута.

Географическій очеркъ.

Въ настоящее время лопари населяютъ сѣверную часть Европы, между 64° и 71° сѣв. шир., ограниченную съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ, съ востока Бѣлымъ моремъ и съ юга—Ботническимъ заливомъ. У насъ въ Россіи лопари живутъ на Лапландскомъ полуостровѣ, входящемъ въ составъ обширнаго Александровскаго уѣзда (бывшаго Кольскаго), составляющаго по площади почти $\frac{1}{4}$ часть всей Архангельской губерніи. Полуостровъ этотъ лежитъ къ востоку отъ Кольскаго залива и озера Имандры, между $66,3^{\circ}$ — $69,23^{\circ}$ сѣв. шир. и $32,80^{\circ}$ — $41,28^{\circ}$ восточн. долг. (отъ Гринвича). Кромѣ Архангельской губерніи—лопари живутъ въ Финляндіи, Улеборгской губерніи, въ трехъ ея сѣверныхъ при

ходахъ Утсіоки, Внаре и Увіюшка и, наконецъ, въ сѣверной части Швеціи и Норвегіи. Наибольшее число лопарей, достигающее до 16 тысячъ, проживаетъ въ Швеціи и Норвегіи; въ Улеаборгской губерніи около 1200 ч. об. п. и въ Архангельской, согласно переписи 1897 г.—1724 ч. об. п. (859 м. и 865 ж.); слѣдовательно, общее число всѣхъ лопарей въ Европѣ не болѣе 19 тысячъ. Въ нашу задачу входитъ изслѣдованіе лопарей, населяющихъ Лапландскій полуостровъ; посему я считаю необходимымъ коснуться въ общихъ чертахъ климатическихъ и географическихъ условій Лапландскаго полуострова.

Принято думать, что Лапландія представляетъ изъ себя ровную страну съ тундрами, болотами на громадное пространство, — въ дѣйствительности же на поверхности Лапландіи наряду съ ровными мѣстами есть и отроги Скандинавскихъ горъ. Если отъ г. Коли къ юговостоку, къ погосту Ловозеро и далѣе къ острову Сосновцу (на Бѣломъ морѣ) провести линію, то она будетъ границею между двумя различными ландшафтами Лапландіи: къ сѣверовостоку отъ этой линіи находится безлѣсная, тундристая часть Лапландіи, а къ юговостоку—лѣсистая часть съ хвойнымъ и березовымъ лѣсомъ. На безлѣсное пространство приходится $\frac{2}{10}$ Лапландіи, на лѣсистое $\frac{6}{10}$ и $\frac{1}{10}$ на озера. Безлѣсная часть Лапландіи большею частью представляетъ тундру, покрытую оленьимъ мохомъ (ягелемъ). Тундра не есть болото, какъ многіе считаютъ, а сухое мѣсто, гдѣ бы оно ни находилось—въ лѣсу, на горѣ и ровномъ мѣстѣ, и олений мохъ растетъ только на сухихъ мѣстахъ. Безлѣсную часть Лапландіи нерѣдко пересѣкаютъ холмы, отдѣльныя возвышенія—горы (по мѣстному „вараки“), также моховыя болота, озера и небольшія рѣчки.

Болѣе разнообразный видъ имѣетъ лѣсистая часть Лапландіи, съ запада тянутся отроги Скандинавскихъ горъ, которые у озера Имандры называются Хибинскимъ хребтомъ и покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, отъ Хибинскаго хребта уже идутъ отроги къ Ловозеру и Мурманскому берегу, а также и къ Терскому берегу.

Подъ Мурманскимъ берегомъ, который представляетъ богатѣйшее въ мірѣ мѣсто по обилію рыбы, разумѣется побережье Сѣвернаго Ледовитаго океана отъ границы Норвегіи

до Св. Носа, протяженіемъ не менѣе 600 в. Названіе свое берегъ получилъ отъ мурмановъ, подъ которыми разумѣютъ одни новгородцевъ, а другіе норманновъ.

Подъ Терскимъ берегомъ разумѣется побережье отъ начала Сѣвернаго. Ледовитаго океана (Св. Носа), до рѣки Варзуги, протяженіемъ не менѣе 400 верстъ. Въ лѣсистой части Лапландіи, кромѣ горъ, усѣянныхъ лѣсомъ, встрѣчаются многочисленныя озера (до 700) и рѣки. Важнѣйшія изъ рѣкъ Лапландіи, начиная отъ границы Норвегіи: Печенга, Мотка, Тулома, Кола, Териберка, Воронья, Рында Юканга; впадающія въ бассейнъ Бѣлаго моря—р. Поной—самая большая рѣка полуострова ок. 370 клм., Пялица, Чалома, Варзуга, Умба и р. Нива (изъ оз. Имандра), впадающая въ Кандалякшскій заливъ Бѣлаго моря. Рѣки Лапландіи мелководны, быстры и порожисты, а потому не судоходны, путями сообщеній служить не могутъ. Рѣки и озера Лапландіи изобилуютъ рыбою, какъ то: сигаами харіусами, форелями, семгой, навагой и др. Лѣса Лапландіи, въ которыхъ преобладаютъ породы—сосна, ель, береза ольха, ива, рябина,—богаты пушными звѣрями: куницы, волки, лисицы, песцы, горностаи, бѣлки и др. Въ низкихъ частяхъ Лапландіи изобиліе ягодъ: морошка, клюква, брусника, черника, малина и др.

Не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о путяхъ сообщенія въ Лапландіи. Въ лѣтнее время сообщеніе съ Лапландіей поддерживается пароходами, совершающими рейсы между г.г. Архангельскомъ и Вардѣ (Норвегія) разъ въ недѣлю; пароходы имѣютъ остановки на всѣхъ становищахъ Мурманскаго берега. Въ лѣтнее время внутри полуострова нѣтъ сообщеній по отсутствію дорогъ. Единственно возможный, но крайне затруднительный путь отъ г. Колы до с. Кандалякши по прямой линіи 215 в. въ длину, совершается пѣшкомъ и на лодкахъ по озерамъ и рѣкамъ. Вдоль побережья Бѣлаго моря (Кандалякшскій и Терскій берега) лѣтомъ сообщеніе возможно на пароходахъ, на карбасахъ и пѣшкомъ.

Весною же и осенью, когда пароходное сообщеніе прекращается, Лапландія весною на два, а осенью на три и болѣе мѣсяца бываетъ отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ окружающимъ міромъ.

Въ зимнее время Лапландія является вполнѣ доступной для сообщенія. Путешествія совершаются на оленяхъ въ открытыхъ саняхъ, болкахъ—низкія сани, обшитыя парусной, и керѣжахъ—родъ маленькой лодки съ широкимъ килемъ—полозомъ, съ отрѣзанной кормой и вадернутымъ носомъ. Лучшій изъ экипажей болокъ, который закрываютъ наглухо, и сидящему въ немъ безъ посторонней помощи нельзя выйти. Въ болокѣ можетъ помѣститься одинъ пассажирь. Ямщикъ или проводникъ обыкновенно ѣдетъ въ переднихъ саняхъ, затѣмъ болокъ или нѣсколько болоковъ съ пассажирами, потомъ сани съ багажомъ, а сзади всего запасные олени для смѣны уставшихъ. Ямщикъ ѣдетъ безъ всякой дороги, руководствуясь примѣтами мѣстности, направлениемъ вѣтра, камнями (съ которой стороны камень обросъ—та сторона южная), а ночью—по звѣздамъ. Во время разѣздовъ въ болкѣ можно лишь полусидѣть или пелужать; нерѣдко при толчкахъ о деревья и камни болокъ отрывается, и ямщикъ уѣзжаетъ впередъ, пока не замѣтитъ отсутствіе болка съ пассажиромъ, беспомощно оставленнымъ въ закрытомъ болкѣ среди пустынной тундры.

Что касается климатическихъ условій, то таковыя не одинаковы для разныхъ частей Лапландіи,—въ общемъ по продолжительности зимы климатъ считается суровымъ.

Зима, насколько я лично знаю, начинается съ половины октября, къ концу котораго устанавливается вполнѣ зимній путь, и продолжается до половины апрѣля. Съ половины ноября до 5—10 января наступаетъ полярная ночь, и солнце не показывается на горизонтѣ, зато ночами нерѣдко бываетъ довольно яркія сѣверныя сіянія, днемъ же часа на $1\frac{1}{2}$ —2, отъ $11\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ ч. пополудни, бываетъ настолько свѣтло, что можно обойтись безъ огня, — полного отсутствія свѣта днемъ мнѣ не пришлось наблюдать.

Съ половины апрѣля начинается таяніе, и къ половинѣ мая земля обнажается отъ снѣга, хотя въ лощинахъ горъ снѣгъ остается нерѣдко до новаго. Съ половины мая почти до половины іюля солнце не сходитъ съ горизонта: нѣтъ ни сумерокъ, ни ночи,—это полярные дни, въ которые днемъ солнце грѣетъ, а ночью лишь свѣтитъ. Лѣто продолжается не болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ половины іюня до половины августа, въ теченіе лѣта теплыхъ дней не особенно много,

ибо сѣверные вѣтры быстро мѣняютъ температуру; однако, благодаря обилію и продолжительности свѣта, растительность за этотъ короткій срокъ успѣваетъ появиться. Съ конца августа и до октября наступаетъ осень—время господства сильныхъ вѣтровъ, тумановъ и бурь.

Согласно наблюденіямъ, среднюю температуру лѣта принимаютъ на побережьи Ледовитаго океана $+10^{\circ}\text{C}$, среднюю температуру зимы $-7,5^{\circ}\text{C}$; морозы свыше -18°C составляютъ рѣдкость, внутри же Лапландіи и по берегамъ Бѣлаго моря среднія t° таковы:

	Внутрен. озера.	устье р. Варзуги.	Орлов. маякъ.	Свят. Носъ.	Кола.
Лѣто	$+9,7^{\circ}$	$+9,3$	$+8,1$	$+6,7$	$+11,2$
Зима	$-13,0$	$-11,3$	-10	$-9,9$	$-11,3$

По временамъ года колебанія t° въ разныхъ пунктахъ полуострова таковы:

	Териберка (село на Мурман. берегу).	Кола.	Св. Носъ.	Орл. маякъ.
Январь	$-10,5$	$-11,2$	$-7,6$	$-12,3$
Апрѣль	$-2,7$	$-1,9$	$-4,7$	-4
Юль	$+13,1$	$+12,7$	$+8,1$	$+9,3$
Октябрь	$+2$	$-0,4$	-1	-1
За годъ	$+1,2$	$-0,5$	-1	$-2,1$

Слѣдовательно, въ итогъ зиму на побережьи Ледовитаго океана нельзя назвать холодной. Последнее происходитъ, несомнѣнно, вслѣдствіе теплаго теченія Гольфштрома, благодаря которому море не замерзаетъ и не покрывается крупнымъ пловучимъ льдомъ; на побережьи же Бѣлаго моря (отъ Св. Носа до Кандалакшскаго залива), при отсутствіи теплаго теченія образуется много льда, весьма сильно вліяющаго на охлажденіе t° весны и лѣта, и, наконецъ, внутри Лапландіи лѣто является теплымъ, а зима суровой: здѣсь 20° морозы не рѣдкость, какъ я лично наблюдалъ. Суровый климатъ Лапландскаго полуострова дѣлаетъ земледѣліе здѣсь невозможнымъ, почти неразвитымъ огородничество (овощи—рѣпа и картофель не всегда дозрѣваютъ) и слабо развитымъ скотоводство, потому что сѣнокосные луга встрѣчаются только по низинамъ и долинамъ рѣкъ.

Таковъ въ краткихъ чертахъ общій очеркъ географическихъ и климатическихъ условій Лапландскаго полуострова, который много вѣковъ населяютъ русскіе лопари.

Историческій очеркъ.

Лопари, какъ и финны, сами себя называютъ Суоми. Названіе же Лопь, Лапландцы, Лопины и, по древнимъ русскимъ актамъ, Лопаришки — произошло, по мнѣнію Кастрена, отъ финскаго слова Лоапъ или Лоопъ, что значитъ конецъ, т. е. разумѣлась оконечность или крайній сѣверъ земли, побережье Сѣвернаго Ледовитаго океана. Названіе Лоопъ, по предположенію Вареліуса, было перенесено осѣдлыми финскими племенами изъ пренебреженія на тѣхъ изъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, которые продолжали вести первобытный образъ жизни, не переходя къ осѣдлости. Георги, основываясь на народныхъ преданіяхъ, указываетъ, что лопари ушли отъ финновъ, вслѣдствіе чего финны называютъ лопарей „скрить-финнами“, т. е. бѣглыми финнами. Начиная съ 18 столѣтія, большинство изслѣдователей вопроса о происхожденіи лопарей стали приходиться къ выводамъ, что лопари — отпрыскъ финновъ. Такъ, Шефферъ на основаніи внѣшняго сходства лопарей съ финнами, а также на основаніи данныхъ языка считаетъ лопарей происходящими отъ финновъ. Въ послѣдующіе годы трудами лингвистовъ и антропологовъ установлено, что лопари принадлежатъ къ угро-финскому племени, по языку родственны, какъ съ финнами Кореліи и Финляндіи, такъ и съ восточно-финскими племенами (вогулы, мордва). Ранке и Вирховъ антропологически лопарей причисляютъ къ монголоиднымъ племенамъ, однако довольно сильно отклоняющимся отъ монголовъ. Согласно антропологической классификаціи А. Ивановскаго, основывавшагося на измѣреніяхъ лопарей А. Кельсіевымъ, лопари выдѣлены въ особую лопарскую группу, такъ какъ они не выказываютъ сходства ни съ одною изъ народностей Россіи, о которыхъ имѣются антропологическія данныя.

Названіе Лопь, согласно русскимъ историческимъ источникамъ, впервые встрѣчается въ XI вѣкѣ: такъ, въ Уставѣ Ярославомъ при распредѣленіи пошлинъ въ числѣ новгородскихъ сотенъ упоминается лопская сотня. Въ лѣтописяхъ XIII вѣка (подъ 1216 г.) есть упоминаніе объ убіеніи въ Новгородѣ одного Терскаго данника. Это, несомнѣнно,

указываетъ на отношеніе этого края къ Новгороду. Далѣе—1252 г. Александръ Невскій, отправивъ посольство къ норвежскому королю Гакону, предлагалъ ему запретить своимъ финмаркскимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію; подъ 1265 г. въ договорномъ актѣ новгородцевъ съ Ярославомъ Тверскимъ въ числѣ Новгородскихъ волостей упоминается Коло и Терь (часть русской Лапландіи). Вышеприведенныя нами на основаніи актовъ и лѣтописей опредѣленія земель, обитаемыхъ лопарями, составляютъ самые древніе источники о лопаряхъ. Въ позднѣйшихъ актахъ гораздо чаще встрѣчаются упоминанія о лопаряхъ: такъ, подъ 1504 г. въ завѣщаніи великаго князя Іоанна III въ исчисленіи областей, передаваемыхъ сыну Василию, первый разъ упоминается о Лопи лѣсной (т. е. лѣсныхъ лопаряхъ) и Лопи дикой; подъ 1526 г. встрѣчается упоминаніе, что для лопарей, живущихъ въ устьяхъ р. Нивы и Кандалакшской губы, была освящена церковь въ честь Рождества Христова; подъ 1532—для лопарей Колы и Туломы были освящены двѣ церкви Благоуѣщенія и св. Николая, а также крещены многіе лопари за Св. Носомъ.

Первыя сѣмена христіанства среди лопарей заложили отдѣльныя лица, „возлюбившія пустынное житіе“, несомнѣнно, выходцы Соловецкаго монастыря, основаннаго въ первой половинѣ XV вѣка. Повсемѣстное же и прочное водвореніе христіанства на Лапландскомъ полуостровѣ началось съ основанія Печенгскаго монастыря въ 1532 г., причемъ въ дѣлѣ христіанской проповѣди наиболѣе потрудились извѣстные просвѣтители Лапландіи—преп. Теодоритъ и Трифонъ Печенгскій, память которыхъ до настоящаго времени сохраняется и пользуется благоговѣннымъ уваженіемъ.

Когда произошло переселеніе лопарей на Лапландскій полуостровъ и какимъ путемъ оно совершалось—до сихъ поръ съ точностью еще не опредѣлено. Одно несомнѣнно лишь, что въ давнюю эпоху лопари населяли болѣе южныя мѣста, чѣмъ теперь. Такъ, въ Новгородскихъ переносныхъ книгахъ XVI стол. встрѣчаются указанія на слѣды пребыванія лопарей на югъ отъ нынѣшней Финляндіи и Кореліи — въ предѣлахъ Новгородской, С.-Петербургской губерціи и у Ладожскаго озера; въ описаніи, напр. г. Орѣшокъ

называется Лопская сторона, упоминается погость Лопскій-Егорьевскій. Судя по многимъ топографическимъ названіямъ мѣстностей въ Финляндіи, несомнѣнно слѣдуетъ заключить, что лопари населяли всю Финляндію. Согласно историческимъ свѣдѣніямъ, въ XIV ст. жили лопари у Онежскаго озера, въ началѣ XVI ст. жили они по берегамъ Кемскаго уѣзда и Кандалакшской губы, такъ, напр., въ грамотѣ великаго князя Василя Іоанновича (1530 г.) лопарямъ, крещеннымъ и некрещеннымъ, обитавшимъ на р. Шуѣ и Кеми, по суду велѣно обращаться къ новгородскимъ дьякамъ, указывалось, что для сбора съ нихъ дани и оброковъ будутъ посылаться по „Благовѣщеніеву дни“ подъячіе. Въ дальнѣйшихъ актахъ, подъ 1582 г. лопари значатся живущими между р. Сумой и Нючей Кемскаго уѣзда, подъ 1590 г. упоминаются лопари волостей Ковдо и Керети Кемскаго уѣзда; точно также топографическія названія нѣкоторыхъ мѣстностей Холмогорскаго и Шенкурскаго уѣздовъ указываютъ, что лопари въ разное время жили много южнѣе, чѣмъ теперь, а въ общемъ, слѣдовательно, занимали пространство отъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ до Лапландскаго полуострова. Неизвѣстными намъ передвиженіями народовъ, быть можетъ финнами, чудью и корелами, лопари были постепенно отсѣняемы на сѣверъ и сѣверо-западъ, пока, наконецъ, не очутились на Лапландскомъ и Скандинавскомъ полуостровахъ. У лопарей почти нѣтъ преданій объ отдаленномъ прошломъ, изъ немногочисленныхъ, дошедшихъ изустныхъ преданій можно заключить, что лопари очень часто подвергались набѣгамъ со стороны финновъ; случалось, что нѣкоторые финскія семейства мирно переходили въ Лапландію и сливались такимъ образомъ съ лопарями. По другому преданію—лопари и шведы нѣкогда составляли одинъ народъ, родоначальники обоихъ народовъ были родные братья. Какъ бы то ни было, но сношенія у лопарей со шведами, то мирныя, то враждебныя, начались съ глубокой древности. Подчиненіе же лопарей шведамъ начинается съ XIII в. при королѣ Магнусѣ. Когда лопари подпали подъ власть норвежцевъ—неизвѣстно; извѣстно, что между ними до XIV ст. часто происходили грабежи, набѣги, а затѣмъ уже норвежцы наложили на лопарей дань, которую послѣдніе платили то датчанамъ, то порвежцамъ, смотря потому, въ чьихъ рукахъ

была власть. Определить съ точностью, когда русскіе впервые столкнулись съ лопарями—нельзя, несомнѣнно, что ранѣе XI в., такъ какъ въ началѣ XI столѣтія лопари были уже данниками Великаго Новгорода.

Знакомство новгородцевъ съ лопарями шло при постепенномъ движеніи, вѣрнѣе сказать, при вторженіяхъ новгородцевъ на сѣверь; причемъ изъ за обладанія Лапландіей у новгородцевъ были нерѣдкія столкновенія съ норвежцами, о чемъ можно судить потому, что въ XIII и началѣ XIV в. (1326 г.) были заключаемы договоры между новгородцами и норвежцами объ опредѣленіи границъ. Движеніе новгородцевъ шло на сѣверь сухимъ путемъ отъ Кандилакшскаго залива рѣкой Нивой, оз. Имандрой и рѣкой Колой, т. е. тѣмъ же путемъ, какимъ пользуются въ настоящее время; протяженіе этого пути около 300 верстъ, изъ нихъ половина пѣшкомъ, а остальная часть на лодкѣ; зимою же этотъ путь болѣе удобенъ для ѣзды на лошадахъ и главнымъ образомъ на оленяхъ. Кромѣ сухого пути, для сношенія съ Лапландіей новгородцамъ былъ извѣстенъ и морской путь кругомъ Лапландскаго полуострова, причемъ огибали Терскій и Мурманскій берега. Такъ, въ XV в. (1496 г.) извѣстны два путешествія этимъ путемъ: одно дьяка Истома въ Данію, а другое—походъ московской рати въ землю Кольской Чуди.

Новгородцы владѣли Лапландіей болѣе двухъ столѣтій и главное вниманіе обращали лишь на собираніе дани. Послѣ паденія Новгорода Лапландія переходитъ подъ власть Москвы, и лопари начинаютъ платить дань великимъ князьямъ, отвозя ее сами въ Москву. Съ подчиненіемъ лопарей Москвѣ набѣги на Лапландію со стороны шведовъ и норвежцевъ не прекращаются; такъ, согласно историческимъ даннымъ, въ 1555 г. шведы отняли у россиянь въ Лапландіи нѣсколько погостовъ, въ 1589 шведы угрожали нападеніемъ на острогъ Колу, грабили Кереть, Ковду и многихъ людей побили, въ 1592—1601 г. послы московскіе и датскіе вели безъ успѣха переговоры объ опредѣленіи границъ Лапландіи. Въ 1595 между Швеціей и Россіей положено: лапландцамъ варангскимъ (съ Варангерскаго залива) платить дань Швеціи, а восточнымъ (кольскимъ)—Россіи. Въ виду неопредѣленности границъ для кочеваній лопарей появились „двоеданные“ и „троеданные“ лопари, т. е. платящіе дань двумъ

и даже тремъ государствамъ, смотря по тому, на чьей территоріи приходилось кочевать. Неопредѣленность границъ продолжалось до 1826 г., когда по договору, заключенному между Россіей и Швеціей, были обозначены точныя границы, отдѣляющія скандинавскія владѣнія отъ русскихъ. Въ настоящее время лопари сравнены съ крестьянами: платятъ тѣ же подати и несутъ всѣ повинности, не исключая рекрутской.

Жилище лопарей.

До настоящаго времени лопари продолжаютъ вести полукочевой образъ жизни, проживая зиму въ однихъ погостахъ, а лѣто въ другихъ. Погостъ представляетъ изъ себя небольшую лопарскую деревню, состоящую изъ нѣсколькихъ домовъ. Погосты расположены большею частію на берегахъ озеръ и рѣкъ. Всѣхъ погостовъ считается 18, изъ нихъ не болѣе одной трети приходится на лѣтніе погосты, а остальные зимніе. Обычно перекочевка лопарей изъ зимнихъ погостовъ въ лѣтніе начинается съ половины апрѣля, а въ началѣ октября начинается обратное передвиженіе лопарей—изъ лѣтнихъ погостовъ въ зимніе. Я считаю необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на лѣтнемъ и зимнемъ жилищѣ русскихъ лопарей. Въ лѣтнее время лопари проживаютъ по берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, Бѣлаго моря, а также по берегамъ рѣкъ и озеръ внутри Лапландіи, причемъ жилищемъ имъ служатъ „вѣжи“. Вѣжа представляетъ изъ себя коническій шалашъ въ $2\frac{1}{2}$ —3 арш. въ вышину, сложенный изъ жердей или сколоченный изъ досокъ, снаружи ее обкладываютъ дерномъ, вѣтвями и березовой корой, внутри обиваютъ досками. Пола вѣжа не имѣетъ, вмѣсто негостилаютъ вѣтви, сверху оленьи шкуры, на которыхъ, согнувъ ноги, располагается вся семья лопаря. По срединѣ вѣжи устраивается очагъ, а на потолкѣ вѣжи для выхода дыма оставляется отверстіе. Огонь на очагѣ горитъ круглыя сутки и является необходимымъ отчасти для тепла и приготовленія пищи, а также для воспрепятствія мириадамъ комаровъ и мошекъ проникать въ вѣжу черезъ отверстіе для дыма. Войти въ вѣжу можно лишь усиленно согнувшись черезъ очень небольшую дверь.

расположенную на южной сторонѣ вѣжи и открывающуюся наружу и быстро захлопывающуюся, стоять во весь ростъ въ вѣжѣ можно лишь по срединѣ. Вся одежда, пища и нерѣдко принадлежности для лова находятся въ вѣжѣ, всюду грязь, копоть и дымъ. Непривычный человекъ не можетъ долго пробыть въ вѣжѣ, такъ какъ дымъ невыносимо ѣстъ глаза, и у привычныхъ обитателей вѣжъ нерѣдко приходилось видѣть воспаленные глаза.

Еще менѣе удобный типъ жилья, чѣмъ даже вѣжа, представляетъ изъ себя „кувокса“ или „станъ“. Это шалашъ изъ жердей, связанныхъ вмѣстѣ вверху и прикрытый на половину парусиной. Къ счастью, кувокса служитъ временнымъ жильемъ лопарей при перекочевкахъ, сборахъ оленей, хотя бѣдные лопари весь лѣтній промысловый періодъ проводятъ въ кувоксѣ.

Несравненно лучший типъ зимняго жилья лопарей—тупа. Тупа представляетъ изъ себя бревенчатый срубъ квадратной формы 2—3 сажени въ ширину и длину, высотой одну сажень. Полъ деревянный, въ стѣнѣ прорублены 2—3 маленькихъ окошка, вдоль стѣнъ нары, а иногда и скамьи, въ одномъ изъ угловъ—небольшой камелекъ (родъ камина), сложенный изъ камней и обмазанный глиной; камелекъ имѣетъ широкую трубу, доведенную до уровня крыши; посрединѣ камелька укрѣпляется цѣпь съ крюкомъ, на который вѣшаютъ котелъ для варки пищи и чайники. Крыша тупы плоская, покрытая землей; окна—одно или два, невелики, дверь выходитъ или прямо на дворъ, или въ маленькія сѣни, сообщающіяся съ помещеніемъ для скота (главнымъ образомъ овецъ). Въ тупѣ временами бываетъ очень жарко, временами же очень холодно; вентиляція получается непрерывная, поэтому, несмотря на обиліе находящагося въ тупѣ имущества—одежды, оленьихъ шкуръ и принадлежностей оленеводства, въ видѣ упряжи—воздухъ не застаивается. На ночь для тепла труба закрывается доской, Несмотря на это, къ утру все выстываетъ и дѣлается холодно.

Въ настоящее время во многихъ лопарскихъ погостахъ встрѣчаются избы на подобіе русскихъ (бѣлыя избы), съ тою лишь разницею, что онѣ размѣрами много меньше.

Зимніе погосты лопарей не составляютъ постояннаго мѣстожителства: лопари въ нихъ живутъ до тѣхъ поръ,

пѣка въ ближайшихъ къ погосту окрестностяхъ есть дрова, а главное оленій мохъ,—какъ только въ немъ ощущается недостатокъ — мѣсто зимняго погоста мѣняется. При разѣздахъ по Лапландіи нерѣдко приходилось видѣть развалины старыхъ зимнихъ погостовъ лопарей.

Одежда.

Лѣтняя одежда русскихъ лопарей почти не отличается отъ одежды русскихъ: ситцевая рубаха, сѣрые суконные штаны, сверху норвежскія шерстяныя рубашки, на ногахъ шерстяныя чулки и каньги—кожаыые башмаки безъ каблучковъ съ загнутыми вверхъ носками; для защиты отъ вѣтровъ и дождя носятъ особую лѣтнюю одежду изъ толстаго сѣраго сукна—юпу. Точно также въ лѣтней одеждѣ лопарокъ мало отличія отъ одежды русскихъ женщинъ: тѣ-же сарафаны, кофты и рукава (преобладающая одежда женщинъ сѣвера) съ яркими цвѣтами, краснымъ и желтымъ, на ногахъ кожаныя каньги, на головѣ своеобразный головной уборъ, называемый шамшурой. Похожъ онъ на шлемъ, поднимающійся надъ лбомъ въ видѣ полуэллипсиса, который на затылкѣ нѣсколько ниже, остовъ его покрывается красной матеріей; украшеніемъ этого головнаго убора служитъ бисеръ и разноцвѣтные узоры, и волосъ подъ нимъ не видно. У дѣвушекъ такой же головной уборъ, но онъ носитъ иное названіе—„перевязка“ и не имѣетъ дна, такъ что волосы видны.

Зимній костюмъ лопарей особенный, приноровленный къ суровому климату сѣвера. На нижнюю одежду надѣвается нечокъ изъ оленьихъ шкуръ шерстью наружу—это родъ рубахи безъ разрѣза и одѣвается съ головы; на головѣ теплая шапка—„латушка“ изъ чернаго или сѣраго сукна, украшенная рядомъ мелкихъ разноцвѣтныхъ пуговокъ и бисера, опушки шапки изъ лисьихъ хвостовъ, къ ушамъ шапки прикрѣпляются тесьмы для завязыванія подбородкомъ. На руки одѣваются—койбиницы—рукавицы изъ кожи оленьихъ ногъ, подъ ними шерстяныя рукавицы, на ногахъ сверху канегъ одѣваютъ яры или пимы—длинные сапоги изъ кожи оленьихъ ногъ, причемъ у яровъ носки

загнуты кверху, а у пимовъ — нѣтъ; какъ яры, такъ въ особенности пимы расшиты сукномъ разныхъ цвѣтовъ. Зимній костюмъ лопарки не отличается отъ мужского.

П и щ а.

Главную пищу лопарей составляютъ, смотря по времени года, рыба и оленье мясо, къ которымъ приправою служить хлѣбъ. Хлѣбъ въ настоящее время, съ появленіемъ у лопарей русскихъ печей, вошелъ во всеобщее употребленіе, но еще не такъ давно вмѣсто хлѣба въ ходу были прѣсные колобы („рѣзка“), которые готовились на открытомъ огнѣ и поджаривались со всѣхъ сторонъ. Въ лѣтнее время озерная, рѣчная и морская рыба—преобладающая пища лопарей. На зиму рыба заготавливается въ сухомъ видѣ, соленомъ и въ мороженомъ. По недостатку соли и посуды въ соленомъ видѣ рыбы заготавливается мало; сушеная и мороженая рыба, заготавливаемая въ концѣ осени, не столько идетъ для собственнаго обихода лопаря, сколько для продажи.

Въ зимнее время главная пища лопарей—оленье мясо и оленье топленое сало („пойда“), разнообразится столъ кашами, дичью, которая обыкновенно варится, а не жарится, а также ягодами—брусника, морошка и черника. Молочные продукты въ быту лопарей отсутствуютъ, потому что коровъ лопари не держатъ. Изъ напитковъ употребляется только вода, такъ какъ квасъ дѣлать лопари не умѣютъ. Чай въ настоящее время вошелъ во всеобщее употребленіе у лопарей, и его очень любятъ, предпочитая лучше не поѣсть, чѣмъ не напитокъ чая. Къ водкѣ всѣ лопари имѣютъ пристрастіе, пьютъ не только мужчины, женщины, но и подростки. При всѣхъ расчетахъ за товары, при посѣщеніи русскихъ сель, при посѣщеніи торговцами лопарскихъ погостовъ—водка играетъ первостепенную роль. Къ счастью, лопарямъ рѣдко приходится пить водку, такъ какъ ее трудно достать. Табакъ среди лопарей стали курить лѣтъ тридцать назадъ, ранѣе больше нюхали, а теперь нюхаютъ только лопарки; курятъ, однако, далеко не всѣ лопари.

Образъ жизни.

Все экономическое благосостояніе русскихъ лопарей основано на оленеводствѣ и рыболовствѣ. Въ жизненномъ

быту лопарей олени составляют и пищу, и одежду. Эти животныя не требуют за собою почти никакого ухода. Лопарь только заклеивает оленя, сдѣлавъ надрѣзы на ухахъ и отпускаетъ его на всѣ четыре стороны, такъ что олени не только лѣтомъ, но и зимою оставляются въ тундрахъ и лѣсахъ безъ всякаго присмотра. Оленеводство теперь у лопарей упало. Кто имѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по 400—200 оленей, у того теперь не болѣе 20 — 40, рѣдко можно встрѣтить лопаря, имѣющаго 300—500 оленей.

Причинъ упадка оленеводства много, изъ нихъ главныя—отсутствіе всякаго присмотра за распускаемыми на волю оленями, послѣдствіемъ чего является убыль оленей, переходящихъ въ дикое состояніе, погибающихъ отъ хищныхъ звѣрей, и, наконецъ, часть оленей переклеймливается и присваивается лопарями другихъ погостовъ или жителями побережья Бѣлаго моря. Какъ сами лопари, такъ и долго живущіе въ Лапландіи замѣчаютъ, что олени теперь малорослы, годъ отъ года мельчаютъ и дѣлаются малосильными,—все это ничѣмъ инымъ объяснить нельзя, какъ отсутствіемъ всякихъ мѣръ къ улучшенію породы оленей. Второе мѣсто за оленеводствомъ занимаетъ рыболовство. Рыба ловится лопарями, какъ на озерахъ, такъ и по побережью Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Ежегодно въ концѣ апрѣля лопари переселяются изъ своихъ зимнихъ погостовъ на рыболовныя тони, расположенныя при устьяхъ рѣкъ, морскихъ заливахъ, а также и при озерахъ. Нерѣдко въ теченіе лѣта лопари мѣняютъ одно мѣсто лова рыбы на другое, перекочевывая по нѣскольку разъ, ища болѣе выгоднаго мѣста лова. Продукты улова сбываются скупщикамъ и лишь въ небольшомъ количествѣ заготавливаются на зиму для собственнаго обихода.

Кромѣ оленеводства и рыболовства существуютъ другіе промыслы среди лопарей, которые служатъ подспорьемъ въ лопарскомъ хозяйствѣ. Такъ, у лопарей Терскаго берега Бѣлаго моря съ половины февраля и до половины марта происходитъ морской звѣриный промыселъ, у лопарей внутренней части Лапландіи—перевозка товаровъ и промышленниковъ, отправляющихся въ мартѣ на Мурманскій берегъ для лова трески; или же имъ поручаютъ на зиму карауль-становищъ промышленниковъ на Мурманскомъ берегу. Кромѣ

того многіе лопари занимаются заготовкою дровъ и сплавкою ихъ весною по рѣкамъ. Что касается охоты лопарей на птицъ (зимою изобиліе куропатокъ) и пушныхъ звѣрей, то, насколько мы знаемъ, охота для лопарей скорѣе составляетъ развлеченіе, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть спеціальныя охотники,— занимающіеся охотою, какъ промысломъ. Всѣ эти промыслы даютъ лопарямъ порядочный заработокъ, могущій обезпечить ихъ безбѣдное существованіе, но это не мѣшаетъ быть имъ въ постоянной зависимости отъ торговцевъ-скупщиковъ. Дѣло въ томъ, что лопари предпочитаютъ вести мѣновую торговлю и брать все необходимое въ долгъ, а при продажѣ также получаютъ плату товаромъ. Это крайне вредно вліяетъ на благосостояніе лопарей, но находитъ поддержку у торговцевъ, которые такимъ образомъ закрѣпощаютъ лопарей за собою; поэтому лопарь почти всегда въ долгахъ у торговцевъ, какъ бы удаченъ ни былъ его промыселъ. По своей неразвитости, довѣрю къ честности торговцевъ — лопари добровольно отдають себя имъ въ кабалу, платятъ и свои долги и несуществующіе долги своихъ родителей.

Семейный и общественный бытъ лопарей.

У древнихъ лопарей было родовое устройство, остатки котораго сохранились до настоящаго времени въ общемъ пользованіи землею. Каждому лопарскому погосту принадлежитъ строго опредѣленный участокъ земли, который дѣлится между жителями погоста на столько частей, сколько родовъ въ погостѣ, родовой участокъ переходитъ по наслѣдству рода, а когда родъ увеличивается, то съ общаго согласія погоста происходитъ перемѣщеніе изъ части членовъ болѣе населеннаго въ менѣе населенный родъ. Родовой участокъ дѣлится между отдѣльными семьями, принадлежащими къ одному роду, семейный участокъ переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; при увеличеніи семьи землю добавляють или заставляютъ другую семью помѣняться участками.

Лѣса, луга и долины также подлежатъ дѣлѣнію по родамъ. Въ настоящее время большихъ семей въ средѣ лопарей нѣтъ, и раздѣлы въ большемъ ходу. Со времени

знакомства съ русскими, на смѣну родовымъ прозвищамъ появились у лопарей фамиліи: онѣ происходятъ или отъ собственнаго имени, или отъ прозвищъ, какъ-то—Яковлевъ, Герасимовъ, Титовъ, Фефеловъ, Куроптевъ, Галкинъ и др.

Кромѣ фамиліи, другимъ доказательствомъ принадлежности даннаго лица къ роду, служатъ родовыя клейма (тамга)—общія для рода, по семьямъ же рисунокъ клеймъ видоизмѣняется прибавкою новой черты или отбавленіемъ, но съ сохраненіемъ основнаго клейма. Клейма употребляются лопарями, какъ знаки собственности и какъ подписи; каждый лопарь хорошо знаетъ свое клеймо и клейма другихъ, и всякой перемѣнѣ своего клейма долженъ сдѣлать заявленіе и испросить разрѣшеніе.

Что касается родственныхъ связей, то онѣ строго соблюдаются лопарями: близкою роднею считаются родственники до 3-го колѣна, въ четвертомъ колѣнѣ бракъ считается возможнымъ, препятствіемъ къ браку служить кумовство.

Обычный возрастъ брачующихся—мужчинъ послѣ 20 лѣтъ („послѣ призыва“), а женщинъ съ 17 лѣтъ. Соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты не обязательно, нерѣдко по матеріальнымъ соображеніямъ молодые женятся на старыхъ и старыя на молодыхъ. Въ дѣлѣ выбора невѣсты одну изъ главныхъ ролей играютъ родители, за отсутствіемъ ихъ роль принимаютъ крестный отецъ и мать, а если и ихъ нѣтъ, то старшій братъ. Въ виду того, что браки въ большинствѣ случаевъ заключаются по взаимному согласію, лопари живутъ мирно и согласно съ женами, совѣтуясь съ ними во всѣхъ дѣлахъ. Въ работѣ лопарки не уступаютъ своимъ мужьямъ. Всѣ работы по дому лежатъ на лопаркѣ, кромѣ того, шитье зимней одежды изъ оленьихъ шкуръ, а также и упряжи для оленей лежитъ на обязанности женщинъ и, наконецъ, заготовка дровъ по близости погостовъ тоже входитъ въ кругъ обязанностей лопарки. На долю мужчинъ остается присмотръ и уходъ за оленями, вывозка дровъ и промысла, но и въ этихъ работахъ лопарки являются дѣятельными помощницами мужьямъ. Слѣдуетъ указать, что лопари женятся исключительно на лопаркахъ, ибо русскіе, считая себя въ культурномъ отношеніи много выше лопарей, не согласятся выходить за лопарей, равнымъ образомъ и жениться на лопаркахъ. За послѣдніе двадцать

лѣтъ я зналъ два случая браковъ, изъ которыхъ въ одномъ вдова-лопарка вышла за корела, а въ другомъ русская вышла замужъ за богатаго лопаря. Всѣмъ лопарямъ присуще желаніе имѣть потомство. Новорожденныхъ кормятъ грудью около 2-хъ лѣтъ, „въ теченіе семи постовъ“. Дѣтей кладутъ въ зыбки, въ которыхъ держатъ до 3-хъ лѣтъ. Зыбка представляетъ изъ себя выдолбленное изъ дерева узкое небольшое корытцо съ очень тонкими стѣнками, обтянутыми оленьей шкурой. На дно зыбки кладется мохъ (торфтѣ), въ изголовье—подушки, посрединѣ—оленьи шкурки и длинная оленья шерсть, на которую кладется ребенокъ, сверху покрывается оленьими шкурами и завязывается ремешками, прикрѣпленными къ колыбели. Зыбка очень легка и удобна при перекочевкахъ. Дѣтей лопари очень любятъ и никогда не бьютъ, питая къ нимъ трогательную привязанность; это явленіе отмѣчено всѣми изслѣдователями лопарей, и мнѣ кажется, что оно находитъ объясненіе въ томъ, что у лопарей, среди неблагопріятныхъ гигиеническихъ условій обычной жизни, а особенно во время перекочевокъ, дѣти умираютъ въ большомъ количествѣ, и потому оставшихся въ живыхъ они очень любятъ и ласкаютъ. Съ ранняго дѣтства дѣти становятся помощниками родителямъ, такъ, мальчики съ 9—10 лѣтъ ѣздятъ въ тундру за оленями, самостоятельно управляютъ съ ними и исполняютъ мелкія домашнія работы.

Характеръ лопарей.

Относительно характера лопарей встрѣчаются большія разнорѣчія у изслѣдователей: одни видятъ въ лопаряхъ только хорошія качества, другіе — дурныя. Такъ, Кастренъ пишетъ, что лопарь по характеру лѣнивый, забитый и угрюмый; въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ характеръ лопаря съ тихо бѣгущимъ ручьемъ. Исслѣдователь ихъ Іоганнъ Готлибъ Георги еще въ 18 столѣтіи далъ такое описаніе характера лопарей: „разумъ у нихъ обыкновенный, простонародный. Они миролюбивы, несклонны къ воровству, постоянны, веселы, но недовѣрчивы, въ торгахъ плутоваты, объ отечествѣ своемъ и общежительномъ устройствѣ очень много думаютъ и столько, какъ оными,

такъ и самими собою плѣнены, что, будучи внѣ отечества, умирають больше отъ сокрушенія своего по родинѣ. Женщины ихъ... ласковы, пригожи и чрезвычайно пугливы, въ чемъ и мужчины имъ подобны, но не совершенны“. Характеристика Кастрена лишь отчасти касается русскихъ лопарей, характеристика Георги, хотя и относится къ русскимъ лопарямъ, но дана на основаніи шведскихъ источниковъ. Изслѣдователь русскихъ лопарей, А. Кельсіевъ считаетъ ихъ народомъ честнымъ, добрымъ, услужливымъ, гостепріимнымъ, идеально кроткимъ и ласковымъ въ семейной жизни, между ними вѣтъ преступленій и воровства. Д. М. Бухаровъ, путешествовавшій по границѣ русской, норвежской и финляндской Лапландіи (1883 г.), даетъ такую характеристику финскихъ лопарей: „финскіе лопари, живя обособлено на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, получили отпечатокъ какъ бы мрачной окружающей ихъ природы. Русскіе же лопари, вслѣдствіе общенія съ корелами, частыхъ сношеній съ поморами Мурманскаго берега и водворенными тамъ колонистами, значительно утратили мрачныя черты, свойственныя всѣмъ лопарямъ,—они охотно отвѣчаютъ на вопросы и пересыпаютъ свою рѣчь шутками и смѣхомъ. Норвежскіе лопари ни по характеру, ни по наружному виду, ни по образу жизни ничѣмъ не отличаются отъ своихъ финскихъ сосѣдей“.

Позднѣйшій изслѣдователь, извѣстный этнографъ Н. Харузинъ считаетъ лопарей народомъ „робкимъ отъ природы, честнымъ, добрымъ, простодушнымъ, веселымъ, но нѣсколько упрямымъ, благодаря вліянію сосѣдей,—склонными къ обману въ торговлѣ и къ пьянству“.

Противорѣчія въ характеристикѣ лопарей объясняются тѣмъ, что она дѣлалась для лопарей различныхъ мѣстностей Лапландіи; правда, какъ и обычно, лежитъ на срединѣ. По моему мнѣнію, основными чертами характера лопарей будутъ: доброта, гостепріимство, мягкость характера, проявляющаяся въ семейномъ быту въ отношеніи къ женѣ, дѣтямъ, сосѣдямъ, съ которыми у лопарей не бываетъ крупныхъ ссоръ, дракъ и буйствъ. Нельзя не отмѣтить также честность и твердость лопарей въ исполненіи даннаго слова. Изъ отрицательныхъ качествъ лопарей я долженъ указать на ихъ склонность къ пьянству, лѣность,

безпечность, подозрительность и склонность къ обману въ торговлѣ; послѣднія двѣ черты наносныя и получены лопарями отъ сношенія съ русскими, большею частью людьми наживы.

Образованіе.

Образованіе среди лопарей стоитъ на весьма низкой ступени. Лишь въ послѣдніе 10—15 лѣтъ среди лопарей стали появляться церковно-приходскія школы, а до этого времени школъ вовсе не было. Въ виду того, что лопари ведутъ свой полукочевой образъ жизни, учебный періодъ въ школахъ не болѣе 4—5 мѣсяцевъ. Учителями въ большинствѣ случаевъ служатъ члены причта, отправляющіе эти обязанности во время свободное отъ требъ по своимъ разбросаннымъ приходамъ, почему ученіе не можетъ быть поставлено на надлежащую высоту и оставляетъ желать многого. Въ двухъ министерскихъ школахъ Лапландіи дѣти лопарей почти не встрѣчаются, несомнѣнно потому, что обученіе вдали отъ лопарскихъ погостовъ сопряжено съ расходами для лопарей, а кромѣ того лопари неохотно расстаются съ дѣтьми, являющимсяъ съ раннихъ лѣтъ помощниками въ семьѣ.

Языкь.

Лопарскій языкъ письменности не имѣетъ, находится въ близкомъ родствѣ съ финскимъ и имѣетъ нѣсколько нарѣчій. Сами лопари дѣлятъ свой языкъ на три нарѣчія. Одно распространено въ погостахъ: Пазрѣкѣ, Печенгѣ, Моткѣ, Сонгелѣ, Нотозерѣ, другое—въ Кильдинѣ, Ловозерѣ, Семь-островскомъ погостахъ и третье—у лопарей Терскаго берега Бѣлаго моря, между Св. Носомъ и Поноемъ. Въ общемъ нарѣчія сходны между собою, но имѣютъ и отличія, ибо не всѣ слова одного нарѣчія понятны лопарямъ другого нарѣчія: такъ, напр., лопарь Терскаго берега не безъ труда понимаетъ лопаря Пазрѣки, Печенги, что я лично не разъ наблюдалъ. Въ первомъ нарѣчьи обнаруживается вліяніе норвежское, во второмъ вліяніе русское и корельское, въ третьемъ—только русское, что несомнѣнно зависитъ отъ того, съ какимъ изъ народовъ въ данной мѣстности лопари чаще соприкасаются. Въ составъ лопарскаго

языка по бѣдности его словами входитъ весьма много русскихъ словъ; самый языкъ довольно звучный и простъ для изученія, большинство лопарскихъ словъ произносится твердо. Всѣ лопари понимаютъ и свободно говорятъ на русскомъ языкѣ, только лопарки еще далеко не всѣ понимаютъ русскій языкъ и являются болѣе мужского консервативнымъ элементомъ.

Заболѣваемость лопарей.

Что касается заболѣваемости лопарей, то на основаніи личнаго наблюденія и официальныхъ свѣдѣній наиболѣе распространенными заболѣваніями среди лопарей слѣдуетъ признать ревматизмъ, желудочно-кишечные катарры, на-кожные сыпи, глазныя болѣзни, болѣзни дыхательныхъ путей, золотуха и заболѣванія лимфатическихъ путей. Происхожденіе ревматизма, а равно и болѣзней дыхательныхъ путей легко объясняется суровымъ климатамъ, рѣзкими переходами отъ теплаго жилища къ холоду и постояннымъ пребываніемъ на открытомъ воздухѣ (тундрѣ). Желудочно-кишечныя заболѣванія зависятъ отъ употребленія преимущественно жирной пищи, какъ мясной, такъ и рыбной. Накожныя болѣзни, изъ нихъ преобладающія чесотка, экземы и парша — находятъ объясненіе въ томъ, что лопари по неизмѣнно бань рѣдко моютъ все тѣло, и въ общемъ не особенно чистоплотны. Изъ глазныхъ болѣзней, зависящихъ отъ дурныхъ гигиеническихъ условій жизни лопарей, а чаще всего встрѣчаются конъюнктивиты, болѣзни вѣкъ, пятна роговой оболочки; послѣднія лопари объясняютъ оспою, перенесенною въ дѣтствѣ. Между прочимъ со слѣдами перенесенной оспы встрѣчается лопарей весьма много, такъ какъ эпидемія, нерѣдко наблюдаемая въ Лапландіи, уносятъ массу жертвъ; прививка предохранительной оспы оставляетъ желать многого, находясь въ неумѣльныхъ рукахъ оспенниковъ изъ крестьянъ. Кромѣ оспы, кори, scarlatina и тифъ, хотя и рѣдко, но наблюдаются въ Лапландіи.

Относительно распространенія сифилиса среди лопарей имѣются наблюденія проф. Якобія, посѣтившаго Лапландію въ 1876 г. и утверждающаго, что сифилисъ свирѣпствуетъ въ Лапландіи, что племя лопарей уменьшается отъ недо-

статочнаго питанія и неправильныхъ періодическихъ эпидемій тифознаго характера. Согласиться съ этими наблюденіями я не могу; напротивъ, основываясь на данныхъ заболѣваемости по увѣду въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я утверждаю, что случаи сифилиса среди лопарей встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Лично я ни разу не наблюдалъ у лопарей сифилиса въ кондиломатозной формѣ, нѣсколько случаевъ сифилиса встрѣчалъ въ третичной формѣ. Несомнѣнно, что хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, но сифилисъ наблюдается среди лопарей, такъ какъ его легко могутъ заносить промышленники, ежегодно ѣдущіе черезъ лопарскіе погосты на заработки къ Мурманскому берегу. Цынга, столь часто наблюдаемая среди промышленниковъ Мурманскаго берега, среди лопарей встрѣчается лишь въ единичныхъ случаяхъ.

Довольно частая болѣзнь среди лопарей—глисты. Изъ нервныхъ заболѣваній слѣдуетъ указать, что лопарскія женщины (рѣдко мужчины-лопари) часто страдаютъ пугливостью—одинъ изъ видовъ кликушества, довольно распространеннаго на сѣверѣ. Пугливость выражается возбудимостью нервной системы и раздражительностью. Обычно, испуганная внезапнымъ крикомъ, выстрѣлами, стукомъ, бранью, больная отвѣтитъ той же фразой, руганью или бросается драться; схватываетъ первый попавшійся предметъ. Лицо испуганной краснѣетъ, судорожно подергивается, припадки продолжаются нѣсколько минутъ, и очнувшись не помнитъ, что съ нею происходило. Насколько я наблюдалъ, припадки случаются съ пожилыми женщинами, перенесшими какое либо семейное горе. Окружающіе ради потѣхи поддерживаютъ болѣзнь и нарочно вызываютъ приступы, въ спокойныхъ же условіяхъ приступы становятся много рѣже.

Медицинская помощь.

До времени Севастопольской кампаніи (1854 г.) населеніе Лапландскаго полуострова, насколько это извѣстно изъ официальныхъ свѣдѣній, не знало медицинской помощи. При всѣхъ заболѣваніяхъ обращались за помощью къ знахарямъ, пользующихъ больныхъ наружными и внутренними средствами, а также заговорами, наговорами и заклинаніями.

Среди лопарей въ числѣ средствъ для лѣченія болѣзней встрѣчаются: глина, тѣсто, зола, смола, ворвань (тѣленій жиръ), морская капуста (тура), тресковый жиръ, трутть, отвары разныхъ травъ, а также средства, заимствованныя отъ русскихъ—перець, порохъ, киноваръ, сулема, сарсапариль и разныя секретныя средства.

Въ 1854 г. на Лапландскій полуостровъ вмѣстѣ съ военной охраной, посланной для защиты г. Колы отъ крейсировавшихъ по Бѣлому морю англійскихъ военныхъ судовъ, былъ командированъ первый военный врачъ, пробывшій до конца Крымской компаніи. Въ 1858 г. былъ назначенъ въ Кольскій уѣздъ первый уѣздный врачъ, учреждена должность фельдшера, акушерки, въ послѣдующіе годы количество фельдшеровъ было увеличено для уѣзда; учреждена (въ 1905 г.) кромѣ того должность сельскаго врача на Терскомъ берегу. Съ введеніемъ медицинской помощи на полуостровѣ лопари получили возможность пользоваться ею, но лишь въ зимнее время, когда устанавливаются пути сообщенія по Лапландіи. За отдаленностью отъ пунктовъ жительства лопарей единственной на весь уѣздъ въ городѣ больницы, а также изъ-за боязни потерять на поѣздку рабочее время, больничная помощь для лопарей является недоступной, остается лопарямъ только пользоваться амбулаторной помощью при зимнихъ разъѣздахъ врача и фельдшеровъ по Лапландіи. Въ остальное время года, по отсутствію дорогъ и путей сообщенія въ Лапландіи, при перекочевкахъ лопарей изъ зимнихъ погостовъ, они являлись лишенными даже и такой амбулаторной помощи и предоставлены для леченія самимъ себѣ. Таково положеніе медицинской помощи для лопарей при нормальномъ ходѣ вещей, при отсутствіи эпидеміи. Съ появленіемъ же эпидеміи положеніе медицинскаго персонала является безвыходнымъ, такъ какъ по отсутствію путей сообщенія, несвоевременнымъ и всегда запоздалымъ сообщеніемъ, весьма трудно и невозможно принять своевременныя мѣры и локализовать эпидемію. Въ этомъ сознаніи своего безсилія, невозможности оказывать населенію надлежащую медицинскую помощь, мнѣ кажется, кроется одна изъ главныхъ причинъ, почему врачи, прослуживъ въ Лапландіи годъ — два, уходятъ при первой возможности и

уѣздъ постоянно остается безъ врача, несмотря на особня служебныя привилегіи этого отдаленнаго края.

Въ заключеніе, переходя къ вопросу о количествѣ русскихъ лопарей, мы должны указать, что по этому вопросу существуютъ большія разногласія между наследователями. Большинство изслѣдователей обрекаетъ лопарей на быстрое вымирание, какъ и многихъ инородцевъ, подпавшихъ подъ вліяніе своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей; другіе—ихъ меньшинство—полагаютъ, что число лопарей, хотя и очень медленно, но увеличивается. Въ нашемъ распоряженіи имѣются слѣдующія данныя о численности русскихъ лопарей. Путешественникъ Бухъ, на основаніи данныхъ 1799 г., считалъ русскихъ лопарей около 1000 человекъ; другой путешественникъ, Шубертъ, посѣтившій Лапландію въ 1817—1820 гг., считаетъ лопарей около 2000 ч. об. п. По Географическо-Статистическому Словарю Семенова, въ 1859 г. число лопарей въ русской Лапландіи доходило до 2183 ч. об. п., по списку населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи въ русской Лапландіи считается около 2259 ч. об. п.; въ началѣ 70-хъ—1960, по даннымъ А. И. Кельсіева за 1876 г.—1940 г. об. п.; въ 1877 г.—2571, по даннымъ Р. Вонапарта, основаннымъ на свѣдѣніяхъ проф. Дюбена, общее число русскихъ лопарей 2207. Къ 1 янв. 1890 г., по даннымъ Статистическаго Комитета — 1782 ч. об. п., къ 1 янв. 1896 г.—1940; по переписи 1897 г.—1724 ч. об. п., изъ которыхъ 859 м. п. и 865 ж. п.; въ послѣдующіе годы число лопарей то доходитъ до 1876 ч. об. п. (1899 г.), то падаетъ до 1720 (1903 г.) и снова возрастаетъ, дойдя къ 1 янв. 1907 г., согласно свѣдѣніямъ Арханг. Губерн. Статист. Комитета, до 1784 ч. об. п. (878 м. и 906 ж. п.). На основаніи этихъ данныхъ видно, насколько разнорѣчивы свѣдѣнія о количествѣ лопарей, число которыхъ то непомѣрно возрастаетъ, то рѣзко падаетъ, въ особенности рѣзкія колебанія встрѣчаются до переписи.

Если на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ дѣлать выводы, то можно прийти къ заключенію о близкомъ вымираніи лопарей, но такое заключеніе не будетъ правильнымъ, какъ основанное на невѣрномъ источникѣ. Способъ собиранія статистическихъ данныхъ не заслуживаетъ довѣрія потому, что данныя собираются сельскими

писарями на скорую руку, нерѣдко проставляющими въ одинъ годъ одну цифру, въ другой—другую, приблизительную. Интересуясь вопросомъ о вымираніи лопарей, я обратился къ другому источнику, могущему дать достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія о лопаряхъ, источникъ этотъ—церковныя книги, въ которыя заносятся всѣ родившіеся и умершіе. Русскіе лопари, какъ извѣстно, всѣ православные, крестятъ своихъ дѣтей, хоронятъ умершихъ, хотя, живя вдаль отъ церквей, крестятъ дѣтей долгое время спустя по рожденіи, отпѣвають также заочно, но тѣмъ не менѣе оба эти акта обязательно заносятся въ церковныя книги.

Располагая данными о рождаемости, смертности и наличномъ количествѣ русскихъ лопарей по всѣмъ лопарскимъ погостамъ за нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ, я могу сдѣлать болѣе или менѣе правильное заключеніе о приростѣ или убыли русскихъ лопарей. Я ограничусь приведеніемъ главнѣйшихъ выводовъ изъ своихъ матеріаловъ о рождаемости и смертности русскихъ лопарей.

1) За 111-лѣтній періодъ наблюденій рождаемость и смертность русскихъ лопарей была такова: рождаемость 33,39%, смертность 30,48%, слѣдовательно, ежегодный естественный приростъ лопарей для лицъ обоого пола 2,9%. 2) Изъ шести приходовъ, которые населяютъ русскіе лопари, въ одномъ приходѣ (Ловозерскомъ) замѣчено убыль населенія, въ другомъ — Пазрѣцкомъ не замѣчено ни убыли, ни прироста, а въ остальныхъ четырехъ приходдахъ — приростъ лопарей. 3) Рождаемость и смертность русскихъ лопарей неодинакова не только по отдѣльнымъ приходамъ, но и по отдѣльнымъ погостамъ каждаго прихода. 4) Среди лопарей наибольшій % смертности падаетъ на дѣтскій возрастъ отъ 1 до 10 лѣтъ, равняющійся 40%, что объясняется перекочевками лопарей, а также эпидеміями оспы и другихъ заразныхъ болѣзней.

Между прочимъ, данныя дѣйствительнаго и естественнаго прироста не сходятся между собою, и дѣйствительный приростъ даетъ меньшій годичный приростъ лопарей, чѣмъ естественный, что можетъ зависѣть отъ эмиграціи. Такимъ образомъ, на основаніи данныхъ о рождаемости и смертности русскихъ лопарей нельзя дѣлать выводовъ о вымираніи, вырожденіи лопарей, а напротивъ, слѣдуетъ признать, что

русскіе лопари, несмотря на суровыя климатическія условия, полукочевую жизнь, полную невзгодъ и лишній—имѣютъ еще достаточно жизненныхъ силъ, чтобы, хотя медленно, расти и увеличиваться. Отстаивая свое мнѣніе о томъ, что для русскихъ лопарей не наступилъ еще процессъ вымиранія, я не могу не указать на тотъ фактъ, что лопари, находясь много вѣковъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскимъ населеніемъ, въ домашнемъ быту перенимаютъ русскіе нравы, обычаи, словомъ, тяготеютъ ко всему русскому и, несомнѣнно, въ недалекомъ будущемъ утратятъ свои національныя черты и сольются съ русскимъ населеніемъ. Извѣстный изслѣдователь пограничныхъ лопарей, Д. Н. Бухаровъ на основаніи данныхъ норвежскихъ статистиковъ держится совершенно такого же мнѣнія по вопросу о вымираніи лопарей: „лопари не вымираютъ, какъ это принято вообще думать, но теряютъ постепенно свою національность, смѣшиваясь бракомъ съ норвежскимъ и, въ особенности, финскимъ населеніемъ“.

Со стороны русскихъ для обрусѣнія лопарей и для ихъ культурнаго развитія не предпринималось почти никакихъ мѣръ. Попрежнему лопари остаются неграмотными, также первобытнымъ образомъ ведутъ свое оленеводное хозяйство, рыболовные и звѣриные промысла, продолжая оставаться полукочевниками. Нельзя не пожелать, чтобы былъ предпринятъ рядъ различныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, изъ которыхъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить распространеніе среди лопарей болѣе широкаго, чѣмъ теперь, образованія, устройство удобныхъ путей сообщенія, обученіе правильному веденію оленеводства, рыболовства и морскихъ промысловъ, улучшеніе и расширеніе медицинской помощи, каковыя мѣры, несомнѣнно, улучшатъ бытъ лопарей и будутъ способствовать скорѣйшему ихъ переходу къ осѣлости и приобщенію къ благамъ культурной жизни.

Антропологическій очеркъ

Переходя къ характеристикѣ антропологическаго типа лопарей, мы встрѣчаемъ описанія внѣшности лопарей у многихъ путешественниковъ и изслѣдователей, причемъ всѣ эти описанія крайне разнорѣчивы.

Юганнъ Готлибъ Георги въ 1799 такъ описываетъ лопарей: „Лопари суть финскій народъ, росту они средняго. Почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки необыкновенно запаляя, глаза темносѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ отъ воздуха, дыму и неопрятности ихъ желто-смуглый. Женщины ихъ росту малаго“.

Линней такъ описываетъ лопарей: *Lapones corpore parvo, capillis nigris, brevibus, rectis; oculorum iridibus nigrescentibus* и противопоставляетъ имъ финновъ: *Fennones corpore toroso, capillis flavis, prolixis, oculorum iridibus fuscis*. Въ описаніи роста лопарей изслѣдователь Мюллеръ утверждаетъ, что лопари кажутся низкими отъ сопоставленія ихъ съ высокорослыми русскими поморами и норвежцами; большинство изслѣдователей и путешественниковъ считаютъ лопарей малорослыми, шведскій же миссіонеръ Лестадиусъ считаетъ ихъ пигмеями.

Цвѣтъ кожи у лопарей по однимъ описаніямъ темный (по Ачерби), по Лестадиусу—желтый. Волосы глянцево-черные (по Максиму), щетинистые, неспособные улечься, по Линнею и Мюллеру—черные, по Семенову—темные, по другимъ описаніямъ—темнорусые и рыжіе. Лопари, по описанію Георги, веселы, по Кастрену, они смотрятъ на миръ съ мрачной стороны.

Всѣ эти разнорѣчія въ описаніи внѣшности лопарей можно объяснить тѣмъ, что при характеристикахъ описы-

вались лопари и русскіе, и шведскіе, и норвежскіе, словомъ— лопари совершенно разныхъ мѣстностей, въ зависимости отъ чего они имѣютъ далеко неодинаковую фізіологическую и патологическую структуру. Кромѣ того, описательныя свѣдѣнія путешественниковъ не могли быть свободны отъ субъективныхъ впечатлѣній.

Всѣ изслѣдователи въ описаніи лопарей русскихъ и норвежскихъ находятъ большую разницу не только въ костюмѣ, образѣ жизни, религіи, но и во внѣшнемъ видѣ. Считаемо необходимымъ вкратцѣ указать анатомическіе признаки русскихъ и норвежскихъ лопарей по даннымъ нѣкоторыхъ изслѣдователей. Д-ръ А. Држевецкій, бывшій въ комиссіи для провѣрки границъ между Россіей и Норвегіей въ 1871 г., даетъ такую характеристику норвежскихъ и русскихъ лопарей.

Норвежскіе лопари.

Ростъ низкій, тѣло худощавое, голова по сравненію съ туловищемъ велика. Цвѣтъ кожи смуглый съ желтымъ оттѣнкомъ.

Волосы на головѣ черныя или рыжіе, прямыя, толстыя; на бородѣ и усахъ большею частью волосъ совсѣмъ нѣтъ, или растутъ рѣдкіе, коротенькіе волоса.

Черепъ имѣетъ пирамидальную форму, лобъ низокъ, прямо стоящій надъ глазами, затылокъ плоскій, темянная часть черепа уже височной.

Лицо широкое, плоское съ выдающимися скулами, разстояніе между глазами велико.

Глазныя щели узки и имѣютъ косвенное направленіе вверхъ и наружу. Глаза въ огромномъ большинствѣ случаевъ каріе, основаніе носа сдавлено; носъ чаще длинный и широкій, ротъ широкъ.

Подбородокъ длиненъ и выдается впередъ.

Русскіе лопари.

Ростъ выше, чѣмъ у предъидущихъ, тѣло менѣе худощаво. Цвѣтъ кожи бѣлый и свѣтложелтый.

Волосы такого же вида, но тонки, гладки и волнообразны, цвѣтъ отъ чернаго до свѣтлорусаго. Растительности на бородѣ и усахъ нѣсколько больше.

Форма черепа такая же, но лобъ выше и боковое суженіе черепа менѣе выражено.

Всѣ эти признаки выражены слабѣе.

Глазныя щели чаще горизонтальны. Цвѣтъ глазъ свѣтлый. Носъ короткій и широкій, сдавленный у основанія.

Подбородокъ не выдается.

Шея тонка, длинна. Грудь у большинства не широка, верхнія конечности сравнительно съ туловищемъ слишкомъ длинны, а нижнія слишкомъ коротки, икры тонки; стопы плоски.

Всѣ субъекты сходны между собою.

Шея короче и толще. Грудь очень широка. Несоразмѣрность въ длинѣ конечностей слабѣе выражена.

Наружность весьма разнообразна, нѣкоторыхъ субъектовъ не легко отличить отъ кореловъ и даже русскихъ.

Такимъ образомъ, изъ описанія наружныхъ, анатомическихъ признаковъ норвежскихъ и русскихъ лопарей слѣдуетъ заключить, что обѣ группы лопарей, хотя и принадлежащія къ одной расѣ и живущія бокъ-о-бокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ существенно отличаются между собою. Объясненіе этому мы находимъ въ томъ, что русскіе лопари не вполне чистокровные: они составляютъ помѣсь съ какой-либо другою расой, вѣроятно, со славянской, что можно допустить потому, что въ мѣстахъ жительства лопарей русскія колоніи, монастыри появились съ XVI столѣтія, а до этого времени русскіе также поддерживали сношенія съ лопарями. Кромѣ русскихъ—лопари находились въ сношеніи съ корелами, примѣсь крови которыхъ также несомнѣнно есть въ лопаряхъ.

Другіе изслѣдователи, производившіе наблюденія надъ русскими и скандинавскими лопарями, находятъ также различіе между ними. Такъ, изслѣдователь Горкъ указываетъ на слѣдующія различія: лицо у русскихъ лопарей имѣетъ русской отпечатокъ, лобъ выше, ширина лица относительно съ высотой не такъ бросается въ глаза, глаза у русскихъ лопарей больше, рѣсницы, брови, волосы на головѣ и бородѣ гуще, цвѣтъ глазъ голубой, сѣрый и сѣроголубой, а у скандинавскихъ карій и свѣтлокарій, носъ длиннѣе и острѣе, волосы темно и свѣтлорусые.

Вирховъ, Дюбенъ и Европеусъ и др. въ антропологическомъ типѣ лопарей находятъ различіе. По росту скандинавскіе лопари много ниже русскихъ; такъ, скандинавскіе лопари, по Дюбену, ростъ имѣютъ 150 снт., по Вирхову (10 субъект.) 151,1, по Горку (9 измѣр.) 148,6, по Эккеру (4 измѣр.) 144 снт., въ среднемъ для скандинавскихъ лопарей ростъ 148,4,—тогда какъ у русскихъ лопарей, по А. Кельсёву, средній ростъ 155,8. Согласно измѣреніямъ (97 изм.)

Мантегацца надъ скандинавскими лопарями, ростъ мужчины колеблется въ предѣлахъ отъ 132 до 150 снт. (23 ж.). По Р. Бонапарту (200 изм.) средний ростъ скандинавскихъ лопарей м. 153 и женщ. 147 снт. Точно также неодинаковъ головной указатель у русскихъ и скандинавскихъ лопарей, въ среднемъ у скандинавскихъ лопарей, согласно измѣреніямъ Вирхова и Мантегацца, онъ равенъ 86,8, а у русскихъ 81,9. По измѣреніямъ Р. Бонапарта, головной указатель у мужч. 87,63, у женщ. 86,17.

Такимъ образомъ, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ о различіи между скандинавскими и русскими лопарями очевидно, что объ группы лопарей нельзя отождествлять.

Что касается нашихъ антропологическихъ наблюденій, то они были произведены надъ 65 русскими лопарями. Антропологическія измѣренія были сдѣланы въ слѣдующихъ погостахъ Лапландіи: Ловозерскомъ 19, Иокангскомъ 19, Лумбовскомъ 8, Куроптевскомъ 2, Каменгскомъ 3, Сосновскомъ 14. По возрасту излѣдованные распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Отъ	15—20.	21—25.	26—30.	31—35.	36—40.	41—45.
	5.	5.	5.	6.	6.	8.
„	46—50.	51—55.	56—60.	61—70.	71—90.	
	10.	5.	1.	8.	6.	

Слѣдовательно, наибольшее количество измѣренныхъ лопарей относится къ возрасту 41—50 л.—18 человекъ, наименьшій возрастъ былъ 16 (1 ч.), наистарѣйшій 73. По семейному положенію изслѣдованные лопари распредѣлялись такъ: женатыхъ было 55, вдовцовъ 5 и холостыхъ 5.

По тѣлосложенію изслѣдованные мною лопари распредѣляются такъ: крѣпкаго 29, средняго 34 и слабого 2; слѣдовательно, крѣпкое тѣлосложеніе найдено у 44,6%, среднее у 52,3% и слабое у 3,07%. По степени питанія-хорошаго 41%; средняго 52%, и посредственнаго 2 субъекта. Между прочимъ у всѣхъ лопарей подкожный жирный слой плохо развитъ, толстыхъ лопарей почти не встрѣчается; преобладаютъ сухощавые, но не худосочные субъекты. У скандинавскихъ лопарей, по наблюденіямъ Вирхова и Бонапарта, точно также слабо развитъ подкожный слой: „они всегда худы вслѣдствіе неправильнаго питанія“ (Бонапартъ); „кожа

ихъ тонка на лицѣ, особенно около рта“ (Вирховъ). Въ другомъ мѣстѣ Вирховъ отмѣчаетъ: „питаніе ихъ жалкое, кожа на лицѣ морщиниста, и молодые изъ нихъ кажутся стариками“.

По цвѣту кожи на лицѣ, шеѣ, рукахъ и вообще на открытыхъ мѣстахъ лопари слабо смуглые (74%), а на тѣлѣ и закрытыхъ частяхъ цвѣтъ кожи блѣдно-желтый (13,8%) и бѣлый (12,8%). Кожа на лицѣ и рукахъ довольно грубая, обвѣтрившая и загорѣвшая, благодаря постоянному пребыванію на вѣтру, дыму.

Цвѣтъ волосъ. Цвѣтъ волосъ на головѣ у лопарей большею частію темно-русый (74%), затѣмъ свѣтло-русый (20%) и изрѣдка черный (6%). Лысыхъ я встрѣтилъ двухъ лопарей, среди лопарей вообще плѣшивые рѣдко встрѣчаются; сѣдыхъ былъ одинъ субъектъ, а съ просѣдью трое. Относительно скандинавскихъ лопарей Мантегацца также указываетъ, что среди нихъ весьма рѣдко встрѣчаются плѣшивые, и посѣдѣніе наступаетъ поздно.

Всѣ изслѣдователи лопарей отмѣчаютъ, что бороды у нихъ съ рѣдкой растительностью, зачастую ея вовсе нѣтъ; это же самое подтверждаю и я, указывая, что борода и усы по цвѣту свѣтлѣе волосъ головы; усы средней величины являются ранѣе бороды, которая, имѣя скудную растительность, большею частію клинообразной формы. Въ трехъ случаяхъ я наблюдалъ небольшія окладистыя бороды, сѣдая борода замѣчена у одного (83 л.), съ просѣдью у трехъ субъектовъ; сѣдина на волосахъ появляется не ранѣе 50 лѣтъ, ростъ бороды начинается съ 23—25 лѣтъ, усы съ 21 г., а до этого возраста встрѣчаются безбородные и безусые.

Волоса по виду гладкіе, довольно густые; длинные волосы лопари не носятъ, ихъ стригутъ (въ кружокъ), бороду и усы подстригаютъ рѣдко. Курчавыхъ волосъ, рыжихъ я совершенно не встрѣчалъ среди лопарей.

На тѣлѣ у лопарей волосатость крайне скудная, встрѣчается на лобкѣ и въ подмышечныхъ впадинахъ, по бѣлой же линіи волосъ не встрѣчалось.

Брови у лопарей дугообразныя, не густыя и не широкія, темно-и свѣтлорусыя; рѣсницы умѣренной густоты, среднія.

Глаза. Наибольшее количество осмотрованных лопарей имѣли глаза свѣтло-каріе (50%), затѣмъ сѣро-голубые (37%), голубые (9%), сѣрые (3%) и черные (1%). По величинѣ глаза у большинства лопарей были средніе, затѣмъ узкіе, выпуклыхъ глазъ я не наблюдалъ, чаще всего глаза помѣщаются въ глубинѣ орбитъ. Третье вѣко—небольшая складка кожи у внутреннихъ угловъ глазъ—наблюдалось у трехъ субъектовъ; глазная щель не широкая, въ большинствѣ случаевъ имѣла горизонтальное направленіе, но встрѣчалось и косое положеніе глазной щели (въ 6 сл.), причеиъ чаще наружный уголъ глаза стоялъ нѣсколько выше внутреннего.

Лицо. Общее очертаніе лица лопаря трудно опредѣлимо: въ половинѣ случаевъ встрѣчалось, какъ широкое лицо, такъ и продолговато-овальное; четырехугольныхъ и длинныхъ лицъ я ни разу не наблюдалъ.

Лобъ былъ найденъ прямой (40%), слегка покатыи назадъ (въ 27%) и средній между ними; поверхность лба представлялась плоской (58%), выпуклой (26%) и плоско-выпуклой (16%). Скуловые кости оказались выдающимися у 20%, слабо выдающимися у 50% и прилегающими у 80%.

Носъ у лопарей среднихъ размѣровъ и ближе къ широкимъ размѣрамъ, встрѣчались приплюснутые въ срединѣ носы, вздернутыхъ и орлиныхъ носовъ я не наблюдалъ; ноздри овальной формы, крылья носа не толсты и слегка оттопырены, самыя спинки носовъ умѣренной высоты.

Губы большею частью средней величины, прямыя (61%), тонкія (28%) и толстыя (11%); отвислыхъ губъ я ни разу не наблюдалъ.

Ротъ прямой, по величинѣ приближается къ широкимъ.

Щеки большею частью слегка запавшія, вздутыхъ щекъ мало наблюдалось.

Подбородокъ найденъ закругленнымъ у 80%, широкимъ у 12% и острымъ у 8%; раздвоенныхъ и рѣзко выдающихся впередъ подбородковъ я не встрѣчалъ.

Уши у лопарей средней величины, овальной формы; въ громадномъ большинствѣ случаевъ (90%) нѣсколько оттопырены; ушная мочка найдена приросшей въ восьми случаяхъ; въ общемъ коротка и слабо выдается.

Затылокъ, по большей части, равномерно округлый (80%), замѣтно выдающимся найденъ въ четырехъ случаяхъ,

а въ остальныхъ плосковатый; protuberant. occipital. extern. довольно слабо развиты.

Зубы у лопарей прямы, средней величины, имѣютъ правильное смыканіе; неправильное смыканіе встрѣтилось въ пяти случаяхъ, изъ нихъ въ трехъ было смыканіе верхнихъ зубовъ впереди нижнихъ и въ двухъ случаяхъ—позади нижнихъ. Небольшіе промежутки между зубами отмѣчены у восьми субъектовъ; стертость зубовъ ранѣе 40 лѣтъ не наблюдалась. Характернымъ для лопарей является весьма малое количество (4%) порченныхъ зубовъ, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ (96%) здоровые зубы сохраняются до глубокой старости. Изъ другихъ народностей позднее стирание зубовъ (не ранѣе 47 л.) наблюдается у монголовъ-торгоутовъ, у осетинъ (не ранѣе 45—50 л.); здоровые же зубы наблюдались у большинства инородцевъ.

Итакъ, слѣдовательно, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ типичный русскій лопарь таковъ:

Тѣлосложеніе—среднее и крѣпкое.

Питаніе—среднее и хорошее.

Кожа—слабо смуглая.

Волосы—темно-русые, довольно густые; на бородѣ и усахъ волосы по цвѣту свѣтлѣе волосъ головы; борода имѣетъ скудную растительность, клинообразную форму, является позже усовъ.

Брови—дугобразныя, не густыя.

Волосатость тѣла—скудная.

Глаза—свѣтло-каріе, средніе по величинѣ.

Лицо—широкое и продолговато-овальное.

Лобъ—прямой, плосковатый.

Скуловые кости—слегка выдающіяся.

Носъ—среднихъ размѣровъ.

Губы—прямая, средня.

Ротъ—прямой и широкій.

Подбородокъ—закругленный.

Уши—оттопырены.

Затылокъ—равномѣрно округлый.

Зубы—прямые, средней величины, здоровые.

Антропометрическія измѣренія.

Переходя спеціально къ антропометрической части, мы прежде всего остановимся на одномъ изъ важнѣйшихъ размѣровъ, характеризующихъ не только отдѣльнаго индивидуума, но и расу—это ростъ. Въ обыденной жизни, какъ извѣстно, для характеристики человѣка прежде всего пользуются они саніемъ роста. Въ антропометріи ростъ является главнымъ измѣреніемъ, такъ какъ всѣ антропометрическія величины принято выражать въ частяхъ роста, который принимается за единицу.

По отношенію къ лопарямъ всѣ наблюдатели указываютъ на ихъ низкій ростъ (Дюбенъ, Вирховъ, Горкъ, Мантегацца, Бонапартъ и др.). А. И. Кельсіевъ опредѣляетъ средній ростъ лопарей (для 28 особей.) въ 155,8 мм. Данныя призывного возраста 16 лопарей, приводимыя Д. Анучинымъ, также даютъ средній ростъ 155,8 мм.

При измѣреніи роста, за неизмѣнимъ стаяка, измѣряемый ставился прямо у отвѣсной стѣны, косяка двери или столба по срединѣ вѣжи, къ которымъ прикрѣплялась измѣрительная лента. Руки у измѣряемаго держались опущенными по швамъ, ноги пятками вмѣстѣ и носками врозь, какъ это дѣлается въ воинскихъ присутствіяхъ, голова ставилась такимъ образомъ, чтобы нижніе края глазницъ находились на одномъ уровнѣ съ центромъ наружныхъ слуховыхъ проходовъ (т. н. нѣмецкая горизонталь).

Наши измѣренія роста 65 лопарей дали сумму 1007,14 мм., отсюда средній ростъ 154,94, maximum 165 снт., minimum 143 снт. съ разницею 22 снт.

Кромѣ этихъ 65 измѣреній, въ нашемъ распоряженіи имѣются данныя призывныхъ лопарей 1898—1907 г. въ числѣ 86 человѣкъ, сумма роста которыхъ равняется 132958 мм., откуда средняя роста—1546 мм. Такимъ образомъ, въ итогѣ мы будемъ располагать 151 субъектами, средній ростъ которыхъ будетъ равняться 154,74 мм.

Распредѣляя индивидуальныя цифры роста лопарей въ ряды, отличающіеся другъ отъ друга на 25 мм., т. н. средняя Бертильона, мы получимъ:

Ростъ.	Число случаевъ.	% къ общему числу.
отъ 143 — 145,5	4	6,1
„ 145,5— 148	5	7,7
„ 148 — 150,5	5	7,7
„ 150,5 — 153	10	15,3
„ 153 — 155,5	8	12,3
„ 155,5 — 158	10	15,3
„ 158 — 160,5	9	13,8
„ 160,5 — 163	6	9,2
„ 163 — 165,2	8	12,3

Слѣдовательно, наибольшее количество лопарей имѣютъ ростъ между 150,5—153 и между 155,5—158, второе мѣсто по росту занимаетъ лица отъ 158—160,5.

Возрастъ измѣренныхъ лопарей колеблется между 15 и 83 годами. Въ виду малаго числа измѣренныхъ субъектовъ для каждаго возраста невозможно прослѣдить измѣненіе роста по годамъ, а потому я принужденъ всѣ цифры роста распредѣлить по пятилѣтіямъ:

Возрастъ.	Число лицъ.	Средній ростъ.	Maximum.	Minimum.	Разность.
15—20	5	151,8	160	143	17
21—25	5	157,8	162,5	151,9	10,6
26—30	5	158,6	163	150,5	12,5
31—35	6	151,7	163	143	20
36—40	6	151,7	162	143	19
41—45	8	154,0	165	146	19
46—50	10	154,6	165	152	13
51—55	5	156,0	165	153,3	11,7
56—60	1	162	0	0	0
61—70	10	156,4	164	147	17
71—85	4	155,8	159,3	158	1,3

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что ростъ лопарей до 30 лѣтъ идетъ на повышеніе, для послѣдующихъ возрастовъ правильность въ распредѣленіи роста не замѣчается.

Распредѣляя данныя роста лопарей по разрядамъ роста, согласно схемѣ Топинара на 4 группы, мы получимъ:

	Число субъект.	%
Высокій ростъ (выше 1700 мм.)	—	—
Ростъ выше средняго (1700—165,1) . . .	—	—
Ростъ ниже средняго (165—160,1)	13	20
Низкій или малый ростъ (160,0 и ниже).	52	80

Отсюда видно, что 80% измѣренныхъ имѣють низкіи ростъ; maximum роста 165 у четырехъ субъектовъ, 3-хъ въ возрастѣ отъ 41—55 и одного въ 21—25 г., minimum роста 143 у трехъ субъектовъ, одного—15 л. и двухъ 31—40 л. Сравнивая средній ростъ изслѣдованныхъ нами лопарей съ ростомъ другихъ инородцевъ, мы находимъ, что къ росту лопарей ближе всего подходитъ ростъ инородцевъ финскаго и тюркскаго племени, группа племенъ урало-алтайскихъ. Въ частности: вогулы (66) Маліева — 154,2, черемисы (77) Маліева—158,0, остяки (94) Сомме — 156,3, остяки (115) Чугунова—159,6, самоѣды (19) Зографъ—159,4, вогулы (120) Гондатти—159,4. Ростъ скандинавскихъ лопарей по изслѣдованіямъ Манегацца колеблется въ предѣлахъ у мужч. 137—170, (74 м.) у женщ.—127—160 (23 ж.); по Р. Бонапарту (200 изм.) ростъ у мужч. 153 снт., у женщ. 147 снт.

Въ заключеніе о ростѣ я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о средней-арифметической роста и равной у насъ 154,94. Средняя роста важна въ антропологіи, ибо къ ней относятъ величины всѣхъ частей тѣла, и она служитъ основаніемъ для всего числа наблюденій. Но такъ какъ въ составъ „средней“ входятъ ряды изъ совершенно различныхъ цифръ и о величинѣ отдѣльныхъ цифръ трудно судить, поэтому въ статистикѣ вычисляются еще отклоненія отъ средней въ сторону плюса и минуса, т. е. такъ называемый указатель колебанія къ найденной средней. Въ антропометріи Игерингъ воспользовался формулой статисти-

стиковъ $M = \frac{\sum d}{n}$ и кромѣ того указалъ, что чѣмъ менѣе указатель колебаній, тѣмъ чище, однороднѣе составъ изслѣдуемыхъ, при большемъ же указателѣ можно думать, что составъ изслѣдуемыхъ представляетъ смѣшеніе, не чистъ. Я получилъ, сложивъ сумму отклоненій въ ту и другую сторону (отъ—173 до+1595) и раздѣливъ на число субъектовъ, указатель отклоненія 3,29, слѣдовательно, болѣе точная средняя лопарей выразится 154,94_{3,29}. Сравнивая нашъ указатель съ указателями другихъ авторовъ, находимъ, что у осетинъ онъ равенъ 4,55, кабардинцевъ 5,14, бурятъ-селенгинцевъ 4,99, бурятъ-аларцевъ 4,28, армянъ 4,88, бѣлоруссовъ Рославльскаго уѣзда 3,59, казанскихъ татаръ 5,2, у таранчей 5,3. Такимъ образомъ, нашъ указатель ниже всѣхъ

другихъ народностей, и его нельзя считать особенно великимъ, а посему мы можемъ предполагать, что русскіе лопари представляютъ изъ себя народность, состоящую изъ довольно однородныхъ расовыхъ элементовъ.

Окружность груди.

Измѣреніе окружности груди производилось такъ же, какъ это дѣлается въ воинскихъ присутствіяхъ: измѣряемый поднимаетъ руки вверхъ, лента сзади проходила подъ нижними углами обѣихъ лопатокъ, а спереди на уровнѣ сосковъ, измѣряемый считаетъ до 20; цифра показаній бралась тогда, когда измѣряемый доходилъ до счета 12—15, т. е. предъ глубокимъ вздохомъ. Сумма 64 измѣреній лопарей найдена равною 54408, отсюда средняя величина периметра груди 85,01, maximum 92, minimum 72; % отношеніе къ росту (принятому за 100)=53,9, т. е. у лопарей периметръ груди больше половины роста на 3,9%. Такъ какъ средняя величина половины роста измѣренныхъ лопарей=77,47, а средняя периметра груди 85,01, то, слѣдовательно, грудь превышаетъ половину роста на 7,54 сантиметра. Окружность груди у измѣренныхъ лопарей распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

отъ 70 — 74 == 2 субъект.	3,07%
„ 75 — 79 == 4 „	6,1%
„ 80 — 84 == 22 „	33,8%
„ 85 — 89 == 29 „	44,6%
„ 90 — 94 == 8 „	12,3%

Слѣдовательно, чаще всего встрѣчались размѣры окружности груди между 80—89 снт.; иными словами, 91% лопарей имѣютъ окружность груди въ указанныхъ предѣлахъ. У другихъ инородцевъ Россіи средняя окружность груди такова: у осетинъ 89,3, монголовъ-торгоутовъ 84,2, киргизовъ 91,3, туркменъ 86,2, буряты-селенгинцевъ 84,4, касимовскихъ татаръ 89,8, таранчей 83,9. Что же касается отношенія окружности груди къ росту, то близкимъ къ размѣру лопарей будутъ отношенія у вотяковъ 54,92, мешеряковъ 56,6, айновъ 55,4, мордвы-эрзи 53,96, самоѣдовъ 56,30, киргизъ Букеевской орды 56,05, черемисъ 56,04, касимовскихъ татаръ 55,32; Кельсиевъ нашелъ это отношеніе у лопарей=58,2.

Если мы возьмемъ среднюю окружность груди у лопарей призывного возраста въ числѣ 86 человекъ (съ 1898 по 1907), то найдемъ ее равною 82,11, ея % отношеніе къ росту (154,6)=58,1%. Соединивъ этихъ лопарей съ нашими, найдемъ тогда у 146 лопарей среднюю окружность груди = 86,2, а ея % отношеніе къ росту (154,74) будетъ = 55,7%, т. е. для всѣхъ 146 лопарей окружность груди превышаетъ половину роста, иначе сказать „жизненный показатель“ является благопріятнымъ. Принявъ, согласно указаніямъ А. Ивановскаго, относительную окружность груди до 50,00 за малую, отъ 50,01—55,00 за среднюю и свыше 55,01 за большую, мы находимъ, что малую окружность имѣютъ 3 субъекта среднюю—33 и большую 28.

Окружность живота.

Окружность живота измѣрялась на уровнѣ пупка; измѣрено 63 субъекта, сумма измѣреній которыхъ 48758 мм., средняя 7883; отношеніе къ росту 50,00. Наибольшій размѣръ окружности живота 86, а наименьшій 65,5, разница 20,5. Индивидуальные размѣры окружности живота колебались въ слѣдующихъ предѣлахъ:

отъ 65—69 . . . 3	отъ 80—84 . . . 20
„ 70—74 . . . 16	„ 85—89 . . . 4
„ 75—79 . . . 20	

Слѣдовательно, наибчае встрѣчаются у лопарей окружности живота въ предѣлахъ между 75—84.

Сравнивая окружность живота съ окружностью груди у лопарей, мы находимъ, что абсолютный размѣръ окружности груди превосходитъ таковой же окружности живота на 6,18 снт., а относительный—на 3,99. Средняя окружность живота найдена у осетинъ 74,9, таранчей 73,9, монголовъ-торгоутовъ 77,8, кабардинцевъ 79,9, буряты-селенгинцевъ 77,5, а по отношенію къ росту у осетинъ 41,54, торгоутовъ 47,67, кабардинцевъ 47,6, буряты 47,52, лопарей Кельсѣва 51.

Длина туловища.

Длина туловища не всѣми изслѣдователями опредѣляется одинаковымъ способомъ. А. Ивановскій насчитываетъ

до 8 способовъ для опредѣленія длины туловища. При своихъ измѣреніяхъ для опредѣленія длины туловища я пользовался двоякимъ способомъ. По первому способу длина туловища опредѣлялась въ сидячемъ положеніи отъ макушки до пола („ростъ сидя“), причемъ получалась длина туловища съ головой. Ростъ сидя, или длина туловища въ сидячемъ положеніи, измѣрены на 45 лопаряхъ, сумма 37134, средняя — 82,52, а въ отношеніи къ росту 53,26%. Колебанія между низкимъ и высокимъ ростомъ сидя 23,1 снт. (94,5—71,4=23,1). Изъ другихъ народностей ростъ сидя таковъ: у таранчей 88,1 (% 53,5), буряты-селенгинцевъ 87,6 (% 53,7), кабардинцевъ 88,5 (% 52,7), у торгоутовъ 81,6, киргизовъ 83,4, калмыковъ 81,8.

По другому способу длина туловища опредѣлялась согласно указанію проф. А. И. Таренецкаго, измѣреніемъ расстоянія между вырѣзкой рукоятки грудной кости и верхнимъ краемъ лоннаго сращенія. Сумма 49 измѣренныхъ субъектовъ=26319, отсюда средняя 5370, отношеніе къ росту 34,65. Maximum оказался 595, minimum 480, разница 11,5; въ этихъ предѣлахъ цифровой матеріалъ распредѣлялся такъ:

отъ 480—489 2	отъ 540—549 7
„ 490—499 1	„ 550—559 3
„ 500—509 3	„ 560—569 8
„ 510—519 3	„ 570—579 3
„ 520—529 8	„ 580—589 1
„ 530—539 7	„ 590—599 3

Слѣдовательно, въ предѣлахъ 510—570 мы видимъ наибольшее число наблюденій. Считая длину туловища до 51 снт. среднимъ и свыше 57 большимъ, мы находимъ, что болѣе половины лопарей (55,3%) имѣетъ среднее туловище, а остальные то длинное, то короткое.

Сравнивая длину туловища лопарей съ данными другихъ авторовъ, у которыхъ также длина туловища измѣрялась, отъ верхняго края рукоятки грудной кости до верхняго края лоннаго сращенія, мы находимъ слѣдующее % отношеніе длины туловища къ росту: у буряты-селенгинцевъ Шендрикковскаго 34,39%, буряты-аларцевъ Поротова 31,4%, казанскихъ татаръ 30,75, кабардинцевъ Вышегорода 31,19% крестьянъ Рославльск. у.—Эйхгольца 31,9 и таранчей 29,3

Ширина плечъ.

Ширина плечъ опредѣлялась непосредственно толстотнымъ циркулемъ между верхними плечевыми отростками (acromion). Измѣрено 58 субъектовъ, общая сумма измѣреній 19416 mm., откуда средняя 3347, при колебаніи maximum'a 36,8 и minimum'a 29,5, % отношеніе средней ширины плечъ къ среднему росту 21,60. Размѣры ширины плечъ, съ разницею между рядами въ одинъ сантиметръ, варьируютъ въ слѣдующихъ предѣлахъ:

отъ 290—299 mm. . . 3	отъ 340—349 mm. . . 7
„ 300—309 „ . . 5	„ 350—359 „ . . 16
„ 310—319 „ . . 8	„ 360—369 „ . . 8
„ 320—329 „ . . 5	„ 370 и выше. . . 1
„ 330—339 „ . . 5	

Слѣдовательно, наибольшее число наблюденій находится въ предѣлахъ 330—360 mm. Вирховъ для 4 лопарей нашель ширину плечъ въ предѣлахъ отъ 322 до 370 снт.

Сравнивая наши данныя съ данными другихъ изслѣдователей, мы видимъ, что % ширины плечъ къ росту у лопарей по Кельсіеву равнялось 22,7%, таранчей 22,9, у монголовъ-торгоутовъ 23,19, буряты-селенгинцевъ 22,25, казанскихъ татаръ 20,32%, крестьянъ Рославльскаго уѣзда 23,39, крестьянъ Владимірской и Ярославской губерній = 21%. Такимъ образомъ, русскихъ лопарей никоимъ образомъ широкоплечими назвать нельзя.

Ширина таза.

Ширина таза опредѣлялась при помощи толстотнаго циркуля, ножки котораго ставились на самыя отдаленныя точки наружныхъ гребешковъ подвздошныхъ костей. Сумма 55 измѣреній = 14502, откуда средняя = 2636, % отношеніе къ росту 17,01 (17), по Кельсіеву 17,6. Maximum ширины таза 29, minimum 24, въ этихъ предѣлахъ цифровой матеріаль распредѣляется такъ:

отъ 240—249 . . . 7	отъ 270—279 . . . 12
„ 250—259 . . . 14	„ 280—289 . . . 10
„ 260—269 . . . 12	„ 290—299 . . . 0

Слѣдовательно, наичаще встрѣчается размѣръ отъ 250—280 мм. Вирховымъ для 4 мужч. и 3 женщ. большой размахъ найденъ также превышающимъ ростъ.

Сравнивая ширину таза лопарей съ другими народностями, мы находимъ слѣдующія среднія: у киргизовъ Букеевской орды Харузина 26,1, кубанскихъ казаковъ 26,2, осетинъ 26,7, буряты-селенгинцевъ 27,5 (% 169), таранчей 28,1 (17%), монголь-торгоутовъ 29,8, бѣлоруссовъ 29,2. Слѣдовательно, по ширинѣ таза, лопари близки къ киргизамъ, кубанскимъ казакамъ, т. е. имѣютъ тазъ средней величины.

Большой размахъ.

Большой размахъ обыкновенно опредѣляется послѣ роста непосредственнымъ измѣреніемъ распростертыхъ рукъ, отъ конца среднихъ пальцевъ одной руки до другой. Измѣрено 51 субъекта, сумма измѣреній 81345, откуда средняя 159,5, % отношеніе къ росту 102,9%. Minimum размѣра 139, maximum 175, разница 36 снт.; слѣдовательно, во всѣхъ случаяхъ большой размахъ у лопарей болѣе половины роста.

Индивидуальные размѣры большого размаха таковы:

отъ 139 . . . 1	отъ 161—165 . . . 12
„ 146—150 . . . 3	„ 166—170 . . . 6
„ 151—155 . . . 8	„ 171—175 . . . 4
„ 156—160 . . . 17	

Слѣдовательно, наичаще встрѣчается большой размахъ въ предѣлахъ между 156—165 снт.

Сравнивая нашу среднюю и ея отношеніе къ росту съ другими народностями, мы найдемъ, что болѣе всего къ лопарямъ по средней размаха подходятъ терскіе казаки 102,92%, таджики 101,8%, крестьяне Владимірской и Ярославской губерній 102,96 и 103,86, затѣмъ сарты 104,2%, малороссы 104,6, осетины 103,4, евреи 103,3, таранчи 105,1.

Длина верхней конечности.

Длина верхней конечности (руки) была получена посредствомъ вычитанія изъ большаго размаха рукъ разстоянія между верхнеплечевыми отростками (т. е. ширины плеча).

Въ виду поправки, согласно указанію Топинара, всѣ абсолютныя величины длины руки увеличены на 3 снт., такъ какъ при большомъ размахѣ головки плечевой кости находятся въ глубинѣ суставной впадины, благодаря чему длина верхней конечности укорачивается. Для 42 человекъ длина верхней конечности оказалась равной въ среднемъ 66,51 снт.; $\%$ отношеніе къ росту=42,9; самая длинная конечность=72,2, самая короткая=61,7, между ними лежатъ остальные величины.

Изъ другихъ народностей длина верхней конечности такова: у орочей 69,3, эскимосовъ 64,4, буряты-селенгинцевъ 70 снт. ($\%$ отношеніе къ росту 42,9), самоѣдовъ 72,7, черемись 73,5, мещеряковъ и киргизы¹ средней орды 75,2, осетинъ 74,9 (44,1 $\%$) и кабардинцевъ 75 снт., лопарей, по Кельсіеву 46,2%, у таранчей Пайселя 70,6, ($\%$ 42,8). Отношеніе длины всей верхней конечности къ нижней найдено для лопарей равнымъ $\frac{66.51.100}{72.7} = 91,4$; у буряты-селенгинцевъ это отношеніе = 91,9 у таранчей 92,7.

Длина плеча.

Длина плеча опредѣлена вычитаніемъ длины предплечья и кисти изъ длины всей конечности. Средняя длина плеча для 42 субъектовъ оказалась равною 25,87 снт., $\%$ отношеніе къ росту 16,6%, у лопарей, по Кельсіеву, 19,9%, у буряты-селенгинцевъ $\%$ длины плеча къ росту 17,8, у таранчей 16,8 (при длинѣ плеча 27,7).

Длина предплечья.

Длина предплечья получена путемъ двойного вычитанія, а именно: изъ большого размаха вычитался размахъ до локтей (и дѣля, конечно, на 2)—получалось предплечье съ кистью руки, а отнявъ кисть—получали длину предплечья. Длина предплечья съ кистью руки въ среднемъ получена = 40,40, по отношенію къ росту 26,0%. Наибольшій размѣръ 43,5, наименьшій 35,5. Самое предплечье безъ кисти въ среднемъ 23,19 снт., наибольшее 24; наименьше по размѣру 20,5; $\%$ отношеніе къ росту 14,9. Изъ другихъ народ-

ностей длину предплечья имѣютъ: кабардинцы 27,9 (°/о 16,6), осетины 27,9, монголы-торгоуты 23,4 (14,3 °/о), черемисы 15,1 °/о, айны 16,1 °/о, киргизы средней орды 14,4 °/о, лопари по Кельсіеву 14,6, мордва-эрзя 15 °/о, таранчи 23,9 (14,4 °/о).

Длина кисти руки.

Длина кисти измѣрялась, согласно указанію проф. Таренецкаго, отъ середины верхней складки ручного сгиба до конца средняго пальца. Измѣрено 64 субъекта, сумма измѣреній 11015, отсюда средняя 17,21, °/о отношеніе къ росту 11,1°/о. Максимальный размѣръ кисти 19,5, наименьшій 15. Колебанія между этими размѣрами таковы:

отъ 150—159 . . .	5	отъ 180—189 . . .	16
„ 160—169 . . .	19	„ 190—199 . . .	3
„ 170—179 . . .	21		

Слѣдовательно, чаще всего встрѣчаются размѣры кисти между 170—189.

У другихъ народностей абсолютные и относительные размѣры кисти таковы: у осетинъ 19,6 (11,5°/о), армянъ 19,9 (11,9°/о), кабардинцевъ 19,4 (11,3°/о), буряты-селенгинцевъ 18,6 (11,4°/о), персовъ 19 (11,2°/о), эскимосовъ 16,5 (10,9), айновъ 17,2 (11,3°/о), черемисъ 18,4 (11,7°/о), лопарей, по Кельсіеву, 11,7°/о, таранчей 18,9 (11,4%). Кромѣ длины кисти руки, нами было произведено въ 18 случаяхъ измѣреніе *ширины кисти*, каковая оказалась въ среднемъ равною 8,7, при maximum'ѣ 9,8 и minimum'ѣ 7,8; °/о отношеніе къ росту=5,6, °/о отношеніе къ длинѣ кисти, принятой за единицу, равняется 5,09°/о.

Длина нижней конечности.

Длина ноги получена вычитаніемъ „роста сидя“ изъ высоты роста вообще. Для 37 человекъ средняя длина нижней конечности оказалась=72,70 (сумма=2689,9), °/о отношеніе къ росту 47. Самая длинная нога равна 85 снт., самая короткая 63,2 снт. Изъ другихъ инородцевъ у таранчей Пайселя длина ноги 76,2 (°/о 46,3), у буряты-селенгинцевъ 76,1 (°/о 46,6).

Длина бедра получена вычитаніемъ изъ всей длины ноги

той ея части, которая лежитъ ниже колѣна. Средняя длина бедра для 37 человѣкъ равна 37,26, % отношеніе къ росту 24,04. Самое длинное бедро=47 снт., самое короткое 33; разница колебанія между ними—14—громадная. У бурятъ средняя длина бедра 34,6 (% 21,2), у таранчей 34,5 (% 20,9).

Голень опредѣлена вычитаніемъ изъ всего роста роста на колѣннхъ. Размѣръ этотъ въ среднемъ для 37 человѣкъ равенъ 35,44, % отношеніе къ росту 22,8. Самая короткая голень равна 26,9, самая длинная 42 снт. У бурятъ средняя длина голени 41,4 (% 25,4), у таранчей 41,4 и % къ росту 25,1.

Длина ступни.

Длина ступни измѣрялась большимъ скользящимъ циркулемъ отъ середины пятки до конца большого пальца. Измѣрена у 63 человѣкъ, сумма 1463,3, отсюда средняя 23,22, % отношеніе къ росту 14,9. Самая длинная ступня равна 26 снт., самая короткая=19, между ними колебанія таковы:

отъ 190—199 . . .	1	отъ 230—239 . . .	21
„ 200—209 . . .	4	„ 240—249 . . .	17
„ 210—219 . . .	7	„ 250—259 . . .	7
„ 220—229 . . .	5	„ 260—269 . . .	1

Такимъ образомъ, наичаще встрѣчаются размѣры ступни между 230—249.

Изъ другихъ народностей близкую къ лопарямъ ступню имѣютъ слѣдующія: мещеряки 14,8 %, тептяри 23,8 снт. (% 14), черемисы 24,5, % отношеніе 15, каракиргизы 23,2, % отношеніе 14, таранчи 23,8 (% 14), по А. Кельсіеву % отношеніе голени къ росту найдено 15,5. Вирховъ для 8 скандинавскихъ лопарей нашель длину ступни въ предѣлахъ отъ 195—245 мм. (средняя 22,6).

Резюмируя все изложенное о размѣрахъ нижней конечности, считаю необходимымъ отмѣтить, что нижнія конечности у лопарей нѣсколько менѣ половины роста (47%), по Кельсіеву же болѣе половины роста, и отношеніе найдено 51,4, но при этомъ для опредѣленія длины нижней конечности имъ примѣнялся другой способъ, именно, бралась высота надъ почвою большого вертела, вѣроятно, различіемъ способовъ опредѣленія длины конечности и объясняется разница въ выводахъ.

Въ зависимости отъ способа производства измѣренія, нѣсколько иныя цифры у Кельсиева получены для отношеній длины бедра (отъ большого вертела) къ росту 25,3 (у насъ 24,04), отношенія голени къ росту 20,6 (у насъ 22,8).

Кромѣ длины ступни, нами измѣрена ея *ширина*, которая у 20 лопарей въ среднемъ оказалась 8,8, при maximum'ѣ 9,6 и minimum'ѣ 8, % отношеніе къ росту 5,7 (у касимовскихъ татаръ 5,9); отношеніе ширины ступни къ длинѣ, принятой за единицу, равняется 38%.

Г о л о в а.

Длину черепа или переднезадній діаметръ мы опредѣляли толстотнымъ циркулемъ отъ надпереносья до выступа затылочной кости, причемъ голова изслѣдуемаго ставилась въ такое положеніе, при которомъ нижніе края глазницы находились на одной линіи съ центромъ слуховыхъ проходовъ (такъ называемая нѣмецкая горизонталь). Измѣрено 65 человекъ, сумма измѣреній 11885, откуда средняя 18,28, % отношеніе къ росту 11,79. Наибольшая длина черепа 19,8, наименьшая 17, колебанія между этими крайними таковы:

отъ 17 —17,4 . . 4	отъ 18,5—18,9 . . 16
„ 17,5—17,9 . . 18	„ 19 —19,4 . . 4
„ 18 —18,4 . . 17	„ 19,5—19,9 . . 6

Слѣдовательно, наибольшее число лопарей имѣетъ длину черепа въ предѣлахъ рядовъ 175—189.

По возрастамъ діаметръ этотъ распредѣляется такъ:

	Число субъект.	Средняя
отъ 15—20 . . .	5	17,7
„ 21—30 . . .	10	18,2
„ 31—40 . . .	12	18,3
„ 41—83 . . .	38	18,27

Слѣдовательно, у лопарей длина черепа увеличивается до наступленія зрѣлости.

Сравнивая этотъ размѣръ съ другими народностями, мы находимъ, что такой же длинотный діаметръ имѣютъ башкиры Вейсенберга (182), вотяки Маліева (18,27), мещерыки Никольскаго (181,2), буряты-селенгинцы Шендрикковскаго (18,1) и башкиры Никольскаго (183,1). Переднезадній діаметръ для скандинавскихъ лопарей найденъ Мантегацца въ предѣлахъ 172—197 (68 м.) и 166—190 мм. (21 ж.); Вир-

ховымъ для 8 лицъ въ предѣлахъ 170,5—180,5. У лопарей Кельсиевымъ наибольшій продольный діаметръ найденъ въ среднемъ равнымъ 1828 съ % отношеніемъ къ росту 11,7%, т. е. получены тѣ же размѣры и отношенія, что и у меня.

Ширина черепа.

Ширина черепа или наибольшій поперечный (онъ же широтный) діаметръ измѣрялся толстотнымъ циркулемъ, причемъ ставились его ножки на наиболѣе выдающіяся точки между слуховымъ проходомъ и темяннымъ бугромъ. Сумма 65 измѣреній 9572, откуда средняя 1472, % отношеніе къ росту 9,5%. Наибольшая ширина черепа была равною 16,9 (при головномъ указателѣ 96,57), наименьшая 13 сент. (съ головнымъ указателемъ 69,89). Колебанія между этими предѣлами таковы:

Число субъект.		Число субъект.	
отъ 13—134	4	отъ 151—155	9
„ 135—140	18	„ 156—160	11
„ 141—145	8	„ 161—165	2
„ 146—150	11	„ 166—170	2

Слѣдовательно, наибольшее число наблюденій приходится на группы между 135—150 снт. (57%), затѣмъ на группы отъ 151—160 (20 %).

Если до 150 мм. считать поперечный діаметръ за малый свыше 150—157 за средній и болѣе 157 мм. за большій, то мы найдемъ, что лопари имѣютъ (63 %) малый поперечный діаметръ.

По возрастамъ ширина черепа найдена таковой:

	Число субъект.	Средняя
отъ 15—20	5	14,56
„ 21—30	10	14,6
„ 31—40	12	15.
„ 41—83	38	14,76

Слѣдовательно, наибольшій поперечный діаметръ до 40 лѣтъ увеличивается, а затѣмъ уменьшается до глубокой старости.

По сравненію съ другими народностями по ширинѣ черепа близки къ лопарямъ вогулы и пермяки (148,4), вотяки (149,4), корелы (150), башкиры Никольскаго (150,4) и самоѣды (152,1). Кельсиевымъ широтный діаметръ у ло-

парей найденъ въ среднемъ равнымъ 153,6 и % отношеніе къ росту 9,9 %. Для скандинавскихъ лопарей ширина черепа Мантегацца найдена въ предѣлахъ 148—175 мм. (68 м.) и 147—165 (21 ж.); Вирховымъ для 8 лицъ въ предѣлахъ 149—158,5.

Переходя къ *головному указателю*, мы должны отмѣтить весьма важную его роль при опредѣленіи антропологическихъ признаковъ извѣстнаго племени или расы. Головной указатель, какъ извѣстно, составляетъ отношеніе наибольшей ширины черепа къ наибольшей его длинѣ.

Формула $\frac{\text{наибольш. ширина черепа} \times 100}{\text{наибольшую длину черепа}}$ — введена въ антропологию А. Ретціусомъ въ 1840 г.

По средней ширинѣ (14,7) и длинѣ (18,2) черепа лопарей головной указатель ихъ равенъ 80,52—это такъ называемый указатель среднихъ. Кромѣ этого указателя, большинство изслѣдователей опредѣляетъ средній изъ указателей, получаемый изъ суммы индивидуальныхъ указателей, дѣленной на общее число наблюдений. Вычисленный по этому способу головной указатель лопарей равенъ 80,62. Наименьшій головной указатель равнялся 68 при ростѣ у 16-лѣтняго 143 снт., наивысшій головной указатель 96,57 при ростѣ 158,3 снт.

Распредѣляя головной указатель по группамъ, мы получимъ:

Число лицъ		Число лицъ	
отъ 68 —72	1	отъ 82,1—83	8
„ 72,1—74,1	5	„ 83,1—84	4
„ 74,2—75	6	„ 84,1—85	3
„ 75,1—76	2	„ 85,1—86	4
„ 76,1—77	3	„ 86,1—87	—
„ 77,1—78	7	„ 87,1—88	—
„ 78,1—79	6	„ 88,1—89	3
„ 79,1—80	3	„ 89,1—90	—
„ 80,1—81	2	„ 90,1—91	2
„ 81,1—82	2	„ 91,1—92	1
		„ 92,1—96	3

Такимъ образомъ, головной указатель у лопарей колеблется въ широкихъ предѣлахъ между 68—72 и 96,5.

Считая лицъ съ головнымъ указателемъ, согласно системѣ Брока, менѣе 75 доликоцефалами, отъ 75,01—77,7 субдолихоцефалами, отъ 77,78—80 мезоцефалами, отъ 80,01—

83,33 суббрахицефалами и болѣе 83,33 брахицефалами, мы найдемъ слѣдующее:

	Число лицъ	%
Долихоцефалы (менѣе 75)	12	18,3
Субдолихоцефалы (75,01—7777)	6	9,2
Мезоцефалы (7778—80)	15	23%
Суббрахицефалы	12	18,3
Брахицефалы	20	30,7

Слѣдовательно, у лопарей преобладающій типъ брахицефалы и суббрахицефалы.

Распредѣляя головные указатели на принятыя проф. А. Н. Таренецкимъ группы, мы получимъ слѣдующее.

	Число лицъ	%
Гипердолихоцефалическій (65,0—69)	1	1,5
Долихоцефалическій (70—74,9)	10	15,3
Мезоцефалическій (75—79,9)	22	33,8
Брахицефалическій (80,0—84,9)	19	29,2
Гипербрахицефалическій (85—89,9)	7	10,7
Ультробрахицефалическій (90—99,9)	6	9,2

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что у лопарей чаще всего встрѣчаются мезоцефалическія и брахицефалическія головы (63%).

Вычисленныя нами среднія отношенія головного указателя по возрастамъ таковы:

Возрастъ	16—20,	21—30,	31—40,	41—50,	51—60,	61 и свѣше
Число лицъ	5	9	12	18	7	14
Среднія	84,11	80,90	81,45	79,9	79,8	80,33

Такимъ образомъ, головной указатель, равный въ 16—20-лѣтнемъ возрастѣ 84,1, до 30 лѣтъ уменьшается, а затѣмъ нѣсколько увеличивается и постепенно падаетъ.

Сравнивая лопарей по головному указателю съ другими народностями, мы находимъ, что близко къ лопарямъ подходят корелы (81,5), вотяки (81,7), мещеряки (81,8) и пермяки (82,3). Исслѣдователемъ лопарей, А. Кельсиевымъ головной указатель у лопарей найденъ равнымъ 83,5 (изъ 22 наблюденій), у доктора А. Елисева отъ 83—88. Для скандинавскихъ лопарей головной указатель найденъ Вирховымъ 87 (86,9) (5 м.), для 3-хъ женщинъ 88,2, а для всѣхъ вмѣстѣ въ среднемъ 86,1; Р. Бонапартомъ—для мужчинъ 87,63, для женщинъ 86,17; Мантегацца для 64 мужчинъ 87,64 и для 27 женщинъ 87,15, предѣлы колебанія указателя между 82,19—94,92.

Величина головы, или разстояніе отъ макушки до подбородочной точки, получена вычитаніемъ изъ роста вообще высоты подбородочной точки надъ поломъ. Высота надъ поломъ нижняго края подбородка измѣрена у 20 лицъ; сумма=2667, откуда средняя найдена равною 133, % къ росту 85,5% съ maximum 140 и minimum 127. У другихъ инородцевъ этотъ размѣръ таковъ: у монголовъ торгоутовъ— 140,5, киргизъ букеевской орды 139,2, казанскихъ татаръ 141,4. Вычитая этотъ размѣръ изъ высоты роста, мы получимъ среднюю величину головы лопаря, равняющуюся 21,6 мм. съ maximum 27,9, minimum 14,9; % отношеніе къ росту 14,0%. Принимая подраздѣленіе абсолютныхъ размѣровъ головы по А. Харузину: малая величина до 195 мм., средняя 197—220 мм. и большая отъ 221 мм. и выше, мы должны отнести лопарей къ народностямъ, имѣющимъ величину головы среднихъ размѣровъ. Изъ другихъ народностей средняя величина головы такова: мордвы-эрзи (22,34) эскимосовъ 22,3, башкиръ 23,2, самоѣдовъ 23,5, черемисъ 23,3, а по отношенію къ росту: у мещеряковъ Никольскаго 14,7%, самоѣдовъ Архангельской губерніи 14,9, лопарей по Кельсіеву 14,05, у скандинавскихъ лопарей по Р. Бонапарту % 14,23 и у женщинъ 14,53 (110 случаевъ). У всѣхъ другихъ народностей будутъ меньшія отношенія, отъ 11,4 у туркменъ, до 13,4—у монголовъ-торгоутовъ.

Высота черепа, или разстояніе между макушкой и центромъ наружнаго слухового прохода, опредѣлялась вычитаніемъ изъ высоты роста высоты слухового отверстія надъ поломъ. Въ среднемъ высота надъ поломъ наружнаго слухового отверстія у 23 лицъ найдена равною 140,54 мм. при maximum'ѣ 1480 мм. и minimum'ѣ 128 мм. % 90,8. Вычитая этотъ размѣръ изъ высоты роста, мы получимъ въ среднемъ высоту черепа у лопарей, равняющуюся 14,4, % отношеніе къ росту 9,2%. Размѣръ этотъ у другихъ народностей таковъ: у кабардинцевъ 13,5, таранчей 13, бурятъ-аларцевъ 13, торгоутовъ 13,2, киргизовъ 13,8.

Опредѣляя указатель высоты, характеризующій черепъ съ боковыхъ, передней и задней поверхности, получаемой изъ отношеній высоты къ длинѣ черепа, по формулѣ $X = \frac{100 b}{D}$,

мы получили его равнымъ 7877, т. е. черепъ у лопарей гиперцефалической.

Окружность головы.

Горизонтальная окружность головы измѣрялась стальной измѣрительной лентой, которая спереди лежала на надпереноси и сзади на выдающейся точкѣ затылочной кости (protuberant. occipital. externa). Произведено 58 измѣреній, сумма которыхъ 31417, отсюда средняя 54,1, maximum 57,5, minimum 51; % отношеніе къ росту 84,9.

По группамъ этотъ размѣръ распредѣлялся такъ:

Число лицъ		Число лицъ	
отъ 510 — 519	3	отъ 550 — 559	14
„ 520 — 529	8	„ 560 — 569	4
„ 530 — 539	14	„ 570 — 579	3
„ 540 — 549	11	„ 580 — 589	1

Слѣдовательно, наибольшее число лопарей (60%) имѣетъ горизонтальную окружность въ предѣлахъ 530—559.

Привожу горизонтальную окружность головы у другихъ ивородцевъ близкую къ лопарямъ: у мещеряковъ 54,8, таранчей 54,3, черемисовъ 55,1, вотяковъ Маліева 55,4 самоѣдовъ и корель 55,8, у лопарей по Кельсіеву найдена равной 54,9 снт. и у скандинавскихъ лопарей по Мантегацца въ предѣлахъ между 520—580 мм. (89 лицъ).

По возрастамъ горизонтальная окружность измѣняется такъ:

Возрастъ.	16—20	21—30	31—40	41—82
Число лицъ	5	10	9	34
Средняя	53,4	54,4	54,42	57,31

Слѣдовательно, горизонтальная окружность до глубокой старости увеличивается. Если распредѣлить размѣры горизонтальной окружности на малые (до 500 мм.), средніе (501—525) и большіе (526 и выше), то мы находимъ, что лопари имѣютъ горизонтальную окружность большихъ размѣровъ.

Поперечная окружность черепа. При этомъ размѣрѣ стальная измѣрительная лента шла отъ середины козелка одного уха черезъ верхушку темени до середины козелка другого уха. Всѣхъ измѣреній сдѣлано 58, сумма ихъ 18809, отсюда средняя 32,42, maximum 35,5, minimum 28,3; % отношеніе

къ росту 29. Величины поперечной окружности распредѣлялись такъ:

отъ 283—291 9	отъ 322—331 3
„ 292—301 6	„ 332—341 23
„ 302—311 4	„ 342—351 3
„ 312—321 5	„ 352—361 5

Слѣдовательно, наибольшее число лицъ имѣеть размѣръ отъ 332—341 (40%), каковой рядъ будетъ среднимъ. У другихъ народностей средній размѣръ поперечной окружности близокъ къ лопарямъ у слѣдующихъ: черемисъ 80,3, вотяковъ 33,6, крымскихъ татаръ 33,3, у лопарей по Кельсѣу равно 33,7.

Отношеніе поперечной окружности къ горизонтальной нами найдено 59,9 (вѣрнѣе 60%); у другихъ ивородцевъ это отношеніе таково: у вотяковъ 60,6, вогуль 58, пермяковъ 63, башкиръ Маліева 60,4. Въ итогѣ поперечная окружность у лопарей малыхъ размѣровъ.

Затылочно-лобная дуга или вертикальная окружность измѣрялась стальной тесьмой отъ корня носа по стрѣловидному шву до выдающейся точки затылка. Произведено 58 измѣреній, сумма которыхъ 17979, отсюда средняя 31, maximum 34 сан., minimum 27; отношеніе къ росту 20,01%.

Индивидуальныя величины вертикальной окружности располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Число лицъ	Число лицъ
отъ 275—289 2	отъ 315—329 28
„ 290—314 25	„ 330—344 3

Слѣдовательно, размѣры вертикальной окружности колеблются между 290—329, наибольшее же число приходится на размѣры между 315—329.

Изъ другихъ народностей близкіе размѣры къ лопарямъ имѣють слѣдующія: киргизы букеевской орды 30,7, таранчи 30,6, мешчеряки 33,1, самоѣды 32 снт., вотяки 33; въ общемъ у лопарей затылочно-лобная дуга малыхъ размѣровъ. Отношеніе вертикальной окружности къ горизонтальной 57,3%, изъ другихъ народностей близкое къ лопарямъ отношеніе у слѣдующихъ: самоѣдовъ 57, торгоутовъ 57,2, вогуловъ 58,5, пермяковъ 59, башкиръ 58,8.

Наименьшій лобный діаметръ опредѣлялся толстотнымъ циркулемъ, ножки котораго ставились къ началу полу-

кружныхъ линій у глазницъ. Нами произведено только 18 измѣреній, сумма ихъ 202,1, средняя 11,2, maximum 12,2, minimum 10,9, отношение къ росту 7,2. Сравнивая съ другими народностями, мы находимъ близкимъ къ лопарямъ этотъ размѣръ у слѣдующихъ: мещеряковъ 10,9 по Зографу, а по Никольскому 11,1, осетинъ 11, касимовскихъ татаръ 11,1, таранчей 10,5 (% 6,3), башкиръ 11,2, лопарей Кельсиева 10,7, и скандинавскихъ лопарей (4) Вирхова 110,6. Если согласно схемѣ А. Харузина считать наименьшій лобный диаметръ малымъ, когда онъ равенъ 10,7 и менѣе, среднимъ, если онъ отъ 10,7—11,6 и большимъ, если онъ отъ 11,6 и болѣе, то я нахожу, что лопари имѣютъ наименьшій лобный диаметръ среднихъ размѣровъ.

Что касается лобнаго указателя, т. е. отношенія наименьшаго лобнаго диаметра къ ширинѣ черепа, то онъ нами найденъ равнымъ 73,1 $\frac{(11,2 \times 100)}{159,2}$. У другихъ народностей близко къ лопарямъ это отношеніе у слѣдующихъ: у мещеряковъ 70, кульджинскихъ калмыковъ 74,2, башкиръ 75, торговъ 73,6.

Въ общемъ лобный указатель лопарей держится среднихъ величинъ.

Л и ц о .

При измѣреніи лица, въ виду разнообразія способовъ измѣреній, мы пользовались двумя способами, а именно измѣряли полную длину лица и наибольшую длину лица. Всѣ измѣренія производились съ помощью скользящаго циркуля.

Полная длина лица, или собственно лицо, отъ корня носа до подбородочной точки, измѣрена нами у 52 лицъ, сумма 5670, отсюда средняя 10,9, maximum 12,4, minimum 9,5, отношение къ росту 7%.

Индивидуальные размѣры варьируютъ такъ:

отъ 9,5 — 10,2 7	отъ 112 — 117 11
отъ 10,3 — 10,7 14	отъ 118 — 122 4
отъ 10,8 — 11,2 14	отъ 123 — 124 2

Такимъ образомъ, наибольшее число лицъ имѣетъ длину лица въ предѣлахъ 10,8—11,7.

Кельсіевымъ для лопарей средняя длина лица найдена также равною 10,9. Полная длина лица у слѣдующихъ инородцевъ такова: у вотяковъ 10,9, у мещеряковъ 11,7, башкиръ Никольскаго 11,6, вотяковъ Маліева 11,6, черемисъ 11,9, осетинъ 11,4, самоѣдовъ 12 и пермяковъ 11,2. Въ общемъ у лопарей полная длина лица малыхъ размѣровъ.

Что касается *наибольшей длины лица* — лицевой линіи, т. е. разстоянія отъ начала роста волосъ до нижняго края подбородка, то таковая мною была измѣрена лишь въ 12 случаяхъ, сумма ихъ = 216,5, средняя 18,04, maximum размѣра 19,8, minimum 16,5. Отношеніе къ росту 11,6 (у Кельсіева 11,7%, а абсолютный размѣръ 18,1). Изъ другихъ народностей наибольшая длина лица такова: у буряты-селенгинцевъ 18,4, тавастовъ 18, киргизъ букеевской орды 18,3, таранчей 18,5 (% 11,2), башкиръ Никольскаго 17,9, осетинъ 18,8, и скандинавскихъ лопарей по Мантегацца въ предѣлахъ между 148—185 (87 изм.).

Если наибольшую длину лица до 17 принять за малую, отъ 171 до 185—за среднюю и выше 186 мм.—за большую, то мы должны признать, что лопари имѣютъ средній размѣръ наибольшей длины лица.

Наибольшая ширина лица измѣрялась скользящимъ циркулемъ между отдаленными точками скуловыхъ дугъ. Произведено 40 измѣреній, сумма которыхъ 5593, средняя 13,98, maximum размѣра 15, minimum 12,8; отношеніе къ росту 9,3%.

Распредѣляя наибольшую ширину лица въ ряды, съ разницею 0,5, получимъ:

предѣлы	число измѣренныхъ	%
128—132	6	15
133—137	6	15
138—142	16	40
143—147	8	20
148—150	4	10

Слѣдовательно, на срединный рядъ 138—142 приходится 40% общаго числа измѣренныхъ. Сравнивая наибольшую ширину лица лопарей съ другими народностями, я нахожу что наиболѣе близкими къ лопарямъ будутъ: вотяки (Маліева) 13,18, черемисы Никольскаго 133 и 136, башкиры (егоже) 14,1, касимовскіе татары 14,12, осетины 14,4, таранчи 14,3,

кабардинцы 14,2 и скандинавскіе лопари Мантегацца (87 изм.) 120—168 мм.

Переходя къ *лицевому указателю*, я долженъ отмѣтить, что въ антропологін способовъ опредѣленія лицевого указателя нѣсколько. Одни изслѣдователи опредѣляютъ лицевой указатель изъ отношеній полной длины лица (отъ корня носа до подбородка) къ наибольшей ширинѣ лица на скуловыхъ дугахъ; другіе—отношеніе наибольшей длины лица къ наибольшей ширинѣ лица.

По первому способу полученный указатель у лопарей равенъ 80,5, слѣдовательно, согласно указанію проф. А. И Таренецаго, лицо лопарей, какъ имѣющее указатель ниже 89,9, слѣдуетъ отнести къ хамэпрозопическимъ. По второму способу для 12 лопарей указатель нами найденъ равнымъ 129%, такой же указатель (129,3) у таранчей, у буряты 126,4.

Посравненію съ другими народностями къ лопарямъ близко стоятъ по лицевому указателю лезгины, имѣющіе средній лицевой указатель=78,4, буряты-селенгинцы 81,9, осетины 82,7, удины 79,6. Для скандинавскихъ лопарей по Мантегацца лицевой указатель полученъ 81,90 (56 м.) и 82,34 (23 ж.), по Р. Бонапарту 80,32 м. и 80,04 ж. (198 изм.) Если принять лицевой указатель до 70,0 за признакъ лептопрозопін, т. е. средняго лица и—отъ 80,01 и выше за признакъ хамэпрозопін, т. е. широкаго лица, то лопари по лицевому указателю являются среднелицами.

Скуловой діаметръ.

Скуловой діаметръ, или разстояніе между скулами, измѣрялся при помощи толстотнаго циркуля между нижнепередними углами скуловыхъ костей обѣихъ сторонъ лица. Произведено 65 измѣреній, сумма 8065, средняя 12,40 (у Кельсіева 12,9), % къ росту 8% (у Кельсіева 8,5%).

Средняя скулового діаметра лопарей одинакова съ оренбургскими башкирами Никольскаго 12,4, китайцами Кульджи, бахчисарайскими татарами, узбеками, имѣющими скулово-діаметръ 12,3, самоѣдами 12,4.

Maximum скулового діаметра 14, minimum 10 снт.; индивидуальныя величины располагаются слѣдующимъ образомъ:

Число лицъ		Число лицъ	
отъ 10—109 снт.	7	Отъ 130—139	24
„ 110—119 „	11	„ 140—149	3
„ 120—129 „	20	„	„

Слѣдовательно, наибольшее число лицъ (67%) имѣеть скуловой діаметръ въ предѣлахъ отъ 120—139 мм. Что касается отношенія скулового діаметра къ наибольшей длинѣ лица (это отношеніе А. Ивановскій считаетъ лицевымъ указателемъ), то оно для лопарей равно 7,3 (у Кельсіева 7,1 %). У другихъ народностей это отношеніе—у монголовъ-торгоутовъ—7,2, эстовъ 7,3, донскихъ калмыковъ 7,4.

Въ общемъ, согласно подраздѣленію величины скулового діаметра по А. Харузину, діаметръ этотъ у лопарей относится къ среднимъ размѣрамъ (отъ 12,0—130 мм.).

Въ виду того, что скуловой діаметръ вслѣдствіе трудности и непостоянства показаній не всѣми изслѣдователями измѣряется, и большинство его оставили, замѣняя верхней шириной лица, я также въ нѣсколькихъ случаяхъ измѣрилъ верхнюю ширину лица.

Верхняя ширина лица измѣрялась между наружными краями боковъ орбитъ толстотнымъ циркулемъ; сумма 10 измѣреній 118,5, средняя 11,8, maximum 12,5, minimum 11; изъ другихъ инородцевъ размѣръ этотъ близокъ къ лопарямъ: у мордвы 11,8, мещеряковъ 11,7, башкиръ 11,3, самоѣдовъ 10,7, у таранчей 11,9.

Нижняя ширина лица или разстояніе между углами нижней челюсти измѣрялось толстотнымъ циркулемъ у 59 лицъ, сумма измѣреній 6391, откуда средняя равна 10,83 (у Кельсіева 10,47), maximum 12,5, minimum 9,6. Измѣренія распредѣлялись такъ:

отъ 9,6—100	8	отъ 111—115	9
101—105	10	116—120	7
106—110	22	121—125	3

Слѣдовательно, большинство изслѣдованныхъ имѣеть нижнюю ширину лица отъ 10,1—11.

Изъ другихъ народностей нижнюю ширину лица имѣють слѣдующія: самоѣды 10,8, мордва 10,69, вотяки 10,69, пермяки 10,9, касимовскіе татары 10,92, таранчи 11,1, кабардинцы 10,8, осетины 11. Отношеніе нижней ширины лица къ наибольшей ширинѣ лица 77,4, и у таранчей 77,5.

Длина горизонтальной вѣтви нижней челюсти измѣрялась толстымъ циркулемъ отъ угла челюсти до подбородочной точки. Измѣрено 50 лицъ, сумма измѣреній 47,48, средняя 9,49, maximum 10,7, minimum 8; % отношеніе къ росту 6,1%.

Измѣренія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

отъ 8 — 89	7
„ 9,0— 9,9	25
„ 10 —109	18

Слѣдовательно, половина изслѣдованныхъ имѣетъ длину горизонтальной вѣтви нижней челюсти между 9,0—9,9.

При сравненіи даннаго размѣра съ другими народностями мы находимъ: у самоѣдовъ 9,5, мордвы 9,4, китайцевъ Кульджи 9,3, таранчей 9,4 (%=5,7), буряты-селенгинцевъ 9,6, киргизъ Букеевской орды 9,9. Въ общемъ размѣръ этотъ у лопарей слѣдуетъ считать за малый. Вирховъ при изслѣдованіи скандинавскихъ лопарей отмѣчаетъ слабое развитіе челюстныхъ костей, особенно нижней челюсти и ея дуги.

Длина лба.

Длина лба, или иначе верхняя треть лицевой линіи, опредѣлялась скользящимъ малымъ циркулемъ отъ начала роста волосъ до корня носа. Измѣрено 65 лицъ, сумма измѣреній 4392, отсюда средняя 6,75, maximum 8,8, minimum 5, % отношеніе къ росту 4,3.

Индивидуальныя величины длины лба распредѣлялись такъ:

Число лицъ		Число лицъ	
отъ 50—54	4	отъ 70—74	16
„ 55—59	7	„ 75—79	5
„ 60—64	12	„ 80—84	5
„ 65—69	12	„ 85—89	4

Такимъ образомъ, длину лба отъ 60—74 имѣетъ 60% общаго числа измѣренныхъ лицъ, слѣдовательно, ряды отъ 60—74 служатъ „среднимъ предѣломъ“.

Изъ другихъ народностей длина лба: у корель 6,8, самоѣдовъ 7,1, каракиргизъ 6,8, башкиръ Никольскаго 6,3, мешеряковъ 6,6.

Носъ.

Носъ, или иначе средняя треть лицевой линіи, измѣрялась малымъ скользящимъ циркулемъ отъ корня носа до под-носовой точки. Средняя длина носа у 65 лопарей равна 5,2, колеблясь между maximum 6 и minimum 4, % отношеніе къ росту 3,37.

Цифры длины носа распредѣляются въ слѣдующихъ предѣлахъ:

Число лицъ		Число лицъ	
отъ 40—44	5	отъ 55—59	18
„ 45—49	10	„ 60—64	7
„ 50—54	25		

Наибольшее число лицъ имѣетъ длину носа отъ 50—59 мм. Изъ другихъ народностей по длинѣ носа близко къ лопарямъ стоятъ: башкиры Никольскаго—5,3, мещеряки 5,2, казанскіе татары 5,19, осетины 5,4, кабардинцы 5,5, таранчи 5,6, скандинавскіе лопари по Вирхову (7 изм.) 41,5—50 мм.

Нижняя ширина носа измѣрялась малымъ скользящимъ циркулемъ между крыльями носа. Измѣрено 65 человекъ, сумма измѣреній 237,4, средняя 3,65, % отношеніе къ росту 2,35. Maximum нижней ширины носа 5,8, minimum 3.

По разрядамъ, распредѣленіе размѣровъ таково:

Число лицъ.		Число лицъ.	
отъ 30—34	12	отъ 45—49	4
„ 35—39	34	„ 50—54	1
„ 40—44	13	„ 55—59	1

Слѣдовательно, самая частая нижняя ширина носа въ предѣлахъ 35—44.

Изъ другихъ инородцевъ по нижней ширинѣ носа близки къ лопарямъ: осетины 3,6, башкиры Назарова 3,7, туркмены Яворскаго 3,6, буряты-селегинцы Шендриковскаго 3,6, таранчи Пайселя 3,7 (%=22) и скандинавскіе лопари Вирхова 3,5 м.

Носовой указатель получается вычисленіемъ отношенія ширины носа (нижней) къ его длинѣ, формула его $\frac{\text{ширина носа} \times 100}{\text{длина носа}}$. Брока, Топинаръ и Деникеръ считаютъ

носовой указатель однимъ изъ лучшихъ отличительныхъ признаковъ для распознаванія человѣческихъ расъ. Для 65 лопарей средній носовой указатель равенъ 71,6, съ maximum 88,5 и minimum 51,7. Располагая индивидуальныя величины носового указателя въ ряды мы получимъ:

Размѣры.	Число лицъ.	% отношеніе.
отъ 51,7 — 60	. . . 3	4,6
„ 60,01— 70	. . . 26	40
„ 70,01— 80	. . . 22	33,8
„ 80,01— 88,5	. . . 14	21,5

Слѣдовательно, въ предѣлахъ отъ 60—80 мм. наиболѣе часто встрѣчаются размѣры носового указателя.

Изъ другихъ народностей средній носовой указатель близкій къ лопарямъ, имѣютъ волжскіе калмыки 70,5 (Деникеръ), кавказскіе калмыки по Шантру—75,3 донскіе калмыки 73,9, казанскіе татары 67,8, башкиры Никольскаго 63,8, а башкиры по Назарову 73,5. Р. Бонапартомъ при 121 измѣреніи средній носовой указатель для скандинавскихъ лопарей найденъ 74,59 у мужч. и 73,64 у женщинъ. Если принять величину носового указателя до 70 за показатель узкаго носа (лепторинія), отъ 70,01—85—за показатель средняго носа (мезоринія) и свыше 85,01—за показатель широкаго носа (платиринія), то на основаніи этого дѣленія мы получимъ среди лопарей:

	%
Лепториновъ	29 44,6
Мезориновъ	30 46,1
Платириновъ	6 9,3

Верхняя ширина носа, или разстояніе между внутренними углами глаза, измѣрялось скользящимъ циркулемъ, ножки котораго касались внутреннихъ угловъ глаза; глаза были открыты.

Измѣрено 65 лопарей, сумма 2032, средняя 3,12, maximum 4, minimum 2, % отношеніе къ росту 2,01, % отношеніе къ наибольшей ширинѣ головы 21,2 (у Кельсіева 22,9%). Колѣбанія этого размѣра таковы:

Число лицъ.		Число лицъ.	
отъ 20—24	10	отъ 35—39	17
„ 25—29	13	„ 40—44	5
„ 30—34	20		

Слѣдовательно, наибаче встрѣчается размѣръ верхней ширины носа между 25—39.

Изъ другихъ инородцевъ размѣръ этотъ близокъ къ лопарямъ: у башкиръ Маліева 3,0, башкиръ Никольскаго 3,3, кабардинцевъ Вышгорода 3, пермяковъ Маліева 3,8, монголовъ торгоутовъ Иваловскаго 3,2, лопарей Кельсіева 3,5, кореловъ 3,3, мордвы 3,2 и мещеряковъ 3,4, скандинавскихъ лопарей Вирхова (8 измѣр.) 3,19 м. Считая разстояніе между внутренними углами глаза малыхъ размѣровъ отъ 3,1 и менѣе, среднихъ 3,1—3,4 и большихъ 3,4 и болѣе, я получу, что 35% лопарей имѣютъ верхнюю ширину носа малыхъ размѣровъ и 65% среднихъ размѣровъ. А. Кельсіевъ обращаетъ вниманіе на значительную величину межглазничнаго пространства у лопарей, превосходящую таковую у другихъ инородцевъ: межглазничное пространство Кельсіевымъ найдено равнымъ 3,51, maximum 4,4.

Уши.

Уши были измѣрены у 64 человекъ скользящимъ циркулемъ; длина праваго уха, отъ верхняго его полюса до нижняго края мочки у 64 человекъ 405,9, откуда средняя 6,34, % отношеніе къ росту 4,09; maximum длины уха 7,8, minimum 5,4.

Распредѣляя размѣры длины уха по группамъ, получимъ:

Число лицъ.		Число лицъ.	
отъ 54—59	12	отъ 70—74	2
60—64	22	75—79	2
65—69	26		

Слѣдовательно, наибаче встрѣчаются уши длиною отъ 60—69 снт. Изъ другихъ народностей длина праваго уха у осетинъ 6,4 mm., кабардинцевъ 6,3, казанскихъ татаръ 6,36, таранчей 6,5, буряты-селенгинцевъ 6,33, башкиръ 6,33 и мещеряковъ 6,4.

Ширина уха измѣрялась скользящимъ циркулемъ у 55 лицъ, сумма измѣреній 175,4, средняя 3,18, % отношеніе къ росту 2, при maximum'ѣ 4,5 и minimum'ѣ 2,4 снт.

Размѣры ширины уха по группамъ таковы:

Число лицъ.		Число лицъ.	
отъ 24—29	11	отъ 40—44	1
„ 30—34	34	„ 45—49	1
„ 35—39	8		

Слѣдовательно, 76% всѣхъ измѣренныхъ лопарей имѣютъ ширину уха отъ 30—39 снт.

Модуль уха $\frac{6,34 + 318}{2} = 476$ немного болѣе, чѣмъ у великоруссовъ-рязанцевъ Воробьева (4,71), у казанскихъ татаръ 4,81, у калмыковъ по Воробьеву 5,32, буряты-аларцевъ Цоротова 5,21.

Для полноты антропологическаго матеріала, кромѣ приведенныхъ измѣреній, я привожу измѣренія *ушныхъ хордъ* или лучей, а также нѣкоторые размѣры лица. Ушные хорды измѣрялись толстотнымъ циркулемъ:

1) отъ *наружнаго слухового прохода* (середина основанія траги) до *передненижняго конца верхней челюсти* (соответственно внутреннимъ рѣзцамъ).

Произведено 38 измѣреній, сумма ихъ 441,4, средняя 11,6 максимум 13, минимум 10,6. По группамъ измѣренія распределяются такъ:

отъ 106—110 . . . 5	отъ 121—125 . . . 2
„ 111—115 . . . 15	„ 126—130 . . . 3
„ 116—120 . . . 13	

Слѣдовательно, самый частый размѣръ встрѣчается 111—120. Этотъ размѣръ у осетинъ=12,3, кабардинцевъ 11,6, удинъ 11,6, у таранчей 11,8, скандинавскихъ лопарей Вирхова (8 изм.) 11,4.

2) *Разстояніе между подбородкомъ и центромъ слухового прохода* измѣрено у 38 лицъ, сумма 501,9, средняя 13,2, максимум 14,6, минимум 12. Колебанія таковы:

отъ 120—124 . . . 2	отъ 135—139 . . . 7
„ 125—129 . . . 9	„ 140—144 . . . 4
„ 130—134 . . . 15	„ 145—146 . . . 1

Такимъ образомъ, размѣръ этотъ чаще всего наблюдается въ предѣлахъ 130—139. Этотъ размѣръ у осетинъ 14,1, кабардинцевъ 13, удинъ 12,9 и у таранчей 13,6, скандинавскихъ лопарей Вирхова 12,6.

Разстояніе между наружными углами глаза измѣрялось скользящимъ циркулемъ, измѣрено 21, сумма измѣреній 2028, средняя 9,6, при максимумѣ 10,6 и минимумѣ 8,5, % отношеніе къ росту 6,2. Колебанія размѣра таковы:

отъ 85—89 . . . 2	отъ 100—104 . . . 8
„ 90—94 . . . 4	„ 105—109 . . . 2
„ 95—99 . . . 5	

Слѣдовательно, срединнымъ рядомъ будетъ рядъ между 9,5—10,4; размѣръ этотъ у скандинавскихъ лопарей Вирхова (8 изм.) 9,08.

Если изъ длины этого діаметра вычестъ межглазничное пространство, (верхнюю ширину носа) и остатокъ раздѣлить на два, то въ результатѣ получится размѣръ длины глазной щели, каковая будетъ равна 3,2. А Кельсіевымъ глазная щель была найдена равною 2,6, у бурятъ-селенгинцевъ глазная щель 2,65, у казанскихъ татаръ 2,8.

На основаніи произведенныхъ антропометрическихъ измѣреній я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Русскіе лопари въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣютъ малый или низкій ростъ (80%) и ниже средняго—20%.

2) Окружность груди у русскихъ лопарей превышаетъ половину роста, причемъ грудная клѣтка хорошо развита.

3) Животъ небольшой, съ слабо развитой подкожной жировой клѣтчаткою.

4) Туловище абсолютно средней длины, относительно же роста довольно длинное.

5) Плечи не широки.

6) Большой размахъ у русскихъ лопарей великъ, во всѣхъ случаяхъ превышаетъ половину роста, отсюда руки довольно длинныя.

7) Нижнія конечности коротки, стопа небольшая.

8) По размѣрамъ продольнаго діаметра головы русскіе лопари относятся къ имѣющимъ средній продольный діаметръ (18,2) и широтный діаметръ малый (14,7). По головному указателю русскіе лопари относятся къ брахицефаламъ и суббрахицефаламъ (49%), мезоцефаламъ—23% и остальные къ долихо- и субдолихоцефаламъ.

9) Горизонтальная окружность головы у русскихъ лопарей довольно большихъ размѣровъ, поперечная и вертикальная малыя размѣровъ.

10) Полная длина лица у русскихъ лопарей малыхъ размѣровъ (10,9), наибольшая длина лица среднихъ размѣровъ; поперечныя размѣры лица, какъ-то: верхняя ширина лица (11,8), межглазничный діаметръ (3,1), скуловой (12,4) и наибольшая ширина лица (13,9) относятся къ среднимъ раз-

мѣрамъ. По лицевому указателю (80,5) русскіе лопари являются среднелицами (хамэпрозопами).

11) Лобъ у русскихъ лопарей, наименьшій лобный діаметръ и лобный указатель среднихъ размѣровъ.

12) Носъ у русскихъ лопарей среднихъ размѣровъ, по носовому указателю русскіе лопари относятся къ лепторинамъ и мезоринамъ.

13) Уши у русскихъ лопарей не велики.

14) Разстояніе между внутренними углами глазъ въ 65% среднихъ и въ 35% малыхъ размѣровъ.

Въ заключеніе считаю своею обязанностью выразить мою искреннюю благодарность священнику Понойскаго прихода Александровскаго (б. Кольскаго) уѣзда о. Н. Н. Шмакову за содѣйствіе, оказанное имъ при собираніи матеріала и производствѣ антропометрическихъ измѣреній. Приношу также мою глубокую благодарность профессору И. Э. Павловскому, профессору Н. М. Маліеву, секретарю антропологическаго общества при с.-петербургскомъ университетѣ Б. Ф. Адлеру и Л. С. Бергу за полезныя указанія при выполненіи мною настоящей работы.

В Ы В О Д Ы.

1. Русскіе лопари въ громаднѣмъ большинствѣ случаевъ имѣютъ малый или низкій ростъ (80%) и ниже средняго 20%.
2. Окружность груди у русскихъ лопарей превышаетъ половину роста, причѣмъ грудная клѣтка хорошо развита.
- 3 Животъ не большой, со слабо развитой подкожной жировой клѣтчатой.
4. Туловище абсолютно средней длины, относительно же роста довольно длинное.
5. Плечи не широки.
6. Большой размахъ у русскихъ лопарей великъ, во всѣхъ случаяхъ превосходить половину роста, отсюда руки довольно длинныя.
7. Нижнія конечности короткія, стопа небольшая.
8. По размѣрамъ продольнаго діаметра головы русскіе лопари относятся къ имѣющимъ средній продольный діаметръ (18.2) и широтный діаметръ малый (14.7). По головному указателю русскіе лопари относятся къ брахицефаламъ и суббрахицефаламъ (49%), мезоцефаламъ—23% и остальные къ долихо- и субдолихоцефаламъ.
9. Горизонтальная окружность головы у русскихъ лопарей довольно большихъ размѣровъ, поперечная и вертикальная малыхъ размѣровъ.
10. Полная длина лица у русскихъ лопарей малыхъ размѣровъ (10.9), наибольшая длина лица среднихъ размѣровъ; поперечные размѣры лица, какъ то—верхняя ширина лица (11.8), межглазничный діаметръ (3.1), скуловой (12.4) и наибольшая ширина лица (13.9) относятся къ среднимъ размѣрамъ. По лицевому указателю (80.5) русскіе лопари являются среднелицыми-хамэпрозопами.
11. Лобъ у русскихъ лопарей, наименьшій лобный указатель среднихъ размѣровъ.
12. Носъ у русскихъ лопарей среднихъ размѣровъ, по носовому указателю русскіе лопари относятся къ лепторинамъ и мезоринамъ.
- 13 Уши у русскихъ лопарей не велики.
14. Расстояніе между внутренними углами глазъ въ 65% среднихъ и въ 35% малыхъ размѣровъ.

Туркменскія развлеченія.

(Посвящается ак. В. В. Радлову по случаю пятидесятилѣтня
его научной дѣятельности).

При двукратномъ посѣщеніи туркменовъ Закаспійской области (въ 1902 и 1906—7 годахъ) мнѣ не разъ приходилось наблюдать ихъ общественныя и частныя развлеченія.

I.

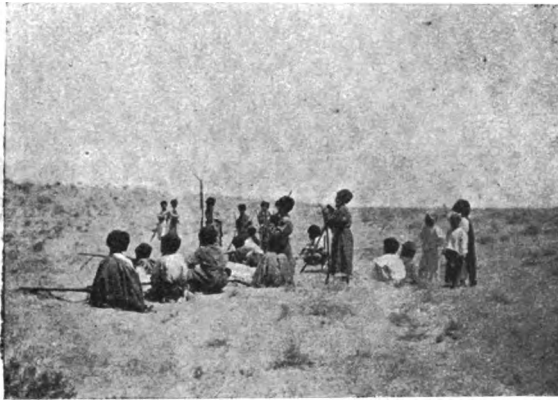
Общественныя развлеченія, такъ называемые пиры (*той*), устраиваются у туркменовъ разныхъ племенъ по тѣмъ-же поводамъ, какъ и у казакъ-киргизовъ и, вообще, у среднеазіатскихъ турковъ: по случаю рожденія и обрѣзанія сына, на свадьбахъ, при постановкѣ новой кибитки. Самый большой „той“ я видѣлъ 1 января 1907 года подъ стѣнами г. Мерва,—этотъ „той“ былъ данъ однимъ текинцемъ по случаю его утвержденія въ должности аульнаго старшины (*ыстарчин*, *арчин*—съ русск.)¹⁾

Какія особенности вносятся въ пиры въ зависимости отъ повода, по которому они устраиваются, я не могу сказать для *всѣхъ случаевъ*, такъ какъ мнѣ довелось, кромѣ тойя 1 января 1907 года, присутствовать еще только на двухъ, *свадебномъ*, 12 іюля 1902 года, въ аулѣ *Кяхшалъ*, асхабадскаго уѣзда, и по случаю *постановки новой кибитки*, 29 сентября 1906 года, въ одномъ аулѣ подъ *Мервомъ*, причемъ въ первомъ случаѣ я наблюдалъ только ту часть пира, которая происходила внѣ усадьбы хозяевъ, за ауломъ, на майданѣ и состояла изъ скачекъ, стрѣльбы въ цѣль и борьбы; во второмъ-же я былъ свидѣтелемъ *особаго* развлечения: состязанія въ срываніи платка, подвѣшеннаго у дымового отверстія только что поставленнаго остова кибитки.

Скажу кратко въ отдѣльности про всѣ три видѣнныхъ мною тойя. — Свадебный „той“ въ аулѣ *Кяхшалъ*. Какъ

известно, молва разносится по степи замѣчательно быстро и далеко или, такъ сказать, сама собой, или же, если понадобится, и при помощи особыхъ людей, *джарчи*—глашатаевъ, имѣющихся въ каждомъ аулѣ, на каждомъ базарѣ²⁾. Живя въ аулѣ *Гёкъ-тене I*, прослышала я однажды, что на слѣдующій день устраивается свадебный „той“, верстъ за пять на востокъ, въ аулѣ *Кахшалъ*. Гёкъ-тепинцы пригласили меня съ собой, и на слѣдующее утро я проѣхала въ *Кахшалъ*, завернувъ по дорогѣ на „*худа-йолу*“³⁾. „Той“ состоялъ изъ трехъ родовъ состязаній, происходившихъ на большомъ песчаномъ, поросшемъ колючками, майданѣ (пустырѣ), на задворкахъ аула. Часовъ 8—9 утра. Съ разныхъ концовъ съѣзжаются на майданъ и званые и незваные зрители, на коняхъ, верблюдахъ, ослахъ; коѣ-кто идетъ и пѣшкомъ. Благодаря особой, какъ-бы врожденной, дисциплинированности среднеазиатцевъ, многочисленные зрители безо всякой суматохи, чинно располагаются по указаніямъ распорядителей въ двѣ линіи вдоль краевъ ристалища, предварительно привязавъ въ сторонѣ своихъ животныхъ или оставивъ ихъ тамъ пасться свободно. Ристалище ограничено съ запада длиннымъ песчанымъ бугромъ, на которомъ, кромѣ зрителей, заняла мѣсто группа представителей хозяина пира и *джарчи*; съ востока—живой оградой изъ зрителей, въ переднемъ ряду сидящихъ на корточкахъ, а въ заднемъ стоящихъ на ногахъ; съ юга—животными на привязи и отдѣльными зрителями; сѣверная сторона свободна, оттуда будутъ начинаться скачки; ристалище имѣетъ форму прямоугольника, растянутого съ юга на сѣверъ. Кое-кто изъ зрителей остался на коняхъ, нѣкоторые стоятъ, опираясь на ружья, другіе укрылись отъ солнца подъ шатрами, устроенными изъ халатовъ, накинутыхъ на составленные вмѣстѣ ружья. На майданѣ хозяинъ пира никого не угощаетъ; желающіе привозятъ съ собой что-нибудь для утоленія голода и жажды (преимущественно хлѣбъ—*чурек* и дыни). Женщины отсутствуютъ, дѣтей мало. Изъ рукъ въ руки ходитъ *чили*, т. е. мѣстный кальянъ. Часовъ около 10 по ристалищу начинаютъ гарцовать всадники въ ожиданіи начала состязаній. Вотъ поднимается *джарчи* и протяжными возгласами приглашаетъ представителей разныхъ текинскихъ родовъ потягаться въ лихой ѣздѣ на коняхъ. Сначала до-

вольно вяло, затѣмъ все съ большимъ увлеченіемъ проносятся по ристалищу и старики, и молодые и почти дѣти на легкихъ, поджарыхъ, тонконогихъ скакунахъ ⁴⁾, покрытыхъ бѣлыми съ цвѣтными узорами кошмами и въ серебряныхъ звенящихъ украшеніяхъ. Скачутъ, кто въ халатахъ, кто въ однѣхъ бѣлыхъ рубахахъ; кто въ сапогахъ, кто въ туфляхъ, кто босой; одни въ папахъ, другіе только въ тюбетейкахъ. Состязаются попарно и группами. Всадники нервничаютъ и оглашаютъ воздухъ дикими криками. Зрители выражаютъ одобреніе подбрасываніемъ шапокъ и возгласами: *берек'Элля!* Иногда скакуны врываются въ толпу, которая моментально разсыпается въ стороны или отпугиваетъ коня, швыряя въ него пескомъ. Побѣдители подскакиваютъ къ холму, гдѣ сидятъ джарчи и представители хозяина, и получаютъ отъ нихъ призъ (*байрак*) въ видѣ

Стрѣльба въ цѣль.

Сним. А. С.

платка, куска ткани, кушака, халата. Тотъ, кто не находитъ желающаго съ нимъ состязаться, прямо подѣбываетъ за призомъ; я замѣтилъ, что если хотятъ почтить призомъ почему-нибудь особо уважаемаго гостя, то просятъ его выхвать на ристалище только для видимости: соперника не находится, и онъ сейчасъ же получаетъ призъ. Съ холма хорошо видно, кто обогналъ, и никакихъ недоразумѣній и споровъ я на этотъ разъ не наблюдалъ. Получившій призъ побѣдоносно проносится по майдану при знакахъ одобренія и сливается съ толпой.

Черезъ какой-нибудь часть времени, когда скачки еще продолжались, но зрители уже нѣсколько ими пресытились, стрѣлки (*мерген*) стали прочищать и заряжать свои ружья, а затѣмъ, пройдя нѣкоторое разстояніе вдоль западнаго склона холма на сѣверъ, разлеглись въ рядъ на землѣ, выставили впередъ свои старинныя, длинноствольныя ружья съ ножками и приступили къ состязанію въ стрѣльбѣ по бѣлой косточкѣ, подвѣшенной на кустикъ сосѣдняго холма ⁵⁾. Стрѣльба тянулась недолго, и побѣдители въ сопровожденіи зрителей направились обратно, чтобы получить призы.

Еще приблизительно чрезъ полчаса скачки закончились, и дошла очередь до борьбы.—На знаменитыхъ борцовъ-*пехлеван*овъ мнѣ указали заранѣе, и теперь я наблюдалъ, какъ они важничали, не желая открывать борьбы, когда зрители образовали кругъ діаметромъ сажень въ пять. Получился

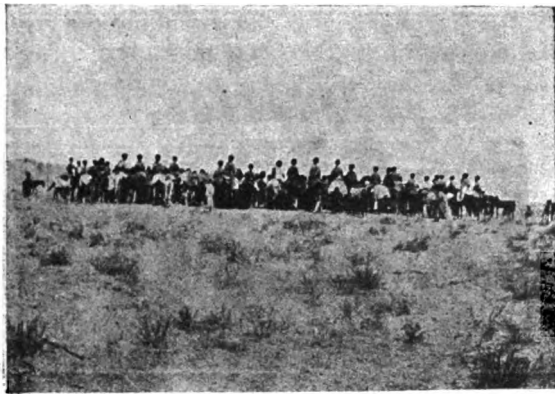
Борьба.

Сним. А. С.

оригинальный, характерный для степи, живой амфитеатръ: въ первомъ ряду сидятъ на корточкахъ или поджавъ подъ себя ноги; во второмъ—стоятъ; въ третьемъ—сидятъ на коняхъ; кой-гдѣ четвертый рядъ образуютъ всадники на верблюдахъ ⁶⁾. Въ первомъ ряду заняли мѣсто и представители хозяина вмѣстѣ съ джарчи. По рукамъ ходитъ чилимъ. Яркая картина: ослѣпительно свѣтитъ солнце; на фонѣ блѣдно голубого неба и ярко желтыхъ песковъ пестрѣютъ красно-синіе халаты, бѣлыя рубахи, синіе штаны, черныя, рыжія и бѣлыя папахи. Передъ началомъ борьбы какой-то франтъ съ краснымъ платочкомъ на шеѣ подчи-

стиль площадку, срѣзавъ ножомъ, имѣющимся у каждаго текинца за поясомъ, колючую траву. Распорядители вводятъ борцовъ въ кругъ и составляютъ пары для поединка. Подвязавшись крѣпко кушакомъ поверхъ халата, текинцы схватываются и стараются повалить другъ друга подъ себя. Въ разгарѣ схватки борцы издають дикіе крики и визги, сплетаются ногами, перебрасываются съ одного конца ристалища на другой; борются въ туфляхъ, которыя скоро спадаютъ, и борцы то и дѣло отбрасываютъ назадъ то ту, то другую ногу, наступивъ на колючку. Толпа подзадариваетъ борцовъ и выражаетъ имъ одобреніе. Побѣдители получаютъ призъ.

Около полудня я покинулъ „той“; по окончаніи борьбы пиршество переносится въ усадьбу хозяина; тамъ будутъ, какъ мнѣ передавали, пить зеленый персидскій чай со

Внѣшній видъ круга для борьбы.

Сним. А. С.

сластями, затѣмъ кушаютъ пловъ и другія туркменскія блюда и слушаютъ пѣніе и музыку народныхъ пѣвцовъ-музыкантовъ, *бахши* ?).

Пиръ по случаю постановки новой кибитки въ аулъ подъ Мервомъ.—Молодой ахальскій текинецъ, переселившійся въ Мервъ на службу переводчикомъ уѣднаго правленія, женился и рѣшилъ обзавестись собственной кибиткой въ аулѣ своихъ сородичей (какъ извѣстно, ахальскіе и мервскіе текинцы принадлежатъ къ однимъ и тѣмъ же отдѣленіямъ и родамъ). Я пріѣхалъ на торжество съ группой лицъ русской мервской администраціи уже подвечеръ. Текинцы

успѣли попить и теперь нѣкоторое время съ любопытствомъ созерцали, какъ хозяева усадьбы угощали русскихъ гостей на террасѣ (*айван*) одноэтажнаго каменнаго дома въ нѣсколько большихъ комнатъ на русской образецъ (мервскіе теке осѣли и въ аулахъ всюду усиленно воздвигаютъ противъ своихъ кибитокъ глинобитные, а кто побогаче, и каменные, дома—там). По нашей просьбѣ текинцы продолжили пирь: была борьба, играли на дутарахъ, поэтъ *Кёръ-Молла* исполнилъ нѣсколько своихъ импровизаций-газелей, за что получилъ бумажный халатъ ⁸⁾. Неподдалеку стояла новая кибитка, еще не обтянутая кошмами и циновками; она бѣлѣла своимъ новенькимъ ивовымъ рѣшетчатымъ остовомъ ⁹⁾. Для насъ повторили особое состязаніе на призы: внутри кибитки, у дымового отверстія подвѣшивали платки, молодежь по очереди вскакивала сразбѣгу черезъ дверь

Новая кибитка

Сним. К. Я.

кибитки и однимъ прыжкомъ кверху старалась достать платокъ; доставшій платокъ, получалъ его въ призъ ¹⁰⁾.

Большой „той“ подѣ Мервомъ.—Небѣдный текинецъ, выйдя побѣдителемъ изъ борьбы за почетное и выгодное мѣсто аульнаго старшины (администрація утверждаетъ одного изъ кандидатовъ, выбранныхъ самимъ населеніемъ), устроилъ подѣ землянымъ валомъ Мерва большой „той“. Сначала были скачки, затѣмъ борьба. Народу было нѣсколько тысячъ, всадниковъ нѣсколько сотенъ. Образцовый порядокъ поддерживался самой толпой, да 3—5 туземными джигитами.

Стройность торжества была нарушена солдатами, бросавшими въ толпу комья земли съ вала, да двумя пьяными русскими рабочими, ворвавшимися на кругъ для борцовъ. Представители хозяина, присуждавшіе призы, сидѣли на деревянномъ помостѣ, утвержденномъ на столбахъ, немного выше человѣческаго роста (ср. холмъ на пиру въ Кахшалѣ). Побѣдители проносились по майдану съ призомъ въ высоко поднятой рукѣ, сопровождаемые ближайшими сородичами. Одинъ герой получилъ въ призъ будильникъ, завелъ его и скакалъ, оглашая воздухъ звонкимъ трескомъ новаго пріобрѣтенія туркменскаго обихода. Среди скачекъ вниманіе зрителей было отвлечено прибытіемъ всадниковъ, которые состязались на большое разстояніе: они выѣхали изъ Ахала или съ Тежена.

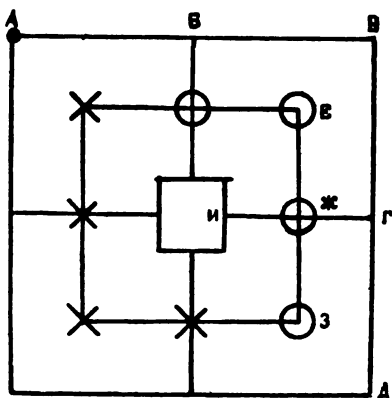
Особое состязаніе, *кѡк-бѡри* (сѣрый волкъ) практикуется нынѣ среди туркменовъ, по рассказамъ, только у племени *сарыковъ*. Мнѣ пришлось наблюдать это состязаніе у другого народа, узбековъ, въ Самаркандѣ (ноябрь 1906 года)¹¹⁾.

II.

Время досуга туркмены любят проводить въ компаніи. Когда дневныя работы закончены, и семья приняла вечернюю пищу, туркмены сходятся группами и сидятъ, лѣтомъ—подъ открытымъ небомъ на кошмахъ передъ кибиткой у костра или на терасѣ *там'а*, зимою—вокругъ пылающаго очага кибитки или внутри *там'а*; сидятъ и бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ, нуждахъ, вспоминаютъ прошлое, сравниваютъ его съ настоящимъ, обмѣниваются слухами, дошедшими изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ, касаются съ участіемъ моллы вопросовъ религіи и съ участіемъ женщинъ—темъ романическихъ ¹²⁾. Кто-нибудь беретъ *дутаф* (двухструнный музыкальный инструментъ), гораздо рѣже—*гырджак* (трехструнный смычковый муз. инструментъ съ желѣзной ножкой, которую при игрѣ упираютъ въ землю) или большую тростниковую дудку или, наконецъ, маленькую съ язычкомъ (*дилли-тюдюк*) ¹³⁾, играютъ и напѣваютъ мелодіи, слова къ которымъ заучены отъ *бахши*, народныхъ пѣвцовъ. Тутъ же сидятъ и женщины, и молодежь, и дѣтвора, участвуя въ общемъ разговорѣ или ведя свою бесѣду отдѣльно. У женщинъ есть свой музыкальный инструментъ, *кобуз*, извѣстный въ русскомъ народѣ подъ именемъ варгана, варганки (есть онъ и у китайцевъ). Иногда мужская молодежь выходитъ за аулъ и устраиваетъ состязанья въ бѣгѣ, борьбѣ. Взрослые развлекаются, но не часто, игрой въ шахматы, а теперь еще и въ карты, и въ лото. Шахматы называются *кюшт*, отдѣльныя фигуры: *ша*—король, *пързи*—королева, *рух*, *урх*—офицеръ, *ат*—конь, *ил*—тура, *ниадд*—пѣшки; шахматныя квадратки называются *ої*; дѣлать ходъ—*гѳчмѣк*, брать фигуру—*алмак*, выиграть—*утмак*, проиграть игру—*јатмак*. Игру въ лото на деньги я наблюдалъ въ усадьбѣ богача *Мамедъ-Оразова*; достойны вниманія шуточно-условныя названія нѣкоторыхъ номеровъ: вмѣсто 69 часто говорили *Юсунъ-бегъ* по той причинѣ, что есть одинъ текинecъ *Юсунъ-бегъ*, у котораго одинъ глазъ смотритъ вверхъ, а другой внизъ, чѣмъ онъ и напоминаетъ цифру 69; вмѣсто *докуз*—9 говорятъ *донгуз*—свинья, вмѣсто 11—*ікі камчы*—два ногайки.—Въ агыр-башскомъ аулѣ, въ мѣстности *Пер-*

ренг-чага, близъ *Мерва*, я записалъ двѣ слѣдующихъ игры, одну для взрослыхъ, другую для взрослыхъ и подростковъ.

Игра Дюздюм.—Чертятъ на землѣ или на глиняномъ полу такую фигуру (крестики и кружочки къ фигурѣ не относятся):

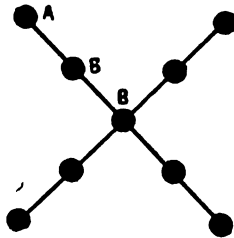

(Приблизительный размѣръ: 6 кв. вершковъ)

Играютъ двое. Каждый запасается импровизированными шашками: одинъ беретъ, напримѣръ, 8 обломковъ палочки, другой—8 комковъ земли (глины). У *эрсаринцевъ*, по рассказамъ, вмѣсто 8 берется 9 шашекъ. Тянуть или бросаютъ жребій, чтобы установить, кому начинать. Каждый партнеръ разставляетъ по 4 шашки на углахъ и перекресткахъ средняго квадрата (на рисунокѣ палочки обозначены крестами, а комки глины—кружочками). Начинается игра. Партнеры поочередно выставляютъ на поле одну за другой оставшіяся у каждаго 4 шашки, причемъ игрокъ стремится такъ или иначе занять *три* позиціи на одной прямой линіи и помѣшать достигнуть того-же своему противнику. Занявъ позиціи А-Б-В или В-Г-Д или И-Ж-Г и т. д., игрокъ получаетъ право снять въ свою пользу любую шашку противника и тѣмъ открыть себѣ путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ. Когда и оставшіяся у обоихъ игроковъ 8 шашекъ поставлены на позиціи, игра продолжается такъ: каждый игрокъ стремится къ прежнимъ наступательнымъ и оборонительнымъ цѣлямъ, дѣлая ходы своими шашками по всѣмъ линіямъ чертежа, но только между смежными гнѣздами,

соединенными прямой линіей: Ж-Г, Г-Д, Ж-И и т. д. Особого названія для шашекъ я не слыжалъ; говорятъ *чѣн*, если это палочка, и *кѣсѣк*, если это комокъ глины; „ставить на позицію“ выражается глаголомъ *коімак*. Одной изъ цѣлей игрока является также „запереть“ своего противника. Игра требуетъ отъ игрока большой внимательности и немалой сообразительности. Я познакомился съ игрой „дюз-дюм“ („я выровнялъ“ „поставилъ на одной линіи“) въ домѣ *Моллы Сабура*, котораго считаютъ непобѣдимымъ въ этой игрѣ.

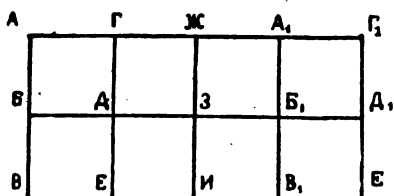
Игра Уч-бѣкмѣ.—Чертятъ на землѣ или земляномъ полу фигуру:

Играютъ вдвоемъ. Каждый игрокъ беретъ по три палочки (*чѣн*) или по три комка глины (*кѣсѣк*); палочки двухъ партнеровъ отличаются или цвѣтомъ, или величиной, а комки—величиной; можно, конечно, одному игроку взять палочки, а другому комки или, наконецъ, выбрать другіе любые предметы для роли шашекъ. Кому начинать, узнаютъ жеребьевкой. Игрокъ стремится постепенно отобрать у противника всѣ три шашки, перенося свою шашку чрезъ шашку противника на слѣдующую свободную позицію, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается спасти свои собственныя шашки. Сначала, значитъ, игроки ставятъ по очереди шашку за шашкой въ любое изъ 9 гнѣздъ, а затѣмъ начинаютъ передвигать ихъ по прямой линіи, защищаясь или атакая. Если, напримѣръ, гнѣздо А занимаетъ игрокъ I, гнѣздо Б—игрокъ II, а гнѣздо В—свободно, то игрокъ I переноситъ палочку изъ гнѣзда А въ В и беретъ себѣ палочку игрока II изъ гнѣзда В. *Уч-бѣкмѣ* значитъ „три сверчка“.

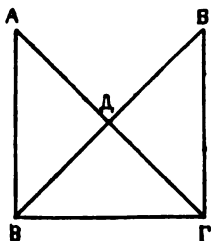
Въ Петербургѣ, въ квартирѣ депутата II Думы отъ туркменовъ *Махтумъ-кули-хана* я узналъ отъ его слуги—текинца

изъ Ахала еще двѣ игры, подобныя вышесписаннымъ, но внесъ ихъ въ свои материалы безъ достаточныхъ объясненій. Одна игра называется *Ашратты*—„Заставилъ перевалить“, другая — *Чиди ауз*—„Ротъ скорпіона“. Для первой вычерчивается слѣдующая фигура:

Одинъ игрокъ выставляетъ свои шашки на гнѣздахъ А—Б—В—Г—Д—Е, другой—на гнѣздахъ А₁—Б₁—В₁—Г₁—Д₁—Е₁; гнѣзда Ж—З—И остаются свободными, и черезъ нихъ игроки стремятся, вѣроятно, „заставить перевалить“ на противоположное поле шашки своего противника или свои собственныя (?).

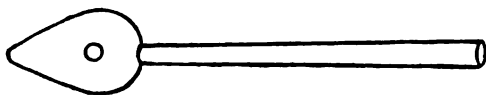
Для второй игры вычерчивается фигура:

Каждый изъ двухъ игроковъ имѣть по 2 шашки, но гдѣ эти шашки первоначально надо ставить и какъ затѣмъ ими играть, у меня, къ сожалѣнію, не отмѣчено.

Говоря о развлеченияхъ взрослыхъ мужчинъ, необходимо еще упомянуть объ охотѣ на птицъ (фазановъ, утокъ, гусей, перепеловъ и др.) и звѣрей (горныя козы, кабаны, которыхъ туркмены не ѣдятъ, дикіе ослы, барсы, тигры и др.) съ помощью ружей, капкановъ, соколовъ, собакъ ¹⁴⁾; къ развлечениямъ относится и грызенье сушеныхъ дынныхъ и тыквенныхъ сѣмячекъ (грызуть, конечно, всѣ) ¹⁵⁾, куренье табаку изъ чилима ¹⁶⁾, жеванье зеленого табаку (*нас*) или *терьяк*'у

(сгущенный маковый сок)¹⁷⁾ и куренье послѣдняго; приверженцы употребленія терьяка считаются и туркменами, и русскими за людей неспособныхъ, преслѣдуются, караются, а потому и укрываются по тайнымъ притонамъ. Переодѣвшись текинцемъ, я посѣтилъ тайный притонъ *терьяк-кеш'*ей вечеромъ 23 июня 1902 г. подъ ауломъ *Багыръ* (асхабадск. уѣздъ). Въ глинобитной саклѣ (*там*) я засталъ 3 — 4 текинцевъ, 2 персовъ и 1 персіянку, съ которой живетъ текинецъ—хозяинъ сакли; всѣ сидятъ или лежатъ на кошмѣ; пока одинъ курить терьякъ, другіе въ ожиданіи потягиваютъ чилимъ. На срединѣ кошмы стоитъ лампочка въ видѣ круглой коробки съ трубкой для фитиля; лампочка (безъ стекла) накрыта стекляннымъ колпакомъ, имѣющимъ сверху дырку для выхода жара; курильщикъ беретъ крохотный шарикъ терьяку, забиваетъ его въ дырку курительной трубки, подноситъ трубку къ колпаку надъ лампой такъ, чтобы дырка, забитая терьякомъ, оказалась надъ горячимъ отверстіемъ колпака, и, лежа животомъ на кошмѣ, начинаетъ куренье. Трубка, длиной вершка въ 4, состоитъ изъ двухъ частей: прямой полои тростниковой палочки и полога грушевиднаго наконечника съ дыркой для забиванія терьяка¹⁸⁾.

Курильщики въ одинъ голосъ заявляли, что само куренье—дѣло тяжелое, но за то неописуемо пріятны его послѣдствія: грезы опьяненія.

И до прихода русскихъ, а еще болѣе послѣ основанія русскихъ городовъ, но и теперь все еще въ весьма незначительной степени развлекались и развлекаются худшіе изъ туркменовъ—спиртными напитками¹⁹⁾. Любятъ теперь туркмены засиживаться по городскимъ чай-ханамъ и заглядывать въ заѣзжіе цирки (*сирк*) и другія европейскія мѣста увеселеній²⁰⁾.

Любители романтических развлеченій устраиваютъ со своими соплеменницами любовныя свиданія гдѣ-нибудь на огородѣ подѣ тутомъ или просто въ телятникѣ; эти развлеченія опасны и иногда кончаются тяжелыми драмами ^{21*)}.

Особенно много развлеченій и игръ, конечно, у дѣтей, располагающихъ досугомъ въ продолженіи цѣлаго дня. Въ самомъ младшемъ возрастѣ игры общія и у мальчиковъ, и у дѣвочекъ; играютъ въ куклы (*журчак*), въ мячъ (*иджю*), качаются на качеляхъ (*салланчак*); мальчики забавляются еще стрѣльбой изъ лука (*jai*) и пращи (*сапан*). Одной изъ любимыхъ мальчишескихъ игръ являются козны (*ашык*): въ козны играютъ и подростки. Разновидности игры въ козны, равно какъ и другія дѣтскія игры, отмѣчены у меня больше только по названіямъ. Относительно 4 разновидностей игры въ козны у меня есть краткія замѣтки, но пока я ихъ оставляю неопубликованными. Вотъ названіе 6 разновидностей игры въ *ашык*, сообщенныя мнѣ тѣмъ-же слугою *Махтумъ-кули-хана*: 1) *сюрпаклі*, 2) *каратыш*, 3) *топазлы*, 4) *кәнпәкли*, 5) *сач жолды*, 6) *тәйнәрді*.

Привожу далѣе названія *ахал-текинскихъ* дѣтскихъ игръ: 1) *карагуш*, 2) *кәмләрдә ким бајынг аты* 3), *кушак-атты*, 4) *карагуш кәйтты*, 5) *парак-пурук* (прятки), 6) *топ гәзді* (прячутся скопомъ), 7) *бастырма*, 8) *гөгә йвәрді* (подбрасываніе палки).

Изъ игръ, распространенныхъ среди ребятишекъ *огурд-жалинского* и *юмудского* населенія аула *Кара-голь* на островѣ Челекенѣ (Каспійское море), мнѣ извѣстны только по названію: 1) *хараі-хараі* и 2) *чиш*; по сравненію съ русскими играми: 3) *гөтә дюрт чәкләмәлі* (жмурки), 4) *әшияк курды*, (ямки), 5) *топ* (мячъ, лапта); нѣсколько подробнѣе: 6) *гизләнчик*, 7) *пыррык*, 8) *чюррюк кәстим*, 9) *һәккәл*.

Игра гизләнчик, какъ видно и изъ названія, есть игра въ прятки. Мальчики разбиваются на двѣ партіи; одна остается у стана (*тарн*), другая прячется. Достаточно одному изъ первой партіи найти одного изъ второй, какъ всѣ устремляются вперегонку къ стану, и у стана остается та партія, одинъ изъ членовъ которой первый достигъ его.

*) Примѣчаніе редакціи: Мы несогласны съ авторомъ статьи, чтобы подѣ развлеченія народа можно было бы подвести употребленіе въ пищу разныхъ наркотическихъ средствъ, а также романическія приключенія.

Игра мырык—тоже игра въ прятки. Одна партія прячется, другая остается у *тари*'а; двое изъ второй партіи отправляются на поиски, и тотъ, кто найдетъ кого-нибудь изъ спрятавшихся, устремляется обратно къ стану, крича: „*мырык*“! Всѣ спрятавшіеся тоже спѣшаютъ къ стану, гдѣ завязывается борьба: хозяева стана бросаются ловить вновь прибѣжавшихъ, а тѣ рвутся къ стану. Побѣжденные идутъ прятаться, побѣдители остаются у стана.

Игра Чюррюк кѣстим состоитъ въ слѣдующемъ. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и чертятъ на землѣ кругъ такого діаметра, чтобы всѣ члены одной партіи могли выстроиться по этому діаметру, да еще между каждымъ изъ стоящихъ остался интервалъ въ одного человѣка. Одна партія вытягивается въ ливію внутри круга, другая дѣлаетъ попытки прорваться вразсыпную между стоящими противниками. Кто прорвется, тотъ выводитъ изъ строя одного изъ двухъ противниковъ, между которыми онъ прорвался. Стоящіе въ строю защищаются тѣмъ, что стараются не прозѣвать прорывающагося противника и задѣть его ногой; задѣтый ногой обязанъ удалиться за черту круга. Такимъ образомъ, тактъ обѣ арміи, и побѣждаетъ та, въ которой убыль окажется меньшею.

Игра һәккәл—игра въ чижика. Заостривъ съ двухъ концовъ кусокъ палки, дѣлаютъ чижика и прислоняютъ его къ палкѣ, лежащей на землѣ, такъ, чтобы одинъ конецъ торчалъ наискось кверху. Играющіе разбиваются на двѣ партіи; одна остается при чижикѣ, другая удаляется. Особой палкой ударяютъ чижика по головкѣ, онъ летитъ, и удалившаяся партія его ловитъ. Если поймаютъ, то должны его издали бросить такъ, чтобы онъ угодилъ въ палку, съ которой полетѣлъ. Пока это не удастся, партіи не мѣняются своими мѣстами. Существуютъ, кажется, и другія разновидности этой игры.

Извѣстная вещь, что всѣмъ дѣтскимъ играмъ, въ которыхъ участвуетъ двѣ партіи, предшествуетъ жеребьевка для опредѣленія, кто въ какую партію попадетъ, и какой партіи за что браться. Туркменскіе ребятишки прибѣгаютъ обыкновенно къ способу, извѣстному мнѣ съ дѣтства подъ названіемъ „считаться“: кто-нибудь читаетъ рифмованный наборъ словъ, тыкая при произношеніи каждаго слова по

очереди во всѣхъ собравшихся; на кого падаетъ послѣднее слово, тотъ отпадаетъ, и т. д.. Такой рифмованный наборъ словъ называется по-туркменски *аку-маку*; у меня записано нѣсколько образцовъ, но пока я ихъ оставлю неопубликованными.

Издавая настоящій неполный и неравномѣрно собранный матеріалъ, я полагалъ, что и въ теперешнемъ своемъ видѣ онъ окажется небезинтереснымъ для этнографовъ, и—пожалуй, главное—я хотѣлъ вызвать кого-нибудь изъ близко стоящихъ къ туркменамъ на поправки и дополненіе моихъ данныхъ: грустно наблюдать, въ какомъ забвеніи со стороны науки продолжаетъ обрѣтаться группа любопытныхъ туркменскихъ племенъ, — этихъ ближайшихъ сородичей османцевъ.

А. Самойловичъ.

1) *О'Донованъ*, бывшій въ Мервѣ въ 1879—80 г., даетъ описаніе пира по случаю переменѣны текинскаго правительства: обмѣнивались подарками, пили чай и водку, угощались явствами, слушали пѣвцовъ, состязались въ скачкахъ и борьбѣ; джарчи-глашатаи выкрикивали, кто кого чѣмъ одаривалъ.—*The Merv oasis*, II, стр. 283—287.

2) О *джарчи* см. въ моей замѣткѣ „Этнографическія мелочи изъ дневниковъ путешествовавшего по Туркменіи“. *Живая Старина*, 1908, вып. I.

3) *Худа-йолу* значитъ *Божій путь, богоугодное дѣло*; такъ, между прочимъ, называются общественныя трапезы, устраиваемыя благочестивыми туркменами по разнымъ поводамъ, но съ двумя цѣлями: или чтобы заслужить у Бога милости, помощи и заступничества, или чтобы отблагодарить Его за Его благодѣянія; это—и поминки по усопшемъ, и выраженіе мольбы объ исцѣленіи болящихъ, объ удаленіи саранчи, объ избавленіи скота отъ мора, и проявленіе радости по случаю рожденія сына, при выздоровленіи больного родственника, по поводу обильнаго урожая и т. п. На худа-йолу приглашается весь ауль и всякіи, кто бы ни прошелъ

или ни проѣхалъ мимо кибитки устроителя трапезы. Не свернуть съ пути на такое приглашеніе считается неудобнымъ, хотя бы кибитка находилась такъ далеко, что съ трудомъ можно разобрать голосъ приглашающаго.

О худа-йолу упоминаетъ *Вамбери*, *Türkenvolk*, 409. Въ книжкѣ „Наши сосѣди въ Ср. Азіи. Хива и Туркменія“ (Спб. 1873) худа-йолу ошибочно, со словъ *Блоквиля*, названо „ежегоднымъ большимъ религіознымъ праздникомъ“ (глава о туркменахъ).

4) Данныя о туркменскомъ конѣ скомпилированы *Марвиномъ*, въ его книгѣ „*Merv the Queen of the World*“, гл. X, стр. 162—176 (Lond. 1881).

5) Къ сожалѣнію, я не замѣтилъ, имѣетъ ли это состязаніе у туркменовъ особое названіе. Въ Хивѣ оно и теперь еще называется „алтын-кабак“, *золотая цѣль*. Ср. *Абульгази*. Родословная туркменъ, перев. *А. Туманскаго*, стр. 29 (Асхабадъ, 1897).

6) Этотъ живой амфитеатръ изображенъ на одной изъ картинъ покойнаго *Верещагина*: народное собраніе на Самаркандскомъ Ригистанѣ, уставленномъ шестью съ головами русскихъ воиновъ.

7) Церемонія угощенія чаемъ у туркменовъ описана *О'Донованомъ*, *The Merv oasis*, II, 311—312. Обрядъ туркменской свадьбы и сопровождающія ее увеселенія кратко описаны *Конолли*, *Journey to the North of India*, vol. I, стр. 127—132. *Марвинъ* цитуетъ это мѣсто изъ книги Конолли въ гл. VIII, стр. 142—145. Свадьба у ставропольскихъ туркменовъ описана *А. А. Володинымъ* въ статьѣ „Трухменская степь и трухмены“, Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. 38, 1908 г., стр. 45—49. По моимъ разспросамъ, особыхъ свадебныхъ пѣсенъ у туркменовъ не существуетъ; репертуаръ *бахши*—народныхъ пѣвцовъ—состоитъ изъ книжно-народныхъ произведеній или собственныхъ импровизацій въ книжномъ духѣ. Не приходилось мнѣ наблюдать у посѣщенныхъ мною туркменовъ и танцевъ, но см. статью *Володина*, стр. 46 (калмыцкое или кавказское вліяніе?); по *Блоквилю* (*Blocqueville*, *Quatorze mois chez les Turcomans*, *Tour du Monde*, 1 année, № 28), поскольку онъ использованъ въ вышеупомянутой статьѣ „Наши сосѣди въ Ср. Азіи“,—туркмены до танцевъ неохотники.

8) О названномъ поэтѣ см. мою замѣтку „Туркменскій поэтъ-босякъ Кѳр-Молла, и его пѣсня о русскихъ“, *Живая Старина*, 1907, вып. IV.

9) Подробное описаніе туркменской кибитки, по безъ мѣстныхъ названій отдѣльныхъ ея частей, см. у *Донована*, II, 138—140.

10) Это состязаніе, насколько намъ извѣстно, не отмѣчено другими путешественниками. Торжество постановки новой кибитки описано *Блоквилемъ*.

11) У туркменовъ это состязаніе наблюдали *Вамбери* и *Блоквиль*. Данные *Вамбери* приведены у *Марвина*, VIII, стр. 145.

12) Нѣсколько словъ о туркменскомъ досугѣ имѣются у *Марвина*, гл. VI, стр. 118, по *Фрезеру*, *Конолли*, *Борнсу*, *Вамбери*, *Доновану*. День богатаго туркмена описанъ *Донованомъ*, II, стр. 349—350. *Вамбери* отмѣтилъ любовь туркменовъ къ разговорамъ на политическія темы (*Марвинъ*, гл. VII, 120). Мнѣ лично приходилось выслушивать курьезныя туркменскія догадки о томъ, что это за народъ—японцы (*япун*): одни думаютъ, что это просто переодѣтые *инглизы*, другіе, муллы, не находя этого народа въ старо-мусульманскихъ сочиненіяхъ, сопоставляютъ почему-то японцевъ съ *хотанцами* (жители Хотана). Политико-географическія понятія о болѣе отдаленныхъ странахъ у туркменскихъ муллъ—средневѣковыя.

13) Туркменскіе музыкальные инструменты см. у *Донована* II, 301—302; гырджакъ и коузъ не упоминаются, но говорится о *концертинь*, раздобытой однимъ мервцемъ, кажется, въ Бухарѣ.

14) Своеобразная охота на фазановъ и перепеловъ описана *Донованомъ*, II, 342. Объ охотѣ и собакахъ см. у *Марвина*, гл. IX, стр. 156—161.

15) Интересно было-бы услышать мнѣніе антропологовъ объ объясненіи *Донована*, почему у многихъ туркменовъ верхніе большіе рѣзцы разсѣчены; *Донованъ* объясняетъ это явленіе грызеніемъ туркменами съ дѣтства сушеныхъ сѣмячекъ (II, 236—237).

16) Богатый туркменскій чилимъ описанъ *Донованомъ*, II, 274.

17) По *Доновану* (II, 349—350) туркмены не ѣдят опиума. Я видѣлъ, какъ *Кѳр-Молла* отъ поры до времени клалъ себѣ въ ротъ шарики терьяку.

18) Ср. описаніе куренья терьяка у *Донована*, II, 61.

19) См. мою статью „Туркменскій поэтъ-босьякъ *Кѳр-Молла*“, сноска 3 на стр. 7 отдѣльнаго оттиска.

20) Нѣкоторые туркмены настолько уже объевропеились, что цѣлуютъ ручки у русскихъ дамъ. *Что успѣли перенять туркмены у русскихъ* — интересная тема для отдѣльной статьи.

21) *Донованъ* сообщаетъ еще о забавахъ туркменовъ во время пути. II, 255—257. Объ имитациі крика животныхъ и ѳ пародированіи разныхъ національностей у туркменовъ см. въ моей замѣткѣ „Этнографическія мелочи изъ дневниковъ путешествовавшаго по Туркменіи“, *Живая Страна*, 1908, вып. I.—У меня нѣтъ данныхъ о женскихъ развлеченіяхъ (кромѣ судаченья при всякомъ удобномъ случаѣ), но слѣдуетъ имѣть въ виду, что у туркменской женщины, на которой лежать всѣ сложныя домашнія работы вплоть до установки кибитки, для развлеченій и времени-то мало когда хватило-бы.—Нѣсколько строкъ о туркменскихъ развлеченіяхъ см. еще въ книжечкѣ *Ө. А. Михайлова*, „Турземцы Закаспійской области и ихъ жизнь“ (Асхабадъ, 1900 г., стр. 56) и въ *Обзоръ Закаспійской области съ 1882 по 1890 годъ* (изд. второе, Асхабадъ, 1897 г., стр. 29).

Деформированные черепа, найденные въ Алуштѣ (Крымъ).

Лѣтомъ 1904 года въ городѣ Алуштѣ, на мѣстѣ стараго кладбища, директоромъ Керченскаго музея, В. В. Шкорпилломъ были произведены раскопки *). Нѣсколько череповъ, найденныхъ при этихъ раскопкахъ, я попробую описать.

Мужской черепъ.

9.

фиг. 1.

Черепъ этотъ—странной формы. Плоскій, сильно наклоненный назадъ лобъ, лобные бугры не развиты, на нижней

*) Примѣчаніе редакціи. Черепа (въ числѣ 40) были принесены П. Н. Бекетовымъ Русскому Антропологическому Обществу въ даръ. Условія раскопокъ см. въ письмахъ г.г. Бекетова и Шкорпилла, „Ежегодникъ“ Общества, т. I, 1905 г.

трети лба вдавленіе, надбровныя дуги рѣзко выражены. Черепъ косой, правая сторона лба и лѣвая сторона затылка приплюснуты. Теменные бугры развиты слабо, лѣвый теменной бугоръ выдвинутъ болѣе впередъ, чѣмъ правый. Швы мелкозубчатые, вѣнечный шовъ на вискахъ стертъ, также и стрѣльчатый шовъ въ его задней половинѣ; въ ламбдовидномъ швѣ нѣсколько вставныхъ косточекъ. На темени, позади вѣнечнаго шва, вдавленіе, задняя половина темени плоская. Височныя линіи лежатъ высоко. Нижніе передніе углы теменныхъ костей вогнуты. Толстыя сосцевидныя отростки; Cristae supramastoideae сильно развиты. Переносье вогнуто, носъ узкій, носовая перегородка сдвинута влѣво; глазницы высокія. На верхней челюсти глубокія впадины. Два сохранившіеся зуба стерты, нѣсколько зубныхъ ячеекъ заросли. Небо слегка вогнуто. Основная часть затылочной кости круто подымается вверхъ. Черепъ высокій и короткій. Кости черепа сухія, очень хрупкія, желто-коричневаго цвѣта. Лѣвая скуловая дуга сломана, не достаетъ нижней челюсти.

Черепъ мужской.

21.

фиг. 2.

Покатый назадъ лобъ—приплюснутъ. На брегмѣ вдавленіе, впереди выпуклость. Стрѣльчатый шовъ въ задней половинѣ и концы вѣнечнаго шва на вискахъ срослены. Въ ламбдовидномъ швѣ пара вставныхъ косточекъ. Задняя половина темени плоская: черепъ, поставленный на столъ, можетъ

стоять на затылкѣ лицомъ вверхъ. Лобные бугры не развиты, слабо выдаются затылочный и теменные бугры, подъ затылочнымъ бугромъ на нижней чешуѣ затылочной кости вдавленіе. Длинные, толстые сосцевидные отростки.

Надбровныя дуги выражены слабо. Переносье слегка втянуто, носъ узкій, у переносья остатокъ сохранившагося лобнаго шва съ вставной косточкой; носовое отверстіе узкое, носовая перегородка сдвинута влѣво, передняя носовая кость длинная. Глазницы высокія, четырехугольныя. Альвеолярная прогнатія. Лицо узкое, скуловыя дуги далеко отстоятъ отъ черепа. Сохранившіеся зубы стерты, два зуба каріозны. Сильно вогнутое небо. Черепъ очень высокій и короткій, безъ нижней челюсти. Попорчены рѣшетчатая и клиновидная кости.

Черепъ женскій.

23.

фиг. 3.

Черепъ удлинненъ вверхъ и назадъ—макроцефалическая форма. Лобъ слегка выпуклый, наклоненъ назадъ. Черепъ косоу, лѣвая сторона лба и правая сторона затылка приплюснуты. Стрѣльчатый шовъ переднимъ концомъ отклоненъ влѣво. Теменные бугры слабо развиты. Большія крылья клиновидной кости широкія. Короткіе сосцевидные отростки.

Переносье втянуто. Носъ широкій. Высокія четырехугольныя глазницы. Тонкія скуловыя кости. Носовое отвер-

стіе широкое. На верхней челюсти впадины; на правой сторонѣ болѣе глубокая, чѣмъ на лѣвой. Лицо узкое. Зубы выпали, нѣсколько зубныхъ ячеекъ заросли. Небо слегка вогнуто. Черепъ небольшой, средней длины, очень высокій, безъ нижней челюсти. Попорчены внутреннія стѣнки глазницъ, небо и затылочная кость.

Женскій черепъ.

29.

фиг. 4.

Этотъ черепъ длинный и низкій—цилиндрической формы. Покатый назадъ, убѣгающій лобъ, сохранился лобный шовъ. Лобные бугры стерты, теменные бугры слабо развиты, правый теменной бугоръ выдвинутъ болѣе впередъ, нежели лѣвый. Вѣнечный шовъ на правой сторонѣ у стефаніона изогнутъ впередъ и образуетъ ступень въ зависимости отъ развитія лобнаго отростка *нижней теменной кости*. Передній конецъ стрѣльчатаго шва сдвинутъ влѣво. На лѣвой сторонѣ въ вѣнечномъ швѣ четырехугольная вставная косточка. На срединѣ лба углубленіе. Вдавленіе на брегмѣ. Выпяченный затылокъ. Большія крылья клиновидной кости вогнуты. Сосцевидные отростки небольшіе. Очень высокія глазницы. Переносье плоское, широкій носъ, носовая перегородка сдвинута вправо. Впадины верхней челюсти глубокиа. Зубы стерты, каріозны. Внутренняя стѣнка правой глазницы попорчена. Не достаетъ нижней челюсти.

Женскій черепъ.

31.

Фиг. 5.

Приплюснутый, убогающий назадъ лобъ, по срединѣ лба вдавленіе. Швы слабо зазубрены. Лобный шовъ сохранился, верхній конецъ его отклоненъ вправо. На затылкѣ ясно выражена, рѣзко разграниченная швами, *Os Incae tripartitum*, рѣдкіи случаи остановки на ранней ступени развитія верхней чешуи затылочной кости. Черепъ косой, средней длины и высоты, безъ нижней челюсти. Короткіе сосцевидные отростки. Слуховыя отверстія узкія. Въ боковомъ переднемъ родничкѣ, на лѣвой сторонѣ, вставная косточка. Височныя чешуи плоскія.

Широкій носъ, лѣвая носовая кость на свободномъ концѣ попорчена. Высокія глазницы. Переносье широкое. Носовое отверстіе узкое, носовая перегородка сдвинута вправо. На верхней челюсти глубокія впадины. Лицо узкое. Зубы выпали, нѣсколько зубныхъ ячеекъ заросли.

Черепы искусственно измѣненной формы давно извѣстны въ Крыму. Въ Керчи, въ Еникале, въ Инкерманѣ, въ Біасала (Бэръ, Анучинъ), да и въ самой Алуштѣ лѣтъ двадцать тому назадъ проф. В. Ө. Миллеромъ при раскопкахъ

были найдены деформированные черепа. Но не только въ Крыму, а во всѣхъ частяхъ свѣта встрѣчаются черепа искусственно измѣненной формы, особенно часто въ Америкѣ, которую и считаютъ классической страной деформированныхъ череповъ.

Деформація головы можетъ зависѣть отъ устройства колыбели и отъ ношенія въ ней младенца; но извѣстна также деформація, преднамѣренная по причинамъ эстетическимъ. Находятъ только извѣстную форму головы красивой и посредствомъ косынокъ и чепцовъ стараются придать головѣ младенца желаемую форму. Кости черепа новорожденнаго ребенка тонки и гибки, вмѣсто швовъ промежутки между отдѣльными костями черепа выполнены соединительной тканью, большой родничекъ зарастаетъ только на второмъ году. Сжимаемость мозга незначительна; онъ только смѣщается давленіемъ повязокъ, на мѣстахъ сдавленія происходитъ задержка въ ростѣ, задержка эта компенсируется усиленнымъ ростомъ на мѣстахъ, свободныхъ отъ давленія повязокъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что и въ настоящее время во Франціи, во многихъ мѣстахъ преднамѣренно деформируютъ головы младенцевъ разными чепцами (*serge—tête*) и повязками (*bandeau*) эстетики ради; развѣ дамы наши не затягиваются въ корсетъ, зная прекрасно вредъ сжиманія грудной клѣтки—тоже съ цѣлью эстетической?

Тонкая осинная талія нравится и признается многими очень элегантною и усиливаетъ контрастъ съ широкимъ тазомъ. Скульптура нерѣдко служить модѣ.

Интересны эти черена изъ Алушты тѣмъ, что представляютъ различныя степени искусственной деформаціи: сильно покатыи назадъ лобъ, высокій, плоскій затылокъ и вдавленіе на лбу, темени и затылкѣ. Эти вдавленія могли произойти отъ продолжительнаго наложенія на голову въ младенческомъ возрастѣ двухъ повязокъ: одной, идущей отъ лба къ затылку, и другой, отъ темени къ подбородку. Не деформированныхъ череповъ очень мало; но не рѣдки косые черепа, асимметричную форму которыхъ легче объяснить дѣйствіемъ колыбели, чѣмъ повязокъ.

Я считаю приятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность Б. Ф. Адлеру и П. Н. Бекетову за представленіе мнѣ для изслѣдованія череповъ изъ Алушты и И. П. Мураину за фотографическіе снимки.

Литература.

1860. K. E. v. Baer. Die Makrocephalen im Boden der Krym. Mem. de l'Acad. des sc. de St. Petersburg. 7 Série. T. II № 6.

1884. Е. А. Покровский. Физич. воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ. Изд. Общ. люб. естествозн. Т. 45. Москва.

1887. Д. Н. Анучинъ. О древнихъ искусственно-деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи. Прог. Антроп. отд. общ. люб. естествозн. Москва.

1888. В. Ф. Миллеръ. Археологическія развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ. Древности. Труды Московскаго археол. общ. Т. XII.

1892. R. Virchow. Crania ethnica Americana. Berlin.

1899. J. Ranke. Altperuanische Schädel. Abh. der Kgl. bayer Akad. daer Wiss. Bd. 20. München.

1902. F. Deltale. Les déformations artificieles du crâne en France. Bull. de la soc. d'anthrop. de Paris. T. III. 5 Série.

1905. Ежегодникъ Русск. антрополог. общ. С.-Петербургъ. Т. I.

Ю. Фридолинъ.

Измѣренія череповъ.

	Горизонтальная окружность.	Сагитальная дуга.	Поперечная дуга.	Длина.	Ширина.	Высота.	Ширина осно- вания черепа.	Основная линия	Скуловой диа- метръ	Верхне-челюст- ной диаметръ.	Высота верхней части лица.	Высота глаз- ницъ.	Ширина глаз- ницъ	Междуглазничное пространство.	Высота носа.
1	465	360	328	157	131	145	124	—	—	—	—	33	38	23	—
2	503	373	317	186	139	136	140	107	—	89	—	33	38	—	47
3	513	360	336	172	150	127	136	100	135	102	—	35	37	23	51
4	503	357	332	169	147	133	132	94	—	—	—	—	—	—	—
5	492	349	315	169	140	130	125	103	135	94	—	36	37	21	51
6	504	366	300	181	132	135	123	95	—	—	—	35	36	26	53
7	510	366	330	178	144	134	132	103	135	—	—	35	37	27	52
8	517	360	330	176	146	144	135	103	—	—	71	31	38	27	54
9	510	371	335	183	150	141	136	98	—	95	68	33	37	24	53
10	490	345	330	168	148	140	134	—	—	104	—	35	35	29	—
11	477	339	305	170	135	135	130	98	—	99	74	37	39	—	51
12	496	360	338	173	146	144	130	100	—	94	—	32	36	23	53
13	523	374	337	178	153	137	132	94	—	87	61	32	36	—	44
14	501	350	315	167	148	135	130	95	—	—	—	35	36	24	49
15	504	359	320	172	144	137	138	106	—	—	—	36	37	—	—
16	535	361	310	183	146	132	136	106	135	90	72	36	37	—	53
17	490	348	320	167	144	132	130	99	132	95	70	35	38	—	54
18	525	—	—	189	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	546	—	336	191	148	144	132	—	—	—	—	—	—	—	—
20	520	381	341	191	150	138	142	111	138	—	—	34	41	24	—
21	514	375	342	183	150	140	138	106	146	99	81	35	40	—	57
22	485	347	320	172	134	134	127	101	131	96	70	35	39	21	52
23	487	—	327	173	136	138	123	100	119	92	61	35	36	—	46
24	524	371	330	178	144	128	128	98	136	102	69	29	36	—	49
25	514	363	343	176	149	144	138	107	—	—	64	34	38	—	52
26	525	378	327	184	152	133	142	96	—	—	64	32	38	—	47
27	480	355	338	170	133	137	127	102	—	84	61	39	35	—	52
28	496	347	334	170	136	128	120	95	—	95	64	37	36	23	51
29	510	357	305	182	134	124	124	105	126	89	71	38	35	—	52
30	515	354	345	175	150	142	132	103	132	112	72	36	37	—	51
31	511	369	311	179	135	130	123	97	122	96	68	33	35	27	52
32	517	—	328	186	143	141	131	107	—	95	78	36	37	—	58
33	500	—	323	181	140	—	137	—	—	—	72	37	38	—	52
34	—	—	—	188	—	—	—	—	—	—	73	36	38	26	57

И н д е к с ы .

Ширина носа.	Длинотно- широтный индексъ.	Длинотно- высотный индексъ.	Верхне- лицевой индексъ.	Скуло- верхне- лицевой индексъ	Глазничный индексъ.	Носовой индексъ.
—	83,4	92,4	—	—	86,8	—
24	74,7	73,1	—	—	86,8	51,1
28	87,2	78,8	—	—	94,6	54,9
—	87,0	78,7	—	—	—	—
24	82,8	82,2	—	—	97,3	47,1
—	72,9	74,6	—	—	97,2	—
25	80,9	75,3	—	—	94,6	48,1
25	82,9	81,8	—	—	81,6	46,3
26	82,0	77,0	71,6	—	89,2	49,0
26	88,1	83,3	—	—	100,0	—
23	79,4	79,4	74,7	—	94,8	45,1
26	84,4	83,2	—	—	88,9	49,0
23	85,9	77,0	70,1	—	88,9	52,3
23	88,6	80,8	—	—	97,2	46,9
—	83,7	79,6	—	—	97,3	—
24	79,8	72,1	80,0	53,3	97,3	45,3
23	86,2	79,0	73,7	53,3	92,1	42,6
—	79,9	—	—	—	—	—
—	77,5	75,4	—	—	—	—
—	78,5	72,2	—	—	82,9	—
23	82,0	76,5	81,8	55,5	87,5	40,3
26	77,9	77,9	72,9	53,4	89,7	50,0
25	78,6	79,8	66,3	51,2	97,2	54,3
27	80,9	71,9	67,6	50,7	80,5	55,0
26	84,6	81,8	—	—	89,4	50,0
26	82,6	72,3	—	—	84,2	55,3
28	78,2	80,5	72,6	—	111,4	53,8
25	80,0	75,2	67,3	—	102,7	49,0
25	73,6	68,1	79,7	56,3	108,5	48,0
20	83,7	81,1	64,2	54,5	97,3	39,2
24	75,4	72,6	70,8	55,7	94,2	46,1
21	76,8	75,8	82,1	—	97,3	36,2
27	77,3	—	—	—	97,3	51,9
23	—	—	—	—	94,7	40,3

Изгнаніе бѣса изъ одержимой.

(Пекинъ).

Почти у всѣхъ писателей по Китаю находимъ указанія на то, что китайцы въ высшей степени суевѣрны, но весьма немногіе даютъ конкретныя указанія, которыми можно было бы воспользоваться не синологу-специалисту, а вообще лицамъ, изучающимъ фольклоръ Востока.

Къ числу такихъ исключительныхъ работъ можно отнести: *Religious system of China* by de-Groot и *Zur Pekiner Volkskunde*, Grube, W. 1901, Berlin и, наконецъ, прекрасную забытую работу Dennyс—*The Folklore of China*, 1876.

Въ большинствѣ же случаевъ источники литературныя и народныя легенды не выдѣляются.

Особенно соблазнительнъ этотъ матеріалъ для сближеній, часто, однако, не имѣющихъ подъ собою твердой почвы: красный цвѣтъ—цвѣтъ жизни, радости („хунъ-ши“—красное дѣло—свадьба), бѣлый цвѣтъ—признакъ смерти, уничтоженія: пѣтухъ въ Китаѣ, какъ и у насъ, своимъ крикомъ на зарѣ разгоняющій нечисть, которая послѣ его крика уже безсильна и т. п. ¹⁾

Повѣрье, присущее многимъ народамъ, что женщины въ періодъ регулъ нечисты, свойственно и Китаю.

Такихъ общихъ повѣрій и примѣтъ можно было бы насчитать не мало, но въ виду трудности полученія свѣдѣній отъ самихъ китайцевъ, не любящихъ раскрываться передъ европейцами, а также незначительности и неопредѣленности матеріала, дѣлать какія-либо обобщенія представляется мало основательнымъ.

¹⁾ Не только пѣтухъ самъ, но и его кости обладаютъ чудесною силою. Кусокъ кости, окрашенный въ красный цвѣтъ, предохраняетъ ребенка, который носитъ такой амулетъ, отъ дурного глаза, оборотня, отъ испуга и т. п.

Однимъ изъ такихъ вѣрованій, имѣющихъ много точекъ соприкосновенія съ повѣрїями другихъ народовъ, является вопросъ о положеніи (человѣка или живочныхъ) при жизни и послѣ смерти.

Весь міръ, по воззрѣнію китайца ¹⁾, представляется одухотвореннымъ. Каждый предметъ, каждая вещь имѣють свою жизненную эссенцію, свою душу. Эта душа, отнюдь не связана съ своею земною оболочкою, почему предметы могутъ мѣнять ее, какъ змѣя скидываетъ свою износившуюся шкуру.

Однако, подобныя измѣненія не касаются человѣка.

Предметы одушевленные и неодушевленные могутъ принимать человѣческій видъ, пить, ѣсть, говорить, даже воспроизводить себѣ подобныхъ, но все это при извѣстныхъ условїяхъ ²⁾, такъ, на примѣръ, цвѣтокъ можетъ стать человѣкомъ, но если онъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, приляжетъ на землю, то это грозитъ ему смертию, какъ человѣку, и превращеніемъ въ цвѣтокъ, безъ обратнаго превращенія въ человѣка въ теченіе извѣстнаго періода времени.

Объясняется это тѣмъ, что при сильномъ опьяненіи душа (состоящая изъ двухъ различныхъ началъ: земного и духовнаго—интеллектуальнаго) покидаетъ свою оболочку на нѣкоторое время и, если по возвращеніи она не найдетъ вновь своего объекта, то въ такомъ случаѣ наступитъ безпамятство, а затѣмъ смерть; возможны въ этомъ случаѣ при поискахъ тѣла души, ошибки, когда душа находитъ не свое первоначальное обиталище, а новое, и проснувшись, человѣкъ ведетъ себя, возбуждая ужасъ и недоумѣніе окружающихъ. Такъ, однажды ³⁾ душа только что умершаго монаха вселилась, по ошибкѣ, въ тѣло значительнаго чиновника, и очнувшись, чиновникъ сталъ вести себя, какъ отрѣшившійся отъ міра монахъ. Для отысканія такой потерявшейся души, нужно взять платье больного и идти въ поле. Удастся найти пропавшую душу, главнымъ образомъ, специалистамъ этого дѣла.

¹⁾ Ср. A. Smith. Chinese characteristics. New-York. The polytheism and pantheism of the lower classes of China are matched in the upper classes by what appear to be pure atheism. p. 292.

²⁾ См. Дзінъ-гу-ци-гуань, Ляо-джай-джи-и и др.

³⁾ См. Ляс-джай-джи-и.

Такой способностью обладают, однако, и простые смертные, какъ то мы видимъ изъ слѣдующаго разсказа.

Крестьянка, поѣвъ, оставила горшокъ съ пищей около гряды. Вечеромъ она увидала, что оставшаяся пища исчезла, и горшокъ былъ пустъ. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Подкарауливъ лисицу ¹⁾, которая приходила, какъ выяснилось, ѣсть, она сказала объ этомъ мужу.

Мужъ взялъ мотыку и, улучивъ моментъ, когда лисица всунула голову въ горшокъ, ударилъ ее. Лисица убѣжала.

Черезъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ богатомъ семействѣ, неподалеку дочь хозяина подверглась навожденію лисицы. Заклинанія не оказывали никакого дѣйствія. Лисица въ разговорѣ съ дѣвушкой сказала: „эти заклинанія на бумажкахъ ²⁾ развѣ могутъ оказать на меня какое-нибудь дѣйствіе?“. При дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что лисица боится только крестьянина, который разъ едва не убилъ ее.

Позвали крестьянина. Прикрикнувъ нѣсколько разъ на лисицу, онъ заставилъ ее покинуть дѣвицу, которая съ тѣхъ поръ болѣе не хворала ³⁾.

Судьба души людей и животныхъ, обладающихъ способностью вселяться въ человѣческія тѣла или принимать ихъ видъ, различна послѣ смерти.

Души людей, умершихъ насильственной смертью, или преждевременно, или кончившихъ жизнь самоубійствомъ, блуждаютъ по свѣту, принося вредъ живымъ и стараясь отмстить вишюнику своей смерти. Даже умершіе естественной смертью небезопасны для живыхъ.

Когда, напримѣръ, покойникъ лежитъ въ гробу, ожидая погребенія, его душа можетъ перейти, пока она еще не

¹⁾ Chinese philosophers seem to be agreed in attributing to Reynard longlife... they suppose to result from the animal's living in caves and holes where it is ghut out from the sun.—Dennys. op. cit. p. 93. Chinese and Japanese Repository (1863), № III. Notes and Queries on China and Japan (1867). № III. V I.

²⁾ Заклинанія, состоящія обыкновенно изъ таинственныхъ знаковъ, пишутся на бумажкахъ желтаго цвѣта и очень часто снабжаются печатью „великаго мага“ Джанъ-тянь-ши, см. Mayers Chinese Reader's Manual, p. 10.

³⁾ Ляо-джай-джи-и. 15 дз.

покинула тѣла, въ курицу, ~~перья куряны~~ и т. п. и умертвить **всякаго, кто** попадетъ подъ руку.

Вообще души умершихъ долгое время сохраняютъ жизнённость и злобность въ отношеніи къ живымъ. Немногіе изъ нихъ получаютъ мѣста въ загробныхъ учрежденіяхъ, большинство же рыщетъ по свѣту въ поискахъ за новыми жертвами: есть даже такія, которыя питаются кровью живыхъ.

Что вѣра въ эти навожденія существовала въ глубокой древности въ Китаѣ, мы находимъ подтвержденія, напримѣръ, у извѣстнаго писателя Танской династіи Хань-юй'я ¹⁾, въ его Фо-гу-бяо ²⁾. Представленъ былъ докладъ по случаю особыхъ почестей, оказанныхъ императоромъ мощамъ Будды, привезеннымъ въ г. Чапъ-ань (нынѣ Кай-фынь-фу, пров. Хэ-нань), тогдашнюю столицу имперіи. Хань-юй, какъ истый конфуціанецъ, воаствуетъ противъ буддизма. Въ докладѣ мы встрѣчаемъ слѣдующую фразу: „въ древности удѣльные князья, когда имъ приходилось отдавать прощальный визитъ покойнику въ своемъ государствѣ, приказывали кудесникамъ произнести заклинанія, и напередъ отогнать нечисть метелками, сдѣланными изъ вѣтвей персика и изъ просяныхъ колосьевъ ³⁾, и послѣ этого только входили въ помѣщеніе, гдѣ былъ покойникъ“.

Мѣсто это заимствовано Хань-юйемъ изъ Ли-дзи (см. Wylie. Notes on the Chinese literature, p. 6 Васильевъ В. П. Очеркъ исторіи китайской литературы, стр. 86, 87. Гл. Тань-гунъ ⁴⁾).

Есть однако люди, способные не только повелѣвать міромъ духовъ, но и властвовать надъ душами живыхъ.

¹⁾ 768—824. Mauger's op. cit. p. 50.

²⁾ Дзянь-янъ-фо-гу-бяо.—Увѣщаніе по поводу встрѣчи костей Будды

³⁾ Выраженіе „метелки“ происхожденія позднѣйшаго и, пожалуй, болѣе правильнымъ было бы видѣть здѣсь два элемента: просяныя зерна, которыя могли разбрасывать, какъ пищу духамъ, такъ и для того, чтобы забросать имъ глаза, а персиковое дерево издавна уже является въ Китаѣ символомъ безсмертія.

⁴⁾ Если считать Ли-дзи за новѣйшую компіляцію и относить ея составленіе ко времени дин. Хань (III в. до Р. X.—III в. по Р. X.), какъ это дѣлаютъ наиболѣе скептическіе по отношенію къ древности Китая синологи, то указаніе, слѣдовательно, отодвигается на 5 вѣковъ.

Что подобнаго рода вѣрованія существовали, именно, въ глубокой древности, подтверждаетъ извѣстный вольнодумецъ Ванъ-чунъ ¹⁾, жившій въ I в. по Р. Х. Въ главѣ „Зло словъ“ ²⁾, онъ пишетъ: „говорять, что есть люди, которые могутъ своими заклинаніями засушить дерево, или заставить птицу упасть во время полета, или исцѣлить человѣка отъ болѣзни, и т. д.“

Ко всему этому Ванъ-чунъ относится скептически, считая подобныя предразсудки сномъ. Въ связи съ этими вѣрованіями, казалось бы, не имѣющими въ основѣ ничего общаго ни съ буддизмомъ, ни съ даосизмомъ, сплелась доктрина о возмездіи, чуждая китайскому духу ³⁾.

Оказывается, что, по представленію китайцевъ, и звѣри могутъ вести нравственную жизнь, какъ и человѣкъ. Напр., хорекъ или лисица, могутъ какъ монахи даосы—такъ какъ возможно обращеніе въ животныхъ людей за ихъ дурныя дѣла, и это возмездіе постигаетъ не только людей, но и самихъ животныхъ—стать безсмертными, если будутъ исполнять извѣстный ритуаль: уболаговаривать духовъ жертвами, утромъ и вечеромъ при восходѣ солнца привѣтствовать восходящее свѣтило, а вечеромъ поклоняться появляющимся звѣздамъ, съ восходомъ же луны, особенно въ полнолуніе, для нихъ обязательно поклоненіе ей съ чистымъ сердцемъ.

Судьба животной души гораздо проще: послѣ смерти тѣла она переселяется въ новое и т. д.

Однако, въ каждомъ такомъ случаѣ необходимо отдѣлять легенды буддійскія и вліянія иностранныя отъ вѣрованій чисто мѣстныхъ. Это разграниченіе особенно необходимо въ настоящее время, когда Китай начинаетъ изучаться не только по литературнымъ источникамъ, но и путемъ наблюденій на мѣстахъ. Словъ нѣтъ, это требуетъ значительной подготовки и знакомства съ культурами народностей, такъ или иначе вліявшихъ на Китай, но дальнѣйшее накопленіе сырого матеріала безотносительно происхожденія и времени, теперь уже можетъ оказаться опаснымъ, такъ какъ оно гро-

¹⁾ Переведенъ берлинскимъ проф. Ferke.

²⁾ Дз. 23.

³⁾ Насколько мы можемъ судить, конечно, по литературнымъ источникамъ до II в. до Р. Х. (ср. Edkins. Chinese Bouddhism. Trübners Oriental series).

зить окончательно засыпать тѣ пути, которые были намѣчены такими синологами, какъ покойный проф. Васильевъ и друг.

Что касается возможности вызывать душу живыхъ, мучить ее и тѣло, въ которомъ она находится, повелѣвать міромъ духовъ и предметами неодушевленными, то это вѣрованіе старо, какъ старъ самъ Китай.

При Цинь-ши-хуанъ-ди, первомъ объединителѣ Китая, думали, какъ и теперь, что сдѣланное изъ чего-либо изображеніе даннаго лица, если произнести надъ нимъ опредѣленныя заклинанія, можетъ привлечь въ себя душу этого человѣка, и онъ заболѣетъ и умретъ ¹⁾.

Герой троецарствія ²⁾, Джу-го-лянъ (221—265 г.), и предводитель „желтыхъ турбановъ“, Джанъ ³⁾ повелѣвали вѣтрами и могли вызывать небесныя воинства, одухотворять предметы и т. п.

Что въ этихъ сказаніяхъ является позднѣйшею вставкою, сказать пока, конечно, невозможно. Въ настоящее время, какъ бы ни былъ образованъ китаецъ (конечно, существуютъ и исключенія), онъ продолжаетъ вѣрить въ возможность изгнанія путемъ заклинаній духа, особыми лицами изъ одержимыхъ, вѣрить въ лѣшихъ, домовыхъ и прочую нечисть. Какъ иллюстрацію этой устойчивости во взглядахъ и вѣрованіяхъ, можно привести слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ 1904 г. въ Пекинѣ, въ довольно интеллигентной семьѣ.

У нѣкоего г. Ванъ, жителя и уроженца г. Пекина, была дочь по имени Сяръ ⁴⁾.

Въ одинъ прекрасный день, часовъ въ 12 ночи она захворала; легла на лежанку (канъ) и уже не могла больше встать и все молчала.

¹⁾ The devil teacheth how to make pictures of wax or clay, that by roosting therof, the person that they bear the names of may be continually meelted or dried away by continual sickness. King James. Demology. B. II, Ch. V.

²⁾ Совѣтникъ Лю-Бэй, основателя дин. Шу-ханъ. (221—265 г.). Китайскія войска подъ его начальствомъ проникли въ Бирму и сѣв. часть пров. Юнь-нань.

³⁾ Maegers, op. cit. p. 5. № 19.

⁴⁾ Сянь—ароматъ; эр—энклитика.

Мать ея, урожденная г-жа Джанъ, опечаленная болѣзною дочери, стала разспрашивать, что съ нею ¹⁾.

Вдругъ дѣвушка поднялась и говорить: „что ты плачешь? Она не умерла! Я фея одной горной кумирни. Дочь твоя нѣсколько дней тому назадъ, помочившись на дорогѣ, осквернила меня и тѣмъ лишила меня силы,—такъ развѣ я могу ее простить? Однако, лично она не виновата; вина лежитъ на васъ, родителяхъ, не обращающихъ вниманія на ея воспитаніе. Раскаиваться теперь поздно!“

Услыхавъ это, родители недоумѣвали, какъ быть. Стали они жечь бумажныя деньги и молить духа освободить дочь.

Просьба была услышана, и часамъ къ 3 утра дѣвушка пришла въ себя.

Съ этого времени она стала молчалива, мало ѣла и пила; на лицѣ ея не видно было улыбки.

Спустя нѣсколько дней, духъ вновь вошелъ въ дѣвушку, и она всю ночь кричала и бѣсновалась и успокоилась только послѣ крика пѣтуха.

Такія посѣщенія духа стали регулярными.

Пришелъ какъ-то пріятель ея отца и, узнавъ, въ чемъ дѣло, подарилъ изображеніе Джунъ-куй'я ²⁾ и велѣлъ повѣсить въ комнатѣ больной.

Послѣ этого дней 60 не было ничего. Въ это время пришла въ гости тетка и, будучи нечистой, прямо вошла въ комнату больной.

Съ этого момента изображеніе потеряло свою силу, и въ ту же ночь припадокъ повторился въ весьма сильной степени.

Дѣвушка кричала, бѣгала по всему дому, била посуду, и съ нею не могли справиться шестеро сильныхъ мужчинъ; она все время кричала: „вы думали, повѣсивъ изображеніе, напугать меня, что я больше не приду!?“

Послѣ слезной просьбы матери, и послѣ того, какъ она дала обѣтъ сдѣлать доброе дѣло, духъ ушелъ.

На слѣдующій день отецъ пошелъ искать лицо, которе могло бы избавить домъ отъ нечисти.

¹⁾ Передается рассказъ со словъ дяди больной.

²⁾ См. Mayer's, op. cit. p. 29. The Beelzebub of China. Dennys, o. c. Начало легенды о Джунъ-куй относится ко времени Танской династии.

Ему попался даосъ, которому онъ и разсказалъ о своей бѣдѣ, прося изгнать духа.

Даосъ замѣтилъ, что это дѣло не трудное, и онъ справится съ духомъ.

Захвативъ нѣсколько священныхъ изображеній, онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежала дѣвушка, и повѣсилъ ихъ на стѣпу.

Увидавъ его, больная подползла на колѣняхъ къ иконамъ и говорить: „я, на самомъ дѣлѣ, духъ хорька, который достигъ обладанія магическою силою.

Спасался я 50 лѣтъ. Въ ту ночь, когда я проходилъ по тропинкѣ, она обмочила меня, и за это должна погибнуть, въ противномъ случаѣ я не могу вернуться къ своимъ: мнѣ будетъ стыдно за свою слабость“.

Даосъ сталъ торговаться съ духомъ, обѣщая построить на назначенной горѣ кумирню, и умолялъ поскорѣй отступить отъ дѣвушки, но духъ ни на что не соглашался.

Тогда даосъ сказалъ: „я теперь понялъ, что ты духъ злобный; если ты сейчасъ не уйдешь, то я убью тебя“.

Дѣвушка на это отвѣтила: „ты можешь убить меня, но ее я не оставлю, она меня осквернила, и мнѣ немисливо вернуться, не умертвивъ оскорбительницы“.

Тутъ даосъ взялъ въ руки винную рюмку, произнесъ нѣсколько заклинаній и поставилъ рюмку на землю, покрывъ желтой бумажкой; затѣмъ онъ сталъ звонить въ колокольчикъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ, тогда какъ въ правой у него былъ мечъ. Прочитавъ нѣсколько заклинаній, онъ со всего размаху ударилъ мечомъ по рюмкѣ; рюмка разбилась, и изъ нея полила кровь.

Дѣвушка сейчасъ же оправилась, и вотъ уже прошло два года, какъ съ ней ни разу не было никакихъ припадковъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о самыхъ заклинаніяхъ.

Они необыкновенно просты и категоричны ¹⁾. При произнесеніи ихъ необходимо очиститься и физически, и духовно. Первое обыкновенно забывается, а второе достигается произнесеніемъ формулы объ очищеніи. Затѣмъ надо обратиться въ указанномъ направленіи, проглотить слюну

¹⁾ Сборники ихъ можно легко приобрести въ любой книжной лавкѣ.

опредѣленное количество разъ, стукнуть зубами и тогда уже приступить къ дѣйствию.

Магическая формула, соответствующая случаю, пишется на бумагѣ, бамбуковомъ листкѣ и т. п., а затѣмъ сжигается, причемъ нерѣдко пепель проглатывается. Формулы состоятъ изъ буддійскихъ тарни, которыя пишутся по-тибетски въ незнаваемомъ видѣ, изъ китайскихъ знаковъ или изъ фантастическихъ комбинацій чертъ.

Насколько легки, вообще, способы и, насколько значительны результаты, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Формула призванія духа вѣтра:

„въ опредѣленный (циклическими знаками) день возьми шкуру собаки, сожги и развѣй по вѣтру, вѣтеръ (духъ его) сейчасъ же явится“.

Формула заклинанія для охраны тѣла:

„мое тѣло опирается на гору Тай-шань. Г. Тай-шань охраняетъ меня, г. Тай-шань за меня молится.

Охрана моего тѣла въ рукахъ (духовъ) верховнаго главнокомандующаго, въ рукахъ средняго главнокомандующаго Гэ, въ рукахъ нижняго главнокомандующаго Джоу; 9 вост. варваровъ, 6 зап. варваровъ, 8 юж. варваровъ, 9 сѣв. варваровъ, 3 центральныхъ войскъ, истинныхъ, постоянно прислуживаютъ мнѣ.

Я получилъ приказъ Тай-шань-лао-дзюня. Поскорѣй поступите согласно приказу“!

Такія заклинанія и рецепты (шаманскіе, буддійскіе и даоскіе) есть на всѣ случаи жизни.

Нужно ли приворожить любовника, разбогатѣть, выпросить у духа дождь или вѣтеръ, заставить предметы переноситься съ мѣста на мѣсто, одѣть шапку-невидимку, наконецъ, избавиться отъ комаровъ и блохъ—на все сборники подобнаго рода даютъ готовый отвѣтъ.

Но, замѣчаетъ обыкновенно авторъ сборника, безъ вѣры ничего не достигнешь.

А. И. Ивановъ.

Этнографія и ея задачи ¹⁾.

(По поводу одной книги).

Предъ нами трудъ русскаго этнографа, извѣстнаго въ ученой литературѣ своими цѣнными спеціальными работами въ области русскои этнографіи, столь рано унесеннаго болѣзнью въ могилу, Николая Николаевича Харузина.

Болѣе десяти лѣтъ труда Харузинъ посвятилъ главнымъ образомъ практической этнографіи и научной обработкѣ добытыхъ имъ данныхъ; писалъ онъ по разнымъ вопросамъ матеріальнаго и духовнаго быта русскаго и иноподчешкаго населенія обширной территоріи Русскаго государства, начиная съ великорусскаго населенія центральной Россіи и кончая столь далеко другъ отъ друга стоящими окраинами, какъ Кавказъ и русская Лапландія, Прибалтійскій край и Сибирь. Въ разбираемомъ теперь трудѣ подъ заглавіемъ „Этнографія“ тотъ же авторъ является предъ нами ученымъ теоретикомъ съ цѣлью дать намъ понятіе объ этнографіи, какъ наукѣ, т.-е. по его собственному выраженію „правильномъ, точномъ и систематизированномъ знаніи“.

Съ чувствомъ особеннаго удовольствія и удовлетворенія будутъ привѣтствовать этотъ трудъ всѣ тѣ, кому дороги интересы отечественной этнографіи, такъ какъ онъ является едва ли не первой попыткой въ Россіи ²⁾ дать систематическіи

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Антропологическомъ Обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ въ началѣ 1902 года, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ книги Н. Н. Харузина „Этнографія“. Выпускъ I.

²⁾ Въ 1904 году напечатана содержательная статья Л. Штернберга „Этнографія“, въ словарь Брокгауза и Ефрона, т. 81. Со взглядами автора ея можно во многомъ и не соглашаться, но нельзя не признать главнаго достоинства этой статьи — ясности занятой авторомъ ея позиціи.

курсъ этнографіи; являясь въ то-же время систематическимъ курсомъ этнографіи, какъ предмета университетскаго преподаванія: эта книга даетъ намъ возможность констатировать тотъ фактъ, что и въ Россіи этнографія, какъ наука, завоевываетъ себѣ, хотя и медленно, тѣ права гражданства, которыя уже принадлежатъ ей въ Западной Европѣ. Считаю нужнымъ оговорить заранее, что я не имѣлъ въ виду дать исчерпывающій критическій разборъ книги Н. Н. Харузина: очень много вопросовъ и темъ, затронутыхъ въ ней покойнымъ этнографомъ, сознательно оставлены мною въ сторонѣ. Критикѣ подверглась лишь общая точка зрѣнія. Разсмотрѣть общія положенія автора казалось мнѣ тѣмъ болѣе интереснымъ, что книга Н. Харузина представляетъ собою систематическій курсъ этнографіи, какъ предмета университетскаго преподаванія, а, слѣдовательно, взгляды ея автора имѣютъ много данныхъ для широкаго распространенія.

Первый выпускъ „Этнографіи“ заключаетъ двѣ части: во-первыхъ, часть *общую* и во-вторыхъ часть, *посвященную матеріальной культурѣ*.

Четыре главы общей части, гдѣ выясняются взгляды автора на этнографію, какъ науку, гдѣ онъ даетъ ея опредѣленіе съ ея границами и задачами, выясняетъ ея положеніе среди другихъ наукъ, объектъ изученія которыхъ близко подходит и соприкасается съ объектомъ этнографическаго изслѣдованія, излагаетъ исторію развитія этнографіи и выясняетъ ея методы—эти первыя главы книги и представляютъ съ нашей точки зрѣнія наибольшій интересъ въ виду того, что въ нихъ вложены всѣ руководящія идеи автора, весь тотъ теоретическій багажъ, съ которымъ онъ вступаетъ во второй части, посвященной матеріальной культурѣ, въ область практическаго изученія и освѣщенія явленій, составляющихъ задачу этнографическаго изслѣдованія.

Совершенно справедливо возставая противъ того взгляда на этнографію, который низводитъ ее на степень вспомогательной, описательной и классифицирующей отрасли нашихъ знаній о человѣческихъ расахъ и народахъ, причемъ она естественно должна потерять характеръ научной дисциплины, уступивши эту роль *этнологіи*, авторъ признаетъ *страннымъ* существованіе двухъ системъ: этнографіи и этнологіи. Для

него оба эти термина—синонимы. Равнымъ образомъ и слово „Народовѣдѣніе“ или нѣмецкій терминъ *Völkerkunde* онъ не считаетъ обозначающими болѣе широкое понятіе, чѣмъ онъ понимаетъ, и у насъ принято понимать подъ словомъ „этнографія“.

Безусловно соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что въ опредѣленіи науки меньше всего играетъ роль ея наименованіе и оставляя въ сторонѣ вопросъ объ устраненіи этнологіи, какъ самостоятельной дисциплины, мы лишь обращаемъ вниманіе читателей на то, что въ понятіе Н. Харузина объ этнографіи входитъ все то, что мы привыкли соединять со словами: *народовѣдѣніе, этнологія и этнографія*.

Опуская затѣмъ длинный и тщательно составленный обзоръ исторіи накопленія этнографическаго матеріала и исторіи развитія этнографіи, какъ науки, потребовавшійся Харузину для точнаго опредѣленія границъ науки и ея цѣлей, мы переходимъ прямо къ тому опредѣленію, которое онъ даетъ въ концѣ 3-ей главы общей части своего труда. „*Этнографія*“, говоритъ онъ „*является наукой, которая, изучая бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ, стремится отыскать законы, согласно которымъ шло развитіе человечества на низшихъ ступеняхъ культуры*“.

Разберемся въ этомъ опредѣленіи и постараемся дать ему безпристрастную оцѣнку. Этнографія стремится отыскать законы развитія человечества на низшихъ ступеняхъ культуры и для этой цѣли изучаетъ бытъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ. Не совпадаетъ ли при такомъ взглядѣ на этнографію эта наука съ исторіей культуры? Кѣдь не можемъ же мы допустить, чтобы историкъ культуры ограничился лишь одной фактической стороной прогресса, чтобы онъ расположилъ во времени и пространствѣ извѣстные факты, которыми характеризуется культурное развитіе и отказался-бы отъ объясненія этихъ фактовъ, отъ установленія законовъ этого развитія? Несомнѣнно далѣе, что для историка культуры на первомъ планѣ стоитъ все человечество въ его цѣломъ; приводя во едино факты, добытые этнографами у разныхъ племенъ и народовъ подъ разными широтами и долготами, онъ имѣетъ право игнорировать то, что въ самомъ понятіи и даже словѣ *этнографія* поставлено во

главъ — именно „ἔθνος“. Легко убѣдиться, познакомившись съ расположеніемъ матеріала и методомъ изложенія Н. Харузина во второй части его труда, гдѣ говорится о матеріальной культурѣ, что онъ поступаетъ именно такъ, какъ историкъ культуры. Изложивши факты, добытые археологіей, равнымъ образомъ цѣнные для этнографа и для историка культуры, онъ прямо обращается къ разсмотрѣнію по обычнымъ рубрикамъ того матеріала, который характеризуетъ культуру, прогрессивное развитіе человѣчества въ удовлетвореніи его матеріальныхъ потребностей въ теплѣ, пищѣ и защитѣ своего существованія отъ враговъ своихъ. Отдѣльныя главы носятъ заглавія: орудія дикарей, не знакомыхъ съ металлами, огонь, растительная пища, охота, рыболовство, способы приготовленія пищи и т. д.

На пространствѣ десяти—пятнадцати страницъ какой-нибудь главы читатель быстро перебѣгаетъ за авторомъ изъ Полинезіи и Австраліи въ Африку и Америку и отъ экватора къ полярнымъ странамъ. Народъ—ἔθνος—съ его типическими особенностями остается, такимъ образомъ, лишь вспомогательнымъ матеріаломъ, онъ весь гдѣ-то въ тѣни, на первомъ планѣ человѣчество въ его цѣломъ и вопросы, связанные съ его развитіемъ, лишь иллюстрируемымъ тѣмъ или инымъ частнымъ примѣромъ изъ обихода народовъ очень различныхъ и по своему расовому типу и по условіямъ своего развитія и существованія. Такъ поступаетъ историкъ культуры, и онъ по своему правъ; но если и этнографъ не отличается отъ него, то этнографія и исторія культуры должны совпадать.

Правда, авторъ неоднократно заявляетъ, что задача этнографа классифицировать не народности, а явленія, что стремленіе классифицировать народности и племена по группамъ на основаніи какого-нибудь этнографическаго признака происходитъ отъ неправильнаго пониманія задачъ этнографической классификаціи. Но вѣдь никто и не требуетъ отъ него выполненія такой, часто непосильной задачи. Зато мы все-же, мнѣ кажется, вправѣ требовать чего-то иного отъ этнографа, чѣмъ отъ историка культуры, а именно: этнографъ не долженъ игнорировать понятія ἔθνος и долженъ показать намъ, кромѣ исторіи человѣческаго развитія въ его цѣломъ, еще и группировку явленій про-

грессивнаго развитія по тѣмъ этническимъ и расовымъ группамъ человѣчества, которыя установлены этнологіей или антропологіей. Вѣдь и самъ авторъ признаетъ, что для этнографа „не могутъ быть безразличны вопросы о типѣ населенія, изучаемаго этнографіей. Только зная болѣе или менѣе въ равной степени физическую природу человѣка, духовное его творчество и обстановку, въ которой ему приходится жить, этнографія можетъ получить широкое и вѣрное пониманіе явленій жизни“. Или, въ другомъ мѣстѣ: „физическій міръ человѣка налагаетъ на его духовный міръ настолько сильный отпечатокъ, что этнографъ не можетъ оставлять его безъ вниманія“.

Но помимо уже сказаннаго вышеприведенное опредѣленіе страдаетъ и еще однимъ недостаткомъ. „Этнографія стремится отыскать законы, согласно которымъ шло развитіе человѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры.“ Чтобы не ввести никого въ заблужденіе относительно своей точки зрѣнія, которая здѣсь выражена и безъ того ясно, авторъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ: „Этнографія занимается современными некультурными народностями“ или „промышленныя племена не являются объектами изученія этнографіи.“

Какъ основная мысль, данная въ опредѣленіи, такъ и ея комментаріи, выписанные мною сейчасъ, не отличаются точностью. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ граница низшихъ, среднихъ и высшихъ ступеней культуры, какъ различить культурную народность отъ некультурной и какими точными признаками характеризовать промышленное племя? Вѣдь самъ авторъ говоритъ на стр. 53, что „опредѣлить научно границу, отдѣляющую первобытную народность отъ культурной нѣтъ возможности“. Самъ-же онъ въ видѣ курьеза помѣстилъ въ примѣчаніи мнѣніе Ратцеля, который относитъ русскихъ до царствованія Петра I къ числу первобытныхъ, а послѣ Петра I къ культурнымъ народностямъ.

Но помимо естественной, въ силу высказанныхъ соображеній, неточности, вкравшейся въ столь важное по существу дѣла опредѣленіе, отсюда вытекаетъ и еще одно послѣдствіе: одни народы составляютъ объектъ этнографическаго изученія, другіе — культурные, промышленныя не составляютъ. Думаю, что съ такимъ взглядомъ очень трудно согла-

ситься. Неужели современные европейскія націи: французы, англичане, славяне и др., создавшія современные государства, являющіяся высшими формами социальныхъ организацій, въ которыя сложились группы современнаго чело-вѣчества—не могутъ быть объектами этнографическаго изученія? Неужели онѣ интересны для этнографа лишь постольку, поскольку онѣ надѣется найти въ нихъ факты переживанія? Развѣ такъ уже велико инвеллирующее влія-ніе такъ называемой „европейской цивилизаціи“? Неужели изъ-за общихъ культурныхъ рамокъ мы не въ состояніи уже подмѣтить національныхъ типовъ, со всѣмъ разнообра-зіемъ ихъ духовнаго уклада, темперамента, психологів?

Не мѣшаетъ также остановиться надъ отождествленіемъ у Н. Харузина понятій: народовѣдѣніе=этнологія=этно-графія. Если народовѣдѣніе исчерпывается этнографіей, а этнографія стремится отыскать законы развитія чело-вѣчества на низшихъ ступеняхъ культуры, то народовѣдѣніе, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ и въ Германіи подъ словомъ *Völkerkunde* (напр., Шурцъ), не будетъ полнымъ. Тогда мы не найдемъ въ немъ ни антропогеографіи, столь важной и существенной отрасли нашихъ знаній о распре-дѣленіи чело-вѣка на земномъ шарѣ, что многіе выдѣляютъ эту область въ спеціальннй отдѣлъ антропологическихъ знаній, не войдетъ сюда и дѣленіе чело-вѣчества на группы или народы,—а безъ этого гдѣ-же будетъ *народовѣдѣніе*? На какомъ-же базисѣ будетъ тогда оперировать этнографъ? Превращеніе этнографа въ этихъ условіяхъ лишь въ исто-рика культуры есть опять-таки самое логичное послѣдствіе такого положенія дѣла, на что мною уже и было указано выше.

Въ свое время подъ именемъ *этнологін* объединялось все народовѣдѣніе, включая сюда и этнографію (см., напр. Р. Вгоса), но происходило это отъ того, что на этнографію смотрѣли скорѣй какъ на описательный методъ, чѣмъ какъ на науку, но нельзя-же упускать изъ виду то обстоятель-ство, что туда входило изученіе и опредѣленіе расъ съ ихъ сходствами и различіями, ихъ распре-дѣленіе въ прошломъ и настоящемъ, ихъ взаимнаго родства, миграцій, вліанія физическаго и климатическаго факторовъ на ихъ органиче-скую структуру и функціональныя особенности. Итакъ,

понятія—народовѣдѣніе, этнологія и этнографія, по нашему мнѣнію, не синонимы: народовѣдѣніе обнимаетъ въ себѣ этнологию и этнографію.

Не можемъ мы также согласиться съ почтеннымъ авторомъ и относительно того мѣста, которое онъ отводитъ этнографіи въ ряду близкихъ къ ней научныхъ дисциплинъ и ихъ взаимныхъ отношеній другъ къ другу. Остановимся для примѣра хотя-бы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ высказываетъ свои мысли по поводу антропологіи, социологіи и этнографіи и ихъ взаимныхъ отношеній. „Различіе между антропологіей и этнографіей заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что первая есть наука преимущественно естественно-историческая, этнографія-же является наукой преимущественно общественной,“ говоритъ авторъ. „Значеніе антропологіи послѣ появленія новой науки—социологіи значительно сдузилось“ и далѣе: „Объединяя подъ именемъ антропологіи: этнографію, антропологию въ узкомъ смыслѣ этого слова и первобытную археологию, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые въ Англіи, и особенно во Франціи, нѣтъ основаній, такъ какъ всѣ три отрасли знанія имѣютъ свой кругъ изслѣдованія, и выводы ихъ составляютъ достояніе и матеріалы обобщающей науки—социологіи“.

Всего двѣ страницы далѣе авторомъ подмѣчается совершенно вѣрно характерная черта новѣйшей науки: „Отдѣльныя системы, говоритъ онъ, будучи въ существѣ вполне самостоятельными, вынуждены постоянно обращаться за содѣйствіемъ къ другимъ системамъ, чтобы избѣгнуть узости и односторонности и дать положительные результаты“. Съ мыслью, высказанной въ этой цитатѣ, всѣ согласятся. Спрашивается теперь, что-же пріобрѣтаетъ этнографія, низводя антропологию на степень вспомогательной науки для *социологіи* и отводя ей физическій міръ человѣка, отнимая у нея общественное значеніе и принимая на себя роль науки, общественной по преимуществу?

Мы безусловно держимся того взгляда, что отъ указанного обстоятельства этнографія не только ничего не пріобрѣла, но, наоборотъ, многое потеряла. У Харузина она порвала свою естественную связь съ антропологіей, и отъ этого ея собственный обликъ потерялъ свои ясные и опредѣленные контуры. Наша точка зрѣнія можетъ быть яснѣ

выражена на примѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказали-бы мы объ энтомологѣ, который, изучая пчелу, ограничился-бы въ своей задачѣ опредѣленіемъ ея мѣста въ системѣ животнаго царства, исторіей ея развитія, изученіемъ строе-нія ея тѣла и отдѣльныхъ его органовъ и въ то-же время оставилъ-бы въ сторонѣ или по крайней мѣрѣ не считалъ-бы себя обязаннымъ остановиться ни на устройствѣ жилища этого насекомого, ни на той сложной социальной органи-зации, которая отличаетъ эту группу перепончатокрылыхъ?

Думаю, что, если-бы въ полномъ трактатѣ по антропологii мы не нашли-бы вовсе отдѣла этнографii, т. е. обзора человѣческихъ группъ по характеру ихъ быта или уровня культуры, ими достигнутой—мы были-бы крайне изумлены. Человѣкъ со всѣми своими атрибутами—формой своего тѣла, характеромъ жизненныхъ процессовъ—физиологіей, психологіей и со всѣми проявленіями его жизнедѣятельности, съ момента своего появленія на землѣ и до тѣхъ поръ, пока онъ существуетъ—есть объектъ *антропологии*. Написать естественную исторію человѣческаго рода—вотъ задача, преслѣдуемая антропологіей, и въ ея крайней обширности и недостижимости для отдѣльнаго лица кроется необходимость подраздѣленія на *отдѣльныя области знанія*. Но впереди у всѣхъ одна цѣль, имъ свѣтитъ одна путеводная звѣзда, ихъ объединяетъ одинъ мучительный вопросъ или, лучше сказать, рядъ вопросовъ. Что такое человѣкъ? Откуда онъ? Куда онъ идетъ?

Въ развитiи науки заключается причина необходимости выдѣленія отдѣльныхъ областей въ самостоятельныя системы. Законность выдѣленія этнографii въ самостоятельную систему не подлежитъ сомнѣнію. Духовный міръ'человѣка слишкомъ обширенъ, проявленія его слишкомъ разнообразны, методъ изслѣдованія слишкомъ отличается отъ того, съ которымъ приступаетъ къ своей задачѣ анатомъ, физиологъ, словомъ, натуралистъ; этотъ послѣдній задается часто спеціальными вопросами: о положеніи человѣка среди другихъ существъ, близкихъ къ нему по своей организации, о модификаци этой организации во времени, о причинахъ ея и т. д. Но въ конечной своей цѣли задачи анатома, этнографа, археолога и физиолога—однѣ и тѣ-же: всѣ они, какъ спеціалисты, подходятъ къ рѣшенію вопросовъ съ разныхъ точекъ зрѣ-

нія, пользуются разными средствами и имѣютъ также свои спеціальныя задачи, но объединяетъ ихъ всѣхъ стремленіе познать человѣка,—всѣ они въ этомъ смыслѣ *антропологи*.

Памятуя конечную цѣль, археологъ не потеряетъ подъ ногами почвы и не сотворитъ себѣ кумира изъ битыхъ черепковъ и осколковъ кремней,—анатомъ изъ измѣрительныхъ таблицъ и статистическихъ выкладокъ.

Не понадобится также тогда и объединенія въ социологию, какъ это дѣлаетъ Н. Харузинъ. Поставивши основательной прочности перегородку между антропологіей и этнографіей, онъ чувствовалъ необходимость объединенія, по нашель его не прямо въ объектъ изученія, а въ цѣлой системѣ знаній, безъ точныхъ границъ, и далъ этой системѣ названіе социологіи. Вотъ что мы читаемъ на стр. 28: „Изучая законы развитія человѣческихъ группъ, социологія ставитъ себѣ такія широкія задачи, что ее слѣдуетъ считать скорѣе системой, объединяющей результаты, добытые другими науками, систематическимъ цѣлымъ, чѣмъ отдѣльной наукой, принимая это слово въ узкомъ, тѣсномъ значеніи. Законы, открываемые исторіей, статистикой, экономическими и другими общественными науками: антропологіей, этнографіей, археологіей, однимъ словомъ, всѣми науками, изучающими человѣка, какъ члена группы, составляютъ основу, матеріаль для социологіи. Она заняла, поскольку это касается изученія человѣка, то мѣсто, которое въ прежнее время принадлежало философіи“.

Взглядъ этотъ намъ также кажется неправильнымъ. Изъ того факта, что человѣкъ стоитъ во главѣ социальныхъ животныхъ, не слѣдуетъ еще, что социологія шире по своему объему и задачамъ, чѣмъ антропологія. Каждому свое: социологія, какъ наука, въ своей сферѣ, конечно, гораздо шире, чѣмъ антропологія и этнографія. Но въ то-же время социальныя факторы такъ рельефны, такъ типичны и такъ могущественны въ развитіи, какъ отдѣльныхъ группъ, такъ и всего человѣчества въ его цѣломъ, что ни антропологъ, ни этнографъ не могутъ, оставаясь таковыми, обойтись безъ изслѣдованія областей, составляющихъ въ то же время и область социологіи. Социологъ, занимаясь установленіемъ законовъ развитія общественныхъ группъ, разбираясь въ добытомъ этнографіей матеріаль, является въ то же время

и антропологомъ, потому что онъ освѣщаетъ намъ темные вопросы въ существованіи человѣка, какъ существа съ опредѣленными социальными задатками и тенденціями.

Уже изъ самой этимологіи слова „соціологія“ видно, что понятіе, имъ обозначаемое, уже того, которое стремится придать ей Харузинъ, и во всякомъ случаѣ едва-ли найдутся соціологи, которые согласятся съ тѣмъ воззрѣніемъ, что въ изученіи человѣка соціологіи принадлежитъ то мѣсто, которое въ прежнее время принадлежало философіи.

Мы уже видѣли выше, что изъ ошибочныхъ теоретическихъ положеній и опредѣленій, какъ естественное ихъ послѣдствіе, явились и практическіе недостатки въ конструкціи всей дальнѣйшей работы, какъ этнографическаго трактата. Однако, нужно признать, что на практическую сторону дѣла вліяніе упомянутыхъ теоретическихъ ошибокъ сказалось все-же далеко не со всѣми ихъ логическими послѣдствіями. Такъ, напр., авторъ счелъ долгомъ дать наряду съ классификаціей этнографическихъ явленій и даже предпослать ей вопросъ о классификаціи человѣчества, признавши, правда, его „субсидіарное“ значеніе для этнографіи. Спрашивается: почему-же онъ призналъ эту группировку необходимой? Вѣдь если задача этнографа классифицировать только явленія, оставляя въ сторонѣ классификацію народовъ, то этой послѣдней можно было-бы вовсе пожертвовать, какъ неотносящейся къ дѣлу, несмотря даже на нѣсколько неясный намекъ автора на то, что „она служитъ гарантіей систематизаціи данныхъ о большихъ группахъ народностей и облегчаетъ изученіе имѣющихся свѣдѣній“. Мысль, положенная въ основаніе этой фразы, дальше не развита, а въ этой формѣ является совершенно неясной.

Въ данномъ случаѣ авторъ показавъ только, что въ курсѣ этнографіи, дѣйствительно, невозможно обойтись безъ этнической классификаціи, безъ критики ея приемовъ, безъ освѣщенія нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ общей антропологіи, и тѣмъ самымъ лучше всякихъ логическихъ доводовъ указавъ намъ генетическую связь между отдѣльными областями антропологическихъ знаній. Всѣ онъ объединены объектомъ изученія, общимъ для всѣхъ—*человѣкомъ*, въ одно общее цѣлое, какъ и въ человѣческомъ существѣ, при всѣхъ различіяхъ его физической, фізіологической,

психологической природы, всё его качества соединены въ одно стройное цѣлое, для удобства и успѣха изученія котораго мы временно выдѣляемъ тѣ или инныя качества, тѣ или инныя явленія.

Первыя главы, посвященныя матеріальной культурѣ, трактуютъ о палео- и неолитическомъ человѣкѣ. Всѣ наши свѣдѣнія объ этихъ періодахъ существованія человѣчества черпаются изъ фактовъ, добытыхъ археологіей. Археологія, такимъ образомъ, является началомъ, базисомъ для всякой этнографіи, для всякой исторіи культуры. Эту идею мы считаемъ самою плодотворною, такую систему—самою достойною подражанія.

Теперь, какъ-же отнестись къ вышеприведенному замѣчанію автора, что „объединять подъ именемъ антропологіи: этнографію, антропологію въ узкомъ смыслѣ слова и первобытную археологію, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые въ Англии и особенно во Франціи, нѣтъ основаній, такъ какъ всѣ три отрасли знанія *имѣютъ свой кругъ изслѣдованія*, и выводы ихъ составляютъ матеріаль обобщающей науки—соціологіи“.

Намъ кажется наоборотъ, что кругъ изслѣдованія доисторической археологіи всецѣло и безъ остатка исчерпывается антропологіей въ широкомъ смыслѣ этого слова. Вѣдь, если нѣкоторые опредѣляютъ археологію, какъ науку о древностяхъ, то вѣдь не сами же древности, какъ таковыя, являются объектомъ изученія—древности сами по себѣ лишь мертвый музейный матеріаль, который требуетъ еще одухотворенія. Какіе же вопросы пытается разрѣшить археологъ на основаніи изученія своего матеріала? Пользуясь услугами геологіи, онъ пытается опредѣлить древность человѣка на землѣ, т.-е. разрѣшить одинъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ антропологіи. На основаніи остатковъ самага человѣка, костяковъ, съ помощью анатоміи онъ пытается установить типъ древняго обитателя земли, опредѣлить доисторическія расы и ихъ миграціи, т.-е. найти основанія современной этнологіи; на основаніи слѣдовъ дѣятельности человѣка—рѣшить вопросы, связанныя съ его культурой, какъ матеріальной, такъ и духовной. Въ этомъ отношеніи, какъ я только что упомянулъ, археологія лежитъ въ основаніи этнографіи. Гдѣ-же *свой кругъ изслѣдованія*? Не даромъ-же во

Франціи и въ Италиі доисторическая археологія получила очень удачное наименованіе палеоэтнологіи. Существованіе ея, какъ самостоятельной системы, обусловлено, на нашъ взглядъ, лишь своеобразиемъ матеріала, съ которымъ она оперируетъ, равнымъ образомъ и оригинальностью приемовъ изслѣдованія, и въ то же время никто не станетъ оспаривать ея правъ на самостоятельность: пользуясь своими оригинальными приемами и тщательно изучая добытый, часто очень невзрачный и неприглядный матеріалъ, археологи содѣйствовали рѣшенію однихъ вопросовъ, поставили на очередь другіе и дѣйствительно разрѣшили много вопросовъ, связанныхъ съ существованіемъ человѣка на землѣ, и тѣмъ самымъ оказали существенную помощь антропологіи, этнографіи, исторіи культуры и исторіи.

Итакъ, подводя итогъ критикѣ взглядовъ Харузина, высказанныхъ имъ въ своей книгѣ, и своимъ замѣчаніямъ по поводу этихъ взглядовъ, мы такъ резюмируемъ сказанное:

1) *Этнографія, оставаясь самостоятельной наукой, входитъ въ систему антропологическихъ знаній.*

2) *Этнографія есть наука, имѣющая предметомъ изученія развитіе интеллектуальныхъ и духовныхъ способностей человѣческаго рода, подъ вліяніемъ географической среды и историческихъ условій своеобразно протекавшее въ различныхъ группахъ, представляющихъ расы и народы земного шара, и нашедшее свое выраженіе въ особенностяхъ матеріальнаго и духовнаго уклада ихъ жизни.*

Я не буду останавливаться на детальномъ разборѣ главъ, посвященныхъ матеріальной культурѣ; главный недостатокъ мною уже былъ указанъ: это скорѣе лекціи по исторіи культуры, чѣмъ по этнографіи. Можно также указать на то, что отдѣльныя главы не всегда получили достаточно полное развитіе, а вопросы, въ нихъ затронутые, полное освѣщеніе, но, очевидно, здѣсь сказалась необходимость трактовать вопросы слишкомъ большіе и сложные на ограниченномъ извѣстными практическими потребностями пространствѣ. Поэтому можно высказать объ этомъ сожалѣніе и не поставить этого автору въ упрекъ.

Главнымъ достоинствомъ лекцій является то, что авторомъ, поскольку это явилось, конечно, возможнымъ, приложены всѣ старанія къ тому, чтобы широко воспользоваться

русской этнографической литературой и многія этнографическія черты и явленія иллюстрировать примѣрами, взятыми изъ русской жизни. Съ этой стороны трудъ Харузина явится цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую литературу, полезнымъ не только для его соотечественниковъ.

Не буду, конечно, говорить о мелкихъ недочетахъ и недосмотрахъ, которые являются неизбежными при колоссальномъ объемѣ предмета, большой литературѣ, часто противорѣчащихъ другъ-другу источникахъ, при описаніи явленій, не получившихъ еще полнаго освѣщенія, гдѣ такъ много мѣста для разныхъ толкованій и гипотезъ.

Остановлюсь лишь на одномъ фактѣ, на мой взглядъ достаточно существенномъ для того, чтобы выставить его въ надлежащемъ свѣтѣ, такъ какъ у Н. Н. Харузина онъ получилъ не вполне правильное освѣщеніе. Я говорю о томъ освѣщеніи, которое придано авторомъ находкѣ д-ра Дюбуа—*Pithecantropus erectus*. Оно не вѣрно въ томъ отношеніи, что кости, найденныя Дюбуа, поставлены на ряду съ находками въ Неандерталѣ, Пшедмости и др., принадлежность которыхъ къ четвертичной геологической эпохѣ не возбуждаетъ сомнѣній. Совершенно опредѣленно и категорически относить Харузинъ и находку Дюбуа къ четвертичной эпохѣ или, по установившейся, не совсемъ удачной терминологіи, къ дилювіальной эпохѣ. Между тѣмъ весь смыслъ того шума, о которомъ упоминаетъ и Харузинъ, происходившаго при дебатахъ объ этой находкѣ, заключается въ томъ, что мы имѣемъ дѣло не съ обычнымъ, такъ наз., дилювіальнымъ черепомъ, но съ остатками верхнихъ слоевъ третичной эпохи, относящимися къ, такъ наз., плиоценовому періоду. Отсюда отчасти и вся страстность дебатовъ по поводу *Pithecantropus*'а, — онъ поднялъ вновь деликатный вопросъ о третичномъ человѣкѣ, существованіе котораго такъ ревностно защищали нѣкоторые археологи. Во всякомъ случаѣ на основаніи всѣхъ литературныхъ данныхъ по вопросу о *Pithecantropus erectus*, находка эта должна быть поставлена совершенно особо отъ всѣхъ костяковъ четвертичной эпохи.—Въ виду же специальности и обширности этого вопроса и въ частности въ виду того, что онъ не имѣетъ прямого отношенія къ этнографіи—мы и остановимся на сдѣланной оговоркѣ.

Въ заключеніе остается лишь пожелать, чтобы книга возбудила къ себѣ побольше интереса, котораго она вполнѣ заслуживаетъ, нашла себѣ широкое распространеніе и выразить редакторамъ этого труда, вышедшаго уже послѣ смерти автора, глубокую признательность за сохраненіе научнаго наслѣдства, оставшагося отъ ихъ покойнаго брата.

Н. Могиланскій.

ПАМЯТИ

Проф. И. П. Мержеевского.

Мѣсяць *) назадъ, 5-го Марта, въ Парижѣ скончался проф. Иванъ Павловичъ Мержеевскій. Смерть сразила его внезапно, среди дѣла, такъ сказать, на привычномъ посту, среди приготовленій къ 50-ти-лѣтнему юбилейному чествованію его друга проф. Маньяна. Проф. Мержеевскій скончался на 70-мъ году жизни отъ мозгового кровоизліянія.

15-го марта гробъ съ останками проф. Мержеевского былъ преданъ землѣ на католическомъ кладбищѣ, на Выборгской сторонѣ, въ г. С.-Петербургѣ, гдѣ протекла его полная труда дѣятельность.

Вслѣдъ за тѣмъ, 20 Марта, памяти Ивана Павловича было посвящено экстренное, специально съ этою цѣлью созванное засѣданіе Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ, въ которомъ личность и дѣятельность покойнаго были очерчены въ рѣчахъ проф. В. М. Бехтерева, О. А. Чечотта и П. Я. Розенбаха, а 24-го Марта въ засѣданіи Антропологическаго общества при Импер. Военно-Медицинской Академіи память усопшаго профессора была почтена вставаніемъ по предложенію предсѣдателя общества проф. И. Э. Шавловскаго. Конечно, многія другія ученія общества въ Россіи и заграницею не остались безучастными въ виду столь крупной потери: имя Ивана Павловича Мержеевского пользовалось заслуженною, громкою извѣстностью и въ нашемъ отечествѣ, и среди ученаго міра за предѣлами Россіи.

Я не берусь дать полный біографическій очеркъ проф. И. П. Мержеевского и тѣмъ менѣе оцѣнку его научной дѣятельности, позволю себѣ только лишь подѣлиться нѣкоторыми данными изъ его біографіи, а также своими лич-

*) Сообщено въ апрѣльскомъ засѣданіи Антропологическаго Общества при СПетербург. Унив. въ 1908 г.

ными воспоминаніями о свѣтломъ обликѣ почившаго, какъ одинъ изъ его ближайшихъ учениковъ.

Иванъ Павловичъ Мержеевскій родился 10 февраля 1838 года въ Бядржеевѣ, уѣздномъ городѣ Радомской губерніи, гдѣ его отецъ былъ судебнымъ дѣятелемъ. Окончивъ съ серебряною медалью гимназію въ г. Люблинѣ, И. П. Мержеевскій поступилъ въ 1855 году въ Императорскую Медико-Хирургическую Академію, при которой, по окончаніи курса въ 1861-мъ году, былъ оставленъ для усовершенствованія въ наукахъ. Здѣсь онъ съ первыхъ же шаговъ своею врачебной дѣятельности отдался изученію психіатріи подъ руководствомъ извѣстнаго психіатра и, можно сказать, отца психіатріи въ Россіи — профессора Ивана Михайловича Балинскаго. Съ 1872-го по 1875-ый годъ Иванъ Павловичъ находился въ научной командировкѣ за границу, гдѣ работалъ у наиболѣе выдающихся профессоровъ: Р. Вирхова, Вестфала, Генле, Меркеля, Фрерихса, Траубе, Шарко, Мейнerta, Кюне, Арнольда, Гуддена, Брока, Ранвье, Клодъ Бернара, Вюльпіана. По возвращеніи въ Россію въ 1876-мъ году И. П. Мержеевскій былъ признанъ приватъ-доцентомъ Имп. Мед.-Хир. Академіи по кафедрѣ психіатріи и невропатологіи, а въ 1877-мъ году, за уходомъ съ этой кафедры проф. И. М. Балинскаго, унаслѣдовалъ въ качествѣ ординарнаго профессора его кафедру, а вмѣстѣ съ тѣмъ должность директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней при Мед.-Хир. Академіи. Кафедру эту Ив. Павл. Мержеевскій занималъ по 1893-ій годъ, оставивъ ее по причинѣ сильно его беспокоившихъ приступовъ почечныхъ коликъ, бывшихъ, очевидно, при крайней умѣренности Ивана Павловича, слѣдствіемъ діатеза, развившагося подъ вліяніемъ постояннаго и усиленнаго умственнаго труда и нервнаго напряженія.

При своей постоянно дѣятельной натурѣ И. П. Мержеевскій не ограничивался веденіемъ клиники, чтеніемъ лекцій, а также обширною врачебною практикою. Онъ дѣятельно руководилъ кромѣ того научными занятіями стекавшихся къ нему со всей Россіи и работавшихъ подъ его руководствомъ врачей, изъ которыхъ многіе составили себѣ въ наукѣ имя, нѣкоторые заняли кафедры психіатріи въ нѣсколькихъ высшихъ русскихъ врачебныхъ школахъ, другіе

же были приглашены къ завѣдыванію психіатрическими заведеніями въ имперіи. Въ качествѣ предсѣдателя Общ. психіатровъ въ С.-Петербургѣ, и какъ членъ Медицинскаго Совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ, Иванъ Павловичъ принималъ постоянное и дѣятельное участіе въ разработкѣ всѣхъ касавшихся психіатріи, какъ практическихъ, такъ и теоретическихъ вопросовъ, возникавшихъ въ нашемъ отечествѣ. Кромѣ того, Медицинскимъ Совѣтомъ ему часто поручался разборъ наиболѣе сложныхъ и запутанныхъ случаевъ судебно-психіатрической экспертизы.

Не задаваясь подробнымъ разборомъ научныхъ трудовъ проф. И. П. Мержеевскаго, которые въ полномъ ихъ объемѣ могутъ быть достойно оцѣнены специалистомъ-психіатромъ, скажу только, что изъ подъ пера Ивана Павловича вышло не мало ихъ, при чемъ нѣкоторые имѣли очень важное въ наукѣ значеніе, какъ, напр., касающіеся гистологическихъ измѣненій мозговой ткани при прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ („De l'encephalite diffuse interstitielle, periependymaire dans la paralysie générale“), а также рядъ трудовъ, касающихся мозга идиотовъ („Микроцефализмъ“—въ Арх. Суд.-Мед.). „О нѣкоторыхъ особенностяхъ головного мозга идиотовъ вообще и новый случай идиотизма“—тамъ же, „Considérations anatomiques sur les cerveaux d'idiots“—въ Comptes rendus du Congrès international des sciences médicales, Genève, 1878 г., „Recherches anathomo-pathologiques sur l'idiots“—въ Congrès international de médecine mentale 1879 г., „Parenccephalia spuria duplex“ (въ юбилейномъ сборникѣ Глѣбова и др.). Кромѣ печатныхъ своихъ трудовъ, проф. Мержеевскій нерѣдко дѣлалъ сообщенія и дѣятельно руководилъ преніями, заканчивая ихъ своимъ всегда содержательнымъ résumé, въ засѣданіяхъ общ. психіатровъ въ Спб., котораго предсѣдателемъ онъ былъ въ пору наиболѣе кипучей дѣятельности общества. При всемъ этомъ онъ находилъ еще время редактировать журналъ: „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи“.

Время профессорской дѣятельности И. П. Мержеевскаго при Императорской Военно-Медицинской Академіи было ознаменовано капитальными улучшениями въ постановкѣ самого преподаванія психіатріи и нервныхъ болѣзней въ академіи. Онъ явился достойнымъ продолжателемъ на этомъ пути

своего учителя проф. И. М. Балинского. При участіи послѣдняго, но подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ Ивана Павловича созданъ тотъ монументальный памятникъ, который является нынѣшняя клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней при Воен.-Мед. Академіи, образцово-устроенная, снабженная богатѣйшей специальной бібліотекой и прекрасно оборудованными лабораторіями,—клиника, которую можно было не безъ чувства удовлетворенія показать знаменитому Рудольфу Вирхову при его посѣщеніи Петербурга въ 1897 году, во время международнаго съѣзда врачей въ Москвѣ.

Многосторонняя, неустанная дѣятельность И. П. Мержеевского не прекращалась и лѣтомъ, въ вакаціонное время: отдыхъ онъ находилъ въ дѣлѣ же. Во время своихъ ежегодныхъ лѣтнихъ поѣздокъ за границу онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ съѣздахъ психіатровъ и невропатологовъ иностранныхъ государствъ, гдѣ нерѣдко дѣлалъ сообщенія по разнымъ вопросамъ, касающимся науки, которой онъ себя посвятилъ. Благодаря такой энергичной и выдающейся дѣятельности, онъ былъ членомъ очень многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи, Западной Европѣ и Америкѣ. Среди своихъ членовъ его считали: Парижское Анатомическое Общество, Парижское Антропологическое Общество, Парижское Медико-Психологическое Общество, Общество Бельгійскихъ Психіатровъ, Медико-Психологическое Общество Великобританіи (поч. чл.), Американское Неврологическое общество въ Нью-Йоркѣ, Парижское Біологическое Общество (чл.—корр.), Итальянское Психологическое Общество, Нью-Йоркская Антропологическая Академія (поч. чл.), Краковское Медицинское Общество (поч. чл.), Общество любителей наукъ въ Познани (поч. чл.), Общество любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи въ Москвѣ (поч. чл.), Общество невропатологовъ и психіатровъ въ Москвѣ (поч. чл.), Русское Антропологическое Общество при Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ (чл.-учред.), Антропологическое Общество при Импер. Военно-Медицинской Академіи (чл.-учред.) и многія другія медицинскія общества въ Россіи. Въ 1897 году Ив. Павл. Мержеевскій былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Парижской Медицинской Академіи. Продолжительное время—съ 1879-го по 1903-й годъ—Иванъ Павловичъ состоялъ предсѣдателемъ

Общества Психіатровъ въ С.-Петербургѣ, въ которое онъ вдохнулъ жизнь, о чемъ, впрочемъ, было уже говорено выше.

Почтивъ вставаньемъ память своего члена-учредителя Ивана Павловича Мержеевского, Русское Антропологическое Общество при Имп. С.-Петербургскомъ Университетѣ воздало должное не только своему сочлену, не только выдающемуся профессору и одному изъ первыхъ организаторовъ психіатрическаго дѣла въ Россіи; но также почтило въ лицѣ почившаго выдающагося ученаго, отдавашаго весь свой талантъ, всю свою эрудицію и всѣ свои силы изученію того отдѣла науки о человѣкѣ, который занялъ наивысшими функціями его организма—функціями мозга, нервной системы, какъ въ патологическихъ, такъ и въ нормальныхъ ихъ проявленіяхъ. Въ науку эту входитъ, какъ нераздѣльная ея часть, также и детальное макро- и микроскопическое изученіе строенія центральнаго нервнаго органа и его периферическихъ окончаній, какъ въ ихъ патологическихъ измѣненіяхъ и уклоненіяхъ въ развитіи, такъ и въ анатомически-нормальномъ устройствѣ. Здѣсь психіатрія встрѣчается съ антропологіею... Въ лицѣ покойнаго Ивана Павловича Мержеевского мы имѣли глубокаго знатока нормальнаго устройства мозга и различныхъ его отклоненій отъ нормы и патологическихъ измѣненій.

Въ годы моего студенчества и особенно въ бытность мою врачомъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ при клиникѣ проф. Мержеевского, мнѣ живо врѣзалось въ память, съ какимъ интересомъ Иванъ Павловичъ останавливался надъ подробнымъ анатомическимъ изученіемъ мозга того или другого субъекта изъ числа наблюдавшихся въ клиникѣ больныхъ, мозгъ которыхъ обязательно доставлялся въ клинику послѣ всякаго вскрытія. Невольно примѣромъ профессора заражались и его слушатели, и его ученики. Не упуская случая при всѣхъ своихъ многостороннихъ занятіяхъ и обязанностяхъ углубиться въ такого рода изслѣдованіе, Иванъ Павловичъ изучалъ на самомъ субстратѣ патологию отправленій мозга, несомнѣнно стоящую въ связи съ матеріальными, иногда ясно невооруженнымъ глазомъ видимыми, иногда молекулярными измѣненіями въ структурѣ мозга. Такимъ путемъ онъ приходилъ къ ясному, насколько это возможно при современномъ состояніи нашихъ знаній, представленію о характерѣ психи-

ческихъ отправленій чловѣка въ ихъ патологическихъ проявленіяхъ,—путемъ, который мнѣ представляется болѣе вѣрнымъ,—особенно въ рукахъ такого выдающагося психіатра, какимъ былъ Иванъ Павловичъ Мержеевскій,—для уразумѣнія психологіи чловѣка, нежели путь чисто умоизрядительный, безъ наблюденія надъ патологіей психическихъ функцій.

Будучи глубокимъ знатокомъ чловѣческой психики, Иванъ Павловичъ проявлялъ это свое знаніе и во всѣхъ своихъ поступкахъ, какъ въ отношеніи болѣе близкихъ, такъ и менѣе близко стоящихъ къ нему людей. Особенно замѣтно сказывалось это на тѣхъ лицахъ, которыя работали подъ его руководствомъ въ клиникѣ. Несомнѣнно внушая имъ, какъ и всякій учитель, свои идеи, Иванъ Павловичъ съ замѣчательной деликатностью и врожденнымъ тактомъ ступшевывалъ свою роль руководителя, и его ученики какъ бы не замѣчали этого верховнаго руководительства профессора, они чувствовали себя вполне самостоятельно работающими, и это, конечно, удвоивало ихъ энергію, ихъ трудоспособность, развивало самодѣтельность. Такое отношеніе Ивана Павловича, помимо глубокаго знанія чловѣческой души, свидѣтельствовало о благородствѣ ума и духа самого руководителя, считавшаго излишнимъ къ своимъ лаврамъ вплетать нѣсколько новыхъ листиковъ и предоставлявшаго работникамъ, вновь вступавшимъ на почву научнаго изслѣдованія, нераздѣльно пользоваться успѣхами ихъ первыхъ шаговъ на поприщѣ науки. Такое отношеніе, конечно, много способствовало проф. И. П. Мержеевскому создать цѣлую школу психіатровъ и невропатологовъ, охотно шедшихъ учиться въ клинику и лабораторію Ивана Павловича, гдѣ ихъ ждало не только серьезное научное руководство со стороны самаго профессора и его ближайшихъ помощниковъ, частью тоже отошедшихъ въ лучшій міръ, какъ А. Ф. Эрлицкій, С. Н. Данилло и др., но и теплое и участливое отношеніе Ивана Павловича. Всѣ эти высокія качества души проф. И. П. Мержеевского вмѣстѣ взятыя настолько связывали его учениковъ живою, неразрывною связью съ незабвеннымъ учителемъ, что связь эта не только не нарушалась съ годами, но какъ будто дѣлалась крѣпче, прочнѣе.

Сердечное, полное деликатнаго вниманія обращеніе Ивана Павловича съ людьми и сверхъ того удивительная

ровность и сдержанность его характера, указывающія на несомнѣнно высоко развитое умѣніе владѣть собою и врожденный тактъ, обаятельно дѣйствовали на всѣхъ людей, имѣвшихъ какое либо отношеніе къ Ивану Павловичу, въ качествѣ ли врача, ищущаго опытнаго и знающаго консультанта, чтобы облегчить страданія своего пациента и поставить его на путь выздоровленія; въ качествѣ ли больного, обращавшагося къ Ивану Павловичу непосредственно за врачебною помощію. И въ результатѣ такого обращенія къ Ивану Павловичу, какъ врачъ, такъ и пациентъ уходили очарованными, ободренными Иваномъ Павловичемъ и съ вѣрою въ науку. Первый неизбѣжно встрѣчалъ крайне деликатное отношеніе къ своимъ всегда возможнымъ погрѣшностямъ въ діагнозѣ и леченіи, причемъ даже не ощущалъ никакого давленія со стороны авторитета профессора, а какъ будто самъ приходилъ къ заключенію, которое, такъ сказать, индуцировалось со стороны психическихъ центровъ профессора; а второй—т. е. пациентъ—уже чувствовалъ себя легче, какъ только подвергался всегда обстоятельному и всестороннему изслѣдованію и внимательному, подробному разспросу проф. Мержеевского.

Переходя отъ бѣглої оцѣнки Ивана Павловича, какъ профессора, ученаго и врача, къ оцѣнкѣ его какъ общественнаго дѣятеля, я не могу не коснуться мелькомъ его личности и въ этомъ отношеніи. Будучи по происхожденію кореннымъ полякомъ, съ типичными польскими чертами лица, Иванъ Павловичъ съ рѣдкимъ среди представителей всѣхъ національностей безпристрастіемъ относился къ людямъ, не взирая на ихъ происхожденіе, народность: русскій и полякъ, еврей и нѣмецъ для него были одинаковы—только трудъ, способности, нравственныя качества имѣли въ глазахъ профессора вѣсь при оцѣнкѣ качествъ личности и руководили его отношеніями. Поэтому то среди его учениковъ мы видимъ лицъ различныхъ національностей, стекавшихся къ нему за свѣтомъ науки. Таково же было безпристрастіе Ивана Павловича и въ другихъ вопросахъ общественной жизни, какъ это всегда сквозило въ его бесѣдахъ, что свидѣтельствуетъ о высокой гармоніи въ развитіи души и ума этого человѣка. Стоя въ теченіе больше четверти столѣтія очень близко къ наивысшимъ

политическимъ сферамъ Россіи, весьма почитаемый въ этихъ сферахъ, онъ имѣлъ возможность видѣть и слышать очень многое... Обширный кругозоръ Ивана Павловича, его положительныя черты характера при богато одаренномъ критическими способностями умѣ, позволяли ему превосходно разбираться въ современной путаницѣ политической мысли въ Россіи—разбираться въ направленіи прогресса. Какъ безусловный сторонникъ прогресса, онъ давно уже заявилъ себя, когда сталъ на сторонѣ допущенія женщинъ къ высшему медицинскому образованію, начавъ еще въ 70-тыхъ годахъ чтеніе лекцій психіатріи на женскихъ медицинскихъ курсахъ, существовавшихъ тогда при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ.

Въ высшей степени акуратный во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, строгій къ самому себѣ, къ дѣлу Иванъ Павловичъ, умирая оставилъ своей семьѣ дѣла свои въ идеальномъ порядкѣ, какъ это мнѣ извѣстно отъ лица, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ покойнаго.

Конечно, и у этого добраго, корректнаго, деликатнаго человѣка были свои хулители, быть можетъ, враги, но... vox populi былъ и будетъ на сторонѣ Ивана Павловича.

Тотчасъ послѣ смерти проф. И. П. Мержеевского въ общей прессѣ появилось нѣсколько, посвященныхъ ему замѣтокъ, дышащихъ неподдѣльнымъ чувствомъ къ усопшему. Многочисленные слушатели Ивана Павловича, даже не стоявшіе къ нему столь близко, какъ его ближайшіе ученики, и особенно эти послѣдніе, въ среду которыхъ счастливая звѣзда завела когда-то и меня, съ душевнымъ удовлетвореніемъ прочли глубоко—искреннія, правдивыя строки профессора В. А. Тиле въ „Новомъ Времени“ (№ 11490 отъ 8 марта 1908 г.), посвященныя Ивану Павловичу.

Цѣльная, обаятельная и съ внѣшней стороны личность Ивана Павловича глубоко запечатлѣлась въ умѣ и сердцѣ лицъ, его хорошо знавшихъ. Хотѣлось бы, чтобы нашелся талантливый біографъ профессора И. П. Мержеевского, который съумѣлъ бы ярко и выпукло нарисовать духовный образъ профессора для назиданія будущимъ поколѣніямъ: отходя въ лучшей міръ, Иванъ Павловичъ Мержеевскій оставилъ свѣтлый обликъ истинно-культурнаго, высоко нравственнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ человѣка, о которомъ можно сказать: ессе homo!

Ө. Бялыницкій-Буруля.

Дѣтскіе рисунки.

Авторефератъ ¹⁾.

Около 25 лѣтъ назадъ, въ ряду очередныхъ вопросовъ, появляется новая научная проблема—исторія развитія рисунка у ребенка и у „дикарей“, а въ прошломъ—у первобытнаго чело-вѣка. Три дисциплины, исторически разобщенныя въ своихъ задачахъ и методахъ—психологія, педагогика и этнографія совмѣстно выдвинули этотъ вопросъ, одинаково заинтересо-ваны въ его разработкѣ,—поэтому и самое рѣшеніе вопроса возможно лишь при условіи общей работы. Цѣлый рядъ тео-ретическихъ вопросовъ и практическихъ задачъ связанъ съ расшифрованіемъ загадочныхъ дѣтскихъ рисунковъ. Для пси-хологіи, выдѣлившей въ настоящее время исторію душевнаго роста ребенка едва-ли не въ самостоятельную науку, дѣтскіе рисунки не менѣе важны, чѣмъ развитіе рѣчи, такъ какъ дѣт-скій рисунокъ, отъ первыхъ каракулей до сознательной пере-дачи внѣшняго міра и внутреннихъ переживаній, проходитъ не менѣе спорный путь, чѣмъ дѣтская рѣчь отъ лепета до сложнаго психическаго акта. И новая психологія очень скоро отмѣтила важность этого еще вовсе не использован-наго клада. Рядомъ съ нею шла педагогика, общая и про-фессіональная; общая—съ того момента, какъ стало ясно, что при помощи правильно поставленнаго и толкуемаго свободнаго рисованія это послѣднее легче, проще и по-нятнѣе проводить въ сознаніе ребенка одно за другимъ представленіе о внѣшнемъ мірѣ, даетъ ему, какъ матеріаль, такъ и средство передачи его, пользуясь при этомъ однимъ изъ самыхъ раннихъ инстинктовъ—инстинктомъ художествен-наго творчества. Педагогика профессиональная въ Англии, Америкѣ и позже въ Германіи усмотрѣла въ естественной

¹⁾ Доложенъ 24 окт. 1908 г. въ Рус. Антропологическомъ Обществѣ.

и, слѣдовательно, совершенно иной чѣмъ раньше постановкѣ рисованія одно изъ первыхъ и наиболѣе важныхъ средствъ для ручного труда, для борьбы ремесла съ машиной, наконецъ, для преобразования вкуса, который необыкновенно понизился въ большихъ массахъ на Западѣ въ теченіе 19 вѣка. И тутъ изученіе дѣтскаго рисунка было первымъ шагомъ. Наконецъ, этнологія уже на первыхъ порахъ увидѣла сходство дѣтскихъ рисунковъ съ рисунками современныхъ дикарей и первобытнаго человѣка. Отсюда чрезвычайная важность дѣтскихъ рисунковъ при изученіи происхожденія и первыхъ ступеней искусства. Извѣстно, что здѣсь наука переживаетъ канунъ великихъ культурныхъ открытій, которыя заставляютъ насъ расширить понятіе искусства, отодвинуть начало его въ отдаленную глубь вѣковъ, заставляютъ насъ признать художественный инстинктъ однимъ изъ наиболѣе раннихъ элементовъ душевной жизни, лишь медленно вытѣсняемый и видоизменяемый историческимъ ростомъ интеллекта. Когда, такимъ образомъ, интересъ къ дѣтскому рисунку нашель для себя столько побудительныхъ причинъ, за разработку его принялись въ разныхъ мѣстахъ. Предстояли двѣ задачи: собрать по опредѣленной и притомъ разнообразной программѣ достовѣрный матеріалъ и затѣмъ, выработавъ методику анализа, расшифровать рисунки и создать классификацію, которая служила бы руководствомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

По вопросу о рисункахъ дѣтей и дикарей въ указанный періодъ времени появилось нѣсколько работъ, изъ которыхъ нѣкоторыя надолго сохранять научный, художественный и психологическій интересъ. Здѣсь, конечно, приходится ограничиться однимъ лишь перечнемъ заглавій: въ 1893 г. появилась работа *К. фонъ денъ-Штейнена*: *Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens*, гл. XI. Искусство у дикарей (рисование на песокъ, древесной корѣ); въ 1878 г. изданы *Richard'омъ Andree*: „*Ethnographische Parallelen und Vergleiche*“, много позже вышла работа 1907: *Koch-Grünberg'a*: „*Anfänge der Kunst im Urwald (Indianer-Handzeichnungen)*“. Уже въ этихъ трудахъ авторы, рассматривая свой матеріалъ съ этнографической точки зрѣнія, одинъ за другимъ отмѣчаютъ попутно *фактъ аналогіи въ художественномъ творчествѣ взрос-*

ныхъ дикарей и дѣтей, повидимому, отвѣчающую аналогіи въ какой то стадіи психогенезиса. Констатированіе этого важнаго факта составляетъ огромную заслугу этнографіи, анализъ же его—дѣло психологіи и отчасти экспериментальной педагогикки. Опыты художественной оцѣнки и психологическаго анализа дѣтскихъ рисунковъ сдѣланы впервые итальянскимъ историкомъ искусства, Ricci, въ его интересной книжкѣ: „Дѣти-художники“ (1887), и англійскимъ психологомъ Док. Селли („Очерки психологіи дѣтства“). Здѣсь впервые установлены—въ самыхъ общихъ чертахъ—стадіи развитія дѣтскаго рисунка, раскрытъ смыслъ, вкладываемый дѣтьми въ свои рисунки и ихъ отношеніе къ собственному творчеству. Какъ видно изъ этого крайне неполнаго перечня, изслѣдованіе дѣтскихъ рисунковъ шло случайными путями, и лишь въ 1904—5 году вопросъ поставленъ на научную почву—раньше всего въ Лейпцигѣ.

Профессоръ Лампрехтъ, создавшій въ Лейпцигѣ при кафедрѣ исторіи единственный по богатству и глубинѣ замысла „Институтъ для изученія исторіи культуры“, исходя изъ основъ эволюціоннаго ученія объ онтогенезѣ и филогенезѣ, остановился на мысли искать въ первыхъ проявленіяхъ психики ребенка указаній на историческій ходъ развитія челоѣчества. Такимъ раннимъ матеріаломъ являются каракули, а позже—дѣтскіе рисунки. Лампрехтъ внесъ свое предложеніе на обсужденіе нѣсколькихъ педагогическихъ обществъ въ Лейпцигѣ, и рѣшено было общими силами взяться за изученіе дѣтскаго искусства. Самъ Лампрехтъ взялъ на себя организацію собиранія матеріаловъ. Такая научная задача была подъ силу лейпцигскимъ педагогамъ больше, чѣмъ другимъ, потому что здѣсь изученіе психологіи уже давно стояло на значительной высотѣ.

Съ тѣхъ поръ и по настоящее время лейпцигскіи педагогическій союзъ собираетъ международный матеріалъ, какъ среди цивилизованныхъ, такъ и первобытныхъ народовъ. И, вѣроятно, потребуется еще нѣсколько лѣтъ для приведенія въ порядокъ и обработки собраннаго матеріала. Такъ, выработавъ специальный вопросный листъ, разосланный при помощи германскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія въ такія же министерства другихъ странъ, для рассылки по школамъ. Лампрехтъ сообщаетъ, что многія евро-

пейскія и вѣвропейскія правительства уже отозвались, особенно Англія и ея колоніи и Италія — родина многихъ великихъ откровеній европейскаго искусства. Въ настоящее время собрано уже около 140.000 дѣтскихъ рисунковъ (матеріала изъ Россіи совсѣмъ нѣтъ). Съ прошлаго года ассистентъ Лампрехта читаетъ спеціальнѣйшій курсъ о дѣтскихъ рисункахъ для небольшого круга слушателей. На основаніи собраннаго матеріала уже теперь обнародована однимъ изъ молодыхъ лейпцигскихъ ученыхъ, Левинштейномъ, обширная работа: Дѣтскіе рисунки до 14-ти лѣтъ — параллели изъ первобытной исторіи, исторіи культуры и этнографіи, съ атласомъ и подробной библіографіей. Въ эту книгу вошли разрозненные результаты всѣхъ прежнихъ изслѣдованій и снова сдѣлана попытка установить „закономѣрность въ развитіи дѣтскаго рисунка, который въ первые годы жизни служить какъ-бы одной изъ формъ рѣчи, средствомъ передачи описанія или разсказа, безъ примѣси художественныхъ задачъ. Всѣ особенности дѣтской психики, дефекты логики, смѣлость, интересы, не всегда понятные для взрослыхъ, все это можно прослѣдить на пути постепеннаго развитія рисунка“. Книга Левинштейна стала настольной для всякаго, занимающагося этимъ вопросомъ, какъ и другая, появившаяся въ томъ же году, книга Kerschensteiner'a „Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung“, напечатанная въ Мюнхенѣ въ 1905 г. Это большой томъ съ 800-ми иллюстраціей.

Авторъ—практикъ-педагогъ, которому чрезвычайно многимъ обязаны мюнхенскія городскія школы, а также и вообще художественно-профессіональное образованіе въ Германіи—поставилъ себѣ на разрѣшеніе практическую задачу приложенія нашихъ наблюденій надъ развитіемъ дѣтскаго рисованія къ постановкѣ обученія рисованію: „Изслѣдованіе о характерѣ и размѣрахъ способности ребенка къ рисованію,—говоритъ онъ—остановилось въ наше время на томъ пунктѣ, съ котораго оно уже можетъ получить практическое значеніе въ методикѣ преподаванія и заинтересовать не только психолога, но и педагога... Кромѣ того, наблюденія ограничиваются изображеніемъ дѣтскими отдѣльныхъ предметовъ (человѣка, животныхъ, растений, домовъ, передачей какихъ-нибудь разсказовъ и т. п.). Объ отношеніи же ребенка къ декоративному искусству, особенно къ орна-

менту, нѣтъ ни одного изслѣдованія; о способности ребенка передать три измѣренія въ плоскостномъ изображеніи, т.-е. объ отношеніи ребенка къ пластическому искусству, хотя и есть наблюденія, но сомнительной достовѣрности. Между тѣмъ реформа преподаванія рисованія, о которой говорятъ на конгрессахъ, пишутъ книги, требуетъ раньше всего изслѣдованій о графическихъ, изобразительныхъ способностяхъ ребенка.

Кершенштейнеръ собралъ около 500.000 рисунковъ въ мюнхенскихъ школахъ въ теченіе 7 лѣтъ. Выводы свои онъ детально изложилъ въ цѣломъ рядѣ параграфовъ, въ которыхъ старался опредѣлить роль возраста, учителя, природныхъ задатковъ, пола (мальчики и дѣвочки) и др.

Наконецъ, года 2 назадъ вопросъ о дѣтскихъ рисункахъ впервые появляется въ русской литературѣ—пока въ формѣ докладовъ, читанныхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ Обществомъ Учителей Рисованія и Обществомъ Психологіи выработана программа собранія рисунковъ, и черезъ нѣкоторое время мы будемъ имѣть, вѣроятно, свой матеріалъ для вклада въ одинъ изъ интереснѣйшихъ и многостороннихъ вопросовъ современной науки и искусства.

Мы еще очень мало знаемъ достовѣрнаго о дѣтскихъ рисункахъ, но все-таки можемъ уже и теперь присоединиться къ тому, что сказалъ англійскій современный художникъ-педагогъ Вальтеръ Крэнъ:

„Никогда не слѣдуетъ забывать, что рисунокъ есть организмъ, который долженъ пройти опредѣленные этапы развитія въ нашей душѣ, подобно тому, какъ развиваются всякія живыя существа въ природѣ“.

Далѣе мы прилагаемъ двѣ программы для собранія дѣтскихъ рисунковъ,—первую, выработанную въ Лейпцигѣ и вторую, составленную въ Петербургѣ.

Л. Г. Оршанскій.

ЛЕЙПЦИГСКАЯ ПРОГРАММА ¹⁾.

А. Что надо собирать:

I. Желательно получить отъ возможно большаго числа дѣтей разнаго возраста *свободные, самостоятельныя* рисунки, т. е. такіе, которые ребенокъ сдѣлалъ по *собственному желанію, безъ всякаго внѣшняго побужденія или предложенія и помощи со стороны родителей, учителей или другихъ взрослыхъ*. Такіе рисунки возникаютъ обыкновенно непосредственно въ связи съ игрой ребенка и являются естественнымъ продуктомъ потребности изображенія.

II. Второе мѣсто занимаютъ тѣ рисунки возможно большаго числа дѣтей, которые являются отвѣтомъ на опредѣленныя *требованія или предложенія* родителей, учителей и другихъ взрослыхъ. Особенную цѣнность имѣютъ рисунки, сдѣланные подъ контролемъ лица, собирающаго эти рисунки. Эти рисунки раздѣляются на пѣсколько группъ:

1) рисунки отдѣльныхъ предметовъ, напр.: собаки, кошки, лошади, рыбы, мужчины, женщины, мальчика, дѣвочки; куклы, стола, дома, скамейки, стула, сада, цвѣтка, дерева и пр.

2) рисунки, изображающіе событія, т. е. нѣчто длительное (разказы и т. п.) и притомъ знакомое уже прежде ребенку, напр., рисунки къ дѣтскимъ разказамъ, сказкамъ, напр., иллюстрація „Красной шапочки“ и др.:

3) рисунки на опредѣленную тему, по возможности, подходящую для всѣхъ изслѣдуемыхъ дѣтей различныхъ расъ ²⁾, причемъ мы остановились для этого на слѣдующей темѣ: отрывокъ изъ Степки-Растрепки Гофмана, которымъ уже раньше неоднократно пользовались для подобныхъ изслѣдованій. Это стихотвореніе приведено ниже вмѣстѣ съ необходимыми указаніями при рисованіи ³⁾.

III. Въ третьихъ, желательно имѣть, по возможности, больше *рисунковъ одною и того же ребенка*. Въ извѣстномъ

¹⁾ Настоящая программа имѣется и на англ. языкѣ.

²⁾ *Прим. редакціи.* Намъ кажется, что рѣчь идетъ скорѣй о дѣтяхъ разныхъ народовъ, а не расъ. Сказка о Степкѣ-Растрепкѣ вовсе не извѣстна и мало понятна дѣтямъ первобытныхъ народовъ,—напр., австралийцевъ, напуасовъ и др. Намъ кажется, что программа, выработанная русскими обществами (см. н.), затрагиваетъ болѣе понятную тему—„дѣти играютъ около дома“.

³⁾ Мы его опускаемъ здѣсь, какъ всѣмъ извѣстное.

смыслъ чрезвычайно важно прослѣдить процессъ духовнаго роста одного ребенка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Рисунки могутъ въ этомъ случаѣ оказать важную услугу. Если возможно, лучше собрать ихъ за разные годы—отъ начала до конца дѣтства такъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно было установить исторію индивидуальнаго развитія.

IV. Наконецъ, очень желательно имѣть рисунки *взрослыхъ*—конечно, только тѣхъ, которые не занимаются рисованіемъ профессионально. Исключаются также рисунки художниковъ, учителей рисованія и т. д. Въ этихъ рисункахъ имѣется въ виду прослѣдить развитіе отъ дѣтства до періода законченности индивидуальнаго развитія. Особенно желательно получить рисунки взрослыхъ людей, принадлежащихъ къ племенамъ, стоящимъ на низшей степени культуры. Предметами изображенія можетъ быть все, указанное въ пунктахъ I и II, и самый рисунокъ долженъ быть сдѣланъ либо по памяти, либо съ натуры.

В. Какъ надо собирать?

I. Примѣчанія, относящіяся къ рисункамъ, которыя дѣлаются подъ контролемъ учителя:

1. Каждый рисунокъ желательно имѣть на отдѣльномъ листѣ.

2. Рисующему предоставляется по собственному выбору пользоваться графитомъ, цвѣтнымъ карандашомъ, краской или чернилами.

3. Не допускается никакого вмѣшательства въ работу ребенка ни со стороны учителя, ни со стороны товарищей. Особенно же учителю не слѣдуетъ отвѣчать на вопросы рисующаго.

4. Не слѣдуетъ придавать значенія большей или меньшей красотѣ рисунка. Самые примитивные и, повидимому, самые безобразные рисунки могутъ для психолога оказаться иногда какъ разъ самыми поучительными.

5. Собиратель долженъ обратить особенное вниманіе на болѣе подробныя дополнительныя данныя и записать ихъ или на оборотѣ, или гдѣ возможно. Желательно имѣть слѣдующія данныя:

а) Имя, возрастъ, полъ ребенка, общественное положеніе отца; общее духовное развитіе ребенка.

б) Точное толкованіе рисунка. Надо непременно спросить самого ребенка, что долженъ изображать рисунокъ, особенно же, что изображаютъ отдѣльныя детали его, часто сами по себѣ непонятныя. Для научнаго использованія полученнаго матеріала ясное пониманіе каждаго рисунка имѣеть огромное значеніе.

6. Особья примѣчанія къ Степкѣ-Растрепкѣ: стихи прочитываются дважды, медленно, безъ особаго ударенія на той или другой фразѣ. Затѣмъ ученики рисуютъ, *что хотятъ*. Никакой опредѣленной задачи имъ не ставится. Никакого введенія предъ чтеніемъ и никакихъ дальнѣйшихъ объясненій не полагается.

II. Примѣчанія къ рисункамъ, которые *сдѣланы дѣтьми по ихъ собственному побужденію*.

Въ общемъ, желательно, чтобы эти рисунки удовлетворили требованіямъ пункта I. Во всякомъ случаѣ, собиратель долженъ кратко отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

Сдѣланъ ли рисунокъ по памяти, или съ модели, либо съ натуры?

Сдѣлалъ ли ребенокъ весь рисунокъ самъ, или кто-нибудь помогаль ему и въ чемъ именно?

Часто необходимо указать на особья условія, которыя оказываютъ вліяніе на рисованіе ребенка, напр., рисуеть ли учитель во время урока, пользуется ли ребенокъ уроками рисованія или нѣтъ, любитъ ли или нѣтъ разсматривать картины и т. д.? Во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы учитель обозначилъ рисунокъ ребенка, какъ возникшій самостоятельно и по собственному желанію.

С. Прочія примѣчанія.

1. Собираніе вышеозначеннаго матеріала потребуетъ предположительно нѣсколько лѣтъ. Поэтому, хотя и желательно возможно скоро получить матеріалъ, но, въ общемъ, срокъ не можетъ быть обозначенъ. Матеріалъ принимается съ благодарностью во всякое время, даже въ ближайшія нѣсколько лѣтъ.

2. Расходы по пересылкѣ и другіе, по желанію, охотно возвращаются.

3. Коллекціи рисунковъ одного ребенка за нѣсколько лѣтъ могутъ, по снятіи копій, быть возвращены.

4. Имена не публикуются.

Матеріаль просятъ присылать по адресу: Professor Dr. Lamprecht. Leipzig. Schillerstrasse 71.

Объяснительная записка.

Современное состояніе науки устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что не только физическое, но и душевное развитіе отдѣльнаго индивида протекаетъ аналогично развитію расы. Естественный выводъ изъ этого факта, что для раскрытія развитія расы надо изслѣдовать развитіе индивида и обратно. Особенно важнымъ въ этомъ случаѣ является ходъ душевнаго развитія ребенка: 1) во многихъ пунктахъ это развитіе идетъ по тѣмъ же путямъ, по которымъ шло человѣчество, въ такъ называемыя доисторическія эпохи; 2) оно обнаруживаетъ особенности, которыя и въ настоящее время приходится наблюдать въ душевномъ развитіи народовъ, стоящихъ теперь на ступени первобытной культуры. Поэтому, психологія ребенка можетъ дать очень важныя матеріалы и аналогіи для сравнительной исторіи культуры разныхъ народовъ и, слѣдовательно, для всеобщей исторіи человѣчества.

Нижеподписавшійся (проф. Лампрехтъ), исходя изъ этой точки зрѣнія, имѣетъ въ виду заняться психологіей ребенка и для этой цѣли принялъ рядъ мѣръ для собиранія и полученія возможно богатаго и научно пригоднаго матеріала по вопросу о развитіи дѣтской души. Онъ обращается теперь къ воспитателямъ и воспитательницамъ, имѣющимъ специальную педагогическую подготовку, какъ къ лицамъ, которыя всего больше могутъ помочь въ этомъ дѣлѣ, и проситъ содѣйствовать собиранію матеріала. Онъ надѣется на содѣйствіе, такъ какъ его интересы совпадаютъ, конечно, съ интересами педагогики.

Вначалѣ намѣчено приступить къ изслѣдованію отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ, практическое рѣшеніе которыхъ встрѣтитъ наименьшія затрудненія. Вотъ почему рѣшено начать съ дѣтскихъ рисунковъ, и эти послѣдніе имѣются въ виду собрать не только въ Германіи, но и въ дру-

гихъ странахъ и частяхъ свѣта, чтобы имѣть возможность точнаго изученія душевнаго развитія дѣтей различныхъ расъ.

Программа собиранія рисунковъ дѣтей, выработанная въ Петербургѣ.

1) Желательно получить свободные самостоятельные рисунки, задуманные и сдѣланные дѣтьми по собственному ихъ побужденію, безъ всякаго вмѣшательства со стороны родителей, воспитателей и другихъ старшихъ, начиная отъ первыхъ каракулей до періода систематическаго обученія рисованію.

2) Кромѣ свободныхъ, такжежелательно имѣть рисунки, сдѣланные дѣтьми на тему: „*Дѣти играютъ около дома*“. Заданіе ограничивается только предложеніемъ ребенку нарисовать на эту тему, послѣ чего не слѣдуетъ давать ребенку никакихъ совѣтовъ и указаній. Въ случаѣ отказа ребенка, не слѣдуетъ настаивать, а выждать, когда онъ исполнитъ свою задачу. О совершенномъ отказѣ ребенка рисовать на заданную тему просить дѣлать отмѣтку въ отвѣтъ.

3) Желательно получить рисунки каждаго ребенка за возможно болѣе продолжительное время съ указаніемъ, въ какомъ возрастѣ сдѣланъ каждый рисунокъ и, что онъ обозначаетъ по опредѣленію самого ребенка.

4) Лица, имѣющія коллекціи рисунковъ приглашаются прислать таковыя на просмотръ съ соответственными указаніями. Рисунки будутъ по желанію возвращены.

5) Рисунки могутъ быть исполнены всѣми матеріалами: карандашомъ, углемъ, перомъ и пр. по собственному выбору ребенка.

6) Рисунки желательно имѣть на одной сторонѣ листа, а поясненія взрослыхъ, касательно содержанія рисунка,—на оборотѣ.

Поясненія должны заключать слѣдующія свѣдѣнія:

а)—возрастъ (годъ и мѣсяць) и полъ ребенка.

б)—умѣетъ ли читать и писать и когда началъ учиться?

в) — рисуетъ ли кто-нибудь въ домѣ изъ окружающихъ?

г) — одинъ ли ребенокъ въ семьѣ?

д) — какіе матеріалы (краски, карандаши, перо и пр.) имѣются въ распоряженіи ребенка и какими изъ нихъ онъ предпочитаетъ рисовать?

е) — свѣдѣнія о домашней обстановкѣ (есть ли въ домѣ картины, книги съ картинками?) — какія?

ж) — общественное положеніе родителей.

Весьма желательно также имѣть фотографіи дѣтей.

Рисунки, сообщенія и запросы адресовать: С. П. Б. Психіатрическая Клиника, Боткинская, 9. *Льву Григорьевичу Оршанскому.*

Поясненія въ предлагаемой программѣ.

Психологія при изученіи дѣтской души пришла къ ясному сознанию, что рядомъ съ развитіемъ рѣчи стоятъ и *дѣтскіе рисунки*, смыслъ и значеніе которыхъ до послѣднихъ лѣтъ оставались совершенно не разгаданными.

Отъ первыхъ каракулей до начала обученія, т. е. пока ребенокъ не овладѣлъ письмомъ, — а огромная масса дѣтей остается у насъ въ Россіи безграмотными, — рисованіе является для него, какъ и для первобытнаго человѣка, однимъ изъ самыхъ раннихъ, гибкихъ, неисчерпаемыхъ средствъ для передачи всего видимаго, для воплощенія въ образахъ всего переживаемаго въ дѣйствительности и въ фантазіи. Несомнѣнно, что въ дѣтскихъ рисункахъ хранится огромный матеріалъ, разгадка и использованіе котораго въ значительной степени можетъ выяснитъ картину постепеннаго роста дѣтской души, а также показать начало и развитіе эстетическаго чувства; кромѣ того, педагогика найдеть здѣсь указаніе по одному изъ важнѣйшихъ современныхъ вопросовъ — по вопросу о реформѣ преподаванія рисованія въ связи съ нашими знаніями о дѣтской психикѣ.

Важное психологическое, педагогическое и эстетическое значеніе дѣтскихъ рисунковъ выдвинуло въ иностранной литературѣ изученіе ихъ на первый планъ; — и эта же важность заставляеть кружокъ лицъ, интересующихся психо-

логіей ребенка и педагогикой, а также его *эстетическимъ развитіемъ* изучить этотъ вопросъ на дѣтскихъ рисункахъ, составленныхъ въ Россіи.

Первой необходимой ступенью для этой работы является *собираніе* матеріала, т. е. *дѣтскихъ рисунковъ*. Для этой задачи Обществомъ учителей рисованія въ Петербургѣ, Обществомъ нормальной и патологической психологіи при Императорской военно-медицинской академіи и Комитетомъ психопедологическаго института выработана прилагаемая программа (см. в.).

Обращаясь къ лицамъ, любящимъ и знающимъ дѣтей, мы просимъ присылкой дѣтскихъ рисунковъ оказать содѣйствіе возможно истинному освѣщенію исторіи духовнаго развитія ребенка, которое приняли на себя представители вышеназванныхъ обществъ.

Для насъ важны всѣ попытки ребенка къ рисованію, начиная отъ самыхъ раннихъ каракулей, на первый взглядъ наивныхъ, малосодержательныхъ, быть можетъ, даже смѣшныхъ, — до того момента, когда рука учителя впервые исправитъ невѣрную линію и тѣмъ скроетъ отъ изслѣдователя эти самобытныя формы изобразительныхъ стремленій ребенка.

Въ интересахъ науки, въ интересахъ истиннаго познанія ребенка просимъ о содѣйствіи!

Отчетъ Общества за 1908 годъ.

Жизнь Общества протекла за отчетный годъ вполне нормально. Какъ число докладовъ, такъ и научная цѣнность ихъ дали значительный матеріалъ, послужившій для изданія Ш-го тома „Ежегодника“. Любезное согласіе ректора университета, И. И. Боргмана, предоставить Обществу свою большую аудиторію для засѣданій, дало возможность Обществу собраться нѣсколько разъ. Въ весеннее полугодіе состоялись доклады:

1) 17 января.—*В. И. Гохельсона*: 1) О конгрессѣ американистовъ и 2) О подземныхъ жилищахъ племенъ С.-В. Азии и С.-З. Америки. Послѣдній докладъ былъ иллюстрированъ богатой коллекціей діапозитивовъ.

2) 20 февраля.—*В. И. Анучина*: Енисейцы (матеріалы по антропологии). Докладъ сопровождался демонстраціей фотографій и діапозитивовъ.

3) 4 апреля 1) *Ө. А. Бялыницкаго-Бируши*: Памяти И. П. Мержеевского. 2) *Н. Н. Виноградова*: Областные археологическіе сѣзды вообще и предстоящій Костромской въ частности.

Въ осеннемъ полугодіи были сдѣланы сообщенія:

1) 24 октября.—*Л. Г. Оршанскаго*: „О дѣтскихъ рисункахъ“. Докладъ сопровождался демонстраціей коллекціи дѣтскихъ рисунковъ.

2) 28 ноября.—*И. Н. Шмакова*: О русскихъ лопаряхъ. (Матеріалы по антропологии). Докладъ сопровождался демонстраціей фотографій.

Бюро оставалось въ прежнемъ составѣ, т. е. председателемъ былъ проф. Н. М. Маліевъ, товарищемъ председателя—д-ръ М. Н. Нижегородцевъ; членами совѣта состояли: Д. А. Клеменць, Н. М. Могилянскій, кн. П. А. Путятинъ, И. В. Маляревскій, А. П. Суругинъ; секретаремъ былъ Б. Ф. Адлеръ.

Къ концу года число членовъ Общества достигало 148; изъ нихъ членовъ учредителей—25, почетныхъ 7, дѣйствительныхъ членовъ иногороднихъ 8, въ Петербургѣ 78, членовъ сотрудниковъ въ Петербургѣ 5, иногороднихъ 25.

По командировкѣ отъ Общества продолжалъ работать К. Ѡ. Жаковъ, записавшій значительное число зырянскихъ пѣсень.

Д-ръ Ю. П. Фридолинъ окончилъ обработку деформированныхъ череповъ изъ Алушты и представилъ работу „О деформированныхъ черепахъ изъ Алушты“ (см. в.).

Печатаніе „Ежегодника“ начато было въ концѣ 1908 года и продолжено въ 1909 г., причемъ основной работой является статья д-ра И. Н. Шмакова „О русскихъ лопаряхъ“, представленная г. Шмаковымъ въ Военно-Медицинскую Академію въ качествѣ диссертациі на д-ра медицины.

Отсутствіе собственнаго постояннаго помѣщенія попрежнему мѣшало дѣятельности общества. Съ большимъ трудомъ удалось помѣстить библиотечный шкафъ Общества въ помѣщеніи Географическаго Кабинета на 16 линіи В. О. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ библиотека обезпечена отъ расхищенія. Отдаленность однако мѣста засѣданій отъ мѣста полученія книгъ лишаетъ возможности слѣдить за правильнымъ и аккуратнымъ поступленіемъ книгъ при обмѣнѣ и т. д.

Обмѣнъ изданіями происходилъ съ обществами и учрежденіями, поименованными во II т. „Ежегодника“.

Денежныя дѣла къ концу 1908 года находились въ слѣдующемъ видѣ:

оставалось отъ 1907 года	48 р. 89 к.
поступило членскихъ взносовъ и пр.	60 „ 70 „
и % съ 2-хъ рентъ	7 „ 60 „

Итого . 117 р. 19 к.

Расходовъ было 118 р. 68 к.

Къ 31-му декабря 1908 г. оставалось въ кассѣ—1 р. 49 к.

Ассигнованные въ 1907 году Университетомъ 200 руб. пошли на уплату долга по печатанію II т. „Ежегодника“, повѣстокъ, дипломовъ и т. д. (140 руб.); остатокъ суммы—60 руб.—былъ уплаченъ за клише для III-го тома „Ежегодника“.

Списокъ членовъ Общества 1905—1907 г.г.

Бюро Общества:

Предсѣдатель—Н. М. Маліевъ, профессоръ анатоміи Спб. Университета.

Товарищъ предсѣдателя—М. Н. Нижегородцевъ, д-ръ мед.

Секретарь.—Б. Ф. Адлеръ, этнографъ Академіи Наукъ.

Казначей и библіотекаръ—А. П. Сутугинъ.

Члены совета:

Кн. П. А. Путятинъ, Д. А. Клеменць, И. В. Маляревскій,
Н. М. Могилянскій, А. П. Сутугинъ.

Члены-учредители:

Бяляевъ, Алексѣй Ивановичъ. Помощн. гл. воен.-мед. инсп †.

Вагнеръ, Николай Петровичъ. Проф. Спб. Университета †.

Венюковъ, Павелъ Николаевичъ. Проф. Спб. Университета †.

Дювернуа, Николай Львовичъ. Проф. Спб. Университета.

Ивановскій, Николай Петровичъ. Академикъ Воен.-Мед. Академіи.

Иностранцевъ, Александръ Александровичъ. Профессоръ Спб. Университета.

Каръевъ, Николай Ивановичъ. Проф. Спб. Университета.

Ламанскій, Владимиръ Ивановичъ. Ординарный академикъ И. Академіи Наукъ.

Латышевъ, Сергѣй Михайловичъ. Кандидатъ правъ.

Лесгафтъ, Петръ Францовичъ. Профессоръ †.

Маляревскій, Иванъ Васильевичъ. Врачъ.

Менделѣевъ, Дмитрій Ивановичъ. Профессоръ †.

Меншуткинъ, Николай Александровичъ. Проф. Спб. Университета †.

Мержеевскій, Иванъ Павловичъ. Академикъ Воен.-Мед. Академіи †.

Овсяниковъ, Филиппъ Васильевичъ. Ординарный академикъ И. Академіи Наукъ †.

Соколовъ, Николай Васильевичъ. б. профессоръ Воен.-Мед. Академіи.

Сущинскій, Петръ Петровичъ. б. проф. Воен.-Мед. Академіи.

Степановъ, Иванъ Михайловичъ. б. проф. Спб. Университета.

Таренецкій, Александръ Ивановичъ. Проф. Воен.-Мед. Академіи †.

Тарновская, Параскева Николаевна. Жепщина-врачъ.

Тарновскій, Веніаминъ Михайловичъ. Проф. Воен.-Мед. Академіи †.

Шмулевичъ, Яковъ Марковичъ. Д-ръ медицины †.

Эрлицкій, Альфонсъ Феликсовичъ. Пр.-доц. Воен.-Мед. Академіи †.

Эрнштедтъ, Викторъ Карловичъ. Проф. Спб. Университета.

Яковлевъ, Павелъ Силычъ. Кандидатъ естественныхъ наукъ.

Почетные члены:

1904 г. *Андрэ*, Рихардъ. Мюнхенъ.

1904 г. *Анучинъ*, Дмитрій Николаевичъ. Москва.

1897 г. *Бастіанъ*, Адольфъ. Берлинъ †.

1891 г. *Вирховъ*, Рудольфъ. Берлинъ †.

1899 г. *Иностранцевъ*, Александръ Александровичъ. Петербургъ.

1904 г. *Манувріэ*, Луи. Парижъ.

1904 г. *Пирсонъ*, Карлъ. Лондонъ.

1904 г. *Ранке*, Іоганнъ. Мюнхенъ.

1904 г. *Ратцель*, Фридрихъ. Лейпцигъ †.

1904 г. *Шантръ*, Эрнестъ. Ліонъ.

1904 г. *Шмидтъ*, Эмиль. Іена †.

Члены сотрудники: а) иногородніе:

1904 г. *Борзовъ*, Александръ Александровичъ, бібліотекаръ Румянцовскаго музея. Москва.

1894 г. *Векенштедтъ*, Эмиль. Д-ръ философіи. Лейпцигъ.

1904 г. *Веулз*, Карлъ. Проф. этнографіи. Лейпцигъ.

1898 г. *Гондатти*, Николай Львовичъ. Томскій губернаторъ.

1904 г. *Ивановскій*, Алакоѣй Арсеньевичъ. Пр.-доцентъ Московскаго Университета.

1904 г. *Лохельсонъ*, Владимиръ Ильичъ. Этнографъ. Нью-Йоркъ.

1905 г. *Кирилловъ*, Николай Васильевичъ. Врачъ. Никольскъ-Уссурійскій.

1904 г. *Кузнецовъ*, Степанъ Кировичъ. Этнографъ. Москва.

1904 г. *Леманнъ*, Іоганнъ. Д-ръ философіи, ассистентъ этнографическаго музея. Кельнъ.

1904 г. *Луценко*, Евгений Ивановичъ. Антропологъ. Владивостокъ.

1905 г. *Лушанъ*, Фердинандъ. Профессоръ. Берлинъ.

1904 г. *Минаковъ*, Петръ Андреевичъ. Проф. Московскаго Университета.

1896 г. *Плцкевичъ*, Николай Дмитріевичъ.

1895 г. *Покровскій*, Александръ Михайловичъ. Кіевъ.

1904 г. *Прейссъ*, Теодоръ. Ассистентъ Королевскаго этнографическаго музея въ Берлинъ.

1894 г. *Путиловъ*, Николай Ивановичъ. Д-ръ мед.

1904 г. *Силиничъ*, Иванъ Петровичъ. Антропологъ. Москва.

1904 г. *Сьрошевскій*, Вацлавъ Леопольдовичъ. Этнографъ, публицистъ. Варшава.

1894 г. *Талько-Грынцевичъ*, Юліанъ Доминиковичъ. Профессоръ, Краковъ.

1896 г. *Халоби*, Георгій Николаевичъ. Ученый арабъ, Іерусалимъ.

1904 г. *Хейкель*, Олафъ Аксель. Этнографъ. Гельсингфорсъ.

1896 г. *Цахаріасъ*, Христіанъ Ивановичъ.

1905 г. *Шмельцъ*, И. Д. Э. Директоръ этногр. музея въ Лейденъ.

1905 г. *Штейненъ*, фонъ-денъ, Карлъ. Профессоръ. Берлинъ.

1904 г. *Яичковъ*, Николай Андреевичъ. Завѣдующій этнографическимъ отдѣломъ Румянцовскаго музея. Москва.

Члены сотрудики: в) въ Петербургъ:

1904 г. *Богоразъ*, Владиміръ Германовичъ. Этнографъ.

1904 г. *Жлкова*, Глафира Никаноровна. Учительница.

1905 г. *Петёрсъ*, Александръ Александровичъ. Библіотекаръ Академіи Наукъ.

1905 г. *Раздольскій*, Павелъ Михайловичъ.

1905 г. *Руссовъ*, Михайль Александровичъ.

Дѣйствительные члены: а) иногородніе.

1895 г. *Вяземскій*, князь, Николаѣй Владиміровичъ. Парижъ.

1904 г. *Гильзенъ*, Карлъ Карловичъ. Симбирскъ.

1895 г. *Далгатъ*, Бахатъ. Іерусалимъ.

1903 г. *Казнаковъ*, Александръ Николаевичъ. Директоръ Кавказскаго музея. Тифлисъ.

1904 г. *Мейеръ*, Германъ. Д-ръ фил. Лейпцигъ.

1889 г. *Сикорскій*, Иванъ Алексѣевичъ. Профессоръ Университета. Кіевъ.

1898 г. *Чепурковскій*, Ефимъ Михайловичъ. Инспекторъ Николаевскаго сиротскаго института, Москва.

1899 г. *Яценко*, Александръ Леонидовичъ. Инспекторъ Института. Н. Новгородъ.

Дѣйствительные члены: б) въ Петербургъ:

1902 г. *Адлеръ*, Бруно Фридриховичъ. Этнографъ Академіи Наукъ.

1905 г. *Анучинъ*, Василій Ивановичъ. Этнографъ.

1894 г. *Баженовъ*, Николаѣй Николаевичъ. Гл. врачъ больницы св. Пантелеймона.

1905 г. *Бекетовъ*, Петръ Николаевичъ.

1906 г. *Блосфельдтъ*, фонъ, Карлъ. Д-ръ мед., ассистентъ по кафедрѣ анатоміи въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ.

1904 г. *Бодуэнъ-де-Куртенэ*, Иванъ Александровичъ. Проф. Университета.

1888 г. *Бобринскій*, графъ, Алексѣй Александровичъ. Предсѣдатель II. Археологической Комиссіи.

1899 г. *Браунъ*, Федоръ Александровичъ. Профессоръ Университета.

1895 г. *Брунгоферъ*, Генрихъ. Докторъ.

1895 г. *Бълиловскій*, Кесаръ Александровичъ. Д-ръ медицины.

1890 г. *Бляковъ*, Степанъ Александровичъ. Д-ръ медицины.

1904 г. *Бялыницкій-Бируля*, Ѳаддей Андреевичъ. Гл. врачъ Александровско-Семеновскаго военнаго госпиталя.

1906 г. *Вейнбергъ*, Рихардъ Лазаревичъ. Проф. анатоміи Женскаго Медич. Института.

1889 г. *Вирениусъ*, Александръ Самойловичъ. Д-ръ мед.

1906 г. *Волковъ*, Ѳеодоръ Кондратьевичъ. Пр.-доц. Спб. Университета.

1904 г. *Вольтеръ*, Эдуардъ Александровичъ. Пр.-доц. Университета.

1893 г. *Гартунгъ*, Болеславъ Петровичъ.

1888 г. *Гильченко*, Николай Васильевичъ. Д-ръ мед.

1893 г. *Губертъ*, Владиславъ Осиповичъ. Д-ръ мед.

1893 г. *Дриль*, Дмитрій Андреевичъ.

1904 г. *Елаичъ*, Михаилъ Александровичъ.

1903 г. *Жаковъ*, Каллистратъ Фалалеевичъ.

1895 г. *Ивановъ*, Гермогенъ Ивановичъ. Преподаватель.

1899 г. *Карцовъ*, Николай Сергѣевичъ.

1899 г. *Ковалевскій*, Павелъ Ивановичъ. Профессоръ.

1906 г. *Козловъ*, Петръ Кузьмичъ. Путешественникъ.

1901 г. *Клеменцъ*, Дмитрій Александровичъ. Завѣдующій этнографическимъ отдѣломъ музея Александра Ш.

1906 г. *Крогиусъ*, Августъ Адольфовичъ. Д-ръ мед.

1896 г. *Кротковъ*, Николай Николаевичъ.

1896 г. *Кудрявцевъ*, Николай Васильевичъ.

1888 г. *Кусковъ*, Николай Ивановичъ.

1894 г. *Левницкій*, Николай Ивановичъ. Д-ръ мед.

1904 г. *Людевицъ*, Юлій Васильевичъ. Антропологъ Академіи Наукъ, врачъ.

1902 г. *Ляцкій*, Евгенийъ Александровичъ.

1896 г. *Малиевъ*, Николай Михайловичъ. Профессоръ Университета.

1894 г. *Мандельштамъ*, Іосифъ Емельяновичъ.

1906 г. *Масловскій*, Сергѣй Дмитриевичъ.

1900 г. *Михайловскій*, Николай Николаевичъ.

1899 г. *Могиланскій*, Николай Михайловичъ.

1890 г. *Наркевичъ-Іодко*, Оттонъ Оттоновичъ. Біологъ.

1890 г. *Нижегородцевъ*, Михаилъ Николаевичъ. Д-ръ мед.

1895 г. *Никольскій*, Дмитрій Петровичъ. Д-ръ мед.

1888 г. *Пантюховъ*, Иванъ Ивановичъ. Д-ръ мед.

- 1804 г. *Петри*, Евгения Львовна.
- 1898 г. *Плтинатусъ*, Теодоръ Теодоровичъ. Д-ръ мед.
- 1901 г. *Погодинъ*, Александръ Львовичъ. Профессоръ
Спб. Университета.
- 1888 г. *Поссе*, Константинъ Александровичъ. Проф.
Университета.
- 1888 г. *Путятинъ*, князь, Павелъ Арсеньевичъ. Археологъ.
- 1904 г. *Радловъ*, Василий Васильевичъ. Орд. академикъ,
директоръ этнографическаго музея при Академіи Наукъ.
- 1893 г. *Розенбахъ*, Павелъ Яковлевичъ. Пр.-доц. психіатріи.
- 1904 г. *Романова*, Екатерина Михайловна.
- 1895 г. *Романовъ*, Василий Алексѣевичъ.
г. *Романько-Романовскій*, Степанъ Діомидовичъ.
- 1904 г. *Рудневъ*, Андрей Дмитриевичъ. Прив.-доц. Уни-
верситета.
- 1889 г. *Серебренниковъ*, Виталій Степановичъ. Доцентъ
духовной академіи.
- 1895 г. *Сакетти*, Ливерій Антоновичъ. Профессоръ.
- 1894 г. *Сліозбергъ*, Генрихъ Борисовичъ.
- 1891 г. *Супруненко*, Петръ Ивановичъ. Д-ръ мед.
- 1894 г. *Сутугинъ*, Александръ Петровичъ, ассистентъ по
каедрѣ географіи въ университетѣ.
- 1888 г. *Толстой*, Константинъ Константиновичъ. Д-ръ мед.
- 1899 г. *Туръ*, Теодоръ Евдокимовичъ. Физиологъ Академіи
Наукъ и прив.-доц. Университета.
- 1899 г. *Усковъ*, Михаилъ Васильевичъ, преподаватель.
- 1891 г. *Фалькъ*, Максъ Львовичъ. Д-ръ мед.
- 1891 г. *Фейнбергъ*, Александръ Генриховичъ.
- 1891 г. *Фойницкій*, Иванъ Яковлевичъ. Проф. Уни-
верситета.
- 1891 г. *фонъ-Ольдерогге*, Викторъ Васильевичъ. Д-ръ мед.
- 1895 г. *Харузинъ*, Алексѣй Николаевичъ.
- 1904 г. *Фридолинъ*, Юлій Петровичъ. Докторъ.
- 1894 г. *Ховринъ*, Алексѣй Николаевичъ. Врачъ.
- 1898 г. *Шавловскій*, Иванъ Эдуардовичъ. Проф. анатоміи
въ Воен. Мед. Академіи.
- 1902 г. *Шенбергъ*, Гергардъ Густавовичъ. Ассистентъ по
каедрѣ географіи въ университетѣ.
- 1898 г. *Шидловскій*, Владиславъ Доминиковичъ. Про-
фессоръ.

1898 г. *Шидловскій*, Александръ Владиславовичъ.

1904 г. *Штернбергъ*, Левъ Яковлевичъ. Этнографъ Академіи Наукъ.

1905 г. *Щербатской*, Теодоръ Ипполитовичъ. Профессоръ Университета.

1888 г. *Яворскій*, Иванъ Лавровичъ. Д-ръ мед.

1894 г. *Якобій*, Аркадій Ивановичъ. Заслуженный профессоръ.

1894 г. *Яковлевъ*, Дмитрій Владиміровичъ

1906 г. *Ячевская*, Зинаида Александровна. Ассистентка при кафедрѣ анатоміи въ Женск. Медич. Институтѣ.

Протоколы засѣданій за 1908 г.

17 06 января 1908 года.

Доклады В. И. Гохельсона: I) о конгрессѣ американистовъ и II) о подземныхъ жилищахъ племенъ С.-В. Азіи и С.-З. Америки.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлеръ.

Присутствовали: Н. М. Могилянскій, кн. П. А. Путятинъ, А. П. Сутугинъ, д-ръ Ѳ. А. Бялыницкій-Бируля, Л. Я. Штернбергъ, Е. Л. Петри, В. И. Анучинъ, г-жа Гохельсонъ-Бродская и др., въ томъ числѣ около 25 человекъ гостей.

Открывъ засѣданіе, предсѣдатель предоставилъ слово докладчику, который сообщилъ, что онъ не могъ исполнить лично порученія Антропологическаго Общества быть его официальнымъ представителемъ на съѣздѣ американистовъ въ Квебекъ въ 1907 г., а послалъ докладъ „о древнихъ и современныхъ подземныхъ жилищахъ племенъ С.-В. Азіи и С.-З. Америки“, который былъ затѣмъ напечатанъ на англійскомъ языкѣ въ трудахъ названнаго конгресса.

Докладчикъ ознакомилъ затѣмъ собраніе съ возникновеніемъ международныхъ конгрессовъ по инициативѣ французовъ, съ организаціей первыхъ конгрессовъ, указалъ на задачи ихъ и перечислилъ конгрессы, происходившіе въ Европѣ. Отсутствіе или, вѣрнѣе, слабое участіе въ этихъ конгрессахъ самихъ американскихъ ученыхъ побудило перенести конгрессы въ Америку. Указавъ на значеніе конгрессовъ для изученія Америки и ея исторіи, докладчикъ перечислилъ также и русскихъ ученыхъ принимавшихъ участіе въ работахъ послѣднихъ конгрессовъ ¹⁾.

¹⁾ См. II т. „Ежегодника Русскаго Антропологическаго Общества“. СПб. 1905—1907.

Главное свое сообщеніе о „подземныхъ жилищахъ“ (древнихъ и современныхъ) племень С.-В. Азіи и С.-З. Америки докладчикъ иллюстрировалъ прекрасными діапозитивами, собранными имъ во время экспедиціи Дрезупа въ С.-В. Азіи, а также заимствованными имъ изъ американскихъ изданій.

Ознакомивъ съ типомъ и идеей подземныхъ и полуподземныхъ жилищъ, докладчикъ указалъ на ихъ современное распространеніе и на остатки ихъ. Характеръ подземныхъ жилищъ у племень сѣверныхъ береговъ Тихаго океана: айновъ, камчадаловъ, гиляковъ, коряковъ, чукчей и юкагировъ, а также землянокъ эскимосовъ отъ Чукотскаго носа до Гренландіи, подземныхъ жилищъ у различныхъ индѣйскихъ племень С.-З. Америки—является продуктомъ одинаковой или сходной матеріальной культуры племень. Заимствованіе типа подземныхъ жилищъ способствовало распространенію этого типа построекъ: это видно также на сходствѣ землянокъ палеазіатовъ, съ одной стороны, съ эскимосскими, а съ другой, съ подземными жилищами индѣйцевъ.

По окончаніи доклада предсѣдатель открылъ пренія. Кн. П. А. Путятинъ указалъ на то, что и до участія въ послѣднихъ конгрессахъ русскихъ ученыхъ: г.г. Богораза, Тохельсона и Штернберга, онъ лично участвовалъ въ конгрессѣ, бывшемъ въ Парижѣ. Кромѣ этой поправки, кн. Путятинъ желалъ узнать у докладчика, что ему извѣстно о гончарствѣ и керамикѣ посѣщенныхъ имъ мѣстъ.

Предсѣдатель пожелалъ узнать, какая t° держится въ юртахъ въ различное время, на что докладчикъ сообщилъ, что t° сравнительно съ t° воздуха очень высокая.

Л. Я. Штернбергъ указалъ, что въ юртахъ Приамурья и Сахалина, гдѣ ему пришлось бывать, не бываетъ такой высокой t° ; напротивъ, она въ большіе холода всегда близка къ 0° и кромѣ того крайне неравномѣрна въ зависимости отъ способа отопленія.

Ө. А. Бялыницкій-Бируля попросилъ докладчика сообщить, не приходилось ли ему слышать у посѣщенныхъ имъ инородцевъ о находкахъ мамонта и объясненія подобныхъ находокъ.

20-20 февраля 1908 г.

Докладъ чл. сотрудника В. И. Анучина объ „Енисейцахъ“ (материалы по антропологии).

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлеръ.

Присутствовали: Н. И. Воробьевъ, К. О. Жаковъ, проф. Р. Л. Вейнбергъ, д-ръ Блосфельдтъ, А. П. Сутугинъ, П. Е. Островскихъ, В. И. Юхельсонъ, г-жа Юхельсонъ-Бродская, кн. П. А. Путятинъ, К. В. Щенниковъ, О. А. Бялыницкій-Бируля и др.

Докладчикъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1905—07 г.г.) занимался изученіемъ енисейцевъ въ отношеніи лингвистики, антропологии и этнографіи по порученію Русскаго Комитета для изученія В. и Средней Азіи и Музея этнографіи и антропологии при Имп. Академіи Наукъ.

Въ общемъ экспедиція докладчика дала слѣдующіе результаты:

- 1) Собранъ большой лингвистическій матеріалъ: тексты, словарь, основы этимологии и пр.;
- 2) фольклористическій матеріалъ;
- 3) изученъ матеріальный и духовный бытъ;
- 4) сдѣлана перепись и собраны разныя статистическія данныя;
- 5) собранъ историческій матеріалъ, архивныя данныя и т. п.;
- 6) собраны данныя о современномъ экономическомъ положеніи племени;
- 7) исчерпывающая этнографическая коллекція, нынѣ выставленная въ этнографическомъ музеѣ Академіи Наукъ;
- 8) сдѣланы 105 антропометрическихъ измѣреній и собраны матеріалы, дающіе возможность составить антропологическое описаніе;
- 9) образцы волосъ;
- 10) около 150 фотографическихъ снимковъ, портреты отдѣльныхъ лицъ, семейные портреты, группы, сцены быта, жилища, природа края и т. п.;
- 11) нѣсколько картинъ масляными красками и акварелью, 50 рисунковъ перомъ и карандашомъ;
- 12) около 20 фонограммъ: шаманскія пѣсни, пѣсни, рассказы, сказки, загадки и т. п.

Приступая къ докладу, г. Анучинъ въ краткихъ чертахъ далъ историческія свѣдѣнія объ енисейцахъ, ихъ географическомъ распространеніи, дѣленіи по районамъ и взаимоотношеніи съ сосѣдними народностями. Енисейцы — во-

сточная часть Пятой орды; во время появленія здѣсь русскихъ обитали значительно южнѣе, почти достигая границы нынѣшняго Красноярскаго уѣзда. Въ настоящее время они живутъ разбросано въ районѣ между Подкаменной и Нижней Тунгусками. Дѣлятся по мѣсту зимовій на Подкаменскихъ и Елогуйскихъ, причеиъ незначительная часть и на зимовки остается на берегахъ р. Енисея. Такимъ образомъ, ихъ сосѣдями являются съ одной стороны обскіе и тазовскіе остяки, а съ востока—тунгусы.

Енисейцевъ донынѣ почему то называли Енисейскими остяками—и по даннымъ литературы (Кастренъ, Миддендорфъ и др.), и на основаніи своихъ данныхъ, докладчикъ находитъ это наименованіе неумѣстнымъ и полагаетъ, что нужно возстановитъ старинное названіе: „енисейцы“, ибо съ остяками енисейцы имѣютъ столько же общаго, сколько и съ самоѣдами.

Интереснымъ является то, что на сѣверной границѣ обитанія енисейцевъ живутъ, такъ называемые, Баишинскіе остяки—это переходная ступень, самоѣдо-енисейцы, усвоившіе самоѣдскій языкъ; на югѣ живутъ (всего полтора десятка душъ) Сымскіе остяки, также переходная ступень, помѣсь енисейцевъ и вымершихъ нынѣ коттовъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніи къ обскимъ остякамъ (настоящіе остяки); и сами енисейцы считаютъ остяковъ чужимъ народомъ.

Всего енисейцевъ въ настоящее время насчитывается 892 души (467 м. и 425 ж.); въ 1838 г. было 1415 душъ. У 16% семейныхъ енисейцевъ *всѣ* дѣти живы и у 16% же дѣтей совсѣмъ не было. На cadaго семьянина приходится всѣхъ дѣтей 3,71, а оставшихся въ живыхъ — 1,98. Изъ общаго числа всѣхъ дѣтей 52% муж. пола и 48% женск.; изъ общаго числа живыхъ дѣтей 55% м. и 45% ж. Наибольшій % смертности на 1-мъ году жизни. Изъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ въ брачныя отношенія съ енисейцами вступаютъ только самоѣды (тазовскіе и баишинскіе остяки). Енисейцы—бродячій собаководческій народецъ. Они моногамны и экзогамны. Положеніе женщины равноправное.

Всѣ официально числятся православными, но всѣ язычники, шаманисты.

Физическій типъ: низкорослый, худощавый, кривоногіи, безбородный, подверженъ заболѣваніямъ.

Намѣчается два типа: *тюркоподобные* — смуглые, черно-волосые, широколиціе, всегда съ карей радужной оболочкой и *арійцеподобные* — рыжіе, блондины, бѣлокуро-русые, съ бѣлою кожею, голубой-сѣрой радужной оболочкой.

Одинъ изъ родовъ енисейцевъ называется бѣгдѣгет — т. е. огненный (рыжій) человѣкъ.

Прорѣзы глазъ: открытые у 68⁰/₀; уаіе у 82⁰/₀; горизонтальные—67⁰/₀; косые—33⁰/₀; монгольская складка замѣчена у 4⁰/₀.

Больные зубы у 64⁰/₀.

Енисейцы вялы, апатичны, инертны.

Живутъ въ ужасной нищетѣ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жилищныхъ и прочихъ; изнурительный трудъ, алкоголизмъ, рахитъ, золотуха, сифилисъ, грыжа, ревматизмъ, эпидеміи оспы—все это дѣлаетъ свое дѣло, и енисейцы быстро вырождаются и вымираютъ.

Это несомнѣнно самое злосчастное изъ всѣхъ племенъ Сибири.

Докладъ былъ иллюстрированъ большою серіей діапозитивовъ съ типами.

Н. М. Маліевъ пожелалъ узнать, видаль ли докладчикъ обскихъ остяковъ, и дѣйствительно ли велика разница въ физическомъ типѣ первыхъ и енисейцевъ.

В. И. Юхельсонъ не могъ замѣтить двухъ типовъ среди показанныхъ докладчикомъ фотографій и интересовался вопросомъ, было ли смѣшеніе съ русскими.

Н. И. Воробьевъ желалъ знать, существуютъ ли у енисейцевъ музыкальные инструменты и какіе, развито ли у нихъ вообще пѣніе, музыка.

В. И. Анучинъ отвѣтилъ, что варганъ и скрипки въ общемъ употребленіи. Пѣніе обычно аккомпанируется и состоитъ изъ отдѣльныхъ импровизованныхъ фразъ.

Ө. А. Бялиничкій-Бируля желалъ знать, видѣлъ ли докладчикъ особей съ третичной формой сифилиса, прибѣгаютъ ли инородцы вообще къ оспопрививанію, замѣчалъ ли докладчикъ чахоточныхъ.

В. И. Анучинъ перечислилъ болѣзни, встрѣченныя имъ у енисейцевъ: оспа, трахома, сифилисъ и т. д. и также

указаль, что отсутствіе детрита, а также боязнь передъ оспопрививаніемъ заставляеть инородцевъ избѣгать послѣд-
няго.

Н. Н. указаль, что не имѣя подь рукой цифрового мате-
ріала измѣреній, нельзя говорить о присутствіи двухъ ти-
повъ среди енисейцевъ, по фотографіямъ можно судить
только субъективно.

В. И. Анучинъ указаль, что въ настоящую минуту его
антропометрическія измѣренія находятся въ Москвѣ для
обработки у проф. Д. Н. Анучина.

К. Ө. Жаковъ находиль, что сближеніе енисейцевъ съ
американскими индѣйцами въ смыслѣ языка едва ли умѣ-
стно, напротивъ, близость необходимо искать въ сторону
финскихъ племенъ Приуралья,—напр., зырянъ.

П. Е. Островскихъ указаль на то, что енисейцы дѣлають
лыжи, луки и т. д. для сбыта, чего докладчикъ не упомя-
нулъ, отрицая у енисейцевъ вообще присутствіе ремесль.

В. И. Юхельсовъ пожелаль узнать о формѣ упряжи со-
бакъ и старался выяснитъ вопросъ о нѣкоторомъ сходствѣ,
указанномъ докладчикомъ для языковъ енисейцевъ и ин-
дѣйцевъ С. Америки.

4-го апрѣля 1908 года.

Доклады: I.—д. чл. Ө. А. Бялыницкаго-Бирули: Памяти
И. П. Мержеевского. II. Н. Н. Виноградова: Областные архео-
логическіе съѣзды вообще и предстоящій Костромской въ
частности.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф.
Адлеръ.

Присутствовали: Ө. К. Волковъ, Э. А. Вольтеръ, М. Н.
Нижегородцевъ, К. А. Иностранцевъ, Н. М. Могилянскій и
др., а также вдова проф. Мержеевского и пр. гости.

Послѣ прочувствованнаго слова Ө. А. Бялыницкаго-Би-
рули, посвященнаго памяти проф. Мержеевского ¹⁾, который
являлся однимъ изъ членовъ-учредителей Русскаго Антро-

¹⁾ См. выше, некрологъ

пологическаго Общества, память покойнаго была почтена вставаніемъ.

Послѣ этого Н. Н. Виноградовъ познакомилъ съ идеей областныхъ археологическихъ съѣздовъ вообще, начертилъ ихъ программу и задачи, набросалъ исторію и краткій обзоръ ихъ дѣятельности и сообщилъ о приготовленіяхъ, сдѣланныхъ къ 4-му областному археологическому съѣзду въ г. Костромѣ лѣтомъ 1909 г.

Мысль о съѣздахъ дѣятелей Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій территоріи, составлявшей нѣкогда Ростово-Суздальскую землю, принадлежитъ бывшему профессору Демидовскаго Юридическаго Лицея, Э. Н. Берендтсу. Послѣ детальной обработки и всесторонняго обсуждения въ цѣломъ рядѣ частныхъ собраній о желательности устройства областныхъ археологическихъ съѣздовъ было заявлено официально на торжественномъ собраніи Ярославской ученой архивной коммиссіи, состоявшемся по случаю исполнившагося десятилѣтія со дня ея учрежденія въ г. Ярославль.

Тогда же было постановлено: 1) выработать программу предполагаемаго съѣзда и 2) обратиться съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ Ученымъ Архивнымъ Коммиссіямъ городовъ: Твери, Костромы, Нижняго Новгорода, Владиміра, Вологды и Новгорода, а также къ историкамъ и археологамъ, которые пожелали бы содѣйствовать осуществленію этой идеи своими совѣтами, указаніями и трудами.

Во исполненіе означеннаго постановленія проф. Э. Н. Берендтсъ представилъ программу предполагавшагося Съѣзда, а Ярославская Коммиссія разослала въ вышеназванныя Коммиссіи и цѣлому ряду извѣстныхъ русскихъ историковъ, археологовъ и др. ученыхъ дѣятелей сообщеніе, въ которомъ указывалась настоятельная потребность приступить къ всестороннему изслѣдованію и изученію территоріи Ростово-Суздальскаго княжества. Отмѣчая успѣшность работъ южныхъ и юго-западныхъ ученыхъ по части изученія соотвѣтствующихъ областей, составитель программы категорически заявляетъ:

„Исторія образованія великорусскаго племени еще не написана; не собраны воедино тѣ данныя по археологій, этнографіи, этнологіи и исторической географіи, которыя проливаютъ свѣтъ на ходъ развитія этой исторіи; не уста-

новлены еще въ точности спеціальныя научныя задачи, къ исполненію коихъ изслѣдователи должны стремиться совмѣстно.

„Ближайшей цѣлью мѣстныхъ историко-археологическихъ учреждений, дѣйствующихъ въ предѣлахъ той области, въ которой развивалось великорусское племя и которая почти совпадаетъ съ областью бывшаго Ростово-Суздальскаго (и Владимірскаго) великаго княжества, должно быть признано собираніе и выясненіе слѣдовъ развитія великорусской культуры и изслѣдованіе дѣятельныхъ силъ, служившихъ дѣлу ея образованія“...

Затѣмъ выяснялись задачи областныхъ археологическихъ сѣздовъ; главными изъ нихъ являются: 1) объединеніе областныхъ историко-археологическихъ учреждений и отдѣльныхъ провинціальныхъ работниковъ; 2) руководство и направленіе въ соответствующее русло учено-собирательской и учено-изслѣдовательской дѣятельности мѣстныхъ учреждений и лицъ путемъ компетентныхъ разъясненій и указаній со стороны столичныхъ ученыхъ и 3) возбужденіе интереса къ научной дѣятельности среди инертной провинціальной массы и привлеченіе новыхъ работниковъ.

Въ отвѣтъ на это сообщеніе получился уже въ началѣ 1900 г. рядъ сочувственныхъ заявленій, какъ отъ ученыхъ архивныхъ комиссій, такъ и отъ столичныхъ ученыхъ; всѣ единодушно высказывались зацѣлесообразность совмѣстныхъ трудовъ и изъявляли свою полную готовность принять участіе, какъ въ предполагаемомъ Ярославскомъ Сѣздѣ, такъ и въ подготовительныхъ къ нему работахъ.

16 марта 1900 г. въ Ярославлѣ состоялся предварительный сѣздъ представителей Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій, созванный для совмѣстнаго рѣшенія о программѣ сѣзда. Совѣщаніе постановило принять программу проф. Берендтса въ нѣсколько измѣненной редакціи. Программа раздѣлялась на 5 отдѣловъ:

- I. Доисторическія древности.
- II. Живая старина.
- III. Наземные памятники.
- IV. Составъ населенія.

V. Вопросы архивовѣдѣнія и приемы занятій губернскихъ архивныхъ комиссій.

Наиболѣе близкими для антрополога являются отдѣлы I и IV, гдѣ поставлены вопросы:

Антропологическія данныя каменнаго и бронзоваго вѣка въ области (I).

Свидѣтельствууютъ ли данныя курганныхъ раскопокъ объ однородности состава населенія или о племенной раздробленности? (I).

Вопросъ о преемственности культуръ въ области (I), и всецѣло отдѣлъ четвертый, состоящій изъ слѣдующихъ вопросовъ:

- 1) Иноземныя поселенія въ области въ эпоху историческую.
- 2) Болгарское вліяніе на населеніе области.
- 3) Татарскія поселенія края.
- 4) Насельники княжеской эпохи: инокняженцы и инородцы.
- 5) Насельники Московской эпохи.

17 марта, въ экстренномъ засѣданіи Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи, программа предложеннаго съѣзда была утверждена, и избранъ Организационный Комитетъ по устройству Съѣзда.

Первый Областной Археологическій Съѣздъ состоялся 10—14 августа 1901 г. и прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Съ неменьшимъ успѣхомъ прошли и 2-й (въ Твери) и 3-й (во Владимірѣ) Областные Археологическіе Съѣзды. Собралось значительное количество, какъ мѣстныхъ дѣятелей, такъ и пріѣзжихъ ученыхъ. Съѣзды сопровождались археологическо-этнографическими выставками, осмотрами мѣстныхъ достопримѣчательностей и археологическими раскопками. Докладовъ скопилось столько, что на послѣднемъ съѣздѣ внесены были предложенія: о принятіи докладовъ, лишь непосредственно касающихся территоріи Ростово-Суздальскаго княжества, и о доведеніи до свѣдѣнія участниковъ Съѣздовъ лишь главныхъ выводовъ сообщеній.

Такого же рода съѣздъ имѣетъ быть 20—30 іюня 1909 г. въ г. Костромѣ. Въ настоящее время полнымъ ходомъ идутъ подготовительныя работы: предполагается рядъ археологическихъ раскопокъ и этнографическихъ экскурсій; собирается богатый матеріалъ для археолого-этнографической выставки;

печатається рядъ издавій по исторіи, археології и этнографіи края.

Не смотря на всю важность, даже необходимость живого участія антропологовъ въ занятіяхъ областныхъ Археологическихъ Съѣздовъ, мы не встрѣчаемъ здѣсь ни сообщеній по антропологии, ни самихъ антропологовъ. Не предвидится ничего подобнаго и на предстоящемъ IV Областномъ Археологическомъ Съѣздѣ въ г. Костромѣ. Поэтому, въ качествѣ представителя Организационнаго Комитета по устройству вышеназваннаго Съѣзда, докладчикъ считаетъ необходимымъ обратиться къ Антропологическому О-ву съ предложеніемъ: командировать кого-либо изъ своихъ членовъ на предстоящій 20—30 іюня Съѣздъ.

Докладчикъ раздалъ программу съѣзда и приглашалъ принять и Русское Антропологическое Общество участіе въ работахъ съѣзда, подготовивъ къ нему антропологическій матеріалъ по населенію края.

Н. М. Маліевъ выразилъ благодарность за докладъ и просилъ Н. Н. Виноградова держать Общество въ курсѣ подготовительныхъ къ съѣзду работъ.

24 октября 1908 г.

Докладъ Л. Г. Оршанскаго: Дѣтскіе рисунки.

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлерѣ.

Присутствовали: Н. И. Воробьевъ, Е. М. Романова, Е. Л. Петри, Б. Э. Петри, Д. А. Клеменць, д-ръ Габеркорнъ, Ф. К. Волковъ, Н. Н. Виноградовъ, В. И. Каменскій, И. Н. Шмаковъ, Л. Д. Сеницкій, П. Е. Островскихъ и др.

Послѣ прочтенія протокола предыдущаго засѣданія, Л. Г. Оршанскій сдѣлалъ сообщеніе о дѣтскихъ рисункахъ ¹⁾. Докладчикъ остановился на дѣтскихъ рисункахъ, какъ на пограничномъ вопросѣ психології, эмбриології искусства и педагогики, сообщилъ главнѣйшую литературу о дѣтскихъ рисункахъ, познакомилъ собравшихся съ выработанными на западѣ программами собиранія и изученія дѣтскихъ рисунковъ (проф. Лампрехта, Левинштейна и Кершенштейнера) и

¹⁾ См. выше, авторефератъ.

остановился на результатах изучения и оцѣнкѣ послѣднихъ. Кратко охарактеризовавъ положеніе вопроса въ Россіи, докладчикъ познакомилъ съ программой собиранія рисунковъ, выработанной русскимъ обществомъ психологій и обществомъ учителей рисованія въ 1908 г. Настоящій докладъ задается цѣлью пробудить и у насъ интересъ къ собиранію дѣтскихъ рисунковъ, павербовать лицъ, желающихъ помочь устраиваемой въ Петербургѣ докладчикомъ и другими лицами выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“.

Докладъ сопровождался демонстраціей дѣтскихъ рисунковъ и большого числа діапозитивовъ.

Послѣ доклада происходилъ оживленный обмѣвъ мыслей.

П. Е. Островскихъ сообщилъ о выходѣ въ Москвѣ дѣтскаго журнала, иллюстрированнаго рисунками самихъ дѣтей, а также о томъ, что онъ самъ уже нѣкоторое время собираетъ рисунки своихъ дѣтей.

Л. Г. Оршанскій указалъ, что идея изданія дѣтскихъ журналовъ съ иллюстраціями, сдѣланная самими же дѣтьми, исходитъ отъ нашихъ западныхъ сосѣдей.

Ө. К. Волковъ нашелъ докладъ очень интереснымъ и выразилъ сожалѣніе, что докладчикомъ и его единомышленниками ничего не сдѣлано для распространенія программы. Въ этнографическомъ музеѣ Александра III уже имѣется кое-какой матеріалъ въ указанномъ направленіи, и было бы желательно придать собиранію дѣтскихъ рисунковъ болѣе систематическій характеръ.

Л. Г. Оршанскій возразилъ, что русскія программы отпечатаны въ значительномъ числѣ и рассылаются, но отсутствіе средствъ тормозитъ широкую постановку дѣла.

Д. А. Клеменць указалъ на то, что изученіе сибирскихъ писаницъ, рисунковъ юкагировъ на берестѣ, условныхъ рисунковъ вогуловъ на дощечкахъ, туземнаго рисунка у бурятъ и монголовъ можетъ дать большой и интересный матеріалъ, дополняющій разбираемые рисунки дѣтей.

Е. Л. Петри указала на то, что докладчикъ совершенно не затронулъ вопроса о лѣпкѣ и рѣзбѣ по дереву и кости у первобытныхъ народовъ, между тѣмъ коллекція рѣзныхъ фигурокъ и др. предметовъ у чукчей, эскимосовъ и пр., хранящаяся въ Этнографическомъ Музеѣ Академіи Наукъ

могла бы въ значительной мѣрѣ дополнить вопросъ о пониманіи ребенкомъ (а также и первобытнымъ человѣкомъ) формы и рельефа изображаемаго предмета.

Л. Г. Оршанскій указалъ, что въ Америкѣ словесное обученіе во многихъ случаяхъ почти отгѣснено на задній планъ и часто замѣняется предметнымъ, причемъ иногда прибѣгаютъ при объясненіяхъ и къ лѣпкѣ,

28 ноября 1908 г.

Докладъ *И. Н. Шмакова*: „Русскіе лопари“ (матеріалы по антропологии).

Предсѣдательствовалъ Н. М. Маліевъ при секретарѣ Б. Ф. Адлеръ.

Присутствовали: М. Н. Нижегородцевъ, кн. П. А. Путятинъ, Ѳ. К. Волковъ, Л. С. Бергъ, В. Н. Васильевъ, г. Сергель и др.

Послѣ доклада ¹⁾ предсѣдатель выразилъ благодарность докладчику и желалъ узнать объ условіяхъ врачебной дѣятельности среди русскихъ лопарей.

Ѳ. К. Волковъ подробно остановился на томъ, какими инструментами производилъ докладчикъ свои измѣренія. Онъ находилъ, что инструменты были очень несовершенны и не точны. Указавъ на это, Ѳ. К. Волковъ желалъ узнать о веденіи молочнаго хозяйства у лопарей и его вліяніи на дѣтскую смертность. У многихъ народовъ, напр., С.-В. Азій, отсутствіе молочнаго хозяйства вело, какъ извѣстно, къ умерщвленію ребенка въ случаѣ смерти матери во время кормленія.

Докладчикъ отвѣтилъ, что, несмотря на отсутствіе правильного молочнаго хозяйства, подобныхъ фактовъ умерщвленія грудныхъ дѣтей ему не извѣстно, что же касается несовершенства измѣреній, то приходилось работать въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

¹⁾ См. выше, работу И. Н. Шмакова, напечатанную имъ въ III т. „Ежегодника“ и представленную имъ на степень д-ра медицины въ Военно-Медицинскую Академію, каковой степени онъ былъ достоинъ.

М. Н. Нижегородцевъ желалъ узнать о существованіи среди лопарей меряченья.

Г. Сергель указалъ на то, что ему пришлось наблюдать эту болѣзнь среди норвежскихъ лопарей.

И. Н. Шамаковъ подтверждалъ этотъ фактъ, но указывалъ, что случаи меряченья очень рѣдки.

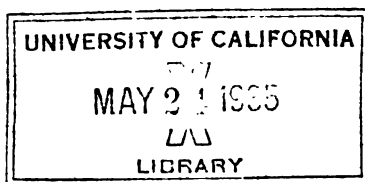
CALIFORNIA
55

UNIVERSITY OF CALIFORNIA
MAY 21 1955
LIBRARY

Sp

3551

ТОМЪ IV

1913 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

С. И. Руденко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Г. Рѣзана, Театральная пл., 2.

1913.

ТОМЪ IV

1913 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

С. И. Руденко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Г. Розена, Театральная пл., 2.
1913.

СОДЕРЖАНИЕ IV-го ТОМА.

	Стр.
Отъ Редакціи	1
Ө. К. Волковъ. Новѣйшія направленія въ антропологиче- скихъ наукахъ и ближайшія задачи антропологии въ Россіи (Th. Volkov. Les nouvelles tendances dans les scien- ces anthropologiques et les tâches de l'Anthropologie les plus proches en Russie Discours prononcé 17 janvier 1911)	1
Д. А. Золотаревъ. Антропологическое изслѣдованіе великорусскаго населенія Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ Тверской губ. (D. Zolotarev. Recherches anthropologiques sur les Grand-russiens des distr. d'Ostachkov et Rjev du gouv. de Tver)	9
П. П. Ефименко. Каменные орудія палеолитической сто- янки въ с. Мезинѣ (P. Efimenko. Instruments en pierre de la station paléolithique de Mézine gouv. de Tchernigov)	67
Кн. Д. Э. Ухтомскій. Чукотскія стрѣлы (Prince D. Oukhtom- sky. Les flèches des Tchouktchis)	103
А. З. Носовъ. Къ антропологии сербовъ Королевства (A. Z. Nosov. Etude anthropologique sur les Serbes du royaume de Serbie)	123
Кн. Д. Э. Ухтомскій. Жировыя лампочки приполярныхъ народовъ (Prince D. Oukhtomsky. Les lampes à graisse chez les peuples arctiques)	151
С. И. Руденко. По поводу опыта антропологической клас- сификаціи населенія земного шара А. А. Ивановскаго (S. Roudenko. A propos de l'essai de la classification anthropologique de la population du globe terrestre par M. A. Iwanowsky)	159
Библиографическія замѣтки (Notices bibliographiques): Е. М. Чепурковскій. Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія преимущественно Великороссіи въ связи съ колониза- ціей ея славянами. М. 1913. <i>Д. Золотарева</i> .—И. И. Өомиль. Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ. М. 1912. <i>П. Е.</i> —Dr. V. Giuffrida-Ruggeri, Homo sapiens. Einleitung zu einem Kurse der Anthropologie. 1913. <i>И. Раковскаго</i>	173
Краткій обзоръ дѣятельности Русскаго Антропологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 25 лѣтъ (1888—1913) (Compte rendu général de la Société d'Anthrop. de St.-Petersbourg a propos de 25-me anniversaire)	191
Приложеніе (Appendice): Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній. Пер. подъ редакціей. <i>Ө. К. Волкова</i> (Ententes internationales pour unification des mesures anthropométriques. Trad. sous la redaction de Th. Volkov)	1—22

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Издание IV-го тома „Ежегодника“ Русскаго Антропологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ совпало съ двадцатипятилѣтней годовщиной Общества. Желая отмѣтить это обстоятельство, Совѣтъ постановилъ помѣстить въ IV-мъ томѣ портреты бывшихъ предсѣдателей, а также краткій отчетъ о дѣятельности Общества за 25 лѣтъ. Чтобы не обременять „Ежегодникъ“ печатавшимися ранѣе въ немъ протоколами, годовыми отчетами и списками гг. членовъ, Совѣтъ рѣшилъ протоколы засѣданій и годовые отчеты о дѣятельности Общества печатать отдѣльными книжками, въ ближайшемъ выпускѣ которыхъ и будетъ помѣщенъ протоколъ юбилейнаго засѣданія съ произнесенными въ немъ рѣчами и привѣтствіями.

Принимая во вниманіе всю важность международныхъ соглашеній для объединенія антропологическихъ измѣреній, принятыхъ XIII Монакскимъ (1907 г.) и XIV Женевскимъ (1912 г.) международными конгрессами Доисторической Археологіи и Антропологіи, Совѣтъ счелъ необходимымъ издать, въ качествѣ приложенія къ „Ежегоднику“, переводъ этихъ соглашеній, въ увѣренности, что всѣ русскіе антропологи будутъ руководиться ими при своихъ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ.

Alvord

1000000000
1000000000
1000000000
1000000000
1000000000
1000000000
1000000000
1000000000
1000000000
1000000000

D. Hemphill

70 1941
ANNALS

OF
CALIFORNIA

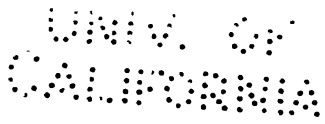
O'Keefe

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

H. Manieba.

70 1980
ANNUAL

Новѣйшія направленія въ антропологическихъ наукахъ и ближайшія задачи антропологіи въ Россіи.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества 17 января 1911 г.)

М.м. Гг.,

Высокая честь, оказанная мнѣ Вашимъ избраніемъ и тѣ новыя обязанности, которыми отнынѣ будутъ посвящены мой уже слабѣющія силы—естественно вызываютъ у меня потребность осмотрѣться, отдать себѣ отчетъ въ томъ положеніи, въ которомъ въ настоящій моментъ находятся главныя дисциплины нашей науки, для того, чтобы въ зависимости отъ этого положенія намѣтить хотя бы ближайшія задачи и нашей собственной дѣятельности. Я не думаю, господа, чтобы кто-нибудь изъ Васъ нашелъ лишнимъ это мое намѣреніе, а потому позволяю себѣ обратиться прямо къ цѣли и бросить вмѣстѣ съ Вами по необходимости бѣглый взглядъ на то, къ чему идутъ теперь главнѣйшія отрасли антропологіи: анатомическая антропологія, палеоэтнологія и этнографія.

Въ области *анатомической антропологіи* какъ содержаніе, такъ и приемы нашей науки были установлены Брога. Въ моментъ этого установленія, связаннаго съ датой основанія Парижскаго Антропологическаго Общества (7 іюля 1859 г.), эволюціонныя теоріи Ламарка и Дарвина только что получили свое признаніе. Не было поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что въ первые годы развитія анатомической антропологіи мы встрѣчаемъ работы характера, главнымъ образомъ, зоологическаго или вѣрнѣе сравнительно-анатомическаго. Наиболѣе крупной изъ этихъ работъ было изслѣдованіе самого Брога „Les Primates“. Въ другихъ работахъ его и его многочисленныхъ учениковъ трактовались главнымъ образомъ такіе сюжеты, какъ лицевой уголъ, положеніе затылочнаго отверстия, длина конечностей и ихъ сегментовъ и т. п. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже начинала чувствоваться надобность не только найти связь между строеніемъ человѣка и предшествовавшихъ ему формъ, но и прослѣдить, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ

причинъ фізіологическія функція привели къ извѣстнымъ морфологическимъ измѣненіямъ. Начали выясняться первыя перспективы зависимости особенностей строения чело-вѣка отъ его вертикальнаго положенія на двухъ ногахъ и т. п. Съ другой стороны, открытіе органа рѣчи въ мозгу, объясненіе скрученности длинныхъ костей конечностей и проч. тоже начали передвигать центръ тяжести антропологическихъ изслѣдованій въ сторону болѣе фізіологическую. Рѣшающими въ этомъ отношеніи изслѣдованіями были работы французскаго академика Marey, открывшаго способы регистрировать мельчайшіе этапы движенія, способы, которые повели къ анализу движеній животныхъ и вліянія этихъ движеній въ морфологическомъ смыслѣ. Бывшій ученикъ Вроса и ближайшій сотрудникъ Marey—проф. L. Manouvrier объяснилъ процессъ образования и исчезновенія черепныхъ гребней, *linea aspera* бедренной кости, измѣненій въ поперечномъ разрѣзѣ длинныхъ костей и проч. Другой помощникъ Marey и ученикъ Manouvrier—R. Anthony произвелъ рядъ остроумныхъ экспериментальныхъ изслѣдованій, подтвердившихъ теоретическіе выводы его учителей. Подъ вліяніемъ этого новаго направленія во Франціи возникли болѣе детальныя и болѣе методическія сравнительныя изученія скелета и прочихъ частей тѣла. Le Double предпринялъ изученіе различныхъ варіацій костей лицевой части челоувѣческаго черепа, M. Soulaque—позвоночника, R. Anthony—скелета и мускуловъ грудной клѣтки, самъ Manouvrier—общихъ пропорцій тѣла, верхнихъ и нижнихъ конечностей и, наконецъ, Вашъ покорнѣйшій слуга—ступни. Къ сожалѣнію, во всѣхъ этихъ работахъ чувствуется еще большой недостатокъ въ матеріалѣ и главные пробѣлы приходятся между прочимъ на населенія европейской и азиатской Россіи, анатомическія особенности которыхъ почти еще совершенно не изслѣдованы. Нѣкоторыя изъ упомянутыхъ анатомическихъ изученій привели, однако, въ свою очередь, съ одной стороны къ такимъ важнымъ открытіямъ, какъ методъ возстановленія роста по размѣрамъ длинныхъ костей, которымъ мы обязаны тоже Manouvrier, и съ другой стороны—къ большей сознательности и обоснованности антропологическихъ измѣреній вообще. Установленные знаменитыми *Instructions* Брокá методы и приемы измѣреній, особенно на скелетѣ,

подверглись большимъ измѣненіямъ и потребовали множества дополненій, вытекавшихъ изъ длиннаго ряда общихъ и частныхъ изслѣдованій. Сначала Mapouvier и Anthony, а потомъ Anthony и Rivet въ ихъ недавнихъ работахъ, посвященныхъ обработкѣ обширныхъ остеологическихъ коллекцій, свели вмѣстѣ всѣ наиболѣе важныя измѣренія, введенныя отдѣльными изслѣдователями. Въ значительной степени въ связи съ этимъ шло и упорядоченіе измѣреній на живыхъ людяхъ. Уже давно начала чувствоваться потребность въ пересмотрѣ, а главное—въ объединеніи антропологическихъ методовъ и приѣмовъ. Несмотря на то, что огромное большинство изслѣдованій вышло изъ школы Broca, а стчасти можетъ и благодаря именно этому, его „Инструкціи“ для измѣреній на живыхъ людяхъ начали подвергаться различнымъ модификаціямъ, причѣмъ чуть-ли не каждая страна не только вводила свои собственные методы и приѣмы, но и чуть-ли не каждый изслѣдователь считалъ себя въ правѣ нисколько не считаться съ тѣмъ, что и какъ измѣряютъ прочіе. Въ результатъ появилась довольно значительная уже масса цифръ, полученныхъ далеко не одинаковымъ способомъ и поэтому рѣшительно несравнимыхъ между собою и всякія попытки обобщенія антропологическихъ данныхъ встрѣчали въ этомъ неодолимое препятствіе. Только на конгрессѣ въ Монако, избранная по настоянію покойнаго проф. Е. Т. Наму, комиссія, имѣвшая свои засѣданія во время конгресса, была болѣе счастлива, и въ результатъ ея дѣятельности получилось, наконецъ, давно ожидавшееся международное соглашеніе. Эта Entente, касающаяся, впрочемъ, измѣреній только черепа и головы, была единогласно принята Международнымъ Съѣздомъ. На подобномъ же конгрессѣ въ Женевѣ въ 1912 г., такая же международная комиссія должна будетъ рассмотретьъ прочія измѣренія, причѣмъ я позволяю себѣ надѣяться, что въ составъ этой комиссіи войдутъ и делегаты изъ Россіи, которые въ монакской комиссіи, къ сожалѣнію, совершенно отсутствовали. Это состоявшееся уже, и имѣющее состояться въ Женевѣ до конца, соглашеніе несомнѣнно будетъ имѣть огромное и въ высшей степени благотворное вліяніе на ходъ дальнѣйшихъ антропологическихъ работъ, внося въ нихъ такъ желательное и такъ необходимое однообразіе и открывая

возможность пользоваться по крайней мѣрѣ новымъ матеріаломъ для сравнительнаго изученія и обобщенія полученныхъ данныхъ. Попытки такого обобщенія и частныя и общія были уже сдѣланы. Вгоса началъ своими работами объ этнологіи Франціи и въ частности о кельтскихъ и баскскихъ элементахъ ея населенія рядъ подобныхъ изслѣдованій, между которыми были особенно важны труды Collignon'a, Hovelacque'a и Hervé. Наконецъ, къ Парижскому Конгрессу 1900 г. Deniker сдѣлалъ попытку обобщить результаты антропометрическихъ работъ относительно головнаго указателя, роста и цвѣтности всего населенія Европы и составилъ соответственныя карты. Подобныя же попытки были сдѣланы и относительно населенія Россіи, но онѣ окончились неудачей, зависѣвшей, какъ отъ качествъ матеріаловъ, такъ и отъ своеобразности принятаго метода его обработки.

Пропуская по необходимости такіе капитальные, но пока болѣе или менѣе изолированные факты изъ дѣятельности западно-европейской анатомической антропологіи, какъ работы англійскихъ ученыхъ по эмбриональной антропологіи, труды антропометрическаго бюро при страсбургскомъ анатомическомъ институтѣ и междуакадемическаго союза по изученію человѣческаго мозга и проч., мы видимъ, что въ общемъ антропологическія работы въ западной Европѣ направлены въ настоящее время главнымъ образомъ на выясненіе эволюціи человѣческихъ расъ и процесса происхожденія ихъ особенностей, а съ другой стороны на антропометрическій анализъ нынѣшняго населенія земли.

Въ области *палеоэтнологіи*, которую по старой памяти все еще называютъ у насъ часто доисторической археологіей, послѣ смерти величайшаго представителя ея G. de-Mortillet, мы замѣчаемъ въ Зап. Европѣ какъ будто-бы нѣкоторое затишье. Такъ, впрочемъ, всегда бываетъ, когда сходится въ могилу какая-нибудь необыкновенно даровитая и сплывная личность. Такъ было и по смерти Вгоса въ анатомической антропологіи. Но подобно тому, какъ ученики Вгоса, на другой же день послѣ его похоронъ, пришли въ его лабораторію и принялись каждый за свою работу, такъ и въ палеоэтнологіи, послѣ кончины Mortillet, его сынъ Adrien съ цѣлою фалангой прочихъ его учениковъ, въ числѣ которыхъ не безъ гордости я считаю и себя, продолжали дѣло своего

незабвеннаго учителя. Основанное ими Общество научныхъ экскурсій сразу сдѣлалось очень многочисленнымъ и настолько увеличило количество лицъ заинтересованныхъ доисторической антропологіей, что ученики Mortillet, независимо отъ участія своего въ Парижскомъ Антропологическомъ Обществѣ, основали новое, специально палеоэтнологическое общество—*Société préhistorique de France*,— „бюлетени“ котораго пользуются вполне заслуженною репутацией, а ежегодно устраиваемые имъ конгрессы въ разныхъ городахъ Франціи весьма охотно посѣщаются не только французами, но и иностранцами. Но тѣмъ не менѣе отсутствие G. de-Mortillet отразилось довольно чувствительнымъ образомъ и прежде всего выразилось въ извѣстномъ пониженіи научной критики. Строго логическій умъ и огромный авторитетъ его замѣтно сдерживали археологовъ съ слишкомъ пылкой фантазіей, которые послѣ его смерти почувствовали себя свободнѣе и пустились въ безбрежную ширь разнаго рода „эолитовъ“. Съ другой стороны оживились и попытки (по большей части впрочемъ явно претенціозныя) дискредитировать палеоэтнологическую классификацію G. de-Mortillet, появлявшіяся при его жизни больше за границей. Попытки эти, выражающіяся въ стремленіи установить новыя эпохи въ родѣ ориньякской (*Aurignacienne*) или соединить нѣкоторыя эпохи вмѣстѣ (*Er. Chelleo-mousterienne*) или, наконецъ, давать эпохамъ Mortillet другія названія (*Rutot* и итальянцы), обнаруживаютъ прежде всего упадокъ у ихъ авторовъ той геологической точки зрѣнія, на которой такъ твердо держался Mortillet, а затѣмъ и недостаточно строгую послѣдовательность въ типологическомъ отношеніи. Эти колебанія не могли не отразиться и въ палеоэтнологической литературѣ не только въ нѣмецкой, но даже и французской. Новѣйшій обширный трактатъ Déchelette'a, значительно превосходящій классическій „*Le Préhistorique*“ Mortillet по объему, но далеко уступающій ему въ критическомъ отношеніи къ матеріалу и въ логической строгости метода, удивляетъ читателя своимъ эклектизмомъ и, конечно, будетъ очень на руку тѣмъ „археологамъ“, которые и до сихъ поръ не могутъ примириться съ палеоэтнологіей, какъ съ одной изъ естественныхъ наукъ.

Все это, впрочемъ, незначительныя неровности въ общемъ ходѣ науки, которая со времени не особенно еще давней смерти G. de-Mortillet, успѣла уже сдѣлать значительныя успѣхи. Въ теоретическомъ отношеніи рѣшительнымъ шагомъ впередъ было появленіе книги Sophus'a Müller'a „Доисторическая Европа“ окончательнo установившей фактъ только предусмотрѣнный G. de-Mortillet и заключающійся въ несомнѣнномъ передвиженіи цивилизаціи съ ея индустріей изъ Азіи и Африки, черезъ Средиземное море въ Южную Европу, а оттуда въ среднюю и сѣверную и, вѣроятно, въ восточную, гдѣ она встрѣчалась съ другими струями, шедшими изъ того же азіатскаго источника. Если нѣкоторыя изъ сторонъ ученія S. Müller'a или его хронологіи и не вполне еще обоснованы, то въ принципѣ своемъ оно уже можетъ считаться доказаннымъ. Съ другой стороны большаго вниманія заслуживаетъ новое выступленіе нынѣшняго президента Королевскаго Антропологическаго Института Великобританіи и Ирландіи Boyd-Dawkins'a въ его президентскомъ „адресѣ“. На этотъ разъ онъ выдвигаетъ свою давно уже извѣстную теорію объ иммиграціи въ Европу сибирской фауны и человѣка въ ледниковомъ періодѣ, но теперь онъ обосновываетъ ее подробнымъ палеоэнтологическимъ анализомъ фауны палеолитической эпохи и ея географическаго распространенія. Со стороны же фактической, наиболѣе крупными завоеваніями нашей науки въ послѣднее время нельзя не считать счастливыя открытія новыхъ палеолитическихъ останковъ человѣка, на этотъ разъ въ видѣ довольно полныхъ скелетовъ, чрезвычайно расширяющихъ наши понятія о наиболѣе древнемъ населеніи Европы. Разумѣется, и раньше этихъ открытій никто уже не считалъ неандертальскій черепъ патологическимъ, но недостатокъ лицевыхъ частей и основанія черепа все-таки не позволялъ намъ имѣть о неандертальской расѣ вполне точнаго представленія. Открытый аббатами Bouyssonie и Bardon скелетъ въ La Chapelle aux Saints, сохранилъ почти совершенно весь черепъ съ нижней челюстью, производящій поразительное впечатлѣніе примитивностью своихъ формъ даже сравнительно съ неандертальскимъ. Почти такъ же хорошо сохранился и черепъ, открытый Hauser'омъ въ Combe-Capelle, судя по крайней мѣрѣ по фото-

графіямъ, появившимся въ заграничныхъ изданіяхъ. Наконецъ, съ чисто практической стороны я считаю чрезвычайно важнымъ шагомъ появленіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ статьи L. Mappouvier, въ которой онъ увѣщаетъ г.г. археологовъ, выкапывающихъ изъ земли древніе предметы, не уничтожать человѣческихъ останковъ—костей, какъ драгоценнаго и единственнаго матеріала, котораго никогда не возможно будетъ возстановить. Будемъ надѣяться, что эти увѣщанія окажутъ вліяніе не только въ предѣлахъ Франціи.

Такимъ представляется въ настоящее время состояніе доисторической антропологіи въ западной Европѣ. Съ одной стороны мы видимъ, кромѣ чрезвычайно энергическаго собиранія матеріаловъ, стремленіе къ осторожному обобщенію уже добытыхъ фактовъ, съ другой-же неослабѣвающее углубленіе въ эпоху четвертичнаго человѣка, а въ общемъ—сознаніе необходимости строго научныхъ пріемовъ и серьезной критики по отношенію къ выводамъ.

Недостатокъ времени и—надо сознаться—неособенное обиліе матеріала не позволяетъ мнѣ коснуться достаточно широко третьей изъ главнѣйшихъ дисциплинъ нашей науки—*этнографіи*. Эта младшая отрасль антропологіи далеко не находится въ такомъ состояніи, въ какомъ мы видимъ ея сестеръ. Несмотря на значительное, повидному, количество собраннаго уже фактическаго матеріала, наполняющаго и часто переполняющаго европейскіе и американскіе музеи, наука эта только теперь выходитъ изъ стадіи своей формировки. Только сравнительно недавно еще Adrien de-Mortillet въ своемъ курсѣ сравнительной этнографіи въ Парижской Антропологической Школѣ положилъ первыя твердыя основанія научной классификаціи этнографическихъ фактовъ и началъ дѣлать попытки общихъ выводовъ. Классификація эта имѣла больше всего успѣха въ С. Америкѣ, гдѣ съ чисто американской быстротой возникли такія учрежденія, какъ Смитсоновскій Институтъ съ цѣлымъ рядомъ такихъ ученыхъ какъ Otis Mason, Boas, W. Haugh и др. Они, вслѣдъ за A. de-Mortillet, установили понятіе объ этнографіи, какъ наукѣ о бытовой жизни народовъ и разработали нѣкоторыя ея части съ замѣчательной методичностью. Впрочемъ, время отъ времени появляются очень оригинальныя работы и европейскихъ ученыхъ, какъ напр. проф. von-Luschan'a въ

Германи, покойнаго Е. Т. Наму — во Франци, E. Giglioli и Belucci въ Итали и пр. Труды покойнаго Schurtz'a, при замѣчательномъ богатствѣ использованнаго матеріала, отличаются полнымъ отсутствіемъ метода и научной системы.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся въ настоящее время главныя отрасли нашей науки. Мнѣ кажется, что выводы изъ только что сдѣланнаго нами обзора ясны сами собою и каждый сдѣлаетъ ихъ какъ самъ для себя, такъ и для нашихъ общихъ усилій.

Въ анатомической антропологіи, кромѣ общихъ научныхъ изслѣдованій и дополненія уже существующихъ данныхъ фактами изъ анатоміи еще неизслѣдованныхъ сѣверовосточныхъ народностей Европы и Азіи, передъ нами широкая задача *планомѣрнаго* и *методическаго* анализа антропологическаго состава не только этихъ народностей, но прежде всего и главнымъ образомъ славянскаго населенія Россіи.

Въ палеоэтнологіи, въ зависимости отъ нашихъ силъ, мы должны сдѣлать все возможное для возстановленія быта доисторическихъ населеній Россіи и изслѣдованія ихъ этническаго состава, а для этого употребить всѣ усилія для спасенія драгоценныхъ останковъ этихъ населеній — ихъ костей, такъ варварски истребляемыхъ при раскопкахъ. Особенное стараніе мы должны приложить къ изслѣдованію наиболѣе древнихъ слѣдовъ человѣка въ палеолитическихъ находкахъ, такъ рѣдкихъ и поэтому безконечно драгоценныхъ въ нашихъ странахъ.

Наконецъ, въ этнографіи, кромѣ возможно болѣе широкаго накопленія фактовъ и наблюденій, мы должны, держась научнаго метода, направлять свои изслѣдованія больше всего въ сторону сравнительнаго изученія и эволюціи.

Идя въ своихъ работахъ путемъ, указываемымъ намъ общимъ ходомъ науки, не отступая ни отъ научности методовъ изслѣдованія, ни отъ строго критическаго отношенія къ выводамъ, мы будемъ въ состояніи съ честью исполнить тѣ задачи, которыя налагаются на насъ нашимъ положеніемъ между европейскимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ.

Ө. Волковъ.

Антропологическое изслѣдованіе великоруссовъ Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ Тверской губерніи.

Recherches anthropologiques sur les Grands-Russiens des districts d'Ostachkov et de Rjev de la province de Tver.

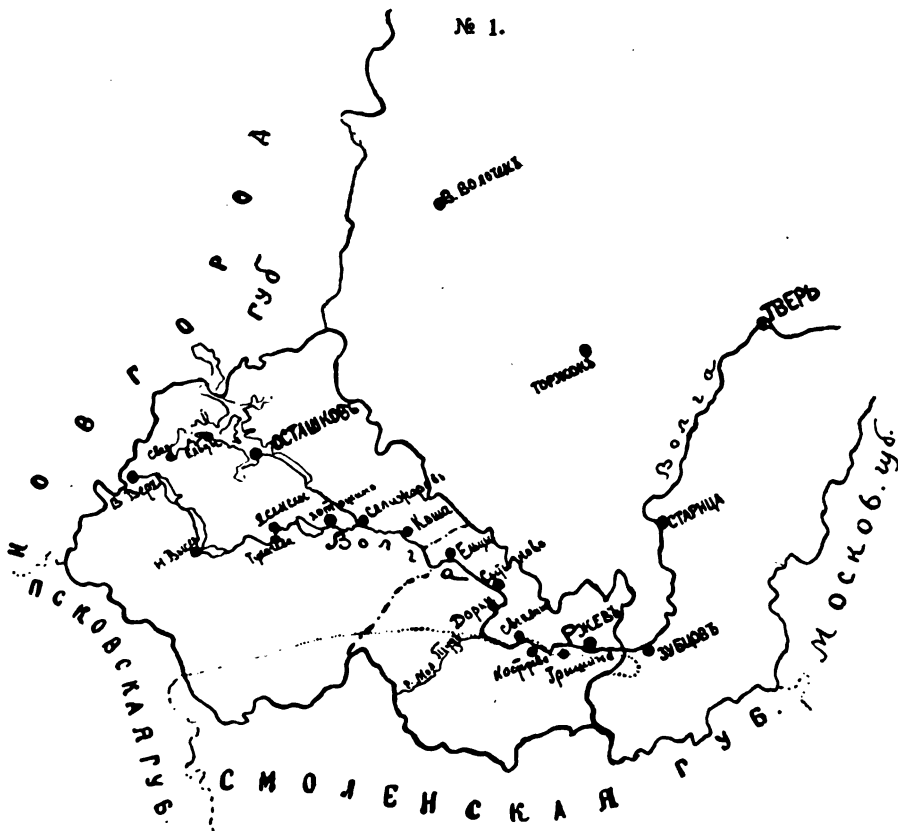
Настоящая работа представляетъ результатъ антропологическихъ измѣреній, которыя, по порученію антропологической комиссіи при Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ, я производилъ въ Осташковскомъ и Ржевскомъ у.у. Тверской губ. лѣтомъ 1911 года. Измѣренія производились по программѣ, принятой въ Антропологическомъ Кабинетѣ С.-Петербургскаго Университета, въ которомъ будутъ храниться подлинныя карточки измѣренныхъ мною великоруссовъ, а также и образцы волосъ. Въ названномъ кабинетѣ я получилъ теоретическую и практическую подготовку къ антропометрическимъ изслѣдованіямъ и въ настоящее время, предлагая вниманію общества свою работу, считаю своимъ долгомъ выразить особую благодарность многоуважаемымъ *Ө. К. Волкову* и *С. И. Руденко* за руководство, указанія и помощь, которыя они мнѣ оказали при обученіи антропометріи и при обработкѣ матеріала.

Кромѣ того, здѣсь еще разъ выскажу свою благодарность Тверскому Губ. Земству, медицинскому персоналу земскихъ больницъ и духовенству тѣхъ мѣстностей Осташковскаго и Ржевскаго у.у., гдѣ мнѣ приходилось заниматься измѣреніями, а также понявшимъ значеніе моей работы крестьянамъ, которые, разсѣивая боязнь „людомѣра“ и привлекая своимъ вліяніемъ и авторитетомъ недовѣрчивыхъ, чрезвычайно облегчали порой тяжелыя условія работы и способствовали осуществленію моей задачи.

Измѣренія я началъ въ г. Осташковѣ въ земской больницѣ, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ д-ра Пилецкаго. Остановившись еще въ двухъ пунктахъ по берегу озера Селигеръ—усадьба Ельцы и д. Свапуци (больница), заѣхалъ къ истоку р. Волги—деревня Волгино-Верховье, а, затѣмъ,

начиная съ озера Стержь, по питающимъ Волгу озерамъ Вселукъ, Пено, Волго и по самой р. Волгѣ я спустился въ лодкѣ до г. Ржева, находящагося приблизительно въ 250 верстахъ отъ истока Волги. Помимо указанныхъ трехъ пунктовъ, измѣренія производились въ слѣдующихъ мѣстахъ: д. Волгино-Верхове, д. Нов. Выселокъ Заевской волости, д. Тухачево, с. Ясенское, Верхневолжскій бейшлотъ, Хотошино, посадъ Селижаровъ (больница), с. Коша (больн.)—д. Рогъ въ Остапковскомъ уѣздѣ, с. Ельцы, с. Сытьково, д. Дорки, Све-клино—Бахмутово, с. Никола-Сишка—д. Костерево, с. Борисо-Глѣбское—д. Гришино Становской вол.—въ Ржевскомъ уѣздѣ. Измѣрено мною всего 208 чел.: 100 мужчинъ и 28 женщины въ Остапковскомъ уѣздѣ и 80 мужчинъ въ Ржевскомъ у.

КАРТА ОСТАШКОВСКАГО и РЖЕВСКАГО уу. ТВЕРСКОЙ губ.

.....Бѣлорусская этнографическая граница по проф. Карскому.

Почти всѣ женщины (20) измѣрены въ больницѣ с. Коша и находящейся вблизи д-нѣ Рогъ Осташковскаго у., около границы съ Ржевскимъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ медицинскаго персонала, духовенства и мѣщанъ, изслѣдованные мною были крестьяне, занимающіеся земледѣліемъ и отхожими промыслами (сплавъ лѣса, плотничество и др.).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію антропометрическаго матеріала, я позволю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить, какъ мало сдѣлано въ области изученія живого великорусскаго населенія. Не останавливаясь на ростѣ, который болѣе изученъ и по которому есть большая объединяющая результаты измѣреній въ воинскихъ присутствіяхъ работа проф. Д. Н. Анучина ¹⁾, я возьму, какъ показатель, другой признакъ, имѣющій крупное значеніе для сужденія о расовомъ составѣ населенія—головной указатель. Приходится съ грустью констатировать, что для изученія его сдѣлано крайне мало. Имѣются изслѣдованія мужчинъ только въ Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Рязанской, Тульской, Курской, Харьковской, Эриванской, Тобольской, Томской губ. и Забайкальской области, всего около 1500 человѣкъ. Большинство названныхъ губерній изучены не цѣликомъ, а лишь одинъ, два уѣзда или даже одно селеніе. Кромѣ того, есть головной указатель 800 новобранцевъ изъ Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Пензенской, Уфимской, Вятской, Казанской, Воронежской и Курской губерній, но данныя эти имѣютъ относительное значеніе и даже не вошли въ работу пр.-доц. А. А. Иванова „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“. Женщины изучены еще меньше, хотя укажу на то, что готовится работа Е. В. Чепурковскаго, измѣрившаго большое количество женщинъ и опубликовавшаго часть своихъ данныхъ въ „Archiv für Anthropologie“ ²⁾.

Вообще же, нужно сказать, что Великороссіи въ данномъ отношеніи не посчастливилось. Основная работа проф. Д. Н. Анучина построена, по его же мнѣнію, на матеріалѣ

¹⁾ Анучинъ. О географ. распредѣленіи роста муж. населенія Россіи „Зап. И. Р. Г. О. по отд. Статист.“ т. VII, в. I.

²⁾ Tschepourkovsky. Anthropologische Studien. „Arch. für Anthropol.“, № 7, Bd. X, H. 2/3 1911.

не достигают) безупречною. Другая бо большая работа проф. Н. Ю. Зографа настолько полна арифметических ошибокъ, что затруднительно ею пользоваться ¹⁾. Большинство остальныхъ работъ цѣнны и важны, но нельзя не отмѣтить ихъ случайный характеръ. Это — диссертации врачей и работницъ, которые, напечатавъ одну работу, къ сожалѣнію, больше не возвращались къ изученію населенія Великороссіи. Выгодно отличаются отъ другихъ работа д-ра Виктора Владимировича Воробьева по Рязанской губ. ²⁾ и другія его работы, являющіяся основными для Великороссіи, но полицейская пуля унесла отъ науки его, полного силъ, знанія и желанія работать...

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что значительная часть работъ о великоруссахъ не напечатана, а только опубликованы изъ нихъ пѣкоторыя цифры.

Имѣя это въ виду, я въ своей работѣ воздерживаюсь отъ сравненія своихъ цифръ со средними, вычисленными пр.-доц. Ивановскимъ ³⁾ на основаніи имѣющагося матеріала, такъ какъ при данномъ его состояніи онѣ говорятъ очень мало. Въ своихъ сравненіяхъ я ограничиваюсь преимущественно ближайшимъ великорусскимъ и бѣлорусскимъ населеніемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ приводя цифры для другихъ народностей или районовъ, поскольку онѣ помогаютъ разобраться въ нашемъ матеріалѣ, опредѣляютъ мѣсто, которое должно занять изслѣдованное населеніе или заполняютъ отсутствіе данныхъ для сравненія.

Что касается женщинъ, то, не придавая большого значенія моимъ цифрамъ въ виду малочисленности измѣренныхъ, я привожу ихъ какъ матеріалъ, почти совершенно на нихъ не останавливаясь.

Переходя къ рассмотрѣнію отдѣльныхъ антропологическихъ признаковъ изслѣдованнаго населенія, я укажу на то, что мною измѣрялись исключительно взрослые, причѣмъ ихъ лѣта можно представить въ слѣдующей таблицѣ.

¹⁾ Зографъ. Антропометрич. изслѣдованія мужск. населенія Ярослав., Владим. и Костром. г. М. 1892.

²⁾ Воробьевъ. Матеріалы къ антропологии великор. населенія пѣк. уѣздовъ Рязанской г. „Тр. Антр. Отд.“ т. XIX.

³⁾ Ивановскій. Объ антропол. составѣ населенія Россіи. „Тр. Антр. Отд.“ т. XXII и „Населеніе Земного шара“ т. XXVII.

Табл. № 1.

Великоруссы Тверской губ. Grands-Russiens de la province de Tver	возрастъ age			
	отъ 20—30 л.	30—40 л.	40—50 л.	50—60 л.
♂				
Осташковскій у.	33	22	21	24
Ржевскій у.	25	31	14	10
Вмѣстѣ	58	53	35	34
♀				
Осташковскій у.	6	9	6	2

Какъ показываютъ эти цифры, больше половины измѣренныхъ приходится на возрастъ отъ 30 до 50 лѣтъ.

Что касается сложенія, то, условившись обозначать 1—слабое, 2—среднее и 3—плотное, мы на основаніи табл. 2 скажемъ, что большинство измѣренныхъ обладаетъ плотнымъ тѣлосложеніемъ, процентъ слабыхъ незначителенъ—меньше 3%.

Таблица № 2.

Сложеніе. Constitution.

Великоруссы Тверской губ.	1		2		3	
	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
Осташковскій у.	4	4	42	42	54	54
Ржевскій у.	1	1,25	27	33,75	52	65
Мужчины обоихъ уѣздовъ .	5	2,8	69	38,3	106	58,9
Женщины Осташков. у. . . .	—	—	10	43,5	13	56,5

Цвѣтъ волосъ и глазъ.

Подраздѣляя различную окраску волосъ и глазъ на три основныя группы: бѣлокурые, русые и темные волосы и свѣтлые, смѣшанные и темные глаза, и выдѣляя рыжеволосыхъ отдѣльно, можно представить цвѣтъ волосъ и глазъ великоруссовъ Осташковского и Ржевскаго уѣздовъ въ слѣдующей таблицѣ.

Табл. № 3.

Великоруссы Тверской губ.	Цвѣтъ волосъ Couleur des cheveux						Цвѣтъ глазъ Couleur des yeux					
	Бѣлокур. Blonds		Русые Châtains		Темные Bruns		Голубые Clairs		Смѣшан. Mêlângés		Темные Foncés	
	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
♂												
Осташковскій у.	11	11	63 ¹⁾	63	26	26	23	23	68	68	9	9
Ржевскій у. . .	8	10	50	62,5	22	27,5	14	17,5	49	61,3	17	21,2
Всѣсть . . .	19	10,5	113 ¹⁾	62,8	48	26,7	37	20,5	117	65	26	14,5
♀												
Осташковскій .	—	—	21	91,3	2	8,7	2	8,7	16	69,6	5	21,7

Преобладающимъ цвѣтомъ волосъ у мужчинъ является русый, составляющій 61,7% всѣхъ наблюдений. Среди женщинъ мы встрѣчаемъ даже 91,3% русыхъ, хотя послѣдняя цифра можетъ быть обусловлена случайностью, благодаря незначительному числу наблюдений. Бѣлокурыхъ женщинъ совершенно не отмѣчено, бѣлокурыхъ мужчинъ немного — 10%, хотя эта цифра значительно больше, чѣмъ въ другихъ великорусскихъ губерніяхъ и даже въ Старицкомъ уѣздѣ Тверской губ., гдѣ, по наслѣдованію д-ра Галая²⁾, всего 2%. Темныхъ волосъ больше 26% среди мужчинъ и больше 8% среди женщинъ.

Глаза также въ большинствѣ, около 65%, смѣшанные.

Голубыхъ глазъ въ Осташковскомъ уѣздѣ 23%, въ Ржевскомъ только 17,5%. Наряду съ этимъ, въ Ржевскомъ уѣздѣ, число темныхъ глазъ увеличивается съ 9% Осташковского уѣзда до 21%. У женщинъ смѣшанные глаза составляютъ почти 70%, темныхъ глазъ больше, чѣмъ свѣтлыхъ. Сравнивая цвѣтъ волосъ и глазъ у мужчинъ по уѣздамъ, мы отмѣтимъ въ Осташковскомъ уѣздѣ большую бѣлокурость и голубоглазость.

¹⁾ Сюда включены 2 рыжихъ, которыхъ слѣдуетъ выдѣлить.

²⁾ Галай. Антропол. данныя о великоруссахъ Старицкаго уѣзда Тверской губ. „Тр. Антр. Отд.“ т. XXV.

Къ сожалѣнiю, я лишень возможности сравнить свои цифры съ имѣющимися въ литературѣ о великоруссахъ. Не говоря уже о томъ, что опредѣленiе цвѣта является очень субъективнымъ, до сихъ поръ не установлено однообразной, принятой всѣми, группировки различнаго рода пигментации волосъ и глазъ. Сравнивая съ имѣющимися данными, можно только сказать, что общiй характеръ пигментации великоруссовъ, какъ и въ нашемъ материалѣ, русоволосый и сѣроглазый. Ближе всего подходятъ къ изслѣдованному населенiю великоруссы Старицкаго уѣзда и бѣлоруссы. Разсматривая таблицу № 4, гдѣ представлено соотно-

Табл. № 4.

Великоруссы Тверской губернии	Бѣлокурые Blonds			Русые Châtaines			Темные Bruns		
	Съ глазами Avec les yeux			Съ глазами Av. les yeux			Съ глазами Av. les yeux		
	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mêlângés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mêlângés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mêlângés	Темными Foncés
♂									
Осташковск. у.	6	5	—	13	49 1)	1	4	14	8
Ржевскiй у.	3	5	—	10	37	3	1	7	14
Виѣсть	9	10	—	23	86	4	5	21	22
♀									
Осташковскiй	—	—	—	2	15	4	—	1	1

шенiе цвѣта волосъ и глазъ, мы не замѣчаемъ правильности въ сочетанiи свѣтлыхъ волосъ съ свѣтлыми глазами и темныхъ съ темными, что характерно для болѣе или менѣе чистыхъ расъ. Наши сочетанiя носятъ явно смѣшанный характеръ. Слѣдуетъ отмѣтить, что свѣтлые глаза встрѣчаются всетаки въ большинствѣ случаевъ у бѣлокурыхъ и русскихъ, темные глаза—у темноволосыхъ. Послѣднiе встрѣчаются со свѣтлыми глазами, но бѣлокурыхъ съ темными глазами нѣтъ. Все это указываетъ на смѣшенiе свѣтлыхъ и темныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ современнаго населенiя, и, повидимому, давнее. Если, соединивъ свѣтловолосыхъ съ свѣтлыми глазами въ одну группу, темново-

лосыхъ съ темными глазами въ другую, мы выдѣлимъ типы свѣтлый и темный, а остальныхъ соединимъ въ смѣшанную группу, то получимъ свѣтлыхъ 6% въ Осташковскомъ и 3,75% въ Ржевскомъ уѣздѣ, темныхъ 8% въ Осташковскомъ и 17,5% въ Ржевскомъ уѣздѣ. Русые волосы вмѣстѣ съ сѣрыми глазами встрѣчаются у 47% всѣхъ наблюдений. Рыжихъ всего 2 въ Осташковскомъ уѣздѣ.

Ростъ (Taille).

Табл. № 5 1).

Велико- руссы Тверской губ.	Число. Nombre.	Абсолютныя числа Chiffres absolus		Низкій ростъ Petite taille до 1595 mm.		Ниже средняго audessous de la moy- enne 1600 - 1649		Выше средняго audessus de la moy- enne 1650—1699		Высокій ростъ Grande taille audessus d: 1700	
		Min.—Max.	Средн моу- enne	Число N. abs.	%	Число N. abs.	%	Число N. abs.	%	Число N. abs.	%
♂											
Осташ- ковский	98	1508—1824	1665,7	10	10,2	28	28,6	36	36,7	24	24,5
Ржев- ский . .	79	1477—1823	1648,1	18	22,8	20	25,3	22	27,85	19	24,05
Вмѣстѣ	177	1477—1824	1657,9	28	15,8	48	27,1	58	32,8	43	24,3
♀	—	—	—	до 1399 mm.		1400 - 1529		1530 - 1579		выше 1580	
Осташ- ковский	23	1394—1664	1519,2	1	4,4	10	43,5	9	39,1	3	13

Ростъ изслѣдованнаго населенія, при разницѣ между максимумомъ и минимумомъ въ 347 миллиметровъ или 19% максимума, колеблется около средняго, повышаясь въ Осташковскомъ уѣздѣ до 1665,7 мм. и опускаясь въ Ржевскомъ уѣздѣ на 2 миллиметра ниже средняго. Несмотря на это, даже въ Ржевскомъ уѣздѣ больше половины измѣренныхъ имѣетъ ростъ выше средняго. Пониженіе въ средней ариметической роста вызвано здѣсь тѣмъ, что съ увеличеніемъ числа низкихъ, уменьшилось число лицъ выше средняго роста.

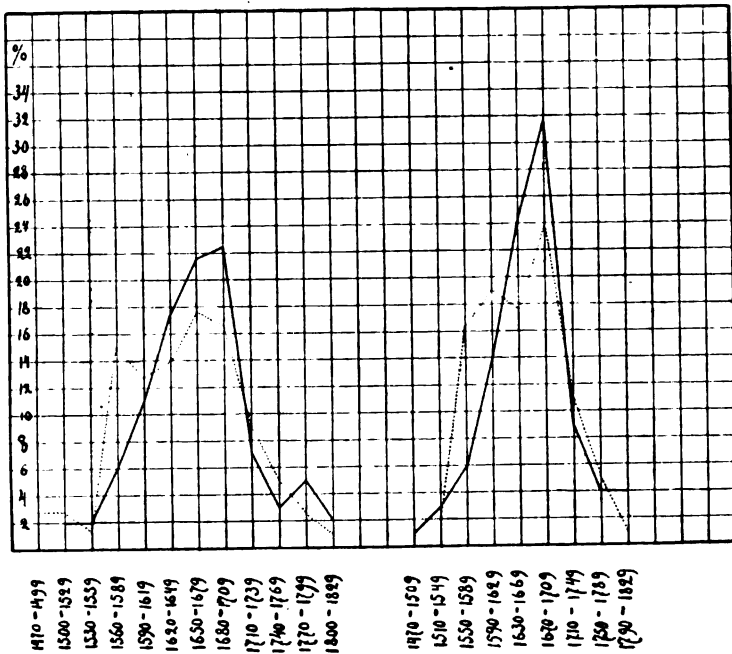
1) Въ большинствѣ случаевъ вторые десятичные знаки въ таблицахъ я отбрасывалъ или, если они были близки къ 10, прибавлялъ къ десятиымъ. Д. З.

Разсматривая предѣлы колебаній роста черезъ 1, 2, 3 и 4 сантиметра (Таблица № 6), мы замѣчаемъ, что максималь-
Табл. № 6.

Предѣлы коле- баній. Oscillations de la taille.	А б с о л ю т н ы я ч и с л а N o m b r e s a b s o l u s .							
	Черезъ 1 сант.		Черезъ 2 сант.		Черезъ 3 сант.		Черезъ 4 сант.	
	Ост. у.	Ржев. у.	Ост. у.	Ржев. у.	Ост. у.	Ржев. у.	Ост. у.	Ржев. у.
1470—1479	—	1	—	2	—	2	—	—
1480—1489	—	1	—	2	—	2	1	2
1490—1499	—	—	1	—	—	—	—	—
1500—1509	1	—	1	—	—	—	—	—
1510—1519	1	—	1	2	2	2	—	—
1520—1529	—	2	1	2	—	—	3	2
1530—1539	1	—	2	—	2	1	—	—
1540—1549	1	—	—	—	2	—	—	—
1550—1559	—	1	—	—	—	—	—	—
1560—1569	1	3	1	4	—	—	6	13
1570—1579	4	4	5	9	6	12	—	—
1580—1589	1	5	5	—	—	—	—	—
1590—1599	2	3	5	7	—	—	—	—
1600—1609	3	4	5	—	11	10	16	15
1610—1619	6	3	11	8	—	—	—	—
1620—1629	5	5	—	—	17	11	—	—
1630—1639	2	3	12	6	—	—	—	—
1640—1649	10	3	—	—	—	—	24	14
1650—1659	6	3	12	8	21	14	—	—
1660—1669	6	5	—	—	—	—	—	—
1670—1679	9	6	14	12	—	—	—	—
1680—1689	5	6	—	—	22	13	31	19
1690—1699	10	2	17	7	—	—	—	—
1700—1709	7	5	—	—	7	7	—	—
1710—1719	3	4	6	6	—	—	—	—
1720—1729	3	2	—	—	7	7	9	9
1730—1739	1	1	3	3	—	—	—	—
1740—1749	2	2	—	—	3	4	—	—
1750—1759	—	1	1	2	—	—	—	—
1760—1769	1	1	—	—	—	—	4	4
1770—1779	—	1	3	2	5	2	—	—
1780—1789	3	1	—	—	—	—	—	—
1790—1799	2	—	2	—	—	—	—	—
1800—1809	—	—	—	—	2	1	4	1
1810—1819	1	—	2	1	—	—	—	—
1820—1829	1	1	—	—	—	—	—	—
	98	79	98	79	98	79	98	79

ное количество наблюдений падает на ростъ выше полученной нами средней, а не совпадаетъ съ ней, какъ бываетъ въ однородныхъ группахъ. Въ то же время, ниже полученной средней обращаетъ на себя вниманіе существованіе субмаксимумовъ. Въ Осташковскомъ уѣздѣ наибольшее количество наблюдений находится между 1670—1709 мм., и, рѣзко уменьшаясь въ сторону высокорослости, около 1770—1799 опять увеличивается, чѣмъ нарушаетъ правильность ниспадающаго. Въ сторону же низкорослости уменьшеніе идетъ постепенно, обнаруживая здѣсь значительный количественный перевѣсъ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ то же явленіе выступаетъ несравненно рѣзче. Не говоря уже о первомъ столбцѣ, гдѣ характеръ ряда очень неправиленъ, въ остальныхъ трехъ рядахъ вмѣстѣ съ максимумомъ, сдвинутымъ отъ средней ариѳметической въ сторону высокорослости, суще-

Диаграмма № 1.
Ростъ (Taille).

— Осташковскій у.
..... Ржевскій у.

ствують на сторонѣ низкорослыхъ (около 1560—1629 мм.) субмаксимумы. Для большей наглядности представимъ ростъ графически съ колебаніями черезъ 3 и 4 см. (Діаграмма № 1).

Первая кривая Осташков. уѣзда имѣетъ одну вершину, соответствующую 1680—1709 мм., и ничтожное повышеніе, соответствующее 1770—1799. На кривой съ колебаніями въ 4 см. вершина опять не совпадаетъ съ полученной средней, пониженіе которой обусловлено преобладаніемъ болѣе низкорослыхъ элементовъ. Кривыя Ржевскаго уѣзда имѣютъ двѣ вершины, максимальную выше полученной средней и другую, соответствующую низкорослымъ отъ 1560 до 1629 мм., представленнымъ въ Ржевскомъ уѣздѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ Осташковскомъ.

Неправильное рядовое расположеніе, отклоненіе вершины кривой отъ полученной средней роста и существованіе двухъ вершинъ, въ связи съ отмѣченнымъ нами ранѣе, большимъ предѣломъ колебаній роста, равняющимся 19% максимума, заставляютъ предполагать, что данное населеніе состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ основныхъ элементовъ—высокорослаго и низкорослаго.

Теперь посмотримъ, какъ располагается ростъ географически въ предѣлахъ изслѣдованныхъ уѣздовъ. Для этого я приведу таблицу, въ которой весь матеріаль расположенъ по волостямъ, сообразно ихъ отношенію къ Волгѣ какъ основной линіи маршрута и мѣстонахожденія главныхъ пунктовъ изслѣдованія. (*Карта 2-ая*). Такимъ образомъ, мы получаемъ пять группъ.

Первая группа — побережье югозападной части озера Селигеръ, д. Волгино-Верховье, побережье озера Вселукъ.

Вторая группа — центральная часть Осташковского уѣзда съ пунктами: Тухачево, Ясенское, Хотошино, Осташковъ и Селижаровъ.

Третья группа — смѣшанная, съ пунктами: с. Коша, д. Рогъ Талицкой волости Осташковского уѣзда и с. Ельцы Елецкой волости Ржевскаго уѣзда.

Четвертая группа — съ основнымъ пунктомъ с. Сытьковымъ Гриминской волости Ржевскаго уѣзда.

Пятая группа — Харинская и Становская волости.

Нѣсколько человекъ изъ другихъ волостей отнесены мною соотвѣтственно ихъ близости къ указаннымъ группамъ.

Изъ таблицы видно, что наибольшій ростъ приходится на первую группу, въ которой больше, чѣмъ въ другихъ группахъ, высокихъ и меньше низкихъ. Начиная отсюда ростъ понижается, причѣмъ % населенія ниже средняго роста увеличивается. Конечно, какъ результатъ сравни-

Карта 2-ая (Осташк. и Ржевск. уу.).

	Ростъ	Голов. указ.
1 гр. . . .	1675	83,8
2 гр. . . .	1665	82,87
3 гр. . . .	1649	82,81
4 гр. . . .	1648,6	82,7
5 гр. . . .	1648,5	82,52

тельно небольшого числа наблюдений, указанная правильность въ пониженіи роста отъ границы Тверской губ. съ Псковской и Новгородской по направленію къ Ржеву, можетъ быть, и не вполне точна, но общій фактъ пониженія роста въ указанномъ направленіи вполне вѣроятенъ. Литературныя данныя подкрѣпляютъ это положеніе. Начиная съ Псковской губ., гдѣ найденъ проф. Д. Н. Анучинымъ

Табл. № 7.

Великорусы Тверской губ.	Число измеренных Nombre des mesures	Абсолютная числа Chiffres absolus		Низкого роста до Petite taille jusqu'à 1595		Нижнего Audessous de la moyenne 1600—1649		Выше среднего Audessus de la moyenne 1650—1699		Высокого роста Grande taille audessus de 1700	
		Мин.—макс. Min.—max.	Средн. Moenne	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
I-ая группа Осташк. у.	30	1572—1824	1675	2	6,7	9	30	10	33,3	9	30
II-ая группа Осташк. у.	51	1508—1797	1665	6	11,8	12	23,5	23	45,1	10	19,6
III-ая группа	35	1572—1766	1649	6	17,1	10	28,6	12	34,3	7	20
IV-ая группа Ржевск. у.	22	1477—1823	1648,6	5	22,7	7	31,8	4	18,2	6	27,3
V-ая группа Ржевск. у.	39	1486—1772	1648,5	9	23,1	10	25,6	9	23,1	11	28,2
Оба уезда ♂	177	1477—1824	1657,9	28	15,8	48	27,1	58	32,8	43	24,3

центръ великорусской высокорослости ¹⁾, черезъ Осташковскій уѣздъ, примыкающій также къ Новгородской губ., гдѣ ростъ 1661 мм. (Крумбиллеръ), черезъ Старицкій уѣздъ Тверской губ. съ ростомъ въ 1660 мм. (Галай) и Ржевскій уѣздъ съ ростомъ въ 1648,1, въ Смоленской губ. ростъ доходитъ до 1647,7, въ Московской и сосѣднихъ губ. (по Рождественскому)—до 1644 мм.

Сравнивая моихъ великоруссовъ съ другими народностями (Табл. № 8), замѣтимъ, что они ближе всего стоятъ къ бѣлоруссамъ и литовцамъ.

Табл. № 8.

Ростъ. Taille.

Великоруссы.	{	Новгородская г.	1661	(Крумбиллеръ).
		Тверская г. Ста. у.	1660	(Галай).
		Смоленская губ.	1647,7	(Эрисманъ).
		Московская губ.	1644	(Ѳнучинъ).
		Московская и сосѣдн. г.	1644	(Рождественскій).
		Рязанская губ.	1651	(Воробьевъ).
		Ярославская губ.	1689	(Вильга) ²⁾ .
Литовцы			1659	(по Ивановскому).
Бѣлоруссы.	{	Рославльскій у. } Смол. г.	1652	(Эйхгольцъ).
		Ельницкій у.	1675	(Шедровицкій).
		Минская губ.	1648	(Рождественскій).
		Бѣлоруссы вообще	1667	(по Ивановскому).
Малоруссы сѣв. полосы			1657	(по неизданнымъ матеріаламъ Ѳ. К. Волкова).
Финны Финляндіи			1671	(Sommier).
Мордва			1643	(по Майнову).
Весь			1689	(по Майнову).
Вепсы Олонец. г.			1654	(по Баталину) ³⁾ .
Татары казан.			1645	(Варушкинъ).
Лопари			1556	(по Ивановскому).
Вогулы			1567	(по Руденко) ³⁾ .

¹⁾ Средній ростъ для рекрутовъ Псковской г. опредѣленъ проф. Анучинимъ въ 1647, но эта цифра несомнѣнно ниже дѣйствительной для всего взрослога населенія.

²⁾ Измѣрено 100 солдатъ изъ Романо-Борисоглѣбскаго уѣзда. Повидимому, искусственный подборъ повысилъ среднюю роста. Интересно, что среди изслѣдованныхъ 100 чел. не было ни одного низкаго роста, которые понижаютъ среднюю въ другихъ мѣстахъ.

³⁾ Матеріалы Антропологическаго Кабинета СПБ. Унив.

Что касается женщинъ, то ихъ ростъ ниже средняго. Въ виду малочисленности ихъ, едва ли полученную среднюю можно считать точной, хотя она близка къ средней д-ра Галая для Старицкаго уѣзда — 1589,4.

Сопоставляя ростъ мужчинъ съ цвѣтомъ волосъ и глазъ, мы находимъ, что, какъ среди низкорослыхъ, такъ и высокорослыхъ, преобладаютъ русые волосы и смѣшанные глаза. (Табл. № 9).

Наибольшій % смѣшанныхъ глазъ даетъ средній ростъ. Сравнивая по количеству свѣтлаго и темнаго цвѣта, можно отмѣтить, что низкіе обладаютъ по преимуществу темной окраской, высокіе, являясь болѣе темными, въ то же время имѣютъ значительное количество свѣтлыхъ волосъ и глазъ.

Табл. № 9.

*Соотношеніе цвѣта волосъ и глазъ съ ростомъ.
(Couleur des cheveux et des yeux d'après la taille).*

		1470—1489	1490—1509	1510—1529	1530—1549	1550—1569	1570—1589	1590—1609	1610—1629	1630—1649	1650—1669	1670—1689	1690—1709	1710—1729	1730—1749	1750—1769	1770—1789	1790—1809	1810—1829
Цвѣтъ волосъ	Бѣлокурый	1	—	—	—	—	2	2	2	2	3	4	1	—	1	1	—	—	—
	Русый	1	—	2	1	3	6	7	13	12	14	16	16	8	3	1	4	1	2
	Темный	—	1	1	1	2	6	3	4	4	3	6	7	4	2	1	1	1	1
Цвѣтъ глазъ	Свѣтлый	—	—	1	—	1	3	3	5	4	3	8	3	5	—	1	—	—	—
	Смѣшанный	2	—	2	1	3	7	8	11	14	15	14	16	6	4	1	5	2	3
	Темный	—	1	—	1	1	4	1	3	—	2	4	5	1	2	1	—	—	—

Великоруссы Тверской губ.	Число измерен. Nombre des mesur.	Продольный диаметр Diam. anter.-poster.		Поперечный диаметр Diam. transvers.	
		Min.—Max.	Средн. Moyenne	Min—Max.	Средн. Moyenne
♂					
Осташков. у.	99	176—198	185,2	143 — 165,5	154,1
Ржевскій у.	80	176 - 196	185,75	143,5 - 164	153,2
		По г р у п п а м ь			
I-ая группа	30	176 — 194,5	184,78	145 — 165	154,78
II-ая группа	51	176 - 198	185,3	144,5 — 162,5	153,7
III-ая группа	37	178 — 196	185,9	144,5 — 160,5	153,9
IV-ая группа	22	176,5 — 192	184,8	143,5 - 163	152,7
V-ая группа	39	176 — 195	185,7	143,5 — 164	153,1
Всѣ мужчины Hommes en général } ♀	179	176—198	185,5	143 - 164	153,67
Осташков. у.	23	164—186,5	177,17	133 - 160	147,71

По головному указателю осташковцы и ржевцы — суббрахицефалы съ наклономъ къ брахицефалин. Головной указатель ржевцевъ ниже, чѣмъ осташковцевъ. Если не

1) При вычисленіи средняго головного указателя, я не включилъ въ счетъ одного субъекта съ головнымъ указателемъ $\frac{1}{2}$ — 69,14, такъ какъ такой низкій указатель совершенно не вяжется съ населеніемъ данныхъ уѣздовъ и чрезвычайно обособляется отъ субминимума, равняющагося 75. Хотя я считалъ болѣе правильнымъ выводить среднюю особенно для группы, къ которой слѣдуетъ географически отнести этого крайне длинноголоваго, скажу, что, принимая его во вниманіе, мы получимъ средній голов. указатель для Осташковск. у.—83,1, колебаніе продольнаго діаметра не отъ 176 до 198, какъ значится въ таблицѣ, а до 209, % долихоцеф. будетъ—2.

(Indice céphalique).

№ 10.

Головной указатель Indice céphalique		Длинно-гол. Dolicho-céph.		Средне-голов. Mesati-céph.		Коротко-ватогол. Sous-brachycéph.		Коротко-голов. Brachycéph.	
Min.—Max.	Средн. Moienne	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%
75,5 — 93,75	83,23	1	1	9	9,1	43	43,4	46	46,5
75,76 — 90,1	82,52	6	7,5	10	12,5	31	38,75	33	41,25
78,78 — 93,75	83,8	—	—	2	6,7	12	40	16	53,3
75,5 — 89,4	82,87	1	1,96	6	11,76	26	51	18	35,3
76,02 — 87,5	82,61	1	2,7	5	13,5	10	27	21	56,8
77,5 — 87,87	82,7	1	4,5	2	9,1	11	50	8	36,4
75,76 — 90,1	82,52	4	10,3	4	10,3	15	38,5	16	41
75,5 — 93,75	82,92	7	3,9	19	10,6	74	41,35	79	44,15
78,8 — 89,6	83,39	—	—	2	8,7	9	39,1	12	52,2

считать невошедшаго въ таблицу, то среди нихъ не будетъ ни одного собственно долихоцефала (до 75). Число длинно-головыхъ очень мало, особенно въ Осташковскомъ уѣздѣ.

Несмотря на то, что въ среднемъ население суббрахицефально, наибольшій процентъ составляютъ брахицефалы (44,15%). Такимъ образомъ, здѣсь мы наблюдаемъ отклоненіе максимальнаго числа наблюдений въ сторону брахицефалии, какъ въ ростѣ—въ сторону высокорослости. Общее количество короткоголовыхъ очень велико—90% въ Ост. и 80% въ Ржевск. у., гдѣ, съ увеличеніемъ числа длинно-головыхъ и среднеголовыхъ, процентъ падаетъ. Интересно

сопоставить съ моими данными данныя проф. Таренецкаго о черепахъ Тверской, Новгородской и Псковской губ. ¹⁾.

Табл. № 11.

Мужскіе черепа (по Таренецкому)

	Число	Dolich. %	Mesat. %	Brach. %	Средн. голов. указ. Ind. céph.
Тверская г.	22	—	22,5	77,5	82,7 (82,25) ²⁾
Псковская г.	13	—	23	77	82,1 (81,65)
Новгородская г. . . .	17	12,6	12,6	64,7	81,1 (80,65)

Принимая во вниманіе, что головной указатель, полученный на черепъ, по Брокá, на 2 меньше, чѣмъ на живомъ челоуѣкѣ, нужно, отмѣтивъ близость приведенныхъ цифръ къ моимъ, сказать, что черепа проф. Таренецкаго болѣе брахицефаличны. Совершенно обратное мы получимъ, если возьмемъ курганные черепа. По измѣреніямъ проф. Богданова ³⁾, головной указатель курганныхъ череповъ Тверской губ. будетъ такой:

Табл. № 12.

Черепа:	Число мужск.	Голов. указ.	Число женск.	Голов. указ.
Тухинскіе (Твер. у.) . .	2	73,04	3	72,38
Воробьевск. } (Корчев. у.)	7	77,11	2	80,70
Заборьевскіе }	6	74,02	1	72,92
Ржевскіе	8	73,83	9	75,24
Прудовскіе (Бѣжец. у.) .	1	71,11	—	—

¹⁾ А. Tarenetzky. „Beiträge zur craniologie der grossrussischen Bevölkerung“. Mem. de l'Académie Imperiale des sciences de St-P.-rg. T. XXXII, № 13, 1884 г.

²⁾ Въ скобкахъ я привожу гол. указ. съ поправкой, которую слѣдуетъ внести, такъ какъ у проф. Таренецкаго онъ вычисленъ не по Брокá. Эта поправка вычислена Ammon'омъ. (Ammon „La corrélation entre l'indice céphalométrique de Broca et celui d'Ihering“ L'Anthropologie 1896, p. 681).

³⁾ Богдановъ. „Доисторическіе тверитяне по раскопкамъ кургановъ“. Антрополог. Выставка. Т. III, ч. I, стр. 382.

Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, мы встрѣчаемся съ длинноголовымъ населеніемъ.

Распредѣливъ весь матеріалъ на группы, какъ мы сдѣлали съ ростомъ, и рассмотрѣвъ таблицу № 10, отмѣтимъ паденіе головного указателя съ 83,8 въ первой группѣ до 82,52 въ пятой. Повидимому, это пониженіе не случайное и идетъ дальше въ направленіи къ Рязанской губ., наиболѣе восточной изученной до сихъ поръ, уменьшаясь до 81,48. Обособленно стоитъ Тульская губ. съ гол. указ. 83,57, рѣзко отличающимъ ее отъ сосѣднихъ губерній. Сравнивая свой матеріалъ съ другими данными о великоруссахъ, скажу, что только Тульская губ. даетъ гол. указ. выше моего. Очень близкій къ моему гол. указатель полученъ д-ромъ Галаемъ въ Старицкомъ у.—83,04. Рассмотрѣвъ табл. № 13, гдѣ я привожу для сравненія матеріалъ, расположенный по нормамъ Брока, мы, между прочимъ, замѣтимъ, что Старицкій у. занимаетъ промежуточное положеніе между Ост. и Ржев. у.

Табл. № 13.

Головной указатель. Indice céphalique.

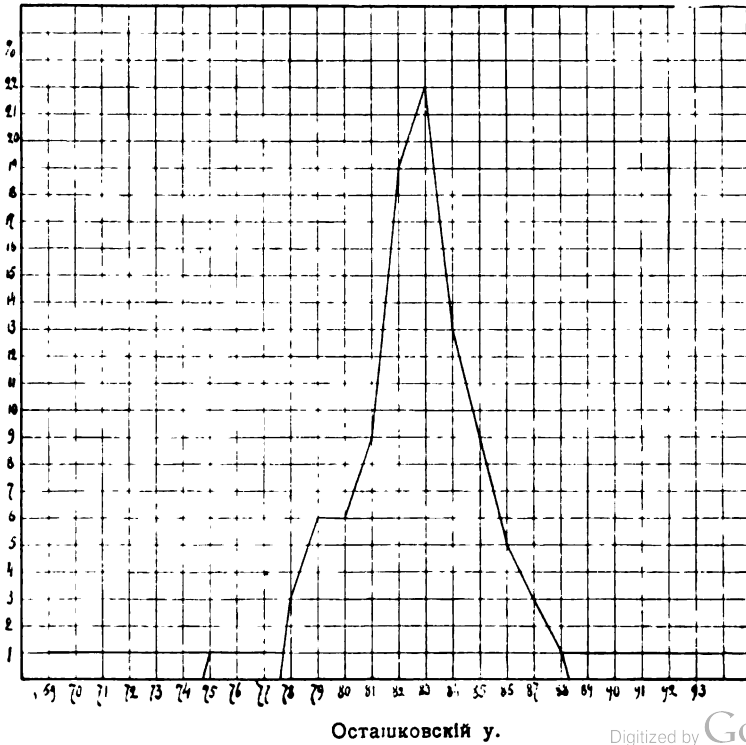
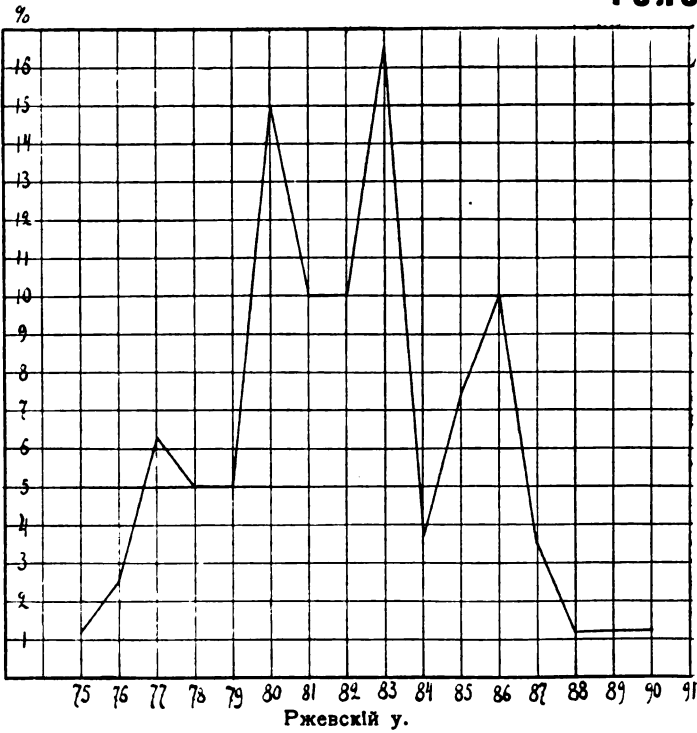
	Dolicho.	Mesat.	Sousbrachy.	Brachy.
	Длинногол. %	Среднегол. %	Коротко- ватогол. %	Короткогол. %
Осташков. у.	1	9,1	43,4	46,5
Старицкій у.	5	8	41	46
Ржевскій у.	7,5	12,5	38,75	41,25
Рязанская губ.	10	26	39	25
Бѣлоруссы	11	23	43	23 ¹⁾

Какъ въ моемъ матеріалѣ, здѣсь максимальный % наблюденій приходится на брахицефаловъ. Не то мы видимъ въ Рязанской губ. и у бѣлоруссовъ.

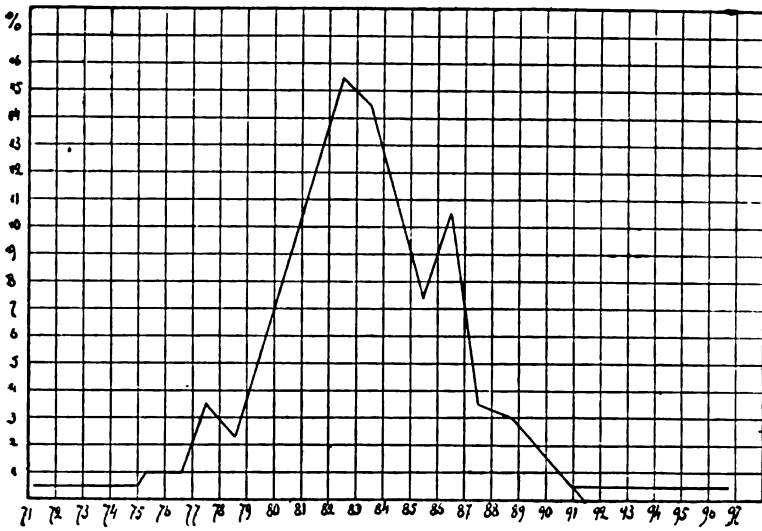
Для того, чтобы дать болѣе полное представленіе о моемъ матеріалѣ и уяснить разницу между Осташков., Ржевскимъ и Старицкимъ уу., я приведу индивидуальныя колебанія головного указателя.

¹⁾ Ивановскій. Тамъ же.

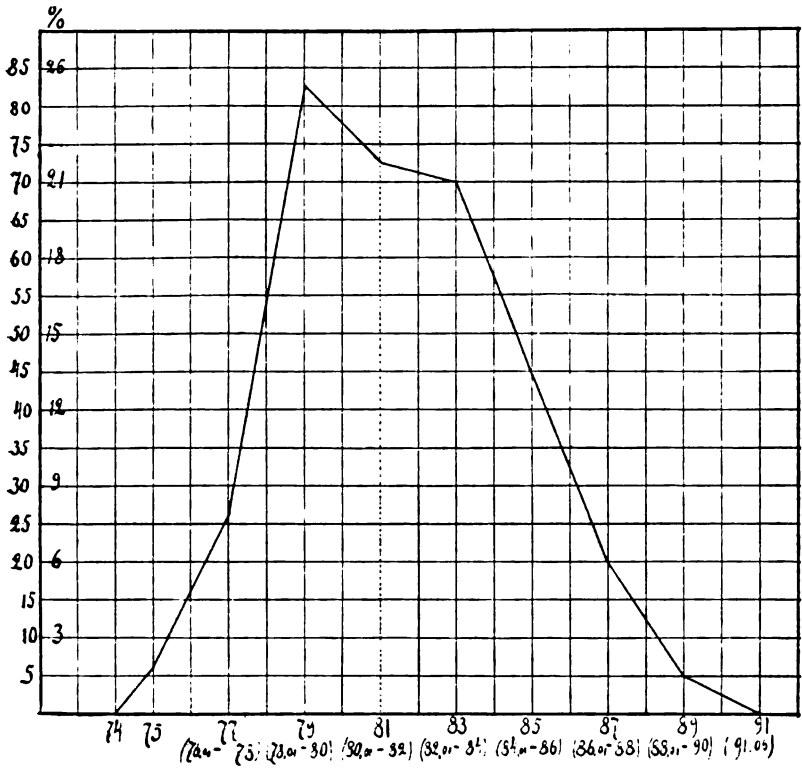
ГОЛОВНОЙ УКАЗА

ЕЛЬ (Indice céphalique).

Старицкий у. (по д-ру Галаю).

Рязанская губ. (по д-ру Воробьеву).

Табл. № 14.

Индивидуальныя колебанія головного указателя по уездамъ.

	Осташк.		Стариц.		Ржевскій	
	Число	%	Число	%	Число	%
69	1	1	—	—	—	—
70	—	—	—	—	—	—
71	—	—	1	0,5	—	—
72	—	—	—	—	—	—
73	—	—	—	—	—	—
74	—	—	—	—	—	—
75	1	1	2	1	1	1,3
76	—	—	2	1	2	2,5
77	—	—	7	3,5	5	6,3
78	3	3	5	2,5	4	5
79	6	6	11	5,5	4	5
80	6	6	18	9	12	15
81	9	9	26	13	8	10
82	19	19	31	15,5	8	10
83	22	22	29	14,5	13	16,3
84	13	13	15	7,5	3	3,8
85	9	9	15	7,5	6	7,5
86	5	5	21	10,5	8	10
87	3	3	7	3,5	3	3,8
88	1	1	6	3	1	1,3
89	1	1	2	1	1	1,3
90	—	—	1	0,5	1	1,3
91	—	—	—	—	—	—
92	—	—	—	—	—	—
93	1	1	—	—	—	—
94	—	—	—	—	—	—
95	—	—	1	0,5	—	—
	100	100	200	100	80	100

Наиболѣе правильный рядъ представляетъ Осташков. у., гдѣ наибольшее количество однородныхъ наблюдений совпадаетъ со средней арифметической.

Въ Старицкомъ уѣздѣ рядовое расположение менѣе правильно, въ Ржевскомъ у. еще менѣе правильно. Представивъ графически колебанія головного указателя, мы обнаружимъ всю разницу между ними. (*Диаграммы 2, 3, 4 и 5*).

Въ Осташков. у. обнаруживается одна вершина, соответствующая средней, въ Старицкомъ главная вершина почти совпадаетъ со средней, но имѣются еще двѣ вершины, въ Ржевскомъ у. мы находимъ 4 вершины, не совпадающія съ полученной средней. Вглядываясь въ эти вершины, мы замѣчаемъ, что наибольшая вершина во всѣхъ трехъ кривыхъ располагается около 83, вторая вершина Ржевскаго у., соответствующая 80-ти, незамѣтна въ Старицкомъ у., но въ Осташков. у., повидимому, нарушение пра-

Кр. д. Печеничина Осташк. у., 44 лѣтъ
Вол. рус., гл. свѣтл., ростъ 1646, гол. ук. 86,53

вильности кривой около 79—80 произведено элементами, аналогичными рѣзко обособившимся въ Ржев. у. въ видѣ самостоятельной вершины. Маленькая вершина, соответствующая 77, встрѣчаетъ полную аналогію въ Старицкомъ у. Наконецъ, четвертая вершина, соответствующая 86, встрѣчается въ Стариц. у. и отражается въ Осташков. у. въ видѣ отклоненія кривой. Такимъ образомъ, отъ крайне неправильной кривой Ржев. у. возможно перейти къ болѣе или менѣе правильной кривой Осташковск. у., черезъ кривую Старицкаго у., находя аналогичныя отклоненія кривой. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Осташков. у. отсутствуютъ элементы, обусловившіе появленіе въ другихъ двухъ уѣздахъ

вершины около 77. Не имѣя возможности останавливаться на анализѣ, такъ какъ это выходитъ изъ круга моей задачи, я только приведу для сравненія кривую д-ра Воробьева для Рязанской губ., къ сожалѣнію, вычерченную черезъ двѣ единицы, а не черезъ одну, какъ у меня.

Разсмотрѣніе индивидуальных колебаній, также какъ и обнаруженіе очень значительныхъ колебаній головного указателя (отъ 75,5 (69,14) до 93,75), заставляють признать, что и въ отношеніи головного указателя мы имѣемъ дѣло съ смѣсью разнородныхъ элементовъ, какъ короткоголовыхъ, такъ и длинноголовыхъ. Я уже указывалъ, что полученный мною головной указатель для Осташковского уѣзда, по сравненію съ головнымъ указателемъ великоруссовъ другихъ мѣстностей, довольно высокъ. Теперь я приведу нѣсколько данныхъ о другихъ народностяхъ. Головной указатель бѣлоруссовъ—81,87, литовцевъ—81,88, украинцевъ сѣверной полосы—82,9, украинцевъ вообще—83,37 (по Ѡ. К. Волкову), финновъ Финляндіи—80,92, Веси (по Майнову)—83,37 ¹⁾, мордвы (по Майнову)—83,3, татаръ казанскихъ—82,08, вепсовъ (олонецкая чуда) — 83,5 (Деникеръ) 83,37 (Майновъ) и 82,4 (Баталинъ), лопарей—84 (Кельсіевъ) и 83,7 (Деникеръ) и вогуловъ (Руденко)—78,32.

Что касается головного указателя у женщинъ, то онъ нѣсколько выше, чѣмъ у мужчинъ. Онъ брахицефалки, причемъ % короткоголовыхъ среди нихъ болѣе 91. Долихоцефалокъ нѣтъ совершенно. Несмотря на малочисленность наблюденій, полученная средняя, повидимому, близка къ дѣйствительной, такъ какъ для Старицкаго у. полученъ указатель—83,29, а мною полученъ 83,39.

Переходя къ вопросу о томъ, какое соотношеніе существуетъ между головнымъ указателемъ и цвѣтомъ волосъ и глазъ, я приведу соответствующую таблицу. (Табл. № 15) Сравнивая по количеству свѣтлыхъ и темныхъ, мы находимъ, что темные волосы преобладають надъ свѣтлыми болѣе или менѣе независимо отъ величины головного ука-

¹⁾ Майновъ. Результаты антрополог. изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи, Зап. И. Р. Геогр. Общ. XI, 1883 г.

Табл. № 15.

Соотношеніе головного указателя съ цвѣтомъ волосъ и глазъ.
(Ind. céphal. d'après la pigmentation).

	Ржевскій у. ♂							Огашковскій у. ♂													
	75-76,9	77-78,9	79-80,9	81-82,9	83-84,9	85-86,9	87-88,9	88-90	69-70,9	71-72,9	73-74,9	75-76,9	77-78,9	79-80,9	81-82,9	83-84,9	85-86,9	87-88,9	89-90,9	91-92,9	93
Цвѣтъ волосъ	Бѣлокурый .	—	1	1	2	3	1	—	—	—	—	—	—	2	3	5	1	—	—	—	—
	Русый . . .	3	4	8	9	10	11	4	1	1	—	—	2	8 ¹⁾	18	22	8	1 ¹⁾	3	—	1
	Темный . . .	—	4	7	5	3	2	—	1	—	—	1	1	2	7	8	5	1	1	—	—
Цвѣтъ глазъ	Свѣтлый . .	1	2	1	4	2	2	1	1	—	—	—	—	4	4	9	5	1	—	—	—
	Смѣшанный .	2	3	8	10	11	11	3	1	1	—	1	2	7	22	23	8	3	—	—	1
	Темный . . .	—	4	7	2	3	1	—	—	—	—	1	1	1	2	3	1	—	1	—	—

зателя, хотя можно сказать, что крайнія группы являются болѣе темными. Глазъ больше темныхъ у длинноголовыхъ, свѣтлыхъ у короткоголовыхъ, причеъ они не соотвѣтствуютъ въ данномъ случаѣ цвѣту волосъ.

Сопоставляя головной указатель съ ростомъ (Табл. № 16), мы замѣчаемъ, что немногочисленные длинноголовые распредѣляются между низкорослыми и высокорослыми. Среднеголовые, въ большинствѣ, ниже средняго роста. Суббрахицефалы группируются на границѣ между ростомъ выше средняго и высокимиъ. Брахицефалы образуютъ два ядра среди низкихъ и высокорослыхъ. Припоминая обозначеніе низкихъ и высокорослыхъ въ діаграммахъ роста, мы можемъ теперь прибавить, что какъ тѣ, такъ и другіе являются короткоголовыми. Вычисливъ средній головной указатель для низкихъ (до 1600 мм.), я получилъ 83,56, д-ръ Галай въ Старицкомъ у. 83,21, для высокихъ (отъ

¹⁾ Отсюда нужно выдѣлить двухъ рыжихъ.

1700 мм.) я получилъ 82,93, д-ръ Галай—83,34. Ту же большую короткоголовость крайнихъ группъ по росту отмѣтилъ и д-ръ Воробьевъ въ Рязанской губ.

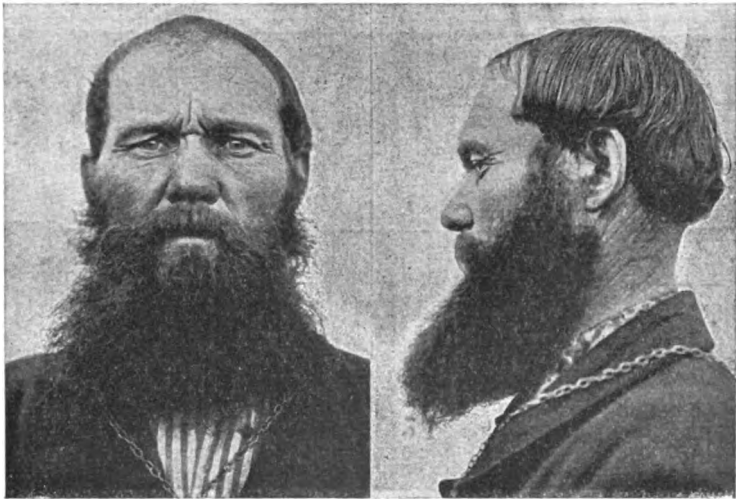
Табл. № 16.

Соотношеніе головного указателя съ ростомъ.
(Indice céphal. d'après la taille).

	1470—1489	1490—1509	1510—1529	1530—1549	1550—1569	1570—1589	1590—1609	1610—1629	1630—1649	1650—1669	1670—1689	1690—1709	1710—1729	1730—1749	1750—1769	1770—1789	1790—1809	1810—1829
69 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—
70 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
71 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
72 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
73 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
74 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
75 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
76 . . .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
77 . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	2	—	—	—
78 . . .	—	—	—	—	—	—	1	2	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—
79 . . .	—	—	1	—	—	—	1	1	1	—	1	1	1	—	—	1	—	—
80 . . .	—	—	1	—	—	2	1	1	2	1	2	5	1	1	—	1	—	—
81 . . .	—	—	—	—	1	—	—	3	—	3	3	1	2	2	1	—	—	1
82 . . .	—	—	—	1	—	1	5	1	2	5	1	6	1	1	—	1	1	—
83 . . .	1	—	1	1	3	4	—	3	3	4	8	3	2	1	—	1	—	—
84 . . .	—	—	—	—	—	1	2	2	1	2	4	3	—	—	—	—	—	1
85 . . .	1	—	—	—	—	1	—	3	1	3	2	1	2	1	—	—	—	—
86 . . .	—	1	—	—	—	2	1	1	3	—	1	1	2	—	—	—	1	—
87 . . .	—	—	—	—	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1
88 . . .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
89 . . .	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
90 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
91 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
92 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
93 . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—

Для сужденія о связи всѣхъ трехъ изученныхъ признаковъ, рассмотримъ табл. № 17, гдѣ весь матеріаль расположенъ поубѣдно.

Пестрый характеръ цифръ лишній разъ подтверждаетъ предположеніе о существованіи въ данномъ населеніи смѣси различныхъ антропологическихъ элементовъ. Наибольшій % наблюденій въ Осташков. у. приходится на брахицефаловъ выше средняго роста съ русыми волосами и смѣшанными глазами по преимуществу. Въ Ржевскомъ у. наибольшій %

Кр. д. Колбова Осташк. у., 45 лѣтъ.
Вол. рус., гл. свѣтл., ростъ 1654, гол. ук. 82,24.

наблюденій приходится, съ одной стороны на суббрахицефаловъ высокаго роста, съ другой на брахицефаловъ низкаго роста. Пигментация преобладаетъ смѣшанная. Всмотриваясь больше, мы замѣтимъ, что въ Осташков. у. низкій ростъ даетъ исключительно короткоголовыхъ съ значительнымъ перевѣсомъ темныхъ волосъ надъ свѣтлыми. Къ росту ниже средняго относится единственный длинноголовый и наибольшее число среднеголовыхъ; темныхъ волосъ и свѣтлыхъ глазъ въ этой группѣ больше. Ростъ выше средняго объединяетъ болѣе короткоголовыхъ, чѣмъ предыдущая группа; свѣтлые и темные волосы здѣсь почти

Великоруссы Тверской губернии.		Число измеренныхъ. Nombre des mesurés.	Головной указатель. Indice céphalique.						
			Длинно- головые. Dolicho- céph.		Средне- головые Mesati- céph.		Коротко- ватого- ловые Sousbra- chuscéph.		
			Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	
♂									
Осташков. у.	Низкаго р. Pet. taille	10	—	—	—	—	6	6,2	
	Ниже ср. Aud-ous de m.	28	1	1	4	4,1	10	10,3	
	Выше ср. Aud-us de m.	36	—	—	3	3,1	15	15,5	
	Высокаго Haute t. . .	23	—	—	1	1	11	11,3	
Вмѣстѣ . . .		97	1	1	8	8,2	42	43,3	
Ржевскій у.	Низкаго р. Pet. t. . .	18	1	1,3	2	2,5	4	5,1	
	Ниже ср. Aud-ous de m.	20	1	1,3	4	5,1	8	10,1	
	Выше ср. Aud-us de m.	22	3	3,8	1	1,3	8	10,1	
	Высокаго H-te t. . .	19	1	1,3	2	2,5	11	13,9	
Вмѣстѣ . . .		79	6	7,6	9	11,4	31	39,2	
Оба уѣзда ♂		176	7	3,9	17	9,6	73	41,8	
♀									
Осташковскій у.	Низкаго р. Pet. t. . .	1	—	—	—	—	—	—	
	Ниже ср. Aud-ous de m.	10	—	—	—	—	5	21,7	
	Выше ср. Aud-us de m.	9	—	—	2	8,7	3	13	
	Высокаго H-te t. . .	3	—	—	—	—	1	4,4	
Вмѣстѣ . . .		23	—	—	2	8,7	9	39,1	

№ 17.

Цветъ волосъ. Couleur des cheveux.								Цветъ глазъ. Couleur des yeux.					
Коротко- головые Brachy- céph.		Свѣтлый. Blonde.		Русый. Châtain.		Темный. Brune.		Свѣтлый. Claire.		Смѣшанный. Mêlée.		Темный. Foncée.	
Число Nombre	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%
4	4,1	1	1	4	4,1	5	5,2	3	3,1	4	4,1	3	3,1
13	13,4	3	3,1	17	17,5	8	8,2	7	7,2	19	19,6	2	2,1
18	18,6	6	6,2	23	23,7	7	7,2	8	8,2	26	26,8	2	2,1
11	11,3	1	1	16	16,5	6	6,2	5	5,2	16	16,5	2	2,1
46	47,4	11	11,3	60	61,8	26	26,8	23	23,7	65	67	9	9,3
11	13,9	2	2,5	10	12,7	6	7,6	2	2,5	12	15,2	4	5,1
7	8,9	3	3,8	14	17,7	3	3,8	5	6,3	13	16,4	2	2,5
10	12,7	2	2,5	13	16,4	7	8,9	4	5,1	12	15,2	6	7,6
5	6,3	1	1,3	12	15,2	6	7,6	3	3,8	11	13,9	5	6,3
33	41,8	8	10,1	49	62	22	27,9	14	17,7	48	60,7	17	21,5
79	44,9	19	10,8	109	61,9	48	27,3	37	21	113	64,2	26	14,8
1	4,4	—	—	1	4,4	—	—	—	—	1	4,4	—	—
5	21,7	—	—	9	39,1	1	4,4	1	4,4	7	30,4	2	8,7
4	17,4	—	—	9	39,1	—	—	1	4,4	7	30,4	1	4,4
2	8,7	—	—	2	8,7	1	4,4	—	—	1	4,4	1	8,7
12	52,2	—	—	21	91,3	2	8,7	2	8,7	16	69,6	5	21,7

Великоруссы Тверской губернии. ♂		Число. Nombre.	Головной указатель. Indice céphalique.			
			Длинно- головые. Dolicho- céph.	Средне- головые. Mesati- céphal.	Коротко- ватого- ловые Sousbra- chycéph.	Коротко- головые. Brachy- céph.
			N. %	N. %	N. %	N. %
I группа.	Низкого роста . . .	2	— —	— —	1 3,3	1 3,3
	Ниже среднего . . .	9	— —	2 6,7	3 10	4 13,3
	Выше среднего . . .	10	— —	— —	3 10	7 23,3
	Высокого	9	— —	— —	5 16,7	4 13,3
Всего . . .		30	— —	2 6,7	12 40	16 53,3
II группа.	Низкого роста . . .	6	— —	— —	4 7,5	2 3,8
	Ниже среднего . . .	12	1 2	2 4	6 12	3 6
	Выше среднего . . .	23	— —	3 6	10 20	10 20
	Высокого	9	— —	1 2	5 10	3 6
Всего . . .		50	1 2	6 12	25 50	18 36
III группа.	Низкого роста . . .	6	— —	1 2,9	2 5,7	3 8,6
	Ниже среднего . . .	10	— —	1 2,9	2 5,7	7 20
	Выше среднего . . .	12	1 2,9	1 2,9	3 8,6	7 20
	Высокого	7	— —	— —	3 8,6	4 11,4
Всего . . .		35	1 2,9	3 8,6	10 28,6	21 60
IV группа.	Низкого роста . . .	5	— —	— —	1 4,5	4 18,2
	Ниже среднего . . .	7	1 4,5	1 4,5	2 9,1	3 13,6
	Выше среднего . . .	4	— —	— —	4 18,2	— —
	Высокого	6	— —	1 4,5	4 18,2	1 4,5
Всего . . .		22	1 4,5	2 9,1	11 50	8 36,4
V группа.	Низкого роста . . .	9	1 2,5	1 2,5	2 5,1	5 12,8
	Ниже среднего . . .	10	— —	2 5,1	5 12,8	3 7,7
	Выше среднего . . .	9	2 5,1	— —	3 7,7	4 10,3
	Высокого	11	1 2,5	1 2,5	5 12,8	4 10,3
Всего . . .		39	4 10,3	4 10,3	15 38,5	16 41
Всё мужчины		176	7 3,9	17 9,6	73 41,8	79 44,9

№ 18.

Цвѣтъ волосъ. Couleur des cheveux.				Цвѣтъ глазъ. Couleur des yeux.							
Свѣтлый. Blonde.		Русый, Châtain.		Темный. Brun.		Свѣтлый. Claire.		Смѣшанный. Mêlée.		Темный. Foncée.	
Ч.	%	Ч.	%	Ч.	%	Ч.	%	Ч.	%	Ч.	%
—	—	1	3,3	1	3,3	—	—	2	6,7	—	—
1	3,3	8	26,7	—	—	2	6,7	7	22,3	—	—
1	3,3	9	30	—	—	3	10	7	23,3	—	—
1	3,3	6	20	2	6,7	2	6,7	7	23,3	—	—
3	10	24	80	3	10	6	23,3	24	76,7	—	—
—	—	2	4	4	8	2	4	1	2	3	6
—	—	6	12	6	12	1	2	10	20	1	2
5	10	13	26	5	10	5	10	16	32	2	4
—	—	7	14	2	4	1	2	7	14	1	2
5	10	28	56	17	34	9	18	34	68	7	14
1	2,9	4	11,4	1	2,9	1	2,9	4	11,4	1	2,9
3	8,6	5	14,3	2	5,7	6	17,1	3	8,6	1	2,9
—	—	9	25,7	3	8,6	3	8,6	8	22,8	1	2,9
—	—	3	8,6	4	11,4	2	5,7	4	11,4	1	2,9
4	11,4	21	60	10	28,6	12	34,3	19	54,3	4	11,4
1	4,5	3	13,6	1	4,5	1	4,5	3	13,6	1	4,5
—	—	6	27,3	1	4,5	—	—	6	27,3	1	4,5
—	—	3	13,6	1	4,5	1	4,5	2	9,1	1	4,5
—	—	5	22,7	1	4,5	—	—	5	22,7	1	4,5
1	4,5	17	77,3	4	18,2	2	9,1	16	72,7	4	18,2
1	2,5	4	10,3	4	10,3	1	2,5	6	15,4	2	5,1
2	5,1	6	15,4	2	5,1	3	7,7	6	15,4	1	2,5
2	5,1	2	5,1	5	12,8	1	2,5	4	10,3	4	10,3
1	2,5	7	17,9	3	7,7	3	7,7	4	10,3	4	10,3
6	15,4	19	48,7	14	39,9	8	20,5	20	51,3	11	28,3
19	10,8	109	61,9	48	27,3	37	21	113	64,2	26	14,8

въ одинаковомъ количествѣ, но свѣтлыхъ глазъ больше, чѣмъ темныхъ. Высокій ростъ характеризуется еще большею короткоголовостью, чѣмъ низкій, темныхъ волосъ значительно больше, чѣмъ свѣтлыхъ, глазъ свѣтлыхъ больше, чѣмъ темныхъ. Въ Ржевскомъ у., благодаря большому количеству длинноголовыхъ и низкихъ, картина соответственно мѣняется. Низкому росту также соответствуетъ короткоголовость и преобладаніе темныхъ волосъ и даже глазъ надъ свѣтлыми. Но въ отличіе отъ Осташк. у. здѣсь мы встрѣчаемъ въ этой группѣ одного длинноголового и 2 среднеголовыхъ. Съ ростомъ ниже средняго связана меньшая короткоголовость, большій % среднеголовыхъ, одинаковое количество темныхъ и свѣтлыхъ волосъ и перевѣсъ свѣтлыхъ глазъ надъ темными.

Группа выше средняго роста включаетъ въ себя половину всѣхъ длинноголовыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преобладающее число короткоголовыхъ; темныхъ глазъ и волосъ больше, чѣмъ свѣтлыхъ. Высокій ростъ связанъ съ короткоголовостью и преобладаніемъ темной окраски волосъ и даже глазъ, въ отличіе отъ соответствующей группы Осташков. уѣзда.

Располагая матеріалъ по группамъ географически, получаемъ ту же, но болѣе детализованную картину. (Табл. № 18). Не останавливаясь на разсмотрѣніи отдѣльныхъ группъ, отмѣчу, что % короткоголовыхъ и высокорослыхъ болѣе или менѣе понижается отъ I группы къ V-ой. Темный цвѣтъ увеличивается въ томъ же направленіи, но неправильно.

Заканчивая разсмотрѣніе трехъ основныхъ признаковъ и считая смѣшанность изучаемаго населенія несомнѣнною, я намѣчу тѣ обособленныя группы, которыя вырисовываются въ нашемъ матеріалѣ. Наболѣе ярко выступаютъ высокорослые короткоголовые темные и низкіе короткоголовые и темные. Затѣмъ идутъ короткоголовые высокорослые, но болѣе или менѣе свѣтлые, среднеголовые съ указателемъ 79—80 выше средняго роста, пигментация которыхъ носить, повидимому, темный характеръ, и, наконецъ, очень немногочисленные длинноголовые, относительно роста и пигментации которыхъ говорить затруднительно. Отмѣчая эти обособленныя группы, я не вхожу теперь въ ихъ оцѣнку, а только обращаю на нихъ вниманіе, какъ на явленіе, тре-

бующее провѣрки и изученія на большемъ, чѣмъ мой, ма-
териалѣ.

Высота черепа. (Hauteur du crâne).

Согласно принятой классификаціи, изслѣдованные мною
великоруссы являются пизкоголовыми (хамцефалами). Въ
Ржевскомъ у. средняя высота головы и высотно—продоль-

Табл. № 19

Великоруссы Твѣрской губерніи	Число Nombre	Высота черепа Haut. du crâne		Высотный ука- затель Ind. de haut.
		Min.—Max.	Средн Moyenne	
♂				
Осташков. у.	100	110—143	126,9	68,5
Ржевскій у.	80	118—136	128,85	69,4
Виѣстѣ	180	110—143	127,76	68,85
♀				
Осташков. у.	23	111—130	123	69,4

ный указатель больше, чѣмъ въ Осташковскомъ у. Полу-
ченный мною средній высотно-продольный указатель, со-
впадая съ указателемъ великоруссовъ Курской г., (Лу-
кинъ), по сравненію съ великоруссами другихъ мѣстностей,
низокъ. Даже въ Старицкомъ у. Тверской г., по д-ру Галаю,
онъ больше—70,65. Еще выше указатель украинцевъ. По
пензданнымъ матеріаламъ Антропологическаго Кабинета
С.-Петербургскаго Университета и Θ. К. Волкова, для сѣвер-
ной полосы (Курская, Черниговская, Кіевская и Волян-
ская гг.) имѣемъ—71,5. Значительно ближе указатель бѣло-
руссовъ сосѣдней съ нашими уѣздами Смоленской губ.,
гдѣ г. Эйхгольцъ получилъ 69,2, а также бѣлоруссовъ
Дисненскаго у. Виленской губ., гдѣ г. Здроевскій получилъ
69,5. Указатель бѣлоруссовъ Минской губ. и указатель ли-
товцевъ значительно меньше (60,5—61,17).

Наименьшая ширина лба. (Diam. front minim.).

Табл. № 20.

Великоруссы Тверской губ.	Число измѣренныхъ Nombre des mesurés	Наименьшій лобный діаметръ Diam. front. minim.		Поперечн. діам. = 100 Diam. transv. = 100
		Мин.—Макс. Min.—Max.	Средн. Moynenne	
♂				
Осташковскій у.	100	96—113	105,6	68,58
Ржевскій у.	80	99—116	106,81	69,72
Оба уѣзда	180	96—116	106,1	69,07
♀				
Осташковскій у.	23	94,5 - 108	101,6	68,8

Какъ видно изъ таблицы, наименьшая ширина лба у мужчинъ Ржевскаго у. больше, чѣмъ Осташковскаго у. Мои цифры близки къ цифрамъ д-ра Галая для Старицкаго у., гдѣ получена наименьшая ширина лба—105, а указатель—70,9.

Что касается жепщинъ, то ихъ нанм. ширина лба меньше чѣмъ у мужчинъ, а указатель нѣсколько больше, чѣмъ у мужчинъ того же уѣзда. Для Старицкаго у. имѣемъ н. ширину лба—101 и указатель—70,85.

Высота и ширина лица. (Hauteur et largeur du visage).

Подразумѣвая подъ высотой лица разстояніе отъ начала волосъ на лбу до нижняго края подбородка, что соотвѣтствуетъ французскому „visage“, и разматривая скуловой

діаметръ, какъ ширину лица, а отношеніе $\frac{\text{скулов. діам.} \times 100}{\text{общая высота лица}}$, какъ указатель. можно представить мой матеріалъ въ слѣдующемъ видѣ:

Табл. № 21.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre	Высота лица Haut. du visage		Скуловой діаметръ Diam. bizygomat.		Указатель Indice
		Min.—Max.	Средн. Moienne	Min.—Max.	Средн. Moienne	
♂						
Осташковскій у. .	99	165—206	185,96	131—150	139,7	75,1
Ржевскій у. . . .	78	167—210	184,62	129—152,5	139,5	75,2
Оба уѣзда	177	165—210	185,4	129—152,5	139,6	75,15
♀						
Осташковскій у. .	23	162—186	173,9	120—139,5	130,5	75

Согласно принятой классификаціи, осташи и ржевцы среднелицы. Слѣдуетъ отмѣтить, что длина лица, полученная мною больше, чѣмъ длина лица великоруссовъ другихъ мѣстностей, напр., въ Старицкомъ у.—183,25, Романово-Борисоглѣбскомъ у. Ярославской губ., (по дру Вильгѣ)—181 Переяславльскомъ у. Владимирской г., (по Спиридову)—182. Значительно ближе въ данномъ отношеніи бѣлоруссы, длина лица которыхъ, по пр.-доц. Ивановскому,—186, въ частности длина лица бѣлоруссовъ Смоленской губ.—187.

Ширина лица, полученная мною, по сравненію съ данными о великоруссахъ другихъ мѣстностей, не велика. Она больше, напр., въ Рязанской г.—140,5, Владимирской г.—141, но меньше въ Старицкомъ у. Твер. г. — 136,6. Довольно близко стоятъ бѣлоруссы Рославльскаго у. Смоленской г.—141, слущіе — 138, литовцы (по Янчуку) — 140, (по Баронасу)—139. Большой интересъ представляетъ сравненіе лицевого указателя, который очень близокъ къ моему въ Старицкомъ у. — 74,65, у литовцевъ — 75,16, у бѣлоруссовъ —

76,22 ¹⁾, въ то время, какъ у великоруссовъ Романово-Борисоглѣб. у. Ярославской г.—77,72, Рязанской губ.—77,11.

Вычисливъ отдѣльно указанія измѣренія у низкорослыхъ до 1660 мм., я получилъ длину лица—181,2, скуловой диаметр—139,6 и лицевой указатель—77,04. Очевидно, они болѣе коротколицы и относительно болѣе широколицы.

Не останавливаясь на вопросѣ о томъ, какое взаимоотношеніе существуетъ между головнымъ указателемъ и лицевымъ указателемъ, отмѣчу только, что въ данномъ случаѣ нѣтъ простой зависимости и связи, а существуетъ сложное соотношеніе, которое необходимо специально изучить на болѣе обширномъ матеріалѣ.

Лицевой указатель. (Indice facial).

Табл. № 22.

Великоруссы Тверской губ.	Число. Nombre.	В. лобно-подбородочн. Haut. ophryo-ment.		В. лобно-подбород.- лицевой указатель. Ind. facial.
		Min—Max.	Средн. Moynene.	
♂				
Осташков. у.	100	118—159	137,2	101,84
Ржевскій у.	80	122—154	136,4	102,32
Оба уѣзда	180	118—159	136,83	102,02
♀				
Осташков. у.	23	111—137	126,8	102,7

Лицевымъ указателемъ, слѣдуя терминологіи Брока, мы будемъ называть отношеніе скулового диаметра къ высотѣ лобно-подбородочной, соответствующей французскому „face“.

¹⁾ Ивановскій. „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“ и „Населеніе земного шара“.

Представляя въ таблицѣ какъ лобно-подбородочную высоту, такъ и лицевой указатель, мы обращаемъ вниманіе на то, что въ Ржевскомъ уѣздѣ и та, и другая цифра меньше, несмотря на это, слѣдуетъ великоруссовъ обоихъ уѣздовъ, согласно принятой классификаціи, отнести къ длиннолицымъ (dolichofaciales).

Не имѣя цифръ о лицевомъ указателѣ великоруссовъ другихъ мѣстностей, приведу для сравненія близко подходящія цифры: лобно-подбородочная высота у гуцуловъ (по Ѳ. К. Волкову)—137,8, лицевой указатель—102,1 для мужчинъ, и 125,6 и 104 для женщинъ.

Лицевой указатель украинцевъ вообще—102,4 (по матеріаламъ Ѳ. К. Волкова).

Длина и ширина носа. (Haut. et larg. du nez).

Табл. № 23.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre	Длина носа. H. nasio-sousnas.			Ширина носа. Larg. du nez.		Носовой указатель Ind. nasal.
		Min.	Max.	Средн. Moynenne.	Min.—Max.	Средн. Moynenne.	
♂							
Осташков. у. . .	100	41—62	51,9	30—43	35	67,4	
Ржевскій у. . .	79	41—56	50,5	31—41	35,2	69,7	
Вмѣстѣ . . .	179	41—62	51,3	30—43	35,1	68,4	
♀							
Осташков. у. . . .	23	42—55	48	27—39	31,2	64,9	

Согласно принятой классификаціи, моихъ великоруссовъ слѣдуетъ считать лепторинами или узконосыми. Осташковцы нѣсколько отличаются отъ ржевцевъ большей узконосостью. Еще болѣе узконосы женщины. Для сравненія приведу дан

ныя д-ра Галая по Старицкому у., предупредивъ, что онъ, какъ и другіе до сихъ поръ измѣрявшіе великоруссовъ, бралъ длину носа не отъ nasion'a, а отъ „корня носа“. Длина носа для Стар. у.—52, ширина—36, носовой указатель мужчинъ—69,6. Длина носа женщинъ—49, ширина—33, носовой указатель 67,4. Отсюда видно, что мои великоруссы являются немного болѣе узконосыми. Носовой указатель украинцевъ (по Э. К. Волкову)—69,6.

Профиль носа. (Profil du nez).

Что касается профиля носа, то преобладающимъ среди изслѣдованнаго населенія является носъ прямой, обозначаемый 0; носы слегка выгнутые (+1) болѣе часто встрѣчаются въ Осташковскомъ уѣздѣ, орлиныхъ носовъ (+2) мало; вогнутые носы (—1) попадаютъ рѣдко, незначительно больше ихъ въ Ржевскомъ уѣздѣ. Представивъ точную таблицу, сравнимъ наши данныя съ данными д-ра Галая о Старицкомъ уѣздѣ.

Табл. № 24.

Великоруссы Тверской губ.	Число. Nombre.	— 1		0		+ 1		+ 2	
		Вогнутый. Concave		Прямой. Droit.		Выгнутый. Convexe		Орлиный. Aquilin.	
		Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%
♂									
Осташков. у.	100	5	5	61	61	31	31	3	3
Ржевскій у.	80	6	7,5	55	68,75	12	15	7	8,75
Вяѣстѣ . . .	180	11	6,1	116	64,4	43	23,9	10	5,6
♀									
Осташков. у.	23	2	8,7	17	73,9	4	17,4	—	—

Послѣдній отмѣтилъ прямой носъ у 90,5% мужчинъ и у 85% женщинъ, вогнутый носъ у 7% мужчинъ и 14% женщинъ. Число горбоносыхъ значительно меньше, всего 2,5%. Разница, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что я отмѣчалъ даже незначительную горбоносость; % вогнутыхъ носовъ почти совпадаетъ съ моими данными для мужчинъ, но выше для женщинъ.

Кр. д. Сорокина Осташк. у., 34 лѣтъ.
Вол. рус., гл. смѣш., ростъ 1692, гол. ук. 82,15.

Выступленіе носа. (Proéminence du nez).

Обозначая черезъ 1 малое выступаніе, черезъ 2—умѣренное и черезъ 3—большое, мы получимъ таблицу, которая показываетъ, что громадное большинство изслѣдуемыхъ мною субъектовъ имѣютъ умѣренно выступающіе носы. Впалыхъ носовъ не отмѣчено вовсе. Сильно выступающихъ носовъ у женщинъ значительно меньше. Къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ для сравненія.

Таблица № 25.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre	Малое 1		Среднее 2		Большое 3	
		Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
♂							
Осташковскій у.	100	—	—	86	86	14	14
Ржевскій у.	80	—	—	67	83,8	13	16,2
Вивѣсть	180	—	—	153	85	27	15
♀							
Осташковскій у.	23	—	—	22	95,5	1	4,5

Высота нижней челюсти. (Haut. mandibulaire bucco-mentonnière).

Подъ высотой нижней челюсти принято понимать разстояние отъ губной щели до середины нижняго края подбородка. Отношеніе ея къ лобно-подбородочной высотѣ считается указателемъ. Какъ видно изъ прилагаемой таблицы, средняя

Табл. № 26.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre	Выс. ниж. челюсти Haut. mandib.-bucco-ment.			В. лобно-подбородочная = 100. Н. орigno-ment. = 100.
		Min.	Max.	Средн. Moynenne	
♂					
Осташковскій у.	100	41—60		49,9	36,4
Ржевскій у.	80	42—56		50,35	36,9
Вивѣсть	100	41—60		50,1	36,6
♀					
Осташковскій у.	23	39—53		46	36,2

высота нижней челюсти незначительно отличается въ обоихъ уѣздахъ. У женщинъ она меньше, хотя указатель почти совпадаетъ съ указателемъ у мужчинъ соответствующаго уѣзда.

Измѣренія рта. (Mesures de la bouche).

Судя по прилагаемой таблицѣ, высота краевъ губъ, ширина рта и отношеніе между ними (губной указатель)—среднія. Въ Ржевскомъ уѣздѣ губы толще и ротъ шире, у женщинъ ротъ значительно уже и губы немного тоньше. Цифръ для сравненія нѣтъ.

Табл. № 27.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre.	В. краевъ губъ. H. des rebords des lèvres.	Ширина рта Larg. de la bouche.	Губной указат. Ind. buccal.
♂				
Осташков. у.	99	13,55	50,9	26,65
Ржевскій у.	79	12,9	52,4	24,64
Виѣсть	178	13,3	51,85	25,65
♀				
Осташковск. у.	23	11,2	38,7	28,9

Длина глазного отверстія. (Longueur de l'ouverture palpébrale).

Длину глазного отверстія мы получаемъ, вычитая изъ величины вѣшняго діаметра разрѣза глазъ величину внутренняго діаметра и дѣля разность на два. Представивъ въ таблицѣ означенныя измѣренія, отмѣтимъ, что у изслѣдованныхъ тверяковъ отверстіе меньше, чѣмъ у гуцуловъ, у которыхъ длина глазн. отверстія 28,7 (♂) и 27,5 (♀). Къ сожалѣнію, нѣтъ цифръ относительно великоруссовъ.

Табл. № 28.

Великоруссы Тверской губ.	Число измѣренныхъ. Nombre des mesurés.	Внутрен. диаметр. D. Biangulaire interne.	Внѣшній диаметр. D. Biangulaire externe.	Длина глазн. отверстія. Long. de l'ouverture palpébrale.
♂				
Осташковскій у.	98	35,1	87,1	26
Ржевскій у.	80	34,4	88,1	26,85
Виѣсть	178	34,8	87,6	26,4
♀				
Осташковскій у.	23	32,7	83,9	25,6

Косой разръзъ глазъ. Монгольское вѣко. (Obliquité des yeux. Les yeux bridés).

Косой разръзъ глазъ измѣрялся по способу, предложенному бывшимъ студентомъ С.-Петербургскаго Университета Н. Н. Лебедевымъ. Для этого брался обыкновенный прозрачный транспортиръ, къ которому былъ прикрѣпленъ отвѣсъ въ видѣ витки съ дробинкой. Наблюдался уголь, образованный отвѣсомъ при приставленіи транспорта по направленію отъ внутренняго угла разръза глаза къ наружному. Нужно сказать, что этотъ чрезвычайно легкій и удобный приемъ, который впервые примѣнялся лѣтомъ 1911 г., оправдываетъ возлагаемая на него надежды. Мною измѣренье было такимъ образомъ разръзъ глазъ у 44 мужчинъ Осташковскаго уѣзда. Средній уголь получился—3,76°, колебанія отъ 1 до 8°. Не настаивая на абсолютной точности наблюденія, можно сказать, что разръзъ глазъ расположенъ почти горизонтально. Уголь, полученный мною, меньше, чѣмъ полученный А. З. Носовымъ при опредѣленіи тѣмъ же способомъ у сербовъ, гдѣ онъ равняется 5,1°. Д-ръ Галай, наблюдая разръзъ глазъ у великоруссовъ Старицкаго уѣзда, замѣтилъ у 7 мужчинъ изъ 200 приподнятіе наружныхъ угловъ глазъ. Что касается монгольскаго вѣка, т. е. складки, образуемой верхнимъ

вѣкомъ у внутреннихъ угловъ глазъ, то мнѣ не пришлось ее наблюдать. Не встрѣчалъ ее д-ръ Галай въ Старицкомъ у. и г. Спиридовъ въ Переяславльскомъ уѣздѣ Владимирской г. почти на границѣ съ Тверской губерніей.

Кр. д. Рога Осташков. у., 39 лѣтъ.
Вол. рус., глаза смѣш., ростъ 1598, гол. ук. 81,87,

**Длина и ширина уха. Оттопыренность уха.
(Longueur et largeur de l'oreille. Ecartement de l'oreille).**

Для того, чтобы судить о характерѣ наружнаго уха, рассмотримъ таблицу № 29, гдѣ приведены данныя о длинѣ—большая ось уха, ширинѣ—малая ось уха и ушномъ указателѣ, полученномъ по формулѣ: $\frac{\text{малая ось уха} \times 100}{\text{большая ось уха}}$, а также таблицу № 30, гдѣ приведены данныя объ оттопыренности уха, пользуясь слѣдующими обозначеніями: прижатое ухо: 0, слегка оттопыренное: 1, оттопыренное (оттопыренность бросается въ глаза): 2 и сильно оттопыренное: 3 ¹⁾).

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, осташи и ржевцы имѣютъ среднія уши (отъ 50,01—56), если слѣдовать

¹⁾ В. В. Воробьевъ. Наружное ухо человека. „Труды Антроп. Отд. т. XX.

Табл. № 29.

Великоруссы Тверской губ.	Число измеренных Nombre des mesurés	Большая ось уха. Grand axe de l'oreille			Малая ось уха Petit axe		Ушной указатель Indice de l'oreille
		Min-Max.	Средняя Moynne	Высота лица =100 H. de visage=100	Средняя Moynne	Высота лица =100 H. de visage=100	
♂							
Осташковский у.	100	56—74	64	34,4	34,6	18,6	54,1
Ржевский у.	80	51,5—72	63,2	34,2	35,1	19	55,5
Вифстѣ	180	51,5—74	63,7	34,35	34,8	18,8	54,7
♂							
Осташковский у.	23	53,5—68	58,95	33,9	31,3	17,98	53,1

нормамъ размѣровъ уха, предложеннымъ докторомъ Воробьевымъ. Для сравненія приведу нѣсколько цифръ. Длина уха великоруссовъ Старицкаго у.—62,4, ширина—34, указатель—54,16. Длина уха бѣлоруссовъ Гомельскаго у. Могилевской г.—63, ширина—34, указатель—53,97. Что касается оттопыренности, то цифровыхъ данныхъ, аналогичныхъ нашимъ, относительно великоруссовъ и бѣлоруссовъ нѣтъ.

Табл. № 30.

Оттопыренность уха. Ecartement de l'oreille.

Великоруссы Тверской губ.	0		1		2		3	
	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%
♂								
Осташковский у.	—	—	44	44,4	47	47,5	8	8,1
Ржевский у.	—	—	45	57	25	31,6	9	11,4
Вифстѣ.	—	—	89	50	72	40,5	17	9,5
♀								
Осташковский у.	—	—	12	52,2	11	47,8	—	—

Длина бюста и ногъ. (Longueur du buste et des extrémités inférieures).

Длину бюста мы получаемъ путемъ измѣренія роста сидя. Вычтя послѣдній изъ роста стоя, получимъ длину ногъ. Такимъ образомъ, можно указанныя данныя и отношеніе ихъ къ росту представить въ таблицѣ № 31, изъ которой видно, что средняя длина бюста и ногъ мало отличается по уѣздамъ, причемъ соотвѣтственно росту въ Ржевскомъ уѣздѣ она меньше. Отношеніе къ росту почти одинаково. У жепщицъ отношеніе бюста къ росту больше, чѣмъ у мужчинъ, какъ и слѣдовало ожидать. Цифръ для сравненія съ другими великоруссами, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Табл. № 31.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre	Длина бюста Longueur du buste		Ростъ = 100 Taille = 100	Длина ногъ Long. extr. infer.	Ростъ = 100 Taille = 100
		Min—max.	Срѣдн. Moyenne			
♂						
Осташковскій у	98	784—959	875,9	52,6	789,6	47,4
Ржевскій у	77	782—944	870,8	52,8	777,3	47,2
Виѣстѣ	175	782—959	873,7	52,7	783,6	47,3
♀						
Осташковскій у	23	733—874	812	53,7	707	46,5

Если сравнить съ гуцулами, то для мужчинъ получимъ большое сходство; такъ, отношеніе бюста къ росту у послѣднихъ—52,3, отношеніе ногъ къ росту—47,7, у женщинъ отношеніе бюста къ росту—52,4, отношеніе ногъ къ росту—47,9. Отношеніе ногъ къ росту у украинцевъ сѣверной полосы—47,6.

**Длина отъ локтя до конца средняго пальца (coudée) и
высота колѣна (haut de genou).**

Табл. № 32.

Великоруссы Тверской губ.	Число Nombre	Длина отъ локтя до конца сред. пальца Coudée		Высота колѣна H. de genou	
		Средн. Moyenne	Ростъ=100 Taille=100	Средн. Moyenne	Ростъ=100 Taille=100
♂					
Осташковскій у.	94	45,8	27,4	44,8	26,9
Ржевскій у.	80	45,2	27,4	43,2	26,2
Вмѣстѣ	174	45,5	27,4	44,08	26,6
♀					
Осташковскій у.	22	41,2	27,1	41	27

Какъ видно изъ таблицы, у ржевцевъ соотвѣтственно росту coudée и высота колѣна меньше, чѣмъ у осташковцевъ, причемъ отношенія означенныхъ величинъ къ росту въ одномъ случаѣ одинаково, въ другомъ случаѣ у ржевцевъ немного меньше. Измѣреній coudée въ литературѣ о великоруссахъ мы не имѣемъ, для сравненія же высоты колѣна приведу цифры д-ра Галая для Старицкаго у., гдѣ онъ получилъ 44,2 см., а отношеніе къ росту 26,7 т. е. то же, что получено мною для обонхъ уѣздовъ вмѣстѣ. Почти совпадаютъ мои цифры съ данными о гуцулахъ, если брать отношеніе къ росту. Для нихъ мы имѣемъ: отношеніе coudée къ росту 27,3, отношеніе выс. колѣна къ росту 26,6 у мужчинъ, у женщинъ первое—26,8, второе—26,6.

Кисть, ступня и пятка. (Main, pied et calcaneum).

Табл. № 33.

Великоруссы Тверск. губ.	Число Nombre	Кисть руки (main).				Ступня (pied)				Calcaneum.	
		Длина Long.	Ширина Larg.	Длина \approx 100 Long. \approx 100	Ростъ \approx 100 Taille \approx 100	Длина Long.	Ширина Larg.	Длина \approx 100 Long. \approx 100	Ростъ \approx 100 Taille \approx 100	Длина Long	Дл. ноги \approx 100 Long du pied \approx 100
♂											
Осташк. у.	93	204,1	97,15	47,65	12,25	269,3	110,74	41,12	16,16	69,64	25,8
Ржев. у.	73	207	97,16	46,93	12,55	285,74	107,17	40,32	16,12	69,1	26
Виѣсть	166	204,8	97,15	47,4	12,35	268,2	109,1	40,64	16,15	69,35	25,85
♀											
Осташк. у.	20	186,4	87,75	47,07	12,27	240,4	102,5	42,6	15,82	61,5	25,5

Какъ видно изъ таблицы, въ Ржевскомъ у. кисть длиннѣе, чѣмъ въ Осташковскомъ, а ступня и calcaneum короче. Слѣдуетъ отмѣтить, что мои цифры больше тѣхъ, которыя имѣются о великоруссахъ ближайшихъ мѣстностей. Для сравненія укажу, что длина кисти старичанъ—186, длина ступни ихъ—257. Повидимому, разница объясняется инымъ способомъ опредѣленія данныхъ величинъ.

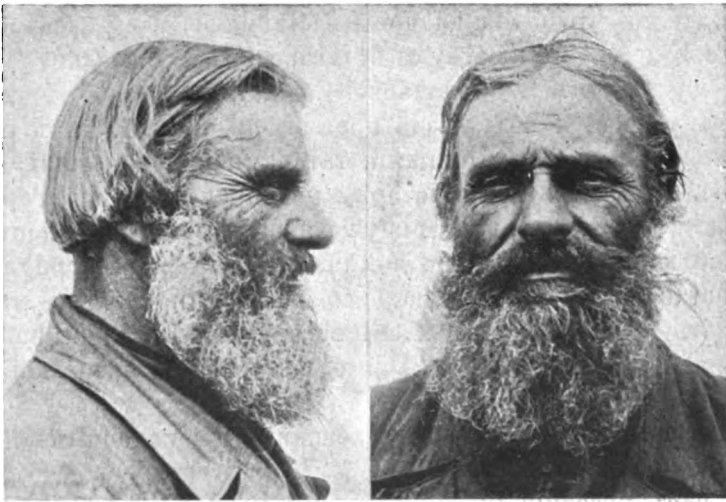
Разсмотрѣвъ отдѣльные антропологическіе признаки, мы можемъ изслѣдованное нами населеніе характеризовать слѣдующимъ образомъ.

Великоруссы Осташковского и Ржевскаго уѣздовъ Тверской губ., въ большинствѣ, плотнаго коренастаго сложения. Ростъ ихъ выше средняго. Ржевцы ниже осташей. Цвѣтъ волосъ и глазъ преобладаетъ смѣшанный: русоволосыхъ и сѣроглазыхъ встрѣчается больше всего. Въ Ржевскомъ уѣздѣ % темныхъ нѣсколько больше, чѣмъ въ Осташковскомъ. По головному указателю ихъ нужно отнести

къ субрахицефаламъ съ большимъ % брахицефаловъ, въ противоположность субрахицефаламъ Рязанской губ. съ наклономъ къ мезоцефалии. Судя по большимъ колебаніямъ въ ростѣ, головномъ указателѣ, по неправильному рядовому расположенію индивидуальныхъ измѣреній роста и головного указателя, а также по сопоставленію указанныхъ измѣреній съ цвѣтомъ волосъ и глазъ, можно заключить о смѣшанности даннаго населенія. Сравнивая съ великоруссами другихъ мѣстностей, отмѣтимъ, что среди оставшей и ржевцевъ больше бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ. Высотно-продольный указатель ниже, чѣмъ у другихъ великоруссовъ. Какъ великоруссы, вообще, они низкоголовы. Лицо у нихъ болѣе длинно, чѣмъ у великоруссовъ, изслѣдовавшихся до сихъ поръ, и ближе къ бѣлоруссамъ и особенно къ литовцамъ. Носъ прямой, иногда слегка выгнутый, незначительно выступающій и узкій. Ротъ небольшой. Длина и ширина губъ средняя. Зубной прогнатизмъ встрѣчается рѣдко. Длина глазного отверстія небольшая. Прорѣзы глазъ открыты и почти горизонтальны, уголь незначителенъ. Монгольское вѣко не встрѣчается. Уши средней величины; замѣтна нѣкоторая оттопыренность. Что касается бюста, длины ногъ и *soudée* то, не имѣя данныхъ о великоруссахъ, полученныхъ тѣми же способами измѣренія, какими пользовался я, и сравнивая, въ силу необходимости, съ украинцами, можно сказать, что отношеніе указанныхъ антропологическихъ признаковъ къ росту довольно близко у моихъ тверяковъ съ украинцами сѣверной полосы.

Ознакомившись съ основными антропологическими признаками и намѣтивъ средній „типъ“ великоруссовъ Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ, естественно было бы установить его типологическое отношеніе и связь съ сосѣднимъ населеніемъ Новгородской, Тверской, Псковской, Смоленской и Московской губерній. Но отсутствіе данныхъ для ближайшихъ уѣздовъ мѣшаетъ сдѣлать это болѣе или менѣе точно. При разсмотрѣніи отдѣльныхъ признаковъ мы установили сходство съ единственнымъ изученнымъ уѣздомъ Тверской губ. Кроме того, изъ сродства многихъ признаковъ можно предполагать непосредственную связь и близость къ бѣлоруссамъ. Въ то же время мы отмѣтили разницу между Осташковскимъ и Ржевскимъ уѣздами.

Высказавъ предположеніе и стараясь найти объясненіе въ отрывочныхъ антропологическихъ данныхъ, обратимся для освѣщенія вопроса къ археологіи, исторіи и лингвистикѣ. Данный районъ былъ заселенъ еще въ неолитическую эпоху. Рѣка Волга, озера Селигеръ, Сигъ, Глубокое, Вселукъ, Волго и другіе, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя находки каменныхъ орудій, еще тогда служили мѣстомъ поселеній ¹⁾. Позднѣе, судя по курганнымъ даннымъ, здѣсь жило длинноголовое высокорослое населеніе, встрѣчающееся почти всюду въ курганахъ Россіи ²⁾.

Кр. д. Боракова Ржевскаго у., 50 лѣтъ.
Вол. темн., гл. свѣтл., ростъ 1677, гол. ук. 81,3.

Лѣтопись говоритъ намъ, что здѣсь жили какъ финскія племена: чудь и веси, такъ и славяне: ильменскіе и кривичи. „Кривичи сѣдять на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Двѣпра“, говоритъ Начальная Лѣтопись.

¹⁾ Поляковъ. Изслѣд. по камен. вѣку въ Олон. г., въ долину Оки и на верховьяхъ Волги. „Зап. И. Р. Г. О.“ по Этно. отд. IX, 1882 г.

²⁾ Богдановъ. „Доисторическіе тверитяне“. Плетневъ. „Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губ.“ 1903 г.

Позднѣе можно замѣтить вліяніе на данный районъ какъ Новгородцевъ, такъ и населенія Смоленскаго княжества и Суздальской области. Въ частности извѣстно, что сѣверная часть Осташковскаго уѣзда съ большей частью озера Селигеръ, и сѣверная часть Старицкаго уѣзда принадлежали Новгороду, а большая часть Осташковскаго уѣзда по Волгѣ съ южной частью побережья Селигера и Ржевскій уѣздъ относились къ Смоленскому княжеству, потомъ къ Суздальской области, а затѣмъ къ Москвѣ ¹⁾. Какъ ни относиться къ приведеннымъ даннымъ, можно считать несомнѣннымъ то, что современные Осташковскій и Ржевскій уѣзды были населены какъ славянами, такъ и финнами, а также то, что большая часть Осташковскаго уѣзда была связана по преимуществу съ Новгородомъ, а Ржевскій уѣздъ съ Смоленскомъ и Суздальской областью.

За то время оба уѣзда претерпѣли цѣлый рядъ разореній и захватовъ литовцами, татарами и даже поляками.

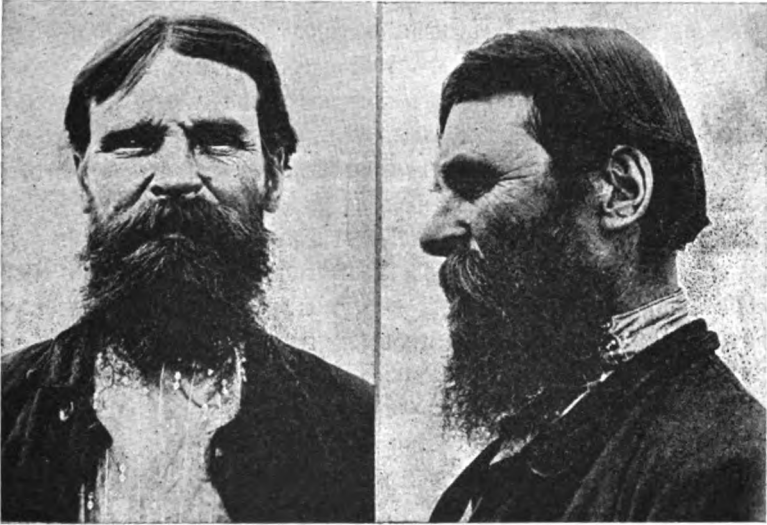
Въ то время какъ татары, пробираясь къ Новгороду, прошли по Селигеру и окружающей мѣстности, „посѣкая людей какъ траву“ и не дойдя до Новгорода, вернулись, не оставаясь долго въ нашемъ районѣ, и едва ли могли оказать вліяніе на типъ населенія, литовское вліяніе вполне вѣроятно, такъ какъ здѣсь существовали литовскія поселенія.

Переходя къ даннымъ языкознанія, мы находимъ у академиковъ А. А. Шахматова и Соболевскаго слѣдующія цѣнныя для насъ указанія ²⁾:

Оба лингвиста какъ разъ внутри Тверской губ. проводятъ границу сѣвернорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, и, что для насъ важно, выдѣляютъ Ржевскій уѣздъ отъ Осташковскаго. Соболевскій говоритъ, что значительная часть Ржевскаго и Зубцовскаго уѣздовъ и нѣкоторая часть Осташковскаго уѣзда принадлежатъ бѣлорусскому нарѣчію. Акад.

¹⁾ Покровскій. Историко-статист. описаніе Тверской губ., т. I, стр. 83, 24 и др. Тверь 1879 г.

²⁾ Ак. Шахматовъ. „Языкъ“. Б. Энц. Сл. Брокг. и Ефр. т. 54—55 (Россія). Акад. Шахматовъ. „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій“. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. мартъ-апрѣль. Ак. Соболевскій. Опытъ русской диалектологіи. В. I.

Кр д. Ховязина Ржевскаго у., 48 лѣтъ.
Вол. и глаза темные, ростъ 1709, гол. ук. 82,01.

Шахматовъ, характеризуя отдѣльные уѣзды Тверской губ., говорить, что *акаютъ* въ Вышневолоцкомъ, Осташковскомъ, Старицкомъ и Тверскомъ уѣздахъ, а уѣзды Зубцовскіи и

Кр. дер. Н. Дорокъ Ржевскаго у., 40 лѣтъ.

тѣмъ болѣе Ржевскій имѣютъ рядъ типическихъ бѣлорусскихъ особенностей. Исслѣдователи Тверского края Борзакоскій и Покровскій отмѣчаютъ, болѣе или менѣе, то же: „Крестьяне западной части Ржевскаго уѣзда, извѣстные подъ именемъ тудовлянъ, нѣсколько отличаются отъ остального населенія Тверской губ. Отличіе заключается въ говорѣ: въ словахъ, опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь, а также въ выговорѣ словъ“ ¹⁾. То же самое мнѣ пришлось слышать объ этомъ болѣе „сѣромъ“ населеніи, сохранившемся по р. Молодому Туду. Къ сожалѣнію, неблагоприятныя обстоятельства помѣшали мнѣ выполнить намѣреніе захватить въ этотъ глухой районъ Ржевскаго уѣзда. Кромѣ того, сошлюсь еще на проф. Карскаго, который, на основаніи личныхъ наблюденій, говоритъ, что „бѣлоруссы простираются по Туду почти до Волги, по болѣе чистая рѣчь лишь на западѣ“. „По рѣчкѣ Итомлѣ встрѣчаются лишь отдѣльныя бѣлорусскія черты. Вообще же, въ настоящее время, тверскіе бѣлоруссы сильно ассимилируются съ великоруссами“ ²⁾. На этнографической и лингвистической картахъ бѣлоруссовъ проф. Карскій проводитъ границу съ великоруссами въ предѣлахъ Ржевскаго уѣзда по Волгѣ почти отъ г. Ржева до р. Молодого Туда, отсѣкая къ бѣлоруссамъ половину уѣзда, въ Осташковскомъ же уѣздѣ захватывая лишь небольшую часть, примыкающую къ Смоленской губ. (Карта № 1).

Всѣ указаннныя факты объясняютъ, на мой взглядъ, отличіе великоруссовъ даннаго района отъ другихъ, нѣкоторое отличіе Старицкаго, какъ болѣе удаленнаго отъ бѣлоруссовъ, а также подтверждаютъ возможность различій между остахами и ржевцами, историческія судьбы которыхъ не были всегда связаны.

Большія длина и ширина лица, повиженіе высоты головы, вѣроятно, объясняются близостью и вліяніемъ бѣлоруссовъ или, можетъ быть, представляютъ собою черты, унаслѣдованныя отъ общихъ предковъ. Болѣе низкій ростъ и головной указатель, по всей вѣроятности, объясняются съ одной стороны большей связью Ржева съ смоленскимъ

¹⁾ Покровскій. Тамъ же, стр. 14.

²⁾ Проф. Карскій. Бѣлоруссы, Вильна 1904 г., стр. 17, **правѣч.**

райономъ, бѣлоруссами и ихъ предками, съ другой стороны—суздальско-московскимъ вліяніемъ.

Въ такомъ отношеніи, по моему мнѣнію, находится изслѣдованное населеніе Ржевскаго и Осташковскаго уѣздовъ къ ближайшимъ сосѣдямъ, наиболѣе сходнымъ съ нимъ по цѣлому ряду антропологическихъ признаковъ.

Но что же представляетъ изъ себя полученный нами средній „типъ“, на смѣшанный характеръ котораго мы уже указывали. Разложить этотъ мѣстный смѣшанный типъ на

Кр. г. Свеклина Ржевск. у., 26 лѣтъ.

составные элементы является крайне важной, но при данномъ состояніи русской антропологии едва ли выполнимой задачей. Тѣмъ не менѣе, въ цѣляхъ дальнѣйшаго изученія было бы не бесполезно имѣть тѣ или иныя руководящія вѣхи. Пользуясь своимъ небольшимъ матеріаломъ, я попытаюсь намѣтить тѣ обособленные элементы, соединеніе и механическую смѣсь которыхъ представляетъ населеніе изученныхъ уѣздовъ.

На основаніи сопоставленія трехъ основныхъ признаковъ, я отмѣтилъ пять группъ, къ разсмотрѣнію которыхъ и перейдемъ.

Наиболѣе ярко выступающимъ типомъ, вошедшимъ въ составъ населенія Ржевскаго и Осташковскаго уу., является высокорослый темный брахипцефалъ. Этотъ типъ несомнѣ-

непъ, тѣмъ болѣе, что онъ отмѣченъ въ литературѣ. Д-ръ Воробьевъ установилъ его въ Рязанской губ.¹⁾; отмѣченъ онъ среди украинскаго населенія, наблюдается и въ Польшѣ. Онъ является основнымъ составнымъ элементомъ южныхъ славянъ. Это—адриатическая или динарская раса—по Деникеру, славянская—по Ф. К. Волкову²⁾, типъ δ —по Я. В. Чекаповскому³⁾. Другой элементъ болѣе или менѣе вѣроятный немного менѣе короткоголовъ и высокъ, но съ свѣтлой окраской волосъ и глазъ. Что представляетъ этотъ типъ, гораздо труднѣе сказать. Возможность выдѣлять его подкрѣпляется отчасти тѣмъ, что соответствующій типъ отмѣченъ въ литературѣ о великоруссахъ; подобную характеристику даетъ г. Здровскій⁴⁾ одному изъ составныхъ элементовъ современнаго бѣлорусскаго населенія Дисненскаго у. Виленской губ.; затѣмъ Я. В. Чекаповскій описываетъ подобнымъ образомъ типъ γ среди польскаго населенія. Конечно, остается вопросомъ, тождественны ли эти намѣченные типы. Откуда въ нашемъ случаѣ могъ появиться подобный типъ? Можетъ быть, это есть представитель древняго чудскаго населенія, жившаго въ данномъ районѣ. Чудь историками характеризуется, какъ высокорослая и бѣлоглазая. Въ то же время мы знаемъ, что вепсы—олонецкая чудь,—сохранившіеся до сихъ поръ, являются короткоголовыми съ указателемъ—83,5 по Деникеру, и 82,4 по Баталину, а весъ по Майнову имѣетъ головной указатель 83,37 и ростъ 1689 мм.

Съ другой стороны, нужно сказать, что Деникеръ подобнымъ образомъ характеризуетъ подъ-адриатическую расу, которая, по его мнѣнію, могла образоваться отъ смѣшенія адриатической, отмѣченной нами, съ среднеголовыми рослыми блондинами⁵⁾. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду,

1) Воробьевъ. Къ антроп. великор. Ряз. г.

2) Вовк. Антропометричні досліди українського населення Галичини, Буков. й Угорщ. І. Гуцули.

3) Czekanowski. Beiträge zur Anthropol. von Polen. „Arch. für Anthrop.“ N. F., B. X H. 2/3. 1911.

4) Здровскій. Бѣлоруссы Дисн. у. Виленск. г. Р. Антр. Ж. 1905 г. 3 — 4.

5) Деникеръ. Человѣческія расы.

что и въ Западной Европѣ отмѣченъ подобный типъ (Hölder). Все это нужно принимать во вниманіе при изученіи даннаго типа, отвѣтить же на поставленный вопросъ въ настоящее время нѣтъ возможности.

Что касается третьяго типа, то онъ представляется средне-коротковатоголовымъ съ указателемъ около 79—80, роста средняго и съ относительно темной пигментацией волосъ и глазъ. Болѣе или менѣе похожий типъ отмѣчается Е. В. Чепурковскимъ среди женщинъ Великороссіи и называется въ его, пожалуй, слишкомъ упрощенной схемѣ финскимъ. Можетъ быть, правильно считать его финскимъ,

Кр. Ржевскаго у., 31 года, с. Ник.-Сишка.

по едва ли возможно отождествлять съ доисторическимъ курганнымъ населеніемъ Россіи.

Четвертымъ составнымъ элементомъ является низкій темный брахицефаль. Подобный типъ былъ отмѣченъ д-омъ Воробьевымъ въ Рязанской губ. и г. Здоровскимъ въ Виленской г. Д-ръ Воробьевъ предполагаетъ, что это монгольскій типъ. Высказывая это крайне осторожно и неуверенно, онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду татаръ, вліяніе которыхъ въ Рязанской губ. возможно, но татары выше, чѣмъ разбираемые

нами элементы. Кроме того, татары менше короткоголовы. Скорѣе, если только пытаться найти сходство съ той или иной народностью, нельзя ли этотъ типъ сравнить съ лопарями, народностью темною низкой съ среднимъ ростомъ 1555 и голов. указателемъ 84 (по Кельсіеву), 83,7 (по Деникеру) и 80,6 (по Шмакову). Высказывая это какъ предположеніе, требующее провѣрки, я укажу на то, что подобное предположеніе возможно, такъ какъ лопари раньше жили значительно южнѣе. Сошлюсь въ данномъ случаѣ на проф. Д. Н. Анучина ¹⁾, утверждающаго, что они доходили до нынѣшней С.-Петербургской и Новгородской губ., обитали еще въ XIV вѣкѣ на берегу Онежскаго озера. „Нѣкоторые изъ нихъ могли остаться на прежнихъ мѣстахъ и смѣшаться съ позднѣйшими пришельцами“, говоритъ проф. Анучинъ. Объясняя низкорослость въ пѣкоторыхъ районахъ Россіи, Анучинъ указываетъ на примѣсь лопарей, какъ на одну изъ причинъ низкорослости среди чуди и русскихъ. Выдвигая свое предположеніе, я еще разъ указываю на то, что этотъ вопросъ требуетъ тщательной дальнѣйшей разработки.

Остается еще болѣе перѣшеннымъ вопросъ, принадлежать ли отмѣченные аналогичные элементы въ Рязанской и Виленской губ. къ одной и той же этнической группѣ.

Наконецъ, имѣется у насъ еще очень незначительная группа, объединяющая длинноголовыхъ, повидному, темныхъ, средняго (?) роста. Въ виду малочисленности говорить о нихъ я затрудняюсь, только отмѣчаю, какъ элементъ, требующій изученія.

Такъ, въ грубыхъ чертахъ, намѣчая вѣроятные типы, составившіе современное населеніе Осташков. и Ржевскаго уу., и не настаивая на ихъ несомнѣнности, я обращаю вниманіе на нихъ, какъ на элементы, повидному, встрѣчающіеся и въ другихъ районахъ Великороссіи и требующіе болѣе тщательнаго и детальнаго изученія.

Въ моихъ рукахъ не было достаточнаго матеріала, кроме того, мнѣ недостаетъ опытности и знаній, чтобы дать болѣе точную характеристику намѣченныхъ составляющихъ

¹⁾ Проф. Анучинъ. О географ. распредѣл. роста, стр. 145.

элементовъ, но я рѣшаюся высказать передъ собраніемъ Русскаго Антропологическаго Общества тѣ мысли и вопросы, которые появлялись у меня въ процессѣ работы, разсчитывая здѣсь со стороны специалистовъ, людей несравненно болѣе знающихъ и опытныхъ, найти отвѣты на свои недоумѣнія и выслушать оцѣнку моихъ предположеній.

Я предвижу одинъ существенный упрекъ, заключающійся въ томъ, что я не характеризовалъ предполагаемыхъ типовъ болѣе опредѣленно, цифрами, въ видѣ предѣловъ колебанія среднихъ хотя бы головного указателя и роста. Но выше-

Кр. Ржевскаго у., 20 лѣтъ, с. Ельцы.

указаннымъ причинамъ этого сдѣлать я не могъ. Съ другой стороны, не привелъ цифръ сознательно, такъ какъ ошибка, сдѣланная мною, могла бы повести за собой цѣлый рядъ другихъ.

Вотъ все, что я почерпнулъ изъ своего матеріала до сихъ поръ. Моя работа, въ смыслѣ полноты и законченности разработки, оставляетъ желать еще очень многого. Но пока въ Россіи очень мало даже сырого матеріала, безъ котораго невозможны никакіе широкіе обобщенія и выводы; поэтому я имѣлъ въ виду не только разработку матеріала, но скорѣе необходимость возможно полнѣе его представить въ своей работѣ, что и старался сдѣлать.

Заканчивая свое сообщеніе, я съ особымъ удовольствіемъ отмѣчу заслугу антропологической комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которая рѣшила вести изъ года въ годъ по одному плану изученіе Россіи въ антропологическомъ отношеніи. Можно только пожелать ей успѣха и настойчивости въ этомъ намѣреніи.

Давидъ Золотаревъ.

Каменные орудія палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ Черниговской губ.

La station paléolithique de Mesine, gouvern. de Tchernigov.

Въ одномъ изъ засѣданій XIV Археологическаго съѣзда, состоявшагося осенью 1908 г. въ г. Черниговѣ, пр.-доц. СПб. Университета, *Ө. К. Волковымъ* было сдѣлано предварительное сообщеніе объ открытой имъ новой палеолитической стоянкѣ въ с. Мезинѣ, Кролевецкаго у., Черниговской губ. ¹⁾

Заинтересовавшись доставленными на выставку Черниговскаго съѣзда костями мамонта, при которыхъ оказались кремневые отщепки съ несомнѣнными признаками обработки, *Ө. К. Волковъ*, со своимъ слушателемъ *С. И. Руденко*, посѣтилъ лѣтомъ 1908 г. с. Мезинь, откуда были доставлены эти кости. Пробныя раскопки вполне доказали существованіе здѣсь, въ усадьбѣ г. Кошеля, палеолитической стоянки.

Каждая новая палеолитическая стоянка сама по себѣ представляетъ исключительный интересъ, какъ рѣдкій памятникъ древнѣйшей человѣческой культуры. Для русской доисторической археологій этотъ интересъ усугубляется крайней малочисленностью до сихъ поръ извѣстныхъ въ Россіи находокъ и необычайной ихъ бѣдностью, быть можетъ, объясняемою недостаточно внимательнымъ и не систематическимъ изслѣдованіемъ ихъ. Развѣдки, произведенныя *Ө. К. Волковымъ*, дали возможность установить, что палеолитическія отложенія с. Мезина находятся безспорно *in situ*; культурный слой, только слегка затронутый, далъ многочисленныя кости характерныхъ древне-четвертичныхъ животныхъ и между ними кости сѣвернаго оленя (*Cervus tarandus*), обычныя въ западно-европейскихъ палеолитиче-

¹⁾ *Ө. Волковъ* „Палеолитическая стоянка въ с. Мезинѣ, Черниговской губ.“. (Труды XIV Арх. съѣзда). Его-же статья въ „Зап. Укр. Науковаго Товар. в Київѣ“. Київъ 1909 г. „Палеолітичні знахідки въ с. Мизині, на Чернігівщині“.

ских стоянках, но здѣсь только впервые констатированная для Россіи. Среди множества кремневыхъ отщепковъ и осколковъ были найдены также, правда, немногочисленныя, орудія вполне законченныхъ типовъ: нуклеусы, скребки, рѣзцы (burins) и другія.

Выдающийся интересъ этого открытія побудилъ Ѳ. К. Волкова организовать лѣтомъ 1909 г. болѣе обширныя раскопки, но неожиданныя затрудненія помѣшали ему провести ихъ лично, и дальнѣйшее изслѣдованіе Мезинской стоянки было предложено Ѳ. К. Волковымъ мнѣ. Раскопки были произведены въ маѣ 1909 г. мною, въ сотрудничествѣ съ В. В. Сахаровымъ. Результаты раскопокъ превзошли самыя оптимистическія ожиданія. Помимо массы кремневыхъ орудій разнообразнѣйшихъ типовъ и превосходной отдѣлки, множества костей вымершихъ или эмигрировавшихъ далеко на сѣверъ животныхъ, было найдено также значительное количество костей со слѣдами обработки и вполне законченныя подѣлки изъ кости, оленьяго рога и „мамонтовой кости“, причемъ нѣкоторыя оказались великолѣпно орнаментированными.

Предварительныя сообщенія о результатахъ раскопокъ были сдѣланы Ѳ. К. Волковымъ на одномъ изъ юбилейныхъ засѣданій Парижскаго Антропологическаго Общества (9 іюля 1909 г.)¹⁾ и затѣмъ 1 августа 1911 г. въ антропологической секціи Дижонскаго конгресса (Congrès de l'Assoc. Franç. pour L'Avanc. des Sciences à Dijon).

Считаю умѣстнымъ здѣсь поблагодарить моего глубокоуважаемаго учителя Ѳ. К. Волкова, организовавшаго раскопки этой столь много давшей наукѣ, палеолитической стоянки, за его постоянныя компетентныя указанія при составленіи настоящей статьи, и Б. Г. Крыжановскаго, оказавшаго мнѣ большую помощь въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ коллекцій. Громаднымъ количествомъ матеріала, потребовавшаго много времени на разборку и изученіе, объясняется нѣкоторая задержка въ его опубликованіи. Настоящая статья содержитъ общее описаніе стоянки, данныя стратиграфическія, а также описаніе кремневои индустріи. Трудную задачу изученія костяныхъ подѣлокъ взялъ на себя

¹⁾ Bull. et Mémoires de la Société d'Anthr. de Paris 1909 г. № 4—5. стр. 501.

Ө. К. Волковъ; по техническимъ условіямъ его статья должна появиться нѣсколько позже. Рисунки каменныхъ орудій исполнены Л. М. Алексѣвской, за что и приношу ей глубокую благодарность.

Орографическій характеръ мѣстности въ окрестностяхъ с. Мезина всецѣло обуславливается протекающей здѣсь р. Десной. Входя въ Черниговскую губ. недалеко до впаденія крупнаго ея притока Судости, р. Десна въ предѣлахъ Новгородъ - Сѣверскаго и Кролевецкаго у. у. имѣеть южное направленіе съ нѣкоторымъ отклоненіемъ на з; въ этой своей части она течетъ въ долинѣ, ограниченной съ востока высокимъ, крутымъ, часто обрывистымъ берегомъ, въ толщѣ и въ основаніи котораго нерѣдко обнажаются выходы мѣла, тогда какъ лѣвый берегъ низменный. Довольно извилистое теченіе р. Десны принимаетъ у с. Мезина и далѣе къ югу до Радичева почти меридіональное направленіе, а затѣмъ круто поворачиваетъ къ западу, причемъ береговья возвышенности значительно удаляются отъ рѣки, и она продолжаетъ путь среди низменныхъ береговъ. Въ оврагахъ, прорѣзывающихъ береговья возвышенности, а также въ мѣстахъ разработки мѣла, при которыхъ снимается вышележащая лессовая толща (утилизируются гл. обр. прирѣчные его выходы), очень нерѣдко находятъ кости мамонта, носорога, лошади и друг. древне-четвертичныхъ животныхъ, обыкновенно разрозненные.

У с. Мезина мѣстность имѣеть такой видъ: возвышенное плато (свыше 40 м. надъ уровнемъ Десны) слабо склоняется на в., къ рѣкѣ, и затѣмъ круто обрывается, образуя правый берегъ рѣчной долины, къ которому часто подходит прихотливо извивающаяся въ широкой поймѣ Десна. Во время весенняго половодья, когда вся пойма, на нѣсколько верстъ въ ширину, покрывается водою, рѣка вплотную подходитъ къ высотамъ праваго берега. Поступательнымъ движеніемъ рѣчного русла и объясняется крутизна берега, дающаго зачастую превосходные естественные геологическіе разрѣзы. За пойменной равниной находится вторая, песчаная, рѣчная терраса, почти сплошь покрытая сосновымъ боромъ; далѣе мѣстность постепенно повышается, но высоты плато достигаетъ только верстъ за 15—20. Въ половодье, когда воды Десны подходятъ къ

песчаному валу второй террасы, на необозримомъ водномъ пространствѣ противъ с.с. Мезина и Псаровки видны три песчаныхъ островка, въ обычное время представляющіе холмы среди заливныхъ луговъ. На этихъ островкахъ, какъ и на береговой полосѣ второй террасы, была собрана коллекція кремневыхъ орудій и гончарства болѣе поздней эпохи каменнаго вѣка—неолитической ¹⁾.

Плато правого берега изрѣзано многочисленными оврагами, направляющимися къ рѣкѣ. Большая часть этихъ овраговъ носить характеръ новообразованій—они не особенно длинны, узки, съ обрывистыми стѣнами. Но встрѣчается и иной типъ: широкіе овраги характера долины, съ пологими склонами; на днѣ ихъ часто бѣжитъ ручей, если и пересыхающій лѣтомъ, то весной и въ дожди весьма полноводный. Эти овраги - балки имѣютъ, повидимому, очень древнее происхожденіе, и на ихъ склонахъ, у выхода въ рѣчную долину, обыкновенно и расположены прирѣчныя селенія. Такъ расположенъ и Мезинь.

Осмотръ береговыхъ обнаженій близъ с. Мезина и сосѣднихъ овраговъ далъ слѣдующую картину геологическаго строенія прирѣчнаго плато, нѣсколько дополняющую данныя, сообщаемыя проф. Армашевскимъ ²⁾:

1) Въ основаніи залегаютъ мѣловыя толщи съ весьма колеблющимся горизонтомъ на разрѣзѣ обрыва плато, изрѣзанныя водами третичной эпохи и потоками ледниковаго періода.

2) На толщѣ мѣла лежатъ не вездѣ сохранившіеся, зеленоватосѣрые глауконитовые и охристо-желтые третичные пески.

3) Затѣмъ идетъ мощный пластъ валуннаго суглинка, красноватаго или желтовато-бураго цвѣта, съ прослоями песка и многочисленными валунами; въ разрѣзѣ многихъ, очень глубокихъ, овраговъ окрестностей Мезина ихъ стѣны, до самаго дна, слагаются изъ валуннаго суглинка. Въ валунномъ суглинкѣ *вездѣ* наблюдается прослой мали-

1) Сообщение объ этой находкѣ было сдѣлано мною въ одномъ изъ засѣданій Общества.

2) П. Армашевскій, „Геологическій очеркъ Черниговской губерніи“, стр. 112, 113. (Записки Кіевскаго Общества Естественныхъ Исследователей, т. VII, в. 1).

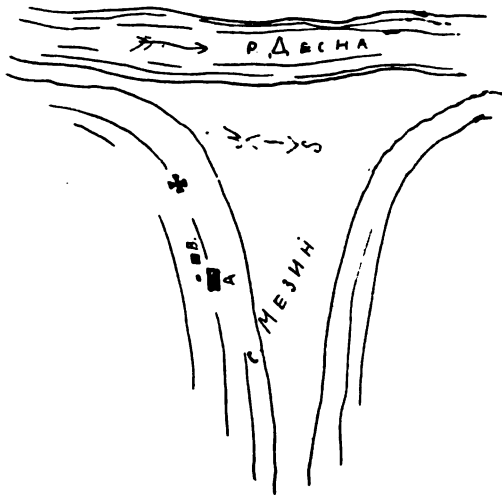
ново-бураго цвѣта съ разрушенными валунами; по мнѣнію проф. Армашевскаго, окраска его является продуктомъ неполнаго распада валуновъ аркоза ¹⁾

4) Лѣссовый покровъ различной мощности; въ нижнихъ горизонтахъ часто наблюдается переходъ его въ темно-окрашенную гумусовую разность.

5) Растительный слой незначительной толщины.

С. Мезинъ, какъ было уже упомянуто, расположено при устьѣ довольно широкой балки, перерѣзывающей плато въ перпендикулярномъ направленіи къ долиנѣ рѣки (р. 1)

Рис. 1.

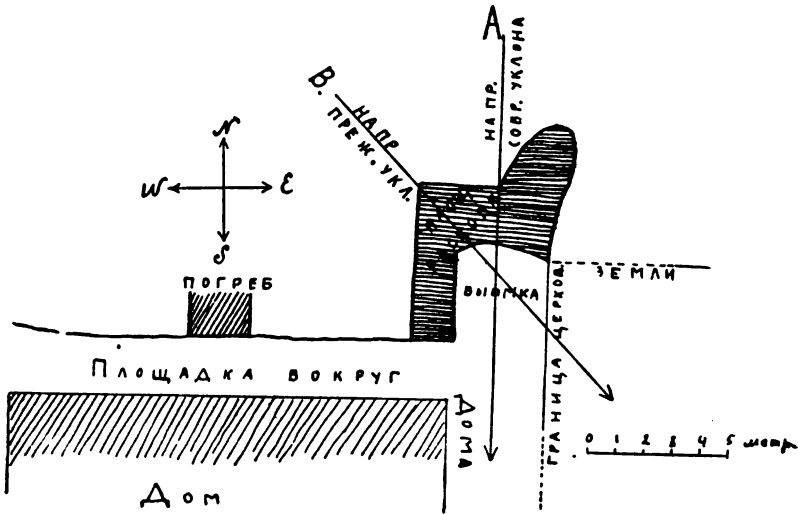
Схематическій планъ с. Мезина. А—домъ г. Кошеля, В—мѣсто раскопки.
Plan schématique de Mesine. В—lieu des fouilles.

На половинѣ праваго сѣвернаго склона балки, образующаго закругленный изгибъ въ рѣчную долину, стоитъ мезинская церковь, за ней, въ глубь долины, находится церковная усадьба, къ которой непосредственно уже примыкаетъ усадьба козака Кошеля. Если съ улицы, идущей по дну балки, войти въ усадьбу, то очутишься во дворѣ, который полого поднимается вверхъ; въ глубинѣ двора, почти примыкая къ церковной землѣ, стоитъ домъ г. Кошеля

¹⁾ П. Армашевскій. Ор. cit. стр. 203.

(р. 2.); стоит онъ на выровненной для этой цѣли площадкѣ. За нимъ находится крутой склонъ, почти обрывисто спускающийся къ дому и все болѣе полого поднимающийся къ

Рис. 2.

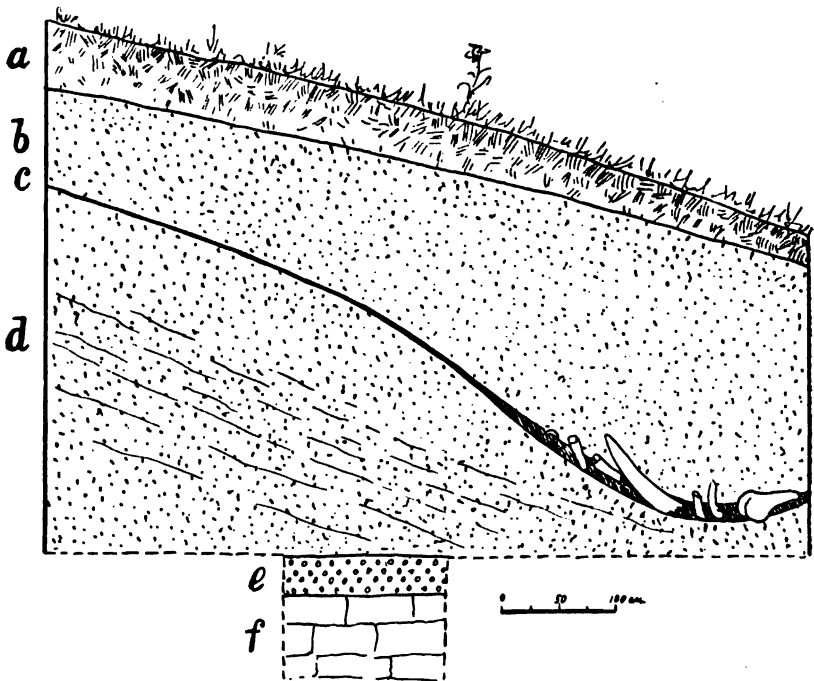
Усадьба Кошеля съ мѣстомъ раскопокъ (заштриховано). (Plan des fouilles).

плато. Склонъ этотъ при усадьбѣ занятъ садомъ, что являлось существенной помѣхой при раскопкѣ. Противъ дома, въ склонѣ, вырытъ погребъ, при устройствѣ котораго были находимы ископаемая кости. Въ углу усадебной площадки, на границѣ съ церковной землей, находилась выемка, откуда были извлечены кости, посланныя мѣстнымъ священникомъ на Черниговскій съѣздъ и гдѣ затѣмъ были произведены пробныя раскопки Θ . К. Волковымъ и С. И. Руденко. Къ началу раскопокъ эта выемка, увеличенная размывомъ, представляла собой площадку около 3 м. въ ширину и длину съ вертикальными стѣнками, достигавшими 4 м. высоты въ глубинѣ ея. Та стѣна, которая шла по границѣ усадьбы г. Кошеля съ церковной землей, постепенно понижалась къ югу, т. е. къ улицѣ, вскорѣ за домомъ Кошеля сливаясь съ общимъ уклономъ почвы. Во всѣхъ трехъ стѣнкахъ выемки была видна культурная прослойка, содержащая кремни и кости и характерно окра-

пенная въ темный цвѣтъ съ примѣсью красной минеральной краски. Мною выемка была расширена, какъ показываетъ рисунокъ, на пространствѣ около 18 квад. метр. Направленіе раскопки вглубь горы заставляло мѣстами снимать слои глины до 5 м. толщины.

Въ результатѣ раскопокъ получилась слѣдующая картина напластованій: нижній уклонъ почвы, какъ было указано, идетъ въ направленіи линіи А (р. 2) съ С. на Ю., лессовый же суглинокъ, равно какъ и заключенная въ немъ культурная прослойка, имѣютъ паденіе СВ—ЮЗ, т. е. они отлагались на склонѣ по линіи В. Поэтому нижеслѣдующій схематическій разрѣзъ данъ по линіи В (р. 3).

Рис. 3.

Схематическій разрѣзъ раскопанной площади (Coupe schématique du gisement, *a*) terre végét. *b*) et *d*) loess. *c*) couche archéol. *e*) sables tertiaires. *f*) craie.

а) Растительный слой.

б, д) Толща лёссовиднаго желто-бураго суглинка (3—4 мм. и болѣе) характера долиннаго лёсса, покрывающая и подстилающая культурный слой; отличается отъ типичнаго лёсса

слабой пористостью, большей грубостью элементовъ, а также замѣтной слоистостью. Въ нижнихъ горизонтахъ содержитъ многочисленныя тонкія прослойки болѣе темнаго суглинка

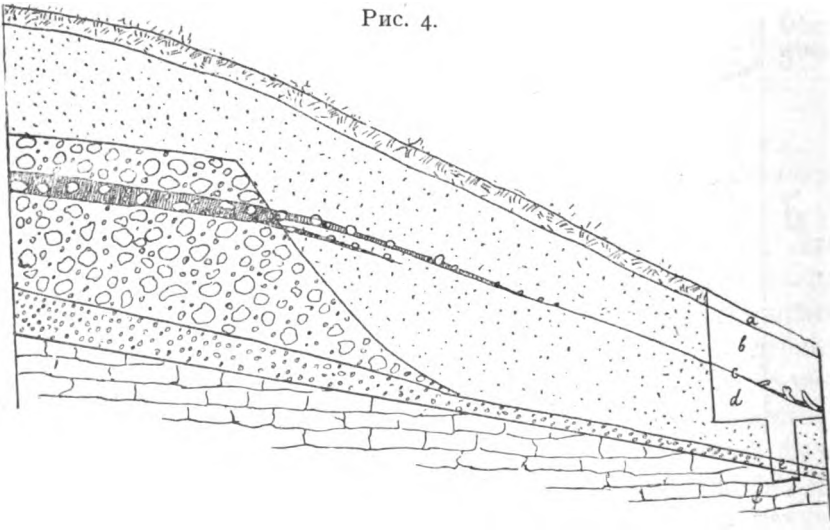
с) Прослой такого же суглинка, окрашеннаго въ темный цвѣтъ органическими остатками (частицами костнаго и древеснаго угля, золы и пр.); кромѣ того онъ имѣетъ значительную примѣсь желѣзистыхъ частицъ краснаго цвѣта. Его наклонъ (15° — 20°) вполне совпадаетъ съ направлениемъ слоистости лѣсса. Почти выклиниваясь въ с.-з. направленіи, въ ю.-в. онъ получаетъ мощность до 15 см. и содержитъ осколки кремня, многочисленныя кости мамонта, стѣв. оленя, мускуснаго быка, лошади и пр., вдающіяся изъ этого культурнаго слоя въ вышележащій лѣссъ.

е) Зеленоватый глауконитовый и охристожелтый пески.

ф) Мѣлъ.

Сильно размытые третичные пески и мѣлъ обнаружены были на площади раскопокъ на незначительной глубинѣ.

Рис. 4.

Предположительный разрѣзъ склона черезъ мѣсто стоянки. (Буквы обозначаютъ то-же, что и на рис. 3) (Coupe du gisement III, ég. de la fig. 3).

Но направление склоненія мѣла можно устанавливать только предположительно: такъ какъ дальше, въ сторону погребя, мѣлъ показывается на болѣе высокой, то можно думать, что его паденіе также происходитъ въ в. или ю.-в. направленіи. Культурный прослой въ данномъ разрѣзѣ залегаетъ

на глубинѣ 1 м. 30 см.—2 м. 40 см., но далѣе въ глубь горы, въ с.-в. направленіи, мощность покрывающаго его лёсса возрастаетъ до 4 м.

Для установленія геологическаго возраста стоянки важно было опредѣлить происхожденіе окраски культурнаго слоя, т. е. отвѣтить на вопросъ, было-ли это явленіе мѣстное случайное, зависѣвшее отъ пребыванія и дѣятельности чело-вѣка, или этотъ прослой можно было, какъ предполагалъ Ѡ. К. Волковъ, связать съ валуннымъ суглинкомъ малиново-ваго цвѣта, о которомъ мы говорили выше и который наблюдается въ разрѣзахъ плато. Съ этою цѣлью были осмо-трѣны сосѣдніе овраги, и недалеко отъ мѣста раскопокъ, за церковной землей, на стѣнахъ дороги-оврага, проры-таго въ томъ же склонѣ, найдено было слѣдующее: разрѣзы вершины оврага показываютъ обычный порядокъ напласто-ванія, съ толщей валуннаго суглинка, содержащаго хорошо выраженный малиновый слой съ значительнымъ количе-ствомъ валуновъ; въ средней же части оврага стѣны его сложены изъ лёссовиднаго суглинка, и здѣсь, на глубинѣ сажени и болѣе, наблюдается нѣсколько тонкихъ прослоекъ того-же краснаго цвѣта съ разбросанными въ нихъ изрѣдка небольшими валунами. Эти прослойки имѣютъ вторичное происхожденіе и произошли при размывѣ вышеупомянутаго малиноваго валуннаго слоя; ихъ можно, повидимому, по-ставить въ связь съ культурнымъ прослоемъ и рассматри-вать какъ образованія аналогичныя. Если принять это по-ложеніе, то геологическое строеніе стоянки представится въ слѣдующемъ видѣ. По отступленіи ледника настала эпоха образованія лёсса; соответствовала ли она межледниковой эпохѣ или совпадала съ окончательнымъ его отступленіемъ, вопросъ для южнорусскаго лёсса открытый. Покрывая ровной скатертью плато, лёссъ отлагался и на скатахъ въ видѣ болѣе грубой разности — лёсса долиннаго. Задолго повидимому, до окончанія этого процесса, въ то время, когда склонъ плато на мѣстѣ стоянки былъ направленъ не къ оврагу, какъ сейчасъ, а къ углу его съ рѣчной долиной, палеолитическій чело-вѣкъ выбралъ себѣ здѣсь мѣсто для становища. Защищенное отъ сѣверныхъ вѣтровъ, оно пред-ставляло то удобство, что уклонъ переходилъ здѣсь въ ложбинку—террасу, которая шла по діагонали черезъ всю

раскопанную площадь съ ю.-з. на с.-в.; въ этой ложбинкѣ культурный слой и наиболѣе утолщень и гораздо богаче находками. Уровень воды въ Деснѣ былъ въ это время значительно выше современнаго, и весьма вѣроятно, что стоянка была расположена на берегу ручья, озерца или рѣчного залива. Можно думать, на основаніи присутствія такихъ формъ, какъ песецъ, сѣверный олень и мускусный овцебыкъ, что время существованія стоянки не слишкомъ удалено отъ времени отступленія ледника изъ этой мѣстности на сѣверъ. Одновременно съ отложеніемъ лёсса, на краяхъ плато иногда происходило размываніе, результатомъ чего и сноса мелкихъ окрашенныхъ частицъ валуннаго слоя и явилось образованіе красныхъ прослоевъ въ лёссѣ склона. Но трудно сейчасъ отвѣтить на вопросъ, почему культурные остатки встрѣчаются именно въ этомъ слоѣ и только въ немъ, почему произошло совпаденіе образованія такого прослоя со временемъ пребыванія человѣка; возможно, что въ данномъ мѣстѣ процессъ размыва валуннаго слоя находится въ связи съ дѣятельностью человѣка.

Такъ какъ стоянка расположена на склопѣ, то естественно можетъ возникнуть вопросъ, являются ли найденные культурные остатки въ первичномъ мѣстонахожденіи, *in situ*, или, быть можетъ, они снесены сверху движеніемъ воды? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ и отвѣтъ вполне категорическій. Предметы культурнаго слоя были оставлены человѣкомъ здѣсь же, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ихъ нынѣ находимъ. Вполне достаточно указать на то обстоятельство, что если сила несущагося по скату потока и могла снести многопудовые бивни и громадныя кости конечностей, то собрать ихъ и расположить въ томъ видѣ, въ какомъ они были найдены, она врядъ ли могла. Во всякомъ случаѣ такой потокъ производилъ бы дѣйствіе не отлагающее, а размывающее, то есть всѣ мелкіе элементы культурнаго слоя, какъ зола, костный уголь, раковинки и проч. были бы разсѣяны и унесены.

Какъ было сказано, культурный слой имѣетъ паденіе съ с.-з. на ю.-в. Выше по склону слою этотъ тонокъ, бѣлень находками, содержитъ немногочисленные кремни и отдѣльныя кости животныхъ. Книзу, въ ложбинѣ, онъ значительно толще—свыше 15 см., не считая значительныхъ

утолщеній вслѣдствіе нагроможденія костей, и переполненъ кремнями, массой цѣлыхъ и раздробленныхъ костей и т. д. При этомъ культурный слой не представляется здѣсь вполне однохарактернымъ: мѣстами среди массы осколковъ преобладаютъ законченныя орудія тѣхъ или иныхъ формъ, мѣстами кости животныхъ собраны въ кучи—несомнѣнный результатъ человѣческой дѣятельности ¹⁾. Такъ, въ с.-в. углу раскопанной площади была найдена большая куча нагроможденныхъ бивней мамонта, оленьихъ роговъ и другихъ костей различныхъ животныхъ, какъ-бы сырой матеріалъ для издѣлій изъ рога и кости. Интересно, что почти только въ этомъ мѣстѣ и встрѣчались костяныя подѣлки; здѣсь же былъ найденъ черепъ *Bos priscus*, внутри черепной коробки котораго оказался цѣлый рядъ вещей: двѣ рѣзныя, изъ бивня мамонта, орнаментированныя вещицы особаго мезинскаго типа, нѣсколько обломковъ мамонтоваго бивня, нѣсколько кремневыхъ орудій и осколковъ—все это съ трудомъ извлечено было изъ черепа черезъ затылочное отверстіе. Имѣемъ ли мы дѣло съ своего рода „хранилищемъ“ или предметы эти попали внутрь черепа случайно, рѣшить трудно.

Окраска культурнаго слоя, вѣроятное происхожденіе которой нами было выяснено, обусловливается при ближайшемъ разсмотрѣніи мелкими крупинками и пятнами окиси желѣза, распределенными по всей массѣ культурнаго слоя. Мѣстами, однако, встрѣчаются кусочки большей величины краснаго, малиново-бураго и другихъ оттѣнковъ, рѣже встрѣчается желтая охра и мѣль. Весьма вѣроятно, что эти красящія вещества принесены были человѣкомъ и имъ утилизировались.

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ краски были находимы во многихъ верхне-палеолитическихъ стоянкахъ Зап. Европы ²⁾ и, внѣ всякаго сом-

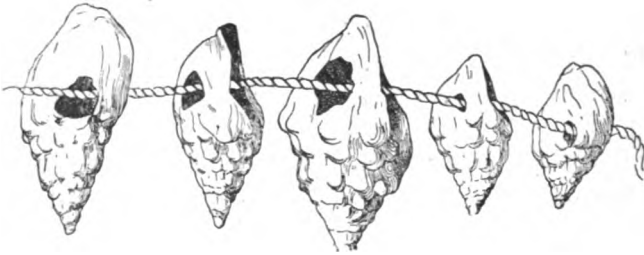
¹⁾ Къ Мезинской стоянкѣ вполне примѣнимо наблюденіе, сдѣланное И. С. Поляковымъ въ извѣстной стоянкѣ близъ с. Костенокъ, воронежской губ., а именно, что наилучшія орудія всегда сопровождаютъ кости животныхъ, тогда какъ вдали отъ нихъ встрѣчаются лишь отбросы, кремневые осколки.

²⁾ Déchelette. „Manuel d'Archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine“, v. I. p. 203, Paris 1908 г. Интересно, что „очаги“ (foyers)

нѣнія, онѣ употреблялись не только для цѣлей живописи (новѣйшія находки рисунковъ этого времени во многихъ пещерахъ южной Франціи и Испаніи), окрашиванія предметовъ обихода, но и для раскраски тѣла.

Найденныя въ числѣ свыше 60 экземпляровъ пящныя третичныя морскія раковинки служили, вѣроятно, какъ украшенія; онѣ были собраны и принесены на мѣсто стоянки ея обитателями, и большинство этихъ раковинокъ имѣетъ отверстія для подвѣшиванія (р. 5). Просверленные

Рис. 5.

(Нѣсколько увеличено).

раковины нерѣдки въ пещерныхъ стоянкахъ эпохи сѣвернаго оленя; знаменитый „раздавленный человекъ“ грота Laugerie-Basse былъ украшенъ симметрично расположенными Сургеа. Любопытно, что иногда находятъ раковины, окрашенныя въ красный цвѣтъ.

Раскопки не дали, къ сожалѣнію, матеріала, по которому можно было бы судить о *флорѣ* стоянки: лессовый характеръ культурнаго слоя не благоприятствовалъ сохраненію растительныхъ остатковъ. Болѣе крупныя и сохранные кусочки угля оказались костнымъ, а слишкомъ мелкіе и бы-

многихъ французскихъ верхне-палеолитическихъ стоянокъ, благодаря значительному количеству минеральной краски, бываютъ окрашены въ красный цвѣтъ. Такова, напр., стоянка—„убѣжище“ des Roches (P. Septier. „Notice sur le station paléolithique des Roches“, „L'homme préhistorique“. 1905 г., № 9, стр. 258), давшая семнадцать различныхъ образчиковъ красящаго вещества; пещерная стоянка Lacave („Grotte préhistorique de Lacave. Lot“. Armand Viré „L'Anthropologie. 1905 г., № 4—5, стр. 416) и другія.

стро распыляющіеся частицы древеснаго угля, совершенно неопредѣлимыми.

Фауна. Многочисленныя кости, собранныя на мѣстѣ стоянки, доставили богатый матеріалъ для возстановленія животнаго міра, среди котораго проходила жизнь человѣка. Охота на животныхъ служила ему главнымъ источникомъ существованія. Какъ палеолитическій человѣкъ овладѣвалъ такой крупной добычей, какъ мамонтъ, носорогъ, зубръ и др., вопросъ первѣннейшій. Онъ могъ пользоваться, конечно, трупами павшихъ животныхъ, могъ овладѣвать мамонтами, попадавшими въ топкія мѣста, случай, вѣроятно, частый въ тѣ времена, какъ и въ болѣе позднюю эпоху въ Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, находятъ не только массу скелетовъ мамонта, но и сохранившіеся трупы животныхъ, нѣкогда зятянутыхъ трясиной. Вѣроятно, онъ и охотился на мамонта, быть можетъ примѣняя для этого тѣ способы, напримѣръ, ямы-западни, которыми пользуются и сейчасъ нѣкоторыя племена при охотѣ на толстокожихъ.

Для охоты на менѣе крупныхъ животныхъ употреблялись камни, палица и спеціальныя орудія охоты—дротики и гарпуны. Костяныя гарпуны и наконечники дротиковъ весьма характерны для мадленской эпохи и если и не найдены въ Мезицѣ, то этотъ пробѣлъ будетъ, вѣроятно, пополненъ дальнѣйшими раскопками. На мѣсто стоянки человѣкъ приносилъ части тушъ съ лучшимъ мясомъ, длинныя кости конечностей (онъ всегда расколоты), которыя давали ему костный мозгъ, не только лакомство, но и необходимое средство для размягченія шкуръ, ремней, сухожилій¹⁾; сюда же сносились тѣ кости, которыя по преимуществу давали матеріалъ для костяныхъ издѣлій—рога оленей, бивни мамонта и проч. Такимъ образомъ на небольшой сравнительно раскопанной площади скопилось значительное количество костей, среди которыхъ преобладаютъ расколотыя трубчатыя кости, ребра различныхъ животныхъ, зубы и бивни мамонта, рога сѣвернаго оленя и проч.

Этотъ костный матеріалъ былъ опредѣленъ московскимъ

¹⁾ Сухожилия давали прочныя и тонкія нити, которыми шивалась мѣховая одежда; какъ тонки были эти нити, показываетъ діаметръ ушекъ нѣкоторыхъ костяныхъ иголокъ.

палеонтологомъ М. В. Павловой, частью Th. Studer'омъ и съ прежними формами изъ первыхъ раскопокъ Ө. К. Волкова далъ слѣдующій списокъ:

Elephas primigenius
Rhinoceros tichorhinus,
Equus caballus fossilis,
Cervus tarandus,
Ovibos moschatus,
Bos priscus (?),
Gulo borealis (?),
Lepus (variabilis ?),
Ursus (arctos ?),
Leucocyon lagopus,
Canis lupus.

(Послѣднія двѣ формы были опредѣлены извѣстнымъ швейцарскимъ зоологомъ, проф. Т. Штудеромъ). Среди костей, принадлежащихъ, по мнѣнiю Штудера, волку, этотъ ученый отмѣчаетъ фрагментъ нижней челюсти, представляющій нѣкоторыя особенности, сближающія ее съ соответственной частью скелета *Cyon europaeus* (дилювiальная дикая собака).

Изъ перечисленныхъ представителей древне-четвертичной фауны наиболѣе многочисленны остатки принадлежатъ мамонту, мускусному быку, лошади и сѣверному оленю.

Каменные орудiя.

Изъ культурнаго слоя извлечено было довольно много крупныхъ кусковъ кремня и различной величины валуновъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ слѣды ударовъ и употреблялись, повидимому, для разбиванiя костей.

Главнымъ матеріаломъ для производства орудiй былъ кремень. Онъ добывался недалеко отъ мѣста стоянки, гдѣ и сейчасъ въ оврагахъ и рытвинахъ находится масса кремневыхъ сростковъ. Кремень, служившiй для приготовления орудiй, происхожденiя мѣлового; онъ обыкновенно темно-сѣраго, почти чернаго цвѣта, мало блестящiй, часто не очень плотный. Патина на многихъ кремняхъ совсѣмъ отсутствуетъ; если же она и есть, то очень неглубока и слегка только мутнитъ черную поверхность кремня или покрываетъ ее въ видѣ бѣлыхъ или лиловато-бѣлыхъ пятенъ и разводовъ. Кремни, равно какъ и другiе предметы, бываютъ по-

крыты известковой корой. Эта кора, продукт выщелачивания лесса; иногда она настолько плотно облекает кремни и въ особенности кости, что только съ большимъ трудомъ можетъ быть удалена.

Среди многихъ десятковъ тысячъ кремневыхъ осколковъ, переполняющихъ культурный слой, то въ видѣ отбросовъ производства, то въ видѣ матеріала, годнаго для дальнѣйшей обработки, было найдено также большое количество орудій законченныхъ формъ: свыше тысячи оббитыхъ орудій, не считая нуклеусовъ и пластинокъ. Уже одно это обстоятельство придаетъ Мезинской стоянкѣ исключительный интересъ: всѣ до сихъ поръ извѣстныя русскія палеолитическія стоянки отличаются бѣдностью орудіями (извѣстная Кіевская стоянка В. В. Хвойки не дала почти ни одного достовѣрнаго орудія). Какъ общій обликъ мезинской кремневой индустріи, способъ обработки, небольшая величина орудій, такъ и ихъ типы и формы сближаютъ эту стоянку съ верхнепалеолитическими, главнымъ образомъ мадлэнскими, стоянками Западной Европы. Наши орудія въ большинствѣ случаевъ повторяютъ формы, изученныя въ многочисленныхъ и богатыхъ французскихъ стоянкахъ; этотъ фактъ лишній разъ доказываетъ необходимость принять и для Россіи схему палеолита, установленную Габріелемъ де-Мортилье.

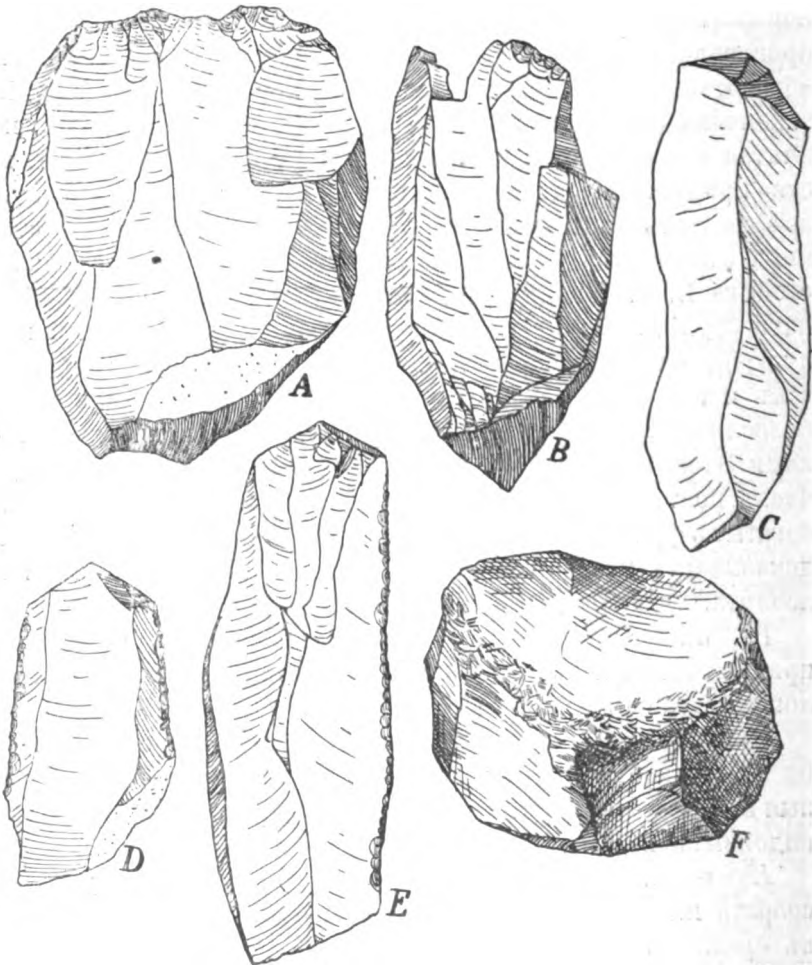
Въ нижеслѣдующемъ описаніи кремневыхъ орудій мы придерживаемся французской классификаціи и терминологіи, какъ наилучше разработанной.

При переводѣ терминовъ мы стремились передавать ихъ по возможности точнѣе; только немногія, слишкомъ образныя выраженія (напримѣръ, *bec de perroquet*) были нѣсколько видоизмѣнены.

Нуклеусы. Встрѣчаются довольно часто,—намъ удалось собрать ихъ нѣсколько сотенъ. Они обыкновенно невелики, въ среднемъ сант. 5 въ длину, рѣдко больше, и ничѣмъ не отличаются отъ извѣстнаго типа мадлэнскаго нуклеуса. Это неправильные, часто уплощенные куски кремня, отъ которыхъ (иногда только съ одной стороны) отдѣлялись кремневыя пластинки, результатомъ чего и является присутствіе на ихъ сторонахъ отбитыхъ фасетокъ, немногочисленныхъ и неправильно ограненныхъ. На р. 6 а, в изображено два типа нуклеусовъ: одинъ болѣе плоскій, съ фа-

сетками только на одной сторонѣ, другой неправильно призматическiй ¹⁾).

Рис. 6.

A, B—нуклеусы, C—E—пластинки, f—отбойникъ Натур. вел.
(A, B—nuclei, C, D, E—lames, F—percuteur; gr. nat.).

Отбойники. Для получения кремневыхъ отщепковъ, вѣроятно, употреблялись просто большіе куски кремня и валуны,

¹⁾ Изображеніе двухъ характерныхъ нуклеусовъ см. въ отчетѣ
Ю. К. Волкова, Труды XIV Арх. Съѣзда, т. III.

тъ же, которые служили и для разбиванія костей: для этой цѣли могли также пользоваться нуклеусами. Но кромѣ того найдено нѣсколько нуклеобразныхъ кремней, которые можно считать уже настоящими отбойниками; они массивнѣе нуклеусовъ и оббиты короткими, широкими фасетками. Изображенный (р. 6 f) отбойникъ имѣетъ болѣе или менѣе правильную четырехугольную форму и ограниченъ двумя параллельными плоскостями; по гранямъ его видны выщербинки (*étoilures*)—слѣды многочисленныхъ сильныхъ ударовъ.

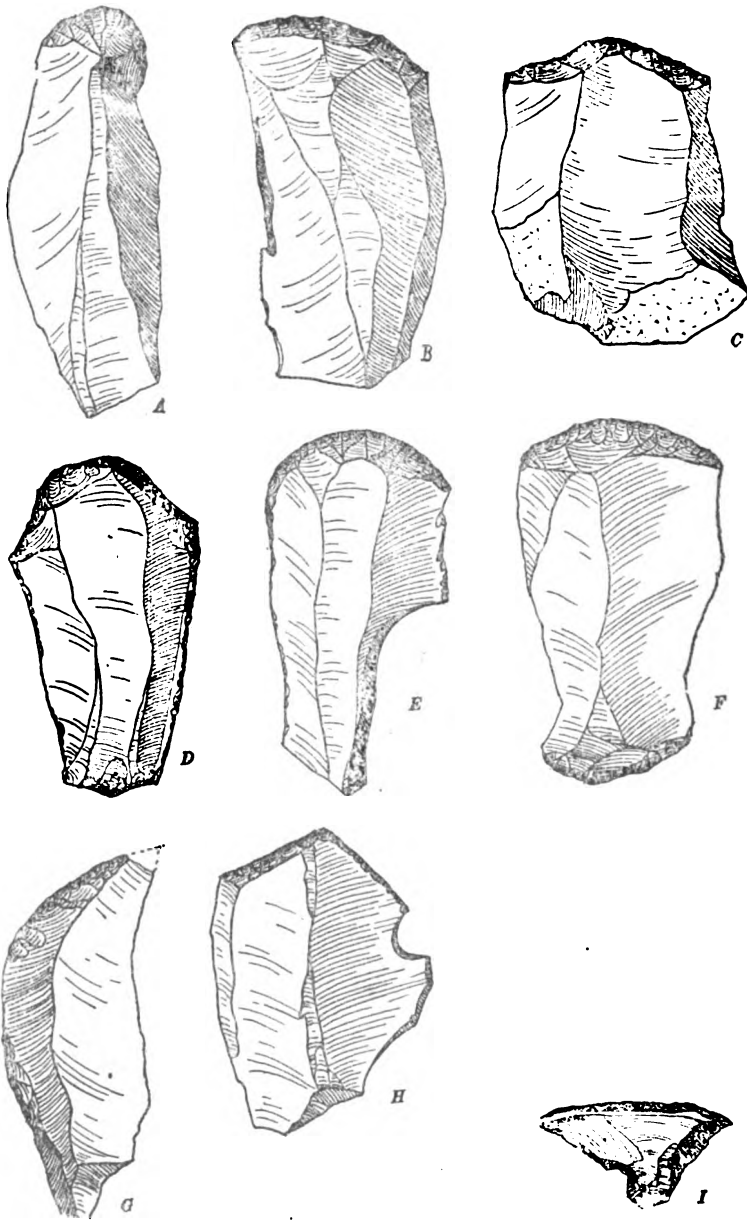
Отщепки или пластинки (lames). Весьма многочисленны, но формы правильныя, съ параллельными краями, обычныя въ неолитическихъ стоянкахъ, здѣсь почти не встрѣчаются. Отщепки трехугольной формы, мустьерскаго характера, хотя и встрѣчаются, но онѣ рѣдко служили для приготовленія орудій и являются формами случайными, отбросами производства. Размѣры пластинокъ не велики, въ среднемъ 5—6 с., часто меньше. Большая часть этихъ отщепковъ употреблялась въ качествѣ рѣжущихъ инструментовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они получались, но лучшіе экземпляры шли на выдѣлку болѣе сложныхъ, специальныхъ орудій. Такая пластинка, относительно правильной формы, изображена на рис. 6 с.

Пластинокъ оббитыхъ, съ ретушированными краями, найдено было нѣсколько, но все экземпляры поломанныя и мало типичныя. Э. К. Волкову въ 1908 г. удалось найти прекрасный экземпляръ, употреблявшійся, вѣроятно, въ качествѣ пилки (р. 6 e); это массивная пластинка значительпой, для Мезина, величины ($6,9 \times 2,6$ см.) съ немного обломаннымъ нижнимъ концомъ, вдоль одного края идетъ тонкая ретушь. Подобная же, но значительно меньшая, пилка найдена нами (р. 6 d); у нея оббиты оба края.

Любопытно орудіе въ видѣ широкой пластинки, одинъ край которой слегка закругленъ и тонко отретушированъ; быть можетъ, это орудіе служило рѣзакомъ (*coupoir*).

Скрепки (grattoirs). Появившіяся на смѣну мустьерскаго скребла, въ концѣ этой эпохи, скрепки весьма распространены во всемъ верхнемъ палеолитѣ Европы. Типичный скребокъ мадленской эпохи, какъ извѣстно, представляетъ удлиненную пластинку, конецъ которой, чаще всего противоположный отбивному бугорку) оббитъ полукругно; здѣсь,

Рис. 7.

А—D—скребки, Е—скребокъ-рѣзецъ, f—двойной скребокъ, g—i—различ. виды скребковъ (Натур. вел.). (А—D grattoirs, E. gr. burin, F—j grat. div).

въ отличіе отъ неолитическихъ стоянокъ, не встрѣчаются скребки циркулярной, четырехугольной и другихъ подобныхъ формъ.

Въ Мезинѣ скребки составляютъ довольно многочисленную группу орудій. Большинство ихъ имѣетъ обычный мадленскій обликъ (80 экз.): это небольшого размѣра пластинки (до 6 см. длины, при сильно варьирующей ширинѣ), заканчивающіяся дугообразно изогнутымъ лезвіемъ.

Ретушь не вездѣ одинакова—у однихъ она весьма тщательна (р. 7 а—f), у другихъ лезвіе скребка подправлено лишь пѣсковыми ударами и не имѣетъ правильной формы. Иногда бываютъ оббиты оба боковые края (р. 7 d), вѣроятно, для предохраненія руки отъ порѣза; въ иныхъ случаяхъ для той же, повидимому, цѣли былъ отщепленъ отъ края продольный осколокъ (р. 7 b), такъ называемый „coup de burin“, способъ, которымъ пользовались для полученія рѣзца. Нижній конецъ орудія обыкновенно не отдѣланъ и сохраняетъ отбивной бугорокъ; но иногда, впрочемъ, не часто (11 экз.), встрѣчаются двойныя орудія, двойной скребокъ (р. 7 f) или скребокъ-рѣзецъ (р. 7 e).

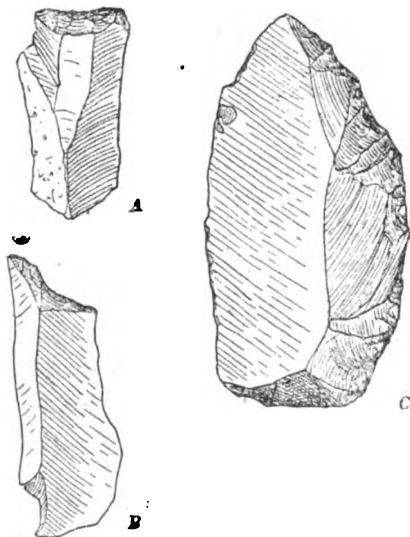
Отъ вышеописанныхъ формъ отличается группа орудій иного характера (12 экз.): это пластинки, оббитыя нанскою,—боковые скребки (р. 7 g) или же заканчивающіяся угловымъ лезвіемъ, вмѣсто дугообразнаго (р. 7 h).

Настоящія скребла (racloirs) въ Мезинской стоянкѣ не встрѣчались; но помимо скребковъ обычной формы, на концѣ пластинки, довольно многочисленны орудія (23 экз.), приготовленныя изъ широкихъ отщепковъ, съ широкимъ рабочимъ краемъ. Въ большинствѣ случаевъ они плохо оббиты и мало характерны, однако здѣсь слѣдуетъ отмѣтить маленькія (1—2,3 см. длины на 1,8—4 см. ширины) трехугольныя скребочки, тщательно отретушированныя (р. 7 i).

Пластинки съ оббитымъ концомъ. Къ этой категоріи отнесено нами довольно много подѣлокъ, которыя не могли быть размѣщены среди орудій извѣстныхъ и вполне опредѣленныхъ типовъ. Онѣ не представляютъ однородной группы, но повторяемость формъ и оббивка, иногда очень тщательная, не позволяютъ оставить ихъ безъ описанія. Многія изъ относящихся сюда орудій, вѣроятно, не являются законченными и только приготовлены для дальнѣйшей отдѣлки. Ихъ

можно подраздѣлить на нѣсколько формъ въ зависимости отъ направленія и характера оббивки, но эта группировка довольно условна.

Рис. 8.

Пластинки съ оббитымъ концомъ. Натур. вел.
(lames abattues).

а) Пластинки небольшого размѣра (отъ 2 до 5 см. длины), конецъ оббитъ поперечно, по прямой линіи (18 экз.). Сомнительно, чтобы онѣ служили скребками, такъ какъ край орудія слишкомъ массивенъ и скорѣе притупленъ оббивкой, чѣмъ заостренъ (р. 8 а).

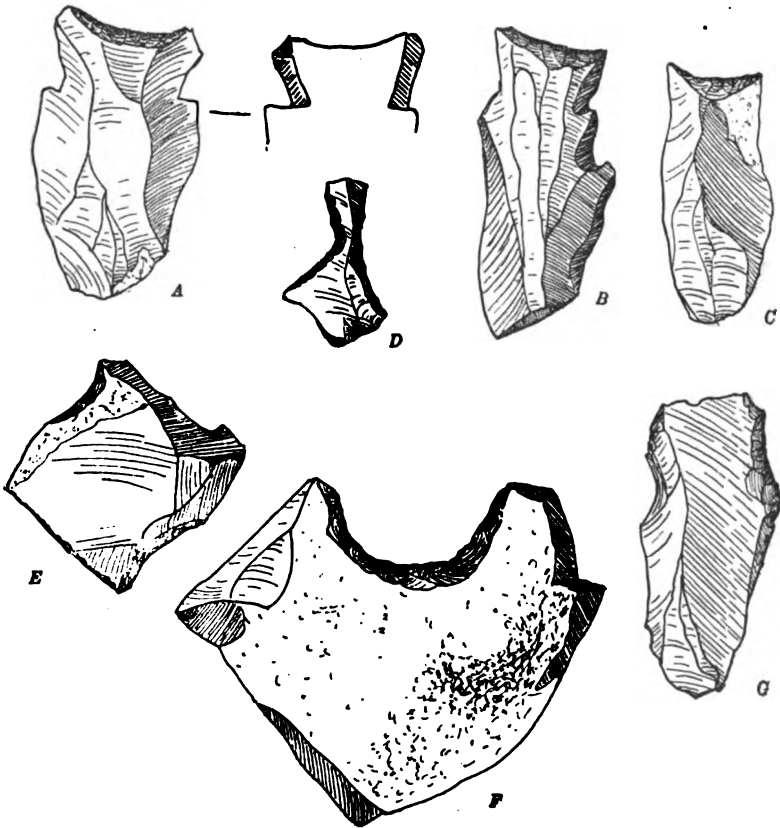
б) Пластинки также небольшого размѣра, но въ общемъ нѣсколько болѣе широкія и толстыя (23 экз.); конецъ оббитъ наискось съ правой или лѣвой стороны, но не по прямой линіи, а образуетъ выемку (р. 8 б). Орудія эти не представляютъ собой вогнутыхъ скребковъ; характеръ оббивки показываетъ, что это незаконченныя формы, изъ которыхъ снятіемъ продольнаго осколка (coup de burin) получался боковой рѣзецъ.

в) Пластинки, у которыхъ конецъ оббитъ наискось по прямой линіи или нѣсколько закругленъ; это достаточно разнородная группа. Сюда можно отнести интересное орудіе

(р. 8 с); повидимому незаконченное это массивная пластинка нижній конец которой и одинъ край сбиты сильными ударами, образуя какъ бы спинку орудія, тогда какъ другой (лезвіе?) оставленъ безъ ретуши и только слегка выщербленъ.

Вогнутые скребки (grattoirs concaves, coche-grattoirs, coches) играютъ довольно важную роль въ кремневой индустріи верхняго палеолита; ихъ появленіе находится въ связи съ обработкой кости, такъ какъ они служили для приданія цилиндрической формы многимъ костянымъ подѣлкамъ, напримѣръ, иголкамъ. Мезинскія орудія этого рода могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы:

Рис. 9.

Вогнутые скребки. Натур. вел., кромѣ G—нѣсколько увелич.
(Grattoirs en coche).

а) Къ первой можно отнести пластинки и болѣе широкія и массивныя отщепки съ тщательно отретушированной сегментовидной выщербиной на какомъ-либо изъ краевъ (70 экз.); обыкновенно эти выемки (coches) очень невелики, въ среднемъ около сантиметра въ діаметръ и нѣсколько миллиметровъ глубиной (р. 9 l, g); но одинъ экземпляръ представляетъ массивный обломокъ кремня съ правильной полуциркулярной выщербиной значительно большаго размѣра (р. 9 f.). Иногда на одномъ орудіи встрѣчается 2—3 выемки (р. 9 e). На р. 9 d изображено любопытное орудіе, конецъ котораго, къ сожалѣнію, сломанъ: по бокамъ маленькой тонко оббитой пластинки находятся двѣ выемки, образующія перехватъ ¹⁾. Кромѣ того выемки различной величины, но, вѣроятно, и различнаго назначенія встрѣчаются и на многихъ иныхъ орудіяхъ.

б) Къ этой группѣ относятся настоящіе вогнутые скребки — орудія, у которыхъ выемка помѣщается на концѣ пластинки (24 экз.); иногда оббивка весьма тонка и само орудіе очень изящно (р. 9 a, b, c); у нѣкоторыхъ изъ этихъ орудій по угламъ выемки продольнымъ ударомъ (coup de burin) сняты небольшія отщепки (р. 9 a). Вогнутые скребки на концѣ пластинки встрѣчаются мѣстами въ верхнемъ палеолитѣ Франціи; во Франціи же были описаны болѣе сложныя ихъ формы—въ верхне-солютрейскомъ слоѣ грота Плакаръ, напримѣръ, г. Маре были найдены скребки, у которыхъ углы пластинки по бокамъ выемки превращены въ проколки или рѣзцы ²⁾. Подобныя же орудія, очень хорошо сдѣланныя, найдены и въ Мезинѣ (р. 11 k, l, m); описаны они будутъ дальше; орудіе, изображенное на р. 11 m, имѣетъ на одномъ концѣ вогнутый скребокъ, а на другомъ выемку съ боковымъ остриемъ.

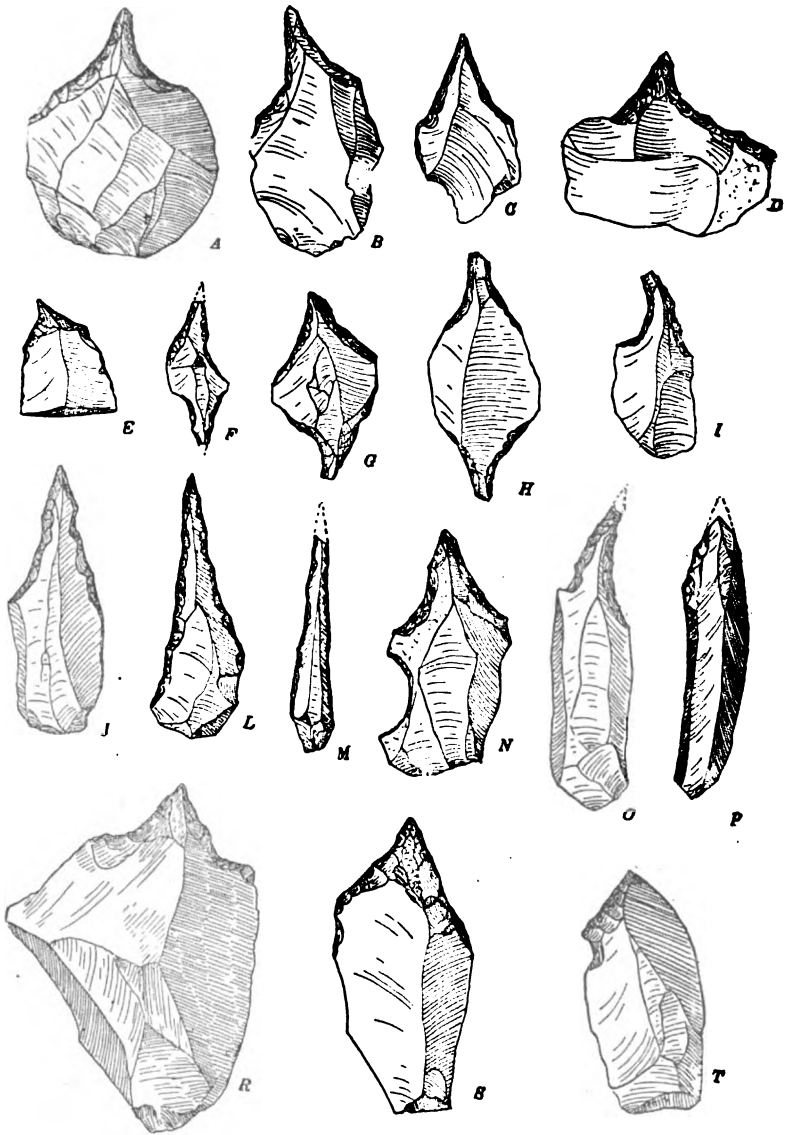
Проколки, просвѣтки (perçoirs). Помимо значительнаго количества (свыше 260 экз.) настоящихъ, законченныхъ орудій этого типа, мезинская коллекція содержитъ много заостренныхъ трехугольныхъ или трехгранныхъ осколковъ

¹⁾ Пластинки съ двусторонней выщербиной (lames à double encoche) найдены во французскихъ находкахъ; онѣ изображены и у Дешелетта, *op. cit.* стр. 122.

²⁾ A de Mortillet. „La Grotte du Placard et les diverses industries qu'elle a livrées“. 1907. стр. 6.

кремня, которые вполне могли служить и часто, вѣроятно, служили для надобностей протыканія и просверливанія; это,

Рис. 10.

Срединные проколки. (Perçoirs médians). Натур. вел.

какъ называютъ ихъ французы, *outils de fortune*, случайныя орудія; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ слегка подправленное острие. Часто такія случайныя проколки получались при выдѣлкѣ рѣзцовъ (*burins*).

Проколки могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

а) Изъ короткихъ, широкихъ отщепковъ получались проколки съ сравнительно короткимъ остриемъ и ясно выраженной круглой, неправильно овальной, рѣже поперечной рукояткой (р. 10 а—d). Нѣкоторыя маленькія проколки имѣютъ короткій, очень тонкій и острый рабочій конецъ (р. 10 с); эти орудья (такъ назыв. „*perçoirs à chas*) служили для просверливанія ушекъ у костяныхъ иглокъ. При незначительномъ діаметрѣ нѣкоторыхъ найденныхъ въ Мезинѣ иглокъ отверстіе въ нихъ не могло быть сдѣлано инымъ орудіемъ. Въ этой группѣ встрѣчаются проколки съ изогнутымъ остриемъ (*perçoirs incurvés*) (р. 10 i). Изрѣдка встрѣчаются двойныя проколки (р. 10 f, g, h).

б) Вторую большую группу составляютъ удлиненныя проколки болѣе или менѣе трехугольной формы; онѣ обыкновенно хорошо оббиты, часто вдоль всего края (р. 10 j, l, m).

с) Къ этой группѣ можно отнести мало характерныя повертки, приготовленныя изъ массивныхъ отщепковъ трехгранной и многогранной формы (р. 10 р, г. s), а также короткія, толстыя пластинки съ широкимъ массивнымъ остриемъ (р. 10 n).

д) Проколки на концѣ удлиненной пластинки; изображенная на р. 10 о отличается особенно длиннымъ, слегка изогнутымъ остриемъ, къ сожалѣнію, обломаннымъ.

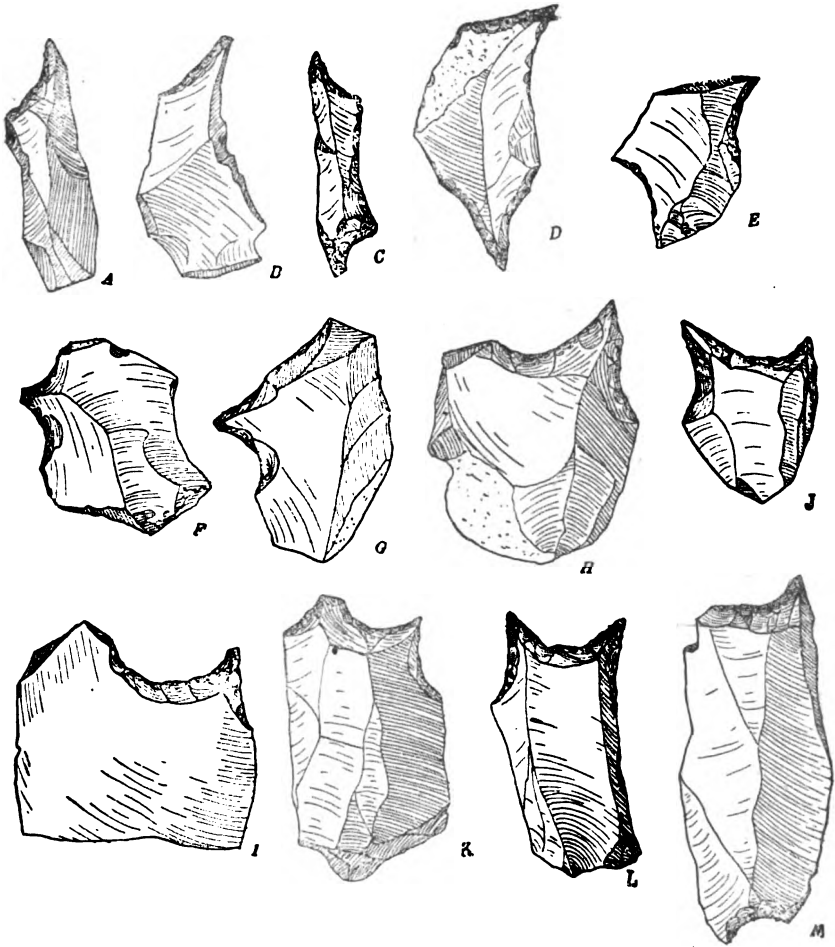
е) Группа мало типичныхъ проколокъ, имѣющая сборный характеръ; въ большинствѣ случаевъ это трехугольные широкіе, плоскіе отщепки съ широкимъ, обыкновенно плохо оббитымъ остриемъ (р. 10, t).

У вышеописанныхъ формъ острие всегда находится болѣе или менѣе посрединѣ орудія; это *срединныя проколки* (*perçoirs medianes*). Прочія проколки могутъ быть сведены къ двумъ типамъ—боковыхъ и угловыхъ проколокъ.

Проколки боковыя (*perçoirs latéraux*); сюда относятся двѣ хорошо выраженныя группы орудій:

f) Къ первой принадлежатъ небольшія пластинки, у которыхъ конецъ оббитъ остриемъ, но не симметрично, а въ

Рис. 11.

Проколки боковыя и угловыя. (Perçoirs latéraux) Натур. вел.

скошенномъ направленіи (р. 11 а—d), причеъ, за рѣдкими исключеніями, остріе находится съ правой стороны; встрѣчаются и двойныя проколки этого типа. У нѣкоторыхъ изъ этихъ орудій рабочей конецъ заканчивается не остріемъ, а небольшою рѣжущею гранью; ихъ, очевидно, должно причислить къ микрорѣзцамъ (micro-burins). Правдоподобно, что часть этихъ орудій могла употребляться, какъ *bes-de-regoquet en pointe*; на р. 11 d изображено любопытное

двойное орудіе, одинъ конецъ котораго является микро-рѣзцомъ, другой—„клювообразнымъ рѣзцомъ“.

г) Вторую, весьма однородную, группу образуютъ массивные отщепки, имѣющіе сбоку короткое и широкое остріе.

Вѣроятно, что остріе такой формы могло служить скорѣе для нарѣзыванія, чѣмъ для просверливанія (р. 11 f, g).

Къ боковымъ проколкамъ относятся три небольшихъ двойныхъ орудія съ остріями, направленными въ разныя стороны (р. 11 с).

Описанные выше типы срединныхъ и боковыхъ проколовъ встрѣчаются въ палеолитѣ, какъ и въ неолитѣ, и не представляютъ по своей формѣ ничего исключительнаго; слѣдуетъ только подчеркнуть характерную для Мезина многочисленность этого рода орудій. Но угловыя проколки, и въ особенности вторая ихъ разновидность, принадлежатъ верхнему палеолиту (солютрэ-мадленъ); это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что орудія эти родственны „вогнутому скребку на концѣ пластинки“ и „угловымъ рѣзцамъ“ и, будучи связанными переходными формами, встрѣчаются совмѣстно съ ними только въ палеолитѣ.

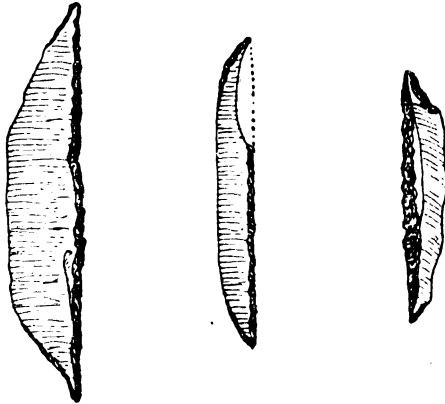
h) *Проколки угловыя* (perçoirs d'angle) характеризуются тѣмъ, что у нихъ остріе помѣщается сбоку выемки, на концѣ пластинки. Сюда относятся, во-первыхъ, орудія, слѣданныя изъ короткихъ широкихъ отщепковъ, на концѣ которыхъ находится выемка (coche), а сбоку ея—остріе, представляющее проколку или микрорѣзецъ (р. 11 h, j, i). На р. 11 f изображено орудіе, имѣющее остріе по обоимъ угламъ.

Угловыя проколки второго рода помѣщаются на концѣ болѣе или менѣе удлиненой пластинки, причемъ остріе въ видѣ проколки или микрорѣзца можетъ быть на одномъ углу (р. 11 l, n) или на обоихъ (р. 11 m).

Маленькія пластинки со стесаннымъ краемъ—petites lames à tranchant lateral abattu—(25 цѣлыхъ экз. + 23 облом. + 7 болѣе грубаго типа). Это маленькія пластинки отъ очень небольшой величины (2,3 см. длины на 0,3 см. ширины) до довольно значительной (5,3 см. на 1 см.), изящно и тонко оббитыя, онѣ напоминаютъ своей формой геометрическія формы т. н. тарденуазьенской индустріи. Одинъ край ихъ

сбитъ сильными ударами и образуетъ спинку, другою—á tranchant vive—оставленъ безъ отдѣлки; оба конца тщательно заострены (р. 12). Маленькія пластинки со стесаннымъ краемъ

Рис. 12.

Маленькія пласт. съ обитымъ краемъ (Pet. lames à bord abattu).

нерѣдки въ мадленскихъ стоянкахъ; обыкновенно различаютъ нѣсколько ихъ типовъ ¹⁾.

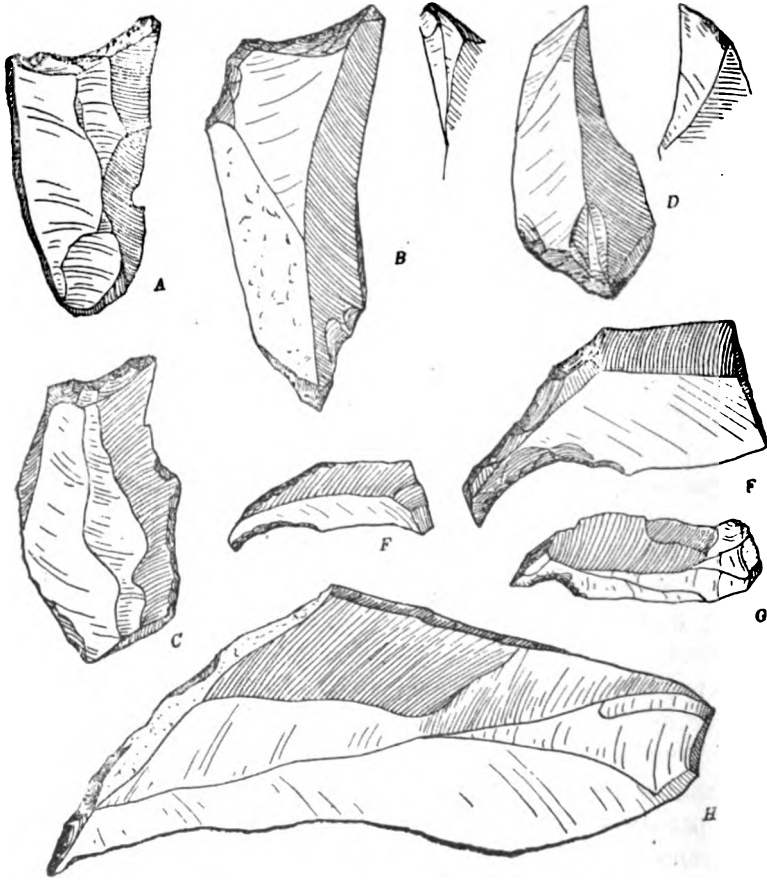
Эти изящныя орудія столь характерной и устойчивой формы могли, конечно, служить проколками, хотя бы, на примѣръ, для просверливанія игольныхъ ушекъ; но правдоподобно, что часть ихъ употреблялась (какъ микрорѣзцы) для тонкихъ граверныхъ работъ по кости. Тщательность отдѣлки, постоянство формы и слишкомъ незначительная величина объясняются, быть можетъ, еще болѣе деликатнымъ назначеніемъ ихъ, для татуировки, на примѣръ.

Клювообразныя рѣзцы (bec de perroquet). Весьма характерное для французскаго Мадлена орудіе это получило названіе отъ сходства своей формы съ клювомъ попугая. Вполнѣ типичныхъ орудій этого рода въ Мезинѣ не найдено, но весьма близкія имъ, какъ по формѣ, такъ и по назначенію, нерѣдки.

¹⁾ Déchelette, op. cit., стр. 122. G. et A. Mortillet „Musée préhistorique“ pl. XXI.

Это большей частью клювообразные рѣзцы-острія (bec de perroquet en pointe): небольшія пластинки, заканчивающіяся клювообразно изогнутымъ остриемъ (р. 13 f, g и 11 d). У многихъ спинка орудія образуетъ площадку для того,

Рис. 13.

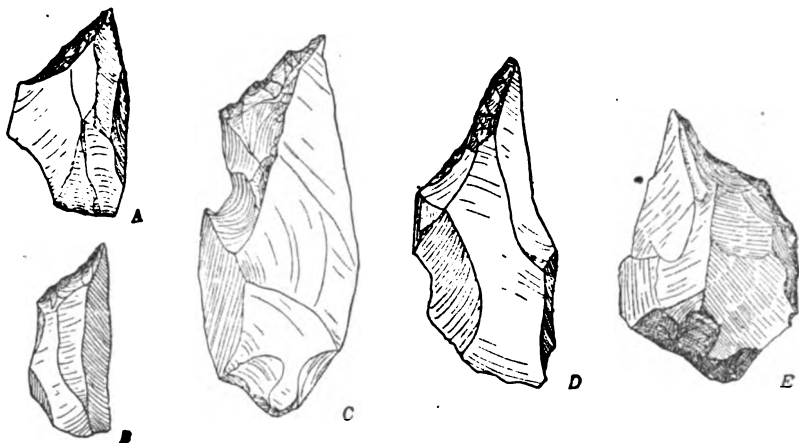

Клювообразные рѣзцы. (burins en bec). Natur. вел.

чтобы можно было безопасно упираться въ нее указательнымъ пальцемъ, какъ того требуетъ способъ употребленія. Интересно орудіе (р. 13 h), повидимому, не вполне законченное; оно выдѣляется своими размѣрами (9,7 см. на 3,5 см.). У нѣкоторыхъ изъ этихъ орудій острие получено не оббивкой, а отщепленіемъ продольнаго осколка (р. 13 d).

Вторую группу клювообразных рѣзцовъ составляютъ весьма своеобразныя орудія, заканчивающіяся не остриемъ, а рѣзущей гранью, полученной отщепленіемъ продольнаго осколка (р. 13 а, в, с). Площадка для указательнаго пальца образована или оббивкой (что прекрасно видно на р. 13 в) или также отщепленіемъ продольнаго осколка (р. 13 а, с).

Рис. 14.

Острія—рѣзцы (Perçoirs—burins).

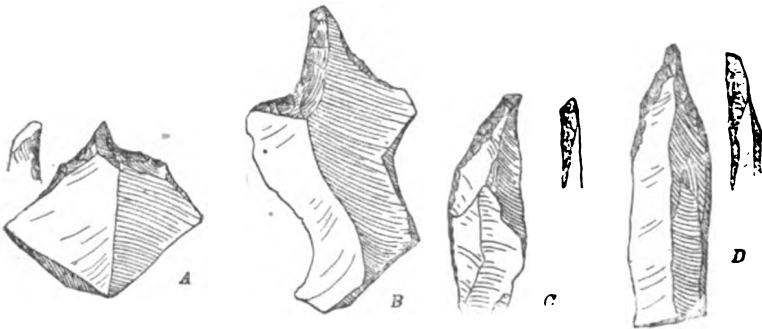
Острія—рѣзцы. Подъ этимъ названіемъ я хотѣлъ бы описать особую категорію орудій, до сихъ поръ не изданную или, быть можетъ, не зафиксированную французскими авторами. Орудіе это технически близко клювообразному рѣзцу; оно имѣло, повидимому, то же назначеніе и тотъ же способъ употребленія. Въ мезинской коллекціи имѣются довольно многочисленныя его представители (45 экз.); это обыкновенно короткая, массивная пластинка, конецъ которой оббитъ наискось и образуетъ массивное трехгранное остріе. Нижній край обыкновенно *à tranchant vif* (иногда подправленъ у самаго острія, когда оно затупилось), а верхній оббитъ и образуетъ спинку для указательнаго пальца (р. 14 а—1). Остріе этихъ орудій направлено чаще вправо, рѣже налѣво.

Микрорѣзцы (microburins). Мы встрѣчались уже съ микрорѣзцами при описаніи боковыхъ и угловыхъ проколовъ, а также „маленькихъ пластинокъ со стесаннымъ краемъ“. Къ микрорѣзцамъ мы причисляемъ также инструменты

(26 экз.), заканчивающіеся остриемъ съ небольшою рѣзущей гранью. Такая грань получалась или тонкою оббивкою съ краевъ или отщепленіемъ маленькаго осколочка продольнымъ ударомъ (р. 15 а—d).

Рѣзцы (burins). Рѣзцы въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, какъ понимаютъ его французскіе авторы, представляютъ самую многочисленную группу орудій Мезинской стоянки.

Рис. 15.

Микрорѣзцы Microburins. Натур. вел.

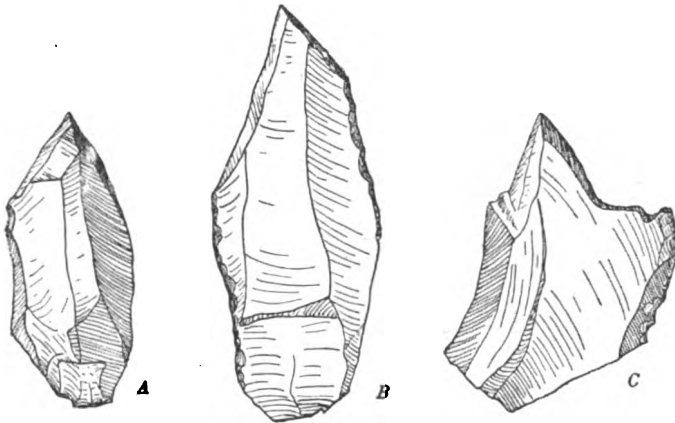
Интересно отмѣтить то обстоятельство, что „рѣзцы обыкновенные“ (b. ordinaires), въ формахъ характерныхъ для верхняго Мадлена, встрѣчаются очень рѣдко (р. 16 а, b).

Весьма многочисленны простѣйшіе рѣзцы (125 экз.): массивныя отщепки неправильной и потому мало характерной формы съ гранью, образованной двумя продольными ударами (coup de burin), направленными подъ нѣкоторымъ угломъ (р. 16, с.).

Обычною формою является *боковой рѣзецъ* (b. lateral) ¹⁾ (свыше 250 экз.); онъ представляетъ собою удлиненную пластинку, конецъ которой тщательно оббитъ наискось; продольнымъ ударомъ, отщепленіемъ осколочка отъ края, получена рѣзущая грань (р. 17). Обыкновенно рабочій конецъ находится съ лѣвой стороны, рѣже съ правой. Часто края орудія бывають оббиты для предохраненія руки отъ порѣза (р. 17 а, b). Нерѣдки формы двойныя, причемъ на одномъ

¹⁾ Ср. Bardon et Bouyssonie. „Un nouveau type de burin“, „Revue mensuelle de l'École d'Anthr. de Paris“. 1903 г., стр. 165. Этотъ типъ рѣзца появляется въ такъ называемыхъ ориньякскихъ слояхъ и исчезаетъ въ верхнемъ Мадленѣ.

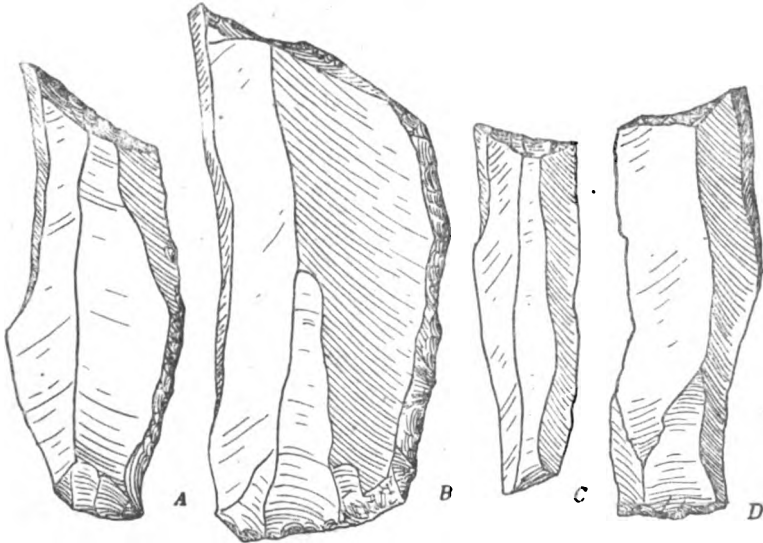
Рис. 16.

Рѣзцы обыкновенные (Burins ordinaires)

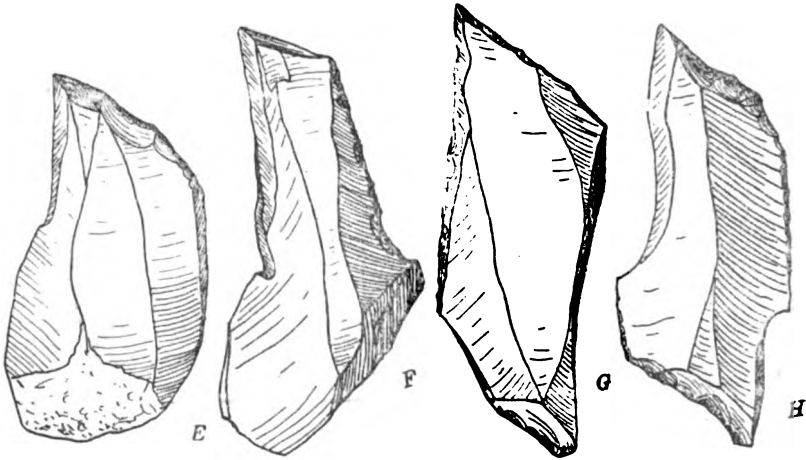
концѣ орудія находится боковой рѣзецъ, а на другомъ простой или тоже боковой (р. 18 g, h.). Иногда боковой рѣзецъ получался безъ оббивки, тѣми же продольными ударами подъ нѣкоторымъ угломъ (р. 18, f.). Довольно многочисленна группа боковыхъ рѣзцовъ настолько массивныхъ, что неизвѣстно, какому техническому назначенію могли они удовле-

Рис. 17.

Обыкн. рѣзцы (Burins ordinaires).

Рис. 18.

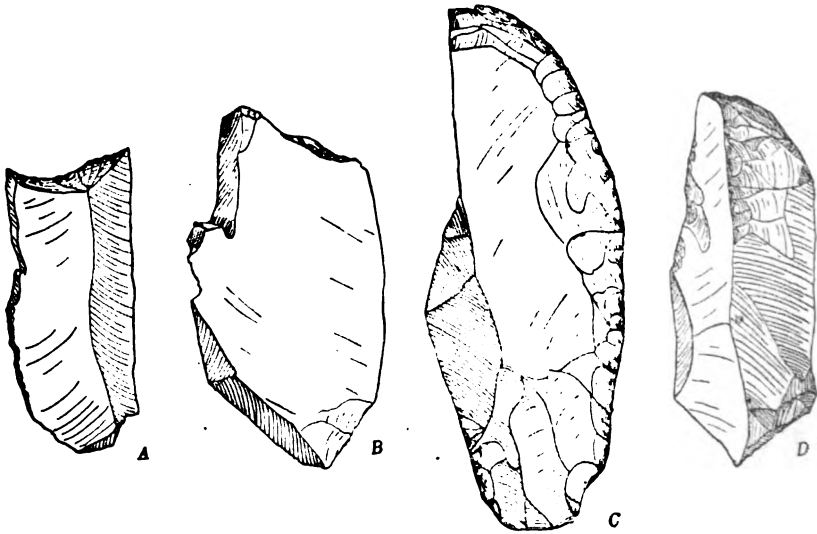

Рѣзцы боковые простые и двойные (Bur. lateraux et doubles) Натур. вел.

творять (р. 19 b). Нѣкоторыя изъ орудій приближаются къ типу рѣзца углового (b. d'angle), у нихъ рѣзущая грань находится сбоку выемки (р. 17 d; 19 a).

Значительно меньше численна (25 экз.), но также весьма характерна группа *срединныхъ рѣзцовъ* (b. médians). Въ от-

Рис. 19.

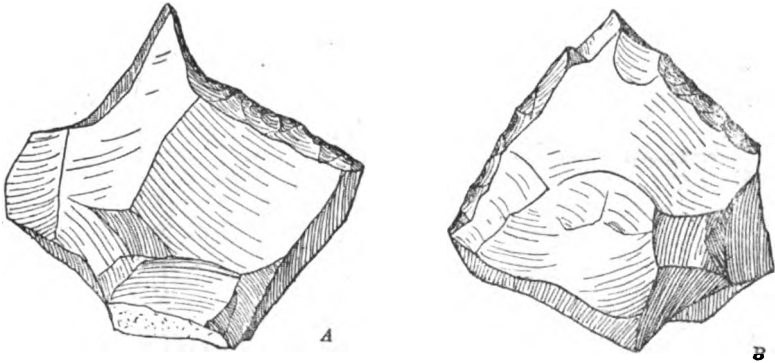

A—боковой рѣзецъ; B—массивный рѣзецъ; C и D—орудія напоминающія burins busqués (Burins divers).

личіе отъ „обыкновенныхъ“ рѣзцовъ, это болѣе или менѣе массивный, широкій отщепокъ; рѣзущая грань, образованная оббивкой и снятіемъ продольнаго осколка, помѣщается посрединѣ орудія (р. 20).

Трудно рѣшить вопросъ, куда должны быть отнесены орудія, изображенныя на р. 19 с. d. Что это формы не случайныя видно изъ того, что ихъ найдено довольно много

Рис. 20.

Срединные рѣзцы. Burins médians. Натур. вел.

(15 экз.). По способу отдѣлки рабочаго конца рядомъ мелкихъ фасетокъ, они какъ будто приближаются къ ориньякскимъ рѣзцамъ (b. busqués), ¹⁾ но по общей формѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, близко напоминаютъ ладьевидные неолитическіе отжимники (comprimeurs).

Интересна и загадочна группа орудій (?), представляющихъ массивные кремневые отщепки, съ оббивкой и безъ нея, у которыхъ по краю или на нижней, гладкой поверхности сильнымъ ударомъ отбить продольный осколокъ. Многочисленность этихъ вещей говоритъ противъ ихъ случайнаго происхожденія; кромѣ того подобное же явленіе было констатировано въ другихъ палеолитическихъ стоянкахъ ²⁾. Орудіе, изображенное на р. 21 а, b, представляетъ

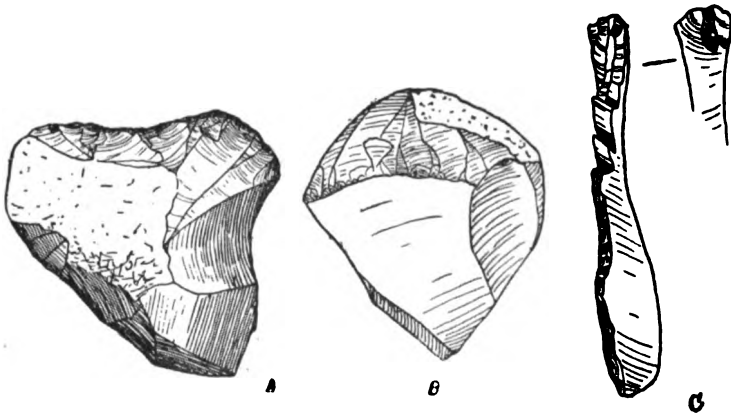
¹⁾ Bardon et Bouyssonie. „Grattoir caréné et ses dérivés“ (R. m. de l'Ecole d'Anthr. de Paris. 1906 г., стр. 408).

²⁾ Въ Coumbo-del-Boultou было найдено 791 экз. орудій, носящихъ слѣды такихъ ударовъ. Bardon et Bouyssonie. „Outils écaillés par percussion“ (Revue m. de l'Ecole d'Anthr. de Paris. 1906 г.); затѣмъ они найдены въ Grotte de la Mairie (тамъ-же, 1908 г., стр. 161) и др.

нуклеобразный скребокъ (характерный, вообще говоря, для такъ называемой ориньякской индустрии), на нижней поверхности котораго отдѣленъ осколокъ, какъ будто уничтожающій смыслъ орудія.

Изъ описанія орудій видно, что для ихъ приготовления часто примѣнялся *сильный продольный ударъ* (coup de burin), которымъ отъ края орудія отщеплялся осколокъ, довольно длинный и обыкновенно трехгранной формы (р. 21 с). Обра-

Рис. 21.

А—нуклеидный скребокъ; В—то же снизу; С—краевой отщепокъ.
(А—В—Crattoirs nucleiformes; С—Eclat lateral).

тивъ на это вниманіе, мы тщательно выбрали ихъ изъ массы осколковъ; они представляютъ интересъ, такъ сказать, отрицательный.

Дѣло въ томъ, что эти осколки встрѣчаются, естественно, во всѣхъ стоянкахъ, гдѣ готовились рѣзцы (т. е. во всемъ верхнемъ палеолитѣ); но описывались они Капитаномъ, аббатомъ Бреилемъ и другими авторами, какъ орудія самостоятельныхъ формъ, принадлежащія микролитической индустрии ¹⁾, что является очевидной ошибкой. Можно указать, какъ на характерный признакъ такихъ пластинокъ, что отбивной бугорокъ ихъ находится не съ нижней стороны, соответствующей отбивной поверхности рѣзца, а на боковой грани. Ретушь края, часто образующая какъ-бы

¹⁾ Déchelette, op. cit. стр. 165; Capitan, abbé Breuil, Bourrinet et Peyrony. „L'abri Mège. Une station à Teyjat (Dordogne)“. R. m. de l'Ecole d'Anthr. de Paris, 1906 г., стр. 196.

рукоятку этихъ маленькихъ пластинокъ (ср. Дешелетта, рис. на стр. 165) и придающая ихъ формѣ кажущуюся преднамѣренность, объясняется тѣмъ, что край рѣзца передъ тѣмъ, какъ былъ снятъ осколокъ, оббивался, вѣроятно, для того, чтобы получить осколокъ въ желательномъ направленіи.

Мы не будемъ подводить итоги всему матеріалу, полученному изъ Мезинской стоянки, такъ какъ важная сторона— костяная индустрія—еще не опубликована; съ другой стороны, будущія раскопки этой стоянки дадутъ, конечно, много новаго матеріала для сужденія о ней.

Укажемъ только нѣкоторые выводы, естественно возникающіе изъ разсмотрѣнія кремневой индустріи, представленной въ нашей коллекціи достаточно полно. При описаніи различныхъ типовъ каменныхъ орудій было уже отмѣчено поразительное ихъ сходство съ вещами, добытыми изъ французскихъ верхне-палеолитическихъ стоянокъ. Это сходство, даже тождество, объясняется, конечно, одинаковыми условіями жизни племенъ, населявшихъ всю среднюю и часть южную Европу въ эпоху отступанія великаго скандинавскаго ледника. Эти условія и въ климатическомъ отношеніи и въ отношеніи фауны и флоры были подобны тѣмъ, въ которыхъ проходить существованіе современныхъ арктическихъ племенъ, въ странахъ у полярнаго круга. Какъ здѣсь, такъ и тамъ крайне неблагоприятная природная обстановка создала полную зависимость человѣка отъ окружающаго его животнаго міра; чтобы жить человѣкъ долженъ питаться мясомъ животнаго, шкура его служить незамѣнимой одеждой, кость даетъ матеріалъ для издѣлій, какъ и у всѣхъ арктическихъ племенъ; въ техникѣ мадленской эпохи обработка кости играетъ весьма важную роль. Изъ оленьяго рога, „слоновой кости“ человѣкъ этой эпохи выдѣлываетъ вещи удивительной тонкости: не говоря уже о западноевропейскихъ находкахъ, между нашими находками есть вещи, требующія для своего приготовленія большого искусства. Совершенно естественно, что потребность въ обработкѣ такого твердаго матеріала, какъ кость, должна была вызвать и спеціальныя формы кремневыхъ орудій, предназначенныхъ

то для болѣе грубой работы первоначальной формовки, то для очень деликатной — нанесенія орнамента. Этимъ обстоятельствомъ объясняется характерная особенность верхнепалеолитической кремневой индустріи, преобладаніе особыхъ, своеобразныхъ формъ рѣзущихъ инструментовъ. Какъ видно изъ описанія мезинской коллекціи, инструменты эти, рѣзцы, раздробленныхъ формъ, составляютъ здѣсь большинство орудій и, что слѣдуетъ отмѣтить, они часто весьма близки къ тѣмъ, которые употребляются въ современной technikѣ для гравировальныхъ работъ. Конечно, примѣненіе ихъ не ограничивалось рѣзкой по кости; въ жизни чело-вѣка этой эпохи были и инныя потребности, напримѣръ, приготовленіе одежды изъ шкуръ, выдѣлка ремней и т. д., требовавшія рѣзущихъ инструментовъ.

При описаніи каменныхъ орудій мы дѣлали сопоставленія исключительно съ французскими находками. Для рѣшенія вопроса о происхожденіи русской палеолитической культуры значительно важнѣе, однако, знакомство съ палеолитическими стоянками промежуточныхъ территорій — Австро-Венгріи, Германіи. Австрійскія лессовыя стоянки представляютъ большую аналогію съ русскими. Однако, дѣло затрудняется тѣмъ, что здѣсь палеолитическая эпоха мало изучена, и публикуемый матеріаль въ отношеніи каменныхъ орудій не даетъ возможности дѣлать желательныя сопоставленія, такъ какъ принятый фотографическій способъ совершенно не выясняетъ характера орудія, а рисунки монографической работы Гернеса слишкомъ схематичны.

Въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе пренебреженія русскихъ археологовъ къ первобытнымъ древностямъ, дѣло изученія палеолита стоитъ еще хуже. Большинство нашихъ стоянокъ раскопано далеко не систематично, матеріаль почти не разработанъ и не изданъ. Это должно вызывать тѣмъ большее сожалѣніе, что только у насъ найдутъ свое разрѣшеніе многіе вопросы, стоящіе передъ доисторической археологіей, такъ какъ русскимъ ученымъ предстоитъ изучить громадную территорію, до сихъ поръ еще очень мало изслѣдованную.

П. Ефименко.

ЧУКОТСКІЯ СТРѢЛЫ.

Этнографическій Отдѣль Русскаго Музея Императора Александра III обогатился въ 1910 г. рѣдкой по цѣльности чукотской коллекціей, представляющей собою плодъ долголѣтняго, систематическаго собиранія такого знатока края, какъ Н. П. Сокольниковъ. Сперва Марковскій уѣздный начальникъ, потомъ начальникъ Командорскихъ острововъ, Н. П. Сокольниковъ, владѣя чукотскимъ языкомъ и располагая необходимою литературой, вполне научно отнесся къ своей задачѣ. Къ сожалѣнію, кратковременность пребывания его въ Петербургѣ не позволила ему должнымъ образомъ обработать собранный имъ матеріаль: составленъ былъ лишь краткій инвентарный списокъ. Равняясь, по нашему предположенію, съ коллекціей, собранной В. Г. Богоразомъ для Національнаго Музея Сѣв.-Американскихъ Соед. Штатовъ, коллекція Русскаго Музея, кромѣ того, даетъ значительный дополнительный матеріаль, который позволитъ лишній разъ прослѣдить взаимоотношеніе народностей Азіи и Америки въ бассейнѣ Берингова моря.

Въ части, подлежащей нашему разсмотрѣнію, коллекція содержитъ: 130 стрѣлъ, 8 луковъ и 15 колчановъ.

Несмотря на знакомство съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, искусство стрѣлять изъ лука еще высоко стоитъ у чукчей. Порохъ слишкомъ дорогъ, и не всегда легко его достать. Знакомство съ желѣзомъ быстро вытѣснило кремень, шиферъ и обсидіанъ, какъ матеріалы для изготовленія острія стрѣлъ, но кость сохранила еще свое прежнее значеніе. Такъ же, какъ и у западныхъ эскимосовъ, лукъ у чукчей еще недавно былъ во всеобщемъ употребленіи и до сихъ поръ распространенъ въ глухихъ мѣстахъ. По словамъ В. Г. Богораза, эпическіе рассказы полны описаній подвиговъ стрѣльбы,

вродѣ искусства расщепить надвое стрѣлю воткнутой въ землю пруть. Теперь стрѣльбою въ цѣль занимаются только дѣти и подростки ¹⁾.

Чукотскіе луки представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что у нихъ, наряду съ типичнѣйшими примѣрами такъ наз. „упрочненныхъ“ луковъ (*Verstärkter Bogen, backed bow*) эскимосскаго типа, встрѣчаются луки сложные ламутско-якутскихъ образцовъ. Теперь послѣдніе даже преобладаютъ.

Лучшій изслѣдователь эскимосовъ западной оконечности С. Америки, В. Нельсонъ, говоритъ, что луки съ усиленной эластичностью достигли у эскимосовъ высокой степени развитія и совершенства, особенно по рѣкамъ нижнему Юкон'у и Кускоквим'у; упрочненные луки почти во всеобщемъ употребленіи, и лишь къ сѣверу отъ Ст.-Михаель можно встрѣтить простые луки ²⁾. Путемъ торговли и заимствованія эскимосскій типъ лука проникъ на американскомъ материкѣ къ югу и встрѣчается иногда у тлингитовъ, но исполненіе его далеко уступаетъ искусной работѣ сѣвера ³⁾. Западный типъ эскимосскаго лука, по подраздѣленію Дж. Мурдох'а, распространенъ на островѣ Св. Лаврентія и по сибирскому берегу Берингова пролива. Б. Адлеръ вполне основательно предлагаетъ назвать этотъ типъ „сибирскимъ“ или „чукотскимъ“ ⁴⁾.

„Луки и стрѣлы, говоритъ Нельсонъ, были еще во всеобщемъ употребленіи для охоты за птицами и рыбами во время моего пребыванія тамъ въ 1887 г., особенно въ С. В. округахъ Аляски. Лукъ, по охотничьимъ правиламъ эскимосовъ, долженъ равняться длинѣ вытянутой руки охотника, считая отъ конца пальца. Стрѣла же должна быть длиною отъ кончика оттопыреннаго большого пальца вытянутой лѣвой руки до внутреннаго края правой шейной кости. Если же человѣкъ короткорукій, то онъ обычно

¹⁾ В. Г. Богоразъ. Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей, стр. 28.

²⁾ W. Nelson. The Esquimo about Bering Strait. pp. 155, 156.—18-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. 1896—97.

³⁾ A. Niblack. The Coast Indians of Southern Alaska and Northern British Columbia. p. 286. Report of the National Museum. 1887—88.

⁴⁾ Bruno Adler. Der nordasiatische Bogen. Internationales Archiv für Ethnographie. Band. XV, S. 19.

принимаетъ за мѣру длины разстояніе не отъ конца большаго, а отъ конца средняго пальца¹⁾.

Чукотскій лукъ — „Ііыр“ — „настоящій лукъ“ дѣлается изъ лиственничнаго дерева, преимущественно изъ мелко-слоистаго *крена* (такъ наз. дерево съ винтообразно извитыми слоями). Не помѣщаемъ изображенія лука этого типа, т. к. онъ прекрасно изданъ у В. Богораза²⁾, въ двухъ его работахъ, русской и англійской. Лукъ сложный, обычно распространенный среди якутовъ, юкагировъ, коряковъ и ламутовъ, охотно покупается чукчами у сосѣдей. Состоитъ онъ изъ двухъ частей: тонкой плоской березовой основы, съ внутренней стороны которой наклеена пружинная часть лука изъ лиственничнаго крена. Внѣшняя сторона густо склеена сухожильными волокнами. Рога лука изъ березоваго дерева. Обычно лукъ винтообразно обматывается лентой изъ пропитанной клеемъ бересты. Тетива изъ шнура, свитаго изъ сухожилій или изъ нерпичьяго ремня. Такъ же, какъ и луки эскимосскаго образца, сложные луки почти всегда имѣютъ на внѣшней сторонѣ упрочненіе изъ ряда сухожильныхъ шнуровъ, скрученныхъ въ толстый жгутъ. Для деталей луковъ обоихъ типовъ отсылаю къ книгамъ В. Г. Богораза.

Чукотскія стрѣлы (мѣміт) необычайно разнообразны и отличаются большимъ мастерствомъ и тщательностью выдѣлки; это особенно наблюдается на образцахъ съ костяными наконечниками и остріями. Способы соединенія съ древкомъ настолько цѣлесообразны, что поломка стрѣлы въ этомъ мѣстѣ почти невозможна. При замѣненіи кости желѣзомъ способы прикрѣпленія острія далеко не такъ удачны. Замѣчается стремленіе примѣнить старыя традиціи, часто вовсе непримѣнимыя къ новому матеріалу. Какъ будетъ видно ниже, стрѣлы съ костяными остріями имѣютъ большое родство съ образцами Сѣв.-Вост. Америки, тогда какъ образцы желѣзныхъ находятся подъ большимъ вліяніемъ сибирскихъ типовъ, что вполне естественно, при заимствованіи самого матеріала изъ Сибири.

¹⁾ W. Nelson. loc. cit.

²⁾ В. Г. Богоразъ. Очеркъ матеріальнаго быта оденныхъ чукчей. Сборникъ Музея по Антропологии и Этнографіи при Императорской Академіи Наукъ. т. II, и W. Bogoras. The Chukchee. The Jesup North Pacific Expedition, vol. VII. New-York 1904.

а. Стрѣлы съ костяными остріями.

(Рыбныкомъ, по марковск. говору *костянки*).

Рис. 1.

1) Большую и наиболее полную группу представляют собою стрѣлы съ длинными костяными остріями.

непосредственно прикрѣпленными къ древку (13 стрѣль и 2 острія, №№ 2085—3—15, 18, 19, рис. 1 d—g). Длина ихъ колеблется между 74 и 90 см. Острія превосходной работы изъ моржовыхъ бивней длиною 20—31 см. отличаются между собой разнообразнымъ граненіемъ: есть трехгранныя, четырехгранныя, двояко выпуклыя съ острыми ребрами; приближаясь къ мѣсту соединенія съ древкомъ, острія постепенно утрачиваютъ свою многогранность, дѣлаются круглыми и одного діаметра съ древкомъ. Между остріями съ двояко выпуклымъ сѣченіемъ встрѣчаются съ легкимъ граненымъ утолщеніемъ на головномъ концѣ, вѣроятно, для лучшей пробойности.

Древка стрѣль этой группы имѣютъ длину 50—69 см. Способъ прикрѣпленія острія къ древку двоякій: въ первомъ случаѣ, наиболѣе распространенномъ среди нашихъ экземпляровъ, для прикрѣпленія острія служитъ обтесанная клиномъ уплощенная пятка (*base à double biseau*), плоско входящая въ соответствующій вырѣзъ древка и крѣпко держащаяся въ немъ при помощи клея и особыхъ поперечныхъ нарѣзокъ на кости ¹⁾ (рис. 1—d, e, f).

При другомъ способѣ прикрѣпленія пятка острія раздвоена и въ нее вставляется клинообразно обтесанный конецъ древка (рис. 1—g). Мѣсто соединенія обычно упрочняется плотной обмоткой изъ сухожильныхъ нитокъ или узкой ленты проклеенной бересты. Аналогичные образцы мы находимъ изданными у Ѳ. К. Волкова и С. И. Руденко, „Этнографическія коллекціи изъ бывш. Росс.-Американскихъ владѣній“ (рис. 11 b, c, d; рис. 13 b, c, f). Матерьялы по Этнографіи Россіи т. I. Изд. Русскаго Музея Императора Александра III и у E. W. Nelson *The Esquimo about Bering Strait*. Pl. LXI a 1, b 15). Эти послѣдніе происходятъ съ острова Св. Лаврентія и употребляются для крупной дичи и войны. Подобной же стрѣлой *былъ убитъ по преданію майоръ Павлуцкій въ 1747 г.* ²⁾.

¹⁾ Ѳ. К. Волковъ отмѣтилъ полную ихъ тождественность съ нарѣзками, встрѣчающимися на остріяхъ мадленской эпохи во Франціи. Волковъ и Руденко. Этнографич. коллекціи изъ б. сѣв.-американскихъ влад. (отд. оттискъ), стр. 22.

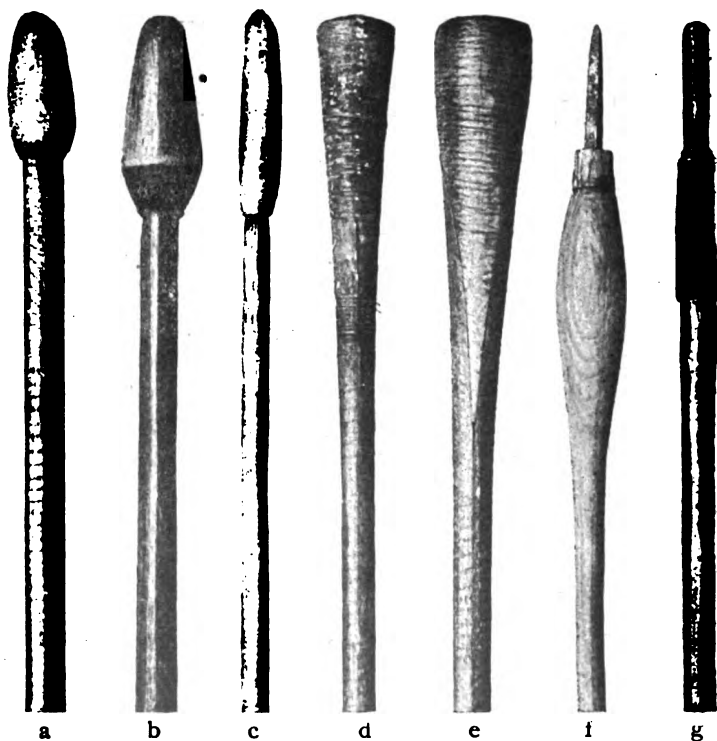
²⁾ См. В. Богоразъ. Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора § 15. Труды Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирикова. Отд. III, т. XI, ч. III.

2) Двѣ стрѣлы (№№ 2085—16, 17). Остріе костяное, листовидной формы; головная часть имѣет небольшое четырехгранное утолщеніе для большей пробойности стрѣлы. Остріе прикрѣпляется при помощи уплощенной пятки, заходящей клиномъ въ разрѣзъ древка и закрѣпленной лентой изъ проклеенной бересты. Длина стрѣлъ 60 и 71 см. Длина остріевъ 11 и 12 см. (рис. 1—b).

3) Остріе стрѣлы костяное листовидной формы съ довольно продолговатой ножкой, кончающейся раздвоенной пяткой (№ 2085—20). Длина острія 15 см.

4) Двѣ стрѣлы съ тяжелымъ костянымъ остриемъ и обратными нарѣзками на краяхъ № (2085—1,2). Острія насажены на круглый шипъ древка. У одной стрѣлы нарѣзки расположены симметрично (рис. 1—a) у второй—асимметрично (рис. 1—c). Длина острія первой стрѣлы 7 см., другой 18 см.

Рис. 2.

Длина стрѣль 74 и 75 см. Подобныя стрѣлы очень часто встрѣчаются у алеутовъ и на остр. св. Лаврентія у эскимосовъ.

Стрѣлы съ тупыми наконечниками, служащія для охоты на бѣлку и птицъ, а также для спибанія съ дерева подстрѣленной дичи. Острія эта группа не имѣетъ, чтобы не портить шкурокъ живогныхъ.

1) Наиболѣе распространенный типъ (*тамары* или *тумары* по марковскому говору, *утты-маком* по чук.). Наконечникъ изъ моржовой кости имѣетъ форму конуса, обращеннаго основаніемъ впередъ; пята наконечника уплощается и заходитъ клиномъ въ соотвѣтственно разщепленное древко (рис. 2 d, e.). Въ коллекціяхъ Русскаго Музея такихъ стрѣль встрѣчается три экземпляра (№№ 2085—21-23). Аналогіи этому типу мы встрѣчаемъ почти повсемѣстно на всемъ протяженіи Сѣв. Азіи, а на американскомъ материкѣ вплоть до предѣловъ Британской Колумбіи. Длина стрѣль 76—79 см. Наибольшій діаметръ наконечниковъ 1, 2—2,5 см.

2) Нѣсколько видоизмѣненный видъ такихъ же „тамаровъ“ имѣетъ ящевидный наконечникъ, насаженный на круглый шипъ дерева (рис. 2 a, b). Длина стрѣль этого типа 57—67 см. (№ 2085—24-26). Иногда наконечникъ пріобрѣтаетъ болѣе удлиненную, почти цилиндрическую форму съ обточенными концами (№ 2085—27) (рис. 2 c.). Подобныя стрѣлы имѣются какъ у эскимосовъ и алеутовъ, такъ и на всемъ сѣверѣ Азіи, заходя на югъ вдоль до предѣловъ Монголіи.

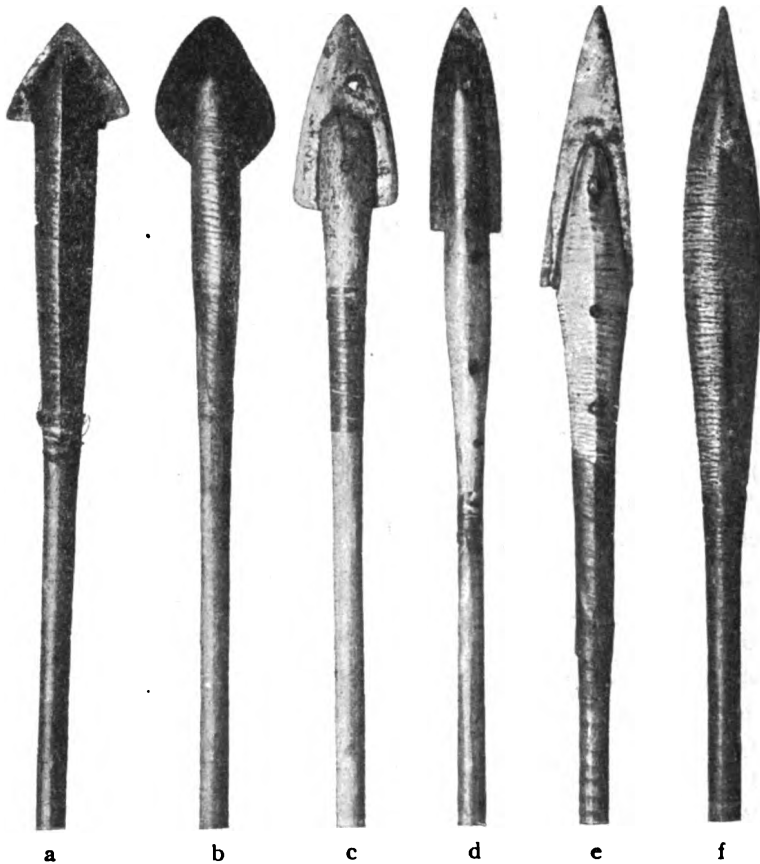
3) Очень рѣдко употребляемая бѣличья стрѣла (рис. 2 f). Древко въ головной части имѣетъ утолщеніе, въ которое вставлено тупой кусокъ желѣза. Длина стрѣлы 77 см. (№ 2085—65).

4) Стрѣла съ наконечникомъ изъ тупого желѣза (рис. 2 g). Не имѣя никакихъ данныхъ о ея назначеніи, думаемъ все же отнести ее въ группу бѣличьихъ стрѣль, какъ могущую съ успѣхомъ служить для этой надобности (№ 2085—101). Длина стрѣлы 68 см. Для стрѣль типовъ 3 и 4 намъ не пришлось встрѣчать аналогіи у иныхъ народностей, хоть присутствіе желѣза и не даетъ основаній считать ихъ исключительной принадлежностью Чукотскаго полуострова.

У В. Г. Богораза ¹⁾ изображены стрѣлы типа 1 съ наконечникомъ изъ дерева съ нагнаннымъ кольцомъ изъ свинца или кости.

Н. П. Сокольниковъ опредѣляетъ ихъ какъ типичный ламутскій образецъ.

Рис. 3.

с. Стрѣлы съ желѣзными остріями.

(чук. назв. пывыты-маком).

1) Большую и разнообразную группу представляютъ стрѣлы, изображенныя на рис. 3 (№№ 2085—28-40). Въ тяжелые костяные наконечники, плотно прикрѣпленные къ

¹⁾ В. Богоразъ. Очеркъ матеріальнаго быта оленныхъ чукчей.

древку, вставлены въ головной части плоскія, обыкновенно трехугольныя острія, выкованныя изъ листоваго желѣза или изъ котельной жести. Форма и размѣръ ихъ варьируетъ съ отдѣльными экземплярами. Длина острія 4 — 10 см. Наконечники выточены, преимущественно, изъ моржевой кости, иногда изъ цѣлаго куска, но чаще изъ двухъ продольныхъ половинокъ, тщательно скрѣпленныхъ между собою мѣдными заклепками; верхняя заклепка закрѣпляетъ одновременно и остріе. Длина наконечниковъ 9,5—17 см. Общая длина стрѣль 69—77 см. Типъ этотъ повсемѣстно распространенъ въ районѣ Берингова моря. Онъ представляетъ много любопытнаго въ томъ отношеніи, что въ прежнія времена, до знакомства съ металлами, на мѣсто желѣза вставлялся кусокъ шифера, обточеннаго въ такой же формѣ. Въ коллекціяхъ Русскаго Музея есть много подобныхъ наконечниковъ, стрѣль и гарпуновъ изъ раскопокъ пнж. Борисова въ старыхъ стойбищахъ приморскихъ чукчей.

2) Стрѣлы съ плоскими листовидными остріями №№ 2085—41, 42, 115—130 (рис. 5 g, h, i). Размѣры и форма ихъ колеблутся въ предѣлахъ, изображенныхъ на рисункѣ. Эти острія можно разсматривать, какъ переходную ступень отъ стрѣль предыдущаго типа. Впрочемъ, въ старыхъ камчадальскихъ стойбищахъ встрѣчаются совсѣмъ подобныя костяныя острія какъ, напр., въ раскопкахъ П. Логиновскаго, изъ которыхъ коллекція недавно поступила въ Русскій Музей (№ 2151). Длина стрѣль 67—83 см. Длина острія 9—15 см.

3) Стрѣлы съ желѣзными, длинными, обоюдоострыми остріями, очень тщательной работы и прикрѣпленія къ древку. №№ 2085—43, 44, 55—64 (рис. 4 a—d).

Образецъ этотъ явился на смѣну *стрѣль-костянокъ*, имѣя такую же форму, вплоть до округленія пятки острія. (рис. 4 b профиль). Длина стрѣль 75—81 см. Длина острія 12—24 см.

4) Плоская форма острія предыдущаго образца и невозможность, благодаря этому, впустить струю воздуха въ рану, создали, повидному, типъ острія, изображеннаго на рис. 4 e, f; №№ 2085—109—114. Здѣсь мы наблюдаемъ небольшое расширение контура головки острія и легкое четырехгранное утолщеніе; этимъ способомъ повышается пробойность и доступъ воздуха въ рану. Длина стрѣль 51—81 см. Длина острія 7—16 см.

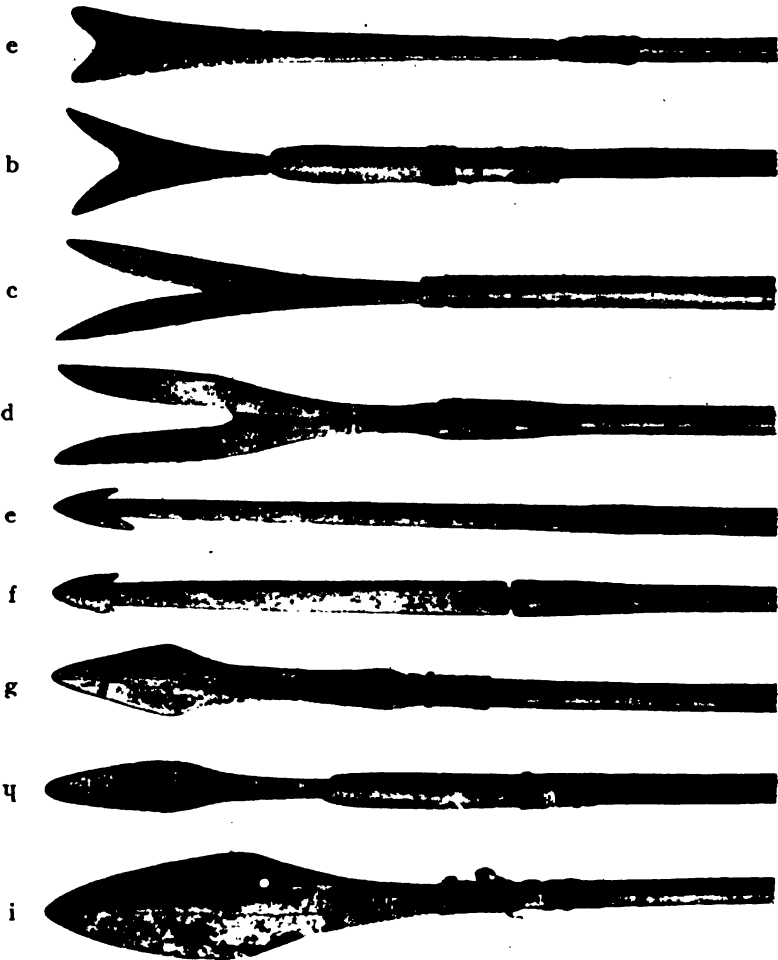
Рис. 4.

5) Стрѣла съ плоскимъ длиннымъ наконечникомъ съ двумя ассиметричными зазубринами (рис. 4h). Прототипомъ

ея несомнѣнно является костяная стрѣла, изображенная выше (рис. 1 с) (№ 2085—104).

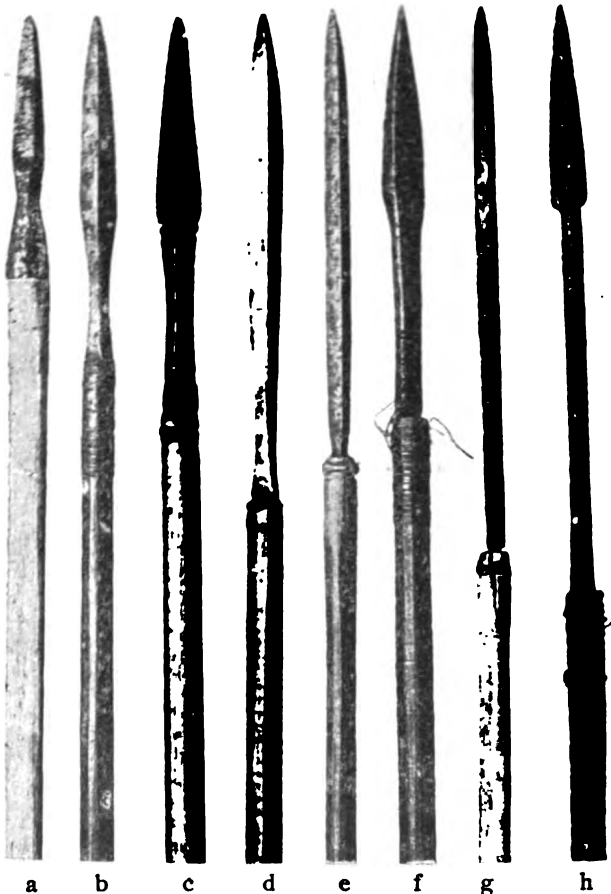
Рис. 5.

6) Стрѣлы съ длинными желѣзными остріями; на концѣ двѣ зазубрины, отогнутыя назадъ въ видѣ перьевъ (рис. 5 e, f) служатъ, должно быть, для того же употребленія, какъ и костяная стрѣла на рисункѣ 1 а. Совсѣмъ аналогичныя мы находимъ у тлингитовъ въ Сѣв. Восточной Америкѣ.

7) Стрѣлы съ плоскими раздвоенными, вилообразными остріями (рис. 5 а—d). Глубина вырѣза и форма колеблется довольно значительно. Употребляются эти стрѣлы главнымъ образомъ на крупную водяную птицу и на мелкаго звѣря; на крупнаго онѣ непригодны за малою пробойностью. Типъ этотъ встрѣчается почти на всемъ протяженіи центральной Азіи и очень многочисленъ въ археологическихъ находкахъ. Длина острія 7—18 см. Длина стрѣль 66—84 см.

Рис. 6

8) Большая и крайне разнообразная группа стрѣль (№№ 2085—65—99) съ желѣзными четырехгранными остріями. Форма ихъ колеблется въ значительной степени

(рис. 6 а—g),—также какъ и размѣръ. Острія этихъ стрѣлъ, должно быть, не чукотскаго издѣлія, а коряцкихъ или русскихъ кузнецовъ; онѣ рѣзко выдѣляются отъ прочихъ лучшей работой и большимъ разнообразіемъ въ исполненіи.

9) Стрѣла № 2085—100 (рис. 6 g). Остріе трехгранное, стальное, сдѣлано изъ напильника, сохранившаго мѣстами нарѣзку. Такіе напильники наряду съ другими товарами доставляются американскими китоловами приморскимъ чукчамъ.

10) Стрѣла № 2085—102 (рис. 4 g) вооруженная клинкомъ стараго ножа. Любопытный экземпляръ какъ способъ употребленія использованнаго желѣза, въ которомъ всегда ощущается потребность.

Материаломъ для древка стрѣлъ служитъ лиственница, а чаще береза, хотя могутъ встрѣтиться и иные сорта деревьевъ, такъ какъ при устьяхъ рѣкъ по берегамъ Ледовитаго океана накапливаются громадныя залежи сплавнаго лѣса, спесеннаго съ верховьевъ и прибитаго приливами и морскими течениями.

Способы прикрѣпленія весьма любопытны и разнообразны. Костяные острія и наконечники прикрѣпляются трыако:

1. Въ тыльной части острія просверливается глубокое гнѣздо, куда плотно вставляется древко, иногда обернутое для прочности кускомъ тонкаго ровдуга. Это—простѣйшій способъ (рис. 1 а, с.).

2. Остріе имѣетъ обтесанную клиномъ уплощенную пятку, плотно входящую въ соответствующій вырѣзъ древка и крѣпко держащуюся въ немъ при помощи клея и особыхъ поперечныхъ нарѣзокъ на кости. Для большей прочности мѣсто соединенія искусно обматывается сухожильными нитками или топкой лентой бересты, пропитанной рыбьимъ клеемъ (рис. 1 d, e, f).

3. Пятка острія раздвоена и въ нее заходитъ обтесанный клиномъ конецъ древка. Какъ и при второмъ способѣ, наблюдаются подобныя же нарѣзки на кости и такое же упрочненіе при помощи сухожильныхъ витей или бересты (рис. 1 g, рис. 5 b).

При замѣнѣ кости желѣзомъ, тщательность работы и цѣлесообразность примѣняемыхъ способовъ значительно падаетъ. Сами чукчи, за весьма малыми исключеніями, ко-

• вать не умѣютъ. Желѣзныя издѣлія поступаютъ къ нимъ преимущественно отъ коряцкихъ кузнецовъ и отъ русскихъ насельниковъ на Колымѣ и Анадырѣ. Чукотской работой можно, развѣ, считать плоскія острія стрѣлъ, выкованныя изъ старой котельной жести. Можно прослѣдить, съ извѣстной послѣдовательностью, что первоначально пробовали прикрѣплять желѣзо такъ же, какъ и кость, но возникали серьезныя осложненія. Придать острію раздвоенную пятку было трудно, ввиду неискusstва кузнецовъ, а уплощенная пятка, заходящая клиномъ въ древко, расщепляетъ послѣднее, не сдерживается клеемъ, болтается и перетираетъ острыми краями сухожильную или берестовую обмотку.

Шагомъ впередъ было приданіе остріямъ гвоздеобразной пятки, заколачивающейся въ древко, нѣсколько утолщенное въ головной части (рис. 5 d, f). Старались избѣжать расщепленія дерева, стягивая конецъ древка прядью сухожильныхъ нитокъ (рис. 4 f).

Наилучшимъ образцомъ такого прикрѣпленія нужно считать цѣлый рядъ стрѣлъ (рис. 5 a, g, i), которыя, на мѣстѣ соединенія острія съ древкомъ, имѣютъ сплошную обмотку изъ сухожильныхъ нитокъ, а поверхъ нихъ—спирально обмотанную ленту изъ бересты, пропитанной рыбьимъ клеемъ.

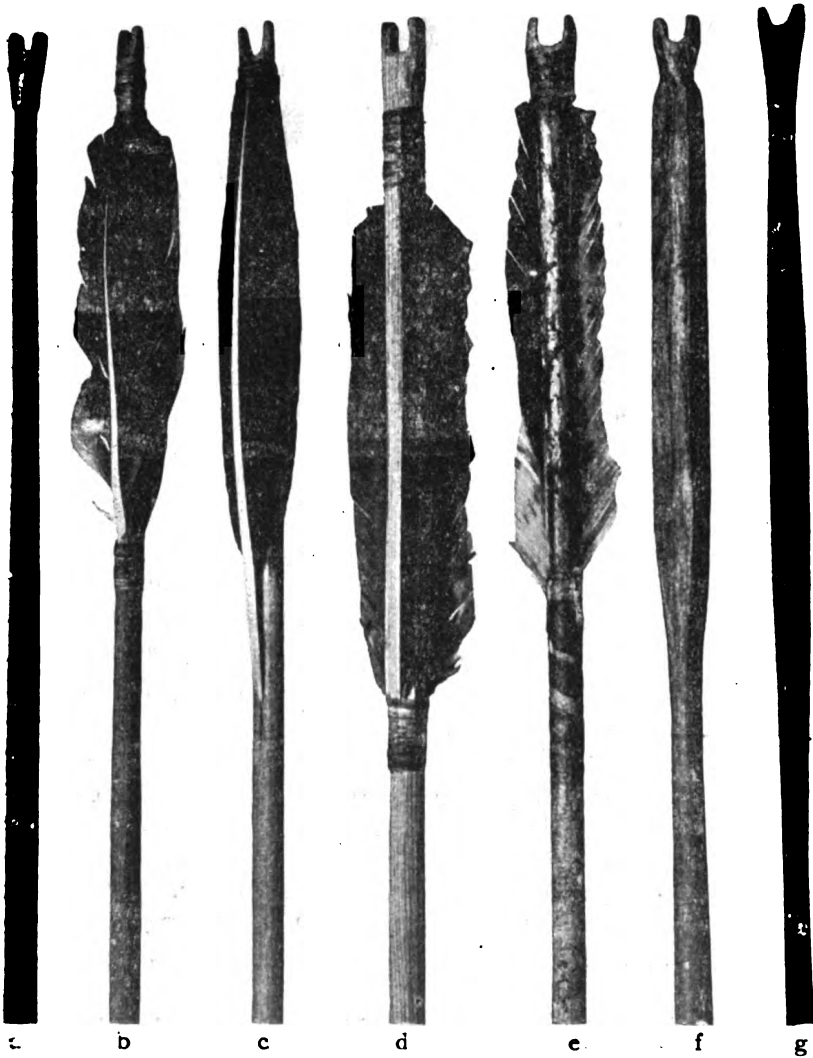
Особнякомъ стоитъ стрѣла рис. 6 a. Пятка острія сварена колпачкомъ, надѣта на древко и прикрѣплена къ нему мѣдной заклепочкой. Способъ прикрѣпленія и самая форма острія крайне напоминаютъ сибирскую *пшиню* (для пробиванія льда), которая, внѣ всякаго сомнѣнія, и является прототипомъ.

Прикрѣпленіе желѣзнаго (раньше шифернаго) острія при помощи костяного наконечника является самымъ цѣлесообразнымъ; здѣсь остріе либо вставляется уплощенной пяткой въ длинное гнѣздо на головной части наконечника (рис. 5 b; рис. 4 d, e), либо зажимается между двумя костяными пластинками, скрѣпленными мѣдными заклепками, какъ у стрѣлъ №№ 2085—28-40 (рис. 3).

Костяные наконечники прикрѣплены къ древку такими же способами, какъ и костянки. Стрѣлы этого типа имѣютъ, однако, одинъ недостатокъ: сосредоточивая большую тяжесть (кость и желѣзо) на головномъ концѣ и нарушая

этимъ единство центра тяжести и центра давленія, овѣ теряютъ много въ настильности боя и тѣмъ самымъ въ дальности полета. Нужно замѣтить, что большая часть чу-

Рис. 7.

котскихъ стрѣлъ прекрасно уравновѣшена въ этомъ отно-
шеніи и должна обладать большою настильностью боя.

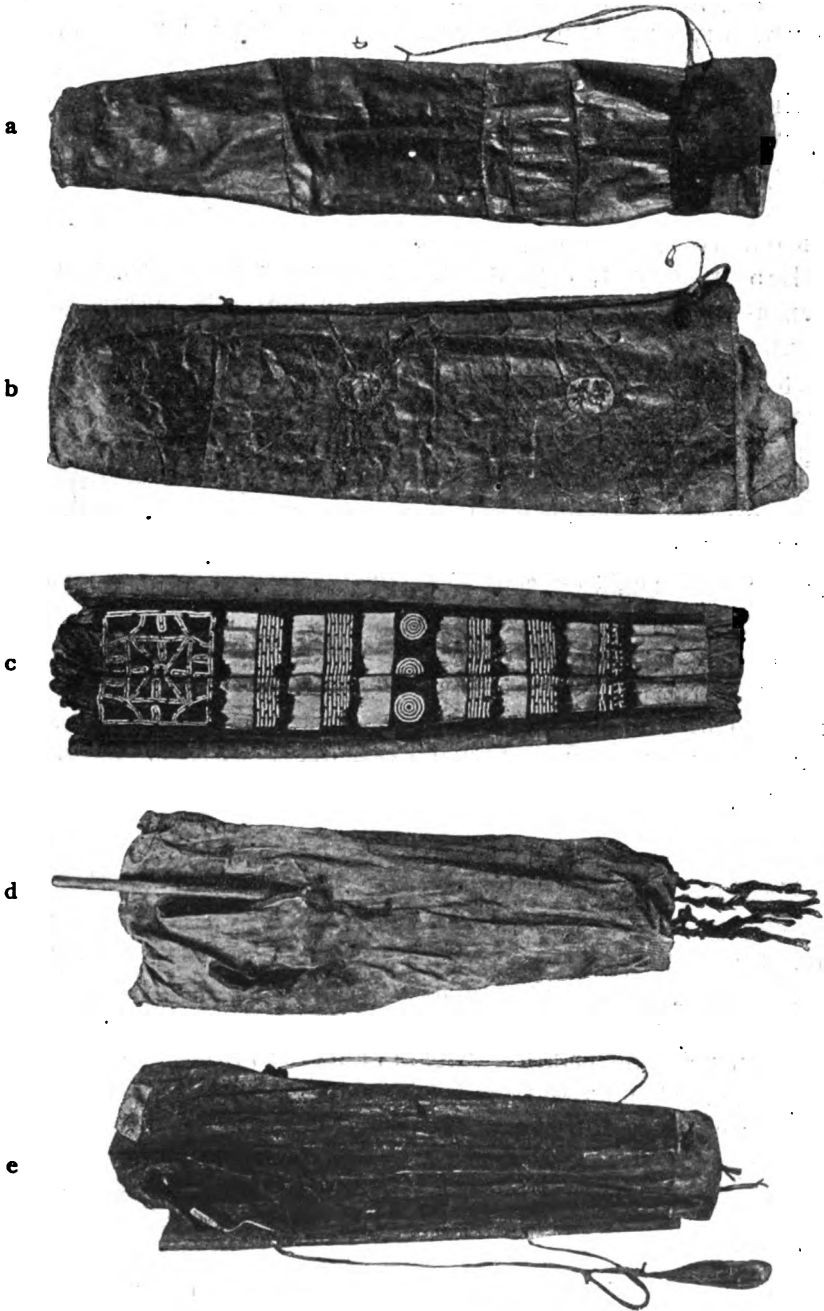
Опереніемъ стрѣлы снабжаются для того, чтобы, прибли-

зиви къ пяткѣ центръ сопротивленія воздуха, дать устойчивость во время полета. Поэтому рядъ чукотскихъ стрѣлъ, не имѣющихъ оперенія, слѣдуетъ разсматривать либо расчитанными для стрѣльбы на очень короткое разстояніе, гдѣ вопросъ девиации не можетъ имѣть существеннаго значенія. либо какъ неоконченные изготовленіемъ экземпляры (рис. 7а). Наблюдаются два способа оперенія: въ первомъ случаѣ берутся два цѣльныхъ пера ¹⁾ и, плоско налагаясь на древко, закрѣпляются, со стороны пятки стрѣлы, обмоткой изъ жильныхъ нитей: другой, корневой конецъ пера, закрѣпленъ защемленіемъ въ короткой расщелипѣ древка, а иногда просто жилой обмоткой (рис. 7 в, с). Во второмъ случаѣ, болѣе совершенной конструкціи, перо сохраняетъ лишь одну сторону бородки или просто расщепляется пополамъ и корневая часть наклеивается продольно на древко: концы перьевъ закрѣплены жилой обмоткой. При второмъ способѣ оперенія (рис. 7 d, e) бываетъ обычно три пера, иногда два. Очень рѣдко можно встрѣтить стрѣлы съ ненаклеенными, а лишь привязанными перьями. Матерьяломъ для закрѣпленія оперенія, служитъ иногда лента бересты шириною около 1 см. пропитанная рыбимъ клеемъ.

Несовершенство перваго способа оперенія почти не нуждается въ комментированіи: загнутшіяся или оттопырившіяся волокна бородки перьевъ, легко могутъ произвести смѣщеніе центра сопротивленія воздуха, съ линіи продольной оси стрѣлы и тѣмъ самымъ вызвать весьма нежелательное отклоненіе стрѣлы отъ линіи первоначальнаго полета. Поврежденіе бородокъ пера при второмъ способѣ оперенія, можетъ вызвать лишь вращательное движеніе стрѣлы вдоль ея продольной оси, что будетъ способствовать большей вѣрности полета. Первый и кажущійся намъ столь несовершеннымъ способъ, имѣетъ, однако, свое преимущество въ большой легкости и несложности изготовленія и починки; и

¹⁾ Снѣмъ не согласится съ В. Г. Богоразомъ и Б. Ф. Адлеромъ, что бываютъ стрѣлы этого способа оперенія, съ однимъ лишь перомъ въ коллекціи Русскаго Музея есть нѣсколько подобныхъ экземпляровъ но всѣ они носятъ несомнѣнные признаки того, что второе перо утрачено, но безусловно существовало: стрѣла съ однимъ перомъ вообще не можетъ летѣть въ прямомъ направленіи. См. W. Bogoras, op. cit. 157. B. Adler. Der Nordasiatische Pfeil. Inaugural-Dissertation. Leiden. 1901.

Рис. 8.

быть можетъ, какія нибудь специфическія преимущества при особнхъ условіяхъ стрѣльбы. „Лукъ требуетъ отъ стрѣлка“, по мѣткому замѣчанію Макса Йана, „своего рода инстинкта, чтобы стать дѣйствительнымъ оружіемъ въ его рукахъ“.

Интересъ представляютъ двѣ стрѣлы (рис. 7 f, g), у которыхъ опереніе замѣнено утолщеніемъ около пяточной части древка. Первая имѣетъ плавное четырехгранное утолщеніе, вторая—четыре продольныя лопасти, вырѣзанныя изъ одного куска съ древкомъ.

Всѣ чукотскія стрѣлы имѣютъ на пяточномъ концѣ древка—полукруглый вырѣзъ для тетивы. Въ двухъ случаяхъ пятака костяная (рис. 1 а). „При стрѣльбѣ лукъ держатъ вертикально, а стрѣла помѣщается съ лѣвой стороны. Употребляется т. наз. средиземноморскій способъ натягиванія тетивы, т. е. при помощи двухъ первыхъ пальцевъ одновременно держащихъ стрѣлу. Поэтому, пятака стрѣлы часто имѣетъ овальное сѣченіе, для большаго удобства“¹⁾.

В. Г. Богоразъ предполагаетъ, что у чукчей существуетъ и монгольскій способъ натягиванія тетивы, на основаніи находенія у нихъ предохранительныхъ дощечекъ для большаго пальца; смѣемъ замѣтить, что упомянутая дощечка дѣйствительно имѣетъ большое сходство съ монгольской, но въ такомъ видѣ служить для защиты перваго сустава большаго пальца лѣвой руки отъ порѣзовъ, которые часто причиняются опереніемъ стрѣлы.

Суммируя данныя, можно утверждать, что желѣзныя острія чукотскихъ стрѣлъ въ значительной части являются копіями съ костяныхъ и шиферныхъ прежняго времени; кажущаяся разница появляется благодаря перемены матеріала. Желѣзо прочнѣе, а, главное, тяжелѣе; поэтому, чтобы сохранить прежнія баллистическія качества стрѣлъ, желѣзныя острія неизмѣнно дѣлаются болѣе облегченныхъ формъ, чѣмъ костяныя. Что касается острій граненыхъ и двулопастныхъ, то, по всей вѣроятности, они всецѣло заимствованы изъ глубины Азіатскаго материка при посредствѣ жоряковъ и русскихъ.

¹⁾ W. Bogoras. loc. cit.

Колчаны.

Чукотскіе колчаны для стрѣлъ одпообразны по формѣ: это продолговатыѣ, кожаный (иногда ровдужный) мѣшокъ, въ длинныя стороны котораго вшиты двѣ березовыя планки (рис. 8, с). Тыльная сторона (Рис. 8, d, e), въ верхней своей части, имѣетъ продольный разрѣзъ, снабженный двумя ровдужными завязками. Длина колчановъ 76—87 см. Ширина въ верхней части нѣсколько больше, чѣмъ въ нижней. Большое разнообразіе представляетъ лишь орнаментація лицевыхъ сторонъ колчановъ. Типичной принадлежностью ея служить довольно широкая полоса коричневой нерпичьей кожи, пришитая поперечно въ верхней части снаряда. По ней вышиты разноцвѣтными ремешками, а чаще оленьимъ волосомъ, очень схематическіе узоры.

Значеніе этихъ вышивокъ неизвѣстно, такъ какъ всѣ колчаны—издѣліе прежнихъ поколѣній и новыя не изготовляются. Быть можетъ, ихъ можно разсматривать какъ знаки собственности, но данныхъ для этого никакихъ не имѣется. Есть лишь косвенныя краткія и далеко не убѣдительныя замѣчанія В. Г. Богораза, что большая часть элементовъ чукотскаго орнамента, имѣетъ миеологическіе круги—рядъ сферъ вселенной и т. п. Остальная лицевая часть колчановъ, обычно покрыта бѣлымъ *камусомъ*, т. е. крѣпкимъ и гладкимъ кускомъ шкуры, содранной съ оленьихъ ногъ и служащимъ великолѣпнымъ по прочности и по предохраненію отъ сырости матеріаломъ. Въ камусъ врѣзаны и вшиты поперечные куски нерпичьей кожи, расшитые ремешками и оленьимъ волосомъ: иногда встрѣчается оторочка изъ пушистаго нерпичьяго мѣха, окрашеннаго въ оранжево-красный цвѣтъ настоемъ ольховой коры. Богатыя колчаны имѣютъ еще такъ называемыя пенакі—длиныя кисти изъ лоскуточковъ тюленьей шкурки, окрашенной вышеуказаннымъ способомъ.

Къ планкамъ длинныхъ сторонъ прикрѣпляются двѣ лямки изъ ровдуга, на которыхъ колчанъ носится за спиною, какъ ранецъ. Величина лямокъ регулируется такимъ образомъ, чтобы колчанъ висѣлъ за плечами нѣсколько наискось, для большаго удобства выниманія стрѣлъ черезъ

правое плечо. Уложенныя въ колчанъ стрѣлы выступаютъ наверху не больше 1—3 см. и, плотно прижатыя къ туловищу и защищенныя сверху отворотомъ воротника, почти не страдаютъ отъ непогоды.

Чтобы предохранить колчаны отъ сырости во время перевозки, изготовляются особые мѣшки изъ кожи или ровдуга, гдѣ можно помѣстить сразу нѣсколько колчановъ. На рис. 8 а, б изображенъ подобный мѣшокъ для колчановъ, размѣрами 90×27 см., сшитый изъ куска нерпичьей кожи.

Кн. Д. Ухтомскій.

Къ антропологiи сербовъ Королевства.

L'étude anthropologique des Serbes du royaume de Serbie.

Антропологическія измѣренія, послужившія матеріаломъ для настоящей работы, производились мною по порученію Русскаго Антропологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ лѣтомъ прошедшихъ 1911 и 1912 годовъ, главнымъ образомъ, надъ мужскимъ населеніемъ Королевства Сербіи. Всего измѣрено было сербовъ ♂—187 и ♀—8, причемъ большинство измѣренныхъ 93% крестьяне, изъ коихъ 77% сельскихъ хозяевъ, остальные ремесленники и другихъ профессій; лицъ интеллигентнаго рода занятій всего 7%.

Измѣренія и наблюденія производились по извѣстной системѣ Парижской Лабораторіи и Международному соглашенію, принятымъ въ кабинетѣ Географіи и Антропологiи С.-Петербургскаго Университета; изъ того-же Кабинета были получены мною и необходимые инструменты.

Считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что со стороны административныхъ лицъ и учреждений Сербіи во время моего тамъ пребыванія мнѣ оказывалось любезное вниманіе, а частныя лица проявляли большую заинтересованность и нерѣдко оказывали поддержку, безъ которой мнѣ трудно было бы выполнить взятую на себя задачу.

Полученный мною матеріалъ распределяется слѣдующимъ образомъ по административнымъ округамъ Сербіи:

въ Београдскомъ—23 суб.	въ Пежеревацкомъ—19	въ Ужицкомъ —28
„ Подринскомъ . 8	„ Моравскомъ . . 11	„ Нишскомъ . . 13
„ Вальевскомъ . 4	„ Крушевацкомъ . . 4	„ Враньскомъ . 27
„ Крагуевацкомъ 9	„ Рудницкомъ . . 11	„ Пиротскомъ . 3
„ Смедеревскомъ 23	„ Чачанскомъ . . . 12	

Что касается болѣе раннихъ антропометрическихъ изслѣдованій надъ сербами вообще, то таковыхъ произведено было весьма мало. Извѣстны работы Pittard'a ¹⁾, Lazare-

¹⁾ Pittard, E. Contribution à l'étude anthropologique des Serbes du royaume de Serbie. „Revue de l'Ecole d'Anthropologie“. 1910. Septembre

vitch'a ¹⁾ и Wiazemsk'ago ²⁾, относящихся къ сербамъ Королевства; насколько намъ извѣстно, другихъ излѣдованій произведено не было. Правда, А. А. Ивановскій въ своей книгѣ ³⁾ приводитъ еще результаты измѣреній Жупанича четырехъ сербовъ, но Жупаничъ измѣрялъ не сербовъ, а арбанасовъ (албанцевъ). О сербахъ же Краины имѣется небольшая работа Жупанича ⁴⁾, а Боснии, Герцеговины, Хорватии, Славонии и Далмаціи извѣстны труды Weisbach'a, на которые я и буду ссылаться въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Переходя къ разсмотрѣнію полученныхъ мною результатовъ, замѣчу, что всѣ наблюденія и измѣренія производились исключительно на взрослыхъ субъектахъ, и, какъ это видно изъ прилагаемой таблицы № 1, большинство измѣренныхъ было въ возрастѣ 21—40 лѣтъ.

Табл. № 1.

Сербы Королевства	Возрастъ age				
	по 20	21—30	31—40	41—50	51 и б.
	0,5	41,2	32,1	23,5	2,7

Разсматривая таблицу № 2, выражающую общее сложеніе, гдѣ 1 обозначаетъ слабое, 2 среднее и 3 крѣпкое тѣлосложеніе, мы видимъ, что значительное большинство нашихъ сербовъ—68,3% средняго тѣлосложенія съ примѣсю субъектовъ слабого сложенія; крѣпкое же встрѣчено было всего у 9,7%.

Табл. № 2.

Сербы Королевства	Сложеніе. Constitution					
	1		2		3	
	№	%	№	%	№	%
	41	22	127	68,3	18	9,7

¹⁾ Lazarevitch. Хигиенске околности. Belgrade 1890. (По Deniker'y. La taille en Europe. 1908).

²⁾ Wiazemsky. La coloration des cheveux, des yeux et de la peau chez les Serbes de la Serbie.

³⁾ А. А. Ивановскій. Населеніе земного шара. Труды антропологическаго Отдѣла, т. XXVII Извѣстія Имп. Общ. Любит. Ест., Антроп. и Этн. при Имп. Московскомъ Университетѣ. Москва 1911 г.

⁴⁾ Нико Жупанич. Жумберчани и Мариндолци. Београд, 1912 г.

Цвѣтъ волосъ и глазъ. При наблюденіи цвѣта волосъ и глазъ имѣлись въ виду три основныхъ цвѣта: для волосъ—свѣтлый, русый и темный, и для глазъ—свѣтлый, смѣшанный и темный. Какъ видно изъ прилагаемой таблицы № 3, большинство изслѣдованныхъ мною сербовъ темноволосые, русыхъ, приблизительно, въ два раза меньше послѣднихъ, а свѣтловолосыхъ весьма незначительное количество, всего 3.8%.

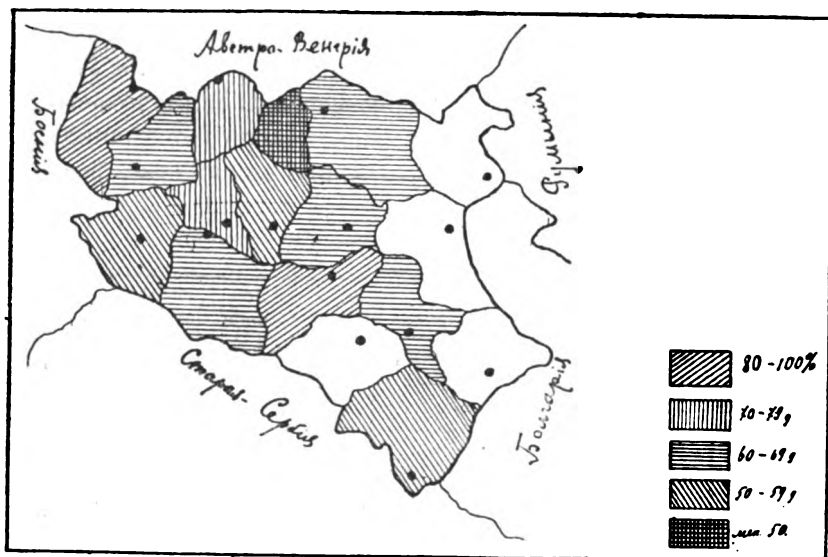
Табл. № 3.

Сербы Королевства	Цвѣтъ волосъ Couleur des cheveux						Цвѣтъ глазъ Couleur des yeux					
	свѣтлый blonde		русый châtain		темный brune		свѣтлый claire		смѣшан. mêlée		темный foncée	
	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%
	7	3,8	62	33,5	116	62,7	37	19,9	105	56,4	44	23,7

Что касается цвѣта глазъ, то въ этомъ отношеніи замѣчается отсутствіе какой бы то ни было постоянной пигментации, характерной для большинства сербовъ; основываясь на полученныхъ данныхъ, мы видимъ, что явно преобладаетъ смѣшанный цвѣтъ глазъ: онъ наблюдался у 56,4% темные глаза были встрѣчены у 23,7%; нерѣдко встрѣчаются и свѣтлые глаза, они наблюдались у 19,9%. Такимъ образомъ, пигментация глазъ у измѣренныхъ мною сербовъ не представляетъ опредѣленнаго и болѣе или менѣе характернаго типа окраски, такъ какъ за таковую, принимая во вниманіе наличность большого процента субъектовъ съ смѣшаннымъ цвѣтомъ глазъ, приходится признать смѣшанную.

Характеръ смѣшанныхъ цвѣтовъ глазъ преобладаетъ у сербовъ и по наблюденіямъ кн. Вяземскаго, который изслѣдовалъ пигментацию глазъ сербовъ школьнаго возраста. Не останавливаясь на болѣе подробномъ разсмотрѣніи цвѣта глазъ, въ виду указаннаго выше отсутствія опредѣленнаго характера окраски ихъ у моихъ сербовъ, обратимся къ географическому распредѣленію только темнаго цвѣта волосъ въ Королевствѣ, какъ наиболѣе характернаго изъ разсматриваемыхъ признака. Оказывается, что, какъ это видно изъ приводимой карты № 1, наибольшій про-

Карта № 1

центъ темноволосыхъ наблюдается въ Крушевацкомъ и Подринскомъ округахъ, наименьшій же наблюдался въ Враньскомъ округѣ, гдѣ темноволосыхъ всего 50%, а Смедеревскій округъ уже не имѣетъ даже большинства темноволосыхъ; въ остальныхъ округахъ, за исключеніемъ незаштрихованныхъ на картѣ, свѣдѣній о которыхъ у меня нѣтъ, темноволосые всюду составляютъ большинство.

Количество темноволосыхъ въ различныхъ округахъ выражается въ слѣдующихъ процентахъ:

въ Крушевацкомъ	окр. . 100%	въ Чачанскомъ	окр. . 66,7%
„ Подринскомъ	„ . 85,7 „	„ Вальевскомъ	„ . 66,6 „
„ Београдскомъ	„ . 76,2 „	„ Моравскомъ	„ . 63,6 „
„ Рудницкомъ	„ . 72,7 „	„ Ужичкомъ	„ . 59,3 „
„ Пожеревацкомъ	„ . 68,4 „	„ Крагуевацкомъ	„ . 55,5 „
„ Нишскомъ	„ . 66,7 „	„ Враньскомъ	„ . 50,6 „
	въ Смедеревскомъ	окр. . 43,5%	

Если мы теперь разсмотримъ, въ какомъ соотношеніи находится окраска волосъ и глазъ, то изъ таблицы № 4 увидимъ нѣкоторую правильность сочетанія однородныхъ цвѣтовъ волосъ и глазъ. Такъ, волосы свѣтлые сочетаются

Табл. № 4.

Сербь Королевства	свѣтлые blonds			русые châinst			темные bruns		
	съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux		
	свѣтл. clairs	смѣшан. mêlangés	темн. foncés	свѣтл. clairs	смѣшан. mêlangés	темн. foncés	свѣтл. clairs	смѣшан. mêlangés	темн. foncés
	7	—	—	25	37	—	5	67	44

съ свѣтлыми же глазами; почти такое же сочетание замѣчается русыхъ волосъ съ смѣшанными глазами: что же касается темной пигментаціи, то, хотя здѣсь и не наблюдается подобнаго совпаденія, такъ какъ среди темноволосяхъ большинство оказалось не темноглазое, а съ смѣшанными глазами, но во всякомъ случаѣ темноглазые субъекты были встрѣчены мною только среди темноволосяхъ; такимъ образомъ, частичное совпаденіе темной окраски волосъ и глазъ наблюдается и въ этомъ случаѣ.

Вообще же чистыхъ типовъ наблюдалось: темнаго 23,8% и свѣтлаго 3,8%, остальные 72,4% смѣшаннаго типа, что и указываетъ на значительное по моимъ наблюденіямъ преобладаніе у сѣрбовъ смѣшаннаго типа.

Просматривая работы Weisbach'a ¹⁾, замѣчаемъ, что преобладаніе смѣшаннаго типа надъ темнымъ встрѣчается также и у сербовъ Босніи, но у нихъ темнаго типа уже встрѣчается 43%; у сербохорватовъ замѣчаемъ преобладаніе темнаго типа надъ смѣшаннымъ, при большемъ, чѣмъ у насъ, процентѣ (17%), свѣтлаго типа; и, наконецъ, темный типъ наиболѣе ярко выраженъ у герцеговинцевъ, гдѣ онъ составляетъ 56% при 5% свѣтлаго типа.

Ростъ. Средній ростъ измѣренныхъ мною сербовъ, какъ это видно изъ таблицы № 5, высокій (1713), причѣмъ выше средняго роста встрѣчено было 26,88%, высокаго 55,87%, низкорослые же составляютъ всего 3,25% общаго числа измѣренныхъ.

Географическое распространеніе роста въ Королевствѣ представляетъ явленіе не лишнее нѣкотораго интереса.

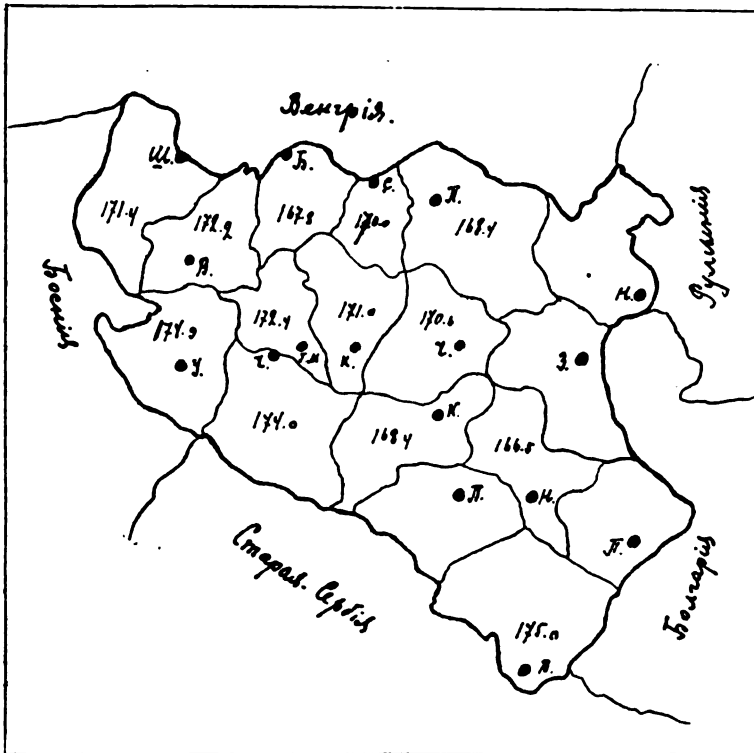
¹⁾ Литература указана ниже.

Табл. № 5.

Сербы Королевства	Число измѣр. Nombre des mes	Абсолютныя числа Chiffres absolus		Малый ростъ petite taille до (jusqu'à) 159,9		Нижесредній audessous de la moyenne 160,0—164,9		Вышесредній audessus de la moyenne 165,0—169,9		Высокій grande taille audessus de 1700	
		min.—max.	средн. моуен.	Число Nom- bre	%	Число Nom- bre	%	Число Nom- bre	%	Число Nom- bre	%
	186	1572—1913	1713	6	3,23	27	14,52	50	26,88	103	55,37

На прилагаемой картѣ № 2 я привожу среднюю роста измѣренныхъ субъектовъ, вычисленную для различныхъ округовъ Сербіи.

Карта № 2

Въ виду того, что мною измѣрено, сравнительно, небольшое количество сербовъ и притомъ на нѣкоторые округа

приходится всего нѣсколько человѣкъ (въ Вальевскомъ, напримѣръ, измѣрено 3 человѣка), я позволю себѣ замѣтить только въ формѣ предположенія слѣдующее: наблюдается, какъ это видно изъ разсматриваемой карты, постепенное повышеніе роста съ востока на западъ и съ сѣвера на югъ; самымъ высокимъ ростомъ (1750) въ Королевствѣ отличается Враньскій округъ, южная часть Сербіи, причемъ онъ, повидимому, врѣзывается рѣзкимъ клиномъ въ полосу роста выше средняго, идущую съ востока (сѣверная Болгарія, гдѣ ростъ 1664) ¹⁾ на западъ съ постепеннымъ повышеніемъ къ западу; полоса эта, кончая Нишскимъ (1665) и Крушевацкимъ (1684) округами, рѣзко переходитъ въ область высокаго роста (1740) Чачанскаго округа. Наконецъ, обратившись къ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ роста сербскихъ племенъ, живущихъ внѣ Королевства, видимъ, что такое распредѣленіе роста, т. е. постепенное повышеніе съ востока на западъ наблюдается и далѣе. Въ Босніи, по Вейсбаху, средній ростъ 1726, при 70,0% высокорослыхъ ²⁾, хотя по Capus'у ³⁾ средній ростъ 772 призывныхъ 1710 при 63,0% высокорослыхъ; въ Герцеговинѣ средній ростъ 1752, при 80% высокиихъ ⁴⁾. Послѣдній ростъ есть максимальная величина для роста сербовъ вообще. Удаляясь далѣе на западъ, замѣчаемъ уже пониженіе роста: такъ, средній ростъ сербохорватовъ (по терминологіи Weisbach'a) въ Славоніи 1700 и въ Хорватіи 1692 ⁵⁾, въ Истрии 1672, на островахъ Lussin, Cherzo и Veglia 1670 и въ окрестностяхъ Фиуме 1662 ⁶⁾; средній ростъ сербовъ Краины,

1) Wateff. Contribution à l'étude anthropologique des Bulgares. „Bull. et Mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris“ № 4. 1904.

2) Weisbach, A. Die Bosnier. „Mittheil. der Anthropol. Gesel. in Wien 1895, B. XXV., H. IV.

3) Capus, G. La taille en Bosnie. „Bull. de la Soc. d'Anthrop. de Paris.. VI. 1895.

4) Weisbach, A. Die Herzegoviner verglichen mit Cechen und... „Mittheil. der Anthropol. Gesel. in Wien. Supplement II. 1889.

5) Weisbach, A. Die Serbokroaten Kroatiens und Slavoniens. „Mittheil. der Anthropol. Gesel. in Wien“. B. XXXV, H. II u. III 1905.

6) Weisbach, A. Die Serbokroaten des Adriatischen Küstenländer. Anthropologische Studin „Zeitschrift für Ethnologie“, 1884, XVI. Jahrgang. Supplement.

Сербы Короле. ства	Число измѣр. Nombre des mesures	Продольн. діаметръ Diam. antero- poster.		Попереч. діам. Diam. transvers.	
		min.—max.	средн. moyen.	min.—max.	средн moyen
		187	166—204	185.55	144—170

правда, только 5 взрослых субъектов, 1726 ¹⁾, т. е. выше роста живущих сербовъ въ ближайшихъ территоріяхъ Хорватіи. Причину такого повышенія роста для Краины можно искать, во-первыхъ, въ томъ, что измѣрено слишкомъ незначительное количество, и полученная средняя можетъ измѣниться въ ту или другую сторону при увеличеніи числа измѣреній, и во-вторыхъ, высокій ростъ сербовъ Краины весьма вѣроятно, такъ какъ сербы являются здѣсь не кореннымъ населеніемъ, а пришедшимъ съ юга при передвиженіи на сѣверъ сербскихъ племенъ подъ вліяніемъ историческихъ условій.

У Lazarevitch'a ²⁾ находимъ близкій къ полученному мною средній ростъ сербовъ Королевства, равный 1709, при индивидуальныхъ колебаніяхъ отъ 1430 до 1870 и 40,6% высокорослыхъ.

Такимъ образомъ, сербы Королевства, какъ это видно по всѣмъ имѣющимся теперь даннымъ, высокорослые и съ большимъ процентомъ субъектовъ роста выше средняго.

Головной указатель. Обращаясь къ даннымъ, полученнымъ мною относительно головного указателя, изъ таблицы № 6 видимъ, что измѣренные сербы короткоголовы съ среднимъ указателемъ (84,68), причемъ большинство настояще брахицефалы, ихъ 65,77%, суббрахицефаловъ 23,51%, а мезоцефалы и долихоцефалы вмѣстѣ составляютъ всего около 10%, т. е. встрѣчаются весьма рѣдко; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что субъекты съ головнымъ указателемъ послѣднихъ двухъ кате-

¹⁾ Н. Жупанич. Жумберчани и Мариндолци. Београд 1912.

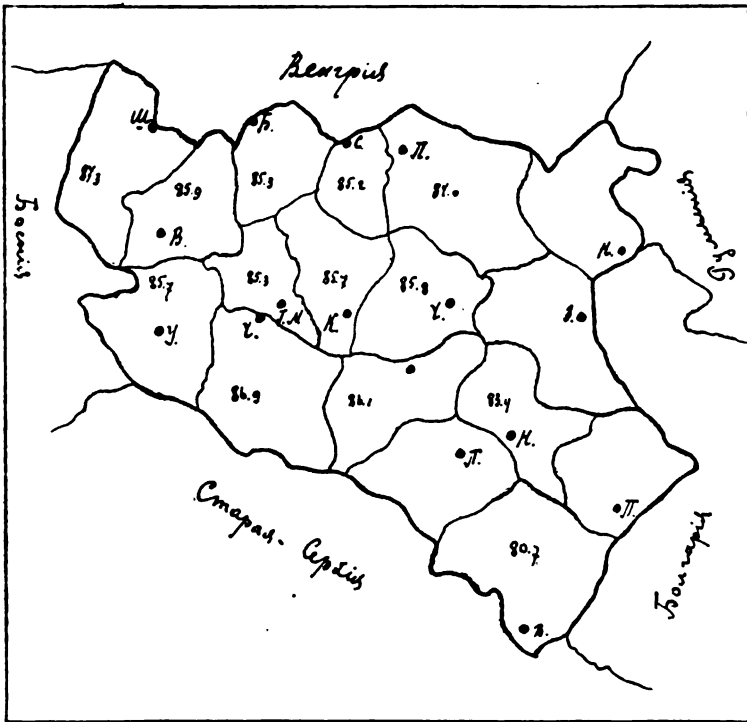
²⁾ Lazarevitch. Хигиенске околности. Belgrade 1890. (По Deniker'у. La taille en Europe 1908).

№ 6.

Головной указатель Indice céphalique		Долichoцеф. Dolichoceph.		Судолichoцеф. Sous-dolichoceph.		Мезоцеф. Mésacéph.		Суббрахиц. Sous-brachycéph.		Брахицеф. Brachycéph.	
min.—max.	средн. moyen.	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%
72,2—95,8	84,68	3	1,61	8	4,28	6	4,81	44	23,53	123	65,77

горій относится почти исключительно къ тому же Враньскому округу, который и по росту занимает особое положеніе, отмѣченное мною выше. Относительно долichoцефаловъ и судолichoцефаловъ оказалось, что всѣ субъекты этихъ двухъ категорій, отмѣченные мною въ разсматриваемой таблицѣ, принадлежать только одному Враньскому округу, что и не

Карта № 3

могло не отразиться на пониженіи среднего головного указателя для этого округа, въ сравненіи съ остальными округами Сербіи.

Изъ прилагаемой карты (№ 3) распредѣленія головного указателя по различнымъ округамъ видимъ, что головной указатель Враньскаго округа наименьшій (онъ=80,⁷) сравнительно съ остальными и приближается къ указателю этихъ послѣднихъ черезъ Нишскій, гдѣ указатель 83,⁴ и, вѣроятно, черезъ Топлицкій и Пиротскій округа, оставшіеся мною, къ сожалѣнію, неизслѣдованными. Означенные округа представляютъ, повидимому, особую антропологическую область (юго-востокъ Сербіи), головной указатель сербовъ которой рѣзко отличается отъ такового же прочихъ мѣстностей Королевства.

Относительно Враньскаго округа это ясно по указанному выше, а остальные округа я присоединяю пока въ эту „область“ условно, какъ непосредственно примыкающіе къ послѣднему. Они не могли не испытать вліянія происшедшихъ перемѣнъ въ составѣ населенія и близости территорій, населенныхъ другими народами. Отмѣченное пониженіе головного указателя, главнымъ образомъ Враньскаго округа, вызываетъ вопросъ: не является ли оно слѣдствіемъ возможнаго смѣшенія сербовъ съ сосѣдними болгарами, головной указатель которыхъ—79,⁶⁶ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно имѣть въ виду, что, до освобожденія этого края (1878 г.) отъ турецкаго владычества, его въ значительномъ количествѣ населяли албанскія племена, въ настоящее время совершенно ушедшія на югъ и смѣненные сербами Королевства и Старой Сербіи. Такимъ образомъ, не исключается возможность вліянія и албанцевъ на тѣ или иные антропологическіе признаки сербовъ разсматриваемаго края. Относительно болгарскаго вліянія я могу замѣтить, что между означенной областью Сербіи и Болгаріей не существуетъ строгой этнографической границы настолько даже, что является спорнымъ вопросъ принадлежности населенія западной Болгаріи къ болгарамъ или къ болгаризированнымъ

1) Wateff. Contribution à l'étude anthrop. des bulgares., Bull. et Mem. de la Soc. d'Anthrop. de Paris. № 4. 1904.

сербамъ. Такъ, уже при бѣгломъ знакомствѣ съ тѣми и другими бросаются въ глаза нѣкоторыя общія этнографическія особенности, напримѣръ, обычай праздновать день „славы“ находимъ у населенія западной Болгаріи, но только переименованный въ „имень данъ“¹⁾. Обычай этотъ съ давнихъ временъ является исключительно достояніемъ сербскаго народа. Замѣчается большое сходство и въ языкѣ—свободное взаимное пониманіе разговорной рѣчи. Интересно было бы выяснитъ, существуетъ ли болѣе или менѣе значительная разница въ антропологическихъ признакахъ рассматриваемаго пограничнаго населенія Сербіи и Болгаріи, но для выясненія этого вопроса необходимо имѣть болѣе обширный антропометрической матеріалъ, чѣмъ добытый до настоящаго времени. Во всякомъ случаѣ полученныя мною данныя позволяютъ предположить, что на пониженіе головного указателя Враньскаго округа, въ сравненіи съ остальными мѣстностями Сербіи, не малое вліяніе оказало населеніе прилегающей болгарской территоріи, головной указатель котораго, какъ было указано выше, довольно близокъ къ указателю рассматриваемыхъ сербовъ.

Одновременно съ этимъ считаю необходимымъ отмѣтить, что въ отношеніи роста Враньскій округъ, средній ростъ котораго (какъ указано выше=1750) рѣзко отличается отъ такового же сосѣдней Болгаріи, населеніе которой, имѣя средній ростъ 1660, не могло, конечно, оказать вліянія на повышеніе роста. Объясненіе же этого явленія приходится искать въ другомъ источникѣ.

Во всякомъ случаѣ, все вышеизложенное даетъ возможность видѣть, что населеніе юго-восточной Сербіи въ высшей степени смѣшанное, что оно пережило множество различныхъ вліяній, могущихъ такъ или иначе отразиться на его антропологическомъ типѣ.

Что касается головныхъ указателей остальныхъ округовъ Сербіи, то, какъ видно изъ рассмотрѣнія карты № 3, они почти одинаковы, съ нѣкоторымъ повышеніемъ только въ Крушевацкомъ (86,1) Чачанскомъ (86,9) на юго-западѣ

¹⁾ Николич, Р. Крајиште и Власина. Антропoгеографска проучавања. Београд. 1912.

Сербы Королевства	Число нѣмѣр. Nombre des mѣr.	Головной указатель Indice céphalique						
		Доликоцеф. dolichocéph.		Мезоцеф. mésoicéph.		Суббрахи. sousbrachyc.		Брахи. brachyc.
		№	%	№	%	№	%	
Нижесредн. и мал. ростъ	32	—	—	3	9,4	7	21,9	22
Вышесредн. ростъ . .	50	3	6	4	8	10	20	33
Высокій ростъ . .	103	7	6,8	2	1,9	26	25,3	68

и Подринскомъ (87,2) округѣ на сѣверѣ, но на этомъ я оставившись не буду, полагая, что такая особенность можетъ быть явленіемъ вполне случайнымъ, зависящимъ отъ незначительнаго числа измѣренныхъ.

Обращаясь къ вышеупомянутымъ работамъ Weisbach'a, замѣчаемъ, что головной указатель сербохорватовъ Босніи, Герцеговины, Хорватии и др. провинцій 85,7—85,9, т. е. близкій къ полученному мною для сербовъ. Географическое же распредѣленіе головного указателя показываетъ намъ постепенное увеличеніе его на западъ, достигающее высшей величины 87,2—87,9 у островнаго населенія Адриатическаго побережья.

У сербовъ Краины головной указатель для 7 взрослыхъ субъектовъ 85,97, а у 153 дѣтей различнаго возраста онъ колеблется отъ 85,82 до 86,30 ¹⁾.

Такимъ образомъ, сербы, какъ показываетъ имѣющійся матеріалъ, несомнѣнно короткоголовые, а мои измѣренія позволяютъ добавить, что случаи гипербрахицефалии, по крайней мѣрѣ у сербовъ Королевства, встрѣчаются нерѣдко, а долихо и мезатицефалии, напротивъ, весьма рѣдко.

Соотношеніе головного указателя, цвѣта волосъ и глазъ съ ростомъ. Изъ таблицы № 7 мы видимъ, что во всѣхъ категорияхъ роста большинство сербовъ брахицефалы съ темными во-

¹⁾ Жупанія Н. Жумберчани и Мариндолци. Београд. 1912.

№ 7

Цвѣтъ волосъ Couleur des cheveux						Цвѣтъ глазъ Couleur des yeux					
Свѣтл. blonde		Русый châtain		Темный brune		Свѣтл. claire		Смѣш. mêlée		Темный foncée	
№	%	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%
1	3,2	6	19,4	24	77,4	5	16,1	16	51,6	10	32,3
3	6	18	36	29	58	9	18	31	62	10	20
3	2,9	37	35,9	63	61,2	23	22,3	56	54,4	24	23,3

лосами и смѣшаннымъ цвѣтомъ глазъ. Среди субъектовъ ниже средняго и малаго роста совершенно отсутствуютъ долихоцефалы, тогда какъ брахицефаловъ у нихъ встрѣченъ наибольшій процентъ, равно какъ и наибольшій процентъ темноволосыхъ и темноглазыхъ; среди высокорослыхъ сербовъ чаще попадаются длинноголовые, чѣмъ среди другихъ категорій роста, между ними же сравнительно большой процентъ русоволосыхъ (хотя, какъ выше упомянуто,

Табл. № 8.

Сербы Королевства	Число Nomb.	Средняя роста
Судолихоцефалы . Dolichocéph . . .	10	1736
Мезоцефалы . . . Mésaticéph . . .	9	1672
Суббрахицефалы . Sous-brachycéph. .	44	1717
Брахицефалы . . . Brachycéph . . .	123	1733

остается большинство темноволосыхъ) и наибольшій процентъ свѣтлоглазыхъ, въ сравненіи съ субъектами всѣхъ другихъ категорій роста.

Отсюда можемъ заключить, что признаки длинноголовости и болѣе или менѣе свѣтлой пигментациі чаще встрѣчаются у высокорослыхъ, чѣмъ у малорослыхъ сербовъ.

Что же касается соотношенія головного указателя и роста, то изъ таблицы № 8 видно, что только мезатицефалы имѣютъ ростъ выше средняго (1672), всѣ же остальные въ среднемъ высокорослые.

Къ сожалѣнью, мы не имѣемъ данныхъ по этому вопросу относительно другихъ сербскихъ племенъ иныхъ территорій, поэтому теперь, какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, я принужденъ ограничиться только полученными мною данными.

Высота черепа и ширина лба. Высота черепа ¹⁾ (табл. № 9) у измѣренныхъ сербовъ оказывается небольшой со среднимъ указателемъ высоты (отношеніе высоты черепа къ продольному діаметру)—69,00, слѣдовательно, по принятому подраздѣленію измѣренные сербы Королевства могутъ быть отнесены къ низкоголовымъ—хамэцефаламъ.

Табл. № 9.

Сербь Королевства	Nombre	Высота черепа haut. du crâne		Указатель высоты ind. de la haut.	Наименьш. ширина лба diam. front. min.		При попер. діам.=100. diam. trans.=100.
		min.—max.	Средн. моуен.		min.—max.	Средн. моуен.	
	137	112—146,5	129,3	69,69	96—116	105,7	67,5

Наименьшая ширина лба тоже невелика, съ указателемъ 67,5 по отношенію къ поперечному діаметру, какъ это видно изъ той же таблицы.

Лицевой указатель, скуловой діаметръ и выступаніе скуль.

Собственно лицевой указатель—indice facial (Брока) сербовъ (табл. № 10) довольно значительный (101,53). Принимая

Табл. № 10.

Сербь Королевства	Nombre	Скуловой діаметръ diam. bizygomat.		Высота лобноподбородн. haut. ophryo-ment.		Указатель ана- тоич. лица ind. facial.
		min.—max.	Средн. моуен.	min.—max.	Средн. моуен.	
	187	128—159	142,7	121—161	140,54	101,53

¹⁾ Высота черепа измѣрялась отъ брегмы до середины козелка (tragus), а не до выемки между козелкомъ и завиткомъ (hélix), какъ это указано въ международномъ соглашеніи.

во вниманіе средніе размѣры скулового діаметра 142,7 (тамъ же), который, хотя и немного больше лобноподбородной высоты, равной 140,5, но сербовъ по моимъ измѣреніямъ можно отнести къ довольно широколицымъ.

Что касается общей высоты лица (отъ границы волосъ до нижняго края подбородка), то изъ таблицы № 11 заключаемъ, что она въ среднемъ у измѣренныхъ сербовъ большая. Большая высота лица наблюдалась мною у 46,47%, т. е. въ количествѣ немного меньшемъ сравнительно съ средней высотой лица.

Табл. № 11.

Сербь Королевства	Nombre	Общая высота лица haut. du visage					Указатель Indice	% %			
		min.—max	Средн. моуен.	% %				Лептопрозопы (до 70,00) Leptoprosoptes	Мезопрозопы (70,01 — 80,00) Mésoprosoptes	Хамэпрозопы (80,01 и 6.) Chaémprosoptes	
				Малая (до 170) Petite	Средняя (до 185) Moienne	Большая (186 и 6.) Grande					
	170	185—213,5	185,5	5,29	48,24	46,47	77,4	1,2	71,8	27,0	

Относительно указателя полной высоты лица—*indice du visage*, средняя котораго=77,4, слѣдуетъ отмѣтить большой процентъ (71,8) мезопрозоповъ и весьма малый лептопрозоповъ (1,2%), что позволяетъ причислить сербовъ къ среднелицымъ съ наклонностью къ широколицности.

Въ этомъ отношеніи къ моимъ сербамъ близко стоятъ герцеговинцы, которые (по Weisbach'y) имѣютъ лицевой указатель 78,34, при 59% мезопрозоповъ и 39% хамэпрозоповъ.

Выступаніе скулъ представлено мною въ таблицѣ № 12. Оказывается, что большинство измѣренныхъ сербовъ 47,54%

Табл. № 12.

Сербь Королевства	Выступаніе скулъ Saillie des pommettes							
	0		1		2		3	
	№	%	№	%	№	%	№	%
	11	6,01	87	47,54	81	44,26	4	2,19

имѣютъ незначительное выступаніе скуль, обозначаемое въ таблицѣ цифрой 1, почти столько же (44,2⁰/₀) встрѣчено было субъектовъ съ болѣе значительнымъ выступаніемъ 2, откуда видно, что сербы Королевства имѣютъ вообще слабое или среднее выступаніе скуль.

Размѣры нижней челюсти. Величина нижнечелюстного диаметра представлена мною на таблицѣ № 13, причемъ ока-

Табл. № 13.

Сербы Королевства	Число Nombre	Нижнечелюстной диаметръ diam. bi-goniaque		при скулов. diam.=100. diam. bizygo- mat=100.
		min.—max.	Средн. моуен.	
	187	90—127	109,05	76,41

зывается, что при скуловомъ диаметрѣ=100, она=76,41; высота же нижней челюсти (табл. № 14) равна въ среднемъ 49,1, а ея отношеніе къ высотѣ лобноподбородной—34,9.

Табл. № 14.

Сербы Королевства	Nombre	Высота нижней челюсти haut. mandib. buccoment.		при высотѣ лобнопод- родной=100 h. ophryo- menton=100
		min.—max.	Средн. моуен.	
	187	39—58	49,1	34,9

Форма и размѣры носа. Разсматривая таблицу № 15 и пользуясь классификаціей Деникера, видимъ, что измѣренныя сербы, имѣя въ среднемъ высоту носа 52,16 и ширину 35,74, оказываются въ большинствѣ лепторинами съ указателемъ 68,32. Въ виду того, что мною найденъ большой процентъ (64,2) лепториновъ, измѣренныхъ сербовъ надо признать длинноносыми и въ то же время узконосыми. При наличности въ нашемъ матеріалѣ 33,1% мезориновъ, слѣдуетъ отмѣтить чрезвычайно рѣдкіе случаи широконосости, встрѣченной среди измѣренныхъ мною сербовъ всего въ количествѣ 2,7⁰/₀

Табл. № 15.

Сербы Королевства	Число Nombre	Высота носа h. nasio-sousnasale		Ширина носа largeur du nez		Носовой указатель Ind. nasal	%		%		
		min.—max.	Средн. moyen.	min.—max.	Средн. moyen.		Лепторины (указат. до 70) Leptoriniens	Мезорины (указат. 70,01—85) Mésoriniens	Платирины (указат. 86 и 6.) Platyrhiniens		
	184	43—61	52,16	30,5—40,5	35,74	68,52	64,2	83,1	2,7		

Носовой указатель герцеговинцевъ (по Weisbach'y) 63,15, при 86% лепториновъ, 13% мезориновъ и 1% платириновъ. Обращаясь къ профилю носа, замѣчаемъ по табл. № 16, что около 60% было найдено сербовъ съ прямымъ профилемъ носа; нерѣдко встрѣчаются носы выгнутые (+1) и вогнутые (—1), послѣднія двѣ формы, какъ это видно изъ таблицы, распространены почти одинаково. Что касается носовъ орлиныхъ и съ профилемъ сильно вогнутымъ, то таковыя встрѣчаются весьма рѣдко.

Табл. № 16.

Сербы Королевства	Число Nombre	Профиль носа, profil du nez									
		+2		+1		0		-1		-2	
		№	%	№	%	№	%	№	%	№	%
	184	3	1,63	36	19,57	110	59,78	31	16,85	4	2,17

Изъ таблицы № 17 видимъ, что у большинства (59,2%) измѣренныхъ сербовъ выступаніе носа среднее (2), въ то же время довольно много было встрѣчено субъектовъ съ вы-

Табл. № 17.

Сербы Королевства	Число Nombre	Выступаніе носа proéminence du nez					
		1		2		3	
		№	%	№	%	№	%
	184	63	34,24	109	59,24	12	6,52

ступаніємъ носа незначительнымъ (1), что же касается очень большого выступанія (3), то послѣднее встрѣчено только у 6,11%.

Размѣры рта. Измѣренія рта, приводимыя въ таблицѣ № 18, показываютъ, что высота краевъ губъ, сравнительно,

Табл. № 18.

Сербы Королевства	Число Nombre	Ротъ (la bouche)		
		Высота краевъ губъ haut. des rebords des lèvres	Ширина рта largeur de la bouche	Губной указатель ind. buccal.
	187	12,1	51,9	23,3

небольшая, ширина же рта, а равно какъ и отношеніе высоты къ ширинѣ, т. е. губной указатель, среднія.

Длина и форма глазного отверстія. Разсматривая таблицу № 19, видимъ, что въ среднемъ длина глазного от-

Табл. № 19.

Сербы Королевства	Число Nombre	Глаза (les yeux)		
		Внутренній діам. угловъ глазъ diam. bian- gulaire int.	Внѣшн. діам. угловъ глазъ diam. biangu- laire ext.	Глазное отверстіе long. de l'ouverture palpébrale
	186	33,85	90,20	28,17

верстія у измѣренныхъ сербовъ = 28,17 весьма близкая къ той же длинѣ у гуцуловъ, гдѣ она 28,7 ¹⁾.

Измѣренія разрѣза глазъ ²⁾ показываютъ, что большин-

¹⁾ Вовк. Хв. Антропометричні дослѣди українського населення Галичини, Буковини й Угорщини. I. Гуцули. Мат. до Україн. Руськ. Етнол., вид. Етн. Ком. Наук. Товар. ім. Шевченка у Львові X. 1908.

²⁾ Измѣренія производились съ помощью транспорта съ отвѣсомъ.

Табл. № 20.

Сербы Королевства	Косой разръзъ глазъ obliquité des yeux									
	0°		1°—5°		5°—10°		10°—15°		15° и б.	
	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%
	2	1,11	37	20,56	95	52,78	38	21,11	8	4,44

ство изслѣдованныхъ мною сербовъ (52,78%) имѣютъ уголь разръза между 5° и 10°, какъ видно изъ таблицы № 20; въ среднемъ для всѣхъ измѣренныхъ субъектовъ этотъ уголь равенъ 7,5°. Гораздо рѣже встрѣчаются субъекты съ угломъ косого разръза глазъ меньшимъ 5° и большимъ 10°.

Табл. № 21.

Сербы Королевства	Большая ось уха grand axe de l'oreille				Малая ось уха petit axe de l'oreille				Ушной указат. ind. de l'oreille
	min.—max.	Средн. моуен.	Высота лица=100 H. de visa- ge=100	Ростъ=100 Taille=100	min.—max.	Средн. моуен.	Высота лица=100 H. de visa- ge=100	Ростъ=100 Taille=100	
	52—71	64,11	34,4	37,4	30—41	36,12	19,4	21,1	56,3

Величина и форма уха. Въ таблицѣ № 21 представлены среднія величины большой и малой осей уха, ихъ взаимное отношеніе, ушной указатель, и отношеніе къ общей высотѣ лица и къ росту. Разсматривая эту таблицу, замѣчаемъ, что изслѣдуемые сербы имѣютъ не очень большой ушной указа-

Табл. № 22.

Сербы Королевства	Оттопыренность уха Ecartement de l'oreille							
	0		1		2		3	
	№	%	№	%	№	%	№	%
	22	11,83	105	56,45	55	29,57	4	2,15

тель. Что касается оттопыренности уха, то изъ таблицы № 22 видимъ, что у большинства (56,45%) сербовъ ухо оттопырено незначительно (1), у 29,17% оттопыренность уха нѣсколько большая (2), весьма же сильная оттопыренность (3), т. е., когда ушная раковина поставлена къ черепу почти подъ прямымъ угломъ, встрѣчается весьма рѣдко; прижатые уши встрѣчаются значительно рѣже оттопыренныхъ.

Длина конечностей, туловища и бюста. Въ таблицѣ № 23 я привожу длину рукъ и туловища измѣренныхъ мною сербовъ.

Табл. № 23.

Сербы Королевства	Число Nombre	Верхнія конечности Extrémités super.			Длина туловища Long. du tronc		
		Длина Longueur	При бюстѣ =100 Buste=100	При ростѣ =100 Taille=100	Число Nombre	Средн. моуен.	При ростѣ =100 Taille=100
	172	74,75	86,7	43,6	175	57,75	33,44

Имѣя въ виду подраздѣленіе Ивановскаго и разсматривая таблицу, замѣчаемъ, что длина руки въ сравненіи съ бюстомъ довольно большая, а относительно роста—сред-

Табл. № 24.

Сербы Королевства	Число Nombre	Высота бюста haut. du buste			Нижнія конечн. Extrém. infer.		
		min. — max.	Средн. моуен.	При ростѣ=100 Taille=100	Длина longueur	При бюстѣ=100 buste=100	При ростѣ=100 Taille=100
	175	71—102	88,38	51,28	82,9	93,6	48,03

няя; длина туловища при ростѣ=100 не очень значительная. Обратимся къ таблицѣ № 24, показывающей высоту бюста и длину нижнихъ конечностей. Высота бюста полу-

чена измѣреніемъ роста сидя, а длина ногъ вычитаніемъ изъ роста стоя высоты бюста. Изъ разсматриваемой таблицы видно, что длина ноги у измѣренныхъ сербовъ по сравненію съ бюстомъ большая.

Въ таблицѣ № 25 указано распределеніе полученнаго мною матеріала, согласно предложенной проф. Manouvrier классификаціи указателя скеліи (отношенія между бюстомъ и нижними конечностями), еще, къ сожалѣнію, неопубликованной¹⁾. Отсюда видно значительное преобладаніе у изслѣдуемыхъ сербовъ длинноногихъ субъектовъ, такъ: макроскеловъ и сумакроскеловъ мною встрѣчено 62.9%, а гипермакроскеловъ, т. е. субъектовъ, у которыхъ ноги длин-

Табл. № 25.

Сербы Королевства	Hyperbrachyskélie au dessous 75.		Brachyskélie de 75—79,9		Sous-brachyskélie 80,0—85		Mésatskélie 85,0 - 89,9		Sous-macro-skélie 90,0—94,9		Macroskélie 95,0—99,9		Hypermacro-skélie 100,0	
	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%	№	%
	—	—	—	—	10	5,7	33	18,8	64	36,6	46	26,3	22	12,6

нѣе бюста, 12.6%, остальные являются средненогими. Что касается болѣе или менѣе коротконогихъ, въ сравненіи съ бюстомъ, то таковыхъ среди измѣренныхъ сербовъ совершенно не наблюдалось.

Заканчивая разсмотрѣніе полученнаго мною матеріала при измѣреніи сербовъ Королевства, я приведу еще двѣ таблицы, показывающія: № 26—длину *soudée* и высоту колѣна, и № 27—размѣры кисти, ступни и *calcaneum*.

Къ сожалѣнію, сравнить полученные мною результаты въ данномъ отношеніи съ таковыми же другихъ изслѣдователей сербскихъ племенъ я лишенъ возможности такъ какъ таковыхъ измѣреній совершенно не производилось.

¹⁾ Взято изъ письма проф. L. Manouvrier къ Э. К. Волкову.

Табл. № 26.

Сербы Королевства	Длина отъ локтя до конца средн. пальца Coudée			Высота колѣна haut. du genou		
	№	Средн. моуен.	При ростѣ=100 taille=100	№	Средн. моуен.	При ростѣ=100 taille=100
	170	44,10	25,5	169	45,9	26,7

На основаніи рассмотрѣнныхъ антропологическихъ признаковъ, приведу слѣдующую физическую характеристику измѣренныхъ мною мужчинъ сербовъ Королевства.

Сербы средняго тѣлосложенія съ значительной примѣсью слабыхъ и небольшимъ количествомъ плотныхъ и коренастыхъ. Цвѣтъ волосъ у большинства темный съ большой примѣсью каштановыхъ. Ростъ высокій при большой длинѣ ногъ (sousmacroskéles и macroskéles).

Табл. № 27.

Сербы Коро- левства	Кисть руки main					Ступня ноги pied					Calcaneum		
	№	Длина longeur	Ширина largeur	Ш. при длинѣ=100 long=100	Д. при ростѣ=100 taille=100	№	Длина longeur	Ширина largeur	Ш. при длинѣ=100 long=100	Д. при ростѣ=100 taille=100	№	Длина longeur	При длинѣ ступни=100 long. du pied=100
	120	19,96	9,32	46,7	11,7	115	26,37	10,69	40,5	15,6	114	6,55	24,1

По головному указателю наши сербы явно короткоголовые, причѣмъ долихоцефаловъ и мезоцефаловъ весьма мало (тѣхъ и другихъ около 11%).

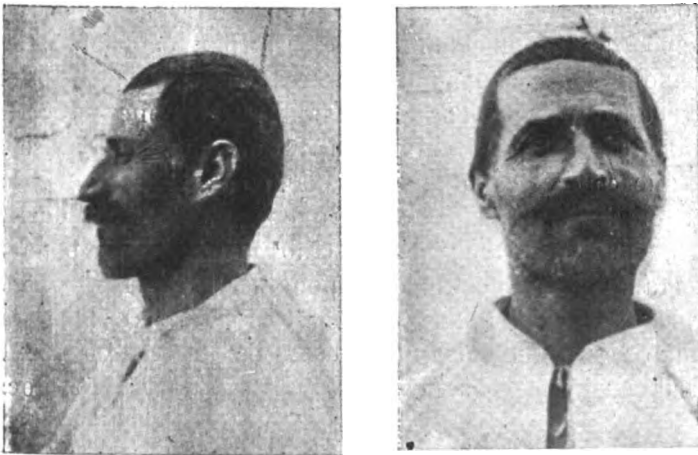
Сербы низкоголовы, среднелицы съ наклонностью къ широколицости; общая высота лица (visage) значительная; выступаніе скулъ болѣе или менѣе большое. Носъ довольно длинный, узкій, прямой, иногда слегка вогнутый или выгнутый съ среднимъ выступаніемъ; волнистость носа наблюдалась у 27, %. Размѣры рта средніе. Зубного прогнатизма нѣтъ. Глаза открыты; уголь разрѣза средней величины; глазное отверстіе небольшое; монгольскаго вѣка не наблюдалось. Ухо средней величины или же довольно большое и оттопы-

Сербъ изъ Београдскаго округа (№ 107).

рено у большинства незначительно, хотя часто встрѣчается и значительная оттопыренность.

Далѣе я позволю себѣ описать результаты моихъ измѣреній сербокъ Королевства, но, такъ какъ измѣрить удалось только 8 женщинъ въ возрастѣ 16—46 лѣтъ (количество незначительное для какихъ либо опредѣленныхъ

Сербъ изъ Нишскаго округа (№ 166).

суждений), то я ограничусь только перечисленіемъ среднихъ размѣровъ.

Сложение этихъ сербовъ среднее у пяти и слабое у трехъ, пигментация смѣшанная; ростъ 1593; головной указатель 82.1, при продольномъ діаметрѣ 179.1 и поперечномъ 148.1; наименьшая ширина лба 103; скуловой діаметръ 134.1, нижнечелюстной 96.1; выступаніе скулъ у пяти—1 и у трехъ—2; высота черепа 123; общая высота лица 179; высота лобноподбородная 131.1; длина 48.1 и ширина носа 31.1, профиль и выступаніе носа разнообразное; внутренній діаметръ уголъ глазъ 33.1, внѣшній 87.1, уголъ разрѣза различный—отъ 0° до 15°; высота краевъ губъ 14.1, ширина рта 50.1; высота нижней челюсти 45.1; большая ось уха 59.1, малая 31.1 и оттопыренность уха 1; зубной прогнатизмъ наблюдался у трехъ сербовъ.

Все выше сказанное даетъ возможность уяснить себѣ существующую антропологическую разницу между современными двумя главными племенами одной группы сербскаго народа, между сербами Королевства и сербохорватами, пользуясь терминалогіей Weisbach'a, а также между сербами Королевства и сербами Босніи съ Герцеговиной. Разсмотрѣвъ болѣе доступные намъ признаки, вслѣдствіе большаго количества матеріала: ростъ, головной указатель и пигментацию,—можемъ заключить ¹⁾, что ростъ у сербохорватовъ нѣсколько меньшій, а головной указатель немного большій, чѣмъ у сербовъ Королевства, пигментация же у сербовъ въ общемъ темнѣе, чѣмъ у сербохорватовъ. У босняковъ какъ головной указатель, такъ и ростъ больше, чѣмъ у сербовъ Королевства, большій же процентъ у нихъ и темнаго типа. Герцеговинцы имѣютъ головной указатель тоже выше сербскаго, ростъ ихъ значительно большій, достигающій максимальной величины среди всѣхъ сербскихъ племенъ, какъ было уже указано выше, у нихъ наблюдается также и наибольшій процентъ темноволосыхъ и темноглазыхъ.

Однако, всѣ вышеуказанныя различія сербскихъ племенъ существеннаго значенія не имѣютъ, такъ какъ они носятъ

¹⁾ Цифровыхъ данныхъ я здѣсь приводить не буду, онѣ указаны чѣше, въ соответствующихъ мѣстахъ.

Сербъ изъ Нишкаго округа (№ 144).

характеръ областныхъ измѣненій тѣхъ или иныхъ признаковъ, путемъ усиленія или ослабленія ихъ; несомнѣнность же единства антропологическаго типа всѣхъ сербскихъ племенъ остается очевидной. Н. Жупаничъ ¹⁾ пы-

Сербъ изъ Враньскаго округа (№ 140).

¹⁾ Н. Жупанич. Жумберчани и Мариндолци. Београд. 1912.

тается доказать существованіе разницы между сербами и хорватами и приходитъ къ заключенію, что „сербское племя отличается отъ хорватскаго; ихъ надо разсматривать какъ этнологическія единицы, составляющія одну націю; они различаются въ смыслѣ физическомъ, въ смыслѣ духовной и матеріальной культуры, а также и въ смыслѣ языка“. Эти различія, въ извѣстной степени вполне допустимыя, не даютъ достаточно данныхъ, чтобы можно было ставить ихъ въ основу раздвоенія антропологическаго типа сербскаго народа. Всевозможныя уклоненія въ ту или иную сторону вполне естественны, но наряду съ ними, во всякомъ случаѣ, можетъ сохраняться антропологическое единство, подтверждаемое всѣми антропометрическими данными, разобранными нами выше.

Изъ всего здѣсь изложеннаго съ полной увѣренностью, насколько позволяютъ увѣренно говорить полученные мною результаты измѣреній, можно заключить, что сербы Королевства должны быть причислены къ той темноволосой, рослой и короткоголовой адриатической расѣ, къ которой Деникеръ ¹⁾ только въ видѣ предположенія причислялъ и сербовъ, главными представителями которой являются босняки, далматинцы, хорваты и украинцы.

Считаю необходимымъ замѣтить еще, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ ближе къ сербамъ, считая въ числѣ ихъ и хорватовъ, стоятъ по:

головному указателю:	росту
Гуцулы . . . 84. , (Волковъ)	Гуцулы . 169.4 (Волковъ)
Русины . . . 84.44 (Weisbach)	Украинцы 166.8 (по А. Ивановскому)
Славинцы . 84. 3 (Weisbach)	Чехи . . . 166.7 (Weisbach)
Чехи 84.14 (Weisbach)	Бѣлоруссы 166.7 (по А. Ивановскому)
Украинцы . 83.37 (Волковъ)	Болгары . 166.4 (Wateff)

характеру пигментации

Чехи . . 11% свѣтл., 54% смѣшан., 35% темн. типа (Weisbach)
Русины . 24% " 50% " 26% " (по А. Ивановскому)
Украинцы 31% " 42% " 27% " (по А. Ивановскому)
Болгары 7% " 47% " 46% " (Wateff)
Гуцулы . 4% " 35% " 61% " (Волковъ)

¹⁾ Деникеръ. Человѣческія расы. СПб. 1902, стр. 411.

Сербъ изъ Београдскаго окр. (№ 108). Сербъ изъ Ужицкаго окр. (№ 162).

Отсюда видно, что къ племенамъ, наиболѣе близкимъ къ сербамъ, надо отнести, судя по разсматриваемымъ тремъ признакамъ, кромѣ, территоріально ближайшихъ славинцевъ, данныя объ измѣреніяхъ которыхъ имѣются весьма скудныя,—украинскія племена, главнымъ образомъ, гуцуловъ, являющихся какъ бы связывающимъ звеномъ съ одной

Сербъ изъ Нишскаго округа (№ 142).

стороны сербовъ, а съ другой русиновъ и украинцевъ Россіи. Такимъ образомъ, весь полученный до сихъ поръ антропометрической матеріалъ о сербскихъ племенахъ позволяетъ усмотрѣть высказанныя положенія относительно близости сербовъ къ другимъ славянскимъ народамъ. Въ виду того однако, что сербовъ въ общемъ измѣрено сравнительно немного, подтвержденія полученныхъ мною результатовъ изслѣдованія и степени близости сербовъ къ другимъ славянскимъ народамъ нужно ожидать въ дальнѣйшихъ и на болѣе обширномъ матеріалѣ произведенныхъ антропологическихъ изслѣдованій сербскаго народа.

А. З. Носовъ.

Жировыя лампочки у приполярныхъ народовъ.

Les lampes à graisse chez les peuples arctique.

Народы арктическихъ областей Сѣверной Америки и Сѣв.-Вост. части Азіи тѣсно связаны между собою въ этническомъ отношеніи и поэтому въ ихъ этнографіи мы встрѣчаемъ очень много вполне аналогичныхъ явленій. Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ коснуться лишь одного такого предмета—жировыхъ лампъ, распространенныхъ повсемѣстно въ этомъ районѣ и представляющихъ весьма любопытныя особенности. Долженъ оговориться, впрочемъ, что настоящее сообщеніе носитъ характеръ только предварительной замѣтки, такъ какъ для болѣе основательной обработки этого сюжета надо дожидаться опубликованія результатовъ раскопокъ В. И. Юхельсона, на Алеутскихъ островахъ, которыя могутъ дать весьма интересный матеріалъ.

Жировая лампочка или *жирникъ* въ С.-В. Азіи, на Аляскѣ и по сѣвернымъ побережьямъ Америки является принадлежностью каждаго семейнаго очага, каждой семьи; по многочисленнымъ свидѣтельствамъ всѣхъ путешественниковъ и изслѣдователей, въ жилищѣ имѣется столько жирниковъ, сколько въ данномъ жильѣ помѣщается замужнихъ женщинъ. Кромѣ освѣщенія, жирникъ служитъ повсемѣстно и для кухонныхъ надобностей, замѣняя собой пламя костра. Это разнообразіе назначеній создало большое количество прочно выработавшихся типовъ, которые измѣняются въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, матеріала и назначенія.

Вопросъ о жировыхъ лампахъ былъ въ свое время прекрасно разработанъ Walter Hough'омъ въ его *The lamp of the Esquimo* (Report of the U. S. National-Museum for 1896 p.p. 1025—1056); здѣсь использованъ громадный матеріалъ, хранящійся въ Національномъ музеѣ въ Вашингтонѣ и въ Королевскомъ Копенгагенскомъ. Въ сферу изслѣдованія вошли лишь эскимосы и алеуты.

Въ настоящее время, послѣ работъ Богораза, Юхельсона

и на основаніи коллекціи Сокольникова и Логиновскаго ¹⁾ накопилось много новаго матеріала, дѣлающаго необходимымъ переизданіе работы Hough'a, тѣмъ болѣе, что онъ отнесся къ своей задачѣ черезчуръ протокольно, точно описывая каждую лампу, приводя рисунокъ и разрѣзъ, при полномъ почти отсутствіи общихъ выводовъ. Одинъ изъ выводовъ, что размѣръ лампы прогрессивно увеличивается по направленію къ сѣверу, по замѣчанію самого автора, не всегда оказывается справедливымъ. Намъ кажется, однако, что жирники слѣдуетъ классифицировать не по видѣвшей формѣ и размѣрамъ, а по техническому устройству.

Жировая лампочка основана на слѣдующемъ принципѣ. Неглубокій каменный или глиняный сосудъ имѣетъ одну гладкую закраину, на которой помѣщаютъ фитиль, сдѣланный обычно изъ размельченнаго оленьяго мха. Освѣтительнымъ матеріаломъ служитъ жиръ морскихъ млекопитающихъ или сало, вытопленное изъ оленьихъ костей; последнее, по словамъ В. Г. Богораза—предпочитается, такъ какъ даетъ меньше копоти и пламя излучаетъ больше тепла ²⁾.

Если разбить имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ на группы, основываясь на техническомъ устройствѣ лампъ, то получимъ три основныя группы.

I.

Первая группа—самая южная и самая несложная по устройству жирника. Здѣсь жирникъ имѣетъ своимъ прототипомъ плоскую гальку, искусственно углубленную въ верхней своей части (см. рис. 1—3). Такимъ мы его и находимъ въ археологическихъ находкахъ Dall'я ³⁾, на Алеутскихъ островахъ (рис. 1) и на Карагинскомъ островѣ въ раскопкахъ Логиновскаго ⁴⁾ (рис. 2). Сходство жирниковъ

¹⁾ См. выше, мою статью „Чукотскія стрѣлы“.

²⁾ W. Bogoras. The Chukchee, p. 185.

³⁾ W. Hough. The lamp of the Esquimo pl. 22, 23.

⁴⁾ Колл. Русскаго музея Императора Александра III. № 2151.

на рис. 1 и 2 такъ велико, что заставляетъ предполагать необходимость связи между Алеутскими островами и Карагинскимъ островомъ, что и является вполне возможнымъ, имѣя промежуточнымъ этапомъ группу Командор-

Рис. № 1.

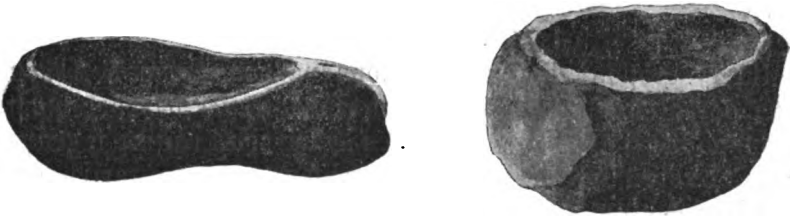

Рис. № 2.

Рис. № 3.

скихъ острововъ. Послѣдніе совсѣмъ еще не изслѣдованы въ археологическомъ отношеніи, должно быть вслѣдствіе предположенія о полной ихъ необитаемости въ прежнее время, такъ какъ нынѣшнее алеутско-камчадалское население привезено туда Россійско-Американской Компаніей. Описанный типъ первобытнаго жирника эволюционировалъ на двухъ противоположныхъ концахъ островной цѣпи въ весьма схожія между собой формы. Рис. 4 изображаетъ керекскую ¹⁾ жировую лампочку, которая встрѣчается также по берегамъ Охотскаго моря у „сидячихъ“ коряковъ. На ряду съ этой формой встрѣчается и очень первобытная, примитивно выдолбленная изъ куска мягкаго камня. Другая разновидность этого типа жирниковъ имѣетъ форму удлиненной чашки, но принципъ одинъ и тотъ же.

¹⁾ Изъ колл. Логиновскаго въ Русскомъ музеѣ И. А. III.

Весьма вѣроятно, что удастся прослѣдить послѣдовательную смѣну различныхъ формъ изъ дневника раскопокъ В. И. Юхельсона, во время экспедиціи Рябушинскаго, а также установить и перечень всѣхъ встрѣчающихся на Алеутскихъ островахъ разновидностей.

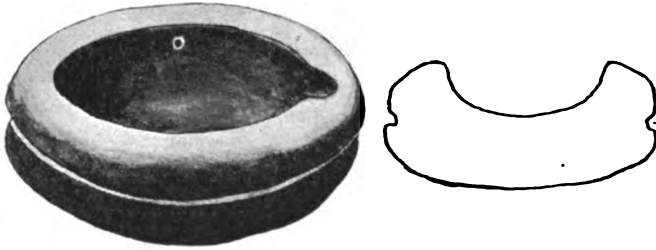

Рис. № 4.

По ту сторону Берингова моря на полуостровѣ Аляскѣ и на островѣ Кадьякѣ мы встрѣчаемъ иную разновидность жирниковъ. Здѣсь они дѣлаются уже изъ глины и благодаря легкости въ формовкѣ матеріала пріобрѣтаютъ правильную форму круглыхъ чашекъ (рис. 5). Намъ кажется,

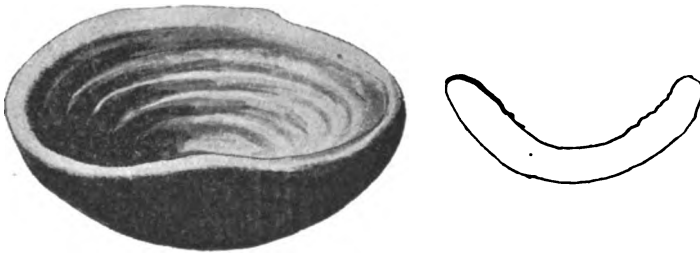

Рис. № 5.

что мы не особенно удаляемся отъ истины, предполагая близкое родство этихъ лампочекъ съ вышеприведенными образцами.

II.

Во вторую группу выдѣленъ нами рядъ жирниковъ весьма схожихъ между собою и бѣдныхъ вариантами. Нап-

болѣе типичную форму имѣеть жирникъ, изображенный на рис. 6 изъ Repulse Bay. Всѣ жирники этого типа имѣють полукруглую или полуовальную форму съ одной

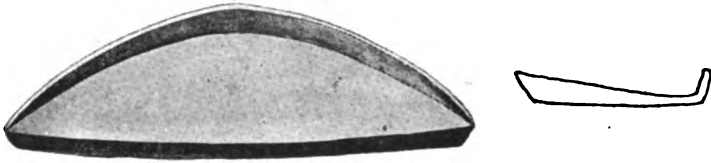

Рис. № 6.

лишь закраинной у сосуда. Противоположный конецъ всегда болѣе или менѣе приближается къ прямой линіи и мягко спадается въ дно сосуда. Мы воздерживаемся отъ подробнаго разбора этого типа, такъ какъ не имѣли въ рукахъ ни одного экземпляра къ нему относящагося, а основываться на однихъ лишь рисункахъ W. Hough'a, недостаточно удовлетворительныхъ, было бы рискованно.

III.

Третій типъ имѣеть такую характерную особенность, что родство этихъ жирниковъ между собою не подлежитъ никакому сомнѣнію. Внѣшняя форма здѣсь не играетъ никакой роли. Внутренность же жирниковъ этого типа загорожена поперечнымъ „мостикомъ“ (bridge), имѣющимъ слѣдующія преимущества: а) горючее вещество медленно переливается изъ одного отдѣленія въ другое, чѣмъ предохраняетъ отъ нечаяннаго выплескиванія топлива изъ сосуда при накрененіяхъ; б) застывшіе куски сала и жира подкладываются въ противоположное отъ фитиля помѣщеніе, гдѣ таютъ равномерно и пополняютъ убыль горючаго матеріала.

Разновидности этого типа довольно многочисленны. У оленныхъ чукчей и коряковъ употребляется лампочка небольшой величины, сдѣланная обычно изъ камня. Форма ея вполне ясна изъ рис. 7. Иногда мостокъ бываетъ раздвоенъ посрединѣ, и тогда лампочка имѣеть видъ представленный на рис. 8.

Для кухонныхъ цѣлей чукчи и сибирскіе эскимосы употребляютъ схожія же лампы, но, такъ сказать, сдвоен-

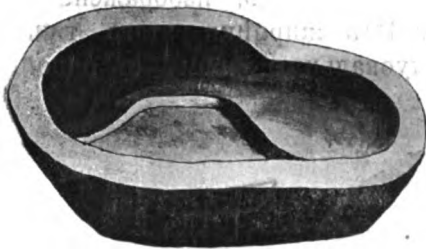

Рис. № 7.

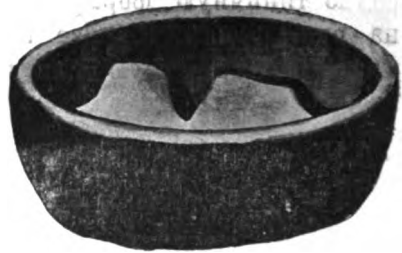

Рис. № 8.

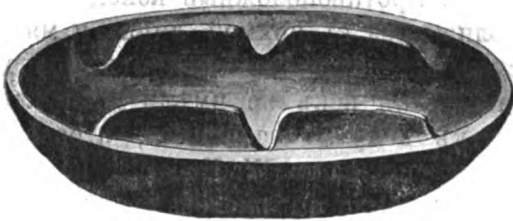

Рис. № 9.

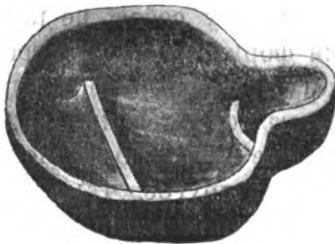

Рис. № 10.

ныя; у нихъ два „мостика“ и соотвѣтственно двѣ фитильныхъ закранны (рис. 9).

Жировыя лампочки, устроенныя на томъ же принципѣ, распространяются далѣе къ востоку на остр. св. Лаврентія (рис. 10), Аляскѣ (рис. 11), въ устьяхъ рѣки Макенаи (рис. 12) и на крайнемъ сѣверѣ Гренландіи (рис. 13).

Опытъ нанесенія на прилагаемую карту распространенія по районамъ всѣхъ трехъ типовъ далъ довольно цѣльную картину.

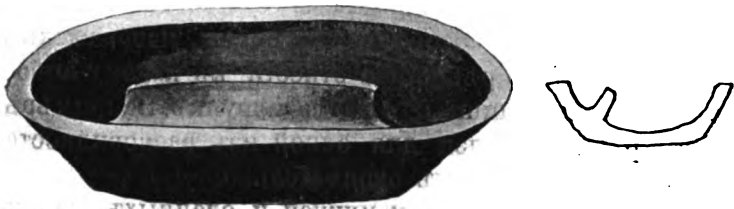

Рис. № 11.

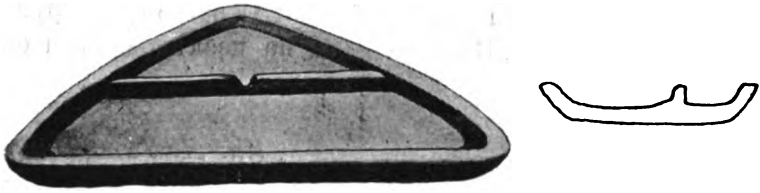

Рис. № 12.

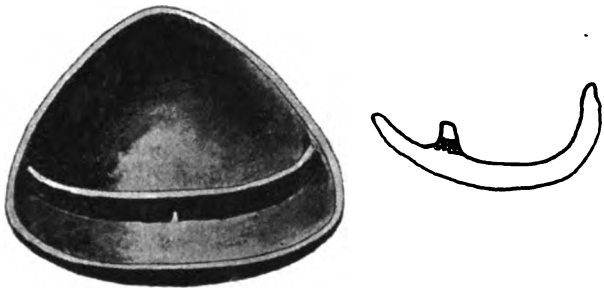

Рис. № 13.

Типъ I весь располагается въ бассейнѣ Берингова моря, встрѣчаясь къ сѣверу отъ него лишь случайно въ окрестностяхъ мыса Барроу (Barrow). Последнее явленіе вполне объяснимо свидѣтельствомъ Нельсона ¹⁾ о многочисленныхъ военныхъ походахъ эскимосовъ съ юга на сѣверъ во время, непосредственно предшествовавшее приходу въ край русскихъ.

Типъ II можетъ быть названъ Атлантическимъ, мы его встрѣчаемъ лишь на Лабрадорѣ, Баффиновой землѣ и въ южной части Гренландіи.

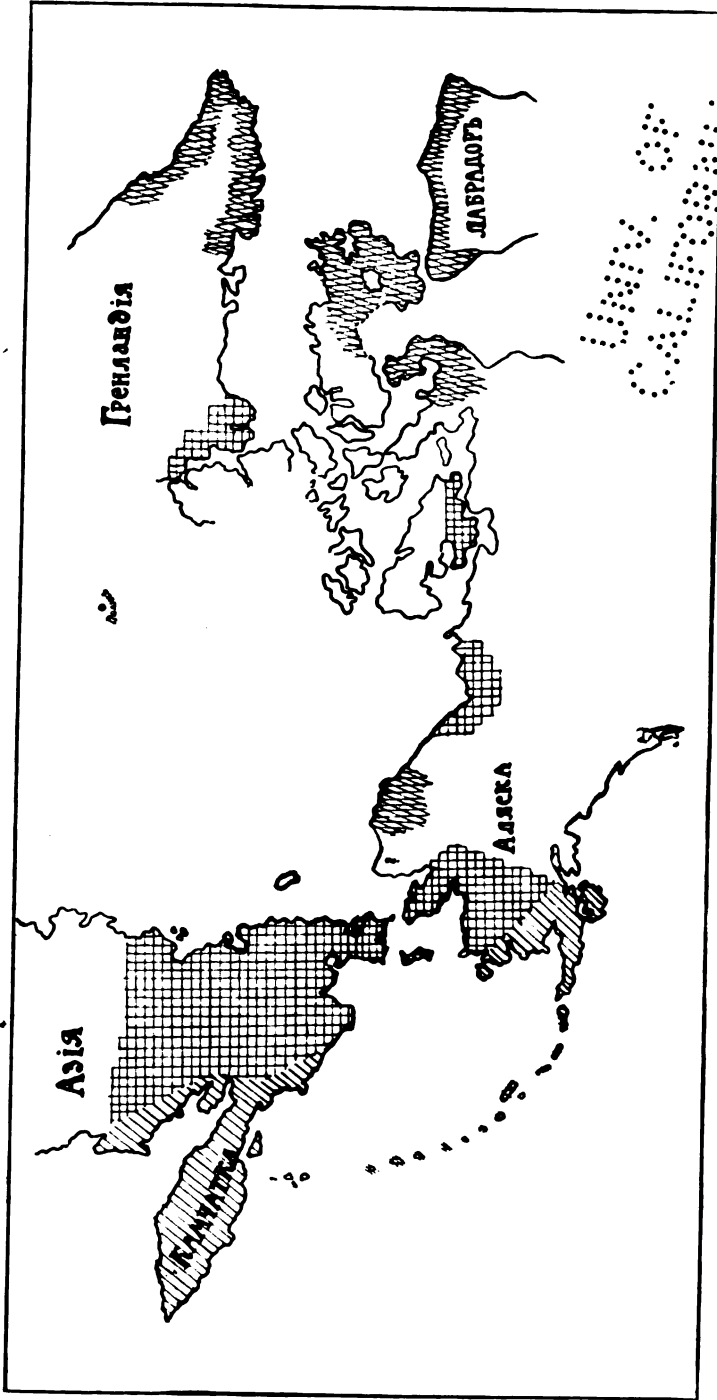
¹⁾ Nelson. The Esquimo about Bering Strait p. 327.

Варианты типовъ I и II бывають иногда такъ схожи между собою, что нѣкоторые экземпляры, изображенныя у W. Hough'a, мы не рѣшились отнести къ какому-либо изъ нихъ, основываясь лишь на одномъ рисункѣ. Напримѣръ, въ устьяхъ рѣки Макензи для одной изъ разновидностей ²⁾ вопросъ нами не рѣшенъ окончательно.

Типъ III представленъ у чукчей и оленныхъ коряковъ, у юитовъ, на пол. Кадьякѣ, въ устьяхъ р. Макензи и на сѣверѣ Гренландіи (Smith Sound). Этапомъ отъ Гренландіи до устья р. Макензи могли служить островныя группы западной части Сѣв.-Зап. прохода, не изслѣдованныя еще этнически.

Кн. Д. Ухтомскій,

²⁾ W. Hough. op. cit.

Азія

Гренландія

АЛАСКА

ЛАБРАДОРЪ

Тигъ I.

Тигъ II.

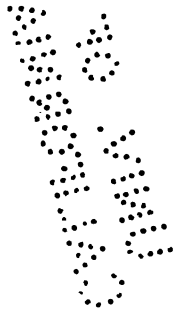

Тигъ III.

Тигъ IV.

По поводу опыта антропологической классификаціи населенія земного шара А. А. Ивановскаго.

(A propos de l'essai de la classification anthropologique de la population du globe terrestre par M-r A. A. Iwanowsky).

Еще въ позапрошломъ (1911) году появился капитальный трудъ прив.-доц. Московскаго Университета А. А. Ивановскаго: „Населеніе земного шара. Опытъ антропологической классификаціи“ ¹⁾. Между тѣмъ, какъ это ни странно, трудъ этотъ только кое-гдѣ за границей былъ отмѣченъ одной, двумя краткими библиографическими замѣтками, у насъ же въ Россіи, гдѣ онъ болѣе всего можетъ расчитывать на распространеніе, ему не была посвящена ни одна критическая замѣтка, ни въ спеціальной антропологической литературѣ, ни въ естественно-историческихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ началѣ прошлаго 1912 г. А. А. Ивановскій опубликовалъ „добавленіе“ къ своему основному труду, послѣ котораго въ небольшомъ научно-популярномъ журналѣ „Естествознаніе и географія“ появилась статья Е. Чепурковскаго „о классификаціяхъ человѣческихъ расъ и нѣкоторыхъ задачахъ антропологии въ Россіи“ ²⁾, въ которой авторъ удѣлилъ должное вниманіе трудамъ А. А. Ивановскаго, въ особенности его классификаціи населенія земного шара. Несмотря на то, что критикъ довольно подробно разбираетъ интересующее насъ изслѣдованіе, недостаточная ясность и опредѣленность высказанныхъ имъ, въ значительной степени правильныхъ, положеній позволяютъ намъ еще разъ остановить вниманіе русскихъ антропологовъ на трудѣ А. А. Ивановскаго. Нѣсколько запоздалымъ помѣщеніемъ нашей замѣтки мы еще разъ подчеркиваемъ настоятельную необходимость Русскому Антропологическому Обществу имѣть свой періодическій журналъ, дабы можно было своевременно отмѣчать новѣйшія антропологическія работы.

¹⁾ Изв. Имп. Общ. Любит. Ест. Антроп. и Этн., состоящаго при Имп. Моск. Универ. т. СХХІ. Труды Антропологическаго Отдѣла, т. XXVII.

²⁾ Ест. и Географія. 1912 г., кн. 2 (февраль).

„Населеніе земного шара“, какъ по примѣненному авторомъ методу, такъ и по способу выполненія этой работы, не является чѣмъ либо новымъ. Тотъ же самый методъ изслѣдованія антропологическаго матеріала, сопоставленія народностей и классификаціи былъ примѣненъ авторомъ въ его магистерской диссертациі „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“ ¹⁾. Такимъ образомъ, „Населеніе земного шара“ является продолженіемъ, или вѣрнѣе, примѣненіемъ классификаціонныхъ методовъ автора ко всему населенію земного шара. Для послѣдняго труда г. Ивановскому пришлось просмотрѣть почти всю міровую антропологическую литературу, охватывающую болѣе 500 народностей. Библиографическіе указатели въ работахъ автора, свыше чѣмъ о 300 народностяхъ, по полнотѣ содержанія являются единственными въ своемъ родѣ, а вмѣстѣ съ цифровыми таблицами нѣсколькихъ разсмотрѣнныхъ имъ признаковъ дѣлаютъ его работы, въ особенности послѣднюю, незамѣнимымъ справочникомъ, настольной книгой каждаго занимающагося антропологіей.

Вскорѣ послѣ появленія „Населенія земного шара“ авторомъ были признаны нѣкоторые недочеты, на которые его вниманіе было обращено отчасти проф. Д. Н. Анучинимъ, что заставило автора переработать весь свой матеріалъ и издать „дополненіе“ къ основному труду. Прежде всего авторъ исключилъ данныя А. Вейсбаха о длинѣ руки цѣлаго ряда измѣренныхъ послѣднимъ народностей (описанныхъ въ работѣ: „Reise der österreichischen Fregatte Novara um die Erde“), а также всѣ данныя о нѣмцахъ и чехахъ того же Вейсбаха (заимствованныя изъ статьи: „Die Herzegoviner verglichen mit Cechen und Deutschen aus Mähren nach Major Himmel's Messungen“). Во вторыхъ, во избѣжаніе нареканій, авторъ исключилъ данныя о всѣхъ народностяхъ, которыя измѣрены въ количествѣ менѣе 20 субъектовъ. Наконецъ, для болѣе равномерной оцѣнки признаковъ онъ видоизмѣнилъ свои группировки. Въ основной работѣ авторъ каждый изъ разсматриваемыхъ имъ признаковъ разбивалъ на три или

¹⁾ Изв. Имп. Общ. Любит. Ест., Антр. и Этн. при Имп. Моск. унив. т. CV. Труды Антр. Отд., т. XXII.

четыре группы, а каждую группу, въ свою очередь, онъ раздѣлялъ, смотря по признаку, отъ одной до трехъ подгруппъ. Въ „дополненіи“ каждый признакъ дѣлится на три группы, а каждая группа—на двѣ подгруппы. Отвергнувъ измѣренія Вейсбаха въ виду отсутствія однообразія, принятыхъ имъ приѣмовъ измѣренія, сравнительно съ другими авторами, г. Ивановскій оставилъ измѣренія другихъ изслѣдователей, съ которыми онъ не долженъ былъ бы считаться по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, что и съ измѣреніями Вейсбаха ¹⁾. Несмотря, однако, на это, благодаря исключенію мало изученныхъ народностей „дополненіе“ значительно увеличиваетъ научную цѣнность работы автора, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же говорить объ антропологическомъ типѣ народности на основаніи измѣренія 3—4 субъектовъ, что неоднократно дѣлалось въ „Населеніи земного шара“. Привѣтствуя также болѣе однообразное раздѣленіе признаковъ на группы и подгруппы, мы обратимся теперь къ самой классификаціи населенія земного шара, опубликованной авторомъ въ „дополненіи“. Естественно, исключивъ за недостаточной изслѣдованностью цѣлый рядъ народностей и разсматривая отдѣльные признаки въ новыхъ комбинаціяхъ, г. Ивановскій получилъ и группировки народностей, отличныя отъ тѣхъ, которыя имѣются въ основной работѣ. Такъ какъ послѣднія группировки имѣютъ болѣе научное основаніе сравнительно съ первыми и, принимая во вниманіе то обстоятельство, что и самъ авторъ отказался уже отъ прежнихъ группировокъ, мы не будемъ касаться классификаціи народовъ въ основной работѣ.

Обращаясь къ конечнымъ результатамъ работъ г. Иванова, мы убѣждаемся, что опытъ его классификаціи населенія земного шара потерпѣлъ полную неудачу. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ его основную работу вошли данныя свыше чѣмъ о 500 народностяхъ, а ими далеко не исчерпывается

¹⁾ Чепурковскій въ своей критической замѣткѣ (Естеств. и Геогр. 1912 г. № 2) указалъ автору, что Мартинъ мѣряетъ *trochanter* не непосредственно, а отнимая 4 см. отъ высоты таза; Гагенъ производитъ измѣреніе конечностей лентой; Тварьяновичъ—скользящимъ циркулемъ и т. п.

населеніе всего земного шара, но и изъ этихъ 500 народностей, настолько подробно изслѣдованными, чтобы можно было судить о физическомъ ихъ типѣ, у автора оказалось всего около 90 народностей ¹⁾).

Если мы обратимся теперь къ классификаціи и этой незначительной части населенія земного шара, то мы увидимъ, что большая часть этихъ народовъ, около 50, стоитъ у автора одиноко, т. е. ни одинъ изъ нихъ не обнаруживаетъ антропологическаго сходства ни съ однимъ изъ другихъ народовъ; только меньшая половина, около 40 народностей изъ всего населенія земного шара, сгруппировалась у автора въ нѣсколько родственныхъ группъ. Слабость и недостовѣрность этихъ группъ уже отмѣчена г. Чепурковскимъ, почему мы на нихъ и не будемъ останавливаться. Критикомъ отмѣченъ также цѣлый рядъ неожиданныхъ, на его взглядъ, странностей вродѣ родства молдаванъ съ великоруссами и калмыками, бѣлоруссовъ съ черемисами и т. п.

Такимъ образомъ, неудачей своего опыта классификаціи населенія земного шара, авторъ съ полной очевидностью убѣждаетъ насъ въ невозможности, при настоящемъ матеріалѣ и при помощи принятаго имъ метода построить классификацію народовъ.

1) Если подсчитать количество народностей въ сводной таблицѣ, приведенной авторомъ въ „дополненіи“, то ихъ получается какъ будто около 200, а г. Чепурковскій считаетъ ихъ около 180. Мы рѣшительно не можемъ съ этимъ согласиться, такъ какъ въ число этихъ 180 или 200 народностей входитъ, напримѣръ, восемь великорусскихъ народностей такъ какъ они измѣрены въ семи губерніяхъ, значитъ семь народностей да еще восьмая, состоящая изъ суммы всѣхъ этихъ семи; такимъ образомъ, если бы великоруссы были измѣрены въ 30 губерніяхъ, то была бы еще 21 новая народность и т. д. Башкиры, напр., представлены у автора четырьмя народностями: башкиры Абрамова, башкиры Назарова, башкиры Вейсенберга (кстати сказать солдаты) и сумма всѣхъ трехъ предыдущихъ башкиръ—четвертая народность. Г. Чепурковскій протестуетъ противъ суммарности, считая что Ивановскій долженъ былъ классифицировать народности по отдѣльнымъ пунктамъ наблюденія, мы же находимъ, что если и возможно вообще классифицировать народности, какъ таковыя, то правильнѣе оперировать съ суммарными данными. Такимъ образомъ, подсчитавъ количество народностей, а не пунктовъ наблюденія, мы насчитали въ „дополненіи“ всего около 90 народностей.

Главною цѣлью труда автора, какъ онъ пишетъ въ своемъ „добавленіи“, было собрать накопленные за послѣднія десятилѣтія антропологическіе матеріалы и на основаніи этихъ матеріаловъ сдѣлать попытку раздѣленія изслѣдованныхъ народностей на тѣ или инныя антропологическія группы, рѣшивъ тѣмъ самымъ вопросъ о степени пригодности имѣющагося антропологическаго матеріала для цѣлей антропологической классификаціи населенія земного шара. Попытка не удалась, и съ точки зрѣнія автора, нисколько не сомнѣвающагося въ рациональности принятаго имъ метода, этотъ результатъ долженъ свидѣтельствовать только о непригодности имѣющагося матеріала для цѣлей классификаціи. Для насъ же, не вѣрящихъ такъ слѣпо въ методъ г. Ивановскаго, могутъ быть и еще два другихъ рѣшенія вопроса, почему его опытъ постигла такая неудача, а именно: или его методъ не настолько безукоризненный, чтобы могъ служить опѣнкой матеріала, или и методъ, и матеріалъ, въ томъ видѣ, какъ имъ пользуется авторъ, непригодны для цѣлей антропологической классификаціи. Выше мы уже отмѣтили, что матеріала для классификаціи всего населенія земного шара вообще еще слишкомъ мало, такъ какъ мы не имѣемъ еще достаточныхъ антропологическихъ данныхъ для огромнаго большинства населенія земного шара. Но могутъ ли служить матеріаломъ для классификаціи тѣ народности, которыя въ достаточномъ количествѣ и съ достаточной тщательностью изучены? А ргіогі ясно, что если достаточно данныхъ для сужденія о физическомъ типѣ какой либо народности, то достаточно этихъ же данныхъ и для классификаціи, т. е. для опредѣленія положенія этой народности въ извѣстной схемѣ, охватывающей все человѣчество. Поэтому, прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о пригодности или непригодности имѣющагося антропологическаго матеріала десятковъ тысячъ субъектовъ, измѣренныхъ многими десятками иаслѣдователей, рассмотримъ, въ чемъ заключается классификаціонный методъ г. Ивановскаго и можетъ ли онъ служить мѣриломъ пригодности или непригодности какого бы то ни было матеріала.

Основныя требованія, предъявляемыя авторомъ къ антропологической классификаціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Въмѣстѣ съ большинствомъ современныхъ антрополо-

говъ онъ считаетъ, что въ основу антропологической классификаціи должны быть положены только антропологическіе признаки, что эта классификація должна быть построена не на одномъ какомъ нибудь признакѣ, а, по возможности, на всѣхъ признакахъ, дающихъ представленіе объ особенностяхъ физическаго строенія сравниваемыхъ группъ. наконецъ, необходимо руководиться какимъ-либо объективнымъ критеріемъ.

Сознавая такимъ образомъ, что для діагноза *расы* ¹⁾ мы нуждаемся въ разсмотрѣніи всѣхъ доступныхъ намъ признаковъ всего человѣческаго тѣла, и не считая возможнымъ а priori предрѣшать, какіе изъ нихъ наиболѣе важны, г. Ивановскій остановился только на тѣхъ изъ нихъ, которые оказались болѣе подробно и однообразно изученными. Этими-то признаками и оказались: 1) цвѣтъ волосъ и глазъ, 2) ростъ, 3) головной указатель съ продольнымъ діаметромъ, 4) высотно-продольный указатель, 5) лицевой указатель съ длиной лица, 6) носовой указатель, 7) длина туловища, 8) окружность груди, 9) длина руки и 10) длина ноги.

Сожалѣя, что признаковъ оказалось сравнительно немного, но считая все же ихъ количество вполне достаточнымъ для грубой характеристики народности, авторъ приступаетъ къ своей классификаціи.

Объективнымъ критеріемъ для сужденія о родствѣ или разнородности двухъ сравниваемыхъ народностей у автора, какъ извѣстно, является сумма единицъ условныхъ разницъ, между двумя группами, по сравниваемымъ признакамъ, въ зависимости отъ того въ какой изъ принятыхъ авторомъ группъ или подгруппъ находятся отдѣльные признаки сравниваемыхъ народностей. Народности считаются родственными, если сумма этихъ разницъ не превышаетъ $2\frac{1}{2}$ единицъ ²⁾.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію комбинацій, въ которыхъ авторъ вводитъ въ классификацію имѣющіеся въ его распоряженіи признаки, мы должны прежде всего отмѣтить

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ Подробности см. „Нас. земн. шара“, стр. 347—349 и „Дополненіе“, стр. 9—10.

что двумя изъ нихъ, пожалуй, совсѣмъ не слѣдовало бы пользоваться: это—во-первыхъ окружность груди, признакъ очень сомнительной антропологической цѣнности, а во вторыхъ цвѣтъ волосъ и глазъ, такъ какъ послѣдній опредѣлялся различными изслѣдователями слишкомъ разнообразно и субъективно.

Однимъ изъ очень серьезныхъ недостатковъ метода принятаго авторомъ, могущимъ рѣшающимъ образомъ вліять на результатъ работы, слѣдуетъ считать введеніе въ классификацію нѣсколько разъ одного и того-же признака, тогда какъ другіе входятъ только по одному разу. Такъ, ростъ входитъ въ классификацію пять разъ: одинъ разъ, какъ величина абсолютная и четыре раза, какъ дѣлитель при величинѣ длины туловища, окружности груди, длины руки и длины ноги; продольный діаметръ головы входитъ три раза: какъ величина абсолютная и какъ дѣлитель при размѣрахъ поперечнаго діаметра и высоты черепа; полная длина лица одинъ разъ входитъ какъ величина абсолютная и другой въ отношеніи съ наибольшей шириной лица. Отъ этой фаворизаціи нѣкоторыхъ признаковъ, обусловленной историческимъ ходомъ нашихъ антропологическихъ познаній, мы сможемъ вполне освободиться только учитывая корреляціонныя связи отдѣльныхъ признаковъ. Разрѣшеніе этой чисто математической задачи намѣчается въ одной изъ работъ Pearson'a ¹⁾, на которую наше вниманіе было обращено Я. В. Чекановскимъ. Конечно, нельзя ставить въ упрекъ г. Ивановскому пренебреженіе приѣмомъ Pearson'a, т. к. послѣдній еще не вошелъ въ практику антропологическихъ изслѣдованій. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что авторъ долженъ былъ брать, имѣющіеся въ его распоряженіи признаки непременно въ тѣхъ соотношеніяхъ, въ которыхъ они встрѣчаются въ большинствѣ антропометрическихъ работъ. Онъ долженъ былъ учесть тотъ фактъ, что различіе у сравниваемыхъ группъ величины, хотя бы одной изъ слагаемыхъ роста (ногъ, туловища, шеи или головы), непременно должно

¹⁾ См. „Philosophical Magazine“, 1900, 157—175, а также—Karl Pearson and Alice Lee. On the Generalised Probabl Error in Multiple Normal Correlation. Biometrika VI, 59—68.

отразиться на всѣхъ другихъ признакахъ приводимыхъ, къ росту. Предположимъ, что двѣ народности имѣютъ одинаковыя длины рукъ (въ среднемъ или въ рядовомъ расположеніи, это безразлично), объемъ груди и длины туловища, но разныя длины ногъ. По методу г. Ивановскаго, онѣ могутъ расположиться въ разныхъ группахъ или подгруппахъ не только по длинѣ нижнихъ конечностей и росту, но и по другимъ тремъ признакамъ, т. к. указатель послѣднихъ зависитъ отъ величины роста. Но, вѣдь, можетъ быть случай, когда всѣ четыре сравниваемые признака будутъ имѣть равныя абсолютныя размѣры, но только, вслѣдствіе различныхъ величинъ шеи плюсъ головы, они могутъ расположиться въ разныхъ подгруппахъ уже по всѣмъ признакамъ, что дастъ въ суммѣ по крайней мѣрѣ $2\frac{1}{2}$ единицы разницы. Разумѣется, то же самое можно сказать и о продольномъ діаметрѣ головы, и о полной длинѣ лица. Благодаря этому - то обстоятельству классификація г. Ивановскаго и построена главнымъ, образомъ, на ростѣ и формѣ головы, а вовсе не потому, какъ это думаетъ г. Чепурковскій ¹⁾, что различія по пропорціямъ тѣла близки къ хаосу и невелики, что еще очень сомнительно. Автору прежде всего слѣдовало бы поработать надъ вопросомъ, въ какихъ соотношеніяхъ слѣдуетъ ввести различные признаки въ классификацію, не давая нѣкоторымъ изъ нихъ рѣшительнаго перевѣса надъ другими.

Вторымъ чрезвычайно важнымъ недостаткомъ работы является принятіе авторомъ равноцѣнности сравниваемыхъ признаковъ. Для него не имѣетъ никакого значенія то обстоятельство, по какимъ признакамъ получается разница; чтобы включить народности въ одну общую антропологическую группу, для него важно только, чтобы сумма разницъ по всѣмъ признакамъ не превышала $2\frac{1}{2}$ единицъ. Отвѣчая своему критику Вейнбергу ²⁾, авторъ сравниваетъ свои „единицы разницы“ съ баллами выставляемыми для оцѣнки успѣшности учащихся. При этомъ онъ добавляетъ,

¹⁾ Чепурковскій, Е. М. Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности у крестьянскаго насел. преимущ. Великороссіи. М. 1913. Труды. Антроп. Отд., т. XXVIII, в. II.

²⁾ Richard Weinberg. Zur Theorie einer anatomischen Rassensystematik. „Archiv für Rassen und Gesellschafts-Biologie“ 1905, 2 Jahrgang, 2.

что при приемѣ на московскіе высшіе жанскіе курсы за знаніе
каждаго новаго языка прибавляется $\frac{2}{10}$ балла, за каждый
экзаменъ, сданный при мужской гимназіи $\frac{2}{10}$ балла и т. д.
Авторъ увѣряетъ, что никто не будетъ спорить противъ
правильности подобнаго сложенія. Можно думать, такимъ
образомъ, что автору не чужда была мысль введенія коэф-
фициента цѣнности даннаго признака при сложеніи разницъ,
между тѣмъ онъ все время оперируетъ съ ними, какъ съ
равноцѣнными. Правда, вводя въ классификацію абсолютныя
величины продольнаго діаметра и полной высоты лица, онъ
оцѣниваетъ ихъ, какъ величины абсолютныя¹⁾, вдвое меньше
($\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$), чѣмъ прочіе признаки. Впрочемъ, авторъ не даетъ
никакихъ указаній на то, почему къ разницамъ по этимъ
признакамъ нужно вводить коэффициентъ = $\frac{1}{2}$, а не какую
нибудь другую величину.

Отмѣчая вліяніе количества измѣренныхъ субъектовъ
на точность опредѣленія мѣста народности въ той или
иной антропологической группѣ, въ зависимости отъ общаго
числа особей этой народности, отъ величины занимаемой
ею площади, отъ большей или меньшей чистоты ея типа,
авторъ, желая быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы
учитывать и эти обстоятельства при построеніи своей клас-
сификаціи.

Чувствуя неравноцѣнность признаковъ, авторъ въ основ-
ной работѣ при разграниченіи ихъ на группы и подгруппы
установилъ неодинаковыя количества послѣднихъ чѣмъ, до
нѣкоторой степени, и учитывалъ ихъ разноцѣнность. Только
этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить, почему, напр.,
африканскія народности, изслѣдованныя Я. В. Чекановскимъ,
довольно правдоподобно, по словамъ изслѣдователя, сгруп-
пированные въ основной работѣ, въ „дополненіи“, съ вве-
деніемъ болѣе однообразнаго расчлененія признаковъ, распре-
дѣлились въ совершенно неестественныхъ группахъ²⁾.

¹⁾ Разницу въ абсолютныхъ размѣрахъ роста онъ оцѣниваетъ пол-
ными баллами.

²⁾ Такъ, естественное родство баньянколе съ батуси, массаями и
другими по новой схемѣ исчезло, а вмѣсто него обнаружилось совсѣмъ
нежелательное родство съ кавирондо; у баньямбо исчезло родство съ
батуси и т. под. Изъ готентотовъ и бушменовъ авторъ образовалъ
почему-то общую готентото-бушменскую народность.

Мы оставляемъ въ сторонѣ, уже отмѣченные въ критической замѣткѣ г. Чепурковского, неодинаковый критерій сходства въ зависимости отъ числа признаковъ; неудобство опредѣленія сходства и различія по суммѣ разницъ въ признакахъ, ибо значительная сумма можетъ получиться и оттого, что по тому или иному признаку существуютъ громадныя различія и оттого, что по ряду признаковъ различія невелики; оставляемъ въ сторонѣ и неудовлетворительность новаго буквеннаго обозначенія, и нѣкоторые другіе недостатки, такъ какъ все это детали метода, не имѣющія принципиальнаго значенія.

Самый жестокой ударъ своему методу наноситъ самъ авторъ. Методъ его въ результатѣ оказывается настолько грубымъ, настолько нечувствительнымъ, что не улавливаетъ связи даже между этнической группой и ея составными частями. По А. А. Ивановскому оказывается, что малороссы трехъ губерній не только не являются въ родствѣ между собой, но даже и съ суммарными малороссами, куда они вошли, какъ составныя части; папуасы Schellong'a стоятъ одиноко отъ папуасовъ суммарныхъ (папуасы Schelonga + папуасы Meauke и друг.); сарты ферганскіе оказываются родственными только съ башкирами, а сарты суммарные стоятъ не только одиноко отъ другихъ народностей, но не обнаруживаютъ родства съ сартами, вошедшими въ ихъ составъ (кашгарскими, кульджскими и ферганскими) и т. д. Если методъ автора не улавливаетъ связи между суммой и двумя слагаемыми одной и той же народности, то тщетно, конечно, ожидать, чтобы онъ могъ улавливать связь между родственными, но болѣе или менѣе генетически удаленными народностями. Ясно, что пользуясь этимъ методомъ, мы далеко не уйдемъ, какъ не ушелъ и авторъ классификаціи населенія земного шара.

Предположимъ теперь, что авторъ обладалъ бы болѣе строгимъ, болѣе точнымъ методомъ и съ нимъ приступилъ бы къ классификаціи народностей, населяющихъ земной шаръ, могъ ли бы онъ тогда рассчитывать на построение сколько нибудь научной схемы?

Думаемъ, что задача эта безнадежна. Прежде всего антропологическая классификація примѣнима только къ антропо-

логическимъ единицамъ, каковыми ни въ какомъ случаѣ не являются народности. Всѣмъ хорошо извѣстно, что народность въ огромномъ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ смѣшенія нѣсколькихъ расъ (антропологическихъ элементовъ), а представители каждой расы встрѣчаются среди нѣсколькихъ народовъ. Одной изъ основныхъ задачъ современной антропологии и является классификація расъ, но расы въ чистомъ видѣ почти не встрѣчаются и могутъ быть получены нами только путемъ длительного и подробнаго анализа народностей на составляющіе ихъ элементы. Задачу, взятую на себя г. Ивановскимъ, мы можемъ сравнить съ задачей химика, который, не зная менделѣевской системы элементовъ, пожелалъ бы классифицировать всѣ существующія на земномъ шарѣ сложныя органическія и неорганическія тѣла. Только послѣ того, когда установлены будутъ антропологическіе элементы (расы) и будутъ построены въ опредѣленную систему, въ которой каждая раса займетъ свое естественное мѣсто, когда мы будемъ имѣть такимъ образомъ генетическую классификацію расъ, тогда только можно будетъ приступить къ классификаціи народностей, хотя бы по принципу, принятому въ петрографіи, гдѣ изверженныя, напр., горныя породы классифицируются въ зависимости отъ присутствія или отсутствія полевого шпата, плагіоклаза и т. д. Между тѣмъ авторъ классификаціи населенія земного шара пытается классифицировать народности (сложныя тѣла, а не элементы) и все время оперируетъ съ ними, какъ съ основными единицами, а вовсе не съ расами, которыя его и не интересуютъ. Неосторожнымъ употребленіемъ слова раса („дополненіе“, стр. 2) авторъ только напрасно вводитъ въ заблужденіе читателя, какъ онъ ввелъ въ заблужденіе и критика, озаглавившаго свою критическую замѣтку— „о классификаціяхъ человѣческихъ расъ...“.

Подводя итогъ всему выше изложенному, главныя причины тѣхъ отрицательныхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ г. Ивановскій въ классификаціонной части своей работы, мы видимъ въ слѣдующемъ: 1) принятіе равноцѣнности сравниваемыхъ признаковъ; 2) исключительное предпочтеніе, отдаваемое однимъ признакамъ передъ другими, введеніемъ ихъ по нѣсколько разъ въ классификацію; 3) нечувствительность метода, не улавливающаго связи даже

между цѣлымъ и его составными частями; 4) антропологическая классификація примѣнима только къ антропологическимъ единицамъ, т. е. расамъ, а не народамъ. Однако, и эти отрицательные результаты, къ которымъ пришелъ г. Ивановскій, являются для насъ большимъ плюсомъ, такъ какъ ясно показываютъ, что по пути, указанному, г. Ивановскимъ, въ антропологическихъ изслѣдованіяхъ идти нельзя.

Оставляя въ сторонѣ методологическую сторону работы Иванова, мы должны еще разъ подчеркнуть, что въ его трудахъ мы имѣемъ сводку огромнаго антропометрическаго матеріала, что придаетъ большую цѣнность его работамъ. Конечно, въ его трудахъ встрѣчаются опечатки, а въ цифровыхъ данныхъ онѣ бываютъ особенно досадны; неточности и ошибки есть также и въ библиографическихъ указателяхъ. Поэтому, хотя и слѣдуетъ рекомендовать, при пользованіи матеріалами въ трудахъ г. Иванова, свѣрять ихъ съ подлинниками, но подобныхъ недочетовъ настолько мало, что при колоссальности всей работы эти недостатки нельзя поставить автору въ упрекъ.

Во время печатанія настоящей замѣтки, въ январской книжкѣ „Естествознанія и географіи“ (Москва, 1913 г.) А. А. Ивановскій напечаталъ отвѣтъ на выше упоминавшуюся критическую замѣтку Е. Чепурковскаго по поводу его работъ. Мы не считаемъ возможнымъ вдаваться здѣсь въ подробное разсмотрѣніе отвѣта автора своему критику, какъ не останавливались мы и на критической статьѣ г. Чепурковскаго, тѣмъ болѣе, что авторъ въ своемъ отвѣтѣ, не касается основныхъ недостатковъ его метода, отмѣченныхъ нами выше. Тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на двухъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ А. А. Ивановскимъ въ его отвѣтной статьѣ.

На стр. 64-й авторъ, возражая на противопоставленный его методу методъ географическій, указываетъ критику на то мѣсто въ работѣ А. Семеева-Тянь-Шанскаго (Таксономическія границы вида и его подраздѣленія), гдѣ г. Семеновъ обращаетъ вниманіе на возможность почти полнаго, такъ сказать, *изокинетическаго состоянія* формъ, т.-е. случаи.

когда въ двухъ совершенно разобщенныхъ мѣстностяхъ параллельно образуются, изъ вполне однороднаго матеріала, двѣ между собой почти тождественныя расы. Если г. Ивановскій предполагаетъ возможнымъ возникновеніе подобнымъ путемъ двухъ или болѣе человѣческихъ расъ или народностей (вѣдь не ботаническія же расы его интересуютъ), то въ данномъ случаѣ онъ и при помощи своего метода непременно придетъ къ ошибочнымъ выводамъ. Двѣ народности, завѣдомо не связанныя между собой генетически, у него окажутся родственными и онъ объединитъ ихъ въ одну группу.

Кромѣ этого, не касаясь группъ (народовъ) А. А. Иванова, состоящихъ изъ одного народа, мы хотимъ обратить вниманіе только на одну изъ сторонъ его классификаціоннаго метода, не отмѣченную нами выше, которую авторъ подчеркиваетъ въ отвѣтъ своему критику.

Какъ и слѣдовало ожидать, къ очень трудному положенію приводитъ автора его методъ, когда ему приходится рѣшать вопросъ, къ какой группѣ отнести ту или иную особенно смѣшанную народность. Такъ, напримѣръ, меланезійскую антропологическую группу у него составляютъ папуасы Мегалке, папуасы по суммарнымъ даннымъ (въ томъ числѣ и папуасы измѣренныя Schellong'омъ) и меланезійцы вообще, папуасовъ же Schellong'a, какъ таковыхъ, авторъ не причисляетъ къ меланезійской группѣ, т. к. они стоятъ одиноко, не обнаруживая родства ни съ однимъ изъ народовъ земного шара. Это онъ пишетъ на стр. 34-й „дополненія“ и еще разъ подтверждаетъ на стр. 55-й „Естествознанія и географіи“. Читателю предоставляется самому рѣшить, находятся ли папуасы Schellong'a въ меланезійской группѣ или нѣтъ. Мы не оставивались бы на этомъ примѣрѣ, если бы онъ былъ единичнымъ, но подобныя недоумѣнія являются зачастую тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло со смѣшанными народностями. Просмотримъ, хотя бы, его монгольскую антропологическую группу. Въ ней мы находимъ (стр. 39-я дополненія) калмыковъ астраханскихъ, калмыковъ чахры и калмыковъ по суммарнымъ даннымъ, въ число которыхъ входятъ и турфанскіе калмыки. Съ другой стороны—калмыки турфанскіе (стр. 26, доп.) стоятъ одиноко и какъ-будто не входятъ въ монгольскую группу. Въ ту же группу входятъ

тунгусы Талько-Грынцевича и Майнова, а также суммарные тунгусы, въ число которыхъ вошли тунгусы хамнеганы и южные тунгусы, но, какъ таковые, они не входятъ въ монгольскую группу, и гдѣ ихъ слѣдуетъ искать въ классификаціи А. А. Ивановскаго, не укажетъ, вѣроятно, и самъ авторъ.

С. Руденко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Е. М. Чепурковскій. Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизаціей ея славянами.

Материалы для антропологии Россіи. (Изв. И. О. Люб. Ест., Антроп. и Этнологр. Т. СХХIV, вып. 2. „Тр. Антр. Отд.“ т. XXVIII, в. 2. Москва 1913 г.).

Только что появившаяся работа Е. М. Чепурковскаго является результатомъ произволившихся имъ съ 1896 г. изслѣдованій, о которыхъ было извѣстно по статьямъ, печатавшимся время отъ времени въ разныхъ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ изданіяхъ. Вотъ почему изданіе на русскомъ языкѣ большого труда, который долженъ ознакомить съ результатами долготѣней работы, представляетъ большой интересъ и заставляетъ обратить на него особое вниманіе, какъ на рѣдкое явленіе въ нашей антропологической литературѣ, не очень богатой обширными изслѣдованіями. Надо сказать, что чрезвычайно большой матеріалъ, обнимающій болѣе 10 тысячъ намѣренныхъ, взятыхъ изъ населенія очень обширнаго пространства, опубликованіе ранѣе по частямъ матеріала и тѣхъ или иныхъ выводовъ наложили свой отпечатокъ на характеръ новой работы, являющейся въ значительной степени собраніемъ въ одно цѣлое мыслей и выводовъ, высказанныхъ авторомъ прежде. Такъ, „введеніе“ является въ большей своей части повтореніемъ того, что авторомъ было высказано по поводу работъ А. А. Ивановскаго ¹⁾, въ статьѣ, напечатанной въ „Archiv für Anthropologie“ ²⁾ въ 1911 году или другихъ работахъ по спеціальнымъ вопросамъ. Первая и вторая главы, посвященныя формѣ головы (правильнѣе было бы сказать, головному указателю) и цвѣтности, въ ихъ основныхъ выводахъ были изложены ранѣе въ указанной нѣмецкой работѣ. Послѣдняя глава является новою, но она представляетъ мало оригинальнаго, а есть ничто иное, какъ сопоставленіе съ данными археологій, этнографіи, исторіи и антропологии инородцевъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ авторъ пришелъ на основаніи своего матеріала. Новымъ здѣсь является главнымъ образомъ то, что нѣкоторые взгляды, высказываемые авторомъ, не вполне совпадаютъ съ напечатанными въ „Anthrop. Studien“ въ 1911 г. Карта головного указателя также была напечатана ранѣе

¹⁾ Е. М. Чепурковскій. О классификаціяхъ человѣч. расъ и нѣкот. задачяхъ антропологии въ Россіи. „Ест. и Геогр.“ 1912 г. № 2.

²⁾ E. Tschepourkovsky. Anthropologische Studien. „Archiv für Anthropologie“. Neue Folge, B. X, Heft 2/3.

въ Германіи ¹⁾. Поэтому, наибольшій интересъ новизны представляетъ самый матеріалъ, появленіе котораго представляетъ большую цѣнность.

Основная мысль автора разсматриваемаго нами труда заключается въ томъ, что „географическій методъ, успѣшно примѣняемый біологами въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій“ долженъ являться основнымъ приемомъ антропологическаго изслѣдованія. Этотъ методъ г. Чепурковскій противопоставляетъ изученію той или иной народности на ограниченной небольшой территоріи, что, по его мнѣнію, постоянно ведетъ къ ошибкамъ въ выводахъ. Нѣсколько разъ возвращаясь къ этой мысли и стараясь доказать важность и необходимость географическаго метода, г. Ч—кій какъ бы забываетъ, что нанесеніе на карту и разсмотрѣніе географическаго распредѣленія признаковъ давно и достаточно успѣшно практиковалось въ антропологии. Не говоря объ упоминаемыхъ имъ самимъ работахъ проф. Д. Н. Анучина, Деникера и Риплея, можно напомнить, что еще въ 1859 г. Брока воспользовался этимъ приемомъ въ своей работѣ по этнологіи Франціи ²⁾ и уже въ 1878 г. проф. Богдановъ въ статьѣ „Антропологическая фізіогномика“ ³⁾ не удовлетворяется только этимъ и идетъ дальше. „Изучали“, говоритъ онъ „среднюю высоту роста, преобладающую цвѣтность волосъ, особенно распространенные краниологическіе признаки и составляли карты распространенія этихъ признаковъ въ изучаемой странѣ. Оказалось, напримѣръ, что сѣверная Франція представляетъ преимущественно бѣлокородное, высокорослое населеніе съ свѣтлыми глазами, а южная даетъ преобладаніе низкорослымъ, черноволосымъ и черноглазымъ. То же различіе въ географическомъ размѣщеніи сказанныхъ признаковъ показываетъ и Германія. Затѣмъ опредѣлены были болѣе частныя области, въ границахъ государства, преобладанія того или иного признака; начался болѣе подробный анализъ общихъ выводовъ и числа стали размѣщаться и изучаться по меньшимъ отдѣламъ территоріи, по ея подраздѣленіямъ. До сихъ поръ шли методомъ классификаціоннымъ, методомъ большихъ чиселъ: но задачи поставлены, подраздѣленія сдѣланы, нужно перейти къ возстановленію признаковъ первоначальныхъ типовъ, ихъ средства съ тѣми или другими племенами“.

Такимъ образомъ, приемъ г. Чепурковскаго въ своей основѣ не представляетъ ничего особенно новаго. Въ данномъ случаѣ является интереснымъ лишь вопросъ о томъ, какъ этимъ приемомъ пользоваться и какое мѣсто ему удѣлять въ антропологическомъ изслѣдованіи.

¹⁾ Tschepourkovsky. Anthropologische Bestandteile der ältesten und jüngsten slawischen Bevölkerung Russlands. „Korrespondenzblatt der Deutschen gesellschaft für Anthrop., Ethnol. und Urgeschichte, 1912, S. 90.

²⁾ P. Broca. Recherches sur l'ethnologie de la France. „Mémoires d'anthropologie, t. I. Paris, 1871.

³⁾ Богдановъ. Антроп. Фізіогномика. „Антропол. Выставка“ т. II. Москва 1878 г., стр. 13.

Считая, что основной задачей антропологии является анализ народностей, т. е. этнических единиц, на составляющія ихъ расы—соматическія единицы, г. Ч—кій полагаетъ, что „составленіе различныхъ признаковъ среди индивидуумовъ какой-нибудь народности не ведетъ къ вполне достовѣрному открытію расъ, какъ составныхъ частей этихъ народностей“ (3 стр.). По его мнѣнію, лишь изученіе географическаго распредѣленія, какъ средства прослѣдить расселеніе, можетъ открыть первоначальные типы или географическій методъ въ антропологии—„единственное средство обнаружить реальные типы“. Высказываясь такъ рѣшительно, Е. М. Чепурковскій и антропологическій анализъ, о которомъ онъ говорилъ, разсматриваетъ, какъ „наложеніе другъ на друга картъ распредѣленія различныхъ признаковъ среди наименьшимъ, практически намъ доступнымъ пространственнымъ единицамъ, напр. уѣздамъ“ (18 стр.). Странно, что при такомъ пониманіи анализа, г. Чепурковскій возражаетъ противъ пользованія при изслѣдованіяхъ сопоставленіемъ различныхъ признаковъ и, лишній разъ ссылаясь на то, что Воробьевъ, „благодаря случайнымъ мѣстнымъ условіямъ“, якобы получилъ противоположныя дѣйствительности соотношенія, заимствуетъ у Риплея въ измѣненномъ видѣ примѣръ, предостерегающій отъ поспѣшныхъ заключеній. Если мы имѣемъ въ населеніи 60% высокорослыхъ и 60% темноволосыхъ то, это не значитъ, что населеніе состоитъ изъ высокорослыхъ брюнетовъ, такъ какъ ихъ можетъ быть всего 20% при данныхъ числахъ ¹⁾. Этотъ поучительный примѣръ является, на нашъ взглядъ, возраженіемъ не столько противъ примѣненія при изслѣдованіяхъ сопоставленія признаковъ и изученія ихъ взаимоотношенія, какъ кажется г. Ч—кому, сколько противъ анализа посредствомъ наложенія карты на карту, противопоставленнаго авторомъ приему сопоставленія признаковъ. Дѣйствительно, въ одномъ случаѣ карты намъ укажутъ простое сосуществованіе явленій, наблюдаемыхъ въ томъ или иномъ районѣ, напр. въ Валдайскомъ, короткоголовости, относительно высокаго роста и относительно большей свѣтлоглазости, но карты не дадутъ объясненія данныхъ фактовъ и ихъ взаимной связи и соотношенія, а при неосторожности могутъ повести къ ошибочнымъ заключеніямъ, противъ которыхъ предостерегаль Риплей. Въ другомъ случаѣ, мы, отмѣчая сосуществованіе тѣхъ же признаковъ, сопоставляемъ ихъ, изучаемъ ихъ взаимоотношенія, устанавливаемъ ихъ связь и тѣмъ самымъ избѣгаемъ скороспѣлыхъ и заманчивыхъ заключеній ²⁾. Конечно, нанесеніе на

¹⁾ У г. Чепурковскаго берется по 70%, въ какомъ случаѣ никогда не получится 20%. Эта ошибка, вводящая въ заблужденіе, находится и въ статьѣ автора по поводу работъ г. Ивановскаго.

²⁾ Мы увѣрены, что самъ авторъ подобной ошибки не сдѣлаетъ тѣмъ болѣе, что, противопоставляя анализъ посредствомъ наложенія карты на карту сопоставленію признаковъ, онъ уже на слѣдующей страницѣ оговаривается и указываетъ на необходимость „какъ и при всякомъ изслѣдованіи“, проверять одинъ методъ дру-

карту тѣхъ или иныхъ признаковъ, наложеніе карты на карту очень цѣнны, но не какъ единственное средство антропологическаго анализа а какъ приемъ, дающій наводящія указанія и возможность наглядно представить весь матеріалъ, требующій дальнѣйшей научной разработки и сопоставленія съ данными археологій, исторіи, этнографіи, лингвистики и др. По нашему мнѣнію, не отказываться отъ статистическо-антропологическаго анализа въ пользу „географическаго метода“, а параллельно пользоваться тѣмъ и другимъ приемами для антропологовъ является настоятельной необходимостью. „Для того, чтобы дать лучшее основаніе краіологій, достаточно подчинить ее самымъ элементарнымъ приемамъ статистики или лучше теоріи вѣроятности“, ¹⁾ говорилъ Брока еще въ 1879 г., и теперь, когда антропология и статистика ушли далеко впередъ, отказъ отъ статистико-антропологическаго анализа или умаленіе его значенія является мало понятнымъ особенно въ устахъ Е. М. Ч—каго, который самъ раньше имъ широко пользовался.

Однимъ изъ основныхъ признаковъ реальности типа авторъ, слѣдуя географическому методу, выдвигаетъ опредѣленный „географическій ареалъ обитанія съ зонами смѣшенія въ промежуточныхъ областяхъ“. Не отрицая очевидности того факта, что области преобладанія отдѣльныхъ антропологическихъ типовъ должны выступить на картахъ, какъ обособленные районы, замѣтимъ, что типы, составляющіе крайніе отроги антропологической миграціи или группы, вселенные въ данный районъ искусственно въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ условій, не всегда могутъ быть обнаружены при такомъ методѣ изслѣдованія, но постоянно могутъ маскировать правильность существующихъ отношеній между основными составляющими элементами. Появленіе въ районѣ посторонней группы населенія—а исторія даетъ много такихъ примѣровъ, хотя бы переселеніе корель въ Новгородскую и Тверскую губ. въ XVII столѣтіи,— всегда можетъ внести нарушеніе правильности въ расположеніи на территоріи числовыхъ выраженій тѣхъ или иныхъ антропологическихъ признаковъ и затемнить картину взаимоотношеній населенія даннаго района съ окружающимъ населеніемъ. Вотъ почему особенно опасно въ очень смѣшанныхъ областяхъ полагаться исключительно на среднія, да еще притомъ выведенныя изъ незначительнаго числа наблюденій. Г. Ч—скій, рассуждая о значеніи среднихъ, представляетъ почему-то, какъ „самый крайній случай“, когда народность является смѣсью двухъ совершенно различныхъ расъ въ одинаковой пропорціи, упуская изъ вида возможность смѣшенія нѣсколькихъ разнородныхъ антропологическихъ группъ. Какъ иллюстрацію приема, при помощи котораго открываются географическимъ путемъ сочета-

гимъ. Остановились мы на данномъ вопросѣ особенно потому, что читатель, желая слѣдовать картографическому анализу по г. Чепурковскому и вполнѣ не уяснивъ изъ его словъ сущности этого анализа и его примѣненія, легко можетъ впасть въ заблужденіе.

¹⁾ P. Broca. *Méthode des moyennes*. „Mémoires d'anthropologie“, t. IV p. 130

нія признаковъ, авторъ приводитъ распредѣленіе формы головы и цвѣтности мужчинъ въ прильменскихъ и рязанскихъ уѣздахъ. Объясняя уменьшеніе по мѣрѣ движенія отъ Валдая къ Рязани короткоголовости и усиленіе темноволосости переходомъ изъ области сохраненія широкоголоваго блондина къ области сохраненія болѣе длинноголоваго и темнаго первоначельника, авторъ не сомнѣвается въ ихъ реальности, хотя въ прильменскихъ и рязанскихъ у.у. связь длинноголовости съ темными оттѣнками, какъ указываетъ онъ самъ, замаскирована и хотя Воробьевъ „случайно“ нашель въ Рязанской губ. обратную зависимость (19 стр.). Если къ словамъ автора прибавить, что Галай въ Тверской губ. нашель у мужчинъ также обратную зависимость и что матеріаль, собранный пишущимъ эти строки и касающійся почти 500 взрослыхъ великоруссовъ Тверской и Новгородской губ. въ области Валдайскаго района, даетъ возможность выдѣлить, какъ одинъ изъ составляющихъ, короткоголовый темный элементъ, то придется сказать, что иллюстрація, приведенная г. Чепурковскимъ, мало убѣдительна, а объясненіе указанныхъ явленій требуетъ пересмотра, дальнѣйшей разработки, и во всякомъ случаѣ большей осторожности.

Не желая въ своемъ изслѣдованіи ограничиваться нанесеніемъ на карту изученныхъ признаковъ и объясненіемъ характера ихъ распредѣленія по территоріи Великороссіи, Е. М. Ч—кій стремится дать характеристику *типовъ населенія*, „обнаруженіе“ которыхъ считаетъ общимъ выводомъ своей работы. Остановливаясь на выборѣ признаковъ для изслѣдованія великорусскаго населенія, авторъ ставитъ себѣ вопросъ: „почему для первоначальнаго различенія мы должны именно брать головной указатель и цвѣтность?“. Помимо стойкой передачи въ ряду поколѣній, однимъ изъ основныхъ условій, которымъ, по г. Ч—кому, долженъ удовлетворять выбранный признакъ, является то, что его „географическое распредѣленіе должно быть не безпорядочнымъ, но обнаруживать опредѣленный ареалъ съ переходными формами по окраинамъ“. Слѣдовательно, мы сначала должны выяснитъ, какъ распредѣляется среди изучаемаго населенія какой-нибудь признакъ и затѣмъ на основаніе этого рѣшить, можно ли воспользоваться имъ. Другими словами, намъ цѣненъ признакъ не самъ по себѣ, а поскольку онъ даетъ результатъ въ данномъ случаѣ. Третьимъ условіемъ Е. М. Ч—кій признаетъ желательность, чтобы выбранный признакъ находился въ корреляціи съ однимъ или нѣсколькими признаками, причѣмъ корреляція можетъ быть открыта „и путемъ сопоставленія независимо отъ пространства“. Выдвигая такое условіе, авторъ тѣмъ самымъ признаетъ недостаточность одного признака и, считая необходимымъ изученіе корреляцій признаковъ, даже допускаетъ возможность находить ихъ путемъ сопоставленія, противъ котораго онъ самъ такъ много возражалъ. Находя, что между народностями Россіи *въ среднемъ* нѣтъ особыхъ различій по пропорціи тѣла (13 стр.) и, что между измѣренными имъ „мордвой-мокшей, поляками, великоруссами семи областей и малороссами нѣтъ такихъ различій

по пропорціи на лицѣ, которыя можно было бы принять за расовыя, за исключеніемъ носового указателя у поляковъ и свѣтлаго новгородскаго типа (18 стр.), г. Ч—кій останавливаетъ свой выборъ признаковъ на головномъ указателѣ и цвѣтности, „различія по которымъ несомнѣнны, такъ какъ приурочены къ опредѣленнымъ географическимъ ареаламъ“. Едва ли вышеприведенныя положенія автора можно считать доказанными, тѣмъ болѣе, что они стоятъ въ противорѣчій съ характеристикой, которую авторъ въ своей работѣ „Anthrop. Studien“ въ 1911 г. давалъ двумъ основнымъ открытымъ имъ типамъ, отличая ихъ другъ отъ друга, кромѣ индекса и цвѣтности, по росту и длинѣ лица.

Не останавливаясь на всѣхъ многочисленныхъ отступленіяхъ отъ основной темы, на мѣстами очень странныхъ разсужденіяхъ о вліяніи индивидуальности авторовъ на результаты изслѣдованія, на тѣхъ возраженіяхъ, которыя г. Ч—кій на нѣсколькихъ страницахъ дѣлаетъ А. А. Ивановскому, тѣмъ болѣе, что почти все это раньше уже было напечатано, перейдемъ къ основной части работы—матеріалу и выводамъ. Матеріаль Е. М. Чепурковскаго является результатомъ наблюденій и измѣреній 5827 мужчинъ и 4227 женщинъ. Данныя о головномъ указателѣ имѣются болѣе, чѣмъ въ 200 уѣздахъ. На карту нанесено только 147 уѣздовъ съ числомъ наблюденій не менѣе 15 чел. обоюга пола вмѣстѣ, причеиъ изъ нихъ 51 уѣздъ съ числомъ наблюденій больше 50 чел.; больше 100 наблюденій мы встрѣчаеиъ лишь въ 17 уѣздахъ. Обладая такимъ обширнымъ матеріаломъ, г. Чепурковскій долженъ былъ съ особой заботой отнестись къ его опубликованію съ тою цѣлью, чтобы его данныя могли служить для сравненія и использованія другими изслѣдователями. Нужно сказать, авторъ много потрудился надъ тѣмъ, чтобы возможно полнѣе представить свой матеріаль. Въ его работѣ таблицы составляютъ большую часть книги и представляютъ особенную цѣнность. Къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ значительнымъ недостаткомъ работы является то, что авторъ не даетъ намъ понятія, какимъ именно матеріаломъ пользовался для своихъ измѣреній и не указываетъ даже того, включалъ ли въ общій подсчетъ только взрослыхъ или же и дѣтей. Судя по предисловію, гдѣ авторъ высказываетъ благодарность начальству воспитательныхъ домовъ и администраціи военнаго вѣдомства, можно думать, что онъ измѣрялъ и дѣтей, и солдатъ. Кромѣ того, хотя Е. М. Ч—кій озаглавилъ свой трудъ, какъ работу о крестьянскомъ населеніи, въ одномъ мѣстѣ, когда ему надо было объяснить разницу въ головномъ указателѣ мужчинъ и женщинъ Московской губ. (29 стр.), онъ ссылается на то, что измѣрялъ мужчинъ—мѣщанъ, чѣмъ и объясняетъ получившуюся разницу. О томъ, производились ли измѣренія на мѣщанахъ въ другихъ мѣстахъ, авторъ ничего не говоритъ. Само собою понятно, что все это въ особенности при пользованіи географическимъ методомъ заставляеть читателя быть очень осторожнымъ, а отсутствіе точныхъ указаній въ данномъ отношеніи въ значительной степени обезцѣниваетъ матеріаль и ослабляетъ выводы, на немъ построенные. Разница, которая можетъ

получиться между головнымъ указателемъ мужчинъ и женщинъ и особенно между взрослыми и дѣтьми способна совершенно нарушить картину, которую мы получаемъ на картѣ. Еще болѣе это нужно имѣть въ виду въ отношеніи цвѣтности. Съ другой стороны, мѣщане, вѣдь, элементъ пришлый и непостоянный особенно въ большихъ центрахъ, почему наносить данныя о нихъ на карту является задачей мало благодарной; едва ли можно также по двумъ или тремъ десяткамъ призывныхъ получить правильное представленіе о населеніи той или иной губерніи. Что касается окраски волосъ и глазъ, крупнымъ недостаткомъ работы является то, что авторъ, выбравъ для различія типовъ населенія этотъ крайне субъективный признакъ, вводитъ свои собственныя дѣленія оттѣнковъ, не обосновывая ихъ и не давая шкалы, причемъ для мужчинъ пользуется дѣленіемъ на 5 оттѣнковъ, а для женщинъ на три. Рыжие волосы почему-то онъ относитъ къ русымъ.

Отмѣтивъ то, что г. Ч—кій совершенно не считается съ данными о великоруссахъ другихъ авторовъ, перейдемъ къ выводамъ. Основнымъ результатомъ своей работы авторъ считаетъ открытіе двухъ центровъ сохраненія типовъ населенія Великороссіи: 1) Валдайскаго—районъ широкоголоватаго свѣтлаго типа и 2) Рязанскаго, отдѣленнаго отъ перваго областью смѣшенія—районъ относительно длинноголоватаго темнаго типа. Не отрицая того, что отмѣченное авторомъ пониженіе головного указателя и уменьшеніе $\%$ свѣтлаго типа по мѣрѣ движенія отъ Валдайскаго района къ Рязанскому является въ общемъ видѣ несомнѣннымъ фактомъ и согласуется съ имѣющимися въ литературѣ данными другихъ авторовъ, остановимся на разсмотрѣніи матеріала двухъ указанныхъ районовъ для того, чтобы ясно представить, какую цѣнность имѣетъ основной выводъ г. Ч—каго. Прежде всего обратимся къ картѣ и таблицамъ. Сравнивая карту головного указателя для обоихъ половъ съ картой головн. указателя великорусскихъ женщинъ, напечатанной въ 1911 г. въ цитированной нѣмецкой работѣ автора, мы замѣчаемъ разницу, заключающуюся въ томъ, что яркость картины обособленности и замкнутости районовъ пропала, хотя г. Ч—кій и говоритъ, что „привавленіе въ Валдайскій и Рязанскій районы 3000 женщ. и 5000 мужч. нисколько не измѣнило ихъ относительнаго положенія и ихъ замкнутости“ (28 стр.)¹⁾. При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи картъ и таблицъ, мы находимъ и объясненіе указанному обстоятельству. На картѣ 1911 г. мы въ Валдайскомъ районѣ имѣли 7 уѣздовъ съ указателемъ выше 84, тогда какъ теперь осталось только три уѣзда съ указателемъ выше 83, 6. Оказывается, Холмскій у. не нанесенъ на карту въ виду малочисленности измѣренныхъ (7), точно такъ же какъ и другіе уѣзды,

¹⁾ Указанныя цифры заставляютъ насъ отмѣтить существенный недосмотръ автора, заключающійся въ томъ, что онъ подъ Валдайскимъ и Рязанскимъ районами не всегда имѣетъ въ виду тѣ же самыя территоріи. Въ данномъ случаѣ, для насъ совершенно непонятно, о какихъ уѣздахъ говоритъ авторъ.

гдѣ было менѣе 15 чел., но нанесенные на нѣмецкой картѣ. Прибавленіе матеріала въ уѣздахъ Демьянскомъ, Гжатскомъ и Вяземскомъ понизило указатель; такимъ образомъ, остались Осташковский съ указ. 83,9, Ржевскій съ указ. 84,1 и Вѣльскій съ указ. 84. Если же принять во вниманіе, что въ Ржевскомъ у. измѣрено всего 15 ж. и 1 м., въ Осташковскомъ— 25 ж. и 1 м. и что головн. указатель, полученный мною въ этихъ уѣздахъ на 200 измѣренныхъ, въ среднемъ меньше 83, то окажется, что отъ ярко выступавшаго большого замкнутаго района остается одинъ Вѣльскій у. Смоленской губ., гдѣ измѣрено 61 муж. и 26 женщинъ. Когда мы обратимся къ другому „еще болѣе рѣзко обособленному“ Рязанскому центру съ индексами, не поднимающимися выше 79,5, то увидимъ, что изъ 9 соответствующихъ уѣздовъ число измѣреній въ 6 изъ нихъ меньше 20 человѣкъ. Для большой наглядности, я приведу таблицу съ числомъ измѣреній въ уѣздахъ, съ которыми авторъ оперируетъ какъ съ уѣздами, входящими въ обнаруженные имъ замкнутые районы. Все это заставляетъ относиться къ выводамъ г. Чепур-

Валдайскій районъ.				Рязанскій районъ.			
Уѣзды:	число			Уѣзды:	число		
	м.	ж.	гол. указ.		м.	ж.	гол. указ.
Тверской губ.				Рязанской губ.			
Осташковский	1	25	83,9	Рязанскій	33	258	79,9
Ржевскій	1	15	84,1	Касимовскій	26	47	79,6
Новгородской губ.				Спасскій	27	217	79,0
Демьянскій	129	24	83,4	Сапожковскій	2	17	78,8
Псковской губ.				Рязкскій	—	16	78,9
Холмскій	—	7	83,2	Раненбургскій	—	32	79,9
Новоржевскій	—	27	83,3				
Великолукскій	—	13	83,6	Тамбовской губ.			
Смоленской губ.				Елатомскій	8	8	79,6
Вѣльскій	61	26	84,0	Шацкій	12	13	79,4
Юхновскій	1	54	83,2	Козловскій	53	9	79,1
Гжатскій	126	82	83,3	Кирсановскій	10	6	78,8
Вяземскій	3	48	83,1	Борисоглѣбскій	20	4	79,7
Сычевскій	1	25	83,2	Моршанскій	16	3	78,9
Порѣчскій	7	1	85,0				
Духовщинскій	—	6	83,3	Пензенской губ.			
Московской губ.				Краснослободскій	13	6	79,2
Рузскій	3	64	83,8	Керенскій	42	3	79,8
Можайскій	1	43	83,3	Чембарскій	4	11	78,7
Верейскій	1	28	83,8				
Калужской губ.							
Медынскій	6	61	83,0				
Всего	341	549		Всего	266	650	

ковскаго съ большой осторожностью. Едва ли можно поручиться, что прибавленіе новаго матеріала въ данные районы или другіе меньше изслѣдованные районы не измѣнитъ цифръ, и что „ареалы обитанія“, которые являются для г. Чепурковскаго главнымъ доказательствомъ реальности типовъ, не расплывутся или не перемѣстятся, а открытые имъ основные типы, благодаря болѣе тщательному анализу матеріала, не окажутся ареальными. Поэтому, дѣленіе Велико-россиі на пять областей, причемъ почему-то забыть Новгородскій районъ, раздѣленіе Московской губ. на четыре части, нахожденіе разныхъ острововъ, склоновъ, террасъ, грабенныхъ и даже эоловыхъ столбовъ пока являются для насъ мало говорящими фигурами выраженія, которыя ничего не объясняютъ и нисколько не укрѣпляютъ построенія автора.

Что касается распредѣленія отгѣнковъ волосъ и глазъ, то, отмѣтивъ непослѣдовательность автора, придерживающагося географическаго метода, но не давшаго карты, мы, приведя общія замѣчанія самаго автора, не будемъ долго останавливаться на этомъ вопросѣ. Припомнимъ, что авторъ взялъ индексъ и цвѣтность, послѣ строгой оцѣнки признаковъ, которыми можно бы было воспользоваться для изученія различій въ населеніи Россіи. Но начиная передавать результаты изслѣдованія цвѣтности, онъ говоритъ, что не только нельзя сравнивать результаты наблюденій разныхъ авторовъ, но „и опредѣленія одного и того же автора далеко не всегда сравнимы между собою“. Е. М. Чепурковекій особенно подчеркиваетъ вліяніе освѣщенія при опредѣленіи цвѣта глазъ, относительно же цвѣта волосъ говоритъ, что онъ изслѣдовалъ, главнымъ образомъ, „коротко остриженныхъ“ солдатъ, почему опредѣленіе цвѣта „только весьма приблизительно“. Къ этому надо присоединить, скромно заявляетъ г. Чепурковскій, „и субъективное опасеніе съ моей стороны не увлечься констатированнымъ мною на женщинахъ посвѣтлѣніемъ волосъ въ валдайской области,—опасеніе которое, я полагаю, вводило меня иногда въ противоположную крайность“ (82 стр). Такъ авторъ старается объяснить нежелательный для него результатъ изслѣдованія. Мужчины изъ центра сохраненія свѣтлаго короткоголоваго типа вышли темными больше, чѣмъ слѣдовало, но они были коротко острижены. Женщины мало похожи по цвѣтности на мужчинъ, но, вѣдь, онѣ изслѣдовались въ закрытомъ помѣщеніи, а мужчины на открытомъ воздухѣ, что по наблюденіямъ автора даетъ большую разницу. Едва ли стоило такъ обезцвѣчивать свой матеріалъ ради схемы, съ которой онъ не мирится. Не лучше ли было пересмотрѣть эту схему, отобравъ безупречный матеріалъ, тогда можетъ быть, авторъ больше бы цѣнилъ „случайность“ наблюденій другихъ изслѣдователей. Приведа замѣчанія автора о собственномъ матеріалѣ, мы считаемъ лишнимъ останавливаться на его разборѣ и ограничимся констатированіемъ факта, что цвѣтность не дала автору опредѣленныхъ результатовъ и не подтвердила его предположеній. Самъ авторъ заявляетъ, „что у мужчинъ условія наблюденій не позволяютъ вывести опредѣленныхъ заключеній относи-

тельно цвѣта волосъ. Повидимому, въ Великороссіи особыхъ различій нѣтъ“ (101). Несмотря на все это, Е. М. Чепурковскій старается найти связь между индексомъ и цвѣтностью, причемъ отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующія наблюденія, на которыя обратимъ наше вниманіе. Ни одна изъ изображенныхъ на таблицахъ 12 и 13 комбинацій цвѣта глазь и волосъ по 20 районамъ, по собственному признанію автора на стр. 68, не обнаруживаетъ особаго отличія по индексу. Разсмотрѣніе таблицъ 15 и 16 и кривыхъ заставляетъ г. Ч.—каго признать, что, хотя среди мужчинъ въ прильменскихъ уѣздахъ длинноголовыхъ больше въ темномъ типѣ (крив. 3.), въ смоленскихъ уѣздахъ и Демянскомъ (центръ Валдайскаго района, Д. 3) “отношенія неясны, но намѣчается обратная зависимость (крив. 4), въ Вологодской губ. она становится яснѣе (крив. 5) и въ восточномъ районѣ (центръ относительно длинноголоваго темнаго типа, Д. 3.) явственно болѣе брахицефаленъ темный типъ (крив. 2) (69 стр.). Что касается женщинъ, то, если въ Валдайскомъ районѣ и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ отмѣчается склонность темнаго типа къ долихоцефалии, то уже въ Костромской, Ярославской и Владимирской гг. “отношенія довольно неясны. Въ Тульской и Рязанской губ. наблюдается обратная зависимость”. Такого рода результаты, отмѣченные самимъ авторомъ, мало его смущаютъ, и не мѣшаютъ ему на основаніи сопоставленія географическаго распредѣленія головного указателя и цвѣтности, не принимая во вниманіе другихъ признаковъ, выдѣлить типы населенія и опредѣленно говорить о восточномъ великоруссѣ—темномъ субдолихоцефалѣ Рязанскаго района, о западномъ великоруссѣ—свѣтломъ брахицефалѣ Валдайскаго района и малороссѣ—темномъ брахицефалѣ.

Въ этомъ смѣломъ и неособенно убѣдительномъ переходѣ отъ разсмотрѣнія распредѣленія головного указателя и цвѣтности, о сомнительномъ значеніи и неопредѣленности данныхъ которой говорилъ самъ авторъ, къ характеристикѣ типовъ населенія и сказалось различіе въ „географическомъ методѣ“ Е. М. Чепурковскаго и проф. Д. Н. Анучина, который въ своей очень цѣнной работѣ, давъ карты распредѣленія роста, говорилъ объ областяхъ высокорослости, или низкорослости, не дѣлая вывода о типахъ населенія. Въдѣ, преобладаніе въ какомъ-либо районѣ короткоголоваго типа населенія, размы не знаемъ ничего о другихъ признакахъ. Дѣйствительно, Рязанскій районъ является центромъ относительной длинноголовости, но, какъ это доказалъ В. В. Воробьевъ, райономъ со смѣшаннымъ населеніемъ, Валдайскій районъ представляетъ изъ себя область относительной короткоголоваго, но, судя по матеріаламъ д-ра Галая и пишущаго эти строки, тоже очень смѣшанный районъ.

Намѣчая свои типы, Чепурковскій мало останавливается на вопросѣ о связи, напримѣръ, малоросса съ восточнымъ великоруссомъ, западнаго великоросса съ великоруссомъ сосѣднихъ прильменскихъ уѣздовъ, за то говоритъ, что восточный великоруссѣ—это потомокъ древнихъ первонасельниковъ, родственныи курганному населенію,

как оно представлено в данных проф. Богданова, а западный великорусь—это позднейший пришелец-славянин. Нужно заметить, что в новой работе эту мысль г. Чепурковский высказывает не так решительно и определенно, как годом раньше в немецкой своей статье. Доклад, прочитанный Тольдтом на немецком антропологическом конгрессе в Веймар в лето 1912 года смутил автора, и теперь он не раз высказывается в том смысле, что „древний славянин был длинноголовым“ (93, 101 стр.). Таким образом, вопрос запутывается, и мы не знаем, кто ближе к славянам западный или восточный великорусь г. Чепурковского. Западный короткоголовый казался ближе раньше, а теперь, раз славяне были длинноголовы, пожалуй, восточный, более близкий древнему курганному населению, как утверждает автор. Можно сказать, что в данном отношении, как во всей работе исчезла та определенность и ясность схемы, данной Е. М. Чепурковским в своей „Anthropol. Studien“, относительно крайней упрощенности которой мы уже имели случай высказываться в другом месте.

Познакомившись с общим характером работы, посмотрим, насколько она удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляет к исследованию сам автор, давая примерный план такого (стр. 19). Что касается первого пункта, требующего от исследования достаточного материала, охватывающего большую территорию и с другой стороны, касающегося нескольких признаков, надо сказать, что у автора был очень обширный материал, хотя только относительно двух сознательно выбранных им признаков. На второй пункт, требующий исследования кривых и выделения их стойких комбинаций, автор обратил свое внимание, но не в достаточной мере проанализировал имеющийся материал и, получая противоречивые корреляции, упустил из вида возможное объяснение этого явления ничем иным, как чрезвычайной смещанностью и, вероятно, больше чем двух типов, что и маскировало ясность соотношений. Что касается третьего пункта, говорящего об изучении распределения признаков и нахождения центров сохранения типов населения, то, раз автор исследовал два признака или даже, достоверно только один, было бы естественно, если бы он ограничился только изучением и объяснением их распределения, но автор идет дальше, выделяет типы населения и тем самым налагает на себя новое обязательство о котором он говорит в 4-ом пункте. Открыв центры сохранения типов, необходимо их подробно и всесторонне изучить на месте, необходимы описательные характеристики, комбинированные фотографии и т. д. Г. Чепурковский ничего подобного нам не дает как это ему ни легко было сделать, раз он имел возможность, работать 15 лет и собрать такой большой материал. Хотя он несколько упоминает о том, что пробовал измерять чистые типы, но это упоминание ничего кроме вопроса не вызывает. Последний пункт важен и интересен, как весь его план, и касается необходимости сравнения открытых типов с изученным тем

же путемъ соотвѣстнымъ населеніемъ и сопоставленія съ данными археологіи, этнографіи, исторіи, лингвистики и т. д. Считаю намѣченные типы установленными и желаю найти въ имѣющихся данныхъ подтвержденіе своихъ выводовъ, авторъ посвящаетъ пятому пункту цѣлую главу.

Заканчивая свою замѣтку и оставляя въ сторонѣ незначительные недостатки, можно сказать, что работа Е. М. Чепурковскаго, не представляя въ своей основѣ въ методологическомъ отношеніи чего-нибудь особенно новаго, по обширности матеріала является работой, выдѣляющейся въ русской антропологической литературѣ. Это основное достоинство работы ослабляется недостаточно безупречнымъ характеромъ матеріала и не вполне удачными приѣмами обработки. Выводы автора благодаря этому намъ кажутся не убѣдительными, требующими провѣрки тѣмъ болѣе, что они не совпадаютъ съ данными другихъ изслѣдователей.

Отмѣтивъ большую заслугу Е. М. Чепурковскаго, благодаря 15-лѣтней работѣ котораго русская антропологическая литература получила очень обширный матеріалъ, мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что этимъ матеріаломъ въ опубликованномъ сейчасъ видѣ нельзя воспользоваться для другихъ изслѣдованій и хотя бы для нанесенія на антропологическую карту, которую намѣревается, собравъ необходимый матеріалъ, составить И. Р. Географическое Общество. Поэтому, выражая надежду, что Е. М. Чепурковскій продолжитъ болѣе подробное изслѣдованіе выдѣленныхъ имъ районовъ въ цѣляхъ провѣрки и установленія полной характеристики намѣченныхъ типовъ, выскажемъ пожеланіе прежде всего издать поясненія въ дополненіе къ опубликованнымъ таблицамъ или еще лучше индивидуальныя измѣренія, что придастъ работѣ дѣйствительно большую цѣнность.

Давидъ Золотаревъ.

И. И. Томиль. „Искусство палеолитическаго періода въ Европѣ“
(VII + 66 + 40 стр.; 40 отдѣльныхъ таблицъ и 53 рис. въ
текстѣ) Москва 1912 г. ц. 6. руб.

Какъ видно изъ заглавія, книга г. Томина посвящена вопросу о палеолитической культурѣ, именно наиболѣе яркой и интересной сторонѣ ея, первымъ попыткамъ художественнаго творчества нашихъ предковъ. Впервые, лѣтъ 50 тому назадъ французскіе ученые обратили вниманіе на кости со слѣдами художественной рѣзбы, встрѣчающіяся въ отложеніяхъ пещеръ среди разбитыхъ костей вымершихъ животныхъ, среди каменныхъ и костяныхъ орудій примитивныхъ формъ, въ условіяхъ, ясно говорившихъ за ихъ „дилювіальную“ древность. Съ тѣхъ поръ изъ разныхъ пещеръ и „убѣжищъ“ (l'abri sous roche) Франціи и отчасти другихъ европейскихъ областей, накопилась масса костяныхъ подѣлокъ (гл. обр. изъ „слоновой кости“ и рога сѣвернаго оленя)—гравюръ, рельефовъ скульптуръ—съ поразительнымъ художественнымъ реализмомъ изображающихъ то, что особенно привлекало вниманіе первобытнаго человѣка изъ окружавшаго его міра—людей, животныхъ, растений и проч. Изъ года въ годъ, благодаря гл. обр. плодотворной дѣятельности французскихъ изслѣдователей, открываются все новые, часто совершенно неожиданные факты, характеризующіе творчество первобытнаго человѣка. Такъ, лишь за послѣдніи десять-пятнадцать лѣтъ найдено во Франціи (и частью въ Испаніи) громадное количество пещерныхъ стѣнныхъ рисунковъ, относимыхъ также къ палеолитическому періоду. Очень любопытные образчики палеолитическаго искусства найдены уже и у насъ: въ Кирилловской (кіевской) и Мезинской (черниговской) палеолитическихъ стоянкахъ. Конечно, интересъ всѣхъ этихъ открытій выходитъ за предѣлы, узко спеціальныя. Здѣсь, у примитивныхъ племенъ, жившихъ въ суровыхъ условіяхъ приполярнаго климата, обладавшихъ крайне скудными жизненными ресурсами, но артистически богато одаренныхъ, мы можемъ наблюдать возникновеніе—много десятковъ тысячъ лѣтъ тому назадъ—изобразительнаго искусства, на основаніи фактовъ можемъ устанавливать законы его развитія, этапы имъ пройденные. Кромѣ того, въ произведеніяхъ этого искусства палеонтологъ черпаетъ болѣе полное знаніе быта древне-четвертичнаго человѣка и получаетъ нѣкоторую шкалу для опредѣленія общаго роста культуры. Въ русской научной литературѣ не существуетъ однако ни оригинальныхъ, ни даже переводныхъ работъ, посвященныхъ этимъ вопросамъ. Пробѣлъ этотъ и желалъ заполнить г. Томиль.

Авторъ предназначаетъ свою книгу не для спеціалистовъ, а для „начинающаго русскаго изслѣдователя“, какъ выражается г. Томиль

Онъ намѣревается дать „начинающему русскому изслѣдователю“ нѣчто вродѣ руководства по палеолитическому искусству. Къ сожалѣнію, цѣнность работы г. Фомина подрывается тѣмъ крупнымъ недостаткомъ, что авторъ, повидимому, знакомъ, главнымъ образомъ, съ одной изобразительной стороной палеолитической культуры. Во введеніи, напримѣръ, онъ говоритъ: «общая картина культуры палеолитическаго періода каменнаго вѣка, хотя и не является „соціологическимъ романомъ“, какъ это думаетъ Э. Гроссе, но все-же въ ней такъ много невыясненнаго и спорнаго, что едва-ли въ цѣломъ можно вполне понять и съ достаточной научной достовѣрностью объяснить эту стадію человѣческаго развитія. Даже цѣлыя эпохи этого періода, какъ, напр., Солютрейская, относятся нѣкоторыми къ неолитическому періоду».

Какъ ни мало, пожалуй, сдѣлано еще въ области палеолитической культуры, однако, многіе существенные штрихи картины уже намѣчены и игнорировать ихъ не слѣдуетъ. Въ вопросѣ о Солютрейской эпохѣ, напр., г. Фомина явно впалъ въ заблужденіе. Существованіе особой Солютрейской палеолитической эпохи, по крайней мѣрѣ, во Франціи, рѣшено уже давно и окончательно, и говорить теперь, какъ это дѣлаетъ авторъ на 51 стр., о возможности смѣшенія пластовъ недосмотромъ изслѣдователей, о принадлежности солютрейскихъ находокъ къ неолиту, больше чѣмъ неосторожно. Не будучи достаточно основательно знакомымъ съ работами по палеолитической культурѣ, авторъ тѣмъ самымъ теряетъ необходимую опору для оцѣнки произведеній искусства и для установленія общей перспективы: благодаря этому, авторъ слишкомъ часто впадаетъ въ беспочвенный и безплодный скептицизмъ. Для него въ этой области знанія есть только вопросы, споры, столкновенія мнѣній, и нѣтъ ничего опредѣленнаго, положительно установленнаго.

Пересматривая книжку въ первыхъ шести главахъ мы находимъ краткій историческій очеркъ главнѣйшихъ находокъ въ области палеолитическаго искусства, а затѣмъ рядъ очерковъ по отдѣльнымъ сюжетамъ этого искусства: человѣкъ, животныя, растенія и пр. Къ сожалѣнію, очерки эти мало содержательны: это описанія безъ серьезнаго научнаго анализа, безъ руководящей идеи. Слѣдующая, VII глава, озаглавлена „характеристика раскопокъ пещеръ съ объектами палеолитическаго искусства и открытій стѣнной живописи“. Читатель ждетъ, что авторъ подѣлится съ нимъ обширнымъ опытомъ французскихъ изслѣдователей, дастъ указанія, какъ производятся раскопки пещеръ во Франціи, этой классической странѣ палеолита; познакомитъ съ тѣмъ, что представляютъ собой скопленія культурныхъ остатковъ; какъ они напластовываются, давая возможность стратиграфическаго изученія; какъ въ вертикальномъ разрѣзѣ классическихъ пещеръ дана наглядная схема смѣны эпохъ и культуръ и т. д. Въмѣсто этого авторъ говоритъ о ненаучности раскопокъ нѣкоторыхъ пещеръ. Конечно, приемы раскопокъ первыхъ французскихъ изслѣдователей—какъ это справедливо отмѣчаетъ Пьеттъ—стояли не на должной высотѣ. Конечно, были и бываютъ

плохія, ненаучныя раскопки. Но постепенно накапливается опытъ, совершенствуется техника; съ ростомъ положительнаго знанія увеличиваются и требованія, предъявляемые къ изслѣдованіямъ, естественно растутъ и ихъ научная цѣнность. Но неужели г. Фоминъ недоувѣряетъ рѣшительно всѣмъ раскопкамъ? Если это не такъ, почему же онъ ни слова не говоритъ о томъ, какіе же результаты даютъ вполне научныя изслѣдованія пещеръ?

Центральная глава VIII—«генеазисъ палеолитическаго искусства, его общая характеристика». Вслѣдъ за изложеніемъ классификаціи Пьетта автору, который не согласенъ съ его схемой развитія искусства отъ скульптуры къ гравюрѣ, естественно было бы, на основаніи фактическихъ же данныхъ изъ иныхъ раскопокъ, которымъ онъ довѣряетъ, высказать свои взгляды или мнѣніе ученыхъ, авторитетъ которыхъ онъ признаетъ. Въмѣсто этого онъ замѣчаетъ: «едва ли также можно согласиться со взглядомъ нѣкоторыхъ французскихъ ученыхъ на пещеры, какъ на драгоценныя шкатулки, въ которыхъ въ полной неприкосновенности хранятся тысячелѣтніими предметы, палеолитической культуры, не говоря уже объ естественныхъ причинахъ, которыя могутъ значительно перемѣшать пласты; развѣ не могутъ также перерыть землю разныя животныя или даже кладоскатели? Подобное явленіе мы и наблюдаемъ въ нашихъ курганахъ» Такимъ образомъ, авторъ совершенно не довѣряетъ ни пещерамъ, какъ хранилищамъ остатковъ палеолитической культуры, но довѣряетъ также ихъ изслѣдователямъ. Будучи послѣдовательнымъ онъ не долженъ бы вѣрить и палеолитической древности искусства, которому посвящена его книга. Теоріи Пьетта, одного изъ лучшихъ знатоковъ вопроса, авторъ противопоставляетъ свои апріорныя сужденія о томъ, какъ должно было, по его мнѣнію, развиваться первобытное искусство, подкрѣпляя ихъ ссылкой на наблюденія надъ своими дѣтьми. Также скеплично настроенъ авторъ и въ послѣдней, IX главѣ, первой части своего труда. Осторожность и критическое отношеніе необходимы во всякой серьезной научной работѣ, но чрезвычайный скептицизмъ автора, вовсе не оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ науки о палеолитическомъ человѣкѣ.

Вторая часть книги содержитъ таблицы фотографій и поясненія къ нимъ. Фотографіи эти исполнены недостаточно удовлетворительно, что очень досадно, такъ какъ подборъ ихъ сдѣланъ довольно полный.

Благодаря указаннымъ недостаткамъ книгу эту врядъ-ли можно рекомендовать человѣку, мало знакомому съ вопросомъ, а также „начинающему русскому изслѣдователю“, для котораго авторъ, главнымъ образомъ, предназначаетъ свой трудъ.

П. Е.

Homo sapiens. Einleitung zu einem Kurse der Anthropologie von Dr. V. Giuffrida-Ruggieri, Professor der naturwissenschaftlichen Fakultät an der k. Universität zu Neapel. Autorisierte Übersetzung aus dem Italienischen. Mit 7 Abbildungen. Wien und Leipzig. A. Hartleben's-Verlag, 1913. VIII+198 S. 8°.

Въ этой работѣ авторъ пытается представить синтезъ своихъ моногенетическихъ и мутаціонныхъ взглядовъ, въ приложеніи ихъ къ человѣку, которые онъ неоднократно высказывалъ въ своихъ прежнихъ трудахъ.

Онъ старается доказать, что: I) человѣчество происходитъ отъ одной однородной породы пралюдей, которая жила, вѣроятно, въ Индо-малайскомъ краѣ; II) развитіе человѣчества происходило мутаціонно, неравномѣрно и съ перерывами, какъ результатъ развитія „параллельныхъ“ силъ, скрывающихся внутри самого человѣческаго рода; III) развитіе расъ изъ первоначальныхъ формъ происходило „ортогенетически“, т. е. количество направлений этого развитія было небольшое, а развитіе происходило „означеннымъ“ путемъ IV) главною основою развитія расъ является отдѣленіе, поэтому указанное развитіе проявилось больше всего на окраинахъ большихъ заселенныхъ пространствъ. Такъ возникли главныя „окраинныя формаціи“: 1) Австрало-океаническая (Австралийцы и Тасманцы) 2) Австрало-африканская (Бушмены и Готентоты); 3) „Неа“, т. е. окрестности сырыхъ тропическихъ лѣсовъ (Пигмеи, Негры, Акка); 4) Палеарктическая (Японцы и Самоѣды); 5) Неоарктическая (Эскимосы, Чукчи); 6) Австрало-американская (жители Огненной земли, Ботокуды); 7) Субавстралийская (Айны) и 8) Сѣверо-сибирская (Алеуты, Гиляки, Якуты и др.); V) указанныя „окраинныя формаціи“ являются „архаичными“, „палеоморфными“, иначе первоначальными расами; VI) дальнѣйшее развитіе расъ происходило главнымъ образомъ подъ влияніемъ смѣшенія первоначальныхъ формацій (метаморфизмъ); VII) наследованіе расовыхъ особенностей происходитъ по законамъ Менделя, и VIII) нынѣшняго человѣка (*Homo sapiens*) надо считать не особымъ родомъ (*genus*), а „сборной породой“ (*species collectiva*).

Въ концѣ книги авторъ даетъ слѣдующій набросокъ систематическаго раздѣленія человѣчества:

Hominidae fam.

HOMO, gen.

Homo sapiens, spec. collect. (vel system):

H. s. australis, spec. elem.

„ „ „ australianus, var.

Hs. austral. veddaicus senoiicus subv.

„ „ „ „ toala, subv.

„ „ „ tasmanicus, var.

„ „ „ melanesiensis, var.

H. s. pygmaeus, spec. elem.

„ „ „ melanesiensis, var.

„ „ „ asiaticus, var.

H. s. pigmaeus asiaticus andananicus, subv.	H. s. asiaticus, spec. elem.
" " " semangicus, subv.	" " " palaeoarcticus var.
" " " philippinensis, subv.	" " " neoarcticus, var.
" " " africanus, var.	" " " mongolicus, var.
" " " glaber, subv.	" " " meridionalis, var.
" " " pilosus, subv.	H. s. oceanicus, spec. elem.
" " " steatopygus, subv.	" " " ainu, var.
H. s. indo-africanus, spec. elem. (?)	" " " polynesiacus, var.
" " " dravidicus, var.	" " " protomorphus, subv.
" " " aethiopicus, var.	" " " centro-orientalis, subv.
H. s. niger, spec. elem.	" " " pseudomediterraneus, subv.
H. s. americanus, spec. elem.	H. s. indo-europaeus, spec. elem.
" " " nordicus, var.	" " " brachymorphus, var.
" " " neotropicus, var.	" " " alpinus, subv.
" " " andinus, var.	" " " armenicus, subv.
" " " patagonicus var.	" " " dolichomorphus, var.
H. s. australis australian. hypsistenocephalus, subv.	" " " nordicus, subv.
" " " neandertalicus subv.	" " " mediterraneus, subv.
" " " veddaicus, var.	" " " indo-afghanus, subv.
" " " ceylonensis, subv.	

Къ разсматриваемой работѣ приложена карта, на которой изображено распределение на земномъ шарѣ восьми человѣческихъ главныхъ видовъ (species elementaris), вмѣстѣ съ полосами современнаго метаморфизма. Кромѣ этого, слѣдуетъ отмѣтить: 1) чрезвычайное богатство литературы: въ книгѣ, въ которой 181 стран. мал. 8°, авторъ касается взглядовъ 242 другихъ авторовъ, приводя до 400 названій ихъ трудовъ; 2) остроумную критику другихъ авторовъ; 3) глубокое убѣжденіе въ правдивости моногенетическихъ мутаціонныхъ взглядовъ, что нерѣдко доходитъ даже до предубѣжденности.

Однако, не смотря на это, автору не удалось доказать справедливости всѣхъ своихъ взглядовъ. Прежде всего онъ не формулируетъ точно, что онъ разумѣетъ подѣ понятіями: „мутаціонизмъ“ и „моногоенизмъ“. Съ одной стороны, авторъ съ презрѣніемъ высказывается о дарвинизмѣ, игнорируя половой подборъ, сводитъ до нуля естественный подборъ и приспособленіе, а съ другой—рѣшительно выступаетъ противъ такихъ „чисто“ мутаціонныхъ взглядовъ на происхождение человѣка, какъ „патологическія уклоненія“ Гернеса (Hoernes), monstre simien и „enfant prodige“ Мечникова и „человѣкъ-ангелъ“ Сака (Sacco). Авторъ постоянно ищетъ механическихъ правилъ развитія и во главѣ всѣхъ ставитъ законы Менделя, которые въ основѣ своей противоположны чистому мутаціонизму.

Неудивительно, что авторъ часто впадаетъ въ противорѣчіе: напр., одинъ разъ признаетъ, другой—оспариваетъ вліяніе окружаю-

щихъ обстоятельствъ. Разумѣется, такіе взгляды мало имѣютъ общаго съ мутаціонизмомъ.

Точно такъ же неточно опредѣлено и понятіе „моногенизмъ“. Слишкомъ рѣзко критикуя взгляды нѣкоторыхъ своихъ противниковъ-полигенистовъ (Клячъ, Серджи и др.) и переходя въ лично обидный тонъ, авторъ въ то же время соглашается съ генеалогической схемой Арльдта (Arlidt): *Prothylobates* — *Protanthropus* — *Номо primigenius* — *Номо sapiens*, считая питекантропа „младшимъ братомъ“, а обезьянъ нѣчто вродѣ единокровныхъ братьевъ чело-вѣка. Слѣдовательно, онъ допускаетъ возможность происхожденія чело-вѣка изъ „низшихъ“ формъ, хотя и не доказываетъ, что эти низшія формы были только одного рода, или, что чело-вѣкъ происходитъ лишь отъ одного изъ ихъ видоизмѣненій. Добавимъ, что границы „очеловѣченія“ (*homination*) очевидно зависятъ совершенно отъ субъективныхъ взглядовъ.

Надо признать, что авторъ старательно относитъ къ антропологическимъ явленіямъ и понятіямъ термины, которые употребляются въ мутаціонныхъ гипотезахъ и нынѣшней біологіи; однако, такимъ переименованіемъ и заканчивается поясненіе явленій.

Но, указавъ эти недостатки, необходимо признать великую заслугу автора въ томъ, что онъ впервые рѣшилъ всѣ главныя антропологическія явленія разсматривать на біогеографическихъ основахъ и искать причины этихъ явленій въ молекулярно-біо-хими-ческихъ перемѣнахъ клѣточной плазмы чело-вѣка. Если къ этому еще прибавить чрезвычайное богатство литературнаго матеріала по отдѣльнымъ вопросамъ, то мы должны признать, что разсматриваемая нами работа представляетъ цѣнный вкладъ въ антропологическую литературу.

Иванъ Раковскій.

Краткій обзоръ дѣятельности Русскаго Антропологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 25 лѣтъ (1888—1913).

Мысль объ организаціи въ С.-Петербургѣ антропологическаго общества возникла среди членовъ съѣзда врачей и естествоиспытателей. Въ теченіе 1886 г. группа лицъ изъ числа заинтересовавшихся новымъ начинаніемъ выработала уставъ, который, по разсмотрѣніи въ правительственныхъ учрежденіяхъ, былъ утвержденъ 10 ноября 1887 г., а 28 февраля 1888 г. въ 1 часъ дня попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа было открыто Русское Антропологическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. При открытіи присутствовали слѣдующіе гг. члены-учредители Общества: лаборантъ геологическаго кабинета П. Н. Венюковъ, доцентъ военно-медицинской академіи С. Н. Данилло, профессоръ военно-медицинской академіи А. П. Доброславинъ, докторъ А. В. Елисеѣвъ, приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи А. Ф. Эрлицкій, докторъ Л. К. Ивановскій, профессоръ С.-Петербургскаго Университета А. А. Иностранцевъ, профессоръ С.-Петербургскаго Университета Н. И. Карѣвъ, профессоръ П. Ф. Лесгафтъ, докторъ И. В. Маляревскій, профессоръ С.-Петербургскаго Университета Н. А. Меншуткинъ, профессоръ военно-медицинской академіи П. П. Суцинскій, профессоръ военно-медицинской академіи А. Н. Тарнецкій, женщина-врачъ П. Н. Тарновская, кандидатъ естественныхъ наукъ П. С. Яковлевъ и докторъ Я. М. Шмулевичъ.

Предсѣдателемъ Общества единогласно былъ избранъ профессоръ А. А. Иностранцевъ, бывшій предсѣдателемъ организаціоннаго бюро, выполнившего всю предварительную работу по организаціи новаго общества. Въ Совѣтъ Общества вошли избранные единогласно: товарищемъ предсѣдателя—профессоръ военно-медицинской академіи А. И.

Таренецкій, секретаремъ—доцентъ военно-медицинской академіи С. Н. Данилло, казначеемъ—женщина-врачъ П. Н. Тарновская, членами Совѣта—академикъ Ф. В. Овсянниковъ, профессоръ Университета Н. П. Вагнеръ, профессоръ П. Ф. Лесгафтъ, привать-доцентъ военно-медицинской академіи А. Ф. Эрлицкій, кандидатъ естественныхъ наукъ П. С. Яковлевъ и докторъ А. В. Елисѣевъ.

На первомъ же засѣданіи было предложено избрать въ почетные члены профессора Московскаго Университета А. П. Богданова и въ дѣйствительные члены: Д. Н. Анучина Н. Е. Бранденбурга, М. И. Семевского, князя П. А. Путятина, графа А. А. Бобринскаго и др. Если къ этому прибавить, что, кромѣ перечисленныхъ лицъ, въ числѣ 32 членовъ-учредителей были академики и профессора: В. Л. Груберъ, И. П. Корниловъ, В. И. Ламанскій, Д. И. Менделѣевъ И. М. Сѣченовъ, Н. Л. Дювернуа и др., то можно сказать что Русское Антропологическое Общество объединило очень многихъ выдающихся русскихъ ученыхъ и встрѣтило сочувствіе въ научной средѣ.

Вновь открытое Общество цѣлью своей дѣятельности поставило:

а) изученіе человѣческихъ расъ вообще и преимущественно населяющихъ или населявшихъ Россію въ антропологическомъ, т. е. біологическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ.

б) собраніе коллекцій, относящихся къ антропологии.

в) распространеніе антропологическихъ знаній въ Россіи.

г) сближеніе съ иногородными изслѣдователями, снабженіе ихъ инструкціями, литературными указаніями, приборами и вообще оказаніе всякаго рода пособія.

Для достиженія предположенной цѣли Общество получило право: устраивать собранія для научныхъ сообщеній, открывать платныя и бесплатныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ Совѣтомъ Общества; снаряжать экспедиціи и экскурсіи для ученыхъ изслѣдованій; устраивать антропологическіе выставки и съѣзды; печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ или періодическихъ изданій; предлагать задачи и за рѣшеніе ихъ выдавать денежныя преміи и медали.

На первых порах своей дѣятельности Антропологическое Общество принуждено было ограничиться устройствомъ собраній и печатаніемъ протоколовъ. Въ теченіе перваго года состоялось пять засѣданій, изъ которыхъ всѣ, кромѣ перваго, организаціоннаго, были посвящены научнымъ сообщеніямъ и ихъ обсужденію. Интересно отмѣтить, что первые два доклада были прочитаны профессоромъ П. Ф. Лесгафтомъ по вопросу о методахъ антропологическаго изслѣдованія. Такимъ образомъ, Общество начало свою жизнь однимъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ, который могъ и долженъ былъ стать передъ новой научной организаціей. Нужно сказать, что доклады П. Ф. Лесгафта и особенно своеобразная точка зрѣнія выдающагося анатома и педагога вызвали очень оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принялъ живѣйшее участіе въ качествѣ оппонента докладчику профессоръ Д. Н. Анучинъ, и способствовали выясненію тѣхъ задачъ, которыя ставило себѣ Антропологическое Общество. Два другія сообщенія, прочитанныя въ теченіе перваго года, были изъ области анатомической антропологии. Несмотря на незначительное количество засѣданій, Общество привлекло новыхъ членовъ и къ концу года насчитывало въ своемъ составѣ, кромѣ членовъ-учредителей, 1 почетнаго члена, 4 членовъ-сотрудниковъ и 15 дѣйствительныхъ членовъ. Увеличеніе числа членовъ, многочисленныя привѣтствія научныхъ обществъ и ученыхъ Западной Европы и Россіи, предложенія вступать въ обмѣнъ изданіями, присылка трудовъ, работъ и т. д. говорили о несомнѣнномъ сочувствіи дѣятельности новаго общества и жизненности его задачъ. Что касается средствъ, то до 1 января 1889 г. въ кассу Общества поступило, въ формѣ членскихъ взносовъ, 235 р., изъ которыхъ 100 р., согласно устава, отчислено въ неприкосновенный капиталъ, 69 р. 25 к. израсходовано на нужды Общества. Послѣдующіе годы дѣятельность Общества развивается въ томъ же направленіи. Число членовъ, хотя незначительно, но увеличивается. Состояніе кассы однако не блестяще, такъ какъ членскіе взносы поступаютъ плохо. Недостатокъ средствъ и отсутствіе собственнаго помѣщенія губельно отражаются на дѣлахъ Общества. Несмотря на это, Обществу удается за первые пять лѣтъ дѣятельности издать три книжки „Протоколовъ“, гдѣ напечатаны уставъ, протоколы

засѣданій, отчеты и нѣсколько авторефератовъ. Въ 1892—1893 г. дѣятельность Общества ослабляется, на время прерывается, но вскорѣ налаживается вновь, причемъ число членовъ увеличивается избраніемъ 22 дѣйствительныхъ и 1 почетнаго члена. Дѣлается большой шагъ впередъ въ жизни Общества перенесеніемъ библиотеки въ зданіе Университета, чѣмъ устанавливается связь съ Кабинетомъ географіи и антропологіи при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Въ 1893—1894 отчетномъ году передается Антропологическому Обществу для разработки громадная коллекція курганныхъ череповъ, оставшаяся послѣ смерти доктора Л. К. Ивановскаго. За изученіе костнаго матеріала берется новый предсѣдатель общества профессоръ Э. Ю. Петри совместно со своимъ ученикомъ А. П. Павловымъ-Сутугинымъ, который и представляетъ въ послѣдствіи два доклада о результатахъ своихъ работъ. Въ указанный періодъ дѣятельности Общества не разъ поднимался вопросъ о матеріальной поддержкѣ членовъ въ ихъ лѣтнихъ научныхъ экскурсіяхъ, но недостатокъ средствъ, которыхъ не хватало даже на изданіе протоколовъ, не давалъ возможности выполнить желаніе Общества. Помощь Общества выражалась только въ выдачѣ открытыхъ листовъ съ просьбой объ оказаніи содѣйствія изслѣдователямъ на мѣстахъ. Въ силу такого положенія, естественно, что изслѣдованія, а также и сообщенія носили большей частью случайный характеръ. Въ послѣдующіе 1895, 1896 гг., хотя число членовъ доходитъ до 92 человекъ, состояніе кассы еще болѣе ухудшается, появляется долгъ и положеніе нѣсколько поправляется лишь тѣмъ, что Университетъ, относясь сочувственно къ цѣлямъ Общества, въ 1896 г. признаетъ возможнымъ оказать ему матеріальную поддержку, выдавая ежегодно 200 р. на изданіе трудовъ. Библиотека Общества попрежнему пополняется пожертвованіями и обмѣнными изданіями. 1896—1897 отчетный годъ слѣдуетъ отмѣтить общимъ усиленіемъ дѣятельности. Лѣтомъ 15 членовъ Общества предпринимаютъ различныя экскурсіи по Россіи и за границей, причемъ нѣкоторые по строго намѣченной программѣ. Можно указать на поѣздку В. А. Романова ¹⁾

¹⁾ Коллекція около 70 череповъ, привезенныхъ г. Романовымъ, передана по смерти В. А. Романова въ Кабинетъ Географіи и Антропологіи при СПб. Университетѣ.

въ Аравію, по маршруту и программѣ, выработаннымъ совместно съ профессоромъ Петри. Въ указанномъ отчетномъ году состоялось наибольшее за первые 22 года дѣятельности Общества число засѣданій—8 съ 15 докладами. Въ 1899 г. Общество переноситъ большую утрату въ лицѣ скончавшагося 28 сентября предсѣдателя Э. Ю. Петри, который много энергіи и труда отдалъ дѣлу развитія Антропологическаго Общества. Смерть его не могла не отразиться на дѣятельности Общества. 10 декабря 1899 г. предсѣдателемъ Общества выбирается приватъ-доцентъ Д. А. Коропчевскій, и дѣятельность Общества вновь налаживается. 1900—1901 г. слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ тогда впервые и единственный разъ за все время существованія Общества было выдано денежное пособіе въ размѣрѣ 50 р. одному студенту на изслѣдованіе карель. Седьмой выпускъ протоколовъ Общества выходитъ въ 1902 г. Въ 1903 г. умираетъ предсѣдатель Общества прив.-доц. Д. А. Коропчевскій, и дѣятельность Общества возобновляется воспоминаніями о немъ и оцѣнкой его научныхъ трудовъ. Въ 1904 г., по избраніи предсѣдателемъ профессора Н. М. Маліева, не удовлетворяясь издававшимися до 1902 г. „Протоколами“, Общество рѣшаетъ приступить къ изданію своихъ трудовъ въ видѣ „Ежегодника“, I-й томъ котораго и удаётся выпустить въ 1905 г. Въ Обществѣ вновь дѣятельность оживаетъ, предпринимаются мѣры для полученія членскихъ взносовъ, благодаря чему за годъ собирается 153 р., количество членовъ увеличивается до 132 человекъ, готовится къ печати „Ежегодникъ“. Отмѣтивъ ужасныя условія, въ которыхъ находятся коллекціи Общества, помѣщающіяся на чердакѣ Университета, въ сѣняхъ, гдѣ сложены дрова и т. д., Общество ходатайствуетъ передъ Университетомъ о предоставленіи болѣе подходящаго помѣщенія какъ для краіологической коллекціи, такъ и для бібліотеки Общества. Но оживленіе и ростъ Общества встрѣчаютъ препятствія внѣшняго характера. Въ 1905 г. удаётся устроить только одно засѣданіе, такъ какъ Университетъ былъ закрытъ для собраній, вслѣдствіе чего Общество лишилось возможности вести обычныя занятія. Несмотря на это, число членовъ въ 1905 г. увеличивается до 143 человекъ, а въ 1906 г. достигаетъ своего максимума—150 человекъ. Въ 1905 г. собирается

наибольшая сумма членских взносов за все время существования Общества—192 р. 12 к. Несмотря на неоднократныя попытки устроить засѣданіе въ началѣ 1906 г., это не удается по независящимъ обстоятельствамъ, и только съ ноября устанавливается правильная дѣятельность Общества, при чемъ до конца года собирается три засѣданія. Въ 1907 г. выходитъ II-й томъ „Ежегодника“, запоздавшій вслѣдствіе указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ же году Обществу опять приходится лишиться помѣщенія, благодаря переводенію аудиторіи профессора П. И. Броунова изъ главнаго Университетскаго зданія на 16 линію Вас. Острова. Библіотека осталась на произволъ судьбы въ опустѣвшей аудиторіи, корреспонденція получалась неаккуратно, неоднократныя просьбы дать постоянный пріютъ Обществу не сразу увѣнчались успѣхомъ. Только въ 1908 г. жизнь Общества опять прошла болѣе или менѣе нормально. Благодаря ректору Университета И. И. Боргману, предоставившему свою аудиторію для засѣданій Общества, оно получило возможность устроить нѣсколько засѣданій. Библіотека же была перевезена въ Географическій кабинетъ при Университетѣ, чѣмъ было обезпечено, если не пользованіе ею, то, по крайней мѣрѣ, сохранность. Возобновленіе и болѣе или менѣе правильное функціонированіе Общества дали возможность въ 1909 г. издать III-й томъ „Ежегодника“. Но только начавъ съ конца 1910 г. устраивать свои засѣданія въ Кабинетѣ Географіи и Антропологии, гдѣ помѣщалась и библіотека Общества, оно получило возможность, наконецъ, правильно развиваться. Чтеніе тамъ же курсовъ антропологии и этнографіи, начавшееся съ 1906—1907 г., и въ особенности совмѣщеніе съ 1911 г. въ лицѣ приватъ-доцента Ѳ. К. Волкова функцій предсѣдателя Общества и преподавателя указанныхъ курсовъ, много содѣйствовало оживленію Общества привлеченіемъ постояннаго притока молодыхъ силъ и работниковъ. Не имѣя возможности оказывать матеріальную поддержку, Общество всегда охотно содѣйствовало молодежи въ антропологической работѣ во время каникулъ, выдавая открытые листы. Такъ, на примѣръ, лѣтомъ 1911 г. Обществомъ были командированы для антропологическихъ изслѣдованій студентъ А. Г. Алешо въ Кіевскую губ., гдѣ имъ было измѣрено 120 мужчинъ-укра-

инцевъ (80 въ Уманскомъ у. и 40 въ Таращанскомъ) и сдѣлано 34 фотографіи измѣренныхъ, и Л. Е. Чикаленко— въ Полтавскую губ., измѣрившій около 100 полтавцевъ Лѣтомъ 1912 г. были командированы: дѣйствительный членъ В. В. Сахаровъ въ Волынскую губ., гдѣ имъ измѣрено около 200 украинцевъ; членъ сотрудникъ Л. Е. Чикаленко въ Полтавскую губ., гдѣ онъ продолжалъ свои антропометрическія работы; студентъ А. З. Носовъ въ Королевство Сербію, гдѣ имъ измѣрено 100 сербовъ; студентъ Артюховъ въ Кіевскую губ., гдѣ имъ измѣрено свыше 200 украинцевъ, студентъ Кондрашенко въ Харьковскую и Таврическую губ. гдѣ имъ измѣрено 240 украинцевъ; студентъ Троицкій въ Иркутскую губ., гдѣ имъ измѣрено 20 карагасовъ; О. Н. Соловьева въ Тверскую губ., гдѣ по порученію Общества собрала большую коллекцію неолитическихъ орудій и остатковъ керамики.

Такимъ образомъ, Общество способствовало накопленію въ университетскомъ Кабинетѣ Географіи и Антропологии большого научнаго матеріала по антропологии Россіи. Оно давало возможность молодежи дѣлиться результатами своихъ работъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Общества мы встрѣчаемъ не мало подобнаго рода сообщеній на засѣданіяхъ Общества. Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что два послѣдніе года по количеству засѣданій и сообщеній превосходятъ предыдущіе годы. Въ теченіе 1911 и 1912 гг. состоялось 23 засѣданія съ 45 сообщеніями. Увеличились и поступления членскихъ взносовъ, несмотря на то, что число членовъ по сравненію съ 1906 г. значительно убавилось къ 1912 г. до 62 человекъ. Въ теченіе послѣдняго отчетнаго года выпущена 8-я книжка „Протоколовъ“ и заканчивается печатаніемъ IV томъ „Ежегодника“.

Подводя общій итогъ дѣятельности Антропологическаго Общества, можно сказать, что работа его свелась къ устройству засѣданій, печатанію своихъ трудовъ, пассивной помощи отдѣльнымъ изслѣдователямъ и организаціи библіотеки. За 25 лѣтъ существованія Общества состоялось 94 засѣданія, на которыхъ прочитано около 150 сообщеній. Изъ нихъ можно выдѣлить 77 антропологическаго или общебіологическаго характера, 41 этнографическихъ и 18 по археологии и доисторической антропологии. Напечатано 8

книжекъ „Протоколовъ“, и 4 тома „Ежегодника“. Въ библиотекѣ находится около 2.000 томовъ. Въ кассѣ Общества имѣется къ 15 декабря 1912 г.—66 р. 12 к. и 400 р. неприкосновеннаго капитала. Кромѣ того, въ распоряженіи Общества находится коллекція череповъ, превышающая 2000.

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ несложная исторія Русскаго Антропологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Нѣсколько разъ жизнь Общества замирала и можно было думать, что оно прекратитъ свое существованіе. Между тѣмъ Антропологическое Общество не только не погибло, но напротивъ, въ послѣдніе годы оно проявляетъ усиленную дѣятельность. Привлекая съ каждымъ годомъ новыя силы, работниковъ, получившихъ спеціальную научную подготовку, Общество тѣмъ самымъ укрѣпляетъ свое существованіе. Задача Общества, сгруппировавъ эти силы, дать возможность ихъ примѣненія въ дѣлѣ изученія антропологии, этнографіи и археологіи Россіи. Устраненіе основного препятствія, которое все время существованія Общества тормазило его дѣятельность—недостатка средствъ, не дававшего возможности выступить на путь самостоятельныхъ и планомѣрныхъ изслѣдованій и регулярнаго печатанія своихъ трудовъ, является очереднымъ вопросомъ, стоящимъ передъ Обществомъ. Вступая во второе двадцатипятилѣтіе, Антропологическое Общество надѣется, что, просуществовавъ 25 лѣтъ и, несмотря на всѣ препятствія, давъ значительные научные результаты, оно встрѣтитъ поддержку и сочувствіе и получитъ возможность теперь, когда его право на существованіе доказано самой жизнью, планомѣрно вести свою работу въ менѣ стѣснительныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Въ этомъ Общество видитъ залогъ своего болѣе плодотворнаго и свѣтлаго будущаго.

Доклады, сообщенія и рѣчи, прочитанные въ засѣданіяхъ Р. Антропологическаго Общества.

Адлеръ, Б. Ф. Памяти В. В. Воробьева (906).

Анучинъ, В. И. 1) Енисейцы (908). 2) Русскіе въ Туруханскомъ краѣ (1910).

Арсеньевъ, В. К. Черепа орочей (911).

Безпятовъ, Е. М. 1) Сирійскіе и палестинскіе черепа изъ коллекціи В. А. Романова (895). 2) Третій отчетъ по разработкѣ коллекціи Л. К. Ивановскаго (896).

- Бодуэнь-де-Куртене, И. А. Объ одной изъ сторонъ постепеннаго чело-
вѣченія языка въ области проианошенія въ связи съ антро-
пологіей (904).
- Браунъ, Ф. А. Къ вопросу о доисторическихъ передвиженіяхъ сла-
вянъ (900).
- Вончъ-Осмоловскій, Г. А. Обряды и вѣрованія хевсуръ (912).
- Бранденбургъ, Н. Е. Объ окраскѣ скелетовъ въ древнихъ курган-
ныхъ могилахъ (890).
- Бялынигкій-Бириля, Ф. А. 1) Головной указатель славянъ, летто-
литовцевъ и др. на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ
(904). 2) Нѣсколько наблюденій надъ варіаціями Роландовой
бородачи у челоуѣка (906). 3) Памяти И. П. Мержеевского (908).
4) Памяти В. И. Роборовскаго. 5) Памяти Н. В. Гильченко (911).
- Бѣлиловскій, К. И. 1) Къ вопросу о типѣ преступника (95). 2) Антро-
пологическая характеристика киргизской женщины (97).
- Бѣляковъ, С. А. 1) *Pachyserphalia et dementia paralytica* praesox въ
одномъ случаѣ наследственнаго сифилиса (90). 2) Памяти А. В.
Елисеѣва (95).
- Васильевъ, В. Н. Предметы культа ороковъ (911).
- Виноградовъ, Н. Н. Областные археологическіе съезды вообще и
предстоящій Костромской въ частности (908).
- Волковъ, Ф. К. 1) Къ вопросу о трифалангій большого пальца ноги
и руки (905). 2) Новѣйшія направленія въ антропологическихъ
наукахъ и ближайшія задачи антропологии. 3) Папуасы пле-
мени Кая-Кая. 4) Конгрессъ Французской Ассоціаціи Наукъ въ
Дижонѣ. 5) О находкѣ новаго палеолитическаго челоуѣка во
Франціи (11). 6) Международный конгрессъ доисторической
археологии и антропологии въ Женевѣ въ 1912 г. (12).
- Вольтеръ, Э. А. Къ какому антропо-этнологическому типу относи-
лось племя Ятвяговъ (906).
- Вырубовъ, Н. А. О зубахъ кабардинцевъ и татаръ Нальчинскаго
округа (91).
- Гартунгъ, Б. П. О криминальной этнографіи Корра (94).
- Гильченко, Н. В. 1) Антропологическій очеркъ осетинъ (90). 2) Тер-
скіе казаки (91).
- Далгатъ. Происхожденіе, организація и разложеніе агнатическаго
рода у чеченцевъ и ингушей (94).
- Даниловъ. Антропологическія и этнографическія изслѣдованія въ
Персіи (94).
- Джаваховъ, Г. А. 1) Къ вопросу о предполагаемомъ первичномъ на-
селеніи М. Азіи и о связи его съ населеніемъ Кавказа (907).
2) О продольномъ разрѣзѣ черепа у обезьянъ и различныхъ
челоуѣческихъ расъ (907).
- Дриль, Д. А. О подготовительныхъ работахъ къ конгрессу уголов-
ныхъ антропологовъ въ Женевѣ 1896 г. (95).
- Елисеѣвъ, А. Е. 1) Замѣтки по этнологіи М. Азіи (89). 2) Замѣтки
по этнологіи Персіи (900).
- Ефименко, П. П. Мезинская палеолитическая стоянка (12).

- Жаковъ, К. Θ. Составъ, границы и современное этнографическое состояніе азырянскаго населенія (907).
- Завалишина, М. Д. О лицевыхъ указателяхъ (11).
- Зачиняевъ, А. И. Задачи и методы современнаго этнографическаго изслѣдованія (907).
- Золотаревъ, Д. А. 1) Антропологическія данныя о великоруссахъ Ржевскаго и Осташковскаго уу. Тверской г. 2) Антропологическія данныя о великоруссахъ южной части Новгородской губ. (12).
- Ивановъ, Г. И. 1) Краниологическій разборъ коллекціи Вольтера (96). 2) Естественное и сверхъестественное въ представленіи народа (96). 3) Несторіанцы съ озера Иссы-Куля (97).
- Юхельсонъ, В. И. 1) О конгрессѣ американистовъ. 2) О подземныхъ жилищахъ племень С.-В. Азіи и С.-З. Америки (908).
- Кирилловъ, Н. В. 1) Эмпиризмъ въ народной медицинѣ (905). 2) Къ антропологін корейцевъ (11).
- Клеменецъ, Д. А. Воспоминанія о Д. А. Коропчевскомъ (904).
- Коропчевскій, Д. А. 1) Типъ и раса въ современной антропологін (93). 2) О народномъ характерѣ (по поводу книги „Les loix psychologiques de l'évolution des peuples“). 3) Отчетъ о латышской этнографической выставкѣ 1896 г. въ Ригѣ (96).
- Лебединскій, М. И. 1) О галласахъ провинціи Шоа (10). 2) Объ антропологін галласовъ провинціи Шоа (Абиссинія) (11).
- Лесгафтъ, П. Ф. 1) О методахъ антропологическихъ изслѣдованій (два сообщенія въ 1888 г.). 2) О положеніи черепа при измѣреніи (89).
- Малыревскій, И. С. 1) Факторы безсознательной и произвольной дѣятельности человѣка (95). 2) Мысли о происхожденіи организовъ (96). 3) Психологія болѣзненныхъ дѣтей. 4) Человѣкъ науки (99).
- Масловскій, С. Д. Горные таджики (900).
- Миллеръ, А. А. 1) Курганный могильникъ въ районѣ древняго Танаиса. 2) Технические приемы при раскопкахъ на мѣстѣ древняго Танаиса (11).
- Мисиковъ, М. А. Антропологическія свѣдѣнія объ осетинахъ (11).
- Млакосьвичъ, А. Н. Бронзовыя бляхи изъ Дагестанской обл. (11).
- Могиланскій, Н. М. 1) О научной дѣятельности Д. А. Коропчевскаго (904). 2) Объ инструкціи въ Трудахъ XIV-го Археолог. Съѣзда для лицъ, предпринимающихъ раскопки (11).
- Никольскій, Д. П. Этнографическо-антропологическій очеркъ мещеряковъ (94).
- Носовъ, А. З. 1) Бурятскій черепъ и погребеніе у бурятовъ (11). 2) Результаты антропологическаго изслѣдованія сербовъ Королевства. 3) Новыя данныя по антропологін сербовъ Королевства (12).
- Ольдерогге, В. В. 1) О результатахъ антропологической экскурсіи въ Сванетію (91). 2) Врожденно-деформированные черепа. 3) О чрезмѣрной волосатости (93).

- Оршанскій, Л. Г. 1) О дѣтскихъ рисункахъ (908). 2) Ученіе Ломброзо объ антропологическихъ особенностяхъ преступника (909).
- Павловъ (Сутугинъ), А. П. 1) Предварительный обзоръ курганнаго матеріала покойнаго Л. К. Ивановскаго (95). 2) Частная разработка коллекціи Л. К. Ивановскаго со стороны аномалій черепа (96)
- Пантюховъ, И. И. 1) О вырождающихся типахъ семитовъ (88). 2) За мѣтки по антропологии Кавказа (91).
- Пацукевичъ, Н. Д. 1) Поѣздка въ Хараръ. 2) Къ этнографіи Абиссиніи (97).
- Передольскій, В. В. 1) Поѣздка по Енисею (96). 2) Шаманство у остяковъ (97). 3) О юкагирскихъ письменахъ (901).
- Передольскій, В. С. Взаимное сопоставленіе вспомогательныхъ для антропологии и народовѣднія знаній и данныхъ обнаруженныхъ мѣстными изысканіями о началѣ заселенія площади Великаго Новгорода и о первоначальникахъ Ильменско-Волховскаго побережья (97).
- Петри, Э. Ю. 1) О современномъ состояніи вопроса о типѣ преступнаго человѣка (98). 2) Памяти Ядринцева (93). 3) Отчетъ о лѣтнихъ экскурсіяхъ членовъ Антропол. Общества. 4) Циркуляръ объ акклиматизаціи (95). 5) Ученіе А. Бастіана о народной мысли (96). 6) Опѣнка предположенныхъ на лѣто путешествій въ Аравію и Сирію. 7) Типы убійць по альбому Добронравова. 8) Памяти проф. А. П. Богданова (97). 9) Объ изслѣдованіи аномалій и признаковъ вырожденія у приютскихъ дѣтей (99).
- Петровъ, С. М. Къ антропологии мещеряковъ Бирскаго уѣзда (11).
- Печенкинъ, Н. М. Къ вопросу о техникахъ археологическихъ раскопокъ и развѣдокъ на мѣстѣ древняго, Страбоновскаго, Херсонеса (12).
- Погодинъ, А. Л. Культурныя сношенія Босфорскаго царства съ Востокомъ и Кавказомъ и этническіе элементы, вошедшіе въ составъ его (901).
- Позднѣевъ. Предметы буддійскаго культа (96).
- Кн. Путятинъ, П. А. 1) О костякахъ неолитнаго періода, найденныхъ близъ Бологова (89). 2) О фаунѣ каменнаго вѣка изъ раскопокъ около Бологова съ палеоэтнологической точки зрѣнія (91). 3) О палеолитическомъ вѣкѣ въ Европѣ (95). 4) Научныя сообщенія на международныхъ конгрессахъ: а) антропологии и доисторической археологии и б) Французской ассоціаціи по движенію наукъ (секція антропологии) (900). 5) Памяти проф. Фрэпона (10). 6) Кости изъ Бологовской стоянки со слѣдами ихъ обработки человѣкомъ (11).
- Романовъ, В. А. 1) Отчетъ о поѣздкѣ по Палестинѣ и Сиріи. 2) Объ Іезидахъ. 3) Сборникъ нѣкоторыхъ арабскихъ преданій, повѣрій и примѣтъ. 4) Отчетъ объ экскурсіи за Іорданъ и на Синайскій полуостровъ (96).

- Романовъ, К. К. Замѣчаніе къ вопросу о дѣленіи культурнаго пласта на слои при раскопкахъ архитектурныхъ памятниковъ (11).
- Романько-Романовскій, С. Д. Крживицкій, какъ антропологъ (96).
- Руденко, С. И. 1) Экспедиція въ С.-З. Сибирь въ 1909—10 гг. (10). 2) Конгрессъ доисторической антропологии во Франціи въ г. Нимъ (11). 3) Антропометрическое изслѣдованіе инородцевъ С.-З. Сибири. 4) О приборъ Н. Н. Лебедева для измѣренія косога разрѣза глазъ (11). 5) Нѣсколько словъ о раскопкахъ неолитической стоянки у Тамиссуо въ Финляндіи (12).
- Рѣпниковъ, Н. И. 1) Старая Ладога и ея памятники. 2) О нѣкоторыхъ приемахъ раскопокъ могильниковъ (11).
- Сахаровъ, В. В. Антропологическое изслѣдованіе украинскаго населенія Волынской губ. (11).
- Сергель, С. И. Лопари Финмаркена (910).
- Сергѣевъ, А. К. Свѣтильники каратинцевъ Дагестанской области (11).
- Столыгво, К. Я. Новое усовершенствованіе остеографическаго метода (10).
- Талько-Гринцевичъ, Ю. Д. 1) Физическая характеристика украинскаго народа (91). 2) Очерки народнаго врачеванія на Руси (91). 3) Къ антропологии украинскихъ и литовскихъ евреевъ (91).
- Кн. Ухтомскій, Д. Э. 1) Принадлежности буддійскихъ нищенствующихъ монаховъ (11). 2) Къ нѣкоторымъ вопросамъ антропологии и исторіи тибетцевъ (11). 3) Чукотскія стрѣлы (12). 4) Жировыя лампочки у приполярныхъ народовъ (13).
- Фортунатовъ, А. М. О наследственномъ эктродактилизмѣ у человѣка (91).
- Харузинъ, А. Н. Отзвы о трудѣ Островскихъ: Матеріалы для этнографіи тюрковъ Манусинскаго края (96).
- Ховринъ, А. Н. Матеріалы къ изученію физическаго развитія дѣтскаго организма (89).
- Чекановскій, Я. В. Къ вопросу изученія антропологии Польши (11).
- Чепурковскій, Е. М. 1) Современные антропо-соціологическія теоріи (97). 2) Значеніе измѣреній для характеристики типа (97). 3) О изслѣдованіи формы головы (904).
- Чикаленко, Л. Е. 1) Раскопки кургановъ въ Ананьевскомъ уѣздѣ Харьковской губ. 2) Краткій отчетъ о раскопкахъ мезинской палеолитической стоянки въ 1912 г. (12).
- Широкогоровъ, С. М. Къ антропологии кочевыхъ тунгусовъ Забайкальской обл. (12).
- Шмаковъ, И. Н. Русскіе лопари (908).
- Ядринцевъ, Н. М. Кочевой бытъ народовъ и его значеніе въ исторіи человѣка (91).
- Якобій, А. И. 1) Къ этнографіи черемисъ (орнаменты и вышивки) (93). 2) Угасаніе остяковъ Тобольскаго сѣвера. 3) Калмыки Большаго Дербента (96).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній.

(Переводъ подъ редакціей Э. К. Волкова).

I. Международное соглашеніе относительно краніо и цефалометрическихъ измѣреній, принятое XIII Международнымъ Конгрессомъ Доисторической Археологій и Антропологій въ Монако 21 апр. 1906 г. ¹⁾.

Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris, Fevr. 1907 p.p. 47—59).

Предварительныя замѣчанія:

Подъ названіемъ *необязательныхъ* (facultatives) комиссія по выработкѣ настоящаго соглашенія помѣстила нѣкоторыя измѣренія, которыя ей казались интересными, но относи-

¹⁾ Невозможность пользоваться довольно многочисленными уже антропологическими данными, полученными при помощи неодинаковыхъ методовъ и приѣмовъ измѣренія и представляющими поэтому матеріалы несравнимые между собой, а слѣдовательно и непригодные для сколько нибудь научныхъ выводовъ—была признана уже довольно давно и болѣе или менѣе повсемѣстно. Это повело къ международнымъ попыткамъ установить возможное единство какъ антропологическихъ измѣреній, такъ и приѣмовъ при производствѣ ихъ въ различныхъ странахъ. Первые изъ этихъ попытокъ (московская и франкфуртская) не имѣли успѣха, но XIII Международному Конгрессу въ Монако удалось, наконецъ, достигнуть давно желаемого всѣми соглашенія. Комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ проф. Waldeyer'a (Берлинъ), при секретарѣ-докладчикѣ д-рѣ Papillault (Парижъ), изъ ассист. Giuffrida-Ruggeri (Римъ), проф. Е. Т. Наму (Парижъ), проф. G. Hervé (Парижъ), проф. Lissauer'a (Берлинъ), проф. Luschan'a (Берлинъ), прив. доц. Pittard'a (Женева), проф. Pozzi (Парижъ), проф. Sergi (Римъ) и ассист. Verneau (Парижъ) и засѣдавшая по 2 раза въ день во все время Конгресса, выработала проектъ соглашенія, который и былъ *единогласно* принятъ Конгрессомъ 21 апрѣля 1906 г. Печатаемъ переводъ этого замѣчательнаго документа, положеннаго въ основаніе работъ въ Кабинетѣ Геогр. и Антропологій СПб. Университета, въ надеждѣ, что онъ будетъ принятъ и прочими русскими антропологами, которые, вѣроятно, не захотятъ тормозить своимъ уклоненіемъ состоявшееся соглашеніе и добровольно осудить свои работы на научную непригодность. Э. В.

тельно которыхъ она не имѣла достаточныхъ основаній, чтобы оцѣнить ихъ важность и совѣтовать для постоянного употребленія. Она удовольствовалась только опредѣленіемъ техники этихъ измѣреній, не высказываясь по поводу ихъ значенія.

Для каждаго измѣренія дается сокращенное указаніе инструмента, которымъ слѣдуетъ пользоваться:

Ск. Ц. = Скользящій циркуль (*Compas glissière*).

Т. Ц. = Толщинный циркуль (*Compas d'épaisseur*).

И. Л. = Измѣрительная лента (*Ruban métrique*) всегда изъ очень гибкаго матеріала, но возможно менѣе вытягивающаяся, самое лучшее изъ слегка пропитанной клеємъ ткани; необходимо, впрочемъ, ленту эту часто сравнивать съ металлическимъ метромъ ¹⁾.

I. Измѣренія черепа.

A. черепъ въ собственномъ смыслѣ.

1-е. Наибольшая длина черепа или наибольшій передне-задній діаметръ. (*d. antero-postérieur*).

Т. Ц.

Это наибольшій діаметръ въ сагиттальной и срединной плоскости черепа.

Анатомическія точки:

Спереди: самая выдающаяся точка междубровнаго выступа (*glabelle* по Брока);

Сзади: наиболѣе выдающаяся точка затылка (*sus-occipital*) дающая наибольшее раздвиганіе вѣтвей циркуля.

2-е. Передне-задній иніонный діаметръ (*d. antéro-postérieur iniaque*) Т. Ц. (необязательно).

Въ сагиттальной и срединной плоскости черепа.

Анатомическія точки:

Спереди: какъ въ предыдущемъ случаѣ;

Сзади: на иніонѣ, слѣдуетъ избѣгать индивидуальныхъ различій послѣдняго.

¹⁾ Всѣ измѣренія берутся въ миллиметрахъ (Ред.).

3-е. Наибольшая ширина черепа или наибольший поперечный диаметр.

Т. Ц.

Это наибольший горизонтальный и поперечный диаметр, который может быть найден толщинным циркулемъ на черепной коробкѣ. Анатомическая точка опредѣляется только наибольшимъ разстояніемъ; однако, если максимумъ находится на подвисочныхъ гребняхъ (*crêtes sous-temporales*), то слѣдуетъ избѣгать ихъ, помѣщая ножки циркуля выше линіи гребня.

4-е. Высота черепа.

а) Высота *basilo-bregmatique*. Т. Ц.

Анатомическія точки:

Внизу: базіонъ (*basion*) или средняя точка передняго края затылочнаго отверстія (избѣгать костныхъ наростовъ которые иногда здѣсь встрѣчаются);

Вверху: брегма (*bregma*) или средняя точка вѣчнаго шва.

б) Высота *auriculo-bregmatique* (рис. 1) ¹⁾.

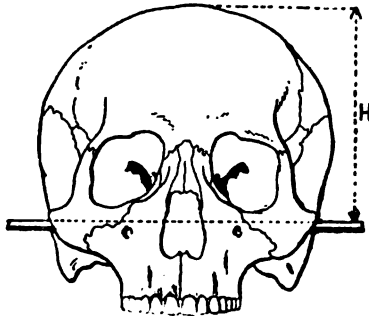

Рис. 1.

Это разстояніе между брегмой и линіей, соединяющей верхніе края слуховыхъ отверстій, представляющее разницу уровня брегмы и верхняго края слухового отверстія.

Анатомическія точки:

Внизу: точка, гдѣ идеальная линія, соединяющая верхніе края слуховыхъ отверстій, пересѣкаетъ срединную плоскость черепа;

Вверху: брегма.

¹⁾ Можно брать скользящимъ циркулемъ съ длинными ножками (Ред.).

5-е. Наименьшая ширина лба или наименьший лобный диаметр Т. Ц. Это наименьший горизонтальный диаметр между двумя височными гребнями лобной кости.

6-е. Наибольшая ширина лба или наибольший лобный диаметр Т. Ц. Это горизонтальный диаметр наибольшей ширины чешуи лобной кости. (*Diam. bistéphanique* Брока—теперь уже оставленъ).

7-е. Наибольший двумастоидальный диаметр (*d. bimaströidien maximum*). Т. Ц. (рис. 2, m—m). Анатомическая точка: внѣшняя поверхность сосцевиднаго отростка на уровнѣ середины слухового отверстия.

На этомъ уровнѣ найти толщиннымъ циркулемъ наибольшее поперечное разстояніе.

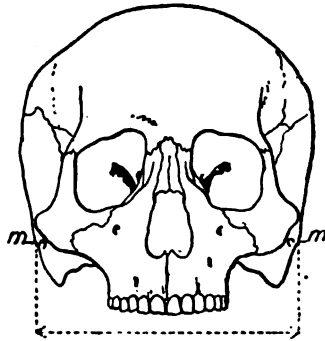

Рис. 2.

8-е. Скуловой диаметр (*d. bizygomatique*). Т. Ц. Анатомическая точка: внѣшняя поверхность скуловыхъ отростковъ.

На этомъ уровнѣ найти толщиннымъ циркулемъ линію наибольшаго разстоянія между наружными поверхностями скуловыхъ отростковъ.

9-е. Диаметръ носо—основной (*d. naso-basilairé*) Т. Ц.

Анатомическія точки:

Спереди: назіонъ (*nasion*) или срединная точка лбно-носового шва;

Сзади: базіонъ.

10-е. Діаметръ альвеоло-основной (*alvéolo-basilaire*). Ск. Ц.

Анатомическія точки:

Спереди: альвеолярная точка или середина передняго края альвеолярной дуги;

Сзади: базіонъ.

11-е. Діаметръ носо-подбородный (*d. nasomentonnier*) Ск. Ц.

Анатомическія точки:

Вверху: назіонъ;

Внизу: нижній край нижней челюсти, въ срединной плоскости. Предварительно поставитъ нижнюю челюсть на мѣсто, челюсти сблизитъ, и отмѣтитъ состояніе зубовъ.

12-е. Діаметръ носо-альвеолярный (*d. naso-alvéolaire*) Ск. Ц. ¹⁾.

Анатомическія точки:

Вверху: назіонъ;

Внизу: точка самаго нижняго края альвеоль между двумя верхними, средними рѣзцами.

13-е. Высота носа. (*hauteur du nez*) Ск. Ц. (рис. 3, N E).

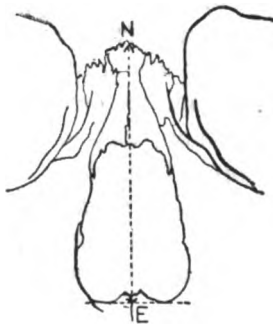

Рис. 3.

Анатомическія точки:

Вверху: назіонъ;

¹⁾ Лицевой указатель (*indice facial*) выражается отношеніемъ $\frac{\text{діаметръ носо-альвеолярный} \times 100}{\text{діам. скуловой}} = X$

Внизу: точка, расположенная въ средней плоскости черепа, на линіи касательной къ двумъ выемкамъ грушевиднаго отверстия.

Если край этихъ выемокъ представляетъ собой желобокъ, то слѣдуетъ брать эту точку на уровнѣ дна носовыхъ впадинъ.

14-е. Ширина носа (*largeur du nez*) Ск. Ц.

Анатомическія точки: боковые края грушевиднаго отверстия.

Искать циркулемъ линію горизонтальную и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшую поперечную.

15-е. Ширина междуорбитная (*largeur interorbitaire*) Ск. Ц.

Анатомическая точка одна и та же съ обѣихъ сторонъ: Точка, гдѣ задній лакримальный гребень (*crête lacrymale postérieure*) встрѣчается съ нижнимъ краемъ лобной кости.

16-е. Ширина орбиты. (*largeur orbitaire*) Ск. Ц.

Анатомическія точки:

Съ внутренней стороны: дакріонъ (*dacryon*) или точка, въ которой встрѣчаются швы, образуемые лобной костью, лакримальной и восходящей вѣтвью верхней челюсти.

(Если дакріонъ сросшійся, или если онъ въ аномальномъ положеніи, то ищутъ точку, гдѣ встрѣчаются задній лакримальный гребень съ нижнимъ краемъ лобной кости).

Съ внѣшней стороны: внѣшній край орбиты, въ точкѣ, гдѣ оканчивается поперечная ось ея, идущая отъ внутренней точки и параллельная, насколько это возможно, верхнему и нижнему краямъ орбиты.

17-е. Высота орбиты (*hauteur orbitaire*) Ск. Ц.

Анатомическія точки: верхній и нижній края орбиты, избѣгая верхнихъ и нижнихъ выемокъ, когда онѣ существуютъ.

Слѣдуетъ брать наибольшее разстояніе между обоими краями, въ направленіи перпендикулярномъ къ предыдущей оси.

18-е. Ширина верхняго края альвеоль Ск. Ц.

Анатомическіе пункты: внѣшнія поверхности альвеолярнаго края; если на уровнѣ свободного края имѣются костные наросты, ихъ надлежитъ избѣгать, помѣщая ножки циркуля надъ ними.

Брать длину поперечной линии представляющей maximum ширины.

18 bis. Высота или стрѣлка альвеолярной дуги. Ск. Ц. (рис. 4, F).

Анатомическія точки:

Спереди: передняя поверхность альвеолярнаго края, между двумя средними рѣзцами:

Сзади: точка, расположенная въ срединной плоскости, на линии, касающейся заднихъ концовъ альвеолярнаго края.

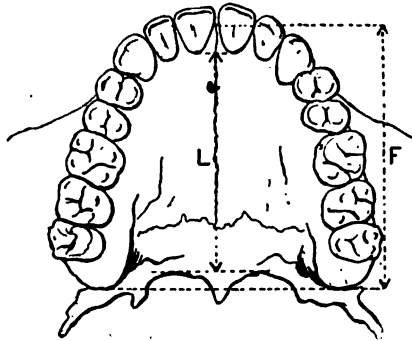

Рис. 4.

Эту линію легко получить, натянувъ нить, помещенную, насколько возможно глубже въ вырѣзкѣ, отдѣляющей альвеолярный край отъ крыловиднаго отростка ¹⁾.

19-е. Костное нѣбо. Ск. Ц. (необязательное измѣреніе)
а) Длина свода нѣба (рис. 4, L).

Анатомическія точки:

Спереди: срединная точка на линіи, касающейся задняго альвеолярнаго края среднихъ рѣзцовъ;

Сзади: срединная точка на линіи, касающейся дна выемокъ задняго края нѣба (*du bord palatin postérieur*).

б) Ширина свода нѣба. Ск. Ц.

Разстояніе между альвеолярными краями на уровнѣ вторыхъ коренныхъ зубовъ.

¹⁾ Указатель челюстно-альвеолярный (*maxillo-alvéolaire*) будетъ:

$$\frac{\text{Ширина альвеолярнаго края} \times 100}{\text{Высота альвеолярной дуги}} = X$$

20-е. Высота орбито-альвеолярная (необязательное измерение) Ск. Ц.

Брать наименьшее расстояние между нижним краем орбиты и альвеолярным краемъ.

21-е. Затылочное отверстие. Ск. Ц.

а). Длина.

Анатомическія точки:

Спереди: базіонъ;

Сзади: опистіонъ (*opisthion*), или срединная точка задняго края.

б) Ширина.

Анатомическія точки: боковые края въ точкахъ наибольшаго поперечнаго расстоянія между ними.

22-е. Сагиттальная кривая черепа. И. Л.

Крайнія точки:

Спереди: назіонъ;

Сзади: опистіонъ.

Промежуточные точки: Накладывать ленту на черепной сводъ въ срединной и сагиттальной плоскости.

Эта кривая подраздѣляется на три главныя части, которыя, взятыя отдѣльно, соотвѣтствуютъ тремъ костямъ свода, лобной, темянной и затылочной.

23-е. Поперечная кривая. И. Л.

Крайнія точки съ обѣихъ сторонъ (боковъ): на самомъ выдающемся гребнѣ корня скуловой кости сзади, какъ разъ надъ слуховымъ отверстиемъ.

Промежуточные точки: на сводѣ, въ поперечной плоскости опредѣляемой вышеозначенными точками и брегмой.

23-е. bis. Кривая, именуемая горизонтальной. И. Л.

Анатомическія точки:

Спереди: лента кладется надъ надбровными дугами;

Сзади: надъ подзатылочной костью такъ, чтобы получить наибольшую кривую, внимательно слѣдя какъ за тѣмъ, чтобы эта кривая была на одной высотѣ съ обѣихъ сторонъ, такъ и за тѣмъ, чтобы во всѣхъ своихъ частяхъ она находилась въ одной плоскости.

24-е. Вместимость черепа (*Capacité crânienne*).

Не дѣлая выбора между методами и всецѣло признавая цѣнность способа измерения вместимости черепа по Брока, Комиссія совѣтуетъ всегда имѣть нѣсколько кон-

трольныхъ череповъ, самой различной вмѣстимости, къ которымъ слѣдуетъ обращаться для провѣрки точности произведеннаго измѣренія; вмѣстѣ съ тѣмъ она совѣтуетъ пользоваться также, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это возможно, прямымъ измѣреніемъ водой посредствомъ каучуковаго пузыря.

В. Нижняя челюсть.

25-е. Ширина между мышцелками (*larg. bicondylienne*) Ск. Ц.

Анатомическія точки:

Внѣшніе концы мышцелковъ, разстояніе между которыми измѣряется.

26-е. Ширина бигоніальная (*larg. bigoniaque*). Ск. Ц.

Анатомическія точки: гоніоны (*gonions*) или вершины угловъ, образуемыхъ восходящей вѣтвью съ тѣломъ нижней челюсти.

Измѣрять ихъ расхожденіе, прикладывая ножки циркуля къ ихъ наружной поверхности.

27-е. Длина восходящей вѣтви (рис. 5) Ск. Ц.

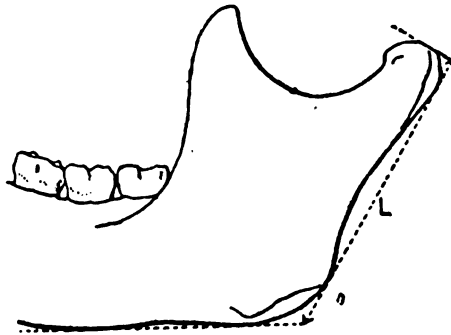

Рис. 5.

Анатомическія точки:

Вверху: верхній край мышцелка;

Внизу: гоніонъ, но такъ какъ эту точку на краю нижней челюсти часто чрезвычайно трудно установить, то надлежитъ брать пересѣченіе двухъ линій, являющихся продолженіемъ касательныхъ къ нижнему и заднему краямъ челюсти.

Работая, слѣдуетъ положить челюсть на ея нижній край и приложить стержень циркуля вдоль ея задняго края.

28-е. Ширина вѣтви. Ск. Ц.

а) Наименьшая ширина (рис. 6, *m*);

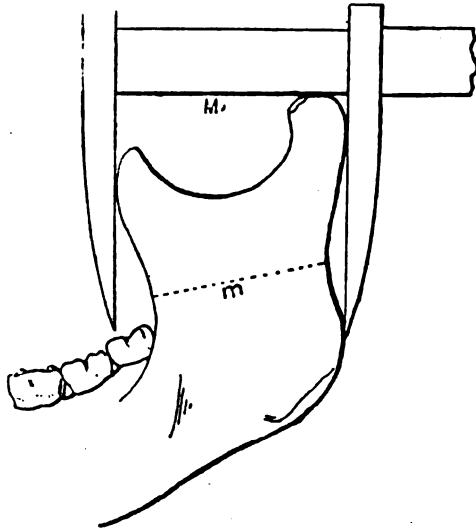

Рис. 6.

Найти наименьшее разстояніе между переднимъ и заднимъ краями.

б) Наибольшая ширина (рис. 6, *M*) (необязательное).
Анатомическія точки:

Спереди: самая выдающаяся точка передняго края короноидальнаго отростка (*l'apophyse coronoide*);

Сзади: наиболѣе отдаленная точка задняго края челюсти.

Измѣрять это наибольшее разстояніе, прикладывая одну ножку циркуля такъ, чтобы она касалась задняго края челюсти и приводя другую ножку циркуля въ соприкосновеніе съ переднимъ краемъ короноидальнаго отростка.

29-е. Высота нижнечелюстного шва (*h. symphysienne*)
Ск. Ц.

Анатомическія точки въ срединной плоскости:

Вверху: наиболѣе высокая точка альвеолярнаго края;

Внизу: нижній край *symphysis'a*

Измѣрять дѣйствительное разстояніе, а не въ проэкции.

30-е. Высота тѣла челюсти. Ск. Ц.

Тотъ же пріемъ измѣренія, что и въ предыдущемъ случаѣ, но въ вертикальной плоскости, проходящей между первымъ и вторымъ коренными зубами.

31-е. Наибольшая ширина тѣла челюсти (необязательное).

Въ плоскости, проходящей между первымъ и вторымъ коренными зубами, найти наибольшее разстояніе между вѣшной и внутренней поверхностями.

32-е. Челюстной уголъ.

Измѣрять угломѣромъ Брока, пользуясь пріемами рекомендуемыми этимъ авторомъ, уголъ отклоненія задняго края вѣтви отъ нижняго края челюсти.

II. Измѣренія головы.

1-е. Наибольшая длина головы или наибольшій продольный діаметръ. Т. Ц. ¹⁾.

Измѣрется тѣмъ же способомъ, что и черепъ; не слѣдуетъ нажимать.

2-е. Наибольшая ширина головы или наибольшій поперечный діаметръ. Т. Ц.

Измѣрять тѣмъ же способомъ, что и черепъ.

3-е. Высота головы, устойчиво поставленной на своихъ мыщелкахъ. Измѣрется антропометромъ.

Анатомическія точки:

Вверху: макушка (*vertex*);

Внизу: верхній край слухового отверстія, точкой опоры котораго (всегда надлежитъ провѣрять) обыкновенно является выемка, находящаяся между козелкомъ (*tragus*) и улиткой (*helix*).

4-е. Наименьшая ширина лба. Т. Ц.

Пріемъ измѣренія тотъ же, что и для черепа.

¹⁾ Во всѣхъ тѣхъ измѣреніяхъ, гдѣ на живомъ человѣкѣ желаютъ найти толщиннымъ циркулемъ наибольшій діаметръ, необходимо сперва найти этотъ наибольшій діаметръ, а затѣмъ прочно закрѣпить винтикомъ циркуль въ этомъ положеніи и повторить это измѣреніе, чтобы убѣдиться, является ли полученный діаметръ наибольшимъ.

5-е. Наибольшій двумастиоидальный діаметръ Т. Ц.
Приёмъ измѣренія тотъ же, что и для черепа,

6-е. Скуловой діаметръ (*d. bizygomatique*) Т. Ц.

Приёмъ измѣренія тотъ же, что и для черепа. Внимательно отыскивать maximum, который часто находится болѣе кзади, чѣмъ это кажется.

7-е. Двугоніальный діаметръ (*d. bigoniaque*). Т. Ц.

Приёмъ измѣренія тотъ же, что и для черепа. Слѣдуетъ тщательно избѣгать мясистой части жевательной мышцы.

8-е. Общая высота лица (необязательное). Ск. Ц.

Анатомическія точки въ срединной плоскости:

Вверху: начало волосъ;

Внизу: нижній край нижней челюсти, слегка нажимая инструментъ, чтобы не принять въ расчетъ толщину жировой клѣтчатки.

9-е. Діаметръ носо-подбородочный. Ск. Ц.

Приёмъ измѣренія тотъ же, какъ и на скелетѣ, слегка нажимая, какъ и въ предыдущемъ случаѣ,

Назюнь искать ногтемъ, подвигая его кверху по спинкѣ носа до слабого выступа, образованнаго нижнимъ краемъ лобной кости.

10-е. Діаметръ носо-губный. Ск. Ц.

Анатомическія точки въ срединной плоскости:

Вверху: назюнь;

Внизу: междугубная линія.

11-е. Діаметръ носо-альвеолярный. Ск. Ц.

Приёмъ измѣренія тотъ же, что и на скелетѣ. Всегда легко приподнять губы измѣряемаго субъекта, чтобы имѣть возможность замѣтить свободный край десенъ.

12-е. Высота носа. Ск. Ц.

Анатомическія точки:

Вверху: назюнь;

Внизу: подъ носовой перегородкой на уровнѣ соединенія ея съ верхней губой. Не нажимая.

13-е. Ширина носа Ск. Ц.

Анатомическія точки: внѣшняя поверхность крыльевъ носа.

Найти, не производя ни малѣйшаго нажатія, наибольшую поперечную линію.

14-е. Выступаніе основанія носа (рис. 7).

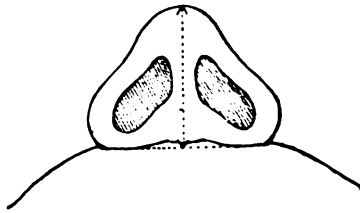

Рис. 7.

Анатомическія точки;

Спереди: наиболѣе выдающаяся впередъ точка кончика носа.

Сзади: точка, гдѣ срединная плоскость пересѣкается поперечной линіей, соединяющей наиболѣе отступающія точки носо-губныхъ складокъ.

Разстояніе между этими двумя точками брать въ проѣкти специально приспособленнымъ инструментомъ.

15-е. Внѣшній діаметръ уголъ глазъ (*largeur bipalpebrale externe*) Ск. Ц. (рис. 8).

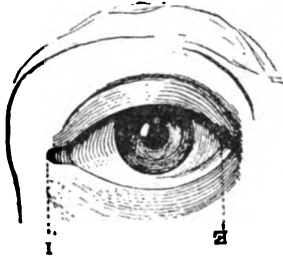

Рис. 8.

Анатомическія точки. Внѣшній уголъ вѣкъ, въ ихъ углубленной части, на мѣстѣ соприкосновенія съ глазнымъ яблокомъ.

Глаза должны быть хорошо открыты, взглядъ—направленнымъ немного выше горизонта; измѣрять это разстояніе ножками циркуля, приложивъ послѣднія къ щекамъ измѣряемаго субъекта.

16-е. Внутренній діаметръ уголъ глазъ. Ск. Ц. (рис. 8, j).

Анатомическія точки: внутренній уголъ cadaго глаза, не прихватывая слезный бугорокъ (*caruncule*).

17-е. Ширина рта. Ск. Ц.

Анатомическія точки: мѣсто спайки губъ въ точкѣ, гдѣ слизистая оболочка соприкасается съ кожей. Брать это расстояние при среднемъ (спокойномъ) положеніи рта.

18-е. Высота краевъ губъ. Ск. Ц.

Анатомическія точки:

Вверху: вершина кривыхъ верхней губной дуги.

Внизу: вершина дуги нижней губы.

Поставивъ стержень циркуля вполнѣ вертикально, ножками циркуля касаться вершинъ обѣихъ дугъ.

19-е. Ухо. Ск. Ц.

а) Наибольшая длина (рис. 9, сплошная линия).

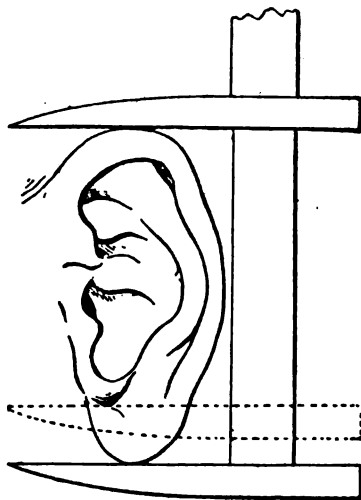

Рис. 9.

Анатомическія точки:

Вверху: точка самаго верхняго края завитка;

Внизу: нижній край мочки.

Поставить стержень циркуля параллельно большой оси уха, прикасаясь ножками къ указаннымъ точкамъ безъ нажатія.

б) Длина хрящевого уха (рис. 9, пунктирная линия).

Анатомическія точки:

Вверху: какъ и въ предыдущемъ случаѣ;

Внизу: нижній край хрящевой раковины.

Употреблять циркуль, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, но слегка нажимая мочку нижней ножкой циркуля, чтобы взять только хрящевую часть раковины.

с) Ширина.

Разстояніе между двумя линіями, параллельными большой оси уха, изъ которыхъ одна касается передняго края раковины (завитка), а вторая ея задняго края.

II. Международное соглашеніе относительно измѣреній на живыхъ людяхъ, принятое XIV Международнымъ Конгрессомъ Доисторической Археологіи и Антропологіи въ Женевѣ 14 сентября 1912 г. ¹⁾

(L'Anthropologie 1912, fasc. 5, Paris 1912, p.p. 623—627).

Общіе принципы.

а) Измѣренія на живыхъ должны производиться на субъектахъ въ стоячемъ положеніи.

б) Измѣренія должны производиться въ проэкціи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, на которые будутъ спеціальныя указанія.

¹⁾ Проектъ соглашенія, *единогласно* принятый Конгрессомъ 14 сентября 1912 г., былъ выработанъ въ 4-хъ засѣданіяхъ комиссіи, состоявшей изъ слѣдующихъ лицъ: Chantre (Франція), Чекановскій (Россія), Duckworth (Великобританія), Frassetto (Италія), Giuffrida-Ruggeri (Италія), Godin (Франція), Hillebrand (Венгрія), Hoyos Sainz (Испанія), Hrdlicka (Соединенные Штаты), Loth (русская Польша), von Luschan (Германія), Mac Curdy (Соединенные Штаты), Manouvrier (Франція), Margitt (Великобританія), Mayet (Франція), Mochi (Италія), Musgrave (Великобританія), Pittard (Швейцарія), Rivet (Франція), Schlaginhaufen (Швейцарія), G. Sergi (Италія), Sollas (Великобританія), Волковъ (Россія), Weisgerber (Франція). Предсѣдательствовали по очереди: Манувриэ, Серджи и Диквортъ; докладчиками состояли: Диквортъ, Ривэ и Шлагингауфенъ.

Въ виду чрезвычайной сжатости текста настоящаго соглашенія, добавляемъ въ выноскахъ нѣкоторыя поясненія, извлеченныя изъ рукописной инструкціи, составленной въ Лабораторіи проф. Манувриэ въ Парижѣ и относящіяся къ *техникѣ* измѣреній.

Ө. В.

с) При измѣреніи парныхъ органовъ рекомендуется оперировать надъ лѣвой стороной субъекта, а при измѣреніи высоты акроміона и большого вертела брать ихъ съ обѣихъ сторонъ.

д) Измѣряющихъ просятъ всегда точно указывать методъ и инструменты, которыми они пользуются.

е) Особенно настойчиво рекомендуется лицамъ, желающимъ заниматься антропометріей, не ограничиваться однимъ только теоретическимъ изученіемъ приемовъ измѣреній, но и обучиться имъ практически въ которойнибудь изъ лабораторій, гдѣ они преподаются ¹⁾.

Подробности измѣреній.

1. Ростъ.—Измѣряемый долженъ стоять на горизонтальной поверхности, не прислоняясь къ стѣнѣ или чему либо подобному, руки должны быть опущены и обращены ладонями внутрь ²⁾, пальцы вытянуты, пятки должны быть поставлены вмѣстѣ, и взглядъ направленъ прямо передъ собой (горизонтально). Въ такомъ положеніи субъекта измѣрять высоту макушки (*vertex*) надъ упомянутой поверхностью ³⁾.

*2. Высота слухового отверстия ⁴⁾. (*Conduit auditif*).

Анатомическая точка: углубленіе выемки между козелкомъ (*tragus*) и завиткомъ (*helix*); точка, принятая уже Монакскимъ Конгрессомъ, см. стр. 11.

*3. Высота подбородка.

Анатомическая точка: нижній край нижней челюсти на срединной линіи.

*4. Высота выемки грудной кости (*Fourchette sternale*).

Анатомическая точка: наиболѣе низкая точка выемки грудной кости ⁵⁾.

¹⁾ Курсивъ редакціи.

²⁾ Но не прижаты къ бедрамъ. Э. В.

³⁾ Выждавши моментъ, когда субъектъ стоитъ совершенно прямо, *быстро* опустить подвижную пластинку антропометра. Э. В.

⁴⁾ Числа, предшествуемая звѣздочкой (*), обозначаютъ измѣренія, при которыхъ субъектъ долженъ находиться въ положеніи, указанномъ для измѣренія роста.

⁵⁾ Ввести конецъ пластинки антропометра въ ямочку, находящуюся надъ *sternum* (яремную ямочку) и нѣсколько нажать. Э. В.

*5. Высота соска.

Анатомическая точка: центр соска. Это измерение не слѣдуетъ брать на женщинахъ съ отвислыми грудями.

*6. Высота пупка.

Анатомическая точка: центр пупочнаго рубца (пупка).

*7. Высота лобковаго сочлененія (*pubis*).

Анатомическая точка: верхній край лобковой кости (лобковаго сочлененія) на срединной линіи. Въ случаѣ затрудненій при отысканіи этого края, руководиться нижней складкой живота ¹⁾.

*8. Высота остистаго отростка пятаго поясничнаго позвонка.—Чтобы легче было найти эту анатомическую точку, измеряемаго просить наклониться и въ такомъ положеніи остистый отростокъ поясничнаго позвонка ясно выступаетъ.

9. Ростъ сидя.—Измеряемый садится на горизонтальное и прочное сидѣнье (на ящикъ или скамеечку) отъ 30 до 40 сантиметровъ высоты (пропорціонально росту измеряемаго), при чемъ ноги должны быть согнуты въ колѣняхъ. Спина должна прикасаться къ вертикальной плоскости (стѣнѣ) или къ антропометру какъ въ крестцовой части, такъ и между лопатокъ. Голова должна находиться въ томъ же положеніи, какъ и при измереніи роста стоя. Измеряется высота макушки (*vertex*) надъ плоскостью сидѣнья ²⁾.

10.—Высота таза. Измеряемый находится въ той же позиціи, какъ и при измереніи роста сидя. Измеряется высота верхушки гребня подвздошной кости (*crête iliaque*) надъ поверхностью сидѣнья.

*11.—Высота *acromion'a*.

Анатомическая точка: верхній и внѣшній край акроміона ³⁾.

¹⁾ Для провѣрки искать верхній край *pubis*, нажимая радіальнымъ краемъ ручной кисти. Э. В.

²⁾ Измереніе производится, разумѣется, отъ пола, на которомъ стоитъ антропометръ, а изъ полученной цифры вычитается высота скамеечки. Э. В.

³⁾ Нащупавши пальцемъ гребень лопатки, передвигать конецъ пальца по этому гребню къ плечу, пока не прощупается ясно край *acromion'a*. Э. В.

*12.—Высота большого вертела (*Grand trochanter*).
Анатомическая точка: верхній край большого вертела ¹⁾.

*13.—Высота передняго и верхняго отростка подвздошной кости.—(*épine iliaque anter. et super.*).

Анатомическая точка: верхушка передняго и верхняго отростка подвздошной кости. Въ случаѣ затрудненія при отысканіи этой точки итти по Пупартовой связкѣ вплоть до пункта ея прикрѣпленія, гдѣ и находится искомый отростокъ.

*14.—Высота локтя. (*Coude*).

Анатомическая точка: локтевое сочлененіе ²⁾.

*15.—Высота запястья. (*Poignet*).

Анатомическая точка: нижняя точка шиловиднаго отростка лучевой кости.

*16.—Высота конца средняго пальца (*Extrémité du médius*).

*17.—Высота колѣна (*Genou*).

Анатомическая точка: верхняя точка внутренняго края сочленовнои поверхности большой берцовой кости.

*18.—Высота лодыжки (*Cheville*).

Анатомическая точка: нижній край внутренняго мыщелка большой берцовой кости.

*19.—Большой размахъ рукъ. (*Grande envergure*).—
Поставить измѣряемаго передъ стѣной, протянувши руки горизонтально, кисти рукъ должны быть обращены ладонями строго впередъ; измѣрять разстояніе между концами среднихъ пальцевъ.

Если нѣтъ стѣны, то помѣстить антропометръ (если онъ сдѣланъ изъ негибкаго вещества) вполне горизонтально сзади измѣряемаго, находящагося въ вышеуказанномъ положеніи и брать то же измѣреніе.

Какой бы методъ ни былъ примѣненъ, всегда слѣдуетъ требовать отъ измѣряемаго наибольшаго вытягиванія рукъ.

¹⁾ Найти широкое углубленіе, находящееся на боковой части ягодицы и соотвѣтствующее сухожилию большого сдѣлшиаго мускула. Впереди его находится внѣшняя поверхность большого трохантера. Упереть въ нее радіальный край ручки кисти и подвигать ее вверхъ, нажимая, пока не почувствуется верхній край большого трохантера. *Э. В.*

²⁾ Руководясь локтевой складкой, искать сочлененія при помощи указательнаго пальца въ внѣшней ямочкѣ локтя, при чемъ сверху прощупывается мыщелокъ плечевой кости, а снизу головка лучевой. *Э. В.*

*20.—Діаметръ біакроміальный (*D. biacromial*).—Наибольшее разстояніе между концами (внѣшними краями) обоихъ *acromion*'овъ.

*21.—Діаметръ бигумеральный (*D. bihuméral*).—Наибольшее разстояніе между выступами двухъ дельтовидныхъ мускуловъ ¹⁾ (измѣреніе необязательное).

*22. Разстояніе между сосками (*D. bimamelonnaire*). Разстояніе между центрами двухъ сосковъ (соблюдать то же примѣчаніе, что и при измѣреніи № 5) (необязательное измѣреніе).

*23. Разстояніе между гребнями подвздошныхъ костей (*D. bicrétal*).—Наибольшее разстояніе между наружными гребнями подвздошныхъ костей. При этомъ измѣреніи направлять вѣтви скользящаго циркуля (большаго) сверху внизъ и спереди назадъ.

*24. Діаметръ биспинальный (*D. bispinal*).—Разстояніе между двумя верхними и передними отростками подвздошныхъ костей (при отысканіи анатомическихъ точекъ руководствоваться приѣмомъ, указаннымъ при измѣреніи № 13).

*25. Разстояніе между вертелами (*D. bitrochantérien*).—Наибольшее разстояніе между наружными поверхностями большихъ вертеловъ. При этомъ измѣреніи необходимо сильно нажимать на покрывающія вертелы ткани.

*26. Передне-задній наружный діаметръ таза.—Анатомическія точки:

Спереди—верхній край лобковаго сочлененія на срединной линіи;

Сзади — вершущка остистаго отростка пятаго поясничнаго позвонка.

*27. Поперечный діаметръ грудной клѣтки № 1.—Діаметръ этотъ измѣряется въ горизонтальной плоскости, находящейся на уровнѣ основанія мечевиднаго отростка грудной кости. Брать среднее изъ измѣреній, полученныхъ при вдыханіи и выдыханіи или же измѣреніе въ промежуточномъ состояніи между вдыханіемъ или выдыханіемъ ²⁾.

¹⁾ Измѣрять, не нажимая вѣтвей циркуля. О. В.

²⁾ При измѣреніяхъ съ 27 по 30-е, необходимо употреблять толщинный циркуль (*c. d'épaisseur*) съ широкими концами, такъ какъ концы обыкновеннаго циркуля, заходя при измѣреніи въ междуреберное пространство, могутъ быть причиною ошибокъ въ получаемыхъ цифрахъ.

*28. Поперечный діаметръ грудной клѣтки № 2.— Діаметръ измѣряется въ горизонтальной плоскости, находящейся на уровнѣ верхняго края четвертаго реберно-грудного (*chondro-sternale*) сочлененія (имѣть въ виду то же примѣчаніе, что и къ № 27) (необязательное измѣреніе).

*29. Передне-задній діаметръ грудной-клѣтки № 1.— Этотъ діаметръ измѣряется въ той-же плоскости, что и поперечный діаметръ грудной-клѣтки № 1 (измѣреніе № 27; то же примѣчаніе, что и къ № 27).

*30. Передне-задній діаметръ грудной-клѣтки № 2. Діаметръ этотъ измѣряется въ той-же плоскости, что и поперечный діаметръ грудной-клѣтки № 2 (измѣреніе № 28; то-же примѣчаніе, что и къ № 27) (необязательное измѣреніе).

*31. Высота грудной кости.—Высота эта измѣряется скользящимъ циркулемъ отъ наиболѣе углубленной точки грудной вилки (*fourchette sternale*) до основанія мечевиднаго отростка грудной кости.

32. Разстояніе между сочлененіями плечевыхъ костей (*Diamètre bicondylien de l'humérus*). — (необязательное измѣреніе).

33. Разстояніе между обоими шиловидными отростками предплечья (необязательное измѣреніе).

34. Разстояніе между обоими сочленовными мышцелками бедренной кости (необязательное измѣреніе).

35. Разстояніе между обоими мышцелками голени (необязательное измѣреніе).

*36. Окружность груди (*Circonférence thoracique*).— Окружность измѣряется въ горизонтальной плоскости, проходящей черезъ основаніе мечевиднаго отростка грудной кости (то-же примѣчаніе, что и къ № 27) (необязательное измѣреніе).

37. Окружность шеи. Наименьшая окружность.

38. Окружность плеча. Найти наибольшую окружность ниже дельтоидной мышцы; рука должна находиться въ спокойномъ состояніи.

39. Окружность плеча при напряженномъ состояніи мышц.—Наибольшая окружность отыскивается такъ-же, какъ и для измѣренія № 38 (необязательное измѣреніе).

40. Наибольшая окружность предплечья.—Окружность измѣряется на уровнѣ сгибательныхъ и разгибательныхъ мускуловъ.

41. Наименьшая окружность предплечья.—Окружность измѣряется надъ шиловидными отростками лучевой и локтевой костей.

42. Наибольшая окружность бедра.—Окружность измѣряется на уровнѣ ягодичной складки.

43. Наименьшая окружность бедра.—Эта окружность измѣряется надъ колѣномъ.

44. Окружность икры ноги.—Наибольшая окружность.

45. Наименьшая окружность ноги.—Окружность измѣряется надъ мышцелками (лодыжками).

46. Наименьшая окружность пояса.—Окружность эта измѣряется на уровнѣ самой узкой части талии.

47. Контуръ кисти руки. Правая рука кладется на листъ бумаги, пальцы слегка разставлены, ось средняго пальца должна находиться на продолженіи оси предплечья. Отмѣтить двумя чертами концы линіи, соединяющей шиловидные отростки лучевой и локтевой костей (*ligne bistyloïdienne*), затѣмъ, отправляясь отъ этихъ точекъ, намѣтить контуръ ладони и пальцевъ карандашемъ, расщепленнымъ пополамъ, держа его вполне вертикально. Отмѣтить точками основанія междупальцевыхъ выемокъ и съ каждой стороны пястно—фаланговое (*métacarpo-phalangienné*) сочлененіе.

48. Контуръ ступни. Ступня ставится на листъ бумаги такъ, чтобы нога была перпендикулярна плоскости листа. Отмѣтить четырьмя чертами концы мышцелковъ съ каждой стороны и плюсно-фаланговья (*métatarso-phalangienné*) сочлененія, затѣмъ зачертить контуръ ступни и пальцевъ такимъ же образомъ, какъ контуръ кисти руки и отмѣтить точкой основаніе каждой междупальцевой выемки. Безполезно зачерчивать внутренній край ступни между точкой мышцелка и метакарпо-фаланговой, такъ какъ этотъ контуръ всегда бываетъ неточнымъ.

49. Высота свода ступни. Ступня находится въ положеніи, указанномъ для вычерчиванія ея контура; измѣрять вертикальнымъ скользящимъ циркулемъ разстояніе между плоскостью, на которую опирается ступня и верхнимъ краемъ ладьевидной кости (необязательное измѣрение).

Равнымъ образомъ Комиссія Конгресса единогласно приняла технику возстановленія роста по длиннымъ костямъ ¹⁾ и нижеслѣдующія пожеланія:

Возстановленіе роста при помощи длинныхъ костей.

Для возстановленія роста при помощи длинныхъ костей, мѣряютъ наибольшую длину этихъ костей, за исключеніемъ бедренной кости (*fémur*), которая измѣряется въ ея естественномъ положеніи (*en position*), и большой берцовой (*tibia*), которая измѣряется тоже въ естественномъ положеніи, безъ отростка.

Пожеланія.

I. Комиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы при графическихъ изображеніяхъ череповъ, антропологи дѣлали ихъ или въ плоскости Брока, или въ франкфуртской плоскости.

II. Комиссія выражаетъ пожеланіе, чтобы антропологи публиковали полностью всѣ произведенныя ими измѣренія.

¹⁾ Установленную проф. Л. Манувріе. Э. В.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>страни.</i>	<i>строка:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ:</i>
11 63	31 сверху, 9 "	} Е. В. Чепурковскій	Е. М. Чепурковскій
74	6 снизу,		gisementll gisement
97	1 "	Обыкн. рѣзцы (B. ordin.)	Рѣзцы боковые (B. lateraux)
180	14 сверху,	большой	ббльшей
189	1 "	andananicus	andamanicus
190	10 "	доказывать	доказываетъ
165	2-я снизу,	Probabl	Probable
170	1 "	А. Семмова	А. Семенова

17

ЕЖЕГОДНИКЪ Р. Антропологическаго Общества при Императорскомъ С.-П. Университетѣ.

Томъ I, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ 1905 г.

Цѣна 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ. *Д. А. Коропчевскій.* Значеніе „географическихъ“ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ.—*Д. А. Клеменцъ.* Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій (некрологъ)—*И. М. Могилянскій.* Научные взгляды Д. А. Коропчевскаго.—*Е. М. Чепурковскій.* Къ вопросу о наследованіи и вариацияхъ у различныхъ антропологическихъ типовъ.—*И. А. Бодуэнъ-де-Куртэнъ.* Объ одной изъ сторонъ постепеннаго членовѣченія языка въ области произношенія въ связи съ антропологіей.—*Л. Я. Штернбергъ.* Культъ инау у племени айну.—*Б. Ф. Адлеръ.* Фридрихъ Ратцель (некрологъ).—*Ө. А. Бялыницкій-Бируля.*—Головной указатель славянъ, лѣто-литовцевъ и др. на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ.—*М. Н. Руссовъ.* Изъ Карпатскихъ долинъ: село Синеводско-Вышне.—*М. Ларионова.* Зырянская и русская свадьба въ Обдорскѣ (Тобольской губ.).—Отчеты Общества.—Списокъ членовъ Общества за 1904 г. Отчетъ по командировкамъ. Письма гг. П. Н. Бекетова и В. В. Шкорпилла. Письма почетныхъ членовъ. Протоколы засѣданій.

Томъ II, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ. 1908 г.

Цѣна 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ. *Э. А. Вольтеръ.* Къ вопросу о ятвяхахъ.—*В. И. Гохельсонъ.* Международные конгрессы американистовъ.—*Его же.* Древнія и современные подземныя жилища племень С.-В. Азій, С.-З. Америки.—*В. И. Васильевъ.* Краткій очеркъ инородцевъ сѣвера Туруханскаго края.—*Ө. А. Бялыницкій-Бируля.* Нѣсколько случаевъ перерыва Центральной или Роландовой борозды.—*П. Н. Виноградовъ.* Красноярскій городской музей и его антропологическія коллекціи.—*Б. Ф. Адлеръ.* Адольфъ Бастианъ.—*Ө. А. Бялыницкій-Бируля.* Памяти проф. А. И. Таренецкаго.—*А. А. Ивановскій.* Памяти В. В. Воробьева—*Б. Ф. Адлеръ.* Эмиль Шмидтъ. Отчеты Общества. Списокъ членовъ Общества за 1905—1907 гг. Протоколы засѣданій.

Томъ III, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ 1909 г.

Цѣна 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ. *И. Н. Шамаковъ.* Матеріалы для антропологіи русскихъ лопарей (съ таблицей измѣреній).—*А. Н. Самойловичъ.* Туркменскія развлеченія.—*Ю. П. Фридолингъ.* Деформированные черепа, найденные въ Алуштѣ (Крымъ).—*А. И. Ивановъ.* Изгнаніе бѣса изъ одержимой (Пекинъ).—*Н. М. Могилянскій.* Задачи современной этнографіи.—*Ө. А. Бялыницкій-Бируля.* Памяти проф. И. П. Мержеевского.—*Л. Г. Оршанскій.* Дѣтскіе рисунки (съ программой для собранія). Отчетъ общества за 1908 г. Списокъ членовъ Общества за 1908 г. Протоколы засѣданій.

Томъ IV, подъ редакціей С. И. Руденно. С.-Петербургъ 1913 г.

Цѣна 2 р. 50 к.

Протоколы засѣданій и отчеты Р. Антропологическаго Общества съ 1889 по 1912 гг., вып. I—VIII (кромѣ II-го). Цѣна каждаго выпуска 80 к. Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній. (съ 9 рис.). Переводъ подъ редакціей *Ө. К. Волкова*, изд. Р. Антр. Общ. С.-П. 1913 г. Ц. 50 к.

Съ требованіями обращаться: С.-Петербургъ, Университетъ, въ Кабинетъ Географіи и Антропологіи (Вас. Остр., 16 л., д. 29) Русскому Антропологическому Обществу.

Томъ V.

1915 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ПЕТРОГРАДСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

С. И. РУДЕНКО.

ПЕТРОГРАДЪ

Типографія „К. Биркенфельдъ“, В. О., 8 лин., № 1.

1915.

Случай микроцефалии.

Sur un cas de microcéphalie.

Если мы обратимся къ анатомамъ за опредѣленіемъ понятія «микроцефалія», то ихъ мнѣніе можетъ быть вкратцѣ резюмировано такъ: микроцефалія есть «аномалія вслѣдствіе остановки развитія, главнымъ образомъ характеризуемая количественнымъ недостаткомъ содержаемаго черепа и вызывающая идиотизмъ» (Манувриэ*). Дѣйствительно, наиболѣе бросающійся въ глаза анатомическій признакъ микроцефаловъ — малая величина черепа и мозга. Вѣсъ мозга въ нѣкоторыхъ случаяхъ менѣе 300 грам.—ёмкость черепа менѣе 400 куб. сантиметровъ для взрослыхъ субъектовъ, притомъ же, приблизительно средняго роста вообще. Цифры эти не только малы абсолютно, но и, въ особенности, малы относительно роста микроцефаловъ. Вслѣдствіе этого внѣшній обликъ микроцефала тѣмъ болѣе бросается въ глаза, по сравненію съ нормальнымъ индивидуумомъ, у котораго объёмъ черепа тѣмъ болѣе относительно роста, тѣмъ этотъ ростъ менѣе.

Случаи микроцефалии не представляютъ большой рѣдкости; они, какъ выше упомянуто, слишкомъ рѣзко обращаютъ на себя вниманіе, а потому въ литературѣ можно встрѣтить очень много мелкихъ замѣтокъ о микроцефалии, вопросъ о ней подвергался нерѣдко дебатамъ въ антропологическихъ обществахъ, и въ изданіяхъ этихъ обществъ можно набрать цѣлую серію страницъ, посвященныхъ этому явленію; однако, можно съ

*) L. Manouvrier. Microcéphalie. Dictionnaire des Sciences Anthropologiques. Paris.

полной убѣжденностью сказать, что литература о микроцефалии, въ смыслѣ изслѣдованій этого явленія, очень бѣдна. По крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстно ни одной работы, которая съ точки зрѣнія сравнительно-анатомической и обще-біологической, посвящена была бы изслѣдованію микроцефалии послѣ известнаго мемуара К. Фогта *), остающагося такимъ образомъ и для нашего времени, можно сказать, классическимъ. К. Фогтъ пришелъ къ выводу, что въ основѣ явленія микроцефалии лежитъ атавизмъ. Его конечный выводъ гласитъ: «Микроцефалия есть частичная, атавистическая формація, которая происходитъ въ частяхъ свода мозга, и которая влечетъ, какъ слѣдствіе, нарушенное эмбриональное развитіе, которое возвращаетъ по своимъ основнымъ признакамъ къ корню, изъ котораго родъ человѣческой возвысился». На основаніи изслѣдованнаго матеріала, К. Фогтъ пришелъ къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Ни одинъ изъ микроцефаловъ не представляетъ явно выраженной долихоцефалии. 2) Всѣ они прогнаты, причемъ, прогнатизмъ не только зубной, но явно челюстной. 3) Микроцефалы имѣютъ черепъ обезьяны, помѣщенный на лицо человѣка низшей, прогнатной расы. 4) У всѣхъ микроцефаловъ рѣчи нѣтъ или она чрезвычайно рудиментарна; наилучше одаренные едва могли повторить отдѣльныя слова, какъ пугаи, не придавая имъ никакого значенія.

Такимъ образомъ К. Фогтъ установилъ взглядъ на микроцефалию, какъ на случай частичнаго атавизма и его выраженіе «*homme-singe*», такъ много говорящее не специалисту, получило даже въ наукѣ права гражданства. Общая форма черепа микроцефаловъ, дѣйствительно, напоминаетъ антропоидную: мы находимъ развитіе паріетальной части, при очень слабомъ развитіи окципитальной; фронтальная отличается узостью, по французскому выраженію «убѣгаетъ назадъ», коротка и расширена въ лицевой части — все это питекоидные внѣшніе признаки. Справедливо однако, говоритъ Л. Манувриэ, что «физиологически большинство микроцефаловъ значительно ниже обезьянъ». Это обстоятельство не осталось незамѣченнымъ К. Фогтомъ, который даже раздѣлилъ микроцефаловъ на двѣ категоріи или на два типа: 1) Первый типъ — ин-

*) C. Vogt. Les microcéphales ou hommes-singes. Genève, 1867 in 4°- avec 26 pl.

теллектуально низшій, чѣмъ обезьяна — это микроцефалы автоматы. Они не обнаруживаютъ ни любопытства, ни инстинкта подражанія; они плохо ходятъ, не могутъ лазать. Вѣсъ ихъ мозга около 300 гр. 2) Второй типъ, или типъ антропоидный, достаточно сравнимъ съ антропоидными обезьянами: они легко подражаютъ, но не говорятъ. Вѣсъ ихъ мозга варьируетъ отъ 500—600 гр. Къ идеѣ классификаціи микроцефаловъ на двѣ категоріи присоединяется Е. Нату, который отличаетъ настоящихъ микроцефаловъ и полу-микроцефаловъ (у которыхъ микроцефалія сопровождается нанизмомъ), но это лишь усложняло бы вопросъ, и интересующимся взаимоотношеніемъ микроцефаліи къ нанизму, можно рекомендовать мемуаръ L. Manouvrier*).

Любопытно, мнѣ кажется, отмѣтить то обстоятельство, что Парижское Антропологическое Общество, присуждая К. Фогту премію за его мемуаръ о микроцефалахъ, сдѣлало специальную оговорку въ томъ смыслѣ, что, оцѣнивая по достоинству выдающійся трудъ, оно оставляетъ выводы, къ которымъ пришла авторъ его, на его отвѣтственности.

Между прочимъ К. Фогтъ, сформулировавшій вышеприведенный выводъ о томъ, что въ основѣ микроцефаліи лежитъ явленіе атавизма, въ томъ же мемуарѣ сдѣлалъ оговорку такого рода: «Мозгъ микроцефала не является результатомъ простой задержки развитія, но задержки, за которой послѣдовало неправильное развитіе, и эта неправильность для сводовыхъ частей мозга приближается то къ пути человѣческому, то къ пути обезьяньему, смотря по случаю». Позже, въ работѣ, направленной противъ Гэккеля и Катрфажа, К. Фогтъ опять вернулся къ вопросу о генезисѣ микроцефаліи и защищаетъ противъ того, что ему приписывается мысль установить совершенно прямой атавизмъ, какъ причину возникновенія микроцефаліи. Все же въ существенныхъ чертахъ онъ остается на ранѣе имъ занятой позиціи, и важнѣйшіе вопросы трактуетъ въ духѣ своего основного изслѣдованія.

Представляя Берлинскому Антропологическому Обществу микроцефаловъ, Р. Вирховъ въ слѣдующей формѣ поставилъ

*) L. Manouvrier. Sur le nain Auguste Tuailon et sur le nanisme simple avec ou sans microcéphalie. Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris. T. VII (IV série), 1896, pp. 264—290.

вопросъ о микроцефаліи^{*)}, формулируя главный спорный пунктъ: «Представляетъ ли микроцефалія явленіе патологическое (болѣзнь или слѣдствіе болѣзни) или явленіе сравнительно-анатомическое (атавизмъ), а слѣдовательно должны ли мы смотрѣть на микроцефаловъ, какъ на людей, измѣненныхъ болѣзною или какъ на существа, которыя должно помѣстить въ болѣе равную ступень развитія органическаго міра, такъ что они могутъ въ дѣйствительности представлять низшую ступень развитія человѣческаго рода». Здѣсь же Вирховъ устанавливаетъ причину большой трудности отвѣтить на поставленный вопросъ. «Если посмотрѣть на все извѣстное вмѣстѣ, то нельзя утверждать», говоритъ онъ, «чтобы существовалъ одинъ постоянный моментъ, который былъ бы найденъ впередъ во всѣхъ случаяхъ, и который можно было бы разсматривать какъ центральный пунктъ нарушенія».

Въ дѣйствительности, однако, такого «центрального пункта нарушенія», который позволялъ бы свести микроцефалію къ простому патологическому случаю, не было найдено. Нѣкоторые авторы приписывали микроцефалію преждевременному окостенѣнію швовъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно допустить не только теоретически, что если бы всѣ швы срослись сразу у молодого ребенка, то черепъ его сталъ бы микроцефальнымъ^{**}). Р. Вирховъ отстаивалъ лишь то положеніе, что извѣстные синостозы нарушаютъ правильный ростъ мозга, но опредѣленно высказался противъ мысли приписать этимъ синостозамъ причину микроцефаліи. П. Брока высказался не менѣе опредѣленно: «У настоящихъ микроцефаловъ швы свободны и, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ исключительныхъ, нѣкоторые изъ нихъ могутъ преждевременно зарости, это обстоятельство, далеко не являясь причиной задержки развитія мозга, является, наоборотъ, его результатомъ». Изъ семи череповъ микроцефаловъ, которыми располагалъ въ то время Брока въ Музеѣ антропологической лабораторіи, 6 имѣли свободные швы, несмотря на то, что два изъ нихъ уже были съ зубами мудрости. Другіе авторы высказываются не менѣе категорически.

*) R. Virchow. Ueber Microcephalie. Verhandl. d. Berliner Gesellsch. f. Anthropol., Ethnol. u. Urgesch. 1887, S. 280—295.

***) Montanet. Etude anatomique du crâne chez les microcéphales. Paris, 1874 in 8°, p. 44.

G. Hervé пишетъ: «Преждевременный синостозъ не является причиной микроцефалии» — и дальше: «первичное явленіе есть задержка въ развитіи мозга, а не заростаніе швовъ». Другіе искали причину микроцефалии въ утробномъ энцефалитѣ и въ ненормальномъ развитіи *arteriae fossae Sylvii*, но не дали объективныхъ данныхъ въ пользу этого предположенія*). На головѣ микроцефаловъ замѣчаются иногда странныя явленія, касающіяся кожного покрова головы. Вирховъ, Мержеевскій и др. констатировали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ кожа на головѣ лежитъ складками, какъ если бы она выросла тогда, когда черепъ имѣлъ нормальные размѣры, и легла складками, чтобы улечься на маленькомъ черепѣ. Для Вирхова это нерѣдкое, но вторичное явленіе, которое, по его мнѣнію, лишь доказываетъ, что нарушающая причина не лежитъ извнѣ. Кожа развивается нормально и не находитъ достаточно мѣста на маленькомъ черепѣ, такъ что ей не остается ничего другаго, какъ лечь въ видѣ бороздъ и валиковъ.

Нарушающій моментъ лежитъ въ мозгѣ, причѣмъ изъ ряда наблюденій выясняется, что переднія части мозга поражаются болѣе всего, заднія менѣе всего, и что тѣ части, которыя позже всего развиваются, болѣе всего страдаютъ, тѣ же, которыя раньше всего развиваются, спасаются отъ нарушенія развитія.

Изъ этого слѣдуетъ, что нарушающій моментъ долженъ наступать въ извѣстное время зародышевой жизни, и что съ этого момента тѣ части, которыя еще не развиты, отстаютъ, какъ если бы ихъ сковала какая-то сила. Но ничто до сихъ поръ не дало ни малѣйшаго намека на существованіе такой силы или возможности установить какое нибудь мѣсто, на которое бы дѣйствовала эта сила. И вмѣстѣ съ тѣмъ даже противники теории атавизма, въ родѣ Бишофа, не могутъ не признать, въ конечномъ результатѣ, сходства продукта этого нарушеннаго развитія съ мозгомъ обезьяны. Мозгъ микроцефаловъ, какъ мозгъ обезьянъ, лишень направо и налѣво третьей лобной извилины. К. Фогтъ говоритъ о послѣдующей девиации въ связи съ задержкой развитія, т. е. считаетъ не простой задержкой развитія причину микроцефалии, а въ связи съ

*) См. R. Virchow. Ueber Microcéphalie. Verh. d. Berl. Ges. f. Anthrop. u. s. w. 1877, p. 282—284.

девіаціей видить сложную задержку развитія. Р. Вирховъ въ девіаціи не видить причины, чтобы явленіе не могло быть патологическимъ. Самыя сложныя вторичныя девіаціи могутъ быть слѣдствіемъ первичнаго нарушенія безъ того, чтобы нужно было обращаться по этому поводу къ атавизму. Совершенно аналогичную исторію пережило ученіе о сердечныхъ болѣзняхъ, по мнѣнію Вирхова; большая часть прирожденныхъ сердечныхъ дефектовъ трактовались съ точки зрѣнія ихъ сходства съ животными формами. Тотъ же путь проходитъ ученіе о микроцефаліи. Съ микроцефаліей дѣло, однако, обстоитъ много неблагопріятнѣе: мы не знаемъ, что является первымъ нарушающимъ моментомъ, не знаемъ и того мѣста, на которое онъ дѣйствуетъ. Пока это не найдено, при высказываніи сужденій, вѣсы будутъ наклоняться то въ одну, то въ другую сторону. По мнѣнію Р. Вирхова нельзя такое явленіе считать атавистическимъ, которое представляетъ состояніе, въ какомъ индивидуумъ не можетъ самостоятельно поддерживать себя. Нельзя утверждать, чтобы когда-либо могло существовать состояніе челоуѣчества, которое могло-бы представлять аналогію съ состояніемъ микроцефаловъ. Въ такомъ случаѣ челоуѣчество вымерло бы до начала исторіи. Вирховъ, какъ и Катрфажъ, Гэккель и др. указываютъ на бесплодность микроцефаловъ. Изъ того факта, что у нѣкоторыхъ микроцефаловъ наблюдались менструаціи, нельзя заключить о возможности размноженія микроцефаловъ. Во всякомъ случаѣ неизвѣстно еще ни одного примѣра, чтобы микроцефаль-индивидуумъ оставилъ потомство. И вотъ Р. Вирховъ опять возвращается къ вопросу: не представляетъ ли микроцефалія патологическаго случая, болѣзни. Не отвѣчая категорически ни да, ни нѣтъ, онъ указываетъ на то, что, по его ученію, патологія по своей природѣ не есть что либо абсолютно противоположное физиологіи. Болѣзнь заключается въ признакъ—опасности, заключающейся въ состояніи или явленіи, имѣющемъ патологическій характеръ. Съ этой точки зрѣнія и микроцефалію можно разсматривать, какъ опасный патологическій случай, потому что такой индивидуумъ долженъ былъ бы погибнуть, если бы онъ былъ предоставленъ самому себѣ. Если бы представить себѣ общество микроцефаловъ, то, предоставленное самому себѣ, оно погибло бы безъ всякой эпидеміи. Изъ изслѣдованія прочихъ частей тѣла микроцефаловъ,

Вирховъ пришелъ къ выводу, что въ образованіи ихъ, за исключеніемъ, конечно, черепа, нѣтъ рѣшительно ничего, что напоминало бы обезьянъ. Ни одна изъ антропоидныхъ обезьянъ не даетъ никакихъ параллелей въ этомъ отношеніи.

Изслѣдованіе нѣкоторыхъ случаевъ микроцефаліи съ психологической точки зрѣнія дало Вирхову возможность категорически высказаться, что именно психологія даетъ наиболѣе сильные аргументы противъ теоріи обезьяно-человѣка. Онъ, не колеблясь, утверждаетъ, что инстинктивная сторона психической дѣятельности, которая почти совершенно отсутствуетъ у микроцефаловъ, у антропоидовъ, также какъ и у другихъ животныхъ, стоитъ на первомъ планѣ.

Можно ли, однако, признать общее положеніе К. Фогта о задержкѣ развитія мозга всѣми безъ оговорокъ принятымъ, хотя и вызываемымъ неизвѣстными доселѣ причинами? Оказывается, что и въ этомъ отношеніи, не все позволяетъ принять теорію задержки развитія безъ всякихъ оговорокъ. Д-ръ Реньо, поставивши вопросъ, всегда ли мозгъ микроцефала представляетъ остановку развитія, ссылается на слова П. Брока, что «микроцефалы не всегда представляютъ случай остановки развитія, потому что ихъ мозги представляютъ расположеніе частей очень различное, и притомъ такое, которое не можетъ быть отнесено ни къ какой фазѣ нормальнаго развитія».

Послѣ наблюденія случая, гдѣ въ одной семьѣ было три микроцефала, L. Malouvier высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Интеллектъ этихъ уродовъ ниже обезьяняго. Это не противорѣчитъ теоріи задержки развитія мозга на стадіи обезьяны. Но нужно замѣтить, что эта обезьянья стадія не можетъ у человѣка быть точнымъ воспроизведеніемъ. Части мозга, оставшіяся въ эмбриональномъ состояніи, мѣшаютъ тѣмъ, которыя болѣе или менѣе развились, тогда какъ обезьяна утилизируетъ вполнѣ мозгъ, которымъ она обладаетъ. Понятно поэтому, что интеллектъ микроцефала не соотвѣтствуетъ никакой опредѣленной филогенетической ступени. Его мозгъ—это неудавшійся, испорченный аппаратъ, котораго функціи неполны и безсвязны. Извѣстно, впрочемъ, что гистологическое изслѣдованіе такихъ задержанныхъ въ развитіи мозговъ обнаруживаетъ дефекты въ элементахъ». Случаи многократности явленія микроцефаловъ въ одной семьѣ не представляютъ исключенія. Кромѣ уже вышеприведеннаго случая, гдѣ въ одной

семья от нормальных родителей родилась 3 микроцефала: девочка в два месяца, а затем родилось еще двое нормальных детей, — можно привести фамилию Биззарь, у которой было 7 детей в такой последовательности: старшая девочка — микроцефалка, умершая в детстве, вторая девочка — вполне нормальная, третий ребенок — сын — нормальный, четвертый — девочка — микроцефалка, пятый — сын — микроцефал, шестая девочка, прожившая всего 3 дня, по показанию отца, была микроцефалка и, наконец, седьмой ребенок — девочка — нормальная. Вирхов не придает никакого значения показанию матери, что при ее беременности, когда должен был явиться ребенок микроцефал, она испытывала сильное движение и боли, по которым она замечала, что предстоит нечто необычное.

От этих общих сведений о состоянии возрѣтнѣ на микроцефалию и мнѣннѣ известнѣхъ авторитетнѣхъ ученѣхъ, я перейду къ встрѣченному и наблюденному многу случаю микроцефалия.

Рис. 1.

У. Ялеха съ матерью.

Въ 1899 и 1900 г. г., проезжая через с. Большіе Сорочинцы Миргородскаго уѣзда Полтавской губ., я услышалъ о существованіи тамъ взрослой микроцефалки-идіотки. розыскалъ ее у ея матери, сфотографировалъ ее и собралъ о ней тѣ свѣдѣнія, которыя я буду сейчасъ имѣть честь Вамъ сообщить.

Устинья Яলেখъ было въ то время 33 года и жила она при матери, на полной свободѣ. Нрава она была довольно кроткаго и никому не причиняла никакихъ неприятностей, сердилась лишь тогда, когда ее на улицѣ дразнили мальчишки, но и тогда она выражала свое неудовольствіе лишь рѣзкими криками и уходила домой. Въ мѣстности она ориентировалась хорошо,

походка ея была настоящая прямая, человѣческая, ступня вся цѣликомъ ставилась на землю.

Вообще, если не считать ея нѣсколько безпокойной подвиж-

ности, моторныя функціи ея были вполне хорошо развиты. Мать ея утверждаетъ, что ей можно поручить маленькаго ребенка, и она бережно перенесетъ его повсюду, даже по бревну черезъ рѣчку и возвратится съ нимъ домой. Мать ея нормальная женщина, отецъ также былъ вполне нормальный человѣкъ. Всѣхъ дѣтей было 7 человѣкъ, и всѣ были нормальны, кромѣ одной Устиньи. Изъ распросовъ о состояніи матери во время беременности выяснилось, что она перенесла въ это время тяжелую болѣзнь, явившуюся слѣдствіемъ простуды: отправившись ловить раковъ, она была застигнута грозой и сильно промокла. Можно ли въ этомъ обстоятельствѣ усматривать причину рожденія дочери-микроцефалки, сказать трудно. Въ литературѣ я встрѣтился лишь съ однимъ указаніемъ на то, что мать приписывала пережитому потрясенію во время беременности послѣдовавшее затѣмъ разрѣшеніе отъ бремени микроцефалкой.

Правый глазъ у Устиньи Ялехи, какъ это видно и на фотографіи, поврежденъ вслѣдствіе несчастнаго случая. Лѣвый видитъ хорошо, и имъ она на короткое время фиксируетъ предметъ, переданный ей въ руки. Мнѣ не удалось выяснить, понимаетъ ли она, что ей говорятъ. Она все же, повидимому, понимаетъ много изъ того, что ей говоритъ мать. Сама она ничего не говоритъ. Мать утверждаетъ, что она произноситъ отдѣльныя слова, мнѣ же всѣ ея звуки представлялись очень однородными и совершенно нечленораздѣльными, что совершенно совпадаетъ съ общими наблюденіями: — это не афазія, а алалія. Мать утверждаетъ, что Устинья узнаетъ знакомыхъ. Чувство вкуса развито. Половой инстинктъ абсолютно отсутствуетъ, менструацій никогда не было: «не мыетца», по выраженію матери. Еще одна подробность: зубы были, но давно всѣ повыпали, и челюсти производятъ впечатлѣніе старушечьихъ.

Рис. 2.
У. Ялеха.

Антропометрическія измѣренія дали слѣдующіе результаты:

Ростъ (въ стоячемъ положеніи) 1 м.	40	сантиметровъ
Наибольшій передне-задній діаметръ	130	мм.
Наибольшій поперечный діаметръ	100	»
Вертикальный діаметръ	84	»
Скуловой діаметръ	112	»
Лобный наименьшій	80	»
Межглазничный діаметръ	28	»
Межглазничный наружный діаметръ	77	»
Высота носа	42	»
Ширина носа	24	»
Высота лба { назіонъ	45	»
{ офріонъ	27	»
Верхняя губа	19	»
Высота подбородка (между двумя губами и подбор.)	38	»
Толщина губъ	12	»
Длина уха	54	»
Ширина уха	28	»
Горизонтальная окружность головы	370	»
Головной указатель	76,9.	

Жива ли Устинья Ялеха въ настоящее время, мнѣ неизвѣстно.

Ниже приводится литература о микроцефалии безъ претензіи на ея полноту.

Л и т е р а т у р а :

C. Vogt. Les microcéphales ou hommes-singes. Genève, 1867, in 4°, avec 26 pl.

Gazette médicale de Paris, 15 oct. 1853, pp. 647—649

Ch. Letourneau. Sur un mémoire intitulé: Mémoire sur les microcéphales. *C. Vogt.* Publié dans les mémoires de

l'Institut national genevois (t. XI.) Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris. T. II p. 477—491.

Ibid: *Voisin*. Cerveau microcéphale (t. III, pp. 651—656).

P. Topinard. Deux microcéphales américains (T. IX, pp. 826—829, T. X, pp. 37—72).

Owen. Description of the Aztec Children (Journ. of the Ethnol. Soc. of London. T. IV, pp. 128—137; 6 th. July 1873).

P. Broca. Microcéphalie frontale. Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris. T. XIV, pp. 256—259.

Ibid: Sur un cas excessif de microcéphalie. T. XI, pp. 85—92.

Sur un microcéphale âgé de deux ans et demi. Anomalies viscerales regressives (T. XV, pp. 387—389).

Chudzinski. Sur le squelette d'un enfant microcéphale (T. XV, pp. 563—568).

Dr. Perrin. D'un cas intéressant de microcéphalie (T. XV, pp. 633—638).

Dr. Fernand Delisle. Observations d'une microcéphale de l'asile des aliénés de St. Yon, près Rouen. (T. VIII, pp. 526—529).

Montanet. Etude anatomique du crâne chez les microcéphales. Paris 1874 in 8°, p. 44.

H. Stark. cm. Allgem. Zeitschrift für Psychologie (Bd. 32 S. 75).

Prof. Halbertsma cm. Neelel. Tijdschrift for Geenskunde 1864.

Dr. Max Flesch. Anatomische Untersuchung eines microcephalen. Verh. d. Berl. Gesell. für Anthropol., Ethnolog. u. Urgeschichte 1882. S. 40.

Ibid: *R. Virchow*. Ueber Microcephalie, 1877. S. 280—295.

«*Le naturaliste*» 1 Mars 1895. Les microcéphales.

La médecine moderne N° 1, 2 Janvier 1895. *Capitan*. Une famille de microcéphales.

Cunningham. The brain of the microcephale idiot. (Scientific transact. of the R. Dublin Soc. 1895).

L. Manouvrier. Microcéphalie. Diction. des sciences anthropologiques.

L. Manouvrier. Discussion sur trois microcéphales vivants. Bull. de la Société d'Anthrop. de Paris. IV Série. T. V. 1895.

Ibid: *Dr. Régnault* (séance du 7 mars 1895).

L. Manouvrier. Sur le nain Auguste Tuillon et sur le nanisme simple avec ou sans microcéphalie. T. VII (serie IV) 1896, pp. 264—290.

Д. Анучинъ. Микроцефалія. Энциклоп. Словарь Брокгауза и Эфрона, Т. 37.

Проф. Мержеевскій. Микроцефализмъ. Арх. Судебн. Мед. (1871, № 3).

С. С. Корсаковъ. Къ психологii микроцефаловъ. Вопросы философи и психологii (1894).

Н. Могилянскій.

Костенковская палеолитическая стоянка.

La station paléolithique de Kostionky, gouvern. de Voronege.

Одно изъ почетныхъ мѣсть среди, правда, еще не многочисленныхъ русскихъ палеолитическихъ стоянокъ занимаетъ стоянка с. Костенокъ Воронежской губ. и уѣзда. Ея значеніе для русской археологіи тѣмъ болѣе велико, что это одна изъ первыхъ находокъ, твердо установившая фактъ пребыванія древне-четвертичнаго человѣка на русской территоріи. Честь открытія этого памятника глубокой древности принадлежитъ зоологу и антропологу Ивану Семеновичу Полякову.

Коллекціи вещей, добытыхъ И. С. Поляковымъ, главнымъ образомъ каменныхъ орудій, доставленныя имъ въ Императорскую Академію Наукъ, хранятся нынѣ въ Этнографическомъ Музеѣ имени Петра Великаго, гдѣ я имѣлъ возможность пересмотрѣть ихъ съ любезнаго разрѣшенія директора Музея академика В. В. Радлова. Коллекціи эти въ свое время были изданы и описаны И. С. Поляковымъ въ его отчетной работѣ (Ив. С. Поляковъ, «Антропологическая поѣздка въ центральную и восточную Россію, исполненная по порученію Имп. Акад. Наукъ». Зап. Акад. Наукъ. Т. XXXVII).

Со времени ея напечатанія прошло уже 30 лѣтъ, и трудъ И. С. Полякова, цѣнный не только фактической своей стороной, но и несомнѣнно обнаруживающей въ авторѣ не заурядную для своего времени эрудицію и наблюдательность, нуждается нынѣ въ существенныхъ дополненіяхъ. Въ особенности такія дополненія необходимы въ описаніи кремневой индустріи, изученіе которой въ настоящее время вступило

въ фазу научнаго знанія съ установленной типологіей, большой литературой вопроса, выработанными приёмами изслѣдованія. Моя задача заключалась въ томъ, чтобы, выдѣливъ типичныя формы орудій, характеризовать ими Костенковскую стоянку и тѣмъ самымъ, съ одной стороны, подчеркнуть особенный интересъ этой стоянки, и съ другой — облегчить параллелизацію ея съ европейскими находками. Пользуясь для этой цѣли матерьяломъ, добытымъ И. С. Поляковымъ, я имѣю также въ виду и матерьялы А. И. Кельсіева, полученные имъ изъ раскопокъ той-же стоянки, веденныхъ два года спустя послѣ Полякова*). Нужно замѣтить однако, что опубликованные имъ результаты раскопокъ мало прибавляютъ новаго къ тому, что было сообщено Поляковымъ.

Краткая исторія находки такова. Лѣтомъ 1879 г. И. С. Поляковъ, незадолго передъ этимъ изслѣдовавшій, совмѣстно съ графомъ А. С. Уваровымъ, извѣстное мѣстонахождение мамонтовыхъ костей возлѣ с. Карачарова, посѣтилъ с. Костенки, съ цѣлью провѣрить любопытное указаніе Гмелина младшаго, что окрестности этого села, въ XVIII столѣтіи города Костенска, изобилуютъ ископаемой мамонтовой костью. Дѣйствительно оказалось, что и нынѣ кости этого животнаго встрѣчаются въ большомъ числѣ во многихъ пунктахъ села и его окрестностей. Изъ разспросовъ и наблюдений выяснилось, что въ большинствѣ случаевъ кости эти, окатанныя и разрозненные, находятся во вторичныхъ мѣстонахожденіяхъ. Но при дальнѣйшихъ развѣдкахъ И. С. Полякову посчастливилось обнаружить пункты, гдѣ ископаемыя кости были, очевидно, *in situ* и при томъ сопровождались ясными доказательствами человѣческой дѣятельности — кремнями, углемъ и пр. Такія совмѣстныя находки сдѣланы были въ трехъ, значительно удаленныхъ другъ отъ друга, пунктахъ (на 50 — 200 саж.); но преимущественный интересъ имѣетъ раскопка, веденная лишь въ одномъ изъ нихъ, въ сосѣднихъ дворахъ дьякона Мануйлова и крестьян. Фокина. Изъ другихъ мѣстъ были получены лишь немногочисленные кремневые осколки да расколотыя кости.

*) А. И. Кельсіевъ «Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Воронежскаго уѣзда». «Древности». Труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XI, в. 2, стр. 154—180.

Коллекція А. И. Кельсіева хранится въ Имп. Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

С. Костенки находится на правомъ берегу Дона. Какъ и у большинства русскихъ рѣкъ, долина Дона съ правой стороны ограничена береговой возвышенностью, представляющей, собственно говоря, болѣе или менѣе крутой уступъ водораздѣльнаго плато въ сторону рѣчной долины. Эта возвышенность (30—40 саж. надъ уровнемъ рѣки) слагается въ основаніи изъ толщи мѣла, покрытаго желтовато-бурой валунной глиной, получающей иногда мощность въ нѣсколько сажень. По утверженію И. С. Полякова, пластъ чернозема лежитъ уже на этихъ ледниковыхъ образованіяхъ. Однако это указаніе требуетъ еще провѣрки. Весьма вѣроятно, что не вся толща глины происхожденія ледниковаго. С. Костенки лежитъ у самой окраины наибольшаго распространенія валуннаго наноса, заходившаго языкомъ въ долину Дона, и, очевидно, ледниковыя отложенія этой мѣстности съ очень давнихъ временъ подвергались всяческому разрушительному процессамъ: трудно допустить, чтобы въ долгій послѣдниковый періодъ здѣсь не происходило водныхъ или эоловыхъ отложеній.

Береговая возвышенность прорѣзана многочисленными глубокими оврагами, болѣе или менѣе перпендикулярными рѣчной долиной; по дну ихъ обыкновенно течетъ ручей. Овраги эти, часто довольно широкіе, рѣдко въ окрестностяхъ села достигаютъ значительной длины; это, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что гребень возвышенности лежитъ не вдалекѣ отъ рѣки и препятствуетъ дальнѣйшему ихъ разрастанію. С. Костенки расположилось по дну нѣсколькихъ соседнихъ овраговъ, «балокъ», по южно-русской терминологіи, и при выходѣ изъ нихъ къ Дону занимаетъ у подножья берегового обрыва не доступную половодьямъ возвышенную полосу, которую И. С. Поляковъ называетъ второй береговой террасой. По словамъ Полякова и Кельсіева, дно балокъ и береговая терраса образованы толщей глины, не содержащей валуновъ и являющейся продуктомъ смыва глины возвышенностей. Должно сказать, что въ изслѣдованіи Полякова и дополняющемъ его изслѣдованіи Кельсіева очень мало разработана геологическая сторона вопроса, представляющая большой интересъ при изученіи всякой палеолитической находки. Въ вопросѣ о возрастѣ стоянокъ, геологія, какъ и доисторическая археологія, являются равно авторитетными, взаимно другъ друга дополняющими дисциплинами. Дѣло будущаго

ислѣдователя Костенковской стоянки выяснитъ стратиграфію ея, происхожденіе террасы, къ которой приурочены находки, и отношеніе породы, содержащей древніе культурные остатки, къ кореннымъ породамъ прирѣчнаго плато*).

Дворы дьякона Мануйлова и его сосѣда крестьянина Фокина**), гдѣ, какъ было указано, произведены были наиболѣе интересныя раскопки, находятся на лѣвой сторонѣ ручья, протекающаго по дну самой значительной изъ Костенковскихъ балокъ — оврага Покровскаго, недалеко отъ выхода его въ долину Дона, на ровной, слегка въ сторону ручья покатой площади. Раскопки Полякова и Кельсіева своими траншеями охватываютъ полукольцомъ ригу кр. Фокина, гдѣ, повидимому, находится центръ скопленія культурныхъ остатковъ (foyers). Не останавливаясь на деталяхъ дневника раскопокъ Ив. С. Полякова, подробное описаніе которыхъ желающій можетъ найти въ его трудѣ, укажу только, что почти все, добытое Поляковымъ, происходитъ изъ двухъ ямъ, занимающихъ въ общей сложности площадь около 30 квад. аршинъ, при чемъ на эту раскопку имъ было затрачено 4 дня; Кельсіевъ изслѣдовалъ въ три раза большую площадь (за недѣлю пребывания въ с. Костенкахъ).

Кости мамонта и сопровождающіе ихъ культурные остатки залегаютъ не глубоко, подъ толщей жирнаго чернозема, достигающаго здѣсь мощности свыше метра, въ желто-бурой глинѣ, проникая въ нее на глубину максимумъ 1 арш. Незначительная глубина залеганія является особенностью Костенковской стоянки; однако это обстоятельство никоимъ образомъ не доказываетъ еще меньшую ея древность по сравненію съ другими русскими палеолитическими стоянками, гдѣ покрывающій пластъ лесса достигаетъ иногда очень значительной мощности (напр. Кіевская стоянка). Во-первыхъ, не исключена возможность, что дальнѣйшія изслѣдованія обнаружатъ болѣе глубокое залеганіе культурнаго пласта, рѣдко въ палеолитическихъ стоянкахъ сохраняющаго на всемъ своемъ протяженіи одинаковое отношеніе къ рельефу мѣстности, то выклиниваю-

*) Стоянка с. Костенокъ представляетъ большое сходство съ другими лессовыми стоянками Россіи; особенно велико это сходство по строенію мѣстности, отношенію къ ледниковому покрову, положенію самой стоянки и т. д., со стоянкой с. Мезина, Черниговской губ.

**) Не нужно забывать, что свѣдѣнія относятся къ 1879—81 г.г.

щагося, то уходящаго глубоко подъ дневную поверхность. Возможна и другая гипотеза. Незначительная длина Костенковских овраговъ указываетъ на то, что циклъ ихъ развитія былъ завершёнъ относительно скоро и что уже съ отдаленныхъ временъ существовала преграда, задерживавшая ихъ дальнѣйшій ростъ. Эту преграду можно искать въ орографическихкихъ условіяхъ — близости гребня возвышенности. Овраги эти не только существовали, но и окончательно сформировались къ тому времени, когда здѣсь поселился палеолитическій человѣкъ; прекратившійся ростъ оврага не давалъ больше матеріала, который могъ бы покрыть стоянку болѣе или менѣе значительнымъ слоемъ. Къ тому же въ окрестностяхъ с. Костенокъ, повидимому, отсутствуетъ типичный лесъ, весьма подвижная порода, стремящаяся заполнить неровности почвы; тогда какъ въ другихъ стоянкахъ глубину ихъ залеганія и обуславливаетъ именно лессовый покровъ. Подчеркиваю, что приведенныя соображенія есть только гипотеза, требующая провѣрки на мѣстѣ, но самъ обликъ добытыхъ предметовъ неоспоримо говоритъ за ихъ глубокую древность.

Общій характеръ культурнаго слоя Костенковской стоянки ничѣмъ не отличается отъ другихъ верхне-палеолитическихкихъ стоянокъ: масса костей, часто собранныхъ въ груды, трубчатые кости, расколотыя для добыванія мозга, слѣды огня въ видѣ золы, костнаго угля, обожженныхъ камней и проч., большіе камни, служившіе для разбиванія костей, множество кремневыхъ осколковъ и кремневые орудія, тѣмъ болѣе многочисленныя, чѣмъ ближе къ мѣсту кострища (foyer) подвигалась раскопка. Поляковъ въ своихъ раскопкахъ собралъ значительное количество костей мамонта; имъ найдено, напр., 10 экз. однихъ лѣвыхъ лопатокъ этого животнаго. Кости плохо сохранились, чѣмъ, быть можетъ, объясняется очень малое количество остатковъ другихъ животныхъ, кости которыхъ, конечно, не такъ массивны и легче разрушаются. Однако точное опредѣленіе найденныхъ костей, кажется, не сдѣлано до сихъ поръ.

Ни Поляковъ, ни Кельсіевъ не говорятъ о находкахъ костей со слѣдами обработки; можетъ быть этому препятствовала плохая ихъ сохранность. Но большое число рѣзцовъ (burins), специальныхъ орудій, повсюду сопровождающихъ въ верхнемъ палеолитѣ костяную индустрію, доказываетъ, что и въ Костенкахъ кость служила матеріаломъ для поддѣлокъ.

Помимо главных находокъ подъ черноземомъ въ глинь, въ самомъ черноземѣ на нѣкоторой глубинѣ встрѣчались кремни, не сопровождавшіеся однако костями. Поляковъ относитъ ихъ къ неолиту, Кельсиевъ же считаетъ палеолитическими и объясняетъ присутствіе ихъ въ черноземѣ, какъ результатъ размыва той-же палеолитической стоянки гдѣ-нибудь выше по склону. Этотъ вопросъ требуетъ, конечно, спеціальнаго изученія и можетъ быть рѣшенъ на основаніи сравненія типовъ орудій и характера ихъ патинизаціи.

Каменные орудія. Коллекція, хранящаяся въ Академіи Наукъ и въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ, содержатъ до 1000 кремней. Значительная ихъ часть представляетъ просто отбросы производства, кремневые осколки, но среди нихъ можетъ быть отобрана коллекція орудій, съ достаточной полнотой возстановляющая характеръ Костенковской кремневой индустріи *).

Главнымъ и почти единственнымъ матеріаломъ для приготовленія каменныхъ орудій служилъ въ Костенковской стоянкѣ темный, почти черный кремль, добывавшійся въ ближайшихъ окрестностяхъ, богатыхъ его желваками, происходящими изъ мѣловыхъ отложеній. Кремни стоянки покрыты характерной свѣтлой, сѣровато-лиловой патиной, и лишь мѣстами, въ видѣ болѣе темныхъ пятенъ, проглядываетъ натуральный цвѣтъ кремня. Патина эта очень интересна, какъ общепринятый и цѣнный признакъ аутентичности и даже до извѣстной степени древности доисторическихъ кремней, напримѣръ, при смѣшеніи различныхъ наслоеній. Лишь очень рѣдко въ Костенковской стоянкѣ встрѣчаются обломки коричневатого, желѣзистаго кремня; другія породы не шли, повидимому, на выдѣлку орудій, хотя, напримѣръ, валуны изъ ледниковыхъ отложеній, встрѣчаемая иногда на мѣстѣ стоянки, и могли употребляться въ видѣ случайныхъ орудій, какъ молоты для разбиванія костей и пр. Какъ и въ большинствѣ палеолитическихъ стоя-

*) Въ 1912 году часть коллекцій была осмотрѣна и опредѣлена докторомъ Тюбингенскаго университета, г. Шмидтомъ (R. R. Schmidt.). Этотъ ученый относитъ находку къ «поздне-ориньякскому» періоду. По поводу такого сопоставленія я выскажусь послѣ, резюмируя аналитическое описаніе орудій, теперь же считаю должнымъ замѣтить, что со многими изъ опредѣленій г. Шмидта я совершенно не могу согласиться. Это главнымъ образомъ относится къ «ориньякскимъ» формамъ орудій, которыя находятъ въ коллекціи г. Шмидта и которыя по моему мнѣнію «ориньякскаго» характера совершенно не имѣютъ.

нокъ, гдѣ приготовленіе орудій шло здѣсь же, на мѣстѣ стоянки, въ Костенкахъ отбросы производства составляютъ главную массу находокъ. Среди нихъ можно намѣтить нѣсколько категорій: широковатые отщепки, получавшіеся при обтесываніи нуклеусовъ, часто сохраняющіе кору, покрывавшую кремневой желвакъ; неудавшіяся и сломанныя пластинки; мелкіе осколки — результатъ приготовленія орудій; обломки орудій. Любопытна довольно многочисленная группа небольшихъ, призматическихъ, 3—4-гранныхъ осколковъ, часто имѣющихъ ретушь вдоль одного края (р. 1—2); они получались при изготовленіи рѣзцовъ (*burins*) съ цѣлью дать рѣзцу необходимое массивное заостреніе, путемъ такъ называемаго «*coup de burin*» — продольнаго, слегка наискось, удара, которымъ отдѣлялся отъ края пластинки длинный отщепокъ. Кажущаяся ретушь такихъ осколковъ объясняется тѣмъ, что пластинка, предназначенная стать рѣзцомъ, иногда предварительно оббивалась не только на концѣ, но и по краю, быть можетъ, для полученія болѣе правильной грани. При описаніи каменныхъ орудій палеолитической стоянки с. Мезина Черниговской губ. мной было уже указано, что этимъ маленькимъ пластинкамъ нѣкоторыми авторами неправильно приписывается самостоятельное значеніе микролитическихъ орудій*). И г. Шмидтъ, мнѣ кажется, дѣлаетъ ошибку, определяя ихъ, какъ острія (*petites pointes*, *Borstenspitzen*) и пластинки со стесаннымъ краемъ (*lames à dos rabattu*). Если преднамѣренность формы этихъ кремней и должна быть отвергнута, вполне возможно, однако, что нѣкоторые изъ нихъ могли служить, какъ орудія случайныя (проколки и проч.).

Въ коллекціи Полякова нѣтъ совсѣмъ нуклеусовъ, ихъ очень мало и у Кельсіева, но, вѣроятно, явленіе это чисто случайное — дальнѣйшія раскопки заполняютъ этотъ пробѣлъ. Одинъ изъ найденныхъ кремней Поляковъ считаетъ нуклеусомъ; вѣроятнѣе однако, что это нуклеобразный отбойникъ: фасетки его ограничивающія слишкомъ малы и неправильны, и на ребрахъ видны характерные слѣды многочисленныхъ ударовъ.

Пластинки (*lames*), въ 3—4 грани, неправильныхъ очертаній. Размѣры ихъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ превышаютъ 10 см. (пластинки, изображенныя у Кельсіева), большинство

*) См., напр., Н. Obermaier, «Der Mensch der Vorzeit», стр. 182, p. p. 0—8.

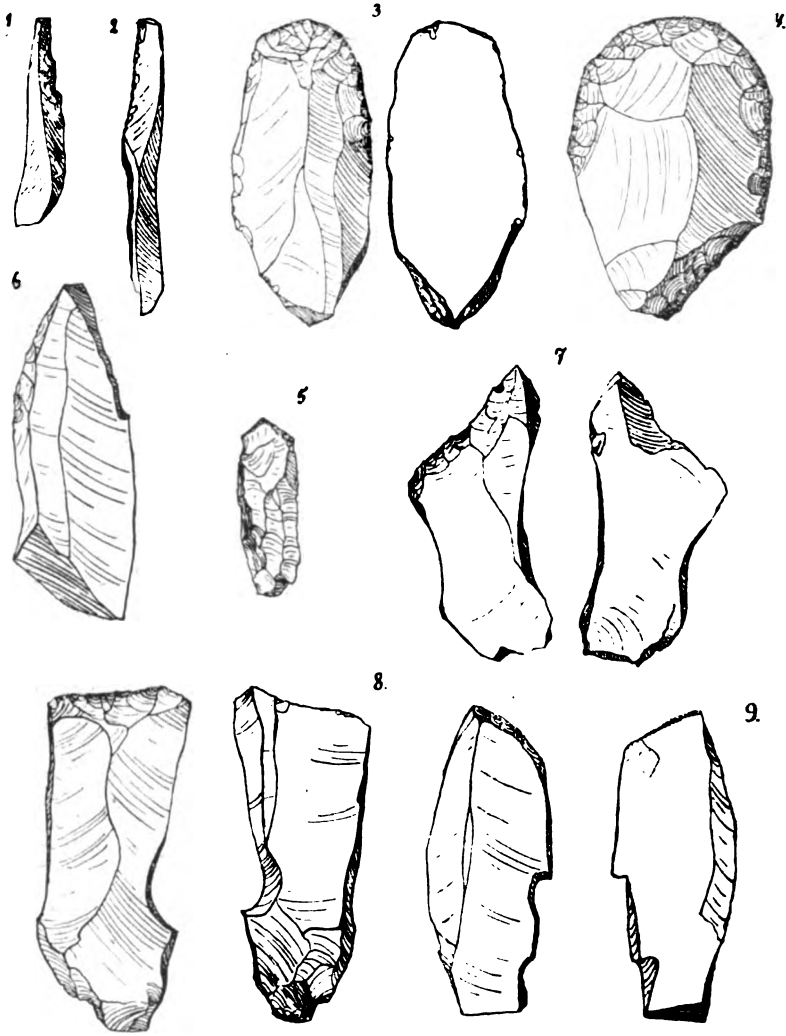

Рис. 1—9.

Главнѣйшія формы отбивныхъ кремневыхъ орудій палеолитической стоянки с. Костенки Воронежской губ.

Около $\frac{2}{3}$ нат. велич.

1 и 2, боковые отщепки рѣзцовъ (eclats lateraux); 3 и 4, скребки съ рѣзцомъ на противоположномъ концѣ орудія (grattoirs—burins); 5, маленькая пластинка съ тонкооббитымъ угловымъ рабочимъ концемъ (petite lame avec retouche finale); 6, рѣзецъ обыкновенный, срединный (burin ordinaire); 7—9 рѣзцы боковые, (burins lateraux), послѣдній имѣеть на противоположномъ концѣ «угловой рѣзецъ на концѣ сломанной пластинки».

же значительно меньшей величины. Въ коллекціи Полякова лишь изрѣдка, въ коллекціи Кельсіева чаще и въ очень хорошихъ экземплярахъ встрѣчаются пластинки съ ретушированнымъ краемъ (пилки); пластинки съ болѣе энергичной ретушью, нѣсколько напоминающія *lames à dos rabattu*, довольно многочисленны, особенно въ находкахъ Кельсіева, но относятся онѣ къ особому роду орудій (*pointes à cran atypique*, см. ниже), которыхъ обломками или менѣе характерными формами онѣ и являются. Среди оббитыхъ пластинокъ встрѣчаются массивныя, сравнительно широкія и короткія пластины, сходство формы (нѣсколько напоминающей пластины Левалуа, но небольшого размѣра) и способа приготовленія которыхъ заставляетъ выдѣлить ихъ въ особую группу.

Скребки обыкновенныя (*grattoirs convexes*) встрѣчаются нерѣдко — ихъ найдено свыше 2-хъ десятковъ. Въ коллекціи Полякова они составляютъ весьма однородную группу орудій: на концѣ широкой, солидной пластинки расположено правильное, дугообразное, тщательно оббитое лезвіе, при чемъ ретушь часто продолжена и по краю пластинки; противоположный конецъ орудія заостренъ съ помощью продольныхъ ударовъ (*cours de burin*) и образуетъ иногда настоящій рѣзецъ (р. 3 и 4). Въ коллекціи Кельсіева скребки представлены хуже — здѣсь рѣдки вполнѣ цѣльныя и законченныя орудія, но встрѣчаются за то иныя формы, какъ двойной скребокъ и скребокъ съ прямымъ лезвіемъ. Въ общемъ, скребки Костенковской стоянки довольно далеки по своему характеру отъ типичныхъ магленскихъ формъ и больше напоминаютъ формы солотрейскія.

Скребки вогнутыя (*grattoirs concaves*) также встрѣчаются здѣсь, и представлены обычно неправильными отщепками съ небольшой сегментовидной отретушированной выемкой на одномъ изъ краевъ; рѣже попадаются скребки типа «пластинки съ выемкой на концѣ».

Проколки (*perçoirs*) совершенно отсутствуютъ въ коллекціи Полякова и лишь въ двухъ экземплярахъ встрѣчены у Кельсіева; это тѣмъ болѣе странно, что проколки очень обычны во всѣхъ верхнепалеолитическихъ стоянкахъ. Но возможно, что это обстоятельство окажется простой случайностью, и орудія эти встрѣтятся въ другихъ частяхъ стоянки: неравномѣрное распредѣленіе формъ орудій на территоріи стоянки представляеть нерѣдкое явленіе; такъ, напримѣръ, въ Мезинской сто-

янкѣ (Черниговской губ.) проколки встрѣчены въ очень большомъ числѣ лишь въ одномъ пунктѣ стоянки. Какъ случайныя орудія (*outils de fortune*), могли, конечно, употребляться продольные отщепки рѣзцовъ и другіе подходящіе заостренные осколки.

Пластинки съ оббитымъ концемъ (*lames avec retouche finale*), хотя и встрѣчаются, но обособленной группы не составляютъ. Концы нѣкоторыхъ пластинокъ (рѣдко оба) оббиты рѣзкими углубленными ударами, при томъ часто въ направленіи обратномъ обычному, т. е. со спинки, а не съ брюшка; вѣроятно эти «*pièces esquillées*» предназначались для выдѣлки рѣзцовъ, какъ и большинство другихъ кремней этой группы.

Микролитическія формы встрѣчаются изрѣдка, то въ видѣ маленькихъ тщательно по краю оббитыхъ пластинокъ, то въ видѣ пластинокъ, оббитыхъ на концѣ; изъ послѣднихъ любопытно маленькое орудьице, заканчивающееся угловымъ лезвиемъ (р. 5).

Рѣзецъ (*burin*) — одно изъ характернѣйшихъ орудій верхнепалеолитическихъ стоянокъ Западной Европы — въ Костенкахъ представленъ группой орудій весьма многочисленной. Здѣсь воспроизведены всѣ главные типы этого рода орудій: обыкновенные, срединные рѣзцы (*b. ordinaires*), получившіеся двусторонними продольными ударами; боковые рѣзцы (*b. lateraux*) и ихъ разновидность — угловые рѣзцы (*b. d'angle*, часто «на углахъ сломанной пластинки» (р. 6—9). Уже было отмѣчено, что рѣзцы нерѣдко сочетаются съ скребками, образуя двойное орудіе; иногда встрѣчаются пластинки съ рѣзцами на обоихъ противоположныхъ концахъ. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что эта категорія орудій готовились довольно небрежно; въ коллекціи отсутствуютъ легкія, изящныя формы рѣзцовъ, обычныя для большинства маденскихъ стоянокъ *).

Острія (*pointes*) составляютъ самую интересную группу орудій Костенковской стоянки. Въ то время, какъ выше перечисленные типы орудій, сами по себѣ характерныя для верхняго палеолита, встрѣчаются во всѣхъ стоянкахъ этого періода и не даютъ возможности, на нихъ базирясь, относить стоянку

*) Г. Шмидтъ ошибочно относитъ нѣкоторые кремни къ формѣ *burins busqués*, они совершенно не имѣютъ характерныхъ признаковъ этого «ориньякского» орудія.

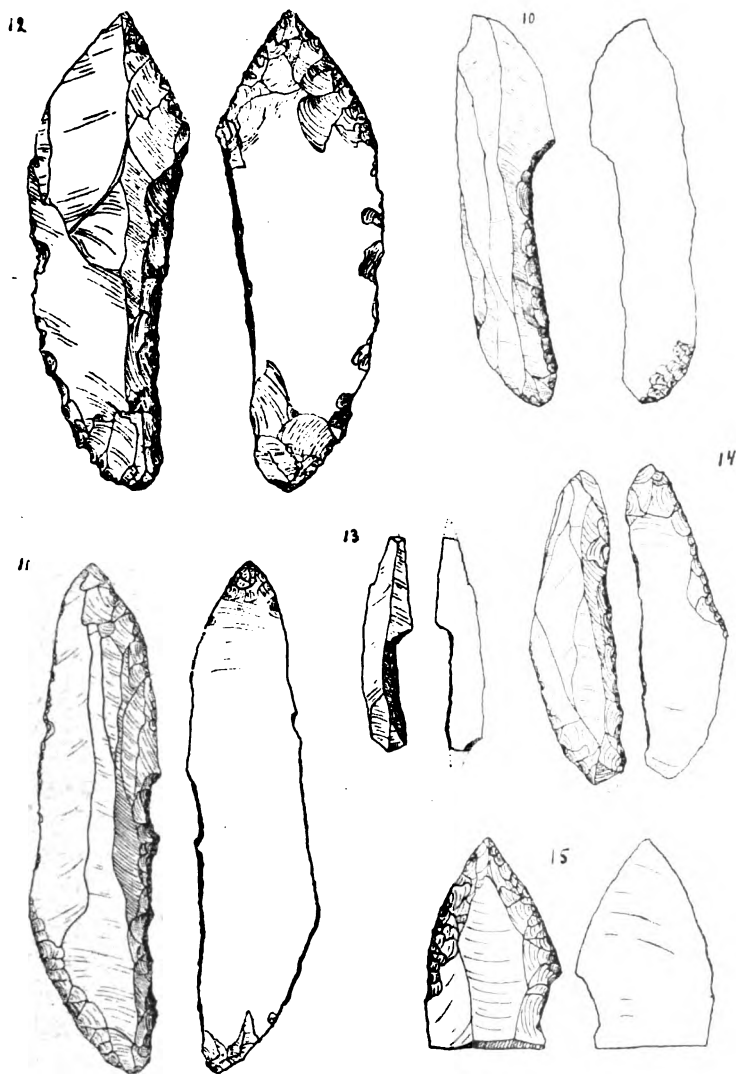

Рис. 12—15.

Острие съ боковой выемкой (pointe à cran atypique)—наиболее характерная форма Костенковской палеолитической стоянки, сближающая ее съ лессовыми стоянками Австрии. Технически приближается къ пластинкѣ со сбитымъ краемъ и солотрейскому наконечнику.

около $\frac{2}{3}$ натурал. величин.

къ той или иной эпохѣ, костенковскія «острія» составляютъ особенность этой стоянки и до сихъ поръ въ русскихъ палеолитическихъ находкахъ совершенно не встрѣчались. Прежде всего бросается въ глаза особенность ихъ приготовления. Для полученія всѣхъ прочихъ орудій кремневая пластинка оббивалась только съ одной стороны, со спинки, тогда какъ другая сторона ея сохраняла свою гладкую отбивную поверхность. «Острія» же часто отдѣлывались съ обѣихъ сторонъ (съ брюшка главнымъ образомъ на концахъ) и при томъ, въ иныхъ случаяхъ, съ помощью удаленія широкихъ осколковъ, быть можетъ, даже путемъ отжиманія. Эти ихъ особенности сближаютъ костенковскія «острія» съ «солотрейскими» кремневыми наконечниками, встрѣчающимися во многихъ европейскихъ палеолитическихъ стоянкахъ, въ слояхъ, подстилающихъ мадленскіе очаги, и, очевидно, болѣе древнихъ. Въ типичныхъ экземплярахъ Костенковской стоянки это пластинки, обыкновенно большія и массивныя—хотя нѣкоторыя и совсѣмъ невелики—оба конца которыхъ (или одинъ, если другой имѣетъ естественное утоньшеніе) повторной оббивкой заострены со спинки, а часто и съ отбивной стороны; одинъ конецъ орудія имѣетъ болѣе правильное, уплощенное остріе, тогда какъ другой массивнѣе и мало заостренъ; край пластинки (обыкновенно правый) сбить сильными ударами и часто, не далеко отъ болѣе заостреннаго конца, образуетъ родъ уступчика (*cran*), см. р.р. 10—15. Вышеописанныя орудія могутъ быть названы, по аналогіи съ европейскими находками, «*pointes à cran atypiques*».

Г. Шмидтъ относитъ Костенковскую стоянку къ «позднему ориньяку». Трудно согласиться съ такимъ опредѣленіемъ. Если мы можемъ нынѣ признавать характернымъ для ориньякскихъ слоевъ опредѣленный комплексъ типичныхъ орудій, то все же въ рассмотрѣнныхъ нами коллекціяхъ этихъ орудій не встрѣчается—ни *burins busqués*, ни нуклеидныхъ или ладьевидныхъ орудій, ни пластинокъ типа Шательперронъ или Лаграветтъ и т. д. При полномъ отсутствіи типичныхъ ориньякскихъ орудій, единственная форма, которая могла бы дать поводъ для сближенія Костенковской стоянки съ «ориньякскими» находками, это костенковское «остріе», если его разсматривать, какъ зарожденіе солотрейской техники. Мнѣ кажется, что, если въ этихъ орудіяхъ и проявляются дѣйствительно навыки солотрейской эпохи, то не рѣшенъ вопросъ, должны ли мы

считать их зарожденіемъ или скорѣе вырожденіемъ солютрейскихъ формъ — дегенерирующими формами *pointe à saut typique*. Имѣющійся у насъ матеріалъ говоритъ въ пользу, какъ одного, такъ и другого предположенія. Съ одной стороны, цѣлый рядъ находокъ позволяетъ относить атипическія острія съ выемкой къ эпохѣ до-солютрейской. Такова, напримѣръ, стоянка Ла Феррасси (*La Ferrassie*) въ Дордони *), одна изъ интереснѣйшихъ палеолитическихъ стоянокъ Франціи по полнотѣ представленныхъ въ ней горизонтовъ; она дала между прочимъ, превосходно выраженный слой, относящійся къ верхнему ориньяку (въ самыхъ верхнихъ частяхъ его было найдено нѣсколько типичныхъ солютрейскихъ наконечниковъ обоихъ родовъ — лавролистныхъ и съ выемкой). Характернѣйшей формой этого слоя являются пластинки со сбитымъ краемъ и острія (*pointes*), сдѣланныя такой же техникой: среди послѣднихъ весьма многочисленны острія типа Лаграветтъ, но встрѣчается даже и типъ Шательперронъ (характерный для нижняго ориньяка). Для насъ интересно присутствіе здѣсь наконечниковъ, принадлежащихъ двумъ группамъ орудій: наконечники со стержнемъ (*pointes à soie*) и наконечники съ выемкой (*pointes à saut atypiques*). Эти двѣ формы извѣстны въ цѣломъ рядѣ стоянокъ Франціи въ слояхъ болѣе древнихъ, чѣмъ солютрейскіе, или совмѣстно съ солютрейскими формами: таковы стоянки *La Font-Robert* (*Corrèze*), *Grotte de St. Front* (*Dordogne*), *Noailles* (*Corrèze*), *Combe-Capelle* и др. Найдены онѣ также, главнымъ образомъ въ формѣ атипическаго наконечника, въ большемъ числѣ въ гротахъ Ментоны, въ нѣкоторыхъ стоянкахъ Бельгіи (*Trou Magrite*), Германіи (*Munzingen* въ Баденѣ, *Sirgenstein* въ Швабской Юртѣ), Австріи (*Willendorf* и *Hundssteig* близъ Кремса). Мы можемъ разсматривать эти наконечники, какъ результатъ эволюціи пластинокъ съ оббитымъ краемъ, которыя такъ характерны для ориньякской эпохи. Но обѣ формы наконечниковъ встрѣчены во Франціи, хотя и не часто, въ стоянкахъ маденской эпохи. Въ классической стоянкѣ *La Madeleine*, и въ нижнихъ и въ верхнихъ характерныхъ «маденскихъ» горизонтахъ, Пейрони, во время недавнихъ своихъ раскопокъ, нашелъ много подобныхъ орудій;

*) Capitan et Peyrony. «Station préhistorique de la Ferrassie». *Revue Anthropologique* 1912. № 1. Paris.

я имѣлъ возможность ихъ пересмотрѣть, вмѣстѣ съ г. Пейрони, въ музеѣ Les Euzies (Дордонь), гдѣ хранятся эти коллекціи.

Нужно замѣтить, что всѣ перечисленныя находки нѣсколько отличаются отъ костенковскихъ, послѣднія грубѣе, массивнѣе, менѣе напоминаютъ своей формой наконечникъ.

Для пониманія Костенковской стоянки особенное значеніе имѣютъ, конечно, австрійскія лессовыя стоянки, какъ болѣе близкія географически и во многомъ съ ней сходныя. Дальнѣйшія изысканія должны намѣтить между ними недостающія промежуточныя звенья, и можетъ быть въ будущемъ найдется достаточно матеріала для выдѣленія особой, восточно-европейской, фаціи верхняго палеолита, несомнѣнно болѣе древней, чѣмъ маденскія стоянки Южной Россіи. Во всякомъ случаѣ нельзя считать, что современное знаніе Костенковской палеолитической стоянки достаточно для рѣшенія вопроса о ея возрастѣ; буду считать свою задачу выполненной, если въ результатѣ моихъ наблюденій Костенковская стоянка, послѣ тридцатилѣтняго незаслуженнаго перерыва, вновь привлечетъ къ себѣ вниманіе русскихъ изслѣдователей.

И. Ефименко.

Антропологическія данныя о великоруссахъ южной части Новгородской губерніи.

Caractères anthropologiques des Grands-Russiens du gouvernement de Novgorod.

Продолжая изученіе великоруссовъ въ антропологическомъ отношеніи, лѣтомъ 1912 и 1913 годовъ я, по порученію Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, производилъ измѣренія въ Новгородскомъ, Старорусскомъ, Валдайскомъ и Крестецкомъ уѣздахъ Новгородской губерніи, какъ районѣ, непосредственно соприкасающемся къ изученному въ 1911 году.

Измѣренія производились въ слѣдующихъ пунктахъ: с. Коростынь, д. Великое Село и с. Перегино Старорусскаго уѣзда, д. Висючій Боръ, с. Молватицы, с. Полново и с. Семеновщина Демянскаго уѣзда, с. Рабежъ, д. Буряки, д. Дворецъ, д. Новое Село и д. Медвѣдево Валдайскаго у., с. Бронницы, с. Шимскъ, с. Голино и Новгородъ (Губернская Больница) Новгородскаго у. и д. Войцы и с. Наволокъ Красностанской вол. Крестецкаго уѣзда. Два послѣдніе уѣзда захвачены исключительно въ ихъ прильменской части. Всего измѣрено 273 мужчины и 32 женщины.

Измѣренія производились мною лично, а запись измѣреній, происхожденія, возраста и занятій измѣряемыхъ велъ студентъ Московскаго Университета Діодоръ Дмитріевичъ Дебольскій, оказавшій мнѣ очень большое содѣйствіе своимъ участіемъ въ работѣ, за что приношу ему благодарность.

ТАБЛИЦА № 1.

Великоруссы Новгородской губ. Grands-Russiens du gouvernement de Novgorod.	в о з р а с т ь			в ь е	
	До 20 лѣтъ.	Отъ 20—30 л.	30—40 л.	40—50 л.	50—60 л.
Демянскій уѣздъ . . .	—	18	15	22	15
Валдайскій уѣздъ . . .	2	13	15	15	20
Старорусскій уѣздъ . . .	—	16	14	16	19
Новгородскій уѣздъ . . .	—	11	14	14	9
Крестецкій уѣздъ . . .	—	10	8	7	5
Всѣ	2	63	66	74	68

Почти всѣ изслѣдованные — мѣстные крестьяне, возрастъ которыхъ колеблется отъ 19 до 60 лѣтъ, при чемъ болѣе половины приходится на возрастъ отъ 30 до 50 лѣтъ. Большинство изъ нихъ плотнаго тѣлосложенія, обозначеннаго въ таблицѣ 2-ой цифрой 3.

ТАБЛИЦА № 2.

Сложеніе. Constitution.

Великоруссы Новгородской губ.	1		2		3	
	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
Демянскій уѣздъ	1	1,5	13	20	51	78,5
Валдайскій уѣздъ	—	—	14	21,5	17	78,5
Старорусскій уѣздъ	—	—	18	27,7	47	72,3
Новгородскій уѣздъ	—	—	10	20,8	38	79,2
Крестецкій уѣздъ	—	—	9	30	21	70
Всѣ	1	0,1	61	23,1	208	76,2

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ антропологическихъ признаковъ, замѣчу, что въ настоящей работѣ совершенно не буду касаться данныхъ о женщинахъ, въ виду малочисленности изслѣдованныхъ, и не буду приводить среднихъ цифръ для всѣхъ уѣздовъ вмѣстѣ, такъ какъ при разнородности уѣздовъ и незаконченности изученія района эти среднія имѣли бы очень малое значеніе.

Цвѣтъ волосъ и глазъ. (Табл. № 3). Преобладающимъ цвѣтомъ волосъ является русый, встрѣчающійся у большинства и сравнительно равномерно распредѣляющійся во всѣхъ уѣздахъ, увеличиваясь до 66 0/0 въ Валдайскомъ уѣздѣ и уменьшаясь до 43,4 0/0 въ Крестецкомъ уѣздѣ. Послѣдней цифрѣ не слѣдуетъ придавать значенія, въ виду малочисленности наблюдений; правильнѣе разсматривать данныя Крестецкаго у. съ Новгородскими. Бѣлокурыхъ встрѣчается мало, особенно въ Демянскомъ уѣздѣ. Темноволосыхъ меньше всего въ Валдайскомъ — 23 0/0, и больше всего въ Демянскомъ — 40 0/0. Соответственно пигментации волосъ въ окраскѣ глазъ преобладаютъ смѣшанные оттѣнки. Свѣтлыхъ глазъ больше въ Старорусскомъ уѣздѣ — 29 0/0. Темноглазыхъ меньше въ Старорусскомъ и больше всего въ Новгородскомъ и Демянскомъ. Рыжеволосыхъ отмѣ-

ТАБЛИЦА № 3.

Великоруссы Новгородской губ.	Цвѣтъ волосъ Couleur des cheveux						Цвѣтъ глазъ Couleur des yeux.					
	Бѣлокур. Blonds		Русые Châtains		Темные Bruns		Голубые Clairs		Смѣшан. Mélangés		Темные Foncés	
	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
Демянскій у. . .	5	7,7	31	52,3	26	40	12	18,5	10	61,5	13	20
Валдайскій у. . .	7	10,8	43	66,1	15	23,1	17	26,2	38	58,5	10	15,4
Старорусскій у. .	9	13,8	38	58,5	18	27,7	19	29,2	37	56,9	9	13,8
Новгородскій у. .	4	8,3	29	60,4	15	31,3	11	22,9	27	56,2	10	20,8
Крестецкій у. . .	9	30	13	13,1	8	26,6	4	13,3	21	70	5	16,7

чено всего трое. Сравнивая съ данными о пигментациі въ сосѣднихъ уѣздахъ Тверской губерніи, отмѣтимъ очень незначительную разницу (Табл. № 4). Сочетаніе цвѣта волосъ и глазъ даетъ почти то же, что и въ Тверской губ. *) Обращаетъ вниманіе почти полное отсутствіе свѣтловолосыхъ съ темными глазами, несмотря на общую пестроту сочетаній. Лицъ свѣтлаго типа — съ свѣтлыми волосами и глазами — всего 17 человекъ; темнаго типа 32 человека. Преобладаніе смѣшанныхъ оттѣнковъ цвѣта волосъ и глазъ, а особенно характеръ сочетаній пигментациі волосъ и глазъ указываетъ на смѣшанность изслѣдованнаго населенія.

ТАБЛИЦА № 4.

Великорусы Новгородской губерніи.	Блѣлые Blonds			Русые Chatains			Темные Bruns		
	съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux		
	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mélangés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mélangés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mélangés	Темными Foncés
Демянскій . . .	2	3	—	7	23	4	3	14	9
Валдайскій . . .	4	3	—	10	30	3	3	5	7
Старорусскій . . .	5	4	—	11	23	4	3	10	5
Новгородскій . . .	3	1	—	6	20	3	2	6	7
Крестецкій . . .	3	4	2	1	12	1	—	3	4

Ростъ. Распредѣленіе величины роста по уѣздамъ неравномѣрно. Значительно превышая средній — 1650 мм. — въ Новгородскомъ и Крестецкомъ уѣздахъ, ростъ опускается ниже средняго въ Валдайскомъ. Учитывая возможность вліянія незначительнаго для опредѣленія роста числа изслѣдованныхъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ, мы всетаки можемъ отмѣтить, что полу-

*) Золотаревъ. Антропол. изслѣдованіе великорусскаго населенія Осташковскаго и Ржевскаго у. у. Тверской губ. Ежегодникъ Р. Антроп. Общ. при И. П. Ун. IV т., 1913 г.

Карта роста и головного указателя.

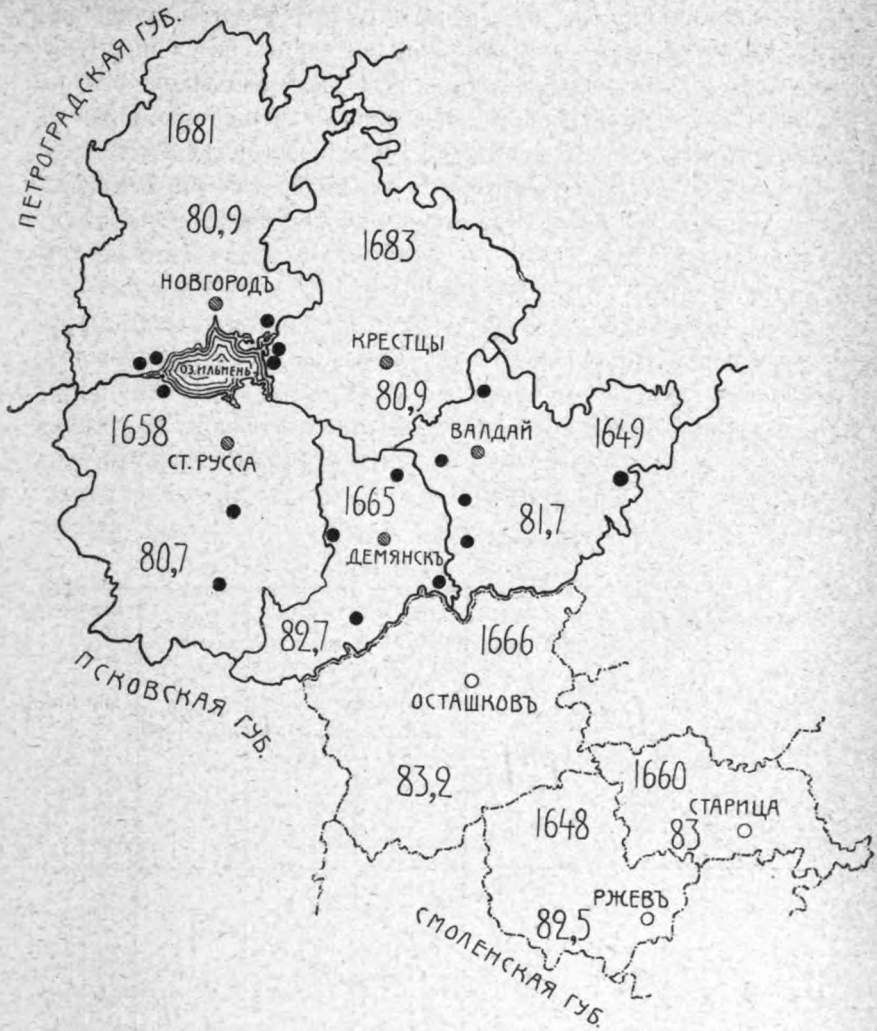

Рис. 1.

● — пункты, гдѣ производились измѣренія. Верхнія цифры въ каждомъ уѣздѣ относятся къ росту, а нижнія къ головному указателю. Кромѣ новгородскихъ уѣздовъ здѣсь присоединены Осташковскій и Ржевскій (по изслѣдованіямъ 1911 года) и Старицкій у. Тверской губ. (по изслѣдованіямъ д-ра Галаа).

ченныя данныя близко подходят къ росту, выведенному изъ очень обширнаго матеріала волнскихъ присутствій докторомъ Крумбмиллеромъ, получившимъ средній ростъ для Новгородскаго уѣзда—1661 мм. *). Во всякомъ случаѣ даже при нашемъ матеріалѣ возможно выдѣлить привльменское населеніе Новгородскаго и Крестецкаго уѣздовъ, какъ болѣе высокорослое. Высокорослость прибрежнаго населенія нарушается лишь въ одномъ пунктѣ — с. Коростинѣ Старорусскаго уѣзда, гдѣ полученъ средній ростъ значительно меньшій, чѣмъ на Новгородскомъ и Крестецкомъ побережьи. Несмотря на это, соединивъ всѣ прибрежныя пункты изслѣдованія, мы получимъ для привльменскаго населенія довольно высокій ростъ — 1674 мм. Точно также сравнительно высокій ростъ встрѣчаемъ въ районѣ, примыкающемъ къ Осташковскому у. Тверской губ. Средній ростъ, полученный для 80 человекъ изъ четырехъ южныхъ пунктовъ Старорусскаго, Демянскаго и Валдайскаго уѣздовъ, равняется 1666 мм. и вполнѣ совпадаетъ съ ростомъ, полученнымъ въ 1911 году для Осташковскаго уѣзда.

ТАБЛИЦА № 5.
Ростъ (Taille).

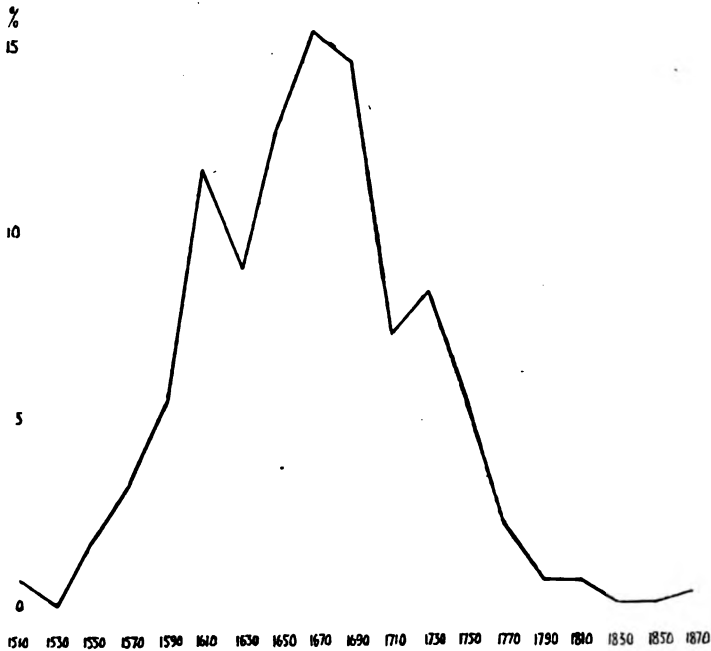
Великорусск Новгородской губ.	Число Nombre	Абсолютныя числа Chiffres absolus		Нижій ростъ Petite taille до 1600 мм.		Нижне средняго аудessous de la moy- enne		Выше средняго аудessus de la moyenne		Высокій ростъ Grande taille аудessus de 1700	
		Min—max.	Средн. моу- enne	Число N. abs.	‰	Число N. abs.	‰	Число N. abs.	‰	Число N. abs.	‰
Демянскій .	65	1502—1758	1665	7	10,8	16	24,6	26	40	16	24,6
Валдайскій .	65	1508—1800	1619,1	10	15,4	24	36,9	20	30,8	11	16,9
Старорусскій	65	1551—1766	1657,86	8	12,3	27	41,5	14	21,5	16	24,6
Новгородскій	48	1552—1815	1681,39	6	12,5	7	14,6	18	37,5	17	35,1
Крестецкій	30	1605—1870	1683,03	—	—	9	30	12	40	9	30

*) В. В. Крумбмиллеръ. Нѣкоторыя данныя о ростѣ новобранцевъ Новгор. уѣзда. «Протоколы и сообщенія Общества врачей Новгородской губ. за 1891/92» Новгородъ, 1893 г.

Распредѣливъ матеріаль о ростѣ согласно принятому дѣленію, (Табл. № 5), находимъ, что низкихъ больше всего въ Валдайскомъ у. Высокихъ больше въ Новгородскомъ и Крестецкомъ у. у. Процентъ высокихъ въ Демянскомъ и Старорусскомъ у. — 24,6 % — совпадаетъ съ % высокихъ въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ.

Индивидуальныя колебанія роста, отъ 1502 до 1870 мм., значительны и составляютъ около 20 % максимальнаго роста. Расположеніе данныхъ о ростѣ при разницѣ въ 1 и 2 сантиметра даетъ неправильный рядъ. Два максимума, рѣзко выдѣляющіеся при двухсантиметровомъ расположеніи, приходятся на ростъ 1660—1679 и 1600—1619. (Табл. № 6, діагр. I).

Неправильность рядового расположенія и большой размахъ индивидуальныхъ колебаній роста указываетъ на существованіе въ данномъ районѣ по крайней мѣрѣ двухъ основныхъ составныхъ элементовъ, различающихся по росту: болѣе высокорослаго, преобладающаго въ прильменскомъ населеніи, и сравнительно низкорослаго, чаще встрѣчающагося въ Валдайскомъ уѣздѣ.

Діагр. I-а.а.

ТАБЛИЦА № 6.

Колебания роста.	Демян.	Валд.	Стар.	Новг.	Крест.	В м ъ с т њ		%
						через 1 сант.	Через 2 сант.	
						А б с о л ю т н ы я ч и с л а .		
1500—1509	1	1	—	—	—	2	} 2	0,73
1510—1519	—	—	—	—	—	—		
1520—1529	—	—	—	—	—	—	} —	—
1530—1539	—	—	—	—	—	—		
1540—1549	1	—	—	—	—	1	} 5	1,8
1550—1559	—	—	3	1	—	4		
1560—1569	—	3	—	—	—	3	} 9	3,3
1570—1579	2	3	—	1	—	6		
1580—1589	1	—	2	—	—	3	} 15	5,5
1590—1599	2	3	3	4	—	12		
1600—1609	5	7	4	—	3	19	} 32	11,7
1610—1619	3	4	3	2	1	13		
1620—1629	1	4	7	2	1	15	} 25	9,1
1630—1639	1	3	4	1	1	10		
1640—1649	6	6	9	2	3	26	} 35	12,8
1650—1659	1	4	1	1	2	9		
1660—1669	7	4	2	6	1	20	} 42	15,4
1670—1679	6	7	4	2	3	22		
1680—1689	8	1	4	4	1	18	} 39	14,6
1690—1699	4	4	3	5	5	21		
1700—1709	2	3	4	—	2	11	} 20	7,3
1710—1719	5	—	—	3	1	9		
1720—1729	1	2	3	2	—	8	} 23	8,4
1730—1739	3	1	3	5	3	15		
1740—1749	2	1	2	1	—	6	} 15	5,5
1750—1759	3	1	2	2	1	9		
1760—1769	—	1	2	—	—	3	} 6	2,2
1770—1779	—	1	—	2	—	3		
1780—1789	—	—	—	1	1	2	} 2	0,73
1790—1799	—	—	—	—	—	—		
1800—1809	—	1	—	—	—	1	} 2	0,73
1810—1819	—	—	—	1	—	1		
.....	—	—	—	—	—	—	—	—
.....	—	—	—	—	—	—	—	—
.....	—	—	—	—	—	—	—	—
.....	—	—	—	—	—	—	—	—
.....	—	—	—	—	—	—	—	—
187	—	—	—	—	1	1	1	0,36
	65	65	65	48	30	273	273	100

Разсматривая соотношеніе роста съ цвѣтомъ волосъ и глазъ (Табл. № 7), замѣчаемъ наибольшее количество темныхъ волосъ у роста 1660—1699, гдѣ они значительно превышаютъ свѣтлые волосы. Среди низкорослыхъ также наблюдается преобладаніе темныхъ надъ свѣтлыми, количество которыхъ одинаково съ темными лишь среди высокорослыхъ отъ 1720 до 1759 мм. При значительномъ перевѣсѣ свѣтлыхъ глазъ надъ темными, можно лишь отмѣтить одинаковое количество и даже небольшое преобладаніе темныхъ глазъ у субъектовъ роста 1600—1639 и 1660—1719.

ТАБЛИЦА № 7.

*Соотношеніе роста съ цвѣтомъ волосъ и глазъ.
Taille d'après la pigmentation.*

		1500—1519	1520—1539	1540—1559	1560—1579	1580—1599	1600—1619	1620—1639	1640—1659	1660—1679	1680—1699	1700—1719	1720—1739	1740—1759	1760—1779	1780—1799	1800—1819	1870
Цвѣтъ волосъ Couleur des cheveux	Бѣлокурый—Blond	—	—	—	—	3	3	1	5	5	7	3	4	3	—	—	—	—
	Русый—Châtain . .	2	—	2	7	11	18	15	22	23	13	11	16	8	6	1	1	1*
	Темный—Brun . . .	—	—	3	2	1	1	9	8	14	19	6	3	4	—	1	1	—
Цвѣтъ глазъ Couleur des yeux	Свѣтлый—Clair . . .	1	—	1	2	6	5	7	9	8	9	3	4	4	4	—	—	—
	Смѣшанный—Mélange	1	—	4	7	8	21	11	23	26	19	13	17	7	2	2	1	1
	Темный—Foncé . .	—	—	—	—	1	6	7	3	8	11	4	2	4	—	—	1	—

Не приводя сравнительныхъ данныхъ о ростѣ великорусовъ другихъ мѣстностей и иныхъ народностей, чтобы не повторять то, что я сдѣлалъ въ первой работѣ о великоруссахъ Тверской губ., подчеркну лишь бѣольшую высокорослость въ данномъ районѣ по сравненію съ изученными до сихъ поръ**) и совпаденіе моего сравнительно небольшого матеріала съ выводами проф. Д. Н. Анучина,***) установившаго область великорусской высокорослости въ изученной части Новгородской губ. и сосѣдней Псковской губ.

*) Рыжій.

**) Ростъ, совпадающій съ ростомъ прильменскихъ великоруссовъ, полученъ мною въ 1914 году при изслѣдованіи великоруссовъ придвинской части Архангельской губ.

***) Д. Н. Анучинъ. О географическомъ распредѣленіи роста муж. населенія Россіи. «Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. статистику». Т. 7 в. 1, 1889 г.

ТАБЛ
Головной указатель.

Великоруссы Новгородской губ.	Число измерен. Nombre des mesur.	Продольный диаметр Diam. anter.-poster.		Поперечный диаметр Diam. transvers.	
		Min—Max.	Средн. Moyenne	Min—Max.	Средн. Moyenne
Демянскій уѣздъ	65	178—202	187,46	145—172	155,03
Валдайскій уѣздъ	65	178—204	187,78	145—163	153,32
Крестецкій уѣздъ	65	175—204	190,06	146—165	153,24
Старорусскій уѣздъ	47	178—209	190,51	141—164	153,95
Новгородскій уѣздъ	30	179—208	187,43	135—162	151,61

Головной указатель. По головному указателю изслѣдованные великоруссы суббрахицефалы, но далеко не въ одинаковой степени въ различныхъ уѣздахъ. Въ то время какъ Демянскій уѣздъ очень близокъ по среднему головному указателю къ сосѣднему Осташковскому уѣзду Тверской губерніи, уѣзды Новгородскій, Крестецкій и Старорусскій значительно отличаются своими низкими указателями. Валдайскій уѣздъ занимаетъ промежуточное положеніе. Разница въ величинѣ головного указателя по уѣздамъ настолько велика, что могла возникнуть мысль о случайности и несоотвѣтствіи цифръ дѣйствительности. Но какъ разъ въ этихъ уѣздахъ Е. М. Чепурковскій на бѣльшемъ матеріалѣ получилъ подобное же различіе. Въ Старорусскомъ уѣздѣ онъ получилъ головной указатель у мужчинъ — 81,1, въ Новгородскомъ — 81,6, а въ Демянскомъ — 83,3 *).

Повидимому, существуетъ въ дѣйствительности значительная разница въ данномъ отношеніи между населеніемъ прильменскимъ и пограничнымъ съ Тверской губерніей. Данныя о

*) Е. М. Чепурковскій. Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьян. населенія преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизаціей ея славянами. «Труды Антр. Отд.» т. XXVIII. в. 2; М. 1913

ЦА № 8.

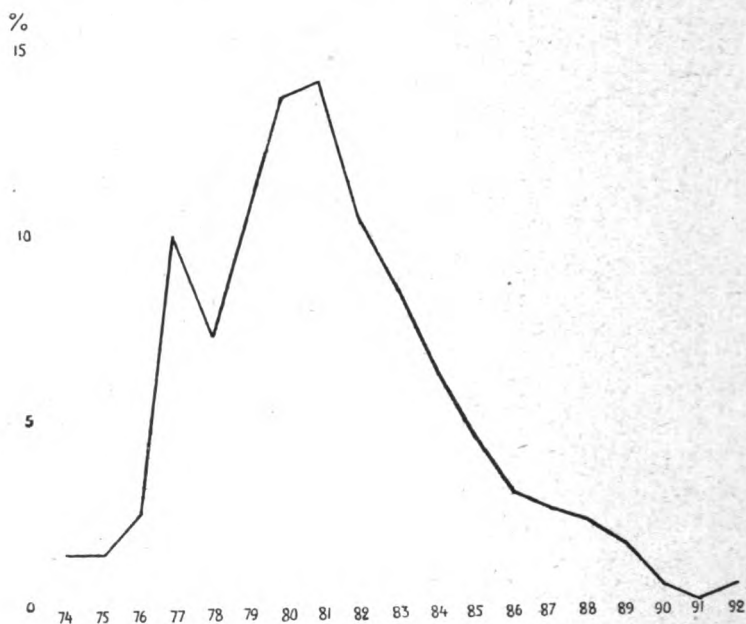
(*Indice céphalique*).

Головной указатель Indice céphalique		Длинногол. Dolichocéph.		Среднеголов. Mesaticéph.		Коротко- ватогол. Sous-brachy- céph.		Коротко- голов. Brachy- céph.	
Min.—Max.	Средн. Moynenne	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%	Число N.	%
77,5 — 92,3	82,72	4	6,2	11	16,9	26	10	24	36,9
75,1 — 89,3	81,69	6	9,2	8	12,3	34	52,3	17	26,2
74,3 — 88,8	80,71	15	23,1	17	26,2	19	29,2	14	21,5
74,2 — 89,1	80,89	6	12,8	13	27,7	18	38,3	10	21,3
74,17 — 89,38	80,93	4	13,3	8	26,7	11	36,7	7	23,3

головномъ указателѣ двухъ выдѣленныхъ мною при разсмотрѣ-
ніи роста группъ еще болѣе укрѣпляютъ это предположеніе.
Головной указатель прильменскаго населенія равенъ 80,57,
при чемъ въ с. Коростыни полученъ на 22 человѣкахъ наи-
болѣе низкій средній указатель — 79,4. Головной указатель
южной группы — 82,88, очень близко подходитъ къ Осташ-
ковскому уѣзду. Интересно отмѣтить, что въ с. Полновѣ на
берегу оз. Селигера близъ границы съ Осташковскимъ уѣздомъ
полученъ для 19 чел. наибольшій средній указатель — 84,06,
опять таки чрезвычайно близко подходящій къ 1-ой группѣ,
выдѣленной мною изъ матеріала 1911 года и территориально
примыкающей къ Полновскому району. Въ другихъ пунктахъ
южной группы Новгородской губерніи указатель меньше:
въ Рабѣжѣ — 83,4, въ Молватицахъ — 81,97 и Перегинѣ —
82,45.

Разбивая весь матеріалъ, согласно принятому дѣленію, за-
мѣчаемъ, что собственно длинноголовыхъ всего 4 человѣка,
благодаря чему я въ таблицѣ № 8 соединилъ въ одну руб-
рику длинноголовыхъ и поддлинноголовыхъ. Какъ и слѣдовало
ожидать, длинноголовыхъ меньше всего въ Демянскомъ уѣздѣ
и больше всего въ Старорусскомъ, въ противоположность коли-

честву короткоголовыхъ. Валдайскій уѣздъ въ томъ и другомъ отношеніи занимаетъ промежуточное положеніе. Предѣлы колебанія головного указателя значительны—отъ 74 до 92, что составляетъ 19,5 % максимума. Въ отдѣльныхъ уѣздахъ колебаніе меньше. Расположеніе индивидуальныхъ колебаній неправильно, будемъ ли мы разсматривать отдѣльные уѣзды или всё вмѣстѣ. Въ рядовомъ расположеніи для всѣхъ уѣздовъ вмѣстѣ замѣчаемъ преобладаніе указателей 81—80, а также нарушеніе правильности при указателѣ—77 (Табл. № 9, діагр. II-ая). Такимъ образомъ, здѣсь на первый планъ вы-

Діагр. II-ая.

двигаются элементы, отмѣченные въ тверскомъ матеріалѣ, но тамъ значительно уступавшіе по численности болѣе короткоголовымъ элементамъ, въ данномъ случаѣ плохо представленнымъ и рѣзко выступающимъ лишь въ Демянскомъ уѣздѣ. Болѣе бросается въ глаза эта разница, когда мы, оставивъ административное дѣленіе, разсмотримъ данныя о прильменскомъ населеніи и населеніи пограничнаго съ Тверской губ. района — южную группу (Табл. № 13). Очевидно, что здѣсь,

ТАБЛИЦА № 9.

Головн. ук.	Демян.	Важд.	Старор.	Новгор.	Крест.	Вместѣ.		Привлѣч. группы.		Южная группа.	
						Абсолютныя числа. Nombres absolus.		Числа	‰	Числа	‰
							‰				
74	—	—	1	1	2	4	1,4	4	4,04	—	—
75	—	1	2	—	1	4	1,4	2	2,02	—	—
76	—	1	4	1	1	7	2,5	3	3,03	2	2,5
77	5	5	8	7	2	27	9,9	14	14,1	5	6,2
78	6	3	5	5	1	20	7,3	8	8,08	2	2,5
79	4	4	12	5	3	28	10,3	12	12,1	9	11,2
80	8	10	6	8	5	37	13,6	15	15,2	7	8,7
81	10	12	4	6	6	38	14	13	13,1	9	11,2
82	6	10	6	3	2	28	10,3	8	8,08	9	11,2
83	6	6	5	3	2	23	8,4	6	6,06	7	8,7
84	4	3	5	2	3	17	6,2	5	5,05	9	11,2
85	1	5	2	3	1	12	4,4	5	5,05	5	6,2
86	4	2	1	1	—	8	2,9	1	1,01	4	5
87	3	—	3	1	—	7	2,5	1	1,01	4	5
88	5	—	1	—	—	6	2,2	—	—	5	6,2
89	1	1	—	1	1	4	1,5	2	2,02	1	1,2
90	1	—	—	—	—	1	0,4	—	—	1	1,2
91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
92	1	—	—	—	—	1	0,4	—	—	1	1,2
	65	65	65	47	30	272	100	99	100	80	100

какъ и въ тверскихъ уѣздахъ мы имѣемъ дѣло со смѣшаннымъ населеніемъ, при чемъ все различіе сводится къ численному преобладанію тѣхъ или иныхъ основныхъ элементовъ. Разсмотрѣвъ соотношеніе головного указателя съ цвѣтомъ волосъ и глазъ, можно отмѣтить значительное преобладаніе темныхъ надъ свѣтлыми среди короткоголовыхъ (Табл. № 10). Дѣйствительно, подсчетъ средняго головного указателя у лицъ свѣтлаго типа въ количествѣ 17 человекъ далъ — 80,76, а указатель для 31-го темнаго — 82,97. Соотношеніе головного указателя и роста (Табл. № 11) указываетъ на связь короткоголовости съ относительной высокорослостью, съ другой стороны говорить о существованіи значительнаго количества суббрахицефаловъ и отчасти брахицефаловъ низкаго роста до 1620 мил. Среднеголовые и длинноголовые, выдѣляющіеся и понизившіе головной указатель въ прильменской группѣ, являются въ большинствѣ выше средняго и высокаго роста.

ТАБЛИЦА № 10.

Соотношеніе головного указателя съ цвѣтомъ волосъ и глазъ.
(Ind. céphal. d'après la pigmentation).

		74—75,9	76—77,9	78—79,9	80—81,9	82—83,9	84—85,9	86—87,9	88—89,9	90—91,9	92—93,9
Цвѣтъ волосъ	Бѣлокурый	2	4	5	11	8	3	—	1	—	—
	Русый	5	21	29	41	30	15	10	4	—	1
	Темный	1	9	14	23	13	11	5	5	1	—
Цвѣтъ глазъ	Свѣтлый	2	6	11	21	11	7	2	2	—	—
	Смѣшанный	5	25	28	43	32	17	8	4	—	1
	Темный	1	3	9	11	8	5	5	4	1	—

ТАБЛИЦА № 11.

Соотношеніе головного указателя съ ростомъ.
(*Indice céphal. d'après la taille*).

	1500—1519	1520—1539	1540—1559	1560—1579	1580—1599	1600—1619	1620—1639	1640—1659	1660—1679	1680—1699	1700—1719	1720—1739	1740—1759	1760—1779	1780—1799	1800—1819	1820—1839	1840—1859	1860—1879
74—75,9	—	—	—	—	1	1	1	—	3	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
76—77,9	—	—	—	—	1	2	3	7	6	5	3	3	4	—	—	—	—	—	—
78—79,9	—	—	1	1	6	1	2	8	10	6	3	4	5	1	1	—	—	—	—
80—81,9	—	—	2	4	4	13	8	6	7	10	4	7	5	3	—	—	—	—	1
82—83,9	1	—	—	4	3	6	4	4	10	11	3	4	1	—	—	1	—	—	—
84—85,9	—	—	—	2	1	5	2	6	2	3	4	2	—	—	1	1	—	—	—
86—87,9	—	—	—	—	—	2	1	2	4	2	2	—	1	1	—	—	—	—	—
88—89,9	—	—	—	—	—	2	2	1	3	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
90—91,9	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
92—93,9	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	2	—	3	11	15	32	24	35	42	40	20	20	19	5	2	2	—	—	1

Въ заключеніе я помѣщаю сводныя таблицы №№ 12 и 13 для головного указателя и пигментаціи по отдѣльнымъ уѣздамъ, по двумъ выдѣленнымъ группамъ и для всего матеріала. Чрезвычайно цестрая картина, представляя то, что мы рассмотрѣли на отдѣльныхъ таблицахъ при иной группировкѣ данныхъ, еще разъ подчеркиваетъ различіе приильменскаго и демянскаго районовъ, рѣзко обозначая переходъ отъ 17,2 % длинноголовыхъ и 19,2 % короткоголовыхъ въ первомъ районѣ къ 8,7 % длинноголовыхъ и 42,5 % короткоголовыхъ въ послѣднемъ районѣ, и указываетъ на смѣшанность въ антропологическомъ отношеніи изучаемаго населенія.

Великорусы Новгородской губернии.		Число измеренныхъ. Nombre des mesurés.	%	Головной указатель. Indice céphalique.					
				Длинно- головые. Dolicho- céph.		Средне- головые. Mesati- céph.		Коротково- головые. Sousbrachy- céph.	
				Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
Демянскій у.	Низкаго р. Petite taille	7	10,8	—	—	1	1,5	4	6,1
	Ниже средняго. Aud.-ous de m.	16	24,6	2	3,1	2	3,1	6	9,2
	Выше средн. Aud.-us de m.	26	40	1	1,5	5	7,7	9	13,8
	Высокаго. Haute t.	16	24,6	1	1,5	3	4,6	7	10,8
	Всѣхъ	65	100	4	6,1	11	16,9	26	40
Валдайскій у.	Низкаго р. Petite taille	10	15,4	—	—	1	1,5	8	12,3
	Ниже средняго. Aud.-ous de m.	24	36,9	4	6,1	2	3,1	11	16,9
	Выше средн. Aud.-us de m.	20	30,8	—	—	4	6,1	9	13,8
	Высокаго. Haute t.	11	16,9	2	3,1	1	1,5	6	9,2
	Всѣхъ	65	100	6	9,2	8	12,3	34	52,3
Старорусскій у.	Низкаго р. Petite taille	8	12,3	1	1,5	4	6,1	2	3,1
	Ниже средняго. Aud.-ous de m.	26	40	7	10,8	4	6,1	8	12,3
	Выше средн. Aud.-us de m.	15	23,1	4	6,1	4	6,1	4	6,1
	Высокаго. Haute taille.	16	24,6	3	4,6	5	7,7	5	7,7
	Всѣхъ	65	100	15	23,1	17	26,1	19	29,3
Новгородскій у.	Низкаго р. Petite taille.	6	12,8	—	—	2	4,2	3	6,1
	Ниже средняго. Aud.-ous de m.	6	12,8	1	2,1	2	4,2	1	2,1
	Выше средн. Aud.-us de m.	18	38,3	2	4,2	5	10,6	7	14,9
	Высокаго. Haute taille.	17	36,2	2	4,2	5	10,6	7	14,9
	Всѣхъ	47	100	5	10,6	14	29,8	18	38,3
Крестецкій у.	Низкаго р. Petite taille.	—	—	—	—	—	—	—	—
	Ниже средняго. Aud.-ous de m.	9	30	—	—	1	3,3	2	6,7
	Выше средн. Aud.-us de m.	12	40	2	6,7	5	16,7	5	16,7
	Высокаго. Haute t.	9	30	2	6,7	2	6,7	4	13,3
	Всѣхъ	30	100	4	13,3	8	26,7	11	36,7

ЦА № 12.

Коротко- голове. Brachy- céph.			Цвѣтъ волосъ. Couleur des cheveux.						Цвѣтъ глазъ. Couleur des yeux.					
			Свѣтлый. Blonde.		Русый. Châtain.		Темный. Brun.		Свѣтлый. Claire.		Смѣшанный. Mêlée.		Темный. Foncée.	
			Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
2	3,1	—	—	6	9,2	1	1,5	3	4,6	4	6,1	—	—	
6	9,2	1	1,5	10	15,4	5	7,7	2	3,1	11	16,9	3	4,6	
11	16,9	2	3,1	10	15,4	14	21,5	5	7,7	15	23,1	6	9,2	
5	7,7	2	3,1	8	12,3	6	9,2	2	3,1	10	15,4	4	6,1	
24	36,9	5	7,7	34	52,3	26	40	12	18,5	40	61,5	13	20	
1	1,5	1	1,5	7	10,8	2	3,1	2	3,1	8	12,3	—	—	
7	10,8	1	1,5	18	27,7	5	7,7	4	6,1	14	21,5	6	9,2	
7	10,8	3	4,6	10	15,4	7	10,8	7	10,8	9	13,8	4	6,1	
2	3,1	2	3,1	8	12,3	1	1,5	4	6,1	7	10,8	—	—	
17	26,2	7	10,8	43	66,1	15	23,1	17	26,2	38	58,5	10	15,4	
1	1,5	1	1,5	6	9,2	1	1,5	3	4,6	5	7,7	—	—	
7	10,8	3	4,6	12	18,4	11	16,9	8	12,3	12	18,4	6	9,2	
3	4,6	1	1,5	9	13,8	5	7,7	3	4,6	10	15,4	2	3,1	
3	4,6	4	6,1	11	16,9	1	1,5	5	7,7	10	15,4	1	1,5	
14	21,5	9	13,8	38	58,5	18	27,7	19	29,2	37	57	9	13,8	
1	2,1	1	2,1	3	6,4	2	4,2	2	4,2	3	6,4	1	2,1	
2	4,2	—	—	5	10,6	1	2,1	1	2,1	5	10,6	—	—	
4	8,5	2	4,2	9	19,1	7	14,9	4	8,5	10	21,3	4	8,5	
3	6,4	1	2,1	11	23,4	5	10,6	4	8,5	8	17	5	10,6	
10	21,3	4	8,5	28	5,6	15	31,9	11	23,1	26	55,3	10	21,3	
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
6	20	3	10	3	10	3	10	2	6,7	6	20	1	3,3	
—	—	5	16,7	4	13,3	3	10	2	6,7	7	23,3	3	10	
1	3,3	1	3,3	6	20	2	6,7	—	—	8	26,7	1	3,3	
7	23,3	9	30	13	43,3	8	26,7	4	13,3	21	70	5	16,7	

Великоруссы Новгородской губ.		Число измеренных. Nombre des mesurés.	Головной указатель. Indice céphalique.					
			Длинно- головые. Dolichocéph.		Средне- головые. Mesaticéph.		Коротко- головые. Sousbrachy- céph.	
			Число. Nombre	%	Число. Nombre	%	Число. Nombre	%
Всё измеренные.	Низкаго р. Pet. taille	31	1	0,4	8	2,9	17	6,2
	Ниже средн. Aud-ous de m.	81	14	5,1	11	4,0	28	10,3
	Выше средн. Aud-us de m.	91	9	3,3	23	8,4	34	12,5
	Высокаго Н-te t.	69	10	3,6	16	5,8	29	10,6
Всѣмъ		272	34	12,5	58	21,3	108	39,7
Приамурская группа.	Низкаго р. Pet. taille	12	—	—	5	5,05	5	5,05
	Ниже средн. Aud-ous de m.	23	4	4,04	5	5,05	6	6,1
	Выше средн. Aud-us de m.	34	7	7,1	10	10,1	12	12,1
	Высокаго Н-te t.	30	6	6,1	8	8,1	12	12,1
Всѣмъ		99	17	17,2	28	28,3	35	35,35
Южная группа.	Низкаго р. Pet. taille	7	—	—	1	1,2	4	5
	Ниже средн. Aud-ous de m.	33	2	2,5	4	5	8	10
	Выше средн. Aud-us de m.	21	2	2,5	5	6,2	7	8,7
	Высокаго Н-te t.	19	3	3,7	1	1,2	9	11,2
Всѣмъ		80	7	8,7	11	13,7	28	35

Ц А № 13.

Цвѣтъ волосъ. Couleur des cheveux.								Цвѣтъ глазъ. Couleur des yeux.					
Короткоголо- вые. Brachycéph.		Свѣтлый. Blonde.		Русый. Châtain.		Темный. Brun.		Свѣтлый. Claire.		Смѣшанный. Mêlée.		Темный. Foncée.	
Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%
5	1,8	3	1,1	22	8,0	6	2,2	10	3,6	20	7,2	1	0,4
28	10,3	8	2,9	18	17,6	25	9,1	17	6,2	48	17,6	16	5,8
25	9,1	13	4,7	42	15,4	36	13,2	21	7,7	51	18,4	19	7,0
14	5,1	10	3,6	44	16,1	15	5,5	15	5,5	43	15,7	11	4,0
72	26,4	34	12,5	156	57,3	82	30,1	63	23,1	162	59,5	47	17,2
2	2	1	1	8	8,1	3	3	1	1	7	7,1	1	1
8	8,1	4	4	11	11,1	8	8,1	7	7,1	14	14,1	2	2
5	5,05	7	7,1	15	15,2	12	12,1	6	6,1	21	21,2	7	7,1
4	4	4	4	18	18,2	8	8,1	6	6,1	18	18,2	6	6,1
19	19,2	16	16,2	52	52,5	31	31,3	23	23,2	60	60,6	16	16,2
2	2,5	—	—	6	7,5	1	1,2	3	3,7	4	5	—	—
19	23,5	2	2,5	20	25	11	13,7	4	5	19	23,7	10	12,4
7	8,7	1	1,2	13	16,2	7	8,7	3	3,7	13	16,2	5	6,2
6	7,5	3	3,7	12	15	4	5	4	5	14	17,4	1	1,2
84	42,5	6	7,5	51	63,7	23	28,3	14	17,4	50	62,5	16	20

Высота головы. (Табл. № 14). По высотно-продольному указателю, изслѣдованные великоруссы низкоголовы. Болѣе низкія головы—въ Валдайскомъ уѣздѣ, гдѣ получены и наименьшіе указатели. По сравненію съ тверскими уѣздами, мы имѣемъ болшую высоту головы, хотя по указателю разница незначительна. Тамъ, для Ржевскаго и Осташковскаго уѣздовъ, указатель былъ—68,85.

ТАБЛИЦА № 14.

Высота головы. (Hauteur de ta tête).

Великоруссы Новгородской губерніи.	Число. Nombre.	Высота черепа. Haut. du crâne.		Высотный указатель. Ind. de haut.	Высотно-широтный указатель.
		Min.-Max.	Средн. Moienne		
Демянскій у.	65	116—140	130,2.	69,45	83,9
Валдайскій у.	65	119—140	127,85	68,08	83,4
Старорусскій у.	65	123—147	132,04	69,46	86,1
Новгородскій у.	48	123—145	131,45	69,0	85,4
Крестецкій у.	30	117—131	128,76	68,7	84,9

ТАБЛИЦА № 15.

Наименьшая ширина лба. (Diam. front. minim.).

Великоруссы Новгородской губ.	Число измѣренныхъ. Nombre des mesurés.	Наибольшій лобный діаметръ. Diam. front. minim.		Поперечн. діам. = 100. Diam. transv. = 100.
		Мин.—Макс. Min.—Max.	Средн. Moienne.	
Демянскій у.	65	98—116	107,07	69,06
Валдайскій у.	65	94—114	105,96	69,11
Старорусскій у.	65	99—116	105,98	69,22
Новгородскій у.	48	95—116	106,93	69,45
Крестецкій у.	30	101—115	108,01	71,2

Наименьшій лобный діаметръ. (Табл. № 15). При незначительной разницѣ по уздамъ, за исключеніемъ Крестецкаго, гдѣ было сдѣлано мало измѣреній, лобный діаметръ меньше всего въ Валдайскомъ и Старорусскомъ уздахъ. По лобному указателю изслѣдованныхъ великоруссовъ слѣдуетъ отнести къ среднелобымъ, очень близкимъ къ широколобымъ, особенно въ Новгородскомъ и Крестецкомъ уздахъ. Абсолютные размѣры ширины лба и лобный указатель почти совпадаютъ съ моими данными о тверскихъ уздахъ.

ТАБЛИЦА № 16.

Великоруссы Новгородской губ.	Nombre.	Скуловой діаметръ. diam. bizygomat.		Высота лобноподбородн. haut. ophryo-ment.		Указатель анатомич. лица. ind. facial.
		min.-max.	Средн. моуен.	min.-max.	Средн. моуен.	
Демянскій у. . .	65	129—148	140,06	123—167	139	100,76
Валдайскій у. . .	65	123—151	139,2	121—151	139,55	99,4
Старорусскій у. . .	65	134—152	140,57	125—154	139,55	100,73
Новгородскій у. . .	48	133—150	139,65	126—167	141,53	98,67
Крестецкій у. . .	29	128—152	139,93	121—151	139,7	100,16

Длина и ширина лица. Разсматривая наибольшій скуловой діаметръ, какъ ширину лица, лобноподбородную высоту, какъ длину анатомическаго лица и отношеніе между ними, какъ указатель анатомическаго лица, отмѣтимъ, что ширина лица и лицевой указатель больше въ Старорусскомъ и Демянскомъ у. у., а длина лица въ Новгородскомъ. По указателю. (Табл. № 16) наши новгородцы среднелицы. Что касается общей длины лица, то, являясь большой всюду, она довольно значительно различается по уздамъ. Если даже не придавать значенія очень большой разницѣ между Новгородскимъ и Крестецкимъ у. у., гдѣ меньше всего измѣреній и гдѣ мы видимъ самыя крайнія цифры, выравнивающимся при разсмотрѣніи обоихъ уздовъ вмѣстѣ, необходимо отмѣтить бѣольшую длиннолицесть въ Старорусскомъ и Новгородскомъ у. у. По

ТАБЛИЦА № 17.

Великорусы Новгородской губернии.	N o m b r e.	Общая длина лица. Lond. du visage.				Указатель. Indice.	°/о °/о			
		min.—max.	Средн. Моуен.	°/о °/о			Лепторозоны (до 70,00). Leptorosopes.	Мезорозоны (70,01—80,00). Mésorosopes.	Хампорозоны (80,01 и б.). Champrosopes.	
				Малая (до 170). Petite.	Средняя (171-185). Moynne.					Большая (186 и б.). Grande.
Демянскій у. .	63	167—216	187,49	3,2	41,3	55,5	74,7	11,1	79,1	9,5
Валдайскій у. .	64	172—207	187,21	—	42,2	57,8	74,36	10,9	78,1	10,9
Старорусскій у.	62	170—206	188,37	1,6	40,3	58,1	74,59	11,3	85,5	3,2
Новгородскій у.	47	159—211	191,11	2,1	29,8	68,1	73,07	21,3	76,6	2,1
Крестецкій у. .	29	167—204	184,41	3,5	51,7	44,8	75,87	6,9	72,4	20,7

ТАБЛИЦА № 18.

	Число. Nombre.	Высота носа. H. nasio- sousnasale.		Ширина носа. Largeur du nez.		Носовой указатель. Ind. nasal.	°/о °/о		
		min.—max.	Средн. Моуен.	min.—max.	Средн. Моуен.		Лепторины (указат. до 70). Leptorhîmens.	Мезорины (указат. 70,01—85). Mésorhîmens.	Платирины (указат. 85,01 и б.). Platyrhîmens.
Демянскій у. .	65	41—61	49,7	29—41	36,1	72,66	32,3	60	7,7
Валдайскій у. .	65	36—58	49,2	31—43	36,8	74,85	23,1	64,6	12,3
Старорусскій у.	65	43—57	50	33—41	36,6	73,22	35,4	60	4,6
Новгородскій у.	45	42—62	50,5	32—43	36,6	72,5	31,1	64,4	4,4
Крестецкій у. .	30	47—60	52,5	32—47	37,7	71,8	40	53,3	6,7

лицевому указателю, (Табл. № 17), мы имѣемъ болѣе $\frac{3}{4}$ среднелицыхъ и незначительный $\frac{1}{10}$ широколицыхъ. Длиннолицыхъ больше всего въ Новгородскомъ и Старорусскомъ у. у., а широколицыхъ въ Крестецкомъ и Валдайскомъ. Сравнивая съ тверскими уѣздами, замѣтимъ, что тамъ длина лица меньше, а указатель цемного больше (75,15).

Носъ. По носовому указателю, новгородцы мезорины, чѣмъ отличаются отъ тверяковъ — лепториновъ. Наиболѣе короткій и широкій носъ — у валдайцевъ. (Табл. № 18).

ТАБЛИЦА № 19.

Великоруссы Новгородской губ.	Число. Nombre.	Профиль носа, profil du nez.									
		+2		+1		0		-1		-2	
		№	‰	№	‰	№	‰	№	‰	№	‰
Демянскій у.	65	2	3,1	15	23,1	42	67,6	4	6,1	2	3,1
Валдайскій у.	65	1	6,1	13	20	31	52,3	13	20	1	1,5
Старорусскій у.	65	2	3,1	12	18,5	38	61,4	13	20	—	—
Новгородскій у.	48	1	2,1	5	10,4	34	71	8	16,6	—	—
Крестецкій у.	30	—	—	6	20	22	73,3	2	6,7	—	—

Что касается профиля носа, то значительное большинство имѣло прямой носъ (0); вогнутыхъ носовъ (-1) больше всего отмѣчено въ Валдайскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ (Табл. № 19).

ТАБЛИЦА № 20.

Великоруссы Новгородской губ.	Число. Nombre.	Малое 1		Среднее 2		Большое 3	
		Число. Nombre.	‰	Число. Nombre.	‰	Число. Nombre.	‰
Демянскій у.	65	—	—	53	81,5	12	18,5
Валдайскій у.	65	1	1,5	52	80	12	18,5
Старорусскій у.	65	—	—	52	80	13	20
Новгородскій у.	48	—	—	41	85,1	7	14,6
Крестецкій у.	30	—	—	25	83,3	5	16,7

Выступаніе носа среднее; носовъ очень слабо выступающихъ не наблюдалось, за исключеніемъ одного случая въ Валдайскомъ у. (Табл. № 20).

Высота нижней челюсти измѣрялась въ четырехъ уѣздахъ, при чемъ ббольшую длину и меньшій указатель дали Новгородскій и Старорусскій уѣзды. (Табл. № 21).

ТАБЛИЦА № 21.

Великоруссы Новгородской губ.	Число. Nombre.	Выс. ниж. челюсти. Haut. mandib.-bucco- ment.		В. лобно-подборо- дочная = 100. Н. орфруо- ment. = 100.
		Min.-Max.	Средн. Moyenne	
Демянскій у.	65	42—67	49,87	35,87
Валдайскій у.	65	40—58	49,68	35,6
Старорусскій у.	64	42—58	50,32	36,05
Новгородскій у.	47	42—63	51,10	36,10

Губы. Высота краевъ губъ, ширина рта и отношеніе между ними среднія. Губы здѣсь толще, чѣмъ въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ. (Табл. № 22).

ТАБЛИЦА № 22.

Великоруссы Новгородской губерніи.	Число. Nombre.	В. краевъ губъ, Н. des rebords des lèvres.	Ширина рта. Larg. de la bouche.	Губной указат. Ind. buccal.
Демянскій у.	65	13,68	50,66	27
Валдайскій у.	65	13,89	51,3	27,07
Старорусскій у.	65	13,86	51,17	27,08
Новгородскій у.	48	14,29	51,96	27,5
Крестецкій у.	30	14,79	53,56	27,6

Зубной прогнатизмъ встрѣчается рѣдко.

Глазное отверстие. Вычитая изъ величины внѣшняго діаметра разрѣза глазъ величину внутренняго діаметра и дѣля разность на два, получаемъ длину глазного отверстия, которое въ данномъ случаѣ будетъ около 26 мм. (Табл. № 23). Прорѣзы глазъ открыты; уголъ разрѣза, колеблясь отъ 0° до 10°, въ среднемъ меньше 4°.

ТАБЛИЦА № 23.

Великоруссы Новгородской губ.	Число. Nombre.	Глаза (Les yeux).		
		Внутренній діам. угловъ глазъ. Diam. biangulaire int.	Внѣшн. діам. угловъ глазъ. Diam. biangulaire ext.	Глазное отверстие. Long. de l'ouverture palpébrale.
Демянскій у.	61	31,22	86,27	26,02
Валдайскій у.	65	34	87,45	26,72
Старорусскій у.	64	34,16	87	26,13
Новгородскій у.	18	34,58	87,25	26,33
Крестецкій у.	30	35,06	88,26	26,6

Монгольскихъ вѣкъ не наблюдалось.

ТАБЛИЦА № 24.

Великоруссы Новгородской губ.	Число измѣренныхъ. Nombre des mesurés.	Большая ось уха. Grand axe de l'oreille.			Малая ось уха. Petit axe.		Ушной указатель. Indice de l'oreille.
		Min.-Max.	Средняя. Moyenne.	Высота лица=100. H. de visage=100.	Средняя. Moyenne.	Высота лица=100. H. de visage=100.	
Демянскій у.	61	51—76	64,17	31,22	34,37	18,33	53,56
Валдайскій у.	64	57—72	65,53	35	34,51	18,43	52,66
Старорусскій у.	65	55—76	64,19	34,23	35,13	18,6	54,47
Новгородскій у.	18	51—73	64,98	33,9	34,87	18,18	53,66
Крестецкій у.	30	58—73	65,52	35,5	34,20	18,5	52,2

Ухо. Изъ таблицы № 24, дающей представление о длинѣ, ширинѣ уха и ушномъ указателѣ, мы видимъ, что для изслѣдованнаго населенія характерно среднее ухо, (отъ 50 до 56 мм.), какъ и въ тверскихъ уѣздахъ.

ТАБЛИЦА № 25.

Оттопыренность уха. Ecartement de l'oreille.

	0		1		2		3	
	Число N.	‰	Число N.	‰	Число N.	‰	Число N.	‰
Демянскій у.	—	—	18	28,1	45	70,3	1	1,6
Валдайскій у.	—	—	31	47,7	34	52,3	—	—
Старорусскій у.	1	1,5	22	33,8	41	63,1	1	1,5
Новгородскій у.	—	—	31	64,6	16	33,3	1	2,1
Крестецкій у.	—	—	21	84	4	16	—	—

Оттопыренность уха большею частью умѣренная (2). Дарвиновъ бугорокъ отмѣченъ въ 22-хъ случаяхъ. (Табл. № 25).

ТАБЛИЦА № 26.

Великорусы Новгородской губ.	Число. Nombre.	Длина бюста. Long. du buste.		Ростъ=100. Taille=100.	Длина ногъ. Long. extr. infer.	Ростъ=100. Taille=100.	Бюстъ=100. Buste=100.	Длина рукъ. Long. extr. super.	Бюстъ=100. Buste=100.
		Min.-Max.	Средн. Moyenne.						
Демянскій у.	65	840—920	879,8	52,84	785,2	47,26	89,2	74,87	85,1
Валдайскій у.	65	794—940	873,9	53	775,2	47	88,7	74,4	85,1
Старорусскій у.	65	815—940	869,3	52,43	788,5	47,57	90,7	74,88	86,1
Новгородскій у.	48	786—927	880,9	52,48	800,5	47,52	90,8	74,35	84,4
Крестецкій у.	30	850—958	890,5	52,91	792,5	47,09	88,9	75,5	84,8

Бюсть и конечности. При незначительной разницѣ средней длины бюста и его отношенія къ росту въ отдѣльных уѣздахъ, относительно большій бюсть полученъ въ Валдайскомъ уѣздѣ. Въ Крестецкомъ уѣздѣ получилась наибольшая средняя длина бюста, вѣроятно, потому что тамъ я производилъ измѣренія въ 1913 году, послѣ Международнаго Соглашенія, указаніямя котораго слѣдовалъ *). Употребленіе болѣе высокаго сидѣнья и прислоненіе спины измѣряемаго къ антропометру должны были дать болѣе высокія числа для роста сидя. По отношенію нижнихъ конечностей къ бюсту, новгородцы Демянскаго, Валдайскаго и Крестецкаго уѣзда мезатискелы, а Новгородскаго и Старорусскаго — сумакроскелы. (Табл. № 27). Наибольшій % всѣхъ наблюденій приходится на среднеогихъ. Длина рукъ мало варьируетъ по уѣздамъ, если не выдѣлять Крестецкаго у. съ малымъ числомъ наблюденій. Длина рукъ по отношенію къ бюсту больше всего въ Старорусскомъ уѣздѣ.

ТАБЛИЦА № 27.

Великоруссы Новгородской губерніи.	Hyperbrachy- skélie au dessous 75.		Brachyskélie de 75—79,9.		Sous-brachy- skélie 80,0—85.		Mésatiskélie 85,0—89,9.		Sous-macro- skélie 90,0-94,9.		Macroskélie 95,0—99,9.		Hypermacro- skélie 100,0.	
	№	‰	№	‰	№	‰	№	‰	№	‰	№	‰	№	‰
Демянскій у. .	—	—	1	1,5	12	18,5	29	41,6	19	29,2	3	4,6	1	1,5
Валдайскій у. .	—	—	—	—	12	18,5	25	38,5	24	36,9	4	6,1	—	—
Старорусскій у.	—	—	—	—	5	7,7	21	36,9	21	36,9	9	13,8	3	3,1
Новгородскій у.	—	—	—	—	6	13,6	13	29,5	17	38,6	7	15,9	1	2,3
Крестецкій у. .	—	—	—	—	2	6,7	19	65,5	8	27,6	—	—	—	—

Разсмотрѣвъ основные антропологическіе признаки, мы можемъ дать слѣдующую общую характеристику изученнаго населенія. Великоруссы южной части Новгородской губерніи

*) Ежегодникъ Р. Антроп. Общ. при И. П. Ун. Т. IV, 1913 г., приложение, стр. 17.

большую часть крѣпкаго сложенія, выше средняго роста, съ русыми волосами и сѣрыми глазами. Они сравнительно низкоголовы и вмѣстѣ съ тѣмъ коротковологовы (суббрахицефалы). Лицо — длинное, особенно въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ. Лобъ средней ширины. Носъ прямой, иногда выгнутый, незначительно выступающій, средней ширины. Ротъ небольшой. Длина и ширина губъ среднія. Зубной прогнатизмъ встрѣчается рѣдко. Длина глазного отверстія небольшая; прорѣзы глазъ открытые, уголь разрѣза незначителенъ. Монгольское вѣко не встрѣчается.

Рис. 4.

Кр. Новгородскаго уѣзда.

Уши средней величины, умеренно оттопыренные. По отношенію длины нижнихъ конечностей къ бюсту, новгородцы мезатискелы, очень близкіе къ сумакроскеламъ. При общемъ сходствѣ до полнаго совпаденія данныхъ о многихъ признакахъ, новгородцы сравнительно съ великоруссами Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ выше ростомъ, менѣе короткоголовы, болѣе длинницы и широконосы; у нихъ чаще встрѣчаются вздернутые носы. Указанныя сходства и различія далеко не одинаковы въ отдѣльныхъ уѣздахъ или районахъ. Въ то

время какъ Демянскій уѣздъ непосредственно примыкаетъ къ сосѣднему Осташковскому у. Тверской губерніи, Старорусскій, Новгородскій и Крестецкій значительно отличаются по пигментации, росту, головному указателю и длинѣ лица. Валдайскій у. занимаетъ особое положеніе. Здѣсь свѣтлыхъ волосъ и особенно глазъ значительно больше, чѣмъ въ Демянскомъ у., но меньше Старорусскаго у. Ростъ много ниже. Головной указатель замѣтно отличается какъ отъ Демянскаго, болѣе короткоголоваго, такъ и отъ остальныхъ менѣе короткоголовыхъ уѣздовъ, занимая среднее положеніе. Голова здѣсь ниже; лицо немного короче. Носъ короче и шире, носовой указатель больше;

вогнутые носы встрѣчаются значительно чаще, чѣмъ въ Демянскомъ, Крестецкомъ и Новгородскомъ и лишь почти одинаково со Старорусскимъ уѣздомъ. Длина ногъ по отношенію къ росту и бюсту меньше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ.

Оставляя административное дѣленіе, мы должны выдѣлить два обособляющихся по многимъ признакамъ района: южный районъ, по географическому положенію и сходству антропологическихъ признаковъ, совершенно примыкающій къ Осташковскому уѣзду Тверской губ. и, во-вторыхъ, прильменскій

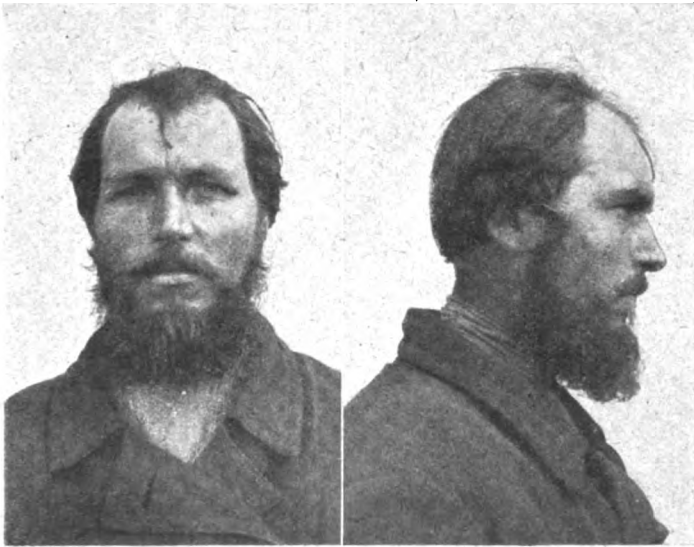

Рис. 5.

Рис. 6.

Крестьянинъ Демянскаго уѣзда.

районъ, характеризующійся въ отличіе отъ перваго большимъ % свѣтловолосыхъ и свѣтлоглазыхъ, большей высокорослостью и длиннолицествомъ и значительно меньшей короткоголовостью, приближающейся здѣсь къ среднеголовости.

Такимъ образомъ, эти два рѣзко выдѣляющіеся района и Валдайскій уѣздъ съ указанными особенностями намѣчаютъ основныя отличія отдѣльныхъ частей изученной области и говорятъ о несомнѣнной смѣшанности населенія.

Для сопоставленія моихъ выводовъ и для сужденія о томъ, насколько отмѣченныя мною различія соответствуютъ дѣйствительности, приведу очень интересныя наблюденія изслѣдователя

Новгородскаго края, редактора Новгородскаго Сборника г. Н. Богословскаго*). Въ своей статьѣ «Общій очеркъ образа жизни и характера жителей Новгородской губерніи» въ 1865 году, говоря о населеніи губерніи, онъ выдѣляетъ три типа. Первый — прильменское населеніе или паозеры — онъ считаетъ кореннымъ и характеризуетъ такъ: народъ рослый, мускулистый, широкоплечій; лицо широкое съ прямымъ, довольно большимъ мясистымъ носомъ, съ карими глазами и темнорусыми густыми волосами. «Часто случается», добавляетъ авторъ въ другомъ

Рис. 7.

Рис. 8.

Крестьянинъ Старорусскаго уѣзда.

мѣстѣ, «что съ такими формами тѣла и лица люди бываютъ свѣтло-русые, тогда глаза непремѣнно голубые и лицо и руки покрываются веснушками, особенно у женщинъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ, указавъ на смѣлость, ловкость и привязанность къ старинѣ, г. Богословскій отмѣчаетъ особенности говора паозеровъ, что, надо сказать, сохранилось до сихъ поръ. «Второй типъ по большей части жителей Старорусскаго и другихъ болѣе южныхъ уѣздовъ — смуглый цвѣтъ лица и кожи, тем-

*) Новгородскій Сборникъ. Вып. I, 1865 г. Новгородъ.

ные волосы, даже черные, но большей части на бородѣ рѣдкіе». Ростъ довольно большой, сложеніе крѣпкое, мускулистое. «Лицо болѣе длинное, носъ длинный и болѣе тонкій, глаза каріе. Красота здѣсь въ общихъ чертахъ лица меньше встрѣчается, чѣмъ въ первомъ типѣ. Третій типъ близкій къ финскому. Ростъ менѣе средняго, кости широкія и короткія; лицо широкое, глаза узкіе, блѣдно-сѣраго и блѣдно-голубого цвѣта, носъ широкій и приплюснутый, скулы выдающіяся наружу, борода рѣдкая, цвѣтъ волосъ болѣе рыжій. Простой народъ

Рис. 9.

Рис. 10.

Крестьянинъ Старорусскаго уѣзда.

въ Новгородской губерніи преимущественно этого типа въ сѣверныхъ уѣздахъ и по деревнямъ въ глуши, удаленнымъ отъ почтовыхъ трактовъ и судоходныхъ рѣкъ». Пусть эта характеристика схематична и въ деталяхъ не точна, но надо признать, что въ общемъ видѣ она совпадаетъ съ нашими данными. Въ ней лишь не достаетъ головного указателя, рѣзкое различіе котораго прежде всего побудило меня выдѣлить указанные районы. Для насъ особенно цѣнно то, что внимательный наблюдатель безъ измѣреній выдѣлилъ какъ припльменское побережье, такъ и южный край Новгородской губ.,

обособившіеся въ нашемъ матеріалѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ указаль третій типъ, въ характеристикѣ котораго мы находимъ много общаго съ особенностями населенія Валдайскаго уѣзда.

Чѣмъ же обусловлены отличія антропологическаго состава населенія разсматриваемой области и отдѣльныхъ ея частей.

Недостатокъ данныхъ о древнемъ населеніи края, о великоруссахъ и финнахъ вообще и сосѣднихъ областей въ особенности затрудняютъ рѣшеніе поставленнаго вопроса. Кромѣ того, трудность рѣшенія вопроса заключается въ исторіи

Рис. 11.

Рис. 12.

Крестьянка Старорусскаго уѣзда.

Новгородскаго края. Не говоря уже о доисторическомъ прошломъ и не касаясь измѣненій въ составѣ населенія во время заселенія края славянами и вытѣсненія древнихъ насельниковъ, приходится помнить, что вся позднѣйшая исторія Великаго Новгорода полна самыми разнообразными переживаніями, безспорно сильно отразившимися на антропологическомъ составѣ населенія.

Призваніе варяговъ, роль шведовъ и цѣмцевъ въ жизни Великаго Новгорода въ періодъ его торговой славы, постоянная борьба съ другими княжествами Руси, многократное разо-

реніе литовцами, разгромъ Новгорода Иванами III и IV, наконецъ, завоеваніе шведами въ началѣ 17-го вѣка, когда они 7 лѣтъ продержались въ Новгородѣ — вотъ цѣлый рядъ крупныхъ фактовъ, заставляющихъ думать, что новгородское населеніе отразило въ себѣ очень много разнообразныхъ вліяній. Мало того, уже въ недавнее время здѣсь мы видимъ аракчеевскія военныя поселенія и военный постой въ деревняхъ, съ воспоминаніями о чемъ постоянно сталкиваешься, путешествуя по Новгородскому и Старорусскому уѣздахъ.

Рис. 13.

Рис. 14.

Крестьянка Валдайскаго уѣзда.

Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить существованіе поселеній потомковъ царскихъ ямщиковъ, надѣленныхъ землей въ Новгородской губерніи, и бывшихъ воспитанниковъ воспитательныхъ домовъ, такъ называемыхъ «казенныхъ», которыхъ особенно много въ Валдайскомъ уѣздѣ. Наконецъ, особенно важно указать на близкое сосѣдство и даже совмѣстное жительство съ финнами, латышами и др. народностями, что несомнѣнно отразилось на населеніи края. Если въ Демянскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ финновъ мало, то въ Валдайскомъ ихъ достаточно много. По даннымъ всеобщей переписи 1897 года, на осно-

вани свѣдѣній о родномъ языкѣ, въ Валдайскомъ у. на 95251 жителей значится корель 5808, т. е. больше 6⁰/₀, въ Новгородскомъ у. латыши, нѣмцы и эстонцы вмѣстѣ составляютъ больше 4⁰/₀. Надо принять во вниманіе, что данныя, особенно о кореляхъ, которые быстро ассимилируются, забываютъ свой языкъ и часто не признаютъ своего происхожденія, уменьшены. Вѣроятность этого отмѣчаетъ даже редакторъ оффиціального изданія «Новгородской губерніи» по даннымъ переписи.

Учитывая значеніе всѣхъ указанныхъ, далеко не равноцѣнныхъ фактовъ, перейдемъ къ особенностямъ отдѣльныхъ частей нашего района. Демянскій уѣздъ и кожная группа всецѣло примыкаютъ къ Осташковскому уѣзду, очень близки къ Старицкому у. Тверской губ. и, судя по даннымъ Е. М. Чепурковскаго, къ ближайшимъ уѣздамъ Псковской и Смоленской губерній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта часть изслѣдованнаго района болѣе удалена отъ Новгорода и меньше всего могла подвергаться вліянію особенно съ сѣверо-запада. Отличія Валдайскаго уѣзда можно съ большей долей вѣроятности объяснить скорѣе всего вліяніемъ корель, живущихъ тамъ съ 17-го вѣка и похожихъ какъ по головному указателю (81, 6), такъ и по росту, который у корель Архангельской и Олонецкой губ. — 1641 мм. и Тверской губ. — 1654 (Deniker). Что касается прильменскаго населенія, рѣзко отличающагося и представляющаго особый интересъ, то возможны два предположенія: или здѣсь на побережьи сохранилось лучше древнее населеніе области, или, наоборотъ, тутъ сильнѣе всего сказалось скандинавское и болѣе позднее западно-финское, вліяніе, обусловившее въ прильменскомъ районѣ бѣльшія высокорослость, длиннолицесть и длинноголовость, по сравненію съ другими великорусскими областями. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ антропологической характеристики древнихъ новгородцевъ. Тѣ немногія данныя, какими мы можемъ располагать, сводятся къ тремъ работамъ. Проф. А. П. Богдановъ въ своемъ докладѣ, «Древніе Новгородцы въ ихъ черепахъ», приводитъ измѣренія курганныхъ и кладбищенскихъ череповъ изъ Новгородской области, при чемъ самъ указываетъ на существенный недостатокъ коллекціи — отсутствіе точныхъ хронологическихъ данныхъ *).

*) Антропол. Выставка, ч. III, 462—475 стр., 1879 г.

Изъ 60 мужскихъ череповъ онъ выдѣлилъ 10⁰/₀ — долихоцефаловъ, 28,33 — судолихоцефаловъ, 26,66 — мезатицефаловъ, 26,66 — суббрахицефаловъ и 8,33⁰/₀ — брахицефаловъ. Ихъ черепной указатель равняется 77,7. Женщины значительно отличаются, являясь брахицефалками. Докторъ Елисеѣвъ, изучившій коллекцію изъ 35 череповъ Новгородской губ., въ статьѣ «Къ археологін и антропологін прильменскаго бассейна» приходитъ къ выводу, что курганные черепа не однородны и что изслѣдовавшее население состояло какъ изъ короткоголоваго, такъ и длинноголоваго типовъ*). Дѣйствительно, хотя средній головной указатель череповъ его коллекціи, по моему подсчету, равняется 75,6, среди череповъ мы имѣемъ 4 короткоголовыхъ и 15 подкорсткоголовыхъ, изъ которыхъ 10 череповъ съ указателемъ — 82. Д-ръ Елисеѣвъ добавляетъ, что курганы были исключительно съ длинными или короткоголовыми черепами и смѣшанные.

Кромѣ этихъ опубликованныхъ данныхъ есть еще одна самая большая и, можетъ быть, самая цѣнная коллекція новгородскихъ череповъ, собранныхъ извѣстнымъ патриотомъ Великаго Новгорода В. С. Передольскимъ. Но эта коллекція до сихъ поръ не обработана и такъ бережно охраняется наслѣдниками В. С. Передольскаго, что даже члены бывшаго въ Новгородѣ въ 1912 году Археологическаго съѣзда не были допущены осмотрѣть Музей. Поэтому, мы можемъ судить о коллекціи лишь по книгѣ самаго В. С. Передольскаго «Бытовые остатки насельниковъ ильменско-волховскаго побережья и земель Велико-Новгородскаго державства каменнаго вѣка (1893 годъ)». Авторъ, давая описаніе череповъ, указываетъ, что «руководствовался только наглядностью, оставляя до будущаго изученія ихъ во всеоружіи современныхъ научныхъ приѣмовъ». По словамъ автора, поздніе черепа болѣе короткоголовы; изъ 160 новгородскихъ и прибрежныхъ череповъ короткоголовыхъ меньше 20. Я намѣренно не привожу выводовъ, высказываемыхъ упомянутыми авторами, желавшими приписать черепа опредѣленной народности, потому что ихъ заключенія совершенно не обоснованы и взаимно исключаютъ одно другое. Во всякомъ случаѣ, приведенныя отрывочныя и далеко неудовлетворительныя свѣдѣнія о древнихъ новгородцахъ, не давая намъ опредѣленной ан-

*) Журналь Мин. Нар. Просв. часть ССХІІІ и ССХV, 1881 г.

тропологической характеристики, мало помогают въ рѣшеніи поставленнаго вопроса.

Сравнивая приведенныя данныя съ нашимъ матеріаломъ, мы можемъ говорить о нѣкоторой близости по головному указателю современнаго прильменскаго населенія къ курганному, но съ одинаковымъ правомъ можемъ предполагать въ данномъ случаѣ вліяніе скандинавскихъ и западно-финнскихъ народовъ, указатель которыхъ близокъ: шведовъ Зап. Европы—77,86, шведовъ Финляндіи — 79,48, финновъ Финляндіи — 80,92 и эстовъ —79,26.

Вотъ почему до тѣхъ поръ, пока не будутъ изучены курганные и кладбищенскіе скелеты и современное населеніе района новгородской колонизаціи, мы не въ состояніи установить, насколько современные новгородцы сохранили основныя черты предковъ, и объяснить особенности населенія ильменскаго побережья.

Д. Золотаревъ.

Къ вопросу о стадіяхъ каменнаго вѣка въ Палестинѣ.

L'âge de la pierre en Palestine.

Въ основѣ доисторической археологии, какъ науки, имѣющей дѣло съ послѣдовательной и непрерывной смѣной формъ, въ которой укладывается прогрессъ человѣческой техники и быта, въ большей степени, пожалуй, чѣмъ во всѣхъ иныхъ отрасляхъ историческаго знанія, лежитъ плодотворная идея эволюціи. Эта идея развитія и совершенствованія привела скандинавскихъ ученыхъ къ установленію трехъ фазъ человѣческой культуры, вѣковъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго, побудила Буше де Перта искать въ древнихъ рѣчныхъ отложеніяхъ слѣды «допотопнаго» человѣка, легла въ основу воззрѣній и классификаціи эпохъ Г. де Мортилье, словомъ, создала доисторическую археологію въ ея современномъ объемѣ и значеніи. Вторымъ, не уступающимъ по важности своей, моментомъ для доисторической археологіи является изученіе областей (Areal) распространенія и путей миграціи отдѣльныхъ элементовъ культуры и цѣлыхъ культурныхъ комплексовъ, воздѣйствія однихъ областей культуры (высшихъ) на другія (отсталыя), иными словами, изученіе той реальной обстановки, въ которой осуществлялся неустанный и неуклонный прогрессъ человѣческой культуры.

Съ этой точки зрѣнія много новаго въ наши представленія о доисторическомъ періодѣ Европы внесъ конецъ прошлаго столѣтія и въ особенности первое десятилѣтіе нынѣшняго. Они ознаменовались рядомъ открытій и изслѣдованій первостепенной цѣнности; на основаніи этихъ находокъ, во многомъ

иначе, во всякомъ случаѣ полнѣе и законченнѣе, складывается картина пройденныхъ человѣчествомъ культурныхъ этаповъ, выясняются много до сихъ поръ темныхъ и неразгаданныхъ сторонъ первобытной жизни, первобытнаго творчества, возста-навливается происхождение и пути распространенія отдѣльных культуръ въ разныя эпохи первобытнаго существованія. Весьма важными для нашей науки являются открытія послѣднихъ лѣтъ въ южныхъ областяхъ Европы, и особенно въ области восточнаго Средиземноморья (понимая его въ широкомъ географическомъ смыслѣ слова), которыя намѣчаютъ тамъ, уже съ конца каменнаго вѣка, мощные культурные центры, интенсивно вырабатывавшіе новыя цѣнности, новыя, высшія формы техники, быта, идей, распространявшіе ихъ среди «варварскихъ» племень культурно отсталаго Запада. Эти открытія, обнимающія длительную смѣну эпохъ камня, бронзы и желѣза, вкладываютъ новое, полное жизни и значенія, содержаніе въ старинную формулу «ex oriente lux», подчеркивавшую важную цивилизаторскую роль Востока, какъ въ исторической, такъ и въ до-исторической періоды жизни Европы. Для средней и сѣверной Европы вліянія Средиземноморья съ особой силой и наглядностью начинаютъ проявляться ко времени распространенія мегалитическихъ сооружений; но мы ихъ можемъ предполагать и для болѣе раннихъ эпохъ неолита. Укажемъ, напримѣръ, на внѣевропейское распространеніе мелкой, такъ называемой, «геометрической» кремневой индустрии (Тарденуазская эпоха Мортилье) или находки примитивнаго неполированного кремневаго топора (транше и другія разновидности), характернаго для ранняго неолита скандинавскихъ странъ — далеко къ югу отъ Балтійскаго бассейна, въ Германіи, Франціи, Италіи, Египтѣ. Но неолитъ обнимаетъ малую часть того громаднаго по своей продолжительности періода, который мы называемъ каменнымъ вѣкомъ, періода столь длительного, что для него теряютъ значеніе хронологическія опредѣленія, и перспектива слагающихъ его эпохъ улавливается нами лишь въ послѣдовательной цѣпи геологическихъ напластованій. Для этихъ отдаленныхъ временъ, которыя мы обозначаемъ общимъ именемъ палеолита, съ того момента, когда на территоріи Европы появляются первыя орды шелльскихъ людей, въ обликѣ и образѣ жизни не вполне еще разставшихся съ чертами зооморфизма, до конца палеолитическаго періода, когда съ

полнымъ измѣненіемъ окружающаго міра, уже въ современныхъ условіяхъ климата и природы, охотничьи племена, удержавшіяся на старыхъ мѣстахъ, продолжаютъ хранить въ своемъ бытѣ традиціи мадленской эпохи, мы видимъ, сначала страшно медленную, затѣмъ все ускоряющуюся, но всегда послѣдовательную и постепенную эволюцію техники и быта, накопленіе навыковъ, развитіе способностей, приспособленіе къ измѣняющимся условіямъ среды.

Идея полной преемственности развитія палеолита Европы ярко выражена въ эволюціи руководящихъ формъ его орудій. Примитивное шелльское ручное рубило (*coup de poing*) постепенно превращается въ болѣе совершенныя формы ашеля; въ Мустьерскую эпоху на смѣну этому универсальному инструменту изъ «сопровождающей» *coup de poing* примитивной отбивной индустріи возникаетъ новая форма — мустьерскій остроконечникъ; въ нижнихъ горизонтахъ ориньякскихъ слоевъ ему наследуетъ близко родственное «изогнутое остріе» (типъ Шательперронъ), въ верхнихъ, производное изъ послѣдней формы, «остріе съ затупленнымъ краемъ» (типъ Лаграветтъ), въ самыхъ же верхнихъ слояхъ Ориньяка начинаютъ встрѣчаться формы орудій, обнаруживающія уже особенности солютрейской техники (*pointe à cran atypique* и др.); солютрейская эпоха превосходно характеризуется своими наконечниками (кремневыми), а въ эпоху мадленскую особеннаго развитія достигаетъ мелкая кремневая индустрія, формы специальныя, предназначенныя для обработки кости. Такимъ образомъ, на основаніи однихъ лишь европейскихъ находокъ можно было бы, пожалуй, утверждать, что вся культурная эволюція, отдѣляющая столь разительные по своему контрасту начало и конецъ палеолитическаго періода, эпохи Шелль и Мадленъ, пройдена здѣсь, въ Европѣ, совершенно независимо и обособленно отъ другихъ человѣческихъ группъ, населявшихъ иные материка, пройдена такъ, какъ если бы нигдѣ, кромѣ Европы, человѣчество и не существовало. Отвѣчаетъ ли наше впечатлѣніе дѣйствительности? Это вопросъ, который не можетъ быть, конечно, рѣшаемъ теоретически. Нужно знать въ какихъ условіяхъ и какими путями шло развитіе человѣческой культуры внѣ Европы, внѣ прямого вліянія ледниковаго періода. Учитывая это вліяніе, мы не можемъ представить себѣ племена, обитавшія, напримѣръ, по южнымъ берегамъ Средиземнаго бассейна, въ видѣ арктиковъ мадленской

эпохи, всѣмъ бытомъ своимъ отражавшихъ суровыя жизненныя условія европейской родины. Но эволюцію палеолитической культуры мы привыкли рассматривать, какъ прямое слѣдствіе соответствующихъ измѣненій климатическихъ условій и параллельныхъ измѣненій органическаго міра, среди котораго и на счетъ котораго существовалъ человѣкъ. Нѣтъ этого стимула, — эволюція должна итти инымъ путемъ, воплощаться въ инныя формы. А можетъ быть подъ низкими широтами, въ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ субтропической и тропической зоны, эволюція быта шла быстрѣе, человѣкъ быстрѣе и, такъ сказать, сокращеннѣе пережилъ палеолитическую стадію и, опережая европейское человѣчество, воздѣйствоваль на него путями и способами, значеніе которыхъ мы еще не можемъ учесть. Такъ смотритъ Софусъ Мюллеръ, который не только выводитъ всѣ элементы палеолитической культуры изъ южныхъ областей, но и сопоставляетъ находки солютрейской эпохи съ позднимъ неолитомъ Египта (женскія статуетки изъ кости и камня ориньякской и солютрейской эпохъ — глиняныя статуетки восточно-средиземноморскаго неолита), считая ихъ синхроничными, и видитъ въ палеолитическомъ искусствѣ отзвукъ и даже прямое заимствованіе изъ неолитическихъ навыковъ юга, хотя такая крайняя точка зрѣнія грѣшитель, конечно, полнымъ отсутствіемъ перспективы, которую даетъ знаніе геологическихъ условій залеганія палеолитическихъ стоянокъ.

Эти то вопросы призвана разрѣшить отчасти и наша отечественная наука, а главное — изученіе палеолитическихъ мѣсто-нахожденій южныхъ внѣевропейскихъ странъ. Во всякомъ случаѣ, уже на основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ, мы можемъ утверждать, что примитивнѣйшія орудія — ручныя рубила шелльской эпохи — не ограничиваются въ своемъ распространеніи областью Западной Европы *); они найдены нынѣ во многихъ пунктахъ Африки (Алжирь, Марокко, Конго,

* Какъ это ни странно, въ Россіи мы до сихъ поръ не имѣемъ находокъ этихъ характернѣйшихъ орудій. Проблѣя этотъ можно объяснить лишь малымъ интересомъ, который проявляетъ русская геологія къ отложениямъ четвертичной эпохи и русская археологія къ изученію первобытныхъ древностей, тѣмъ болѣе, что подобныя находки отмѣчены уже въ сѣверо-восточномъ Прикарпатіи (окрестности Кракова). Орудія, напоминающія шелльскія формы, имѣются, какъ извѣстно, въ нашей озерной области, главнымъ образомъ въ губерніяхъ Тверской и Новгородской, но они по характеру своему и условіямъ залеганія относятся къ гораздо болѣе позднимъ временамъ, и близки, повидному, къ мало еще изученной одной характерной группѣ стоянокъ Скандинавіи.

область Замбези и Оранжевой рѣки, Сомалиландъ, Египетъ и др.), Сири, Индiи, даже въ Сѣверной Америкѣ, приче́мъ часто, какъ и въ Европѣ, въ древнихъ рѣчныхъ отложенiяхъ, во всякомъ случаѣ, при условiяхъ, ясно говорящихъ за ихъ большую древность. Трудно представить себѣ, чтобы Западная Европа, являясь лишь маленькой областью на периферiи распространения *coups de poing*, могла бы быть ихъ родиной. Для болѣе же позднихъ эпохъ палеолита, синхроничныхъ съ концомъ ледниковаго періода Европы, во внѣевропейскихъ странахъ надежныхъ свѣдѣнiй пока не имѣется, за исключенiемъ немногихъ пунктовъ сѣвернаго побережья Африки и въ особенности находокъ въ Сири, приобретающихъ поэтому для насъ исключительное значенiе.

Изъ трехъ областей Сири, сѣверной, средней и южной, мы ограничимся въ нашемъ разсмотрѣнiи находками въ Палестинѣ, заполняя, по возможности, имѣющiеся въ нашихъ свѣдѣнiяхъ пробѣлы данными изъ области средней Сири, гдѣ, въ прибрежной полосѣ ея, по западнымъ склонамъ Ливана, на территорiи прежней Финикии, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтiя много работалъ энергичный изслѣдователь патеръ Цумофенъ*), профессоръ Бейрутскаго университета. Въ сѣверной Сири находокъ пока еще совершенно не имѣется.

Палестина въ этомъ отношенiи находится въ болѣе благоприятныхъ условiяхъ. Можно назвать цѣлый рядъ именъ путешественниковъ и ученыхъ, внесшихъ свою долю въ изученiе каменнаго вѣка этой страны: l'abbé Morétain, de Saulcy, Bonno, Dougty, de Vogué, Arcelin, Cazalis de Fondouce, de Luynes, Lartet, Richard, Burton, Flinders Petrie, Bliss, Macalister, Bracht, Benzinger, Sellin, Schumacher, Clark и др. Къ сожалѣнiю, большинствомъ перечисленныхъ изслѣдователей, особенно до начала девятисотыхъ годовъ, систематическихъ изысканiй и раскопокъ не велось, они ограничивались лишь собиранiемъ коллекцiй каменныхъ орудiй по отдѣльнымъ стоянкамъ и добытый ими материалъ не обрабатывали типологически. И нынѣ, по нашимъ свѣдѣнiямъ, большiя коллекцiи каменныхъ орудiй находятся въ рукахъ и частныхъ собирателей, и нѣкоторыхъ духовныхъ и научныхъ учрежденiй Палестины. Но весь этотъ

*) См. его работы: G. Zumofen. «L'âge de la pierre en Phénicie». L'Anthropologie, 1897, стр. 272 — 283 и 426 — 438, съ четырьмя табл. рисун. и его же, «La Phénicie avant les Phéniciens. L'âge de la pierre». Beyrouth. 1900.

богатый материал, за очень немногими исключениями, пребывает в совершенно, так сказать, сыром виде, не изучен и не издан, и не доступен поэтому для разработки и обобщения.

Нижеследующий очерк каменного века Палестины не может претендовать вследствие изложенных обстоятельств на сколько-нибудь исчерпывающую полноту и преследует, главным образом, цели систематизации лично собранного автором во время поездки в Палестину материала, затѣмъ наблюдений в археологическомъ музее в Иерусалимѣ, принадлежащемъ монастырю августинцевъ, Notre-Dame de France, и довольно скудныхъ по своему содержанию литературныхъ данныхъ.

Во главѣ изслѣдователей Палестины должны быть названы два автора, в работахъ которыхъ даны общіе очерки каменного века интересующей насъ территоріи. Это патеръ Germer-Durand, одинъ изъ самыхъ усердныхъ изслѣдователей Палестины, трудами котораго составленъ доисторическій отдѣлъ Иерусалимскаго музея, и геологъ Бланкенгорнъ (M. Blanckenhorn), посѣтившій Палестину для геологическаго ея изученія в 1904 году. Бланкенгорнъ в своей сводной работѣ по каменному веку Сиріи и Палестины*) раздѣляетъ стоянки этой эпохи на нѣсколько группъ, руководствуясь условіями ихъ расположенія: на плато или склонахъ горъ, на прибрежной равнинѣ, в долинахъ, пещерахъ или гротахъ и проч. Однако, такое, совершенно условное, раздѣленіе не приводитъ автора ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, что и понятно, такъ какъ оно вовсе не совпадаетъ съ группировкой мѣстонахождений по различнымъ эпохамъ. Мы будемъ излагать материалъ, какъ это дѣлаетъ до извѣстной степени Germer-Durand**), сообразуясь съ характеромъ содержимаго стоянокъ.

Находки *ручныхъ рубилъ* (coups de poing) в Палестинѣ извѣстны очень давно, еще со временъ работъ Morétain'a и ученаго путешественника аббата Ришара***). Наиболѣе бога-

*) M. Blanckenhorn. «Über die Steinzeit und die Feuersteinartefakte in Syrien-Palästina». Zeitschrift für Ethnol. 1905 г., часть II—III, стр. 447—468.

**) Germer-Durand. «L'âge de pierre en Palestine», брошюра в 5 страницъ съ 4 табл. рисунковъ, годъ не обозначенъ, кажется 1895; его же, «Un Musée Palestinien», болѣе поздняя замѣтка, в значительной степени (въ части доисторической) повторяющая предыдущую и посвященная краткому обзору находокъ, хранящихся в музее.

***) Сравни. R. F. Burton. «On Anthropological Collections from the Holy Land», стр. 330 и сл. The Journal of the anthropological Institute of Great-Britain. V. I, стр. 309—344. 1871 г.

тыя мѣстонахожденія этого рода встрѣчаются на плато Иудейской возвышенности въ окрестностяхъ Иерусалима. Самая извѣстная стоянка находится въ ближайшемъ разстояніи отъ Иерусалима, къ югу отъ него, на равнинѣ el Beка'a, по еврейски Рефаимъ («равнина Великановъ», гдѣ, по преданію, царь Давидъ разбилъ Филистимлянъ); отъ стѣны города она отдѣлена лишь Гинномскимъ оврагомъ. Равнина эта, окруженная невысокими холмами, занята нѣсколькими небольшими поселками; здѣсь же находится вокзалъ Яффской узкоколейной желѣзной дороги, а большая часть ея площади остается подъ пашней. Почва усѣяна, особенно въ рывинахъ и котловинахъ, обломками и глыбами кремня; особенно много его въ сухомъ, неглубокомъ ложѣ ручья, текущаго черезъ равнину въ дождливый періодъ. По наблюденіямъ Germer-Durand'a, равнина Рефаимовъ представляетъ плоскую котловину въ известнякѣ, покрытую пластомъ глины въ 1—2 метра мощности; между глиной и известнякомъ залегаетъ прослойка гравія. Оббитые кремни встрѣчаются во всей толще глины; дождевые потоки и работа землѣдѣльца выводятъ ихъ на поверхность, поэтому-то въ руслѣ ручья находятъ такъ много орудій. Для неопытнаго глаза грубо-оббитыя орудія, разсѣяныя въ массѣ натуральныхъ кремневыхъ обломковъ, совершенно неуловимы; но при нѣкоторомъ навыкѣ они начинаютъ выдѣляться своей характерной красноватой или желтоватой патиной особеннаго оттѣнка.

Большая коллекція собранныхъ здѣсь Germer-Durand'омъ орудій хранится въ вышеупомянутомъ Иерусалимскомъ музеѣ; кое-что добыто Бланкенгорномъ и другими изслѣдователями*). Мною лично найдено, главнымъ образомъ вдоль ложа ручья, свыше пятидесяти массивныхъ орудій, типичныхъ для этой стоянки.

Камень, употреблявшійся человѣкомъ для приготовления орудій, по характеру своему близкій къ кремню, повидимому природнаго свѣтло-сѣраго цвѣта, иногда испещренъ черными и темно-коричневыми прожилками; поверхность орудій, какъ было сказано, имѣетъ красноватый или желтоватый цвѣтъ отъ покрывающей ее желѣзистой корки. Орудія массивныя, грубо обтесанныя; характеръ оббивки самый примитивный—она про-

*) Коллекція орудій изъ этой стоянки выставлена въ Британскомъ музеѣ. Сравни. British Museum. A guide to the antiquities of the Stone Age. 1911, стр. 37—38.

изводилась немногими ударами по краю валуна, отдѣлявшими неправильной формы крупные осколки, чѣмъ достигалось его грубое заостреніе.

Преобладающую группу орудій составляютъ весьма примитивныя, миндалевидныя шелльскія *ручныя рубила* (coups de poing), рис. 1 и 2 *). Край орудія (если смотрѣть сбоку) весьма неровень и образуетъ сильно извилистую линію; ограниченіе вполнѣ неправильно, такъ что орудіе на первый взглядъ мало напоминаетъ издѣліе человѣческихъ рукъ. Обычно рубило имѣетъ заостренный конецъ, а къ основанію расширяется и утолщается и образуетъ у основанія, нѣсколько сбоку, такъ называемую пятку (talon) для предохраненія руки отъ порѣза — въ видѣ ли оставленной коры валуна или полученной преднамѣренными ударами площадки; иногда все основаніе орудія утолщено и закруглено. Кромѣ грубо-миндалевидной формы, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ орудіе имѣетъ тенденцію къ неправильно трехугольной формѣ. Величина этихъ орудій (длина) колеблется между 10 и 15 сантиметрами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рубило заканчивается не массивнымъ остриемъ, а болѣе широкой рѣжущей гранью; такую тенденцію обнаруживаетъ орудіе, изображенное на рис. 2.

Вторую, меньшую группу, образуютъ небольшіе coups de poing, менѣе массивные, болѣе удлиненные, часто приближающіеся къ трехугольной формѣ (рис. 3).

Кромѣ рубилъ здѣсь встрѣчаются и *диски*. Орудіе это меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предыдущія (6 — 10 см. въ діаметрѣ), имѣетъ округлыя очертанія и въ разрѣзѣ форму чечевицы. Среди нихъ можно намѣтить двѣ группы: первая близка по своему характеру къ ручнымъ рубиламъ, а именно ихъ разновидности съ широкимъ рабочимъ концомъ; одинъ изъ краевъ диска затупленъ и соотвѣтствуетъ пяткѣ (talon) орудія (рис. 4). Ко второй группѣ относятся нѣсколько дисковъ болѣе выпуклыхъ, болѣе массивныхъ; края ихъ сильно затуплены. Быть можетъ диски послѣдней категоріи являются отбойниками (percuteurs) или орудіями съ близкимъ назначеніемъ.

Вмѣстѣ съ coups de poing Germer-Durand упоминаетъ

*) См. также изобр. ихъ въ British Museum, loc. cit., стр. 38, Germer-Durand. «Un Musée Palestinien», стр. 6, Blanckenhorn, loc. cit., стр. 451, Obermaier «Der Mensch der Vorzeit», стр. 171 (послѣднее изъ H. Vincent. «Canaan d'après l'exploration récente»).

среди находок «мустьерскія острія», трехгранные піс и другія формы; Бланкенгорнъ перечисляетъ цѣлый рядъ «золити-

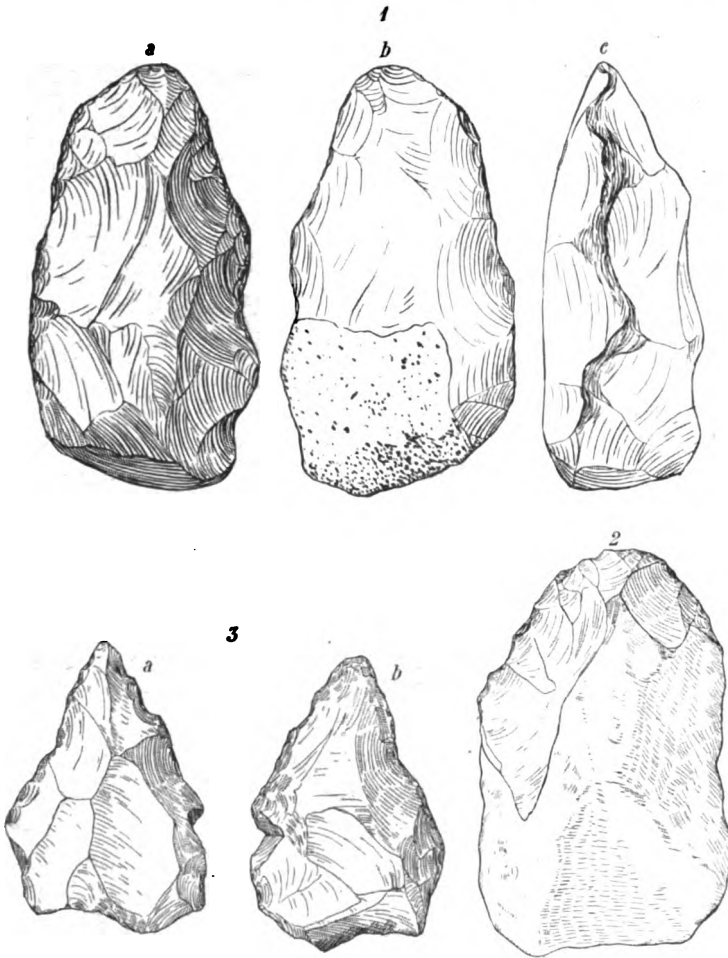

Рис. 1—3.

Кремневые орудія шельскаго типа (ручныя рубила). Стоянка el Beka'a или Рефаймъ близъ Іерусалима. Coups de poing chelléens de la station el Beka'a ou Rephaime, près Jérusalem.

$\frac{2}{5}$ нат. вел.

ческихъ» орудій, также «солотрейскія проколки» *), «удлиненно-эллиптическіе шельскіе топоры, грубо обтесанные, на обоихъ

*) Непонятно, почему Бланкенгорнъ даетъ столь неподходящее наименованіе грубымъ проколообразнымъ орудіямъ, находимымъ на стоянкѣ Рефаймъ.

концах закругленные, совершенно подобные находимымъ въ Sur Baher» *). Здѣсь нужно оговориться; въ дѣйствительности на стоянкѣ Рефаимъ не находятъ ни мустьерскихъ, ни солотрейскихъ формъ. Въ европейскихъ мѣстонахожденіяхъ *coups de poing*, какъ извѣстно, сопровождаютъ примитивныя отбивныя орудія еще безъ опредѣленныхъ формъ и назначенія, обыкновенно въ видѣ массивныхъ пластинъ, плоскихъ съ одной стороны и грубооббитыхъ съ другой; эту индустрію можно разсматривать, какъ предшественницу и родоначальницу позднѣйшихъ отбивныхъ формъ (мустьерскій остроконечникъ и др.). Въ разсматриваемой нами стоянкѣ эта «сопровождающая» индустрія представлена «эолитическими» орудіями Бланкенгорна (это, судя по описанію, неопредѣленныхъ формъ пластины съ грубой ретушью); сюда относятся его же «солотрейскія проколки» и «мустьерскія острія», «*pics*» и другія формы Germer-Durand'a. Орудія, собранныя авторомъ, распадаются на слѣдующія группы: овальныя или трехугольныя массивныя пластины, грубо оббитыя по краю (рис. 5), небольшіе диски, вполнѣ сходные съ вышеописанной группой дисковъ, но съ одной гладкой (отбивной) стороной, также нѣчто вродѣ примитивной проколки (рис. 6).

Кромѣ равнины Рефаимъ, шельскія рубила встрѣчаются далѣе къ югу, у Bet Sahur, гдѣ они были найдены еще въ 60—70 годахъ аббатомъ Morigain'омъ (наряду съ кремневыми и костяными подѣлками болѣе позднихъ эпохъ); одинъ изъ этихъ *coups de poing* демонстрировалъ de Vogué на парижскомъ доисторическомъ конгрессѣ въ 1878 году. Имѣются находки ручныхъ рубилъ и къ сѣверу отъ Иерусалима, прежде всего въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ, у начала Кидронскаго оврага и на склонахъ возвышенности Scorup, гдѣ Germer-Durand собралъ значительную ихъ коллекцію. Далѣе къ сѣверу, рубила встрѣчаются на значительномъ пространствѣ между Ramallah и El-Bireh (аббатъ Ришаръ), этотъ же ученый находилъ ихъ между горой Фаворомъ и Тиверіадскимъ озеромъ, Cazalis de Fondouce близъ Назарета и т. д. Къ сожалѣнію, въ перечисленныхъ стоянкахъ раскопокъ пока не велось, кремни собирались на поверхности, костнаго матеріала не имѣется и

*) Какъ будетъ ниже показано, орудія Sur Baher съ шельскими формами абсолютно ничего общаго не имѣютъ.

мы лишены возможности судить о древности стоянок на основании современной имъ фауны. Въ средней Сиріи, благодаря изслѣдованіямъ Цумофена, дѣло обстоитъ нѣсколько лучше. Изученіе стоянокъ на открытомъ воздухѣ и костеносной брекчии пещеръ и убѣжищъ даетъ очень интересный списокъ животныхъ, на которыхъ охотился первобытный человѣкъ: *Rhinoceros tichorhinus* (сибирскій носорогъ), *Felis spelaea*, *Bison priscus*,

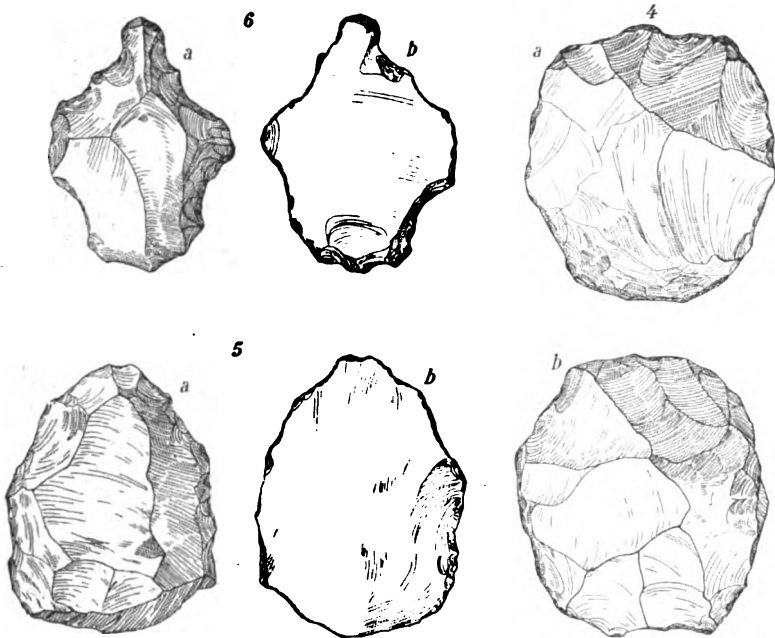

Рис. 4—6.

Кремневя орудія стоянки Рефаймъ. *Silex taillés de la station el Века'а*. Р. 4. Дискъ, р. 5, 6. Массивныя отбитыя орудія, сопровождающія ручное рубило.

$\frac{2}{3}$ нат. вел.

Bos primigenius, *Cervus dama*, *Capra primigenia*, *Sus scrofa*, *Equus caballus*, *Ursus syriacus* и др. Стоянки эти содержатъ частью чистую шельскую индустрію (Акбуех), подобную стоянкѣ Рефаймъ, частью смѣшанную съ мустьерской (Adlun и др.).

Не однѣ только стоянки съ *cours de roing* извѣстны на плато Іудейской возвышенности; здѣсь найдены также, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Іерусалима, иныя, богатыя орудіями мѣстонахожденія, доставившія цѣнныя коллекціи

неоднократно уже упоминавшемуся ревностному собирателю, Germer-Durand'у. Наибольше значительныя стоянки этого рода находятся: у деревни Sur Baher, въ шести верстахъ къ югу отъ Иерусалима, нѣсколько восточнѣе дороги на Вифлеемъ и къ сѣверу отъ Иерусалима, на холмѣ Tell-en-Nasbeh. Бланкенгорнъ совершенно ошибочно сближаетъ ихъ со стоянкой Рефаимъ и относитъ ихъ орудія къ шельскому типу; Germer-Durand въ первой своей замѣткѣ *) опредѣляетъ формы орудій, какъ солотрейскія, въ описаніи-же музея ничего не говоритъ о ихъ типѣ или возрастѣ.

По моимъ наблюденіямъ въ музеѣ Notre Dame de France, стоянки эти, представленныя весьма характерными орудіями, заслуживаютъ большого вниманія. Кромѣ небольшого числа нуклеусовъ, пластинокъ, скребковъ и проч., вся масса хранящихся въ музеѣ орудій распадается на двѣ группы **). Первую группу образуютъ трехугольныя или овальноудлиненныя небольшіе кремневые топорики, оббитые съ обѣихъ сторонъ довольно правильными, а иногда и очень тонкими отщепками; лезвіе топорика, который не имѣетъ и слѣда полировки, получено однимъ широкимъ отколомъ (р. 7). Это — форма *первичнаго топора*, распространеннаго во всей Западной Европѣ въ такъ называемую кампиньенскую эпоху; его вариацию представляетъ извѣстный типъ «транше» сѣверныхъ кьеккенмединговъ. Ко второй группѣ относятся орудія овальной формы, своими очертаніями напоминающія ébauches неолитическихъ наконечниковъ. Одни изъ нихъ близки, пожалуй, къ рис или рис-ciseaux, формамъ, весьма распространеннымъ въ кампиньенскую эпоху (хотя здѣсь онѣ значительно меньшей величины), тогда какъ другія (рис. 8), тоньше отдѣланныя, представляютъ настоящіе наконечники дротиковъ. Нужно замѣтить, что ни въ одной изъ указанныхъ стоянокъ не было найдено первобытной керамики, имъ современной.

Подобную описаннымъ, но меньшую по количеству собранныхъ орудій, стоянку авторъ наблюдалъ на склонѣ воз-

*) «L'âge de pierre en Palestine», стр. 279 и 280.

**) На первый взглядъ сотни этихъ бѣлыхъ, сильно патинированныхъ кремней приблизительно одинаковой величины (7—9 см.) и сходнаго облика (обычно овальной формы, оббиты съ обѣихъ сторонъ крупной ретушью), поражаютъ своимъ однообразіемъ.

вышенности близъ г. Кайфы; кремни ея вполне сходны съ вышеописанными (рис. 9).

Общій обликъ орудій и ихъ формы, отсутствіе болѣе позднихъ типовъ орудій и полировки такъ же, какъ и отсутствіе керамики, позволяетъ отнести стоянки Sur Baher, Tell-en-Nasbeh, Кайфы и другія, имъ подобныя, къ началу неолита и параллелизовать ихъ съ кампиньенскими мѣстонахожденіями Европы.

Кромѣ этихъ двухъ характерныхъ группъ мѣстонахожденій, шельской и кампиньенской эпохи, стоянки каменнаго вѣка, но болѣе поздняго времени, отмѣчены во многихъ пунктахъ

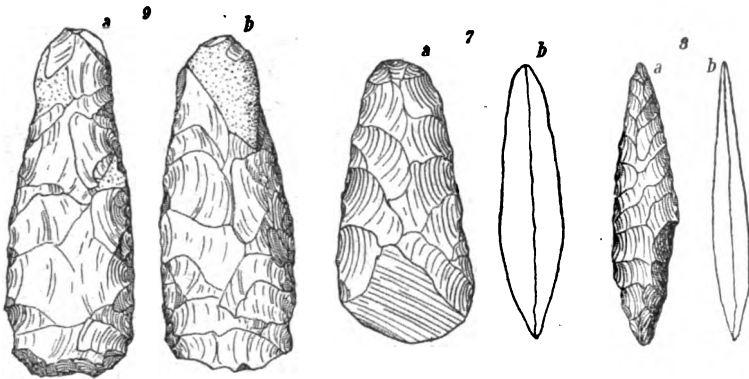

Рис. 7—9.

Нѣкоторыя формы орудій изъ ранне-неолитическихъ (кампиньенскихъ) стоянокъ Палестины. Naches non polies et pointe de javelot. Stations cam-pigniennes de Sur Baher et de Kaifa.

$\frac{1}{2}$ nat. вел.

Палестины, во всѣхъ ея частяхъ — между Иерусалимомъ и берегомъ Средиземнаго моря, въ Самаріи и Галилеѣ, на востокъ за Иорданомъ и проч. Онѣ представлены, въ массѣ своей, чисто неолитическими формами — кремневыми наконечниками стрѣлъ, полированными топорами, серпами и проч., которая сопровождается уже примитивная, плохо обожженная, сдѣланная безъ гончарнаго круга, керамика, лишенная всякой орнаментации. Такъ какъ литературныя данныя объ этихъ стоянкахъ имѣютъ совершенно случайный характеръ, коллекціи не подвергались типологическому изученію и не опубликованы, было бы трудно, да и излишне останавливаться на деталяхъ ихъ инвентаря: это дѣло будущаго изслѣдователя, который на

мѣстѣ изучить характеръ стоянокъ. Нѣкоторыя находки слѣдуетъ, однако, отмѣтить. Въ Вади-Гезбанъ (за Иорданомъ) Germer-Durand обнаружилъ въ обрывѣ мыса, образованнаго размывомъ, на нѣкоторой глубинѣ (одинъ метръ) интересную неолитическую стоянку *). Вокругъ очага или кострища ему удалось собрать большое число кремневыхъ орудій; эти орудія небольшихъ размѣровъ, тонкостью и характеромъ ретуши, и особенно своими формами, близко напоминаютъ геометрическія формы тарденуазской эпохи. Преобладаютъ здѣсь маленькія, въ среднемъ сантиметра 3 длиной и полъ-сантиметра шириной, пластинки съ тонко оббитой (затушенной) спинкой и наискось оббитыми концами, что придаетъ орудію видъ удлиненной трапеціи, затѣмъ сегментовидныя формы и проч. Стоянка Gerah (за Иорданомъ) дала музею Notre Dame превосходную коллекцію наконечниковъ стрѣлъ, дротиковъ, ножи, пилки и проч.—орудія, весьма тонко отдѣланныя, приготовленныя изъ темной кремнистой породы и сходныя по матеріалу и техникѣ съ египетскими подѣлками. Кое-какія каменные орудія, напоминающія египетскія формы XVIII династіи, находилъ Flinders Petrie въ нижнемъ, «аморейскомъ» слоѣ (1600—1000 до Р. X.) Tell el Hasi.

Каменные орудія нижнихъ горизонтовъ палестинскихъ «tell'ей» **) сопровождаютъ по большей части уже «металлическую» культуру и принадлежатъ къ такимъ формамъ, какъ стрѣлы, пилки, серпы, вставныя пластинки для деревянныхъ серповъ, подобныхъ египетскимъ, и проч.

Изъ нашихъ находокъ слѣдуетъ отмѣтить, прежде всего, прекрасный нуклеусъ громадныхъ размѣровъ (р. 10), подобранный на Ездрилонской равнинѣ, по дорогѣ изъ Назарета въ Кайфу. Это массивная плита свѣтло-сѣрой кремнистой породы, имѣющая приблизительно форму трапеціи; одна сторона ея имѣетъ природную гладкую поверхность, другая тщательно стесана, равно какъ и боковыя грани. На одной изъ граней

*) Укажемъ, какъ курьезъ, что этотъ собиратель считаетъ возможнымъ отнести стоянку ко времени перехода евреевъ черезъ Иорданъ и видитъ здѣсь мѣсто, гдѣ производилось, по повѣствію Иисуса Навина, обрѣзаніе кремневыми ножами евреевъ передъ вступленіемъ въ землю обѣтованную. (Ср. Бибія. Книга Иисуса Навина. Глава 5-я).

**) «Tell» значитъ по арабски холмъ; за послѣднее десятилѣтіе съ большимъ успѣхомъ раскопано нѣсколько tell'ей, на которыхъ найдены поселенія доизраильскихъ временъ. Таковы раскопки Макалестера въ Гезерѣ, Шумахера и Бенцингера въ Megiddo, Селяина въ Таанакѣ.

(основаниі трапеціі) виденъ рядъ фасетокъ—результатъ отгла-
 лыванія пластинокъ; эти фасетки поражаютъ своей величиной
 и правильностью очертаній. Въ работѣ нуклеусъ, повидимому,
 былъ не долго. Подобные нашему нуклеусу экземпляры не
 часто встрѣчаются въ стоянкахъ каменнаго вѣка. Его особен-
 ности—массивность, правильность формъ, величина пласти-
 нокъ—позволяютъ отнести этотъ нуклеусъ къ концу неолити-
 ческой эпохи, если даже не къ болѣе позднему времени.

Слѣдуетъ отмѣтить также кремневый полированный топо-
 рикъ, найденный на горѣ Кармилъ (Кайфа) близъ католиче-
 ского монастыря *).

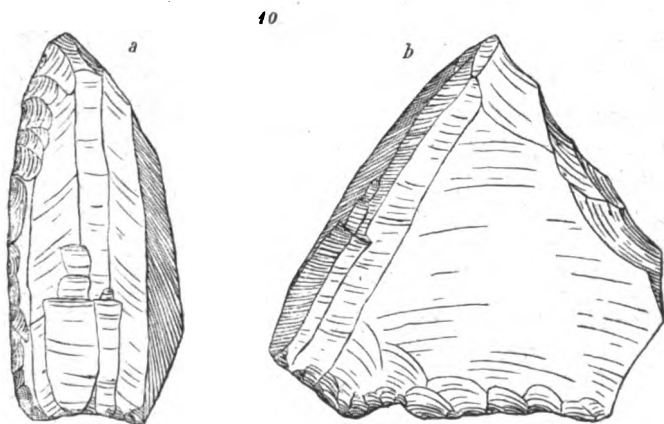

Рис. 10.

Громадный нуклеусъ, найденный по дорогѣ изъ Назарета въ Кайфу. Nucléus,
 trouvé sur la route de Nazareth à Kaifa.

Ок. $\frac{1}{3}$ нат. вел.

Но особенный интересъ представляетъ большая коллекція
 кремневыхъ орудій, собранныхъ на дюнахъ морского побережья
 къ югу отъ Яффы. Берегъ здѣсь образованъ цѣпью невысо-
 кихъ холмовъ изъ песчаника позднѣйшей морской формациі
 (Бланкенгорнъ); прибой и вѣтры, разрушая ихъ, даютъ мате-

*) Въ связи съ этимъ фактомъ слѣдуетъ вспомнить утверженіе Софуса
 Мюллера, что полировка орудій—техническій навыкъ, возникшій, по его мнѣнію,
 на Востокѣ и распространившійся вмѣстѣ съ характерными формами полирован-
 ныхъ орудій по всей Европѣ—лишь въ сѣверноевропейскомъ запоздаломъ неолитѣ
 достигаетъ высоты, необходимой для обработки кремневыхъ орудій (кремневые
 полированные топоры Скандинавіи, Великобританіи и проч.). Ср. Sophus Müller.
 «Urgeschichte Europas», стр. 20—21.

риаль для развитія дюнь, которыя окаймляютъ побережье широкой полосой бесплоднаго сыпучаго песка.

Каменные орудія начинаютъ попадаться въ разстояніи версты или около этого къ югу отъ города, на передовой грядѣ холмовъ, и отдѣльныя ихъ скопленія тянутся по холмамъ версты на 4—5 далѣе къ югу, придерживаясь побережья, до того мѣста, гдѣ эти холмы, понижаясь, постепенно переходятъ въ дюнообразные бугры сыпучаго песка. Стоянки находятся то на вершинѣ холма, то межъ холмами въ ложбинкахъ, защищенныя обычно отъ морскихъ вѣтровъ. Орудія залегаютъ не въ сыпучемъ пескѣ, а въ черномъ иловатомъ слоѣ, покрывающемъ коренную породу (песчаникъ).

Большихъ скопленій кремня нигдѣ не наблюдается: орудія и осколки разсыяны по поверхности вышеупомянутаго чернаго растительнаго слоя въ мѣстахъ, гдѣ слудъ поверхностный слой сыпучаго песка, совершенно подобно тому, какъ это наблюдается въ русскихъ неолитическихъ дюнныхъ стоянкахъ.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ стоянокъ мѣстонахожденій кремня, повидимому, не имѣется. Кремень, изъ котораго готовлялись орудія, преимущественно свѣтлосѣрый, иногда же коричневаго или лиловаго оттѣнка. Орудія сильно патинированы, часто кремень бываетъ измѣненъ во всей своей толщѣ. Соответственно цвѣту кремня, преобладаетъ бѣлая патина, затѣмъ желтоватая или лиловатая. Въ тѣхъ случаяхъ, когда взятый кремень былъ неоднороденъ и содержалъ въ основной сѣрой массѣ включенія кремня иного цвѣта, и патинированная поверхность орудія имѣетъ пятнистый видъ.

Осколковъ кремня встрѣчается здѣсь очень много, перѣдки и нуклеусы — это указываетъ на то, что орудія готовлялись на мѣстѣ стоянки. Нуклеусы поражаютъ прежде всего своей незначительной величиной; размѣры ихъ значительно меньше, чѣмъ полученныхъ изъ нихъ пластинокъ и орудій. Отсюда ясно, что нуклеусы эти можно считать скорѣе окончательно использованнымъ отбросомъ. Имъ свойственна неправильно призматическая форма, фасетки малы, неправильныхъ очертаній и обыкновенно присутствуютъ на нуклеусѣ лишь въ небольшомъ числѣ, въ среднемъ 3—4 (рис. 12). Причѣмъ, какъ это наблюдается въ поздне-палеолитическихъ стоянкахъ, валунчикъ кремня обтесывался только съ одной стороны, тогда какъ другая оставалась облеченной своей природной корой.

Нуклеусы яфскихъ стоянокъ имѣютъ мало сходства съ характерными неолитическими формами — призматическими, равномерно стесанными, съ болѣе или менѣе правильнымъ ограниченіемъ.

Отбойники (*percuteurs*), какъ это ни странно, встрѣчены не были, за исключеніемъ одного небольшого кремневаго валунчика со слѣдами многочисленныхъ ударовъ по всѣмъ его краямъ.

Отжимникъ (*retouchoir*) найденъ только одинъ, но очень типичный: онъ имѣетъ, какъ и большинство кремневыхъ отжимниковъ этого рода (въ европейскихъ находкахъ), болѣе или менѣе ладьевидную форму, съ гладкой нижней, отбивной стороной, сильно выпуклой спинкой и сильно сбитыми, затупленными краями; концы орудія сглажены и имѣютъ характерную выщербленность, нѣсколько маскируемую вывѣтриваніемъ кремня. Орудіе это очень нерѣдко и въ западно-европейскомъ неолитѣ*), и въ русскихъ неолитическихъ стоянкахъ.

Пластинки (*lames*) величины довольно разнообразной, въ среднемъ между пятью и десятью сантиметрами. Очертаніи довольно неправильныхъ, какъ по контуру, такъ и по ограниченію; пластинки правильныхъ формъ очень рѣдки. Часто встрѣчаются отщепки широковатыя, подтреугольные.

Скребки (*grattoirs*) поражаютъ своею многочисленностью; ихъ найдено не менѣе двухсотъ экземпляровъ, не считая обломковъ. Первые дни, на ближайшей къ городу стоянкѣ, сборы состояли почти исключительно изъ этихъ орудій. Преобладаніе короткихъ, округлыхъ формъ даетъ этой группѣ орудій неолитическій обликъ. Представлены они слѣдующими формами:

Скребокъ на концѣ пластинки (свыше 50 экз.). Пластинки обычно очень невелики (въ среднемъ 3—4 см.), малоправильныхъ формъ, часто сужены къ основанію, какъ бы для болѣе удобнаго вставленія въ рукоятку (рис. 13); иногда пластинка шире и толще, но орудіе не выигрываетъ въ правильности формъ. Оббивка, за весьма рѣдкими исключеніями, ограничивается лишь лезвіемъ скребка. Прямое лезвіе встрѣчается рѣдко и оббивка въ этихъ случаяхъ не имѣетъ правильности. Нѣсколько скребковъ напоминаютъ типъ *en bec de*

*) Сравни. наприм., «Musée préhistorique». G. et A. de Mortillet. 2-ое изд., табл. XLIX, рис. 525—526.

сапaгd — высокій, крутой рабочейі конецъ ихъ оббить длинными, болѣе или менѣе правильными фасетками.

Полуциркулярный скребокъ. Самая многочисленная группа скребковъ — содержитъ свыше 80 экземпляровъ. Орудія этой группы приготовлены изъ широкихъ, массивныхъ пластинокъ ($2\frac{1}{2}$ —3 см. длиной), оббитыхъ широкимъ полукруглымъ лезвиемъ, что даетъ скребку въ типичныхъ случаяхъ очертаніе сегмента, а гораздо чаще просто неправильно округленную форму. Иногда выпуклый скребокъ сочетается съ вогнутымъ (рис. 14).

Круглый скребокъ. Этого рода орудія оббиты обычно по всей окружности (рис. 15) и вмѣстѣ съ слѣдующей категоріей образуютъ группу скребковъ, наиболѣе тщательно отдѣланныхъ.

Двойной скребокъ. Приготовлялся изъ болѣе правильныхъ удлинненныхъ пластинокъ и оббить иногда по всей окружности (рис. 16), хотя чаще лишь на концахъ.

Нуклеидные скребки, характерные для нѣкоторыхъ верхнепалеолитическихъ стоянокъ, также представлены въ нашей коллекціи въ формахъ болѣе или менѣе обычныхъ. Назначеніе ихъ не достаточно еще выяснено.

Кромѣ описанныхъ формъ, въ единичныхъ экземплярахъ встрѣчаются и инныя, напримѣръ, боковые скребки, широкіе скребки, имѣющіе характеръ скребла и проч.

На нѣкоторыхъ скребкахъ, особенно круглыхъ и двойныхъ, также среди группы неопредѣленного характера скребковидныхъ орудій и на нѣкоторыхъ нуклеусахъ замѣчается мѣстная притупленность и особенная выщербленность края; слишкомъ часто повторяющаяся для того, чтобы быть случайной, она имѣетъ характеръ выщербленности, наблюдаемой на кремневыхъ отжимникахъ.

Скребки вогнутые (*grattoirs concaves, coche-grattoirs*). Сегментовидная выемка, которая образуетъ рабочее лезвіе этого рода орудій, встрѣчается среди кремней яфѣскихъ стоянокъ довольно часто. Такая выемка помѣщается или на одномъ изъ краевъ кремневого отщепка или на болѣе правильной пластинкѣ сбоку ея, рѣже на концѣ; внѣ выемки орудіе не бываетъ оббито, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она комбинируется съ другимъ орудіемъ, чаще всего

полуциркулярнымъ скребкомъ (рис. 14), или скребкомъ двойнымъ (рис. 17).

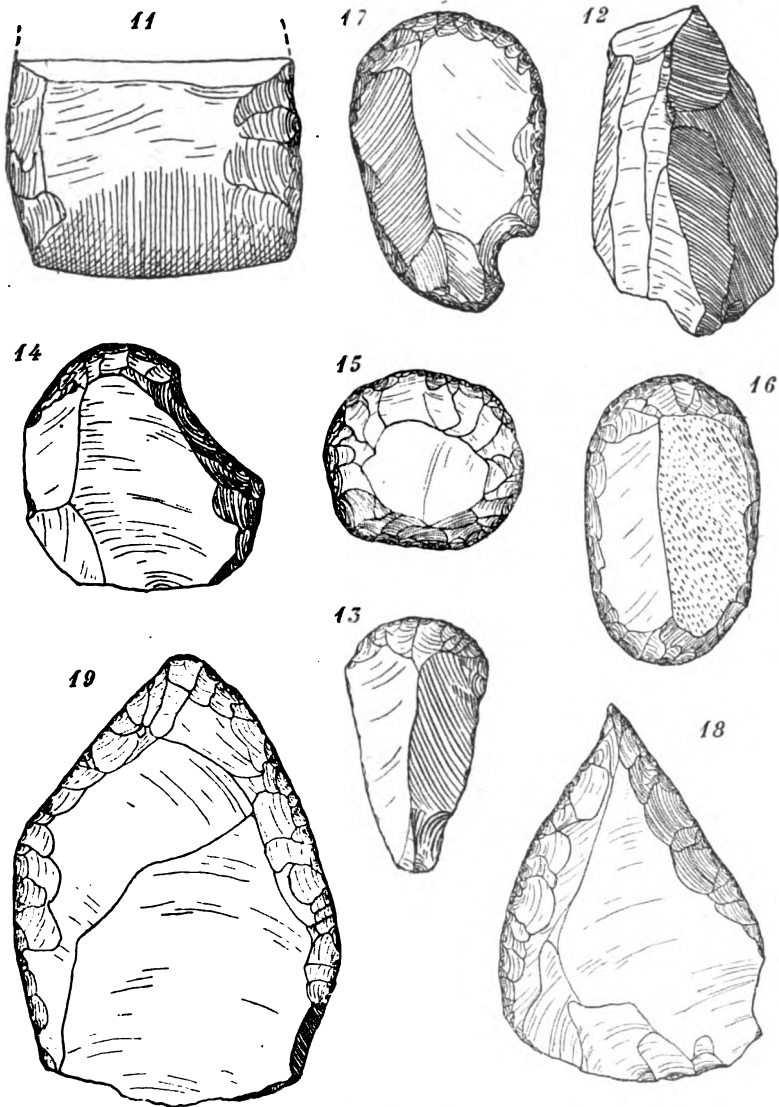

Рис. 11—19.

Р. 11. Кремневый полированный топорикъ. Nache polie en silex. Mont Carmel.

Р. 12—19. Кремневые орудія—ядро, скребки и острия съ донныхъ стоянокъ
близъ г. Яффы. Nucleus, grattoirs, grattoirs concaves et pointes. Jaffa.

Нат. вел.

Острія (pointes) составляютъ довольно большую группу орудій (около 15 экз.); это трехугольныя пластинки, оканчивающіяся уплощеннымъ, иногда тщательно оббитымъ остриемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, особенно болѣе крупныя экземпляры, имѣютъ превосходную ретушь, продолжающуюся вдоль края къ основанію орудія. Острія, изображенныя на рис. 18 и 19, поражаютъ своимъ сходствомъ съ остроконечниками европейскаго Мустье. Нѣтъ, однако, сомнѣнія въ томъ, что они вполне связаны съ прочимъ инвентаремъ стоянки. Это любопытное явленіе, такъ какъ подобныя орудія не встрѣчаются или очень рѣдки въ неолитическихъ стоянкахъ Европы.

Проколки (perçoirs et poinçons) распадаются на двѣ группы. Первая состоитъ изъ удлиненныхъ, приближающихся къ трехгранной формѣ, проколокъ, иногда оббитыхъ вдоль всего края: изрѣдка онѣ комбинируются со скребкомъ (рис. 20). Вторую группу составляютъ проколки съ короткимъ остриемъ, помѣщающимся на массивномъ отщепѣ (рис. 21).

Рѣзцы (burins). Весьма интересно, что эти орудія, приготовленныя, какъ и въ верхнепалеолитическихъ стоянкахъ Европы, продольными ударами (coup de burin), въ яффскихъ стоянкахъ представляютъ явленіе вполне не случайное: здѣсь въ различныхъ пунктахъ было найдено большое сравнительно число характерныхъ экземпляровъ (рис. 22). Среди нихъ преобладаетъ типъ простого рѣзца, изрѣдка встрѣчается угловой рѣзецъ. Найдены и комбинированныя формы орудій — двойные рѣзцы и рѣзцы со скребкомъ на противоположномъ концѣ. Всего собрано семнадцать болѣе характерныхъ и двадцать четыре менѣе характерныхъ экземпляра (съ coup de burin). Встрѣчены также и краевые отщепки (éclat lateral), получавшіеся при выдѣлкѣ рѣзца; они оббиты по краю и вполне напоминаютъ аналогичныя формы палеолитическихъ стоянокъ, такъ наз. «микролитическія орудія»*).

Наконечники стрѣлъ. Въ противоположность остриямъ и въ особенности рѣзцамъ, формамъ весьма древнимъ, эта категория орудій, въ согласіи до извѣстной степени съ типами скребковъ, подчеркиваетъ неолитическій характеръ стоянокъ. Кромѣ нѣсколькихъ незаконченныхъ отдѣлкой наконечниковъ

*) См. въ этомъ же выпускѣ статью «Косняковская палеолитическая стоянка», стр. 19.

(ébauches) и обломка наконечника большей величины (дротика), найдено четырнадцать экземпляров наконечниковъ стрѣлъ, но большей частью въ видѣ фрагментовъ. Они готовились преимущественно изъ плотнаго лиловатаго кремня и всѣ воспроизводятъ болѣе или менѣе трехугольную форму. Наиболѣе распространенный типъ — съ короткой ножкой и довольно сильно выраженными плечиками (рис. 23), иногда переходящими въ бородку. Наконечники, если можно такъ

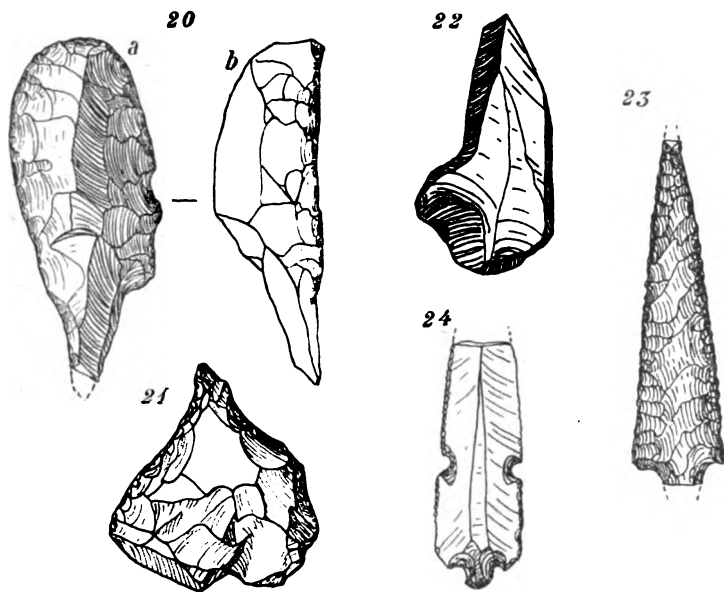

Рис. 20.—24.

Скребок-проколка, проколка съ массивнымъ короткимъ остриемъ, рѣзецъ, наконечники стрѣлъ съ дюнныхъ стенокъ близъ г. Яффы. Grattoir-perçoir, perçoir, burin, pointes de flèches, Jaffa.

выразиться, «пластинчатые», т. е. сохраняющіе форму кремневой пластинки, слегка лишь подретушированной, имѣютъ часто симметрично расположенныя выемки (рис. 24), вѣроятно для болѣе удобнаго прикрѣпленія къ дереву. Наконечникъ (трехугольный) можетъ и не имѣть ножки и основаніе его тогда нѣсколько закруглено.

Кромѣ описанныхъ формъ, коллекція содержитъ много обломковъ незаконченныхъ и неопредѣленнаго характера

орудій, среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить обломокъ, повидимому тыловой части кремневого полированного топорика, хотя небольшая величина фрагмента и сильная его патинированность не даютъ возможности высказаться вполне категорически.

Характеръ кремня и формы орудій не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что яффскія стоянки въ подавляющей массѣ орудій относятся къ одной эпохѣ. Наряду съ такими чисто неолитическими формами, какъ наконечники стрѣлъ и полированный топоръ (?) — если только онъ, какъ можно думать, входятъ въ общій комплексъ орудій — вполне естественно было бы встрѣтить и керамику. Однако, остатковъ первобытной керамики не было найдено совершенно. Въ виду этого обстоятельства, а также общаго довольно примитивнаго облика кремневой индустрии, яффскія стоянки слѣдуетъ отнести, повидимому, къ ранней порѣ неолитической эпохи.

Позволю себѣ въ заключеніе намѣтить въ краткихъ чертахъ общую схему послѣдовательной смѣны эпохъ каменнаго вѣка, пережитыхъ человѣчествомъ на территории Палестины, какъ она представляется сейчасъ на основаніи имѣющагося, правда довольно еще случайнаго и скуднаго матеріала. Въ этой схемѣ приходится по необходимости больше останавливаться на томъ, что можетъ и должно встрѣтиться на интересующей насъ территории, чѣмъ на томъ, что въ дѣйствительности констатировано уже существующими находками. Болѣе внимательное, болѣе глубокое изученіе доисторической жизни Палестины мы должны считать неотложнымъ дѣломъ ближайшаго будущаго.

Шелльская эпоха. Сюда относятся грубая миндалевидныя орудія, примитивныя ручныя рубила (*cours de poing*) мѣстонахожденій, расположенныхъ на Иудейской возвышенности близъ Иерусалима (*Jerhaim, Mons Scopus* и др.), близъ Виолеема, Назарета, у побережья Тиверіадскаго озера и проч.

Главныя, основныя формы шелльской индустрии, ручныя рубила, сопровождаются въ этихъ стоянкахъ болѣе мелкими отбивными орудіями примитивныхъ и зачастую неопредѣленныхъ формъ. Подобныя орудія, кажется, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстонахожденіяхъ самостоятельно, безъ *cours de poing*; сюда относятся «эолитическія» орудія Бланкенгорна

изъ мѣстонахожденій Wadi Waleh и es-Salt (за Горданомъ), кремни изъ окрестностей такъ называемой могилы Иисуса Навина*), отличающіеся своей красноватой патиной отъ здѣсь же находимыхъ сѣрыхъ неолитическихъ и т. д.

Болѣе систематическія, чѣмъ въ Палестинѣ, изслѣдованія стоянокъ средней Сиріи дали также остатки фауны, современной челювѣку; они, въ свою очередь, указываютъ на большую древность стоянокъ съ ручными рубилами. Особенно интересна находка костей *Rhinoceros tichorhinus* и *Felis spelaea*. Ни одинъ изъ изслѣдователей не отмѣчаетъ, однако, присутствія въ этихъ мѣстонахожденіяхъ остатковъ слонь.

Ашельская эпоха. Болѣе совершенныхъ, характерныхъ для этой эпохи, формъ *coups de poing* въ Палестинѣ, кажется, еще не встрѣчено*). Но онѣ извѣстны въ средней Сиріи изъ мѣстонахожденій Ras el Kelb и сопровождаются *Rhinoceros tichorhinus* и другими характерными формами.

Мустерской эпохи стоянокъ также пока не имѣется въ Палестинѣ, по крайней мѣрѣ вполнѣ доказательныхъ, но онѣ многочисленны въ сосѣдней Финикіи (*Adlun, Nahr Ibrahim, Nahr el Djoz* и др.) и характеризуются типичными остроконечниками, скреблами (*racloirs*) и массивными пластинами.

Ориньякъ-Мадленъ. Въ виду скудости нашихъ свѣдѣній о палестинскихъ находкахъ, которыя могли бы быть сопоставлены съ европейскими верхнепалеолитическими, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о Финикіи, гдѣ, какъ извѣстно, имѣется классическая стоянка, особенности которой вполнѣ сближаютъ ее съ европейскими стоянками этого періода. Это гротъ Антелиасъ, извѣстный уже давно въ наукѣ и въ послѣднее время основательно изслѣдованный Цумофеномъ. Аналогію этого мѣстонахожденія съ европейскими можно видѣть въ его характерѣ пещерной стоянки, въ общихъ условіяхъ охотничьяго быта ея насельниковъ, гдѣ въ качествѣ добычи главную роль играютъ виды оленя (*Cervus elaphus, Cervus dama* и проч.), въ формахъ кремневой индустріи и обработкѣ кости и т. д. Г. де Мортилье и за нимъ другіе авторы

*) Dictionnaire des sciences anthropologiques, стр. 848. Статья Ph. Salmon'a, „Palestine“.

*) Имѣется лишь одно указаніе, что орудія, собранныя аббатомъ Ришаромъ близъ Тиверіадскаго озера и демонстрированныя на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ (1878 года) напоминаютъ типы Сентъ-Ашеля. Сравни. Dictionnaire, loc. cit., стр. 847.

относили эту стоянку къ мадленской эпохѣ*), Обермайеръ съ увлеченіемъ, свойственнымъ адепту новой идеи, прямо помѣщаетъ ее въ циклъ ориньякскихъ стоянокъ**). Быть можетъ было бы правильнѣе—въ виду, во-первыхъ, слишкомъ большого различія для этого періода въ условіяхъ существованія человѣчества на территории Сири и Зап. Европы, что, естественно, должно было наложить свой отпечатокъ на характеръ индустри и затруднить детальную параллелизацію находокъ, а во-вторыхъ, просто вслѣдствіе недостаточнаго еще знакомства нашего съ расчлененіемъ эпохъ верхняго палеолита внѣ области Франціи и странъ, ей смежныхъ — относить эту стоянку и нѣкоторыя другія, ей подобныя (Nahr el Keib), по совокупности признаковъ, къ верхнему палеолиту, не предрѣшая вопроса о дальнѣйшемъ ихъ помѣщеніи въ классификаціонной схемѣ.

Въ южной Сири, въ Палестинѣ, кромѣ давнишнихъ находокъ аббата Моретена въ пещерахъ возлѣ Бетъ-Сауръ, которыя могутъ относиться и къ неолитической эпохѣ, другихъ, болѣе надежныхъ свѣдѣній, пока не имѣется. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что богатая естественными гротами Палестина, подобно Финикии, скрываетъ въ нихъ цѣннѣйшій матеріалъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ личныхъ наблюдений: невдалекѣ отъ Кайфы, въ одномъ изъ ущелій, развѣтвляющихся въ хребтѣ Кармила, нами была найдена небольшая естественная пещера, въ вестибюлѣ которой и площадкѣ передъ входомъ наблюдается слой костеносной известковой брекчии, содержащій много оббитыхъ кремней. Къ сожалѣнію, плотность известковаго натека, цементирующаго культурные остатки, оказалась такова, что не было возможности извлечь сохранными кремни и кости даже съ помощью стального долота и геологическаго молотка.

Гарденуазская эпоха. Къ этой эпохѣ, какъ извѣстно, Г. де Мортилье относитъ стоянки, нерѣдкія и въ Западной Европѣ и во внѣевропейскихъ областяхъ (Сѣверная Африка, Южная Азія), характеризующіяся крайне своеобразной кремневой индустріей такъ назыв. геометрическихъ формъ. Въ виду отсутствія въ этихъ стоянкахъ особенностей, свойственныхъ стоянкамъ неолитическаго возраста (керамика, кости

*) G. et A. de Mortillet. „La Préhistoire“ 1910, стр. 659.

**) „Der Mensch der Vorzeit“, стр. 317.

домашнихъ животныхъ, нѣкоторыя формы каменныхъ орудій и проч.), а также общаго облика индустріи, напоминающей микролитическія формы поздняго палеолита — Мортилье помѣщаетъ ихъ въ начальной стадіи неолитическаго періода.

А. де Мортилье въ своей интересной работѣ, посвященной вопросу о «геометрическихъ кремняхъ»*), указываетъ нѣкоторыя орудія изъ окрестностей Вифлеема, собранныя капитаномъ Burton'омъ**). Но еще болѣе доказательными являются кремневыя орудія геометрическихъ формъ изъ стоянки Вади-Гесбанъ, хранящіяся въ Іерусалимѣ въ музеѣ Notre Dame de France (отмѣченная выше находка Germer-Durand'a).

Кампиньенская эпоха. Сюда, условно, по аналогіи съ европейскими находками, мы хотѣли бы отнести богатыя стоянки Sur Baher, Tell en Nasbeh и другія мѣстонахожденія того-же типа, которыя по формамъ встрѣчающихся въ нихъ оббитыхъ, но не полированныхъ кремневыхъ топориковь, по характеру преобладающихъ здѣсь эбошевидныхъ орудій, отсутствію керамики и проч., должны быть отнесены къ ранней порѣ неолитическаго періода. Ихъ сходство съ европейскими находками заслуживаетъ большого вниманія.

Собственно *неолитическій* періодъ въ Палестинѣ, какъ и въ Европѣ, характеризуется новыми формами кремневыхъ орудій, среди которыхъ на первомъ планѣ стоятъ орудія полированныя. Этотъ періодъ, при скудости литературныхъ данныхъ, лишь съ большимъ трудомъ и вполнѣ провизорно можетъ быть подраздѣленъ на нѣкоторые отдѣлы. Не слѣдуетъ забывать, что и въ Европѣ мы, при гораздо большемъ матеріалѣ и многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, не имѣемъ еще сколько-нибудь удовлетворительной классификаціи неолита. Въ классификаціи Мортилье, если выдѣлить кампиньенскую эпоху, весь этотъ періодъ обнимается понятіемъ «робенгаузенской эпохи».

Къ *раннему неолиту* мы склонны отнести яфѣскія стоянки, характеризующіяся нѣкоторыми примитивными и своеобразными формами кремневыхъ орудій (рѣзцы, острія, формы пуклеусовъ и пластинокъ и проч.), отсутствіемъ керамики, наряду уже съ чисто неолитическими формами наконечниковъ.

*) A. de Mortillet. „Les petites silex taillés à contour geometrique“. Revue de l'Ecole d'Anthr. de Paris aa 96 r.

***) Указан. выше статья R. F. Burton'a въ The Journal of the anthropological Institute of Great-Britain. V. 1, за 71 r., табл. 14.

Къ *расцвету неолитическаго періода* должны быть отнесены многочисленныя, но мало извѣстныя стоянки съ полированными кремневыми топорами, наконечниками стрѣлъ и копій, тонко отдѣланными пилами и ножами и прочимъ чисто неолитическимъ инвентаремъ. Ихъ сопровождаетъ уже примитивная керамика.

Къ *концу неолита* и переходной «энеолитической» эпохѣ принадлежатъ поселки нижнихъ слоевъ нѣкоторыхъ палестинскихъ Tell'ей, а также мегалитическія сооруженія, въ частности, дольмены простѣйшихъ формъ, извѣстныя въ разныхъ частяхъ Палестины. Хотя въ самой Палестинѣ дольмены, кажется, до сихъ поръ не изучались методически, но раскопки дольменовъ сосѣднихъ областей (Синай) опредѣляютъ ихъ эпоху. Въ дольменѣ Wady-Sirhé, напримѣръ, были найдены: кремневый наконечникъ стрѣлы (въ формѣ листа съ зазубреннымъ краемъ), кремневый наконечникъ копья, просверленная раковина и мѣдный браслетъ. находка костей домашнихъ животныхъ (быкъ, овца, коза, осель и проч.) доказываетъ, что населеніе уже усердно занималось скотоводствомъ; ему было извѣстно также и земледѣліе — кремневые серпы представляютъ одну изъ обычныхъ находокъ.

Резюмируя все вышесказанное, мы должны прійти къ заключенію, что находки Палестины, дополненныя результатами изслѣдованій Средней Сириі, при всей своей относительной недостаточности являются глубоко поучительными. Мы здѣсь находимъ не только общеустановленный фактъ смѣны палеолитическаго періода неолитическимъ, но и въ послѣдовательной смѣнѣ эпохъ палеолитической и неолитической культуры мы наблюдаемъ ту же послѣдовательность и закономерность, которая присуща эволюціи доисторической культуры Европы. И въ эти отдаленныя времена Палестина участвуетъ въ общемъ процессѣ развитія всей той обширной области, которая обнимаетъ страны Средиземноморья и всю Западную Европу. Очередной задачей европейской науки является установленіе болѣе точныхъ границъ этой области, какъ на Востокѣ (это задача нашей отечественной науки), такъ и на югѣ, гдѣ мы вправѣ искать древнѣйшіе слѣды человѣческой дѣятельности, родину человѣка и человѣческой культуры.

II. Ефименко.

Размѣры бедра и таза въ пропорціяхъ человѣческаго тѣла.

*Dimensions du fémur et du bassin dans les proportions
du corps humain.*

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ моемъ сообщеніи Антропологическому Обществу о типѣ населенія сѣв.-зап. Сибири я остановился, между прочимъ, на различіи въ пропорціяхъ тѣла между остяками, вогулами и самоѣдами. Тогда я обращалъ вниманіе на тотъ фактъ, что при одинаково маломъ ростѣ этихъ трехъ народностей между составными частями ихъ роста наблюдаются соотношенія далеко не одинаковыя. Въ то время, какъ у однихъ бюсть очень длиненъ, при сравнительно короткихъ ногахъ, у другихъ, напротивъ, бюсть коротокъ, при относительно длинныхъ нижнихъ конечностяхъ. Наиболѣе рѣзко отличаются между собой въ этомъ отношеніи вогулы и самоѣды. Пользуясь терминами, предложенными L. Manouvrier, самоѣдовъ я назвалъ брахискелами, въ противоположность вогуламъ—макроскеламъ; остяки, являясь мезатискелами, заняли промежуточное между вогулами и самоѣдами мѣсто. Разсматривая детально зависимость указателей скеліи этихъ народностей отъ относительнаго развитія отдѣльныхъ составляющихъ роста, я пришелъ къ заключенію, что самоѣдская коротконогость обуславливается чрезмѣрнымъ развитіемъ бюста за счетъ бедренной кости, тогда какъ у длинноногихъ вогуловъ бюсть сравнительно съ длиною нижнихъ конечностей, а особенно въ сравненіи съ длиною бедренной кости несравненно короче самоѣдскаго. Длина большой берцовой кости и высота стопы въ данномъ случаѣ не играли

существенной роли, такъ какъ высота колѣннаго сочлененія у всѣхъ трехъ народностей была почти одинакова абсолютно и пропорціональна росту *).

Къ подобнымъ же выводамъ о роли бедренной кости въ вопросѣ о скеліи пришелъ и L. Manouvrier въ своемъ изслѣдованіи о пропорціяхъ человѣческаго тѣла **), гдѣ онъ отмѣчаетъ, что у брахискеловъ tibia относительно длиннѣ femur'a, чѣмъ это мы наблюдаемъ у макроскеловъ; длина нижнихъ конечностей, а главнымъ образомъ femurъ измѣняется въ своей длинѣ въ направленіи, обратномъ измѣненію длины бюста—чѣмъ и объясняется длинноногость или коротконогость высокорослыхъ или низкорослыхъ (стр. 105).

Къ сожалѣнію, при своихъ измѣреніяхъ у народностей, населяющихъ сѣв.-зап. Сибирь, я не бралъ высоты отъ пола большого вертела, и относительная длина femur'a мною опредѣлялась вычитаніемъ высоты колѣннаго сочлененія изъ длины ногъ до сѣдалищной плоскости (plan ischiatique), ростъ стоя—бюстъ. Такъ же поступалъ и Manouvrier, такъ какъ онъ пользовался матеріаломъ антропометрическаго бюро Бертильона въ Парижѣ, гдѣ высота большого вертела не измѣняется.

Для того, чтобы провѣрить, насколько существенную, въ самомъ дѣлѣ, роль играетъ femurъ въ вопросѣ объ относительныхъ пропорціяхъ тѣла, позапрошлымъ лѣтомъ, заканчивая свои антропометрическія изслѣдованія башкиръ, я на 540 субъектахъ бралъ, помимо всѣхъ прочихъ измѣреній, также разстояніе отъ пола верхняго края большого вертела, высоту грудной выемки и нѣкоторыя другія измѣренія.

Всѣхъ измѣренныхъ я расположилъ по указателямъ скеліи и старался прослѣдить, какъ, въ зависимости отъ отношенія между бюстомъ и нижней половиной роста, измѣняются отдѣльныя, составляющія роста, полагая тѣмъ самымъ получить нѣкоторыя данныя къ уясненію происхожденія и самой скеліи. Такъ какъ въ вопросѣ о пропорціяхъ тѣла болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ соматическомъ признакѣ, играетъ роль возрастъ и полъ, то я оперирую здѣсь исключительно съ мужчинами въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ.

*) Данныя о пропорціяхъ тѣла этихъ народностей опубликованы въ моей работѣ. См. «Записки Импер. Академіи Наукъ» по физ.-мат. отд. т. XXXIII, в. № 3.

**) L. Manouvrier, Étude sur les rapports anthropométriques... Bul. et Mém. de la Soc. d'Anth. de Paris. Memoirs, t. II, 3-e serie, 3 fasc.

Прежде всего мы видимъ (табл. I), что съ повышеніемъ указателя скеліи, повышается и высота роста. Иначе говоря, болѣе длинноногіе башкиры имѣютъ болѣе высокій ростъ, коротконогіе, напротивъ, — малый. Съ другой стороны, съ повышеніемъ указателя скеліи и роста абсолютная и относительная длина бюста понижается, то есть коротконогіе имѣютъ длинный бюстъ, длинноногіе — короткий. Что касается абсолютныхъ величинъ длины бюста, то онѣ понижаются съ увеличеніемъ указателя скеліи не вполне равномерно: у второй группы длина бюста (896) немного меньше, чѣмъ у третьей (901). Последнее обстоятельство объясняется исключительно рѣзкимъ скачкомъ въ повышеніи роста, съ 1601 до 1622 мм. Если мы исключимъ влияніе роста на абсолютную длину бюста и будемъ разсматривать послѣдній въ зависимости только отъ измѣненія указателя скеліи, при ростѣ = 100, то мы увидимъ, что его величина вполне равномерно измѣняется въ направленіи, обратномъ измѣненію указателя скеліи.

ТАБЛИЦА I.

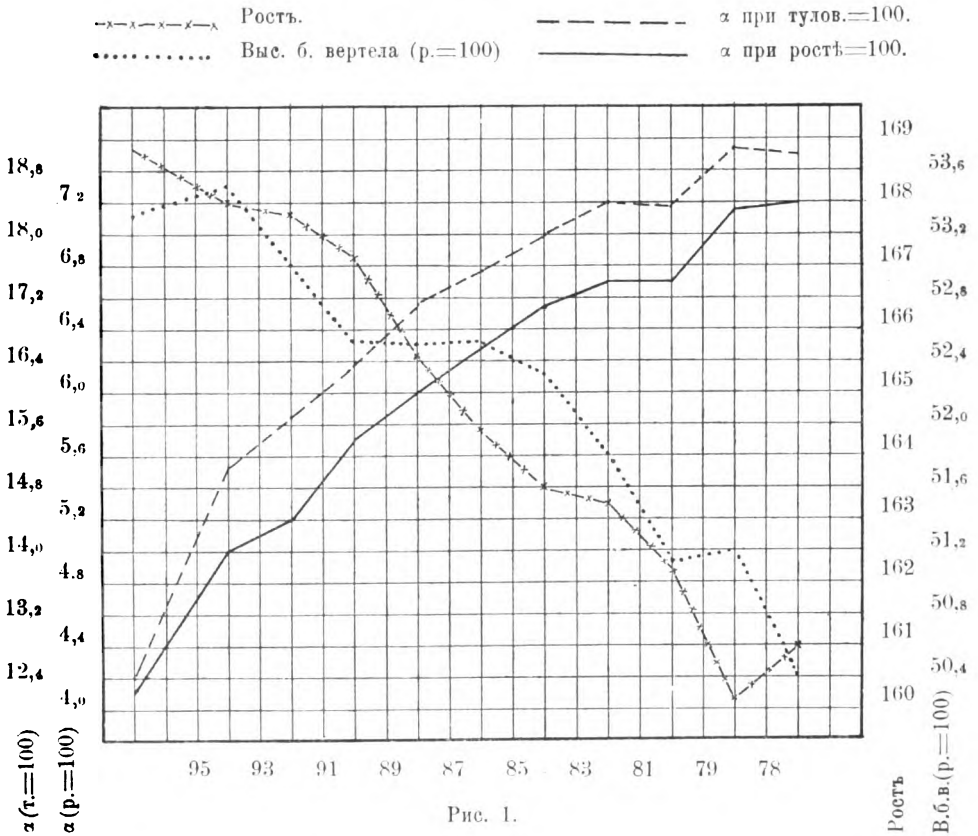
Число взмѣр.	Указатель скеліи.	Ростъ.	Длина бюста.	Бюстъ при ростѣ—100.
12	до 78	1610	915	56,8
16	78,0—78,9	1601	896	55,9
34	79,0—80,9	1622	901	55,5
77	81,0—82,9	1633	898	54,9
92	83,0—84,9	1635	888	54,3
85	85,0—86,9	1644	885	53,8
84	87,0—88,9	1656	882	53,3
65	89,0—90,9	1671	880	52,7
34	91,0—92,9	1678	875	52,1
21	93,0—94,9	1680	866	51,5
13	95 и выше.	1688	858	50,8
333		1647	888	53,9

ТАБЛИЦА II.

Число измѣр.	Указатель скеліи.	Выс. бол. верт. при ростѣ=100.	Выс. колѣна. при ростѣ=100.	Бедро при ростѣ=100.	Бедро при выс. бол. верт. =100.
12	до 78	50,4	25,2	25,2	50
16	78,0—78,9	51,2	25,8	25,4	49,6
34	79,0—80,9	51,1	26,1	25,0	49,0
77	71,0—82,9	51,8	26,2	25,6	49,4
92	83,0—84,9	52,3	26,4	25,9	49,4
85	85,0—86,9	52,5	26,5	26,0	49,5
84	87,9—88,9	52,7	26,8	25,9	49,2
65	89,0—90,9	53,0	26,9	26,1	49,3
34	91,0—92,9	53,0	26,9	26,1	49,3
21	93,0—94,9	53,5	27,0	26,5	49,5
13	95 и выше.	53,3	26,9	26,4	49,5
533		52,4	26,5	25,9	49,4

Само собою разумѣется, разъ съ увеличеніемъ указателя скеліи ростъ повышается, а длина бюста, напротивъ, понижается, то тѣмъ значительнѣе должна увеличиваться вторая половина роста — длина ногъ, считая таковую отъ сѣдалищной плоскости (*plan ischiatique*). Эта величина, при ростѣ=100, очевидно, у первой брахискельной группы будетъ всего — 43,2, а у послѣдней макроскельной — 49,2. Однако, эта длина ногъ, являясь чрезвычайно важной въ вопросѣ о пропорціяхъ тѣла, не даетъ намъ понятія о полной длинѣ ногъ и, чтобы судить объ измѣненіи таковой въ зависимости отъ измѣненія указателя скеліи, мы рассмотримъ высоту верхняго края большого вертела (табл. II). Здѣсь мы убѣждаемся, прежде всего, въ томъ, что хотя высота большого вертела и повышается съ увеличеніемъ указателя скеліи, но вовсе не такъ значительно и не такъ равномерно, какъ этого слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе повышеніе относительной длины ногъ, считая ее отъ сѣдалищной плоскости. Высота большого вертела повышается всего на 3,1 единицы (при ростѣ=100), тогда

какъ длина ногъ, считая ее отъ сѣдалищной плоскости повышается въ той же серіи на 6,0. Кромѣ того, мы не видимъ и той равномерности, какъ въ повышеіи послѣдней величины: между второй и третьей группами незначительное пониженіе, отъ третьей до десятой группъ эта величина постепенно повышается и отъ 10-й къ 11-й группѣ опять слабое пониженіе. Измѣненіе высоты вертела въ зависимости отъ измѣненія скеліа яснѣе видно на прилагаемой діаграммѣ.

Какъ мы видѣли выше, L. Manouvrier склонялся къ объясненію этого удлиненія ногъ, главнымъ образомъ, измѣненіемъ длины бедренной кости и отчасти большой берцовой, къ подобному же выводу пришли и мы на основаніи нашего сибирскаго матеріала въ упомянутой выше работѣ. Изъ таблицы же II-й ясно, что въ этомъ удлиненіи нижнихъ конеч-

ностей участвуют одинаково и бедро и голень; говорю — голень, а не высота колѣннаго сочлененія, хотя я и оперирую съ послѣдней, потому, что высота щиколотки въ данномъ случаѣ не играетъ существенной роли, какъ величина малая абсолютно и постепенно повышающаяся отъ первой группы до послѣдней въ отношеніи, почти пропорціональномъ измѣненію высоты колѣна. Разсматривая длину бедра въ отношеніи съ длиною большой берцовой кости (при длинѣ нижн. конечностей = 100), мы убѣждаемся, что она почти одинакова у всѣхъ разсматриваемыхъ нами группъ. Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью сказать, что отношеніе (пропорціи) между двумя главными сегментами ноги (бедромъ и большой берцовой костью) почти, или совсѣмъ не мѣняется въ зависимости отъ измѣненія указателя скеліи.

ТАБЛИЦА III.

Число измѣр.	Указатель скеліи.	α абсол. вел. въ мм.	α при ростѣ = 100.	α при бюстѣ = 100.	α при тулов. = 100.
12	до 78	116	7,20	12,68	18,77
16	78,0—78,9	115	7,18	12,83	19,07
34	79,0—80,9	108	6,66	12,00	17,93
77	81,0—82,9	109	6,70	12,19	18,35
92	83,0—84,9	107	6,53	12,03	18,08
85	85,0—86,9	103	6,26	11,64	17,54
84	87,0—88,9	100	6,02	11,31	17,10
65	89,0—90,9	95	5,69	10,80	16,41
34	91,0—92,9	87	5,12	9,49	15,30
21	93,0—94,9	85	5,06	9,81	14,93
13	95,0 и выше.	69	4,09	8,03	12,89
533		102	6,17	11,41	17,24

Такимъ образомъ, высказанное предположеніе объ измѣненіи длины бедра въ зависимости отъ скеліи какъ будто не оправдывается. Между тѣмъ, несомнѣнно, что при почти одинаковой относительной длинѣ бедра у брахискеловъ и макро-

скеловъ его длина отъ сѣдалищной плоскости до колѣннаго сочлененія у брахискеловъ несравненно короче, чѣмъ у макроскеловъ. Вычисливъ величину разстоянія отъ верхняго края большого вертела до сѣдалищной плоскости у всѣхъ одиннадцати изъ разсматриваемыхъ нами группъ, я убѣдился, что она чрезвычайно равномѣрно, отъ 116 мм. до 69 мм. уменьшается отъ брахискеловъ къ макроскеламъ. Слѣдовательно, совершенно такъ же, какъ длина бюста, несмотря на повышение роста. Устранивъ вліяніе роста и вычисливъ это разстояніе, которое я для краткости буду называть разстояніемъ α , при одинаковомъ ростѣ, принятомъ за 100, мы видимъ, что оно правильно понижается съ повышеніемъ указателя скеліи, какъ и его абсолютная величина—отъ 7,20 до 4,09. Но вѣдь это разстояніе α представляетъ собой часть бюста, который, какъ мы знаемъ, съ увеличеніемъ указателя скеліи укорачивается. Поэтому можетъ явиться вопросъ, не зависитъ ли уменьшеніе величины α просто отъ укороченія бюста. Вычисливъ α при бюстѣ=100, т. е. устранивъ, по возможности, вліяніе на измѣненіе ея величины укороченія бюста, мы видимъ (табл. III), что она, независимо отъ бюста, уменьшается съ увеличеніемъ указателя скеліи. Только что сказанное относится, равнымъ образомъ, и къ туловищу, такъ какъ измѣненіе и его величина съ измѣненіемъ указателя скеліи существенно не вліяетъ на α .

Теперь намъ представляется интереснымъ разсмотрѣть, какъ измѣняются отдѣльныя части бюста въ зависимости отъ измѣненія указателя скеліи сравнительно съ величиной α . На таблицѣ IV-й въ третьемъ столбцѣ мы имѣемъ разстояніе между макушкой и грудной выемкой, вычисленное при ростѣ, принятомъ за 100, т. е. длину верхней части бюста—головы плюсъ шеи. Оказывается, что эта величина въ высшей степени мало колеблется въ зависимости отъ варіаціи указателя скеліи и, притомъ, довольно неправильно. У крайнихъ брахискеловъ голова + шея все-таки относительно длиннѣе, чѣмъ таковыя у макроскеловъ, но при этомъ въ группѣ съ указателемъ 91—92,9 онѣ такія же какъ въ группѣ съ указателемъ 78—78,9. Вторая часть бюста, собственно туловище, до плоскости верхняго края большого вертела, безъ нижней его части α , хотя тоже не очень правильно, но вполне ясно укорачивается съ повышеніемъ указателя скеліи. Наконецъ,

измѣненіе величины α мы знаемъ изъ табл. III. Для того, чтобы нагляднѣе представить себѣ, насколько рѣзко измѣняются, въ зависимости отъ различной величины указателя скеліи, отдѣльныя, составляющія роста, я вычисляю отношеніе между средней величиной даннаго признака и разницею между крайними группами того же признака въ нашей серіи по формулѣ $x = \frac{\text{max.} - \text{min.}}{\text{среднее.}}$.

ТАБЛИЦА IV.

Число измѣр.	Указатель скеліи.	Разст. между макушкой и груд. выем. ростъ=100.	Тул.— α при ростъ=100.	α при тул.— α =100.
12	до 78	18,4	31,2	19,4
16	78,0—78,9	18,0	30,4	19,6
34	79,0—80,9	18,4	30,4	18,4
77	81,0—82,9	18,4	29,8	18,8
92	83,0—84,9	18,2	29,8	18,4
85	85,0—86,9	18,1	28,6	17,9
84	87,0—88,9	17,9	29,2	17,4
65	89,0—90,9	17,9	28,9	16,6
34	91,0—92,9	18,0	28,4	15,4
21	93,0—94,9	17,9	28,6	15,2
13	95,0 и выше.	17,9	28,9	12,5
533		18,1	29,3	17,6

Такимъ образомъ, для роста x получается равнымъ 5,3, т. е. въ зависимости отъ измѣненія указателей скеліи въ данной серіи группъ ростъ измѣняется на 0,053 своей абсолютной величины. Для отдѣльныхъ составляющихъ ростъ x выражается въ такихъ величинахъ:

длина ноги 5,9	} укороченіе, независимо отъ разницы въ ростѣ, при ростъ=100.
высота колѣна 6,8	
бедро 5,7	
бюстъ 10,2	} удлиненіе при ростъ=100.
голова+шея 2,7	
туловище безъ α 8,8	
α 50,4	

Очевидно, что разстояніе α несравненно сильнѣе, чѣмъ какая бы то ни было изъ другихъ составляющихъ роста варьируетъ въ зависимости отъ измѣненія указателя скеліи.

Такое сильное колебаніе этой величины можетъ зависѣть отъ разныхъ причинъ. Прежде всего, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что абсолютно α очень невелика и разница между крайними средними ея всего около 5 сантиметровъ. Затѣмъ, такъ какъ это разстояніе заключается между верхнимъ краемъ большого вертела бедренной кости и нижнею плоскостью таза, то, разумѣется, на ея измѣненіе вліяютъ или варіаціи длины бедра въ верхней его части, или измѣненіе высоты нижней части таза, или, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ.

Разсматривая и объясняя явленія брахискеліи и макроскеліи, L. Maoungier сопоставилъ ихъ съ ранѣе установленными понятіями макросоміи и микросоміи съ одной и эвриплектіи съ макроплектіей съ другой стороны. L. Maoungier показалъ, что брахискелы являются макросомами и эвриплектами, тогда какъ макроскелы — микросомы и макроплекты. Слѣдовательно, брахискелы сравнительно съ макроскелами должны обладать большей величиной и развитіемъ своего тѣла въ его цѣломъ, гораздо болѣе мощной мускуло-костной массой, а ихъ бюстъ, болѣе массивный и тяжелый, долженъ давить на нижнія конечности значительно сильнѣе, чѣмъ бюстъ макроскеловъ. Отсюда теоретически весьма вѣроятенъ меньшій уголъ наклона оси шейки бедренной кости у брахискеловъ и опусканіе относительно высоты верхняго края большого вертела тазовой части бюста, а слѣдовательно и увеличеніе разстоянія α . Тѣмъ не менѣе, исключительное опусканіемъ относительно большого вертела головки бедренной кости нельзя объяснить увеличеніе разстоянія α у брахискеловъ сравнительно съ макроскелами. Мною была измѣрена довольно значительная серія (на 150 скелетахъ въ Museum Hist. Nat. и въ Laboratoire Broca въ Парижѣ) бедренныхъ костей, принадлежащихъ различнымъ расамъ. Измѣряя полную длину бедренныхъ костей «en position» и длину ихъ въ томъ же положеніи до верхняго края большого вертела, я нашелъ, что среднее разстояніе между верхнимъ краемъ б. вертела и вершиной головки бедренной кости въ проекціи около двухъ сантиметровъ. Въ зависимости отъ роста и другихъ факторовъ (полъ, раса и проч.), среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ должна за-

нимать скелія, разстояніе между этими двумя точками колеблется (индивидуально) до двухъ сантиметровъ, рѣдко болѣе. Очевидно, что измѣненіемъ только угла шейки и, слѣдовательно, опусканіемъ или поднятіемъ головки бедренной кости мы не можемъ объяснить разницы въ 5 см., полученную нами для крайнихъ группъ нашей серіи, расположенной по указателямъ скеліи. Въ данномъ случаѣ извѣстная, а возможно и весьма существенная роль принадлежитъ величинѣ нижней части таза, отъ верхняго края *facies lunata* до сѣдалищнаго плана. Величина эта, какъ я могъ убѣдиться при изученіи вышеупомянутой серіи скелетовъ, въ зависимости отъ различныхъ факторовъ индивидуально колеблется довольно значительно— отъ 2 до 4 и болѣе сантиметровъ.

Заканчивая настоящее сообщеніе вышеприведенными предположеніями, со временемъ, когда я буду располагать болѣе обстоятельными цифровыми данными о размѣрахъ бедра и таза, особенно нижней его части, я надѣюсь подѣлиться съ Обществомъ результатами своихъ дальнѣйшихъ наблюденій въ этомъ направленіи.

С. Руденко.

Антропология и ея университетское преподавание.

L' Anthropologie et son enseignement universitaire.

(Къ пересмотру университетскаго устава).

Въ видѣ отдѣльной науки и предмета преподаванія антропология выдѣлилась изъ прочихъ естественныхъ наукъ только около половины прошлаго столѣтїя. Причиной такого сравнительно поздняго появленія антропологии было, безъ сомнѣнїя, то обстоятельство, что давнїя ей начало зоология и сравнительная анатомія, а также палеонтология достигли своего полнаго развитїя и получили свои вполнѣ научныя основы тоже, приблизительно, около этого-же времени и, слѣдовательно, раньше не могло быть еще тѣхъ элементовъ и тѣхъ методовъ изслѣдованїя, изъ которыхъ сложилась новая наука, и еще самъ творецъ сравнительной анатомїи Кювье совершенно терялъ научную почву, когда дѣло доходило до человѣка, какъ предмета естественно-историческаго изслѣдованїя. Только послѣ работъ цѣлаго ряда ученыхъ начиная Ламаркомъ и Блюменбахомъ и кончая Оуэнномъ, Ретциусомъ и Бэрромъ, могъ появиться Брокъ, только послѣ знаменитыхъ заключенїй Томсена и раскопокъ Турналя, Буше-де-Шерта и Лартэ, могъ построить свою систему Г. де-Мортилье и только послѣ трудовъ Вайца, Клемма и изслѣдованїй Ами, Джилъоли и др. могли сложиться основныя сравнительно-этнографическія положенїя А. де-Мортилье и работы От. Мэзона, Вальтера Гаффа (W. Haugh), Боаса и др.

Особенности структуры тѣла различныхъ человѣческихъ расъ въ связи съ ихъ филогенетическимъ развитїемъ, разумеется, не могли не выйти за предѣлы анатомїи человѣка, точно также, какъ и изъ предѣловъ сравнительной анатомїи и зооло-

расъ и т. п., зачатки которыхъ уже образовались и входятъ пока въ составъ вышеупомянутыхъ дисциплинъ.

Развившись, такимъ образомъ, въ новый комплексъ знаній, антропологическія науки не замедлили войти, какъ въ общіе или менѣе полною своимъ составъ, такъ и въ видѣ своихъ отдѣльныхъ дисциплинъ, въ кругъ университетскаго преподаванія почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы и Америки и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи и Австраліи.

Въ полномъ, по возможности, своемъ объемѣ антропологическія науки преподаются пока только въ *Ecole d'Anthropologie* въ Парижѣ. Въ этомъ специальномъ учрежденіи, основанномъ на частныхъ средствахъ, при помощи Парижскаго муниципалитета, въ 1876 г. и признанномъ *d'utilité publique* въ 1889 г. съ субсидіей отъ государства, въ теченіе всего академическаго года читается по 10 лекцій въ недѣлю, обнимающихъ собою въ общихъ курсахъ болѣе или менѣе всѣ антропологическія знанія, со включеніемъ, сверхъ вышеизложенной схемы антропологическихъ наукъ, еще географической антропологии, демографіи и пр. По примѣру *Collège de France* и *Museum'a*, всѣ эти лекціи вполне публичны и бесплатны. Въ одномъ помѣщеніи съ Антропологической Школой и въ близкой связи съ ней находится также *Laboratoire d'Anthropologie*, основанная въ 1867 г. Брокà, сначала въ своей квартирѣ, а потомъ въ небольшомъ помѣщеніи, отведенномъ ему медицинскимъ факультетомъ въ бывшемъ монастырѣ Кордельеровъ. На слѣдующій же годъ по своему основаніи лабораторія Брокà была причислена къ *Ecole des hautes études* и вошла, такимъ образомъ, въ число государственныхъ учреждений. Она находится въ завѣдываніи директора (въ настоящее время проф. L. Maouvrier), его помощника и одного или двухъ препараторовъ, оплачиваемыхъ изъ бюджета Министерства Народнаго Просвѣщенія и предоставляетъ, разумѣется бесплатно, всѣ свои научныя средства—инструменты, коллекціи и библіотеку въ распоряженіе каждаго, кто сколько-нибудь извѣстенъ или рекомендованъ ей, какъ лицо, работающее въ области антропологии. Кромѣ того, ежегодно весной въ этой лабораторіи устраиваются особые курсы практической антропометріи на живыхъ людяхъ, даются уроки приготовленія гипсовыхъ слѣпковъ и т. п., причемъ работающіе оплачиваютъ только приглашенныхъ для измѣренія натурщицъ, матеріалы для лѣпки

и т. п. Кромѣ этихъ учреждений, въ Парижѣ существуетъ еще кафедра антропологии въ *Museum des sciences naturelles* (*Jardin des Plantes*); которую занималъ Катрфажъ и не такъ давно еще Д-ръ Б. Ами. Въ составъ преподаванія входятъ по очереди доисторическая антропология, анатомическая и этнологія съ этнографіей, причѣмъ профессоръ и его ассистентъ, если онъ читаетъ отдѣльный курсъ, широко пользуются музеями въ *Jardin des Plantes* и въ *Trocadéro* и превосходной лабораторіей на *rue Buffon*, которая тоже открыта для научныхъ изслѣдованій вполне бесплатно и по всей справедливости считается самой богатой въ мірѣ. Кромѣ обычныхъ курсовъ въ роскошно обставленной аудиторіи въ *Nouvelle Galérie*, въ лабораторіи каждый годъ читаются отдѣльныя конференціи для путешественниковъ, сопровождаемыя практическими уроками и указаніями всѣхъ необходимыхъ въ экспедиціяхъ и экскурсіяхъ приемовъ и работъ, начиная съ измѣреній и кончая фотографіей, эстампажемъ, гипсовыми слѣпками и т. п. Наконецъ, въ самое послѣднее время открылся еще *Institut de Paleonthologie humaine*, съ лабораторіями и лекціями по доисторической антропологии (директоръ проф. М. Boule). Такое обиліе курсовъ антропологии въ Парижѣ и составляетъ вѣроятно главную причину того, что наука эта до сихъ поръ не имѣетъ еще кафедры въ Парижскомъ университетѣ. Въ Англіи въ Кэмбриджскомъ унив. читается анатомическая антропология (*Duckworth*) и доисторическая (*Munro*), въ Оксфордскомъ — анатомическая (*Marett*) и доисторическая (*Evans*), а кромѣ того до послѣдняго времени и этнологія (*Tylor*), въ Эдинбургскомъ — кафедры анатомической и доисторической антропологии соединены вмѣстѣ (*Hogarth*). Въ Италіи, въ Римѣ преподается анатомическая антропология (*Sergi, Vgram и Livi*) и доисторическая (*Capellini*), во Флоренціи — анатомическая антропология (*Mantegazza*) и въ Болоньѣ тоже анатомическая антропология (*Frassetto*). Въ Германіи, въ Берлинскомъ университетѣ читаются анатомическая антропология и этнографія (*F. v. Luschlan*), доисторическая антропология (*Schmidt*) и этнологія съ этнографіей (*Ehrenreich и Vierkandt*). Въ Австріи, въ Вѣнѣ — доисторическая антропология (*M. Hoernes*), анатомическая антропология и этнографія (*Röck*) и этнографія (*Haberland*); въ Прагѣ анатомическая антропология (*Matiegka*) и доисторическая археология (*Niederle*). Оставляя въ сторонѣ преподаваніе антропологическихъ наукъ

въ прочихъ славянскихъ университетахъ, въ Скандинавскихъ государствахъ и т. д., упомянемъ только о широкомъ развитіи его въ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Columbia University въ Нью-Йоркѣ читается анатомическая антропология (F. Boas) и этнологія (Kirby), въ Калифорнійскомъ университетѣ—анатомическая антропология (Putnam), въ Harvard-University—анатомическая антропология (K. Dixon), въ Yale-University въ Ньюгавенѣ—тоже курсъ анатомической антропологии (Mac Curdy). Въ Японіи въ университетѣ въ Токио до недавняго времени преподавалъ общую антропологию внезапно умершій въ прошломъ году въ Петроградѣ проф. Tsuboi, а въ Киото проф. В. Adachi и т. д.

Въ Россіи антропология, какъ предметъ университетскаго преподаванія, появляется въ первый разъ въ 1876 г. въ Московскомъ университетѣ, гдѣ каедрa ея была основана, по ходатайству Совѣта, на капиталъ, пожертвованный К. Θ. фонъ-Меккомъ. Новый университетскій уставъ 1884 г. не призналъ этой, учрежденной ранѣе, каедры *антропологии* и замѣнилъ ее каедрой *географіи и этнографіи* при историко-филологическомъ факультетѣ. Но уже черезъ годъ по учрежденіи этой каедры, Казанскій университетъ ходатайствовалъ о перенесеніи ея на физико-математическій факультетъ, вслѣдствіе чего, по распоряженію Министерства отъ 13 марта 1886 г., Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа предложилъ физико-математическому факультету «вѣреннаго ему университета» обсудить рядъ практическихъ вопросовъ, возникшихъ по поводу этого перенесенія, причемъ ни объ этнографіи, ни объ антропологии въ предложеніи Попечителя не упоминалось вовсе, но рекомендовалось факультету при обсужденіи этихъ вопросовъ обратить вниманіе на то, «что посредствомъ введенія географіи въ число каедръ университетскаго преподаванія имѣлось, между прочимъ, въ виду по возможности улучшить преподаваніе географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Избранная по этому поводу специальная комиссія профессоровъ физико-математическаго факультета въ своемъ мнѣніи признала необходимымъ учрежденіе, кромѣ географіи еще двухъ курсовъ: *антропологии* и *этнографіи*, по 2 ч. въ недѣлю каждый, въ теченіе 2-хъ семестровъ, съ обязательными при нихъ практическими занятіями, причемъ преподаваніе этихъ наукъ должно быть поручено *особому профессору*. «Комитетъ», го-

ворится въ докладѣ факультетской комиссіи: «считаетъ невозможнымъ, чтобы одно лицо было въ состояніи взять на себя чтеніе какъ географіи, такъ равно и этнографіи съ антропологіей. Эти предметы по своему содержанію такъ обширны, что едва-ли одно лицо, взявшись за ихъ чтеніе, могло-бы держать каѳедру на высотѣ, подобающей университетскому преподаванію. Каѳедра географіи должна быть поручена одному профессору, а каѳедра этнографіи и антропологіи — другому». Въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія проф. Воейковъ предложилъ: каѳедру оставить одну, при ординарномъ профессорѣ географіи и экстраординарномъ антропологіи и этнографіи». Совѣтъ университета въ засѣданіи 19 января 1887 г. одобрилъ заключеніе комиссіи, но предложеніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 26 ноября 1888 г. Ректору С.-Петербургскаго университета каѳедра географіи была перенесена съ историко-филологическаго факультета на физико-математическій съ окладомъ ординарнаго профессора, объ антропологіи же въ предложеніи Министерства упомянуто было только въ спискѣ дополнительныхъ предметовъ для экзамена на степень магистра географіи, рядомъ со статистикой, исторіей землѣвѣдѣнія и пр.

Такимъ образомъ, антропологія, допущенная было въ Московскомъ университетѣ, какъ отдѣльный предметъ университетскаго преподаванія, по уставу 1884 г. совершенно исчезла, положеніе же ея при каѳедрѣ географіи, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ заграничныхъ университетовъ, осталось чрезвычайно неопредѣленнымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ университетовъ, напр., анатомическая антропологія читается и состоитъ въ числѣ обязательныхъ предметовъ, въ другихъ она читается, какъ предметъ необязательный, но чаще всего вовсе не читается. Этнографія, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не считается обязательной, даже для студентовъ географической группы, а по большей части тоже почти не преподается; въ правилахъ для магистерскаго экзамена этнографія совершенно не упоминается даже въ качествѣ дополнительнаго предмета, несмотря на то, что по уставу каѳедра носить названіе *географіи и этнографіи*.

Послѣдствія такого положенія дѣль врядъ-ли можно считать особенно удачными. Несмотря на болѣе чѣмъ тридцати-

лѣтнее уже существованіе (по уставу) въ Россіи каѳедры географіи и этнографіи, каѳедры эти въ нашихъ университетахъ до самаго послѣдняго времени были замѣщены далеко не вездѣ, а если и замѣщались, то довольно часто метеорологами, ботаниками, геологами и пр. Въ учителяхъ географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ повидимому чувствуется очень большой недостатокъ и до сихъ поръ... Мы уже не говоримъ о томъ, что такая важная отрасль знаній, какъ антропология, если и представлена въ нашихъ университетахъ, то въ видѣ какого-то, по большей части даже необязательнаго ни для кого придатка къ другой наукѣ, имѣющей съ ней очень мало общаго.

Причину такого положенія преподаванія географіи и антропологии въ нашихъ университетахъ, которое при самой невыскаательной оцѣнкѣ трудно признать вполне удовлетворительнымъ, слѣдуетъ искать прежде всего, разумѣется, въ искусственности совмѣщенія въ одной каѳедрѣ двухъ совершенно различныхъ предметовъ и притомъ предметовъ, какъ было сказано уже около 30-ти лѣтъ тому назадъ физико-математическимъ факультетомъ Петроградскаго университета, требующихъ каждый уже болѣе чѣмъ цѣлой человѣческой жизни для своего изученія. При очень большой обширности области географіи, обнимающей собою цѣлый рядъ учебныхъ предметовъ и при быстромъ развитіи антропологии, въ свою очередь распадающейся на довольно большое уже количество дисциплинъ—скольконибудь успѣшное соединеніе въ одномъ лицѣ знаній по географіи и этнографіи (антропологии) въ полномъ ихъ объемѣ сдѣлалось въ настоящее время совершенно невысказаннымъ и единственнымъ выходомъ изъ нынѣшняго совершенно ненормальнаго положенія можетъ быть только раздѣленіе существующей каѳедры географіи и этнографіи на *два* совершенно отдѣльныя каѳедры, а при существованіи предметной системы образованіе двухъ отдѣльныхъ группъ: *географической* и *антропологической*, соотвѣтственно двумъ цикламъ обнимаемыхъ ими наукъ.

Группа антропологическая, примѣнительно къ изложенному нами выше раздѣленію антропологическихъ наукъ, должна, кромѣ общихъ курсовъ Отдѣленія естественныхъ наукъ, заключать въ себѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ:

- 1) *антропологию анатомическую*;

2) антропологию доисторическую;

3) этнографию,

въ которыя по принадлежности должны входить менѣе расширившіяся антропологическія дисциплины какъ, напр., эмбриологическая антропология, физиологическая, географическая и т. д. Каждая изъ этихъ трехъ основныхъ наукъ должна быть предметомъ особой кафедры, причемъ одна изъ этихъ кафедръ (тоже по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) могла бы замѣщаться профессоромъ, а двѣ остальные — доцентами съ надлежащимъ количествомъ ассистентовъ и съ двухлѣтнимъ курсомъ при 4-хъ лекціяхъ и 2-хъ часахъ практическихъ занятій въ недѣлю. Всѣ эти кафедры должны быть снабжены соответственными кабинетами и лабораторіями, которые всѣ вмѣстѣ составляли бы отдѣльный *антропологическій институтъ*, по образцу существующихъ уже, напр., въ Петроградскомъ университетѣ, физическаго и химическаго институтовъ.

Само собой разумѣется, что всѣ три основныхъ предмета антропологической группы, т. е. анатомическая антропология, доисторическая антропология и этнографія должны быть обязательными для всѣхъ студентовъ этой группы. Кромѣ того, анатомическая антропология должна быть обязательна и для слушателей біологической группы, доисторическая антропология — для геологической и этнографія — для географической и агрономической, такъ какъ знаніе народнаго быта необходимо для будущихъ агрономовъ. Лекціи по доисторической антропологии и по сравнительной этнографіи могли-бы быть если не обязательными, то по крайней мѣрѣ рекомендованными для студентовъ исторической группы историко-филологическаго факультета ¹⁾. Съ другой стороны, лекціи по сравнительной лингвистикѣ съ успѣхомъ могли-бы быть рекомендованы антропологической группѣ физико-математическаго факультета, въ виду важной роли языка въ этнологической классификаціи.

¹⁾ Доисторическая антропология подъ названіемъ «доисторической археологіи» или «древностей» входитъ очень часто въ составъ исторической группы историко-филологическаго факультета. Того, что для историковъ безусловно необходимо знакомство съ доисторической антропологіей, отрицать, разумѣется, невозможно, но преподавать, а тѣмъ болѣе разрабатывать эту науку съ успѣхомъ возможно только на физико-математическомъ факультетѣ, такъ какъ въ основаніи ея должны лежать такія двѣ науки, какъ геологія и палеонтологія, безъ которыхъ доисторическая антропология превращается въ археологію, т. е. совершенно теряетъ всякій научный характеръ, выражаемый предложеннымъ Г. де-Мортилье терминомъ *палеоэтнологія*.

Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій университетское преподаваніе антропологическихъ наукъ могло бы быть поставлено у насъ правильно и достаточно широко и давать тѣ результаты, какіе оно даетъ въ западной Европѣ и Америкѣ. Часто высказываемое возраженіе о недостаткѣ у насъ подготовленныхъ для занятія кафедръ антропологии лицъ, разумѣется, вполне основательно, но пока не будетъ у насъ соотвѣтственныхъ кафедръ, до тѣхъ поръ, конечно, не будетъ и лицъ для ихъ замѣщенія. Если-бы проектируемые въ настоящей статьѣ антропологическіе институты и кафедры были учреждены на первый разъ даже въ двухъ только университетахъ—Петроградскомъ и Московскомъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ въ нихъ успѣли-бы образоваться кадры молодыхъ ученыхъ, уже достаточные для подобныхъ-же институтовъ и въ прочихъ университетахъ. Но прежде всего, разумѣется, необходимо, чтобы учрежденіе самостоятельныхъ антропологическихъ кафедръ и институтовъ было предусмотрено въ разсматриваемомъ теперь проектѣ новаго университетскаго устава.

Θ. Волковъ.

Къ антропологіи монголовъ-халхасцевъ.

Contribution à l'anthropologie des Mongols-khalkhas.

(Предварительное сообщеніе).

Лѣтомъ 1913 г., принимая участіе въ экспедиціи кн. Д. Э. Ухтомскаго въ Монголію, я имѣлъ возможность произвести антропологическія изслѣдованія группы монголовъ халхасцевъ и нѣсколькихъ харциновъ¹⁾. Большинство измѣренныхъ халхасцевъ взрослые субъекты, физически вполне развитые; престарѣлыхъ, старше 50 лѣтъ, было измѣрено всего четыре человека, максимальный возрастъ которыхъ 55 лѣтъ, а изъ наиболѣе молодыхъ только трое двадцатилѣтнихъ. Измѣренные харцины также взрослая (21—50 л.). Монголки халхаски измѣрялись въ возрастѣ отъ 19—46 лѣтъ.

Тѣлосложеніе халхасцевъ, имѣя въ виду общее развитіе скелета и мускулатуры, среднее съ болѣею примѣсю крѣпкаго, чѣмъ слабого. Среди измѣренныхъ харциновъ, при большинствѣ съ среднимъ тѣлосложеніемъ, количество слабо и сильносложенныхъ одинаково. Халхаски въ значительномъ большинствѣ тоже средняго тѣлосложенія, при болѣею наклонности, въ противоположность мужчинамъ, къ слабому, чѣмъ къ сильному.

¹⁾ Наблюденія и измѣренія производились при этомъ согласно Международному Соглашенію, принятому XIII Международнымъ Конгрессомъ Доисторической Археологіи и Антропологіи въ Монако 21 апрѣля 1906 г. и дополненному XIV конгрессомъ въ Женевѣ 14 сентября 1912 г. Измѣрено было всего 150 монголовъ-халхасцевъ мужчинъ, 7 монголовъ-харциновъ и 22 халхаски.

Результаты измѣреній, касающіеся нѣкоторыхъ антропологическихъ признаковъ, приводятся въ прилагаемой здѣсь таблицѣ въ сравненіи съ таковыми же калмыковъ, западной вѣтви монгольскаго племени (по трудамъ Ивановскаго, Мацѣвича и Пояркова) и буряты, сѣверной вѣтви монгольскаго племени (по трудамъ Талько-Грынцевича, Шендриковскаго и Порогова).

Пигментация волосъ и глазъ. У всѣхъ измѣренныхъ халхасцевъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ съ харцинами, окраска волосъ вполне опредѣленная: всѣ они безъ исключенія темноволосы. То же самое наблюдается и относительно цвѣта глазъ у харциновъ и халхасокъ, глаза которыхъ темные. Только мужчины халхасцы отличаются нѣкоторой примѣсью субъектовъ съ глазами болѣе свѣтло пигментированными: у нихъ, при огромномъ большинствѣ (86,7⁰/о) темноглазыхъ, встрѣчены субъекты съ свѣтлыми (2,6⁰/о) и съ «смѣшанными» (10,7⁰/о) глазами. Относительно пигментации волосъ и глазъ калмыковъ и буряты слѣдуетъ отмѣтить, что вышеназванными авторами она опредѣлялась различнымъ образомъ, хотя общій ихъ выводъ тотъ, что у калмыковъ и буряты преобладаетъ темный цвѣтъ волосъ и глазъ различныхъ оттѣнковъ. Такимъ образомъ, всѣ группы монгольскаго племени въ огромномъ своемъ большинствѣ темноволосы и темноглазы.

Ростъ. Измѣренные халхасцы въ среднемъ роста ниже средняго (1646 мм.) и представляютъ въ этомъ отношеніи народность, въ достаточной степени смѣшанную, какъ видно изъ таблицы. Большинство измѣренныхъ, правда незначительное (51,7⁰/о), имѣло ростъ ниже средняго и почти столько же ростъ выше средняго (48,3⁰/о), причемъ низкорослыхъ среди измѣренныхъ было 20,8⁰/о, а высокорослыхъ 19,4⁰/о. Замѣтнаго преобладанія одной какой либо категоріи роста не замѣчается, наличность же большинства съ ростомъ ниже средняго, при общей высотѣ роста равной 1646 мм., позволяетъ отнести измѣренныхъ халхасцевъ къ группѣ народностей съ ростомъ ниже средняго, приближающагося къ среднему.

Въ работахъ Талько-Грынцевича ¹⁾ находимъ данныя измѣренныхъ имъ 36 халхасцевъ, средній ростъ которыхъ 1611 мм., т. е. довольно значительно ниже полученнаго нами. Вообще.

¹⁾ См. далѣе подстрочную выноску ¹⁾.

	Халхасцы.	Харцины.	Халхаски.	Калмыки.	Буряты.
Число измѣренныхъ	150	7	22		
Цвѣтъ волосъ.					
Свѣтлый }	—	—	—	Преобладаетъ темный.	Преобладаетъ темный.
Русый } ^{0/0/0}	—	—	—		
Темный }	100,0	100,0	100,0		
Цвѣтъ глазъ.					
Свѣтлый }	2,6	—	—	Преобладаетъ темный.	Преобладаетъ темный.
Смѣшанный } ^{0/0/0}	10,7	—	—		
Темный }	86,7	100,0	100,0		
Ростъ.	1646 мм. ¹⁾	1672 мм.	1528 мм.	1628 мм. ²⁾	1631 мм. ³⁾
Малый }	20,8	—	18,2	31,9	26,7
Нижесредній } ^{0/0/0}	30,9	42,8	31,8	} 57,3	} 60,2
Вышесредній }	28,9	28,6	27,3		
Высокій }	19,4	28,6	22,7	10,8	13,1
Скелія.					
Длина нижн. конечн.	782 мм. ⁴⁾	781 мм.	719 мм.	—	773 мм. ⁵⁾
Высота бюста	864 мм.	891 мм.	809 мм.	—	859 мм.
Указатель скелія	90,6	84,4	88,9	—	89,9
Брахискелы }	2,7	—	4,5	—	—
Субрахискелы }	13,4	14,3	13,6	—	—
Мезотискелы }	32,9	71,4	31,8	—	—
Сумакроскелы } ^{0/0/0}	26,2	—	45,5	—	—
Макроскелы }	18,1	14,3	4,5	—	—
Гипермакроскелы }	6,7	—	—	—	—

1) 149 чел.
2) 258 чел.

3) 825 чел.
4) 149 чел.

5) 587 чел.

	Халхасцы.	Харцины.	Халхаски.	Балмыки.	Буряты.
Число измеренных	150	7	22		
Головной указатель	83,23	81,22	84,58	84,45 ⁶⁾	85,87 ⁷⁾
Долихоцефалы }	1,3	—	—	—	0,7
Судолихоцефалы }	5,3	—	4,5	2,6	2,3
Мезоцефалы } %/о	16,7	42,9	—	6,2	6,3
Суббрахицефалы }	27,3	42,9	27,3	26,9	19,7
Брахицефалы }	49,3	14,2	68,2	64,3	71,0
Высота черепа	126 мм. ⁸⁾	122 мм.	120 мм.	129 мм. ⁹⁾	127 мм. ¹⁰⁾
Высотноподольн. указ.	65,31	62,40	65,63	—	—
Высотнопоперечн. указ.	78,34	76,83	77,73	—	—
Указатель высоты черепа.	71,82	70,11	71,68	—	—
Общая высота лица	188 мм. ¹¹⁾	195 мм.	1 0 мм.	186 мм. ¹²⁾	189 мм. ¹³⁾
Indice du visage.	80,13	75,09	79,44	85,20	79,59
Лептопрозопы }	—	—	—	—	—
Мезопрозопы } %/о	50,3	85,7	59,1	—	—
Хамэпрозопы }	49,7	14,3	40,9	—	—
Indice facial	100,21	96,79	100,52	—	—
Длина носа	52 мм.	51 мм.	46 мм.	68 мм. ¹⁴⁾	60 мм. ¹⁵⁾
Indice nasale	77,16	77,01	79,17	60,46	62,05
Лепторины }	14,0	—	4,5	—	—
Мезорины } %/о	75,3	85,7	72,8	—	—
Платирины }	10,7	14,3	22,7	—	—

6) 193 чел.

8) 149 чел.

10) 273 чел.

12) 73 чел.

14) 73 чел.

7) 816 чел.

9) 73 чел.

11) 147 чел.

13) 484 чел.

15) 556 чел.

въ данныхъ Талько-Грынцевича и нашихъ о халхасахъ обнаружена большая разница, какъ увидимъ это и ниже.

Что касается роста измѣренной группы харциновъ, то они, повидимому, отличаются большей высокорослостью, при средней роста равной 1672 мм. и полномъ отсутствіи субъектовъ малорослыхъ. Ростъ нашихъ монголокъ-халхасокъ въ среднемъ ниже средняго (1528 мм.) съ замѣтной наклонностью къ высокорослости, даже нѣсколько большей, чѣмъ у мужчинъ.

Буряты (825 чел.) ¹⁾, какъ по средней роста (1631), такъ и по количеству субъектовъ различныхъ категорій роста, болѣе низкорослы, чѣмъ халхасцы. Калмыки (258 чел.) ²⁾ еще болѣе низкорослы, при средней роста равной 1628 и наибольшей распространенности (31,8%) среди рассматриваемыхъ группъ субъектовъ съ малымъ ростомъ.

Такимъ образомъ, изъ сравниваемыхъ группъ монгольскаго племени халхасцы отличаются нѣсколько бѣльшимъ ростомъ, ближе къ нимъ стоятъ буряты, калмыки же наиболѣе малорослы.

Скелія. Длина ногъ монголовъ-халхасцевъ, сравнительно съ бюстомъ, довольно большая. По указателю скелія (90,6) ихъ слѣдуетъ причислить къ группѣ умѣренно-длинноногихъ (Sous-macroskélies). Пользуясь номенклатурой скелія Manouvrier и распредѣляя антропометрическій матеріалъ по группамъ, замѣчаемъ, что большинство среди измѣренныхъ халхасцевъ (32,9%) оказывается мезатискелами, затѣмъ идутъ сумакроскелы (26,2%); дальше количество субъектовъ въ сторону большей длинноности уменьшается, но уменьшеніе это менѣе значительно, чѣмъ идущее въ сторону коротконогости, и при этомъ субъектовъ съ крайней коротконогостью, гипербрахискеловъ, совершенно встрѣчено не было, тогда какъ крайне длинноногіе, гипермакроскелы, попадаютъ (6,7%).

¹⁾ Шендриковскій, И. И. Матеріалы къ антропологии буряты. (Диссертация при Имп. Воен.-Медицинск. Академіи 1894—1895 г.).

Поротовъ, М. Т. Къ антропологии буряты. Буряты-аларцы. (Диссертация при Имп. Воен.-Медицинск. Академіи 1895—1896 г.).

Талько-Грынцевичъ, Ю. Д. Народности центральной Азии. Антропологическій очеркъ. («Труды Троицкосавско-Кяхт. Отд. Приам. Отд. И. Р. Г. О., т. V, в. 1, 1902).

²⁾ Ивановскій, А. А. Монголы-торгоуты. («Труды» Антроп. Отд. Имп. Общ. Люб. Ест., Антроп. и Этн. при Имп. Моск. Унив., т. XIII, 1893).
Мацѣвичъ и Пояровъ. Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго Кулдджинскаго района. Омскъ. 1883.

Что касается данныхъ о скеліи у халхасцевъ по Талько-Грынцевичу, то тамъ находимъ только длину бюста = 843 мм. и длину нижней конечности = 767 мм.; указатель же скеліи = 90,9, приведенный въ нашей таблицѣ, вычисленъ мною.

Измѣренныя халхаски по указателю скеліи относятся къ мезатискеламъ, причемъ у нихъ выдѣляется большое количество (45,5%) сумакроскеловъ; случаевъ же съ болѣе длинными ногами среди нихъ встрѣчено было мало. Указатель скеліи харциновъ 84,4.

Относительно сравниваемыхъ народностей можно замѣтить, что по абсолютной и относительной длинѣ нижнихъ конечностей буряты близко стоятъ къ халхасцамъ, у калмыковъ этотъ признакъ опредѣленъ не былъ; указатель скеліи какъ у калмыковъ, такъ и у бурятъ авторами вовсе не рассматривался, а приведенный въ таблицѣ указатель скеліи для бурятъ вычисленъ мною по ихъ даннымъ.

Головной указатель. По среднему головному указателю (83,23) халхасцы суббрахицефалы, граничащіе съ настоящими брахицефалами, которыхъ среди нихъ 49,3%; длинноголовыхъ среди измѣренныхъ оказалось мало, всего 6,6%, т. е. примѣсь длинноголовыхъ элементовъ у халхасцевъ хотя и наблюдается, но она весьма незначительная.

По Талько-Грынцевичу головной указатель 36 халхасцевъ = 81,88, при 8,3% длинноголовыхъ, 22,2% мезатицефаловъ и 69,4% короткоголовыхъ.

Измѣренные харцины имѣютъ меньшій головной указатель (81,22), чѣмъ халхасцы, при полномъ отсутствіи длинноголовыхъ субъектовъ. Монголки по нашимъ измѣреніямъ являются явными брахицефалами съ указателемъ 84,58; среди нихъ встрѣченъ единственный случай судолихоцефалии съ указателемъ 77,37, всѣ же остальные короткоголовы.

Головной указатель калмыковъ (84,45) болѣе, чѣмъ у халхасцевъ, и у нихъ примѣсь длинноголовыхъ элементовъ еще меньшая. Буряты отличаются наибольшей короткоголовостью, съ указателемъ 85,87.

Такимъ образомъ, по головному указателю къ халхасцамъ, повидимому, ближе стоятъ калмыки, чѣмъ буряты.

Высота черепа. Халхасцы имѣютъ высоту черепа (126 мм.) среднюю, по указателю же высоты относятся въ большинствѣ къ низкоголовымъ. По Талько-Грынцевичу высота черепа у

халхасцевъ 122 мм. У измѣренныхъ харциновъ и халхасокъ высота черепа еще болѣе низкая. Высота черепа калмыковъ и бурятъ большая, чѣмъ халхасцевъ, указатель черепной высоты опредѣленъ у нихъ не былъ.

Вообще говоря, халхасцы, являясь наиболѣе низкоголовыми, повидимому, ближе стоятъ въ этомъ отношеніи къ бурятамъ, чѣмъ къ калмыкамъ.

Общая высота лица. Измѣренные халхасцы обладаютъ въ среднемъ значительной общей высотой лица (188 мм.), но, вслѣдствіе большой ширины лица, по лицевому указателю (*indice du visage* = 80,13), должны быть отнесены къ группѣ широколицыхъ (хамэпрозоповъ), хотя половина измѣренныхъ имѣетъ среднюю ширину лица (мезопрозопы). Талько-Грынцевичъ тоже опредѣлялъ общую высоту лица халхасцевъ, она равна 197 мм., при указателѣ 76,56.

У измѣренныхъ харциновъ общая высота лица болѣе большая, чѣмъ у халхасцевъ, и по указателю они мезопрозопы. Халхаски тоже мезопрозопы съ наклономъ къ большой широколицости, хотя эта наклонность у нихъ, повидимому, нѣсколько меньшая, чѣмъ у мужчинъ халхасцевъ.

Изъ сравниваемыхъ народностей буряты отличаются наибольшей общей высотой лица (189 мм.), калмыки же наименьшей (186 мм.); по указателю калмыки наиболѣе широколицы, затѣмъ идутъ халхасцы, а потомъ уже буряты.

Что касается анатомическаго лица (*indice facial*), то халхасцы имѣютъ болѣе круглое лицо (указатель 100,21), харцины менѣе круглое, болѣе продолговатое; у женщинъ же анатомическое лицо нѣсколько шире своей длины, чѣмъ у мужчинъ (указ. 100,52).

У сравниваемыхъ народностей *indice facial* опредѣленъ не былъ.

Длина носа. По длинѣ носа халхасцы мужчины оказались наиболѣе длинноносыми изъ измѣренныхъ мною группъ; по указателю носа халхасцы мужчины, харцины и халхаски среднешироконосы (мезорины), причемъ среди харциновъ узконосыхъ (лепториновъ) встрѣчено не было вовсе, а халхаски, повидимому, отличаются нѣсколько болѣе наклонностью къ широконосости, чѣмъ мужчины.

Длина носа халхасцевъ по Талько-Грынцевичу равна 64,6 мм., при указателѣ 57,08.

Что касается калмыковъ и бурятъ, то, какъ видимъ изъ таблицы, приведенныя данныя рѣзко отличаются отъ полученныхъ нами у халхасцевъ въ сторону большей узконосости и являются весьма сомнительными для монгольскаго племени вообще; тѣмъ не менѣе, и по нимъ бурятъ можно ближе поставить къ халхасцамъ, чѣмъ къ калмыкамъ.

Суммируя все вышесказанное, заключаемъ, что по всѣмъ разсмотрѣннымъ признакамъ, кромѣ головного указателя, монголы-халхасцы ближе стоятъ къ бурятамъ, чѣмъ къ калмыкамъ. Головной указатель, повидимому, наиболѣе подвергся измѣненію подѣ вліяніемъ смѣшенія халхасцевъ съ элементами менѣе короткоголовыми, что и отразилось на уклоненіи ихъ отъ бурятъ въ отношеніи этого признака.

Заканчивая настоящее предварительное сообщеніе, замѣчу, что имѣющіяся теперь антропометрическія данныя о всѣхъ трехъ группахъ монгольскаго племени позволяютъ усмотрѣть общность нѣкоторыхъ антропологическихъ признаковъ, дающихъ возможность объединить эти три группы въ общемонгольскій типъ, черты котораго намѣчаются слѣдующія: темная окраска волосъ и глазъ, ростъ ниже средняго, ясно выраженная брахицефалія, сравнительная низкоголовость, средняя ширина лица, близкая къ широколицности и средняя ширина носа. Къ сожалѣнію, вообще для сравненія антропологическихъ признаковъ халхасцевъ и другихъ близкихъ имъ народностей приходится ограничиться только разсмотрѣнными здѣсь и еще нѣкоторыми признаками ¹⁾, ввиду отсутствія общности пріемовъ измѣренія у различныхъ авторовъ или даже различія самихъ измѣреній и опредѣленій нѣкоторыхъ признаковъ. Поэтому болѣе точную и подробную характеристику антропологическаго типа монгольскаго племени надо ждать отъ послѣдующихъ работъ, которыя пополнили бы обнаруженные пробѣлы въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи антропометрическомъ матеріалѣ.

А. Носовъ.

¹⁾ На болѣе подробномъ разсмотрѣніи добытаго мною антропометрическаго и костнаго матеріала я предполагаю остановиться въ изданіи трудовъ экспедиціи кн. Д. Э. Ухтомскаго, нѣсколько задержанномъ текущими событіями.

Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung, mit besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden für Studierende, Aerzte und Forschungsreisende. Von *D-r. Rudolf Martin* Em. O. O. Professor der Anthropologie und Director des Anthropologischen Institutes der Universität Zürich. Mit 460 Abbildungen im Text, 3 Tafeln und 2 Beobachtungsblättern. Jena. Verlag von Gustaw Fischer. 1914.

Профессоръ д-ръ Рудольфъ Мартинъ, преподавательской энергіи котораго, обязанъ своимъ существованіемъ Антропологическій Институтъ Цюрихскаго Университета, сумѣлъ создать при своей кафедрѣ живую, научную лабораторію-школу. Можно безъ преувеличенія сказать, что кафедра антропологии Цюрихскаго Университета явилась третьей европейской школой антропологии (кромѣ стоящей особнякомъ школы англійской), оттянувъ къ себѣ много молодыхъ силъ отъ лабораторіи проф. Лушана въ Берлинѣ. Р. Мартинъ ученикъ Парижской школы антропологии, основанной П. Брока и являющейся уже, можно сказать, школой классической, а потому мы вправѣ предъявить къ нему требованіе, чтобы при обработкѣ для начинающихъ матеріала современной антропологии, были широко использованы основныя идеи этой школы, заложенныя ея геніальнымъ основателемъ и развитыя его учениками, послѣдователями и сотрудниками. Такое руководство должно преслѣдовать трудную задачу ввести начинающаго въ лабораторію научной мысли антропологии, гдѣ уже положены сейчасъ прочныя основы, но гдѣ во многихъ областяхъ намѣченъ, однако, лишь планъ работы и поставленъ рядъ задачъ для будущихъ строителей зданія науки. Въ этой молодой отрасли знанія, гдѣ еще такъ много темныхъ угловъ, куда едва еще проникъ свѣтъ познанія, ко многимъ задачамъ не такъ легко приступить, — ибо не хватаетъ еще матеріала и не вполне выработаны еще и методы изслѣ-

дованія, — особенно важной является строгая критика всяких новых идей и методовъ, съ которыми подходят новые изслѣдователи и новаторы, а также надежное руководство начинающимъ, дабы они не уклонились отъ правильного пути изслѣдованія.

Посмотримъ насколько такимъ требованіямъ удовлетворяетъ объемистая книга-руководство проф. Р. Мартина. Въ предисловіи къ своему труду Р. Мартинъ отводитъ много мѣста и вниманія вопросу объ измѣрительной technikѣ, причемъ этой послѣдней придается такое рѣшающее значеніе въ дальнѣйшихъ судьбахъ науки, что эти судьбы ставятся въ прямую зависимость отъ развитія техники. Намъ это сужденіе кажется слишкомъ категорическимъ, хотя мы вполне согласны съ авторомъ относительно необходимости добиваться отъ изслѣдователей предварительнаго обученія съ цѣлью полученія соизмѣримыхъ и надежныхъ результатовъ; но тѣмъ менѣе понятной является та легкость, съ которой авторъ говоритъ о своемъ стремленіи, чтобы «путешественники-изслѣдователи, безъ предварительной антропологической подготовки, колоніальные чиновники, учителя и т. п.», путемъ знакомства съ его книгой «получили возможность дѣлать приемлемыя (einschlägige) наблюденія». Съ одной стороны, поставить всю будущность науки въ зависимость отъ развитія техники изслѣдованія, а съ другой, собственными руками предать эту технику въ руки колоніальныхъ чиновниковъ и учителей при условіи знакомства съ книгой-руководствомъ Р. Мартина — намъ кажется уже прямымъ противорѣчіемъ, ибо всякому, кто проходилъ систематически школу антропометрической техники, совершенно ясно, что лишь практической навѣкъ поставить человѣка, основательно знакомаго предварительно съ анатоміей человѣческаго тѣла, въ обладаніе этой техникой, и что самая наилучшая книга здѣсь ничего сдѣлать не въ состояніи. И довѣряться цифрамъ, полученнымъ не обученнымъ предварительно technikѣ измѣреній учителемъ, незнакомымъ къ тому же съ анатоміей, въ высшей степени наивно, въ особенности для профессора, 20 лѣтъ практикующаго обученіе начинающихъ антропологовъ. Участіе такихъ неподготовленныхъ любителей можетъ принести лишь вредъ, и противъ занятой въ этомъ вопросѣ Р. Мартиномъ позиціи, мнѣ думается, должны категорически возражать всѣ, кто знакомъ съ антропометрической техникой.

Общій взглядъ автора на задачи антропологіи, ея содержаніе, объемъ; систему изложенъ на 22 страничкахъ общей части учебника. Если къ этому прибавить, что сюда вошелъ еще историческій очеркъ антропологіи, характеристика отряда приматовъ, палеонтологія человѣка (*hominides*) и классификація человѣческихъ расъ, то, намъ кажется, что для большаго, общаго руководства антропологіи это пропедевтическое введеніе слишкомъ недостаточно и даже старый учебникъ-конспектъ А. Hovelague'a и G. Hervé — «*Précis d'Anthropologie*» — даетъ и сейчасъ больше идейнаго матеріала для начинающаго, чѣмъ эта общая часть учебника Мартина, къ тому же переполненная массой ненужныхъ подробностей.

Не можемъ мы также согласиться и съ тѣмъ узнимъ пониманіемъ и опредѣленіемъ антропологіи, которое, ограничивая область ея исключительно физической природой человѣка, сводитъ всю ея задачу и цѣль къ морфологіи *hominides*. Словомъ, для Мартина объемъ Антропологіи, хотя и называемый *Naturgeschichte der Hominiden*, покрывается пѣбликомъ физической антропологіей. Какъ далеко отстоятъ этотъ взглядъ отъ того широкаго пониманія объема и задачъ науки, которое далъ въ своемъ классическомъ опредѣленіи науки П. Брока. Если бы Р. Мартинъ озаглавилъ свой трудъ *Lehrbuch der physischen A.*, мы не могли бы сдѣлать этого возраженія, но разъ морфологія человѣческихъ расъ стремится покрыть широкое понятіе *Naturgeschichte der Hominiden*, мы сочли невозможнымъ оставить это положеніе безъ оговорки. Развитие зоологической науки выдѣлило цѣлую отрасль морфологіи въ специальную дисциплину — сравнительную анатомію, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что вся зоологія можетъ быть сведена къ морфологіи видовъ. Такъ и развитіе антропологіи, въ связи съ развитіемъ антропометрии, привело къ выдѣленію изъ ея широкаго объема болѣе узкой сферы, соматической или физической антропологіи, но всего объема науки эта морфологическая часть составить ни коимъ образомъ не можетъ.

Образчикомъ того, какъ использована литература вопросовъ, выше мною перечисленныхъ, которые трактуются въ общей части, достаточно будетъ сказать, что авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о классическихъ мемуарахъ Р. Вроса, которые для начинающихъ имѣютъ бѣльшее значеніе, чѣмъ поверхностныя и весьма гипотетическія сужденія Klaatsch'a, Schoetensack'a

и др. Въ стратиграфiи и хронологiи ископаемаго человѣка приводится таблица Obermaier'a, использованы термины, такіе какъ chelléen, moustérien, указаны оговорки г. Rutot, но ни звукомъ, ни намекомъ не указаны первоисточникъ этихъ понятій и этой классификаціи.

Ученію и попятію о «расѣ», столь основному въ антропологии, удѣлено слишкомъ мало мѣста, равнымъ образомъ, какъ и классификаціи человѣческихъ расъ, и въ этомъ отношеніи книга Ранке «*der Mensch*» даетъ начинающему гораздо больше учебника Р. Мартина, ибо тамъ вопросъ этотъ изложенъ исторически и достаточно подробно, такъ что всякій, прочитавшій относящіяся сюда главы, увидитъ и тѣ трудности, которыя приходится преодолевать въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ и ту борьбу идей и понятій, которая на этой почвѣ возникала.

Во второмъ Отдѣлѣ весьма пространно и обстоятельно трактуются антропологическіе методы. Сначала описываются методы собиранія матеріала на живыхъ людяхъ и мертваго матеріала, т. е. труповъ, внутреннихъ органовъ, скелетовъ и отдѣльныхъ частей и т. п., указываются рецепты консервирующихъ жидкостей, составъ для инъекцій, способы консервирования разныхъ органовъ, а также изготовленія препаратовъ, препарирования скелетовъ, мацерации и т. д. Словомъ, здѣсь преподано весьма много практическихъ указаній и совѣтовъ, съ которыми лучше и надежнѣе всего, конечно, ознакомиться на практикѣ въ хорошемъ анатомическомъ институтѣ, ибо и здѣсь путешественникъ, не-практикъ этого дѣла, при первомъ же случаѣ не будетъ знать, что дѣлать, если онъ къ своей задачѣ не подготовился практически раньше. Нельзя здѣсь признать вполнѣ правильнымъ преподаваемое указаніе на то, что слѣдуетъ руководствоваться, какъ правиломъ при собираніи скелетовъ, брать какъ можно больше матеріала. Достаточно, намъ кажется, если изъ катакомбы, заключающей въ себѣ сотни скелетовъ, будетъ взята достаточная серія скелетовъ. Такое требованіе создастъ для добросовѣстнаго собирателя излишнее и едва-ли нужное затрудненіе. Во всякомъ случаѣ, въ этой главѣ дано много практическихъ указаній и рецептовъ, весьма полезныхъ даже для опытныхъ собирателей, такъ какъ приведены новѣйшія данныя о разныхъ веществахъ, при раскопкахъ остеологическихъ матеріаловъ примѣняемыхъ, указаны даже адреса и цѣны препаратовъ и т. п. Во второй главѣ говорится о ме-

тодахъ репродукціи матеріала. Конечно, на первомъ планѣ стоитъ важный вопросъ о фотографированіи, который разобранъ достаточно подробно, причѣмъ указаны размѣры пластинокъ, объективы, величина размѣра репродуцируемыхъ объектовъ и характеръ необходимыхъ для антрополога снимковъ. Здѣсь заботливо указаны многія важныя детали и дапы надежныя указанія, куда обратиться за практическими свѣдѣніями по вопросамъ, связаннымъ съ фотографіей. Использована новѣйшая литература.

Далѣе идетъ геометрическій чертежъ, причѣмъ описаны разные приборы для воспроизведенія чертежей: кефалографъ, диоптрографъ, диаграфъ и стереографъ. Затѣмъ—о пластической репродукціи изъ гипса; описана съемка маски и лица живого субъекта, а также и техника съ примѣненіемъ иныхъ матеріаловъ. Здѣсь также указана новѣйшая литература по вопросу о техникахъ воспроизведенія человѣческихъ головъ и бюстовъ.

Далѣе слѣдуетъ длиннѣйшая часть, посвященная, такъ сказать, теоріи методовъ измѣренія и описанія и ихъ статистической обработки, написанная длинно, тяжелымъ языкомъ, и включающая въ себѣ все, что за послѣднее время было внесено въ литературу предмета послѣдователями новаго біометрическаго направленія съ Pearson'омъ во главѣ, съ примѣненіемъ сложныхъ математическихъ формулъ и вычисленій возможныхъ ошибокъ, коэффиціентовъ варіацій, вычисленій коэффиціента корреляціи и т. п., требующихъ знакомства съ дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ и теоріей функцій. Не будучи специалистомъ математикомъ, въ этой части не легко ориентироваться. Конечно, въ интересахъ провѣрки методовъ, антропологи должны сочувственно отнестись къ стремленіямъ математически точно обосновать значеніе тѣхъ или иныхъ приѣмовъ измѣрительныхъ изслѣдованій, но пока еще приходится ждать усовершенствованія методовъ, которое должна дать новая біометрія. Въ ожиданіи-же будущаго, не проще ли смотреть на значеніе антропометріи старая французская школа, гдѣ вся антропометрія сводится къ простымъ, немногимъ измѣреніямъ и, гдѣ въ рукахъ настоящаго натуралиста ряды простыхъ, всѣмъ сразу доступныхъ цифръ и измѣреній, даютъ такіе цѣнные выводы, какъ напр. въ извѣстной работѣ L. Manouvrier объ опредѣленіи роста по длиннымъ костямъ конечностей. Весьма знаменательными представляются намъ выводы, къ ко-

торымъ пришелъ ученикъ школы Р. Мартина, молодой антропологъ Понятовскій, который требуетъ употребленія терминовъ «долихо-» и «брохицефалы» лишь въ смыслѣ А. Ретціуса и требуетъ полного отказа отъ классификаціи индексовъ, ибо онъ показалъ, къ какимъ ошибочнымъ выводамъ можетъ привести примѣненіе классификаціи индексовъ къ среднимъ величинамъ. Самъ Мартинъ считаетъ этотъ выводъ законнымъ, но думаетъ, что это можетъ случиться лишь тогда, когда новые біометрическіе методы проложатъ себѣ путь въ антропологию. Намъ кажется болѣе логичнымъ избѣгать сразу методовъ, ошибочность которыхъ можетъ быть доказана средствами, которыми мы уже сейчасъ располагаемъ. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что начинающій въ старыхъ инструкціяхъ Брока и французской школы получить и сейчасъ болѣе надежное руководство и лучше усвоить идейный смыслъ антропометріи, чѣмъ изъ неяснаго еще комплекса новыхъ біометрическихъ идей. Остальная часть книги въ 1000 страницъ, представляющая описательную физическую антропологию, распадается на три большихъ отдѣла, носящихъ такіа заглавія: соматологія, кроніологія, остеологія. Невольно задумаешься надъ такимъ дѣленіемъ, какъ бы допускающимъ, что *stanium* долженъ быть исключенъ изъ понятія *osma* и не входитъ также, какъ составная часть, въ остеологію. Конечно, сдѣлано это въ цѣляхъ выдѣленія ученія о черепѣ въ особую главу, но логика подраздѣленія на главы и отдѣлы все же остается не празднымъ требованіемъ, и въ этомъ отношеніи гораздо раньше вышедшій трудъ Ранке «*der Mensch*» стоитъ несомнѣнно на большей высотѣ, чѣмъ новѣйшая работа Р. Мартина. Начало каждого изъ упомянутыхъ отдѣловъ посвящено обстоятельному описанію антропометрической техники, занимающей, напр., въ одномъ отдѣлѣ соматологіи 100 страницъ, правда, достаточно широко иллюстрированныхъ прекрасными фототипіями, дающими понятіе объ инструментаріумѣ и приѣмахъ измѣрительной техники. Мы не имѣемъ возможности говорить подробно обо всѣхъ мелочахъ, которыя могутъ вызвать возраженія. Упоминаемъ лишь о слѣдующихъ. Р. Мартинъ считаетъ погрѣшность измѣреній при употребленіи толстотнаго циркуля (*compas d'épaisseur*) равной ± 1 мм. Намъ кажется, что опытные наблюдатели никогда не разойдутся въ оцѣнкѣ измѣреній на такую величину, которая оказываетъ замѣтное вліяніе на индексъ индивидуума.

Р. Мартинъ рекомендуетъ для измѣреній на живомъ лишь тупые края скользящаго циркуля, между тѣмъ французы рекомендуютъ острые края въ виду тонкости нѣкоторыхъ измѣреній. Конечно, необходима крайняя осторожность, но намъ вообще неизвѣстно несчастныхъ случаевъ при употребленіи скользящаго циркуля. Способъ держанія въ рукахъ толстотнаго циркуля двумя руками у самыхъ концовъ дугъ циркуля намъ представляется мало раціональнымъ. По нашему мнѣнію, каждое измѣреніе по этому способу необходимо требуетъ провѣрки при фиксированныхъ ножкахъ циркуля. Въ общемъ Р. Мартинъ «почти совсѣмъ» придерживается Женевскаго соглашенія 1912 г. для объединенія измѣрительныхъ методовъ, хотя, конечно, въ интересахъ науки было бы полное, безъ оговорокъ, присоединеніе къ выработанному при участіи выдающихся специалистовъ соглашенію. Позволительнымъ намъ кажется также выразить сомнѣніе въ пользѣ такихъ *points de repère* какъ напр. *mesosternale* и *thelion* и нѣкоторые другіе, какъ напр. *bragma* на живомъ человѣкѣ, *frontotemporal*, не говоря уже объ измѣреніяхъ, описанныхъ подъ №№ 6а и 6 (1), затруднительныхъ, и едва ли вызываемыхъ необходимостью. Отбросивъ рядъ мало дающихъ и трудно съ точностью выполнимыхъ измѣреній, можно было бы значительно сократить общее число (по Р. Мартину 71) измѣреній; намъ казалось бы возможнымъ довести его до половиннаго числа, чѣмъ было бы много выиграно во времени и достижимости самой цѣли, ибо нужно все же помнить, что дѣло идетъ о живомъ субъектѣ, испытывать терпѣніе котораго, несмотря на добровольное согласіе, должно все же въ возможно меньшей мѣрѣ. Въдѣ измѣряемому предстоитъ еще сверхъ 40 измѣреній на головѣ, что въ общемъ должно и дѣйствительно сильно утомляетъ измѣряемаго субъекта. Наблюденіе за характеромъ, формой и цвѣтомъ волосъ и глазъ, цвѣтомъ кожи, изслѣдованіе кожи, цвѣта глазъ и другихъ описательныхъ признаковъ изложено въ особой главѣ подъ заглавіемъ «соматоскопическая техника», гдѣ указаны всѣ новѣйшія пособія, хроматическія таблицы съ указаніемъ ихъ авторовъ, издателей и стоимости.

Изложенію соматологіи посвящены 270 страницъ, гдѣ использованъ обширный статистическій и литературный матеріалъ. Эта часть по полнотѣ превосходитъ не только нѣсколько уже старую книгу Топинара, но и новую еще книгу Ранке. Много

картъ, діаграммъ, статистическихъ таблицъ и превосходно исполненныхъ пинкографій иллюстрируютъ этотъ матеріаль. Авторъ послѣдовательно разсматриваетъ величину роста, самый ростъ, какъ явленіе развитія индивидуума, отношеніе между ростомъ и вѣсомъ тѣла, пропорціи тѣла, измѣненіе пропорцій въ связи съ ростомъ, а затѣмъ даетъ описаніе отдѣльныхъ областей тѣла, ихъ отношеній и особенностей, отступленій отъ нормы, какъ слѣдствія искусственнаго вмѣшательства въ нормальный процессъ. Затѣмъ слѣдуетъ изученіе интегумента и его органовъ, начиная съ окраски кожи, ея структуры, волосяного покрова, окраски волосъ, этнологическихъ различій, ногтей; затѣмъ, цвѣта глазъ, корреляціи цвѣтовъ кожи, волосъ и глазъ, распредѣленія этихъ признаковъ въ разныхъ странахъ; наконецъ, описаніе мягкихъ частей головы и лица, формъ вѣкъ, носа, губъ, ушей и т. д., причеиъ во всѣхъ деталяхъ использованы новѣйшія изслѣдованія и зарегистрированные факты.

Еще большій отдѣлъ книги (сверхъ 300 стр.) посвященъ краниологін. Одной лишь техникѣ изслѣдованія черепа, раздѣленной на краниометрію, краниографію и краниоскопію, посвящено свыше 100 страницъ, съ подробнымъ описаніемъ измѣрительныхъ приборовъ, краниофоровъ, краниографовъ, разнообразныхъ методовъ измѣреній линейныхъ и объемныхъ, предложенныхъ разными изслѣдователями. Новыя 300 страницъ излагаютъ ученіе о черепѣ съ сравнительно-анатомической и этнологической точекъ зрѣнія. Вначалѣ идетъ глава, посвященная изученію черепа человѣка въ сравненіи съ черепомъ высшихъ антропоидныхъ животныхъ, далѣе глава о ростѣ черепа въ онтогеніи съ интересными краниограммами, изслѣдованіе швовъ, половыхъ различій черепа, ассиметріи. Особая глава посвящена изслѣдованію мозгового черепа, начиная съ ѣмкости, отношеній величины и формы, обхватовъ и дугъ, диаметровъ, индексовъ и картъ ихъ распространенія, патологическихъ формъ и деформаций черепа. Спеціальная глава трактуетъ отдѣльныя кости и области мозгового черепа человѣка сравнительно съ высшими антропоидами и новѣйшими ископаемыми антропоидными и четвертичными формами. Столь же пространная глава посвящена лицевому черепу, анализу общихъ и пропорціональныхъ отношеній, профилей и, наконецъ, отдѣльныхъ областей и костей лицевого черепа, кончая челюстными костями, губами и нижней челюстью.

Наконецъ, послѣдній, наименьшій (около 200 стр.) отдѣлъ занять остеологіей. Первая часть—остеометрическая техника съ описаніемъ и фотографіями инструментарія, описаніемъ измѣреній отдѣльныхъ костей и ихъ антропологической обработки. Вторая часть—ученіе о скелетѣ вообще и затѣмъ въ деталяхъ, начиная съ позвоночнаго столба, таза, грудной клѣтки, и кончая длинными и короткими костями конечностей. Всюду использованы широко послѣднія работы и весь отдѣлъ не менѣе богато иллюстрированъ цинкографіями, разрѣзами, схемами и чертежами.

Мы позволили себѣ задержать вниманіе читателя самымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, чтобы дать идею о той огромной работѣ, которую исполнилъ со всею тщательностью Р. Мартинъ. Если прибавить къ этому приложенный въ концѣ книги, не претендующій на полноту, литературный указатель, занимающій 100 страницъ весьма убористой печати, то это еще болѣе увеличитъ количество положеннаго Р. Мартиномъ на изданіе его учебника огромнаго труда.

Какіе же можно подвести итоги этому многолѣтнему труду. Если основной цѣлью автора было стремленіе дать въ руки начинающему работнику руководство-учебникъ, то эта цѣль намъ кажется не вполнѣ достигнутой и вотъ по какимъ соображеніямъ: 1) Начинаящій нуждается въ развитіи общихъ идей и принциповъ науки и изложенія ея методовъ—у Мартина за массой строительныхъ лѣсовъ совсѣмъ потерялась антропология, какъ наука въ ея цѣломъ, съ ея задачами и стремленіями. 2) Въ этой огромной массѣ фактическаго матеріала начинающій скорѣе растеряется, чѣмъ усвоитъ общія идеи науки и встанетъ на прямой путь новаго исканія. 3) Огромная, исчерпанная Р. Мартиномъ въ его учебникѣ антропологическая литература, не подвергнута авторомъ необходимому критическому разбору, что было бы особенно важно, имѣя въ виду поставленную имъ педагогическую цѣль.

Съ выходомъ книги Р. Мартина огромный пробѣлъ—отсутствіе учебной книги по общей антропологии—остался не заполненнымъ. Книга Р. Мартина—незамѣнимый для спеціалиста справочникъ по всѣмъ вопросамъ соматической антропологии и, какъ таковой, она останется, вѣроятно, на многіе годы впередъ непревзойденной. Специалисты-соматологи должны

быть ему искренне признательны за его, по истинѣ, колоссальный трудъ.

Издана книга извѣстной фирмой Густавъ Фишеръ весьма заботливо, съ превосходными цѣнкографіями въ текстѣ, къ сожалѣнію, на мѣловой бумагѣ, что, при большомъ объемѣ книги, дѣлаетъ ее очень тяжелой. Сдѣлано это, конечно, въ интересахъ ббльшей отчетливости и художественности фотоцинкографій, но лучшимъ исходомъ было бы въ такомъ случаѣ вынесеніе ихъ на отдѣльные листы.

Н. Мошлянскій.

СОДЕРЖАНИЕ V-го ТОМА.

	Стр.
Н. Могиланскій. Случай микроцефалии (N. Mogiliansky. Sur un cas de microcéphalie)	1
П. Ефименко. Костенковская палеолитическая стоянка (P. Efimenko. La station paleolitique de Kostiény, gouvern. de Vogonege)	13
Д. Золотаревъ. Антропологическія данныя о великоруссахъ южной части Новгородской губерніи (D. Zolotarev. Caractères anthropologiques des Grands-Russiens du gouvern. de Novgorod)	27
П. Ефименко. Къ вопросу о стадіяхъ каменнаго вѣка въ Палестинѣ. (P. Efimenko. L'âge de la pierre en Palestine)	63
С. Руденко. Размѣры бедра и таза въ пропорціяхъ человѣческаго тѣла (S. Roudenko. Dimensions du fémur et du bassin dans les proportions du corps humain)	89
Ө. Волковъ. Антропология и ея университетское преподаваніе (Th. Volkov. L'Anthropologie et son enseignement universitaire)	99
А. Носовъ. Къ антропологии монголовъ-халхасцевъ (A. Nossov. Contribution à l'anthropologie des Mongols-khalkhas)	108
Библиографическія замѣтки (Notices bibliographiques): Dr Rudolf Martin. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung, mit besonderer Berücksichtigung der Anthropologischen Methoden für Studierende, Aerzte und Forschungsreisende. Jéna. Verlag von Gustaw Fischer. 1914. <i>И. Могиланскому</i>	116

ЕЖЕГОДНИКЪ
Русскаго Антропологическаго Общества
при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ.

Томъ I, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ, 1908 г.
Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ II, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ, 1908 г.
Цѣна 2 руб.

Томъ III, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ, 1909 г.
Цѣна 2 руб.

Томъ IV, подъ редакціей С. И. Руденко. С.-Петербургъ, 1913 г.

СОДЕРЖАНІЕ. Отъ редакціи. **Ө. К. Волковъ.** Новѣйшія направленія въ антропологическихъ наукахъ и ближайшія задачи антропологии въ Россіи. **Д. А. Золотаревъ.** Антропологическое изслѣдованіе великорусскаго населенія Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ Тверской губ. **Ш. П. Ефименко.** Каменные орудія палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ. **Кн. Д. Э. Ухтомскій.** Чукотскія стрѣлы. **А. З. Носовъ.** Къ антропологии сербовъ королевства. **Кн. Д. Э. Ухтомскій.** Жировыя лампочки у приполярныхъ народовъ. **С. И. Руденко.** По поводу опыта антропологической классификаціи населенія земного шарѣ. Библиографическія замѣтки. Краткій обзоръ дѣятельности Русскаго Антропологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 25 лѣтъ (1888—1913). **ПРИЛОЖЕНІЕ.** Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній. Перев. подъ редакціей **Ө. К. Волкова.**

Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ V, подъ редакціей С. И. Руденко. Петроградъ, 1915 г.
Цѣна 2 руб.

Протоколы засѣданій и отчеты Русскаго Антропологическаго Общества съ 1889 по 1912 гг., вып. I—VIII (кромѣ II-го). Цѣна каждаго выпуска 80 коп.

Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній (съ 9 рис.). Переводъ подъ редакціей **Ө. К. Волкова**, изд. Русскаго Антроп. Общ. Спб. 1913 г. Цѣна 50 к.

Съ требованіями обращаться: Петроградъ, Университетъ, въ Кабинетъ Географіи и Антропологии (Вас. Остр., 16 лин., д. 29), Русскому Антропологическому Обществу.

Томъ VI.

1916 г.

ЕЖЕГОДНИКЪ
РУССКАГО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ПЕТРОГРАДСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОБЩЕСТВА

С. И. РУДЕНКО.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія «К. Биркенфельдъ» В. О., 8-я линія, д. № 1.

1916.

Печатано по распоряженію Р. Антропологическаго Общества.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 16 декабря 1916 года.

† Н. Н. Лебедевъ.

30-го мая, выполняя отвѣтственное порученіе, самоотверженно погибъ отъ германскихъ удушливыхъ газовъ дѣйствительный членъ и бібліотекаръ нашего Общества Николай Николаевичъ Лебедевъ. Кратковременная и яркая жизнь, научная и общественная дѣятельность Николая Николаевича были посвящены беззаветному служенію наукъ и горячо любимой имъ родинѣ, въ борьбѣ за самостоятельное культурное развитіе которой онъ и погибъ. Болѣе всего Н. Н. интересовался дѣятельностью студенческихъ естественно-научныхъ кружковъ и организаціей студенчества для самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій, родиновѣдѣніемъ.— въ широкомъ смыслѣ этого понятія, антропологическими и этнографическими изслѣдованіями. Роль Н. Н. въ родиновѣдѣніи отмѣчена Д. А. Золотаревымъ въ его статьѣ, посвященной памяти Н. Н. (Изъ исторіи родиновѣдѣнія Россіи. «Русскій Экскурсантъ», № 6, 1916 г.); то огромное значеніе, которое имѣла дѣятельность Н. Н. въ организаціи нашихъ естественно-научныхъ кружковъ засвидѣтельствована самими кружками, мы же имѣемъ въ виду отмѣтить работы Н. Н. въ области антропологии вообще и какъ члена нашего Общества въ частности.

Весной 1909 года Н. Н., какъ студентъ географо-антропологической (ранѣе біологической) группы, принимаетъ участіе въ специальныхъ работахъ по антропометріи и въ каби-

нетской жизни тѣсно сплоченной и довольно многочисленной въ тѣ времена группы студентовъ-антропологовъ. Въ 1909 — 10 учебномъ году Н. Н. сотрудничаетъ въ «Русской Энциклопедіи», гдѣ печатаетъ рядъ статей по антропологии и этнографіи, а въ нашемъ Обществѣ неоднократно выступаетъ съ рефератами различныхъ антропологическихъ работъ, преимущественно печатавшихся въ иностранныхъ журналахъ. Лѣтомъ 1910 г. Н. Н. по порученію нашего Общества и Э. О. Музея Александра III отправляется въ Курскую и Воронежскую губ. для производства антропологическихъ изслѣдованій и для сбора этнографическихъ коллекцій. Помимо собранныхъ коллекцій, Н. Н. удается измѣрить значительное количество украинцевъ юга Курской и Воронежской губ., данныя о которыхъ, частично имѣ обработанныя, вошли въ извѣстную работу Э. К. Волкова по антропологии Украины. Къ этому времени среди учениковъ Э. К. Волкова организуется кружокъ, поставившій своею цѣлью совмѣстными усиліями разбираться во всякаго рода теоретическихъ вопросахъ. Н. Н. былъ однимъ изъ инициаторовъ и самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого кружка. Вернувшись изъ лѣтней командировки 1910 г., Н. Н., помимо обработки собранныхъ имъ матеріаловъ, много времени посвящаетъ разборкѣ краниологическихъ коллекцій кабинета антропологии университета, просматриваетъ свыше 1000 череповъ, подбирая демонстративный для лекцій матеріаль. Въ разгарѣ этой, столь увлекавшей Н. Н. работы, его, возвращающагося изъ кабинета, арестовываютъ, въ связи съ переживаемыми въ то время осложненіями университетской жизни. Заключение въ Кресты Н. Н. работаетъ надъ приемами измѣренія глазъ и устанавливаетъ принципы устройства спеціального прибора для измѣренія косога разрѣза глазъ. Принципъ прибора Н. Н. Лебедева докладывается секретаремъ въ одномъ изъ засѣданій Общества и приборъ входитъ въ практику антропологическихъ измѣреній лабораторіи университета и Общества. Высланный весной 1911 г. въ Олонецкую губ. Н. Н. и тамъ

продолжает интересоваться избранной имъ наукой, предполагаетъ предпринять антропометрическія изслѣдованія, но мѣстная администрація не даетъ осуществить эти планы. Осенью 1911 г., получивъ разрѣшеніе выѣхать за границу, Н. Н. рѣшаетъ поступить въ Берлинскій университетъ и работать у проф. фонъ-Лушана, къ которому у него имѣлись рекомендаціи. Особенно интересуется Н. Н. этнографіей первобытныхъ народовъ, изучаетъ этнографическія коллекціи въ Museum für Völkerkunde и работаетъ въ Берлинской Королевской Библиотецѣ. Но здѣсь, въ Берлинѣ, университетская работа Н. Н. не наладилась. Какъ чуткій человѣкъ, Н. Н. улавливаетъ въ отношеніяхъ къ нему Лушана пренебрежительное и подозрительное, какъ къ русскому студенту, отношеніе, что приводитъ въ результатъ къ довольно рѣзкому разрыву. По возвращеніи въ Петроградъ весной 1913 г. Н. Н. переводитъ книгу Гернеса «Первобытная культура», принимаетъ дѣятельное участіе въ жизни нашего Общества, приводитъ въ порядокъ бібліотеку, выступаетъ неоднократно съ рефератами и дѣлаетъ докладъ «Къ вопросу о методахъ въ этнологіи». Война застаётъ Н. Н. отбывающимъ воинскую повинность. Изъ полка онъ откомандировывается въ военное училище, блестяще оканчиваетъ его и остается въ Петроградѣ. Несмотря на массу работы, командировки на фронтъ, Н. Н. продолжаетъ посѣщать засѣданія нашего Общества и принимаетъ участіе въ работахъ Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи при И. Р. Географическомъ Обществѣ. Весной въ 1916 г., въ связи съ работой по борьбѣ съ газами Н. Н. примѣняетъ свои антропологическія познанія, является частымъ гостемъ и сотрудникомъ въ антропологическомъ кабинетѣ, затѣмъ уѣзжаетъ на фронтъ, гдѣ и погибаетъ, во время обслѣдованія заполненныхъ удушливыми газами подземныхъ траншей.

Въ лицѣ Николая Николаевича Россія потеряла одного изъ самыхъ горячо любящихъ и преданныхъ сыновъ, его товарищи — одного изъ своихъ лучшихъ друзей, наше Обще-

ство — одного из самых деятельных своих членов. Николая Николаевича больше нетъ, но его прекрасный образъ будетъ вѣчно жить въ памяти всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье находиться въ духовномъ съ нимъ общеніи. Его память будетъ вѣчна среди дѣятельнаго петроградскаго студенчества, которому такъ много далъ Н. Н. Залогъ этого мы видимъ въ учрежденіи при нашемъ Обществѣ, по предложенію товарищей покойнаго, капитала имени Николая Николаевича Лебедева, проценты съ котораго должны пойти на выдачу премій студентамъ за ихъ самостоятельныя работы въ области антропологии и этнографіи Россіи.

С. Р.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ О ГИЛЯКАХЪ.

Données anthropologiques sur les Guilaks.

(Матеріалы В. Н. Васильева, обработалъ Г. Маннзеръ).

I.

О гилякахъ вообще—географія, статистика.

Названіе «гилякъ» употребляется въ Амурскомъ краѣ для обозначенія разныхъ инородческихъ племень нижняго теченія рѣки Амура (ср. Шренкъ «Объ инородцахъ Амурскаго края», также Patcanov «Essai d'une Statistique etc.» S.-Pb. 1903). Въ литературѣ, къ сожалѣнію, гиляками называютъ весьма неопредѣленно разныя племена, вовсе не родственныя по языку или этнографическимъ признакамъ между собою. Названіе это такъ же неопредѣленно, какъ названіе «остякъ», подъ которымъ извѣстны совершенно различные народы. Даже у такого единственнаго знатока гиляковъ, какъ Л. Я. Штернбергъ мы встрѣчаемъ фразу: «гиляки нижняго теченія Амура говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и тунгусы»... («Сахалинск. гиляки» 1893) т. е. тунгусское племя названо «гиляками». Въ виду отсутствія свѣдѣній объ соматическомъ типѣ каждаго изъ племень, единственнымъ пригоднымъ методомъ классификаціи является лингвистическій—дѣленіе по языкамъ.

По нижнему Амуру, по прилегающимъ морскимъ берегамъ и на о. Сахалинѣ живетъ народъ, говорящій на особомъ, не родственномъ никакому другому, языкѣ и этотъ-то народъ (съ

«гиляцкимъ языкомъ») будемъ мы въ дальнѣйшемъ называть «гиляками». Является ли этотъ народъ, говорящій и думающій «по гиляцки», отличнымъ отъ окружающихъ племенъ и въ отношеніи тѣлесныхъ признаковъ — это предстоитъ выяснить антропологическому изслѣдованію.

Первымъ изслѣдователемъ языковъ гиляковъ, айно и тунгусовъ былъ Шренкъ, который счелъ нужнымъ рѣзко раздѣлить эти три племени и особенно настаивалъ на изолированности гиляцкаго языка (стр. 6). Такая изолированность заставила его искать родственниковъ гиляковъ въ другихъ областяхъ С.-В. Сибири. Оказалось, что столь же изолированныхъ лингвистически народовъ имѣется еще нѣсколько и при томъ между ними есть кое-какое сходство въ этническихъ чертахъ (напр. собаководство). Всѣ эти племена образовали у Шренка группу, названную палеазиатами. Названіе это опредѣляетъ не столько мѣсто въ классификаціи, сколько «отсутствіе мѣста», т. к. близость между собою этихъ племенъ доказана весьма шатко. Кромѣ гиляковъ въ эту группу вошли: 2) айны, 3) коряки, 4) чукчи, 5) камчадалы, 6) юкагиры, 7) чуванцы, 8) енисейскіе остяки, 9) эскимосы, 10) алеуты (последніе два племени считаются то американскими, то азиатскими). Палеазиаты иначе называются «гиперборейцами», «полярными народами» и «краевыми народами Азии» (Шренкъ). Этнографія всѣхъ «гиперборейцевъ» изслѣдована болѣе или менѣе хорошо (см. Jesup's «North Pacific Expedition»), языки ихъ тоже извѣстны, но не такъ обстоитъ дѣло съ антропологическими свѣдѣніями о нихъ. Мы почти ничего не знаемъ о физическомъ типѣ этихъ племенъ (кромѣ словесныхъ описаній и фотографій). Впрочемъ американская экспедиція обладаетъ большимъ матеріаломъ въ этой области, который обрабатывается, но еще не опубликованъ: онъ составитъ XI томъ «Jesup's N. Pacif. Expedit.» (Vol. XI «Physical Anthropology»). Для пониманія полученныхъ данныхъ необходимо, однако, имѣть свѣдѣнія о всѣхъ окружающихъ племенахъ, а таковыхъ еще очень мало.

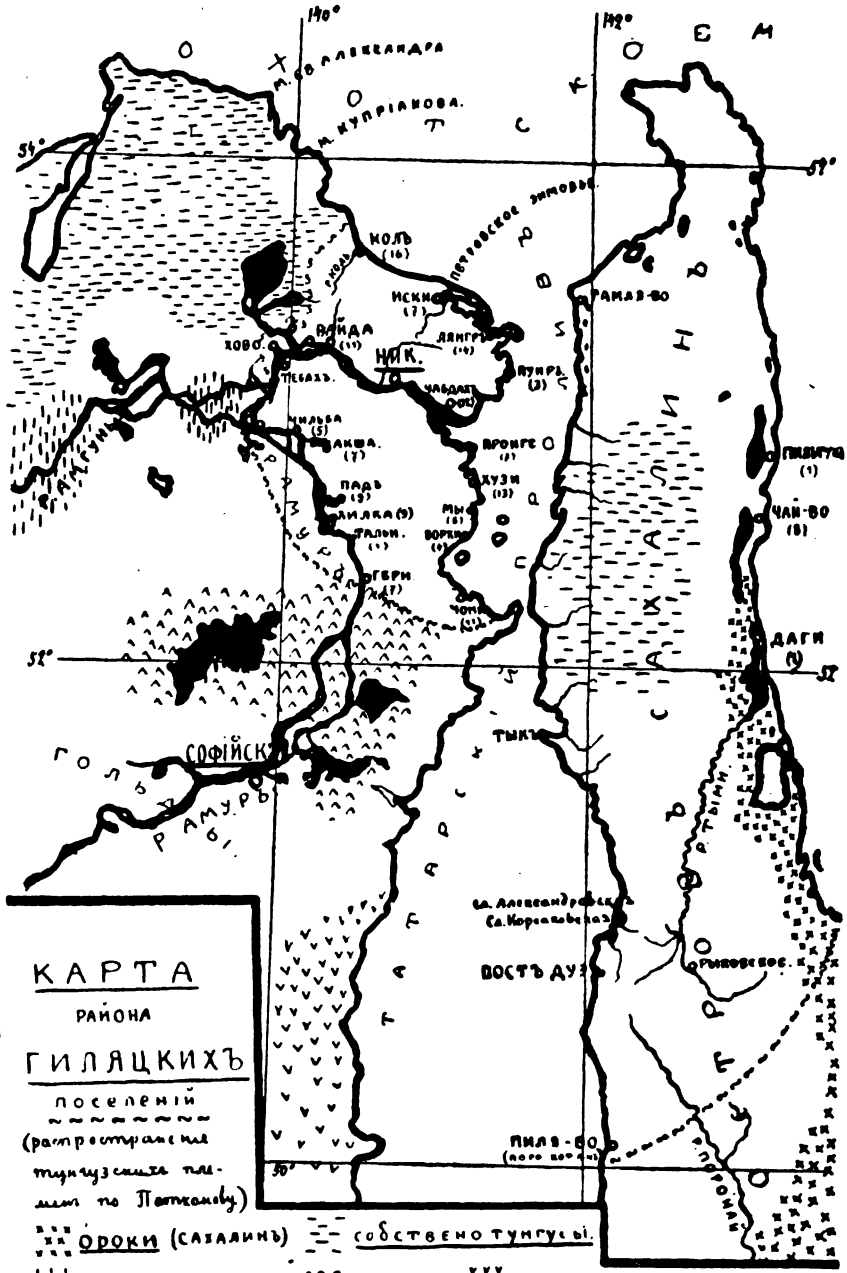
Перепись 1897 года дала болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о численности и разселеніи палеазиатовъ, и они были опубликованы отдѣльною брошюрою въ 1903 году: Patcanov «Essai d'une Statistique et d'une Geographie des peuples Palaeasiatiques de la Sibirie». St.-Pet. Institut Interna-

tional de Statistique. Berlin. Ниже мы приводимъ данныя С. К. Патканова, касающіяся гиляковъ.

Территорія. Гиляки занимаютъ С.-В. часть Удской округи Приморской области и сѣверную часть о. Сахалина — округи Тымовская и Александровская. Во многихъ мѣстахъ этой территоріи гиляки составляютъ теперь меньшинство населенія. Южная граница ихъ поселеній (см. прилагаемую карту) проходитъ между селеніями Гери и Богородскимъ, лежащими на правомъ берегу Амура. Отсюда въ одну сторону граница идетъ на Ю.-В. вдоль хребта горъ Хундза, играющаго здѣсь роль водораздѣла. Съ этого хребта она спускается къ морю прямо на востокъ. Съ другой стороны гиляцкія поселенія перебрасываются на лѣвый берегъ Амура и граница ихъ идетъ вдоль теченія рѣки по ея лѣвому берегу въ направленіи на С.-З. Отъ впаденія Амгуни и до селенія Хово лѣвый берегъ Амура не заселенъ гиляками, такъ что здѣсь границею служитъ сама громадная рѣка. Дальше отъ Хово пограничная линія пересѣкаетъ въ С.-В. направленіи озеро Орель и достигаетъ Охотскаго моря гдѣ-то между мысами Св. Александра и Купріянова¹⁾. Шренкъ (въ 50-хъ годахъ) считалъ границею гиляцкихъ стойбищъ Тугурскій заливъ т. е. отодвигалъ ее градуса на два къ западу. Впрочемъ, самъ онъ не считалъ ее прочно установленной и въ пользу своего предположенія приводитъ лишь разныя косвенныя соображенія вродѣ встрѣчъ случайныхъ заѣзжихъ или названія «гиляцкая переволока» (точное положеніе этой переволоки однако не достовѣрно—ибо названіе это примѣняется, повидимому, къ разнымъ мѣстамъ, ср. Шренкъ стр. 111). Исходя изъ занятія русскими промышленниками Шантарскихъ острововъ и вытѣсненія оттуда гиляковъ (осѣдло, впрочемъ, тамъ никогда не жившихъ), Шренкъ считаетъ, что вообще граница ихъ въ послѣднее время отошла на Востокъ. Въ виду того, что и на картѣ Шренка нѣтъ никакихъ гиляцкихъ поселеній восточнѣе сел. Коль—я думаю, что можно считать установленной приведенную на картѣ границу. Южная граница по Шренку (стр. 123) не измѣнялась втеченіе больше 200 лѣтъ.

На о. Сахалинѣ гиляки живутъ только въ Сѣверной его части

¹⁾ На приложенной картѣ граница отодвинута мною на востокъ, согласно свѣдѣніямъ сообщеннымъ В. Н. Васильевымъ.

КАРТА
РАЙОНА
ГИЛЯЦКИХЪ
ПОСЕЛЕНІЙ
(распространеніе
титулусовъ пле-
менъ по Потемкину)

ЦИФРЫ ПОДЪ ИМЕНАМИ ГИЛЯЦКИХЪ СЕЛЕНЪ УКАЗЫВЪ ЧИСЛО ИЗМѢРЕНІЯВЪ.

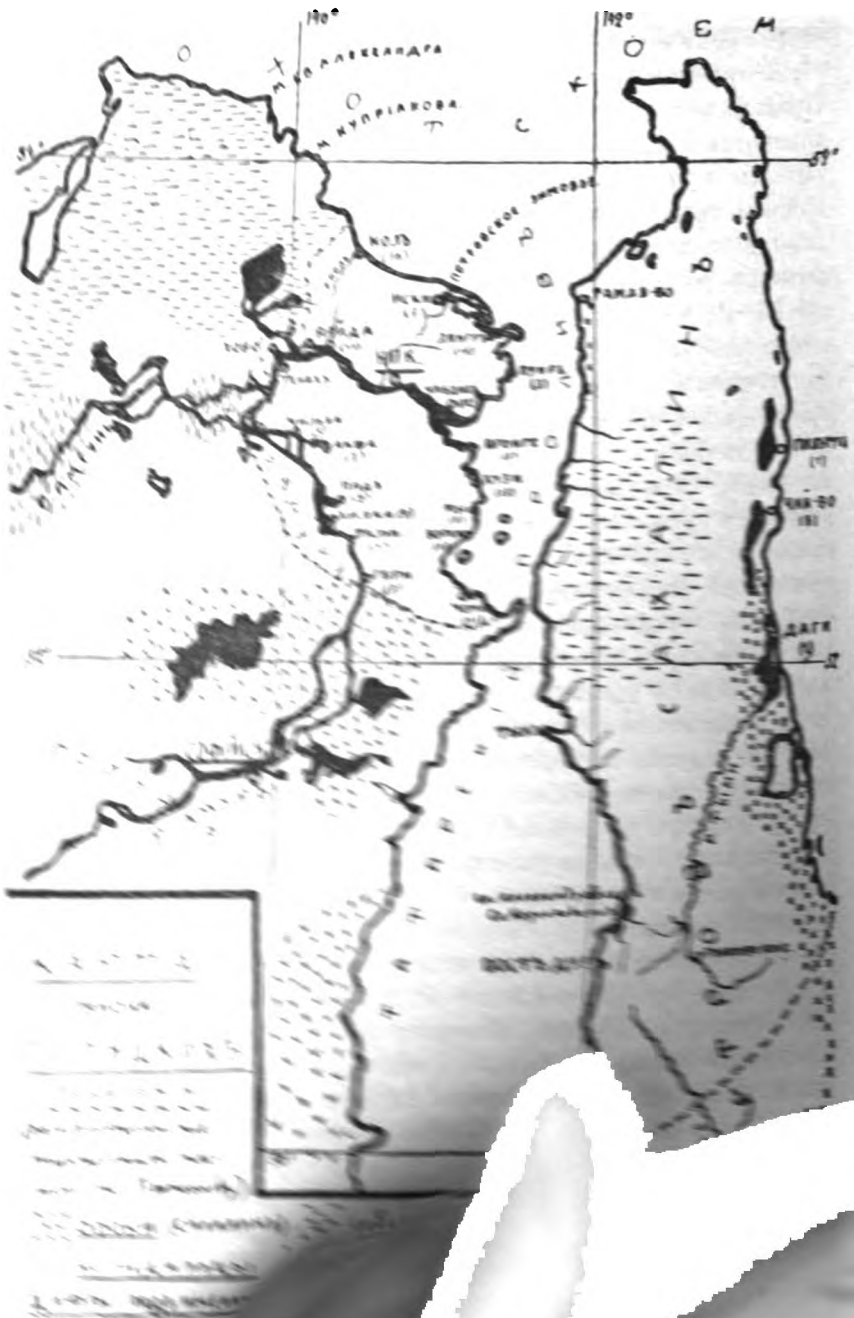
отъ 50° на Западномъ и отъ 51° на Восточномъ берегу. Конечно, здѣсь граница точно не была опредѣлена. Въ южномъ пунктѣ западнаго берега Сахалина въ Пля-во (Поро-котанъ) уже имѣется смѣшанное населеніе айно-гиляцкое. Такое смѣшанное населеніе даже во времена Шренка распространялось къ сѣверу все дальше и дальше—айны шли съ юга тѣсными японскою колонизацію.

Сосѣди. Кромѣ упомянутыхъ айновъ, на о. Сахалинѣ имѣются еще два народа отличные отъ гиляковъ по языку—*тунгусы* и *ороки*. На картѣ приложенной къ II части книги С. К. Патканова «Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири» 1906 г. показано, что на западномъ берегу острова (между 52° и 53° приблизительно) и въ соответствующей центральной части живутъ «собственно тунгусы», оставляя на самомъ берегу небольшіе островки гиляцкихъ поселеній. У меня на картѣ они изображены горизонтальными черточками. На западномъ берегу нѣтъ другого тунгускаго племени, живущаго на Сахалинѣ—именно ороковъ. Послѣдніе по Патканову живутъ лишь на восточномъ берегу—сначала въ перемѣшку съ гиляками, а къ югу отъ 51° (приблизительно) составляютъ все населеніе до самаго залива Терпѣнія. У Шренка, Ороки помѣчены на картѣ лишь въ одномъ мѣстѣ западнаго берега и вкраплены въ гиляцкую среду на восточномъ берегу и въ центральныхъ частяхъ острова.

Оба тунгусскихъ племени не осѣдлы, а бродятъ или кочуютъ въ той или иной части острова (Паткановъ стр. 190 въ указ. сочин.).

На материкѣ гиляки окружены съ запада и юга разными тунгусскими племенами. Собственно *тунгусы* занимаютъ всю сѣверную часть Удской округи отъ Амгуни и нижняго Амура до Охотскаго моря. По побережью этого моря до мыса Св. Александра на востокъ живутъ лишь тунгусы (Паткановъ). Такимъ образомъ на С.-В. гиляки граничатъ съ собственно тунгусами-оленоводами.

Южнѣе, по Амгуни, среди многочисленнаго русскаго приискаваго населенія образуетъ острова тунгусское племя *непидальцевъ* (см. карту). Въ переписи 1897 года это племя часто называлось гиляками, какъ и ольчи на Амурѣ. Послѣднее ихъ селеніе лежитъ уже на Амурѣ (Дэ) не-

отъ 50° на Западномъ и отъ 51° на Восточномъ берегахъ. Въ южной части западнаго берега Сахалина въ Пля-во Тору-дэ-дэ живётъ смешанное население айно-гиляцкое. Такое население встречается даже во времена Шренка распространяется и дальше и дальше—айны шли съ юга на север и на западъ—лонизацію.

Сосѣди. Кромѣ упомянутыхъ народовъ и племенъ имѣются еще два народа отличные отъ нихъ—*тунгусы* и *ороки*. На южной части западнаго берега Сахалина въ Пля-во Тору-дэ-дэ живётъ тунгусскихъ племенъ Сибири. Кромѣ тунгусскихъ племенъ на западномъ берегу острова встречаются и племена собственно тунгусы, оставшиеся на южной части острова. Островки гиляцкихъ племенъ встречаются на южной части острова. Бражены горизонтальными скалами. На южной части острова нѣтъ другого тунгусскаго племени, кромѣ именно ороковъ. Ороки живутъ на южной части восточномъ берегу—отъ 50° до 51° широты. Къ югу отъ 51° широты до самаго залива Тору-дэ-дэ встречаются карты лишь въ южной части острова. Гиляцкую среду въ южной части острова составляютъ частяхъ острова.

Оба тунгусскихъ племени встречаются на южной части острова. Въ указ. ороковъ.

На южной части острова встречаются тунгусскихъ племенъ Сибири. Кромѣ тунгусскихъ племенъ на южной части острова встречаются и племена собственно тунгусы, оставшиеся на южной части острова. Островки гиляцкихъ племенъ встречаются на южной части острова. Бражены горизонтальными скалами. На южной части острова нѣтъ другого тунгусскаго племени, кромѣ именно ороковъ. Ороки живутъ на южной части восточномъ берегу—отъ 50° до 51° широты. Къ югу отъ 51° широты до самаго залива Тору-дэ-дэ встречаются карты лишь въ южной части острова. Гиляцкую среду въ южной части острова составляютъ частяхъ острова.

У
ГО

о умноженіемъ на пять количества населенія (т. к. (стр. 56, II тома) береговая линия была изслѣдованная авторомъ.

далеко от гяляцкаго Тыръ. Л. Я. Штернбергъ, посѣтившій это селеніе, засвидѣтельствовалъ, что жители его негидальцы, хоть въ переписи они и фигурировали въ качествѣ гяляковъ.

На картѣ Патканова *соманиры* уже далеко не доходятъ до Амура, такъ что ихъ нельзя считать сосѣдями гялякъ, но Шренкъ присоединялъ ихъ непосредственно за негидальцами.

Южная часть Больше-Михайловской волости, населенной на сѣверѣ гяляками и русскими, образуетъ особый тунгусскій районъ (отъ села Богородицкаго къ югу); 63% населенія составляетъ тунгусское племя *ольчей*, 8,7% *гольдовъ* и 0,1% другихъ тунгусовъ (Паткановъ «Опытъ статистики и т. д.» 1906).

Ороки побережья татарскаго пролива отдѣлены отъ гяляковъ большимъ промежуткомъ мѣстъ вовсе не заселенныхъ или заселенныхъ русскими.

На самой территоріи гяляковъ много *русскаго* населенія: лежитъ городъ Николаевскъ, село Больше-Михайловское и попадаются отдѣльныя семьи гольдовъ, ольчей или тунгусовъ. На Сахалинѣ, какъ выше замѣчено, живутъ въ однихъ селеніяхъ съ гяляками айны, а иногда и ороки.

Численность гяляковъ по послѣдней переписи 4642 человекъ мужчинъ и женщинъ. Распределеніе этого числа по отдѣльнымъ областямъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (Patcanov, «Essai de statistique etc.» Institut. Internat. Stat. 1903).

Удская округа населена гяляками въ двухъ волостяхъ Сергіевской и Больше-Михайловской. Въ Сергіевской волости на 1859 жителей гяляцкихъ деревень — 1814 гяляковъ, изъ нихъ 988 мужчинъ и 6 чел. въ русскихъ селеніяхъ. Здѣсь, у устья Амура сосредоточено русское населеніе. Въ волости Больше-Михайловской на 161 хозяйство приходится 1037 жителей изъ низъ 823 гяляка (427 мужчинъ). Вмѣстѣ съ гяляками гольдскихъ и русскихъ селеній 844 чел. (437 мужчинъ).

Въ первой волости гяляковъ 70%, во второй 50%. Всего въ обѣихъ волостяхъ въ 1897 г. — 2673 чел. (1435 мужчинъ).

Населеніе Сахалина и общее число гиляковъ представлено въ слѣдующей табличкѣ:

ТАБЛИЦА I.

Г и л я к и.	♂	♀	Вмѣстѣ.	% ♀
Александр. окр.	671	525	1,196	78%
Тымовск. окр.	398	282	680	71%
Корсаковск. окр.	49	44	93	89%
Всего на Сахалинѣ	1,118	851	1,969	76%
Всего на материкѣ	1,435	1,238	2,673	86%
Всего гиляковъ	2,553	2,089	4,642	82%

Общее число по даннымъ переписи, такимъ образомъ, значительно меньше того, которое далъ по приблизительному подсчету числа юртъ Шренкъ. Именно у Шренка (1856 г.) всего гиляковъ 5216 человекъ, которые распредѣляются такъ:

- 1904 — нижнее теченіе Амура.
- 568 — Амурскій лиманъ.
- 1040 — берегъ моря ¹⁾).
- 1704 — островъ Сахалинъ.

5216 — всего на материкѣ и на островѣ.

По мнѣнію С. К. Патканова (р. 54) не слѣдуетъ заключать изъ этого о вымираніи гиляковъ, а слѣдуетъ исправить числа Шренка, которыя особенно произвольны относительно морского берега, гдѣ авторъ никогда не бывалъ, а судилъ лишь по рассказамъ. Если уменьшить вдвое населеніе береговъ моря, какъ оно означено у Шренка, то дѣйствительно получается величина близкая къ даннымъ переписи 1897 года и было бы

¹⁾ Населеніе берега моря получено умноженіемъ на пять количества населенія отъ Татарскаго пролива до с. Коль, т. к. (стр. 56, II тома) береговая линія до Тугурской бухты въ 6—7 разъ болѣе изслѣдованной авторомъ.

осторожнѣе утверждать, что число гиляковъ не увеличилось съ тѣхъ поръ.

II

Необходимыя этнографическія свѣдѣнія.

По своему языку гиляки отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ Азіи. «Они не состоятъ ни въ какомъ родствѣ ни со своими сосѣдами айнами или тунгусскими племенами, ни съ какими другими народами С.-В. Азіи и С.-З. Америки. Напротивъ того, подобно камчадаламъ, алеутамъ, чукчамъ и корякамъ, они стоятъ совершенно отдѣльно» (Шренкъ стр. 216). Этотъ своеобразный языкъ имѣетъ, однако, нѣсколько нарѣчій. Рѣзче всего отличается нарѣчіе *восточнаго* берега Сахалина отъ нарѣчія материка. Отчасти промежуточное положеніе, но ближе къ материковымъ, представляетъ языкъ гиляковъ западнаго берега Сахалина. Это дѣленіе легко понять изъ условій мѣстности. Пересѣчь островъ съ запада на востокъ представляетъ, при его гористости, гораздо большія затрудненія, чѣмъ пересѣчь морской проливъ, напримѣръ, около м. Лазарева, гдѣ зимою переѣзжаютъ по льду на собакахъ. Дѣйствительно, гиляки материка, образующіе весьма объединенную группу, постоянно ѣздятъ на западный берегъ Сахалина. Съ побережья моря и съ лимана не прекращаются сношенія съ Амуромъ. Существуетъ особенный сокращенный путь изъ сел. Коль (на морскомъ берегу) на Амуръ. Этотъ путь, называемый «гиляцкою переволокою» (Шренкъ стр. 111), идетъ по двумъ русламъ: 1) черезъ озеро Чля и рѣчку Коль въ Охотское море, или 2) отъ рѣчки Камръ, впадающей въ Амуръ немного выше Николаевска, къ рѣчкѣ Хискѣ (Иской), восточнѣе сел. Коль, впадающей въ море¹⁾. Такимъ образомъ, сел. Коль, стоящее на первый взглядъ совсѣмъ въ сторонѣ, на самомъ дѣлѣ лежитъ на пути гиляцкихъ рыбаковъ съ Амурса или на Амуръ. На Сахалинѣ жители восточнаго берега часто назывались «Тро-гиляками» (Тро=ороки). Они состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ населеніемъ рѣки Бол. Тыми и образуютъ вмѣстѣ съ послѣднимъ группу отличную отъ остальныхъ.

¹⁾ См. становище Иски на моей картѣ.

Шренкь замѣтилъ, что названія животныхъ не свойственныхъ Сахалину заимствованы гиляками изъ тунгусскихъ языковъ и заключилъ отсюда, что родина гиляцкаго языка Сахалинъ, съ котораго его носители перешли на материкъ, тѣснимые съ юга аинами. Штернбергъ («Сахалинскіе гиляки». Этногр. Об. 1893 г.) утверждаетъ обратное: «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сахалинскіе гиляки — пришельцы съ материка» (стр. 2). По его словамъ «перепись доказала, что заселеніе острова шло отъ сѣвера къ югу»; особенно имена родовъ даютъ поводъ къ такому заключенію.

Что касается до близости материковыхъ гиляковъ и жителей западнаго берега Сахалина, то объ единствѣ ихъ краснорѣчиво говоритъ то, что каждый родъ сахалинскихъ гиляковъ — только вѣтвь рода, живущаго по материковому побережью (Штернбергъ *ibid.* стр. 2)—или наоборотъ?

Языкъ, по свидѣтельству того же Штернберга, тождественъ у тѣхъ и другихъ (стр. 2). Штернбергъ насчиталъ 5—6 диалектовъ и поддиалектовъ, но географическихъ разграниченій, кромѣ перваго (т. е. выдѣленія восточнаго берега Сахалина въ особую группу), повидимому, сдѣлать нѣтъ возможности. «Благодаря междуродовымъ бракамъ и непрерывнымъ переселеніямъ, діалекты крайне перепутываются между собой — въ рѣдкой семьѣ всѣ члены ея говорятъ на одномъ и томъ же діалектѣ» (Штернбергъ. «Образцы матеріаловъ по изученію гиляцкаго языка и фольклора». Спб. 1901). Все сказанное въ связи съ подвижностью и предприимчивостью гиляковъ, предпринимающихъ довольно далекія путешествія или экспедиціи, какъ на примѣръ, на Шантарскіе острова, къ заливу Терпѣнія на Сахалинъ и т. п., а также любовь ѣздить по гостямъ и поддерживать сношенія съ далекими родными—все это должно было сдѣлать весьма спутаннымъ распределеніе физическаго типа, если онъ когда-либо отличался по географическимъ районамъ. Особенно подкрѣпляется такое мнѣніе семейнымъ бытомъ гиляковъ, какъ онъ описанъ Л. Я. Штернбергомъ («Сахалинскіе гиляки». Этногр. Об. 1893 г.). Вотъ что мы находимъ у этого изслѣдователя: «родъ гиляковъ организованъ на мужскомъ началѣ... Бракъ внутри рода безусловно запрещенъ» (стр. 8). «Роды бывають часто разсѣяны въ очень отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ. Но раздѣлившись, сородичи продолжаютъ помнить другъ друга, ѣздятъ

другъ къ другу (вспомнимъ западный берегъ Сахалина! Г. М.) въ гости, оказываютъ другъ другу помощь и покровительство... рѣдко найти селеніе, въ которомъ бы все населеніе принадлежало къ одному роду... По большей части въ селеніи 2—3 рода. Происходитъ это отчасти оттого, что гилякъ часто бываетъ вынужденъ покидать свой родъ и переселяться, ища для себя болѣе благоприятныхъ мѣстъ». Многіе мужья переселяются въ родъ жены (вмѣсто выкупа платя за жену своимъ трудомъ). Если вспомнить, что въ семьѣ часто говорятъ на разныхъ діалектахъ и жена всегда элементъ посторонній роду (этимъ объясняется запрещеніе женщинамъ участвовать въ родовыхъ праздникахъ), то ясно, насколько должна была перемѣшаться вся масса гиляцкаго населенія на той значительной территоріи, которую они заняли.

Изложенное представляетъ большую важность для пониманія результатовъ антропологическихъ изслѣдованій среди гиляцкаго народа. Къ этому надо прибавить, что съ сосѣдними народами гиляки находятся и находились въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

О *подвижности* гилякъ и ихъ торговлѣ надо замѣтить слѣдующее. Центромъ всего пространства населеннаго гиляками является селеніе Вайръ или по-русски Ваить = Вайда (Шренкъ. Т. II стр. 54), на Амурѣ (16 зимниковъ), недалеко отъ него Маю, а на другомъ берегу Тебахъ — тоже значительныя селенія. Лянгръ на Лиманѣ служитъ центромъ сношеній гиляковъ низовья Амура и побережья моря съ сѣвернымъ Сахалиномъ. Чомы — центръ постоянныхъ сношеній съ западнымъ берегомъ Сахалина, а также съ гиляками Тро и Тымскими; черезъ горы здѣсь же идетъ и прямой путь на поселенія гиляковъ, расположенныя выше всего на Амурѣ.

Не допуская въ свою область китайскихъ купцовъ, гиляки (по крайней мѣрѣ во времена Шренка) почти всю зиму проводили въ странствованіяхъ съ торговыми цѣлями. Эти странствованія идутъ въ трехъ направленіяхъ: 1) на западъ къ негидальцамъ на Амгуни и къ сомагирцамъ на озеро Удымъ, 2) на сѣверъ къ своимъ же гилякамъ побережья Охотскаго моря и 3) на востокъ на Сахалинъ, особенно въ періодъ ловли нерпы (тюленя).

Путь на побережье сокращенный: 1) изъ Паль-во по оз.

Чля на Коль, или 2) изъ Ваира (Вайда) въ Хиску (рѣчка, впадающая въ море около Петровскаго зимовья).

Амурскіе гиляки запасаются товаромъ на сѣверномъ Сахалинѣ и на берегу Тро, а гиляки изъ Чомы на западномъ берегу Сахалина и на Тыми.

Изъ этихъ показаній Шренка можно заключить, что торговлей занимаются собственно гиляки материка, тогда какъ сахалинскіе—живутъ болѣе неподвижно и изолированно. Это подтверждается и В. Н. Васильевымъ (1912 г.).

Замѣчу, что Зеландъ въ параллель Шренку, находитъ, что сахалинскіе гиляки сохранили болѣе древнія черты быта, чѣмъ материковые.

Повидимому, *смѣшеніе съ иноплемениками* представляетъ не столь рѣдкое явленіе у гилякъ. Напримѣръ на одной изъ таблицъ (В. Н. Васильева) помѣчено «отецъ китаецъ» — гилякъ этотъ не съ границы, а изъ Чильба. Другія данныя В. Н. Васильева подтверждаютъ, что смѣшанные браки среди гилякъ не рѣдки¹⁾. Шренкъ (стр. 224) говоритъ, что гиляки не только сахалинскіе, но и съ материка, заѣзжая по торговымъ дѣламъ въ айнскія селенія на Сахалинѣ, остаются зимовать тамъ и даже проводятъ по нѣсколько лѣтъ среди айновъ. Возвращаясь такой гилякъ часто привозитъ женщину айнку или женою или рабою, и самъ Шренкъ видѣлъ такую айнскую жену гиляка въ сел. Тебахъ (см. карту) на Амурѣ, весьма отдаленномъ и едва-ли не самомъ отдаленномъ отъ Сахалина. Переводчикъ Шренка происходилъ отъ отца тунгуса и матери гилячки, причемъ отецъ этотъ поселился въ гиляцкомъ селеніи, придя изъ тунгусской области Удской округи. Другой случай изъ Каберацбаха; здѣсь женою гиляка была женщина тунгусскаго племени Ольчей. Вообще, для Шренка, прекрасно знакомаго съ бытомъ гиляковъ, самымъ простымъ объясненіемъ разныхъ типовъ гиляцкихъ лицъ всегда было предположеніе простого смѣшаннаго брака между болѣе или менѣе отдаленными предками, чему примѣры у него были всегда передъ глазами (ср. стр. 224).

Итакъ, условія быта гиляковъ дѣлаютъ сомнительной: 1) возможность подраздѣлить ихъ на географическія группы

¹⁾ В. Н. Васильевъ наблюдалъ часто жень-гольдокъ въ гиляцкихъ семьяхъ; онъ же сообщаетъ, что съ браками на Сахалинѣ гиляки не смѣшиваются.

(кроме выдѣленія жителей восточнаго Сахалина) и 2) возможность найти среди нихъ чистый типъ, не подвергшійся смѣшенію съ любой изъ окружающихъ народностей, т. е. главнымъ образомъ аинами и тунгусами; о русскихъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній нѣтъ ни въ положительномъ, ни отрицательномъ смыслѣ.

Прежде чѣмъ приступать къ изложенію антропометрическаго матеріала, я остановлюсь на тѣхъ описаніяхъ «*гиляцкаю тина*», которыя у насъ имѣются въ литературѣ и на весьма немногочисленныхъ измѣреніяхъ живыхъ гиляковъ. Шренкъ встрѣтилъ неодолимые препятствія для измѣренія живыхъ, и у него имѣются лишь описанія ихъ, мѣрять же онъ только одинъ костякъ и нѣсколько череповъ. Къ измѣреніямъ череповъ другихъ изслѣдователей приходится относиться съ недовѣріемъ, такъ какъ доказать принадлежность череповъ гилякамъ весьма трудно.

III

Свѣдѣнія о физическомъ типѣ гиляковъ.

Вотъ что говоритъ академикъ Шренкъ относительно физическихъ чертъ народа, говорящаго на гиляцкомъ языкѣ («Объ инородцахъ Амурскаго края». Т. I. Ч. II. Гл. 3, стр. 221 — 222). «При такомъ изолированномъ, по отношенію къ языку, положеніи гиляковъ, можно было бы ожидать, что они отличаются отъ своихъ сосѣдей и болѣе или менѣе значительными физическими особенностями. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Хотя я самъ видѣлъ столь многихъ, чуть ли даже не большую часть гиляковъ, однако, признаюсь... нахожусь совершенно не въ состояніи указать на какой-либо постоянный физическій признакъ или общій физическій типъ, по которому можно было бы съ достовѣрностью узнать гиляка и отличить его отъ остальныхъ инородцевъ Амурскаго края, — отъ любого ольчи, тунгуса, а иногда, пожалуй, и отъ аина. Если у гиляковъ... и былъ прежде своеобразный, общій всѣмъ типъ, то въ настоящее время... онъ давно изгладился, и вмѣсто того явилось большое разнообразіе формъ, для ознакомленія съ которыми необходимо различать между ними нѣсколько типовъ».

«Гиляки вообще — средняго, часто даже малаго *роста*; выше средняго попадаются рѣдко, людей же большого роста не случалось встрѣчать между ними. При этомъ они — коренастаго, крѣпкаго *тѣлосложенія*, болѣе крѣпкаго, чѣмъ тѣлосложеніе ихъ сосѣдей, тунгусскихъ племень и айновъ. *Голова* кажется относительно большою: если бы опредѣлять ростъ по ея величинѣ, то онъ вышелъ бы слишкомъ высокъ. *Шея* обыкновенно коротка, *плечи* довольно широки, *грудная клетка* объемиста; *туловище* сравнительно съ конечностями, по крайней мѣрѣ нижними, длинно, или, наоборотъ, *конечности*, сравнительно съ туловищемъ, коротки; *руки и ноги* поразительно малы (здѣсь говорится о кистяхъ и ступняхъ) — черта общая у нихъ съ аянами и тунгусами. Все тѣло жилистомускулисто, худощаво, безъ жировой подкладки; тучные падаются между ними столь-же рѣдко, какъ и высокіе.

Цвѣтъ кожи у гиляковъ всегда болѣе или менѣе желтоватый, часто довольно темный, желтовато-бурый. У мужчинъ и стариковъ темнѣе, чѣмъ у женщинъ и дѣтей... Относительно *волосъ*, гиляки занимаютъ, нѣкоторымъ образомъ, среднее мѣсто между тунгусскими, монгольскими и другими сибирскими инородцами съ одной стороны и аянами — съ другой; у нихъ вообще больше волосъ, чѣмъ у первыхъ, но значительно меньше, чѣмъ у послѣднихъ. Волосы гиляковъ гладки, жестки и совершенно черны. Въ *чертахъ лица* гиляковъ выражается вообще, такъ называемый, монгольскій типъ: круглое, плоское лицо, низкій лобъ, выдающіеся скулы, косою разрѣзъ глазъ, короткій, немясистый носъ и, ко всему этому, рѣдкая борода и желтоватый цвѣтъ кожи. Этотъ типъ у нихъ отнюдь не чистый, напротивъ, встрѣчаются столь частыя и значительныя уклоненія, что необходимо различать между ними (гиляками) нѣсколько типовъ (лица)». (Стр. 229). Такихъ типовъ, по мнѣнію Шренка, три: «два крайніе и третій средній между ними». Называетъ ихъ авторъ айно-гиляцкимъ, тунгусско-гиляцкимъ и среднимъ или собственно-гиляцкимъ. Вотъ ихъ подробное описаніе:

1) «Въ лицахъ *айно-гиляцкаго* типа монгольскія черты почти совершенно исчезаютъ: лицо, въ этомъ случаѣ, не кругло, а продолговато или овально, лобъ не имѣетъ ската назадъ, скулы не выдаются особенно замѣтнымъ образомъ; корень носа, подобно и всему носу, довольно возвы-

шенъ; глаза поставлены почти прямо, а иногда даже и совсѣмъ прямо; брови рѣзко обозначены, борода довольно большая. Такія лица можно, пожалуй, принять за кавказскія. Такія лица Шренкъ встрѣчалъ повсюду, и по Амуру, и на Сахалинѣ, — «въ мѣстахъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о смѣшеніи съ русскими». «Мнѣ кажется, прибавляетъ авторъ, что вышеупомянутый типъ лица гяляковъ справедливо можно объяснить ихъ долготѣннымъ смѣшеніемъ съ аянами».

2) Наибольшую противоположность аянско-гяляцкому типу представляетъ типъ *тунгусско-илляцкій*. Монгольскія черты лица здѣсь вполне выказываются: лицо кругловато, лобъ узокъ и поватистъ назадъ; скулы сильно выдаются, и тутъ-то, между ними, находится наибольшая ширина лица, глаза имѣютъ видъ узкой, косой щели, вслѣдствіе опускающейся складки верхняго вѣка, брови едва замѣтны; корень носа вдавленъ и почти совсѣмъ плосокъ, хребетъ его чуть выдается; самый носъ широкъ и немясистъ; все лицо безъ волосъ... «лица съ несомнѣнно тунгусско-монгольскими чертами встрѣчаются довольно часто во всѣхъ частяхъ гяляцкаго края».

3) *Третій типъ* имѣетъ въ общемъ строеніи лица также монгольскій характеръ, но значительно смягченный и съ нѣкоторыми аянскими отгѣнками. Здѣсь лицо также кругловато; скулы хотя и широки, но выдаются далеко не въ такой степени; глаза обыкновенно расположены немного косо, но отгѣняются рѣзко-обозначенными бровями; корень носа менѣе вдавленъ, хребетъ его болѣе выпуклъ, и ростъ волосъ на лицѣ обыкновенно гораздо сильнѣе, чѣмъ у тунгусовъ. Вообще, этотъ третій типъ занимаетъ лишь среднее мѣсто между двумя другими. Онъ такъ часто повторяется между гяляками, что этимъ уже достаточно объясняется его отгѣленіе и названіе «*собственно-илляцкаго*».

«На гяляцкихъ женщинахъ различіе въ чертахъ лица по тремъ вышеупомянутымъ типамъ далеко не такъ замѣтно, какъ на мужчинахъ». Это, въ особенности, потому что объ одномъ особенно характерномъ признакѣ, именно болѣе или менѣе сильномъ ростѣ бороды у нихъ «не можетъ быть рѣчи». «У женщинъ почти всегда болѣе монгольское строеніе лица, чѣмъ у мужчинъ». Лица со смягченными монгольскими чертами между гялячками рѣдки, «тогда какъ, напротивъ, чисто тунгусско-монгольскія лица встрѣчаются весьма часто. Обыкновенно»

венно лицо у гилячекъ круглое, по выраженію Миддендорфа, «лунообразное», притомъ плоское, съ выдающимися скулами, косо расположенными глазами, вдавшимся корнемъ носа и широкимъ, часто столь низкимъ носомъ, что въ профиль, за выступающими скулами, его совсѣмъ не видно. Подобно гиляцкимъ мужчинамъ всѣхъ трехъ типовъ, и у гиляцкихъ женщинъ глаза всегда черные, губы тонкія, рѣдко немного вздутыя, уши очень большія» (носятъ по нѣскольку серегъ, не оттого-ли?). «Не смотря на это, уши у нихъ не торчатъ въ сторону» (младенцы въ шапочкахъ, не оттого-ли?). (Стр. 231).

Другое описаніе наружныхъ признаковъ гиляковъ мы имѣемъ въ статьѣ д-ра Зеланда «О Гилякахъ» (Изв. Импер. Общ. Любит. Естеств. Протоколы засѣданій Антрополог. Отд. Т. XLIX вып. 3, 1886 г.). Этотъ авторъ, дѣлавшій также и немногочисленные измѣренія, описываетъ гиляковъ такъ: Въ общемъ итогъ гиляки ниже средняго роста. Очень маленькіе, впрочемъ, попадаются рѣдко, чаще можно встрѣтить высокіхъ. Женщины замѣтно меньше—нѣтъ высокіхъ. Волосы черные, въ косу. Цвѣтъ глазъ безъ исключеній темный. Усы и борода черные, довольно жидкіе. Кожа сильно смуглая. Скулы выдаются, носъ небольшой, большей частью вдавленный. Ротъ толстогубый, нерѣдко открытый. Губы красныя. Глаза узкія, но не изъ самыхъ узкихъ, направленіе ихъ прямое или слегка скошенное вверху и кнаружи. Разногласія между нимъ и Шренкомъ, какъ видно касаются указанія на размѣры роста и толщину губъ — въ остальномъ оба почти сходятся на «средне-гиляцкомъ» типѣ.

Что касается до *измѣреній живыхъ* гиляковъ, то Шренкъ говоритъ, что въ его время это было совершенно невыслымымъ предпріятіемъ, вслѣдствіе суевѣрнаго страха передъ такими непонятными дѣйствіями, въ которыхъ ими подозрѣвалось волшебство. Однако д-ръ Зеландъ въ упомянутой статьѣ приводитъ данныя измѣреній, сдѣланныхъ имъ на 20 гилякахъ. Онѣ касаются роста и головного указателя.

Средній ростъ 12 мужчинъ, гиляковъ — 1622.

Средній ростъ 8 женщинъ, гилячекъ — 1504.

Эти цифры, несмотря на малое число измѣренныхъ, довольно близки къ полученнымъ нами среднимъ. Весьма досадно, что д-ръ Зеландъ не упоминаетъ совершенно ни мѣста

измѣренія, ни происхожденія измѣренныхъ, а называетъ ихъ вообще «гиляками».

Гораздо хуже обстоятъ дѣло съ приводимою тѣмъ же авторомъ цифрою головного указателя «гиляковъ»: оставленъ не описаннымъ способъ измѣренія, но, даже если бы онъ былъ правильнымъ, цифра негодна для сравненія, ибо выведена «въ среднемъ» изъ данныхъ на мужчинахъ и женщинахъ. Цифра эта (86,2) сильно расходится съ тою среднею, которая получена изъ матеріаловъ В. Н. Васильева, и должна быть признана сомнительной.

Вотъ всѣ данныя, полученныя на живыхъ гилякахъ.

Не многимъ лучше обстоятъ дѣло съ *космичками* ихъ. Здѣсь имѣются измѣренія Шренка, Богданова, Davis, Virchow и Targenetzky, но почти всѣ, за исключеніемъ измѣреній Шренка, получены на сомнительномъ или явно несоотвѣтствующемъ (т. е. не гиляцкомъ) матеріалѣ. Скелеть измѣренъ лишь одинъ (Шренкъ), а остальное—черепъ, и о нихъ я сдѣлаю нѣсколько замѣчаній.

1) Четыре черепа Шренка—достоверно гиляцкаго происхожденія. Первый взятъ отъ трупа, выброшеннаго моремъ вблизи Петровскаго зимовья, трупъ былъ одѣтъ по гиляцки. Второй изъ деревни Маго на нижнемъ Амурѣ. Третій отъ гилла, умершаго въ Николаевскомъ госпиталѣ. Четвертый, женскій, отъ убитой гиляками гиляцкой женщины, которая была отнята русскими и зарыта въ землю, а черезъ нѣсколько лѣтъ снова выкопана купцомъ Ивановымъ.

2) Черепъ измѣренный Пруннеръ-Беемъ, Дэвисомъ и Вирховымъ достоверно не гиляцкаго происхожденія, ибо найденъ въ мѣстности около озера Кидзи, гдѣ вовсе нѣтъ гилзковъ, и притомъ, на деревѣ. Гиляки, какъ извѣстно, сжигаютъ своихъ покойниковъ, а на деревьяхъ оставляютъ ихъ чаще всего Орочи. Шренкъ (стр. 237) утверждаетъ на этихъ основаніяхъ, что черепъ принадлежалъ никакъ не гиляку.

3) Черепъ проф. Богданова съ Антропологической выставки былъ имъ опубликованъ въ 1879 г. (Антропологич. Выставка, Томъ III, часть 2, вып. 3 и «Антропол. извѣстія», Томъ II, вып. 6). Черепъ этотъ женскій (судя по слабому развитію гребней). Происхожденіе его не указано.

4) Въ 1893 г. проф. Таренецкій опубликовалъ въ мемуарахъ Академіи Наукъ измѣренія череповъ, названныхъ имъ ги-

ляцкими, причемъ изъ нихъ 15, по его мнѣнію, мужскихъ, 10 женскихъ и 4 дѣтскихъ (всего 29 череповъ). Всѣ эти черепа, въ противоположность перечисленнымъ выше, происходятъ съ о. Сахалина (одинъ, однако, изъ Софійска¹) на Амуръ). Сжиганіе гиляками покойниковъ заставляеть отнестись особенно внимательно къ происхожденію всякихъ гиляцкихъ череповъ, тѣмъ болѣе, что они, какъ рѣдкость, должны весьма цѣниться музеями. Вотъ что сообщаетъ Таренецкій объ измѣренныхъ имъ черепахъ (Ор. с. II р. 16). Первый «гиляцкій» черепъ съ Сахалина доставленъ былъ въ Академію Наукъ въ 1882 г. — онъ былъ «выкопанъ Поляковымъ въ 1881 году на кладбищѣ въ Рыковѣ около Рыбалки» (Rykoſ bei Rybalki — Begräbnissplatz). Къ сожалѣнію такое происхожденіе возбуждаетъ лишь недоумѣніе и недоувѣріе, ибо на гиляцкихъ кладбищахъ хоронятъ пепель. «Въ 1890 г.» продолжаетъ Таренецкій: «Д-ръ Супруненко привезъ еще 8 гиляцкихъ череповъ съ Сахалина и передалъ ихъ Академіи Наукъ. Одинъ изъ нихъ, женскій, съ западнаго берега Сахалина изъ сел. Тыкъ обозначенъ Супруненко, какъ гиляцкій. Остальные 7 изъ могилъ (Gräbern) разныхъ гиляцкихъ селеній около Поста Дуэ; подробно указано мѣсто нахождения № 19 — именно устье р. Александровки въ землѣ горы, гдѣ стоитъ Маякъ («aus dem Leuchthurmberge ausgegraben»). Эти семь череповъ приведены д-ромъ Супруненко въ рубрикѣ анно-гиляцкихъ». Болѣе убѣдительныхъ доводовъ въ пользу гиляцкаго происхожденія этихъ вырытыхъ изъ какихъ-то могилъ череповъ не приводится. «Въ Имп. Военно-Медиц. Академіи», продолжаетъ Таренецкій: «имѣется теперь 18 гиляцкихъ череповъ; одинъ изъ нихъ, вѣроятно женскій, обозначенъ въ работѣ 1890 г. ошибочно, какъ айнкій, онъ происходитъ изъ Софійска²) на Амуръ, остальные получены 1891 г. съ Сахалина, какъ даръ д-ра Тропина. Болѣе подробнаго обозначенія мѣста ихъ нахождения къ черепамъ не приложено, въ ихъ подлинности (въ томъ числѣ и происходящаго изъ Софійска) нѣтъ сомнѣнія». Основаній здѣсь уже вовсе не приводится и странно, отчего проф. Таренецкій счи-

¹) Выше селеній ольчей — тамъ, гдѣ они уже живутъ вмѣстѣ съ Гольдами см. на картѣ.

²) Этотъ черепъ навѣрно не гиляцкій. Странно, что проф. Таренецкій не только не заинтересовался этнографіей гилякъ, но даже, повидимому, не посмотрѣлъ на карту.

талъ ихъ несомнѣнно подлинными. Д-ръ Тропинъ оказалъ бы хорошую услугу изслѣдованію гиляковъ въ антропологическомъ отношеніи, если бы напечаталъ подробную исторію находженія подаренныхъ имъ череповъ.

Вотъ все, что извѣстно о черепахъ, числящихся въ музеехъ гиляцкими.

Цифры, полученные на этихъ черепахъ, могли бы послужить для приблизительнаго сравненія съ выведенными по матеріаламъ В. Н. Васильева, но для этого необходимо, чтобы методы измѣренія въ томъ и другомъ случаѣ были одинаковы. Къ сожалѣнію этого нѣтъ.

1) Шренкъ, измѣряя свои черепа (4) придерживался метода Ihering'a, т. е. устанавливалъ черепъ въ горизонтальной плоскости, проходящей черезъ нижніе края глазницъ и ушныя отверстія. Диаметры—продольный и поперечный брались въ этой плоскости (т. е. горизонтальной, см. стр. 238, Шренка Op. c.), причемъ наибольшая длина оказалась между переносьемъ и затылочною костью повыше затылочнаго бугра (ibid. p. 241). Полученный такимъ образомъ продольный диаметръ не можетъ быть сравниваемъ съ диаметромъ, какъ онъ измѣряется въ антропологической лабораторіи Петроградскаго Университета и измѣрялся Васильевымъ (по Брока). Имѣя это въ виду, я привожу цифры Шренка, не пытаюсь ихъ сопоставлять съ моими.

Головной указатель 4 гиляцкихъ череповъ (Шренкъ):

мужской съ Охотскаго моря — 70,4,	высотный ук. — 71,5
» изъ Маю на Амурѣ — 74,9,	» » — 75,4
» » Алофа » » — 85,2,	» » — 75,0
женскій изъ окр. Михайловск. — 73,8,	» » — 73,8

2) Богдановъ получилъ для своего черепа слѣдующія величины:

Прод. діам. — 172, поперечн. діам. — 135, высота черепа — 120. Указатель головной получается = 78,49 (т. е. + 2 для живого, очень близко къ средней матеріала В. Н. Васильева).

3) Таренецкій («Beiträge zur Craniologie der Grossrussischen Bevölkerung» Mémoires de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Petersburg. T. XXXII. № 13. 1884 г.) измѣрялъ продольный диаметръ двумя способами (Op. cit. p. 6). Во-пер-

выхъ, «отъ средняго пункта между *Arcus superciliares* близко къ *Sutura naso-frontalis* до наиболѣе выступающаго пункта затылка въ горизонтальной плоскости», а во вторыхъ, «оттуда же, но не обращая вниманія на горизонтальную плоскость» (т. е. по Брока). Индексъ вычислялся отъ перваго діаметра, тогда какъ нашъ діаметръ по способу измѣренія совпадаетъ со вторымъ Таренецкаго. Разница между полученными нашими разными способами величинами иногда (какъ это видно изъ таблицы измѣреній «гиляцкихъ» череповъ, стр. 44, работы 1893 г.) четыре и даже шесть миллиметровъ, причемъ діаметръ по Брока больше того, который давалъ индексы у Таренецкаго, т. е. индексы Таренецкаго показываютъ ббльшую брахицефалію, чѣмъ слѣдуетъ. Головной указатель «гиляковъ» по Таренецкому для мужчинъ въ среднемъ (15)—83,4, а для женщинъ (11)—83,2; высотный указатель—75,4 (они гипсифалы и ортоцефалы). Если исправить его цифры головного указателя, т. е. взять не его первый продольный діаметръ, а второй, то средняя получается меньше, именно: головной указатель сахалинскихъ «гиляковъ» по черепамъ (σ) Таренецкаго=82,76 (σ), а для живыхъ былъ бы около 85, т. е. довольно близокъ къ полученному мною (85,17) на живомъ матеріалѣ. Для женщинъ, исправивъ такъ же, какъ и для мужчинъ, индексы Таренецкаго, получаемъ указатель 83,33, т. е. для живыхъ былъ бы свыше 85; эта цифра немного меньше полученной мною (4 экзempl.), именно 87,07 (по матеріаламъ Васильева). По высотѣ черепа мои гиляки Сахалина болѣе высокоголовы, чѣмъ населеніе материка, а всѣ (4) гилячки гипсифалки. Это согласно съ данными Таренецкаго.

Въ цитированной работѣ Таренецкій приводитъ еще данныя измѣренныхъ имъ 4 череповъ ороковъ съ Сахалина. Несмотря на то, что происхожденіе и этихъ череповъ нельзя считать яснымъ и несомнѣнно орокскимъ, я приведу результаты измѣреній и сопоставлю ихъ съ полученными мною по матеріаламъ Васильева данными измѣреній живыхъ ороковъ (18 σ и 14 ♀) потому особенно, что объ орокахъ нѣтъ вообще никакихъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи. Данныя Таренецкаго таковы: прод. діам. (№ 2)—175,25; поперечный діаметръ—147,75. Головной указатель (исправленъ мною)—84,35, т. е. для живого былъ бы больше 86.

Вотъ сопоставленія съ моими данными:

ТАБЛИЦА II.

Ороки о. Сахалина.	Таренецкій (чер.)	Васильевъ (жив.)	
	Поль неизвѣстенъ.	♂ (18)	♀ (14)
Продольн. діаметръ	175,25	184,83	177,50
Поперечн. діаметръ	147,75	153,33	149,93
Головной указатель	84,25 (86)	82,92	84,49

Какъ видно, ороки Таренецкаго болѣе брахицефалы, чѣмъ ороки живые. Въ виду, однако, ничтожнаго числа измѣренныхъ череповъ, мы, можетъ быть, имѣемъ дѣло просто со случайностью, тѣмъ болѣе, что у живыхъ головной указатель колеблется: ♂ отъ 77,42 до 87,05, а у ♀ 80,45 до 91,91.

Общее заключеніе изъ измѣреній Таренецкаго (не предрѣшая вопроса о національности его череповъ) то, что на Сахалинѣ имѣются черепа какого-то короткоголоваго населенія, навѣрное не айнскіе, ибо головной указатель айновъ (Коганей) 77,3 ♂ и 78 ♀ (на живыхъ), и навѣрное не тунгусскіе, ибо указ. тунгусовъ материка отъ 78,5 (гижигинскіе) до 82,69 (забайкальскіе), но довольно близкіе по головному указателю къ 10 гилыкамъ восточнаго берега, которые и представляютъ собою единственный живой измѣренный матеріалъ. Тунгусское племя ороковъ приближается въ этомъ отношеніи къ другимъ тунгусскимъ племенамъ и (судя по 18 + 14 измѣреннымъ) черепа не могутъ быть ему приписаны. Конечно, открытымъ остается вопросъ о принадлежности этихъ череповъ русскимъ или китайцамъ (напримѣръ, первымъ поселенцамъ, умершимъ отъ голода, болѣзней или на войнѣ, о которыхъ могло не остаться никакихъ воспоминаній). Вообще говоря нужно не по черепамъ судить о живущей сейчасъ народности, а по народности судить о принадлежности или не принадлежности къ ней череповъ, если нельзя доказать этой принадлежности другими путями.

IV

Результаты антропометрическаго изслѣдованія гиляговъ томъ 1912 года на материкѣ и на островѣ Сахалинѣ

Данныя, которыя ниже будутъ сведены и предстанутъ въ видѣ среднихъ и таблицъ получены изъ «карточекъ» заполненныхъ лѣтомъ 1912 года В. Н. Васильевымъ время его путешествія съ этнографическими цѣлями по нему Амуру, берегамъ Охотскаго моря и Татарскаго залива, а также на восточномъ берегу о. Сахалина. В. Н. Васильевъ отнесся чрезвычайно добросовѣстно и внимателенъ къ своей задачѣ и не только заполнилъ всѣ графы, но и ввелъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень интересныя дополненныя свѣдѣнiя въ видѣ примѣчанiй, напр., о растительности на женскихъ лицахъ, о поврежденiяхъ и по т. п. вопросамъ предусмотрѣннымъ карточками. Въ цифрахъ, выходящихъ изъ результатовъ измѣренiй, очень мало ошибокъ, же таковыя оказывались въ отдѣльныхъ случаяхъ, то брасывалъ соответственныхъ индивидуумовъ при подсчетѣ средней. На карточкахъ отмѣчалось мѣсто измѣренiя собственное имя измѣряемаго; родовыхъ указанiй нѣтъ. Достаточно этотъ объясняется, вѣроятно, какъ и въ пер. 1897 г., гдѣ тоже нѣтъ именъ родовъ, трудностью объясненъ черезъ переводчика и съ незнакомыми людьми. Восемь человекъ изъ всего числа измѣренныхъ оказалось не достигло 18 лѣтъ и потому были мною выдѣлены и не вошли въ счетъ. Та же судьба постигла гиляка, на карточкѣ котораго была помѣтка: «отецъ китаецъ». Оказавшiйся въ Проницкомъ селенiи съ Фузи» отнесенъ въ послѣднее селенiе. Всего получено 284 человека мужчинъ и женщинъ. Изъ этого 18—недостигшихъ зрѣлаго возраста; 10 мужчинъ и 4 женщины съ о. Сахалина; 144 мужчины съ материка, т. е. Амура, амурскаго лимана и побережья Татарскаго пролива Охотскаго моря; 108 женщинъ изъ тѣхъ же мѣстъ. На карточкахъ селенiя по берегу Татарскаго пролива названы, находящiяся въ «лиманѣ» (таково мѣстное названiе). Ежели съ селенiями по берегу Охотскаго моря они образуютъ какъ будто естественную группу, отличную отъ амурской состоящей изъ селенiй, расположенныхъ гораздо выше Амура (отъ Чильба до Гери). Подсчетъ по этимъ

группамъ показаль, однако, такую малую разницу, что дѣленіе вовсе не оправдалось на матеріалѣ. Я счелъ за лучшее оставить его и разсматриваю всѣхъ гиляковъ материка въ одной группѣ. Другое дѣло сахалинскіе. Измѣренные представители всѣ съ восточнаго берега и несмотря на малочисленность показали такую рѣзкую разницу, что отдѣленіе ихъ представляется совершенно правомѣрнымъ по крайнѣй мѣрѣ теперь, т. е. до полученія большаго количества данныхъ изъ названнаго мѣста.

Вычисляя индексы я въ огромномъ большинствѣ случаевъ отбрасывалъ десятиа при миллиметрахъ, въ виду ихъ незначительности по сравненію съ возможной ошибкой наблюденія.

Замѣтивъ, что цвѣтъ волосъ гилякъ (черный) и глазъ (темный) не нуждаются въ разсмотрѣніи, перехожу теперь къ сводкѣ цифрового матеріала въ таблицахъ среднихъ и указателей.

1. Возрастъ.

Въ виду отсутствія метрическихъ книгъ и какого-либо ихъ подобія, лѣта измѣренныхъ опредѣлялись на основаніи показаній ихъ самихъ, а также разспроса окружающихъ и отчасти «по виду» или «на взглядъ». Не претендуя на большую точность, ихъ можно считать довольно близкими къ истинѣ. Слишкомъ юные, какъ замѣчено выше, отброшены.

ТАБЛИЦА III.

Возрастъ измѣренныхъ.

Гиляки. Лѣта.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)
18—20	1	7 = 5%	3	7 = 6,5%
20—30	5	55 = 38,5%	1	55 = 51,5%
30—40	3	34 = 24%	—	34 = 31,5%
40—50	1	38 = 26,5%	—	9 = 8,5%
50—60	—	9 = 6%	—	2 = 2%

Изъ таблицы видно, что измѣренныя довольно равномерно распределяются по возрастамъ: старыхъ вовсе нѣтъ, а старше пятидесяти—весьма небольшой процентъ, еще меньше молодыхъ, не достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста.

2. Сложеніе.

Сложеніе оцѣнивается на глазъ и обозначается баллами 1, 2 и 3. Данныя разныхъ изслѣдователей при этомъ надо сопоставлять, разумѣется, съ осторожностью.

ТАБЛИЦА IV.

Г и л я к и.	С л о ж е н і е.					
	Слабое (1).		Среднее (2).		Крѣпкое (3).	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%
♂ { Сахалинъ (4) . . .	6	—	4	—	—	—
	Материкъ (143) . .	3	2	80	56	60
♀ { Сахалинъ (4) . . .	2	—	2	—	—	—
	Материкъ (106) . .	8	7	73	69	25

Изъ таблицы видно, что гиляки средняго сложенія съ очень большимъ процентомъ крѣпкаго, на Сахалинѣ же оказалось большинство слабого сложенія — именно число ихъ, при маломъ количествѣ вообще изслѣдованныхъ на островѣ индивидовъ, превзошло число лицъ слабого сложенія на материкѣ при далеко превосходящемъ (въ 14 разъ) общемъ числѣ изслѣдованныхъ.

3. Ростъ.

Величина роста представлена въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА V.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Ростъ {	min.	1536	1433	1511	1377
	max.	1652	1778	1570	1578
	Среднее . . .	1577,87	1621,92	1534,25	1487,16
Низкій	4	55=38,5%	—	4=3,5%	
Ниже средн.	5	41=28,5%	1	84=78,5%	
Выше средн.	1	35=24,5%	3	19=18%	
Высокій	—	12=8,5%	—	—	

Наибольший процентъ для мужчинъ падаетъ на низкій, для женщинъ—на ростъ ниже средняго.

Изъ таблицы роста гиляковъ видно, что ростъ ихъ въ среднемъ ниже средняго, хотя встрѣчаются низкіе и высокіе—амплитуда колебанія довольно велика—345 мм. Процентное отношеніе числа особей въ каждой изъ установленныхъ рубрикъ идетъ, понижаясь отъ низкаго роста къ высокому и притомъ довольно равномѣрно. Число измѣреній на Сахалинѣ слишкомъ мало, чтобы дѣлать какія-либо заключенія о величинѣ роста всей этой группы, но не мѣшаетъ отмѣтить, что средняя оказалась значительно меньше средней для материковаго населенія (хотя процентное отношеніе малорослыхъ и иное).

4. Головной указатель.

Объ этомъ важномъ антропологическомъ признакѣ, на который обычно раньше другихъ признаковъ обращается вниманіе, имѣлись до сихъ поръ недостаточныя и, какъ видно, невѣрныя свѣдѣнія. Въ таблицѣ VI представлены величины діаметровъ и головныхъ указателей.

ТАБЛИЦА VI.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Продольный діаметръ	min. . .	175	173	177	171
	max. . .	196	207	187	199
	Средн. . .	184,6	191,51	183,25	183,82
Поперечный діаметръ	min. . .	149	141,5	158	139
	max. . .	164	169	162	167
	Средн. . .	157,1	154,52	159,5	148,35
Головной указатель	min. . .	79,68	70,50	84,49	75,00
	max. . .	91,01	90,05	90,39	85,95
	Средн. . .	85,17	80,74	87,07	80,74

Я не включилъ въ таблицу одного субъекта, имѣвшаго прод. діам.—148, а поперечный—117; на карточкѣ не отмѣчено никакихъ ненормальныхъ признаковъ, такъ что являются непонятными чрезвычайно малые размѣры головы; возрастъ его 44 года; въ результатахъ другихъ измѣреній нѣтъ никакихъ рѣзкихъ отличій. Въ среднемъ гилляки имѣютъ указатель 80,74 на материкѣ и 85,17 на о.Сахалинѣ. Если бы имѣлось больше наблюдений съ о. Сахалина, то разница головныхъ указателей дала бы весьма отчетливо выдѣлить двѣ группы: съ одной стороны брахицефаловъ (о. Сахалинѣ), съ другой—стоящихъ на границѣ межъ мезоцефаліей и суббрахицефаліей (материкъ). Среднія, однако, въ данномъ случаѣ довольно плохо выражаютъ истинное положеніе вещей, ибо индивидуальныя колебанія указателя очень значительны—отъ долихоцефалии до весьма сильной брахицефалии. Число особей въ каждой группѣ представлено въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА VII.

Г и л л я к и.	Саха- линъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)
Долихоцефалы (< 75,00) .	—	2= 1,4%	—	1= 1%
Субдолихоцефалы (75,01<) .	—	26=18,2%	—	16= 15%
Мезоцефалы (77,78<) . .	1	33=23,1%	—	37=34,5%
Суббрахицефалы (80,01<) .	2	51=35,6%	—	31= 29%
Брахицефалы (83,34<) . .	7	31=21,7%	4	21=20,5%

5. Соотношеніе между ростомъ и гол. указателемъ.

При разсмотрѣніи соотношенія между ростомъ и головнымъ указателемъ среднія роста даютъ картину слѣдующую:

ТАБЛИЦА VIII.

Г р у п п ы.	♂ материка.	♀ материка.
Брахицефалы	(31) 1597,16	(22) 1481,00
Суббрахицефалы	(51) 1614,24	(31) 1487,31
Мезоцефалы	(38) 1630,03	(37) 1486,89
Субдолихоцефалы	(26) 1647,42	(16) 1497,75
Долихоцефалы	(2) 1712,00	(1) 1507

Приведенная таблица весьма наглядно показывает увеличение роста по мѣрѣ движенія отъ брахицефалии къ долихоцефалии. Увеличеніе это въ среднихъ идетъ чрезвычайно равномерно и неуклонно.

6. Высота черепа.

Высота черепа получена не непосредственнымъ измѣреніемъ, а вычитаніемъ изъ роста стоя высоты отъ пола ушного отверстия. Отнесеніемъ этой величины къ продольному диаметру ($= 100$), получаемъ высотно-продольный указатель. Данные измѣреній сведены въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА IX.

Г и л я к и.	Высота черепа		Высотнопред. указ.	
	миним.—макс.	Средняя.		
♂ {	Сахалинъ (10)	119—146	134,8	73,02
	Материкъ (142)	102—181	130,82	68,30
♀ {	Сахалинъ (4)	142—150	146,75	81,45
	Материкъ (107)	105—147	125,51	68,34

Почти 80% гиляковъ—низкоголовые (хамэцефалы). О сахалинскихъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго вслѣдствіе малаго числа измѣреній—ихъ ортоцефалия (въ среднемъ) можетъ быть результатомъ простой случайности.

Точныя цифры для материковыхъ таковы:

хамэцефаловъ — ♂ 78,9%, ♀ — 83,18%
 ортоцефаловъ — ♂ 12,6%, ♀ — 9,34%
 гипсицефаловъ — ♂ 8,5%, ♀ — 7,48%

7. Лобный указатель.

Эта величина получается отнесеніемъ наименьшей ширины лба къ поперечному диаметру головы. Результаты измѣреній на гилякахъ въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА X.

Г и л я к и.	Наименьшая ширина лба		Лобный указатель (поперечн. діам. =100).	
	миним.—мак.	Средняя.		
♂ {	Сахалинь (10) . . .	101—116	107,3	68,30
	Материкъ (143) . . .	92—121	106,37	68,83
♀ {	Сахалинь (4) . . .	107—111	109,00	68,34
	Материкъ (107) . . .	93—118	104,87	70,62

Колебание наименьшей ширины лба въ миллиметрахъ достигаетъ 29, т. е. 23,96% максимума.

8. Лицевые указатели.

Ихъ два—смотря по тому берется ли общая высота лица или лобно-подбородочная и сопоставляются со скуловымъ діаметромъ. Результаты измѣреній сведены на таблицахъ.

ТАБЛИЦА XI.

Г и л я к и.	Сахалинь ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинь ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Высота лица (общая) {	мин. . .	171	164	182	160
	мак. . .	207	223	200	200
	средн. . .	190,70	195,44	188,5	182,87
Ширина лица (скулов. д.) {	мин. . .	134,5	132	138	126
	мак. . .	160,5	164	148	152
	средн. . .	146,40	146,99	141,00	139,32
Указатель общей высоты лица	76,76	75,21	75,09	76,34	

Изъ этой таблицы видно, что лицомъ гиляки (съ материка) стоятъ на границѣ «длинновато-лицыхъ» и «длиннѣе средняго».

Распределение типовъ лицъ по количеству индивидовъ въ каждомъ представлено въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА XII.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂	Материкъ ♂	Сахалинъ ♀	Материкъ ♀
Длиннолицые (< 70,00) .	—	12 — 8 ¹ / ₂ %	—	1 — 1%
Длинноватолицые (< 75,00)	2	64 — 45%	3	39 — 36%
Длиннѣ средняго (< 80,00)	7	56 — 39,5%	1	54 — 51%
Короче средняго (< 85,00)	1	10 — 7%	—	11 — 10%
Широковатолицые (< 90,00)	—	—	—	2 — 2%
Широколицые (90,01 <) .	—	—	—	—

Изъ таблицы видно, что ни широковатолицыихъ, ни широколицыихъ между гиляками вовсе не встрѣчается. Взаимоотношеніе указателей высоты лица и головного представляется довольно неяснымъ; оно представлено въ слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА XIII ¹⁾.

Г и л я к и.	Материкъ ♂		Материкъ ♀	
	(цифры средняго лицевого указателя).			
Брахицефалы	(31)	75,62	(22)	76,73
Суббрахицефалы	(50)*	75,04	(31)	73,57
Мезоцефалы	(33)	74,59	(37)	76,12
Субдолихоцефалы	(25)	73,92	(16)	75,42
Долхоцефалы	(2)	(76,70)	(1)	(75,96)

¹⁾ Изъ числа субдолихоцефаловъ я выбросилъ одного, у котораго лицевой указатель 55,21, т. е. чрезвычайно малъ—вмѣстѣ съ нимъ средняя получается = 74,65, т. е. все же немного больше средней для мезоцефаловъ.

Изъ таблицы видно, что лица нѣсколько укорачиваются (въ среднемъ) при приближеніи къ брахицефаліи и удлиняются при приближеніи къ долихоцефаліи. Говоря это, я не принимаю въ расчетъ двухъ долихоцефаловъ, ибо число ихъ слишкомъ малб, чтобы съ ними считаться.

Другой лицевой указатель—отношеніе лобно-подбородочной высоты къ скуловому діаметру—представленъ въ таблицѣ:

ТАБЛИЦА XIV.
Анатомическое лицо.

Г и л я к и.	Высота лобно-подбородн.			Скуловой діаметръ.	Лицевой указатель (лобн.-подбор.=100)
	Min.	Max.	Сред.		
♂ { Сахалинъ (10)	128	158	148,90	146,40	98,32
	Материкъ (143)	136	169	151,92	146,99
♀ { Сахалинъ (4)	137	149	141,75	141,00	99,47
	Материкъ (107)	123	155	139,2	139,32

По этой таблицѣ гиляки явно длиннолицы. Абсолютныя числа даютъ тоже весьма значительную длину лицъ.

9. Скуловой указатель и выступаніе скулъ.

Скуловой указатель, т. е. отношеніе нижнечелюстного діаметра къ скуловому діаметру даетъ цифры, представленныя на табл. XV. Здѣсь же, кромѣ этого, дано отношеніе скулового къ поперечному діаметру головы.

ТАБЛИЦА XV.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (142)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Нижнечелю- стной діам. {	Min. . . .	102	98	101	92
	Max. . . .	133	125	103	117
	Средн. . . .	112,30	110,81	102,5	101,24
Средн. скулов. діаметра .	146,4	146,99	141,00	139,32	
Скул. {	Скул. д. = 100 .	76,91	75,32	72,34	72,66
	Попер. д. г. = 100	92,99	95,45	88,68	93,29

Выступаніе скулъ оцѣнивалось на глазъ и обозначалось цифрами 1, 2, 3 и 0. Результаты изслѣдованія выражены въ числахъ особей и % общаго числа.

ТАБЛИЦА XVI.
Выступаніе скулъ.

Г и л я к и.	0 никакого	1 слабое.	2 среднее.	3 сильное.
♂ { Сахалинъ (10)	3	5	2	—
♂ { Материкъ (143)	4—3 ⁰ / ₀	78—54 ⁰ / ₀	58—41 ⁰ / ₀	2—1 ⁰ / ₀
♀ { Сахалинъ (4)	—	2	2	—
♀ { Материкъ (107)	1—1 ⁰ / ₀	30—28 ⁰ / ₀	63—59 ⁰ / ₀	13—12 ⁰ / ₀

Изъ послѣдней таблицы видно, что почти всѣ гиляки имѣютъ выступающія скулы, но выступаніе это почти никогда не бываетъ особенно сильно. Слабое (1) нѣсколько чаще (54⁰/₀), чѣмъ среднее (2)—40⁰/₀.

10. *Носовой указатель, профиль и выступаніе носа.*

Абсолютные размѣры носа гиляковъ, а также отношеніе между длиной и шириной носа представлены въ табл. XVII.

ТАБЛИЦА XVII.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Высота носа {	min.	48	45	46	39
	max.	58	60	52	61
	средняя	53,9	53,82	48,75	47,88
Ширина носа {	min.	31	30	31	28
	max.	39	46	34	38
	средняя	36,4	36,5	32,00	32,94
Носовой указатель	67,53	67,82	68,59	68,59	
Узконосые (< 70)	7	88—61,5 ⁰ / ₀	4	66—61,7 ⁰ / ₀	
Средне носые (< 84,9)	3	52—36 ⁰ / ₀	—	41—38,3 ⁰ / ₀	
Широконосые (< 99,9)	—	1—1 ⁰ / ₀	—	—	
Очень широко носые (< 100)	—	2—1,5 ⁰ / ₀	—	—	

Таблица показывает, что гиляки въ среднемъ узконосы. Процентъ узконосыхъ (61,5) значительно больше средненосыхъ (36), а широконосыхъ почти нѣтъ.

Профиль носа, оцѣненный баллами —3, —2, —1, 0, +1, +2, +3, представленъ на слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА XVIII.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)
Вогнутый {	—3 . .	—	—	1— 1 ⁰ / ₀
	—2 . .	—	6— 4 ⁰ / ₀	14—13 ⁰ / ₀
	—1 . .	4	36—25 ⁰ / ₀	62—58 ⁰ / ₀
Прямой — . . .	4	80—56 ⁰ / ₀	3	26—24 ⁰ / ₀
Выгнутый {	+1 . .	2	21—15 ⁰ / ₀	3— 3 ⁰ / ₀
	+2 . .	—	—	—
	+3 . .	—	—	1— 1 ⁰ / ₀

Какъ видно изъ таблицы, большинство гиляковъ прямоносы (56⁰/₀), остальные же обнаруживаютъ нѣсколько большую склонность къ вогнутымъ (25⁰/₀), чѣмъ къ выгнутымъ (15⁰/₀) носамъ.

Выступаніе носа гиляковъ—среднее, это видно изъ слѣдующей таблицы:

ТАБЛИЦА XIX.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)
Малое (1)	5	15—10 ⁰ / ₀	3	50—47 ⁰ / ₀
Среднее (2)	5	123—86 ⁰ / ₀	1	57—53 ⁰ / ₀
Большое (3)	—	5— 4 ⁰ / ₀	—	—

Оцѣнка здѣсь производилась на глазъ, такъ что сопоставлять результаты ея съ оцѣнками другихъ изслѣдователей слѣдуетъ cum grano salis.

11. Измѣренія губъ и высота нижней челюсти.

Абсолютныя числа, полученные измѣреніями губъ и губной указатель представлены въ таблицѣ. Губы гиллякъ толстыя.

ТАБЛИЦА XX.

Г и л л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (142)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Высота кра- евъ губъ.	Min. . .	14	11	13	9
	Max. . .	23	26	21	25
	Средн. .	17,2	16,17	16,75	15,75
Ширина рта.	Min. . .	44	37	39	33
	Max. . .	60	61	46	48
	Средн. .	45,1	45,05	43	40,72
Губной указатель . . .	38,13	35,93	38,25	38,78	

Высота нижней челюсти приведена на таблицѣ:

ТАБЛИЦА XXI.

Г и л л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Высота ниж- ней челюсти.	Min. . .	47	42	48	40
	Max. . .	65	66	54	58
	Средн. .	56,50	54,00	51,25	48,62
Указатель (лобн.-подб.—100) .	37,9	35,55	36,15	34,92	

Изъ таблицъ видно, что на Сахалинѣ гиляки болѣе толстогубы, а высота нижней челюсти у н лютно и относительно больше, чѣмъ на матери этому виною можетъ быть недостатокъ наблюденіи сгладится, когда мы будемъ имѣть новыя данныя скомъ населеніи.

Растительность (усики) на лицахъ женщинъ 27 особей, т. е. у 25,23% всего числа.

12. Размеры, форма и уголъ раскрытiя и

Названныя величины представлены въ таблицѣ

ТАБЛИЦА XXII.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	
Внутренній діам. угловъ глазъ	min. . .	30	28	32
	max. . .	37	43	38
	средн. . .	34,0	34,7	35
Внѣшній діам. угловъ глазъ	min. . .	77	78	81
	max. . .	99	96	99
	средн. . .	87,2	86,2	89,5
Средняя длина глазного отверстія	26,6	25,7	27,25	

Изъ таблицы XXII видно, что межглазнично больше длины глазного отверстія въ среднемъ на разставлены довольно широко.

ТАБЛИЦА XXIII.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	
Монгольская складка вѣка.	0 . . .	2	8—6%	—
	1 . . .	5	90—63%	3
	2 . . .	3	45—31%	1
	3 . . .	—	—	—

Таблица показывает, что монголоидная форма глаз— монгольскія вѣки—весьма распространены между гиляками; только отдѣльныя лица не имѣютъ монгольского вѣка. Выраженъ этотъ признакъ, однако, чаще всего слабо (1).

Другой признакъ, придающій лицу «монголообразный» характеръ, именно раскосость глазъ, былъ измѣренъ по способу Н. Н. Лебедева, при помощи отвѣса и транспортира. Результаты измѣренія—см. табл. XXIV.

ТАБЛИЦА XXIV ¹⁾.

Гиляки.	Материкъ ♂ (143)	Материкъ ♀ (107)
Уголъ косого	1— 0,7%	—
разрѣза	20—14%	10— 9%
	78—54,5%	46—43%
	42—29,4%	49—46%
глазъ.	2— 1,4%	2— 2%
	Средняя	9,2°

Изъ таблицы видно, что косой разрѣзъ глазъ довольно распространенъ (50%), но индивиды съ угломъ меньше 5° тоже встрѣчаются (15%). Эта величина (т. е. уголъ меньше 5°) нерѣдка и среди русскаго населенія, напримѣръ, и вообще слѣдуетъ считать наклонъ глазъ гиляковъ незначительнымъ.

13. Размѣръ, форма и оттопыренность уха.

Длина и ширина уха, а также ихъ взаимное отношеніе, т. е. ушной указатель, представлены на таблицѣ.

ТАБЛИЦА XXV.

Гиляки.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Большая ось уха.	Min.	54	51	62	51
	Max.	66	78	69	74
	Средн.	61,30	63,40	64,75	62,11
Малая ось уха.	Min.	32	26	30	25
	Max.	39	41	37	39
	Средн.	34,50	33,69	32,50	31,24
Ушной указатель	56,44	55,15	50,19	50,29	

¹⁾ На островѣ Сахалинѣ соответственныхъ измѣреній сдѣлано не было.

Изъ таблицы видно, что гиляки материка имѣютъ уши средних размѣровъ (50 — 56, по Воробьеву), сахалинскіе же — стоятъ на границѣ длинныхъ, по васьолько это постоянный для нихъ признакъ, покажутъ дальнѣйшія наблюденія. Абсолютныя числа не больше обыкновенныхъ.

Оттопыренность уха оцѣнивалась на взглядъ и опредѣлялась баллами: 0 — для прижатыхъ, 1 — для слегка оттопыренныхъ, 2 — для замѣтно и 3 — для очень оттопыренныхъ ушей. Данныя наблюденій сведены въ таблицѣ.

ТАБЛИЦА XXVI.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)
Оттопыр- ность уха	0 . . .	1	3 — 2 ⁰ / ₀	—
	1 . . .	6	40 — 28 ⁰ / ₀	3
	2 . . .	3	91 — 64 ⁰ / ₀	1
	3 . . .	—	9 — 6 ⁰ / ₀	—

Изъ таблицы видно, что прижатыхъ ушей у гиляковъ почти не бываетъ, наоборотъ, замѣтно оттопыренныя даютъ большинство (63,6⁰/₀). Очень оттопыренныя, хотя и не часты, но чаще прижатыхъ.

Дарвиновъ бугорокъ на ухахъ гиляковъ явленіе довольно частое, именно, онъ отмѣченъ у 40⁰/₀ мужчинъ съ материка и у 38,32⁰/₀ женщинъ оттуда же. На Сахалинѣ у 6 мужчинъ.

14. Длина бюста и туловища.

Длина бюста измѣрялась непосредственно. Длина же туловища и ногъ — вычитаніемъ. Именно, эти величины получались вычитаніемъ изъ «роста стоя» — «ростъ сидя» и изъ «высоты асгоміонъ» — «длины ногъ». Результатъ подсчета даль таблицу:

ТАБЛИЦА XXVII.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Длина бюста	min.	799	781	774	758
	max.	891	980	821	908
	средняя	830,70	875,79	808,25	817,83
Указатель (ростъ=100)	52,64	54,00	52,68	54,99	
Длина туловища	min.	477	485	466	478
	max.	577	676	623	618
	средняя	526,30	578,74	505,25	538,33
Указатель (ростъ=100)	33,35	35,68	32,93	36,19	

Замѣтная разница между материковыми и сахалинскими гиляками соотвѣтствуетъ разницѣ среднихъ роста. Туловище материковыхъ относительно длиннѣе.

Для параллели съ сопоставленіемъ головного указателя и роста мнѣ представляется интереснымъ сопоставленіе съ головнымъ указателемъ также и длины туловища и длины бюста. Это сопоставленіе сдѣлано на таблицѣ.

ТАБЛИЦА XXVIII.

Г и л я к и ♂ Материка (143)	Брахиц. (81)	Суббрахиц. (51)	Мезоцеф. (38)	Субоолиг. (26)	Долгогол. (2)	
Длина бюста	Min.	781	793	790	833	—
	Max.	929	980	940	956	—
	Среди.	865,13	873,39	876,82	889,30	909,5
Длина туловища	Min.	529	485	499	520	—
	Max.	631	676	618	624	—
	Среди.	563,29	568,47	565,15	578,08	593

Въ таблицѣ отчетливо видно, какъ длина бюста увеличивается по направленію къ долихоцефалии. Длина торса обна- руживаетъ здѣсь нѣкоторое несоотвѣтствіе — она даетъ нару- шающую равномѣрность малую длину торса у мезоцефаловъ, а ростъ не даетъ здѣсь никакого скачка. У женщинъ отно- шеніе съ головнымъ указателемъ такое же какъ и роста, т. е. увеличеніе неравномѣрно.

15. *Длина конечностей и ихъ сегментовъ.*

Средняя длина конечностей въ абсолютныхъ числахъ, а также отношеніе ихъ къ длинѣ бюста и длинѣ роста для всѣхъ гиляковъ представлено на таблицѣ.

ТАБЛИЦА XXIX.

Г и л я к и.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)
Длина нижн. конечности	770,7	745,95	726,00	647,19
Бюстъ = 100	92,77	85,17	89,84	82,04
Ростъ = 100	48,85	45,99	47,31	43,51
Длина верхн. конечности	718,9	720,07	673,50	670,16
Бюстъ = 100	86,54	82,54	83,32	81,94
Ростъ = 100	45,53	45,53	43,89	45,06

Таблица показываетъ большую и абсолютно и относи- тельно длинноногость (макроскелію) гилякъ мужчинъ и жен- щинъ Сахалина, несмотря на ихъ меньшій ростъ. Руки у мужчинъ сахалинскихъ, наоборотъ, абсолютно короче, но отно- сительно длиннѣе.

Соотношеніе между головнымъ указателемъ и длиною ко- нечностей представлено на слѣдующей таблицѣ:

ТАБЛИЦА XXX.

Г и л я к и ♂ М а т е р и к а .	Брахиц. (31)	Суббра- хиц. (51)	Мезоцеф. (33)	Субдолих. (26)	Долихоп. (2)
Длина нижней конечности	732,03	741,23	753,21	758,50	802,50
Бюсть = 100	84,61	84,86	85,90	85,29	88,23
Ростъ = 100	45,92	45,91	46,20	46,02	46,79
Длина верхней конечности	712,51	716,44	724,57	727,56	760,00
Бюсть = 100	82,35	82,03	82,63	81,81	83,56
Ростъ = 100	44,61	44,38	44,45	44,16	44,38

Въ группѣ материковыхъ мужчинъ длина ногъ и рукъ абсолютно (въ шп.) увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ по направлению къ долихоцефалии, но пропорціи, т. е. отношеніе этихъ величинъ къ высотѣ бюста и къ росту стоя нѣсколько мѣняются—именно субдолихоцефалы нѣсколько болѣе длинноноги и короткоруки, чѣмъ остальные группы (только мезоцефалы нѣсколько еще болѣе длинноноги).

Вообще говоря, гиляки стоятъ на границѣ мезоскеліи и суббрахискеліи (85,17). Число индивидовъ и ихъ % расположены въ таблицѣ по указателямъ скеліи (сахалинскіе, вслѣдствіе малаго ихъ числа, не распределены).

ТАБЛИЦА XXXI.

Гиляки материка.	♂ (143)	♀ (107)
Ультрабрахискелы (< 75)	6—4%	5—4,5%
Брахискелы (75—80)	9—6,5%	32—30%
Суббрахискелы (80—85)	62—43%	42—39%
Мезоскелы (85—90)	41—29%	23—21%
Субмакроскелы (90—95)	19—13%	5—4,5%
Макроскелы (95—100)	5—3,5%	—
Ультрамакроскелы (> 100)	1—1%	—

Изъ таблицы видно, что и отношеніе нижнихъ конечностей къ бюсту у гиляковъ, какъ многіе изъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами выше признаковъ, довольно разнообразно. Относительная длинноноготъ сахалинскихъ гиляковъ выражена опредѣленнѣе.

Слѣдующія таблицы изображаютъ абсолютныя величины и отношенія сегментовъ верхней и нижней конечности. Въ первой представлена высота колѣна и разстояніе отъ локтя до конца средняго пальца и обѣ величины отнесены къ средней роста.

ТАБЛИЦА XXXII.

Гиляки.	Сахалинъ ♂ (10)	Материкъ ♂ (143)	Сахалинъ ♀ (4)	Материкъ ♀ (107)	
Локоть. {	Min. . . .	417	389	407	357
	Мах. . . .	479	492	437	433
	Средн. . .	439,4	440,27	418,00	397,29
Указатель—ростъ=100	27,85	27,15	27,24	26,71	
Высота колѣна. {	Min. . . .	407	370	370	339
	Мах. . . .	464	497	425	430
	Средн. . . .	432,1	442,49	400,00	388,73
Указатель—(ростъ=100)	27,38	27,28	26,07	26,14	

Между материковыми и островными гиляками мужчинами разница наблюдается въ высотѣ колѣна (10 мм.), но отношеніе къ росту, почти, одинаково. Половой диморфизмъ сказался въ меньшихъ размѣрахъ (и абсолютно, и относительно) этихъ частей у женщинъ.

Ниже въ таблицѣ представлены результаты измѣреній ступни и кисти (для Сахалина соотвѣтственныхъ величинъ нѣтъ). Какъ выше замѣчено, кисть и ступня гиляковъ такъ же, какъ и пятка, не могутъ считаться точно измѣренными, а лишь приблизительно.

ТАБЛИЦА XXXIII.

Г и л я к и материка.		♂	♀
Кисть.	Длина (средняя)	193,74	176,83
	Ширина (средняя)	88,35	77,61
	Указатель	44,33	43,88
	Къ росту = 100	11,94	11,89
Ступня.	Длина (средняя)	247,73	226,68
	Ширина (средняя)	97,01	87,71
	Указатель	39,16	38,56
	Къ росту = 100	15,27	15,24

Таблица показываетъ, что кисть и ступня не только абсолютно, но относительно роста нисколько не малы. Пятка ♂ въ среднемъ = 54,21, а ♀ = 50,07.

На послѣдней таблицѣ эти величины сопоставлены съ головнымъ указателемъ (это сдѣлано лишь для мужчинъ).

ТАБЛИЦА XXXIV.

Г и л я к и ♂ Материка.		Брахицеф. (31)	Суббрахиц. (51)	Мезоцеф. (33)	Субдолихоц. (26)	Долгоцеф. (2)
Кисть.	Длина	188,2	192,1	196,1	199,1	212,5
	Ширина	85,2	86,3	87,4	86,4	87,0
	Указатель	45,21	44,79	44,39	43,22	41,04

(Продолженіе).

Г и л я к и ♂		Брахицеф.	Суббрахиц.	Мезоцеф.	Субдолихоц.	Долихоцеф.
Материка.		(31)	(51)	(33)	(26)	(2)
Ступня.	Длина	244,5	246,2	249,5	250,9	266,0
	Ширина	95,1	96,6	98,4	97,9	102,5
	Указатель	38,89	39,15	39,01	39,01	38,53

Кисть шире всего (относительно) у брахицефаловъ, а ступня у мезоцефаловъ. Абсолютно же длина и кисти, и ступни увеличивается равномѣрно (вмѣстѣ съ ростомъ) отъ брахицефаловъ къ долихоцефаламъ. Ширина какъ руки, такъ и ступни не обнаруживаетъ такого правильнаго измѣненія.

V

Резюме и сопоставленіе съ прежними данными о гилякахъ.

Результаты изслѣдованія можно кратко резюмировать такъ: гиляки материка Азіи—средняго (60⁰/о) и крѣпкаго (40⁰/о) *сложенія*. *Ростъ* ихъ ниже средняго, низкій встрѣчается чаще высокаго, хотя и послѣдній не очень рѣдокъ. *Цвѣтъ* волосъ черный безъ исключенія, глаза всегда темные. По *головному указателю* они относятся къ суббрахицефаламъ, но стоятъ почти на границѣ мезоцефалии. Кромѣ брахицефаловъ и мезоцефаловъ, среди нихъ перѣдки субдолихоцефалы и попадаются отдѣльные случаи долихоцефалии. *Размеры головы* (т. е. абсолютная величина продольнаго и поперечнаго діаметра) довольно велики, въ особенности по сравненію съ небольшимъ ростомъ гиляковъ. Огромное большинство низкоголовы (хамцефалы). *Лицо* длиннѣе средняго, на границѣ длинноватыхъ, широколицыхъ, вовсе не встрѣчается.

Скулы почти всегда выступают, но рѣдко въ очень сильной степени. *Носъ* довольно длинный и явно узкій—гиляки лепторины—широконосыхъ почти нѣтъ. Профиль прямой, рѣже вогнутый, еще рѣже выгнутый, а орлиныхъ носовъ вовсе не встрѣчается. Выступаніе носа среднее, рѣже малое. *Ротъ* невеликъ, а губы значительной толщины. *Глаза* небольшіе—при значительномъ разстояніи между ними. Монгольское вѣко есть почти у всѣхъ, но чаще въ незначительной степени. Глаза расположены косо; прямые встрѣчаются, хотя и не очень часто. Размѣры *ушей* незначительны (абсолютно), по указателю уши среднія. Уши замѣтно оттопырены. *Бюстъ* длиненъ по отношенію къ росту и *ноги* коротки—мезоскелія съ наклонностью къ суббрахискеліи. Кисти рукъ и ступни ногъ (абсолютно) небольшихъ размѣровъ, ихъ слѣдуетъ считать сравнительно узкими. По отношенію къ росту длина кисти и ступни скорѣе велика, чѣмъ мала.

Гиляки о. Са х а л и н а отличны отъ материковыхъ почти по всѣмъ признакамъ. Они меньше ростомъ, чѣмъ материковые. Значительно болѣе короткоголовые, именно, настоящіе брахицефалы. Черепъ ихъ выше и они относятся къ ортоцефаламъ по средней указателя; встрѣчаются, однако, и гипсицефалы. Лобъ вообще шире, чѣмъ у материковыхъ. Лицо нѣсколько шире. Выступаніе скулъ, какъ и у материковыхъ, невелико. Размѣры носа и носовой указатель почти одинаковы (узоносы). Губы толще при одинаковой длинѣ. Уши короче и шире (ушной указатель больше), оттопыренность ихъ нѣсколько меньшая. Длина бюста не только абсолютно (соотвѣтственно меньшему росту), но и относительно меньше. Сахалинскіе гиляки субмакроскелы, на границѣ съ макроскеліей и при маломъ даже количествѣ измѣренныхъ оказался одинъ ультрамакроскель. Абсолютно ноги ихъ даже длиннѣе, несмотря на меньшій ростъ, чѣмъ у материковыхъ. Руки абсолютно нѣсколько короче, но относительно бюста длиннѣе, чѣмъ у материковыхъ. Ступня и кисть не измѣрены.

Изъ сопоставленія данныхъ, полученныхъ по матеріаламъ В. Н. Васильева и данныхъ Шренка, видно, что разногласія со Шренкомъ касаются главнымъ образомъ формы лица (у него круглое), толщины губъ (у него тонкія, рѣдко слегка вздутыя), длины носа и его формы, а также величины ушей и ступней—въ остальномъ его наблюдательность дала тѣ же

результаты, что и измѣренія. Три типа Шренка и его замѣчаніе о необыкновенной величинѣ индивидуальных различій у гиляковъ прекрасно укладываются въ полученный измѣреніемъ матеріаль и оправдываютъ ту расплывчатость типа (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ), которая выразилась и въ таблицахъ. Распутать генеалогическія отношенія гиляковъ можно будетъ только имѣя антропометрической матеріаль по всѣмъ со-сѣдящимъ съ гиляками народностямъ, а это имѣется пока лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Отмѣчу еще, что по Богданову (Антропол. Выставка. Т. II, стр. 411), цитирующему «Словарь Географическаго Общества», гиляки имѣютъ губы «толстыя», что противорѣчитъ Шренку, но соответствуетъ публикуемымъ теперь даннымъ. Остальные признаки въ той же статьѣ приблизительно совпадаютъ со Шренкомъ.

VI

Сопоставленіе полученныхъ данныхъ съ данными для другихъ племенъ.

Гиляки, какъ и всѣ палеазиаты, представляютъ загадку для этнологовъ. Ихъ происхожденіе и ихъ мѣсто въ классификаціи народовъ неясно. Будущее подробное изслѣдованіе населенія С.-В. Азіи должно обнаружить ту или иную связь въ соматическихъ признакахъ между его представителями, а археологія—ихъ прежнее распространеніе, переселенія, вымираніе и проч.

Однако, пусть будетъ позволено и сейчасъ уже высказать кое-какія соображенія на этотъ счетъ, пользуясь имѣющимся матеріаломъ.

Во первыхъ, слѣдуетъ ли ограничиться Азіей для сопоставленій, или слѣдуетъ перешагнуть за ея предѣлы? Повидимому, нѣтъ и вотъ почему.

По Пешелю тлинкиты (колкюши), ванкуверскія племена, камчадалы, коряки и чукчи образуютъ одну этническую группу «Беринговыхъ народовъ». Эта, не подкрѣпленная достаточными доказательствами, мысль нашла подтвержденіе въ работахъ Jesup's North Pacific Expedition. Участникъ ея В. И. Юхельсонъ («Объ азіатскихъ и американскихъ элементахъ въ ми-

вахъ коряковъ». 1904) утверждаетъ, что въ коряцкой миеологии индѣйскіе элементы преобладаютъ надъ урало-алтайскими и эскимосскими и что въ матеріальной культурѣ всѣхъ палеазиатскихъ племенъ всѣ три элемента на лицо: напр. собаководство одинаково свойственно, какъ азиатскимъ аинамъ, гилякамъ и камчадаламъ, такъ и эскимосамъ и индѣйскимъ племенамъ С.-З. Америки (Lochelson «The Kogiak» Jesups North Pac. Exp. Vol VI, стр. 1. 1905 г.). «Въ вопросѣ о тѣсной связи миеовъ тихоокеанскихъ береговъ», говоритъ Йохельсонъ, «можно допустить только одно изъ двухъ рѣшеній: родство миеовъ есть результатъ *общаго происхожденія племенъ*, обладающихъ въ настоящее время сходными миеами, или *только миеы* одни имѣютъ общій источникъ, изъ котораго они распространялись путемъ заимствованій».

Что касается специально гиляковъ, то въ ихъ языкѣ (числительныя) есть черта, которая, по мнѣнію Л. Я. Штернберга (см. «Образцы матеріаловъ и пр.» Спб. 1901 г.), сближаетъ ихъ языкъ съ языками с.-американскихъ индѣйцевъ. Это, въ связи съ другими фактами, «значительно подтверждаетъ гипотезу о родственной связи между тѣми и другими» (Штернбергъ). Этими указаніями со стороны этнологовъ и лингвистовъ не слѣдуетъ пренебрегать антропологу при подборѣ данныхъ для сравненія.

Антропологическій матеріалъ экспедиціи Jesup'a въ отрывкахъ опубликованъ г-жей Йохельсонъ-Бродской и имъ я воспользовался для сопоставленія со своими данными, присоединивъ предварительно подсчитанныя среднія ороковъ по неизданнымъ матеріаламъ В. Н. Васильева.

Ростъ даетъ такіа указанія:

1) Чукчи (1622 мм.) оказываются въ отношеніи роста самыми близкими къ материковымъ гилякамъ (1622). Очень близки также и камчатскіе коряки (1620) и эскимосы, какъ гренландскіе (1621), такъ и азиатскіе (1623). Юкагиры, близкіе по головному указателю, отличаются меньшимъ ростомъ (который равняется росту сахалинскихъ ороковъ — 1560). Обращаю вниманіе на то, что половой диморфизмъ въ отношеніи роста выраженъ у гиляковъ материка гораздо рѣзче, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ племенъ С.-В. Азіи, о которыхъ есть свѣдѣнія ($\sigma = 1622$, $\text{♀} = 1487$, т. е. разница 134 мм. — у айновъ всего 96 (Коганей).

2) Сахалинскіе тро-гиляки по малому росту (1578) близки къ анадырскимъ тунгусамъ (1574), лабрадорскимъ эскимосамъ (1575), а также тунгусамъ колымскимъ (1588). Коряки (1596) и камчадалы (1601) выше ихъ ростомъ, а айны (1567) и юкагиры (1560) — ниже. Половой диморфизмъ (всего четыре, правда, особи) выражень слабѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ племень (разница = 43 мм.).

3) Сахалинскіе ороки, своимъ малымъ ростомъ (1560) совпадаютъ съ юкагирами, а изъ тунгусовъ ближе всего къ гижигинскимъ (1565), «сѣвернымъ» Майнова (1548) и анадырскимъ (1574). Объ ороцахъ у меня нѣтъ свѣдѣній для сравненія, «южные» же тунгусы, близкіе по головному указателю (82,26), много превосходятъ ороковъ ростомъ (1631). Половой диморфизмъ въ этомъ племени выражень менѣе рѣзко, чѣмъ у материковыхъ гиляковъ, но рѣзче, чѣмъ у другихъ тунгусовъ, якутовъ, айновъ и т. д. (разница = 115)

О головному указателю слѣдуетъ сказать:

1) Ближе всѣхъ къ материковымъ гилякамъ, какъ по указателю (80,74), такъ и по абсолютнымъ величинамъ діаметровъ головы (прод. = 191,51, попер. = 154,52) стоятъ юкагиры (гол. указ. 80,4; прод. діам. = 191,4, попер. діам. = 153,5) и анадырскіе тунгусы (гол. ук. 80,8, прод. діам. 191,6, попер. діам. 154,9), почти такъ же близки гижигинскіе коряки (гол. ук. 80,3, прод. д. 189,2, попер. д. 151,8) и азиатскіе эскимосы (гол. ук. 80,8, прод. діам. 189,8, попер. діам. 153,0), т. е. все палеазиаты или смѣшавшіеся съ ними тунгусы. Чукчи нѣсколько болѣе короткоголовы (82,00).

2) Тро-гиляки о. Са х а л и н а не только не ближе материковыхъ къ айнамъ, корякамъ или эскимосамъ, но (♂ 10 чел.) гораздо дальше чѣмъ первые отъ этихъ палеазиатовъ. Ихъ головному указателю (85,17) между лопарскими (84,0) и бурятскими (85,87), онъ больше указателя ороковъ (82,97) и якутовъ (82,66). Они же даютъ максимумъ поперечника головы (157,10) изъ всѣхъ извѣстныхъ племень С.-В. Азіи. Еще болѣе короткоголовы изъ жителей побережья сѣверной части Тихаго океана (Ю.-З. Канада) только салишаны (88,08), но у нихъ предполагается искусственная деформация.

3) Ороки по головному указателю (82,97) ближе всего къ ороцамъ (82,81) побережья Японскаго моря и южнымъ тун-

гусамъ (82,69). Женщины ороковъ значительно болѣе короткоголовые, чѣмъ мужчины (84,49), хотя все же гилячки того же острова значительно болѣе короткоголовы (87,07). Изъ всѣхъ извѣстныхъ тунгусскихъ племень ороки безусловно самое короткоголоное.

Высота черепа и высотный указатель головы даютъ слѣдующія соотношенія (у Юхельсонъ-Бродской только женскій матеріаль представленъ въ достаточномъ количествѣ):

1) Гиляки материка близки въ отношеніи абсолютной величины высоты черепа (♀ 125,51) и по высотному указателю (♀ 68,34) къ гижигинскимъ тунгусамъ (♀ 123,4 и указат. ♀ 66,7) и орокамъ Сахалина (123,28 ♀ и указат. ♀ 69,44).

2) Сахалинскіе гиляки самые высокоголовые (♂ 134,8, ♀ 146,75, указ. ♂ 73,03; ♀ 81,45) изъ всѣхъ сравнивавшихся племень и оказываются, какъ и по головному указателю рядомъ съ самоѣдами (ук. 72,08 ♂ и 74,02 ♀).

3) Ороки по высотному указателю совпадаютъ съ южными тунгусами Майнова (♂ 123,28; указ. ♂ 65,22, ♀ 69,44).

Носъ (47,50) гиляковъ вообще меньше айнского (51) и эскимосскаго (53), причемъ у материковыхъ близокъ по размѣрамъ къ «тунгускамъ-юкагиркамъ» Юхельсонъ-Бродской (47,8).

Сахалинскіе гиляки ♀ (32) и ороки ♀ (31,78) имѣютъ абсолютно меньшую ширину носа по сравненію съ айнами ♀ (34) и эскимосами ♀ (33).

Носовой указатель (для сравненія имѣются лишь цифры относительно женщинъ) у материковыхъ гилячекъ (68,50) больше (т. е. носъ шире), чѣмъ у сахалинскихъ (65,77), у айнокъ (66,7), у тунгусо-юкагирокъ (66), у эскимосокъ (63).

Носы оровскихъ ♀ уже, а ороковъ ♀ шире гиляцкихъ, такъ какъ разница въ указателѣ значительна (♂ 65,77, ♀ 68,82)—сравнить эти данныя не съ чѣмъ, такъ какъ величинъ для другихъ тунгусовъ не опубликовано.

Скуловой діаметръ.

1) Скуловой діаметръ (ширина лица) материковыхъ гиляковъ ♂ (146,99) близка къ сахалинскимъ (146,4), а также къ величинамъ для чукчей (146,3), гижигинскихъ тунгусовъ (146,3), коряковъ гижигинскихъ (146,2), индѣйцевъ Том-

сонь-Риверъ (147,4) и азиатскихъ эскимосовъ (147,6). Камчадалы (143,5) и сѣв. тунгусы (141,00) имѣютъ болѣе узкія лица. Указатель относительно ширины головы (95,4) почти совпадаетъ съ чукотскимъ (95,5) и меньше указателя азиатскихъ эскимосовъ (96,6), утратившихъ, по мнѣнію Юхельсонъ-Бродской, подъ влияніемъ смѣшенія съ чукчами, большой указатель (100—103) американскихъ эскимосовъ.

2) У сахалинскихъ гиляковъ, какъ у имѣющихъ наибольшій поперечный діаметръ головы, указатель скулового діаметра къ этой величинѣ, понятно, меньше другихъ (92,99).

3) Ороки въ отношеніи абсолютныхъ величинъ скулового діаметра (145,66) находятся между сѣверными тунгусами (141) и южными тунгусами (151) Майнова. Они близки въ этомъ отношеніи къ гижигинскимъ тунгусамъ (146,3), юкагирамъ (145,3), гижигинскимъ корякамъ (146,2), т. е. стоятъ въ этомъ отношеніи близко къ тѣмъ племенамъ, съ которыми сближаются и ростомъ (см. выше).

Изъ азиатскаго матеріала слабѣе всего свѣдѣнія о тунгусскихъ племенахъ. Въ 1906 г. С. К. Паткановъ пишетъ: «Все, что до сихъ поръ извѣстно о физическомъ типѣ тунгусовъ, весьма шатко; одни ученые признаютъ ихъ типичными долихоцефалами, другіе—мезоцефалами, третьи находятъ, что по тѣлеснымъ признакамъ ихъ слѣдуетъ исключить изъ числа чистыхъ монголовъ и помѣстить въ группу желтокожихъ монголоидовъ и палеазиатовъ и т. д.». Свое очень многообѣщающее дѣленіе на сѣверныхъ и южныхъ тунгусовъ Майновъ основалъ всего на 11 субъектахъ, такъ что оно еще ждетъ подтвержденій.

Само собою ясно, что пока дѣло обстоитъ такъ съ ближайшими и тѣснѣйшими сосѣдями гилякъ, притти къ какимъ-либо рѣшительнымъ выводамъ относительно ихъ нельзя.

Однако, въ видѣ «рабочихъ» мнѣ представляются полезными слѣдующіе провизорные выводы изъ сдѣланныхъ сопоставленій:

1) *Гиляки материка по соматическимъ признакамъ близки къ палеоазиатамъ сѣвера Сибири и смѣшавшимся съ ними тунгусамъ. Они представляютъ собою результатъ подобныхъ же смѣшеній, какъ современные гижигинскіе тунгусы, коряки или «тунгусы-юкагиры» Юхельсонъ-Бродской.*

2) *Гиляки о. Сахалина* (тро-гиляки) *стоятъ особнякомъ* своею короткоголовостью и длинноногостью и представляют собою истинныхъ древнихъ представителей сахалинскаго населенія и первыхъ носителей гиляцкаго языка, рѣзко отличающихся отъ пришлыхъ айновъ по соматическимъ признакамъ.

3) *Ороки о. Сахалина* не отличаются рѣзко отъ другихъ тунгусскихъ племень, а сравнительная короткоголовость ихъ объясняется смѣшеніемъ съ кореннымъ гиляцкимъ короткоголовымъ населеніемъ острова (отнюдь не айнскимъ).

Провѣрка, а можетъ быть и подтвержденіе этихъ положеній, принадлежитъ будущему.

Г. Манизеръ.

Антропологическія данныя о великоруссахъ бережья р.р. Сухоны и Сѣверной Двины.

*Caractères anthropologiques des Grands-Russiens—riverae
la Soukhona et de la Dvina du Nord.*

Продолжая начатыя въ 1911 году антропологическія боты среди великоруссовъ области Новгородской колоніи въ 1914 году я производилъ изслѣдованія въ районѣ режья р.р. Сухоны и Сѣверной Двины.

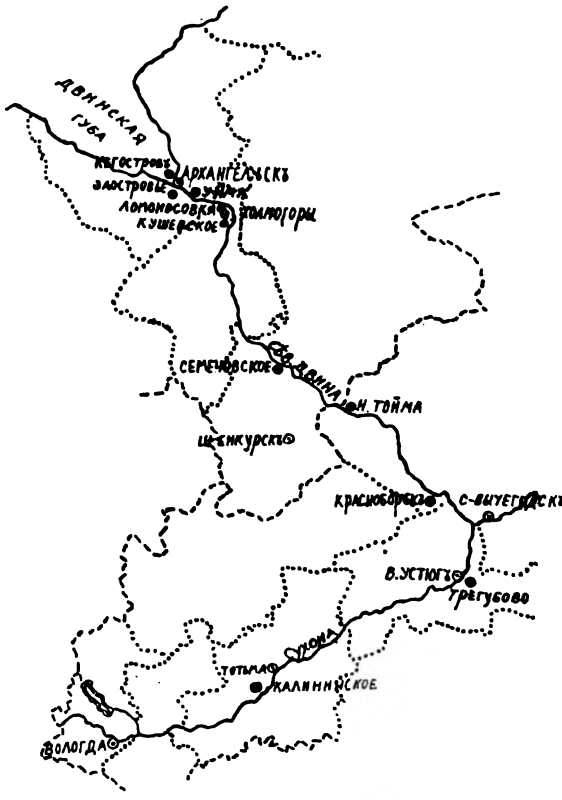
Измѣренія производились въ слѣдующихъ пунктахъ: д. Лининское Тотемскаго у., д. Трегубово Велико-Устюгскаго заштатный городъ Краснороскскъ Сольвычегодскаго у. Нижняя Тойма Сольвычегодскаго у. Вологодской губ.; с. меновское (Березникъ) Шенкурскаго у., д. Кушевское (Мати) Холмогорскаго у., д. Ломоносовка Холмогорскаго у., с. Архангельскаго у., с. Заостровье-Перхачево Рикосов. вол. хангельскаго у. и с. Кегостровъ Архангельскаго у. Архангельской губ. Всего измѣрено въ Вологодской губ. — 100 Архангельской — 150 взрослыхъ мужчинъ.

Разсмотрѣніе матеріала по пунктамъ наблюденія побуждало меня разбить всѣхъ изслѣдованныхъ на двѣ группы. Въ первую группу я включилъ пять пунктовъ области верхняго средняго теченія Сѣв. Двины, а во вторую группу вошли пять пунктовъ нижняго теченія Сѣв. Двины. По этой основной группировки матеріала, я даю двѣ дополнительные таблицы, гдѣ приведены среднія наиболѣе важныя признаки для отдѣльныхъ пунктовъ наблюденія.

Надѣясь въ самомъ ближайшемъ будущемъ возобновить прерванную войной работу по изученію двинскаго населенія въ настоящей статьѣ я знакомя съ матеріаломъ, собранъ

въ 1914 году, не останавливаясь подробно на выводахъ, намѣчающихся уже теперь, и на обзорѣ довольно значительнаго литературно-историческаго матеріала по колонизаціи русскаго сѣвера, до сихъ поръ привлекавшаго вниманіе главнымъ образомъ историковъ и лингвистовъ.

Карта побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.

● Пункты изслѣдованія.

Цѣлесообразнѣе будетъ это сдѣлать тогда, когда изслѣдованіе двинскаго края удастся закончить. Теперь же я считаю не лишнимъ опубликовать данныя о населеніи района, совершенно неизученнаго въ антропологическомъ отношеніи, хотя онъ представляетъ, какъ можно видѣть изъ моего матеріала, исключительный интересъ.

Больше половины изслѣдованныхъ были въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ. Лицъ моложе 20 лѣтъ лишь 2 человѣка; старше 60 лѣтъ 16 человѣкъ, вполнѣ хорошо сохранившихся, что давало мнѣ возможность подвергнуть ихъ, противъ обыкновенія, изслѣдованію и данныя включить въ общій подсчетъ.

ТАБЛИЦА № 1.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины. Gr.-Russiens — riverains de la Soukhona et de la Dvina du Nord.	Число измѣ- ренныхъ.	в о з р а с т ѣ â g e					Выше 60л.
		До 20 л.	Отъ 20—30 л.	30—40 л.	40—50 л.	50—60 л.	
I-ая группа	125	—	27	38	26	25	9
II-ая группа	125	2	31	35	31	19	7
Вмѣстѣ	250	2	58	73	57	44	16

По тѣлосложенію и упитанности они далеко не всѣ крѣпкаго и плотнаго сложенія. Въ первой группѣ, болѣе слабой вообще, половина — средняго сложенія, при 41⁰/₁₀₀ крѣпкаго; во второй группѣ больше половины крѣпкаго сложенія. Значителенъ — отъ 8 до 10,4⁰/₁₀₀ — процентъ слабого сложенія, что приходится отмѣтить, какъ одно изъ отличій по сравненію съ моими данными прошлыхъ лѣтъ о великоруссахъ Тверской и Новгородской губ. Большинство этихъ слабо сложенныхъ ниже средняго роста.

ТАБЛИЦА № 2.

Сложеніе. Constitution.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	Число измѣ- ренныхъ. Nombre.	1		2		3	
		Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
I-ая группа	125	10	8	63	50,4	52	41,6
II-ая группа	125	13	10,4	45	36	67	53,6
Вмѣстѣ	250	23	9,2	108	43,2	119	47,6

Цвѣтъ волосъ и глазъ. (Табл. № 3). Преобладающимъ цвѣтомъ волосъ является русый, хотя здѣсь значителенъ % бѣлокурыхъ и темноволосыхъ. Глаза точно также у половины изслѣдованныхъ смѣшанные. Свѣтлыхъ глазъ въ три раза больше, чѣмъ темныхъ. Во второй группѣ темноволосыхъ и темноглазыхъ замѣтно меньше.

ТАБЛИЦА № 3.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.	Число взрѣнныхъ.	Цвѣтъ волосъ Couleur des cheveux						Цвѣтъ глазъ. Couleur des yeux					
		Бѣлокур. Blonds		Русые Châtains		Темные Bruns		Голубые Clairs		Смѣшан. Mêlangés		Темные Foncés	
		Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%	Число Nombre	%
I-ая группа.	123	31	25,2	55	44,7	37	30,1	46	37,4	57	46,4	20	16,3
II-ая группа.	125	34	27,2	63	50,4	28	22,4	47	37,6	66	52,8	12	9,6
Всѣхъ . .	248	65	26,2	118	47,6	65	26,2	93	37,5	123	49,6	32	12,9

Соотношеніе пигментации глазъ и волосъ, представленное на табл. № 4, даетъ очень пеструю картину. Лицъ со свѣтлой пигментацией волосъ и глазъ т. е. свѣтлаго типа — 39 человекъ или 15,7%, лицъ съ темными глазами и волосами т. е. темнаго типа всего 22 или 8,9%. Другими словами, при значительномъ преобладаніи смѣшанной пигментации, свѣтлыхъ или слабо пигментированныхъ больше, чѣмъ темныхъ. Въ этомъ заключается отличіе даннаго района отъ изслѣдованныхъ въ 1911 — 1913 годахъ. Ближе всего къ двинянамъ по пигментации стоятъ бѣлозеры, болѣе близкіе и территориально. У нихъ точно также приходилось отмѣчать преобладаніе свѣтлыхъ надъ темными ¹⁾.

¹⁾ Д. Золотаревъ. Антропологическія данныя о великорусскомъ населеніи побережья Бѣлозера и р. Шексны. «Изв. Рыб. Отд. Ярослав., Ест.-Ист. Общ. т. I, 1915 г.

ТАБЛИЦА № 4.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	Бѣлокурые Blonds			Русые Châtains			Темные Brun	
	съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux	
	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mélangés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mélangés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mélangés
I-ая группа	21	10	—	20	32	3	5	15
II-ая группа	18	15	1	24	33	6	5	18
Вмѣстѣ	39	25	1	44	65	9	10	33

Ростъ изслѣдованнаго населенія выше средняго. средней роста всѣхъ изслѣдованныхъ равной 1672,5 мм., во второй группѣ значительно выше, чѣмъ въ первой. бание роста очень велико—390 мм. или 23,2⁰/о максим.

ТАБЛИЦА № 5.

Ростъ (Taille).

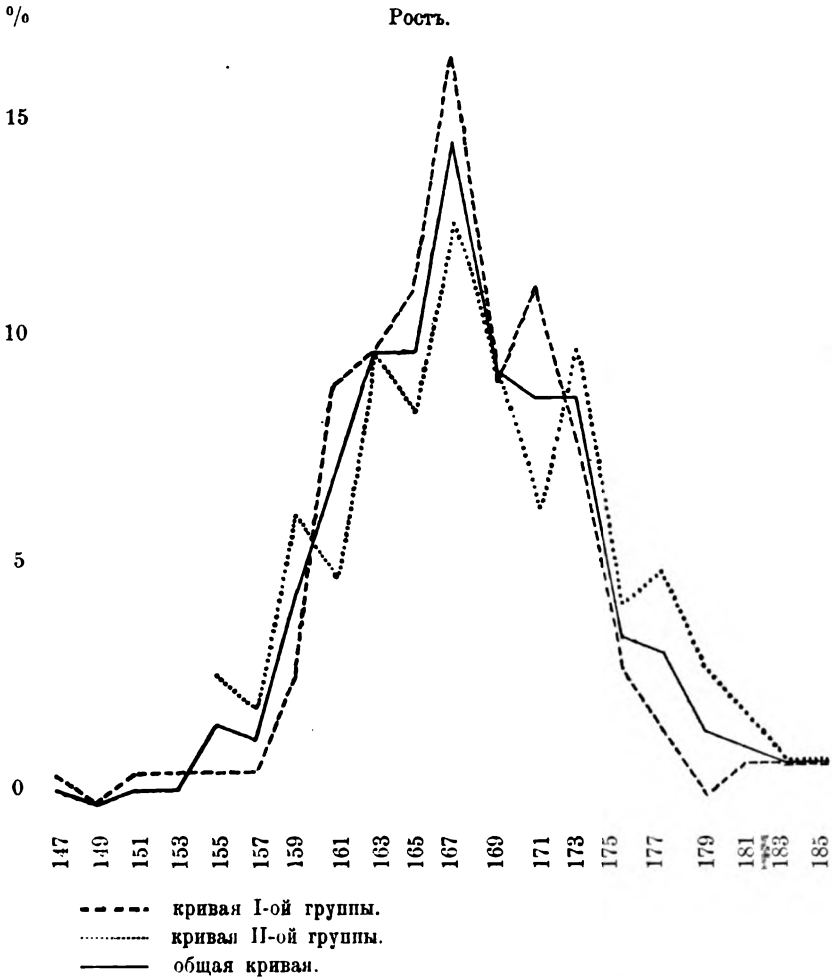
Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	Число Nombre	Абсолютныя числа Chiffres absolus		Низкій ростъ Petite taille до 1600 м		Ниже средняго audessous de la moy- enne 1600—1649		Выше средняго audessus de la moyenne 1650—1699		Всѣ I G taille me su
		Min.—max.	Средн. моу- enne	Число N. abs.	%	Число N. abs.	%	Число N. abs.	%	
		I-ая группа	124	1465—1847	1667,53	9	7,2	35	28,2	
II-ая группа	125	1540—1855	1677,48	16	12,8	25	20	40	32	40
Вмѣстѣ	249	1465—1855	1672,52	25	10	60	24,1	84	33,7	80

ТАБЛИЦА № 6.

Величина роста	I-ая группа.		II-ая группа.		В м ъ с т ъ .				
	Число.	‰	Число.	‰	Число.	‰	Число.	‰	
1460 — 1469	1	0,8	—	—	1	0,4	}	1	0,4
1470 — 1479	—	—	—	—	—	—			
1480 — 1489	—	—	—	—	—	—	}	—	—
1490 — 1499	—	—	—	—	—	—			
1500 — 1509	—	—	—	—	—	—	}	1	0,4
1510 — 1519	1	0,8	—	—	1	0,4			
1520 — 1529	1	0,8	—	—	1	0,4	}	1	0,4
1530 — 1539	—	—	—	—	—	—			
1540 — 1549	1	0,8	2	1,6	3	1,2	}	5	2
1550 — 1559	—	—	2	1,6	2	0,8			
1560 — 1569	—	—	2	1,6	2	0,8	}	4	1,6
1570 — 1579	1	0,8	1	0,8	2	0,8			
1580 — 1589	2	1,6	3	2,4	5	2	}	13	5,2
1590 — 1599	2	1,6	6	4,8	8	3,2			
1600 — 1609	8	6,4	3	2,4	11	4,4	}	20	8
1610 — 1619	5	4	4	3,2	9	3,6			
1620 — 1629	8	6,4	6	4,8	14	5,6	}	28	11,2
1630 — 1639	6	4,8	8	6,4	14	5,6			
1640 — 1649	8	6,4	4	3,2	12	4,8	}	28	11,2
1650 — 1659	8	6,4	8	6,4	16	6,4			
1660 — 1669	12	9,6	13	10,4	25	10	}	41	16,4
1670 — 1679	11	8,8	5	4	16	6,4			
1680 — 1689	7	5,6	5	4	12	4,8	}	27	10,8
1690 — 1699	6	4,8	9	7,2	15	6			
1700 — 1709	10	8	5	4	15	6	}	25	10
1710 — 1719	6	4,8	4	3,2	10	4			
1720 — 1729	4	3,2	5	4	9	3,6	}	25	10
1730 — 1739	7	5,6	9	7,2	16	6,4			
1740 — 1749	—	—	3	2,4	3	1,2	}	10	4
1750 — 1759	4	3,2	3	2,4	7	2,8			
1760 — 1769	1	0,8	3	2,4	4	1,6	}	9	3,6
1770 — 1779	1	0,8	4	3,2	5	2			
1780 — 1789	—	—	2	1,6	2	0,8	}	4	1,6
1790 — 1799	—	—	2	1,6	2	0,8			
1800 — 1809	1	0,8	1	0,8	2	0,8	}	3	1,2
1810 — 1819	—	—	1	0,8	1	0,4			
1820 — 1829	1	0,8	1	0,8	2	0,8	}	2	0,8
1830 — 1839	—	—	—	—	—	—			
1840 — 1849	1	0,8	—	—	1	0,4	}	2	0,8
1850 — 1859	—	—	1	0,8	1	0,4			
			*						
	124	100	125	100	249	100	249	100	

хотя эта амплитуда колебания может быть сжата, въ виду ничтожнаго количества индивидуумовъ на концахъ ряда, особенно низкаго роста. Диаграмма и таблица, представляющія

Диагр. № I-ый.

предѣлы колебания роста, указываютъ на преобладаніе высоко-рослаго элемента. Максимумъ наблюденій — 16,4% — даетъ ростъ 1660—1679 мм. Лиць выше средняго и высокаго роста 66%, а низкаго роста всего 10%. Можно думать, что основными элементами населенія являются высокорослые, къ

которымъ, какъ замѣтная, но незначительная примѣсь, присоединяются низкорослые.

ТАБЛИЦА № 7.

Соотношеніе роста съ цвѣтомъ волосъ и глазъ.

		1460—1479	1480—1499	1500—1519	1520—1539	1540—1559	1560—1579	1580—1599	1600—1619	1620—1639	1640—1659	1660—1679	1680—1699	1700—1719	1720—1739	1740—1759	1760—1779	1780—1799	1800—1819	1820—1839	1840—1859	
Цвѣтъ волосъ:	Бѣлокурые	—	—	1	—	1	1	2	7	7	9	9	4	5	10	4	3	—	1	1	—	65
	Русые	—	—	—	—	3	2	9	8	12	15	20	12	15	10	3	4	2	2	1	—	118
	Темные	1	—	—	1	1	1	2	5	9	4	11	11	5	5	3	2	2	—	—	—	65
	Вмѣстѣ	1	—	1	1	5	4	13	20	28	28	40	27	25	25	10	9	4	3	2	2	248
Цвѣтъ глазъ:	Свѣтлые	—	—	1	—	4	2	5	9	10	14	12	13	7	11	2	3	—	—	—	—	93
	Смѣшанные	1	—	—	1	1	2	6	8	11	12	23	11	15	11	6	4	4	3	2	2	123
	Темные	—	—	—	—	—	—	2	3	7	2	5	3	3	3	2	2	—	—	—	—	32
	Вмѣстѣ	1	—	1	1	5	4	13	20	28	28	40	27	25	25	10	9	4	3	2	2	248

Разсматривая (см. II-ую дополнит. табл.) среднія роста по отдѣльнымъ пунктамъ наблюденія, видимъ, что онѣ нигдѣ не опускаются ниже общепринятаго средняго роста (1650 мм.). Хотя самая высокая средняя получена въ Краснороскѣ, слѣдуетъ замѣтить, что устьевинское населеніе выше, чѣмъ населеніе остального побережья. Этотъ выводъ вполне совпадаетъ съ данными о ростѣ проф. Д. Н. Анучина, отмѣтившаго высокорослость на сѣверѣ — въ Архангельскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ уѣздахъ¹⁾.

¹⁾ Д. Н. Анучинъ. О географическомъ распредѣленіи роста муж. населенія Россіи. «Зап. И. Р. Геогр. Общ.», по отд. стат., т. 7, в. I, 1889.

Было бы очень важно изслѣдовать область распространения высокорослости въ Двинскомъ краѣ. Въ виду военнаго времени работа въ этой области была прервана, и пока можно лишь думать, что она едва ли идетъ далеко на западъ, такъ какъ Л. Л. Капица получилъ ростъ у онежскихъ и кемскихъ поморовъ всего 1652 мм. ¹⁾.

По росту наши двиняне очень близки къ прильменскимъ новгородцамъ, у которыхъ многу былъ полученъ средній ростъ въ 1674 мм.

Сопоставляя ростъ съ пигментацией волосъ и глазъ, замѣчаемъ, при преобладаніи смѣшанной пигментации вообще, одинаковое количество бѣлокурыхъ и темноволосыхъ среди низкорослыхъ, незначительный перевѣсъ темныхъ надъ бѣлокурыми среди лицъ выше средняго роста и, наоборотъ, бѣлокурыхъ среди высокыхъ.

ТАБЛИЦА № 8.

Великоруссы побережья р.р. Су- хоны и С. Двины.	Число. Nombre.	Длина бюста. Long. du buste.		Ростъ = 100. Taille = 100.	Длина ногъ. Long. extr. infor.	Ростъ = 100. Taille = 100.	Бюстъ = 100. Buste = 100.	Длина рукъ. Long. extr. super.	Бюстъ = 100. Buste = 100.	Ростъ = 100. Taille = 100.
		Min.-Max.	Средн. Moyenne.							
I группа.	122	790—971	883,4	52,98	784,1	47	88,7	748,4	84,7	44,9
II группа.	124	808—961	889,8	53	787,7	47	88,4	751	84,4	44,7
Выѣстъ.	247	790—971	886,6	53	785,9	47	88,5	749,6	84,55	44,8

Бюстъ и конечности. Длина бюста во второй группѣ больше, хотя отношеніе бюста къ росту одинаково въ обѣихъ группахъ. Длина ногъ также немного больше у устьдвинскаго населенія при одинаковомъ отношеніи къ росту и бюсту. По отношенію нижнихъ конечностей къ бюсту двиняне средноноги (мезатискелы). Наибольшій процентъ наблюдений — 47,5 — падаетъ на средноногихъ. Руки длиннѣе во второй группѣ, хотя отношеніе ихъ къ росту и бюсту здѣсь немного меньше, чѣмъ въ первой.

¹⁾ Л. Л. Капица. Антрополог. данныя о кемскихъ и онежскихъ поморахъ. «Ежегодникъ Рус. Антроп. Общ.», т. VI, 1916.

ТАБЛИЦА № 9.

Великоруссы побережья рр. Сухоны и С. Двины.	Число Nombre.		Hyperbrachy- skélie au dessous 75.		Brachyskélie de 75—79,9.		Sous-brachy- skélie 80,0—85.		Mésatiskélie 85,0—89,9.		Sous-macro- skélie 90,0—94,9.		Macroskélie 95,0—99,9.		Hypermacro- skélie 100,0.	
	№	0/0	№	0/0	№	0/0	№	0/0	№	0/0	№	0/0	№	0/0	№	0/0
I-ая группа.	122	—	—	1	0,8	23	18,8	51	41,8	38	31,1	7	5,7	2	1,6	
II-ая группа.	124	—	—	2	1,6	18	14,5	66	53,2	32	25,8	5	4,2	1	0,8	
Вместѣ . . .	246	—	—	3	1,2	41	16,7	117	47,5	70	28,4	12	4,9	3	1,2	

Головной указатель. (Табл. № 10). Разсматривая размѣры головы, прежде всего приходится обратить вниманіе на разницу средних головного указателя въ двухъ нашихъ группахъ. Это различіе получилось отъ того, что во второй группѣ средній размѣръ головы значительно длиннѣе и въ то же время немного уже. Разница выступаетъ не только въ среднихъ головного указателя двухъ группъ, но и въ среднихъ

ТАБЛИ

Головной указатель.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	Число измерен. Nombre des mesur.	Продольный діаметръ Diam. anter.-poster.		Поперечный діаметръ Diam. transvers.	
		Min.—Max.	Средн. Moyenne	Min.—Max.	Средн. Moyenne.
I-ая группа	124	166—196	186,72	141—163	152,44
II-ая группа	125	179—208	191,36	139—166	150,93
Вместѣ	249	166—208	189,05	139—166	151,68

¹⁾ Длинноголовые съ указателемъ ниже 75. ²⁾ Д. Золотаревъ. Антропологическое изслѣдо о великоруссахъ южной части Новгородск. губ. «Ежегодн. Русск. Антр. Общ.», тт. IV и V за

по отдѣльнымъ пунктамъ наблюденія. Населеніе всѣхъ пяти пунктовъ первой группы суббрахицефально, а остальныхъ пяти пунктовъ — усльдвийныхъ — мезатицефально. Въ двухъ пунктахъ указатель падаетъ до 78,1 (Дополн. табл. I-я). Такой низкой средней головного указателя до сихъ поръ мы не получали среди великоруссовъ. У наиболѣе близкихъ — прильменскихъ новгородцевъ — указатель на полторы единицы выше. Предѣлы колебанія головного указателя очень велики: для всего матеріала — 21,5% максимума, для первой группы — 16,6% и для второй — 18,4%. Въ первой группѣ совершенно нѣтъ собственно длинноголовыхъ (съ указателемъ до 75), тогда какъ во второй группѣ ихъ 10 человекъ или 8%. Припомнимъ, что въ Верхневолжскомъ, Прильменскомъ и Бѣлозерскомъ районахъ точно также крайне длинноголовыхъ мы не встрѣчали совершенно или только мѣстами, какъ исключеніе.²⁾ Вообще, длинноголовыхъ въ первой группѣ около 9%, а во второй около 29%. Короткоголовыхъ, наоборотъ, въ первой — 30,6%, а во второй лишь 7,2%. Эта рѣзкая разница двухъ группъ особенно замѣтна на табл. № 11 и диаграммѣ II-ой, указывающихъ какъ на большое различіе по головному указателю двухъ нашихъ группъ, такъ и на существованіе среди изучаемаго населенія по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ по

ПА № 10.

(*Indice céphalique*).

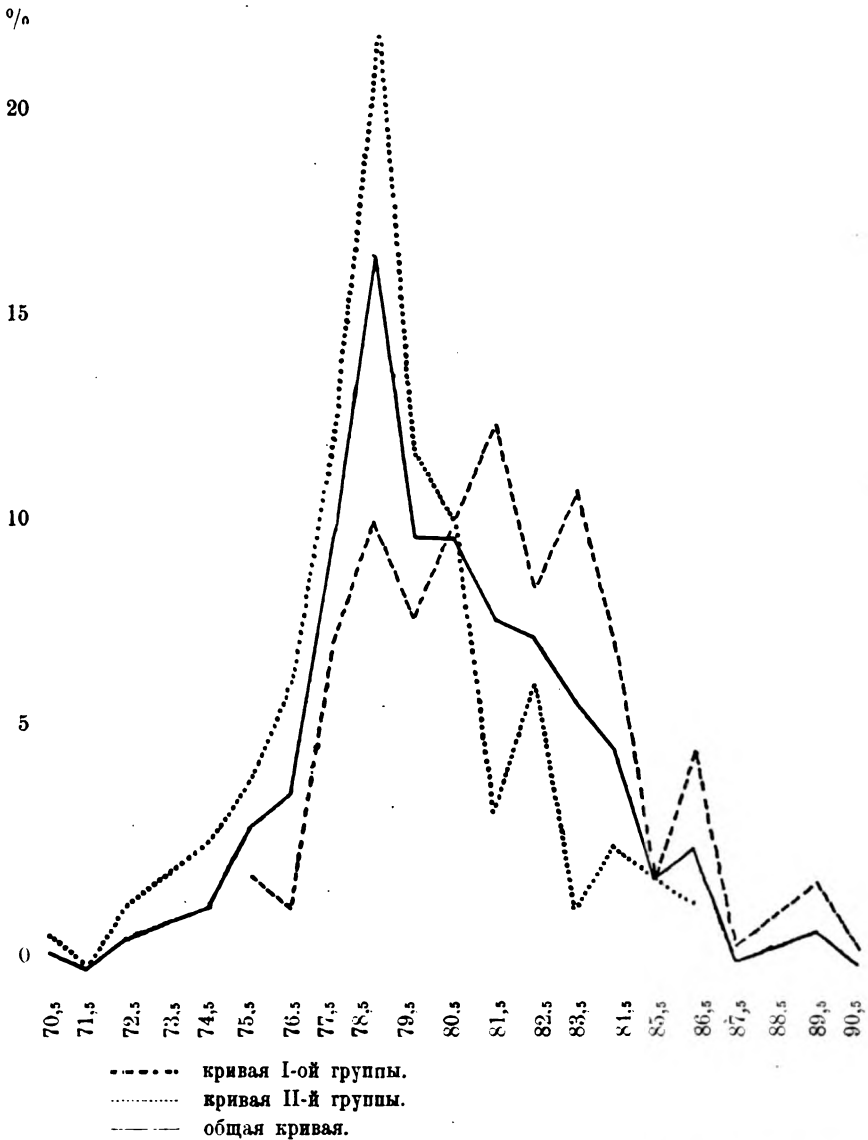
Головной указатель Indice céphalique.		Длинногол. Dolichocéph.		Среднеголов. Mesaticéph.		Коротко- ватогол. Sous-brachy- céph.		Коротко- голов. Brachy- céph.	
Min.—Max.	Средн. Moynne.	Число Nombre.	%	Число Nombre.	%	Число Nombre.	%	Число Nombre.	%
75,00—90,36	81,70	—11 ¹⁾	8,8	29	23,4	46	37,1	38	30,6
70,92—86,91	78,91	10+26 ¹⁾	28,8	51	40,8	29	23,2	9	7,2
70,92—90,36	80,3	10+87	18,9	80	32,1	75	30,1	47	18,9

ваніе великоруссовъ Осташков. и Ржевскаго уу. Тверской губ. — Антропологическія данныя 1913 и 1915 гг. Работа о Бѣлозерскомъ районѣ уже указана.

ТАБЛИЦА № 11.

Головной указатель.	I-ая группа.		II-ая группа.		Вместь.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%
70—70,9	—	—	1	0,8	1	0,4
71—71,9	—	—	—	—	—	—
72—72,9	—	—	2	1,6	2	0,8
73—73,9	—	—	3	2,4	3	1,2
74—74,9	—	—	4	3,2	4	1,6
75—75,9	3	2,4	6	4,8	9	3,6
76—76,9	2	1,6	9	7,2	11	4,4
77—77,9	10	8	17	13,6	27	10,8
78—78,9	14	11,2	29	23,2	43	17,7
79—79,9	11	8,8	16	12,8	27	10,8
80—80,9	13	10,4	14	11,2	27	10,8
81—81,9	17	13,6	5	4	22	8,8
82—82,9	12	9,6	9	7,2	21	8,4
83—83,9	15	12	2	1,6	17	6,8
84—84,9	10	8	4	3,2	14	5,6
85—85,9	3	2,4	3	2,4	6	2,4
86—86,9	7	5,6	1	0,8	8	3,2
87—87,9	1	0,8	—	—	1	0,4
88—88,9	2	1,6	—	—	2	0,8
89—89,9	3	2,4	—	—	3	1,2
90—90,9	1	0,8	—	—	1	0,4
	124	100	125	100	249	100

Диagr. № II-ой.
Головной указатель.

формѣ головы основныхъ элементовъ, неравномѣрно представленныхъ въ нашихъ районахъ. Табл. № 12, дающая соотношеніе головного указателя и пигментации, представляетъ слишкомъ пеструю картину. Здѣсь, подобно тому, что можно

видѣть, сравнивая таблицы пигментации и головного указателя, среди длинноголовыхъ больше свѣтлыхъ, чѣмъ темныхъ. Во второй — относительно длинноголовой группѣ — процентъ темноволосыхъ и темноглазыхъ значительно меньше, чѣмъ въ первой. Среднія головного указателя, вычисленныя мною для блѣлокурыхъ и темноволосыхъ почти совершенно одинаковы и притомъ очень близки къ средней для всего матеріала.

ТАБЛИЦА № 12.

Соотношеніе головного указателя съ цвѣтомъ волосъ и глазъ.

		70-70,9	71-71,9	72-72,9	73-73,9	74-74,9	75-75,9	76-76,9	77-77,9	78-78,9	79-79,9	80-80,9	81-81,9	82-82,9	83-83,9	84-84,9	85-85,9	86-86,9	87-87,9	88-88,9	89-89,9	90-90,9
Волосы:	Блѣлокурые	1	1	—	—	4	4	5	10	8	4	4	8	6	4	3	1	—	—	2	—	
	Русые	—	—	—	2	3	4	7	14	17	14	13	13	10	7	5	2	4	1	2	—	
	Темные	—	—	1	1	1	1	—	8	16	5	10	5	3	3	5	1	3	—	—	1	1
	Вмѣстѣ	1	—	2	3	4	9	11	27	43	27	27	22	21	16	14	6	8	1	2	3	1
Глаза:	Свѣтлые	—	—	—	1	2	3	4	9	16	12	7	9	8	5	6	2	5	1	2	1	—
	Смѣшанные	1	—	2	2	—	6	7	17	18	12	14	9	12	8	6	4	2	—	—	2	1
	Темные	—	—	—	—	2	—	—	1	9	3	6	4	1	3	2	—	1	—	—	—	—
	Вмѣстѣ	1	—	2	3	4	9	11	27	43	27	27	22	21	16	14	6	8	1	2	3	1

Сопоставляя головной указатель съ ростомъ, наблюдаемъ, что бѣльшая высокорослость соотвѣтствуетъ и бѣльшей длинноголовости. Низкорослые являются умѣренными суббрахицефалами. Собственно брахицефалы имѣютъ ростъ выше средняго. Заканчивая разсмотрѣніе головного указателя, приведу для сравненія данныя Е. М. Чепурковскаго ¹⁾. Не указывая точно

¹⁾ Е. М. Чепурковскій. Географическое распределеніе формы головы и вѣдности крестьян. населенія преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизаціей ея славянами. «Тр. Антр. Отд.», т. XXVII, в. 2. М. 1913.

ТАБЛИЦА № 13.

	1460 — 1479	1480 — 1499	1500 — 1519	1520 — 1539	1540 — 1559	1560 — 1579	1580 — 1599	1600 — 1619	1620 — 1639	1640 — 1659	1660 — 1679	1680 — 1699	1700 — 1719	1720 — 1739	1740 — 1759	1760 — 1779	1780 — 1799	1800 — 1819	1820 — 1839	1840 — 1859
70—70,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
71—71,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
72—72,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
73—73,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—	—
74—74,9	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—
75—75,9	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	1	—	—	2	1	1	1	—	—	—
76—76,9	—	—	—	—	—	—	1	1	3	—	1	—	2	1	1	—	—	—	1	—
77—77,9	—	—	—	—	1	—	2	1	2	1	4	6	1	4	—	2	—	2	—	1
78—78,9	1	—	—	1	2	—	2	3	5	4	7	6	4	4	2	1	—	1	—	—
79—79,9	—	—	—	—	1	1	—	—	4	5	1	3	6	3	—	2	—	—	1	—
80—80,9	—	—	—	—	—	—	1	3	2	1	8	4	5	1	—	1	1	—	—	—
81—81,9	—	—	—	—	1	—	2	3	2	3	7	1	1	1	1	—	—	—	—	—
82—82,9	—	—	1	—	—	1	1	3	1	4	1	3	2	4	—	—	—	—	—	—
83—83,9	—	—	—	—	—	—	2	3	3	2	1	3	—	2	1	—	—	—	—	—
84—84,9	—	—	—	—	—	—	—	2	1	1	3	1	1	1	—	1	2	—	—	1
85—85,9	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—
86—86,9	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	2	—	1	1	—	—	—	—	—	—
87—87,9	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
88—88,9	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
89—89,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
90—99,9	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

района, онъ даетъ средняго головного указателя для мужчинъ: Шенкурскаго у.—82,9, Сольвычегодскаго у.—81,8, Тотемскаго—82,9 и Устюжскаго — 82,1. Въ общемъ наши числа сходны. Къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ ни у Е. М. Чепурковскаго, ни у другихъ авторовъ данныхъ о районѣ нашей II-ой группы, такъ какъ въ низовьяхъ Сѣверной Двины раньше не было измѣренiй.

ТАБЛИЦА № 14.

Высота головы. (Hauteur de la tête)

Великоруссы побережья Сѣв. Двины.	Число. Nombre.	Высота черепа. Haut. du crâne.		Высотный указатель. Ind. de haut.	Высотнo-широтный указатель.
		Min.-Max.	Средн. Moyenne.		
I-ая группа	124	117—137	126,1	67,5	82,7
II-ая группа	125	114—143	125,9	65,8	83,4
Вмѣстѣ	249	114—143	126	66,6	83,06

Высота головы. (Табл. № 14). Средняя высота головы въ обѣихъ группахъ одинакова. По сравненiю съ бѣлозерами, голова двинянъ незначительно выше. Высотнопродольный указатель во второй группѣ немного меньше, чѣмъ указатель бѣлозеровъ, а указатель II-ой группы выше послѣдняго. Различiе это объясняется не разностью въ высотѣ головы, а различной длиной головы. У устьдвинскаго населенiя, болѣе длинноголоваго, мы видимъ самый низкiй среднiй высотнопродольный указатель. Совершенно обратно, высотнoширотный указатель здѣсь больше всего, во II-ой группѣ немного меньше и у бѣлозеровъ значительно меньше. Согласно принятому дѣленiю, двиняне низкоголовы.

Наименьшая ширина лба. (Табл. № 15). Наименьшiй лобный диаметръ въ обѣихъ группахъ почти одинаковъ и очень близокъ къ даннымъ о новгородцахъ. По лобному указателю, двиняне почти широколобы.

ТАБЛИЦА № 15.
Наименьшая ширина лба. (Diam. front. minim.).

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Съв. Двины.	Число измеренныхъ. Nombre des mesurés.	Наименьшій лобный диаметръ. Diam. front. minim.		Поперечн. діам. = 100. Diam. transv. = 100.	Скуловой діам. = 100. Diam. bizygomat. = 100.
		Мин.—Макс. Min.—Max.	Средн. Moyenne.		
		I-ая группа	124		
II-ая группа	125	98—117	106,95	70,8	76,3
Вмѣстѣ	249	98—117	106,8	70,4	76,1

Длина и ширина лица. (Табл. №№ 16 и 17). Скуловой диаметр, другими словами наибольшая ширина лица, одинакова въ обѣихъ группахъ и почти совпадаетъ съ полученной у новгородцевъ. Высота лобноподбородная значительно превосходитъ во II-ой группѣ, что, какъ увидимъ дальше, объясняется бѣльшей длиной всего лица устьдвинскаго населенія по сравненію съ населеніемъ I-ой группы.

ТАБЛИЦА № 16.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.	Число. Nombre.	Скуловой діаметръ. Diam. bizygomat.		Высота лобноподбородная. Haut. ophryo-ment.		Указатель анатомич. лица. Ind. facial.
		Мин.—Макс. Min.—Max.	Средн. Moyen.	Мин.—Макс. Min.—Max.	Средн. Moyen.	
I-ая группа	123	130—153	140,5	120—161	139,5	100,7
II-ая группа	125	127—152	140,0	131—165	142,9	97,9
Вмѣстѣ	248	127—153	140,25	120—165	141,2	99,3

Указатель анатомическаго лица во II-ой группѣ ниже, чѣмъ въ первой и ниже, чѣмъ у новгородцевъ; при этомъ онъ ближе всего къ указателю новгородцевъ. По указателю, представля-

ющему отношенію скулового діаметра къ высотѣ лобноподбородной, двиняне среднелицы. Общая длина всего лица отъ подбородка до начала волосъ на лбу большая, особенно во II-ой группѣ, гдѣ она лишь немного меньше длины лица выдѣленныхъ мною въ прежнихъ работахъ по величинѣ лица великоруссахъ Новгородскаго уѣзда. Соотвѣтственно разницѣ въ среднихъ абсолютной длины лица, видимъ, что большой размѣръ лица во второй группѣ встрѣчался значительно чаще — 67% всѣхъ наблюдений, что опять сближаетъ эту группу съ Новгородскимъ у., гдѣ отмѣчено 68% длиннолицыхъ. Количество длиннолицыхъ въ I-ой группѣ — 55% — совпадаетъ съ данными о размѣрахъ лица у бѣлозеровъ. Коротколицыхъ очень немного въ той и другой группахъ. По лицевому указателю, дающему представленіе объ относительной длинѣ всего лица, двиняне среднелицы. Собственно среднелицыхъ очень много: въ I-ой группѣ ихъ — 83% и во II-ой — 71%. Широколицыхъ мало. И въ данномъ отношеніи вторая группа особенно близка къ Новгородскому уѣзду.

ТАБЛИЦА № 17.

	Число. Nombre.	Общая длина лица. Long. du visage.					Указатель. Indice.	%, 0/0		
		Min. — Max.	Средн. Moyen.	%, 0/0		Узкие (до 70,00). Leptoprosores.		Среднелице (70,01 - 80,00). Mésoprosores.	Широколицы (80,01 и б.). Chaméoprosores.	
				Малая (до 170). Petite.	Средняя (171-185). Moyenne.					Большая (186 и б.). Grande.
Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.										
I-ая группа .	123	169—207	187,3	0,8	43,5	55,6	74,9	5,7	83,7	10,5
II-ая группа .	124	165—212	190,3	4	29	67	73,6	20,1	71	8,9
Вмѣстѣ . .	247	165—212	188,8	2,4	36,2	61,3	74,25	12,9	77,3	9,7

ТАБЛИЦА № 18.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.	Число. Nombre.	Высота носа. H. nasio-sousnasale.		Ширина носа. Largeur du nez.		Носовой указатель Ind. nasal.	°/о °/о.		
		Min. - Max.	Средн. Moyenne.	Min. - Max.	Средн. Moyenne.		Лепторины (указат. до 70). Lepthoriniens.	Мезорины (указат. 70,01—85). Mesorhiniens.	Платорины (указ. 85,01 и б.). Plathoriniens.
I-ая группа.	124	44—61	51,2	30—45	35,8	69,9	47,6	47,6	4,8
II-ая группа.	125	42—60	51,4	30—45	36,5	71	47,2	47,2	5,6
Вмѣстѣ.	249	42—61	51,3	30—45	36,15	70,5	47,4	47,4	5,2

Носъ. (Табл. №№ 18, 19 и 20). Средніе размѣры носа почти одинаковы въ обѣихъ группахъ. Носовой указатель во II-ой группѣ лишь немного больше. Количество узконосыхъ и средненосыхъ одинаково — больше 47⁰/о. Широконосыхъ очень мало — около 5⁰/о. Среди двинянъ узконосыхъ больше, чѣмъ среди новгородцевъ. Профиль носа въ большинствѣ случаевъ прямой. Вогнутыхъ носовъ значительно больше, чѣмъ выгнутыхъ (+1). Выступаніе носа среднее. Вдавленныхъ носовъ, слабо выдѣляющихся при разсматриваніи въ профиль, не встрѣчается.

ТАБЛИЦА № 19.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.	Число. Nombre.	Профиль носа. Profil du nez.													
		+3		+2		+1		0		-1		-2		-3	
		N.	%	N.	%	N.	%	N.	%	N.	%	N.	%	N.	%
I-ая группа.	124	—	—	—	—	12	9,7	78	63	29	23,4	5	4	—	—
II-ая группа.	125	—	—	2	1,6	15	12	73	58,4	83	26,4	2	1,6	—	—
Вмѣстѣ.	249	—	—	2	0,8	27	10,8	151	60,6	62	24,9	7	2,8	—	—

ТАБЛИЦА № 20.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.	Выступаніе носа. Proéminence du nez.						
	1		2		3		
	Число. Nombre.	Число. Nombre.	0/0	Число. Nombre.	0/0	Число. Nombre.	0/0
I-ая группа	124	—	—	109	88	15	12
II-ая группа	125	1	0,8	108	86,2	16	12,8
Вмѣстѣ	249	1	0,4	217	87,1	31	12,5

Ротъ. (Табл. № 21). Высота краевъ губъ, ширина рта и губной указатель средніе. Во второй группѣ онѣ немного больше. Зубной прогнатизмъ встрѣчается очень рѣдко.

ТАБЛИЦА № 21.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	Число. Nombre.	В. краевъ губъ. H. des rebords des lèvres.	Ширина рта. Larg. de la bouche.	Губной указатель. Ind. buccal.
I-ая группа	122	13,6	52,2	26
II-ая группа	125	14,8	53,9	27,4
Вмѣстѣ	247	14,2	53,06	26,7

Глазное отверстие. (Табл. № 22). Глазное отверстие почти одинаково въ обѣихъ группахъ. Данныя очень близки къ новгородскимъ. Прорѣзы глазъ въ большинствѣ слу-

чаевъ прямые; иногда глаза поставлены подъ небольшимъ угломъ.

ТАБЛИЦА № 22.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	Число. Nombre.	Глаза (les yeux).		
		Внутренній діам. угловъ глазъ. Diam. biangu- laire int.	Внѣшн. діам. угловъ глазъ. Diam. biangu- laire ext.	Глазное отверстіе. Long. de l'ouverture palpebrale.
I-ая группа	123	33,8	87,3	26,8
II-ая группа	125	33	88,4	27,7
Вмѣстѣ	248	33,4	87,9	27,25

ТАБЛИЦА № 23.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и С. Двины.	Число измѣренныхъ. Nombre des mesurés.	Большая ось уха. Grand axe de l'oreille.			Малая ось уха. Petit axe.		Длина хрящевой уха. L. de l'oreille cartilagin.	Ушной указатель. Indice de l'oreille.
		Min.-Max.	Средняя. Moynenne.	Высота лица=100. H. de visage=100.	Средняя. Moynenne.	Высота лица=100. H. de visage=100.		
I-ая группа	124	54—72	63,2	33,7	34,0	18,1	49,3	53,3
II-ая группа	125	52—76	64,25	33,7	34,2	18	50,7	52,4
Вмѣстѣ	249	52—76	63,7	33,7	34,1	18,06	50	52,9

Уши. (Табл. № 23 и 24). Уши въ среднемъ почти одинаковы въ обѣихъ группахъ. Судя по указателю, преобладаютъ средніе размѣры ушей, такъ же какъ въ изслѣдованныхъ районахъ Новгородской и Тверской губерній. Оттопы-

ренность ушей у 85% небольшая. Сильно оттопыренных ушей почти не встречается. Дарвиновъ бугорокъ отмѣченъ у 28 человекъ.

ТАБЛИЦА № 24.

Оттопыренность уха. Ecartement de l'oreille.

Великоруссы побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины.	0		1		2		3	
	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%	Число. Nombre.	%
I-ая группа . . .	—	—	103	83	21	17	—	—
II-ая группа . . .	—	—	109	87,2	15	12	1	0,8
Вмѣстѣ . . .	—	—	212	85,1	36	14,4	1	0,4

Разсмотрѣнныя таблицы основныхъ антропологическихъ признаковъ позволяютъ дать слѣдующую характеристику двинского населенія.

Тѣлосложеніе у большинства плотное и крѣпкое; верхнедвинское населеніе сложено слабѣ устьдвинскаго. Преобладающій цвѣтъ волосъ русый, а цвѣтъ глазъ смѣшанный—сѣрый по преимуществу. Количество свѣтловолосыхъ и свѣтлоглазыхъ значительно, особенно по сравненію съ другими до сихъ поръ изученными районами. Ростъ выше средняго, болѣе высокъ среди устьдвинскаго населенія. По указателю скелія, двиняне средненогои. Головной указатель обнаруживаетъ значительныя различія выдѣленныхъ мною группъ. Устьдвинское населеніе среднеголово, а верхнедвинское коротковатоголово, если слѣдовать принятой у насъ классификаціи. Двиняне низкоголовы. Лобъ средней величины, близокъ къ широкому. Лицо длинное. По указателямъ лицевому и носовому, двиняне среднелицы и средненосы. Профиль носа болѣею частью прямой, слабо выступающій. Ротъ небольшой, губы средней величины.

Зубной прогнатизмъ встрѣчается очень рѣдко. Длина глазного отверстія небольшая. Уши среднихъ размѣровъ, слабо оттопыренныя.

Изученіе матеріала заставляетъ насъ на основаніи значительныхъ различій головного указателя, цвѣта волосъ и глазъ, длины лица и роста выдѣлить двѣ группы, изъ которыхъ устьдвинская представляется болѣе однообразной.

Сравнивая съ другими великоруссами и замѣчая очень большое сходство по многимъ признакамъ съ населеніемъ Новгородской губерніи, по признакамъ, обнаружившимъ групповыя отличія наблюдаемъ близость къ различнымъ районамъ обширной Новгородской области.

Наша первая группа по пигментациі, головному указателю и формѣ лица очень близко подходит къ бѣлозерскому району, соседнему и непосредственно примыкающему къ Западу. Въ отношеніи роста она представляетъ какъ-бы переходъ отъ среднерослыхъ бѣлозеровъ къ высокорослымъ архангельцамъ. Послѣдніе — наша вторая группа — по своему росту, длинѣ лица и головному указателю чрезвычайно близки къ новгородцамъ приильменскимъ. Только у устьдвинянъ относительная длинноголовость выражена значительно рѣзче, ростъ немного выше, а пигментациія глазъ и волосъ свѣтлѣе. Такимъ образомъ, опредѣляются антропологическія особенности двинянъ и ихъ связь съ болѣе близкими по сходству и территориально новгородскими великоруссами. Къ

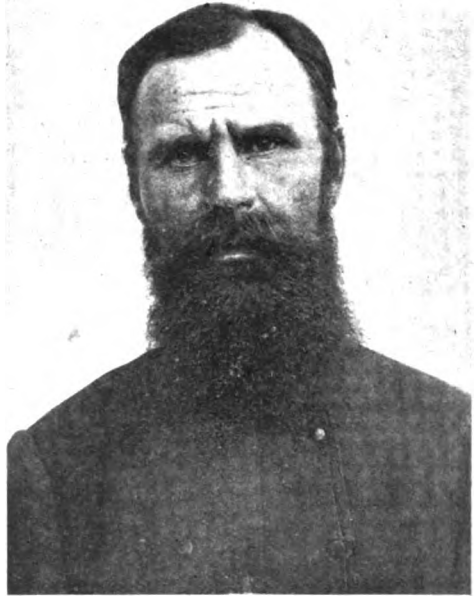

Рис. 1.

Кр. Холмогорскаго у. Архангельской губ..
42 лѣтъ.

Цвѣтъ волосъ темный, цвѣтъ глазъ смѣшанный, ростъ — 1788 мм., гол. ук. 84,04.

сожалѣнію, нѣтъ возможности сопоставить нашъ матеріалъ съ данными о другихъ сосѣднихъ областяхъ, за недостаткомъ изслѣдованій.

Хотя населеніе крайняго сѣвера привлекало вниманіе ученыхъ съ давнихъ поръ, начиная съ акад. Лепехина, Озерцовскаго, Крестинина, финнологовъ Кастрена, Шегрена, Европеуса и кончая извѣстными своими очень цѣнными работами

Рис. 2.

Волостной старшина Кушевской вол.,
Холмогор. у., Архангельской губ.,
72 лѣтъ, не измѣрялся.

по сѣверу П. С. Ефименко, Огородниковымъ и др., и хотя многие историки и лингвисты въ своихъ общихъ работахъ ставили вопросъ о происхожденіи русскаго населенія европейскаго сѣвера, мы до сихъ поръ далеки отъ единства взглядовъ и правильнаго рѣшенія вопроса. Специально антропологическихъ работъ по нашей области нѣтъ совершенно. Лишь въ изслѣдованіи о ростѣ проф. Д. Н. Анучина есть данныя о населеніи нашей области и въ работѣ Е. М. Чепурковскаго о головномъ указателѣ и пигментаци даются цифры о населеніи района нашей первой группы—устье Двины Е. М. Чепурковскимъ не было изслѣдовано. Поэтому, на послѣдней антропологической и этнографической картѣ Европы І. Е. Деникера (1913 г.), использовавшаго даже неопубликованные матеріалы, русскій сѣверъ, вся наша область представляетъ совершенно пустое мѣсто, являющееся для насъ большимъ укоромъ¹⁾.

¹⁾ См. В. Энциклопед. словарь Брокгауза и Эфрона изд. 2-ое, «Населеніе Европы».

Рис. 3.

Помощник старосты г. Красноборска, 60 лѣтъ.
Цвѣтъ волосъ русый, цвѣтъ глазъ смѣшанный, ростъ—1718 мм.,
гол. указ.—81,ss.

Рис. 4.

Кр. Архангельскаго у., 45 лѣтъ.
Цвѣтъ волосъ бѣлокурый, цвѣтъ глазъ смѣшанный, ростъ 1767 мм.,
гол. указ. 77,5.

Въ послѣдніе годы началъ изслѣдованіе русскихъ поморевъ Кемскаго и Онежскаго у.у. студентъ Петроградскаго Университета Л. Л. Капица, данныя котораго, какъ можно видѣть изъ печатаемой здѣсь же статьи, значительно отличаются отъ моихъ данныхъ о близкихъ по мѣсту жительства устьдвинянахъ.

Дальнѣйшее изученіе покажетъ, насколько существенна разница двухъ сосѣднихъ районовъ, но и теперь это различіе

Рис. 5.

Кр. Сольвычегодскаго у. Вологодской г.,
41 года.

Цвѣтъ волосъ русый, цвѣтъ глазъ смѣ-
шанный, ростъ 1825 мм., гол. указ. 79,1.

можетъ быть объяснено особыми условіями исторической жизни поморскаго берега, гдѣ должны были сильнѣе сказаться вліяніе исконнаго населенія края — карель, еще сравнительно недавно (XIV в.) занимавшихъ Лѣтній (*Карельскій*) берегъ, — районъ «*Карельскихъ дѣтей*» — до *Карельскаго* устья Сѣв. Двины, такъ же какъ и вліяніе позднѣе нахлынувшихъ въ Поморь старообрядцевъ Московской области.

Какъ бы то ни было, приходится считаться съ недостаткомъ данныхъ объ антропологическомъ составѣ населенія сосѣднихъ двинскому районовъ и

искать объясненія особенностей нашихъ двухъ различающихся между собою группъ въ другихъ матеріалахъ и изслѣдованіяхъ.

Не давая сводки всѣхъ данныхъ о населеніи Сѣв. Двины, что надѣюсь сдѣлать, когда мой матеріалъ будетъ болѣе полонъ, укажу лишь на тѣ безспорные факты, которые говорятъ о возможности различій въ населеніи выдѣленныхъ мною группъ.

О доисторическомъ прошломъ района данныя слишкомъ отрывочны и спорны, чтобы на нихъ останавливаться въ настоящей работѣ. Для насъ несравненно цѣннѣе историческія и лингвистическія данныя, указывающія, что историческая жизнь двухъ нашихъ районовъ не была едина.

Если вообще говоря всю территорію Сѣв. Двины и Сухоны можно считать областью Новгородской колонизаціи, то необходимо выдѣлить южную часть Вологодской губ., заселявшуюся новгородцами преимущественно съ сѣвера, тогда какъ съ юга она подвергалась вліянію Ростовско-Суздальской и позднѣе Московской Руси. Вотъ почему, здѣсь въ районѣ Сухоны и Сѣв. Двины до В.-Устюга, Вычегды и нѣсколько дальше мы должны считаться съ примѣсью элементовъ, пришедшихъ не съ Новгородскаго запада, а изъ Московскаго центра. Эти колонизаціонныя волны стремились проникнуть и въ низовья Сѣв. Двины, но, повидимому, задерживались южнѣе въ области р.р. Сѣв. Двины, Сухоны, Ваги и др.

Не даромъ и подчиненіе Москвѣ на Сухонѣ происходитъ раньше, а устюжанъ мы видимъ сражающимися противъ еще непокоренныхъ двинянъ, отстаивавшихъ свою самостоятельность до 1471 года. Отсюда совершенно понятна связь нашей I-ой группы съ Бѣлозерскимъ краемъ, точно также подвергавшимся смѣшанному вліянію двойной колонизаціи Новгорода и Ростовской съ Московской областей. Лингвистическія различія современнаго устьдвинскаго и вологодско-устюжанскаго населенія

Рис. 6.

Кр. Холмогорскаго у. Архангельской губ.,
40 лѣтъ.

Цвѣтъ волосъ бѣлокурый, цвѣтъ глазъ
свѣтлый, ростъ 1603 мм., гол. указ. 78,9.

лишь подтверждают указанную связь и оправдывают сделанное мною выделение II-ой группы.

Действительно, низовье Сѣв. Двины, населенное съ давнихъ поръ финнами (fenni) Тацита, чудью Начальной Лѣтописи, известное скандинавскому и западному міру еще въ IX—XI в.в. подъ названіемъ Біарміи или Біармаланда и входящее въ составъ Заволочья, было колонизовано Новгородцами, укрѣпившимися здѣсь съ конца XI-го и начала XII-го в.в. Они дали начало русскому населенію на крайнемъ сѣверѣ,

Рис. 7.

Кр. В.-Устюгскаго у. Вологодской губ., 42 лѣтъ.
Цвѣтъ волосъ темный, цвѣтъ глазъ смѣшанный, ростъ—1702 мм.,
гол. ук. 89,2.

при чемъ здѣсь новгородское русское вліяніе было безраздѣльно. Подходя ближе къ нашему матеріалу, можно указать, что пункты нашего изслѣдованія: Кегостровъ, Заостровье, Матигоры и Ломоносовка (Куростровъ), какъ опредѣленно говорятъ историки, суть давнія новгородскія поселенія. Это обстоятельство для насъ особенно цѣнно потому, что, устанавливая непосредственную связь съ Новгородомъ, заставляетъ обратиться прежде всего къ сравненію съ новгородцами, которые оказываются очень близкими по всѣмъ основнымъ антро-

пологическимъ признакамъ. Это близкое сходство съ приильменскими новгородцами въ дальнѣйшемъ изученіи можетъ имѣть исключительное значеніе при рѣшеніи поставленнаго мною въ работѣ о новгородскомъ населеніи, рѣзко отличающемся отъ ближайшаго населенія Валдайской возвышенности, вопроса о тождественности современнаго новгородскаго населенія съ древнимъ.

Установивъ связь съ Новгородцами, необходимо указать на сходство устьдвинянъ съ болѣе отдаленнымъ населеніемъ. Двиняне еще болѣе, чѣмъ новгородцы, заставляютъ говорить о сходствѣ съ населеніемъ Прибалтійскаго края и Скандинавскаго полуострова. По крайней мѣрѣ, головной указатель, высокорослость, длиннолицость, относительная бѣлокурость и свѣтлоглазость, выдѣляющіе устьдвинянъ, ведутъ насъ къ сравненію съ указаннымъ населеніемъ, связь и родство съ которымъ исторически возможны.

Рис. 8.

Кр. Шенкурскаго у. Архангельской губ.

Не отождествляя архангельское населеніе съ балтійцами и скандинавами, возможно предполагать существованіе среди нихъ, какъ основного составнаго элемента, одного антропологическаго типа, извѣстнаго въ литературѣ подъ названіемъ сѣверной расы, совершенно излишне названной Деникеромъ на послѣдней его картѣ «нордійской».

Намѣчая уже теперь сходство съ западнымъ населеніемъ, отнюдь нельзя говорить объ одномъ типѣ населенія Сѣв. Двины. Имѣя въ виду вернуться къ этому вопросу, пополнивъ матеріалъ, я укажу пока на помѣщенные здѣсь фотографіи, обна-

руживающія вліянія какъ славянскаго юга (рис. 1 и 2), такъ скандинавскаго запада (рис. 3, 4 и 5) и финскаго востока и запада (рис. 7 и 8). Если наиболѣе интересующая насъ связь съ скандинавскимъ населеніемъ уже теперь несомнѣнна, для насъ въ настоящее время не ясно происхождение указаннаго сходства. Исторически допустимы какъ очень давнее, такъ и позднѣйшее вліянія черезъ устье Сѣв. Двины, — мѣсто торговыхъ сношеній съ сѣверо-западной Европой.

Очень много для рѣшенія этого вопроса могли бы сказать археологическія данныя и въ особенности костный курганный матеріалъ, но до сихъ поръ у насъ имѣются лишь разрозненныя, далеко не достаточныя данныя. Пока можемъ сказать, что наше устьдвинское населеніе обнаруживаетъ сходство съ курганными новгородцами, какъ они представляются по даннѣмъ проф. Богданова и д-ра Елисѣева.

ТАБЛИЦА № 25.

	Ростъ.	Головной указатель.	
Устьдвиняне	1677,5	78,91	Золотаревъ.
Приильменскіе новгородцы.	1674	80,57	„
Великоруссы Осташковскаго у. Тверской губ. . .	1665	83,23	„
Поморы Кемскаго и Онежскаго у.у.	1652	80,85	Капица.
Древніе новгородцы . . .	высокій	77,7 (79,7) *)	Богдановъ.
Курганное приильменское населеніе	—	75,6 (77,6) *)	Елисѣевъ.
Шведы	1695	77,86	Ретцшусъ и Фюрстъ.
Норвежцы	1720	78	Арбо.
Ливы	1736	79,9	Вальдгауеръ.
Латыши	1705	80,50	Талько-Гринцевичъ.
Эсты	1703	79,26	Грубе.
Зыряне	1647	85,50	Налимовъ.
Карелы Финляндін	1657	80,9	Колмогоровъ.
Вогулы	1565	78,32	Руденко.

*) Цифры въ скобкахъ даютъ поправку для сравненія головного указателя череповъ съ головнымъ указателемъ головы живыхъ людей.

Я не привожу данныхъ различныхъ авторовъ о цвѣтѣ волосъ и глазъ, такъ какъ онѣ не вполне сравнимы. Свѣтловолосость скандинавскаго населенія общезвѣстна. Хотя ростъ въ работахъ проф. Богданова и д-ра Елисѣева не указаны, я, не приводя цифръ другихъ авторовъ, отмѣчаю высокой ростъ, относительно чего нѣтъ разногласій.

Устанавливая сходство съ сѣверо-западнымъ населеніемъ Европы или древнимъ населеніемъ сѣверной Россіи, мы подходимъ къ цѣлому ряду очень важныхъ вопросовъ колонизаціи и происхожденія населенія сѣверной Россіи, оставляемыхъ нами сейчасъ пока безъ разрѣшенія. Прежде всего, необходимо выяснитъ, насколько далеко распространено населеніе, выдѣлившееся своими антропологическими особенностями въ нашемъ матеріалѣ, и установить основныя черты древняго населенія края.

Теперь для насъ лишь ясно, гдѣ искать разрѣшенія вопроса. Въ противовѣсъ большинству изслѣдователей русскаго сѣвера, искавшихъ отвѣта прежде всего на востокъ и пытавшихся по названіямъ рѣкъ и селеній возстановитъ прошлое, намъ слѣдуетъ, не ограничиваясь этими безспорно цѣнными изслѣдованіями, ближе связаться съ западомъ и, продолжая изслѣдованіе современнаго населенія, лучше изучитъ костный матеріалъ и остатки матеріальной культуры, сохранившіеся въ курганахъ. Необходимо отъ Сѣверной Двины итти къ Западной Двинѣ, отъ Чуди Заволоцкой къ Чуди Ливонской, отъ Двинской земли къ Великому Новгороду, отъ древней Біарміи къ Скандинавіи.

Работая въ указанномъ направленіи, не забывая и востока, связь съ которымъ несомнѣнна, мы сможемъ подвинуться впередъ въ дѣлѣ установленія происхожденія великоруссовъ сѣвернаго края и великоруссовъ вообще. Надо надѣяться, что очень интересное населеніе сѣвернаго края, привлекавшее вниманіе очень многихъ изслѣдователей, теперь, при содѣйствіи мѣстныхъ научныхъ обществъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Вятской губ., скоро будетъ изучено, и на этнографическихъ и антропологическихъ картахъ исчезнутъ пустыя мѣста въ области обширнаго сѣвернаго края.

Д. Золотаревъ.

<p>ПУНКТЫ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.</p>	<p>Число измѣренныхъ.</p>	<p>Головной указатель. Indice céphalique.</p>	<p>Продольный діаметръ. D. antéropostérieur.</p>	<p>Поперечный діаметръ. D. transversal.</p>	<p>Наименьшая ширина лба. D. frontal minimum.</p>	<p>Скуловой діаметръ. D. bizygomatique.</p>	<p>Высота черепа. Hauteur du crâne.</p>
<p>Вологодская губ. ¹⁾</p>							
<p>Калининское (Тотем у.).</p>	<p>20</p>	<p>82,11</p>	<p>185,02</p>	<p>151,8</p>	<p>106</p>	<p>140,1</p>	<p>125,15</p>
<p>Трегубово (Вел.-Устюг. у.).</p>	<p>20</p>	<p>81,3</p>	<p>186,85</p>	<p>151,8</p>	<p>105,65</p>	<p>139,4</p>	<p>125,7</p>
<p>Красноборскъ (Сольвычегод. у.).</p>	<p>34</p>	<p>80,88</p>	<p>187,26</p>	<p>151,35</p>	<p>106,9</p>	<p>140,7</p>	<p>126,3</p>
<p>Нижняя Тойма (Сольвычегод. у.).</p>	<p>25</p>	<p>82,38</p>	<p>186,0</p>	<p>153,1</p>	<p>106,2</p>	<p>140,6</p>	<p>126,6</p>
<p>Архангельская губ.</p>							
<p>Семеновское (Шенкур. у.).</p>	<p>25</p>	<p>82,11</p>	<p>187,96</p>	<p>154,2</p>	<p>108,4</p>	<p>141,1</p>	<p>126,6</p>
<p>Матигоры (Кушевское) (Холмогор. у.).</p>	<p>25</p>	<p>79,25</p>	<p>191,26</p>	<p>151,5</p>	<p>108,3</p>	<p>140,4</p>	<p>126,6</p>
<p>Ломоносовка (Холмогор. у.).</p>	<p>20</p>	<p>79,3</p>	<p>191,05</p>	<p>151,5</p>	<p>106,9</p>	<p>140,75</p>	<p>126,45</p>
<p>Уйма (Арханг. у.).</p>	<p>30</p>	<p>78,15</p>	<p>191,45</p>	<p>149,5</p>	<p>106</p>	<p>138,2</p>	<p>125,9</p>
<p>Заостровье Рикос. вол. (Арханг. у.).</p>	<p>30</p>	<p>79,70</p>	<p>190,13</p>	<p>151,47</p>	<p>107,1</p>	<p>141,1</p>	<p>126</p>
<p>Кегостровъ (Арханг. у.).</p>	<p>20</p>	<p>78,05</p>	<p>193,5</p>	<p>150,95</p>	<p>106,6</p>	<p>140,5</p>	<p>124,25</p>
<p>Вмѣстѣ</p>	<p>249</p>	<p>80,3</p>	<p>189,05</p>	<p>151,68</p>	<p>108,2</p>	<p>140,25</p>	<p>126</p>

¹⁾ Одинъ не включенъ въ подсчетъ.

таблица I-ая.

Общая высота лица. Hauteur du visage.	Высота лобно-подбородная. H. orhygo-mentonnière.	Высота носо-подбородная. H. nasio-mentonnière.	Высота носо-губная. H. naso-buccale.	Высота носа. H. nasosousnasale.	Ширина носа. Largeur du nez.	Внутренний диаметр углов глаз. D. bipalpebrale int.	Внешний диаметр углов глаз. D. bipalpebrale ext.	Высота краевъ губъ. H. des rebords des lèvres.	Ширина рта. Largeur de la bouche.	Большая ось уха. Grand axe de l'oreille.	Длина хрящевого уха. L. de l'oreille cartilagin.	Малая ось уха. Petit axe de l'oreille.
188,3	140,05	121,75	74,75	51,25	34,8	33,9	89,2	14,32	53,4	63,25	49,85	34,3
184,15	138,05	118,8	73	51,05	35,5	33,75	85,75	13,1	52,4	61,65	49	34,6
186,9	140,5	121,1	73,5	50,6	36,35	34,4	87,5	13,4	52,6	64,3	50	34,1
187,8	137,0	118,3	71,8	51,0	35,7	32,8	86,8	14,3	51,6	63,7	49,2	33,5
189,3	141,5	120,1	73,96	52,1	36,1	33,8	87,2	12,9	50,9	62,6	48,0	33,5
187,7	141,1	122,9	73,4	51,2	37,2	33,5	88,8	14,4	52,6	63,96	50,1	34,6
189,8	141,25	124,8	72,7	50,1	36,05	31,6	88,1	14,8	52,5	64,2	50,15	34,15
188,9	143,5	123,7	74,6	50,9	35,8	32,2	87,9	15,4	53,96	63,2	50,2	34,6
193,8	144,0	125,6	75,6	52,1	36,2	33,4	88,5	14,9	54,4	64,8	51,4	33,8
190,65	144,15	123,6	74,5	51,95	37,6	34,25	88,75	14,05	56,2	65,45	51,7	33,6
188,8	141,22	122,08	5	51,26	36,15	33,38	87,9	14,17	53,06	63,74	50	34,07

Дополнительная таблица II-ая.

ПУНКТЫ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.	Число измѣренныхъ.		Цвѣтъ волосъ.			Цвѣтъ глазъ.			Ростъ стоя. Taille debout.	Высота края плеч. отр. лопатки. Acromion.	Высота локтевого сочле- нения. Hauteur du coude.	Высота среднего пальца. H. de l'extr. du médius.	Высота колѣна. Haut. du genou.	Ростъ сидя. Taille assis.				
	Бѣлокурый.	Русый.	Темный.	Свѣтлый.	Смѣшанный.	Темный.	Ростъ стоя.	Высота края плеч. отр. лопатки. Acromion.							Высота локтевого сочле- нения. Hauteur du coude.	Высота среднего пальца. H. de l'extr. du médius.	Высота колѣна. Haut. du genou.	Ростъ сидя. Taille assis.
Вологодская губ.:																		
Калининское (Тотемскаго у.).	20	10	4	6	6	13	1	1664,25	1370,2	1034,75	616,2	441,7	878,7					
Трегубово (Вел.-Устюгскаго у.).	20	3	10	7	9	10	1	1654,95	1354,1	1029,7	609,3	405,4	873					
Красноборскъ (Сольвычегодскаго у.).	34	8	17	9	13	17	4	1685,2	1380,2	1053,7	612,2	438,5	886					
Нижняя Тойма (Сольвычегодскаго у.).	25	6	9	10	10	7	8	1671,3	1372,3	1060	616,6	440,6	891					
Архангельская губ.:																		
Семеновское ¹⁾ (Шенкурскаго у.).	25	4	15	5	8	10	6	1652,4	1344,6	1034,3	607,2	429	884,8					
Матигоры (Кушевское) (Холмогорскаго у.).	25	8	12	5	9	16	—	1673,96	1375,0	1053,6	628,8	443,4	896,45					
Ломоносовка (Холмогорскаго у.).	20	3	13	4	10	8	2	1681,2	1377,0	1047,8	614,25	441	891,0					
Уйма (Архангельскаго у.).	30	12	12	6	13	12	5	1671,1	1365,8	1050,7	630,3	436,5	889,5					
Заостровье Рикос. вол. (Архангельскаго у.).	30	8	15	7	8	19	3	1679,4	1376,6	1045,6	613,7	444,5	889,4					
Кегостровъ (Архангельскаго у.).	20	3	11	6	7	11	2	1684,85	1390,3	1058,3	633,85	452,9	881,95					
Вмѣстѣ	249	65	118	65	93	123	32	1672,52	1370,3	1047,55	620,7	439,5	886,6					

¹⁾ Цвѣтъ волосъ и глазъ у одного не отмѣченъ.

Ботокуды (борунъ)
по наблюдениямъ во время пребывания среди
нихъ въ 1915 году¹⁾.

*Les Botocudos (boruns) d'après les observations, faites pendant
le séjour chez eux en 1915.*

Объектомъ моихъ непосредственныхъ наблюдений въ течение шести мѣсяцевъ были индѣйцы двухъ поселковъ: правительственнаго поста на р. Панкасъ (въ 50 км. отъ ж. д. станціи Коллатина) и недавно основаннаго, уже покинутаго, поста на берегу Риу-Досе близъ станціи Lajão.

Въ первый поселокъ я пріѣхалъ 1 марта 1915 г., вмѣстѣ съ инспекторомъ Dr. Raul Ribeiro, и оставался почти безвыѣздно въ немъ до конца іюля. Средствомъ для поддержанія сношеній съ живущими тамъ едва «цивилизованными» индѣйцами служила школка для дѣтей, гдѣ я пробовалъ обучать ихъ португальской грамотѣ. На мое счастье моимъ собесѣдникомъ часто являлся слѣпой старикъ Жеронимо, бывший когда-то главою одной изъ «цивилизованныхъ» группъ (въ Куйетэ) и прекрасно говорящій по-португальски. У него-то я и учился языку, отъ него записалъ нѣсколько текстовъ и не стѣсняясь временемъ многократно повѣрялъ составленный словарь. Разъ мнѣ удалось пробыть въ лѣсу съ индѣйцами три дня во время одной изъ ихъ охотничьихъ экспедицій. При всей кратковременности, это странствованіе дало много драгоценныхъ наблюдений²⁾.

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіяхъ Р. Антропологическаго Общ.

²⁾ Совмѣстная охота, къ сожалѣнію, могла быть произведена лишь въ минимальныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе потери ружья.

Въ началѣ августа я проѣхалъ до станціи Lajão и вмѣстѣ съ тѣмъ же инспекторомъ посѣтилъ группу кренаковъ — лѣсныхъ жителей вовсе не «цивилизованныхъ», которые однако находятся въ сношеніяхъ съ переводчикомъ инспекторіи, когда появляются временами на берегу Рио-Досе. Здѣсь я прожилъ до 9 сентября, ежедневно посѣщая индѣйцевъ, переходя съ мѣста на мѣсто съ ними вмѣстѣ и иногда ночуя въ ихъ поселеніи. Симпатичное отношеніе ко мнѣ переводчика Joaquim Christino и умѣніе немного объясняться по-ботокудо способствовали установленію дружественныхъ отношеній съ долгими бесѣдами по вечерамъ (несмотря на невозможность съ моей стороны какихъ-либо матеріальныхъ доказательствъ моей дружбы въ видѣ подарковъ, угощеній и т. п.). Здѣсь и составлены были этнографическія коллекціи, изъ которыхъ одна отправлена къ проф. Амбросетти въ Буэносъ-Айресъ, другая передана въ Национальный Музей въ Рио, а третья привезена для Музея Академіи Наукъ въ Петроградѣ.

Во все время пребыванія среди ботокудовъ я находился на полномъ иждивеніи у инспекторіи индѣйцевъ и неоднократно пользовался гостепріимствомъ инспектора Dr. Raul Ribeiro. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить ему здѣсь мою признательность, какъ и другимъ лицамъ, оказывавшимъ мнѣ содѣйствіе. Мнѣ очень прискорбно, что этихъ строкъ не увидитъ тотъ, кому я обязанъ самымъ осуществленіемъ моей поѣздки къ ботокудамъ — покойный русскій посланникъ въ Рио, Петръ Васильевичъ Максимовъ, отечески поддержавшій меня въ затруднительномъ положеніи изъ-за перемѣнъ въ пассажирскомъ движеніи Америка-Европа и давшій мнѣ случай использовать мое время на пользу русской наукѣ.

Литература о ботокудахъ или айморэсъ имѣется на всѣхъ языкахъ: по-англійски о нихъ писалъ Харттъ въ спеціальному приложеніи къ «Геологіи Бразиліи», по-французски д'Орбиньи и Кастельно, по-нѣмецки Максимилянъ принцъ Видъ («Шутешествіе въ Бразилію»), Чуди и Эренрейхъ, по португальски Теофило Оттони и др. (см. списокъ литературы въ книжкѣ Бруно Рудольфа «Botocudensprache» 1909 года). Работа Эренрейха (Ueber die Botokuden. Z. f. Ethnol. 1887) самая недавняя изъ болѣе обширныхъ, — она имѣетъ внѣшній видъ монографіи, хотя новаго въ ней, кромѣ измѣреній, очень мало. Самая

содержательная и по сіе время книга принца Вида, особенно цѣнная въ виду давности путешествія — 1816 г. Лѣтописный матеріалъ съ первыхъ временъ заселенія Бразиліи еще лежитъ подъ спудомъ въ своей главной части. (кое-что имѣется у историковъ Бразиліи). Считая пока безцѣльнымъ сводить эту литературу, я въ дальнѣйшемъ ограничусь лишь самыми необходимыми изъ нея свѣдѣніями и буду излагать исключительно то, что самъ имѣлъ случай слышать и видѣть. Ботокуды вымрутъ черезъ нѣсколько десятилѣтій — въ ихъ лѣса проводятся желѣзныя дороги, на ихъ земляхъ селятся европейскіе колонисты — монографія о нихъ спасла-бы отъ забвенія «душу» цѣлаго самостоятельнаго отвѣтвленія американскаго человѣка, но для ея написанія нужно и болѣе продолжительное и лучше обставленное пребываніе среди нихъ.

I

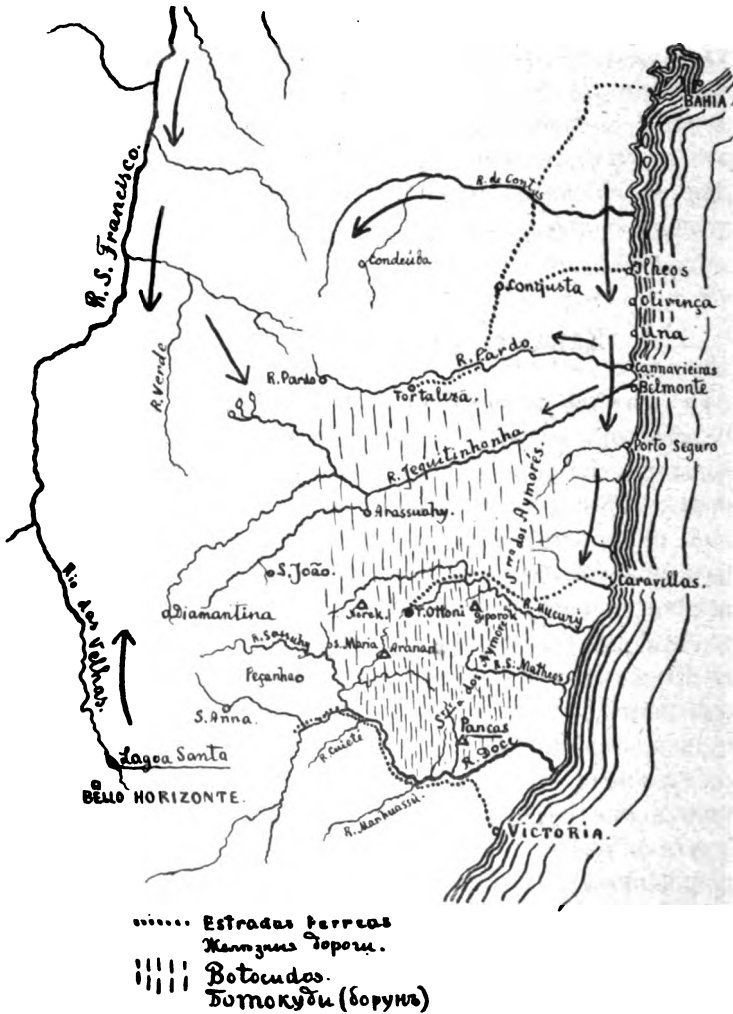
Названіе, распространеніе, прошлое.

Названія племень — причина безчисленныхъ недоразумѣній и ошибокъ въ толкованіи современныхъ (а еще болѣе — прежнихъ) источниковъ науки о человѣкѣ. Въ Бразиліи подъ именемъ «ботокудо» извѣстны два разныхъ племени — одно на югѣ въ штатахъ Парана и С.-Катарина, родственное или тождественное каингангамъ, и другое, называемое книжно айморэсъ, то, о которомъ говоритъ Видъ и трактуетъ настоящая статья, въ штатахъ Эспириту Санто, Минасъ и, вѣроятно, Баія. Такъ какъ названіе «индіо» по-бразильски обычно не употребляется, а замѣняется словомъ «бугре», то оба эти племени являются иногда и подъ этимъ названіемъ, какъ и многія другія племена (напр., у патеровъ иностранцевъ). Въ послѣднее время официально принято названіе айморэсъ, но и это имя въ лѣтописяхъ, повидимому, прилагалось къ разнымъ племенамъ, на примѣръ, къ катехизованнымъ на о. Итапарика — далеко сѣвернѣе вѣроятнаго распространенія теперешнихъ айморэсъ. Сами индѣйцы разсматриваемаго племени называютъ себя «борун» — «люди». Это названіе — мало извѣстное, повело къ разговорамъ о какомъ-то новомъ племени мборуновъ или боруновъ¹⁾. Просто насмѣшливыя про-

¹⁾ См. статью Et. Ignace «Les Boruns» *Anthropos* Vol. IV.

званія отдѣльныхъ родовъ (напр., «сверчки» — «жипорок») подчасъ принимаются за названія «новыхъ» племёнъ.

Самое разумное и легче всего проводимое — называть племя тѣмъ именемъ, какое оно на своемъ языкѣ даетъ соплеменникамъ (въ нашемъ случаѣ — борунъ).

Для ознакомленія съ географическимъ распространеніемъ бодокудовъ отсылаю къ картѣ. Изолирован-

ное, островное положеніе, въ которомъ издавна оказались ботокуды (и ихъ сосѣди съ сѣвера и юга) объясняется ходомъ заселенія территоріи Бразиліи — по побережью океана и долинѣ р. Санъ-Франциско (см. стрѣлки на картѣ).

Прошлое ботокудовъ — мартирологъ: о нихъ говорятъ или какъ объ истребителяхъ или какъ объ истребляемыхъ. Существуютъ документы, гласящіе, что однажды, напримѣръ, были представлены по начальству 300 ушей индѣйцевъ. Начиная съ охоты за рабами XVII в. и до послѣднихъ годовъ XIX в. всѣ средства борьбы были хороши: индѣйцевъ отравляли, заражали нарочно болѣзнями, издѣвались надъ женщинами и дѣтьми, торговали ими (курукасъ). Во время путешествія принца Вида гарнизоны военныхъ постовъ на р. Досе еще ходили въ особыхъ ватныхъ кожаныхъ панцыряхъ отъ стрѣлъ. Конечно дикари платили, когда могли, подобной же монетой, но очень неуверенно и безтолково, въ виду отсутствія организаціи.

Въ настоящее время, съ основаніемъ департамента защиты индѣйцевъ, послѣ временнаго улучшенія быта нѣкоторыхъ группъ, поселки «цивилизованныхъ» опять предоставляются сами себѣ и развращающему вліянію полуразбойничьяго окрестнаго населенія, а «не цивилизованные» возвращаются на положеніе пугливыхъ воровъ на огородахъ бѣлыхъ и черныхъ.

На карту нанесены нѣкоторыя зарегистрированныя поселенія осѣвшихъ индѣйцевъ и показаны желѣзныя дороги, чрезвычайно облегчившія доступъ въ области, прежде неприступныя. По желѣзной дорогѣ съ американской быстротою вырастаютъ новыя колоніи на мѣстѣ дѣвственнаго лѣса. Въ послѣдніе десятки лѣтъ мѣстность измѣнилась больше, чѣмъ за столѣтія, протекшія со времени появленія въ ней первыхъ золотоискателей или бѣглыхъ каторжниковъ. Какао обѣщаетъ докончить вытѣсненіе лѣса и его обитателей. Такъ Rio Mucury, бывшая безспорною областью индѣйцевъ до 50-хъ годовъ — теперь сплошной садъ плантацій какао.

II

Общій очеркъ обстановки жизни.

Въ основу изложенія я кладу наблюденія надъ кренаками, какъ группой болѣе чистой и лучше сохранившейся, о другихъ же ботокудахъ буду упоминать лишь попутно.

Названіе Кренакъ есть имя старика, главы группы и отца большинства ея мужского элемента. Эта большая, сложная семья живетъ въ верховьяхъ рѣки Мутумъ и появляется временами цѣликомъ или частью на сѣверномъ берегу р. Досе — за подачками, за посѣвами и посадками бразильцевъ и вообще въ расчетъ чѣмъ-нибудь поживиться. Ихъ можно встрѣтить на самомъ полотнѣ желѣзной дороги, идущей по южному берегу рѣки, межъ станцій Resplendor и Lajão. На памяти еще не старыхъ людей (Антониу Элиасъ съ «fazenda da onca»), индѣйцы этой группы, не рѣшаясь переплыть рѣки Досе и не умѣя управлять лодкою, поднимали крики на противоположномъ берегу, умоляя о пищѣ и жалуясь на голодь. Изъ жалости и страха поселенцы переправляли имъ ѣду. Бывало, когда внизъ по рѣкѣ спускалась лодка со свиньями, индѣйцы заставляли лодочниковъ оставлять имъ часть своего товара, осыпая ихъ стрѣлами въ случаѣ отказа. Въ первые времена, съ проведеніемъ желѣзной дороги (лѣтъ десять назадъ) служащіе стрѣляли наудачу съ южнаго берега на сѣверный, желая запугать воображаемыхъ индѣйцевъ и всячески ихъ задабривали и задаривали при встрѣчахъ, такъ какъ страхъ всякаго необразильца¹⁾ передъ индѣйцемъ не уступаетъ страху передъ ягуаромъ, а бродячіе элементы, нанимающіеся на работу особенно суевѣрны и трусливы. Все это повело къ тому, что желѣзная дорога стала для индѣйцевъ извѣстнымъ источникомъ благъ и мѣстомъ поживы. Жалостливые пассажиры тоже одариваютъ пустьчками «бѣдныхъ индѣйцевъ».

Несмотря на этотъ контактъ кренаки въ сентябрѣ 1915 г., когда я былъ у нихъ, не были еще сколько-нибудь затронуты цивилизаціей: запасъ познаній въ португальскомъ языкѣ, даже у молодежи, состоялъ изъ нѣсколькихъ дурно произносимыхъ словъ и полупразъ. Недавняя попытка инспекторіи цивилизовать ихъ, не приведшая къ осязательнымъ или прочнымъ результатамъ, обогатила ихъ только нѣсколькими выраженіями, напр. «гувэн» (governo — правительство), «динэр» (dineiro — деньги) «ри-дянер» (Rio de Janeiro). Эти слова примѣнены были въ видъ прозвищъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ: напр. «гувэн» называется пожилой индѣецъ съ огромными колесами въ ушахъ, котораго настоящее

¹⁾ Терминъ, предложенный Н. v. Ihering'омъ, для всякаго представителя пришедшаго смѣшаннаго населенія Бразиліи.

имя Хняникъ. Въ одну изъ ночей разговоръ зашелъ объ этомъ и авторитетъ группы, такъ называемый «капитанъ» Муни, принялся проводить параллель между тѣмъ и другимъ «гувэн»: лѣснымъ и «ридянаръ»; второе большое — первое маленькое, второе ходитъ одѣтымъ — первое голышомъ, второе ѣсть рисъ — первое голодаетъ и т. д. Что именно представляютъ себѣ индѣйцы подъ этимъ словомъ — рѣшить, конечно, трудно.

Кренаки живутъ на территоріи, которую разсматриваютъ, какъ свою неприкосновенную собственность. Когда правительственные чиновники, во исполненіе плана концентраціи индѣйцевъ, предписаннаго изъ Ріо, уговорили ихъ обѣщаніями подарковъ переселиться въ основанный въ 1911 г. постъ Панкасъ, то Муни все повторялъ, что у него нѣтъ лѣса для охоты въ Панкасъ, такъ какъ панкасскій ему не принадлежитъ и является собственностью другой группы. Во время пребыванія на посту кренаки не охотились вовсе, а вымѣнивали стрѣляную дичь, и кончили тѣмъ, что бѣжали ночью, тайкомъ отъ чиновника, въ свои земли. Въ томъ же году, когда на сѣверномъ берегу р. Досе стали вырубать цѣнные породы деревьевъ, Муни выражалъ переводчику неудовольствіе и требовалъ уплаты за свое добро отъ «гувэнъ», такъ какъ ему сказали, что это дѣлается по приказанію правительства. Крстино (переводчикъ) мнѣ говорилъ, что территоріи отдѣльныхъ группъ отграничены одна отъ другой естественными, тщательно соблюдаемыми границами — горами или холмами.

Въ Панкасъ въ настоящее время имѣются представители четырехъ, по крайней мѣрѣ, группъ, но постоянно охотятся лишь коренные обитатели даннаго участка — *минья-жируны*, прочіе же *путь-краки*, *нак-рэхэ*, *нак-нануки* идутъ на охоту лишь изрѣдка и преимущественно занимаются рыбною ловлею. Родной участокъ лѣса откуда ихъ переселили въ Панкасъ остается для нихъ навсегда «домомъ». Старикъ Уапа (группа изъ С. Матеусъ), во время моей краткой экспедиціи въ лѣсъ, показывалъ мнѣ съ непередаваемымъ выраженіемъ тоски дорогу «домой» и въ его семьѣ неразъ заходилъ разговоръ о возвращеніи туда.

Лѣсъ, *habitat* боруновъ, лежитъ на неровной и каменистой, высоко лежащей площади, тянущейся съ сѣвера на югъ, отступя отъ берега океана километровъ на 50. Площадь эта неправильно усѣяна горами въ видѣ куполовидныхъ огромныхъ

утесовъ, часто такихъ гладкихъ, что одни лишай и всерофитныя бромелии удерживаются на ихъ поверхности¹⁾. Эти каменные холмы, чрезвычайно характерные для пейзажа, не образуютъ правильной череды, но на картахъ обычно изображаются въ видѣ Serra dos Aymogés. Я былъ только на южномъ краю этой области. Тамъ, по теченію р. Доса, существуютъ двѣ перемежающіяся формаци лѣса: по нижнему теченію рѣки, ближе къ океану высокій и густой, вѣчнозеленый лѣсъ, поднимающійся по притокамъ и лагунамъ вглубь низкаго и рѣдкаго, теряющаго листву съ мая по сентябрь, лѣса плоскогорья. Оголенный, прозрачный лѣсъ зимняго времени напоминаетъ боливійское Чако. Ручьи и рѣчки пересыхаютъ въ это время. Воду можно найти лишь въ видѣ лужицъ въ расщелинахъ скаль или подъ корнями большихъ деревьевъ; два-три дня не встрѣтишь проточной воды. Изъ за этого недостатка воды мнѣ не удалось отправиться съ кренаками въ глубь лѣса. Переводчикъ опасался пить непроточную воду, а одного меня индѣйцы не хотѣли брать, говоря, что въ случаѣ моей смерти они рискуютъ быть обвиненными въ убійствѣ, если не будетъ свидѣтеля изъ «карай» (т. е. бразильцевъ).

Въ сентябрѣ, передъ моимъ отъѣздомъ, въ лѣсу стояло много пожаровъ. Это былъ конецъ сухого періода; тяжелый дымъ заволакивалъ окрестность и по ночамъ виднѣлись зарева во многихъ мѣстахъ.

Впрочемъ, еще не дождавшись перваго дождя, зацвѣтаетъ лѣсъ: розовые потоки gramaeva заливаютъ кусты, то тутъ, то тамъ деревья окрашиваются въ розовый, желтый, бѣлый, кирпично-красный цвѣта отъ массы мелкихъ цвѣточковъ ихъ покрывающихъ, изъ земли появляются оранжевыя лиліи. Говорятъ съ первымъ дождемъ въ октябрѣ лѣсъ совершенно преобразается.

Каменистыя мѣста характеризуются обиліемъ ватныхъ деревьевъ, имбирису, лѣснаго апельсина, низкорослыми акаціями, зарослями жесткихъ и колючихъ бромелий, мандакару (кактусовъ) и мелкихъ видовъ цѣпкаго и ползучаго бамбука. Въ мѣстахъ влажныхъ, гдѣ нѣтъ голаго камня, высокими столбами поднимаются перобы, фикусы (gamelleiras), сапукаин (падениемъ плодовъ которыхъ боруны отсчитываютъ года, т. е.

¹⁾ Ср. Монте-Пашкуаль вблизи Порту Сегуру, или многочисленныя «пирогн» — pão de ossucar—въ разныхъ мѣстахъ Бразиліи.

характеризуютъ протекшее время), среди нихъ встрѣчаются формации пальмъ, колючихъ айри (идушихъ на выдѣлку луковъ), пальмито (дающихъ съѣдобную сердцевину), а съ чудовищныхъ кронъ высокихъ деревьевъ спускаются длинныя нити воздушныхъ корней имбе (сiро imbé), имѣющія много примѣненій въ видѣ перевязочнаго матеріала, какъ у индѣйцевъ, такъ и у «пасiопаes».

Звѣриныя и человѣчьи тропы ведутъ по лѣсу во всѣхъ направленіяхъ. На р. Досе за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда каждое воскресенье убивали тапира, а при мнѣ было убито за одинъ разъ три жирныхъ кейшады (дикія синьи). Крики ревуновъ ежедневно слышатся по утрамъ и вечерамъ, а гулъ птичьихъ голосовъ — неизмѣнная принадлежность пейзажа. Въ сухое время года охота легче; звѣри скопляются во влажныхъ мѣстахъ и лѣсъ прозраченъ, къ тому же въ это время обезьяны особенно жирны благодаря обилію спѣлыхъ плодовъ.

На опушкѣ лѣса, по берегамъ р. Досе индѣйцы жалуются на простуду, болѣзни и говорятъ, что рѣка многихъ убиваетъ изъ ихъ среды. Кренаки передъ моимъ отъѣздомъ, послѣ мѣсячнаго пребыванія на берегу Ватту (такъ они называютъ р. Досе) были всѣ съ насморками и ушли въ глубь лѣса въ сухія и высокія мѣста, «чтобы вылѣчиться», какъ они сами говорили. Кромѣ скопленій полугнилой воды подъ камнями, жажду утоляетъ сокъ ліаны, а колѣна такуарусу (бамбука) содержатъ всегда воду, правда съ своеобразнымъ привкусомъ, но все же годную для питья. Этого достаточно, чтобы не чувствовать необходимости всегда жить вблизи рѣкъ. Къ берегамъ рѣки Досе гонить индѣйцевъ совсѣмъ другое: здѣсь у необразильца на огородахъ и въ сараяхъ имѣются запасы пищи, которую ни искать, ни ловить не надо. Особенно стремятся на огороды женщины и ребятишки, въ виду ихъ постоянного занятія собираніемъ лѣсныхъ плодовъ и кореньевъ.

Въ Панкасъ перемѣна лѣснаго образа жизни на осѣдлый — на открытыхъ мѣстахъ «derrobadas», гдѣ по ночамъ холодно, чѣмъ въ лѣсу и выпадаетъ сильная роса, а днемъ очень жаркое солнце, оказалась нездоровой для индѣйцевъ, если судить по частымъ простудамъ и случаямъ лихорадки. За пять мѣсяцевъ моего пребыванія среди нихъ умерло двое сильныхъ и здоровыхъ мужчинъ.

III

Физическій типъ.

Первый борунъ, котораго я видѣлъ, былъ курчавый, черноглазый юноша въ Коллатина. Онъ такъ былъ похожъ на итальянскаго мальчика, что я не рѣшаюсь включить его въ число варіацій туземнаго типа, тѣмъ болѣе, что за чистоту его происхожденія никто не могъ поручиться. Остальные сто съ лишкомъ борунъ, видѣнныхъ мною, представляли собой сильно варьирующій, но все же одинъ типъ, какъ лицъ, такъ и общаго склада. Слѣдуетъ замѣтить, что сильныя варіаціи встрѣчаются и въ другихъ группахъ и племенахъ, которыя мнѣ удалось видѣть: у каинганговъ, фая, тереновъ, гуарани и кадівео. Измѣреній роста не дѣлалось, но сравненіе съ моимъ ростомъ всегда показывало, что индѣйцы средняго или низкаго роста, сложены, однако, пропорціонально. Короткая шея — очень характерна и постоянна; особенно она бросается въ глаза на одѣтыхъ индивидахъ. Какъ уже отмѣчалось почти всѣми наблюдателями, по складу фізіономій встрѣчаются и лица, кажуціяся «европейскими», и лица, кажуціяся «калмыцкими» (правда это говорилось людьми не выдавшими калмыковъ) — правильнѣе, пожалуй, говорить о нѣкоторомъ сходствѣ съ лицами палеазиатовъ (судя по фотографіямъ этихъ послѣднихъ, которыя мнѣ приходилось видѣть). Косой разрѣзъ и тонкія «японскія» вѣки спорадически попадаются у маленькихъ дѣтей. Кстати упомяну, что сравненіе съ японцами, послѣ ихъ появленія на работахъ въ Бразиліи, сдѣлалось очень легкимъ и нѣкоторое подобіе лицъ индѣйца и японца вызвало замѣчаніе, что «японецъ тоже индѣецъ», которое я слышалъ отъ одного неграмотнаго парагвайца въ Матто-Гроссо.

Цвѣтъ кожи поразилъ меня своимъ опредѣленно кирпично-краснымъ цвѣтомъ, когда я увидалъ съ противоположнаго берега рѣки голыхъ кренаковъ, высыпавшихъ на сѣрые камни подсохшаго русла р. Досе. Уже много разъ писалось, что этотъ красный оттѣнокъ происходитъ отъ постоянного намазыванія краскою уруку изъ плодовъ *Bixa orellana* кирпичнаго цвѣта. Настоящій цвѣтъ кожи при загарѣ близокъ къ свѣтло-шоколадному, а безъ загара (напримѣръ у грудныхъ

ребята) скорѣе можетъ быть названъ «желтымъ». Лица у подростковъ нерѣдко покрыты угрями и прыщами. Волнисто-курчавые волосы я видѣлъ у трехъ женщинъ и двухъ мужчинъ въ Панкасъ — это явленіе наблюдается и у другихъ племенъ (Эренрейхъ)¹⁾. Цвѣтъ волосъ не всегда густо черенъ: встрѣчаются у иныхъ мальчугановъ волоса какъ бы выгорѣвшія, золистаго оттѣнка или коричневатые: Андрэ въ Панкасъ, сынъ Капрукъ у кренаковъ или даже взрослый Жюкниотъ. Цвѣтъ глазъ и рѣсницъ тоже иногда неопредѣленнаго свѣтловатаго оттѣнка. Густо-черные волосы и черные глаза — скорѣй одна изъ варіацій, чѣмъ общій типъ, такъ же какъ и совершенно прямыя, не волнистыя пряди волосъ.

Волосы на лицѣ — правило у стариковъ: у коренастаго и скуластаго Назаре, у сутулаго Уапа въ Панкасъ, и у самогó патриарха Кренака, они встрѣчаются и у мужчинъ среднихъ лѣтъ (Жьотанкѣ, Покорин, Жятихи, Шиду, Жюзэ), но среди послѣднихъ есть и безбородые (Хняник).

Мышечная система развита равномерно, но отъ постоянного физическаго труда, напримѣръ, рубки лѣса, кренаки скоро утомлялись и подолгу отдыхали отъ работы, что зависитъ, вѣроятно, отъ нерегулярности питанія.

У дѣтей очень тонкія конечности и раздутые животы. Въ одномъ случаѣ въ Панкасъ глистогонное помогло очень скоро отъ червѣчной раздутости живота и худобы.

Молодыя женщины жирны и вялы. Форма груди коническая; съ возрастомъ онѣ свѣшиваются внизъ и сильно варьируютъ въ размѣрѣ. Ступни и кисти рукъ очень малы, а на ходу онѣ сильно выворачиваютъ пятки наружу («косолапять»), переступая небольшими шажками.

У кренаковъ несомнѣненъ специфическій запахъ, котораго я не ощущалъ у одѣтыхъ, и который, по словамъ переводчика, ослабѣваетъ въ дождливое время, когда они гораздо больше купаются. Возможно, что запахъ уруку, пота, съѣденнаго душистаго мяса дичи (особенно капивара и пака обладаютъ специфическимъ ароматомъ) — все это вмѣстѣ даетъ указанную особенность, а о какомъ-либо «видовомъ» запахѣ говорить и не слѣдуетъ.

¹⁾ См. его «Anthropologische Studien über die Urahbewohner Brasiliens» 1907 года.

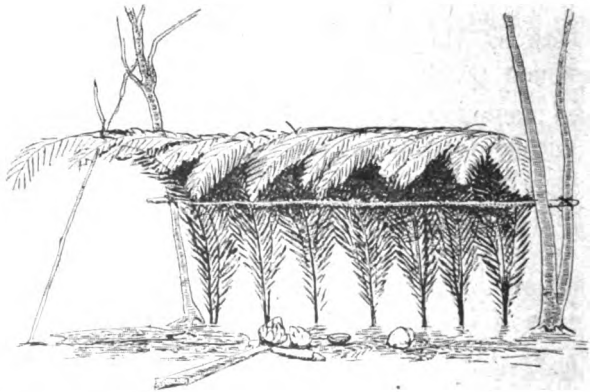
Выраженіе лицъ и темпераменты дѣтей и взрослыхъ необыкновенно разнообразны — есть угрюмыя дѣти, застѣнчивыя, смѣшливыя. Нѣкоторыя лица чрезвычайно выразительны и умны, съ большими внимательными, оттѣненными длинными рѣсницами, глазами.

Среди женщинъ есть скромницы, сплетницы и интригантки. На лицахъ нѣкоторыхъ старухъ съ приподнятыми бровями, сжатыми презрительно губами, въ ихъ позахъ съ прижатыми къ тѣлу локтями, столько достоинства и спокойнаго сознанія своей правоты и неуязвимости, что отсутствіе какой-либо одежды бросается какъ смѣхотворный контрастъ съ манерою держать себя, до мелочей воспроизводящей ужимки важныхъ барынь.

IV

Жилище.

У кренаковъ я наблюдалъ четыре способа устройства жилища, которое состоитъ изъ односторонняго навѣса, укрывающаго одну пару съ дѣтьми или же подростшихъ уже ребятъ. Вотъ эти типы:

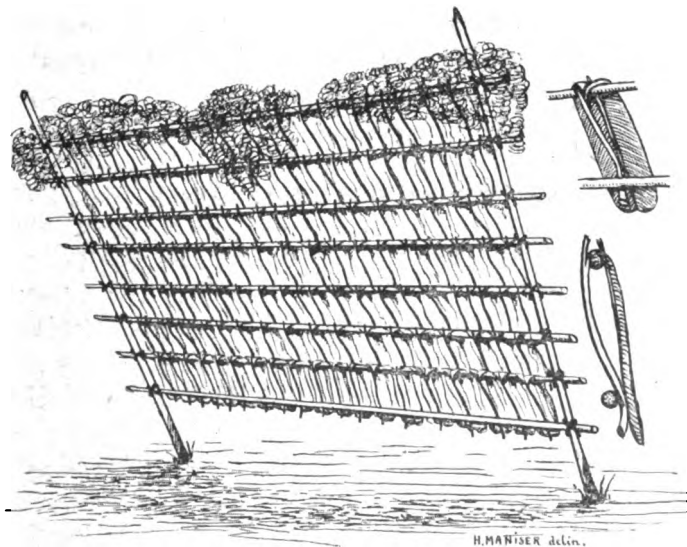

1) На привязанную къ двумъ деревцамъ перекладину (на уровнѣ пояса или немного выше) опираются поставленные въ рядъ пучки пальмовыхъ листьевъ. Пучки эти втыкаются въ землю въ естественномъ ихъ положеніи, т. е. такъ же вертикально, какъ они растутъ, и, перегибаясь черезъ перекладину, образуютъ по одну ея сторону плотный сводъ. Привязываются

они къ перекладинѣ простымъ заматываніемъ пласти листьевъ.

2) На такую же перекладину съ одной стороны оуются вѣтви деревьевъ въ такомъ количествѣ, что онѣ зуютъ толстый слой переплетающихся вѣточекъ и листьевъ представляютъ собою защиту скорѣе не столько отъ до сколько отъ росы или неожиданныхъ гостей. Такія кучи в обыкновенно наваливаются и позади навѣса или прис няются къ пальмовымъ листьямъ.

3) Въ третьемъ типѣ мѣсто листьевъ или вѣтвей за ютъ огромные куски коры «пероба» — (большого дерева, ис ляемого на продажу послѣднее время въ большомъ колич за его превосходныя качества). Свѣжая кора расправл въ видѣ огромныхъ кусковъ, больше роста человѣка вт шину, и ставится въ наклонномъ положеніи, подпираемая нибудь снизу.

4) Наконецъ самымъ сложнымъ видомъ является н изъ листьевъ «каитэ» (*Heliconia*). Приготавливается основн ряда горизонтальныхъ перекладинъ межъ двухъ наклонен шестовъ (перекладинъ 12), а эти перекладины сѣдлаются женными близъ черенка продолговатыми листьями каитэ, чемъ длинный свободный конецъ черенка, свисающій вн

засовывается за ближайшую книзу перекладину. Работа начинается снизу, так что листья располагаются черепицеобразно и каждый соседний лист прикрывает часть предыдущаго. Въ видѣ вспомогательнаго матеріала употребляются комья самамбайи (похожей на исландскій мохъ). Прилагаемый рисунокъ иллюстрируетъ это описаніе (стр. 95).

Индѣйцы Панкасъ во время нашей трехдневной экспедиціи въ лѣсъ строили свои навѣсы по первому типу, но однажды Назарэ, воспитанный на правительственномъ посту въ Мутумъ, устроилъ себѣ навѣсъ изъ сложенныхъ пальмовыхъ листьевъ, такъ, какъ это дѣлаютъ каинганги, гуарани и необразильское населеніе, именно, кладя ихъ горизонтально на наклонныя перекладыны. Его примѣру однако никто не послѣдовалъ; по-видимому этотъ способъ постройки не свойственъ борунамъ.

На фотографіяхъ Гарбе 1909 г. имѣются 1 и 4 типы жилищъ¹⁾.

Подъ навѣсомъ нельзя стоять, а можно лишь сидѣть. Они бывають расположены въ рядъ образуя выгнутую или вогнутую линію. Отъ проливныхъ дождей эти навѣсы плохая защита, какъ я на себѣ убѣдился.

V

Кочевки, стоянки, ходъ жизни.

Для перекочевки на новое мѣсто, всегда, однако, въ предѣлахъ своихъ земель, мужчины забираютъ оружіе и топоры, а женщины весь домашній скарбъ (сосуды для воды изъ такуарусу, звѣриныя шкуры, скорлупки - посуду и пр.) и ребятишекъ и пускаются въ путь. Мѣшки для тяжестей носятъ женщинами головою, на петлѣ, привязанной къ угламъ мѣшка. Дѣтей сажаютъ на спину, завязываютъ имъ ручки и подъ сидѣнье спускаютъ петлю, поддерживаемую тоже головою матери; иногда ихъ просто сажаютъ на мѣшокъ, привязывая лишь руки вокругъ материнской шеи; въ этомъ положеніи дѣти даже спать очень спокойно. Мужчины у кренаковъ, напримѣръ, плѣнные сыновья главы другой группы, иногда тоже берутся тащить тяжести, въ такомъ случаѣ петля проходитъ чаще не черезъ голову, а черезъ грудь и плечи, такъ что

¹⁾ Эти фотографіи изданы въ видѣ серіи открытокъ, а часть опубликована въ видѣ таблицъ въ «Revista do Museu Paulista» Vol. VIII. 1910 г.

голова остается свободной. Во время нашего переселения съ кренаками отъ Эми на Ититія одна изъ женщинъ несла даже лукъ и стрѣлы мужа, а старухи брали съ собою тлѣющія головешки, отъ времени до времени размахивая ими и раздувая ихъ. Изъ ребятишекъ, умѣющихъ ходить, только самые маленькіе не несутъ сумки, всѣ же постарше тащатъ свои ноши.

Идущіе растягиваются въ линію, гуськомъ, одни за другими. Тропинки въ лѣсу едва замѣтны для неопытнаго глаза; временами онѣ совсѣмъ какъ бы пропадаютъ. На ходу индѣйцы оставляютъ мѣтки, ломая вѣточки или молодые побѣги. Когда мы шли изъ Панкасъ на охоту, то путь нашъ по многу разъ пересѣкалъ рѣчку, а иногда прямо шелъ по ея руслу. Для неодѣтаго дикаря вода, конечно, не препятствіе, хотя мнѣ такой способъ передвиженія былъ очень неудобенъ.

Разстояніе, на которое перемѣщаются въ одинъ день, не велико. Женщины и дѣти скоро устаютъ и идутъ сравнительно медленно, къ тому же въ тотъ же день надо устроить на ночь жилище, добыть ѣды, приготовить ее.

Мѣсто для стоянки выбиралось во всѣхъ наблюдавшихся мною случаяхъ вблизи воды, преимущественно у тихихъ заводей со стоячею водою, можетъ быть удобныхъ для рыбной ловли. Когда мѣсто выбрано, тяжести складываются на землю и женщины немедленно принимаются за приготовленіе шалашей. Индѣйцы Панкасъ всегда останавливались вблизи пальмовыхъ зарослей, листья которыхъ и шли на устройство жилищъ. Охотники тотчасъ уходятъ на добычу. Остаются кое-кто изъ мужчинъ, старики и ребятишки. Впрочемъ, оставшіеся мужчины не помогаютъ женщинамъ, а сидятъ безъ дѣла. Выбранное мѣсто расчищается отъ растеній, на него притаскивается сухое, а то и гнилое дерево для костровъ, привлекаются листья и въ очень короткій срокъ поспѣваютъ шалаша, и каждая хозяйка уже сидитъ въ своемъ, раздувая огонь, кормя плаксиваго ребенка и поддерживая разговоры съ другими. Кренаки употребляютъ въ качествѣ подстилки звѣриныя шкуры, но миньяжирунь (Панкасъ) ограничивались пальмовыми листьями, а то спали просто на землѣ и въ золѣ костра.

Въ расположеніи индивидуальныхъ шалашей наблюдается строгій порядокъ, сохраняющійся при перемѣнахъ мѣста, или замѣняющійся обратнымъ. Послѣднее стоитъ въ связи съ плохимъ различеніемъ праваго и лѣваго, наблюдавшимся мною и въ дру-

гихъ случаяхъ: существенно расположеніе, а не «положеніе». У кренаковъ самъ старикъ всегда оказывался на краю линіи шалашей, Муни въ серединѣ этой линіи, его братъ Иньятъ съ одной стороны, рядомъ съ этимъ Гропокъ, а на противоположномъ Кренаку концѣ сынъ его Жюкньютъ. Индѣйцы Панкасъ тоже соблюдали порядокъ: Зятихи всегда былъ въ одномъ, Жѣтанкэ въ другомъ концѣ, и мнѣ постоянно указывалось опредѣленное мѣсто для шалаша между Уапа и его сыномъ Мрухимъ. Навѣсы кренаковъ образовывали всегда сплошную прямую, а у миньяжирунъ составлялась почти непрерывная замкнутая кривая. Внутри этой кривой получалась своеобразная лѣсная зала съ кострами по периферіи, зала, въ которой разговоры, смѣхъ и шутки не прекращались. Супружескія пары отдѣлены другъ отъ друга только костромъ, причемъ каждая изъ нихъ занимаетъ только столько мѣста, сколько надо, чтобы сидѣть и лежать. Общество является, поэтому, очень тѣснымъ и на небольшомъ пространствѣ умѣщается много семей.

Иногда, въ силу обстоятельствъ, индѣйцы остаются на одномъ мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, при этомъ въ самомъ жильѣ и вокругъ него воздухъ становится вонючимъ и разводится много мухъ. Изъ боязни лѣса, или просто изъ-за отсутствія гадливости, обитатели производятъ дефекацію у самага жилья. Кристино говорилъ мнѣ, что обиліе мухъ иногда служить мотивомъ къ перемѣнѣ мѣста. На мѣстахъ стоянки (а такіе старые лагеря можно нерѣдко встрѣчать въ лѣсу) остаются старыя сумки, пучки лыка, мочала, бамбуковые сосуды, отслужившіе свой вѣкъ, ступки изъ орѣховой скорлупы, обрѣзки древесины ватнаго дерева отъ ботоковъ, камни для разбиванія орѣховъ. Все это матеріалы въ изобиліи имѣющіеся въ лѣсу и заново собираемые на новыхъ стоянкахъ. Послѣ ухода хозяевъ разводится чудовищное количество песочныхъ блохъ, таракановъ и проч.

Дни проходятъ обычно въ такомъ порядкѣ.

Еще до разсвѣта мужчины съ луками и стрѣлами уходятъ на охоту, остаются женщины и дѣти, при нихъ старикъ или кто-нибудь другой для охраны. Кое-кто изъ женщинъ постарше въ сопровожденіи подростковъ отправляются за кореньями и плодами (старухи имѣютъ много примѣченныхъ мѣстечекъ) и возвращаются съ туго набитыми тяжелыми мѣш-

ками за спиною. Въ ожиданіи мужчинъ съ мясомъ, жуютъ печенія кочерыжки бромелій, куски сочныхъ сипо (ліанъ), колютъ орѣхи. Изъ принесенной ноши, удѣляется кое-что всѣмъ просящимъ, преимущественно дѣтямъ. Мнѣ неизмѣнно замѣчалось, что я де ѣмъ рисъ и незачѣмъ мнѣ обижать и такъ уже плохо питающихся «борунъ». Удалось мнѣ попробовать этой ѣды только черезъ переводчика, которому все позволялось. Изъ такихъ же экспедицій возвращаются женщины и съ лыкомъ, котораго приносятъ всегда въ количествѣ большемъ, чѣмъ надо, и удѣляютъ другимъ.

Мужчины возвращаются часто поздно. Лучшія части дичины идутъ близкимъ, а излишекъ распредѣляется межъ остальными; внутренности и тѣ не пропадаютъ; даже кишечникъ запекается послѣ удаленія его содержимаго.

Въ настоящее время очень любятъ удить рыбу на стальные крючки — этимъ занимаются даже женщины, не говоря уже о ребятишкахъ.

Въ теченіе дня неоднократно купаются, а преимущественно послѣ ѣды.

Спать не только ночью, но и днемъ, особенно когда голодны. Муни неразъ говорилъ, что когда нечего ѣсть остается лишь спать.

Лежатъ обыкновенно парами — головы врозь, ноги вмѣстѣ — для тепла, такъ какъ ночи, по крайней мѣрѣ въ іюнѣ, іюль и августѣ очень холодны. Одѣяль, кромѣ подаренныхъ бѣлыми, не бываетъ, но всѣ женщины, даже спящія въ одиночку старухи, обматываютъ на ночь вокругъ бедеръ нивѣсть откуда взяшущуюся тряпку, явно для прикрытія днемъ не закрываемыхъ genitalia. Подростки мальчуганы сваливаются всѣ въ кучу, грѣясь другъ о друга. Въ первую ночь нашей экскурсіи изъ Панкасъ въ лѣсъ я спалъ одинъ и страшно озябъ. На другой день мнѣ сочувственно говорили, что навѣрно было холодно, а на слѣдующую ночь я былъ уже окруженъ мальчуганами, обнять со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ и спалъ въ самой безформенной кучѣ тѣлъ.

Засыпаютъ вскорѣ послѣ захода солнца, но въ случаяхъ удачной охоты или другой радости поютъ и пляшутъ цѣлыя ночи напролетъ.

Передъ сномъ, когда всѣ уже собрались и поѣли, стоитъ смѣхъ и разговоры, бросаются сучечками или уголь-

ками, а то стараются достать пріятеля тлѣющей вѣточкой. Возня переходитъ въ бѣготню, но за линію костровъ, въ тьму обступающаго кругомъ лѣса никто не рѣшается проникнуть; тамъ ягуаръ и мертвецъ — пугало дѣтей и взрослыхъ.

Въ теченіе ночи то одинъ; то другой просыпается, раздуваетъ затухшіе угольки костра, слышится тихая рѣчь. Иные говорятъ и вскрикиваютъ во снѣ.

Задолго до разсвѣта огни загораются ярче и всѣ уже не спятъ. Говоръ и шалости начинаютъ день. Вскорѣ общество рѣдѣетъ — одни за другимъ исчезаютъ охотники, рыболовы, собирательницы кореньевъ.

Мужчины не ушедшіе на охоту занимаются исправленіемъ или приготовленіемъ луковъ и стрѣлъ, сученіемъ лѣсокъ или спятъ.

Неудачная охота сопровождается тяжелыми семейными сценами — жена бранитъ сконфуженного мужа, мать оправдывающагося сына. Тогда спятъ натошакъ. Мои попытки рыбной ловли бывали обычно не блестящи. Разъ одинъ изъ мальчиковъ подсунулъ мнѣ свою добычу и увѣрялъ всѣхъ, что это я поймалъ рыбу, а другой разъ одна изъ дѣвочекъ, взявъ у меня удочку, наловила ея рыбы мнѣ на ужинъ. Это дѣлалось съ такими милыми выраженіями симпатіи и сочувствія, что отказываться или благодарить нечего было и думать.

VI

Заботы о своей наружности.

Въ Панкасъ индѣйцы одѣты на казенный счетъ, но ребятишки ходятъ совершенно голыми, а старикъ Уапа неизмѣнно ограничивался лишь брюками. Въ лѣсу, на охотѣ одежда только мѣшается. Часто находишь шляпы оставленными на опушкѣ, чтобы надѣть ихъ по возвращеніи. Я самъ ходилъ всегда безъ шляпы, чѣмъ нѣсколько шокировалъ необразильцевъ. Для нихъ въ шляпѣ есть какая-то доля приличія. Кренаки ходятъ голыми. Такими они появились изъ лѣса за четыре года до моего посѣщенія. По словамъ Кристино, уже тогда у нѣкоторыхъ мужчинъ были тряпочки на *pubis*, просунутыя подъ поясокъ изъ лыка. Видѣнные мною мужчины и подростки всѣ имѣли тряпочку, свѣшивающуюся отъ пояска. Когда ребята однажды сняли свои тряпочки для возни и купанья, ихъ *penis*'ы оказались поднятыми и прищемленными концомъ *praeputium*

подъ поясокъ. Кристино говорилъ, что такъ ходили всѣ, когда пришли изъ лѣса. Капсуль изъ листа пальмы кренаки не употребляли, но гутькраки, ихъ родственники, видѣнные Гарбе въ 1909 году надѣвали на конецъ penis a колпачки, которые можно видѣть въ Museum Paulista (въ São Paulo). Тряпочка продѣвается подъ поясокъ тѣмъ же способомъ, какъ penis — снизу межъ пояскомъ и животомъ.

Женщины ходятъ совершенно голыми и не сразу удается цивилизаторамъ научить ихъ такъ называемой стыдливости.

Волосы носятся очень разными способами, но основаніе этихъ различій осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Женщины въ семьѣ Иньятъ сбивали макушку, виски, нижнюю часть затылка и подрѣзали волосы въ кругъ (двѣ старухи и маленькая дочь одной изъ нихъ), но вторая жена того же Иньятъ вовсе не стригла своихъ волосъ, спускавшихся длинными прядями на плечи. Жены Муни носятъ волосы короткими, равномерно подстриженными (см. рис. Е на стр. 102).

У нѣкоторыхъ дѣтей оставляютъ лишь челку отъ уха до уха, у другихъ волосы подстригаютъ лишь спереди.

Мужчины изъ кренаковъ ходятъ съ волосами коротко подстриженными. (На фотографіяхъ Гарбе есть юноша съ длинными волосами до плечъ).

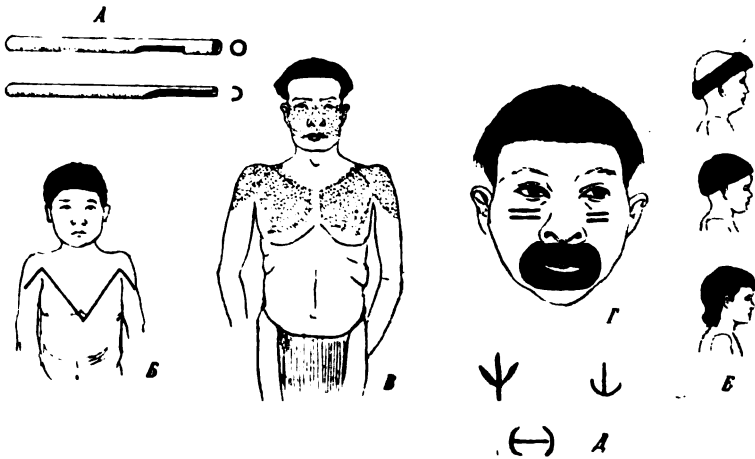
Правительство роздало уже немало ящиковъ съ ожерельями, но я замѣчалъ неоднократно равнодушіе на лицахъ получавшихъ такіе подарки. Въ Панкасъ «цивилизованныя» и не цивилизованныя дамы очень любили яркія ленты. Браслеты и ожерелья изъ мелкихъ стеклянныхъ бусъ носятъ постоянно нѣкоторые изъ мужчинъ кренаковъ, но ожерелій, ни изъ зубовъ, ни изъ сѣмянъ среди нихъ я не встрѣчалъ¹⁾. Въ Панкасъ индѣйцами были посѣяны кусты дававшіе сѣмена, называемыя lagrimas de Nossa Senhora, изъ которыхъ они себѣ дѣлали ожерелья; впрочемъ, такого рода украшенія употребляются и необразильцами.

Послѣ ежедневнаго купанья (индѣйцы хорошо ныряютъ, но плыть на большое разстояніе суевѣрно (?) боятся) почти всѣ намазываются слегка пахучей красною массою, приготовляемой вареніемъ сѣмени лѣсного уруку. Этому намазыванію

¹⁾ Въ атласѣ, приложенномъ къ «Reise nach Brasilien» принца Вида (1820 г.), имѣется рисунокъ желтаго ожерелья ботокудо — изъ сѣмянъ, вѣроятно.

приписывается то защита от холода, то защита от мошек. Жена намазывает мужа, мать ребенка.

Расписывание тела узорами я наблюдал только у кренаковъ. Дѣлается оно сокомъ выдвленнымъ изъ незрѣлаго плода *Genipa* (женипапо) при помощи палочекъ и кусочковъ тростника (рис. А, В). Узоръ кружками изображаетъ шкуру ягуара, полумѣсяцами — чешую рыбы *Surgby* (*Pimelodus tigrinus*); заостренной палочкой наносятся «птичьи слѣды» (рис. Д), наконецъ, проводятся линіи просто пальцемъ (рис. Б), обмазывается чернымъ вокругъ губъ (рис. Г). Эти приемы отличны отъ кадјувео, кайнгангъ и фая, хотя сокъ *Genipa* въ качествѣ черныхъ чернилъ употребителенъ (часто смѣшанный съ углемъ) и у многихъ другихъ племенъ.

Татуированныхъ я не видалъ, но Жеронимо говорилъ, что встарину жила въ Cuiceté старуха съ татуированными кружками на щекахъ; такой способъ татуировки характеренъ для индѣйцевъ кагажѣ съ R. Acahuaya.

Характернымъ и общеизвѣстнымъ является у ботокудовъ-боруновъ дырчавленіе ушныхъ мочекъ и нижней губы, причѣмъ отверстія растягиваются большими кругами изъ древесины ватнаго дерева (*Bombax* или *Chorisia ventricosa*).

У индѣйцевъ въ Панкасъ этотъ обычай не соблюдается, а у кренаковъ сдѣланныя Муни въ губахъ и ушахъ подростковъ и женщинъ дыры (по случаю ссоры съ бразильцами,

как онъ объяснилъ) только что передъ моимъ посѣщеніемъ были залѣчены переводчикомъ. Однако, взрослые и старики, такъ же, какъ и часть молодыхъ женщинъ продолжаютъ носить диски. У Еренаковъ (какъ и у гутькраковъ Гарбе), губа продырявлена лишь у женщинъ (Видъ говоритъ о дискахъ въ губахъ также и мужчинъ, а въ Linhares Эренрейхъ видалъ портретъ одного сасіке съ R. Дбсе тоже съ растянутой губою).

Самой операціи мнѣ не удалось наблюдать, но Муни мнѣ показывалъ и объяснялъ, какъ она дѣлается. Ее дѣлаетъ онъ, то есть авторитетное лицо данной группы, при помощи деревяннаго острія (изъ твердой *laganjeira do mato*). Проткнутая дырочка на губѣ помѣщается на полъ-сантиметра или болѣе книзу отъ края губы, а на мочкѣ въ самомъ верхнемъ внутреннемъ углу. Въ нее вставляется «гвоздикъ», сдѣланный изъ колѣна такуариньи (причемъ узелъ служитъ шапочкою гвоздю) или изъ кусочка древесины ватнаго дерева. Форма его очень похожа на *tembettà*, широко распространенное губное украшеніе у гуарани, южныхъ «ботокудовъ-каингангъ» и т. п. Перемѣнная гвоздики на болѣе толстые, постепенно доходятъ до кружковъ небольшого діаметра, съ возрастомъ все растущихъ. Приготавливаются ботоки обыкновенно мужчинами, мужьями для женъ. Матеріалъ приносится въ видѣ обрубка тонкаго молодого ствола. Обрубокъ кладется къ огню, пока не начнетъ обугливаться кора, тогда ее обдираютъ зубами и бѣлая сочная древесина слегка подсушивается у огня. Руки моются передъ началомъ работы, такъ какъ древесина очень марка. Затѣмъ изъ нѣсколькихъ кусковъ выбирается подходящій по діаметру къ имѣющемуся отверстию въ губѣ или ухѣ, пробуя для примѣрки вставлять его туда. Отъ выбраннаго куска отрѣзаются диски (древесина такъ мягка, что рѣжется какъ масло). Для ушей иногда отрѣзывается толстый кусокъ, дѣлящійся затѣмъ на два, составляющихъ пару. Удачнаго размѣра кусокъ ствола бережется про запасъ, для этого его подвѣшиваютъ на лыковой петлѣ подъ навѣсомъ и носятъ съ собою при кочевьяхъ (ср. тоже у Вида). Диски часто мѣняютъ. Особенно слѣдятъ за чистотою ушныхъ, губные же всегда грязны, пропитаны жиромъ и соками пищи. Со своими губными дисками женщины не расстаются даже во снѣ и, вынимая ихъ, прикрываютъ губу рукою. Вымѣнивая у нихъ эти украшенія, мнѣ приходилось всегда предлагать другой вмѣсто

вынимаемого; онъ поспѣшно водворялся на мѣсто подъ прикрытiемъ руки, но все же окружающiе разражались хохотомъ, какъ и тогда, когда я впервые предложилъ помѣняться одной изъ старухъ.

Ушные диски, наоборотъ, вынимаются безъ церемонiй и нѣкоторыя женщины и мужчины обычно обходятся безъ нихъ, при этомъ ушная петля виситъ книзу чуть не до плечъ.

Среди старухъ была одна, у которой губа давно уже была разорвана; она тѣмъ не менѣе носить ботокъ, обмотавъ концы разорванной губы кожицею корней *imbé* и починивъ такимъ образомъ петлю, въ которой прекрасно удерживается деревянный дискъ.

Что касается до мотивовъ, побуждающихъ носить богоки, то едва ли сами индѣйцы смогли бы отвѣтить на вопросъ. Какъ обычай этотъ связанъ съ мировоззрѣнiемъ видно изъ слѣдующаго. Когда переводчикъ Кристино уговаривалъ Муни вытащить изъ губъ молодежи вставленные имъ гвоздики, тотъ отвѣчалъ, что это невозможно, такъ какъ гвоздики вставлены по повелѣнiю Марэт - хмакняма (см. ниже) и если Joaquim (Кристино) ихъ вытащить, то его пальцы останутся на всю жизнь скрюченными. Когда же Кристино всетаки вытащилъ гвоздики, то Муни требовалъ съ него платы за переговоры, которые онъ брался вести съ Марэт-хмакнямъ для предотвращенiя грозившей Кристино по его словамъ опасности. Самъ Кристино считаетъ разговоры просто дѣтскими хитростями и шутками и говорилъ мнѣ, что, вѣроятно, индѣйцы просто неумѣло подражаютъ бразильцамъ, у которыхъ они видѣли будто бы серьги въ ушахъ.

VII

Питанiе и куренiе.

Добыванiе растительной пищи лежитъ почти исключительно на женщинахъ, а животной почти исключительно на мужчинахъ.

Во время моего пребыванiя у кренаковъ, старухи каждый день приносили вороха шишкообразныхъ мясистыхъ бромелiй, напоминающихъ артишоки. Ихъ запекаютъ въ угляхъ и ѣдятъ цѣлыми днями. Часто приносятся изъ лѣсу орѣхи — въ августѣ большiе плоды *sarucaua* (*Lecythis*), въ сентябрѣ колючiе

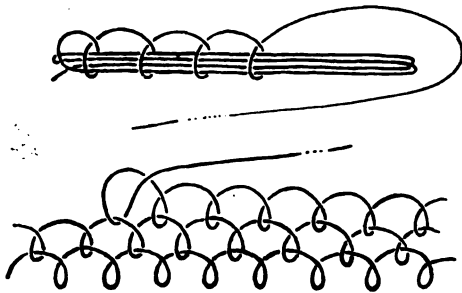
плоды дерева-крапивы (*capsação*), въ октябрѣ поспѣваютъ большія, величиною съ яблоко ягоды *Genipa* (женипапо), а еще позднѣе и плоды лѣсныхъ ананасовъ. Существуютъ лианы, стволы которыхъ съѣдобны. При помощи палки женщины выкапываютъ изъ земли корнеплодъ одного вьющагося растенія (*caratinga* или *caçá*) похожій на картошку. Серцевина верхушки пальмы — тоже съѣдобный матеріалъ, извѣстный во всей Бразиліи.

Въ самыхъ глухихъ частяхъ лѣса у боруновъ имѣются расчищенныя площади съ посадками банановъ, мандіоки, бататовъ. На такой сѣчкѣ былъ основанъ постъ *Rapcas*, а еще въ сероковыхъ годахъ *Theophilo Ottoni* нашелъ подобныя давнія посадки по верхнему теченію *R. Mucigu*, куда до него едва ли проникать кто нибудь изъ бразильцевъ. Въ пяти километрахъ отъ *Панкасъ* я посѣтилъ покинутую сѣчку, на которой были цѣлыя заросли уже поспѣвавшихъ банановъ. Это мѣсто было покинуто изъ-за болѣзней; преслѣдовавшихъ на немъ индѣйцевъ. На подобную культуру кренаковъ я не смогъ попасть, но они рассказывали, что у нихъ тамъ очень много банановъ и мандіоки. Ко времени поспѣванія плодовъ и кореньевъ индѣйцы являются на такое мѣсто и собираютъ жатву, оставаясь на мѣстѣ иногда мѣсяцъ, два, пока всего не очистятъ; затѣмъ они уходятъ, и попугаи да обезьяны доканчиваютъ сборъ. Обработкою земли занимаются мужчины, но жатву собираютъ преимущественно женщины. Онѣ же, вмѣстѣ съ дѣтьми, воруютъ на поляхъ бразильцевъ, платясь часто жизнью за свою голодную смѣлость.

Свои поля индѣйцы, однако, блюдутъ свято. Про Кренака они рассказывали, что у него «большой» огородъ въ лѣсу и онъ самъ отправился его обирать, такъ какъ безъ него никто его огорода не коснулся бы.

Для принесенія сбора плодовъ и кореньевъ домой, а также для ношенія запасовъ пищи при переходахъ съ мѣста на мѣсто употребляются сумки, вязаныя изъ нити, сдѣланной изъ мочалы. Приготовление сумокъ — специальность женщинъ. Правда, *Муни*, какъ я видѣлъ неоднократно, вмѣшивается въ работу жены и иногда даже вяжетъ немножко самъ, но это явное исключеніе, можетъ быть связанное съ видомъ всевѣднія и мудрости, который онъ придаетъ себѣ среди своихъ подчиненныхъ. Приготовление сумки въ зависимости отъ ея размѣровъ длится три, четыре дня. Я неоднократно наблюдалъ всѣ стадіи работы женъ кренаковъ. Съ принесеннаго домой куска мо-

лодой *barriguda* (ватнаго дерева — *Bombax* — древесина котораго идетъ на приготовленіе ботоковъ) сдирается длинными поло-сами кора. Съ внутренней поверхности коры отдирается (по-могая зубами) лыко. Когда древесина не нужна, то вся опера-ція производится въ лѣсу и только лыко, въ видѣ длинныхъ бѣлыхъ лентъ приносится домой. Здѣсь лыко жуется, отдавая обильный сокъ, отчасти высасываемый, отчасти выжимаемый винтообразнымъ его скручиваніемъ. Несмотря на частое от-сутствіе переднихъ зубовъ, даже старухи усгѣшно жуютъ по многу такихъ лентъ; сила въ челюстяхъ для этого должна быть изрядная, какъ я убѣдился самъ. Ребятишки часто просятъ себѣ такую ленту «пожевать» и хорошо съ нею справ-ляются. Отъ жеванія лыко становится тонкимъ, мягкимъ и расщепляется на волокна. Разжеванное и высосанное оно от-кладывается въ сторону и подсыхаетъ гдѣ-нибудь въ тѣни, прежде-

чѣмъ пойдетъ въ дѣло. Для сумокъ окрашен-ныхъ въ лиловый цвѣтъ лыко въ этой стадіи, по высыханіи, погружается на сутки въ сокъ листь-евъ *tinta carichaba*; для сине-зеленаго окрашива-нія — въ сокъ плода *ge-piraro*. Передъ тѣмъ какъ вязать сумку, мастерица

раздираетъ сухія уже ленты на волокна, пучки которыхъ *kolowaniulo* на бедрѣ — два составныхъ элемента движе-ніемъ ладони отъ себя, а оба вмѣстѣ — къ себѣ. Веретень не употребляютъ. Нить для начала работы заготавливается въ нѣ-сколько метровъ, а затѣмъ въ самомъ ходѣ вязанія къ ней присучиваются новые кусочки, когда нужно изъ окрашенныхъ волоконъ. Нить еще окрашивается натираніемъ нужнаго участка пальцами, вымазаннми красной краскою *ucisim*. Отъ смѣны окрашенныхъ и неокрашенныхъ участковъ нити получается полбосатость сумки. Самое вязанье необычайно примитивно. Основу сумки образуетъ двойная петля, надѣваемая на боль-шой палецъ ноги при началѣ работы. Въ дальнѣйшемъ сумка лежитъ просто на колѣняхъ. Вязаніе состоитъ въ продвѣваніи петли въ петлю безъ всякихъ узловъ (см. рис.). Такая техника

даетъ результатъ совпадающій съ сумками австралийцевъ и извѣстный европейскимъ кружевницамъ подъ именемъ *point de tulle simple*. Сумки, благодаря упругости и эластичности грубой нитки получаются необыкновенно растяжимыя.

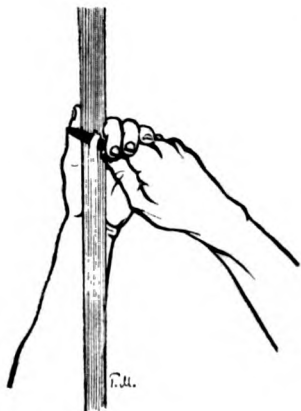
Мясная пища на языкѣ боруновъ есть «пища по преимуществу» — голодь обозначается словами «желаніе мяса». Добываніе этого рода пищи лежитъ, какъ уже упомянуто, на мужской половинѣ общества; даже домашнихъ куръ у бразильцевъ добываетъ всегда мужъ.

Нѣтъ, кажется, животнаго, которое не годилось бы на жаркое индѣйцу. Мыши, ящерицы, кайманы, черепахи, броненосцы и т. д. Всѣ мелкія животныя ловятся часто руками, убиваются попавшимся подъ руку сучкомъ, камнемъ. Въ птичекъ и ящерицъ бросаютъ палочки. За лѣнницами влѣзаютъ на деревья; влѣзаютъ на нихъ и за раненымъ или молодымъ звѣрькомъ. Въ Панкасъ за какіе-нибудь два года расшиблось три индѣйца, упавши съ деревьевъ въ лѣсу; двое умерло на мѣстѣ, а одинъ еще живъ, хотя все время хвораетъ. Ловушекъ я не наблюдалъ и не получилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній.

Единственнымъ постоянно употребляемымъ орудіемъ охоты являются лукъ и стрѣлы.

Лукъ по длинѣ не больше человѣческаго роста, скорѣе меньше. Большихъ луковъ, подобныхъ описываемымъ принцимъ Видомъ, я не видалъ и ничего о нихъ не узналъ, несмотря на многократныя попытки въ этомъ направленіи. Жеронимо говорилъ, что сердцевина *сиро имбэ* служить хорошимъ матеріаломъ для тетивы, но обычнѣ, повидимому, ссученая мочала. Матеріаломъ для самого лука является древесина пальмы *airi (Astrocaryum)*. Молодая пальма бѣлаго цвѣта, но съ годами древесина ея чернѣетъ отъ наружнаго слоя къ серединѣ, сосуды превращаются въ упругія и необыкновенно твердыя черныя волокна, легко отскакивающія другъ отъ друга. Эти-то черныя волокна и даютъ эластичность и упругость, необходимыя для лука. Выбирается старый, почти совсѣмъ почернѣвшій стволъ. Дѣлаютъ надрѣзы. Если надрѣзъ на два пальца вглубь черный и на его поверхности выступаетъ каплями вода, то матеріалъ годится. Пальма по возможности должна быть прямая и съ длинными междузліями. Она срубается низко у самой земли. Отъ нея отрѣзается кусокъ ствола въ ростъ длиною. Тутъ же на мѣстѣ

кусокъ этотъ продольно раскалываютъ на четыре части и выбираютъ наиболѣе цѣльную и прямую четвертушку. Съ нея снимается сердцевинная бѣлая и мягкая часть, но остается кора, къ которой непосредственно прилегаютъ наиболѣе отвердѣвшія волокна. Дальнѣйшая отдѣлка лука производится обыкновенно дома. Сначала его скоблятъ съ внутренней стороны сверху внизъ, до грубаго удаленія всего бѣлаго и доведенія до нужной толщины. Затѣмъ индѣецъ садится на землю, беретъ лукъ однимъ концомъ межъ большимъ и вторымъ пальцами ноги, а другимъ упираетъ его въ животъ и скоблитъ заостря конецъ лука. При этомъ лѣвая рука поддерживаетъ дерево снизу и пальцы ея надавливаютъ на правую, держащую скребокъ. (См. рис.). Скребокъ, это въ настоящее время

кусочекъ ножа въ самодѣльной ручкѣ или настоящій ножъ, но работа такъ проста, что съ успѣхомъ можетъ быть выполнена любымъ острымъ предметомъ. Замѣчательно, что поза при работѣ надъ лукомъ тождественна до мелочей, какъ я самъ наблюдалъ у Паулино (группа шупъ-шупъ) и Покоринъ (группа миньяжирунгъ), а Кристино мнѣ описывалъ совершенно такую же позу, принимаемую кренаками при изготовленіи ими луковъ. Это однообра-

зіе заставляетъ предположить большую древность приѣма. Можно сказать съ увѣренностью, что онъ восходитъ ко времени, когда боруны не получали еще желѣза отъ бѣлыхъ (тѣми или иными путями) и работали каменнымъ орудіемъ. Еще Видъ замѣтилъ, что ботокуды не употребляютъ получаемыхъ ножей въ цѣльномъ видѣ, а фабрикуютъ изъ нихъ какіе-то скребочки. Кристино мнѣ говорилъ, что по сіе время кренаки нерѣдко вмѣсто ножей употребляютъ острые камни при работахъ изъ дерева.

Приготовленный такимъ образомъ лукъ вошится и обматывается на концахъ кожицею imbé—этимъ избѣгается отдѣленіе черныхъ волоконъ и возможность занозъ. Тетива надѣвается петлею на одинъ конецъ, а затѣмъ, прогибая лукъ ко-

лѣномъ, натягивается и на другой. Отпускается она рассучиваніемъ, а подтягивается наоборотъ ссучиваніемъ.

Наконечники стрѣлъ бываютъ трехъ типовъ: длинные зазубренные изъ твердаго дерева (*lapanjeira do matto*, *Astrocaryum*), покорооче—съ развилкою на концѣ (изъ узла стебля *lapanjeira do matto*), наконецъ, наиболѣе употребительные, изъ бамбука въ видѣ ножей. Послѣдніе запасаются въ связкахъ и вѣшаются всегда надъ огнемъ въ незаконченномъ видѣ—для придачія имъ твердости. Внутренняя поверхность этихъ наконечниковъ у кренаковъ выкрашена въ красный цвѣтъ *ugucim*. По мѣрѣ надобности изъ связки достаютъ заготовленные острія и, закончивъ ихъ отдѣлку, привязываютъ къ древку. Пакеты этихъ острій мужчины при кочевкахъ носятъ съ собою. Еще года три тому назадъ Кристино видывалъ у кренаковъ *ножи*, приготовленные такимъ же способомъ изъ бамбука, но я уже не засталъ ихъ. Ихъ назначеніе—самозащита и стрижка волосъ.

Древко стрѣлы дѣлается изъ мелкаго бамбука *tacuapinha*, или же *sgesiuma* (въ послѣднемъ случаѣ иногда не бываетъ наконечника, такъ какъ заостренное древко само служитъ остриемъ). Опереніе предпочитается изъ перьевъ *ugubú* (*Cathartes*), какъ самыхъ плотныхъ и крѣпкихъ, но встрѣчаются также перья ара, ястреба (*gavião*), краксовъ, пенелопы, а то и домашнихъ куръ, но послѣднее преимущественно на дѣтскихъ стрѣлахъ. Передъ тѣмъ какъ приматывать опереніе къ стрѣлѣ, перья подбираются попарно, тщательно сравнивая ихъ. Затѣмъ ножомъ срѣзается уголокъ бородокъ и укорачиваются бородки по одну сторону черенка. Полученный тонкій кончикъ прибинтовывается на заднемъ концѣ стрѣлы, послѣ этого черенки, винтообразнымъ оборотомъ прижимаются къ древку и тоже прибинтовываются. Въ качествѣ бинта употребляется кожаца *imbé* (*philodendron*).

Мальчики постоянно играютъ съ луками, особенно усердно стрѣляютъ они рыбу; въ Панкакъ иногда цѣлыми днями видѣлись въ рѣкѣ ихъ застывшія фигурки съ маленькими луками и длинными тонкими палочками вмѣсто стрѣлъ, которыми, погруживъ ихъ конецъ въ воду, они прицѣвливались въ панцырныхъ сомиковъ, ползавшихъ по дну.

Уже грудному младенцу Муни былъ данъ маленькій лукъ и стрѣла изъ соломинки съ шишкою изъ древесины *barrigidy*

на концѣ, которой онъ попадалъ въ братишеу къ великому удовольствію обоихъ.

Отношеніе къ луку и стрѣламъ серьезное — угрозы ими даже въ шутку производятъ большое впечатлѣніе.

На моихъ глазахъ разыгралась однажды среди кренаковъ такая сцена: дѣвочка лѣтъ восьми стащила горсть муки и пустилась было на утекъ. Обиженный ею мальчуганъ лѣтъ одиннадцати моментально вскакиваетъ съ возбужденнымъ лицомъ, хватается свой лукъ и стрѣлу, становится въ позу стрѣлка съ натянутой тетивой и стрѣлой, направленной въ дѣвочку: его глаза полны слезъ негодованія. Дѣвочка остановилась, страшно испугалась и вдругъ заплакала во весь голосъ, закрывая одной рукой лицо, а въ другой продолжая держать горсть муки. Разговоры кругомъ сразу замолкли, всѣ притихли, какъ будто кто-то вошелъ. Мальчикъ и дѣвочка стояли неподвижно больше минуты, потомъ стрѣла понемногу стала опускаться, онъ повернулся, поставилъ оружіе въ сторону и опять присѣлъ на корточкахъ къ огню, а виноватая долго еще стояла не шевелясь, уже переставъ плакать и лишь временами всхлипывая.

Лукъ и стрѣлы, конечно, помимо своей службы на охотѣ, употребляются и при нападеніяхъ, и бразильское населеніе питаетъ полусуевѣрный страхъ передъ «такуарами», какъ они называютъ стрѣлы боруновъ по кончечникамъ: тасуага значить бамбукъ.

Служили ли люди когда-нибудь предметомъ охоты на ряду со свиньями, ланями, обезьянами — новыхъ свѣдѣній мнѣ собрать не удалось. кромѣ того весьма сомнительнаго свидѣтельства, которое мнѣ сообщил Лулу (помощникъ управляющаго въ Панкасъ, прекрасно говорившій по-индѣйски, но изрядно иногда «ошибавшійся» изъ желанія произвести эффектъ). Онъ говорилъ, что слышалъ отъ стариковъ индѣйцевъ, бывавшихъ на посту, будто самую вкусною частью человѣческаго тѣла являются кисти рукъ, на которыхъ де очень много сала, а также что ягоды несъѣдобны, такъ какъ очень горьки.

Кристино говорилъ мнѣ, что у себя самихъ кренаки отрицаютъ людоедство, но говорятъ о другихъ группахъ, что тѣ людоеды.

Приготовленіемъ пици заняты женщины. Шкура сдирается только съ вѣкоторыхъ животныхъ: ягуара, лани, агути; вѣроятно, это дѣлается въ виду спроса на эти шкуры на рынкѣ. Шкуры лани составляютъ предметъ торговли у многихъ индѣйскихъ племенъ Бразиліи, вошедшихъ въ контактъ съ необразильцами (кадіувео, паташобъ, машакарисъ), но кренаки употребляютъ эти шкуры также и въ качествѣ подстилокъ. Со всякой иной дичи шкуры не сдираютъ, а, опаливъ шерсть, жарятъ мясо въ ней.

Части животныхъ иногда остаются впрокъ. Чтобы онѣ не портились, ихъ коптятъ или пекутъ на медленномъ огнѣ и хранятъ подвѣшанными къ крышѣ шалаша. Варятъ, кромѣ бобовъ и риса, рыбу; для этого ее помѣщаютъ въ короткое междоузліе бамбука съ водой, поставленное наклонно надъ огнемъ; зеленый бамбукъ только закапчивается снаружи, а вода кипитъ прекрасно. Кренаки такимъ же способомъ варили первое время и рисъ, дававшійся имъ отъ казны, теперь же всѣ имѣютъ металлическіе котелки. Когда ѣда сварилась, бамбукъ раскалываютъ и ѣдятъ изъ его половинки, какъ изъ тарелки. Такой способъ приготовленія рыбы еще практикуютъ и въ Панкасъ, несмотря на изобиліе европейской посуды. Сѣмена кукурузы идутъ на приготовленіе лепешекъ: зерно толчется въ ступкѣ, замѣшивается съ водою и завернутое въ листья печется на угольяхъ; чаще, впрочемъ, ѣдятъ просто поджаренные початки, разгрызая совершенно сухія и твердыя, какъ камень, зерна.

Соли боруны не знали и не употребляли. Немало было потрачено усилій на приученіе къ соли правительственными «просвѣтителями». Кренаки долго отплевывались, попробовавъ соленой пици, но въ настоящее время уже выпрашиваютъ соль, какъ и другую ѣду. Впрочемъ, даже въ Панкасъ есть женщины, не ѣдящія до сей поры соленого и предпочитающія лѣсную пицу безъ всякихъ приправъ.

Къ водѣ для питья часто прибавляютъ медь, а личинки и цвѣтень являются лакомствомъ. Индѣйцы замѣчаютъ мѣсто, гдѣ летаютъ пчелы иногда на большой высотѣ. Къ замѣченному дереву являются съ топорами, чашками-скорлупками, жеваннымъ лыкомъ или тутъ же надерганнымъ пучкомъ волоконъ изъ листьевъ бромелии. Дерево валится, вырубается часть стѣнки дупла и въ отверстіе вытаскиваютъ соты, цвѣтень и проч.

Въ медь, вытекшій на дно дупла погружаютъ мочалы, жеванное и трепаное лыко, напиткивающіяся имъ какъ губка; затѣмъ они завертываются въ листья и такимъ способомъ медь приносится домой. Здѣсь медь выжимается, мочало усердно моется въ водѣ, которая отъ этого становится душистой и сладкой.

Изъ міра насѣкомыхъ лакомствомъ служатъ еще жирныя личинки одного слоника, находимыя въ древесинѣ *Jagacatiá*.

Вообще говоря, питаніе, несмотря на хваленое богатство тропической природы, достается не очень дешево. Почти постоянно боруны жалуются на голодь. При первой нашей встрѣчѣ кренаки усиленно хлопали по втянутымъ животамъ и пререклобно морщились, говоря, что голодны. Правда семьи при многоженствѣ обременительны; дѣтей въ каждой группѣ бываетъ много, какъ и женъ, да къ нимъ присоединяются еще сироты, вдовы и матери.

Куреніе — общая привычка, и табакъ, послѣ пищи, самый желанный подарокъ. Кренаки меня увѣряли не разъ, что не куря табаку умрутъ съ голоду. Они очень бранятъ тѣ листья и травы съ золою, что приходится имъ курить въ лѣсу, когда недостаетъ табаку (сами табака не знаютъ и не сѣютъ). Курятъ, по сравненію съ европейцами, мало — больше всего старухи, на губные боточки которыхъ очень удобно укладывается трубка. Маленькія дѣти, подростки, всѣ умѣютъ курить.

Спиртные напитки вовсе неизвѣстны кренакамъ и водки они боятся, такъ какъ переводчикъ имъ сказалъ, что она ядъ (*Kowi'k*). Въ Панкасъ же пьянство обычное явленіе, влекущее за собою всѣ послѣдствія — драки, увѣчья, беспорядки.

Свѣдѣнія о запрещеніяхъ какого-либо рода пищи у меня очень шатки. Кристино говорилъ, что кренаки не ѣдятъ рыбы *suruby* (*Pimelodus tigrinus*), женщины не ѣдятъ *barbado* (*Mycetes*) — не то самца, не то самки.

Беременные женщины иногда требуетъ отъ мужа определенной дичи, а къ другой не притрагиваются.

Послѣ случая отравленія козлинымъ мясомъ кренаки не ѣдятъ козла (отравленное мясо было дано имъ въ одномъ имѣніи близъ *Th. Ottoni* на *R. Mucury*).

VIII

Размноженіе, семья.

Бракъ для женщинъ начинается рано. Въ обычаѣ, что мужчина беретъ себѣ дѣвочку, на примѣръ, сироту или доставшуюся ему послѣ разгрома вражескаго селенія, и воспитываетъ или вѣрнѣе откармливаетъ ее себѣ въ жены. Относительно большинства молодыхъ женъ кренаковъ Кристино утверждалъ, что онѣ именно такого происхожденія, изъ группы *Begén*, уничтоженной кренаками. Заключение брака не сопровождается церемоніями, хотя рассказы о таковыхъ очень распространены среди окрестныхъ бразильцевъ, какъ и много другихъ выдумокъ объ индѣйцахъ. Безъ позволенія авторитетнаго лица и родныхъ заключение брака, повидимому, не осуществляется. Кренакъ и тотъ во время моего пребыванія на р. Досе, все выхлопывалъ себѣ одну изъ дѣвочекъ въ «воспитанницы-жѣны», но не получалъ согласія Муни и другихъ (Кристино). Роднымъ и «капитану» Муни полагаются подарки, что-нибудь въ обмѣнъ за дѣвушку. Незадолго до моего прибытія былъ такой случай: индѣецъ Тамъ убилъ капивару (*hydrohoerus*). Въмѣсто того, чтобы съѣсть ее онъ отдалъ мясо другому, потребовавъ взамѣнъ его сестру Манки себѣ въ жены. Дѣвочка спала съ Тамъ всего одну ночь. На другой день она опять ушла отъ него въ отдѣльный шалашъ, гдѣ живетъ съ младшей сестрою. Повидимому, послѣ ряда такихъ непрочныхъ связей заключается въ болѣе позднемъ уже возрастѣ бракъ на болѣе продолжительное время и, вѣроятно, никогда на всю жизнь. И мужья мѣняють женъ, и жены мужей. Года два тому назадъ Муни помѣнялся одной изъ женъ съ Иньятъ—своимъ братомъ (въ пользу этой мѣны усиленно интриговала Тунъ—другая жена Муни, хотѣвшая имѣть со-женою младшую свою сестру). Одна изъ женщинъ (*Karük*) имѣетъ много дѣтей отъ разныхъ мужей, изъ которыхъ нѣкоторые и сейчасъ живы.

У одного мужа можетъ быть неопредѣленное количество женъ—чаще же всего одна, двѣ. Кристино зналъ девять женъ Кренака. Не всѣ, правда, были женами одновременно. Изъ нихъ *Nim-tok* (группы *Begén*) его покинула и живетъ при сынѣ Муни, *Jarik* (той же группы) была и за другими, а теперь живетъ одна, *Tuk* (груп. *Tesúk*) ушла къ другому мужу,

другія поумирали, такъ что старикъ нѣкоторое время былъ одинокъ, причѣмъ за нимъ смотрѣлъ Муни, купаль его, разжевываль для него мясо и проч. Теперь за нимъ ходитъ вдова его старшаго сына — тэм-хѣ, который былъ убитъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

У этого тэм-хѣ было четыре жены, судьба которыхъ поучительна.

1) Ngытом умерла.

2) Какынт стала женою Муни — единороднаго и единотробнаго брата умершаго (младшаго) — я уже не засталъ ее въ живыхъ.

3) Каргук теперь жена Иньята — единороднаго брата умершаго (т. е. тоже сына Кренака).

4) Квак, послѣ долгаго сопротивленія сдѣлана женою Кренака — отца умершаго. Она возражала уговаривавшимъ ее Муни и Кристино, что де не можетъ быть ему женою, такъ какъ она «дочь» (сноха по нашей терминологіи).

Повидимому, только очень старыя вдовы не находятъ мужей. Запрещеніе брака распространяется на мать, сестеръ, дочерей, племянницъ и женъ сыновей (какъ видно изъ эпизода Квак). Кузены женятся безъ препятствій, насколько можно было понять изъ объясненій Муни.

Мнѣ извѣстны случаи брака индѣйцевъ съ мулатками и мулатовъ съ индианками. Необразильцы при всякой возможности употребляютъ въ свою пользу отсутствіе у индѣйцевъ строгой регулировки брака и любопытство женщинъ къ мужчинамъ иной расы.

Супружеская жизнь не изъ безмятежныхъ. Мужья часто бьютъ женъ, особенно ножами, отчего спины, груди, животы женщинъ не только пожилыхъ, но и молодыхъ, покрыты большими шрамами. Когда старуха жена Вара, во время экскурсіи въ лѣсъ изъ Панкасъ снимала рубашку, то видны были длинныя и широкіе шрамы по всей спинѣ ея, слѣды порѣзовъ, нанесенныхъ мужемъ, съ которымъ она впрочемъ неразлучна и чрезвычайно дружна. Такіе шрамы уже описываль принцъ Видъ. Ту же Вара мнѣ пришлось разъ лѣчить отъ изрядной разсѣченной раны на лбу, полученной отъ мужа, который тутъ же конфузливо объяснялъ, что рана сдѣлана упавшимъ въ лѣсу сучкомъ. У кренаковъ всѣ замужнія женщины со шрамами, молодая, правда, лишь съ однимъ, двумя.

Только у двѣушекъ кожа цѣла. Муни, можетъ быть, подъ косвеннымъ вліяніемъ увѣщаній переводчика, слѣдитъ за порядкомъ и вмѣшивается въ ссоры, опираясь на свой авторитетъ и необыкновенныя общія симпатіи. Кристино рассказывалъ, какъ онъ избилъ бычачьимъ хвостомъ одного изъ своихъ сородичей за пораненіе жены. Бразильца больше всего поразило, что, когда онъ спросилъ избитаго, не убьетъ ли онъ теперь Муни въ отместку, тотъ отвѣчалъ: «нѣтъ, нельзя убивать Муни, мы его очень любимъ, если онъ умретъ, всѣ будутъ горевать и плакать», а Муни, на вопросъ, не боится ли онъ расплаты, сказалъ: «пустъ-ка кто-нибудь еще попробуетъ поранить жену! я съ нимъ такъ же расправлюсь!» Однако, со своими собственными женами онъ не церемонился и былъ очень раздраженъ замѣчаніями чиновника на этотъ счетъ— «когда жена говоритъ грубости, я долженъ ее наказывать такъ, чтобы чувствовала!» заявилъ онъ.

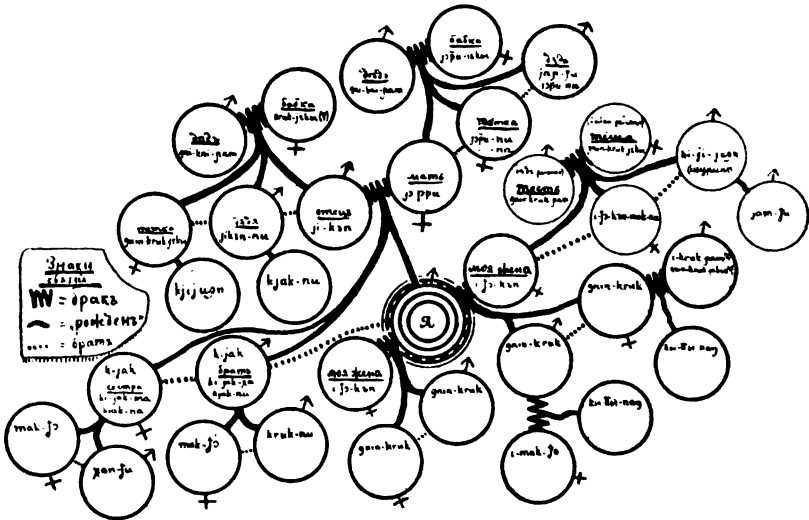
На моихъ глазахъ, когда начиналась семейная ссора, Муни всегда являлся и становился около, смотря въ сторону. Большихъ ссоръ я не наблюдалъ у кренаковъ.

Дѣти. Чувствуя боли, беременная женщина уходитъ въ лѣсъ и рожаетъ тамъ одна на ложѣ изъ хвороста. Предварительно старшія научаютъ ее, какое слѣдуетъ привимать положеніе во время родовъ. Муни мнѣ показывалъ какъ роженница для этого ложится на спину, упираясь согнутыми ногами въ какой-нибудь древесный стволъ, а руками изо всѣхъ силъ держится за другой. Abelardo Soares, служащему инспекторіи, удалось разъ почти присутствовать при родахъ. Только что родившая (въ сходномъ съ изображавшимся Муни положеніи) снесла младенца обмыть въ рѣкѣ, обмыла себя, затѣмъ, завернувъ новорожденнаго въ листья, пошла шатаясь домой (пупочный шнуръ болтался на ходу изъ стороны въ сторону), а разстояніе до дому было больше пяти километровъ. Едва ли послѣднему обстоятельству слѣдуетъ придавать смыслъ особенной крѣпости материнскаго организма и легкости родовъ у дикарокъ. Подобную же относительную нетрудность этого акта можно наблюдать вездѣ, гдѣ онъ не сопровождается воображаемыми страхами, даже у бразильцевъ, несмотря на бездну суевѣрій и таинственныхъ съ нимъ связываемыхъ. Кормленіе грудью продолжается относительно долго; уже начавшіе ходить и говорить ребятишки долго сосутъ грудь. О способѣ но-

шенія дѣтей за спиною уже говорилось, часто носятъ дѣтей посадивъ верхомъ на бедро, какъ повсемѣстно въ Бразиліи.

Ребятишки рано начинаютъ ползать; тутъ они обжигаются на кострѣ, напарываются на сучья, пробираются къ водѣ: за ними нуженъ глазъ да глазъ. Дальнѣйшее воспитаніе происходитъ совершенно на свободѣ. Матери разсердившись бьютъ и сыновей, и дочерей; у одной дѣвочки я видѣлъ шрамы отъ такихъ побоевъ; дѣти обыкновенно не остаются въ долгу, хотя кончается, конечно, бѣгствомъ слабѣйшаго. Маленькіе сынишки Муни на всякій шлепокъ давали сдачи и поднимали крикъ. При такихъ потасовкахъ плача и брани бываетъ много. Впрочемъ были семьи, въ которыхъ я не наблюдалъ побоевъ ни разу. Чтобы унять ребятъ, заставить ихъ не отходить отъ дома и удержать при себѣ, матери часто пугаютъ ихъ мертвецомъ и ягуаромъ (нантъонг, кирагак)—вѣроятно также и «бразильцемъ» (кагаі), такъ какъ дѣтишки страшно боятся всякаго чужого.

Термины родства и свойства даны въ таблицѣ,

но всѣ мои свѣдѣнія по этой части, по самой сложности предмета и неизбежности недоразумѣній, должны приниматься cum grano salis.

Въ этой области слѣдуетъ отмѣтить такія особенности.

Двоюродные братья и братья по отцу (отъ разныхъ матерей) носятъ одно названіе.

Племянница и сноха называются однимъ словомъ.

Тестъ называется «дѣдъ моего ребенка», а теща — «бабка моего ребенка», — т. е. свойство опредѣляется черезъ дѣтей, а не въ силу самого сожителства въ бракѣ (связи по «происхожденію», повидимому, вообще яснѣе формулируются, чѣмъ всякія другія).

Братъ отца и сестра матери обозначается прибавленіемъ частицы «пи» и «па» къ словамъ «отецъ» и «мать». Въ этомъ, какъ и въ особомъ названіи для «племянника», повидимому, особенность боруновъ, такъ какъ у *chané*, *kaingang*, *guaganu* тетки называются матерями, дядя — отцами, а племянники — дѣтьми.

Существуютъ отдѣльныя слова со смысломъ «дѣдъ» и «внукъ».

Занимаясь этимъ вопросомъ я почувствовалъ, между прочимъ, какъ вообще опасно довѣряться переводчикамъ. Меня увѣрили «свѣдущіе люди», что у индѣйцевъ «все просто!»: кромѣ отца и матери никакихъ названій родныхъ или родственниковъ нѣтъ, а когда мнѣ удалось добиться кое-какого толка отъ самихъ индѣйцевъ, то всего больше былъ удивленъ Кристино, который съ дѣтства жилъ въ соприкосновеніи съ борунами.

Связь по происхожденію налагаетъ лишь одну обязанность, можетъ быть даже не формулируемую какъ таковая — это обычай отмщать за смерть родственника (можетъ быть лишь чувство рождаетъ месть въ отдѣльныхъ случаяхъ?). Когда былъ убитъ общій любимецъ, старшій братъ Муни, Томхэ, то убійцу его подстерегали мѣсяцами, а когда это не повело къ развязкѣ, такъ какъ убійца и сейчасъ благополучно здравствующій сталъ очень остороженъ, то убитъ былъ другой бразилецъ, случайно подвернувшійся подъ руку (объясненіе Кристино). Если объясненіе этого послѣдняго убійства правильно, то, видимо, необязательна смерть именно убійцы, а искупленіемъ можетъ послужить кровь любого представителя его группы (семьи?). Въ настоящее время Муни ночуетъ иногда въ домѣ убійцы брата, ведетъ съ нимъ кое-какую торговлю, но о Томхэ вспоминаетъ часто. Когда-то Кренакъ совершилъ избіеніе дѣтей

въ селеніи своего врага, отца Зятыхи, группа котораго живетъ въ Панкасъ и который мнѣ самъ говорилъ объ этомъ. И вотъ страхъ, что обиженные отомстятъ, является, повидимому, главнымъ препятствіемъ къ переселенію кренаковъ въ Панкасъ (объясненіе Кристино).

Въ группѣ кренаковъ, связанной происхожденіемъ, я встрѣтилъ и инородный элементъ: это былъ одинокій, вдовый Хняник, шалашъ котораго всегда устраивался внѣ общаго ряда позади, шаговъ на двадцать въ лѣсу, да еще два юноши. Эти послѣдніе — сыновья «*caritão Lima*», живущаго гдѣ-то въ лѣсу. Они были отобраны у отца кренаками, по объясненію Муни, для того, чтобы разгнѣвавшись на кренаковъ Lima не могъ причинить имъ вреда. Положеніе этихъ юношей замѣтно подчиненное; она, напримѣръ, таскали скарбъ и ребятишекъ Муни во время переселеній. Старшій теперь женатъ и нѣсколько эмансипировался. Описанное является и единственнымъ замѣченнымъ мной намекомъ на инья, кромѣ родственныхъ, социальныхъ отношенія.

Авторитетъ Муни — просто индивидуальное превосходство необыкновенно живой и умной личности, не освященное никакимъ обычаемъ.

IX

Смерть и болѣзнь.

Мертваго, вообще, не хоронятъ, а оставляютъ въ шалашѣ, покидая мѣсто обитанія; часто его оттаскиваютъ въ лѣсъ и забрасываютъ хворостомъ. «Выбросилъ!» отвѣчалъ Кристино одинъ вдовецъ на вопросъ о судьбѣ трупа его жены. Около Lajão я нашелъ разъ кости умершей тамъ женщины среди остатковъ ислѣвшаго шалаша. Умершаго ребенка въ одномъ случаѣ родители похоронили глубоко въ землѣ у костра, причемъ сами остались жить на томъ же мѣстѣ (на R. Juguá мертвецовъ, по Koch (Grünberg'у, хоронятъ подъ землею среди жилищъ). О сжиганіи труповъ Кристино никогда не слыхалъ, но допускаетъ возможность пожара отъ оставленаго костра въ покинутомъ шалашѣ мертвеца¹⁾). Я склоненъ предполагать, что

¹⁾ Cp. Garbe-Ihering въ VIII томѣ «*Revista do Museu Paulista*».

никакого «правила» для «похоронъ» нѣтъ и судьба трупа всегдѣ зависить отъ значенія умершаго въ представленіи родныхъ и ихъ взглядовъ на загробную жизнь.

Заслуживаетъ подробнаго описанія судьба Томхэ, уже упоминавшагося выше старшаго сына Кренака, котораго кости мною привезены для музея Императорской Академіи Наукъ.

Томхэ былъ убитъ лѣтъ пять-шесть тому назадъ. Онъ былъ отнесенъ на гору и оставленъ тамъ. Его не посѣщали до самаго того времени, какъ отправились доставать для меня его кости. Муни говорилъ, что эти кости должны были быть въ сохранности и порядкѣ, такъ какъ могила де была «хорошо устроена». Когда я выразилъ желаніе достать эти кости и отдарить его за содѣйствіе, то онъ заявилъ, что принести костей онъ самъ не можетъ, это можетъ сдѣлать лишь женщина. Сначала собиралась Жагик (жена Кренака), но пошла Ка-ргук, вдова Томхэ, ставшая женою Иньята. О ходѣ экспедиціи непосредственно въ день ея возвращенія мнѣ подробно рассказалъ Кристино.

Переправились на сѣверный берегъ, гдѣ были кости, лишь трое мужчинъ съ Кристино, женщины же остались по сю сторону рѣки. Поднимаясь на покрытый зарослями бромелій, кактусовъ и акацій холмъ, Хняник—пожилой индѣецъ, шедшій впереди—сталъ громко говорить, обращаясь къ мертвецу, мѣсто погребенія котораго еще не было видно: «Мы пришли взять тебя, Томхэ! Не сердись, иди съ нами. Здѣсь и Жоакии—онъ хорошій. Это не онъ за тобой пришелъ, а мы: не сердись на него и не сдѣлай ему ничего дурного. Мы съ тобою переѣдемъ рѣку. Ты отправишься съ кагаі въ Rio de Janeiro. Съ кагаі тебѣ будетъ хорошо—не бросай его. Ты будешь ѣсть рисъ, пить кофе. Не забывай и насъ, Томхэ! Напоминай «эприк» (это про меня), чтобы прислалъ намъ рису и муки, бобовъ, кукурузы» и т. д.». Муни потомъ объяснилъ, что Томхэ будетъ ѣсть и пить со мною вмѣстѣ, но такъ, что я этого видѣть не буду.

Кости лежали подъ прикрытіемъ на наклонной въ сторону рѣки койкѣ изъ сучьевъ такъ, что ножной конецъ койки прямо покоился на землѣ. Это положеніе мертвеца мотивировалось тѣмъ, что устраивавшіе погребеніе хотѣли, какъ они сами тутъ же объяснили, чтобы «Томхэ могъ видѣть домъ своего убійцы на томъ берегу рѣки». Поверхъ лежа было еще много

вѣтвей и листьевъ пальмъ, придерживавшихся сверху большими и толстыми кусками дерева. Рядомъ на землѣ лежали: бутылъ, связка стрѣлъ и лукъ — уже настолько истлѣвшіе, что рассыпались отъ прикосновенія. Ни ножа, ни трубки, которыхъ искалъ Кристино не оказалось. Изъ костей лишь черепъ безъ нижней челюсти да одна бедренная кость оставались на ложѣ — остальные разбросаны были кругомъ.

Собранные останки положили въ мѣшокъ и перевезли на берегъ, гдѣ дожидались женщины. Каргѣкъ попросила открыть мѣшокъ и показать ей Томхэ. Когда вынули черепъ изъ мѣшка, она обняла его, начала плакать и заплѣла. Плѣла она о томъ, какъ хорошъ былъ Томхэ, какъ жалко, что онъ умеръ, что не было тогда съ ними моего переводчика, который не далъ бы убить Томхэ. Постепенно она озлоблялась и стала бранить мужчинъ, привезшихъ кости: «Зачѣмъ вы перевезли кости Томхэ! Вы привезли его голову — и вотъ мое сердце разрывается отъ боли!»

Когда принесли кости въ домъ Antonio Elias, то Хняникъ говорилъ, обращаясь къ нимъ: «Antonio Elias — другъ, не причини ему вреда Томхэ, онъ капитанъ караи». (Дѣло въ томъ, что Кристино, боясь, что индѣйцы убьютъ Elias изъ мести, увѣрялъ ихъ, что онъ «капитанъ» и что кормившее ихъ тогда «governo» будетъ очень огорчено его смертью).

Несла кости всю дорогу до мѣста нашей стоянки Каргѣкъ въ мѣшкѣ за спиною.

Здѣсь, когда вынули черепъ изъ мѣшка въ присутствіи Муни, глаза его наполнились слезами и онъ сталъ мнѣ рассказывать, какъ хорошъ былъ Томхэ, насколько онъ былъ красивѣе, выше, сильнѣе чѣмъ онъ самъ — «Я передъ нимъ ребенокъ!» говорилъ онъ о братѣ.

Когда Мунѣ въ моемъ присутствіи наткнулся на человѣческія кости, онъ сказалъ, что кости эти дурныя и что лучше не почесать по близости изъ-за мертвеца (наньтѣнг). Jeronimo въ Панкасъ это слово прямо переводилъ — душа мертвеца, а когда тамъ же умеръ Вахá, то дѣти по ночамъ ходили съ опаскою поминая Вахá и наньтѣнга¹⁾.

¹⁾ Въ словарь Мартіуса слово это переводится diabolus. Эренрейхъ уже опредѣленно говоритъ, что подъ нимъ разумѣется «мертвецъ».

Мертвецъ превращается въ наньтѣнга — фантастическое существо, которое достаточно увидѣть, чтобы умереть. Они являются и на яву, и во снѣ—передъ смертью. Оба умершіе въ Панкасъ, и Waxá и Roseno, видѣли его и во снѣ, и наяву. Roseno въ видѣ безформенной черной массы, пересѣкшей ему дорогу. Старикъ Потѣнь прибѣжалъ разъ весь блѣдный отъ испуга, такъ какъ слышалъ разговоры мертвецовъ возлѣ того мѣста, гдѣ на посту было устроено кладбище. Чтобы избѣжать встрѣчъ съ наньтѣнгомъ, всячески обходятъ мѣста, гдѣ оставленъ былъ мертвецъ.

Временами, рассказывалъ мнѣ Кристино, страхъ наньтѣнга приобретаетъ какой-то панической характеръ. Разъ въ лагерѣ кренаковъ среди ночи поднялся такой крикъ, плачь и стонъ, что переводчикъ подумалъ, не ягуаръ ли расправляется съ индѣйцами. Оказывается (была ясная лунная ночь) кто-то увидѣлъ у берега рѣки наньтѣнга и ужасъ объялъ всѣхъ; они стали звать Кристино на выручку; онъ не поѣхалъ, но посоветовалъ выстрѣлить въ призракъ изъ ружья; послѣ выстрѣла больше не кричали, но плясали и пѣли до утра другого дня.

Днемъ наньтѣнга вовсе не поминаютъ, но какъ только стемнѣетъ; такъ и слышишь то тутъ, то тамъ упоминаніе о немъ. По ночамъ во время нашихъ совмѣстныхъ ночевокъ я часто наблюдалъ, какъ всякій шумъ, паденіе вѣтки, плода, дерева во мракѣ лѣса тотчасъ вызываетъ шепотомъ произнесенное слово наньтѣнгъ «это онъ тамъ шумитъ». Жеронимо мнѣ говорилъ, что наньтѣнгъ имѣетъ обыкновеніе бросать ночью камешки на крыши шалашей индѣйцевъ; тогда слѣдуетъ пугать его возгласомъ: «Наньтѣнгъ! мы знаемъ! это ты кидаешь!» Разъ вечеромъ изъ разговора выяснилось, что женщины не могутъ спать иначе, какъ у огня—не то ихъ посѣтитъ наньтѣнгъ и отъ этого посѣщенія родится «наньтѣнг-крукъ» (дитя мертвеца)—мертворожденный младенецъ.

Въ нѣсколькихъ сказочкахъ о наньтѣнгѣ, рассказанныхъ мнѣ Жеронимо, говорится о похищеніяхъ имъ женщинъ, о встрѣчахъ съ нимъ въ лѣсу.

Наружность призрака представляется очень смутно—то это безголовая фигура, то двѣ переплетающіяся фигуры—одна вверхъ, другая внизъ головою, то нѣчто черное и безформенное.

Въ случаяхъ болѣзни боруны совершенно безпомощны. Отъ озноба они грѣются у огня, отъ жара обливаются холодной водою или купаются въ рѣкѣ. У ложа больного не потушается костеръ.

Жалость къ больному—далеко не правило. Кристино мнѣ рассказывалъ, что однажды нашелъ тяжело больную женщину въ лѣсу полузасыпанной землею. Мужъ говорилъ, что оттащилъ ее за ноги въ лѣсъ, подальше, такъ какъ ея стоны причиняли ему беспокойство.

Кое-какія средства все же, кажется, извѣстны борунамъ. Сокъ изъ лыка ватнаго дерева (вѣроятно, содержащій танинъ) выжимается на свѣжую рану какъ кровоостанавливающее. Чиновникъ инспекторіи, узнавъ это средство, самъ съ успѣхомъ будто бы имъ пользовался.

Существуетъ родъ сирó (ліаны), отваръ котораго пьется, нюхается его порошокъ и курится отъ болей въ груди.

Другое растеніе (joão brandi do matto) употребляется для натираний отъ кожныхъ болѣзней вродѣ сагапра, а также при оспѣ.

Кровопусканіе путемъ покрытія участка кожи уколами колючкою или осколкомъ стекла производилось Муни отъ зуда въ томъ или иномъ мѣстѣ.

Мясо игубû (*Cathartes*) считается дающимъ силу и здоровье.

Въ Панкасъ мнѣ рассказывали, что Тешукъ, уже умершій «капитанъ» дѣлалъ пѣніемъ по ночамъ и дуновеніемъ въ большое мѣсто; это единственный случай пріемовъ пажэ (шамана), который мнѣ удалось зарегистрировать.

Х

Нѣкоторыя свѣдѣнія о міровозрѣніи, языкѣ, искусствѣ.

Въ предыдущемъ параграфѣ говорилось достаточно о мертвецѣ—наньтѣнгъ—который и считался до сихъ поръ единственнымъ сверхъ-естественнымъ существомъ, извѣстнымъ ботокудамъ (о миссіонерскомъ происхожденіи тирап, слова, обозначающаго «Богъ», говорить, и совершенно справедливо, Эренрейхъ). За пять мѣсяцевъ моего пребыванія въ Панкасъ я не уловилъ дѣйствительно ничего, чтобы намекало на существованіе другихъ сверхъ-естественныхъ существъ и никто изъ знающихъ по-ботокудски не могъ мнѣ сообщить ничего новаго по этой части.

Однако, вскорѣ послѣ моего переселенія въ Lajão къ кре-
накамъ, во время одного изъ вечеровъ съ танцами и пѣніемъ
въ ихъ поселеніи, Муни сталъ вспоминать обиды, причинен-
ныя борунамъ бразильцами и заявилъ, что Марѣт-Хмакнямъ
недоволенъ ими. Я ухватился за это имя — Кристино объяс-
нили презрительно, что это какая-то глупая фантазія ин-
дѣйцевъ, о которой они часто говорятъ (*uma bobagem d'elles*).
Я спросилъ самого Муни. Онъ началъ съ чрезвычайнымъ ожи-
вленіемъ объяснять, что такое Марѣт-Хмакнямъ. Ростъ этого
«старика» (хмакнямъ значитъ старикъ на языкѣ борунъ) больше
человѣческаго, какъ человѣкъ съ вытянутою вверхъ рукою.
Самымъ примѣчательнымъ его свойствомъ является огромный
repis. Этимъ *repis*'омъ Марѣт-Хмакнямъ можетъ задушить жен-
щину, съ которой копулируетъ, такъ какъ онъ доходитъ ей до
горла (для наглядности Муни становится на одно колѣно и
достаеъ рукой до горла Кристино). Наружность его описы-
вается такъ: голова его сѣдая, а лицо все заросло красными
волосами до самыхъ глазъ. У него есть жена (Maret-jikkы)
Марѣт-Жиккы, съ которой онъ копулируетъ, для ея безопас-
ности, на разстояніи. Находится онъ на небѣ, у него звѣзды,
Дѣтгей (Марѣт-Хмакням-Крук) у него очень много. Я
много разъ возвращался потомъ къ этой темѣ разговора
и не только Муни, но и Иньятъ и другіе много расска-
зывали мнѣ о разныхъ свойствахъ Марѣт-Хмакнямъ. Онъ
ходитъ по небу и по водѣ, но бразильцы его не могутъ
видѣть. На ногахъ у него нѣтъ обуви, но колючки и валеж-
никъ не ранятъ его ногъ. Его ножъ длинный, какъ лукъ (для
наглядности разыскивается лукъ и мнѣ показывается) — онъ
можетъ срубить этимъ ножомъ деревья (Иньятъ и это демон-
стрируетъ). Онъ умѣетъ прекрасно дѣлать стрѣлы. Если кто-
нибудь его разгнѣвалъ, онъ поражаетъ невидимою стрѣлою
прямо въ грудь. Иньятъ представляетъ въ лицахъ какъ это
случается—въ серединѣ рѣчи вдругъ обрывается голосъ, голова
опускается, всѣ члены расслабляются и человѣкъ умираетъ;
«Но стрѣлы не видно—рыр-пик!» настаиваетъ Муни.

Марѣт-Хмакнямъ любитъ боруновъ и сердится, когда ихъ
обижаютъ. Ему нравится сушеное мясо, рисъ (правительствен-
ныя подачи), ему не довольно муки или бобовъ (которыми
угощали индѣйцевъ во время моего у нихъ пребыванія) или
мяса дичины, добываемой самими борунами. Муни все приста-

валъ ко мнѣ, чтобы я принесъ рису для Марэт-Хмакняма: за ночь онъ долженъ его съѣсть, но если риса не хватитъ онъ разсердится и все броситъ въ воду. Если же я вовсе откажусь дать рису, то Марэт-Хмакнямъ пошлетъ мнѣ свою жену-урода, чтобы я съ ней копулировалъ; только рисомъ откупишься отъ этого наказанія. Въ послѣдніе дни моего пребывания въ Lajão ожидалось со дня на день появленіе «старика». Онъ очень разсерженъ былъ на бразильцевъ за послѣднія обиды борунамъ. Муни великодушно общалъ Кристино за него заступиться, предупредить во время, чтобы онъ не переправился на сѣверный берегъ, когда явится старикъ, и постараться, чтобы «старикъ» вернулся поскорѣе опять въ глубь лѣса. О появленіи дѣтей Марэт-Хмакнямъ тоже много говорилось.

Разъ я сталъ спрашивать о солнцѣ и лунѣ. Муни не задумываясь заявилъ, что солнце посылается «старикомъ» — совсѣмъ какъ поѣзда посылаются правительствомъ. (Изъ поселка ежедневно видны проходящіе на южномъ берегу р. Досе поѣзда). Вечеромъ солнце входитъ въ небо и проводитъ тамъ время съ Марэт-Хмакнямъ, а передъ утромъ быстро перемѣщается на востокъ по горизонту. «Луна—похожа на зеркало» говоритъ Муни; для ясности онъ велитъ принести жестянку изъ-подъ сала и показываетъ мнѣ ее: «Вотъ, какъ если бы въ ней горѣлъ керосинъ». Упоминаніе о керосинѣ вызываетъ недовольство старухъ. «Ну, ладно», соглашается Муни: «не керосинъ, а похоже на керосинъ. Она свѣтитъ, а кругомъ темно». На вопросъ, отчего же она иногда маленькая, иногда большая, Муни достаетъ какую-то тряпочку и осторожно начинаетъ закрывать дискъ жестянки съ одной стороны, говоря, что такъ закрываетъ «одѣяломъ» луну Марэт-Хмакнямъ. Когда луны нѣтъ на небѣ—она у Марэт-Хмакнямъ, съ нимъ.

Дождь и грозы посылаются тѣмъ же «старикомъ». При приближеніи дождя Муни разъ обращался при мнѣ къ облакамъ со словами «не сердись Марэт-Хмакнямъ!» Кристино говорилъ, что въ сильныя грозы кренаки много кричатъ, обращаясь во мракъ къ «старика», просятъ его не убивать ихъ, стрѣляютъ въ раздраженіи стрѣлами въ лѣсъ, прикрѣпляя горящую солому или воскъ къ ихъ концамъ (подобіе молній?).

Связь радуги съ Марэт-Хмакнямъ, предположенная мною, отрицается категорически. «Радуга—тѣнь солнца» говоритъ Муни, указывая на ихъ положеніе другъ противъ друга.

Я уже говорилъ, что «старикъ» приписывается происхождение обычая носить ботоки въ ушахъ и губахъ, поддержаннаго угрозою наказанія за отступленіе отъ него (впрочемъ утрата этого обычая, напримѣръ, отсутствіе губныхъ ботоковъ у всѣхъ мужчинъ, даже стараго Кренава, свидѣтельствуесть о не серьезномъ значеніи этихъ угрозъ).

Во время ночныхъ плясокъ и пѣнія Муни и Иньятъ называли мнѣ нѣкоторые припѣвы, какъ «пѣсни Марэт-Хмакняма» (Mar.-Xm.-grí)—напр. «tɔp-pe-wa:p» (по Кристино означающій «извѣди злодѣевъ!»)—они говорили, что «старикъ» придетъ, если много пѣть ихъ, и разбросаетъ въ лѣсу много жгутовъ табаку и металлической посуды для своихъ боруновъ.

Иногда разговоры о Марэт-Хмакнямѣ принимали характеръ такого явнаго желанія придать себѣ вѣсу ссылками на него и запугать насъ, какъ это дѣлають запугивая дѣтей «буками» или «лѣшими», что я колебался признавать ли «старика» за нѣчто большее, чѣмъ наивную попытку импонировать легковѣрнымъ простофилямъ: мнѣ и Кристино. Однако, Кристино удалось получить доказательство того, что «старикъ» — одна изъ основъ міропониманія. Вблизи нашего поселенія находился однажды борунъ «José-dos-Reis», очень хорошо говорившій по-португальски, жившій долго въ Панкасъ, отростившій бороду и приобрѣтшій всѣ привычки бразильца. И вотъ Кристино однажды спросилъ его прямо (не говоривъ съ нимъ никогда раньше объ этомъ): «Что такое Марэт Хмакняма» — «Мой богъ!» отвѣчалъ не запнувшись индѣецъ, указывая на небо.

Итакъ, для «объясненія» цѣлаго ряда явленій природы и явленій социальныхъ (ботоки, пѣніе) боруны имѣють сверхъестественное существо; своего «бога».

Еще въ Панкасъ Жеронимо мнѣ говорилъ, что лѣсные индѣйцы во время дождя кричатъ обращаясь къ небу «отецъ мой, не сердись!»—Онъ переводилъ слово «богъ» словомъ *turá* (гуарани), универсальнымъ словечкомъ южно-американскихъ миссіонеровъ. Для кренаковъ слово *turá* является совпадающимъ со словомъ «o padre» т. е. католическій патерь; часовню они также называютъ «домъ *turá*» (домъ патера). Миссіонеры уже не разъ точили зубы на кренаковъ, но въ

виду отсутствія поддержки позитивистскаго правительства, они еще не шли дальше случайныхъ посѣщеній.

Міровоззрѣніе Жеронимо, много ученаго патерами еще смолу, представляетъ весьма сложную амальгаму взглядовъ бурнуновъ и суетвѣрій бразильцевъ.

Кромѣ нанвѣнга (души мертвеца) имѣется для него еще «кьокырымъ» душа живого, улетающая и странствующая во время сна, эту-то живую душу и убиваетъ болѣзнь. То же слово онъ давалъ и для фотографическихъ снимковъ. Креники называли мои рисунки ихъ сотоварищей — нанвѣнгъ — т. е. призракъ, тѣнь, но, на ряду съ этимъ, и *жюнтяк* — «имя», «двойникъ».

Жеронимо усвоилъ себѣ магическій пріемъ «крестнаго знаменія» и говорилъ что можетъ остановить ураганъ движеніемъ руки. Въ Куйетѣ, среди своихъ онъ умѣлъ особыми плясками и пѣніемъ призывать дождь во времена засухи. Въ этихъ пляскахъ, онъ мнѣ показывалъ ихъ, ритмъ отбивался большими жезлами изъ бамбука (сосудами для воды), которые дѣлають гуарани или каинганги.

Средствомъ отъ появленій мертвеца во снѣ служитъ Жеронимо чтеніе «Pater Noster», твердо извѣстнаго слѣпому старику, который считаетъ себя много выше своихъ «невѣжественныхъ» мѣсныхъ собратій за свое знаніе молитвъ и «богочитаніе».

Небезинтересно замѣтить, что крестились индѣйцы Панкасъ на моихъ глазахъ охотно, особенно, когда падре заявилъ строптивымъ родителямъ, говорившимъ, что боятся заразы отъ крещенія, что наоборотъ некрещенные заболѣють и умрутъ. Съ удовольствіемъ была встрѣчена и установка креста на горѣ, по дорогѣ къ кладбищу и не безъ надежды на его предохранительныя свойства противъ призраковъ.

Откладывая для другого мѣста изложеніе и обработку собраннаго мною лингвистическаго матеріала я сообщаю тутъ кое-что имѣющее общезнакографическій интересъ.

Выразительныя движенія — улыбка, смѣхъ, вниманіе — не содержатъ ничего своеобразнаго. Смѣются не громко, оскаливая зубы; громкій хохотъ вызывалъ выраженіе неудовольствія съ ихъ стороны. Полученіе табака, ѣды, бусъ встрѣчается смѣхомъ. Плаксивость свойственна дѣтямъ въ большой степени.

Утвержденіе обозначается поднятіемъ бровей, кивкомъ головою назадъ и двумя взрывами голосовой щели безъ установки ротовой полости на опредѣленный гласный¹⁾. Мальчуганъ Андрэ въ Панкасъ съ шумомъ втягивалъ въ себя воздухъ выражая этимъ утвержденіе.

Отрицаніе (хэ) сопровождается сжиманіемъ губъ и «выраженіемъ разсѣянности» на лицѣ при полной неподвижности всего тѣла. Оно, какъ и утвержденіе «непонятно» для европейца, пока онъ не выучится этому способу обозначенія.

Музыкальность, т. е. измѣненіе высоты тона рѣчи въ очень сильной степени свойственна выросшимъ въ лѣсу индѣйцамъ, но почти вовсе утрачена «цивилизованными», что и объясняетъ отрицаніе ея Эренрейхомъ.

При наличіи аффекта, печали или радости музыкальные элементы чрезвычайно усиливаются и рѣчь прямо переходитъ въ пѣніе. Помимо уже описаннаго случая пѣнія вслѣдъ за плачемъ при видѣ костей Томхэ, мнѣ пришлось слышать пѣніе въ Панкасъ, тоже въ качествѣ «естественнаго продолженія» плача. Однажды ночью Вара послѣ попойки ранилъ старуху жену свою; та сначала громко стонала и всхлипывала, затѣмъ стоны перешли въ маленькую напѣваемую дрожащимъ голосомъ мелодію, постепенно крѣпшую: пѣніе все того же маленькаго колѣнца съ перерывами продолжалось до самаго утра (слова были плохо слышны, но повторялись часто одни и тѣ же выраженія). Выраженіе радости въ выкрикиваніи голосомъ музыкальныхъ тоновъ разной высоты на слово (гехæ) «хорошій» я видѣлъ однажды послѣ удачной охоты, когда женщины окружили охотника (сына переводчика) и устроили ему продолжительную «сереѣаду», распѣвая необыкновенно пронзительными голосами фальцетомъ.

Что-то необыкновенно жалобное слышалось мнѣ въ длинныхъ фразахъ Вара все на одну ноту и съ маленькимъ кантансомъ (ходомъ на квинту вверхъ и на терцу внизъ) въ концѣ. На эти рѣчи его (по вечерамъ передъ сномъ) отвѣты часто состояли лишь въ протяжной нотѣ раздававшейся безъ всякаго слова изъ устъ кого-нибудь изъ слушательницъ. Эта

¹⁾ Этотъ звукъ занималъ многихъ—см. Эренрейхъ оп. с., Hartt.

нота констатировала лишь сочувствіе и была необыкновенно выразительна¹⁾).

Въ языкѣ боруновъ не различается 2-ое и 3-е лицо мѣстоименій. Особенно поражаетъ полное отсутствіе счета. Правда, у «цивилизованныхъ» имѣются ряды словъ для числительныхъ, но даются они въ какой-то сбивчивой формѣ и часто противорѣчивы. Не только ноги не участвуютъ въ счетѣ, но и руки выполняютъ его очень несовершенно. Индѣйцы постоянно ошибаются при счетѣ. Лучшее всего считаютъ дни, напримѣръ, число дней охоты опредѣлялось въ Панкасъ по пальцамъ совершенно точно; зато жена Муни не смогла мнѣ показать число ея дѣтей—говоря, что ихъ «не одинъ» (у кренаковъ есть только два слова— «одинъ» и «не одинъ» = много).

Чтобы показать очень большое число, Муни взялъ разъ мои руки въ свои, поднялъ ихъ пальцами вверхъ, растопыривъ ихъ и кряхтѣлъ очень выразительно для приданія эффекта. На другой день этотъ жестъ описывался другому индѣйцу словами: — «Много, много,—его руки и мои».

Собственные имена мѣстъ, рѣкъ, ручьевъ, горъ происходятъ отъ какихъ-нибудь событій, памятныхъ встрѣчъ со звѣрями или какими-нибудь ихъ остатками: горы напр. на R. Mutun называются Гуть-кракъ — «черепеховъ щить».

Имена людей—соотвѣтствуютъ нашимъ прозвищамъ, иногда самого обиднаго характера:

1) по тѣлеснымъ недостаткамъ и т. п.

kijo kró (vagina profunda), kijó-ra (vagina rubra), kjuk-urъ (penis turba),

kat-nó (praeputium grande), kren-bá (плоская голова), xnaní'k (umbilicus)

2) по названіямъ животныхъ или растений:

tun (песочная блоха), ня (клещъ), jum-kren (плодъ ліаны)

¹⁾ Подробнѣе о музыкѣ и пѣніи ботокудовъ я говорю въ статьѣ: «О музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ индѣйцевъ» въ Сборникѣ Музея Этнографіи и Антропологии Императорской Академіи Наукъ, т. IV.

3) по какимъ-нибудь случаямъ въ жизни носителей:

кык-та (вонъ крыса!), пш-тэк (тычетъ въ вѣду), рик-гон (много плачетъ), рѣп-кы'п (вонъ медъ!).

У каждаго такихъ прозвищъ бываетъ по-нѣскольку и они изобрѣтаются постоянно (напр. примѣняются новыя португальскія слова, какъ въ случаѣ съ «говепо» — см. выше).

Кромѣ языка для общенія служатъ и другіе знаки: мѣтки, оставляемыя въ лѣсу. Когда Муни перебрался на новое мѣсто, то распорядился, чтобы завалили тропы къ старому жилью и расчисткою лѣса обозначили бы направленіе, по которому онъ переселился. Появленіе товарищей онъ намъ описывалъ по этому случаю такъ: «Тамъ въ лѣсу, не имѣя долго извѣстій, они подумаютъ, наконецъ, что бѣлые убили Муни. Тогда одни, безъ семей явятся на берегъ рѣчки къ мѣсту прежняго поселенія. Здѣсь они увидятъ завалы и расчистки пути и, на этотъ разъ уже вернувшись за семьями, легко найдутъ новое поселеніе Муни!» — «Какъ карай (бразильцы) умѣютъ посылать исчерченныя бумажки въ качествѣ знака своимъ, такъ и боруны имѣютъ свои знаки въ лѣсу!» гордо прибавляетъ свѣтлая голова.

Кромѣ разныхъ писчиковъ изъ полыхъ стеблей и свернутыхъ въ трубки листьевъ пальмъ, имѣется у боруновъ флейта изъ бамбука съ отверстіемъ въ узлѣ стебля для игры носомъ — получаютъ нѣжные тоны, притомъ только въ строгихъ гармоническихъ отношеніяхъ (гармоничность въ самомъ пѣніи боруновъ не происходитъ ли отъ воспитанія слуха на подобной флейтѣ?).

Пляски, кромѣ традиціоннаго хоровола (см. Видъ, Эрнрейхъ), у кренаковъ имѣются еще въ двухъ формахъ: въ видѣ высокыхъ прыжковъ «солиста», къ которому затѣмъ присоединяются другіе, и въ видѣ драматическаго представленія — охоты (эту послѣднюю я видѣлъ лишь одинъ разъ, послѣ особенно удачнаго для охотниковъ дня). Танца, долженствующаго изображать путь на небо, о которомъ мнѣ говорилъ Кристино, и который состоитъ въ хожденіи гуськомъ съ руками держащимися за поясъ впереди идущаго — я не видалъ.

Пѣніе во время пляски состоитъ изъ импровизаціи одного изъ танцующихъ на злободневныя темы и припѣва, къ которому присоединяются всѣ.

Среди этихъ-то припѣвовъ и имѣются «пѣсни для Марэт-Хмакняма».

Генрихъ Манисеръ.

Антропологическія данныя о поморахъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ Архангельской губерніи.

Л. Л. Капица.

L. Kapitza.—Étude anthropologique sur les Pomors du gouvernement d'Arkhangel.

Лѣтомъ 1913 и 1914 годовъ по порученію Русскаго Антропологическаго Общества при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ и Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи при Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, мною были произведены антропологическія измѣренія поморъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ Архангельской губ. Измѣренія и наблюденія производились исключительно надъ мужскимъ населеніемъ по схемѣ, принятой въ Кабинетѣ Географіи и Антропологіи Петроградскаго Университета. Необходимые инструменты и карточки-бланки мною были получены изъ выше упомянутаго кабинета. Помимо измѣреній и наблюденій, съ нѣкоторыхъ субъектовъ были взяты образцы волосъ и сдѣланы фотографическіе снимки¹⁾.

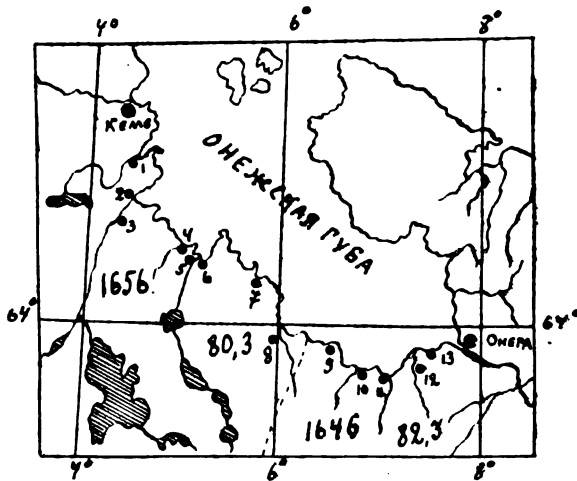
Мужское населеніе этихъ двухъ уѣздовъ на лѣтніе мѣсяцы (съ середины мая до первыхъ чиселъ сентября) изъ своихъ бѣломорскихъ селеній собирается на рыбные промыслы на Мурманъ, а въ селахъ и деревняхъ остаются только дѣти и женщины. Поэтому антропологическія измѣренія и наблюденія мнѣ пришлось производить въ двухъ самыхъ крупныхъ

¹⁾ Подлинныя карточки и образцы волосъ хранятся въ Кабинетѣ Географіи и Антропологіи Петроградскаго Университета.

становищах на Мурманѣ, а именно: въ Гавриловѣ (1913 г.) и Терибереѣ (1914 г.).

Записи моихъ измѣреній съ полнымъ вниманіемъ велись студентами П. Л. Капица (1913 г.) и С. К. Красовскимъ (1914 г.), оказавшими мнѣ существенную помощь во время нашихъ поѣздокъ, за что приношу имъ благодарность, также какъ и всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, способствовавшимъ успѣху моей работы.

Предлагаемый въ настоящей работѣ матеріалъ касается исключительно поморь, живущихъ постоянно въ селахъ и деревняхъ по Поморскому берегу Бѣлаго моря (отъ г. Кеми до г. Онеги). По мѣрѣ возможности я старался измѣрять субъектовъ только великорусскаго происхожденія, давно живущихъ въ этихъ мѣстахъ. Разсматриваемый матеріалъ я распредѣлил по группамъ, придерживаясь административнаго и при томъ чисто условнаго дѣленія: 1) селенія по берегу Бѣлаго моря, расположенныя въ Онежскомъ уѣздѣ, т. е. отъ г. Онеги включительно до границы съ Кемскимъ уѣздомъ; 2) селенія расположенныя по берегу Бѣлаго моря въ Кемскомъ уѣздѣ, т. е. отъ границы съ Онежскимъ уѣздомъ до г. Кеми включительно.

Кемскій у.: 1—с. Шуя, 2—с. Сорока, 3—Выгь-островъ, 4—с. Вирна, 5—д. Ендо-губа, 6—Сумскій посадъ, 7—с. Колежма, 8—с. Нюгча; Онежскій у.: 9—с. Унежма, 10—с. Кушерѣвка, 11—д. Малошуйка, 12—с. Нименьга, 13—с. Ворзогоры.

На картѣ обозначены только тѣ пункты, изъ которыхъ есть измѣренныя поморы.

Къ сожалѣнiю, до настоящаго времени не опубликовано никакихъ антропологическихъ данныхъ, касающихся этихъ мѣстъ. Только въ работѣ проф. Анучина «О географическомъ распредѣленiи роста мужского населенiя въ Россiи» мы имѣемъ среднюю цифру роста для Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ.

Измѣренныя мною поморы занимаются исключительно рыбными и звѣринными промыслами и по постоянному мѣстожителюству распредѣляются слѣдующимъ образомъ (см. карту):

ТАБЛИЦА № 1.

Кемскiй уѣздъ.		Онежскiй уѣздъ.	
(1) Село Шуя	1 чел.	(9) Село Уножна	3 чел.
(2) > Сорока	14 >	(10) > Куперѣка	5 >
(3) > Выгъ-островъ	2 >	(11) Дер. Малашуйка	17 >
(4) > Вирма	4 >	(12) Село Нименьга	7 >
(5) Дер. Ендо-губа	5 >	(13) > Вороегоры	3 >
(6) Сумскiй посадъ	35 >	Гор. Онега	1 >
(7) Село Колежна	6 >		
(8) > Нюгча	2 >		
Гор. Кемь	2 >		
Всего	71 чел.	Всего	36 чел.

Измѣрялись только взрослые мужчины, и ихъ возрастъ представленъ въ нижеслѣдующей табличкѣ:

ТАБЛИЦА № 2.

Возрастъ (âge).

	В о з р а с т ь (â g e).			
	Отъ 20—30 лѣтъ.	Отъ 30—40 лѣтъ.	Отъ 40—50 лѣтъ.	Отъ 50—60 л.
Онежскiй уѣздъ	12	17	7	—
Кемскiй уѣздъ	18	29	18	6
Оба вмѣстѣ	30	46	25	6

Изъ нея мы видимъ, что возрастъ большинства измѣренныхъ субъектовъ приходится отъ 30—50 лѣтъ.

Цвѣтъ волосъ и глазъ, согласно принятой схемѣ отмѣчаемъ по тремъ отгѣнкамъ:

для волосъ—бѣлокурый, русый и темный

» глазъ—свѣтлый, смѣшанный и темный.

ТАБЛИЦА № 3.

Цвѣтъ волосъ и глазъ (couleur des cheveux et des yeux).

Поморы Архангельской губ.	Цвѣтъ волосъ (couleur des cheveux).			Цвѣтъ глазъ (couleur des yeux).			
	Число Nombre.	Бѣлоку- рые Blonds.	Русые Châtains.	Темные Bruns.	Голубые Clairs.	Смѣшан. Mêlangés	Темные Foncés.
Онежскій уѣздъ . .	36	8,3	91,7	—	22,2	69,2	8,6
Кемскій уѣздъ . .	71	24,1	74,6	1,3	45,0	55,0	—
Оба вмѣстѣ . . .	107	18,1	80,3	1,1	38,3	58,9	2,8

Изъ выше приведенной таблицы мы видимъ, что преобладаютъ субъекты съ русыми волосами. Субъектовъ съ темными волосами среди измѣренныхъ въ Онежскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ, а въ Кемскомъ уѣздѣ они составляютъ очень маленький процентъ. Тоже самое можно сказать относительно цвѣта глазъ, а именно преобладаетъ смѣшанная окраска. Субъектовъ съ темными глазами среди нашихъ поморъ въ Кемскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ, а въ Онежскомъ—они составляютъ очень незначительный процентъ.

ТАБЛИЦА № 4.

Поморы Архангельской губ.	Число—Nombre	Бѣлокурые Blonds			Русые Châtains			Темные Bruns		
		съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux			съ глазами avec les yeux		
		Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mêlangés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mêlangés	Темными Foncés	Свѣтлыми Clairs	Смѣшан. Mêlangés	Темными Foncés
Онежскій уѣздъ . .	36	2,7	5,5	—	22,2	61,1	8,5	—	—	—
Кемскій уѣздъ . . .	71	11,2	12,6	—	32,3	42,2	—	—	1,7	—
Оба вмѣстѣ . . .	107	8,4	10,2	—	28,9	48,5	2,8	—	1,2	—

Если мы сопоставимъ теперь цвѣтъ глазъ съ цвѣтомъ волосъ (см. таблицу), то увидимъ, что наибольшій процентъ нашихъ поморъ съ русыми волосами имѣютъ смѣшанные глаза; что вообще характерно для смѣшанныхъ народностей.

ТАБЛИЦА № 5.

Головной указатель—(Indice céphalique).

Поморы Архангельской губерніи.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вѣстѣ.
Число измѣрен.—Nombre des mesures .	36	71	107
Продольный диаметр Diam.-antero-poster.	Среднее—Moienne.	186,97	188,7
	Min.	175	177
	Max.	207	202
Поперечный диаметр Diam. transvers.	Среднее—Moienne.	153,39	151,46
	Min.	144	138
	Max.	165	176
Головной указатель Indice céphalique	Среднее—Moienne.	82,26	80,32
	Min.	75,36	69,15
	Max.	89,41	93,12
Длинноголовыхъ—Dolichocéph. (‰) . .	—	3,0	1,1
Поддлинноголов.—Sous-dolichocéph. (‰).	11,1	23,9	19,6
Среднеголовыхъ—Mésaticéph. (‰) . . .	19,4	22,5	21,4
Короткоголовыхъ—Sous-brachycéphal. (‰)	36,1	30,9	32,7
Короткоголовыхъ—Brachycéph. (‰) . .	33,4	19,7	24,7

По средней головного указателя поморы являются субрахицефалами, приближающимися къ мезоцефаламъ.

Изъ таблицы мы видимъ, что средняя головного указателя для измѣренныхъ поморъ Онежскаго уѣзда, нѣсколько выше, средней головного указателя Кемскаго уѣзда.

Распредѣливъ нашъ матеріалъ согласно принятой классификаціи, мы видимъ, что наибольшій процентъ приходится на субрахцефаловъ, незначительно превышающій процентъ брахцефаловъ и мезоцефаловъ. Процентъ судолихоцефаловъ и долихоцефаловъ сравнительно небольшой. Изъ этого мы заключаемъ, что по всей вѣроятности наши поморы представляютъ изъ себя довольно смѣшанную группу.

ТАБЛИЦА № 6.

Высота головы — (Hauteur de la tête).

Поморы Архангельской губ.	Число Nombre.	Высота черепа Haut. du crâne. Min.—Max.	Средняя Moynenne.	Высотный ук. Ind. de haut.	Высотнo-широтный ук.
Онежскій у. . .	36	115—141	128,1	68,82	83,66
Кемскій у. . .	71	112—145	130,3	69,15	86,09
Оба вмѣстѣ . .	107	112—145	129,5	68,62	84,87

По высотнo-продольному указателю изслѣдуемыхъ поморъ слѣдуетъ отнести къ низкоголовымъ. Разница въ средней высотнаго указателя у поморъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ очень незначительна. Высотнo-широтный указатель у измѣренныхъ поморъ въ Кемскомъ уѣздѣ нѣсколько выше, чѣмъ въ Онежскомъ уѣздѣ.

ТАБЛИЦА № 7.

Наименьшая ширина лба — (Diam. front minim.).

Поморы Архангельской губерніи.	Число Nombre.	Наименьшій лобный діам. Diam. front minim.		Поперечный діам.—100. Diam. transv.—100.
		Min.—Max.	Средняя Moynenne.	
Онежскій у.	36	97—116	108,8	70,93
Кемскій у.	71	99—115	108,0	71,3
Оба вмѣстѣ	107	97—116	108,3	71,1

Для Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ размѣры наименьшаго лобнаго діаметра почти одинаковы. По лобному указателю ихъ можно отнести къ средне-широколобымъ, приближающимся къ широколобымъ.

Лицевые указатели (Indices du visage).

Переходя теперь къ измѣреніямъ лица, мы получаемъ два указателя: первый—это указатель анатомическаго лица, отношеніе скулового діаметра (умноженнаго на 100), къ высотѣ лобно-подбородной, и второй—указатель всего лица — отношеніе скулового діаметра (умноженнаго на 100) къ общей высотѣ лица.

ТАБЛИЦА № 8.

Поморы Архангельской губерніи.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вмѣстѣ.	
Число—Nombre	36	71	107	
Скуловой діам. Diam. bizygomat. {	Средняя—Moienne.	140,1	139,3	139,9
	Min.—Max.	132—150	114—163	114—163
Высота лобно- подбородочная Haut. orthyom. {	Средняя— Moienne.	136,4	137,6	137,2
	Min.—Max.	119—146	122—153	119—153
Указатель анатомическаго лица—In- dice facial	102,2	102,2	102,2	

Мы видимъ, что указатель анатомическаго лица у изслѣдуемыхъ поморъ какъ для Кемскаго, такъ и для Онежскаго уѣздовъ одинаковъ и мы ихъ должны отнести по средней полученнаго указателя къ среднешироколицымъ, приближающимся къ длиннолицымъ.

ТАБЛИЦА № 9.

Высота лица (Longueur du visage).

Поморы Архангельской губернии.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вмѣстѣ.
Число—Nombre	36	68	104
Общая высота лица } Средняя—Moienne	188,8	187,7	188,1
Long. du visage } Min.—Max. . . .	169—216	170—222	169—222
Малая (до 170) Petite %	2,7	1,4	1,9
Средняя (171—185) Moienne % . . .	36,2	39,8	38,4
Большая (186 и бол.) Grande % . . .	61,1	58,8	59,7
Указатель—(Indice) средній—Moienne	73,94	74,87	74,47
Узколицы (до 70,00) Leptoprosopes %	11,1	8,8	9,6
Среднелицы (70,01—80,00) Mesopr. %	83,3	83,9	83,6
Широколицы (80,01 и бол.) Chamoerpr. %	5,6	7,3	6,8

Если-же мы обратимся теперь къ общей длинѣ лица, то увидимъ, что какъ для поморъ Кемскаго, такъ и Онежскаго уѣздовъ средняя цифра одинакова и общая длина лица довольно значительна. По средней лицевой указателя ихъ можно отнести къ среднелицамъ (мезопротопамъ). Расположивъ нашъ матеріалъ согласно принятому дѣленію, мы видимъ, что наибольшій процентъ составляютъ мезопротопы, процентъ лептопротоповъ и хамэпротоповъ сравнительно невеликъ.

ТАБЛИЦА № 10.

Поморы Архангельской губернии.	Число Nombre.	Нижне-челюстной діам. Diam. bi-goniaque.		Скуловой ук. Inid. gonio-zygomaticque.
		Min.—Max.	Среднее Moienne.	
	36			
Онежскій уѣздъ . . .	71	93—120	106,9	76,4
Кемскій уѣздъ . . .	107	95—123	106,9	76,4
Оба вмѣстѣ		93—123	106,9	76,4

Что касается нижне-челюстного діаметра, то средняя получается одинаковая у нашихъ поморъ обоихъ уѣздовъ и равна 106,9 мм. Скуловой указатель мы получаемъ отно-

шеніемъ ниже-челюстного діаметра (умноженнаго на 100), къ скуловому діаметру и указатель разсматриваемыхъ поморь въ обоихъ уѣздахъ получается одинаковый—равный 76,4.

ТАБЛИЦА № 11.
Носовой указатель—(Indice nasale).

Поморы Архангельской губерніи.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вмѣстѣ.
Число—Nombre	36	71	107
Высота носа { H. naso-sous nasale.	Min.—Max.	42—57	39—59
	Средняя—Moyenne . .	50,1	50,1
Ширина носа { Largeur du nez	Min.—Max.	29—38	28—40
	Средняя—Moyenne . .	34,1	34,4
Носовой указ.—Ind. nasale	68,06	68,66	68,46
Лепторины (до 70,0) Leptorhiniens % .	58,3	55,0	56,0
Мезорины (отъ 70,01 — 85,0) Mésorhi- niens %	41,7	45,0	44,0
Платирины (отъ 85,01 и бол.) Platih- niens %	—	—	—

Если мы обратимся теперь къ размѣрамъ носа, то увидимъ, что средняя высота носа у измѣренныхъ поморь обоихъ уѣздовъ одинаковая и равна 50,1 мм., то же самое можно сказать относительно ширины носа. По средней носового указателя наши поморы являются лепторинами.

Расположивъ матеріаль согласно принятому дѣленію, мы видимъ, что наибольшій процентъ приходится на лепториновъ въ обоихъ уѣздахъ, хотя онъ немногимъ превышаетъ количество мезориновъ. Въ обоихъ уѣздахъ среди изслѣдуемыхъ поморь не обнаружено ни одного субъекта, котораго по носовому указателю можно было-бы отнести къ платиринамъ.

Обозначая малое выступаніе носа цифрой 1, среднее—2 и большое—3, то тогда получаемъ для нашихъ поморь слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА № 12.
Выступаніе носа—(*Saillie du nez*).

Поморы Архангельской губ.	Число Nombre.	1 %	2 %	3 %
Онежскій уѣздъ	36	11,4	62,8	25,8
Кемскій уѣздъ	71	46,5	52,1	1,4
Оба вмѣстѣ	107	43,3	51,8	4,9

Изъ нея мы видимъ, что среди измѣренныхъ поморъ преобладаютъ субъекты съ выступленіемъ 2, т. е. среднимъ.

Обозначая прямой носъ 0, носы въ зависимости отъ степени ихъ вогнутости цифрой — 1, — 2 и — 3, и выгнутые соответственно тѣми-же цифрами съ положительнымъ знакомъ + 1, + 2 и + 3, получимъ для нашихъ поморъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА № 13.
Профиль носа—(*Profil du nez*).

Поморы Архангельской губ.	Число Nombre.	+ 2 %	+ 1 %	0 %	— 1 %	— 2 %
Онежскій у. . .	35	2,8	11,4	34,2	48,8	2,8
Кемскій у. . .	71	1,4	8,4	41,0	47,8	1,4
Оба вмѣстѣ . .	106	1,8	3,8	44,5	48,1	1,8

Изъ этой же таблицы мы видимъ, что среди изслѣдуемыхъ поморъ, наибольшій процентъ имѣетъ слегка вогнутый носъ (обозн. — 1), хотя разница между процентомъ субъектовъ, имѣющихъ прямой носъ и слегка вогнутый, очень незначительна.

ТАБЛИЦА № 14.
Ротъ — (*La bouche*).

Поморы Архангельской губ.	Число Nombre.	В. крайъ губъ H. des rebords des lévres.	Ширина рта Larg. de la bouche.	Губной указ. Ind. buccal.
Онежскій у.	36	14,3	52,7	27,18
Кемскій у.	71	14,6	51,7	28,23
Оба вмѣстѣ	107	14,5	52,0	27,88

Высота крайъ губъ и ширина рта у изслѣдованныхъ поморъ средняя и по средней губного указателя ихъ можно отнести къ среднеширокогубымъ, приближающимся къ толстогубымъ.

Зубной прогнатизмъ (Prognatisme des dentes).

Относительно зубного прогнатизма можно сказать, что въ легкой степени онъ былъ обнаруженъ у 11 субъектовъ Онежскаго уѣзда, что составляетъ 30,5% и у 16 субъектовъ Кемскаго уѣзда; если мы будемъ разсматривать оба уѣзда вмѣстѣ, то среди изслѣдуемыхъ поморъ легкой зубной прогнатизмъ имѣютъ 25,3%.

ТАБЛИЦА № 15.
Глаза — (*Les yeux*).

Поморы Архангельской губ.	Число Nombre	Внутреннй дѣм. угловъ глазъ. Diam. biangu- laire int.	Внѣшнй дѣм. угловъ глазъ. Diam. biangu- laire ext.	Глазное отвер- стie. Long. de l'ouver- ture palpébrale.
Онежскій у.	36	32,6	87,1	27,2
Кемскій у.	71	32,7	88,7	28,0
Оба вмѣстѣ	107	32,6	88,1	27,8

Длину глазного отверстия мы получаемъ вычитаніемъ изъ вѣшняго діаметра уголъ глазъ внутренняго діаметра и дѣленіемъ полученной разности на два. Согласно этому у изслѣдуемыхъ поморъ мы получаемъ глазное отверстие равнымъ 27,8 мм., т. е. среднее.

Уголъ косою разръза глазъ (*Obliquité des yeux*) у измѣренныхъ поморъ Онежскаго уѣзда колеблется отъ 2° до 15° и въ среднемъ составляетъ 6°; у поморъ Кемскаго уѣзда мы имѣемъ колебаніе отъ 2° до 10°, что въ среднемъ составляетъ 4,6°. Если же мы будемъ разсматривать оба уѣзда вмѣстѣ, то средній уголъ косою разръза глаза получаемъ 5°.

Монгольской складки вѣкъ у нашихъ поморъ наблюдать не приходилось.

ТАБЛИЦА № 16.

Ухо—(*L'oreille*).

Поморы Архангельской губерніи.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вмѣстѣ.
Число—Nombre	36	71	107
Большая ось уха Grande axe de l'oreille.	Min.—Max.	53—70	53—70
	Средняя— Moyenne	61,0	60,5
	Высота лица = 100 H. du visage = 100	32,3	32,7
Малая ось уха Petite axe de l'oreille.	Средняя— Moyenne	33,7	33,5
	Высота лица = 100 H. du visage = 100	17,8	17,7
Ушной указатель—L'indice de l'oreille .	55,24	55,2	55,18

Изъ выше приведенной таблицы по среднимъ размѣрамъ уха и его указателя мы заключаемъ, что для изслѣдуемыхъ поморъ характерны средніе размѣры уха.

ТАБЛИЦА № 17.

Оттопыренность уха—(Ecartement de l'oreille).

Поморы Архангельской губернии.	Число. Nombre.	0 %	1 %	2 %	3 %
Онежскій у.	34	—	61,8	38,2	—
Кемскій у.	70	4,4	67,1	25,7	2,8
Оба вмѣстѣ	104	3,0	65,3	29,8	1,9

Что-же касается оттопыренности уха, то изъ таблицы мы видимъ, что среди изслѣдованныхъ поморъ наибольшій процентъ приходится въ обоихъ уѣздахъ на субъектовъ съ незначительной оттопыренностью, которая обозначается черезъ 1.

На этомъ мы заканчиваемъ разсмотрѣнiя размѣровъ головы и лица и переходимъ къ росту и конечностямъ.

Обозначая субъектовъ со слабымъ тѣлосложенiемъ цифрой 1, со среднимъ 2 и съ плотнымъ 3, мы получаемъ для нашихъ поморъ слѣдующую таблицу:

ТАБЛИЦА № 18.

Сложенiе—(Constitution).

Поморы Архангельской губ.	Число Nombre.	1 %	2 %	3 %
Онежскій уѣздъ	36	8,6	72,2	19,2
Кемскій уѣздъ	71	32,3	64,9	2,8
Оба вмѣстѣ	107	24,4	67,2	8,4

Мы видимъ, что среди изслѣдуемыхъ поморъ въ обоихъ уѣздахъ преобладаютъ субъекты съ тѣлосложенiемъ 2, т. е. среднимъ. У измѣренныхъ поморъ Кемскаго уѣзда процентъ со слабымъ тѣлосложенiемъ нѣсколько больше, чѣмъ въ Онежскомъ уѣздѣ. Разматривая оба уѣзда вмѣстѣ, мы видимъ, что

67,2⁰/₀ составляютъ субъекты со среднимъ тѣлосложеніемъ, затѣмъ 24,4⁰/₀ приходится на субъектовъ со слабымъ тѣлосложеніемъ и плотное тѣлосложеніе имѣють 8,4⁰/₀, что составляетъ сравнительно небольшое количество.

ТАБЛИЦА № 19.

Ростъ—(Taille).

Поморы Архангельской губерніи.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вмѣстѣ.	
Число—Nombre	36	71	107	
Абсолютныя числа Chiffres absolus.	Средняя—Moyenne.	1646	1656	1652,9
	Min.	1516	1484	1484
	Max.	1803	1800	1803
Низкій ростъ—petite taille (до 1690 мм) %	27,7	12,6	17,7	
Ниже средняго—audessous de la moyenne (1601—1649) %	22,2	33,8	29,9	
Выше средняго—audessus de la moyenne (1650—1699) %	36,3	28,1	24,5	
Высокій ростъ—grande taille (отъ 1700 и болѣе) %	13,8	24,5	21,6	

Изъ таблицы мы видимъ, что измѣренные поморы Онежскаго уѣзда въ среднемъ имѣють ростъ нижесредній, поморы же Кемскаго уѣзда—вышесредній. У проф. Анучина, въ его работѣ «о географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи», мы находимъ для Архангельской губ., для Онежскаго уѣзда среднюю роста 1644 мм. и для Кемскаго уѣзда—1641 мм.

Распредѣливъ свой матеріалъ согласно принятому дѣленію и разсматривая оба уѣзда вмѣстѣ, мы видимъ, что процентъ субъектовъ имѣющихъ ростъ выше и ниже средняго почти одинаковъ. Процентъ субъектовъ съ низкимъ и высокимъ ростомъ нѣсколько меньше.

ТАБЛИЦА № 20.
Длина бюста—(Longueur du buste).

Поморы Архангельской губернии.	Число Nombre.	Длина бюста Longueur du buste.		Ростъ = 100.
		Min.—Max.	Средняя Moynenne.	Taille = 100.
Онежскій уѣздъ	36	814— 959	871,6	52,9
Кемскій уѣздъ	71	792—1001	873,5	52,7
Оба вмѣстѣ	107	792—1001	872,9	52,8

Изъ таблицы мы видимъ, что длина бюста у измѣренныхъ поморъ въ обоихъ уѣздахъ почти одинакова.

Длину нижнихъ конечностей мы получаемъ вычитая изъ роста стоя длину бюста. Длину верхнихъ конечностей мы получаемъ вычитаніемъ изъ высоты края плечевого отростка лопатки (acromion)—высоты среднего пальца.

ТАБЛИЦА № 21.

Длина верхнихъ и нижнихъ конечностей—(Long. extr. infer. et long. extr. super.)

Поморы Архангельской губернии.	Онежскій уѣздъ.	Кемскій уѣздъ.	Оба вмѣстѣ.
Число—Nombre	36	71	107
Длина нижней конечности (ногъ) Long. extr. infer.	Средняя—Moynenne	774,4	782,2
	Бюстъ = 100—Buste = 100	88,7	89,5
	Ростъ = 100—Taille = 100	47,0	47,3
Длина верхней конечности (рукъ) Long. extr. super.	Средняя—Moynenne	743,9	756,1
	бюстъ = 100—Buste = 100	85,3	86,5

На основаніи таблицы мы видимъ, что нижнія и верхнія конечности у измѣренныхъ поморъ Кемскаго уѣзда нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у поморъ Онежскаго уѣзда.

ТАБЛИЦА № 22.

Скелія — (*Skelie*).

Поморы Архангельской губерніи.	Онежскій у.	Кемскій у.	Оба вмѣстѣ.
Число—Nombre	36	71	107
Hyperbrachyskélie (au dessous 75,0) % .	—	1,6	0,9
Brachyskélie (de 75,0—79,9) %	—	1,6	0,9
Sous-brachyskélie (de 80,0—85,0) % . .	19,4	19,7	19,6
Mésatiskélie (de 85,1—89,9) %	41,6	32,3	35,5
Sous-macroskélie (de 90,0—94,9) % . .	27,7	29,4	28,9
Macroskélie (de 95,0—99,9) %	11,3	11,2	11,2
Hypermacroskélie (100,0 et plus) % . .	—	4,2	3,0

Изъ выше приведенной таблицы мы видимъ, что наибольшій процентъ у разсматриваемыхъ поморъ на основаніи указателя скеліи приходится на долю мезатискеловъ.

Въ заключеніе я приведу размѣры большой берцовой кости (*ossis tibiae*), полученные вычитаніемъ изъ высоты колѣна высоты лодыжки.

ТАБЛИЦА № 23.

Большая берцовая кость (*Os tibia*).

Поморы Архангельской губерніи.	Число Nombre.	Os tibia.	Ростъ = 100. Taille = 100.	Ниж. конеч- ность = 100. Long. extr. infer = 100.
Онежскій уѣздъ	36	372,1	22,6	48,0
Кемскій уѣздъ	71	385,4	23,8	49,1
Оба вмѣстѣ	107	381,0	23,0	48,8

Изъ таблицы мы видимъ, что *os tibia* у поморъ Кемскаго уѣзда нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у поморъ Онежскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, средній типъ помора для Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ Архангельской губ. можно такъ охарактеризовать: большинство средняго тѣлосложенія, съ русыми волосами и смѣшанными глазами. Роста вышесредняго. По отношенію нижнихъ конечностей къ бюсту они мезатискелы. По головному указателю они — короткоголовы. Лобъ средней величины. Лицо довольно длинное и по лицевому указателю они среднешироколицы, приближающіеся къ длиннолицымъ. Выступаніе носа преобладаетъ среднее. Профиль носа слегка вогнутый и по носовому указателю они узконосы (депторины). Ротъ небольшой и по губному указателю ихъ можно отнести къ среднеширокогубымъ, приближающимся къ толстогубымъ. Зубной прогнатизмъ встрѣчается довольно рѣдко и въ незначительной степени. Глазное отверстіе среднее; монгольской складки вѣкъ

Рис. 1.

Поморъ М. Малашуйка, Онежскаго уѣзда, Архангельской губ., 29 лѣтъ, цвѣтъ волосъ русый, глазъ — смѣшанный; ростъ 1704, головн. указ. 83,05.

нѣтъ. Ухо средней величины, оттопыренность незначительная; дарвиновъ бугорокъ не встрѣчается.

Чтобы до нѣкоторой степени выяснить себѣ современный типъ помора, мы обращаемся къ историческимъ даннымъ. Первоначальнымъ населеніемъ поморскаго края были финскія племена. Съ давнихъ временъ началась въ эти мѣста колонизація изъ Новгородскаго края. Новгородъ широко раскинулъ свои колоніи по сѣверу Россіи. Новгородцевъ влекло на сѣверъ, главнымъ образомъ, богатство края, богатые пушные, рыбные и соляные промыслы. Ватага новгородскихъ

ушкуйниковъ, продвигаясь по рѣкамъ, захватывая у финскаго населенія выгодныя для промысла мѣста, строила крѣпосцы и заводила на этихъ мѣстахъ поселенія. За пѣонерами этого движенія, какими были ушкуйники, двигался крестьянинъ земледѣлецъ, занимавшій удобныя для пахоты земли по берегамъ рѣкъ, подъ защитой «городковъ», сооружаемыхъ обыкновенно при слияннн двухъ рѣкъ¹⁾. Такимъ образомъ, выходцы изъ Новгорода прочно обосновались на берегахъ Бѣлаго моря. Современное населеніе Поморья представляетъ потомковъ этихъ новгородскихъ ушкуйниковъ. Еще до сихъ поръ поморы помнятъ преданія о своихъ прародичахъ и любятъ называть себя новгородскими ушкуйниками. Современное поморское населеніе представляется довольно смѣшаннымъ. Идетъ довольно

Рис. 2.

Поморь пос. Сумского, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ., 32 лѣтъ, цвѣтъ волосъ русый, глаза—смѣшанный, ростъ 1611, гол. ук. 77,37.

сильное смѣшеніе съ корелами; приходилось очень часто наталкиваться на субъектовъ, у которыхъ кто нибудь изъ родителей корелякъ. Переселялись сюда выходцы и изъ другихъ губерній. Надо также замѣтить, что эти мѣста долго служили мѣстомъ административной ссылки изъ всей Россіи; все это не могло не отразиться на чистотѣ населенія. Смѣшеніе съ лопарями, по моему, сомнительно, такъ какъ лопари считаются здѣсь низшей народностью. «Несмотря на примѣсь инородческой крови, несмотря на неблагоприятныя географическія и климатическія условія, русскіе поморы выказываютъ еще и теперь многія характерныя черты своихъ прародичей новгородцевъ, въ томъ числѣ и высокій средній ростъ, свидѣтель-

¹⁾ М. М. Богословскій. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII вѣкѣ. Чтенія въ Импер. О-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1910 г., кн. 1. Москва.

Поповъ. Колонизація Заволочья. Бесѣда. 1872 г. № 2.

Рис. 3.

Поморь с. Сорока, Кемского уезда, Архангельской губ., 45 лѣтъ, цвѣтъ волосъ и глазъ свѣтлый, ростъ 1658, гол. ук. 81,22.

Поморь посада Сумского, Кемского уезда, Архангельской губ., 42 лѣтъ, цвѣтъ волосъ русый, глазъ — смѣш., ростъ 1711, гол. ук. 87,10.

Рис. 4.

Поморь посада Сумского, Кемского уезда, Архангельской губ., 59 лѣтъ, цвѣтъ волосъ русый, глазъ — смѣшанный, ростъ 1657, гол. ук. 80,88.

ствуя тѣмъ наглядно о силѣ наследственности въ сохраненіи признаковъ физическаго расового типа»¹⁾).

Къ сожалѣнію, мои данныя слишкомъ малочисленны для обстоятельныхъ выводовъ и я позволю себѣ привести только для сравненія нѣкоторыя данныя другихъ авторовъ относительно ближайшихъ великоруссовъ, корель и лопарей.

Ростъ—Taille.

Поморы Арханг. г. Оба уѣзда вмѣстѣ. 1652

Новгородская губ. ²⁾ (великоруссы)	}	Демьянскій уѣздъ	1665	}	Д. А. Золотаревъ.
		Валдайскій »	1649		
		Старорусскій »	1658		
		Новгородскій »	1681		
		Крестецкій »	1683		
		Побережье Бѣлаго озера	1641		
		» р. Шексны	1655		
Великоруссы верхняго течения р. С. Двины .			1660		
» нижняго » » » »			1677		
Корелы Финляндіи (Колмогоровъ)			1657		
Финны Финляндіи (Sommier)			1671		
Русскіе лопари (Sommier)			1556		

Головной указатель—(Indices céphalique).

Поморы Арханг г. Оба уѣзда вмѣстѣ. 80,85

Новгородская губ. (великоруссы)	}	Демьяновскій уѣздъ.	82,72	}	Д. А. Золотаревъ.
		Валдайскій »	81,69		
		Старорусскій »	80,71		
		Новгородскій »	80,89		
		Крестецкій »	80,93		
		Побережье р. Шексны	81,71		
		» Бѣлаго озера	81,46		

¹⁾ Проф. Анучинъ: «О географическомъ распредѣленіи роста мужского населенія Россіи». Записки Имп. Р. Г. О. СПб. 1889 г., стр. 139.

²⁾ Д. А. Золотаревъ. Антропологическія данныя о великорусахъ южной части Новгородской губ. Еж. Р. Ан. О-ва при Петрогр. Университетѣ, т. V. 1915. Петроградъ. Данныя о головномъ указ. приводятся здѣсь съ исправленіемъ опечатки. Названія уѣздовъ въ табл. № 8 цитир. работы, по замѣчанію автора, поставлены не въ томъ порядкѣ, какъ слѣдовало и какъ онѣ поставлены во всѣхъ другихъ таблицахъ.

Д. А. Золотаревъ. Антропологическія данныя о великорусахъ, населяющихъ побережья Бѣлаго озера и рѣки Шексны въ предѣлахъ Новгородской губ. Изв. Рыбинск. отдѣл. Ярославскаго Естеств.-Истор. О-ва. Вып. I. Ярославль. 1915.

Великоруссы верхняго теченія р. С. Двины	81,70	{ Д. А. Золотаревъ ¹⁾ .
» нижняго » » »	78,91	
Финны Финляндіи	80,92	(Westerbuna)
Корелы Финляндіи	80,90	(Колмогровъ)
Лопари русскіе	80,60	(Шмаковъ)
Новгородскіе черепа	80,65	(Таренецкій)

Изъ вышеприведенныхъ таблицъ мы видимъ, что разсматриваемые нами поморы по средней головнаго указателя, подходят довольно близко къ современнымъ новгородцамъ, что же касается роста, то современные новгородцы, на основаніи среднихъ цифръ, нѣсколько, а мѣстами значительно, выше нашихъ поморъ.

Къ сожалѣнію, война помѣшала мнѣ закончить мои работы и я позволяю себѣ надѣяться, что въ дальнѣйшемъ смогу снова продолжить начатое мною изслѣдованіе поморъ.

¹⁾ Д. А. Золотаревъ. Антрополог. данныя о великоруссахъ побережья р.р. Сухоны и Сѣв. Двины. «Журналъ» Р. Антр. Общ. т. VI, 1916.

Библиографическія замѣтки.

Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. I. Доисторическій человѣкъ Г. Обермайера пер. съ нѣмец. П. Ю. Шмидта, съ предисл. проф. Д. Н. Анучина. II. Расы и народы человѣчества Ф. Биркнера, пер. съ нѣмец. П. Ю. Шмидта. (Библіотека естествознанія отд. биологическ. наукъ подъ ред. проф. Н. А. Мензбира). Изд. Брокгаузъ-Ефронъ (годъ необозначенъ).

Усовершенствованіе цинкографіи, облегчившее, а главное, чрезвычайно удешевившее стоимость иллюстрированныхъ изданій, немедленно обнаружило свое вліяніе и въ научной литературѣ. Первые приложенія новаго способа репродукціи фотографическихъ снимковъ въ печати для потребностей антропологическихъ наукъ были сдѣланы въ большихъ размѣрахъ въ американскихъ Reports Смитсоновскаго Института и въ другихъ американскихъ же изданіяхъ. Затѣмъ въ Европѣ они много облегчили возможность такихъ роскошныхъ изданій какъ Neolitische Station von Butmir Радимскаго и Фіалы, какъ сборники по палеоэтнологіи Босніи и Герцеговины, какъ французская l'Anthropologie и т. п. Въ Англии между прочимъ могло появиться очень дешевое и превосходно исполненное изданіе The living Races of Mankind не вполнѣ удачное въ отношеніи главныхъ народовъ Россіи, но въ общемъ очень добросовѣстно составленное подъ ред. Lydekker'a (Gregory и Hutchinson'a*) и т. д. Совсѣмъ другое направленіе приняли такіа роскошно иллюстрированныя популярныя изданія въ Германіи. Оставаясь вѣрными выработавшемуся въ этой странѣ типу промышленности, извѣстному подъ именемъ Schwindelindustrie, германскіе издатели создали новый видъ научно-популярныхъ книгъ, рассчитанныхъ главнымъ образомъ на то, чтобы «ошарашить» средняго покупателя великолѣпнѣемъ вѣшняго вида, величиной формата, соответственной толщиной томовъ, множественностью бюющихъ въ глаза, эффектныхъ иллюстрацій, забористой научностью содержанія, по возможности громкими именами ученыхъ на оберткѣ и, наконецъ, съ перваго взгляда какъ будто-бы и дешевой, но въ сущ-

* По нѣмецки оно появилось уже подъ другимъ именемъ (Lampert).

ности далеко не дешевой цѣной. Вмѣстѣ съ прочими продуктами новѣйшей нѣмецкой культуры. этого рода литература перешла и къ намъ въ Россію, разумѣется въ видѣ переводовъ, сохраняющихъ обыкновенно всѣ отличительныя черты оригиналовъ, но съ плоховатыми рисунками со сбитыхъ уже клише, на худшей бумагѣ, и обыкновенно въ безграмотнѣйшемъ переводѣ сдѣланномъ руками безбожно эксплуатируемыхъ барышенъ, но покрываемомъ именемъ какого-нибудь дѣйствительно уважаемаго и заслуженнаго, но слишкомъ довѣрчиваго профессора — въ качествѣ редактора. Въ такомъ родѣ прошумѣло напр. нѣсколько лѣтъ тому назадъ большое сочиненіе Weltall, составленное при участіи «извѣстнаго» проф. Клаача и изданное подѣ общей редакціей д-ра Ганса Кремэра, немедленно-же переведенное на русскій языкъ (по счастью безъ имени какого-нибудь редактора). Въ такомъ же родѣ были и другія болѣе мелкія изданія, о которыхъ у насъ нѣтъ ни времени, ни охоты упоминать...

Трехтомная серія «Der Mensch aller Zeiten», которой вышло пока еще 2 тома, хотя и напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ только что охарактеризованный нами типъ, но во многомъ отъ него и отличается. Претенціозной внѣшностью и сомнительнымъ вкусомъ переплета, большимъ форматомъ, дешевой роскошью массы по большей части позаимствованныхъ отовсюду рисунковъ вышедшіе два тома обнаруживаютъ большое сходство съ издѣліями нѣмецкой Schwindelitteratur, но по содержанию они отъ нихъ отклоняются: тогда какъ научность содержанія литературныхъ предпріятій въ родѣ Weltall можетъ считаться достаточно сомнительной, серія Der Mensch aller Zeiten претендуетъ на большее значеніе и составлена болѣе умѣлыми людьми, но, какъ читатель увидитъ далѣе, съ нѣкоторыми весьма опредѣленными и довольно искусно проведенными тенденціями далеко не научнаго свойства.

Представляющая первый томъ этого изданія книга Гуго Обермайера Der Mensch der Vorzeit состоитъ въ русскомъ переводѣ кромѣ предисловія, оглавленія и указателя, изъ 586 стр., изъ которыхъ 110 посвящены геологіи и палеонтологіи, 325 палеолитическому періоду 110 — неолитическому и только 38 — эпохѣ металловъ (21 стр. — бронзѣ и 17 стр. желѣзу). Эта статистика указываетъ на то что главное, можно сказать исключительное, вниманіе автора обращено на палеолитическій періодъ. Это оговорено впрочемъ въ предисловіи автора и объясняется тѣмъ, что «имѣя въ виду знакомить съ результатами науки о человѣкѣ широкіе круги читающей публики», онъ останавливается главнымъ образомъ на вопросахъ имѣющихъ «общій интересъ» (человѣкъ въ третичный и четвертичный періоды, эволюція человѣка, искусство четвертичнаго пер. и т. п.). Такимъ образомъ авторъ, по его собственнымъ словамъ, руководствовался въ этой книгѣ цѣлями больше публицистическими, но тѣмъ не менѣе задача его состоитъ прежде всего въ ознакомленіи публики съ результатами всѣхъ изслѣдованій — что даетъ книгѣ характеръ научно-популярнаго. Популяризація же требуетъ прежде всего полнаго воздержанія отъ предвзятыхъ идей и крайней осторожности и добросовѣстности въ вопросахъ спорныхъ и научнымъ образомъ еще не разъясненныхъ. Къ сожалѣнію мы должны сказать, что эти требованія авто-

ромъ далеко не выполнены и, напротивъ, его книга отличается несомиѣнной тенденціозностью.

Еще при жизни основателя доисторической археологіи Габріеля де Мортилье, какъ хронологическая классификація доисторическихъ эпохъ, построенная на данныхъ геологіи, палеонтологіи и палеоэтнографіи, такъ и нѣкоторыя частности его научныхъ взглядовъ подвергались ожесточеннымъ нападеніямъ главнымъ образомъ со стороны католическаго духовенства и близкихъ къ нему клерикальныхъ круговъ, имѣющихъ немало представителей и въ ученыхъ сферахъ. Прежде всего противники Мортилье дѣлали попытки дискредитировать его классификацію, стараясь доказать или ея несостоятельность, или при невозможности этого достигнуть, — непримѣнимость къ другимъ странамъ, кромѣ Франціи. Изъ такого рода противниковъ болѣе всѣхъ извѣстенъ д'Аси, посвятившій чуть-ли не всю жизнь на опроверженіе ученія Мортилье и кончившій тѣмъ, что собранныя имъ превосходныя коллекціи палеолитическихъ орудій стали теперь однимъ изъ украшеній С. Жерменскаго музея, а классификація Мортилье, доживающая уже свое пятидесятилѣтіе принята всѣми и составляетъ основаніе палеоэтнологіи. Въ виду невозможности поколебать довѣріе къ этой классификаціи въ ея цѣломъ, противники Мортилье начали прилагать старанія къ тому, чтобы исказить ее разными сокращеніями и добавленіями: одни пробовали соединить первыя три эпохи Мортилье въ одну (шеллео-мустьерскую), другіе — прибавлять новыя эпохи — кампиньенскую, а въ послѣднее время азийскую и особенно ориньякскую. Въ разбираемой нами книгѣ Обермайера, вдохновителемъ котораго по его собственному заявленію въ предисловіи, былъ аббатъ Брейль бывшій слушатель Г. де Мортилье въ Парижской Антропологической Школѣ, теперь же профессоръ католическаго университета въ Фрибургѣ, находящагося въ завѣдываніи ордена іезуитовъ, разсмотрѣніе палеолитическаго періода начинается, какъ и у всѣхъ съ шелльской эпохи безъ малѣйшаго упоминанія о классификаціи Мортилье и о томъ почему эта эпоха такъ называется и гдѣ она была установлена. Имя Г. де Мортилье упоминается впрочемъ черезъ три страницы (въ переводѣ въ исковерканномъ видѣ Ж. де Мортилье), но только для того, чтобы опровергнуть мнѣніе его объ универсальности каменныхъ орудій шелльского типа совершенно фантастической теоріей д-ра Капитана усмотрѣвшаго въ варіаціяхъ этихъ орудій цѣлый рядъ специальныхъ инструментовъ. О классификаціи Мортилье Обермайеръ вспоминаетъ (не приводя ее, впрочемъ) только въ концѣ изложенія древне-палеолитической эпохи, въ концѣ же слѣдующей главы воспроизводитъ часть ея въ видоизмѣненномъ однако же видѣ и подъ названіемъ «общепринятая схема» (рус. пер. стр. 163). Вообще имя Г. де Мортилье въ книгѣ Обермайера замалчивается систематически и если упоминается, то только въ полемическихъ замѣчаніяхъ. Послѣ описанія шелльской, сенташельской и мустьерской эпохъ, у Обермайера слѣдуетъ эпоха *ориньякская*, которой въ классификаціи Мортилье нѣтъ, но которая была предложена абб. Брейлемъ. Этотъ аббатъ, довольно много занимавшійся раскопками въ четвертичныхъ отложеніяхъ французскихъ пещеръ и извѣстный открытіемъ многихъ изображеній разныхъ животныхъ на стѣнахъ и сводахъ этихъ пещеръ, вскорѣ послѣ смерти

Г. де Мортилье, начал доказывать существование между мустьерскими и солютрейскими отложениями особаго слоя, отличающагося особенными формами каменных и костяных орудій, который онъ назвалъ ориньякскимъ, употребивши для этого, предложенное было Мортилье для отложений промежуточныхъ между солютрейскими и маденскими. Найдя себѣ помощь въ лицѣ двухъ-трехъ тоже бывшихъ учениковъ Габр. де Мортилье, онъ повелъ до страстности ревностную агитацію въ пользу своей ориньякской эпохи, не смотря на чрезвычайное вѣскія возраженія со стороны Адр. де Мортилье и всей школы его отца и успѣлъ склонить къ своимъ взглядамъ Déchelette'a, специалиста по бронзовому и особенно желѣзному вѣкамъ, нуждавшагося для составленія своего большаго курса въ указаніяхъ по части каменнаго періода, которымъ онъ никогда близко не занимался. Наконецъ, на археологическомъ конгрессѣ въ Монако, на которомъ большая часть наиболѣе выдающихся французскихъ до-историковъ не присутствовала, онъ устроилъ «официальное» принятіе ориньякской эпохи, хотя обыкновенно научныя теоріи не рѣшаются на съездахъ по большинству голосовъ, а принимаются или отвергаются степенью своего успѣха въ научномъ мірѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.¹⁾

Все это касается, впрочемъ, только Г. де Мортилье и его классификаціи, игнорировать которую не рѣшился Déchelette и не рѣшился бы ни одинъ сколько нибудь серьезный, а слѣдовательно и безпристрастный, ученый и можетъ объясняться личными вкусами автора или его directeur de conscience. Перейдемъ теперь къ вопросамъ, имѣющимъ болѣе «общій интересъ», хотя и здѣсь, какъ и вообще во всей доисторической антропологіи трудно не упоминать о Габр. де Мортилье. Въ 1873 г. этотъ ученый высказалъ увѣренность въ необходимости допустить существованіе въ третичныя времена «антропитека» т. е. промежуточной формы между человѣкомъ и ближайшими къ нему зоологическими формами. Черезъ 20 лѣтъ въ 1894 г. голландскій докторъ, потомъ профессоръ, Дюбуа напечаталъ первыя свѣдѣнія о найденныхъ имъ костяхъ животнаго, названнаго имъ *Pithecanthropus erectus*. Относительно этихъ костей (верхней части черепа, бедренной и двухъ зубовъ) ихъ геологической древности, принадлежности одному и тому же экземпляру животнаго и, наконецъ, ихъ характера и значенія, сразу же по прибытіи ихъ

¹⁾ Мы не можемъ, разумѣется, входить здѣсь въ подробныя объясненія по поводу «ориньякской эпохи» (надѣмся сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ) и ограничиваемся только заявленіемъ, что эпоха эта, принятая изъ общихъ сочиненій однимъ только Déchelette'омъ, обнаружившимъ въ своей книгѣ большой недостатокъ критики, не признается ни огромнымъ большинствомъ Парижскаго Антропологическаго Общества, ни парижскимъ же Société Préhistorique de France, ни массою провинціальныхъ французскихъ археологовъ; самъ даже главный редакторъ *l'Anthropologie* М. Voule, обнаружившимъ свои симпатіи къ аббату Брейлю и Со, говорить объ ориньякской эпохѣ очень скептически и не безъ замѣтной ироніи (см. *l'Anthropologie*, т. XVIII, р.р. 164, 649, 650). Все это впрочемъ ничуть не мѣшаетъ Обермайеру говорить объ ориньякской эпохѣ, во всякомъ случаѣ достаточно спорной, какъ о научномъ фактѣ вполне установленномъ и не подлежащемъ никакому сомнѣнію, а затѣмъ прибавить къ этому еще уничтоженіе Турасской и Гарденуазьенской эпохъ Мортилье соединеніемъ ихъ въ *азильскую*, предложенную было, Piette'омъ, отождествлявшимъ ее съ Турасской и довольно нерѣшительно упоминаемую Déchelette'омъ (*Mammif.* I p. 321).

въ Европу были высказаны очень противорѣчивыя мнѣнія, но затѣмъ послѣ тщательнѣйшаго изслѣдованія ихъ самимъ Дюбуа и такими безусловно компетентными учеными какъ Малювгьер, Наму, Gaudry и пр. во Франціи, Marsh въ Америкѣ и Schwalbe въ Германіи, кости эти были признаны принадлежащими одному субъекту, который былъ формой переходной; англійскіе ученые Cunningham и Turner и швейцарскій — Rud. Martin признавали ихъ человѣческими и только нѣмецкіе: Krause, Waldeyer, Virchow, v. Luschan и Nehring — черепъ за обезьяній, а бедро за человѣческое. Нѣсколько позже Дюбуа удалось съ громаднымъ трудомъ очистить внутреннюю часть черепной крышки и получить внутренней слѣпокъ черепа, показавшій, что у Питекантропа была уже въ довольно развитомъ состояніи третья мозговая извилина — центръ рѣчи, — находящаяся только въ очень рудиментарномъ видѣ у антропидныхъ обезьянъ и развитая только у человѣка. Въ результатѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій, въ нихъ установилось почти единогласное мнѣніе о питекантропѣ, какъ о поздне-плеоценовой, переходной формѣ къ человѣку. Но когда затѣмъ посѣтившій Яву нѣмецкій геологъ Volz выразилъ сомнѣніе въ третичномъ возрастѣ Тринильскихъ костей и приписалъ ихъ раннему плейстоцену, отъ этого было уже достаточно, чтобы въ нѣмецкой литературѣ опять начались новыя опроверженія мнѣнія Дюбуа, не смотря на высказанныя въ то же время въ защиту его доводы кембриджскаго профессора W. Duckworth'a, отзывы стокгольмскаго проф. В. Лехе, проф. Berry и Cross'a и пр. Какъ же отнесся къ этому вопросу Обермайеръ? Онъ въ своей книгѣ «для широкой публики» прежде всего заявляетъ, что «ничто не заставляетъ насъ признавать связь между черепной крышкой и бедренной костью» тринильской находки, затѣмъ совершенно догматически объявляетъ, что принадлежность черепной крышки обезьянѣ — вполне безспорна, потомъ, опираясь на «компетентное» мнѣніе нѣмецкаго доктора Бумколлера, утверждаетъ что бедренная кость «болѣе всего похожа на бедро гиббона и что поэтому названіе *erectus* дано питекантропу несправедливо, о существованіи на бедренной кости *linea aspera* совсѣмъ умалчиваетъ и наконецъ, приходитъ къ побѣдоносному выводу, что ставить эту яванскую обезьяну въ ряды предковъ человѣка «какъ это было еще до извѣстной степени возможно, пока она вмѣстѣ съ Дюбуа признавалась почти всѣми третичною, «послѣ обнаруженія ея четвертичнаго характера — совершенно немислимо, тѣмъ болѣе, что фактъ находженія «однимъ заслуживающимъ полного довѣрія голландцемъ» (рабочимъ, которому платили за находки) настоящаго человѣческаго зуба доказываетъ современность этой обезьяны изъ Триниля съ человѣкомъ, она является не предкомъ человѣка, а его современникомъ, хотя «доказать его полную одновременность съ находками Триниля невозможно» (рус. пер. стр. 433).

Среди многочисленныхъ нападеній на Г. де Мортилье со стороны представителей клерикальной науки особеннымъ ожесточеніемъ отличался возраженія противъ его мнѣнія объ отсутствіи въ теченіе всего палеолитическаго періода какихъ бы то ни было слѣдовъ погребенія мертвыхъ. Доказывать, что нѣтъ и никогда не было на свѣтѣ людей лишенныхъ всякихъ религіозныхъ представленій и культа, всегда было любимой темой западной теологіи, особенно когда ей приходилось сдавать свои

позиціи въ вопросахъ о древности человѣка, его эволюціи и т. п. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что и въ книгѣ Обермайера этимъ вопросамъ отведено очень видное мѣсто. Во избѣжаніе, впрочемъ, неудобства считаться съ слишкомъ авторитетнымъ именемъ Г. де Мортилье, имя это, какъ и вездѣ въ разбираемой нами книгѣ, благоразумно умалчивается и замѣняется фразами въ родѣ такихъ: «нѣкоторые изслѣдователи оспаривали четвертичный возрастъ этихъ (ментонскихъ) остатковъ человѣка, частью подъ влияніемъ предрасудка будто человѣкъ ледниковаго періода принципиально «еще не хоронилъ своихъ покойниковъ»... (рус. пер. стр. 211) или въ другомъ мѣстѣ: «еще весьма недавно принципиально отрицались и въ новѣйшемъ палеолитическомъ періодѣ могильники (sic!) и преднамѣренное погребеніе, относительно же могильниковъ мустьерской эпохи, археологи не хотѣли ничего и слышать» (рус. пер. стр. 486). Въ дѣйствительности же всѣ эти «принципиальныя отрицанія», и «нежеланіе слушать» и пр. сводится къ очень спокойному указанію Г. де Мортилье объ отсутствіи какихъ-бы то ни было фактовъ, говорящихъ въ пользу существованія погребенія въ палеолитическую эпоху, подкрѣпленному ссылкой на полное отсутствіе кладбищъ этого времени.¹⁾ Этого отсутствія не можетъ въ концѣ концовъ отрицать и самъ Обермайеръ, но объясняетъ его помѣщеніемъ труповъ на поверхности почвы и т. п., прибавляя впрочемъ что, «возможно что, несмотря на это, существовалъ опредѣленный ритуаль и съ такимъ погребеніемъ были связаны различныя представленія о загробной жизни» (рус. пер. стр. 486)... И затѣмъ Обермайеръ «ничто же сумняшеса» описываетъ всѣ рѣшительно извѣстныя до сихъ поръ находки костей палеолитическаго человѣка какъ погребенія, начиная съ находки Гаузера (Мустье), аббатовъ Буиссона (въ рус. пер. почему то вездѣ Буиссонье) и Бардона (Chapelle aux Saints) и Пейрони (въ La Ferrassie) вплоть до ментонскихъ пещеръ, давнымъ давно признанныхъ неолитическими и только въ послѣднее время опять причисляемыхъ Вернеау и тѣмъ же аббатомъ Брейлемъ къ «ориньякской» эпохѣ. При описаніи «могилы» скелета найденнаго торговцемъ древностями Гаузеромъ въ Le Moustier, Обермайеръ говоритъ, что черепъ его «покоился на подставкѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ кусковъ кремня», что разбитыя кости животныхъ, находившіяся возлѣ скелета «могутъ быть истолкованы какъ запасъ пищи, положенный ему въ могилу» и т. д. и ничего не упоминаетъ о томъ, что «съ цѣлью сохраненія для изслѣдованія» черепъ этотъ небылъ приобретенъ парижскимъ Museum'омъ какъ сомнительный и извлеченный при самыхъ ненаучныхъ условіяхъ. Что касается «могильниковъ» въ Chapelle aux Saints и въ La Ferrassie, то мы ограничимся только тѣмъ, что приведемъ слова проф. М. Були, котораго разумѣется никто не рѣшится упрекнуть ни въ особенныхъ симпатіяхъ къ личности Г. де Мортилье, ни въ особенной строгости къ мнѣніямъ абб. Брейля и аббатовъ же Буиссона и Бардона: «Этотъ скелетъ (La Ferrassie) весьма ощутительно (très sensiblement) современный скелету въ La Chapelle aux Saints несомнѣнно не былъ погребенъ. Отсутствіе всякой ямы въ Ла-Ферасси можетъ внушать сомнѣнія относительно

¹⁾ G. и A. de Mortillet Le Préhistorique (ed. 1900) p.p. 292—294.

умышленного характера ямы въ Chapelle aux Saints. Увидавши ее только через продолжительное время послѣ ея открытія, я не могу ничего утверждать научно и могу только сослаться на авторовъ раскопки». ¹⁾ Понятно, въ виду этого и Обермайеръ имѣлъ осторожность назвать яму въ Chapelle aux Saints «естественнымъ углубленіемъ» оказавшимся, впрочемъ, «настоящей могилой». Такимъ же точно образомъ Обермайеръ доказываетъ «погребеніе» скелетовъ въ Cro-Magnon, les Euzies и т. д. Въ Laugerie Basse, по словамъ Обермайера «кости были всё цѣлы и лишь позвоночникъ былъ посреднѣй раздробленъ огромнымъ камнемъ, что заставило Мортилле ошибочно предположить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой остатки человѣка, убитаго во снѣ обрушившимся сводомъ пещеры. На самомъ дѣлѣ это несомнѣнные останки погребеннаго покойника»!..

Вопросъ о погребеніи въ палеолитическія времена составляетъ въ книгѣ Обермайера только часть X-ой главы, посвященной «психической жизни человѣка палеолитическаго періода». Всякому знакомому съ размѣрами нашихъ познаній объ этомъ періодѣ будетъ совершенно понятна та смѣлость, съ которой авторъ берется за поставленную имъ задачу. Начавши съ общаго положенія, что «основнымъ и главнымъ центромъ психической жизни человѣчества является религія», онъ говоритъ далѣе, что «въ религіи, т. е. въ отношеніяхъ человѣчества къ божеству, мы видимъ существенное отличительное свойство, отдѣляющее человѣка отъ животныхъ» и далѣе, что «человѣкъ отнюдь не является существомъ, дѣятельность котораго регулируется лишь физико-механическими законами, — его природа дополняется и управляется чѣмъ-то высшимъ — именно духомъ». Справедливо предполагая затѣмъ, что «читатели сочтутъ слишкомъ отважной попытку опредѣленія психическихъ свойствъ древнихъ неандертальцевъ», авторъ выходитъ изъ затрудненія, обратившись къ помощи сравненія и, сославшись на африканскихъ пигмеевъ, представляющихъ собой самыя первыя(?) ступени въ области матеріальной культуры, находить у нихъ и развитую моногамію и бракъ, подходящий «къ идеалу неразрывной связи», и нравственную упорядоченность и, наконецъ, «вполнѣ выработанную религію», представляющую собой «настоящій этическій монотеизмъ»... (рус. пер. стр. 483 и 484). Выводъ ясенъ!

Приведенныхъ нами фактовъ и отзывовъ вѣроятно вполнѣ достаточно для того, чтобы всякій непредубѣжденный читатель отнесся съ большою осторожностью къ книгѣ Обермайера, въ которой предвзятыя и во всякомъ случаѣ слишкомъ далеко выходящія изъ предѣловъ точной науки идеи занимаютъ такое господствующее положеніе.

Въ чисто-научномъ отношеніи книга Обермайера представляетъ собой произведеніе, въ которомъ авторъ, по необходимости очень широко воспользовавшись фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ G. et A. de Mortillet, щедрой рукой добавилъ къ нему все, что могъ найти глав. обр. у аб. Брейля, Капитана и Пейрони и обработалъ все это далеко не систематически, съ сохраненіемъ всѣхъ ихъ вольныхъ и невольныхъ ошибокъ, въ родѣ безко-

¹⁾ M. Boule. L'Homme fossile de la Chapelle aux Saints. P. 1913, p. 14 (Extr. des *Annales de Paléontologie* 1911—1913).

нечной детализации типовъ каменныхъ орудій и еще большаго и совершенно не обоснованнаго усложненія геологическо-культурныхъ подраздѣленій и т. п., и руководясь только главной своей цѣлью, не имѣющей ничего общаго съ наукой. Было-ли необходимо и, въ крайнемъ случаѣ, хоть полезно переводить эту книгу для русской публики—мы позволяемъ себѣ очень сомнѣваться. Гораздо полезнѣе было-бы издать хорошій переводъ классической книги де-Мортилье съ необходимыми дополненіями, приложивши къ нему *le Musée préhistorique*; можно было-бы перевести хоть и написанную безъ всякой критики, особенно въ отдѣлѣ каменнаго вѣка, но все-таки добросовѣстную и обстоятельную компиляцію *Déchelette's*... Наконецъ, съ новѣйшими открытіями и находками могло-бы съ успѣхомъ познакомить русскую публику отдѣльное изданіе обстоятельныхъ и достаточно хорошо иллюстрированныхъ статей проф. Д. Н. Анучина о первобытныхъ людяхъ.

Но разъ переводъ сдѣланъ и напечатанъ, приходится говорить и о немъ, разумѣется уже независимо отъ качествъ переведенной книги. Изъ трехъ извѣстныхъ условій, необходимыхъ для каждаго добросовѣстнаго перевода, въ разбираемой нами книгѣ не выполнено ни одно. Принимая во вниманіе общественное положеніе переводчика, можно было-бы надѣяться, что ему достаточно извѣстенъ и тотъ языкъ съ котораго онъ переводилъ и тотъ, на который онъ переводилъ, а также хоть въ элементарной степени и сюжетъ перевода. Ничего подобнаго мы не видимъ. Въмѣсто слова «могила» (*Grab, Grabanlage*) почти вездѣ употреблено слово «могильникъ», точно переводчикъ и не подозреваетъ разницы въ значеніи этихъ двухъ словъ. Слово *Mousterienhandspitze* — переведено «ручное сверло» а слово *Bohrer*—«заостренный скребокъ», тогда какъ дѣло идетъ объ обыкновенномъ *perçoir*, т. е., о проколкѣ или шилѣ, слово *Klinge* переведено—ножъ и т. д. и т. д. Переводчикъ, преподаватель зоологій въ университетѣ, кажется долженъ-бы былъ хоть го имени знать *Kohlbrugge* и не переводить его Кольбрюжемъ, не говоря уже о такихъ прелестяхъ какъ Ж. де Мортяле, Э. Коллинъ (*E. Collin*) Буль (вм. Буль), Ла Квина (*la Quina*), Машика и Машица, Вольдричъ (вм. Вольдржихъ), Рипакъ и Рипачъ, Ведды вм. веды и т. д. и т. д... Но есть вещи и еще болѣе удивительныя: На стр 196 перевода мы находимъ такую фразу: «въ 1893 г. археологи де Бай (въ другомъ мѣстѣ де Бэ) и Волковъ нашли превосходную серію ручныхъ топоровъ... близъ Афонтова, на западъ отъ Красноярска». Будучи немало удивлены такимъ неожиданнымъ «фактомъ» мы имѣли нескромности справиться съ оригиналомъ и тамъ, въ соответственномъ мѣстѣ не оказалось ничего подобнаго: на стр. 174 этого оригинала говорится объ открытіи г. Савенкова, которое было «*von J. de Baye und Th. Volkov zur Kenntniss gebracht*»¹⁾. Очень жалѣемъ, что, благодаря такой разсѣянности переводчика, уважаемому Д. Н. Анучину пришлось опровергать это «недоразумѣніе», въ которомъ авторъ ничуть не повиненъ, и возстановлять истину въ своемъ предисловіи...

¹⁾ Дѣло идетъ о статьѣ Б. де Бая и о замѣткѣ Э. К. Волкова въ *l'Anthropologie*, изъ которыхъ Обермайеръ, вѣроятно, и узналъ объ открытіи Савенкова.

О книгѣ Биркнера, послѣ предисловія сдѣланнаго редактору наданія М. А. Менабриомъ — намъ сказать нечего, кромѣ развѣ того, что «богатый запасъ фактическаго матеріала» (не особенно впрочемъ превосходящій то, что читатель можетъ найти въ прекрасныхъ сочиненіяхъ Видергейма и В. Лехе, изданныхъ подъ этой же редакціей), заключающійся въ этой книгѣ, написанной съ явной цѣлью дискредитировать или по крайней мѣрѣ запутать въ сознаніи читателей идею эволюціи, по нашему мнѣнію врядъ-ли оправдываетъ особенную пользу ея перевода. Не говоря уже о крайней тенденціозности книги и о ея своеобразномъ вѣздекомъ патриотизмѣ (имена французскихъ ученыхъ, за исключеніемъ «Хами», Лалуэжа, Верно и Деникера, почти не упоминаются, имени напр. Манувриэ намъ и вовсе не удалось найти) анатомическая антропология въ ней занимаетъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ напр. въ специальномъ учебникѣ анатоміи Poigier и даже въ старинной книгѣ Равке «*der Mensch*», обобранной авторомъ достаточно добросовѣстно; глава о древнѣйшихъ остаткахъ человѣка представляетъ повтореніе того, что сказано о немъ у Обермайера, доисторическимъ и современнымъ расамъ Европы посвящено всего съ полсотни страницъ, изъ которыхъ добрая половина позаимствована у Деникера, но зато очень подробно описаны туземцы германскихъ колоній, что имѣетъ замѣнить (вѣроятно и для русскихъ читателей) все то, что должно быть сказано о вѣвроепйскомъ человѣкѣ. Въ общемъ книга Биркнера производитъ впечатлѣніе кое-какъ написаннаго текста къ нахватаннымъ отовсюду картинкамъ и мы позволяемъ себѣ думать, что болѣе внимательный просмотръ редакціей оригинала, передъ его переводомъ, могъ бы избавить и редакцію и русскую публику отъ этого по меньшей мѣрѣ бесполезнаго изданія.

Θ. В.

А. - М. Tallgren. — *Collection Zaoussaïlov au Musée Historique de Finlande à Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Edite par la Commission des collections Antell. 1916 г. Prix. 20 fr.* Въ этой работѣ, посвященной памяти Аспелина, А.-М. Тальгрень даетъ систематическое описаніе предметовъ бронзоваго вѣка изъ обширной коллекціи, составленной казанскимъ купцомъ В. И. Заусайловымъ и находящейся теперь въ Историческомъ музеѣ Гельсингфорса. Какъ видно изъ предисловія къ работѣ, знаменитая коллекція была приобретена по инициативѣ самаго автора въ 1909 году, во время ликвидаціи имущества Заусайлова. Коллекція состоитъ изъ 10.935 номеровъ и въ части своей, заключающей предметы каменнаго и бронзоваго вѣка изъ сѣверо-восточной Россіи, по величинѣ не имѣетъ себѣ равной.

Систематическому описанію предметовъ бронзоваго вѣка авторъ предпосылаетъ цѣлую главу, гдѣ даетъ общій обзоръ бронзоваго вѣка въ сѣверо-восточной Россіи на основаніи послѣднихъ данныхъ.

Здѣсь онъ, прежде всего, останавливается на теоріяхъ Кастрена и Аспелина, господствовавшихъ долгое время въ наукѣ Лигвистическая теорія Кастрена считала колыбелью народовъ финской группы Алтайскую область. Согласно съ Кастреномъ, Аспелинъ на основаніи немногочисленнаго въ то время археологическаго матеріала датируемаго, главнымъ образомъ, концомъ бронзоваго вѣка, не видѣлъ различій между уральской культурой и культурой бронзоваго вѣка изъ минусинскихъ

степеней. Долгое время археологи считали обѣ культуры принадлежащими финно-угорскимъ народамъ.

Но со времени Аспелина археологическій матеріалъ изъ сѣверо-восточной Россіи чрезвычайно увеличился. Въ 1911 г. авторъ доказалъ, что бронзовыя культуры Урала и Алтая рѣзко отличаются между собой не только характеромъ и видомъ могильныхъ сооружений, но и типомъ утвари. (Наблюдавшееся прежде нѣкоторое сходство относилось къ предметамъ конца бронзоваго вѣка и можетъ теперь быть объяснено также и скинскимъ вліяніемъ на обѣ культуры). На основаніи имѣющагося въ настоящее время обширнаго матеріала установлено существованіе въ сѣверо-восточной Россіи въ теченіе долгаго времени самостоятельной неолитической культуры, а также культуры ранняго и средняго бронзоваго вѣка. Такимъ образомъ, явилась возможность найти въ мѣстномъ неолитѣ и ранней бронзѣ прототипы предметовъ поздняго бронзоваго вѣка и тѣмъ самымъ доказать, что культура бронзоваго вѣка сѣверо-восточной Россіи постепенно эволюціонировала изъ культуры мѣстнаго неолита. Авторъ, впрочемъ, допускаетъ наличность иноземнаго вліянія на эволюцію культуры рассматриваемой области. Въ сѣверо-восточной Россіи до сихъ поръ неизвѣстно погребеній, которые можно было-бы датировать мѣднымъ вѣкомъ или среднимъ вѣкомъ бронзы, но такія погребенія извѣстны въ центральной Россіи. Они сопровождаются предметами т. н. фатьяновской культуры. Послѣдняя находилась въ контактѣ съ мѣдной культурой восточной Россіи и во многомъ ее объясняетъ.

Бронзовый вѣкъ въ восточной Россіи авторъ дѣлитъ на три періода.

Первый періодъ онъ относитъ къ 2500—1500 г.г. до Р. Х. и находитъ въ его культурѣ слѣды вліянія изъ южныхъ степенъ Россіи и съ Кавказа.

Второй періодъ авторъ находитъ возможнымъ отнести къ 1500—1000 г.г. до Р. Х. На культуру второго періода продолжалось южное вліяніе, но нѣкоторые предметы обнаруживаютъ сходство съ сибирскими, и, что всего замѣчательнѣе, съ типичными скандинавскими (узкіе полые топоры съ ушкомъ ниже края), что по мнѣнію автора, ясно указываетъ на скандинавское вліяніе.

Третій періодъ авторъ датируетъ временемъ до 400 г. до Р. Х. Культура этого періода, называемая ананьинской, наиболѣе богата количествомъ находокъ. Скандинавское вліяніе къ концу бронзоваго вѣка ослабѣваетъ, но южное усиливается. Къ третьему періоду авторъ относитъ могильники въ Ананьино, Волосовѣ, Пьяномъ Бору и др., кромѣ того многочисленныя костеносныя городища.

Въ заключеніи общаго обзора бронзоваго вѣка въ восточной Россіи докторъ Тальгрень еще разъ подчеркиваетъ, что большая часть утвари—мѣстной фабрикаціи. При этомъ онъ ссылается, правда, на немногочисленныя еще находки формъ для литья, встрѣчающіяся, главнымъ образомъ, на Уралѣ въ районѣ Екатеринбургѣ.

Опредѣлить народности, которымъ принадлежали всѣ эти вещи, авторъ не считаетъ пока еще возможнымъ.

Во второй главѣ докторъ Тальгрень даетъ описаніе предметовъ бронзоваго вѣка, принадлежащихъ къ коллекціи Заусайлова, разбивъ ихъ по фор-

мамъ на 13 группъ. Въ началѣ описанія каждой группы онъ приводитъ указанія на распространеніе данной формы въ рассматриваемой области, а также и въ остальной Россіи, въ Европѣ и Азіи, при чемъ иногда разбираетъ условія мѣстонахожденія (не ограничиваясь, конечно, собраніемъ Заусайлова); затѣмъ авторъ пытается, насколько возможно, опредѣлить центръ возникновенія данной формы и отразившееся на ней иноземное вліяніе, гдѣ оно существуетъ; устанавливаетъ относительную хронологію и разбираетъ форму на типы. По типамъ авторъ и систематизируетъ коллекцію Заусайлова.

Работа прекрасно иллюстрирована многочисленными фотографіями (въ текстѣ и на 15 таблицахъ) и 10 картами распространенія различныхъ типовъ и культуръ.

Границы настоящей замѣтки, къ сожалѣнію, не позволяютъ болѣе подробно остановиться на этой образцовой, интереснѣйшей работѣ, носящей такой скромный подзаголовокъ «Catalogue raisonné...» Если и приходится жалѣть о томъ, что такая цѣнная коллекція ушла изъ научныхъ центровъ Волжско-Камскаго края, то можно порадоваться, что она попала въ хорошія руки и такъ прекрасно изучена и издана.

С. Теплоуховъ.

Къ возобновленію „Русскаго Антропологическаго Журнала“. Только что вышла изъ печати двойная книжка (XXXVII—XXXVIII, 1916 г.) возобновившагося послѣ двухлѣтняго перерыва «Русскаго Антропологическаго Журнала», издававшагося Антропологическимъ Отдѣломъ Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Возобновленіе журнала подъ новой редакціей А. Д. Элькинда совпало съ пятидесятилѣтіемъ дѣятельности Антропологическаго Отдѣла, что придаетъ только что вышедшей книжкѣ особое значеніе, и мы привѣтствуемъ Антропологическій Отдѣлъ, ознаменовавшій свой юбилей возобновленіемъ изданія Р. Антропологическаго Журнала.

Возникшій шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ связи съ юбилеемъ Д. Н. Анучина, «Русскій Антропологическій Журналъ», по мысли инициаторовъ, долженъ былъ являться предпріятіемъ, которое преслѣдовало бы научныя цѣли, намѣченныя цѣлымъ рядомъ работъ и изслѣдованій юбилея, «которое такъ же, какъ и онъ, объединяло бы и сплачивало вокругъ себя въ дружной работѣ научныя силы и такъ же, по возможности, содѣйствовало дальнѣйшему расширенію антропологическаго изученія Россіи и развитію въ ней антропологическихъ знаній». Такъ смотрѣлъ на задачи новаго журнала Антропологическій Отдѣлъ, который, сознавая всю трудность и отвѣтственность начинанія, опирался на сочувствіе «со всѣхъ сторонъ». Дѣйствительно, «Русскій Антропологическій Журналъ», съ 1900 г., являясь единственнымъ въ Россіи антропологическимъ періодическимъ органомъ, привлекъ къ себѣ общее вниманіе и сталъ не только изданіемъ Антропологическаго Отдѣла, но общерусскимъ антропологическимъ журналомъ. Здѣсь, помимо Д. Н. Анучина, В. В. Воробьева, А. А. Иванова, П. А. Минакова, главныхъ работниковъ журнала и другихъ московскихъ антропологовъ, печатались І. Е. Деникеръ, Н. Л. Зеландъ, Д. А. Корочевскій, А. Н. Красновъ, И. И. Майновъ, Н. М. Маліевъ, Д. П. Никольскій, Л. Г. Нидерле, Ю. Д. Талько-Грын-

цевичъ и друг. Такимъ образомъ, журналу удалось объединить лицъ, работавшихъ въ области антропологии въ разныхъ концахъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дать за время своего существованія очень значительный матеріалъ по антропологии Россіи. Печатая научныя статьи и рефераты новыхъ русскихъ и иностранныхъ работъ, «Русскій Антропологическій Журналъ» былъ очень полезенъ также тѣмъ, что постоянно давалъ свѣдѣнія о дѣятельности обществъ, ведущихъ антропологическую работу, причѣмъ неизмѣнно оставался лишь безпристрастнымъ «лѣтописцемъ».

По первому впечатлѣнію отъ 37—38 книги, передъ нами всѣмъ знакомый старый «Русскій Антропологическій Журналъ». Та же внѣшность, тотъ же планъ расположенія матеріала, разнообразіе и содержательность статей. Однако, при болѣе внимательномъ знакомствѣ, въ только что вышедшей книжкѣ мы находимъ и нѣчто новое, на что считаемъ необходимымъ обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что и сама редакція подчеркиваетъ свой «новый видъ».

Основные задачи журнала, поскольку онѣ выражены въ статьѣ отъ редакціи, остались безъ измѣненія, но въ указаніи путей и средствъ осуществленія ихъ въ первыхъ же шагахъ возобновленія изданія замѣтно нѣсколько другое направленіе. Намѣчая очень подробно пути своихъ дѣйствій новая редакція въ отличіе отъ старой (1900 г.)¹⁾ прежде всего подчеркиваетъ, повторяя это нѣсколько разъ на двухъ страницахъ, что «Русскій Антропологическій Журналъ» будетъ «органомъ Антропологическаго Отдѣла», будетъ служить «интересамъ Антропологическаго Отдѣла» и т. д. Помимо служенія Антропологическому отдѣлу возобновленный журналъ, по мысли редакціи, еще болѣе долженъ служить наукѣ, обязанъ слѣдить за ея жизнью, знакомить съ нею своихъ читателей, давать оцѣнку ея явленій, «быть однимъ словомъ лѣтописью успѣховъ антропологии не только въ Отдѣлѣ и вообще въ Россіи, но и въ прочихъ культурныхъ странахъ». Наконецъ, по словамъ редакціи, журналъ» долженъ стремиться къ тому, чтобы давать на своихъ страницахъ отвѣтъ не только на запросы специалистовъ-антропологовъ, пока еще малочисленныхъ, но и удовлетворять потребностямъ все растущихъ кадровъ любознательныхъ читателей».

Въ связи съ болѣе широкимъ пониманіемъ задачъ возобновленнаго журнала, рамки его значительно расширились и нельзя не привѣтствовать появленіе въ немъ ряда статей по вопросамъ, которымъ раньше не отводилось мѣста на страницахъ «Р. Антропологическаго Журнала».

Болѣе же всего отличаетъ вышедшую книжку отъ стараго «Русскаго Антропологическаго Журнала» ея отдѣлъ критики и библіографіи. Помимо другихъ рецензій, въ новой книжкѣ «Р. Антропологическаго Журнала» помѣщенъ отзывъ г. Чепурковскаго о IV и V томахъ «Ежегодника» Антропологическаго Общества при И. Петроградскомъ Университетѣ. Общій тонъ и характеръ статьи г. Чепурковскаго заставляетъ насъ отказаться отъ какой бы то ни было полемики съ авторомъ отзыва о нашемъ изданіи. Но мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе уважаемой редакціи «Русскаго Антропологическаго

¹⁾ См. статью «Отъ Антропологическаго Отдѣла». Р. А. Ж. 1900 кн. 1.

Журнала», принявшей на себя ответственность за помѣщеніе статьи г. Чепурковскаго, на нѣкоторыя мѣста отзыва, которыя, какъ мы полагаемъ, могли появиться въ печати только по недосмотру редакціи.

Говоря о рѣчи Θ . К. Волкова—Новѣйшія направленія въ антропологическихъ наукахъ и ближайшія задачи антропологии въ Россіи,—напечатанной въ IV т. (1913 г.), г. Чепурковскій пишетъ: «она очень коротка (8 стр.) и въ ней говорится въ сущности только о физической антропологии, доисторической археологии и этнографіи, какъ онѣ поставлены во Франціи, за предѣлами которой авторъ находитъ очень мало достойнаго вниманія, а въ Россіи не видитъ ничего, или только неудачныя попытки (за исключеніемъ лишь работъ своего небольшого кружка)». Если бы редакціи угодно было взглянуть на рѣчь г. Волкова, то она могла бы убѣдиться, что въ ней дѣло идетъ не о «постановкѣ» (?) антропологическихъ наукъ, а о новѣйшихъ направленіяхъ ихъ развитія и не въ одной только Франціи, а во всей Зап. Европѣ и С. Америкѣ (названы имена—S. Müller'a, von Luschan'a, Giglioli, Otis Mason'a, W. Naugh'a, Voas'a и др.). О Россіи не сказано дѣйствительно ничего, такъ какъ въ ея литературѣ, какъ московской, такъ и петроградской, въ то время и не было ничего, что опредѣляло бы какое нибудь *новое* направленіе въ развитіи антропологическихъ знаний. Нѣтъ въ ней также упоминанія о работахъ какаго-то «своего кружка»¹⁾. Подобнаго же рода и другое замѣчаніе г. Чепурковскаго, относящееся къ Θ . К. Волкову и касающееся мезинской стоянки. Онъ «взялся» (!) описать костяные предметы изъ мезинскихъ раскопокъ, «но пока еще этого не сдѣлалъ», тогда какъ Θ . К. Волковъ далъ не только описаніе, но и изображенія этихъ предметовъ еще въ 1912 г., т. е. уже четыре года тому назадъ,²⁾ *подробнаго* же описанія сдѣлать нельзя еще и теперь, такъ какъ раскопки еще не окончены.

Разбирая замѣтку С. И. Руденко — Размѣры бедра и таза въ пропорціяхъ человѣческаго тѣла,—рецензентъ приписываетъ автору утвержденіе, будто бы Манувриэ первый установилъ, что у высокорослыхъ длина нижнихъ конечностей больше относительно бюста, чѣмъ у низкорослыхъ. Между тѣмъ, ни на стр. 90 разбираемой замѣтки, на которую ссылается рецензентъ, ни на послѣдующихъ подобнаго утвержденія нѣтъ. Кромѣ того г. Руденко нигдѣ въ своей статьѣ не полагаетъ, что главныя измѣненія (нижнихъ конечностей) выпадаютъ на нижнюю часть таза и тѣмъ болѣе не считаетъ разстояніе отъ трохантера до сѣдалищной плоскости за часть таза. Наконецъ, врядъ ли умѣстна ссылка г. Чепурковскаго на извѣстную работу Papillault, сдѣланную на трупахъ, особенно въ томъ видѣ,

¹⁾ Чтобы покончить съ легендой объ игнорированіи Θ . К. Волковымъ всѣхъ русскихъ антропологовъ, мы бы очень просили уважаемую редакцію «Р. Антропологическаго Журнала» потрудиться просмотрѣть его Rapport sur les sciences anthropologiques en Russie—въ Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris, 1909, p. 396—400. Въ этомъ обзорѣ, а также въ отчетахъ Θ . К. Волкова объ археологическихъ съѣздахъ и въ библиографіи въ *L'Anthropologie* почти за 10 лѣтъ, можно освѣдомиться, насколько онъ «не видитъ ничего въ Россіи».

²⁾ См. Compte-Rendu du XIV Section du Congrès International d'Anthropologie et d'Archéologie préhistoriques. Genève. 1912, p. 415—428.

какъ ею пользуется рецензентъ: «изъ французской литературы извѣстно, что съ удлинениемъ нижней конечности растетъ больше всего верхняя часть таза между крестцомъ и трохантеромъ. См. Papillaut, L'homme moyen à Paris, стр. 457». Если мы обратимся къ цитируемому источнику, то тамъ, на стр. 457, найдемъ слѣдующія фразы: «la hauteur du sacrum au trochanter qui est celle de toutes les dimensions qui varie le plus avec la taille», и далѣе: «Segment basilaire du membre inférieur, qu'il rattache à la colonne vertébrale, il tend à varier avec lui, et comme c'est le membre inférieur qui prend la plus large part à l'accroissement de la taille, c'est aussi, de tous les diamètres du tronc, la distance sacro-trochantérienne qui varie le plus fortement avec elle». Ясно, что рѣчь идетъ здѣсь не о *верхней части таза*, а о *разстояніи* между promontorium и верхнимъ краемъ трохантера, каковое измѣняется болѣе всего съ измѣненіемъ роста, а не нижнихъ конечностей, какъ это утверждаетъ рецензентъ.

Особенно много вниманія г. Чепурковскій удѣляетъ статьямъ Д. А. Золотарева, выходя далеко за предѣлы нашихъ «Ежегодниковъ». Больше всего недоволенъ рецензентъ постоянными указаніями г. Золотарева на то, что великорусское населеніе недостаточно изучено: «Вообще, г. Золотаревъ даетъ понять, что раньше его въ Россіи ничего не дѣлалось по антропологии великоруссовъ, что не мѣшаетъ, однако, ему самому ссылаться на работы его предшественниковъ». Всякій, кто видѣлъ работы г. Золотарева, знаетъ, насколько утвержденіе г. Чепурковскаго далеко отъ истины. Принявъ на себя роль защитника «московскихъ антропологовъ» и рекомендуя г. Золотареву внимательно разсмотрѣть хотя бы работу Воробьева, рецензентъ пишетъ: молодой авторъ считаетъ, впрочемъ работы московскихъ антропологовъ, и въ томъ числѣ Воробьева, «взаимно противорѣчивыми, недостаточно обоснованными и не вполне удовлетворительными». Однако, мысль г. Золотарева о томъ, что «мы до сихъ поръ не имѣемъ общепринятой научной характеристики великорусскаго населенія», беспорна для всякаго знакомаго съ положеніемъ дѣла. Извѣстны очень крупныя недостатки работы проф. Зографа. Извѣстно, насколько выводы В. В. Воробьева въ его выдающихся работахъ, много разъ отмѣченныхъ г. Золотаревымъ, расходятся со схемой типовъ великоруссовъ г. Чепурковскаго, выводы котораго, на основаніи отзывовъ проф. Д. И. Анучина и проф. Г. А. Кожевникова, дѣйствительно нельзя признать, ни достаточно обоснованными, ни вполне удовлетворительными (см. «Землевѣдніе», 1914, кн. 1—2).

Разбирая первую работу г. Золотарева, рецензентъ между прочимъ пишетъ: «Признаки, которые авторъ комбинируетъ для нахожденія типовъ суть: ростъ, индексъ и цвѣтность», а въ примѣчаніи добавляетъ: «на стр. 182 своей статьи о моей работѣ (1913 г.) авторъ, тѣмъ не менѣе, ставитъ мнѣ въ упрекъ выдѣленіе типовъ великоруссовъ только по этимъ признакамъ». Позволяемъ себѣ обратить вниманіе редакціи на то, что въ диссертациі прив.-доц Чепурковскаго о ростѣ в о в с е нѣтъ рѣчи. Въ другомъ мѣстѣ г. Чепурковскій пишетъ: «Не довѣряя общей картинѣ набросаннаго мною распредѣленія формы головы, г. Золотаревъ въ двухъ другихъ своихъ работахъ, тѣмъ не менѣе, находитъ тѣ же различія въ прильменскомъ и бѣлзерскомъ районахъ и на Шекенѣ, какъ и я, и говорить, что мои

данныя (1913 г.) подтверждают установленныя *имъ* (въ 1915 году?) различія (стр. 36)». Редакція очень легко могла бы убѣдиться, что въ работахъ г. Золотарева ничего подобнаго не говорится, стоило лишь воспользоваться ссылкой рецензента на страницу. Считаая лишнимъ оставаться на другихъ «критическихъ» замѣчанияхъ г. Чепурковскаго, обратимъ вниманіе только на то мѣсто рецензіи, которое относится уже не къ отдѣльнымъ лицамъ, а къ «петроградскимъ антропологамъ». Принципіально важнымъ г. Чепурковскому «представляется вопросъ о томъ, къ какимъ результатамъ можетъ привести предпріятыя петроградскими антропологами систематическое изученіе населенія Россіи при ихъ пріемахъ? На основаніи того, что сдѣлано съ 1911 года, уже есть возможность судить объ этомъ. Сравнимъ, напримѣръ, среднія величины тѣхъ показателей, которые соотвѣтствуютъ монахскому соглашенію въ работахъ г.г. Золотарева и Руденко, для великоруссовъ оstashковскихъ, великоруссовъ валдайскихъ, остяковъ и вогуловъ, мы получаемъ слѣдующее». Дальше идетъ таблица съ вычисленіемъ среднихъ разницъ, воспроизводитъ которую здѣсь мы считаемъ большой и вредной роскошью. Послѣ таблицы—читаемъ: «Такимъ образомъ, двѣ группы великоруссовъ, живущихъ въ сосѣднихъ уѣздахъ, столь же сходны по этимъ измѣреніямъ между собой, какъ и одна изъ этихъ группъ съ отдаленными остяками, которые по г. Руденко, вѣроятно, смѣсь вогуловъ и самоѣдовъ. Средняя разниа вездѣ равна 1,5. Но остяки эти отъ вогуловъ, одной изъ своихъ предполагаемыхъ составныхъ частей, разнятся столько же, сколько и отъ валдайскихъ великоруссовъ (тоже 1,5)». Покончивъ такимъ пріемомъ съ «петроградскими антропологами», г. Чепурковскій спрашиваетъ, «на что указываетъ такой результатъ?» Для насъ отвѣтъ вполне понятен¹⁾. Отвѣтъ такъ же ясенъ будетъ всѣмъ тѣмъ, кто вдумается въ таблицу на стр. 143 «Р. Антропологическаго Журнала» и посмотритъ работы г. Золотарева и г. Руденко, гдѣ разниа между темными, низкими (1565 и 1567 мм.), болѣе длинно-головыми (гол. ук. 78,3, 80,6) вогулами и остяками съ одной стороны и русыми, сравнительно высокорослыми (1666 и 1649 мм.), короткоголовыми (гол. ук. 81,7 и 83,2) великоруссами Оstashковскаго и Валдайскаго уѣздовъ съ другой стороны, выступаетъ уже настолько ясно, что врядъ ли кому-нибудь, хотя бы и изъ «петроградскихъ антропологовъ», вздумается оперировать съ арифметическими выкладками вродѣ приведенной рецензентомъ. Въ данномъ случаѣ, мы совершенно отказываемся понять, какъ можно было, опираясь на подобный аргументъ, дѣлать заключеніе о работѣ уже не отдѣльнаго лица, а определенной коллегіи, ведущей изслѣдованія цѣлый рядъ лѣтъ. Особенно странной, въ данномъ случаѣ, получается позиція редакціи, которая, желая объединить «пока еще довольно малочисленныхъ» русскихъ антропологовъ,

¹⁾ «Въ современной литературѣ есть весьма важныя указанія на способы пользованія данными измѣреній при попыткахъ сопоставленія народовъ по физическимъ признакамъ. Такъ, нельзя опредѣлять сходство и различія по *суммѣ* разницъ въ признакахъ...». Чепурковскій, Е. О классификаціяхъ человеческихъ расъ и нѣкоторыхъ задачахъ антропологіи въ Россіи. «Ест. и Геогр.», 1912 г., № 2, стр. 63.

допускает возможным при помощи таких приемов дискредитировать въ глазахъ «любопытнѣйшихъ читателей» работу нѣсколькихъ учреждений.

Не думая, что помѣщеніе статьи г. Чепурковского и ей подобныхъ могло бы содѣйствовать осуществленію намѣченныхъ редакціей «Русскаго Антропологическаго Журнала» задачъ и въ частности «служить интересамъ Антропологическаго Отдѣла», появленіе въ 37—38 книжкѣ отмѣченныхъ нами мѣсть отзыва г. Чепурковского мы не можемъ объяснить иначе, какъ недосмотромъ новой редакціи

Поэтому, еще разъ привѣтствуя возобновленіе «Русскаго Антропологическаго Журнала», выражаемъ надежду, что нашъ московскій старшій со товарищъ въ своей дальнѣйшей дѣятельности попрежнему будетъ содѣйствовать сближенію русскихъ антропологовъ, совмѣстными усиліями которыхъ должна быть выполнена еще слишкомъ большая и неотложная творческая работа по изученію населенія Россіи. Добиваться же уваженія къ себѣ сведеніемъ личныхъ счетовъ и дискредитированіемъ для этой цѣли работъ своихъ товарищей по науцѣ—право, стыдно!...

Указатель русской антропологической литературы за 1912 и 1913 г.г.

Помѣщая ниже указатель работъ вышедшихъ на русскомъ языкѣ по антропологии въ 1912 и 1913 г.г. имѣлось въ виду облегчить русскимъ антропологамъ нелегкій въ настоящее время трудъ слѣдить за текущей литературой по интересующимъ ихъ вопросамъ. Малочисленность специально антропологическихъ періодическихъ изданій нерѣдко побуждаетъ авторовъ печатать свои работы въ органахъ, по задачамъ имѣющихъ мало общаго съ антропологіей, и такія работы чаще всего остаются незамѣченными. Нѣкоторые журналы, особенно московскіе—«Русскій Антропологическій Журналъ» и «Этнографическое Обзорѣніе», обычно помѣщаютъ на своихъ страницахъ библиографическія замѣтки, но послѣднія, если и не носятъ случайный характеръ, отмѣчаютъ только весьма ограниченное число работъ. Къ счастью, благодаря энергіи отдѣльных лицъ и нѣкоторыхъ учреждений мы имѣемъ уже довольно полные и весьма цѣнные указатели по русской антропологии. А. А. Ивановскій въ приложеніи къ своимъ трудамъ—Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи—и—Населеніе земного шара—(Изв. И. О. Люб. Естествознанія, А. и Э. при И. Моск. унив., т. СV и СXXI) далъ указатели работъ по физическому типу населенія Россіи, доведенные имъ до 1911 года. Д. К. Зеленинъ по ряду вопросовъ сдѣлалъ сводку русской этнографической литературы по 1910 г. (—Библ. указ. рус. этногр. лит.—Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. Этн., т. XL, выш. 1), а за 1911 г. соотвѣтствующая литература дана Б. Э. Петри въ журналѣ «Живая Старина» (1913 г.). Регистрація работъ по народной словесности ведется также Комиссіей по народной словесности при Этнографическомъ Отд. Моск. Общ., Л. Ест,

А. и Э. (см. библиографическіе указатели Комиссіи). Нельзя, однако, не признать, что для планомерной регистраціи текущей, какъ антропологической, такъ и всякой другой научной литературы необходима специальная и при томъ постоянная организація. Въ Россіи такой организаціей для естествознанія и математики является Бюро Международной Библиографіи при И. Академіи Наукъ, входящее въ составъ извѣстной международной организаціи съ *Международнымъ каталогомъ точныхъ наукъ*, издаваемымъ въ Лондонѣ. Это Бюро на русскомъ языкѣ издало уже восемь томовъ «Русской Библиографіи по естествознанію и математикѣ», въ которые вошли и антропологическія работы, напечатанныя съ 1900 по 1911 годы. Въ настоящее время Бюро заканчиваетъ печатаніе девятого тома, куда входятъ работы, вышедшія въ 1912 и 1913 г.г. Къ сожалѣнію, въ «Русской Библиографіи» печатается списокъ работъ только по физической антропологіи, благодаря чему она отвѣчаетъ требованіямъ лишь ограниченнаго круга антропологовъ.

Имѣя въ виду, что въ упоминавшихся выше работахъ г. Иванова мы имѣемъ достаточно полный указатель русскихъ антропометрическихъ работъ по 1911 г., а въ библиографическомъ указателѣ г.г. Зеленина и Петри приведена русская этнографическая литература по 1911 годъ включительно, мы считали полезнымъ дать ниже указатель антропологическихъ работъ вышедшихъ на русскомъ языкѣ только въ 1912 и 1913 г.г. и напечатанныхъ преимущественно въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ.

При составленіи этого указателя принимались во вниманіе требованія, которымъ должны отвѣчать работы для помѣщенія ихъ въ «International Catalogue» (работы оригинальныя, дающія цѣнный научный матеріалъ и проч.), хотя приведенный ниже списокъ пополненъ нѣсколькими работами, не имѣющими общенаучнаго интереса, но полезными для лицъ, занимающихся антропологіей Россіи.

Помѣщая указатель за 1912—13 г.г., мы не беремъ на себя обязательства продолжать въ дальнѣйшемъ регистрацію текущей антропологической литературы, такъ какъ возможно, что Бюро Международной Библиографіи при И. Академіи Наукъ, предполагающее, начиная съ десятого тома, нѣсколько расширить рамки «Русской Библиографіи», найдетъ возможнымъ дать мѣсто русскимъ антропологическимъ работамъ въ полномъ объемѣ этой научной дисциплины. Въ случаѣ же, если бы въ реорганизованной «Русской Библиографіи» отдѣлъ антропологіи (Р) остался безъ измѣненія, мы предполагаемъ въ послѣдующихъ двухъ томахъ нашего изданія помѣстить указатели русской антропологической литературы за 1914—15 и 1916—17 г.г.

Для болѣе удобнаго пользованія указателемъ, вошедшія въ него работы подраздѣлены на три отдѣла: первый, куда вошли работы по физической антропологіи и этнологіи въ той ея части, гдѣ она занимается физическимъ типомъ народностей, второй — работы этнографическія по преимуществу и третій — работы по доисторической антропологіи и археологіи.

С. Руденко.

Физическая антропология.

- Бари, К. А.** О цветѣ кожи человѣка (по Schwalbe). Русск. антроп. журн., М., 29, 1, 1912, (69—76).
- Случай микроцефалии. Русск. антроп. журн., М., 35—36, 3—4, 1913, (45—65, съ 4 фиг.).
- Благовѣщенскій, В. А.** Краткая замѣтка по антропометріи Ферганскаго населенія. Русск. антроп. журн., М., 32, 4, 1912, [1913], (76—79).
- Богдановъ, В. В.** Дмитрій Николаевичъ Анучинъ. Сборн. Анучина, М., 1913, (VII—XI, съ порт. и библи., фр. рев. XI—XII), 27 см.
- Бялыницкій-Бируля, Ф. А.** Николай Васильевичъ Гильченко. Прот. антроп. Общ., Спб., 1909/10—1911/12, [1912], (61—66).
- Вайсенбергъ, С. А.** Кавказскіе евреи въ антропологическомъ отношеніи. Русск. антроп. журн., М., 30—31, 2—3, 1912, (137—163, съ 4 рис.).
- Караимы и крымчаки съ антропологической точки зрѣнія. Русск. антроп. журн., М., 32, 4, 1912, [1913], (38—56, съ 2 рис.).
- Волковъ, Ф. К.** Новѣйшія направленія въ антропологическихъ наукахъ и ближайшія задачи антропологии въ Россіи. Ежег. антроп. Общ., Спб., 4, 1913, (1—8).
- Габеркорнъ, Ф. О.** новомъ аппаратѣ для измѣренія черепа. Трд. антроп. Общ., Спб., 7, 1901—1904, [1912], (15—17).
- Григорьевъ, С.**—Дмитрій Николаевичъ Анучинъ. Прир., М., 1913, (1303—1314, съ 1 порт.).
- Деникеръ, І.** Проф. П. Топинаръ. Русск. антроп. журн., М., 30—31, 2—3, 1912, (172—174, съ порт.).
- Джаваховъ, А. Н.** Долихоцефалия среди грузинъ. Русск. антроп. журн., М., 35—36, 3—4, 1913, (93—100).
- Кавказскіе евреи (по поводу статьи С. А. Вайсенберга). Русск. антроп. журн., М., 32, 4, 1912, [1913], (57—75).
- Къ антропологии Грузинъ: грузины Гурій. Русск. антроп. журн., М., 30—31, 2—3, 1912, (51—86, съ 12 рис. и 4 діагр.).
- Къ антропологии Грузинъ: грузины Мингрелии. Русск. антроп. журн., М., 33—34, 1—2, 1913, (99—161, съ 12 рис. и 4 діагр.).
- Золотаревъ, Д. А.** Антропологическое изслѣдованіе великорусскаго населенія Осташковскаго и Ржевскаго уѣздовъ Тверской губ. Ежег. антроп. Общ., Спб., 4, 1913, (9—66, съ 10 фот.).
- Чепурковскій, Е. М. Географическое распредѣленіе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія преимущественно Великороссіи въ связи съ колонизаціей ея славянами. Ежег. антроп. Общ., Спб., 4, 1913, (173—184).
- Ивановскій, А. А.**—Курдовъ, К. М. Русск. антроп. журн., М., 33—34, 1—2, 1913, (189—193, съ фот.).
- Игнатьевъ, В. Е.** Къ вопросу о ростѣ и его нарастаніи. Русск. антроп. журн., М., 33—34, 1—2, 1913, (1—19, съ 5 фиг. и 3 діагр.).
- В. Е. Scapula scaphoidea, какъ признакъ вырожденія и какъ врожденная аномалія. Русск. антроп. журн., М., 35—36, 3—4, 1913, (66—72, съ рис.).
- Юхельсонъ, В. И.** Вѣлокурые эскимосы и новая экспедиція на полярный сѣверъ Канадскихъ владѣній. Этногр. обозр., М., 96—97, 1—2, 1913, (236—241).
- Кермъ, Г. Г.** Матеріалы по вопросу объ изслѣдованіи обуви. Сер. докт. дисс. Военно-Мед. Ак., Спб., 1913, (1—277, съ 110 рис. и библи.), 27 см.
- Курдовъ, К. М.** Азербейджанскіе татары. Русск. антроп. журн., М., 32, 4, 1912, [1913], (1—37, съ 11 рис. и 3 діагр.).
- Горскіе евреи Шемахинскаго уѣзда, Бакинской губ. Русск. антроп. журн., М., 30—31, 2—3, 1912, (87—99, съ 3 рис.).
- Таты Шемахинскаго у., Бакинской губ., Русск. антроп. журн., М., 33—34, 1—2, 1913, (162—172, съ 5 фиг.).
- Ландау, Э. Г.** Краткое руководство къ изученію антропологии. Юрьевъ, 1912, (1—78), 22¹/₂ см.
- Ленцевичъ, Ст.** Къ антропологической характеристикѣ населенія Смардзевичъ. Прот. Общ. ест., Варшава, 24, 1—3, 1912, (283—306).
- Къ познанію головнаго указателя человѣческихъ череповъ изъ Польши. Прот. Общ. ест., Варшава, 25, 1—2, 1913, (67—74).
- Лехе, В.** Чѣловѣкъ, его происхожденіе и эволюционное развитіе. Пер. проф. М. А. Мензбира и С. А. Усова. М., 1913, (VIII—422, съ 250 рис.), 22 см.

- Лотъ, Э. Э.** Антропологическія особен-
ности мышц у негровъ. Прот. Общ.
ест., Варшава, 25, 1—2, 1913, (75—
82).
- Международныя соглашенія для объеди-
ненія антропологическихъ измѣреній.**
Пер. подъ ред. О. К. Волкова. Ежег.
антроп. Общ., Спб., 4, 1913, (1—22).
приложение.
- Никольскій, Д. П.** Новый антропологиче-
ский органъ. Трд. антроп. Общ.,
Спб., 7, 1901—1904, [1912], (7—14).
— Памяти Филиппа Дюмидовича
Нефедова и Шарля Летурно. Трд.
антроп. Общ., Спб., 7, 1901—1904,
[1912], (33—42).
- Никольскій, М. Н.** Къ антропологии
лаишевскихъ татаръ Казанской гу-
берніи. Русск. антроп. журн., М.,
35—36, 3—4, 1913, (16—31).
— Цвѣтъ волосъ и глазъ у татаръ
Лаишевскаго уѣзда, Казанской губ., по
таблицамъ Fischer'a и Martin'a. Русск.
антроп. журн., М., 32, 4, 1912, [1913],
(80—95).
- Носовъ, А. З.** Къ антропологии сербовъ
королевства. Ежег. антроп. Общ.,
Спб., 4, 1913, (123—150, съ 9 фиг.).
- Отчетъ о дѣятельности музея антропо-
логии и этнографіи им. И. Петра Ве-
ликаго за 1912 годъ.** Спб., 1912,
(1—34).
- Пашинъ, П. Н.** Изъ поѣздки къ погоя-
памъ съ антропологическою цѣлью.
Русск. антроп. журн., М., 29, 1, 1912,
(36—42, съ 4 рис.).
- Предтеченскій, В. Е.** О гигантизмѣ съ
точки зрѣнія современнаго ученія о
внутренней секретіи железъ. Русск.
антроп. журн., М., 33—34, 1—2, 1913,
(20—28, съ 8 фиг.).
- Прохоровъ, К. Г.—Альфонсъ Бертильонъ.**
Русск. Антроп. журн., М., 35—36,
3—4, 1913, (115—117, съ 1 пор.).
- Рожественскій, А. Г.** Къ антропологии
японцевъ. Русск. антроп. журн., М.,
29, 1, 1912, (43—54).
- Руденко, С. И.** По поводу опыта антро-
пологической классификаціи населенія
земного шара А. А. Ивановскаго.
Ежег. антроп. Общ., Спб., 4, 1913,
(159—172).
- Спб. Антропологическое Общество.** Брат-
скій обзоръ дѣятельности Русскаго
Антропологическаго Общества при Имп.
С.-Петербургскомъ университетѣ за
25 лѣтъ. (18 8—1913). Ежег. антроп.
Общ., Спб., 4, 1913, (191—202).
- Свидерскій, П. О.** Къ антропологии ар-
чичинцевъ. Русск. антроп. журн., М.,
35—36, 3—4, 1913, (32—44, съ 1
фиг.).
- Севастьяновъ, Е. П.** Къ антропологии
зырянъ. Русск. антроп. журн., М., 29,
1, 1912, (57—68).
- Столыгво, К. Я.** Отчетъ объ антропо-
логической и палеонтологической экс-
курсіи въ окрестности г. Олькуша и въ
село Шуляки Таращанскаго уѣзда.
Прот. Общ. ест., Варшава, 24, 1—3,
1912, (307—310).
— По поводу новой политгенетической
теоріи происхожденія человѣка. Трд.
Общ. ест., отд. біол., Варшава, 24,
1—3, 1912, (311—322).
- Хердлычна, А. (Hrdlička, Alès).** Остатки
въ Восточной Азіи народа, населив-
шаго Америку. Трд. Кахт. отд. геогр.
Общ., Спб., 15, 2, 1912, [1913], (70—
75).
- Хомяновъ, О.** Физическомъ типѣ луговыхъ
черемисъ. По даннымъ Федорова. Прот.
Общ. ест., Казань, 42, 1911, (1—19).
- Чепурковскій, Е. М.** Географическое
распредѣленіе головнаго показателя и
цвѣтности въ Великороссіи. Сборн.
Анучина, М., 1913, (483—493, съ 1
карт., нѣм. рез. 493—494), 27 см.
— Матеріалы для антропологии Россіи.
Географическое распредѣленіе формы
головы и цвѣтности крестьянскаго на-
селенія преимущественно Великороссіи
въ связи съ колонизаціей ея славянами.
Изв. Общ. люб. ест. (Трд. антроп. отд.).
М., 28, 2, 1913, (1—105, съ 1 карт.).
— О классификаціяхъ человѣческихъ
расъ и нѣкоторыхъ задачахъ антропо-
логии въ Россіи. (По поводу работы
А. Ивановскаго). Ест. и геогр., М.,
1912, 2, (59—68).
- Чепурковскій, Е. М.** Приборъ для измѣ-
ренія угловъ на черепѣ и видовымѣне-
нія въ гониометрѣ Ранке. Русск.
антроп. журн., М., 29, 1, 1912,
(55—56, съ 2 рис.).
- Штефко, В. Г.** Надпочечныя железы и
ихъ значеніе для организма. Русск.
антроп. журн., М., 35—36, 3—4, 1913,
(1—15, съ 1 фиг.).
— Нѣсколько случаевъ scapula sca-
rhoidea. Русск. антроп. журн., М.,
35—36, 3—4, 1913, (101—102).
— Явленія наследственности и но-
вѣйшія попытки ихъ объясненія. Русск.
антроп. журн., М., 35—36, 3—4, 1913,
(73—92, съ 2 фиг.).

- Щукинъ, И. С. Матеріалы для изученія карачаевцевъ. Русск. антроп. журн., М., 33—34, 1—2, 1913, (29—98, съ 21 фиг.).
- Эльминдъ, А. Д. Антропологическое изученіе евреевъ за послѣднія десять лѣтъ. Русск. антроп. журн., М., 30—31, 2—3, 1912, (1—50).
- Къ антропологии негровъ (Дагомеяцы). Русск. антроп. журн. М., 29, 1, 1912, (20—35, съ 6 рис.).
- Янчукъ, Н. А. Къ антропологии малорусовъ-подласявъ. Сборн. Анучина, М., 1913, (471—482, фр. реза.) 27 см.
- Яцута, К. З. Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ. Симметричные близнецы. Асимметричные близнецы. Сборн. муз. антроп. и этн. Ак. Н., Спб., 13, 1912, (I—IV + 1—44, съ 7 фиг.).
- Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ. Янусовидные уроды. *Cephalothgасoragi*. Сборн. муз. антроп. и этн. Ак. Н., Спб., 15, 1913, (I—IV+1—58, съ 26 фиг.).

Этнографія.

- Адылбаевъ, И. Г. Образцы народнаго творчества у киргизовъ Уральской обл. Вѣст. Орб. учеб. окр., Уфа, 1913, 4, (144—147).
- Альевъ, В. Отчетъ о поѣздкѣ на Зимній берегъ Бѣлаго моря въ 1911 году. Статистико-экономическое обследованіе побережья и рыболовныхъ угодій. Матер. позн. русск. рыбол., Спб., 2, 2, 1913, (33—78 съ 5 табл. фиг., 3 рис. и 1 карт.).
- Отчетъ о поѣздкѣ на морской звѣринный промыселъ въ горѣ Бѣлаго моря въ 1911 году. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 2, 2, 1913, (1—20 съ 8 табл. рис.).
- Поѣздка на Лѣтній и Онежскій берега Бѣлаго моря въ 1910 г. и описаніе морскихъ рыболовныхъ угодій. Матер. позн. русск. рыбол., Спб., 2, 2, 1913, (79—136).
- Снаряженіе и организація промысла на «Николаѣ». Матер. позн. русск. рыбол., Спб., 2, 2, 1913, (21—32 съ 6 табл. фиг.).
- Альбинскій, В. А. Краткій очеркъ исторіи и современнаго положенія осетинъ. Ежег. Кавк. горн. Общ., Пятигорскъ, 5, 1911—1913, [1913], (43—48).
- Барановъ, Ѡ. И. Заколъ для лова ряпушки на Средней Невкѣ въ С.-Пе-

- тербургѣ. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 1, 2, 1912, (57—79 съ 11 фиг.).
- Барановъ, Ѡ. И. Техника лова ставными и плавными сѣтями въ дельтѣ р. Волиги и сѣверной части Каспійскаго моря. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 1, 2, 1912, (1—56 съ 38 фиг.).
- Техника неводнаго лова. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 2, 4, 1913, (1—40 съ 19 рис. и 9 табл. фотот.).
- Богоразъ, В. Г. Чукотскіе рисунки. Сборн. Анучина, М., 1913, (397—419 съ 24 фиг., англ. реза. 419—420), 27 см.
- Борисовъ, П. Рыбный промыселъ въ Рижскомъ уѣздѣ Ляфляндской губ.—Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 2, 12, 1913, (7—72 съ 16 рис.).
- Борисовъ, Т. Изгнаніе шайтана у вотяковъ. Жив. Стар., Спб., 22, 3—4, 1913, (395—399).
- Брейтфусъ, Л. Л. Рыбный промыселъ русскихъ поморовъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ; его прошлое и настоящее. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 2, 1, 1913, (89—134 съ 5 табл. фиг. и 2 карт.).
- Бушевичъ, А. Экскурсія въ бухту Находку лѣтомъ 1912 г. Ежег. музея, Тобольскъ, 22, 1912.
- Верещагинъ, Гр. Къ этнографіи вотяковъ Прикамскаго края. Изв. Сарап. Зем. музея, Сарапулъ, 2, 1912, (13—36), 3, 1913, (1—33).
- Ковальство и знахарство въ Прикамскомъ краѣ. Изв. Сарап. Зем. муз., Сарапулъ, 3, 1913, (34—43).
- Востонова, П. Сказки, записанныя въ Елисаветпольской губ. Сбор. матер. опис. мѣстн. и плем. Кавказа, Тифлисъ, 42, 1912, (1—169).
- Востриковъ, П. Музыка и пѣсни у азербейджанскихъ татаръ. Сборн. матер. опис. мѣстн. и плем. Кавк., Тифлисъ, 42, 1912, (1—39).
- Гейнemannъ, В. Очеркъ рыболовства на Камчаткѣ. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 1, 1, 1912, (73—98 съ 10 фиг.).
- Гладкихъ, А. И. Крестьянскіе свадебные обряды у жителей села Торговицкаго Красноуфимскаго у. Пермской губ., Трд. Перм. арх. Ком., Пермь, 10, 1913, (1—77).
- Гребенщиковъ, Г. Д. Рѣка Уба и убинскіе люди. Ат. сборн., Барнауль, 11, 1912, (1—80).
- Дербень, Ф. А. Медвѣжій праздникъ гяляковъ. Зап. Общ. науч. Амур. края, Владивостокъ, 13, 1913, (27—32).

- Диррь, А. М.** Въ Тогоурской и Куртатинской Осетии. Изв. Кавк. отд. геогр. Общ., Тифлисъ, 21, 3, 1911—1912, (257—276).
- Доппельмайръ, Г. Г.** Промысловый ловъ зайцевъ для разведенія въ Валдайскомъ и Демянскомъ уѣздахъ Новгородской губерніи. Матер. позн. русск. охот. дѣла, Спб., 1, 1913, (5—37 съ 10 фиг.).
- Дравертъ, П. Л.** Материалы къ этнографіи и географіи Якутской области. Прот. Общ. ест., Казань, 43, 1912, (1—49 съ 3 фиг.).
- Едемскій, М. Б.** О крестьянскихъ построикахъ на сѣверѣ Россіи. Жив. Стар., Спб., 22, 1—2, 1913, (25—116 съ 62 фиг.).
- Ермоленко, М. И.** Легенды кабардинцевъ и ингушей на сѣверномъ Кавказѣ. Трд. Ставро. Общ. изуч. сѣв. кавк. Края, Ставрополь, 2, 1912, [1913], (121—125).
- Жамцарано, Ц.** Поездка въ Южную Монголію въ 1909—10 г.г. Изв. Ком. изуч. средн. и вост. Азіи, Спб., 2 сер., 2, 1913, (44—53).
- Зензиновъ, В. М.** Русское Устье Якутской области, Верхоянскаго округа. Этногр. Обзор., М., 9, — 97, 1—2, 1913, (110—235 съ 62 фиг.).
- Зоринъ, Б. И.** Остатокъ язычества у татаръ Оренбургской и Уфимской губ. Вѣст. Орб. учеб. окр., 1913, 2, (53—60).
- Иваненковъ, Н. С.** Карачасцы. Изв. Общ. люб. изуч. Куб. обл., Екатеринодарь, 5, 1912, (25—91 съ рис.).
- Ивановскій, В.** Пословицы и поговорки, записанныя въ Тобольской губ. Ежег. Тоб. муз., Тобольскъ, 22, 1912, (1—40).
- Ионовъ, В. М.** Орелъ по возрѣніямъ якутовъ. I. Почитаніе орла у якутовъ. II. Пѣсня о наступленіи года. Сборн. муз. антроп. и этн. Ак. Н., Спб., 16, 1913, (VI + 28).
- Кириловъ, Н. В.** Общая характеристика восточныхъ системъ медицины (тибетской, китайской) въ параллель съ нашей народной. Трд. антроп. Общ., Спб., 7, 1901—1904, [1912], (56—75).
— Къ антропологии корейцевъ. Трд. антроп. Общ., Спб., 7, 1901—1904, [1912], (150—175).
- Коваленко, Гр.** Нѣкоторыя черты украинскаго стиля въ связи съ вопросомъ о происхожденіи украинской хаты. Трд. Полт. арх. Ком., Полтава, 9, 1912, (81—109 съ 14 рис.).
- Козыревъ, Н. Г.** Свадебные обряды и обычаи въ Островскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Жив. Стар., 21, 1, 1912, (75—94).
- Колмогоровъ, А. И.** Чухарская свадьба. Черты обрядовой жизни чухарей. Сборн. Анучина, М., 1913, (371—392, фр. рез. 393—396).
- Комиссаровъ, Г.** Къ этнографической картѣ Козьмодемьянскаго, Павильскаго, Чебоксарскаго и Ядринскаго уѣздовъ. (Объяснительная записка). Изв. Общ. археол., Казань, 28, 4—5, 1912, (448—455 съ 1 карт.).
- Концевичъ, Г. М.** Чумаки въ народныхъ пѣсняхъ. Изв. Общ. люб. изуч. Куб. обл., Екатеринодарь, 6, 1913, (167—190).
- Кривошеиновъ, А. М.** Повѣрья и предразсудки у Оренбургскихъ казаковъ. Вѣст. Орб. учеб. окр., Уфа, 1913, 1, (16—27), 2, (40—52).
- Кротковъ, Н.** Краткія замѣтки о современномъ состояніи шаманства у сибирскихъ живущихъ въ Илійской области и Тарбагатаѣ. Зап. вост. отд. археол. Общ., Спб., 21, 2—3, 1912, (117—134).
- Крыминъ, П.** Отчетъ по рекогносцировочнымъ изслѣдованіямъ въ 1909 году рѣкъ Камчатскаго полуострова. Мат. для опис. русск. рѣкъ. Спб., 45, 1913, (274 съ рис. и картой).
- Кучинъ, Ѳ.** Къ этнографическимъ матеріаламъ по Уфимской губерніи. Вѣст. Орб. учеб. окр., Уфа, 1913, 6, (207—216).
- Лось, М. П.** Башкирскія сказки. Вѣст. Орб. учеб. окр., Уфа, 1912, 5, (173—189).
- [Майновъ, И. И. см. Пекарскій, Э. К.]**
- Максимовъ, А. Н.** Системы родства у австралийцевъ. Этногр. Обзор., М., 92—93, 1—2, 1912, (32—100).
— Теорія родового быта. Сборн. Анучина, М., 1913, (333—350, вѣм. рез. 350—351), 27 см.
- Маловъ, С.** Отчетъ о путешествіи къ уйгурамъ и саларамъ.—Изв. Ком. изуч. средн. и вост. Азіи. Спб., 2 сер., 1, 1912, (94—99).
- Миллеръ, В. Ѳ.** Древнеиндійское сказаніе о потопахъ. Сборн. Анучина, М., 1913, (47—57, фр. рез. 58), 27 см.
- Миллеръ, М. А.** Очеркъ крестьянскихъ построекъ въ Приазовьѣ. Зап. Общ. ист. древн. прир., Ростовъ на Д., 1, 1912, (39—50 съ 9 фиг.).

- Михайловъ, В. А. и Петри, В. Э. Среди кудинскихъ буряты. Изв. Ком. науч. средн. и вост. Азій, Спб., 2 сер., 2, 1913, (92—110).
- Могелянский, Н. К. Материалы для географіи и статистики Бессарабин. Кишиневъ, 1913, (142 съ 33 рис. и 5 карт.), 25 см.
- Новоселовъ, А. Отчетъ о поѣздкѣ на Алтай. Изв. Зап.-Сиб. отд. геогр. Общ., Омскъ, 1, 2, 1913, (1—18 съ 2 рис.).
- Орѣховъ, Г. Свадебные обряды, обычаи и пѣсни въ Холмскомъ уѣздѣ. Псковской губ. Жив. Стар., Спб., 22, 3—4, 1913, (305—317).
- Очиловъ, Н. Поѣздка въ Александровскій и Богодуховскій уѣзды астраханскихъ калмыковъ. Изв. Ком. науч. средн. и вост. Азій, Спб., 2 сер., 2, 1913, (78—91).
- [Пекарскій, Э. К. и Майновъ, И. И.]. Программа для изслѣдованія домашняго и семейнаго быта якутовъ. Жив Стар., Спб., 22, 1—2, 1913, (117—135).
- и Цвѣтковъ, В. П. Очерки быта пріапянскихъ тунгусовъ. Сборн. муз. антроп. и этн. Ак Н., Спб., 2, 1, (III + 128 съ 4 карт. и 1 табл.).
- Петри, В. Э. см. Михайловъ, В. А.
- Покровскій, А. С. Промысловый сѣтной ловъ сельди въ Каспійскомъ морѣ по западному побережью сѣвернаго Кавказа при устьѣ р. Сулакъ. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 2, 6, 1913, (49—74 съ 7 рис. и 1 карт.).
- Розовъ, В. Е. О рыбномъ промыслѣ въ сел. Ковда и соседнихъ селеніяхъ на берегу Кандалакшской губы. Матер. позн. русск. рыбол., Спб., 2, 1, 1913, (53—87 съ 4 рис. и 1 карт.).
- Романовъ, Е. Р. Бытъ бѣлоруса. Бѣлорус. Сборн., Вильна, 1912, 8—9, (594), 24 см.
- Самойловичъ, А. Н. Среди ставропольскихъ туркменовъ, ногайцевъ и крымскихъ татаръ. Отчетъ о командировкѣ въ 1912 г. Изв. Ком. науч. средн. и вост. Азій, Спб., 2 сер., 2, 1913, (54—74).
- Свидерскій, П. Ф. О кайтагцахъ и кубачинцахъ. Трд. антроп. Общ., Спб., 7, 1901—1904 [1912], (18—42).
- Сергѣевъ, Ал. Ногайцы на Молочныхъ водахъ (1790 — 1832). Историческій очеркъ. Изв. Таврич. арх. Ком., Симферополь, 48, 1912, (1—144).
- Смолевъ, Я. С. О буддійскомъ религиозномъ обрядѣ «дзул». Трд. Кяхт. отд. геогр. Общ., Спб., 15, 2, 1912, [1913], (6—15).
- Соболевъ, А. Н. Въ чемъ были погребасмы наши предки христіане? Трд. Владим. арх. Ком., Владимиръ. 15, 1913, (1—35).
- Сумцовъ, Н. Ф. Злыдни въ бочкѣ. Къ сказаніямъ о заключенномъ бѣсѣ. Сборн. Анучина, М., 1913. (59—67, фр. рев. 68), 27 см.
- Сырку, П. Изъ быта бессарабскихъ, румынъ. II. Погребальные обычаи и обряды румынъ Бессарабин. Жив. Стар., Спб., 22, —4, 1913, (363—370).
- Сысоевъ, В. М. Карачай, въ географическомъ, бытовомъ и историческомъ отношеніи. Сборн. матер. опис. мѣстн. и плем. Кавк., Тифлисъ, 43, 1913, (1—156 съ 1 карт.).
- Тараниновъ, Материалы по этнографіи Карачанскаго уѣзда. Курск Сборн., Курскъ 7, 1912, (70—84).
- Тихомировъ, И. А. О пѣсняхъ Оренбургскихъ казакахъ. Вѣст. Орб. учеб. окр., Уфа, 1912, 7—8 (262—269).
- Тугариновъ, А. Я. Соболю въ Енисейской губерніи. Красноярскъ, 1913, (20 съ 5 табл. рис. и 1 карт.).
- Ухтомскій, Д. Э., князь. Жировыя лампочки у приполярныхъ народовъ. Ежег. антропол. Общ., Спб., 4, 1913, (151—158 съ 13 рис.).
- Чукотскія стрѣлы. Ежег. антропол. Общ., Спб., 4, 1913, (103—122 съ 8 рис.).
- Фарфоровскій, С. Фольклоръ калмыковъ въ связи съ ихъ современной культурой и бытомъ. Трд. Общ. Науч. сѣв.-кав. Края, 2, 1912. [1913], (113—120).
- Чеченскія этюды. Сбор. свѣд. о сѣв. Кавк., Ставрополь, 7, 1912, (1—18).
- Цвѣтковъ, В. П. см. Пекарскій, Э. К.
- Чукаевъ, К. И. Животноводство и кормовой фондъ Амурской области. Трд. Амур. экспед., Спб., 7, 2, 1912. (XII + 380 съ 33 рис.).
- Эриксоновъ, Э. В. Джебранльскій уѣздъ Елисаветпольской губерніи. Трд. антроп. Общ., Спб., 7, 1901—1904, [1912], (76—149).
- Якобсонъ, Р. П. Отчетъ по обследованію рыболовныхъ тоней на рѣкахъ Кема и Выгъ осенью 1911 года. Матер.

позн. русск. рыболов., Спб., 2, 9, 1913, (1—66 съ 10 рис. и 2 план.).

Якобсонъ, Р. П. Статистико-экономическое обследованіе морского побережья и рыболовныхъ угодій на Онежской губѣ между г. Кемью и Онегой, и Онежскаго завода въ 1911 г. Матер. позн. русск. рыболов., Спб., 2, 5, 1913, (1—60 съ 12 фиг. и 1 карт.).

Яковлевъ, И. Способъ умыканія невьствъ среди вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Жив. Стар., Спб., 22, 3—4, 1913, (384—386).

Доисторическая антропология и археология.

Адриановъ, А. В. Отчетъ о поѣздкѣ глѣтомъ 1911 г. Изв. Ком. изуч. средн. и вост. Азии, Спб., 2 сер. 1, 1912, (105—111).

Бобринскій, А. А. Вновь открытая могила скинскаго царя. Изв. археол. Ком., Спб., 50, (приб.), 1913, (146—151).

— Отчетъ о раскопкахъ въ Киевской губ. въ 1911 г. Изв. археол. Ком., Спб., 49, 1913, (89—100 съ 6 рис.).

Боровко, Н. А. Тепе-Керменъ. Пещерный городъ въ Крыму. Зап. Общ. ест., Симферополь, 3, 1913, (107—183 съ 28 рис. и 1 план.).

Булычевъ, Н. И. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913, (77 съ рис. и 9 табл. фиг.), 35 см.

Волошинъ, И. М. и Клепининъ, Н. Н. Пещерное поселеніе Бакла въ Крыму. Зап. Общ. ест., Симферополь, 2, 1912, [1913], (151—160 съ 7 табл.).

Гошкевичъ, В. И. Древнія городища по берегамъ низоваго Днѣпра. Изв. археол. Ком., Спб., 47, 1913, (117—145 съ 2 табл. и 61 рис.).

Ефименко, П. П. Каменные орудія палеолитической стоянки въ с. Мезинѣ. Ежег. антропол. Общ., Спб., 4, 1913, (67—102 съ 19 рис.).

Зарѣцкій, И. А. Кладъ найденный при селѣ Малая Перещепина. Константиноградскаго у., Полтавской губ. — Трд. Полт. арх. Ком., Полтава, 9, 1912, (181—206 съ 35 рис.).

Ильинъ, А. М. Археологическія раскопки въ районѣ города Ростова на Дону. Зап. Общ. ист. древн. прпр., Ростовъ на Д., 1, 1912, (153—170 съ 10 рис.).

Кастанье, I. Отчетъ о раскопкахъ двухъ кургановъ въ Уральскомъ уѣздѣ глѣтомъ 1911 г. Трд. Оренб. арх. Ком., Оренбургъ 29, 1913, (73—84).

Козловская, В. Е. Остатки славянскаго городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озерѣ Буромкѣ, Черныговской губ., Сосницкаго уѣзда. Изв. Тавр. арх. Ком., Симферополь, 47, 1912, (135—151).

Крейтовъ, В. Археологическія развѣдки и раскопки въ Псковской губ. въ теченіе глѣта 1912 г. Трд. Псков. арх. Общ., Псковъ, 9, 1913, (1—34).

Крживицкій, Л. Послѣдніе моменты неолитической эпохи въ Литвѣ. Сборн. Ануचना. М., 1913, (301—317 съ 14 рис., нѣм. ре. 318), 27 см.

Кротковъ, А. Аткарскій могильникъ. Трд. Саратов. арх. Ком., Саратовъ, 29, 1912, (109—117 съ рис.).

Кудряшовъ, К. Отчетъ о раскопкахъ 1911 г. въ Гдовскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губ. Зап. слав. отд. археол. Общ., Спб., 9, 1913, (241—264 съ 31 рис.).

Любомировъ, П. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1910 г. въ Новгородской и Тверской губ. Зап. слав. отд. археол. Общ., Спб., 9, 1913, (222—240 съ 8 рис.).

Миллеръ, М. А. Нѣкоторыя курганныя погребенія Таганрогскаго округа. Зап. Общ. ист. древн. прпр., Ростовъ на Д., 1, 1912, (191—200 съ 8 рис.).

Молотилловъ, А. Къ вопросу о географическомъ распредѣленіи археологическихъ памятниковъ въ сѣверной и средней Барабѣ. Трд. Общ. изуч. Сиб., Томскъ, 2, 1, 1913, (221—229 съ 3 рис.).

Монинскій, М. Слѣды древняго поселенія близъ сел. Ермачихи на Самарской лѣвѣ. Прот. Общ. ест., Казань, 43, 1912, (1—3 съ 1 рис.).

Пономаревъ, П. По поводу сообщенія Наинскаго о слѣдахъ древняго поселенія при с. Ермачихѣ. Прот. Общ. ест., Казань, 43, 1912, (1—5).

Талицкий, Н. Е. Нѣсколько словъ о Кавказскихъ дольменатахъ. Изв. Общ. люб. науч. Куб. обл., Екатеринодаръ, 5, 1912, (92—110).

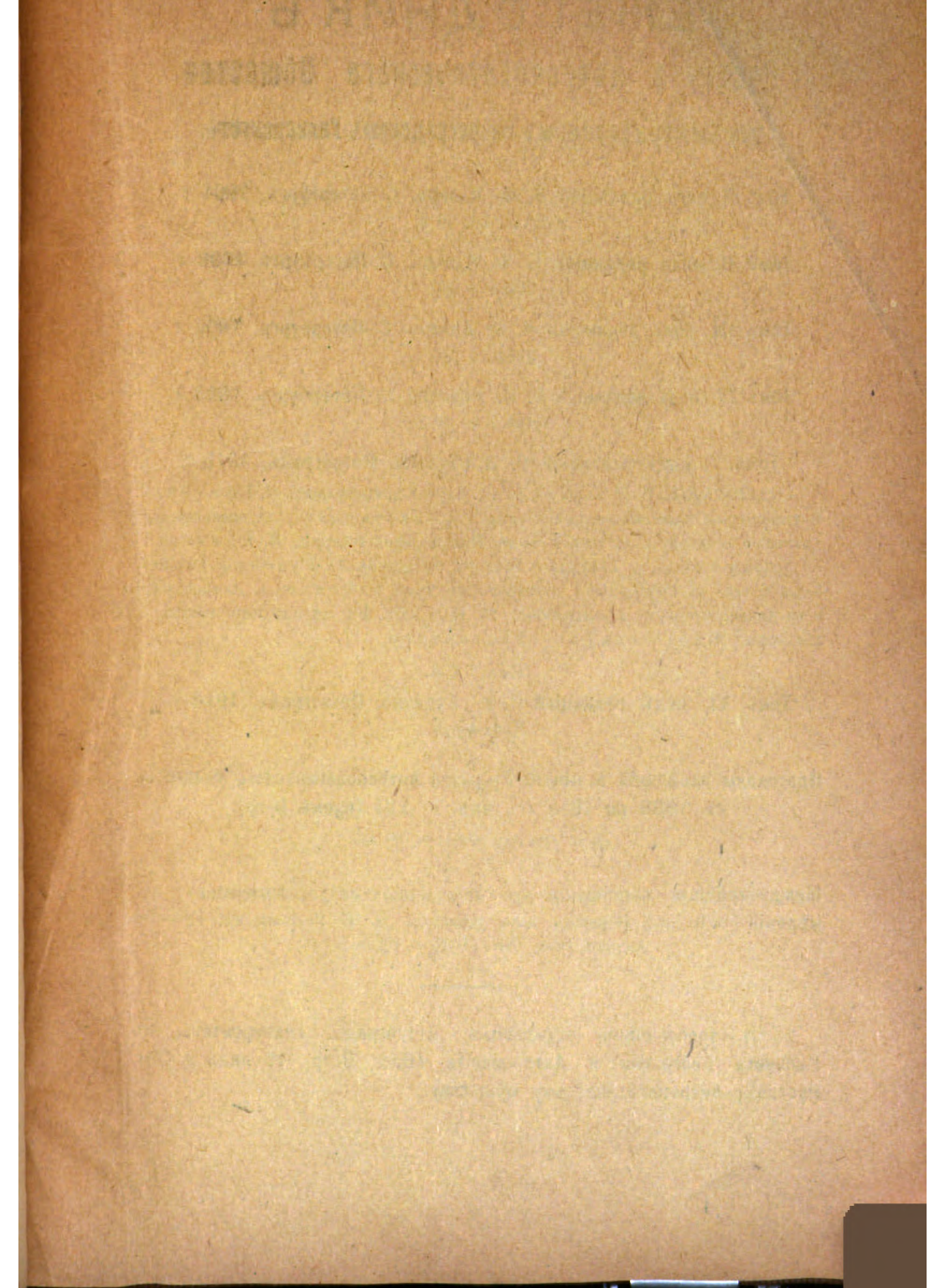
Толмачевъ, В. Древности восточнаго Урала. Зап. Урал. Общ. люб. ест., Екатеринбургъ, 32, 2, 1913, (195—225 съ 5 табл.).

- Уварова, графиня. Дмитрій Николаевичъ — Предварительныя археологическія
Анучинъ какъ членъ И. М. Археоло- развѣдки у селеній Кошеля и Берез-
гического О-ва. Сборн. Анучина, М., ники Вольскаго уѣзда. Трд. Сарат.
1913, (353—368, съ фр. рез. 369—370), арх. Ком., Саратовъ, 29, 1912, (93—
27 см.) 107).
- Шкорпиль, Е. В. Отчетъ о раскопкахъ — Раскопки на водяномъ городищѣ.
въ г. Керчи и окрестностяхъ въ 1909 г. Трд. Сарат. арх. Ком., Саратовъ, 32,
Изв. археол. Ком., Спб., 47, 1913, 1912, (145—152 съ 3 рис.).
(1—41 съ 20 рис.).
- Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи Шитниковъ, Ф. Отчетъ о раскопкахъ 36
и въ ст. Таманской въ 1910 г. Изв. кургановъ въ Лужскомъ уѣздѣ. Трд.
археол. Ком., Спб., 47, 1913, (42— Псков. арх. Общ., Псковъ, 9, 1913,
72 съ 1 табл. и 28 рис.). (35—50 съ 12 рис. и 2 план.).
- Щегловъ, С. А. Пѣздка на Ахматское Фоминъ, И. И. Искусство палеолитиче-
городище. Трд. Сарат. арх. Ком., Са- ского періода въ Европѣ. М., 1912,
ратовъ, 29, 1912, (89—92 съ 1 план. (VIII + 66 + 40 съ 40 табл. и 53 рис.),
и 12 рис.) 26 см.

Списокъ періодическихъ изданій, работы изъ которыхъ вошли въ указатель.

- Алтайскій сборникъ. Барнаулъ.
Бѣлорусскій сборникъ. Вильна.
Вѣстникъ Оренбургскаго учебнаго округа. Уфа.
Ежегодникъ русскаго антропологическаго Общества. С.-Петербургъ.
Ежегодникъ Кавказскаго горнаго Общества въ г. Пятигорскѣ. Пятигорскъ.
Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго Музея. Тобольскъ.
Естествознаніе и географія. Москва.
Живая Старина. С.-Петербургъ.
Записки восточнаго отдѣленія Имп. археологическаго Общества. С.-Петербургъ.
Записки Крымскаго Общества естествоиспыт. и любителей природы. Симферополь.
Записки Общества изученія Амурскаго Края. Владивостокъ.
Записки отдѣленія русской и славянской археологій Имп. археологическаго
Общества. С.-Петербургъ.
Записки Ростовскаго на Дону Общества исторіи, древностей и природы. Ростовъ
на Дону.
Записки Уральскаго Общества любителей естествознанія. Екатеринбургъ.
Извѣстія Зап.-Сибирскаго отдѣла Имп. русскаго географическаго Общества. Омскъ.
Извѣстія Археологической Комиссіи. С.-Петербургъ.
Извѣстія Имп. Общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи.
Труды антроп. отд. Москва.
Извѣстія Кавказскаго отдѣла Имп. русскаго географическаго Общества. Тифлисъ.
Извѣстія Общества археологій, исторіи и этнографіи при Казан. унив. Казань.
Извѣстія Общества любителей изученія Кубанской области. Екатеринодаръ.
Извѣстія русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. С.-Петербургъ.
Извѣстія Саранульскаго земскаго Музея. Сарануль.

- Извѣстія Таврической ученой архивной Комиссіи. Симферополь.
Курскій сборникъ. Курскъ.
Матеріалы для описанія русскихъ рѣкъ и исторія улучшения ихъ судоходныхъ
условій. С.-Петербургъ.
Матеріалы къ познанію русскаго охотничьяго дѣла. С.-Петербургъ.
Матеріалы къ познанію русскаго рыболовства. С.-Петербургъ.
Природа. Москва.
Протоколы засѣданій Общества естествоисп. при Имп. Варшав. унив. Варшава.
Протоколы засѣданій Общества естествоисп. при Имп. Казан. унив. Казань.
Протоколы русскаго антропологическаго Общества. С.-Петербургъ.
Русскій антропологическій журналъ. Москва.
Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ.
Сборникъ Музея по антропологии и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. С.-Пе-
тербургъ.
Сборникъ свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ. Ставрополь.
Труды Амурской экспедиціи. С.-Петербургъ.
Труды антропологическаго Общества при Имп. Воен. Мед. Академіи. С.-Петербургъ.
Труды Владимирской ученой архивной Комиссіи. Владимиръ.
Труды Кяхтинскаго отдѣла Имп. русскаго географическаго Общества. С.-Петербургъ.
Труды Оренбургской ученой архивной Комиссіи. Оренбургъ.
Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Варшавскомъ унив. Варшава.
Труды Общества изученія Сибири. Томскъ.
Труды Пермской ученой архивной Комиссіи. Пермь.
Труды Полтавской ученой архивной Комиссіи. Полтава.
Труды Псковской ученой архивной Комиссіи. Псковъ.
Труды Саратовской ученой архивной Комиссіи. Саратовъ.
Труды Ставропольскаго Общества для изученія сѣв.-кавказ. Края въ ест.-истор.,
географич. и антропол. отношеніяхъ. Ставрополь.
Этнографическое Обзорѣніе. Москва.
-

3802

ЕЖЕГОДНИКЪ

Русскаго Антропологическаго Общества

при Императорскомъ Петроградскомъ Университетѣ.

Томъ I, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ, 1904 г.

Цѣна 2р. 50 к.

Томъ II, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ, 1908 г.

Цѣна 2 руб.

Томъ III, подъ редакціей Б. Ф. Адлеръ. С.-Петербургъ, 1909 г.

Цѣна 2 руб.

Томъ IV, подъ редакціей С. И. Руденко. С.-Петербургъ, 1913 г.

Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ V, подъ редакціей С. И. Руденко. Петроградъ, 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ. Н. Могилянскій. Случай микроцефалии. П. Ефименко. Гостенковская палеолитическая стоянка. Д. Золотаревъ. Антропологическія данныя о великоруссахъ южной части Новгородской губерніи. П. Ефименко. Къ вопросу о стадіяхъ каменнаго вѣка въ Палестинѣ. С. Руденко. Размѣры бедра и таза въ пропорціяхъ человѣческаго тѣла. О. Волковъ. Антропологи и ея университетское преподаваніе. А. Носовъ. Къ антропологии монголовъ халхасцевъ. Библиографическія замѣтки.

Цѣна 2 руб.

Томъ VI, подъ редакціей С. И. Руденко. Петроградъ, 1916 г.

Цѣна 4 руб.

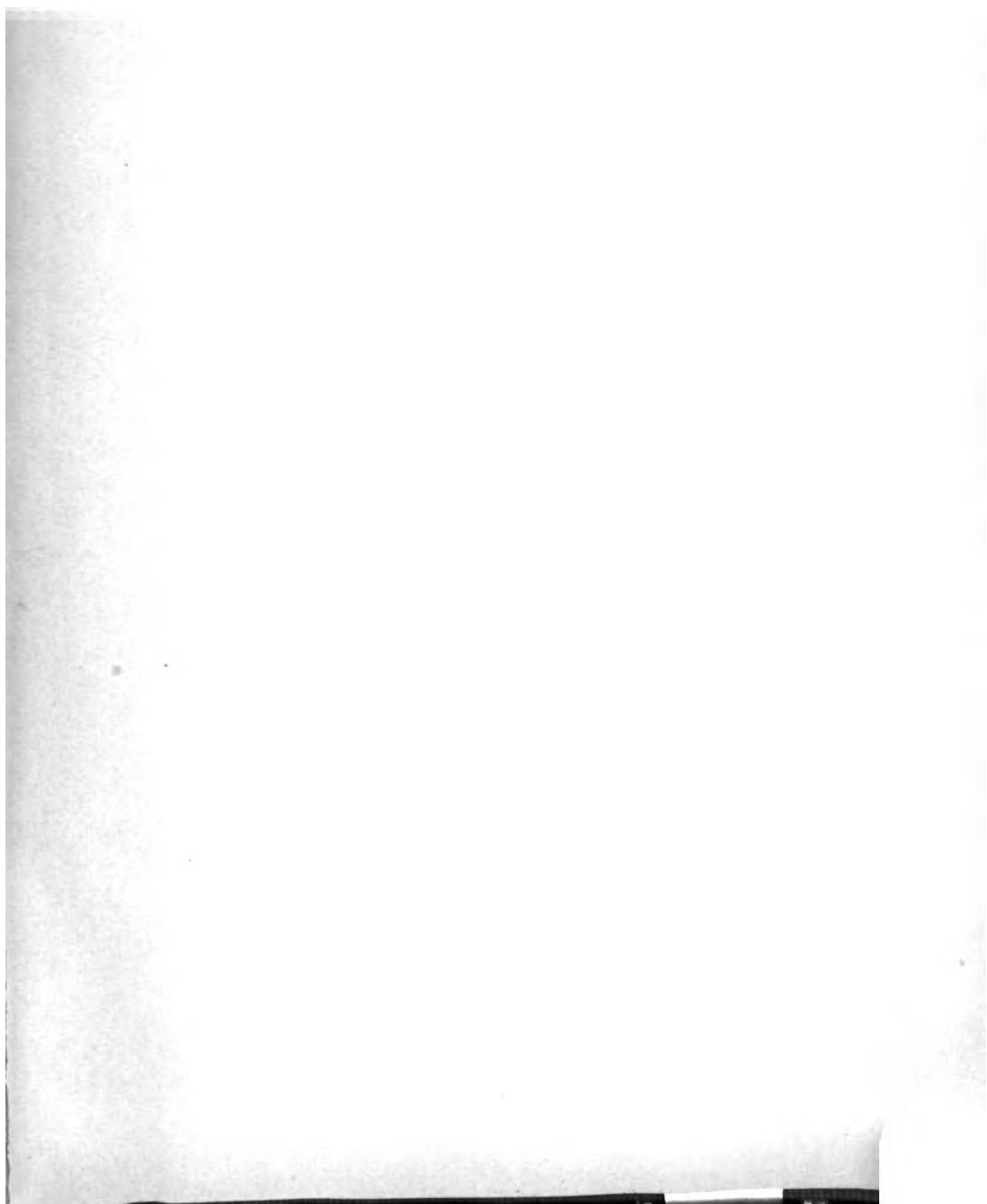
Протоколы засѣданій и отчеты Русскаго Антропологическаго Общества съ 1889 по 1912 гг., вып. I—VIII (кромѣ II-го).

Цѣна каждаго выпуска 80 коп.

Международныя соглашенія для объединенія антропологическихъ измѣреній (съ 9 рис.). Переводъ подъ редакціей О. К. Волкова, изд. Русскаго Антроп. Общ. СПб. 1913 г. Цѣна 50 к.

Съ требованіями обращаться: Петроградъ, Университетъ, въ Кабинетъ Географіи и Антропологи (Вас. Остр., 16 лин., д. 29), Русскому Антропологическому Обществу.

3

7 DAY